КАЗАЧЕСТВО

В ТЮРКСКОМ И СЛАВЯНСКОМ МИРАХ

Казанский федеральный университет

Институт международных отношений

Академия наук Республики Татарстан
Институт археологии им. А. Х. Халикова

Казачество
в тюркском и славянском мирах

Cossacks
in the Turkic and Slavic worlds

Казань
2018

УДК 94(47)-057.36:(271.2+28)
ББК 63.3(2)-283.31:(86.372+86.38)

К 14

Рецензенты:

д. и. н., проф. В. Н. Андреев (Херсонский гос. ун-т, г. Херсон, Украина)
к. и. н., с. н. с. А. А. Ярлыкапов (Центр проблем Кавказа и региональной безопасности МГИМО МИД РФ, г. Москва, РФ)

Редколлегия:

к. и. н., с. н. с. В. В. Грибовский (Институт украинской археографии и источниковедения им. М. С. Грушевского НАН Украины, г. Киев, Украина)
д. и. н., проф. А. М. Дубовиков (Поволжский гос. ун-т сервиса, г. Тольятти, РФ)
д. и. н., доц. И. К. Загидуллин (Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, г. Казань, РФ)
д. и. н., проф. В. И. Мильчев (Запорожский нац. ун-т, г. Запорожье, Украина)
к. и. н. И. А. Мустакимов (Гос. комитет РТ по архивному делу, г. Казань, РФ)
к. и. н., доц. Р.Р. Хайрутдинов (директор ИМО КФУ)
д. и. н., проф. А. Г. Ситдиков (Институт археологии им. А. Х. Халикова АН РТ, г. Казань, РФ)
д. и. н., г. н. с. В. В. Трепавлов (Институт российской истории РАН, г. Москва, РФ)

Авторы:

Р. Р. Аминов, А. В. Беляков, Р. Г. Буканова, Д. С. Вырский, Е. В. Годовова, В. В. Грибовский, И. К. Загидуллин, А. М. Дубовиков, Т. Л. Кузик, Л. М. Маленко (Рощина), В. И. Мильчев, В. Н. Полторак, А. А. Пригарин, Ж. М. Сабитов, Д. В. Сень, А. Г. Ситдиков, В. В. Трепавлов, З. А. Тычинских, А. Т. Урушадзе, Н. А. Халиков, Б. В. Черкас, С. В. Черницын, Т. В. Чухлиб, С. И. Шестакова, В. Б. Яценко

К 14 **Казачество в тюркском и славянском мирах:** колл. монография / отв. ред. В. В. Грибовский, В. В. Трепавлов; Институт археологии им. А. Х. Халикова АН РТ. – Казань, 2018. – 804 с., 48 с. ил.

ISBN 978-5-00130-109-7

Коллективная монография представляет собой первый опыт комплексного описания и изучения тюркского казачества, тюрков-казаков на службе Российского государства, сообществ украинских и российских казаков в их связях и отношениях с тюркскими соседями, представителей тюркских народов в составе казачьих войск Российской империи, тюркских групп со статусом казачьего войска. Исследование охватывает обширное пространство Евразии – степную зону Украины, Северный Кавказ, Поволжье, Южный Урал, Западную Сибирь и территорию Казахстана.

В написании монографии приняли участие исследователи из России, Украины и Казахстана.

ISBN 978-5-00130-109-7 УДК 94(47)-057.36:(271.2+28)
ББК 63.3(2)-283.31:(86.372+86.38)

© Институт международных отношений
© Институт археологии им. А. Х. Халикова АН РТ, 2018

Предисловие

И. К. Загидуллин, А. Г. Ситдиков

Историческая память о казачестве, упраздненном советской властью и возрождающемся в новых общественно-политических условиях на постсоветском пространстве, сегодня ассоциируется с «вольницей», или движущей силой антиправительственных восстаний XVII–XVIII вв., или с иррегулярными частями, защищавшими границы Российской империи.

Появление казачьих сообществ в различные исторические периоды, ограниченные хронологическими рамками их существования, отсутствие взаимодействия между ними и другие факторы способствовали тому, что в современной отечественной науке данная тема изучается по конкретным войсковым территориям. В средневековом, или «дороссийском периоде», истории казачества в силу относительно слабой обеспеченности источниками имеется еще немало «белых пятен», к тому же после распада СССР сюжеты, связанные с государственным строительством украинского казачества, оказались вне интересов российской национальной историографии. В этой связи предлагаемая вниманию читателя книга является продолжением исследований этнических и социально-исторических корней формирования, путей становления, развития и особенностей жизнедеятельности казачества.

По задумке авторов проекта, на основе цивилизационного подхода впервые казачество рассматривается как социальное явление в длительном хронологическом периоде. Синергетический эффект обеспечила кооперация усилий ведущих специалистов России и Украины, многолетними изысканиями которых в региональных центрах были введены в научный оборот новые материалы, существенно расширяющие и порой меняющие сложившиеся представления о социальной организации, жизни и быте казачества, его месте и роли в международных отношениях в степном пограничье. Соединение отдельных локальных историй в единую систему позволило по последним научным достижениям исторических знаний в этой области реконструировать основные вехи истории тюркского и славянского казачества, определить векторы его развития, трансформации. Благодаря теоретическому сущностному анализу, представленному в издании, такой подход основан на оценке универсальности казачества как образа жизни и социального устройства локальных обществ, возникших, как правило, в основе «мужских союзов», становившихся центрами притяжения, сосредоточения и мобилизации пассионарных групп, недовольных порядками, установленными действующими политическими институтами, или отвергнутыми традиционными обществами. В этой связи история казачества яв-

ляется наглядным примером того, как тюркские традиции казакования и степного вождества активно и успешно усваивались и обогащались представителями других этнических групп населения, становясь для них основой социальных отношений с собственной системой ценностей.

На просторах Евразии казакование имеет древнюю историю, однако отсутствие источников позволяет его идентифицировать только начиная с периода Золотой Орды. В исторических источниках сохранились сведения о существовании в годы политической нестабильности маргинальных локальных групп кочевников во главе с лишенными трона чингизидами. В действительности это явление имело более широкую социальную базу и мотивировалось особой позицией или непринятием людьми происходивших изменений в общественно-политической жизни страны.

В средневековье степная приграничная территория благодаря миграционным потокам была местом активных межэтнических контактов тюрков и восточных славян, что приводило к смене вероисповедания и дальнейшим ассимиляционным процессам среди меньших по численности тюркских этнических групп; происходила трансформация этноконфессиональной идентичности и этнической исторической памяти у членов средневековых казацких сообществ. В этой связи уникальный опыт взаимопроникновения культур и традиций в локальных степных обществах – в среде, свободной от многих «вето» и средневековых традиционных ограничений – заслуживает дальнейшего изучения.

Новый образ казачества как политической силы во фронтирной зоне восточноевропейского региона презентует история запорожского казачества, элиты которого, используя противоречия между Речью Посполитой, Россией, Османской империей и Крымским ханством, преодолевая статусную неопределенность в системе международных отношений, стремились сохранить и укрепить свою автономию, лавируя между политическими гигантами.

Факты подданнических отношений отдельных групп запорожского и донского казачества с мусульманскими государствами выявляют новые грани толерантных отношений между христианами, с одной стороны, и Османской империей и Крымским ханством, с другой, – позволяя увидеть истинную мотивацию взаимовыгодного сотрудничества фронтирных элит, в которой религиозная принадлежность отнюдь не имела ключевое значение, и оценить действия мусульманских правителей в отношении свободолюбивого степного воинства с целью использования его боевых навыков и удали в решении своих военно-политических задач.

Термин «казаки» имел множество смыслов, оттенков и полутонов: в позднезолотоордынском политико-административном пространстве казаками назывались воины ханского войска, которые после присоединения тюрко-татарских государств к Московскому государству были инкорпорированы в состав служилых татар; расселенные властями на приграничной территории служилые татары оказались интегрированными в местный военно-

служилый контингент. По мере усиления военной мощи державы, расширения ее границ и влияния на пограничье казачество Дона, Яика и Терека постепенно теряло свой суверенитет. Приметой российского имперского дискурса XVIII–XIX вв. стало создание на приграничных территориях казачьих формирований как механизма инкорпорации новых подданных приграничных территорий в российскую сословную иерархию путем приписки к полупривилегированному военно-служилому сословию с соответствующими преференциями, обеспечивавшими их лояльность к власти.

Присоединение новых территорий поставило на повестку дня необходимость поиска дешевых военных сил по охране расширяющихся и удлиняющихся государственных границ, именно поэтому составной частью административных практик самодержавия явилось «казачье строительство»: наращивание интегрированных в вооруженные силы империи «исторических» казачьих формирований путем приписки податного населения, создание (при необходимости – упразднение) новых иррегулярных частей за счет степного или местного оседлого населения, не имевшего ранее отношения к иррегулярной повинности. В этой связи самостоятельной сюжетной линией в данном издании выступают истории тюрко-татарских иррегулярных частей и тюрко-татарских анклавов в составе казачьих войск, наглядно свидетельствующих о многоконфессиональном и полиэтническом составе российской армии.

Еще одним привлекательным моментом представленных текстов, помимо собственных историй локальных обществ, является возможность по-новому осмыслить протекавшие в степном пограничье военно-политические процессы, определить место и роль казачьих сообществ в событиях, сформировавших политическую карту Восточной Европы.

Стремление полномасштабно раскрыть векторы общественного развития казачества определило структуру нашего труда, в котором в соответствие с концепцией издания специально или по причине отсутствия достаточной научной разработки не затрагивались еще многие стороны межэтнических, хозяйственных, воинских и культурных традиций казачества, которые можно выявить при междисциплинарных изысканиях или поиске новых источников. Возможно, не удалось заинтересовать и привлечь в проект всех потенциальных авторов-специалистов.

Надеемся, что коллективный труд «Казачество в тюркском и славянском мирах» станет заметным вкладом в изучение этой многоплановой темы и будет способствовать усилению интереса научного сообщества и общественности к феномену локальных обществ.

Введение

В. В. Грибовский, В. В. Трепавлов

Идея, положенная в основу этой книги, предполагает комплексное рассмотрение казачества первоначально как феномена тюркского мира XV–XVI вв., а затем и явления, имевшего большое значение в истории Украины, России и Казахстана. К написанию монографии были приглашены исследователи из этих стран – как специализирующиеся на изучении казачества, так и затрагивающие его историю в ходе изучения смежной исторической проблематики. Их локально ориентированные наработки впервые получили общую площадку на страницах настоящего издания. Объединение результатов специальных исследований в одной книге представило широкую панораму истории казачьих сообществ Евразийской степи – от Северо-Западного Причерноморья до Юго-Западной Сибири и Центральной Азии. Это объединение, сохранившее все историко-географические акценты, этнокультурные интенции, особенности понимания терминологии и характер разных исторических школ, к которым принадлежат участники данного проекта, создало принципиально новую исследовательскую ситуацию, позволяющую делать сопоставления, проводить параллели, выстраивать цепочки взаимосвязей и отмечать корреляции на качественно ином уровне, в сравнении с ранее предложенным в литературе.

Исторический феномен казачества в последние десятилетия привлекает пристальное внимание не только историков, но и политиков, политологов, публицистов, литераторов и проч. Это связано с известным процессом возрождения (вернее, попыток возрождения) воинских структур и традиционной культуры казаков, участием их в общественной жизни и – в отдельных регионах – пропагандой героизированного (мифологизированного) образа казака как бесстрашного воина, истинно православного патриота и т. п. Однако при этом полиэтничность казачества XV–XIX вв., участие в его формировании представителей различный этносов, приверженцев разных религиозных воззрений, носителей разных языков и культур, как правило, игнорируется. Это происходит не столько из стремления упростить сложную и интересную историю казачьих сообществ и войск, сколько по причине того, что особенности развития и существования этих специфических социальных образований пока недостаточно изучены. А между тем соседство и взаимодействие казаков с народами и государствами Восточной Европы, Причерноморья, Центральной Азии составляло важную часть истории Евразии на протяжении нескольких столетий.

Предметом нашего рассмотрения стали сообщества, к которым исторически, так или иначе, прилагалось название «казаки». Выявление связи между названием и той особой социальностью, которой оно было адресо-

вано, обозначающим и обозначаемым, составило отдельную задачу данного проекта. Решение этой задачи детализировало структуру предмета, отражающую его изменчивую, фрагментационную и диффузную специфику. Тюркские казаки представлены как первоначальный «пласт», в связи с которым возникали восточнославянские казачьи образования, пребывавшие в сложном взаимодействии с восточноевропейскими государствами. Дальнейшая эволюция последних рассмотрена в контексте территориальной экспансии Российского государства, ставившего их, как и отдельные тюркские общности, в положение военно-служебных групп. Практика называния этих групп «казачьими» была сопряжена с выработкой политико-правового конструкта «казачьего войска», обозначающего особый статус отдельной территории и ее населения. В Российской империи этот статус предоставлялся разнородным этносоциальным образованиям, возникновение которых не было связано с «первоначальным» казачеством, т. е. теми сообществами, складывание которых происходило вне прямой связи с российской государственностью. Кроме того, «первоначальные» восточнославянские казачества (запорожское, донское, терское, яицкое) и позднее созданные на их основе или по их образцу новые казачьи войска включали в свой состав как отдельных представителей, так и целые группы тюркских народов. Отдельный аспект составила характеристика отношений украинских и российских казаков с их тюркскими соседями.

Итак, в структуре предмета выделены: 1) тюркские казаки; 2) тюрки-казаки на службе Российского государства; 3) украинские и российские казачества в их связях и отношениях с тюркскими соседями; 4) тюрки в составе казачьих войск Российской империи; 5) тюркские группы и народы со статусом казачьего войска.

Отмеченная многослойность предмета определила структуру этой коллективной монографии, содержание которой раскрыто в 8 главах и 32 параграфах.

В главе I представлены историография вопроса, современное состояние его разработки и актуализация направлений дальнейших решений. Дана характеристика основных подходов к изучению истории казачества, особенностей национальных и региональных исторических школ в Украине, России и Казахстане, раскрыта сложность взаимовлияния между академическим исследованием истории казачества и политическими идеологиями, отражение этого процесса в массовых исторических представлениях. Особое внимание уделено реконструкциям «первоначального» значения слова «казак», представленным в специальной и общей литературе.

В главе II определяется социальная типология казаков как первоначально бессемейных сообществ, структурированных и функционировавших по принципу мужских союзов: возрастные классы, инициации, сезонные сборы, разнородный состав участников, временные иерархии, при определенных условиях превращавшиеся в основы патрон-клиентского группирования или,

наоборот: институализировавших ежесезонное обновление, предохранявшее от такового. Изложены аргументы, свидетельствующие о том, что блокировка связей с семейным пространством предохраняла отдельные казачьи сообщества от превращения в патрон-клиентскую группировку, как это произошло у запорожских казаков, долее всех сохранявших бессемейность. Показано, что отказ от бессемейности у казаков находился в прямой корреляции с их интеграцией в сословно-властную систему Российского государства; патрон-клиентское группирование, сопутствовавшее этому процессу, канализировалось сословными рангами, предоставляемыми этим государством.

В главе III изложено видение казачества как явления, возникшего в результате деградации политических институтов Монгольской империи и Золотой Орды, тюркского мира постзолотоордынского времени. Представлена аргументация определения азовских казаков как татар Большой Орды, не подчинившихся крымским Гиреям в начале XVI в. Подробно рассмотрено «время казачества» Кучума, последнего сибирского хана, и Малых Ногаев; на этих примерах тюркское казакование показано как состояние вне статуса, непризнанности свергнутого правителя, а также крупного кочевого коллектива, отколовшегося от основной массы своего народа, но сохранившего при этом традиционную социальную структуру и характер кочевой экономики. На примере мещерских казаков представлено формирование отдельной военно-служебной группы Московского государства, состоящей из тюрков и мордвы. Дана характеристика ранних этапов становления украинского и российского казачеств, их места и значения в этнополитическом пространстве восточнославянских народов.

Разработка отдельных аспектов отношений российского и украинского казачеств с Крымским ханством, Османской империей и подчиненными им народами нашла отражение в главе IV. Рассмотрение разнообразных сюжетов событийного порядка вскрыло неоднозначность этих отношений, чередование войны и мира, наличие долгосрочных договорных обязательств и взаимных правил. Изложены аргументы о существовании собственной дипломатической системы в Украинском Гетманате, в которой Бахчисарай и Стамбул до второго десятилетия XVIII в. занимали видное место. В этой связи показан феномен «Ханской Украины», представлявшей собой отдельный украинский район с казацким сотенным устройством, находящийся под османско-крымским суверенитетом.

Глава V отведена для характеристики того, насколько были открыты казачьи войска Российской империи для приема в свой состав представителей тюркских народов. Показано становление группы донских татар в составе Войска Донского, сохранивших свое мусульманское вероисповедание, отдельные особенности быта и обретших полноправное положение, равное всем донским казакам. Меньшую «пропускную способность» демонстрирует пример Уральского (Яицкого) казачьего войска. Формирование отдельных групп татар-казаков в Западной Сибири является примером создания отдельных казачьих единиц российской администрацией по мере

укрепления ее власти в регионе. Полная открытость к приему выходцев из тюркской, адыгской и других кавказских сред показана у Терского казачьего войска. Формирование отдельного «татарского куреня» из ногайцев, вышедших с левобережья Кубани, выявлено у Черноморского казачьего войска. Представлен итоговый обзор этноконфессиональной ситуации российского казачества позднеимперского времени.

В главе VI сосредоточено внимание на отдельных группах тюркских народов, получивших статус самостоятельных казачьих войск Российской империи: башкиро-мещерякского, ногайского, крымско-татарских иррегулярных формирований. Представлен общий обзор казачьих войск Северного Причерноморья и Крыма в конце XVIII – третьей четверти XIX в., составленных выходцами из Османской империи, перешедших в российское подданство, а также бывших запорожцев и других категорий населения Российской империи. Сформулированы доказательства того, что предоставление статуса казачьего войска разнородным сообществам в этом регионе было продиктовано не только военными соображениями, но и мотивами полицейского и общеадминистративного характера, длительным отсутствием возможностей охватить этот регион и его разношерстное население тем порядком, который существовал во внутренних губерниях Российской империи.

Анализу казачьих формирований в Османской империи и Крымском ханстве отведена глава VII. В ней рассмотрены обстоятельства перехода отдельных групп донского и основной массы запорожского казачества из российского в османско-крымское подданство в конце XVII – начале XVIII в., изучена их интеграция в социально-политическое пространство мусульманских государств – относительно успешная для донских казаков-старообрядцев, некрасовцев и в целом безуспешная для запорожцев. Создание османской администрацией «кубанской стражи» из ногайцев и адыгов для защиты крепости Анапа в 1780-е годы представило пример иррегулярного пограничного формирования, аналогичного казачьим войскам Российской империи. Особую новизну рассмотренных вопросов представляет параграф об Османском казачьем войске, принявшем участие в Крымской войне 1853–1856 гг. , сформированном преимущественно из украинцев, русских-старообрядцев и поляков, эмигрировавших в Османскую империю из-за притеснений в Российской империи.

Таким образом, казачество показано не только как явление истории Украины, России и Казахстана, но и как более обширный исторический феномен, пребывавший в сложном переплетении с процессами разного порядка и широким территориальным охватом.

Завершающая глава VIII демонстрирует возможность просопографического и микроисторического измерения анализируемой проблематики. Показаны примеры тюркского казакования – султанов-чингизидов Уруса, Абулхаира, Мухаммеда Шейбани и Хусейна Байкары. Впервые в русскоязычной литературе представлено «хождение за три моря» украинского казака Я. Кимиковского, составившего подробное описание своего уникаль-

ного опыта. И. Чугуевец, потомок ногайских мурз, запорожский писарь, а затем чиновник российской Коллегии иностранных дел, демонстрирует пример долгого странствования другого порядка – через разные этнические и социальные среды, включая и казацкую среду; этот сюжет в русскоязычной литературе также представлен впервые. Случай Якуб-аги, литовского татарина, последнего гетмана ханской Украины, ставшего впоследствии известным российским чиновником Я. И. Рудзевичем, продолжает характеристики статусных «путешествий» того же плана, также затрагивающих казацкий аспект. И, наконец, О. Гладкий – последний атаман Задунайской Сечи, – перешедший с частью украинских казаков-задунайцев из османского в российское подданство, как поздний пример «мерцающих идентичностей» – трудного поиска казаком своего места под солнцем.

Вопросы, поставленные в этой коллективной монографии, получили далеко не исчерпывающие ответы; многие из предложенных выводов являются приглашением для участия в дискуссии по изложенным проблемам и могут служить поводом для дальнейших исследований.

Глава I

Историография истории казачества в аспекте тюрко-славянских взаимосвязей

§ 1. Казачество и его связь с тюркским миром в историографии поздней Российской империи, СССР и постсоветского пространства

В. В. Грибовский

К началу XX в. историческая наука накопила значительный материал о разных аспектах связей и отношений украинских и российских казаков[1] с тюркскими народами. Были введены в научный оборот основные источники о тюркском казачестве и намечены основные направления их интерпретации. Однако сложные идеологические процессы эпохи «массовой политики» неизбежно вели к проекциям, придающим прошлому вид удобного соответствия злободневным потребностям изменчивой современности. Позитивистские теории и практики, создающие однолинейную перспективу видения истории, диктовали избирательное «прочтение» накопленного материала.

Нарративы, созданные С. М. Соловьевым и В. О. Ключевским, закрепили за казаками роль передового отряда русской колонизации, воображаемой как процесс заселения и хозяйственного освоения «пустых» земель. Представление колонизуемых территорий как ничьих, неосвоенных и слабозаселенных соответствовало обычному для того времени пониманию европейской колониальной экспансии как мирового прогресса, торжества «цивилизации» над «дикостью». Оценка казаков в заданной этим нарративом амплитуде колебалась от показателя «плохо», когда речь шла об их анархизме и бунтарстве в кризисные моменты истории Московского государства, до от-

[1] Понятие «российское казачество», указывающее на принадлежность разных казачьих сообществ к России как государству и культурному пространству, представляется более предпочтительным, нежели «русское казачество». Применение последнего направляет национальную проекцию в донациональную эпоху, искажает ее содержание и привносит идеологический импульс в исследование. Термин «украинское казачество» также небезупречен. Но его использование обусловлено бытованием понятия «Украина» во времена этого казачества и в неразрывной связи с ним. Пример тому: «казацкий вилайет Украина» в староосманских источниках (*Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. 2. СПб., 1899. С. 365).

метки «хорошо», по мере их превращения в казачьи войска Российской империи, стоявшие на страже ее границ и внутреннего порядка от внешних и внутренних врагов.

Нарратив колонизации и тюркология

По замечанию А. М. Эткинда, «верные делу русского национализма, ученики Ключевского склонны были недооценивать массовое насилие, которое несли с собой такие формы колонизации»[2]. Вместе с тем для них было характерно и чрезмерное преувеличение конфликтной составляющей в отношениях между казаками и их кочевыми соседями. Сообразуясь с этой моделью, Д. И. Багалей[3] и М. К. Любавский[4] представили запорожское и донское казачества в образе силы, сперва защищавшейся от нападений «татар»[5], а затем «избавлявшей» от них территорию, подготавливая тем самым «крестьянскую колонизацию». Представление о колонизации, появившееся в общем потоке идеологических концептов Российской империи, в дальнейшем дифференцировалось под воздействием этнонациональных процессов, сохраняя при этом свою исходную структуру. В поздних произведениях Д. И. Багалея (1918, 1920)[6] речь шла уже об украинской колонизации – «главном украинском заселении нашей страны», т. е. Украины; в отношении Слободской Украины отмечено: «великорусские поселения […] были только вкраплены среди украинских или гнездами, или стояли одиноко»[7]. В степи же, куда двигались эти два потока колонизации, не было никакого «государства, которое бы владело землей и имело бы свой народ и правительство»[8]. В широкой панораме «заселения и освоения», позднее развернутой М. К. Любавским, предшественниками казаков показаны бродники, выводимые из смешения славянских пришельцев в степной край с местным кочевым населением. «Тот самый процесс, который создавал в домонгольской Руси бродников степей, – утверждал Любавский, – продолжался и с прибытием татар, и позже, в эпоху Московско-

---

[2] *Эткинд А.* Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М., 2016. С. 102.

[3] *Багалей Д. И.* Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М., 1887. С. 135–196, 378–421. *Он же.* Колонизация Новороссийского края и первые шаги его по пути культуры. Исторический этюд. Оттиск из «Киевской старины». К., 1889. С. 20–29.

[4] *Любавский М. К.* Начальная история малорусского казачества // ЖМНП. Ч. ССС. 1895. Июль. С. 231–244. *Он же.* Историческая география России в связи с колонизацией. М., 1909. (Репринт: СПб., 2000). С. 201–212.

[5] Слово «татары» здесь и дальше берется в кавычки в случаях, когда речь идет не о конкретном этносе, а общем названии разных тюркоязычных народов.

[6] *Багалій Д. І.* Історія Слобідської України. Харків, 1993; *Он же.* Заселення південної України (Запорожжя й Новоросійського краю) і перші початки її культурного розвитку. Харків, 1920.

[7] *Он же.* Заселення південної України… С. 21.

[8] Там же. С. 20.

го государства, и создавал донских и днепровских казаков. Эти казаки, как и бродники, в степях братались и соединялись в компании с разными отщепенцами тюрко-татарских орд, называвшихся также казаками, и от них перенимали различные названия, обычаи и знание степей»[9]. Различая в рамках этого процесса складывание «великорусских» (донских) и «малорусских» (днепровских) казаков, М. К. Любавский определил их место в общем движении «вольной народной колонизации», вслед за которой шла территориальная экспансия Московского государства[10].

М. С. Грушевский развил аргументы об отдельной украинской колонизации степного пограничья и поставил в ее авангарде запорожских казаков, наделив их функцией однообразной борьбы против турок и неразличимой массы «татар», прерываемой временным военным сотрудничеством между ними, когда их цели совпадали[11]. Историк запорожского казачества Д. И. Яворницкий, первоначально опекаемый В. О. Ключевским и впоследствии обвиненный в «украинском сепаратизме», в 1901 г. защитил в Казанском университете магистерскую диссертацию[12], в которой изложил оценку отношений казачества с тюркским миром как перманентную конфронтацию. Причину таковой он считал «бедность татар, отвращение их к тяжелому физическому труду и фанатическую ненависть к христианам, на которых они смотрели как на собак, достойных всяческого презрения и беспощадного истребления»[13].

Исследователь кубанского казачества Ф. А. Щербина, наряду с религиозной рознью, якобы определявшей конфликтные отношения славянских казаков с тюркскими народами, отметил и «известные степени культурного состояния у различных народностей. И горцы, и татары одинаково считали военные грабежи обычным способом добывания материальных средств […]. Религиозная ненависть усугублялась экономическими побуждениями […]. С своей стороны русские платили противникам тем же»[14].

Сибирские областники (А. П. Щапов, Н. М. Ядринцев, Г. Н. Потанин) колонизацию понимали иначе, чем С. М. Соловьев и В. О. Ключевский, наделяли ее значением угнетения метрополией колонии, представляли перспективу развития их отношений по аналогии с Великобританией и Северной Америкой и ставили вопрос о региональных идентичностях россиян Сибири, сложившихся под влиянием коренных, прежде всего тюркских на-

---

[9] *Любавский М. К.* Историческая география России… С. 210.

[10] Там же. С. 209–255.

[11] *Грушевський М.* Історія України-Руси. Т. VII. К., 1995. С. 66–102.

[12] *Чернієнко Д. А.* Д. І. Яворницький у Казанському університеті (до 110-річчя захисту магістерської дисертації) // Наддніпрянська Україна: історичні процеси, події, постаті. Дніпропетровськ, 2010. Вип. 8. С. 49–56.

[13] *Яворницький Д. І.* Історія запорозьких козаків. Т. 1. К., 1990. С. 322.

[14] *Щербина Ф. А.* История Кубанского казачьего войска. Т. 1. Екатеринодар, 1910. С. 337.

родов[15]. В меньшем идейном выражении областничество проявилось в «казачьих областях» Дона, Урала (Яика) и Терека, апеллируя к их «полунезависимому историческому прошлому»[16]. Донские областники понятию «колонизация» противопоставили тезис об автохтонности донских казаков, их происхождении от древнего кочевого населения края, смешении с ними славянских выходцев, их разнообразных отношениях с тюркоязычными соседями, не сводимых только к войнам. Е. П. Савельев, представитель этого направления, утверждал о тождестве материальной культуры запорожцев и народов Кавказа, общности их названий (черкасы, черкесы), обособлении азовских и белогородских (аккерменских) казаков в XVI в. от воображаемо монолитной массы «татар» и близости первых к якобы «родственному им по духу православному московскому великому князю»; также отметил тюркские имена первых донских атаманов (Сары-Азман), широкое бытование «татарского языка» у донцов и заимствование многих его слов[17]. Т. е. оправданием для «татарских казаков» в этом ключе исторического воображения служили, во-первых, их отпадение от основной массы «татар», а во-вторых – их воображаемая близость к православию.

Общей чертой литературы по истории казачества конца XIX – начала XX в. было невнимание к происхождению «татар», с которыми сталкивались казаки, незнание их социальной организации, религиозной жизни, мировоззрения и мотивов конкретных действий. Впрочем, тюркологическая литература того времени еще не выработала твердых ответов на эти вопросы. Акцент на конфликтной составляющей в отношениях славянских казаков с тюркскими народами был созвучен традиционным представлениям об ордынском «иге», сложившимся в историографии и массовом сознании[18].

В то время появлялись и единичные публикации, ставившие отдельный вопрос об отношениях казаков и «татар». Так, Л. Львов писал: «близкое их соседство и часто совпадающие интересы издавна заставляли их сближаться, вырабатывать известные формы сношений»; запорожское казачество этот автор определял как «самостоятельную общину, имевшую свою куль-

---

[15] Сибирь в составе Российской империи / авт. колл: И. Л. Дамешек, Л. М. Дамешек, В. П. Зиновьев, А. В. Ремнев, Н. Г. Суворова, В. П. Шахеров, М. В. Шиловский. М., 2007. С. 24–36, 314–326; *Сагалаев А. М., Крюков В. М.* Г. Н. Потанин: опыт осмысления личности. Новосибирск, 1991; *Шиловский М. В.* Ч. Ч. Валиханов и Г. Н. Потанин: трансформация личности в парадигмах фронтира // Степной край Евразии: Историко-культурные взаимодействия и современность: IV Международная научная конференция, посвященная 170-летию со дня рождения Г. Н. Потанина и Ч. Ч. Валиханова: тезисы докладов и сообщений / ред. А. П. Толочко. Омск, 2005. С. 7–15.

[16] *Сватиков С. Г.* Сибирское областничество в XIX в. // Труды IV съезда Русских академических организаций за границей. Ч. 1. Белград, 1929. С. 145.

[17] *Савельев Е. П.* Древняя история казачества. М., 2004. С. 36–37, 177, 188, 401.

[18] *Гальперин Ч.* Татарское иго: образ монголов в средневековой России / пер. М. Е. Копылова; под ред. Ю. В. Селезнева. Воронеж, 2012. С. 16–17.

туру, обычаи и своеобразную жизнь и интересы, не всегда совпадающие с интересами окрестного края, общину, само существование которой обусловливалось существованием Крыма, и понимавшую это, – общину, черпавшую оттуда свою культуру, тактику, даже личный состав и средства к существованию»[19]. Впрочем, эта постановка вопроса не была реализована в конкретных исследованиях того времени.

Важным достижением в изучении происхождения казачества стали переводы на европейские языки, публикация и комментирование источников, содержащих первые фиксации слова «казак», а также изучение фольклорного и лексикографического материала, послужившего основой для этимологических наблюдений[20]. Российский востоковед польского происхождения Ю. Ю. Сенковский представил (1832) трактовку этого слова, ставшую со временем хрестоматийной. В комментарии к труду А. И. Левшина «Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд» он привел данные из сочинения Бабура на чагатайском языке: «казак» со значением «бродяга», «казаклык» – «бродяжничество», что было «заимствовано от образа жизни народа, называемого казаками». Понимание «вольный», выводимое из «бродяжничество», представлено Сенковским в объяснении феномена славянского казачества: «Во времена владычества татар в России – люди вольные из крестьянского сословия называемы были казаками, то есть имеющими право переходить из одной земли на другую, по своему усмотрению. От сего класса людей происходит название казаков запорожских и донских: беглецы из русских владений, поселившиеся на берегах Днепра и Дона, удерживали или присваивали себе имя казаков, то есть людей вольных: иногда их шайки назывались также вольницами, словом однозначущим с именем казак»[21].

Ч. Ч. Валиханов отнес появление тюркского казачества ко времени «распадения Джучиева улуса»[22]. В. В. Вельяминов-Зернов выводил происхождение данного слова, как и обозначаемого им явления, из Средней Азии, обращая внимание на то обстоятельство, что «шайки выходцев или просто казаков, при происходивших в Средней Азии частых неурядицах, могли существовать там всякое время […], но они не успевали приобретать большого значения, или, если приобретали, то ненадолго». Надолго установилось значение подобного объединения под этим названием, которое возглавили изгнанники-джучиды Джанибек и Гирей; они «сумели об-

---

[19] *Львов Л.* Отношения между Запорожьем и Крымом. Одесса, 1895. С. 31, 29.

[20] Фольклористическое и лексикографическое изучение данного явления представлено в публикациях: *Бутков П.* О имени казак // Вестник Европы. № 21. 1822. С. 182–207; *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М., 1956. С. 72; *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1. М., 1958. С. 1174.

[21] *Левшин А.* Описание киргиз-кайсакских или киргиз-казачьих орд и степей. Ч. 2. СПб., 1832. С. 41.

[22] *Валиханов Ч.* Собрание сочинений. Т. 1. Алма-Ата, 1961. С. 130.

разовать из своих казаков одно целое в смысле отдельного народа, который, пройдя несколько веков, удержался до сих пор»[23], т. е. казахов.

Связка значений «бродяга» и «вольный» использована голландским востоковедом М. Т. Хоутсма при пояснении этого слова, содержащегося в «Тюрко-арабском словаре 1245 г.» (доказана его датировка 1343 г.[24]). Предложенное им немецкое соответствие «Landstreicher»[25] (бродяга, скиталец, человек без определенных занятий) разделяли российские востоковеды В. В. Бартольд, А. Н. Самойлович, А. Ю. Якубовский, связанные с М. Т. Хоутсма совместной работой над «Энциклопедией Ислама». В. В. Радлов разбил значения слова «казак» на следующие группы: 1) человек вольный, независимый, искатель приключений, бродяга, разбойник, лихой наездник (тождественно трактовке Сенковского и Хоутсма); 2) этноним (самоназвание казахов); 3) название украинских и российских казаков; 4) название русских на Алтае (поскольку первыми здесь появились российские казаки); 5) неженатый человек, холостяк; 6) безбородый или бритый[26]. Еще одну головоломку составил латинский перевод слова «казак», представленного в публикации «Codex Cumanicus», как «vigil» (караульный, страж) и «excubiae» (охрана)[27].

Предложенные к началу XX в. варианты прочтения этого тюркского слова, их фокусировка на значениях «вольный» и «скиталец», на столетие вперед задали ракурс понимания «изначальных» казаков как людей без статуса, не связанных с определенной территорией и государством, свободных от обязательств перед ним. Это понимание увязывалось с обстоятельствами распада чингизидских государств, их социальных систем и запустения занимаемого ими пространства. Интерпретация этого явления в заданном ракурсе и идеологическом контексте представлений об «освоении запустелых земель» наилучшим образом соответствовала нарративу колонизации и во многом направлялась его логикой.

Период распада Российской империи и возникновения на бывшей ее территории новых государственных образований (1917–1922 гг.) был отмечен множеством разнообразных казачьих «возрождений». Как и «национальные возрождения» того времени, их можно анализировать по схеме Мирослава Гроха: ранее написанные в тиши кабинетов истории казачества

---

[23] *Вельяминов-Зернов В. В.* Изследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 2. СПб., 1864. С. 273–274.

[24] *Flemming Barbara.* Ein alter Irrtum bei der chronologischen Einordnung des Tarǧumān turkī wa ʻaǧamī wa muġalī // Der Islam. B. 44. 1968. S. 226–229.

[25] *Houtsma M. Th.* Ein türkisch-arabisches Glossar. Leiden, 1894. S. 86. Настоящее название рукописи – «Китаб-и маджму’ тарджуман турки ва аджами ва мугали ва фарси» (Сборник толкований тюркских, персидских, монгольских и фарси).

[26] *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. 2. СПб., 1899. С. 364–365.

[27] Codex Cumanicus Bibliothecae ad templum divi Marci Venetiarum primum ex integro edidit prolegomenis notis et compluribus glossariis instruxit comes Géza Kuun. Budapestini, 1880. P. 268.

становились достоянием улицы, вдохновляли культурные, затем политические требования массовых движений, ставивших на повестку дня создание национальных государств. Политической конвертации кабинетных идей содействовало и то обстоятельство, что многие видные историки казачества становились влиятельными политиками[28]. «Сичевые стрельцы», «гайдамацкие курени», «вольное казачество» и другие войска в Украине, противопоставленное им большевиками «червонное казачество», идея «казакийства» (создание государства «казачьего народа» Дона, Кубани, Терека и Яика), всевозможные казачьи формирования Белого движения и всякого рода «республики» и «атаманства» создавались в условиях крайней политизации массовых исторических представлений. Мощный модернизаторский импульс, заданный в тот период, острая активация представлений о героических предках как примера для современных революционных преобразований существенно повлияли на методы и подходы к изучению истории казачества.

Труды по истории казачества, написанные в эмиграции, представляют разные траектории движения, вызванного этим импульсом. Обзоры казачьего прошлого, размещенные в периодических изданиях: «Донская летопись», «Казачий журнал», «Казакия» и др., можно определить как исторические экскурсы, ориентированные на апологию казачьих движений и «республик», уничтоженных большевиками в 1917–1920 гг. Оторванность историков-эмигрантов от архивов и библиотек, содержащих источники и литературу по истории казачества[29], невозможность публичной дискуссии с учеными из СССР, ограничение доступа к советским архивам и сворачивание археографических проектов в 1930-е гг. способствовали консервации ранее выработанных идей и схематизации нарратива.

С. Г. Сватиков, один их самых ярких эмигрантских историков казачества, наделял Войско Донское XVI – начала XVIII в. чертами демократической республики и отдельного государства, хоть и с «примитивными и грубыми формами». Казачий Дон он считал «вольной колонией русского

---

[28] Ф. А. Щербина был председателем «Думской казачьей фракции» (*Братолюбова М. В.* Казачья фракция в российском парламенте начала XX в. и вопросы автономизма // Studia Culturae. Вып. 1 (27). С. 178), С. Г. Сватиков – комиссаром Временного правительства, затем сотрудником Отдела пропаганды генерала А. И. Деникина (*Маркедонов С. М.* С. Г. Сватиков – историк и общественный деятель. Ростов-на-Дону, 1999), М. С. Грушевский – главой Центральной Рады Украинской Народной Республики. Идеологические веяния, охватившие, в частности, Область Войска Донского в начале XX в., вполне могут быть охарактеризованы как национализм (*Корниенко Б.* Правый Дон: казаки и идеология национализма (1909–1914). СПб., 2013).

[29] В 1925 г. украинский историк-эмигрант В. А. Биднов писал из Праги в Екатеринослав Д. И. Яворницкому, сетуя на отсутствие здесь литературы по истории казачества и прося прислать ранее изданные книги (Епістолярна спадщина академіка Д. І. Яворницького / упор.: С. В. Абросимова та ін. Вип. 2. Дніпропетровськ, 1999. С. 47).

народа», которая изначально не была провинцией России. Общую организующую цель Войска Донского полагал в необходимости сплоченной борьбы с турецкой крепостью Азов и «татарским “азовским казачеством”»[30]. Как и сибирские областники, С. Г. Сватиков рассматривал проблему колонизации по американскому примеру обособления колонии от метрополии, несмотря на их общий этнический состав. По той же аналогии он находил в казачьем кругу своеобразный парламент, «общее народное собрание», имевшее «суверенную, верховную власть в Донской республике»[31]. Отношения Войска Донского с Крымским ханством и турецкой крепостью Азов С. Г. Сватиков наделял чертами межгосударственных, сохраняемых вплоть до последней трети XVII в., вопреки запрету московского правительства[32]. Среди «свободных граждан Донской республики», преимущественно «выходцев из Великороссии», исследователь выделил «татар», отметил их изначальное жительство на Дону, а также свободный прием мещерских казаков, беглецов из Крыма и Ногайской Орды, калмыков и представителей других народов, их особые вольные поселения. Подчеркивая веротерпимость и отсутствие ксенофобии в Войске Донском, С. Г. Сватиков указал на быстроту процессов ассимиляции, русский характер мировоззрения всех донских казаков, вопреки их неоднородности[33]. Таким образом, отдаляя Дон от России в политическом отношении, этот автор вписывал его в общерусский национальный и культурный контекст, выделяя внутри него симбиозные, переходные и автономные формы.

В отличие от нарратива колонизации, созданного С. М. Соловьевым и В. О. Ключевским, «областническая» перспектива, развиваемая С. Г. Сватиковым, с ее сибирско-американскими параллелями, не предполагала жестких культурных, языковых, бытовых и прочих границ между «колонистами» и «туземцами». Отсутствуют в ней и утверждения о религиозной или экономической обусловленности антагонизма между казаками-христианами и тюрками-мусульманами, их принадлежности к враждебным мирам, что характерно для многих последователей В. О. Ключевского. Эти черты сближают данную перспективу с теоретическим осмыслением Американского Фронтира как «плавильного котла», в котором пришлые европейцы абсорбируют отдельные элементы аборигенной культуры, вырабатывают новую идентичность и противопоставляют ее своей метрополии. Конечно, тексты С. Г. Сватикова не обнаруживают знакомства с трудами Ф. Дж. Тернера, его классическим «тезисом» об Американском Фронтире. Но интерес этого историка казачества к идеям сибирских областников[34], сравнивавших Сибирь

---

[30] *Сватиков С. Г.* Донской войсковой круг // Донская летопись. № 1. 1923. С. 169–170.

[31] Там же. С. 170.

[32] Там же. С. 180–181.

[33] *Он же*. Россия и Дон. Вена, 1924. С. 22–23.

[34] *Он же*. Сибирское областничество в XIX в. // Труды IV съезда Русских академических организаций за границей. Ч. 1. Белград, 1929. С. 145–146.

и Северную Америку, приводил к той же логике. К этой же логике на рубеже XX–XXI вв. пришли постсоветские историки, примерявшие понятие «фронтир» к истории Сибири, Дальнего Востока и Евразийской степи, допуская тот же модернизаторский «параллакс», что и С. Г. Сватиков в своих трактовках «Донской республики» и ее «свободных граждан».

Между «колонизацией», «феодализмом» и «турецко-татарской агрессией»

Первое поколение советских историков активно внедряло в исследование степных обществ понятие «феодализм», призванное покончить с их этнографической дескрипцией в духе науки позднеимперского времени. Востребованность этого понятия была обусловлена марксистским обоснованием социальных преобразований в СССР, представляемых в виде процесса закономерной смены общественно-экономических формаций – перехода от капитализма или, применительно к «народам Востока», феодализма к социализму. М. Н. Покровский, лидер этого поколения, выступая на Всесоюзной конференции историков-марксистов в 1928 г., призвал к тому, чтобы на смену системе организации исследований в дореволюционной России, которая основывалась на изучении истории «инородцев» «заслуженной» петербургской профессурой (выезды в экспедиции), пришли местные кадры из тех же «инородцев». На них возлагалась задача совершить историографический прорыв «от летописей» сразу к «марксистской истории», минуя стадию «буржуазной» науки[35]. До начала 1930-х годов идеи М. Н. Покровского определяли поиск новых концептуальных решений в исследовании прошлого народов СССР. Созданная им теория «торгового капитала»[36] была нацелена на разрушение идеологических обоснований экспансии Российской империи и выявление колонизаторской подоплеки ее владычества в «национальных окраинах». Успех экспансии российского «торгового капитала» М. Н. Покровский объяснял тем, что ему противостояли отсталые феодальные общества[37].

Будучи учеником и критиком В. О. Ключевского, он сохранил «родимые пятна» дореволюционной историографии. Они проявились в двойственном понимании колонизации – и как прогрессивного наступления «культуры» на «дикость», и как национального угнетения. Эта эклектическая двойственность дала о себе знать в рассмотрении казаков, с одной стороны, в роли авангарда «народной колонизации», «мелких землевладельцев-хуторян», носителей «буржуазной собственности», «революционного элемента», выступившего против польских и литовских феодалов[38], а с другой – представила их в образе докапиталистической «дикости». Конф-

---

[35] *Покровский М. Н.* Избранные произведения. Кн. 4. М., 1967. С. 445.
[36] *Он же.* Русская история с древнейших времен // Избранные произведения. Кн. 1. М., 1966. С. 518–545.
[37] Там же. С. 496–517.
[38] Там же. С. 453, 472, 481.

ликт запорожцев с польскими властями показан в виде «спора», шедшего между «культурой» и «дикостью», «*двумя ступенями культуры*: к северу от порогов [Днепра] была уже полукапиталистическая Европа XVI века, к югу процветали нравы времен Святослава Игоревича. Стремление подчинить Запорожье государственной опеке и прекратить губившее польскую торговлю пиратство (нападения запорожцев на османские и крымские владения. – *В. Г.*), с одной стороны, стремление не допустить этой опеки и обеспечить за собой "национальный промысел" – с другой, составляют исходную точку всех столкновений Польши с Запорожьем», – утверждал М. Н. Покровский[39]. Казачьи сообщества Днепра, Дона и Яика он считал однотипными: «Что было на Дону, то было и на Днепре […]. "Черкасские" (украинские. – *В. Г.*) казаки, городовые и запорожские, были родными братьями великорусских казаков "верховых" и "низовых". И тут и там экономической основой было промысловое хозяйство: охота, рыболовство и в очень большой степени бортничество»[40].

Как и В. О. Ключевский, М. Н. Покровский не проявлял особого интереса к тюркским народам и воображал их в виде размытого фона для магистральной линии своего нарратива. Включенное в эту магистраль казачество наделялось той же ролью, что и европейские колонисты, злоупотреблявшие своим техническим превосходством над аборигенами: «Грабежи татарских стад […], а в более удачных случаях "лупление" и соседних турецких городков входили в круг обычных промыслов в южнорусской степи точно так же, как грабежи туземцев в круг "промыслов" южноафриканских»[41]. Но это непостижимым образом не мешало запорожцам заключать союзы с крымскими татарами и совместно с ними выступить против Польши в 1648 г., щедро расплачиваясь украинским «ясырем»[42].

За историю тюркских народов, оказавшуюся на задворках нарратива М. Н. Покровского, брались его последователи. Предложенное им объяснение экспансии российского «торгового капитала» на «отсталый феодальный Восток» воспроизводилось в публикациях А. Е. Мачанова, В. А. Вишневского, А. Б. Варнеке, представивших первые марксистские интерпретации истории крымских татар и ногайцев[43]. Похожие тезисы, но уже в ином терминологическом выражении изложил С. В. Бахрушин в 1932 г.[44] Впрочем, никаких новых идей и концептуальных решений о связях и отношениях

---

[39] Там же. С. 482.

[40] Там же. С. 470.

[41] *Он же.* Русская история с древнейших времен. Кн. 1. С. 472.

[42] Там же. С. 489–490.

[43] *Мачанов А. Е.* Борьба царской России за обладание Крымским ханством. Симферополь, 1929; *Вишневский В. А.* Феодализм в Крымском ханстве. М., 1930. *Варнеке О.* До соціяльно-економічної історії таврійських ногайців // Східній світ. № 3 (9). 1929. Харків. С. 137–146. *Он же.* Клясова боротьба серед ногайців на початку XIX ст. // Східній світ. № 3 (12). 1930. Харків. С. 157–162.

[44] *Бахрушин С. В.* Основные моменты истории Крымского ханства // Материалы по истории и этнографии Таврии. Симферополь, 1993. Вып. 3. С. 320–339.

казачества с тюркским миром эти авторы, увлеченные новизной выявления феодализма на «Востоке», не представили. Литература по истории тюркоязычных народов, в значительном количестве появлявшаяся в 20-е и начале 30-х годов XX в., очень слабо повлияла на изучение истории украинских и российских казаков.

Вдохновленные идеями М. Н. Покровского историки казачества, со своей стороны, также оказали минимальное воздействие на тюркологию. Накопленный к тому времени материал даже вне связи со специальными тюркологическими аспектами со всей очевидностью вскрыл огромное значение тюркского фактора в становлении славянских казачеств и большую долю «татар» в их составе[45]. Историк донского казачества Н. Л. Янчевский сделал попытку объединения идей Покровского с подходом сторонников «автохтонной теории». Из его умозрительного синтеза выходило, что Войско Донское возникло в результате смешения выходцев из России с местными «татарскими казаками». Но по мере усиления влияния Московского государства донские казаки превращались в орудие колониальной политики его «торгового капитала» (особенно на Северном Кавказе), теряя прежнюю свободу и возможность самостоятельного государственного развития; Войско Донское превращалось в колонию[46]. Для Н. Л. Янчевского также характерно двойственное понимание колонизации, разделение ее на военный (захватнический) и мирный (земледельческий) типы. Разрастание территории Войска Донского в XVII–XVIII вв., как он отметил, происходило за счет вытеснения ранее кочевавших здесь ногайцев[47].

Украинские историки М. Е. Слабченко[48] и Н. Д. Полонская-Василенко[49] использовали терминологию М. Н. Покровского для обоснования собственного тезиса о буржуазно-демократическом пути развития украинского казачества, прерванного вмешательством московского «торгового капитала». В частности, М. Е. Слабченко (1929) характеризовал тюркских соседей запорожских казаков с отчетливым европоцентричным акцентом:

---

[45] *Тхоржевский С.* Донское Войско в первой половине XVII в. // Русское прошлое. Вып. 3. 1923. С. 9–22; *Томсинский С. Г.* Очерки истории феодально-крепостнической России. М.; Л., 1934. С. 137.

[46] *Янчевский Н.* Колониальная политика на Дону торгового капитала Московского государства в XVI–XVII вв. Ростов-на-Дону, 1930; *Он же.* Разрушение легенды о казачестве. Краткий очерк истории колониальной политики на Дону, в связи с эволюцией аграрных отношений. Ростов-на-Дону. 1931.

[47] *Он же.* Разрушение легенды о казачестве… С. 35.

[48] *Слабченко М. Е.* Хозяйство Гетманщины в XVII–XVIII столетиях. Т. 2. Одесса, 1922. С. 5–6. *Ясь О.* Україна-Гетьманщина у світлі теорії «єдиного процесу» Михайла Слабченка // Українська держава другої половини XVII–XVIII ст.: політика, суспільство, культура. К., 2014. С. 650.

[49] *Швайба Н. І.* Постать Петра Калнишевського в українській історіографії 1920 та 1930-х років // Козацька спадщина. Альманах Нікопольського регіонального відділення НДІ козацтва Інституту історії України НАН України / ред. В. В. Грибовський. Вип. 3. Дніпропетровськ, 2006. С. 176–181.

«от заброшенного на край света крымского ромба (Крымского полуострова. – *В. Г.*) тянулись […] долгие, беспорядочные татарские орды»[50]. Однако анализ имущественных отношений у запорожцев не обошелся у него без экзотических понятий: «татарская система собственности» и «мусульманский феодализм»[51], в чем содержался намек на воздействие неких «восточных» правовых институтов. Эта неуклюже обозначенная проблема культурной диффузии не получила даже поверхностной проработки в трудах данного исследователя, как и не было им дано определение «мусульманского феодализма».

Формирование Казакской АССР в 1925 г. (с 1936 г. – Казахская ССР) активизировало изучение проблемы происхождения тюркского казачества и превращения слова «казак» в этноним, а затем и название новой «социалистической нации» – казахов. Возникновение официального этнонима «казаки», как отметила Г. Ф. Благова, «не замедлило сказаться на статусе имени русских казаков – в качестве литературной нормы рядом со стабильным ударением на втором слоге утверждаются формы с перемещенным ударением, которые еще в конце прошлого века характеризовались как принадлежащие говору оренбургских казаков: *казакú, -óв*»[52]. Все это требовало научного объяснения. «Школа Покровского» ничего не предложила для решения данной проблемы; прорыв «от летописей» сразу к «марксистской истории» становился все менее очевидным. Новые аргументы представила «старая профессура», развивая трактовку слова «казак», устоявшуюся на рубеже XIX–XX вв.

В. В. Бартольд настаивал на датировке возникновения тюркского казачества XV в.[53] В словарной статье для «Энциклопедии Ислама» появление данного феномена он увязал с условиями распада чингизидских и тимуридских государств, однако допускал бытование обозначающего это явление слова и в IX в. Для XV в. востоковед выделил две группы значений: 1) незаконные претенденты на престол, «которые не желали подчиниться своей судьбе и во главе своих сторонников вели жизнь искателей приключений» и 2) «часть народа, которая отделялась от своих государей и соплеменников». Пример тому – покинувшие хана Абулхайра «узбек-казаки или просто казаки»; это «обозначение их потомки сохранили до сих пор как название народа» – казахов. В. В. Бартольд обратил внимание на синхронное появление слова «казак» в Средней Азии и Восточной Европе в XV в. Среди

---

[50] *Слабченко М.* Паланкова організація Запорозьких Вольностей // Адміністративний устрій Південної України (середина XVIII – перша половина XIX століття) / упор.: А. Бойко та ін. / Джерела з історії Південної Ураїни. Т. 1. Запоріжжя, 2005. С. 411.

[51] *Он же*. Соціально-правова організація Січі Запорозької // Праці комісії для виучування історії західноруського і українського права. К., 1927. Вип. 3. С. 258.

[52] *Благова Г. Ф.* Исторические взаимоотношения слов *казак* и *казах* // Этнонимы. М., 1970. С. 155.

[53] *Бартольд В. В.* Улугбек и его время. Петроград, 1918. С. 90.

первоначальных его значений в России отметил: «человек без семьи и имущества, даже когда он не вел бродячей или разбойничьей жизни»; позднее же это слово приобрело «исключительно военное значение»[54].

А. Н. Самойлович подытожил филологические и фольклористические наблюдения над словом «казак» в отдельной публикации (1927), рассмотрев его в перспективе (ретроспективе) становления «национального имени коренного населения Казакстана». Анализируя ранние фиксации этого слова, ученый обратил внимание на его расположение в «Тюрко-арабском словаре» 1343 г. после вокабулы «öjlÿ» – «женатый, семейный, имеющий дом» и перед глоссой «баштак» – «не имеющий семьи и прочего, сам по себе». Однако из этого последовал традиционный вывод о первоначальном смысле слова «казак»: «бездомный, скиталец». А. Н. Самойлович также высказал сомнения в том, что этимология данного слова может существенно прояснить обозначаемое им явление, поскольку «это слово имело нарицательное значение в турецких диалектах до образования казацкого государственного объединения XV века»[55], т. е. Казахского ханства.

Казахстанский ученый М. Т. Тынышпаев тоже сомневался в том, что этимологические упражнения могут дать «хоть намек на происхождение народа»; они «только запутывают вопрос» и множат «разные несуразности»[56]. Вытеснение соционима этнонимом, производимое данным исследователем, приводило все к той же модернизаторской подверстке, привносящей образы современных явлений в прошлое и подменяющей его содержание. Отмечая близость явлений, обозначаемых словами «алаш» и «казак»[57], подтвержденную позднее[58], М. Т. Тынышпаев (член «Алаш Орды» в 1917–1920 гг.) неоправданно этнизировал их. В итоге же заключил, что в тюркоязычных источниках «киргизы названы казаками не потому, что они были разбойники, бродяги, вольны и т. д.; и комментаторы просто введены в заблуждение кем-то». «Искать значение слова “казак” так же бесполезно, как и попытка найти значения слов – русский, араб, француз, англичанин и т. д.[59]», – таков его общий вывод.

---

[54] *Он же.* Статьи из «Энциклопедии Ислама» // Сочинения. Т. 5. М.: Наука, 1968. С. 535.

[55] *Самойлович А.* О слове «казак» // Казаки: антропологические очерки. Материалы особого комитета по исследованию союзных и автономных республик / под ред. С. И. Руденко. Вып. 2. Л., 1927. С. 9–10.

[56] *Тынышпаев М.* Материалы к истории киргиз-казакского народа. Ташкент, 1925. С. 31.

[57] Там же. С. 35.

[58] *Зуев Ю. А.* О формах социальной организации кочевых народов Центральной Азии в древности и средневековье: пестрая орда, сотня (Сравнительно-типологическое исследование) // Военное искусство кочевников Центральной Азии и Казахстана (эпоха древности и средневековья): сб. ст. / под ред. Н. Ж. Шахановой. Алматы, 1998. С. 191.

[59] *Тынышпаев М.* Материалы к истории киргиз-казакского народа. С. 41.

А. П. Чулошников представил отдельное видение происхождения и эволюции тюркского казачества. Основываясь на дореволюционных публикациях и трактовках (прежде всего, В. В. Вельяминова-Зернова), он утверждал, что казаки первоначально составляли «шайки вольных людей», бежавших от властителей кочевых ханств. Образование Казахского ханства выведено им от «протестующей узбецкой вольницы» (ушедших из Узбекского ханства кочевников), которая «сразу же стала естественным привлекающим магнитом всех недовольных и будирующих элементов степи». Эта «вольница» «составила ядро нового кочевого об'единения», что привело к «необходимости и возможности выдвинуть из своей среды особую ханскую власть, и гонимые Джучидские султаны Гирей и Джанибек, вставшие во главе первой эмиграции, были не более, как простые и фактические ее руководители». В то время, когда «все было в движении, одни роды сменяли другие, отдельные аулы соединялись друг с другом и образовывали новые роды», т. е. в условиях «слабости всех общественных связей», именно это «ядро» перестроило кочевые группы в новую общность с новым и прочным названием – казаков (казахов)[60]. Но как же было устроено это «ядро», как оно функционировало, и с каким именно социальным институтом его можно связывать – эти вопросы не были поставлены данным исследователем.

В начале 1930-х годов академическое сообщество СССР оказалось в изоляции от мировой науки. Сталинский террор нанес разрушительный удар по изучению истории казачества и тюркологии, как и по многим другим научным направлениям. По сфабрикованным обвинениям в национализме, черносотенстве, пантюркизме, фашизме и пр. были репрессированы многие яркие представители национальных и региональных исторических школ. Разгром «школы Покровского» положил конец смелому экспериментаторству с марксистской теорией и построению учеными собственных концепций. На смену относительной академической свободе пришли тоталитарный контроль, господство идеологических штампов и громкие кампании шельмования «отщепенцев». Теория «закономерного» чередования пяти общественно-экономических формаций, разработанная советским востоковедом В. В. Струве и заявленная в его программном выступлении 1933 г.[61], стала общеобязательной. С этого момента казачьи сообщества рассматривались исключительно как феномен «эпохи феодализма», а их тюркские соседи попадали в «объектив» исторического нарратива через еще более плотный понятийный «фильтр»: «турецко-татарские» и другие «феодалы», толкавшие эксплуатируемые ими «народные массы» к бесконечной агрессии до тех пор, пока Российское государство не покончило с этим.

В 1930-е годы было положено начало гигантскому телеологическому нарративу, располагавшему факты в том порядке, который «закономерно»

---

[60] *Чулошников А. П.* Очерки по истории казак-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен. Ч. 1. Оренбург, 1924. С. 102–103.

[61] *Никифоров В. Н.* Восток и всемирная история. М., 1977. С. 16.

вел «исторический процесс» к советскому строю и обусловливал его незыблемость. Идеологическая подверстка, смешавшая исследовательские задачи историка с целями современной политики, наложила сильный отпечаток на представления об этнических и социальных процессах на степном порубежье XV–XVIII вв. Сама постановка вопроса о влиянии тюрок на славян отвергалась как «реакционный» диффузионизм. Причины возникновения украинского и российского казачеств выводились из сугубо внутреннего развития восточнославянских народов. Социальная типология казачьих сообществ определялась в рамках феодальной общественно-экономической формации и образе «очага» антифеодальной борьбы («крестьянско-казацкие восстания» и «крестьянские войны»). Основным источником пополнения казачества были признаны крестьяне, бежавшие от феодального гнета из центральных районов на степную периферию[62]. Значение тюркского фактора в возникновении славянских казачеств сводилось на нет. Утверждениям о тюркских корнях феномена казачества была противопоставлена «бродницкая» и «тмутараканская» гипотезы, выводящие украинских и российских казаков от славянского населения приазовских степей домонгольского времени[63].

Под воздействием «риторики пропаганды военного времени» представления о степном пограничье XV–XVIII вв. густо обросли коннотациями, производными от опыта первой половины XX в., – «линии фронта», якобы разделявшей извечно враждебные миры. Идеологические клише: «героическое сопротивление народных масс иноземной агрессии», «партизанская борьба» и т. д.[64] редуцировали весь спектр исторических отношений народов, находившихся в составе СССР, с иностранными государствами и их народами («борьба» против польской, шведской, турецко-татарской и пр. агрессий) в бинарные оппозиции нарратива о «вековом братстве» и «вековой вражде», затребованного политико-идеологической практикой текущего момента. История крымских татар, репрессированных в 1944 г., освещалась крайне негативно и сводилась к образу перманентных набегов. Все степное пространство Восточной Европы XV–XVIII вв. рас-

---

[62] *Пионтковский С.* Маркс, Энгельс и Сталин о крестьянских войнах // Историк-марксист. 1933. № 6 (34). С. 80–119; *Мавродин В. В.* Советская историческая литература о крестьянских войнах в России XVII–XVIII веков // ВИ. 1961. № 5. С. 24–47.

[63] *Козловский И. Л.* Тмуторокань – Таматарха – Матарха – Тамань // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Т. 2. Симферополь, 1928. С. 58–76. *Мавродин В. В.* Славяно-русское население Нижнего Дона и Северного Кавказа в X–XIV вв. // Ученые записки Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена. Факультет исторических наук. 1938 Т. 11. С. 7–49; *Волынкин Н. М.* Предшественники казачества – бродники // Вестник Ленинградского университета. 1949. № 8. С. 55–62.

[64] *Яковенко Н.* Паралельний світ. Дослідження з історії уявлень та ідей в Україні XVI–XVII ст. К., 2002. С. 350–351.

сматривалось как в буквальном смысле «Дикое Поле», не имевшее постоянного населения до появления здесь украинских и российских казаков, а затем крестьян[65].

На выработку подобных представлений продолжали влиять труды С. М. Соловьева и В. О. Ключевского, не только не попавшие под цензурное ограничение, но и неоднократно переиздаваемые в советское время. В советском историческом нарративе со второй половины 1930-х и до конца 1980-х годов казаки оставались в роли авангарда «народной колонизации»[66]. Их оценки в рамках этой роли сместились к отметке «хорошо» в отношении фактов бунтарства и разрушения государственного порядка и показателя «плохо», когда речь шла о превращении казачества в охранительную силу самодержавия.

Представления о степном пограничье как «линии фронта» получили завершенный вид в монографии А. А. Новосельского «Борьба Московского государства с татарами в XVII веке» (1948). На огромном материале центральных архивов этот исследователь показал отношения между российскими казаками и их тюркскими соседями как непрерывную череду военных конфликтов, в которых первым отводилась роль активной обороны, а вторым – постоянного нападения. Понятие «борьба с татарами», концептуально проведенное через все исследование, представлялось А. А. Новосельскому и общегосударственным, и общенародным делом. Деятельность казачества отнесена им ко второму аспекту, чем объяснены частые случаи расхождения позиций правительства и казачества в отношении направлений этой «борьбы». А. А. Новосельский отследил систематическое поощрение Москвой походов донских казаков на ногайцев и категорический запрет нападать на османские владения во времена мира Московского

---

[65] *Гуслистий К.* Нариси з історії України. Вип. 2. Україна під литовським пануванням і захоплення її Польщею (з XIV ст. по 1569 р.). К., 1939. С. 130, 145; *Голобуцкий В. А.* Запорожское казачество. К., 1957. С. 165–193; *Апанович Е. М.* Запорожское войско, его устройство и боевые действия в составе русской армии во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг.: дис. ... к. и. н. Киев: Центральный государственный исторический архив УССР, 1949. *Она же.* Запорізька Січ у боротьбі проти турецько-татарської агресії. К., 1961; *Проштейн А. П.* Земля Донская в XVIII в. Ростов-на-Дону, 1961. С. 23, 25–26 и др. *Мохов Н. А.* Очерки истории молдавско-русско-украинских связей (с древнейших времен до XIX века). Кишинев, 1961. С. 83.

[66] В этой связи необходимо отметить труды В. П. Загоровского, обосновавшего вывод о том, что «вольная народная колонизация» предшествовала государственному «освоению» степи, где «практически не было туземного, нерусского населения» (*Загоровский В. П.* Общий очерк заселения и хозяйственного освоения южных окраин России в эпоху зрелого феодализма (XVI – начало XVIII века) // История заселения и хозяйственного освоения Воронежского края в эпоху феодализма. Воронеж, 1987. С. 4). «Умный и трудолюбивый народ находил лучшие способы борьбы с грабителями-татарами и умело применял их на практике», – писал этот автор в монографии о Белгородской засечной черте (*Он же.* Белгородская черта. Воронеж, 1969. С. 290).

государства и Турции. По определению исследователя, донцы в 1630-е годы «видели начало всего зла в азовцах и считали невозможным достигнуть решительного результата в борьбе с ногаями без захвата Азова […]. Но борьба за Азов неминуемо превратилась бы в войну с Турцией, что означало бы изменение всей внешней политики Московского государства. Казачество не могло так широко взглянуть на дело и отрешиться от своих местных интересов»[67]. Этот вывод оправдывал неучастие Москвы в захвате турецкой крепости Азов донскими и запорожскими казаками в 1637 г. и ее обороне до 1642 г. Т. е. автор не был на стороне самодеятельности «народа», при всем его идеологическом прославлении, что также следует считать чертой сталинского времени. В активности казаков он четко различал «случайные эпизоды казачьей предприимчивости, походы за “зипунами”» и «систематические и планомерные боевые действия, связанные со всем ходом борьбы Московского государства с татарами»[68].

Отдельную статью А. А. Новосельский посвятил «совместной борьбе русского и украинского народов против турецко-татарских захватчиков»[69], по случаю «300-летия воссоединения Украины с Россией»[70]. В этой публикации приведено меньше архивных данных, а идеологический догматизм и обнажение риторики пропаганды времен Второй мировой войны доведены до крайности. Схематический телеологизм, направляемый частым цитированием И. В. Сталина, был неизбежен для всех публикаций того «юбилейного года». Та же стилистика формулировок и направленность выводов прослеживается в коллективной монографии, изданной по тому же случаю Академией наук УССР. Ее первый раздел имел название: «Борьба украинского народа против иноземных поработителей за воссоединение с Россией в XVI – первой половине XVII вв.» (К. Г. Гуслистый); здесь враждебные силы были представлены «польскими и турецко-татарскими феодалами». Завершал монографию сугубо идеологический текст: «Триста лет общей борьбы и общих побед русского и украинского народов» (А. Д. Ярошенко), объявлявший финальной целью этой борьбы «Октябрьскую революцию» и создание СССР[71].

Тем не менее, монография А. А. Новосельского до сих пор сохраняет большое научное значение, в т. ч. и для изучения истории тюркских народов Нижней Волги, Южного Урала, Северо-Западного Казахстана, Северного Кавказа и Северного Причерноморья. Ее автор основательно отследил

---

[67] *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами в XVII веке. М.; Л., 1948. С. 237–238.

[68] Там же. С. 239.

[69] Здесь очевиден намек на устойчивое словосочетание: «немецко-фашистских захватчиков».

[70] *Он же.* Совместная борьба русского и украинского народов против турецко-татарских захватчиков // Доклады и сообщения Института истории АН СССР. Вып. 2. М., 1954. С. 14–25.

[71] Визвольна війна 1648–1654 рр. і возз’єднання України з Росією / ред. В. А. Дядиченко, О. К. Касименко, Ф. П. Шевченко. К., 1954. С. 7–70, 271–306.

миграции ногайцев в ходе распада Ногайской Орды во второй половине XVI – первой трети XVII в., возникновение ногайских территориальных объединений в Приазовье и Северо-Западном Причерноморье, общий ход столкновений казаков и их тюркских соседей[72]. Исследование А. А. Новосельского показало, что украинские и российские казаки имели дело не с безличными «татарами», а конкретными народами, людьми, приходящими, уходящими, создающими государственные образования с отдельными политическими целями и имеющими собственную историю. Важное значение в этом отношении также имела работа М. Г. Сафаргалиева «Ногайская Орда в середине XVI в.», защищенная как кандидатская диссертация в Московском университете в 1938 г. и частично опубликованная в периферийном издании в 1949 г.[73]

А. А. Новосельский по-новому взглянул на причины «татарских набегов», отметил приоритет их грабительской мотивации над политической целесообразностью, аргументировав тем, что они далеко не всегда были санкционированы османским правительством – Портой – и что в военной активности Крымского ханства прослеживается вполне самостоятельная линия[74]. Эти выводы ослабляли влияние историографической традиции, исходящей от В. Д. Смирнова, его тезиса о том, что «татарские набеги» были средством воздействия Османской империи на политическую ситуацию в Восточной Европе, и что Бахчисарай полностью зависел от Стамбула[75]. Данный тезис («татары как орудие турок») сталинская пропаганда использовала для «борьбы с пантюркизмом».

В условиях десталинизации возникала возможность частичного очищения исторических понятий от идеологических наслоений и возвращения дискуссии в автономную от политики плоскость. В рамках таковой И. Б. Греков подверг критическому пересмотру и позицию В. Д. Смирнова, и утверждения А. А. Новосельского, показав сдержанность Порты в вопросах военного вмешательства в дела Восточной Европы и передачу ею этой функции Крымскому ханству. Татарские набеги, согласно И. Б. Грекову, происходили не хаотически, а в «строго определенном ритме, диктовавшем как конкретные сроки проведения этих набегов, так и четкую смену их направлений». В основе долговременного «политического сотрудничества» Османской империи и Крымского ханства лежал общий интерес, заключавшийся в том, чтобы не допустить усиления какого-либо восточно-

---

[72] *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами в XVII веке. С. 15–16, 101–123 и др.

[73] *Сафаргалиев М. Г.* Ногайская Орда во второй половине XVI века // Сборник научных работ Мордовского государственного педагогического института / ред. Я. Д. Бетяев. Саранск, 1949. С. 32–56.

[74] *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами в XVII веке. С. 28, 416, 422.

[75] *Смирнов В. Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887. С. 267.

европейского государства, которое благодаря этому могло создать угрозу турецким и крымским владениям в Причерноморье[76]. Военная активность Крымского ханства представлялась средством поддержания (выравнивания) баланса сил Речи Посполитой и Московского государства[77].

Для понимания силы инерции советской нарративной практики важно иметь в виду то обстоятельство, что в СССР применение формационной теории далеко не ограничивалось рамками науки. Она была основой идеологической мобилизации «советского общества» и государственного управления; трактовка негативных черт социалистической современности как пережитков прежних формаций, обреченных на скорейшее исчезновение, имела важную организующую функцию. Понимание «пережитка» в образе частичного присутствия старого строя в новом и идеологическая перегруженность этого понятия превращали его в предмет исследования, скорее, этнографии (понимаемой как прикладная наука[78]), чем истории, которой отводилось представление магистральной линии чередования общественных формаций. Поэтому многие важные черты казачьих сообществ – прежде всего их первоначальная половая однородность – оказывались вне поля зрения историков и считались предметом изучения для этнографов.

Советская гуманитаристика была изолирована от тенденций мировой науки, приводимых в движение деколонизацией. Этот процесс радикально менял видение социальной эволюции, направлял его в сторону многолинейности, отказа от европоцентризма и телеологизма, созданных в колониальную эпоху[79]. Слабым отголоском этих тенденций в СССР стала дискуссия об «азиатском способе производства», инициированная французскими историками-марксистами и востоковедами из ГДР. Созвучное ей обсуждение затронуло изучение социальной организации кочевников, которую было трудно анализировать в рамках определения феодальной формации[80]. Кочевые соседи украинских и российских каза-

---

[76] *Греков И. Б.* К вопросу о характере политического сотрудничества Османской империи и Крымского ханства в Восточной Европе в XVI–XVII вв. (по данным Э. Челеби) // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. М., 1979. С. 303–304.

[77] *Он же*. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы в XIV–XVI вв. М., 1963. С. 153, 233.

[78] *Алымов С.* Понятие «пережиток» и советские социальные науки в 1950–1960-е гг. // Антропологический форум. СПб., 2012. Вып. 16. С. 270–272, 285.

[79] *Весселінг Х.* Заморська історія // Нові перспективи історіописання / ред. П. Берк; пер. з англ. Т. і А. Портнових. К., 2004. С. 96.

[80] Инициатором дискуссии был казахстанский исследователь С. Е. Толыбеков, обосновавший тезис о «патриархально-феодальных отношениях» у номадов, отличных от «классического феодализма» (См.: *Толыбеков С.Е.* О патриархально-феодальных отношениях у кочевых народов // ВИ. 1955. № 1. С. 74–88. См. также: *Грибовський В. В.* «Кочівницький феодалізм»: межі теорії і обмеження практики // Україна крізь віки: Збірник наукових праць на пошану академіка НАН України професора Валерія Смолія / ред. О. Онищенко. К., 2010. С. 65–86.

ков – ногайцы – также не остались без внимания[81]. Однако казачество оставалось в безальтернативной привязке к феодальной формации, поскольку именно на него идеология возлагала функции инициатора «антифеодальной борьбы» и организатора «крестьянских войн» XVII–XVIII вв., которые телеология советского исторического нарратива соединила крепкой стадиальной цепью с «Октябрьской революцией». Участие в «крестьянских войнах» представителей тюркских этносов широко освещалось для демонстрации вековой истории «боевого содружества» и залога будущей «дружбы народов» в СССР[82]. Степное пограничье продолжало оставаться «линией фронта», с оборонительными рубежами, защищавшими Московскую Русь от абстрактных «татар»[83].

Попав в телеологическую магистраль «Истории СССР с древнейших времен», изучение истории казачества оказалось более зависимым от идеологии, нежели исследование кочевых обществ. Упрочению этой зависимости способствовало и то обстоятельство, что западных авторов казачество привлекало в гораздо меньшей степени, чем кочевники, поэтому полемический градус в казаковедении был значительно ниже[84].

Специальный вопрос об отнесении казачества к конкретным социально-экономическим формациям был поставлен только в позднесоветское время. Н. И. Никитин в 1986, 1987 гг. определил строй ранних казачеств как «военную демократию», тем самым отнеся их к «доклассовым обществам». При этом отметил ее вторичный («регенерация при наличии соответствующих условий») и переходной характер («втягивания казачьих сообществ в систему развивавшихся в центре страны феодальных отноше-

---

[81] *Кочекаев Б. Б.* К вопросу о характере и сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов // История горских и кочевых народов Северного Кавказа. Вып. 2. Ставрополь, 1976. С. 122–129.

[82] Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов. Т. 1–3. М., 1954–1962; *Рознер И. Г.* Антифеодальные государственные образования в России и на Украине в XVI–XVIII вв. // ВИ. 1970. № 8; Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков: проблемы, поиски, решения: сб. ст. / под ред. Л. В. Черепнина. М., 1974; *Буганов В. И.* Крестьянские войны в России. М., 1976.

[83] *Загоровский В. П.* Белгородская черта. Воронеж, 1969; *Он же.* Изюмская черта. Воронеж, 1980; *Каргалов В. В.* Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники. М., 1967; *Он же.* На степной границе. М., 1974; *Он же.* Оборона южной границы Российского государства в первой половине XVI столетия. Л., 1977.

[84] Известны немногие случаи полемики в печати западных и советских историков казачества. Как пример: *Лемерсье-Келькеже Ш.* Литовский кондотьер XVI в. князь Дмитрий Вишневецкий и образование Запорожской Сечи по данным оттоманских архивов // La Russie et l'Europe XVI–XX-e siècles. Франко-русские экономические связи. М.; Париж, 1970. С. 39–64; *Голобуцкий В. А.* Рец. на кн. Г. Штёкля «Возникновение казачества» // ВИ. 1957. № 2. С. 172–175.

ний»)[85]. Отнесение казачества к стадии «военной демократии», при всей эвристической ограниченности этой теоретической операции, позволило вскрыть такую его существенную характеристику, как половая однородность, особенно на ранних этапах становления данных сообществ. Исходя из выводов Б. В. Лунина, Л. Б. Заседателевой, В. Н. Дариенко[86] Н. И. Никитин сформулировал предположение: «Самые ранние казачьи общины состояли, видимо, только из мужчин. […] Преобладание среди казаков холостяков было обычным явлением и в более позднее время»[87]. В 2006 г. российский исследователь М. А. Рыблова, развивая это предположение, обосновала социальную типологию казачества как «мужского сообщества» или «мужского союза» и также отнесла его к стадии «военной демократии»[88]. Однако оторванность изучения истории казачества от тюркологии и гендерных исследований в мировой науке не позволила развить это предположение до состояния научного вывода о конкретном институте, существовавшем в тюркском мире и повлиявшем на организацию первых славянских казаков.

В 60–70-е годы XX в. были предприняты новые попытки анализа этимологии слова «казак». Казахстанский исследователь С. К. Ибрагимов в очередной раз воспроизвел его «изначальный» смысл как «скитание», а также утверждал, что оно «бытовало […] везде, где обитали тюркские племена, и по своему значению не носило социального характера». Эволюция представлений характеризуется следующим выводом: в XIII–XV вв. оно означало «скиталец, вольный изгнанник, бродяга», а с конца XV в. «в противовес термину “узбек” оно приобретает политический характер, употреблялось как название отдельных феодальных владений, созданных потомками Борака – Джанибеком, Гиреем, Бурундуком; с начала XVI в., после откочевки части кочевых племен с современной территории Казахстана во главе с Шейбаниханом в Мавараннахр, термин “казах” начинает приобретать этнический характер». Кроме того, значения «вольный, скиталец» С. К. Ибрагимов свя-

---

[85] *Никитин Н. И.* О происхождении, структуре и социальной природе сообществ русских казаков XVII в. // История СССР. 1986. № 4. С. 175–176. *Он же*. О формационной природе ранних казачьих обществ (К постановке проблемы) // Феодализм в России. М., 1987. С. 236–245.

[86] *Лунин Б. В.* Очерки истории Подонья–Приазовья. Кн. 2. Ростов-на-Дону, 1954. С. 8–9; *Заседателева Л. Б.* Терские казаки. М., 1970. С. 90; *Дариенко В. Н.* Община на Яике в XVII – первой четверти XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории. Вып. 6. Вологда, 1976. С. 51.

[87] *Никитин Н. И.* О происхождении, структуре и социальной природе сообществ русских казаков… С. 169.

[88] *Рыблова М. А.* Донское братство. Казачьи сообщества на Дону в XVI – первой трети XIX века. Волгоград, 2006. 544 с. *Она же*. Мужские сообщества донских казаков как социокультурный феномен XVI – первой трети XIX в.: дис. … д. и. н. СПб., 2009. *Она же*. Проблема сохранения и воспроизводства культурного наследия российского казачества // Казачество в социокультурном пространстве России: исторический опыт и перспективы развития: Тез. Всеросс. науч. конф., 28–29 сент. 2010 г. Ростов-на-Дону, 2010. С. 185–188.

зал с образом жизни казахских кочевников – независимых и свободно передвигающихся[89]. Казакование вне современной территории Казахстана оказалось вне поля зрения данного исследователя.

Дж. Н. Коков представил попытку рассмотрения слова «казак» в связи с названием «черкес», закрепившимся за группой адыгских народов[90]. Основой для выводов этого автора послужили труды П. Г. Буткова, И. И. Срезневского и В. И. Даля. Собранный ими материал Дж. Н. Коков посчитал достаточным для сведения значения слова «казак» к смыслу «крепкий охранитель границы или военный страж»[91]. Незнание историографии вопроса, источников, содержащих раннюю фиксацию этого слова, сложившихся подходов к его интерпретации привело данного автора к произвольному заключению: «Этимология, выводящая “казак” к тюркскому “вольный человек”, неверна хотя бы по таким причинам: во-первых, казаки, служившие по найму, поначалу вольными не были; во-вторых, об этом свидетельствует то значение, которое слово казак имело в древнерусском языке, слуга, наемный работник. Скорее всего, значение “вольный человек” было закреплено за словом “казак” в более позднее время, когда уход в казаки, к свободной и разгульной жизни, с признанием государственной власти только формально, стал массовым явлением»[92]. Интуитивное нащупывание какой-то связи между явлениями, обозначаемыми словами «казак» и «черкес» («черкас»), заслуживает отдельного внимания. Однако этнизация слова «черкес», представление о нем как о «древнем» названии адыгов, вывела Дж. Н. Кокова на ложный след и подвигла к парадоксальному выводу о том, что «в древние времена кабардинцы жили на Украине» и оттуда перешли на Кавказ[93]. Основанием для этого послужило название украинского города Черкассы и именование украинцев в русских источниках XVII в. «черкасами».

Трактовка Дж. Н. Коковым слова «черкес» наряду с вышеизложенным заключением М. Т. Тынышпаева о слове «казак» показывают однотипные примеры искажения представлений о прошлом вследствие проецирования в него современных этнических названий. Историю подобных проекций можно проследить еще в первой половине XVIII в. Так, в 1731 г. российский посол в Стамбуле И. И. Неплюев заявил турецкому правительству о «давнем подданстве» кабардинцев России: «Народ этот в древние лета произошел от

---

[89] *Ибрагимов С. К.* Еще раз о термине «казах» // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. Труды Института истории, археологии и этнографии. Том 8. Алма-Ата: Издательство Академии наук Казахской ССР, 1960. С. 68, 70–71.

[90] *Коков Дж.* К истолкованию топонима «Черкассы» и слова «казак» // Ученые записки Кабардино-Балкарского государственного университета. Серия филологическая. Вып. 25. Нальчик, 1965. С. 3–6.

[91] *Коков Дж.* К истолкованию топонима «Черкассы» и слова «казак». С. 4.

[92] Там же. С. 5.

[93] Там же. С. 6.

российских областей, из Малороссии, потому и названы [они] черкасы или черкесы. Вышед из Малороссии, поселились они за Волгою на российской земле […] в урочище Пяти Гор»[94]. Историк Д. Н. Бантыш-Каменский (издания 1822, 1830 и 1842 гг.), исходя из старой практики называния украинских казаков «черкасами», предполагал, что запорожцы «переселились за Днепр с Кавказа, где ныне обитают черкесы»[95]. К тем же этническим проекциям, производимым от случайных созвучий, следует отнести и выведение Н. Я. Марром слова «казак» от названия кавказских «касогов»[96], резко отвергнутое В. В. Бартольдом[97]. Забегая вперед, отметим: подобные примеры этнизирующих искажений стали массовым явлением современной литературы о казачестве, требующем отдельного анализа.

Важно иметь в виду тот смысловой «параллакс», который неизбежно возникает в результате национальных проекций в прошлое. Слова «казак» и «черкес» («черкас») в определенный исторический период действительно служили обозначением разнородных обществ, живших на значительном расстоянии и вне всякой связи друг с другом. Бытование общих для них слов следует связать, скорее, со сходством положения и занятий этих обществ, а не их этническим тождеством. Трактовка слова «черкес» как соционима, превратившегося в экзоэтноним, восходит к немецкому востоковеду Ю. Г. Клапроту, который в 1812 г. заключил о кавказских адыгах: «имя черкес татарского происхождения», равнозначное «разбойнику», «грабителю»[98]. Г. В. Новицкий (выходец из украинской гетманской старшины, участник Кавказкой войны) в 1831–1834 гг. привел то же значение данного названия и заключил, что его черкесы получили от «народов ногайского племени», на которых в прежние времена они часто нападали[99]. Адыгский писатель и ученый Хан-Гирей настаивал (1836) на имени своего народа: *адгхе*, отмечая, что черкесами его называли «русские, турки, грузины и другие народы»[100].

Г. Ф. Благова (1970) проанализировала «историко-филологическую сторону бытования слов *казак* и *казах* в русском языке»[101]. Систематизация трактовок Л. З. Будагова, В. В. Радлова, В. В. Бартольда, А. Н. Самой-

---

[94] Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы в двух томах. Т. 1. М., 1957. С. 44.

[95] *Бантыш-Каменский Д. Н.* История Малой России от водворения славян в сей стране до уничтожения гетманства. К., 1993. С. 64.

[96] *Марр Н.* Кавказский культурный мир и Армения // ЖМНП. Новая серия. Ч. 7. 1915. Июнь. С. 286.

[97] *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. 5. С. 535

[98] *Клапрот Ю.* Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах. Нальчик, 2008. С. 204.

[99] Описание горских народов, собранное подполковником Генерального штаба Новицким // ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 3028. 1831–1834. Л. 2 об.

[100] *Хан-Гирей.* Записки о Черкессии / вст. ст., подготовка текста к печати В. К. Гарданова и Г. Х. Мамбетова. Нальчик, 2008. С. 124–125.

[101] *Благова Г. Ф.* Исторические взаимоотношения слов *казак* и *казах* // Этнонимы. М., 1970. С. 143.

ловича, Й. Бенцинга позволила Г. Ф. Благовой сделать заключение о том, что «первоначально в слово “казак” вкладывался социальный смысл: человек, по злой необходимости отделившийся от своего рода-племени, лишившийся скота и кочевий и потому ставший бродягой, скитальцем»[102]. Это значение автор полагала первичным. Отдельно представлены «вторичные, произвольные значения вольного, удалого, отважного молодца, ищущего свободы и богатства в добычах и на войне и тем самым […] снискавшего почет и уважение степняков-кочевников». Различение первичных и вторичных значений Г. Ф. Благова связала общим социальным смыслом: «в раннее средневековье это название, безусловно, не имея этнического наполнения, было поистине международным»[103]. «Именно в этих значениях – и в первичном, и во вторичном, – по ее утверждению, – слово *казак* […] было заимствовано русским языком, где спервоначала оно стало обозначать вольных беглых людей из числа крепостных крестьян» и другого подневольного населения, искавшего воли на окраинах Московского государства. Преобразование этих искателей воли в казачество, согласно Г. Ф. Благовой, произошло благодаря их смешению с тюркскими казаками, подтверждением чему служит то, что «обозначения русских казаков и кочевников Дешт-и-Кыпчака […] совпадают во всем, включая и их словообразовательные ряды». Дальнейшая социальная эволюция казаков связывается с их привлечением Московским государством к охране степных рубежей: «российская действительность, организовав казачество в привилегированное военное сословие землевладельцев, практически вложила в слово *казак* социальный смысл, прямо противоположный его первоначальному социальному содержанию»[104]. Этнический смысл слова «казак» Г. Ф. Благова представляла исключительно как самоназвание казахов[105].

Среди значительных достижений в изучении интересующей нас проблемы в позднесоветское время следует отметить труды С. Ф. Орешковой, А. В. Витола, Г. А. Санина, Р. А. Михневой, В. А. Артамонова, М. С. Мейера[106]. Их исследования раскрыли сложное содержание процессов, происходивших на границе Османской и Российской империй, показали их связь с изменениями баланса сил в Восточной Европе второй половины XVII – XVIII в., результатом которых стала стабилизация границ, их демаркация и

---

[102] Там же. С. 144.
[103] Там же. С. 146.
[104] Там же. С. 147, 149–150.
[105] Там же. С. 151–155.
[106] *Орешкова С. Ф.* Русско-турецкие отношения в начале XVIII века. М., 1971; *Витол А. В.* Османская империя (начало XVIII в.). М., 1987; *Санин Г. А.* Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII века. М., 1987; *Михнева Р.* Россия и Османская империя в середине XVIII в. М., 1985; *Артамонов В. А.* Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709–1714). М., 1990; *Мейер М. С.* Османская империя в XVIII веке. Черты структурного кризиса. М., 1991.

создание механизма контроля пограничного населения. Важный вклад в изучение взаимодействия яицких, донских и запорожских казаков с их тюркскими соседями внес Б.-А. Б. Кочекаев. Раскрытое им содержание этого процесса, хоть и нанизанное на «ось» нарратива об умиротворяющем и прогрессивном значении продвижения России в степные пространства, показало не только конфликты, но и договорные отношения, хозяйственные связи, отдельные случаи взаимопомощи[107]. Эти данные значительно уточнили научные представления о ситуации на степном пограничье.

Эмпирические акценты позднесоветских исследований превращали идеологически заданные понятия в декоративный элемент, лишенный теоретического содержания. Вместе с тем шел интенсивный поиск новых перспектив изучения исторических явлений, оказавшихся на маргинесе научного знания. В этой связи следует отметить доклады и сообщения в Московском филиале Географического общества СССР в 1989 г. по проблеме «этноконтактных зон»[108]. Среди поднятых там вопросов была и концепция «Большой границы» или «фронтира», позднее оказавшая заметное влияние на изучение казачьих сообществ.

Эклектизм постсоветских историографий и направления его преодоления

На исходе советской эпохи значительно выросло тематическое разнообразие публикаций по истории казачества. Падение «железного занавеса» сняло ограничения с использования западной научной литературы, открыло широкий доступ к архивам, устранило идеологические фильтры из сферы международного обмена информацией. Общими чертами постсоветской эпохи стали «возвращение забытых имен», восстановление в научном и общественном обороте трудов историков казачества, изъятых советской цензурой, реабилитация персоналий, национальных и социальных групп, пострадавших от репрессий. В то же время, заметно снизился интерес к теоретическим аспектам; наметилась тенденция к фактографичности, произвольному описанию, раздроблению проблематики и игнорированию специальной литературы по смежным вопросам.

Историографическая ситуация 1990-х и начала 2000-х годов характеризовалась противоречивостью и крайне неравномерной расстановкой акцентов. С одной стороны, появилось огромное количество публикаций о событиях 1917–1920 гг., «расказачивании», деятельности казачьих организаций в эмиграции и прочих аспектах истории первой половины XX в. С другой стороны, интерес к более ранним периодам казачьего прошлого почти исчерпывался освоением историографического опыта XIX – начала XX в., пред-

---

[107] *Кочекаев Б.-А. Б.* Ногайско-русские отношения в XV–XVIII вв. Алма-Ата, 1988. С. 114–115, 169–175 и др.

[108] Этноконтактные зоны в европейской части СССР (география, динамика, методы изучения) / под ред. Е. М. Поспелова и И. И. Крупник. М., 1989.

ставленного в массовых республикациях. Однако «возвращение правдивой истории» оказалось на поверку введением в научный оборот и сферу массовых представлений устаревших теорий и идеологических практик[109]. Это не могло не повлиять на «архаизацию» повестки дня исследователя. Колониальный дискурс, европоцентризм (признание лишь одной цивилизации – европейской, в этом контексте – «Русь как щит Европы» от «восточных варваров»), ностальгия по идеализированному *Fin de siècle*, имперский реваншизм и национализм причудливым образом накладывались на «окаменелости» советского марксизма и хаотические интенции постсоветской либерализации. Вопреки ожиданиям, сформированным этой либерализацией, западная литература, получившая широкую циркуляцию, не принесла принципиально новых решений основных вопросов истории казачества, включая и тюркский аспект, а только усугубила эклектическую захламленность исторических представлений обломками идеологий и теорий, возникших в разных местах в разное время и всякий раз по другому поводу.

Отмеченный эклектизм не приводил к деконструкции идеологических наслоений, оставшихся от прежних государственных практик, и сохранял общую настроенность на телеологическое структурирование исторического нарратива, используемого теперь для легитимации индивидуальных, групповых и национальных интересов, целей новых государств. Телеологические цепочки, протянутые от седой древности к постсоветским нациям и государствам, захватив в свои звенья разнообразные казачества, вели к той же логике обоснования незыблемости современных явлений посредством их искусственного удревнения, что и в советское время. Разнообразные «казачьи возрождения» на территории бывшего СССР ничем не отличаются от националистических явлений позднего порядка, представляющих радикальные взгляды на свое прошлое и особое место в будущем[110]. Причем их следует рассматривать как вторичное явление, представляющее собой реминисценцию прежних процессов, устраненных или трансформированных советским режимом, – как «возрождение возрождения». По замечанию С. М. Маркедонова, «неоказачество» рубежа XX–XXI вв. «начало интенсивный поиск [своего] “золотого века” с целью перенесения его основных достижений в современную эпоху»[111]. Этим «золотым веком» часто оказывалось предреволюционное время, образы которого проецировались в более ранние периоды.

---

[109] *Тюменцев И. О.* Россия и появление казачества на Волге и на Дону в XV – первой половине XVI вв. // Cahiers du Monde russe. 2005. № 46/1–2, Janvier–juin. P. 75–76.

[110] *Boeck B. J.* The Kuban’ Cossack Revival (1989–1993): The Beginning of a Cossack National Movement in the North Caucasus Region // Nationalities Papers. 1998. Vol. 26. P. 640–641.

[111] *Маркедонов С.* Основной вопрос казаковедения: российская историография в поисках «древнего» казачества // Империя и нации в зеркале исторической памяти: сб. ст. М., 2011. С. 231.

В многообразных идеях вторично «возрожденных» казачеств России (от обособления от «русской нации» в некий «субэтнос» до полного растворения в ней) отчетливо проявилась общая для всех них правая консервативная идеология, транслирующая образцы начала XX в. в современный политический контекст[112]. Эта идеология утверждает об «извечном» служении казачества «престолу», охранении «веры, царя и отечества» от внутренних и внешних врагов, содержит апологию сословного деления общества и трактовку казачества как особой наследственной страты, глорифицирует завоевания Российского государства и участие в них «своих предков», проявляет ксенофобию и изоляционизм. Это входит в цветистые сочетания с вульгаризациями идеи прогресса, отождествляемого с имперской экспансией, которая представляется как благодеяние для покоренных народов, в т. ч. и тюркских. По сути, здесь проявились смутные реминисценции культуртрегерских нарративов колониального периода, во многом исчерпанного Первой мировой войной. Эти «возрожденные» нарративы сохраняют нечувствительность к фактам культурной диффузии, не замечают инфильтрацию по обе стороны степного пограничья и наслаиваются на советские представления о «линии фронта» между непримиримыми мирами. Среди этих наслоений выделялись и попытки адаптации известных западных теорий к изучению степного порубежья, методологически наставляющего цитирования (как некогда «классиков марксизма») спекулятивных утверждений. В частности, к казачеству примерялись трактовки А. Дж. Тойнби: «казаки были “пограничниками русского православия, противостоящими евразийским кочевникам”, а также “орудием” русского ответа на вызов Великой степи. Слова английского историка и социолога отчасти подтверждаются историческими источниками»[113].

В Украине, в отличие от России, «казацкий миф» не получил сословной, консервативной и региональной направленности, а был адресован идентичности всех украинцев. Этот миф резонировал с общей настроенностью на национальное и социальное освобождение («казак – борец за волю»), европейский выбор как политическую цель («Прочь от Москвы! Даешь Европу!»[114]), отстранение от «варварской Азии» (все тот же «щит Европы»). Эта идентичность, находя созвучные отклики в казацкой Украине, понимаемой в XVII–XVIII вв. как «земля казаков», узрела в ней свой «золотой век»[115]. Вместе с тем в украинской историографии казачества после 1991 г., как и

---

[112] *Корниенко Б.* Правый Дон: казаки и идеология национализма (1909–1914). СПб., 2013. С. 205.

[113] *Маркедонов С. М.* Донское казачество: феномен межцивилизационного диалога // Общественные науки и современность. 1997. № 2. С. 186.

[114] Этот лозунг заявил украинский писатель Мыкола Хвильовый в 1920-е годы, имея в виду отказ от подражания украинской литературы русской, обретение ею самобытности и ориентацию на европейское культурное наследие.

[115] *Плохий С.* «Национализация» украинского казачества в XVII–XVIII вв. // Империя и нации в зеркале исторической памяти: сб. ст. М., 2011. С. 292–293.

российской, прослеживается консервация остатков прежних идеологий, эклектически соединяемых в новых условиях. Возрождение позитивистских идей (однолинейный эволюционизм и европоцентризм), представленных в литературе рубежа XIX–XX вв. (В. Б. Антонович, М. П. Драгоманов, М. С. Грушевский), причудливо сочетается с сохранением отдельных положений советского марксизма.

Увязывание украинского казачества с «передовой», в сравнении с феодализмом, капиталистической формацией давало возможность украинской советской историографии относительно безопасно соединять представления о собственном «славном национальном прошлом» с советской картиной истории. Основанием тому служило определение К. Марксом Запорожской Сечи как «христианской казацкой республики», восстановившей населенность «южных берегов, ставших пустынными после монгольских опустошений»[116]. В эпоху «хрущевской оттепели» популяризатор «славы казацкой» Н. П. Киценко писал: «Демократический строй, который существовал в Низовом войске, выгодно отличался от тех угнетающих политических устоев, которые в то время господствовали во многих странах Западной Европы»[117]. Противопоставление этой «республики» соседним феодальным монархиям пережило время обязательного цитирования Маркса и Энгельса. В 1992 г. В. А. Голобуцкий подытожил свое изучение запорожского казачества выводом, близким к тезисам, высказанным, в частности, М. Е. Слабченко в 1920-е годы: «Запорожье, окруженное со всех сторон феодальными странами, составляло вольный остров, где господствовали передовые формы социально-экономических отношений» – «буржуазные отношения»[118]. А. Л. Олийнык развил эту трактовку до постановки вопроса о приоритете «появления фермерского типа хозяйствования именно в запорожских степях, а не в американских прериях». Согласно его утверждению, на Запорожье существовала «экономическая модель, на базе которой в зимовниках успешно развивались прогрессивные экономические, правовые и социальные отношения. Именно они и возможные следствия их развития составляли основную угрозу [Российской] империи»[119].

За последние два десятилетия возник большой массив разноплановой литературы, в которой этот «сублимированный» марксизм был приспособлен к нарративу, вписывающему Украину в Европу. Новая нарративная практика протянула свою телеологическую цепочку через казацкие инсти-

---

[116] *Маркс К.* Хронологические выписки. Тетрадь IV // Архив Маркса и Энгельса. Т. 8. М., 1946. С. 154.

[117] *Киценко М.* Хортиця в героїці і легендах. Дніпропетровськ, 1967. С. 6.

[118] *Голобуцький В.* Запорозьке козацтво. К., 1994. С. 504.

[119] *Олійник О. Л.* Запорозький зимівник часів Нової Січі (1734–1775). Запоріжжя. 2005. С. 233, 234. Этот исследователь был одним из первых в современной украинской историографии, кто поставил вопрос о мирном сосуществовании запорожцев и их тюркоязычных соседей (*Он же*. Запорожці й татари – вороги чи сусіди? // Київська старовина. 1995. № 1. С. 72–79).

туты старой Украины: Войско Запорожское представлено в ней в виде республики с выборным гетманом во главе и собственным «парламентом» – Радой, майдан на Сечи – средоточием чистейшей демократии, запорожский зимовник – капиталистическим ранчо.

При всех политико-идеологических противоречиях историописание в Украине и России сохраняет общие черты, а именно: реликты позитивистского однолинейного эволюционизма и марксистского стадиального подхода, как бы вытесненные в сферу не подлежащих рефлексии архетипов. Это проявилось на конференции по украинистике в Санкт-Петербурге в 2004 г., где обсуждение украинскими и российскими исследователями проблем изучения казачества в конце концов свелось к схематике утверждения-отрицания существования отдельного государства и нации в Гетманской Украине[120]. И в том и в другом случае речь шла о государстве как о стадии развития и подтверждении национальной состоятельности. И в том и в другом случае давали о себе знать телеологические цепочки, искусственно адаптирующие прошлое к современным идеологиям и политическим задачам. На воображаемых «весах-безмене» можно до бесконечности двигать гирьку по шкале, произвольно останавливая ее то на обозначениях догосударственной стадии «военной демократии» (разбойный анархизм казаков), то на определении казацкой старшины как служебно-феодального сословия без собственного государства, то на трактовке гетманской власти как самостоятельного очага государственной жизни, воспылавшего на Запорожской Сечи. И всякий раз – нагружать «рычажок» нужным «весом» квалифицированно отобранных данных из источников и профессионально сформулированных аргументов.

Подобное скольжение по однолинейной шкале вскрылось и в дискуссии, вызванной выводами М. М. Блиева о «дофеодальной» стадии развития народов Северного Кавказа на момент его завоевания Россией. Этот исследователь охарактеризовал черты данной стадии как «военную демократию» и «набеговую систему», причем определение «набегов» сформулировал на основе трактовок Ф. Энгельса, относившего их к предгосударственным, доклассовым обществам[121]. Оппоненты М. М. Блиева, представители национальных историографий Северного Кавказа, настаивали на «феодальной государственности» своих предков и упрекали данного исследователя в занижении их уровня развития[122]. То же происходило и на конференции «От Казахского ханства до независимого Казахстана» в 2015 г.,

---

[120] Украина и соседние государства в XVII веке: материалы международной конференции / ред. Т. Г. Таирова. СПб., 2004. С. 215–232.

[121] *Блиев М. М., Дегоев В. В.* Кавказская война. М., 1994. С. 44, 100–118.

[122] *Карпов Ю. Ю.* Специфика функционирования «традиционных» горско-кавказских обществ: интерпретация последних десятилетий // Лавровский сборник: материалы XXXIII Среднеазиатско-Кавказских чтений 2008–2009. К столетию со дня рождения Л. И. Лаврова. Этнология, история, археология, культурология. СПб., 2009. С. 102.

приуроченной к «550-й годовщине Казахского ханства». Казахстанские докладчики отстаивали идею древней традиции своей государственности, неявно полемизируя с высказанным на форуме «Селигер–2014» утверждением о том, что до 1991 г. «у казахов не было государственности никогда»[123]. Приведенные примеры близки к тому, о чем в древности Гераклит говорил: «Дорога вверх и дорога вниз – это одна и та же дорога». Т. е. дорога однолинейного эволюционизма, в нарративных колеях которой обоснование произвольного политического интереса обкатывается до вида «исторической закономерности».

Постколониальные исследования, по замечанию А. М. Эткинда, почти не коснулись «российского аспекта колониальной истории», как и определения в ней места казачеству. Деколонизация Третьего мира произошла раньше декоммунизации Второго и с меньшими регрессиями. Однако, вопреки многим чертам сходства деколонизации и декомунизации, их изучение исходит из разных, не связанных между собой историографических традиций, современное развитие которых только увеличивает дистанцию между постколониальным и постсоветским[124]. Нарратив колонизации, захвативший в свои повествовательные звенья историю казачества, не вполне осознан как конструкт колониальной эпохи, модифицированный в советское и эклектически перекомбинированный в постсоветское время. В постсоветских странах дискуссии о казачестве в большинстве случаев не выходят за пределы обсуждения его места в «истории государственности». Отмеченные обстоятельства содействуют консервации историографических стереотипов и препятствуют выведению исследования из зоны идеологических интервенций.

Вопросы о «пропускной способности» степной границы, взаимоотношениях украинских и российских казаков с тюркскими сообществами, их взаимном проникновении, культурной диффузии, а также гендерные аспекты истории казачества могут быть включены в перечень наиболее актуальных на современном этапе изучения, хотя приверженность к старому набору тем и способу их формулировок все еще остается.

Отдельные тюркские группы донского казачества впервые были комплексно изучены С. В. Черницыным, который представил результаты своего исследования в диссертации (1992 г.) и ряде дальнейших публика-

---

[123] «От Казахского ханства к независимому Казахстану»: материалы Международной научно-практической конференции (22–23 мая 2015 г.) / ред. Б. Г. Аяган. Астана, 2015; *Грибовський В. В.* Пунктири українсько-казахстанських паралелей. Нотатки про Міжнародну наукову конференцію «Від Казахського ханства до незалежного Казахстану» // Електронний ресурс: Historians.in.ua. Інтернет-мережа гуманітаріїв в Україні і світі. 31 серпня 2015 р. Режим доступа: http://www.historians.in.ua/index.php/en/institutsiji-istorichnoji-nauki-v-ukrajini/1603-vladyslav-hrybovskyy-punktyry-ukrainsko-kazakhstanskykh-paralelei-notatky-pro-mizhnarodnu-naukovu-konferentsiiu-vid-kazakhskoho-khanstva-do-nezalezhnoho-kazakhstanu

[124] *Эткинд А.* Внутренняя колонизация… С. 20, 42–43, 94.

ций[125]. Н. А. Мининков, продолжая изучение этой проблемы, пришел к выводу о том, что «тюркский элемент» в Войске Донском был изначально «заметным», прослеживаемым с XVI в. Позднее «доля его постоянно снижалась за счет более сильного притока выходцев из внутренних уездов России и Украины». Источником его пополнения названы пленные, прежде всего женщины, от которых рождались казаки – болдыри и тумы[126]. Впрочем, из этого трудно понять, как именно сыновья, рожденные от смешанных браков (статус их матерей колебался от положения «жен» до состояния «рабынь»; их сыновья имели не совсем полноправный статус), могли пополнять группу совершенно полноправных «казаков-мусульман». Н. А. Мининков обратил внимание и на донских ясырей (рабов), привел многочисленные факты их продажи донскими казаками, включая и их временных «жен», от которых родились дети[127]. Традиционный акцент на конфликтной составляющей в отношениях казачества и их тюркских соседей здесь очевиден. Исследования Н. А. Мининкова значительно расширили научные представления о том, как менялась география расселения донских казаков[128] и тем самым сокращалась кочевническая ойкумена. Показано, что при всей неопределенности границ Войска Донского его владения со стороны турецкой крепости Азов имели четкую фиксацию[129]. Кроме того, отмечены частые миграции казаков, живущих на Днепре, Дону, Волге и Яике, а также «значительно бóльшая распространенность на Дону семейной жизни, чем в Запорожье», что сказалось на разной степени их зажиточности и склонности к военному промыслу[130].

А. Л. Хорошкевич свою монографию об отношениях Москвы и Крыма на рубеже XV–XVI вв. (2001) начала с характеристики «Дикого Поля» как «нейтральной полосы между Русским государством и Крымским ханством».

---

[125] *Черницын С. В.* Донское казачество: этнический состав и этнические процессы XVIII–XIX вв.: дис. ... к. и. н. М., 1992; *Он же.* Казаки-мусульмане: этнодемографические процессы (2-я половина XIX – начало XX вв. // Дикаревские чтения / ред. М. В. Семенцов. Вып. 11. Краснодар, 2005. С. 65–72; *Он же.* Донские татары. Этнокультурный очерк // Дикаревские чтения / ред. М. В. Семенцов. Вып. 12. Краснодар, 2006. С. 324–333. См. также § 1 «Донские татары – мусульманская группа донского казачества. Этапы и тенденции этнической истории» главы V настоящего издания.

[126] *Мининков Н. А.* Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов-на-Дону, 1998. С. 135.

[127] Там же. С. 136–137.

[128] *Он же.* Списки казачьих городков и карты как источник по исторической географии Дона конца XVI – XVII вв. // Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания: материалы XX международной конференции. Москва, 31 января – 2 февраля 2008 г. М., 2008. Ч. 2. С. 464–467.

[129] *Мининков Н. А.* Донское казачество… С. 45–108.

[130] *Он же.* Войско Донское и Запорожская Сечь: к характеру взаимоотношений в первой половине XVII в. // 350-lecie unii hadziackiej (1658–2008) / pod red. T. Chinziewskiej-Hennel, P. Krolla i M. Nagielskiego. Warszawa, 2008. S. 425–437.

В этой связи она отметила, что «несмотря на отсутствие спорных территориальных вопросов, отношения между этими государствами были чрезвычайно важными для каждого из них и порой весьма напряженными»[131]. После основательного отслеживания чередований военных и мирных периодов отношений этих государств в заключительной главе представлен взгляд на «формирование новых этно-социальных групп на Руси», «несвойственных ранее русскому обществу, в частности казаков». Краткая сводка выборочных толкований слова «казак» в трудах В. В. Радлова, В. В. Бартольда, В. В. Вельяминова-Зернова, М. С. Грушевского, Г. Штокля, Н. И. Никитина, а также обзор его упоминания в древнерусских летописях, исчерпали интерес автора к истокам обозначаемого им явления[132]. В поле зрения А. Л. Хорошкевич казаки попадают в ракурсе того или иного их отношения к Московскому государству: служилые и вольные. Автора, и в этом проявилась сила инерции российского государствоцентричного нарратива, больше интересовала первая категория, сформированная в значительной части из «выезжих из Орд и Крыма татар», живших «во многих мелких городках Московского княжества». Их происхождение выведено из «военнообязанных слоев», «не участвующих в эксплуатации черных людей Крыма» и не имеющих никакого другого дохода, кроме доли в военной добыче[133]. «Замену казаков татарского происхождения русскими нельзя объяснить только одним обрусением татар, находившихся на русской службе. В пределах самой Руси формировалась новая группа населения – казаки», – утверждает А. Л. Хорошкевич[134]. Автор воздержалась от воспроизводства историографических штампов о формировании этой группы из «беглых крестьян», однако не представила и собственного видения этой проблемы.

Монографию А. И. Папкова (2004) можно рассматривать как удостоверение тенденции к консервации историографических штампов о «колонизации пустых земель». По утверждению данного автора, «татары, будучи кочевниками, *не могли освоить и надежно закрепить за собой* бассейн Северского Донца и других притоков Днепра и Дона, но рассматривали эти земли как часть Крымского ханства. Они постоянно здесь не обитали, а использовали эти земли как место летних кочевий. В силу этого, степняки стремились не допустить колонизации Поля другими странами. Кроме того, эта территория во второй половине XVI в. играла роль своеобразного буфера между Россией и Крымом. Такое положение делало ханство практически неуязвимым»[135]. Представления о конкретной ситуации в этом умозрительном «буфере» и укладе жизни пребывавших здесь «татар» являют прискорб-

---

[131] *Хорошкевич А. Л.* Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв. М., 2001. С. 4.
[132] Там же. С. 307–308.
[133] Там же. С. 310–311.
[134] Там же. С. 312.
[135] *Папков А. И.* Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой (конец XVI – первая половина XVII века). Белгород, 2004. С. 71.

ный обскурантизм («не обитали, а использовали […] как место летних кочевий», «здесь *кочевали* татарские *отряды*»[136]), игнорирование литературы о тюркских народах степи, уже достаточно обширной на момент издания данной монографии. Часто применяемая автором формулировка: «борьба с татарами в ходе колонизации Поля»[137], как и «борьба с черкасами»[138], т. е. украинцами, обнаруживает понятийные реликты советского времени. Проектируемое в прошлое противопоставление «хорошие мы и плохие они» придало данному тексту заметную окраску нациоцентризма: «Татары постоянно беспокоили российскую окраину, но они вторгались с целью грабежа и, в случае отпора, обычно обращались в бегство»[139].

А. И. Папков выступил с отрицанием утверждения советского историка В. П. Загоровского о том, что «народная колонизация» предшествовала правительственным мероприятиям по «освоению степных окраин». «Представляется более правильно говорить о государственной колонизации, понимая под ней процесс, сочетающий в себе деятельность правительства по заселению рассматриваемых земель и вольное переселенческое движение, контролировавшееся российской администрацией и обреченное на провал без поддержки государства»[140], – таков вывод А. И. Папкова. В очерченной им панораме «освоения Дикого Поля» Московским государством украинские и российские казаки предстают неспособными к самоорганизации и самостоятельным действиям, в т. ч. конфликтам и договоренностям с царскими воеводами по собственному почину, а не по внешнему наущению. Авторская трактовка предполагает последнее: «Подданные двух государств столкнулись на просторах Днепро-Донской лесостепи в результате конкуренции Российского царства и Речи Посполитой»[141]. Сложный спектр отношений запорожского и донского казачеств с их тюркскими соседями оказался за рамками этой государствоцентричной картины.

В исследовании Е. В. Кусаиновой (2005) вопросы отношения казачества к Российскому государству также поставлены в ряд основных. Согласно ее предположению «все государства, образовавшиеся на обломках Золотой Орды, имели у себя на службе казаков […], все это были татарские казаки, ранее свободно “гулявшие” (после распада Золотой Орды) в Диком Поле, а затем перешедшие на службу к тем или иным государям»[142]. Характеристика отношений русских казаков с тюркскими народами в данной монографии сведена к воспроизводству традиционного представления о перманентном конфликте, однообразному как у донских казаков, находящихся в большей

---

[136] Там же. С. 68.
[137] Там же. С. 26, 38, 86, 100 и др.
[138] Там же. С. 93, 99, 100 и др.
[139] Там же. С. 82.
[140] Там же. С. 88.
[141] Там же.
[142] *Кусаинова Е. В.* Русско-ногайские отношения и казачество в конце XV – XVII веке. Волгоград, 2005. С. 31.

связи с Москвой, так и волжских, менее от нее зависимых[143]. Нельзя не заметить интонации, сходные со стилем формулировок А. А. Новосельского: «Донское казачество направило свои силы на борьбу с “бусурманами”, постепенно вытесняя ногайцев из донских степей»[144].

Монография М. Ю. Зенченко «Южное российское порубежье в конце XVI – начале XVII в.» (2008) исходит из отрицания «вольной народной колонизации» и утверждения приоритета управляемого из Москвы «освоения» степного порубежья. Развернутая данным автором эмпирическая конкретизация придала убедительности этим двум тезисам[145]. Вместе с тем были показаны пределы их правомерности: «Роль украинского “казачества” в хозяйственном освоении Левобережья [Днепра] не подвергается сомнению и с полным основанием может быть названа “народной колонизацией”. Другое дело, что рассмотренные выше обстоятельства не имеют с нашей ситуацией ничего общего»[146]. Таковой ситуацией для М. Ю. Зенченко является складывание административной сети в российском Черноземье, втягивание в нее казаков и другого населения «украинных городов», становление разнообразных категорий «государевой службы», прерываемое чередой восстаний и смут[147]. В этом свете «Дикое Поле» предстает сегментированным пространством, где имели место не только военные столкновения, но и «“совместное” использование степных природных ресурсов» пограничным русским населением, казаками и «татарами». Показана также «нейтральность» этого пространства в том смысле, что «ни одно граничащее с “Полем” государство (Россия, Речь Посполитая, Крымское ханство, Ногайская орда) на протяжении XVI в. не вело военных действий, направленных на установление исключительно военного или политического контроля над этими территориями», хотя и делали дипломатические заявления о владении ими[148].

За последние три десятилетия заметно увеличилось тематическое разнообразие в освещении связей украинского и российского казачеств с тюркским миром. Важные уточнения о влиянии тюркского фактора на становление российских казачьих сообществ сделал И. О. Тюменцев[149]. Отношения

---

[143] Там же. С. 107–119.

[144] Там же. С. 154.

[145] *Зенченко М. Ю.* Южное российское порубежье в конце XVI – начале XVII в. Опыт государственного строительства. М., 2008. С. 14–16, 70–83.

[146] Там же. С. 74.

[147] Там же. С. 42–55.

[148] Там же. С. 33–34.

[149] *Тюменцев И. О.* Зарождение казачества на Волге и Дону и его включение в социальную структуру Московского государства в XV – первой половине XVI вв. // Донское казачество: история и современность: сб. науч. ст. Волгоград, 2004. С. 10–17; *Он же.* Россия и появление казачества на Волге и на Дону в XV – первой половине XVI вв. // Cahiers du Monde russe. 2005. № 46/1–2, Janvier–juin. P. 75–82; *Он же.* Историческая роль казачества на Юге России: перспективные направления исследования // Актуальные социально-политические и экономические проблемы Южного федерального округа. Ростов н/Д., 2005. С. 82–99; *Он же.* К вопросу об

запорожских и донских казаков с ногайцами, Крымским ханством и турецкой администрацией в Северном Причерноморье в первой четверти XVIII в. подробно рассмотрены О. Г. Саниным[150]. Исследования С. Ф. Орешковой касаются той же проблемы в контексте изучения османских владений в данном регионе[151]. Вопросы культурных заимствований и вхождения представителей тюркских этносов в состав Уральского (Яицкого), Сибирского и Оренбургского казачьих войск разрабатывают А. М. Дубовиков[152], З. А. Тычинских[153], Р. Р. Аминов[154]. Сформировалось отдельное направление по изучению казачьих войск Османской империи, созданных из запорожских и донских казаков[155]. Отдельные аспекты отношений российских казачеств с тюркскими народами получили разработку в диссертационных исследова-

институтах ранних казачьих сообществ // Многоукладность и ассиметричность развития региональных экономик Юга России: риски модернизации и механизмы трансформации. Домбай, 2006. С. 247–254.

[150] *Санин О. Г.* Отношения России и Украины с Крымским ханством в первой четверти XVIII в.: дис. ... к. и. н. М., 1996; *Он же.* Статейный список Василия Блёклого как источник по истории русско-крымских отношений начала XVIII в. // Вестник архивиста. 2005. № 5. С. 269–283.

[151] *Орешкова С. Ф.* «Турецкое озеро»: Черное море в XV–XVII вв. // Восток (Oriens). 2005. № 3. С. 18–35.

[152] *Дубовиков А. М.* Уральское казачество в системе российской государственности (XVIII – начало XX века). Тольятти, 2007; *Он же.* Этнический состав Уральского (до 1775 г. – Яицкого) казачьего войска // Наука, техника, образование города Тольятти и Волжского региона. Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 1. Тольятти: Изд-во ТГУ, 1999. С. 25–29; *Он же.* Этнический состав населения и религиозные конфессии в Уральской области (последняя треть XIX – начало XX вв.) // Вопросы развития исторической науки и образования в Западном Казахстане: материалы научно-практической конференции, посвященной 60-летию доктора исторических наук, академика Т. З. Рысбекова. Уральск, 2007. С. 125–130.

[153] *Тычинских З. А.* Служилые татары и их роль в формировании этнической общности сибирских татар (18–19 вв.). Казань, 2010. История и культура татар Западной Сибири / гл. ред. З. А. Тычинских. Казань, 2015. С. 44–50, 241–270, 294–313.

[154] *Аминов Р. Р.* Татары-казаки в составе Оренбургского казачьего войска (1748–1917 гг.) / научный ред. И. К. Загидуллин. Казань, 2017.

[155] *Каюк С. М. (Могульова С. М.).* Задунайська Січ (1775–1828 рр.): дис. ... к. і. н. Дніпропетровськ, 1999; *Мільчев В. І.* Військо Запорозьке Низове під кримською протекцією // Історія українського козацтва. Нариси у двох томах. Т. 1. К., 2006. С. 587–603; *Волхонский М. А., Пригарин А. А., Сень Д. В.* «…В качестве верховного главы казаков Анатолии и Румелии»: новые документы из Başbakanlık Osmanlı Arşivi о М. Чайковском (Садык-паше) и Оттоманском казачьем войске // Османский мир и османистика: сб. ст. к 100-летию со дня рождения А. С. Тверитиновой (1910–1973) / сост. и ред. И. В. Зайев, С. Ф. Орешкова. М., 2010. С. 149–163; *Сень Д.* В. «Войско Кубанское Игнатово Кавказское»: исторические пути казаков-некрасовцев (1708 г. – конец 1920-х гг.). 2-е изд. Краснодар, 2002; *Он же.* Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина XVII – начало XVIII в.). Ростов-на-Дону, 2009.

ниях[156]. Целям активизации изучения тюркских сюжетов истории казачества послужила международная научная конференция «Ad marginem: тюркское казачество и служилые татары Османской империи, Крымского ханства, Польско-Литовского государства и России (XV – начало XX в.)», проведенная в г. Казани в ноябре 2016 г. Институтом истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан, материалы которой представлены в отдельном издании[157]. В этой связи следует также отметить конференции, периодически проводимые в г. Омске: «Ядринцевские чтения», «Потанинские чтения», «Степной край Евразии: Историко-культурные взаимодействия и современность».

Тюркологические и кочевниковедческие исследования в современной России, находившиеся до 1991 г. в гораздо лучших «стартовых» условиях, показали бóльшую успешность в преодолении инерции однолинейных позитивистских и стадиальных марксистских практик. Выход из изоляции, широкое участие в международных исследовательских мероприятиях и приглашение зарубежных ученых к подготовке российских научных изданий[158] позволили сформировать в рамках этого направления принципиально новую программу исследования, обогащенную неоэволюционистскими теориями.

Неоэволюционистский подход к истории степных обществ представлен в фундаментальных трудах В. В. Трепавлова[159]. Типологическое опре-

---

[156] *Шевченко С. В.* Сибирское линейное казачество и казахи Среднего жуза в XVIII – начале XIX века: дис. ... к. и. н. Екатеринбург, 1997; *Самбуева Л. В.* Бурятское и эвенкийское казачество Забайкалья во второй четверти XVIII – первой половине XIX вв.: дис. ... к. и. н. Иркутск, 1999; *Куц О. Ю.* Донское казачество от взятия Азова до выступления С. Разина, 1637–1667 гг.: дис. ... к. и. н. СПб., 2000; *Сапунов Д. А.* Участие казачества Урала и Сибири в присоединении Средней Азии к России: 40–90-е гг. XIX в.: дис. ... к. и. н. Челябинск, 2001; *Савченко Д. И.* Терское казачество в истории присоединения Северного Кавказа к России: XVI – середина XIX вв.: дис. ... к. и. н. Пятигорск, 2003; *Цапник Г. Е.* Становление и развитие калмыцких казачьих поселений на Дону: XVII–XIX вв.: дис. ... к. и. н. Астрахань, 2006; *Андреев С. М.* Сибирское казачье войско как социально-территориальная система: организация и основные этапы развития: 1808–1917 гг.: дис. ... д. и. н. Омск, 2007.

[157] Средневековые тюрко-татарские государства / гл. ред. И. К. Загидуллин. Вып. 8. Казань, 2016.

[158] Альтернативные пути к цивилизации: колективная монография. Сб. ст. / ред. Н. Н. Крадин и др. М., 2000; Монгольская империя и кочевой мир: сб. ст. / под ред. Б. В. Базарова, Н. Н. Крадина, Т. Д. Скрынниковой. Кн. 1. Улан-Удэ, 2004; Кн. 2. Улан-Удэ, 2005; Кн. 3. Улан-Удэ, 2008; Раннее государство, его альтернативы и аналоги: Сборник статей / ред. Л. Е. Гринин, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев. Волгоград, 2006. 558 с.; Nomadic Pathways in Social Evolution / ed. of vol. N. N. Kradin, D. M. Bondarenko, T. J. Barfield. Moscow, 2003.

[159] *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. М., 2002. Наш анализ данного исследования представлен в публикации: *Грибовський В. В.* Кочівницькі імперії та політичні репрезентації ногайців в «Історії Ногайської Орди» В. В. Трепавлова // Ейдос: Альманах теорії та історії історичної науки. Вип. 3. Ч. І. К., 2008. С. 477–488.

деление Ногайской Орды как «степной империи»[160], анализ ее институтов управления, особенностей экономики, социальной организации и культуры ногайцев, сложного содержания их связей и отношений с другими народами представил «Дикое Поле» в совершенно новом свете. Степной край уже не выглядел «пустым» пространством, заполняемым казаками, шедшими в авангарде «колонизации» на «ничью» землю. Степь предстала в виде структурированной территории, где жили разнообразные общества, которые занимали разные экологические ниши, входили между собой в сложные отношения, выстраивали гибкие балансы, были охвачены процессами культурной диффузии и социального взаимодействия. «Ногаи послужили одной из этнических основ казачества, привнеся в его среду черты степного жизненного уклада и кочевой культуры», – утверждает В. В. Трепавлов[161]. В последней четверти XVI в. вражда ногайцев и яицких казаков сменялась их сближением: «первые поняли, что уже не располагают достаточной силой, чтобы вернуть себе Яик, вторые нуждались в экономическом сотрудничестве с кочевниками, давно освоившими эти степные пространства. Объективно к мирному сосуществованию подвигало и то обстоятельство, что хозяйственные уклады тех и других почти не пересекались, и это создавало почву для отсутствия вражды как из-за угодий, так и для взаимовыгодного обмена»[162]. Бесконфликтные формы общения прослежены у Больших ногаев с донскими казаками в первой трети XVII в., показано совпадение их интересов в общем конфликте с Крымом, Малыми ногаями и азовцами. Отмечены и экономические связи между ними, а также складывание группы «донских татар» в Войске Донском[163].

Широкий охват синхронных явлений в тюркском мире XV–XVI вв. позволил В. В. Трепавлову выработать аргументированное видение тюркского казачества, отследить с максимальным привлечением источников конкретные случаи казакования и связанные с ним социально-политические кон-

---

[160] Термин «кочевая (степная) империя» был предложен в неоэволюционистской литературе как альтернатива понятию «государство», перегруженному однолинейно-эволюционистскими и стадиальными определениями и не вполне применимому к политической организации кочевников. Последняя определялась как «суперсложное вождество» – промежуточная ступень между ранним государством и составным вождеством (*Крадин Н. Н.* Вождество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995. С. 11–61; *Трепавлов В. В.* Ногайская альтернатива: от государства к вождеству и обратно // Там же. С. 199–208. *Он же.* Бий мангытов, коронованный *chief*: вождество в истории позднесредневековых номадов западной Евразии // Альтернативные пути к цивилизации: колл. монография / ред. Н. Н. Крадин и др. М., 2000. С. 356–367).

[161] *Трепавлов В. В.* Вольные казаки и Ногайская Орда (Некоторые подробности ранней истории казачества) // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2002. № 3. С. 49.

[162] Там же. С. 46.

[163] Там же. С. 47–48.

тексты. Появление данного феномена исследователь определил как «признак деградации государственности Золотой Орды и постепенного угасания государственного начала в Большой Орде». Согласно его выводу, «казаки того периода – это маргинальные группы степняков, которые, может быть, номинально и продолжали считаться ордынскими подданными, но вели себя все более независимо». От обычных номадов их отличала чрезмерная воинственность, а также смешанное проживание «в общих поселениях» представителей разных элей. Азовских казаков XVI в. В. В. Трепавлов убедительно связал с «татарами исчезнувшей [в 1502 г.] Большой Орды, не пожелавшими подчиниться победителям-Гиреям». Процесс «формирования в степях Восточной Европы вольных казачьих общин» представлен в следующем виде: эти общины, первоначально состоящие «почти исключительно из татар и, прежде всего, большеордынских» (предположены также «вкрапления – например, русских и черкесов»), все больше пополнялись «выходцами из славянских стран. Поселяясь вместе с татарскими старожилами, они образовывали общеизвестные объединения вольного казачества – будущие “войска” на Дону и в Запорожье»[164]. «Изначально казаками назывались кочевники, утратившие связь со своими родами и общинами и ведущие бродячий образ жизни», «изгой, человек вне Юрта», – таково общее определение, данное феномену тюркского казачества В. В. Трепавловым[165].

Вхождение «вольных казачьих общин» в орбиту Московского государства изображено им как прерывистый и неравномерный процесс. Показаны условия и средства, благодаря которым казачьи разбои становились все более управляемыми и используемыми Москвой «в качестве мощного орудия по замирению ногаев». «Московское правительство, – отмечает В. В. Трепавлов, – с одной стороны, не слишком старалось разубеждать степняков в том, что казаки подчиняются царю, но с другой – отказывалось брать на себя ответственность за них»[166].

В. В. Трепавлов подробно проследил отдельные случаи «казакования» кочевой аристократии. Оно представлено как нахождение вне статуса: изгнание[167], свержение[168], добывание престола вооруженной рукой[169], лидерство в отколовшемся кочевом коллективе. Последнее относится к случаям, когда рыхлая группировка с изменчивым составом и во главе с «незаконным» руководителем превращается в устойчивую общность, которая обладала устоявшимся статусом и была скреплена новыми иерархиями во главе с потомками этого «родоначальника». Таковой была Ногайская Орда на раннем этапе своего становления («казаки-ногаи»), представлявшая собой «объединение,

---

[164] *Трепавлов В. В.* Большая Орда – Тахт эли. Очерк истории. Тула, 2010. С. 24–27.
[165] *Он же*. История Ногайской Орды. Казань, 2016. С. 73, 140.
[166] *Он же*. «Орда самовольная»: кочевая империя ногаев XV–XVII вв. М., 2014. С. 117–122.
[167] *Он же*. История Ногайской Орды. Казань, 2016. С. 73, 93, 98.
[168] Там же. С. 249–253.
[169] Там же. С. 227.

не вписывавшееся в традиционную схему организации государственной власти». Позднее же, в 1530-е годы, когда сложился административный аппарат и «более или менее упорядоченная система власти», это «рыхлое объединение “казаков”-ногаев с неясным статусом […] обрело черты стабильного Юрта, кочевого владения-ханства»[170]. Отпадение от нее Малого Ногая представляется тем же случаем «казаклык», давшим начало новому кочевому объединению. «Родовая ветвь, к которой принадлежал Гази б. Урак, – пишет В. В. Трепавлов, – в 1530-х годах оказалась оттеснена от власти. Выйдя из Ногайской Орды, Гази фактически поставил себя вне ее улусно-эльной системы. По понятиям той эпохи, он стал типичным скитальцем-“казаком”. Так он рекомендовал себя сам в обращениях к Ивану IV, так же расценивали его соратники». Однако позднее его казакование «стало уступать место налаживанию стабильной улусной жизни»[171]. Также представлен вывод о том, что «Вторая Смута» в Ногайской Орде (середина XVI в.) вытолкнула на обочину государственной жизни «ногаев-“казаков”, не желавших присоединяться ни к одному Юрту»[172]. Т. е. произошло то же, что и в «Тахт эли» в начале XVI в.

Таким образом, В. В. Трепавлов довел до завершенного вида трактовку, намеченную на рубеже XIX–XX вв. В. В. Вельяминовым-Зерновым, В. В. Радловым и В. В. Бартольдом. Из нее следует, что тюркские казаки – это явление, возникшее в условиях разрыва социальных связей и в ситуации общего распада Золотой Орды, это люди вне статуса. Новые степные империи, возникшие из энтропии социальных и политических институтов чингизидской эпохи, оставались подверженными тому же процессу. Вряд ли стоит ожидать появления в научном обороте новых источников, изучение которых послужило бы основанием для существенного дополнения или пересмотра этого определения. Но все же, заметим, это определение не дало исчерпывающей характеристики самого *механизма группирования* в сообществах, лишенных стабильных вертикальных и горизонтальных связей, не показало, за счет каких именно ресурсов и какого именно способа их конвертации поддерживались первоначальные ранги, при определенных обстоятельствах превращавшиеся в наследственные иерархии в новых общностях.

В неоэволюционистской перспективе ранних работ В. В. Трепавлова *этот механизм* характеризуют понятия «простое вождество», «составное вождество», «суперсложное вождество», отражающие разные ступени интеграции кочевых обществ, доходивших до стадии раннего государства и срывавшихся в обратном направлении[173]. Если же увеличить масштаб рассмотрения «вождеств», прибегая к неоэволюционистскому перечню их характе-

---

[170] Там же. С. 98, 176–177.

[171] *Он же*. Малая Ногайская Орда. Очерк истории // Тюркологический сборник. 2003–2004. Тюркские народы в древности и в средневековье. М., 2005. С. 375–378.

[172] *Он же*. История Ногайской Орды. Казань, 2016. С. 279.

[173] *Он же*. Ногайская альтернатива: от государства к вождеству и обратно // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995. С. 199–208.

ристик, изложенных Н. Н. Крадиным[174], проявится инструментарий, связанный с понятиями, выработанными на материале Океании: реципрокация и редистрибуция (Бр. К. Малиновский, М. Д. Салинз, К. П. Поланьи). Впрочем, эта (субстантивисткая) программа исследований не была вполне реализована в кочевниковедении. Одной из причин этого обстоятельства следует считать подход, адресующий реципрокацию и редистрибуцию абстрактным «позднепервобытным», «предклассовым» обществам (Н. Н. Крадин)[175], а не конкретике формирования вождества из мужского союза, смоделированной М. Д. Салинзом[176]. Отдельная попытка отслеживания института мужского союза у средневековых кочевников по монгольским источникам предпринята Д. В. Цыбикдоржиевым[177]. Однако она лишена концептуализации данного института именно как *механизма* формирования вождеств, не исходит из анализа длительной истории изучения мужских союзов в мировой науке и не подкреплена сравнительно-историческим материалом, в большой массе накопленным в этнографической литературе.

Действие *того же механизма* показано в трудах С. П. Толстова и Г. П. Снесарева[178], которые еще не рассматривались в контексте изучения истории казачества. Эти исследователи анализировали ту же номенклатуру, что была представлена и в славянских казачествах: «казак», «джура», «ясовул» и др., показали ее связь с мужскими союзами, возрастными классами и инициациями у народов Средней Азии. Г. П. Снесарев (это мы рассмотрим отдельно) отметил организующую силу набегов, дарообмена и пиров в мужских союзах, их способность влиять на общины, в которые были включены семьи их членов, переструктурировать крупные коллективы, составлять основу их власти, выстраивать иерархии, создавать административные службы и ритуализировать порядок подчинения, закладывая тем самым систему «автоматического» поддержания этих иерархий в дальнейшем.

Применяемые В. В. Трепавловым понятия «родоплеменная организация», ее «возрождение» или «трайбализация»[179] обнаруживают черты советской традиции изучения догосударственных обществ. Однако в неоэволю-

---

[174] *Крадин Н. Н.* Вождество: современное состояние и проблемы изучения. С. 29.

[175] Там же. С. 11.

[176] *Sahlins Marshall D.* Poor Man, Rich Man, Big-Man: Political Types in Melanesia and Polinesia // Comparative Studies in Society and History. Vol. 5. № 3. April 1963. P. 287, 291–292.

[177] *Цыбикдоржиев Д. В.* Мужской союз, дружина и гвардия у монголов: преемственность и конфликты // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2004. С. 334–363.

[178] *Толстов С. П.* К истории древнетюркской социальной терминологии // ВДИ. 1938. № 1 (2). С. 75; *Он же.* Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948. С. 276, 317, 338; *Снесарев Г. П.* Традиция мужских союзов в ее позднем варианте у народов Средней Азии // Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958–1961 гг. Т. 2. М., 1963.С. 159–160, 168, 174–177.

[179] *Трепавлов В. В.* Ногайская альтернатива: от государства к вождеству и обратно. С. 201, 204.

ционистском направлении (М. Фрид, Э. Сервис и др.) были выработаны аргументы для отказа от понятия «*tribe*» как универсалии, адресованной всем догосударственным обществам[180]. Важно учесть и трактовку этого термина в постколониальных исследованиях, заявленную, в частности, И. Оайон: «племя и род являются сугубо идеологическими конструктами, созданными западными, российскими и советскими колониальными и империалистическими силами для своих периферий»; эти же конструкты являются средствами, с помощью которых «доминант мог составить иерархическую классификацию по отношению к доминируемому»[181].

В исследованиях последних лет, трактующих кочевую империю как сочетание «племенных, надплеменных и государственных механизмов управления», фактор половозрастной дифференциации в социальных процессах у кочевников находит все более весомую оценку[182]. Появляются специальные исследования половозрастных групп у тюркских кочевников, существенно меняющие научные представления об их социальной роли[183]. В недавнем исследовании Джу-Юп Ли, основанном на «традиционном», с некоторыми оговорками, толковании казакования (Qazaqlïq) как политически обусловленного и ориентированного *скитания* (the custom of political *vagabondage*) изгнанников (fugitives) из разных племен и государств, показано, что группы казаков или аналогичные им, жившие ранее и имевшие другие названия, «иногда» представляли собой сугубо мужские коллективы, занимавшиеся войной и грабежами, а не кочеванием. Эти «скитальцы-

---

[180] Н. Н. Крадин настаивает на сохранении понятия «племя», аргументируя необходимостью различать племена как эгалитарные общества и вождества как стратифицированные (*Крадин Н. Н.* Понятие «племя» в современной антропологии // Петербургские славянские и балканские исследования. 2015. № 2. С. 4–12). Однако отдельные кочевые (караногайцы) и горские общества («демократические» горцы Кавказа), изгнавшие свою аристократию, как и запорожское казачество, блокировавшее превращение своих рангов в наследственные, демонстрируют тот пример эгалитаризма, который нельзя связать с некими «племенными» характеристиками. Отказ от понятия «племя» делает возможным использовать другие понятия, адресованные верифицируемой конкретике: сети, кластеры (пучки), общины или устойчивые группы (bands), в пределах которых целенаправленное взаимодействие между людьми в традиционных условиях было значительно более интенсивным, чем за их пределами (*Артемова О. Ю.* Колено Исава: охотники, собиратели, рыболовы (опыт изучения альтернативных социальных систем). М., 2009. С. 181–182).

[181] *Ohayon Isabelle*. The Soviet State and Lineage Societies: Doctrine, Local Interactions, and Political Hybridization in Kazakhstan and Kirghizia During the 1920s and 1930s // Central Asian Affairs. Vol. 3. Issue 2. 2016. P. 171–172.

[182] *Васютин С. А.* Власть и социум в кочевых империях Центральной Азии VI – начала XII в.: автореф. дис. ... к. и. н. Улан-Удэ, 2016. С. 12, 14, 22.

[183] *Тишин В. В., Серегин Н. Н.* Возрастная дифференциация у древних тюрков VI–X вв.: опыт комплексного анализа // ЭО. 2016. № 1. С. 136–152; *Кызласов И. Л.* Счет возраста у пратюркских народов (попытка историко-культурной реконструкции) // ЭО. 2016. №. 6. С. 92–106.

изгнанники» охраняли территорию определенных «племен» и «иногда приводили их к новой политии и даже обретению новой идентичности»[184].

Анализ большого комплекса тюркских и персидских источников о казаковании, привлечение для его характеристики китайских и арабских письменных памятников позволили Джу-Юп Ли отследить на разных примерах XV–XVI вв. регулярность повторения одного и того же алгоритма: добровольный уход или вынужденное бегство в казаки отдельных индивидов, период их скитания, когда происходило формирование неких групп и власти их лидеров, особое значение для складывания подобных групп грабежей врагов или чужаков и эффективное распределение добычи между своими сторонниками, захват с помощью сложившейся группы власти в уже существующих государствах или создание новых государств (политий), формирование лидером из ближайших соратников по казакованию управленческого аппарата, основание им династии, возникновение новой идентичности населения этой «политии»[185].

Концептуализация такового алгоритма является, без сомнения, новым словом в кочевниковедении. Однако сдерживающим фактором оказалось для автора следование традиции представления о родах и племенах как о догосударственной стадии, а также использование понятийных эрзацев, как, например, «полития» в отношении «не совсем государства». Данная традиция своей умозрительной инерцией продолжает заслонять те механизмы социальной интеграции, которые вполне возможно проследить «эмпирически». Это сделал М. Д. Салинз в своей модели вырастания власти «биг-мена» в Океании из группы сторонников и реципрокаций, охватывавших сперва группу, затем общину и замыкавшихся на «биг-мене»[186]. Концептуализация Джу-Юп Ли воспроизводит тот же тип связей и отношений, однако облекает их в понятийную оболочку однолинейного эволюционизма, совершенно лишнюю, по крайней мере, для анализа такого типа общностей. В этой связи следует отметить отдельную попытку отслеживания действия реципрокных механизмов на примере деятельности Бахты-Гирея на османо-российском межграничном пространстве в начале XVIII в.[187]

---

[184] *Joo-Yup Lee.* Qazaqlïq, or Ambitious Brigandage, and the Formation of the Qazaqs State and Identity in Post-Mongol Central Eurasia. Leiden; Boston, 2016. P. 26, 51.

[185] Ibid. cit. P. 26–36.

[186] *Sahlins Marshall D.* Poor Man, Rich Man, Big-Man… P. 287, 291–292. По замечанию О. Ю. Артемовой, его концепция «общества первоначального изобилия», хоть и называлась «непрофессионально сработанной», однако «никем из серьезных исследователей не опровергнута» (*Артемова О. Ю.* Колено Исава… С. 131).

[187] *Грибовский В. В., Сень Д. В.* Бахты Гирей и проблема стабилизации границ Российской и Османской империй в первой трети XVIII в. // Wschodni rochnik humanistyczny. T. 8. Lublin; Radzyń Podlaski, 2012. С. 85–115; *Они же.* Кубанский султан Бахты-Гирей: феномен нелегитимной власти в Крымском ханстве первой трети XVIII в. // Тюркологический сборник: 2011–2012. Политическая и этнокультурная история тюркских народов и государств. М., 2013. С. 92–137.

Предпринятые за последние два десятилетия поиски этимологии слова «казак» и выяснения его социальных и этнических значений в большинстве случаев были сведены к повторению и систематизации (далеко не полной) прежних его трактовок[188]. Вряд ли можно считать удачной предпринятую Е. И. Прицаком попытку «перевода» слова «казак» со «старых и новых тюркских литературных языков» как «диггеров» (the digger), вероятно, в смысле солдат без выправки или вольных искателей легкой добычи, сродни пиратам (freebooter). Использование «аналитического метода этимологии» привело поиски филологических истоков к лексемам *qaz-* и *qazγan*, зафиксированным в VIII в., в значении: «заниматься набегами, завоевывать»[189]. Однако эта трактовка ничего не дает для понимания специфики *Qazaqlïq* как явления, все-таки, не сводимого только к набегам и завоеваниям.

Принципиальную новизну представили исследования казахстанского ученого украинского происхождения А. Н. Гаркавца, который отказался от традиционного «перевода» слова «казак» в формулировке: «бродяга, лицо без определенных занятий и т. д.» и аргументировал прочтение: «неженатый, не связанный узами брака, семьи»[190], что может служить основанием для рассмотрения этого слова как обозначения возрастного класса мужской молодежи. Другой казахстанский исследователь, В. П. Юдин, проанализировав 22 версии толкования слова «казак», остановился на значении «молодой», связанный с «пережитками мужского союза»[191]. Представленные выводы открывают принципиально новую перспективу исследования ранних казачьих сообществ, позволяющую широко привлекать сравнительно-исторический материал для моделирования процессов, крайне фрагментарно отраженных в источниках.

Среди значительных изменений в историографической ситуации на постсоветском пространстве относительно интересующей нас проблемы следует отметить введение в научный оборот новых тюркских и, в частности, османских источников по истории казачества[192]. Перевод на русский

---

[188] *Халимоненко Г.* Інститут козацтва: тюркського й українського // Східний світ. Київ, 1993. С. 108–115; *Бушаков В.* До питання про походження терміна «козак» // Східний світ. Київ, 1997. № 1–2. С. 21–26; *Султанов Т.* Кто такие казахи // Родина. 2004. № 2. С. 28–31; *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Казак: историко-политологическое и этническое содержание термина // *Они же*. Государства и народы евразийских степей: от древности к новому времени. 3-е изд., исправл. и доп. СПб., 2009. С. 296–303; *Марков В. И.* О возникновении украинского козачества. СПб., 2014. С. 22–96.

[189] *Pritsak Omeljan.* The Turkic Etymology of the Word «Qazaq» ‘Cossack’ // Harvard Ukrainian Studies. 2006. Vol. 28. No 1–4. P. 237, 239.

[190] *Гаркавец А. Н.* Codex Cumanicus. Алматы, 2015. С. 35–36.

[191] *Юдин В. П.* К этимологии этнонима казах (қазақ) // Центральная Азия в XIV–XVIII вв. глазами востоковеда. Алматы, 2001. С. 164.

[192] Архів Коша Нової Запорозької Січі. Корпус документів. 1734–1775 / упор. Л. З. Гісцова та ін.; наук. ред. І. Л. Бутич. Т. 2. К., 2000; *Галенко О.* Про діловодні переклади османо-турецької мови документів Архіву Коша Нової Запорозької

язык и издание в одной книге тюркологических исследований французских ученых, представленных в разных публикациях, является важным содействием аккумуляции знаний о степных обществах XVI–XVIII вв. и контекстах, в которые они были включены[193].

Уяснение неоднородности социально-политического «ландшафта» степного порубежья и далекого от однообразия характера включения отдельных его сегментов в состав Российского государства поставило на повестку дня вопрос о создании нового «языка описания», терминологии, адекватной современной историографической ситуации. Различение внутренней и внешней колонизации А. М. Эткиндом открыло для данного понятия, перегруженного разновременными идеологическими наслоениями, новую теоретическую перспективу, которая ставит эти наслоения в позицию предмета изучения и устраняет практику их неосознанной ретрансляции в исторические исследования. «Россия была как субъектом, так и объектом колонизации и ее последствий, таких, например, как ориентализм», – утверждает А. М. Эткинд[194]. Или «самоколонизации» и «самоориентализации», о чем пишет Д. Уффельманн[195]. Понятие «ориентализм», предложенное в 1978 г. Э. В. Саидом (знаковая система, которая выражает европейско-атлантическую власть над Востоком и которая при всей своей научной убедительности не является правдивым дискурсом о Востоке[196]), положенное в основу постколониальных исследований, может служить для деконструкции телеологических нарративов, искривляющих видение казачества как исторического явления, связанного с тюркским миром. Впрочем, современные исследования истории казачества еще далеки от такой постановки вопроса. К проблемам типологии степной границы и половоз-

---

Січі та проблеми їхнього археографічного опрацювання // Там же. С. 23–31; Документы по истории Волго-Уральского региона XVI–XIX вв. из древлехранилищ Турции: сб. док. / сост. И. А. Мустакимов; ред. Д. И. Ибрагимов. Казань, 2008; *Туранли Ф.* Тюркські джерела до історії України. К., 2010; *Сень Д., Мустакимов И.* Три документа XVI в. о ранней истории донских казаков // Україна в Центрально-Східній Європі: Зб. наук. пр. К., 2010. Вип. 9–10. С. 307–326. *Они же.* Азов и донские казаки по османским документам 1560–1570-х гг. // Вестник Танаиса. 2012. Вып. 3. С. 172–189; *Мустакимов И. А.* Азов в крымско-османских отношениях периода правления Девлет-Гирея I (по османским документам) // Архивы и архивное дело на Юге России: история, современность, перспективы развития: материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 16–17 октября 2015 г.) / ред. Д. В. Сень и др. Ростов н/Д., 2015. С. 5–8.

[193] Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей: сб. ст. / ред. И. А. Мустакимов и др.; ввод. ст. В. В. Трепавлова. Казань, 2009.

[194] *Эткинд А.* Внутренняя колонизация. С. 9–10.

[195] *Уффельманн Д.* Подводные камни внутренней (де)колонизации России // Политическая концептология. 2013. № 2. С. 57–84.

[196] *Саїд Едвард В.* Орієнталізм / пер. з англ. В. Шовкун. К., 2001. С. 17.

растного структурирования пребывавших на ней сообществ вплотную подошли фронтирные исследования.

Фронтирные исследования

Рецепция «теории фронтира» постсоветскими историками во многом исходила из поиска альтернативы традиционному нарративу колонизации и преодоления идеологически обусловленных представлений о степном порубежье как «линии фронта». Фронтирные исследования открывали перспективу существенного расширения коммуникации ученых из постсоветских стран и западного мира на основе нахождения общих теоретических позиций и научного языка. Ввиду возрастающих историографических переплетений во фронтирных исследованиях наработки постсоветских ученых, включившихся в это направление, уже не представляется возможным рассматривать отдельно от работ их западных коллег. Следует также отметить, что заимствование «теории фронтира» приводило к восстановлению того направления изучения истории Российской империи, которое было намечено в трудах сибирских областников (А. П. Щапов, Н. М. Ядринцев, Г. Н. Потанин) и отдельных историков казачества (С. Г. Сватиков).

Вводимое в постсоветский дискурс понимание фронтира основывалось на традиции, заложенной в американской историографии Ф. Дж. Тернером (1894, 1924). Причем сама эта рецепция, по иронии, происходила в то время, когда в США шла бойкая дискуссия о «закрытии» тернеровского понимания фронтира и даже отказа от использования этого названия как научно-исторического понятия. Застрельщиком дискуссии выступила П. Н. Лимерик (1987), призвавшая отказаться от понятия «фронтир» ввиду консервации с его помощью колониальных стереотипов, расистских и сексистских практик, хищнического отношения к природе – всего того, что составило тяжелое бремя «наследия завоевания»[197]. Постановка знака равенства между *Turner Thesis* и *Frontier Tesis* в постсоветских историографиях незаслуженно оттеснила на второй план другого теоретика фронтира – Оуэна Латтимора[198], оказавшего большое влияние на изучение степных обществ (А. М. Хазанов, Н. Н. Крадин, Т. Дж. Барфилд)[199].

---

[197] *Limerick Patricia Nelson*. The Legacy of Conquest. The unbroken past of the American West. N. Y.; L., 1988. P. 29, 43. Подробнее о дискуссии: *Чорновол І.* Компаративні фронтири: світовий і вітчизняний вимір. К., 2015. С. 48–49, 141, 284, 287.

[198] *Lattimore Owen*. Studies in Frontier History. Collected Papers 1928–1958. L., 1962.

[199] О разной перспективе оценивания идейного наследия Ф. Дж. Тернера и О. Латтимора см. нашу дискуссию с И. П. Чорноволом: *Грибовський В. В.* Межа межі. Нотатки на полях книги Ігоря Чорновола «Компаративні фронтири: світовий і вітчизняний вимір» (К.: Критика, 2015. 376 с.) // Фронтири міста: історико-культурологічний альманах / ред. В. В. Грибовський. Дніпро, 2016. Вип. 5. С. 189–212; *Чорновол І.* Межі порубіжжя: пограниччя проблем (відповідь Владиславові Грибовському) // Там же. С. 213–218. Размещение на электронном ресурсе:

Тернерово понимание фронтира хорошо прижилось в исследованиях истории Сибири и других регионов бывшей Российской империи, традиционно рассматриваемых в свете нарратива колонизации[200]. Однако это направление во многом сохранило «родимые пятна» данного нарратива, подвергнув его «косметическому ремонту» с наложением новых понятий на старые «несущие конструкции». Не вполне удачный перевод трудов Ф. Дж. Тернера на русский язык и их издание без основательной вступительной статьи и комментирования[201] оставляют желать лучшего в осмыслении его наследия, как и понимании российско-американских параллелей и перпендикуляров. Среди интересных попыток теоретического обновления следует отметить программу исследования степного Поволжья, берущую за основу «концептуальное положение – “внутренняя окраина” России» (П. С. Кабытов, Э. Л. Дубман). Это положение акцентирует внимание на длительной интеграции данного региона в состав России (с XVI до начала XX в.) и одновременно его функции в качестве «плацдарма для территориальной экспансии России далее на восток и юго-восток». В то же время этот регион определяется как «один из фронтиров Российского государства», «порубежная зона, где происходит интенсивная внутренняя и внешняя миграция большого числа населения, образование новых сообществ и отказ от старых, активное изменение окружающей среды, а также “пограничный обмен” между этнокультурными группами, включающий, помимо торговли, разнообразные формы межкультурных взаимодействий»[202].

Взгляд на восточноевропейское степное порубежье XV–XVIII вв. через посттернеровскую «теорию фронтира» позволил рассмотреть в нем существенные особенности и соответствия с другими пограничными пространствами, не замеченные советской историографией. Важным достижением фронтирных исследований стало выведение казацкой проблематики из затворничества специальности «отечественная история» и рассмотрение его как проблемы всемирной истории.

В первой типологизации «Степного Фронтира Европы», представленной У. Х. МакНиллом (1964), отмечена «эгалитарная и архаическая свобода казацких орд», противившихся попыткам Польского и Российского государств «ввести постоянную иерархию» и бывших одним из факторов фрон-

---

http://www.historians.in.ua/index.php/en/dyskusiya/1954-vladyslav-hrybovskyi-mezha-mezhi; http://archive.li/44lWZ

[200] *Иванова Л. М.* Сибирский фронтир: изучение вопроса в отечественной исторической науке // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 410. С. 72–76.

[201] *Тёрнер Ф. Дж.* Фронтир в американской истории / пер. с англ. А. И. Петренко. М., 2009.

[202] «Обретение Родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в. Очерки истории / ред. П. С. Кабытов и др. Ч. 1. Самара, 2013. С. 14, 15–16.

тирного состояния границ[203]. Работы М. Ходарковского, А. Каппелера, А. Рибера, Т. М. Баррета, Б. Дж. Боука[204] и др. западных авторов значительно усовершенствовали понятийный инструментарий фронтирных исследований применительно к Восточной Европе и обозначили сравнительно-исторический аспект их применения. Публикации украинских историков С. А. Лепьявко, В. А. Брехуненко, И. С. Стороженко, В. И. Мильчева, Р. И. Шияна[205] и др. вскрыли однотипные ситуации угасания действия центральной власти на степной периферии, стихийную демократию пограничных обществ, их противодействие усилению государственной регламентации (от вооруженного выступления до перехода на территорию с более слабым государственным контролем) и адаптацию к ней, доступность оружия и свободу его использования, вольную заимку земли и похожие способы утилизации ресурсов в каждом конкретном порубежье, сложное взаимодействие с туземным населением, почти всегда ведущее к его депопуляции.

Вклад фронтирных исследований в изучение степного порубежья Восточной Европы заключается в деконструкции стереотипного представления советской историографии о «линии фронта», где якобы шла постоянная

---

[203] *McNeill William H.* Europe's steppe Frontier. 1500–1800. Chicago; London, 1964. P. 89.

[204] *Khodarkovsky M.* Russia's steppe frontier. The making of the Colonial Empire, 1500–1800. Bloomington; Indianapolis, 2002; *Он же.* Горький выбор: верность и предательство в эпоху российского завоевания Северного Кавказа / авториз. пер. с англ. А. Терещенко. М., 2016; *Каппелер А.* Южный и Восточный фронтир России (XVI и XVIII веках) // Ab imperio. 2003. № 1. С. 47–64; *Рибер А.* Меняющиеся концепции и конструкции фронтира: сравнительно-исторический подход // Новая имперская история постсоветского пространства / ред. И. Герасимов и др. Казань, 2004. С. 199–222; *Barrett T.M.* The Terek Cossacks and the North Caucasus Frontier. A dissertation Ph. Doct. Washington, 1997; *Boeck B. J.* Cossacks Communities and Empire-Building in the Age of Peter the Greate. Cambridge, 2009; *Он же.* Фронтир или пограничье? Роль зыбких границ в истории донского казачества // Социальная организация и обычное право: материалы научной конференции. Краснодар, 2001. С. 147–155.

[205] *Леп'явко С.* Великий кордон Європи як фактор становлення українського козацтва. Запоріжжя, 2001; *Он же.* Аналоги українського козацтва у західному світі // Історія українського козацтва. Нариси у двох томах / редкол.: В. А. Смолій та ін. К., 2006. С. 102–115; *Брехуненко В. А.* Типологія Степового кордону Європи і перспектива дослідження історії східноєвропейських козацтв // Україна в Центрально-Східній Європі. № 6. К., 2006. С. 453–486. *Он же.* Козаки на Степовому Кордоні Європи: Типологія козацьких спільнот XVI – першої половини XVIII ст. К., 2011; *Стороженко І. С.* Богдан Хмельницький і Запорозька Січ кінця XVI – середини XVII століть. Кн. 2: Генезис, еволюція та реформування організаційної структури Січі. Дніпродзержинськ, 2007; *Мільчев В.* Запорожці на Військовому Кордоні Австрійської імперії 1785–1790 рр. (дослідження та матеріали). Запоріжжя, 2007; *Шиян Р. І.* «Фронтир зовнішній» і «фронтир внутрішній»: концепція південноукраїнського прикордоння між 1680-ми – 1750-ми роками // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. 2012. Вип. XXXII. С. 96–105.

борьба казачества с «турецко-татарской агрессией». Российский исследователь Д. В. Сень показал «пористость» донского сегмента российско-турецкой границы и значительный объем неконфликтной составляющей в отношениях донских казаков со своими тюркоязычными соседями. «Казаки, – пишет он, – представлявшие собой пограничные сообщества, видели в Крыме и турках-османах не онтологических и абстрактных “врагов христианства”, а разных людей и сообщества людей этих государств, соседей по границе и ее нарушению по обе стороны, соседей опасных и настроенных дружески, коварных и предлагавших им длительные неконфронтационные отношения […]. Нельзя говорить о существовании общей негативной позиции казаков (взятых в отдельности и вместе […]) в отношении к Крымскому ханству и Османской империи. Такой единой позиции никогда не существовало»[206]. Похожие акценты поставлены исследователем «поволжского фронтира» XVI–XVII вв. Э. Л. Дубманом: «Фронтир, а именно лесостепные территории всего Юго-Востока Европейской России, являлись зоной постоянных и не всегда военных контактов» русских промысловиков и кочевников[207].

Вместе с тем, во фронтирных исследованиях вскрылась своего рода «хитрость разума», подменяющая одно определение другим и произвольно переносящая свойства одного предмета на другой. Сформировалось устойчивое представление о том, что украинские и российские казаки являются прямым аналогом американских фронтирсменов, шедших впереди движения сеттлеров в «дикие» прерии, вытесняя неоседлых аборигенов. Здесь проявилось структурное совпадение с акцентами нарратива колонизации как движения крестьян в степь вслед за казаками, вытеснявшими кочевников-«татар». Так, О. Сацюк в своих «Сравнительных исследованиях ковбоя, гаучо и казака в избранной прозе» (1973) отметила: «хотя эти три всадника родились в разное время и в разных культурах, их породила одна общая черта: фронтир, Западная равнина США, пампа и степь соответственно. Это был их повелитель, воспитатель, их философия и знание […]. Борьба за пищу, одежду и кров была такой же отчаянной, как и *борьба* с индейцами и татарами. Знания, характер и привычки, которые им пригождались лучше всего, они осваивали быстро. Таковые задерживались надолго и предшествовали тем, кто приходил потом. Постепенно это становилось кодом»[208]. Фронтир как «философия», которая «порождает», «код», который осваивается, вряд ли могут быть надежными аналитическими понятиями, хотя бы ввиду эссенциализации своего предмета.

---

[206] *Сень Д. В.* Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина XVII – начало XVIII в.). Ростов-на-Дону, 2009. С. 13.

[207] *Дубман Э. Л.* Поволжский фронтир в середине XVI–XVII вв. Очерки истории. Самара, 2012. С. 35.

[208] Цитата по украинскому переводу английского оригинала: *Чорновол І.* Компаративні фронтири: світовий і вітчизняний вимір. К., 2015. С. 85.

Тернеровы «очки», особенно если через них смотреть на пространства, которые вряд ли стремился созерцать их владелец, имеют такой же модернизаторский параллакс, что и «оптика» марксизма. Тернер пользовался теми же однолинейно-эволюционистскими понятиями («дикость», «цивилизация», наступление второй на первую как прогресс), что и его старший современник и соотечественник Л. Г. Морган, труды которого К. Маркс и Ф. Энгельс положили в основу «материалистического понимания истории», точнее доистории. Представления о четырех восходящих стадиях развития экономики (охота, рыболовство и собирательство – скотоводство и земледелие – ремесло, торговля, промышленность), конечно, было бы ошибкой сводить лишь к трактовкам Моргана и Энгельса. Их сформировали еще в XVII в. европейские интеллектуалы, причем исходя из материала колониальной Америки. Как, например, Дж. Локк утверждал: «Вначале весь мир был как Америка»[209]. Однолинейный эволюционизм взрастал на почве европейского Просвещения вместе с колониальными практиками XVII – начала XX в.

Фронтирные исследования, кроме выявления самых общих причин человеческого поведения в условиях ненормированного государством пространства, вряд ли могут исчерпывающе объяснить институты, из действия которых складывались пограничные сообщества. С. А. Лепьявко очень кстати заметил, что сравнение «заселения украинских степей и американских прерий […] дает *дополнительные возможности* для понимания того, как в похожих исторических условиях формируются похожие исторические формы организации населения»[210]. Однако *основной* анализ не может исходить из воображаемого подобия североамериканских пионеров (ковбоев и т. д.) украинским и российским казакам, сеттлеров – крестьянам, а индейцев – ногайцам. От фронтирных исследований не стоит ждать объяснения причин того, почему демократия в Запорожье и на Дону основывалась не на кодифицированном праве, как в США, а на гибком обычае, ускользающем от кодификации, или того, почему демократия у казаков предполагала общее согласие через подавление большинством меньшинства, а в Северной Америке – основывалась на индивидуальном волеизъявлении и защите «сугубо эгоистических интересов каждого в отдельности»[211]. Вопрос о том, чем демократия Запорожья и Дона отличалась от западных демократий, еще не имеет четкой постановки, несмотря на многочисленную литературу (включая труды тех же Д. И. Яворницкого и С. Г. Сватикова), истолковывающую эти явления с применением современной политико-правовой терминологии. Без объяснения осталось и то обстоятельство, что казачья заимка не приводила к формированию частной собственности на землю, рынку земли, как в Северной Америке, а регули-

---

[209] *Эткинд А.* Внутренняя колонизация… С. 129.

[210] *Леп'явко С. А.* Аналоги українського козацтва у західному світі. С. 104.

[211] *Токвіль Алексіс де.* Про демократію в Америці / пер. з фр. Г. Філіпчук та М. Москаленко. К., 1999. С. 61.

ровалась перераспределением по типу общинного[212]. Нельзя сбрасывать со счетов и религиозно-мистические искания «нового Адама» в Новом Свете[213], контрастирующие с видением православным духовенством «странностей» и «пороков» запорожцев, как и всей «ненормальности» жизни в «дикой» степи[214]. В каждый конкретный фронтир выходцы из каждой конкретной метрополии несли не только свой, отличный от прочих социальный опыт, адаптируемый к местному природному и инородному окружению, но и устойчивые формы мировоззрения, политической культуры, хозяйственных навыков и мн. др. Все эти характеристики нельзя сводить к общему знаменателю – европейскому.

Монография С. Сэбола (2017) представляет значительный интерес в связи с анализируемой проблемой, ввиду представленной в ней попытки выяснения общего и особенного в территориальной экспансии США и России, сопоставления реакций на американский и российский экспансионизм индейцев-сиу и казахов, выявления роли в нем фронтирсменов и казаков. К группе «общее» автор отнес то обстоятельство, что «США и Россия стерли различия между своим происхождением от метрополии и вновь присоединенными территориями, объединенными (amalgamated) в одно государство». Как континентальным державам, к США и России применено понятие «внутренняя колонизация» (internal colonization). В качестве особенного отмечено: США колонизировались, но не имели колоний, были империей, но не империалистическим государством, как Великобритания и Франция. Российская империя тоже колонизировалась и не имела колоний, однако была империалистической державой[215]. К различиям отнесено то, что американская экспансионистская идеология была порождена европей-

---

[212] А. А. Кауфман на примере Сибири показал, что заимка сама по себе не вела к частной собственности на землю, а превращалась в «чисто общинное владение» (*Кауфман А. А.* Община. Переселение. Статистика. Сборник статей. М., 1915. С. 9–16). Этот вывод существенно сужает пространство для уподобления Сибири и США и подвергает сомнению утверждение о том, что российская дальняя периферия «вполне походила на американский Запад» такими характерными чертами, как стихийная свобода и демократия, индивидуализм, прагматизм, религиозная терпимость и т. д. (*Замятина Н. Ю.* Зона освоения (фронтир) и ее образ в американской и русской культурах // Общественные науки и современность. 1998. № 5. С. 76, 78–80, 82).

[213] *Lewis R. W. B.* The American Adam. Innocence, Tragedy and Tradition in the Nineteenth Century. Chicago, 1955. P. 79.

[214] *Прокопович Феофан*. История императора Петра Великаго от рождения его до взятия в плен остальных шведских войск при Переволочне, включительно, изданная с обретающагося в Кабинетной архиве дел Его Императорскаго Величества. Изд-е второе. М., 1788. С. 148; *Архімандрит Леонтій (Лука Яценко-Зеленський)*. Подорожі на Запорозьку Січ у 1749–1750 і 1751 рр. / упор. В. Грибовський, В. Мільчев. К., 2012. С. 37–40.

[215] *Sabol S.* «The Touch of Civilization»: Comparing American and Russian Internal Colonization. Boulder, 2017. P. 3–4.

скими «предками» – либерализмом в философии Локка, с ее акцентами на частной собственности, гражданских свободах, тяжелом труде и договорных отношениях; этот набор был дополнен концептом цивилизаторской миссии в отношении коренного населения континента, чем обосновывалось завоевание данной части континента и подчинение этого населения. Российская же экспансия изначально не имела подобной идеологии и приводилась в движение торговлей и соображениями «безопасности». Лишь к концу XIX в. была разработана идеология российской цивилизаторской миссии, сопоставимая с западными концептами и предназначенная «для интеграции нерусских [народов] в имперскую, но не национальную, структуру и идентичность»[216].

Сравнение казахов и индейцев-сиу отражено в следующих характеристиках: «Эти два кочевых (nomadic), сильных в военном отношении общества бросали отдельные вызовы и делали особые затруднения для американской и российской экспансии» – больше, чем другие, менее сплоченные «туземцы». И те, и другие названы номадами; допуская подобную терминологическую неряшливость[217], автор вполне осознает, что сиу были подвижными охотниками (migratory hunters, hunter-nomads), а казахи – скотоводами[218], способными создавать гораздо бóльшие материальные ресурсы[219]. Однако, сиу и казахи, по не вполне убедительному заключению С. Сэбола, развивали похожие политические структуры, приспособленные к кочевой жизни, которые не были понятными ни для американцев, ни для русских[220]. Вопреки застывшим представлениям о «кочевых варварах», черпаемых американцами и русскими из античных текстов и собственных предубеждений, сиу и казахи постоянно менялись, однако оставались врагами для колонизаторов и воспринимались ими как чуждые прогрессу общества, якобы закостеневшие в своем «диком» прошлом[221]. И если прави-

---

[216] Ibid. cit. P. 235

[217] А. М. Хазанов аргументировал принципиальное различие между охотничьей подвижностью коренного населения Америки и кочевым скотоводством в Евразийской степи: «скотоводство представляет собой особый тип (или скорее типы) экономики, связанной с производством пищи, и в этом отношении отличается от верховой охоты». Индейцы равнин, заимствовавшие у европейцев лошадь, использовали ее не для *производства пищи*, а только как средство охоты. «Соответственно, имеются четкие различия как в характере периодических передвижений верховых охотников и скотоводов-кочевников, так и в факторах, определяющих их годичный экономический цикл» (*Хазанов А. М.* Кочевники и внешний мир. Изд. 3-е, доп. Алматы, 2002. С. 24).

[218] *Sabol S.* «The Touch of Civilization»… P. 6, 35, 52.

[219] Ibid. cit. P. 54–55.

[220] Ibid. cit. P. 59.

[221] Ibid. cit. P. 33–35, 38. Лари Вульф обратил внимание на просветительские представления об «отсталости» тюркоязычных народов («татары» как современные «скифы»; Вольтер в письме к Екатерине II: «турецкий язык следует изгнать из Европы вместе с теми, кто им разговаривает») и связь этих представлений с

тельство США ставило перед собой задачу полной ассимиляции сиу (язык, одежда, отношение к труду), то монархия Романовых не превращала казахов в русских и удовлетворялась обеспечением их лояльности[222].

Как утверждает С. Сэбол, казаки не были передовым отрядом русской колонизации; образ «авангарда и агентов “русской цивилизации на диком азиатском востоке”» был создан в отношении них позднее, когда сформировалась идеология российской цивилизаторской миссии (конец XIX в.). Автор считает казаков вполне сопоставимыми с американскими фронтирсменами, но с той разницей, что первые находились в большей зависимости от государства и принужденности служить в его интересах, поскольку были вовлечены в «поселенческую экспансию», проводимую этим государством; в то время как европейская экспансия на территориях сиу имела не поселенческий, а торговый характер. Французские «*coureurs de bois*» («бегуны леса», охотники, торговцы мехом) перенимали культуру и быт коренных жителей, женились на индейских женщинах, проявляли больше частной инициативы и не были скованы государственной регуляцией, как казаки в России. Однако казаки-поселенцы редко разделяли интересы империи. Ни французы, находящиеся по соседству с сиу, ни казаки, живущие рядом с казахами, не были агентами государства, посланными завоевывать край, а представляли типичный случай «симбиоза и взаимодействия» (mutualistic and cooperative relations), трансформации идентичности в этой контактной зоне. Государства, каждое соответственно, использовали социальные и экономические сети, созданные казаками и фронтирсменами, манипулировали связями, которые они установили с коренными жителями колонизируемых территорий. Смешение с туземцами (браки как основа всего следующего), тесное общение с ними, заимствования, аккультурация, бегство от государственной регламентации или избегание таковой – вот основной набор характеристик, адресованный С. Сэболом и российским казакам, и «*coureurs de bois*»[223].

«Российская экспансия была скорее результатом казацкой колонизации», чем следствием продвижения регулярной армии и крестьян, – таков общий вывод С. Сэбола[224]. Он также обратил внимание на то обстоятельство, что казаки и крестьяне, обосновавшиеся в колонизируемом краю, становятся «еще бóльшими туземцами, чем сами туземцы». Проявление новой идентичности, возникшей в ситуации симбиоза и взаимной аккультурации,

---

обоснованием завоеваний Российской империи, «прометеизацию» образов Петра I и Екатерины II западными просветителями (*Вульф Ларі.* Винайдення Східної Європи. Мапа цивілізації у свідомості епохи Просвітництва. К., 2009. С. 292–313, 417–418 и др.). Известны аналогичные высказывания Чарльза Диккенса об индейцах: «Я называю его дикарем, а дикарь – это тот, кого крайне желательно “цивилизовать” с лица земли» (Цит. по: *Замятина Н. Ю.* Зона освоения (фронтир) и ее образ… С. 86.).

[222] *Sabol S.* «The Touch of Civilization»… P. 235.

[223] Ibid. cit. P. 74–75.

[224] Ibid. cit. P. 90.

С. Сэбол находит в восстании Е. Пугачева (ошибочно назван «казаком из Сибири»), отмечая участие в нем башкир, татар, калмыков и казахов[225].

Представленный С. Сэболом анализ вскрыл больше различий, чем сходств сравниваемых предметов, показав при этом те «зоны риска», в которые неизбежно попадает исследование, построенное по принципу «компаративных фронтиров»[226]. Прежде всего, это касается приписывания общих свойств предметам сравнения, искажающего их социально-историческую специфичность. Ни индейцев-сиу не следует трактовать как кочевников, ни политическую организацию казахов, связанную исторической традицией с великими империями Евразийской степи, нельзя сопоставлять с индейскими конфедерациями XVIII–XIX вв., ни казаков, не знавших никакой «протестантской этики и духа капитализма», не стоит уподоблять фронтирсменам Северной Америки, жившим в условиях складывающейся рыночной экономики. Сомнительно также применение понятия «внутренняя колонизация» (internal colonization), когда речь идет о захвате «ничьих» земель, а не о процессах внутри территории с устоявшимся суверенитетом. Иначе получается телеологизм, переносящий известный результат на неизвестный процесс.

Фронтирные исследования вплотную подошли к проблеме гендерного дисбаланса на «колонизируемых» землях, однако не представили удовлетворительного объяснения причин исключения женщин из казачьих сообществ, что характерно для запорожцев и других казацких групп на ранних этапах. Как, например, у сибирских казаков проблему бессемейности решило только вмешательство российской администрации, обязавшей их жениться на туземных женщинах[227].

И. П. Чорновол, автор монографии «Компаративные фронтиры» (2015), свои размышления о проблеме «пола на фронтире» начал с констатации количественной диспропорции между мужчинами и женщинами, преобладания мужчин в любом пограничном сообществе, включая и Запорожье. Вопрос о причине этого явления исследователь поставил так: «Не коренится ли этика игнорирования женщин в особенностях фронтирного общества?» И ответил на него утверждением о существовании некоего «маскулинного культа», из-за которого «женщинам приходилось нелегко»[228]. Но этот ответ не объясняет социального и культурного набора средств, необходимых для конструирования подобного «культа», если о нем вообще можно вести речь; не вносит он ясность и в вопрос об отсутствии подобной диспропорции у коренных жителей тех же пространств, что с приходом европейцев становились фронтиром, – коренных народов Аме-

---

[225] Ibid. cit. P. 83–85.

[226] В этой связи напомним еще раз наше критическое рассмотрение монографии И. П. Чорновола «Компаративные фронтиры: мировое и отечественное измерение», указанное в размещенной выше ссылке.

[227] *Malikov Yu.* Tsars, Cossacks and Nomads. The Formation of a Borderland Culture in Northern Kazakhstan in the Eighteenth and Nineteenth Centuries. Berlin, 2011. P. 82.

[228] *Чорновол І.* Компаративні фронтири: світовий і вітчизняний вимір. С. 224.

рики и ногайцев, казахов и других тюркских этносов, соседствующих с казаками и солдатами гарнизонов российских крепостей. Так, например, на Яике и Самаре, эти крепости были населены почти исключительно военнослужащими-мужчинами[229]. Примеры можно дополнить и свидетельством А. П. Чехова (1890) об острове Сахалин, где не было диспропорции полов среди коренного населения (у гиляков женщины численно преобладали над мужчинами, однако совершенно зависели от их произвола); «вольная колонизация», шедшая сюда из Сибири, не оставила здесь следа. Первые русские, появившиеся на острове, были бессемейными, занимались исключительно охотой и рыбалкой и находились в постоянном поиске лучших угодий (явление, вполне сопоставимое с американскими пионерами, предшествовавшими сеттлерам). В условиях же сахалинской каторги пропорция женщин и мужчин среди ссыльных составляла 53 и 100, в тюрьмах и казармах – 25 и 100. Мужчины-поселенцы и недавно прибывшие женщины сходились по распределению, производимому местными чиновниками, часто без сочетания браком: «Начальник округа и смотритель поселений вместе решают, кто из поселенцев и крестьян достоин получить бабу»[230]. Т. Б. Щепанская на примере Русского Севера показала модель возникновения и функционирования «женских сфер» в экстремальных условиях, которые *сами по себе не ведут* к пренебрежению мужчинами женщин, хотя и не являются благоприятными для воспроизводства того типа семьи, что был характерен для центральных районов России[231].

Приведенные примеры бессемейности или деформации семейных отношений у казаков, промысловиков, солдат и жителей крепостей, ссыльных и каторжных выглядят однотипными в свете традиционного нарратива колонизации и фронтирных исследований. Однако коренное отличие первых и вторых заключается в том, что они находились на «фронтире» по собственной воле, тогда как все остальные – по воле государства. И если в отношении *всех остальных* можно говорить о вынужденной бессемейности, то казаки и промысловики, пребывающие в тех же экологических нишах, что и ногайцы, казахи, гиляки и др., никакой принужденности к безбрачию не испытывали, т. е. мы имеем дело с разными явлениями, хотя внешне они выглядят одинаково.

Т. М. Баррет обратил внимание на «странность» отношения казаков к женщинам – начиная с общеизвестного бросания в воду «персидской княжны» Стенькой Разиным и заканчивая своеобразными нравами в семьях терских казаков, отсутствием у них сексуальных регуляторов, характерных для

---

[229] *Федорова А. В.* Казачество пограничных линий и кочевая степь // Вместе на одной земле. Этническая история и культура казахов Оренбуржья. Оренбург, 2006. С. 34.

[230] *Чехов А. П.* Остров Сахалин (Из путевых записок) // Собрание сочинений в 12-ти тт. Т. 11. М., 1985. С. 171, 207–208, 237–242, 250.

[231] *Щепанская Т. Б.* Кризисная сеть (традиции духовного освоения пространства) // Русский Север: К проблеме локальных групп. СПб., 1995. С.110–176.

всех патриархальных аграрных обществ[232]. С одной стороны, ученый отметил (1997), что историографическая практика последних двадцати лет показала неприемлемость «тернеровского типа фронтирной истории» для изучения истории Российской империи, поскольку ее нельзя рассматривать как движение свободных белых поселенцев, создающих американский индивидуализм и демократию, к «незанятым» землям. Вместо этого приходится говорить о более сложном процессе, вовлечении людей разных рас и наций, живущих в неоднородных экологических условиях, в одно государственное пространство, культурном смешении, социальной стратификации и формировании мифологий (grand myth-making)[233]. С другой стороны, он считает возможным утверждать о том, что семейное положение казаков ничем не отличалось от пограничных сообществ Нового Света (приведен пример маронов), живших в одно время с ними и допускавших полигамию. Как общую для все их черту отметил: «недостаток духовенства и нехватку женщин создавали гибкую сексуальную этику»[234]. «Если бы расселение не было столь важной частью казацкой миссии, их гендерные отношения были бы аналогичными тем, которые имели место в лагерях золотоискателей или на пиратских кораблях: временные мужские общины, основанные на извлечении прибыли. Женщины, к примеру, на золотых приисках, встречались редко […]. Они, как правило, занимались обслуживанием […], продавали все, что можно, от пирожков до своих тел», – утверждает Т. М. Баррет[235].

Получается, что казаков от пиратов и золотоискателей отличает только «миссия», состоящая в «расселении». Телеологизация и некритическое воспроизводство структуры традиционного нарратива колонизации здесь отчетливо видны, как и в повторении связанного с этим нарративом толкования слова «казак» в формулировке «свободный, независимый человек, искатель приключений, бродяга». Т. М. Баррет уверен, что «наиболее напряженный момент […] истории казачества заключался в конфликте между казацким завоеванием и казацкой колонизацией, между военной службой и потребностями их сообществ»[236]. Эти же потребности у Т. М. Баррета всецело определяются «диктатом дефиниций», а не эмпирическим отслеживанием реальных условий. Кроме того, рассмотрение казаков в одном ряду с религиозной сектой маронов, пиратами и золотоискателями предполагает общую для всех них вовлеченность в рыночную экономику, которая быстро складывалась в Северной Америке, но о существовании которой даже в европейской части евразийской степи, где господствовал натуральный обмен, можно говорить с большой натяжкой и только в от-

---

[232] *Баррет Томас М.* «Не годится казаку жить одному»: женщины и гендер в казацкой истории // Нестор. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы / ред. и сост. Б. Н. Миронов. СПб., 2007. №. 11. С. 267–278.
[233] *Barrett T.M.* The Terek Cossacks and the North Caucasus Frontier. P. 11.
[234] *Баррет Томас М.* «Не годится казаку жить одному»… С. 276.
[235] Там же. С. 268.
[236] *Barrett T.M.* The Terek Cossacks and the North Caucasus Frontier. P. 15.

ношении локальных центров. Даже в далеком от степной границы г. Харькове, по сообщению 1781 г., «одно вино и соль покупают […] на наличныя деньги, прочее все на промен»[237].

Источники содержат много информации о насилии украинских и российских казаков над женщинами своих тюркских соседей; это, в частности, отмечал Н. А. Мининков (см. выше). Однако случаи того, чтобы женщины казакам «продавали все […], от пирожков до своих тел», если говорить о ситуации не позднее XVIII в., вряд ли были возможны. Документы позволяют отследить такие формы «временного брака» как отдача девушек за калым (уплачиваемый скотом) и их возвращение родителям – «из лакомства», а не для заведения семей по степному обычаю. В подобные сделки в середине XVIII в. были вовлечены и яицкие казаки, и офицеры гарнизона Гурьева городка, держащие у себя степных девушек и «дарящие» их по своему произволу, и кочующие вблизи него калмыки, и казахи. Яицкие казаки пропускали казахов кочевать в запрещенные для их нахождения места и входили с ними в настолько близкие контакты, что не считали нужным показывать их «оку государеву»[238]. Многие из этих связей и отношений не были «засвечены» в правительственной документации, и, конечно, приведенные примеры являются лишь немногими случаями, замеченными пограничной администрацией; многое же навсегда осталось в «тени».

Т. М. Баррету не удалось слишком далеко проникнуть в эту тень. Вероятно, выражение: «Не годится казаку жить одному», вынесенное в заглавие одной из своих публикаций, он считал императивом, действенным во все времена (gender needs). Первые русские казаки, селившиеся на Северном Кавказе в XVI–XVII вв., согласно его обоснованному предположению, были «в большинстве, если не исключительно, мужчинами». Менее обоснованным выглядит предположение о том, что с целью создания семей терцы умыкали туземных женщин или женились на пришедших из своего отечества; однако гендерный дисбаланс оставался проблемой (endemic problem) до XIX в. Умыкание невест (bride theft) Т. М. Баррет рассматривает как «традицию, общую для многих горских и мусульманских обществ, включая и многие регионы Северного Кавказа». Терские казаки, по этой логике, просто заимствовали данную традицию и следовали ей, совершая «походы за невестами» во внутренние губернии России. Правительственные выплаты в случае женитьбы казаков в середине XIX в. Т. М. Баррет считает поощрением конверсий туземок в христианство; но в то же время, что более справедливо, полагает семейного казака более привязанным к

---

[237] Путешественныя записки Василья Зуева от С. Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 году. СПб: Императорская академия наук, 1787. С. 184.

[238] *Грибовский В. В.* Граница Казахского ханства и Российской империи по р. Яик в 30–80-е гг. XVIII в. (по материалам Государственного архива Астраханской области) // Материалы международной научно-практической конференции «От Казахского ханства к независимому Казахстану» (22–23 мая 2015 г.) / ред. Б. Г. Аяган. Астана, 2015. С. 55–58.

месту своего жительства, а это больше устраивало правительство, чем его бессемейная вольность[239]. Избегание семьи, характерное для многих казачьих сообществ (и терцы в этом отношении не составляли исключение), не было замечено данным исследователем. Как и остались в стороне от его взгляда реципрокации – дарообмен, взаимные услуги, выручка, обязательства, столь характерные для народов Кавказа и степных обществ.

К проблеме бессемейности казаков впервые комплексно подошла М. А. Рыблова (2006), представив попытку обоснования их социальной типологии (на основном примере Войска Донского) как «мужского сообщества» или «мужского союза»[240]. Не углубляясь в историю изучения данного института, М. А. Рыблова предприняла попытку его рассмотрения в русле фронтирных исследований. Раннее казачество она типологизировала как «социокультурный феномен, формирование и развитие которого на начальном этапе определялось двумя основными факторами: половой однородностью и существованием в маргинальном пространстве в экстремальных условиях»[241]. Фронтир («Дикое Поле») она определила как трудное для выживания и аномийное (то, на которое не распространено действие государственных законов) пространство, противоположное «статусной территории» (охваченное действием государственных законов). Такое понимание фронтира М. А. Рыблова соединила с выводами Т. Б. Щепанской, К. Л. Банникова и В. В. Волкова[242] о типах социальности, возникающих в условиях «семантической пустоты» и экстремальной ситуации. Это позволило М. А. Рыбловой по-новому взглянуть на проблематику фронтирных исследований и наработать интересные выводы. По известным фольклорно-этнографическим источникам она попыталась отследить «ядерные структуры», появлявшиеся в условиях «социальной неопределенности» (терминология Т. Б. Щепанской), и поставить вопрос о складывании из этих структур специфической казацкой социальности[243]. Конечно, не все экстремальные группы были казацкими, как и сама по себе экстремальность не является определяющей для половозрастной дифференциации и ограничения связи с представителями

---

[239] *Barrett T.M.* The Terek Cossacks and the North Caucasus Frontier. P. 270–273.

[240] *Рыблова М. А.* Донское братство. Казачьи сообщества на Дону в XVI – первой трети XIX века. Волгоград, 2006. 544 с.; *Она же.* Мужские сообщества донских казаков как социокультурный феномен XVI – первой трети XIX в.: дис. … д. и. н. СПб., 2009; *Она же.* Проблема сохранения и воспроизводства культурного наследия российского казачества // Казачество в социокультурном пространстве России: исторический опыт и перспективы развития: Тез. Всеросс. науч. конф., 28–29 сент. 2010 г. Ростов-на-Дону, 2010. С. 185–188.

[241] *Рыблова М. А.* Донское братство… С. 12.

[242] *Щепанская Т. Б.* Странные лидеры (о некоторых традициях социального управления у русских) // Этнические аспекты власти: сб. ст. СПб., 1995. С.211–240; *Банников К. Л.* Антропология экстремальных групп. М., 2002. 400 с.; *Волков В.* Силовое предпринимательство. СПб., 2002. 281 с.

[243] *Рыблова М.А.* Донское братство… С. 351, 375–379.

противоположного пола. Чтобы уменьшить риск анахронического искривления, М. А. Рыблова увязала эти «ядерные структуры» с мужскими сообществами как «весьма архаическими структурами», воспроизводившимися в Диком Поле[244]. Зона нахождения раннего казачества – «это мир, противопоставленный пространству “домашнему”», «статусной территории»[245]. Речь идет не об избегании семейной связи с женщинами в донских городках, как на Сечи, а о том, что в ранние времена казачества здесь не сложились права «статусной женщины». Женитьба для казака означала потерю полноценности и запрет жить в одном курене с другими казаками[246]. Причины, в силу которых донцы адаптировали свой казачий уклад к семейной жизни в первой половине XVII в.[247], а запорожцы до конца XVIII в. оставались бессемейными, М. А. Рыблова оставила без объяснения.

По большому счету, наработки М. А. Рыбловой представляют результат соединения фронтирных исследований с трактовками мужских союзов в поздней советской этнографии. Это проявилось в принципах, методах, подходах и терминологии («потестарный», «архаический» в значении: «пережиток»), примененных в исследовании. М. А. Рыблова солидарна со стадиальным определением раннего казачества как архаического, доклассового и военно-демократического социального образования. Дикое Поле она представила образе «коридорного пространства», где в течение многих веков «“сквозило” в этническом и культурном плане», как «культурный и социальный вакуум», «аномию». Мужские сообщества здесь, в ее представлении, воспроизводились из «глубин русской социокультурной традиции», «коллективной памяти», а также половозрастных групп, существовавших в украинских и российских селах еще в XX в. Увязывание истоков казачества с подростковыми и молодежными группами создало чрезвычайно интересную исследовательскую перспективу. Влияние тюркского фактора на формирование казачества М. А. Рыблова не отрицает, но все же считает их основу «русской», и не только архаику, но и современность (для XVI–XVII вв.), ведь донское казачество сформировалось, согласно ее выводу, преимущественно из носителей опыта жизни в Московском государстве и затем пополнялось главным образом из него. В Диком Поле носители этого опыта оставались под разнообразным влиянием государства, с территории которого они вышли; отмечена также «маргинализация» населения Московского государства в условиях Ливонской войны, Опричнины и Смуты[248].

Таким образом, у М. А. Рыбловой представлена сложная модель, в которой архаическое явление показано в ситуации воздействия феноменов поздней «стадиальной» природы, а также регресс. Однако эта модель не выходит за рамки однолинейного эволюционизма и является приспособ-

[244] Там же. С. 14, 188.
[245] Там же. С. 109, 113.
[246] Там же. С. 188–189.
[247] Там же. С. 50.
[248] Там же. С. 14, 40, 46, 49, 82, 172, 188.

ленной к исследованию методами советской этнографии, а не постсоветской исторической науки.

Итак, теория Моргана–Энгельса, законсервированная в советской этнографии и истории «доклассовых обществ», создает существенные ограничения в изучении казачьих сообществ и содержит в себе инструменты конвертации исследовательских процедур в произвольную идеологическую практику. Она может хорошо уживаться с фронтирными исследованиями, показавшими свою эффективность в изучении взаимодействия гетерогенных обществ в контактных зонах, но в то же время, и ограниченность в выявлении механизмов формирования и функционирования этих обществ, их позднейших изменений. Деконструкция однолинейных эволюционистских построений, применявшихся в изучении истории казачества, является актуальной аналитической операцией, выводящей исследование казачьих сообществ на иные теоретические позиции. Эта операция вплотную приближает исследователя к проблематике мужских союзов как универсального явления мировой истории до эпохи модерна. Действенность этой операции зависит от учета аргументов, уже наработанных в отношении коллективов такого же типа в другой географической и хронологической локализации.

Все вышеизложенное, конечно, не претендует на исчерпывающую характеристику истории изучения всего разнообразия связей и отношений казачества с тюркским миром, как и не стремится к полному учету всех подходов к разработке этой многосоставной проблемы. Однако наш анализ может считаться достаточным для обоснования актуальности на современном этапе изучения следующих ее аспектов: 1) половозрастная структура тюркских казаков и факторы ее изменения в восточнославянских казачествах; 2) социальная специфика бессемейных групп, ее открытость к приему разноэтничных и разносословных представителей; 3) реципрокные и редистрибутивные механизмы формирования и поддержания власти в казачьих сообществах; 4) социокультурная диффузия среди славянского тюркского пограничного населения; 5) факторы войны и мира на степном пограничье; 6) влияние линейных границ («закрытие фронтира») на характер связей и отношений украинского и российских казачеств с тюркскими народами; 7) казачество и экспансия Российского государства в направлении тюркской ойкумены; 8) инфильтрация и социализация представителей тюркских народов в казачьих войсках Российской империи; 9) казачество и тюркский мир в процессах модернизации.

§ 2. Взаимоотношения украинского казачества с тюркским миром в украинской историографии XVIII – начала XXI в.

В. Б. Яценко

Историю Украины и украинского казачества очень трудно представить без освещения взаимоотношений и контактов тех же казаков или населения Украины предшествующих казачеству столетий с представителями тюркского мира. Тюркские народы (половцы, крымские татары, турки, ногайцы) до конца XVIII в. были хозяевами украинских степей. Влияние тюркского мира на украинский мир Раннего Нового времени было бесспорным и весьма значительным. Стоит лишь вспомнить, что без этого влияния вряд ли оформился бы сам феномен украинского казачества, внешний вид, элементы одежды и вооружение которого также имели тюркское происхождение – татарское или османское. Многие населенные пункты Украины, находящиеся на границе лесостепной или в степной зоне, веками заселяемой татарами, до сих пор сохраняют соответствующие названия. Примером может служить название района и районного центра Великий Бурлук в Харьковской области.

При этом в отечественной истории и историографии контакты с тюрским миром в основном изображались в контексте военного противостояния. Казацкая летописная традиция представлена наиболее известными произведениями «Самовидца», «Самийла Величка», «Григория Грабьянки» и более поздними работами[249]. Освещали прежде всего аспекты политического противостояния казаков с татарами и турками. Внимание летописцев было сосредоточено на татарских набегах и захвате пленных в Украине, казацких походах против Крыма или на Черное море. Негативное освещение татар как перманентных врагов, «поганых» мусульман переносилось также на оценку деятельности казацких гетманов. Казацкие летописцы порицали гетманов Петра Дорошенко и Юрия Хмельницкого за союз с татарами и турками, исключением был лишь Богдан Хмельницкий. Как отмечает современный исследователь Андрей Бовгиря, его союз с татарами находил оправдание: защита прав и вольностей казацких и народа украинского[250].

«Самовидец» кратко и метко передал неприятие украинскими интеллектуалами Гетманщины своих южных соседей: «А же нестатечная при-

---

[249] Літопис Самовидця / упорядник Я. Дзира. Київ, 1971. С. 50, 53, 106–109, 112 и далее; Літопис Самійла Величка // Збірник козацьких літописів: Густинський, Самійла Величка, Грабянки. К., 2006. С. 229–232, 240–241, 332, 451–452, 477–479 и далее; Літопис Грабянки // Збірник козацьких літописів: Густинський, Самійла Величка, Грабянки. К., 2006. С. 883–885, 890–891, 926–927 и далее; Короткий опис Малоросії (1340–1776) / підг. до друку, вступна стаття А. Бовгирі. К., 2012. С. 31–32,34, 38, 40 и далее.

[250] *Бовгиря А.* «Герої» та «антигерої», «інші» в козацькому історіописанні XVIII ст. // Історіографічні дослідження в Україні. 2014. Вип. 25. С. 354.

язнь вовка з бараном, так и християнина з бусурманом»[251]. В летописи Самийла Величка под 1675 годом также фиксируется неприязнь представителей казацкого социума к тумам[252] и тем христианам-невольникам, которые в силу длительного пребывания в землях Крымского ханства сумели адаптироваться среди татар. Этот сюжет описан в рассказе о возвращении кошевого Ивана Серка из похода на Крым в 1675 г. и уничтожении запорожцами, по приказу кошевого, трех тысяч тум и христиан, выведенных как пленных из Крыма. Последним, уже на пути к Запорожской Сечи, Серко предложил вернуться, если есть желание, в Крым. Уничтожение принявших предложение кошевого Величко объяснил, вложив в уста Серка покаянную молитву над телами убитых: «Простите нас, братья, а сами спите тут до страшного суда Господнего, чем приумножаться в Крыму между бусурман на наши Христианские молодецкие головы, а на свою вечную, без крещения, погибель»[253].

При первых попытках создания целостного видения украинской истории, предпринятых на рубеже XVIII–XIX вв., – в «Истории Русов» неизвестного автора, обобщающих работах Дмитрия Бантыш-Каменского и Николая Маркевича, представления о тюркском мире мало чем отличались от оценок, данных в казацких летописях[254]. Татар и турок эти труды представляли как исконных и естественных врагов казачества. Несколько отличным было видение австрийца Йогана-Христиана Энгеля, автора немецкоязычной истории Украины и украинских казаков[255]. Написанная по канонам эпохи «Просвещения», его работа учитывала все доступные автору источники, а также исторические исследования польских, западноевропейских, российских авторов. В этом отношении труд Энгеля существенно отличался от произведений Д. Бантыш-Каменского и Н. Маркевича, написанных под существенным влиянием российского и казацкого историописания.

Одновременно австрийский исследователь одним из первых изложил историю образования Крымского ханства, обстоятельства его попадания под власть Османской империи и перехода к агрессивной политике в отношении Великого княжества Литовского в конце XV в.[256] Энгель был значительно более информативен, чем Бантыш-Каменский и Маркевич, в

---

[251] Літопис Самовидця. С. 60.

[252] Тумы – люди смешанного происхождения. В Крымском ханстве и Войске Донском принадлежали к неполноправным категориям населения.

[253] Літопис Грабянки С. 566–567.

[254] *Конисский Г.* История Русов/ ред. В. А. Замлинский. Репринтное воспроизведение издания 1846 г. К., 1991. С. 13–18, 21–26 и далее; *Бантыш-Каменский Д. Н.* История Малой России от водворения славян в сей стране до уничтожения гетманства. К., 1993. С. 66–72 и далее; *Маркевич М.* Історія Малоросії / ред. і автор. передм. Ю. С. Шемшученко; прим. О. В. Кресіна. К., 2003. С. 18–44.

[255] *Енгель Й. Х.* Історія України та українських козаків / ред., вступ. ст. В. В. Кравченка; упор. Т. О. Чугуя. Харків, 2014. С. 64–66, 73–77, 80–89, 95–107 и далее.

[256] Там же. С. 64–66, 73–77 и далее.

изложении политической истории Крымского ханства и при освещении событий XVI–XVIII вв.

В 30–40 гг. XIX ст. на самостоятельный уровень выходит изучение запорожского казачества. Это было связано с деятельностью Аполлона Скальковского. Исследователь, стараниями которого увидело свет значительное количество важных для истории Войска Запорожского низового документов, в частности, воспоминания запорожца Никиты Леонтьевича Коржа. Скальковский был первым, кто начал исследовать историю запорожского казачества, опираясь на архив запорожского Коша[257]. Опубликованная им «История Новой Сечи или последнего Коша Запорожского» представила читателю героический образ сечевых братчиков, православных рыцарей, явившихся на свет, чтобы своею грудью защитить христианский мир от угрозы мусульманского владычества[258]. Хотя взаимоотношения запорожцев с тюркским миром, татарами и османскими турками, в представлении историка, являли собою перманентную «степную войну», тем не менее в своих работах он отмечал и другую сторону медали. На страницах «Истории Новой Сечи» упоминались примеры мирного сосуществования запорожцев и татар, предпринимались попытки исследовать их торговые и дипломатические контакты. Считая татар, впрочем, как и запорожцев, представителями «дикости», которым Российская империя несла цивилизацию, А. Скальковский вводил в научный оборот массу новых фактов из истории Крымского ханства и ногайцев. Последним он посвятил специальный очерк, где стремился реконструировать их историю[259].

Вторая половина XIX в. – время значительного накопления знаний путем публикации источников по истории Крымского ханства и казацко-татарских взаимоотношений. Важную роль в этом процессе играли научные общества, прежде всего Одесское общество истории и древностей, издававшее свои «Записки», и журнал «Киевская старина».

Ко второй половине XIX в. относится и попытка концептуального осмысления в украинской историографии отношений украинского народа и казачества с миром кочевников. Данную попытку предпринял Михаил Драгоманов в своей роботе «Про українських козаків, татар и турков», которая увидела свет в Киеве в 1876 г.[260] Историю сосуществования украин-

---

[257] *Скальковский А. А.* История Новой Сечи или последнего Коша Запорожского. Одеса, 1841. С. II–IV; *Кравченко В. В.* Нариси з української історіографії епохи національного Відродження (друга половина XVIII – середина XIX ст.). Харків, 1996. С. 272–274.

[258] *Скальковский А. А.* История Новой Сечи или последнего Коша Запорожского. Одеса, 1841. С. IV, 8–9 и далее.

[259] *Скальковский А.* О ногайских колониях в Таврической губернии // Памятная книга Таврической губернии. Вып. I. Симферополь, 1867. С. 358–398.

[260] *Драгоманов М. П.* Вибране (… «мій задум зложити очерк історії цивілізації на Україні») / упор. та авт. іст.-біогр. нарису Р. С. Міщук; приміт. Р. С. Міщука, В. С. Шандри. К., 1991. С. 175–203.

ского народа, «оседлых земледельцев», с кочевым миром «пастухов» Драгоманов трактовал как перманентную борьбу. В этой борьбе украинцы становились жертвами многочисленных татарских походов, погибали или попадали в рабство и едва отбились, благодаря казакам, от турецких и татарских «разбойников». Виденье Драгоманова вполне соотносилось с казацкой летописной традицией и восприятием тюркского мира в создаваемом российскими историками нарративе. Последнее четко прослеживается в попытке объяснить культурное отставание украинцев от передовых европейских народов «немцев, французов, англичан итальянцев» негативным влиянием близости «азиатских степей», заселенных кочевыми ордами, терзавшими оседлых хлеборобов[261].

Тезис о «наруге и муках», которые претерпевали украинцы от татар, исследователь, принадлежавший к «народническому» направлению в украинской историографии, активно подкреплял широким цитированием народных дум и песен. В последних описывались татарские нападения и нелегкая доля полоняников. Уделяя в брошюре наибольшее внимание XVI – первой половине XVII в., Драгоманов тезисно остановился на взаимоотношениях украинского казачества и крымских татар во времена Богдана Хмельницкого, основателя украинского государства Раннего Нового времени, и Руины (1659–1687). Согласно исследователю, в противостоянии казачества с Речью Посполитой Двух Народов[262] и Московским государством, татары охотно вмешивались в эту борьбу и собирали полон со всех ее участников[263].

Историк позитивно оценивал войны Российской империи с турками и татарами за выход к Черному морю. Отмечая, что во всех этих войнах активное участие принимали украинские и запорожские казаки, он указывал, что присоединение причерноморских земель к Российской империи открыло перед украинцами возможность к их колонизации[264]. Стоит отметить, что высказанные Драгомановым суждения не только были восприняты, но активно использовались и наполнялись фактами в работах историков, принадлежавших как к «народнической», так и к «государственной / “державницької”» школе украинской историографии конца XIX – XX в. Более того, они пришлись ко двору и советской историографии. Его видение взаимоотношений украинского казачества с тюркским миром легко угадываются в положениях, прописанных на страницах «Тезисов к 300-летию воссоединения Украины с Россиией» (1954) – документе, который на десятилетия определил основные темы и тенденции в украинской советской историографии после Второй мировой войны.

---

[261] Там же. С. 175–176, 202.

[262] Речь Посполитая Двух Народов, польскою Rzeczpospolita Obojga Narodów, полное, официальное название объединенных, в соотвествии с Люблинской унией 1569 г., в единое государство Польского Королевства и Великого княжества Литовского.

[263] *Драгоманов М. П.* Вибране. С. 198.

[264] Там же С. 202–203.

Кратко остановившись на результатах присоединения Крыма к Российской империи, Драгоманов отметил, что оно способствовало как оседлости татар, так и их массовой миграции в Турцию с целью избежать репрессий и притеснений со стороны российского правительства. Эта констатация была изложена историком в привязке к указанию на еще одно последствие российских завоеваний: ликвидацию казачества и закрепощению жителей Украины[265].

В начале XX в. исследователь запорожского казачества Дмитрий Яворницкий в «Истории запорожских казаков» существенно увеличил фактографическую составляющую описания контактов запорожцев с татарами. Излагая собственное видение истории запорожцев, историк преимущественно придерживался оценок, сделанных еще А. Скальковским. Анализируя взаимоотношения запорожцев с их мусульманскими соседями, ученый изображал их сквозь призму постоянного военного и религиозного противостояния[266]. Стоит отметить, что, хотя собранные им документы и факты часто вступали в противоречие с его выводами, это не помешало им утвердиться в украинской историографии. Более того после обретения Украиной независимости в 1991 г. они вновь оказались востребованы, породив серию историографических мифов.

В УССР политические изменения после 1921 г. первоначально не сильно влияли на процесс развития украинской исторической мысли. Марксистская историография только начинала зарождаться, а представители «неонароднической» школы в 1920-е и начале 1930-х гг. продолжали исследования, прежде всего, казацкого периода украинской истории. Следует отметить, что в это время в изучении отношений украинского казачества с тюркским миром появились новые тенденции.

В украинской исторической науки шел процесс становления и развития востоковедения. В 1926 г. была создана Всеукраинская научная ассоциация востоковедения (Всеукраїнська наукова асоціація сходознавства – ВУНАС). Главный ее центр был расположен в Харькове, тогдашней столице советской Украины, филиалы были в Киеве и Одессе. ВУНАС регулярно проводил научные заседания, издавал бюллетень и первый украинский специализированный востоковедческий журнал «Східний світ», последний номер вышел под измененным названием «Червоний Схід»[267]. В конце 20-х гг. XX в. ВУНАС обсуждал даже возможность организации Научно-исследовательского института востоковедения УСРР[268]. Данный институт был открыт в Харькове в 1930 г., назывался он Украинский научно-исследовательский

---

[265] Там же С. 202–203.

[266] *Яворницький Д. І.* Історія запорізьких козаків / пер. з рос. І. І. Сварника. Львів, 1990. С. 237–251 и дальше.

[267] *Остапчук В*. Проблеми і перспективи розвитку української османістики // УАЩ (Нова серія). 1992. Вип. 1. С. 95.

[268] *Мих. Г-в*. Хроніка. Діяльність ВУНАС // СС. 1929. № 1–2. С. 374.

институт востоковедения (Український науково-дослідний інститут сходознавства (УНДІС)) и имел в своем составе пять кафедр[269].

В системе Всеукраинской академии наук (ВУАН) был создан отдел востоковедения, появились специализированные кафедры, исследовательские центры и научные ассоциации. Центральной фигурой украинского востоковедения был Агатангел Крымский. Один из основателей ВУАН, полиглот, многолетний редактор «Записок» историко-филологического отделения ВУАН и руководитель Кабинета арабо-иранской филологии, Тюркологической комиссии и Еврейской историко-археографической комиссии. Ученый издал целый ряд работ, которые закладывали фундамент и инструментарий для изучения тюркоязычных народов Южной Украины. Особо стоит отметить такие его труды, как «Історія Туреччини» (1924) и «Студії з істории Криму I–IX» (1930).

Последний представлял собою тематический сборник статей, в значительной степени сформированный за счет материалов, ранее опубликованных в продолжающихся изданиях ВУАН («Записках» и «Збірнику»). А. Крымский разместил в нем материалы, освещающие политическую историю Крымского ханства, историю татарской литературы (средневековой, Раннего Нового времени и модерной эпохи), а также краткую статью, где анализировались причины существенного сокращения удельного веса татарского населения Крыма в конце XVIII – начале XX в.[270] Материалы Кости Харламповича, Александра Оглоблина, Льва Окиншевича были размещены в том же сборнике и относились к истории взаимоотношений Гетманщины и запорожского казачества с Крымом и Оттоманскою Портою[271]. Данная тема, существенно обогащаясь фактами, продолжала оставаться украиноцентричной или казакоцентричной.

Для большинства украинских историков того времени тюркологические исследования не были самодостаточным научным направлением. Тем не менее именно в 20-е гг. XX в. была предпринята попытка на основе

---

[269] *Остапчук В*. Проблеми і перспективи. С. 96.

[270] *Кримский А. Е.* Сторінки з історії Крима та кримських татар // Студії з істории Криму I–IX / ред. акад. А. Е. Кримського. К., 1930. С. 1–17; *Он же*. До історії теперішніх 25% татарської історії в Криму // Студії з істории Криму I–IX / ред. акад А. Е. Кримського. К., 1930. С. 105–106; *Он же*. Література кримських татар // Студії з істории Криму I–IX / ред. акад А. Е. Кримського. К., 1930. С. 165–191.

[271] *Харлампович К.* Листування запорозьких козаків із султаном // Студії з істории Криму I–IX / ред. акад. А. Е. Кримського. К., 1930. С. 18–29; *Оглоблін О*. Вірші смоленського шляхтича Н. Поплонського р. 1691 на честь перекопського бея // Студії з істории Криму I–IX / ред. акад А. Е. Кримського. К., 1930. С. 32–38; *Он же*. Петрик, ханський гетьман України (1692) // Студії з істории Криму I–IX / ред. акад. А. Е. Кримського. К., 1930. С.39–104; Окиншевич Л. Діаріуш Івана Биховця р. 1704 про відрядження до Криму // Студії з історії Криму I–IX / под ред. акад А. Е. Кримського. К., 1930. С. 199–208.

марксистского подхода провести исследования ногайцев в начале XIX в.[272] Но самое главное, именно в это время среди украинских исследователей возникло понимание необходимости пересмотра сформированного казацкой летописной традицией и работами А. Скальковского и Д. Яворницкого изображения казацко-татарских взаимоотношений исключительно как перманентного военного противостояния, усугубленного религиозным антагонизмом.

Одним из первых это высказал в своих работах Василий Дубровский. В опубликованной в журнале «Східний світ» серии статей и рецензий историк указывал, что взаимоотношения казачества и татар не всегда были обусловлены исключительно конфронтацией[273]. Отбросив устаревшие историографические подходы к вопросу о том, кто напал первым, а кто защищался, кто был дикарем («дикуном»), а кто цивилизатором («культурным фактором»), историк отметил, что военное противостояние в XVI – начале XVII в., часто сменялось казацко-татарскими военными союзами. Фундамент такой политики основывался на необходимости найти союзника для противостояния метрополии, которой выступала Речь Посполитая для Сечи и Османская империя для Бахчисарая. «Следовательно, стоило крымцам поссориться с Портою, а украинцам с Польшею, как они, соответственно украинские казаки и татары, выступали природными союзниками». Указывая на факты казацко-татарских союзов в 1625–1629 гг., историк констатировал, что они стали прелюдией к казацко-татарскому союзу времен Хмельницкого.

В. Дубровский очень высоко оценивал тюркский вклад в становление украинской государственности Раннего Нового времени: «Можно без преувеличения сказать, что создание ее было в значительной мере дипломатией и оружием наших восточных соседей – Порты и Крыма»[274], – писал он. Исследователь также отмечал политическое и культурное влияние татарского и османского факторов на казацкую государственность во времена Руины (1659–1687) и отчасти в XVIII в.

Среди высказанных историком замечаний особого внимания заслуживают его неоднократные замечания о том, что изучение взаимоотношений казачества и тюркских сообществ и государств лишь с опорой на источники украинского, российского и польского происхождения является

---

[272] *Варнеке О.* До соціяльно-економічної історії таврійських ногайців // СС. № 3 (9). 1929. Харків. С. 137–146; *Он же*. Клясова боротьба серед ногайців на початку XIX ст. // СС. № 3 (12). 1930. Харків. С. 157–162.

[273] *Дубровський В.* Україна й Близький схід в історичних взаєминах // *Кочубей Ю. М.* В. В. Дубровський (1897–1966) як сходознавець. К., 2011. С. 62–65; *Он же*. Про вивчення взаємин України та Туреччини у другій половині XVII ст. // Там же. С. 75–86; *Он же*. Студии з Криму [Рецензия] // Там же. С. 103–108; Ураїна й Крим в історичних взаєминах // Там же. С. 177–181.

[274] *Дубровський В.* Ураїна й Крим С. 180.

недостаточным. Дубровский делал акцент на острой необходимости привлечения документов, хранящихся в турецких архивах[275].

Взгляды и суждения историка были позитивно восприняты[276]. В частности, Владимир Пархоменко нашел их более чем убедительными и полезными, о чем высказался на страницах уже упоминавшегося журнала «Східний світ», в статье, посвященной взаимоотношениям украинских казаков и татар в XVI–XVII вв.[277]

Развитию украинского востоковедения способствовало и советско-турецкое политическое сближение в 20-е гг. XX в. Оно сделало возможным поездку делегации украинских ученых из ВУНАС в Турцию в 1928 г. Среди прочих мероприятий, украинские ученые имели встречу в Стамбульском университете с наиболее известным в то время турецким историком Мегметом Фуар Кёпрюлю. Професор Кёпрюлю и глава украинской делегации профессор Александр Гладстерн договорились о формах сотрудничества, в частности, об обоюдном открытии и взаимодействии в Украине и Турции постоянных комиссий историков для изучения истории украинско-турецких взаимоотношений. При этом украинская делегация получила разрешение от турецкого министерства образования на работу украинских исследователей в турецких архивах[278].

К сожалению, украинско-турецким научным договоренностям, как и идеям В. Дубровского, не суждено было осуществиться. Политические процессы, связанные со становлением тоталитарного государства в СССР, весьма негативно отразились на всех аспектах социально-политической и культурной жизни советской Украины. В начале 1930-х гг. в советской исторической науке в целом и востоковедении в частности закрепился марксистский формационный подход. Он соответствовал государственно-партийным идеологическим установкам относительно пяти социально-экономических формаций, согласно которым кочевые сообщества могли рассматриваться и изучаться исключительно в рамках феодальной формации. С другой стороны, в украинской исторической науке четко наметилась тенденция к изучению истории сквозь призму российской парадигмы. Реорганизация, а фактически разгром ВУАН, преследования Михаила Грушевского и представителей «неонароднической школы» весьма негативно ударили по украинистике.

Подобные тенденции имели место и в украинском востоковедении. В 1931–1933 гг. ВУНАС, УНДІС и киевский историко-филологический сек-

---

[275] *Он же*. Про вивчення взаємин України та Туреччини у другій половині XVII ст. // *Кочубей Ю. М.* В. В. Дубровський (1897–1966) як сходознавець. К., 2011. С. 75–86; *Он же*. Студії з Криму [Рецензия] // Там же. С. 106.

[276] Україна та Туреччина // СС. 1929. № 1929 № 1–2 (7–8). С. 10.

[277] *Пархоменко В*. До питання про козацько-татарські взаємини в XVI–XVII вв. // СС. 1929. № 1–2 (7–8). С. 359–360.

[278] *Г-в*. Хроніка. Подорож делегації членів ВУНАС до Туреччини // СС. 1929. № 1–2. С. 375–382; *Остпачук В*. Проблеми і перспективи. С. 96.

тор ВУАН были ликвидированы, а их сотрудники в своем большинстве репрессированы[279]. Преследования и гонения обрушились на А. Крымского и других украинских востоковедов. В частности, В. Дубровский был в 1934 г. арестован и осужден на пять лет лагерей за «украинский национализм». При этом был уничтожен подготовленный ученым к печати учебник османской палеографии[280]. После выхода на свободу в 1939 г. Дубровский столкнулся с ограничениями в перемещении и условиями, не способствующими занятиям научной деятельностью. Журнал «Червоний Схід» был закрыт, краеведение разгромлено. Все это, как отмечает современный украинский историк Владислав Грибовский, обусловило длительную паузу в развитии украинского востоковедения[281], а соответственно и в изучении казацко-татарских и казацко-турецких контактов.

Новые негативные тенденции принесла преступная депортация сталинским режимом крымских татар в 1944 г. После нее научное изучение Крымского ханства остановилось, а упоминания о нем в научной и учебной литературе приобрели откровенно негативные оценки.

Стоит отметить, что после завершения Второй мировой войны в УССР развернулась дискуссия, связанная с обсуждением выработки «подлинно научной» марксистской истории Украины, вычищенной от влияния исторического наследия «буржуазных националистов», таких как Владимир Антонович и Михаил Грушевский. Крымское ханство и «султанская Турция» в этой дискуссии, наравне с «панской Польшей», упоминались исключительно как государства, несшие угрозу порабощения и «полного уничтожения … национального существования» украинского народа[282]. Указанные суждения полностью соответствовали тезису 1937 г. про «меньшее зло»: месту и роли царской России в истории Украины во времена Богдана Хмельницкого[283].

В 1954 г. на фоне празднования 300-летия «воссоединения» Украины с Россией», свет увидели «Тезисы о 300-летии воссоединения Украины с Россией (1654–1954 гг.)». Крымскому ханству и Османской империи в

---

[279] *Остпачук В.* Проблеми і перспективи С. 96.

[280] *Там же* С. 110.

[281] *Грибовський В. В.* Ногайські орди Північного Причорноморя у XVIII – на початку XIX століття: дис. ... к. і. н. Запоріжжя, 2006. С. 20.

[282] *Литвин К.* Об истории украинского народа // Большевик. 1947. №7. С. 53; До кінця ліквідувати буржуазно-націоналістичні перекручення історії України // Більшовик України. Теоретичний і політичний журнал ЦК КП(б)У. 1947. № 8. С. 5.

[283] Постановление жюри правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник для 3 и 4-го классов средней школы по истории СССР // Правда. 1937. № 231 (7197). 22 августа. С. 2; Постановление жюри правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник для 3 и 4-го классов средней школы по истории СССР // К изучению истории. Сборник. Б.м., 1938. С. 38.

этом документе отводилась роль захватчиков и агрессоров[284]. Упоминая в 7 пункте результаты российско-турецких войн второй половины XVII в., историки, несколько перефразировав, фактически повторили тезис М. Драгоманова об огромном экономическом и культурном значении для украинского народа завоевания Причерноморья Российской империей[285].

Исследования, в которых после 1954 г. поднималась интересующая нас тематика, прежде всего, освещали сюжеты военного противостояния казачества турецко-татарской агрессии. Ярким примером такого одностороннего подхода, которого вынуждены были придерживаться историки, была работа Елены Апанович[286]. Ее монография о противостоянии запорожского казачества, в союзе с московскими ратниками, Крымскому ханству и Османской империи в 50–70-х гг. XVII ст., во время украинской Руины, полностью соответствовала подходу к изложению истории Крымского ханства и Османской империи, прописанному в вышеупомянутых «Тезисах».

Консервативность украинской исторической науки в подходах к изучению тюрского мира во времена позднего средневековья и Раннего Нового времени длилась до последних лет существования СССР.

В 1989 г. на страницах «Українського історичного журнала», главного печатного органа Института истории Украины Академии наук УССР, была опубликована статья Веры Панашенко «Кримське ханство в XV–XVIII ст.». Работа не была лишена фактографических ошибок, опиралась на опубликованные источники и в основном на российскую историографию XIX–XX вв. Тем не менее это была первая, после длительного перерыва, попытка украинского историка осветить историю Крымского ханства[287].

Необходимость научного переосмысления истории взаимоотношений украинского казачества с его тюркскими соседями, Крымским ханством и Османской империей на рубеже 1980–90-х гг. уже остро ощущалась среди ведущих украинских историков. Это засвидетельствовали материалы круглого стола к 500-летию украинского казачества, проходившего в Киеве в 1990 г. Выступавшие на нем Ярослав Дашкевич, Валерий Степанков, Юрий Мыцик подняли ряд проблем, связанных с ролью «Большой границы» и татарско-турецкого фактора в возникновении украинского казачества, протюркскими тенденциями в казацкой среде, в частности, военными союзами и военно-политическим сотрудничеством между казаками и татарами в 20-х гг. XVII в. во времена Богдана Хмельницкого и его преемников в период Руины, изучением украинского невольничества/ясыря, истории Крымского ханства и ногайских орд. Одновременно среди приорите-

---

[284] Тези про 300-річчя воззєднання України з Росією (1654–1954 рр.). Схвалені Центральним Комітетом Комуністичної Партії Радянсько Союзу // 300 років воззєднання України з Росією. Львів, 1954. С. 4–8.

[285] Там же С. 8.

[286] *Апанович О. М.* Запорозька Січ у боротьбі проти турецько-татарської агресії у 50–70-і рр. XVII ст. К., 1961. С. 298.

[287] *Панашенко В. В.* Кримське ханство в XV–XVIII ст. // УІЖ. 1989. № 1. С. 54–64.

тов украинской науки в изучении казацко-тюркских контактов, была подчеркнута необходимость ее обеспечения крепкой источниковедческой базой и расширения/создания последней по целому ряду направлений[288].

К решению обозначенных задач историки приступили уже в условиях обретения Украиной государственной независимости в 1991 г. Становление государственности, несмотря на целый ряд трудностей, связанных, прежде всего, с проблемами финансирования научных исследований, открывало перед научным сообществом и позитивные перпективы. Идеологические догмы, прописанные в «Тезисах к 300-летию», уступили место сначала подходам «народнической», а с конца 90-х гг. XX в. «государственной/“державницької”» школы в украинской историографии. Одновременно шел процесс возникновения и становления нового украинского востоковедения.

Стараниями Е. И. Прицака, ученого-ориенталиста с мировым именем, основателя и первого директора Института украинских исследований в Гарварде, в системе Национальной академии наук Украины в 1991 г. был создан Институт востоковедения им. А. Крымского. Его печатными органами стали журнал «Східний світ» и ежеквартальный сборник научных статей «Сходознавство». В 2014 г. в структуре Института истории Украины НАН Украины был создан сектор изучения цивилизаций Причерноморья, в сферу интересов которого попали история Крымского ханства и Османской империи. Отдельно стоит упомянуть созданную стараниями Анотолия Бойко в Запорожском университете в 1995 г. научно-исследовательскую лабораторию истории Южной Украины XVIII–XIX вв. В 1997 г. на базе лаборатории возникло научное общество им. Якова Новицкого. Лаборатория издавала «Записки науково-дослідної лабораторії Південної України ЗДУ: Південна Україна», значительная часть материалов которых освещала историю казацко-татарских и казацко-османских взаимоотношений в XVI – начале XIX в.

Одновременно в университетах Юга Украины целый ряд исследователей в течение 1990–2010-х гг. приступили к изучению вопросов казацко-тюркского сосуществования в XVI – начале XIX в.

Значительным достижением в области источниковедения было начало публикаций в 90-е гг. XX в. корпуса документов Архива Новой Сечи[289].

---

[288] *Дашкевич Я. Р.* Козацтво на Великому Кордоні. До 500-річчя виникнення українського козацтва. Українське козацтво: сучасний стан та перспективи дослідження проблеми [Матеріали «круглого столу»] // УІЖ. 1990. № 12. С. 20–22; *Степанков В. С.* Українське козацтво і формування національної держави на Україні. До 500-річчя виникнення українського козацтва. Українське козацтво: сучасний стан та перспективи дослідження проблеми [Матеріали «круглого столу» // УІЖ. 1990. № 12. С.23; *Мицик Ю. А.* Актуальні питання дослідження історії українського козацтва. До 500-річчя виникнення українського козацтва. Українське козацтво: сучасний стан та перспективи дослідження проблеми [Матеріали «круглого столу»] // УІЖ. 1990. № 12. С. 24–26.

Проект продолжается до сих пор. Опубликованные тома содержат большое количество источников, освещающих различные аспекты взаимоотношений Войска Запорожского Низового во времена Новой Сечи (1734–1775) с его тюркскими соседями. Стоит отметить, что стараниями, прежде всего, Юрия Мыцыка в научный оборот стали вводиться документы польских архивов, освещающие историю Крымского ханства и Османской империи и их контактов с украинским казачеством[290].

Проблема обращения к турецким источникам, на необходимость которого еще в 20-х гг. XX в. указывал В. Дубровский, а в начале 1990-х гг. гарвардский османист Виктор Остапчук[291], остается весьма острой. Стараниями Ферхада Туранлы, Александра Галенко и Олеся Кульчинского в научный оборот был введен ряд татарских и османских летописей: Гаджи Мегмета Сенайи Крымского, исследования Галима Герая Султана и история Наимы[292]. Однако негативная реакция со стороны османистов профессора Варшавского университета Дариуша Колодзейчика и профессора университета Торонто В. Остапчука поднимает серьезные вопросы о качестве исследования и корректности переводов в работе Ф. Туранлы[293].

---

[289] Архів Коша Нової Запорозької Січі. Корпус документів. 1734–1775 / Упорядники: *Гісцова Л. З., Автономов Д. Л., Дрозд Є. І., Лащенко Х. Г., Омельченко А. Ю., Полегайлов А. Г., Стафійчук В. В., Сухих Л. А.* К., 1998. Т. 1. 696 с.; Архів Коша Нової Запорозької Січі. Корпус документів. 1734–1775 / Упорядники: *Гісцова Л. З., Автономов Д. Л., Демченко Л. Я., Дрозд Є. І., Ігнатова О. В., Кузик Т. Л., Лащенко Х. Г., Муравцева Л. М., Стафійчук В. В., Сухих Л. А.* К., 2000. Т. 2. 752 с.; Архів Коша Нової Запорозької Січі. Корпус документів. 1734–1775 / Упорядники: *Гісцова Л. З., Демченко Л. Я., Кузик Т. Л., Муравцева Л. М., Сухих Л. А.* К., 2003. Т. 3. 952 с.; Архів Коша Нової Запорозької Січі. Корпус документів. 1734–1775 / упор.: *Гісцова Л. З., Демченко Л. Я., Кузик Т. Л., Муравцева Л. М.* К., 2006. Т. 4. 888 с.

[290] *Мицик Юрій.* Із джерел до історії Кримського ханства XVII ст. // Пам'ятки: археографічний щорічник / ред. І. Б. Матяш та ін. К., 2009. Т. 10. С. 3–16; *Он же.* З джерел до історії Османської імперії та Кримського ханства XVI – першої половини XVIII ст. // Україна в Центрально-Східній Європі. 2010. Вип. 9–10. С. 327 362.

[291] *Остапчук В.* Проблеми і перспективи. С. 107–110.

[292] *Туранли Ф.* Тюрські джерела до історії України. К., 2010; *Он же.* Козацька доба історії України в османсько-турецьких писемних джерелах (друга половина XVI-перша чверть XVIII століття). К 2016.; *Наїма Мустафа.* Історія Наїми. Гусейнові городи у витягу історій із заходу та сходу. (Повідомлення про Україну) / пер. османсько-турецької О. Галенка та О. Кульчинського. К., 2016; *Галенко О.* Східна Європа 1704–1709 рр. у висвітленні османської хроніки Мегмеда Рашида // Україна в Центрально-Східній Європі. Вип. 9–10. С. 263–295.

[293] Вступ до відгуків та відгуки Даріуша Колодзєйчика та Віктора Остапчука на докторську дисертацію Фергада Туранли. Режим доступа: http://www.historians.in.ua /index.php/en/dyskusiya/2327-vstup-do-vidgukiv-ta-vidguki-dariusha-kolodzejchika-ta-viktora-ostapchuka-na-doktorsku-disertatsiyu-fergada-turanli; *Dariusz Kołodziejczyk.* Opinia o autoreferacie oraz książce Ferhada Turanlego Kozac'ka doba istoriji Ukrajiny v

Вопрос систематического использования украинскими историками и введения в научный оборот источников, которые хранятся в турецких архивах, остается открытым. Сегодня едва ли не единственной публикацией османских источников является сборник, подготовленный Александром Середой[294].

Самым значительным достижением украинской историографии, которая продолжает быть сосредоточенной на изучении казачества, стало увеличение после 1991 г. сюжетов, касающихся казацко-тюркских взаимоотношений в XVI–XVIII вв.

Так, в частности, в поле зрения украинских историков, таких как Я. Дашкевич, попали вопросы демографии Крымского ханства и проблема украинского ясыря[295].

Вопросы, связанные с влиянием тюркского фактора на становление запорожского казачества в конце XVI в. и первыми военно-политическими союзами казаков с Крымским ханством XVII в., неоднократно привлекали к себе внимание Виктора Брехуненко[296].

Традиционно повышенное внимание историков Украины обращено на изучение взаимоотношений Богдана Хмельницкого и гетманов времен Руины с Крымским ханством и Османской империей. Работы историков Ивана Стороженка, Омельяна Прицака, Ларисы Прицак, Виктора Брехуненка, Александра Олийныка, Валерия Смолия, Валерия Степанкова, Тараса Чух-

---

osmans 'ko-turec 'kyx pysemnyx dzerelax, (druha polovyna XVI – persa cvert' XVIII stolittja). Режим доступа: http://www.historians.in.ua/images/sampledata/hist-images/rizne/2017/11/kolodzeychyk/Kolodziejczyk_vidhuk.pdf; *Дариуш Колодзейчик*. Відгук про автореферат та книжку Фергада Туранли “Козацька доба історії України в османсько-турецьких писемних джерелах (друга половина XVI – перша половина XVIII століття)”. Режим доступа: http://www.historians.in.ua/images/sampledata/hist-images/rizne/2017/11/kolodzeychyk/Kolodziejczyk_ vidhuk_perklad.pdf; *Віктор Остапчук*. Відгук на автореферат та дисертацію у вигляді монографії Фергада Гардашкан Оглу Туранли «Козацька доба історії України в османсько-турецьких писемних джерелах (друга половина XVI – перша чверть XVIII століття)», представлені на здобуття наукового ступеню доктора історичних наук за спеціальністю 07.00.06 – історіографія, джерелознавство та спеціальні історичні дисципліни. Режим доступа: http://www.historians.in.ua/images/sampledata/hist-images/rizne/2017/11/kolodzeychyk/Ostapchuk_vidhuk_vypravlennyj.pdf.

[294] *Середа О.* Османсько-українське степове порубіжжя в османсько-турецьких джерелах XVIII ст. Одеса, 2015. 312 с.

[295] *Дашкевич Я.* Крим у геополітиці минулого та сучасного // Дашкевич Я. «Учи не ложними устами сказати правду». К., 2011. С. 598–607; *Он же*. Українці в Криму (XV–XX ст.) // Дашкевич Я. «Учи не ложними устами сказати правду». К., 2011. С. 608–623; *Он же*. Ясир з України (XV – першої половини XVII ст.) як історико-демографічна проблема // *Он же*. Майстерня історика. Львів, 2011. С. 257–256.

[296] *Брехуненко В.* Козаки на степовому кордоні Європі. К., 2011 С. 405–444.

либа[297] и многих других, написанные за два последних десятилетия, свидетельствуют, что Крымское ханство (и в меньшей мере Османская империя) неоднократно выступали гарантами становления и существования Гетманщины – украинского государства Раннего Нового времени.

Большой спектр вопросов о взаимодействии украинского казачества в военно-политических вопросах с Крымским ханством и Османской империей в XVII в., а также аспекты военной истории крымских татар были освещены в работах османиста В. Остапчука[298] – одного из немногих исследователей, использующих в своих работах турецкие источники и научную литературу.

Среди сюжетов более позднего времени, связанных с XVIII в., внимание историков привлекают вопросы взаимоотношений запорожцев во времена Новой Сечи (1734–1775 гг.) с Крымским ханством (Светлана Андреева)[299], а также комплекс вопросов, связанных с возникновением и существованием под османской протекцией задунайского казачества (Елена Бачинская)[300]. Новым направлением для украинской исторической науки, которое активно разрабатывает Владислав Грибовский, является история ногайцев в Северном Причерноморье XVIII – начале XIX в.[301] Уже упоми-

---

[297] *Стороженко І. С.* Богдан Хмельницький і воєнне мистецтво у Визвольній війні українського народу середини XVII ст. Дніпропетровськ, 1996. Книга 1. Воєнні дії 1648–1652 рр. 320 с.; Прицак О. Ще раз про союз Богдана Хмельницького з Туреччиною // Український археографічний щорічник. К., 1993. Вип. II. С. 177–192; *Прицак Л.* Основні міжнародні договори Богдана Хмельницького 1648–1657 рр. Харків, 2003. С. 53–63, 100–113, 127–145 и далее; *Олійник О.* Запорожці і татари – вороги чи сусіди? // КС. 1995. №1. С. 72–78; *Смолій В., Степанков В.* Петро Дорошенко: політичний портрет. К., 2011. С. 83–84. 86, 88 и далее; *Чухліб Т.* Козаки і татари. Українсько-кримські союзи 1500–1700-х років. К., 2017. 274 с.

[298] *Ostapchuk V.* An Ottoman Ġazānāme on Ḫalīl Paša's Naval Campaign against the Cossacks (1621) // Harvard Ukrainian Studies. 1990. Vol. 14, No. 3/4 (December), pp. 482–521; *Он же.* Cossack Ukraine In and Out of Ottoman Orbit, 1648–1681) // The European Tributary States of the Ottoman Empire in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. Lieden-Boston, 2013. P. 123–152; *Он же.* Crimean Tatar long-range campaigns: The view from Remmal Khoja's History of Sahib Gerey Khan // Warfare in Eastern Europe, 1500–1800. Lieden-Boston, 2012. P. 147–171; *Он же.* Political-Personal Intrigue on the Ottoman Frontier in Hetman Bohdan Khmelnytsky's Relations with the Porte: The Case of Ramażān Beg vs. Velī Beg // Journal of Ukrainian Studies. 2008–2009. Vols. 33–34. P. 365–379.

[299] *Андрєєва С. С.* Взаємини Запорожжя і Кримського ханства періоду Нової Січі (1734–1775 рр.): дис. ... к. і. н. Запоріжжя, 2006.

[300] *Бачинська О. А.* Козацтво в системах Російської і Турецької імперій // Історія українського козацтва. Нариси у двох томах / редкол В. А Смолій. К., 2007. Т. 2. С. 303–362.

[301] *Грибовський В. В.* Ногайські орди Північного Причорноморя…; *Он же.* Управление ногайцами. Северного Причерноморья в Крымском ханстве. (40–60-е годы XVIII в.) // Тюркологический сборник. 2007–2008 (2009). История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М., 2009. С. 67–97; *Он же.* Но-

навшийся О. Середа, один из немногих историков кто исследует вопросы, связанные с «Ханской Украиной» и турецким присутствием в Южной Украине в XVIII – начале XIX в.[302]

Прискорбно отметить, но за 26 лет в Украине так и не была написана ни академическая история Крымского ханства, ни Османской империи. После 20 февраля 2014 г. существенно возрос интерес украинских историков и общества к различным аспектам истории Крыма. Тем не менее история Крымского ханства продолжает оставаться белым пятном в отечественной историографии. Единственная попытка представить научно-популярный очерк Крымского ханства уже в 2000-е годы была предпринята крымским историком и публицистом Олексой Гайворонским. Исследователь написал научно-популярный двухтомник о правлении ханов в XV – первой половине XVII в.[303] Однако на сегодня проект еще не достиг своего логического завершения.

Подводя итоги, стоит отметить, что начиная с казацкого летописания конца XVII – XVIII вв. взаимоотношения украинского казачества и тюркского мира были одной из сюжетных линий в украинской историографии. Казацкие летописцы и историки XIX – начала XX столетия в основном изображали конфликтные сюжеты контактов казаков с Крымским ханством и Османской империей. История украинского казачества и тюркских сообществ изображалась как перманентная война, отягощенная к тому же религиозным антагонизмом.

Уже в 20-е гг. XX в., на фоне становления украинского востоковедения, среди историков возникло осознание необходимости пересмотра тако-

---

гайское казачье войско // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2016. № 8. С. 108–129; *Он же*. Політична адміністрація Кримського ханства в Буджацькій орді у період між 1739–1769 рр. // Чорноморська минувшина. Записки Відділу історії козацтва на півдні України Науково-дослідного інституту козацтва Інституту історії України НАН України: Зб. наук. пр. 2009. Вип. 4. С. 24–33; *Он же*. Землеробство і седентаризація у кочівницькому соціумі: випадок причорноморських ногайців // Україна в Центрально-Східній Європі (з найдавніших часів до кінця XVIII ст.). 2012. Вип. 11. С. 67–190.

[302] *Середа А*. Силистренско-Очаковският еялет през XVIII – нач. на XIX в.: административно-териториално устройство, селища и население в Северозападното Причерноморие. София, 2009. 262 с.; *Он же*. Аджидере (Овідіополь) в османсько-кримських відносинах другої половини XVIII ст. (за османсько-турецькими документами) // Чорноморська минувшина. Записки Відділу історії козацтва на Півдні України: Збірник наукових праць. 2013. С. 153–168. *Он же*. Ханська Україна в адміністративній структурі Сілістринсько-Очаківського еялету // Чорноморська минувшина. Записки Відділу історії козацтва на Півдні України Науково-дослідного інституту козацтва Інституту історії України НАН України: Зб. наук. пр. Вип. 3. С. 57–72.

[303] *Гайворонский О*. Повелители двух материков. Киев; Бахчисарай, 2007. Т. I. Крымские ханы XV–XVI столетий и борьба за наследие Великой Орды. 367 с. *Он же*. Повелители двух материков. Киев; Бахчисарай, 2009. Т. II. Крымские ханы первой половины XVII столетия в борьба за самостоятельность и единовластие. 271 с.

го подхода. Существенное накопление исторических знаний и источниковой базы способствовало возникновению среди историков понимания того, что под влиянием политических обстоятельств, казацко-татарское противостояние XVI века уже в следующем столетии уступило место частым военным союзам. Во времена Хмельницкого и Руины союзы вышли на уровень политической ориентации казацких гетманов на Крымское ханство и Османскую империю. Их целью было сохранение и укрепление украинского государства Раннего Нового времени. В 20-х гг. XX в. среди историков начинает утверждаться мысль о необходимости привлечения для более плодотворных исследований турецких документов.

Политические преобразования в СССР, способствовавшие утверждению в 30-х гг. XX в. сталинского тоталитаризма, негативно сказались на изучении казацко-татарских и казацко-турецких контактов. Крымское ханство перестало быть предметом научных исследований, а в исторических работах татары и турки изображались исключительно как агрессоры и враги украинского народа. В 1954 г. подобный подход был отображен в «Тезисах о 300-летии воссоединения Украины с Россией (1654–1954 гг.)». Документ более чем на сорок лет предопределил тенденциозное видение украинской истории, в котором татарам и туркам отводилась лишь роль кровавых агрессоров.

На момент обретения Украиной независимости в 1991 г. среди историков вновь возникло понимание непродуктивности одностороннего подхода к изучению взаимоотношений казачества и тюркских государств и сообществ. Уже в 1990 г. были определены новые направления изучения истории украинского казачества и его контактов с. Крымским ханством и Османской империей, реализация которых продолжается и сегодня.

§ 3. Казахстанская историография о казачестве

Ж. М. Сабитов

В казахстанской историографии казачества можно выделить два больших направления: 1) исследование казачества (казаклык) как явления в истории казахского народа; 2) изучение российского казачества в Казахстане.

Охарактеризуем эти направления.

1. Исследования казачества как явления в истории казахского народа

Ч. Ч. Валиханов первым в казахстанской науке затронул вопрос происхождения слова «казак». Он писал: «Кочевой степняк для отличия от

своих городских родичей-соседей гордился именем казака – гордого степняка, кочевого человека»[304].

М. Тынышпаев считал, что казахи происходят от кавказских косогов и отмечал, что искать значение слова «казак» так же бесполезно, как и пытаться найти значения слов: «русский», «араб», «француз», «англичанин». Эти тезисы, безусловно, не бесспорны.

С. К. Ибрагимов в специальной статье о происхождении термина «казах» обосновал выводы о том, что с конца XV в. термин «казах» получил политический характер, с начала XVI в. стал приобретать этнический характер, хотя во время правления Тахир-хана (1524–1525 гг.) «слово казах еще не приобрело сложившегося устойчивого этнического значения»[305].

В. П. Юдин в своей классической статье «К этимологии этнонима казах (қазақ)»[306] разобрал фонетическую и семантическую составляющие слова *qazaq* и фактически подвел итог дискуссиям о его этимологии. Он рассмотрел 22 версии происхождения термина «казак» и пришел к выводу о полной несостоятельности их большинства. 20 из 22 гипотез, согласно его заключению, полагаются исключительно на «внешнее звуковое подобие намечаемому прототипу». Ученый наработал аргументацию о том, что данное слово имеет тюркское происхождение и появилось не позднее VIII в. Впервые оно упоминается в форме *казгак* в памятнике с реки Уюк-Туран.

С. Г. Кляшторный и Т. И. Султанов отметили[307], что слово «казак» изначально не имело политического или этнического характера, а носило именно социальный характер[308].

З. Қинаятұлы посвятил целый параграф своей монографии, написанной на казахском языке, происхождению термина «казак»[309]. Согласно его выводу, это слово происходит от народа Сак (Кай-Сак), с чем трудно согласиться.

С. Ш. Казиев пришел к заключению о том, что взгляды Ч. Ч. Валиханова и А.-З. В. Тогана на природу этого явления были развиты В. П. Юдиным, Т. И. Султановым и С. Г. Кляшторным и казахстанскими учеными, утвердившись в современной казахстанской исторической науке[310].

---

[304] *Валиханов Ч.* Избранные произведения. М., 1986. С. 254–255.

[305] *Ибрагимов С. К.* Еще раз о термине «казах» // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. Алма-Ата, 1960. С. 71.

[306] *Юдин В. П.* Центральная Азия в XIV–XVIII веках глазами востоковеда. Алматы: Дайк-пресс, 2001. С. 137–166.

[307] *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Казахстан: летопись трех тысячелетий. Алматы, 1992. 384 с.

[308] *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Казахстан: летопись трех тысячелетий. С. 250–251.

[309] *Қинаятұлы З.* Қазақ мемлекеті және Жошы Хан. Астана: Елорда, 2004. 342 с.

[310] *Казиев С. Ш.* Проблемы этногенеза и этнической истории казахов // Тюркские народы. Фрагменты этнических историй. 2014. С. 118.

Современные исследования средневекового казачества очень немногочисленны в Казахстане. Некоторые публикации содержат весьма сомнительные тезисы: «Саийд-Ахмед-хан – основатель славянского ядра казачества»; «Золотая Орда как государство кыпчак-казаков»[311]. К таким же следует отнести и вывод Ф. К. Алиева о происхождении слова «казак» от словосочетания гуз-ок[312].

Отдельно стоит выделить научно-популярные публикации Р. Дж. Темиргалиева. В одной из них автор аргументирует утверждение о том, что прозвище Казак, которое потом перешло в этноним «казах», было изначально дано не народу Казахского ханства, а правившей в нем династии. Причем это прозвище было внешним: ни сами потомки Джанибека и Керея, ни подвластный им народ не принимали его вплоть до конца XVI в. К примеру, Кадыргали Жалаири, подданный казахского царевича Ураз-Мухаммеда, в своем сочинении не употребляет этноним «казак», а использует термин «узбек» в отношении населения Казахского ханства. Далее автор показывает, что «лишь в песнях Жиембета-жырау начала XVII века подданные хана Есима впервые называются казахами»[313].

Таким образом, в казахстанской историографии рассмотрена связь этнонима «казах» с соционимом «казак». Наработана аргументация для вывода о том, что изначально «Казах» было прозвищем, данным соседями для «первых казахских ханов» – Джанибека и Керея, а позже это название распространилось на всех кочевых подданных Казахского ханства. В начале XVII в. экзоэтноним «казах» становится эндоэтнонимом.

2. Изучение русского казачества в Казахстане

В казахстанской историографии есть как общие работы о русском казачестве в Казахстане, так и специальные исследования Уральского, Сибирского, Семиреченского и Оренбургского казачих войск.

2.1. Общие работы о русском казачестве в Казахстане

Среди наиболее заметных авторов общих работ о русском казачестве в Казахстане следует отметить М. Ж. Абдирова, который в 1994 г. издал монографию «История казачества Казахстана»[314], а в 1998 году защитил докторскую диссертацию[315]. М. Ж. Абдиров рассмотрел русское казачество в связи с процессом «военно-насильственного присоединения Казахста-

---

[311] *Джусупов М. К.* Происхождение казаков и этнический статус казачества // Universum: общественные науки. 2017. №.3 (33). С. 26–37.

[312] *Алиев Ф. К.* О происхождении этнонимов «Казах» и «Казак». Электронный ресурс: http://docplayer.ru/36777358-O-proishozhdenii-etnonimov-kazah-i-kazak.html

[313] *Темиргалиев Р. Дж.* Народ степной свободы. Электронный ресурс: http://www.centrasia.ru /newsA.php?st=1306786980

[314] *Абдиров М. Ж.* История казачества Казахстана. Алматы: Казахстан, 1994. 160 с.

[315] *Абдиров М. Ж.* Военно-казачья колонизация Казахстана (конец XVI – начало XX в.): опыт историко-эволюционного анализа: дис. ... д. и. н. Алматы, 1998. 355 с.

на к России». Основываясь на научной традиции, ученый акцентировал внимание на тюркских корнях российского казачества и его формировании на основе «смешанных тюрко-славянских общин в южных и юго-восточных контактных зонах». М. Ж. Абдиров определил русское казачество как «военно-охранную опору царизма» в Казахстане. Он также представил свою периодизацию его развития, охарактеризовал «историческую ментальность казаков», их «типичные психологические черты». Среди таковых названы «чувство превосходства» и «социальная, религиозная и национальная фобия к местным народам». В своей монографии, подготовленной на основе докторской диссертации[316], М. Ж. Абдиров рассмотрел вопросы происхождения казачества, завоевания Сибири казачьим атаманом Ермаком. Отдельные главы данного издания посвящены Уральскому казачьему войску («бронированный кулак самодержавия», по выражению автора), оренбургским, сибирским, семиреченским казакам. Позже М. Ж. Абдиров занимался изучением разных групп российский казаков в Казахстане, о чем будет сказано ниже.

А. С. Елагин[317], С. Н. Наумов[318], С. Угренинов[319], К. В. Джумагалиева[320], В. Б. Черкасов[321] и др. представили разные подходы к исследованию общих проблем истории казачества в Казахстане, хотя в этом случае нельзя не отметить идеологический схематизм в освещении межэтнических отношений и политической обстановки в Казахстане, а также субъективизм оценок. Редким исключением является подход Р. Дж. Темиргалиева, который старается анализировать отношения казахов и казаков, максимально абстрагируясь от субъективных моментов[322]. Но к большому сожалению для казахстанского научного сообщества, этот автор не стремится писать свои статьи и книги, используя научный аппарат.

---

[316] *Абдиров М. Ж.* Завоевание Казахстана царской Россией и борьба казахского народа за независимость: из истории военно-казачьей колонизации края в конце XVI – начале XX веков. Астана: Елорда, 2000. 296 с.

[317] *Елагин А. С.* Казачество и казачьи войска в Казахстане. Алматы, 1993. 80 с.

[318] *Наумов С. Н.* Казаки и Казахстан: 400 лет общей судьбы. Алматы, 2010. 313 с.

[319] *Угренинов С.* Казачьи сотни и казахские отряды: рука об руку. Костанай, 2007. 202 с.

[320] *Джумагалиева К. В.* Казачество степного края; история и современность // Кубанские исторические чтения: материалы VIII Международной научно-практической конференции. 2017. С. 132–137.

[321] *Черкасов В. Б.* Переселенческая политика царского правительства. Казачья и крестьянская колонизации Казахстана // Научные исследования. 2017. Т.1. №.6. С. 27–29.

[322] *Темиргалиев Р. Дж.* Казачий стан. Электронный ресурс: https://zonakz.net/2008/09/04/казачий-стан/

2.2. Исследование отдельных казачьих войск

Семиреченское казачье войско в сравнении с сибирским и уральским казачествами исследовано мало. Связано это с его менее продолжительной историей: оно возникло лишь в 1867 г., когда девятый и десятый Сибирские казачьи полки были преобразованы в особое Семиреченское казачье войско, после чего были названы Семиреченскими казачьими первым и вторым полками.

В 1909 году в г. Верном (современный г. Алматы) была издана книга, представляющая собой попытку описать историю Семиреченского казачества[323]. После ее выхода эта тема долгое время мало кого интересовала.

В советское время М. М. Багизбаева изучала фольклор семиреченских казахов и издала два тома монографии[324]. С 1997 г. в Алматы начала издаваться газета «Семиреченский Казачий Вестник»; некоторое время спустя данная газета стала выходить в виде приложения к местной газете «Русская община», иногда представлявшей интересные научные материалы, многочисленные факты из жизни и истории семиреченских казаков[325].

По Семиреченскому казачьему войску было защищено две диссертации. В 2006 г. Л. М. Сатанова защитила кандидатскую диссертацию об истории и правовом статусе Семиреченского казачьего войска[326]. Хронологические рамки исследования включали в себя период 1867–1918 гг. Л. М. Сатанова проанализировала законодательные акты Российской империи, регулировавшие правовое положение Семиреченского казачьего войска, а также изучила институты самоуправления в казачьих станицах и полномочия станичного суда, землепользование и повинности у казаков Семиречья.

В 2007 г. состоялась защита кандидатской диссертации З. С. Актамбердиевой о Семиреченском казачьем войске в контексте «военно-хозяйственной колонизации Жетису (Семиречья)»[327]. Автор обозначила причины, цели, задачи и основные этапы формирования Семиреченского казачьего войска, охарактеризовала «итоги военно-казачьей колонизации» региона во второй половине XIX – начале XX в., социально-экономическое положение семиреченских казаков, их взаимоотношения с казахами Семиречья, вопросы казачьего землевладения и землепользования. Позже на

---

[323] *Леденев Н. В.* История Семиреченского казачьего войска. Верный, 1909. 859 с.

[324] *Багизбаева М. М.* Фольклор семиреченских казаков. Ч. 1–2. Алма-Ата, 1977, 1979.

[325] К примеру, *Ивлев М.* Атаманы Семиреченского казачьего войска // Семиреченский Казачий Вестник. Алма-Ата, 1998. № 5 (8). С. 9.

[326] *Сатанова Л. М.* Правовой статус Семиреченского казачьего войска (середина XIX – начало XX в.): дис. ... к. ю. н. Алматы, 2006. 146 с.

[327] *Актамбердиева З. С.* История Семиреченского казачьего войска (1867–1920 гг.): дис. ... к. и. н. Алматы, 2007. 155 с.

основе материала диссертации З. С. Актамбердиева совместно с М. Ж. Абдировым подготовила монографию[328].

2.3. Оренбургское казачество

В 1748 г. появился Оренбургский нерегулярный корпус (Оренбургское нерегулярное войско), в который вошли оренбургские казаки, казаки Уфимской провинции и казаки-нагайбаки. Бóльшая часть оренбургского казачества находилась на территории современной России, вне современного Казахстана. Но оренбургские казаки оставили заметный след в его истории. М. Ж. Абдиров в представленной выше монографии отвел отдельную главу для характеристики оренбургских казаков в контексте истории Казахстана. Однако после него очень мало авторов обращались к данной теме. Из недавних статей казахстанских историков следует отметить только статью З. Е. Кабульдинова[329].

2.4. Сибирское казачество

Сибирское казачье войско привлекло гораздо больше внимания исследователей, чем другие казачьи формирования в истории Казахстана. Из 7 научных диссертаций по истории казачества, защищенных в Казахстане в 1992–2016 гг., 4 посвящены сибирским казакам.

В 1995 г. А. Ш. Мусырманова защитила кандидатскую диссертацию, посвященную проблемам социально-экономического развития сибирского казачества в контексте модернизации общества и экономики Российской империи[330]. На основе диссертации была издана монография[331].

В 2000 г. состоялась защита кандидатской диссертации Х. А. Аубакировой[332], в которой был представлен анализ военной организации сибирских казаков в первой половине XIX в. Главной темой исследования стало участие сибирских казаков в подавлении крупнейшего в истории Казахстана выступления Саржана и Кенесары Касымовых. Автор описала ход боевых действий сибирских казаков против повстанцев на территории

---

[328] *Абдиров М. Ж., Актамбердиева З. С.* Семиреченское казачье войско: из истории военно-казачьей колонизации Жетысу, 1867–1917 гг. Алматы, 2011. 362 с.

[329] *Кабульдинов З. Е.* Политика выдавливания казахов из внутренней части пограничной линии Оренбургского края во второй четверти XIX века // Вестник КазНУ (серия востоковедческая). 2016. Т. 59. № 2. С. 43–48.

[330] *Мусырманова А. Ш.* Сибирское казачество на рубеже XIX–XX вв. (основные проблемы социально-экономического развития): дис. ... к. и. н. Алматы, 1995. 176 с.

[331] *Мусырман А. Ш.* Сибирское казачество на рубеже XIX–XX веков (основные проблемы социально-экономического развития). Петропавловск, 2005. 176 с.

[332] *Аубакирова Х. А.* Участие сибирского казачества в подавлении национально-освободительного движения казахского народа под предводительством султанов Саржана и Кенесары Касымовых (1824–1847 гг.): дис. ... к. и. н. Астана, 2000. 130 с.

Среднего жуза. На основе диссертации была издана монография[333]. Помимо этого, Х. А. Аубакирова подготовила ряд статей по разным аспектам истории сибирского казачества[334].

В кандидатской диссертации К. С. Бижигитовой[335] рассмотрены вопросы аграрной истории Сибирского казачьего войска во второй половине XIX – начале XX в. Автор изучила формирование нормативно-правовой базы, регулирующей землепользование и землевладение, проанализировала поземельные отношения между казахами и казаками региона, исследовав при этом состояние хлебопашества в казачьих станицах.

В кандидатской диссертации Г. Т. Каженовой рассмотрено «влияние этносоциальных, межконфессиональных, социально-экономических факторов на взаимоотношения казахов и сибирских казаков», представлены выводы об особенностях казахско-казачьих хозяйственно-бытовых связей, взаимодействии и взаимовлиянии казахов и казаков в материальной и духовной сферах[336]. Г. Т. Каженова также является автором ряда статей о сибирском казачестве[337].

Последние три автора совместно с М. Ж. Абдировым в 2016 г. представили содержание своих диссертационных исследований в коллективной монографии, посвященной сибирскому казачеству[338]. Стоит также отметить

---

[333] *Аубакирова Х. А.* Участие сибирского казачества в подавлении национально-освободительного движения казахского народа под предводительством султанов Саржана и Кенесары Касымовых (1824–1847 гг.). Астана, 2000. 130 с.

[334] *Аубакирова Х. А., Джумагалиева К. В.* Этнический состав Сибирского казачества в XIX – начале XX веков // Вестник АНУ им. Абая. № 1. 2016. С. 219–223; *Аубакирова Х. А.* Историография проблемы взаимоотношений сибирских казаков и казахов в XIX веке в трудах русских исследователей дореволюционного периода // Конференция «Кочевые народы юга России: исторический опыт и современность» КалмГУ, Элиста, 2016. С. 215–218.

[335] *Бижигитова К. С.* Аграрные отношения в Сибирском казачьем войске во второй половине XIX – начале XX в. (проблемы землеустройства, землепользования и взаимоотношений с казахским населением): дис. ... к. и. н. Алматы, 2002. 137 с.

[336] *Каженова Г. Т.* Казахи и сибирские казаки в историческом и социально-культурном пространстве Степного края (XIX – начало XX вв.): дис. ... к. и. н. Алматы, 2008. 140 с.

[337] *Каженова Г. Т.* К вопросу о взаимоотношениях казахов и сибирских линейных казаков во второй половине XIX в. // Степной край Евразии: Историко-культурные взаимодействия и современность: IV Международная научная конференция, посвященная 170-летию со дня рождения Г. Н. Потанина и Ч. Ч. Валиханова: тезисы докладов и сообщений. Омск, 2005. С. 83–84.

[338] *Абдиров М. Ж., Аубакирова Х. А., Бижигитова К. С., Каженова Г. Т.* Сибирское казачество и казахи Степного края в XVIII–XIX вв. Астана, 2016. 373 с.

еще две публикации, которые могут быть интересны специалистам, изучающим сибирское казачество[339].

2.5. Уральское казачество

Среди первых научных публикаций об уральском казачестве в связи с историей Казахстана следует отметить труды А. Л. Гуляева[340] и Н. А. Бородина[341]. В начале XX в. появились специальные исследования отдельных вопросов: Н. Г. Мякушин написал об одной из экспедиций уральских казаков в Среднюю Азию[342], К. Дружинин – об участии уральских казаков в русско-японской войне 1904–1905 гг.[343] По вопросу влияния казахского языка на речевые практики уральских казаков отдельный интерес представляет книга А. Б. Карпова, который собирал диалектные выражения, слова и казачьи стихотворения[344].

В советское время продолжались исследования фольклора и языка уральских казаков. В этом отношении хорошо известны монографии Е. Л. Коротина[345] и Н. М. Малечи[346].

После обретения независимости в Казахстане появился относительно большой спрос на литературу об уральских казаках. Газета «Казачий вестник» издается с 1991 г. в г. Уральске и считается официальным печатным органом Уральского казачьего войска. В ней встречаются иногда очень интересные исторические материалы по уральским казакам. Можно выделить также научно-популярный сборник биографий атаманов Уральского казачьего войска[347]. В 2008 г. вышел сборник под названием «Уральску

---

[339] *Бессонов А. И.* Сибирское казачество. Петропавловск, 2010. 48 с.; *Шалгимбеков А. Б.* История военного продвижения и закрепления Российской империи в северном регионе Казахстана (вторая половина XVIII – первая треть XIX в.): дис. ... к. и. н. Костанай, 2010. 178 с.

[340] *Гуляев А. Л.* Отрывки из прошлого Уральского казачьего войска (из записок полковника Гуляева). Уральск, 1895; *Он же.* Поход на Амударью и Текинский оазис уральских казаков в 1880–1881 годах. Уральск, 1882.

[341] *Бородин Н. А.* Уральское казачье войско. Уральск, 1891. 966 с.

[342] *Мякушин Н. Г.* Секретная экспедиция уральских казаков. Уральск, 1903. 35 с.

[343] *Дружинин К.* Описание подвигов 4-го и 5-го Уральских казачьих полков в войну с Японией в 1904–1905 годах. Уральск, 1908.

[344] *Карпов А. Б.* Сборник слов. синонимов и выражений, употребляемых уральскими казаками. Уральск, 1909. 50 с.

[345] *Коротин Е. Л.* Фольклор яицких казаков: песни, народная проза, детский фольклор. Алма-Ата, 1982. 256 с.

[346] *Малеча Н. М.* Уральские казаки и их диалект. Уральск. 1956. 235 с.; *Он же.* Сборник словарных статей словаря территориального диалекта уральских казаков. Уральск, 1960. 54 с.

[347] *Трегубов А. Г.* От Гугни до Толстова: атаманы Яицкого казачьего войска и наказные атаманы Уральского казачьего войска. Уральск, 2006. 104 с.

375 лет. История и историческое краеведение», содержащий интересные научные материалы.

Также можно отметить публикации таких казахстанских авторов, как С. К. Сагнаева[348], А. Ю. Антипин[349], Н. Ы. Жетписбай[350].

Итак, изучение казачества как явления в истории казахского народа и историография российского казачества представлены двумя неравнозначными комплексами литературы. Первый комплекс характеризуется незначительным количеством публикаций, которое в настоящий момент не увеличивается за счет новых концептуальных разработок. Второй – довольно обилен и разнообразен, содержит публикации, излагающие противоречивые, часто идеологически инспирированные взгляды на одни и те же вопросы.

---

[348] *Сагнаева С. К.* Исторические аспекты формирования самосознания уральского казачества и современные проблемы самоидентификации казаков // Возрождение казачества: надежды и опасения: Научные доклады. 1998. №. 23. С. 46–58.

[349] *Антипин А. Ю.* Религиозный фактор в идентичности уральских казаков в Казахстане // Актуальная теология: религиозная идентичность в региональных социокультурных процессах. 2015. С. 94–99.

[350] *Жетписбай Н. Ы.* О некоторых моментах взаимоотношений казахов с русскими прилинейными жителями в XVIII – первой трети XIX вв. в Западном Казахстане. Электронный научный журнал «edu.e-history.kz». №4(08). 01 Октября 2016. Электронный ресурс: http://quest.e-history.kz/ru/contents/view/1239

Глава II

Социальная типология казачьих сообществ

В. В. Грибовский

Постановка вопроса

Со второй половины XIX в. и по сей день преобладает трактовка слова «казак», которая сводит его значения к одному ряду: бродяга, вольный скиталец, человек без рода, племени и определенных занятий[1]. В последнее время наметился ее пересмотр; предложены новые варианты прочтения с попыткой привязать к определенному социальному контексту.

А. Н. Гаркавец обосновал толкование: «обнаженный; голый; простой; лишенный чего-либо». Вслед за А. Н. Самойловичем, он обратил внимание, что в «Тюрко-арабском словаре» 1343 г. («Сборник толкований тюркских, персидских, монгольских и фарси»), где содержится одна из первых фиксаций этого слова, лексема «казак» «приведена в тематической группе названий людей по полу, возрасту, физическому состоянию и социальному статусу». «Из содержания арабского эквивалента, антонима и синонима, окружения и тематического контекста в целом вытекает, что […] термин *қазақ* указывает на гражданское состояние отдельно взятого человека, индивида – неженатый, не связанный узами брака, семьи (укр. *козак // парубок* ‘парень, еще не женатый молодой человек, юноша’), а в равной степени на его общественный статус – одиночка, единоличник, никому не подчиненный, ни от кого не зависящий, вольный, свободный, неподвластный, не связанный общественными обязанностями и повинностями, самостоятельный, сам себе господин», – таково заключение А. Н. Гаркавца[2]. Впрочем, как видно из того, что следует после «а в равной степени…», это заключение не лишено эклектического налета.

Итак, слово «казак» в «Словаре» 1343 г. выражает смысл, не тождественный ни семейному, ни бессемейному человеку, т. е. речь идет не об антинорме («бобыль»), а о *возрастном классе неженатой, «гулящей» мужской молодежи*, мужском союзе, действующем *вне семейного пространства*. Этот смысл не был уловлен ни А. Н. Самойловичем, ни в полной мере А. Н. Гаркавцом. Трактовку последнего: «парень, еще не женатый молодой

---

[1] Становление этой трактовки и ее соответствие нарративу колонизации представлены в § 1 «Казачество и его связь с тюркским миром в историографии поздней Российской империи, СССР и постсоветского пространства» главы I настоящего издания.

[2] *Гаркавец А. Н.* Codex Cumanicus. Алматы, 2015. С. 35–36.

человек, юноша» следует считать максимально приближенной к изначальному значению этого слова. К этому толкованию вплотную подошел А. Н.Самойлович, задолго до А. Н. Гаркавца обративший внимание на расположение слова «казак» после вокабулы «öjlÿ» – «женатый, семейный, имеющий дом» – и перед термином «баштак» – «не имеющий семьи и прочего, сам по себе»[3]. Однако значение «скиталец» вернуло его на колею следования традиции. Последняя плохо согласовалась с фиксацией казаков в «Codex Cumanicus» со значением «стража»[4]. Многочисленные упоминания в славянском и тюркском фольклоре нахождения «добрых молодцов» на границе в качестве стражи (это будет показано ниже) усиливали эту несогласованность. Джу-Юп Ли в своем недавнем исследовании назвал «неаккуратным» (inaccurately) определение голландским востоковедом М. Т. Хоутсма (1894) тюркской лексемы «казак» через немецкое слово *Landstreicher* (русск.: *бродяга*, англ.: *vagabond*). Однако сам этот автор феномен тюркского казачества (Qazaqlïq) определил как *обычай политического бродяжничества* (the custom of political vagabondage)[5], т. е. остался под влиянием традиции. Хотя и вскрыл существенные стороны данного института, слабо просматривающиеся в свете традиционной трактовки.

Улавливание через слово «казак» возрастного класса мужской молодежи согласуется с приведенным В. В. Радловым 5-м его значением: неженатый человек, холостяк, а также 6-м: безбородый или бритый[6]. Смысл: «вырезать, оголить [побрить] острым предметом», «бритый, безбородый» приводится в турецких справочных изданиях[7]. В «Ногайских и кумыкских текстах» М. Османова (1883) обнаруживаются четкие отсылки к тому, что «ногайские казаки» были или еще неженатыми юношами, или мужами, пребывающими в вынужденной разлуке с женой[8]. В ногайской поговорке: «…чем нерадивая жена, лучше вольная казачья жизнь»[9] – женитьба прямо

---

[3] *Самойлович А.* О слове «казак» // Казаки: антропологические очерки. Материалы особого комитета по исследованию союзных и автономных республик / под ред. С. И. Руденко. Вып. 2. Л., 1927. С. 9–10.

[4] Codex Cumanicus Bibliothecae ad templum divi Marci Venetiarum primum ex integro edidit prolegomenis notis et compluribus glossariis instruxit comes Géza Kuun. Budapestini, 1880. P. 268.

[5] *Joo-Yup Lee.* Qazaqlïq, or Ambitious Brigandage, and the Formation of the Qazaqs State and Identity in Post-Mongol Central Eurasia. Leiden; Boston, 2016. P. 22.

[6] *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. 2. СПб., 1899. С. 364–365.

[7] *Туранли Ф.* Тюркські джерела до історії України. К., 2010. С. 145.

[8] *Ярлыкапов А. А.* Образ ногайского казака в фольклоре: жизнь, мораль, доблесть // Война и воинские традиции в культурах народов Юга России (VI Токаревские чтения): материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Ростов-на-Дону, 4–5 мая 2017 г.). Ростов н/Д., 2017. С. 19–20.

[9] *Он же.* Образцы ногайского фольклора в хрестоматии М. Османова «Ногайские и кумыкские тексты» // Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему: материалы Второй Международной научно-практической конференции, г. Черкесск. 12–13 октября 2016 г. Черкесск, 2016. С. 325.

противопоставлена казакованию. Голландец Н. Витсен (1664–1665) описал казаков как «любителей войны и свободы», которые будто бы «все русские христиане», и упомянул «черные шляпы и черные леса, из которых некоторые находятся на одном месте, с северо-запада от Каспийского моря; их мало, они там *живут без женщин* и известны как *ядро* или *лучшие из всех казаков*»[10]. В этих «черных шляпах» и «черных лесах» угадываются тюркские названия: «каракалпак» и «карагач» (каракалпаки и ногайцы-карагаши). Однако отсутствие жен у казаков, отмеченное Н. Витсеном как их изначальная характеристика, требует пристального внимания.

В. П. Юдин заметил, что в источниках домонгольского времени слово «казак» не зарегистрировано и в раннем употреблении не имело отношения к разбойникам, обозначаемым отдельным термином: *қарақчи*[11]. Рассмотрев 22 версии этимологического толкования слова «казак», этот исследователь сначала удовлетворился традиционным прочтением: «беглец», «скиталец»; тексты XV в., согласно его выводу, говорят о группах, отколовшихся от основного народа, беглецах, добытчиках, налетчиках, удальцах. Отмечено и «скованное словосочетание», сохранившееся «почти во всех современных монгольских языках»: *хасаг терген* – «казацкая телега», «приспособленная для казакования»[12]. Г. Й. Рамстедт, а за ним и А. Н. Самойлович, определил ее как «вид старой телеги *богатырей*»[13]; в «Сокровенном сказании монголов» упомянута «казацкая телега», в которой невесту везли к жениху[14]. Это косвенно удостоверяет возрастной класс мужской молодежи, играющей важную роль на свадьбе своего товарища.

Углубление в раннюю группу значений привело В. П. Юдина к сужению поля толкований слова «казак»: «молодой», связанный с «пережитками мужского союза *оттуз оғул* “тридцать сыновей”» (здесь курсивы этого автора), относящийся к эпическим сюжетам о «тридцати юношах», сочетавшихся браком с «сорока девушками», от которого ведут свое происхождение некоторые тюркские роды и сообщества. «В *оттуз оғул*, – пишет В. П. Юдин, – вступали мужчины определенной возрастной группы, которые возглавлялись выборным старшиной. В каждую ячейку *оттуз оғул* могло входить любое число мужчин, не только тридцать. В функции *оттуз оғул* входили хозяйственная взаимопомощь и вообще поддержка членов любым способом. Наиболее наглядной стороной функционирования *оттуз оғул* являлись общие собрания членов *мәшрәп* ([…]

---

[10] *Витсен Николаас.* Северная и Восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии / пер. с голл. В. Г. Трисман. Т. 1 / ред. Н. П. Копанева, Б. Наарден. Амстердам, 2010. С. 529.

[11] *Юдин В. П.* К этимологии этнонима казах (қазақ) // Центральная Азия в XIV–XVIII вв. глазами востоковеда. Алматы, 2001. С. 150.

[12] Там же. С. 144, 147, 148.

[13] *Самойлович А.* О Слове «казак». С. 7–8.

[14] Сокровенное сказание монголов / пер. и подг. С. А. Козина. Т. 1. М.; Л., 1941. С. 87.

“попойка”). Собрания воспроизводили дворцовый ритуал кочевых ханов. Выделялись из “тридцати сыновей” *хан* (*падишах*), *везир*, которые во время инсценировки шариатского суда автоматически становились *казиями*, *көлбеги* – церемониймейстер, *пашшапбеги* – исполнитель приговоров, дариханы […] – музыканты, и *тридцать сыновей* – все прочие члены союза»[15]. *Машрабы* (пиры) проводились с тщательным соблюдением церемониала, составными частями которого были «прием гостей», «заседания светского и духовного суда». Действия всех участников церемониала регламентировались до мелочей; нарушителей подвергали наказанию, причиняющему не столько телесную боль, сколько унижение (обливание водой, привязывание к дереву возле арыка), а также штрафу (фрукты, алкоголь, употреблявшиеся во время пира членов группы). Рядовые члены *оттуз оғул* считались «сыновьями» его главы – «хана»[16].

Верхняя одежда и волосы (их цвет, стрижка, бритье) у многих народов указывали на принадлежность к возрастным классам: безбородый, чернобородый, белобородый[17]. «Татары говорят, что мущина без усов то же самое, что женщина без волос на голове. Борода предназначается каждому только после 40-летнего возраста»[18]. По сообщению П. С. Палласа (конец XVIII в.), крымскотатарские юноши из мурзинских и других богатых семей одевались так же, как «черкесы, поляки и казаки»; старики отпускали бороды, тогда как юноши и мужчины среднего возраста – только усы; молодежь носила черкесскую папаху[19]. Внешний вид знатных юношей отличался от сверстников-простолюдинов, однако отцы богатых семейств выглядели так же скромно, как и обычные крымскотатарские мужчины старших возрастов; быт и тех и других был одинаков[20]. Ногайским[21] и адыгским[22] мальчикам и юношам еще в XIX в. брили голову, оставляя чубчик на макушке. Об этом сообщает и хронист XVI в. А. Гваньини: «Голову бреют полностью, за исключением *детей и знатных персон*, т. е. царьков, или мурз. Эти оставляют на макушке голов чубы, которые закру-

---

[15] *Юдин В. П.* К этимологии этнонима казах (қазақ)… С. 164.

[16] Там же. С. 164–165.

[17] *Задыхина К. Л.* Пережитки возрастных классов у народов Средней Азии // Родовое общество. Этнографические материалы и исследования / Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. XIV. М., 1951. С. 169–170.

[18] *Кондараки В. Х.* Универсальное описание Крыма. Ч. 12. СПб., 1875. С. 25.

[19] *Паллас П. С.* Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах / пер. с нем. М., 1999. С. 149.

[20] *Сумароков П.* Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду. Ч. I. СПб., 1803. С. 185; Путешествие в Полуденную Россию в письмах, изданных Владимиром Измайловым. Ч. 1. М., 1802. С. 188–189.

[21] *Корнис П.* Краткий обзор положения ногайских татар, водворенных в Мелитопольском уезде Таврической губернии // Телескоп, журнал современного просвещения, издаваемый Н. Надеждиным. Ч. 33. М., 1836. С. 19.

[22] *Карпов Ю. Ю.* Джигит и волк. Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб., 1996. С. 89.

чивают вокруг уха»[23]. То же сто лет спустя отмечено у астраханских калмыков: «волосы у них выбриты, кроме одной космы, которая развивается на голове»[24]. Ногайцы словом *кекель* называли чуб, оставляемый на макушке мальчика остригшим его дядей по материнской линии во время *бас кетеру той* (праздник в честь первой стрижки)[25]. Чуб на голове ногайских батыров и их предводителей именовался *айдар*, прикрывавшая его шапка серого цвета – *бьорк*, название которой происходит от *боьри* – волк[26]. В этимологическом словаре татарского языка Р. Г. Ахметьянова отмечено, что слово «бүрек» происходит от монгольского «бүрх» (головной убор) или «бүрхэ» (покрытие или покрывающий); в алтайском и чагатайском языках оно также имеет значение головного убора или покрытия и этимологически связано со словом «волк»[27].

Подобная половозрастная маркировка по одежде и волосам головы обнаруживается у запорожских казаков, причем с отголосками тех же названий. Серая шапка-*бырка* представлена в думе «Казак Голота»[28]. В XVIII в. украинские казаки в большом количестве покупали у крымцев серые овечьи смушки, используемые для изготовления шапок[29]. Покрываемый такой шапкой *хохол* (возможна связь этого слова с *кекель*), по-украински: *чуб*, *чупрына*, *осэлэдэць*, был неотъемлемым атрибутом запорожца: «Перед тем как накладывать шапку, казак отделит от чупрыны пучочек волос и напустит его на лоб, потом заматует саму чупрыну за ухо и тогда уже накладывает на голову и шапку. Как наложил шапку, тогда он уже и казак. Это самое главное одеяние казака», – вспоминал бывший запорожец И. И. Россолода[30]. В украинском фольклоре большое внимание уделено казацким усам: «Кивнет черным усом, / махнет большими руками», – это о запорожском кошевом атамане Косте Гордиенко (начало XVIII в.)[31]. Те же маркирующие знаки замечались и после уничтожения Запорожской Сечи: в 1781 г. запорожцев, натерших лицо порохом, обвя-

---

[23] *Гваньїні О.* Хроніка європейської Сарматії / упор. та пер. з польськ. о. Юрія Мицика. 2-ге вид., доопрац. – К., 2009. С. 698.

[24] *Стрюйс И.* Извлечение из описания путешествия (1669–1670 гг.) // Астраханский сборник. Астрахань, 1896. Вып. 1. С. 105.

[25] *Капаев Иса.* Ногайские мифы, легенды и поверья. Опыт мифологического словаря. М., 2012. С. 123.

[26] Там же. С. 17–18, 133.

[27] Татар теленең этимологик сүзлеге, 2 томда / Р. Г. Әхмәтьянов. Т. 1. Казан, 2015. С. 222.

[28] Думи / упор., вступ. ст., комм. Г. А. Нудьга. К., 1969. С. 45.

[29] *Скальковський А. О.* Історія Нової Січі, або Останнього Коша Запорозького. Дніпропетровськ, 1994. С. 145; *Пилипенко С. М.* Зовнішня торгівля Кримського ханства у 40–70-ті роки XVIII ст. // УІЖ. 1997. № 6. С. 94.

[30] *Яворницький Д. І.* Запорожжя в залишках старовини і переказах народу / підготовка тексту і наук.-довід. апарату С. В. Абросимової, Н. Є. Василенко. 3-тє вид., випр. і доп. Дніпропетровськ, 2005. Ч. 2. С. 18.

[31] Архив СПб. ИИ РАН. Ф. 200. Оп. 2. Д. 188. Л. 7–7 об.

завших головы платками и одевшихся по-турецки, все-таки опознали во время их нападения на слободы Новопавловского и Херсонского уездов именно по чубам, скрываемым теми платками[32].

Выявленные признаки являются основанием для постановки вопроса о социальной типологии ранних казачьих сообществ как мужского союза, структурированного по возрастным классам.

Дискуссия Г. Шурца с Л. Г. Морганом «и его школой»

Вопрос о значении мужских союзов в процессах складывания государства и общества далек от исчерпывающего решения. Выявление черт этого института у украинских и российских казаков требует анализа основных подходов к его интерпретации и нахождения ему места в общей исторической картине.

Льюис Генри Морган (1818–1881) создал огромный по силе влияния нарратив о том, как единая линия эволюции, проведенная от стадии «дикости» через «варварство» к «цивилизации», проявлялась в прогрессе потребления, управления, развитии форм семьи, рода, собственности[33]. Материнский род, по Й. Я. Бахофену (1861), предшествовавший отцовскому, для Л. Г. Моргана стал отправной точкой. Роды, фратрии и племена определены им как первейшие формы социальной интеграции[34]. Ф. Энгельс объявил эти выводы Моргана научным открытием, имевшим «для первобытной истории такое же значение, как теория развития Дарвина для биологии и как теория прибавочной стоимости Маркса для политической экономии»[35]. Представленные Морганом переходы от матриархата к патриархату, от парной семьи через большую патриархальную к малой моногамной семье, от родоплеменной к территориальной организации (стадии государства или цивилизации) со времени публикации процитированного труда Энгельса (1884) составили основу марксистского понимания начал истории.

Морган и Энгельс не имели представления о половозрастных группах, существовавших вне рода и семьи. Эти вопросы впервые описал немецкий ученый Фридрих Ратцель в 1894 г., представлявший отдельное (от английского эволюционизма) научное направление. Семью он определил как «наиболее естественное общество», самую устойчивую социальную форму, полагая, что только из нее «могло исходить развитие всей общественной и государственной жизни»[36]. Он также обратил внимание на «тайные союзы, образующие различие между знающими и непосвященными

---

[32] АВПРИ. Ф. 90. Оп. 1/90. 1781 г. Д. 882. Л. 1–1 об.

[33] *Morgan Lewis H.* Ancient Society or Researches in the Lines of Human Progress from Savagery through Barbarism to Civilization. Chicago, 1909. P. VI.

[34] Ibid. cit. P. 6–7, 17.

[35] *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. Т. 2. М., 1949. С. 171.

[36] *Ратцель Ф.* Народоведение / пер. со 2-го издания [1894 г.] Д. А. Коропчевского. Т. 1. СПб., 1904. С. 113.

людьми. Они естественно встречаются в обществе, в котором отсутствуют причины для разделения сословий. Они проводят искусственные границы, отделяющие их от других […], окружают себя религиозными формами и завладевают важными функциями, каковы посвящение при переходе в возраст возмужалости и возмездие за нарушение закона […]. Часть задач тайных союзов […] заключается в поддержании уважения к преданию. При отсутствии других органов, члены этих союзов систематически вырабатываются для выполнения упомянутых обязанностей»[37].

Ученик Ф. Ратцеля, Генрих Шурц (1863–1903), развил взгляд на семью как «естественную» форму, противопоставив ей «искусственные» образования (natürliche und künstliche Gesellschaftsteilung) – мужские союзы (Männerbünde)[38]. Мужские дома представлялись ему зримым воплощением особой роли мужских объединений в возникновении и поддержании социальных связей[39]. Он настаивал на «различении двух основных видов человеческих обществ: тех, которые происходят от кровного родства, направлены на биологическое воспроизводство и не предусматривают сознательного выбора отдельной личности (поскольку регламентированы со всех сторон), и тех, к которым отдельная личность присоединяется более-менее по собственной воле»[40]. Первых Шурц назвал несвободными объединениями противоположных полов, вторых увязал со свободным выбором товарищей одного пола. Семья возникает в результате брака, который создает не только семью, но и объединение семей, занимающее промежуточное положение между «естественными» и «искусственными» формами. Участие мужских союзов в заключении брака и контроле брачных отношений обусловливало сложное переплетение «искусственных» сообществ с «естественными». И если по линии последних возникали коллективы кровных родственников, то линия первых объединяла мужчин неродственных, группируемых только по принадлежности к одному полу и возрасту[41].

Семья и община, слагаемая из семей, включали в свой состав чужаков лишь в отдельных и четко регламентированных случаях: брак, «усыновление» и «патриархальное рабство». Примеров отторжения чужаков общиной много – вплоть до отказа хоронить пришельца в «своей земле»[42]. Но мужские сообщества, действующие вне общинной территории или на ее периферии, основаны не на отторжении, а привлечении чужого – увеличении своей численности и влияния за счет пришельцев. В догосударственную эпоху не было никаких средств принуждения, кроме престижа, пори-

---

[37] Там же. С. 124.

[38] *Schurtz Heinrich*. Altersklassen und Männerbünde. Eine Darstellung der Grundformen der Gesellschaft. Berlin, 1902. S. 11–22.

[39] Ibid. cit. S. III.

[40] Ibid. cit. S. 14.

[41] Ibid. cit. S. 14–16.

[42] *Леви-Брюль Люсьен*. Первобытный менталитет / пер. с фр. Е. Кальщикова. СПб., 2002. С. 51.

цания, изгнания из сообщества или расправы по коллективному одобрению; отсюда – добровольность выбора мужских союзов. Они были до некоторой степени автономными по отношению к семьям и общинам своих членов. Член такого союза являлся и членом семьи и рода, так или иначе связанных с другими семьями и родами; он же оставался и членом общины, в составе которой находились так или иначе взаимодействующие семьи. Его роли в общине и вне ее не были тождественными. Он мог быть еще и гостем или членом другого дружественного или неизвестного его товарищам мужского союза. Но он не мог действовать во вред каждому из этих коллективов. Так возникали, расширялись и постоянно менялись социальные сети, выходящие далеко за пределы общинных поселений, семьи и рода, обретая со временем более устойчивые формы.

Если, ввиду всего сказанного, рассматривать человека лишь как отражение определенной среды, то он предстанет в виде «оборванца, одетого в разноцветные лохмотья»[43]. Этот аргумент Шурц положил в основу критики утверждения марксистов о том, что человек есть продукт социальных отношений. Напротив, он, будучи включенным в многообразные связи, участвует в их формировании и изменении; каждый элемент этих связей имеет для него разную действенность на протяжении всей его жизни. Так Шурц деконструировал понятие «общество» (Gesellschaft), «ежедневно используемое нами, как разменные монеты, но при более внимательной проверке оказывается, что отчеканены они из разного металла»[44]. Сдержан он и в использовании слова «племя» (Stamm), впрочем, имеющего у него более широкое значение, чем латинское *tribus* в понимании Моргана и Энгельса. Эволюционистские построения, доводящие социальные понятия до состояния бледной абстракции, стали предметом его критики. «Последняя великая теория» – так Шурц назвал построение Моргана – разрушается в самой своей основе фактами (Thatsachen) существования мужских союзов и возрастных классов[45].

Острие критики Шурца прошлось по выводу Моргана «и его школы» о том, что промискуитет является стадиальным предшественником «групповой» и «кровнородственной» форм семьи. Шурц не наделил неупорядоченные половые отношения значением индикатора на воображаемой стадиальной шкале, но обратил внимание на множество примеров того, что они были характерны для неженатой молодежи в определенные периоды и становились предметом порицания, когда в этом уличали лиц, состоящих в браке[46]. К ошибкам «старых теорий», т. е. Моргана «и его школы», Шурц отнес и утверждение о том, что охота, скотоводство и земледелие шли одно за другим в строгой стадиальной последовательности. Он предостерег и от эволюционистского умозрения, объявляющего развитием некое измене-

[43] *Schurtz Heinrich*. Altersklassen und Männerbünde… S. 12.
[44] Ibid. cit. S. 11.
[45] Ibid. cit. S. 1.
[46] Ibid. cit. S. V, 68–69.

ние, в котором при более внимательном рассмотрении выявляется повторение предыдущих состояний. Защитой от спекуляции он считал «фактологический материал» (Thatsachenmaterial), доступный для проверки и позволяющий увидеть в разнообразных изменениях «основные силы, глубинные начала, не изменяемые в своих внутренних свойствах в течение тысячелетий, но наследуемые по полу». Изменяется внешняя форма; некоторые черты «как будто отступают, потом вдруг снова появляются, и даже территориально отдаленные друг от друга общества являют такое сходство, что кажется, будто они тесно связаны между собой эволюционно»[47]. Этот вывод свободен от ограничений однолинейного эволюционизма[48], поскольку не связывает реституцию старых социальных явлений с регрессом и не объявляет их пережитком. Их угасание и восстановление Шурц представлял не в виде чередования приливов–отливов диффузных волн, а как разнообразие и сложное переплетение эволюционных линий. Однако ему не удалось избежать выхода за пределы заявленной им программы верификации, сводя эти «основные силы» к неверифицируемым инстинктам (Triebe), которые будто бы «влияли на разные группы сходным образом», как, например, «инстинкт собирателя» везде действует одинаково[49].

Согласно Шурцу силой, создававшей «искусственные» сообщества, является «общественный инстинкт» (Gesellschaftstriebes), женщине, по заключению Шурца, менее свойственный. Он слишком увлекся регистрацией «недостатков» женщин (несклонность к дружбе, ревность, зависть к другим женщинам и пр.), чтобы наделить их статусом социального субъекта. Женщины могут принимать участие в мужских собраниях и быть их полноправными членами, но тогда они лишь примеряют на себя мужские роли. Женские союзы Шурц признал слабыми имитациями мужских[50]. Конечно, здесь несложно увидеть признаки сексизма и мизогинии. Но основная мысль, если отсеять стереотипы эпохи *fin de siècle*, не лишена смысла. Мужчины действительно занимали и продолжают занимать лидирующее положение в государстве и обществе, а если женщины и достигают влияния, то не благодаря специфическим женским чертам, а потому, что они приняли на себя роли мужчин, вошли в состав созданных ими институтов[51]. Но нас интересует не это, а то, почему до конца XVIII в. в восточноевропейской степи существовали мужские бессемейные сообщества.

---

[47] Ibid. cit. S. 6–7, 9.

[48] Ввиду изложенного, трудно согласиться с определением Карло Гинзбурга теории Г. Шурца как «прямолинейного эволюционизма» (*Гинзбург К.* Мифы–эмблемы–приметы: Морфология и история. Сб. ст. / пер. с ит. и послесл. С. Л. Козлова. М., 2004. С. 254).

[49] *Schurtz Heinrich*. Altersklassen und Männerbünde… S. 7.

[50] Ibid. cit. S. 16–18, 21.

[51] *Tiger Lionel*. Men in groups. Third edition with new introduction by the author. New Brunswick, NJ; London, England: Transaction Publishers, 2009. P. 73–74.

Н. К. Михайловский, прижизненный критик Г. Шурца, справедливо упрекнул его в «слишком резкой схематичности» и мизогинии[52]. Но в целом, высоко оценил его труд и, что примечательно, упомянул в связи с ним Запорожскую Сечь, ее «демократично-республиканский» строй и отсутствие в ней женщин[53]. А. ван Геннеп (1908) критиковал Шурца за сведение социальных связей к иррациональному влечению, акцентируя также внимание на разнице между биологической зрелостью и социальным возрастом[54]. Роберт Лоуи (1920) представил обстоятельный разбор его книги с опровержением его тезисов о психологическом различии мужчин и женщин, их «социологической сепарации»[55]. Многие выводы Шурца сегодня не выдерживают критики. Но отдельные его идеи нашли новые аргументы спустя десятилетия, часто – независимо от него и без упоминания его имени. Безусловным вкладом Шурца является выяснение связи между возрастными классами (Altersklassen), инициациями и мужскими союзами, выявление повторяющихся регулярностей в огромном материале, собранном на всех континентах[56]. Градацию посвященных в «тайное знание» и отдаленность от них непосвященных, возможность первых и невозможность вторых распоряжаться жизненно важной информацией и ресурсами проще вообразить как первейшую форму власти, чем вдруг возникшую способность некой фамильной группы концентрировать в своих руках материальные ресурсы и эксплуатировать на основе владения ими тех, кто ими не владел, как это выходило из схемы Моргана, включенную в марксистскую проекцию.

Ф. Ратцель и Г. Шурц были первыми, кто увидел в мужском союзе первоначальную модель власти, основанную на монополизации информации. Позднее эту идею аргументировал американский антрополог Лайонел Тайгер (1969, 2009), который определил мужское группирование как «становой хребет общества», создаваемый «грегорными» (биологически обусловленными) факторами социального поведения[57]. Российский этнолог О. Ю. Артемова (2009), поддержав выводы Л. Тайгера, показала на примере Австралии, что инициации играли важную роль в дифференциации статусов. Эзотерические и экзотерические знания, табуирование по степени посвящения, санкционированная дезинформация непосвященных составляли «механизм структурирования социального неравенства […]. Обман служил средством поддержания и усиления социального преобладания тех, кто к нему прибегал, а иногда и средством психологического принуждения “непосвященных” к повиновению “посвященным” […]. Для развития со-

---

[52] *Михайловский Н. К.* Новый взгляд на происхождение общества // Русское богатство. 1903. № 9. С. 122, 137–138.

[53] Там же. С. 133.

[54] *Геннеп А., ван.* Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / пер. с франц. М., 1999. С. 64, 82, 106.

[55] *Lowie Robert H.* Primitive Society. N. Y., 1920. P. 297–337.

[56] *Schurtz Heinrich.* Altersklassen und Männerbünde… S. 47–48, 83–189.

[57] *Tiger Lionel.* Men in groups… P. 60, 130.

циального неравенства такого типа *не нужно никаких материальных накоплений*». Однако известны вполне эгалитарные общества с элементарной экономикой, но развитыми «механизмами социального выравнивания», блокировавшими монополизацию жизненно важной информации[58]. Впрочем, вероятность их вторичности (демонополизация как ответ на монополию) высока. В Запорожской Сечи видна та же блокировка – обязанность писаря публично зачитывать все документы и отказ наделять его административными функциями (об этом – ниже). Но и здесь прослеживается *разная степень причастности к сакральному*: сечевую церковь регулярно посещали только «степенные старики» и наделенные должностью казаки, а простые казаки-*серомахи* – по особому случаю[59].

М. Мид показала на меланезийском примере разный градус «агрессивности» в местах, где мужские союзы продолжали существовать, и там, где их значение размывалось. Это объяснено товарно-денежными отношениями, привнесенными европейцами. В данной ситуации мужчины выглядят дезориентированными и бездеятельными, мальчики все еще воспроизводят агрессивный стиль поведения предков, девочки – свободны от жестких ролей, а женщины «руководят деловой стороной жизни и очень легко кооперируются при выполнении каких-нибудь работ в большие группы»[60]. Этот пример, конечно, противоречит выводу Г. Шурца об «асоциальности» женщин, но подкрепляет его главное утверждение – о первичности и универсальности мужских союзов. Отмеченная особенность поведения меланезийских женщин близка к выводам Т. Баррета о сильной власти казачки в домашних делах и отстраненности от них казака[61].

Согласно выводу Г. Шурца, сверстники, сгруппированные единовременным прохождением инициации, не были эгалитарным коллективом, ибо имели определенные ранги, степени старшинства и правила восхождения по ним. Если среди инициируемых был сын вождя, то он, как правило, становился вождем, остальные составляли его свиту[62]. Но каков же был механизм возвышения вождя и превращения его статуса в наследственный ранг, закрепленный за его семьей и родом? Ответ Шурца предвосхитил выводы субстантивистов: для поддержания лидерской позиции, вождь должен постоянно оказывать услуги и делать подарки своим сторонникам. Не было смысла аккумулировать богатство ради богатства, он должен был

---

[58] *Артемова О. Ю.* Колено Исава: охотники, собиратели, рыболовы (опыт изучения альтернативных социальных систем). М., 2009. С. 477–478.

[59] *Архімандрит Леонтій (Лука Яценко-Зеленський).* Подорожі на Запорозьку Січ у 1749–1750 і 1751 р. / упор. В. Грибовський, В. Мільчев. К., 2012. С. 19, 23–24.

[60] *Мид Маргарет*. Культура и мир детства. Избранные произведения. М., 1988. С. 65.

[61] *Баррет Томас М.* «Не годится казаку жить одному»: женщины и гендер в казацкой истории // Нестор. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы / ред. и сост. Б. Н. Миронов. СПб., 2007. №. 11. С. 272–273.

[62] *Schurtz Heinrich*. Altersklassen und Männerbünde… S. 79.

постоянно тратить свои средства на друзей и сторонников[63]. М. Д. Салинз на материале Океании разработал (1963) схему формирования ранней политической администрации. Она начиналась с группировки в мужском доме, возглавляемой бигмэном (Big-Man) и объединенной принципами соседства, не родства. За пределами мужского дома «адепты» действуют как члены когнатных групп; поэтому отношения между мужским домом и поселением представляют собой «разные комбинации этих структурных принципов». Будущий бигмэн устраивает пиры, раздает подарки и оказывает услуги потенциальным сторонникам и их семьям, помогает вдовам и сиротам. Сгруппировав сторонников и создав себе авторитет среди жителей поселения, он достигает возможности распоряжаться ресурсами общины. Формирование сложных вождеств во главе с центральным бигмэном зиждется на той же реципрокности: подарки, помощь, защита в обмен на то же плюс признание авторитета, перерастающего во власть. Все крупные объединения являются пирамидой, каждая часть которой отражает целое. Смерть центрального бигмэна означает разрыв всех завязанных на нем реципрокальных связей[64].

Разнообразный этнографический материал разной хронологической и географической локализации явил Шурцу повторяемую регулярность: в больших мужских домах или особых местах в определенные периоды находятся неженатые юноши, в меньшие промежутки – женатые мужчины; их семьи живут отдельно – в хижинах меньших размеров. Мужской дом – это центр общественной (=мужской) жизни, в нем проходят совещания воинов, здесь принимают чужаков, как гостей, хранят священные реликвии, пищевые запасы и другие важные вещи. У *батаков* о. Суматра мужской дом был и крепостью для защиты общины. Аналогичные дома у других народов со временем превращались в ратуши, сторожевые посты, гостиницы. У южноамериканских *бороро* была четкая граница между семейными жилищами-баито, для жен детей, и домом, общим для всех мужчин; мужские группы (арое) возникали для разовой цели, например охоты; их состав менялся; мужчины до сорока лет не женились и жили сообща в «клубном доме»; старшие имели семьи, но продолжали посещать клуб, занимали в нем почетные места и по этой причине мало времени проводили с семьей. Каждый *бороро* имел свое место в этом доме: кто жил у реки – занимал угол, ближний к ней, и соответственно расположению дома семьи своего родственника. Работа в мужском доме выполняется добровольно, но в строгом порядке. То же у камерунских *яунде*: большой дом (30 спальных мест) для мужчин и маленькие хижины для женщин и детей. В Конго мальчиков отлучали от матерей и передавали под опеку ребят постарше,

---

[63] *Шурц Г.* История первобытной культуры. Т. 1. / пер. с нем. Э. К. Пименовой и М. П. Негрескул. Изд-е 2. М., 2010. С. 196–196.

[64] *Sahlins Marshall D.* Poor Man, Rich Man, Big-Man: Political Types in Melanesia and Polinesia // Comparative Studies in Society and History. Vol. 5. № 3. April 1963. P. 287, 291–292.

строивших себе жилище-мбоне. Здесь же принимали чужестранцев, пировали. Те же институты Шурц отследил в древней Европе по описанию Гомером пиров ахейских царей и воинов, спартанских сесситий и др.[65] Изложенное обнаруживает типологическую близость к Запорожской Сечи, где казацкие курени назывались по местностям «семейной» территории, из которых происходили и были связаны узами землячества живущие в них мужчины (Полтавский, Уманский, Каневский и др.).

Нужно сделать важную оговорку: постановка Запорожской Сечи в один ряд со всем перечисленным не означает сведение «уровня развития» запорожцев к стадии «варварства» или «военной демократии», как это следовало бы из схемы Моргана–Энгельса. Морган вообще не улавливал специфику «больших домов» и не отличал их от жилищ больших семей[66]. Теория Шурца, предполагающая многолинейность и возможность реституции в разной комбинаторике (выход на первый план того, что находилось на втором и т. д.[67]), имеет в этом отношении бóльшие объяснительные возможности.

В противовес Моргану, Шурц утверждал, что семья и род, сами по себе, не могут сформировать общество. Они – «маленький мир, существующий для самих себя и стремящийся к гармоническому равновесию, но не содержащий в себе ничего, что могло бы подчинить его высокой цели»[68]. Российский экономист А. В. Чаянов (1923), исследуя современное ему крестьянство, пришел к аналогичному выводу: «как бы ни были разнообразны бытовые особенности семьи, основой ее все-таки остается чисто биологическое понятие супружеской пары, сожительствующей со своими нисходящими потомками и престарелыми представителями старшего поколения. Эта биологическая природа семьи в значительной степени определяет пределы ее размера, а главное – законы ее сложения»[69]. Пределы роста семьи обусловлены экономикой самообеспечения, которая приводит к фрагментации ее чрезмерно разросшихся сегментов[70]. Поэтому не от семьи следует выводить социально-экономические системы, они создаются другими институтами, которые вовлекают семьи в свои орбиты. М. Д. Салинз (1974), следуя «правилу Чаянова», отметил: домохозяйства являются автаркийными в отношении других домохозяйств; «данная группа может периодически поддерживать отношения реципрокности с этими другими. Но реципрокность – это всегда отношения *между* субъектами; какова бы ни была солидарность, реципрокность может только разделять и продлять существование экономически обособленных идентичностей – тех, кто сос-

---

[65] *Шурц Г.* История первобытной культуры. Т. 1. С. 152–157.
[66] *Morgan Lewis H.* Ancient Society… P. 5.
[67] *Schurtz Heinrich.* Altersklassen und Männerbünde… S. 8.
[68] Ibid. cit. S. 40.
[69] *Чаянов А. В.* Организация крестьянского хозяйства // Крестьянское хозяйство: Избранные труды. М., 1989. С. 215.
[70] Там же. С. 220–221.

тоит в отношениях обмена». Разделение труда при «домашнем способе производства» происходит только по полу[71]. Дисперсия составляет лучшее условие для жизнедеятельности семейных ячеек, «сводя к минимуму конфликты из-за ресурсов, добра и женщин, дисперсия является лучшим защитником личности и имущества […]. Если внутри домашнего круга основные движения центростремительны, то между домохозяйствами они центробежны. И всю совокупность домохозяйств они превращают в возможно более жидкую смесь, которая способна растекаться до бесконечности, если более мощные институты порядка и равновесия не поставят ей предела»[72]. Шурц же настаивал: «гармонию и равновесие» в семейно-родовом кругу первоначально создавали именно мужские союзы, осуществлявшие функции социализации мужской молодежи и участия в церемониях заключения брака своих членов[73]. Их следует считать первоначальными институтами, укрощавшими центробежную силу семейно-родовой фрагментации. Отошедшие со временем на задний план, они продолжали себя проявлять в самых неожиданных ситуациях и виде.

Независимо от Г. Шурца и с применением другой терминологии – «тайные общества» (secret societies), «институты взросления» (puberty institution) – мужские союзы проанализировал американский ученый Хаттон Вебстер[74]. Его монографию сразу после издания (1908) назвали «наиболее важным исследованием по истории и описательной социологии среди тех, которые появлялись в Америке со времени публикации “Древнего общества” Моргана»[75]. Вебстер сосредоточился на том, чего не заметил Морган у ирокезов-сенека, «усыновивших» его в 1847 г., – мужских союзах. До него понятие «secret societies» использовал Франц Боас, неудовлетворенный терминологией Моргана, применяемой к социальной организации индейцев[76]. Вебстер пошел по тому же пути, в предисловии отметив приоритет книги Шурца, которая не была ему известна во время написания основной части монографии[77].

Согласно Вебстеру, тайные общества появились на основе «институтов взросления» и содержали в себе «организационные основания с важными политическими и юридическими функциями»[78]. Они были первой историче-

---

[71] *Салинз Маршалл Д.* Экономика каменного века. М., 1999. С. 97.
[72] Там же. С. 99.
[73] *Schurtz Heinrich.* Altersklassen und Männerbünde… S. 47–48.
[74] *Webster Hutton.* Primitive secret societies. A Study in Early Politics and Religion. N. Y., 1908. 227 p.
[75] *Weatherly Ulysses G.* Primitive secret societies. A Study in Early Politics and Religion. By Hutton Webster, Professor of Sociology and Anthropology in the University of Nebraska. (N. Y.: The Macmillan company, 1908) // The Economic Bulletin. Vol. 1. № 2 (Jun., 1908). P. 151.
[76] *Boas Franz.* The Social Organization of the Kwakiutl // American Anthropologist. New Series. Vol. 22. № 2 (Apr.– Jun., 1920). P. 112, 115–116.
[77] *Webster Hutton.* Primitive secret societies… P. VII–VIII.
[78] Ibid. cit. P. 75.

ской формой социальной организации, обусловившей разделение социальных ролей полов и регулировавшей отношения между ними[79]. Особое внимание Вебстер уделил инициации как акту отделения сына от матери и «передачу его отцовскому и племенному праву»[80]. Он обратил внимание на применение во время инициаций дурманящих средств, внушения, доведения до болевого шока, голодных обмороков и прочих визионерских эффектов[81]. Вебстер выделил как характерную черту тайного общества особый язык, понятный лишь его членам. Такими могли быть угасшие языки или диалекты; ими пользовались во время инициаций и заключения браков[82]. По мере угасания «институтов взросления» использование тайного языка, по Вебстеру, сохранялось только в магико-религиозных практиках шаманов и жрецов. Однако у Шурца находим более широкую панораму применения тайного языка как черты мужского союза[83]. Подтверждением этого служит *ясак* опричников царя Ивана IV и донских казаков[84], *алман* ремесленников Поволжья (смесь славянских и угро-финских слов)[85], социолекты украинских лирников и ремесленников[86], а также *пугу-пугу* – опознавательное приветствие у запорожских казаков[87].

Обряд инициации, по Вебстеру, использовал символизацию смерти. У африканских *тидбуд* посвящаемого юношу изолировали, брили и мазали грязью; спустя несколько дней возвращали в общину, каждый прохожий бросал в него нечистоты. Наконец его передавали женщине, которая его мыла, разрисовывали ему лицо, танцевала пред ним[88]. В свете этих данных, вымазывание грязью головы новоизбранному кошевому атаману в Сечи (об этом – ниже) не выглядит локальным курьезом – это та же инициация, а не демократическая процедура нового времени. У Вебстера находим и другое соответствие запорожскому обычаю, согласно которому приговоренного к смерти казака могла спасти девушка, изъявившая жела-

---

[79] Ibid. cit. P. 1–2.
[80] Ibid. cit. P. 21.
[81] Ibid. cit. P. 33, 40, 176.
[82] Ibid. cit. P. 42, 169, 174.
[83] *Schurtz Heinrich*. Altersklassen und Männerbünde… S. 318–437. *Шурц Г.* История первобытной культуры. Т. 1. С. 158.
[84] *Рыблова М. А.* Знаки и атрибуты донского казачьего войска // Дикаревские чтения–12. Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2005 г. Краснодар, 2006. С. 261–278.
[85] *Аникин А. Е.* Русский этимологический словарь. Вып. 1. М., 2007. С. 166.
[86] *Дзендзелівський Й.* Арго волинських лірників // Українське і слов'янське мовознавство: зб. праць. – Українознавча бібліотека НТШ. Львів, 1996. Ч. 6. С. 310–349. *Его же.* Арго нововижвівських кожухарів на Волині // Українське і слов'янське мовознавство: Зб. праць. Українознавча бібліотека НТШ. Львів, 1996. Ч. 6. С. 245–285.
[87] Усні перекази М. Л. Коржа [додаток] // Д. И. Яворницкий. История города Екатеринослава. Изд. 2-е, дополненное. Дніпропетровськ, 1996. С. 238.
[88] *Webster Hutton*. Primitive secret societies… P. 79.

ние выйти за него замуж. Правильным поведением казака считалось предпочтение смерти женитьбе, а отвергнутой девушке, конечно, полагалось быть некрасивой[89].

Систематизированные Вебстером данные всесторонне показывают инициацию и ее ступени, прохождение которых означало получение новых рангов с бóльшими привилегиями. Для поддержания равновесия в племени юношей не только опутывали всевозможными табу, отсрочивавшими женитьбу, но и ставили в положение служебной группы – как мужского союза, так и «племени» в целом. В мужских домах дравидийской Индии грязную работу делали младшие, удовлетворявшие все прихоти старших. В горных районах Индии мужские дома «процветали» еще в начале XX в., будучи, прежде всего, укреплениями, где мужская молодежь жила в военных условиях. У южноафриканских *босуто* юноши до женитьбы жили в *общем доме* и также считались находящимися на общественной службе. То же у *бечуанов*: нахождение юношей в отдельном лагере от момента инициации до женитьбы, их военная служба на сторожевом посту. У марокканских *джебала* каждое селение имело *бейт-ес-сохфа* (Beït-eç-çohfa) – «дом вроде городской ратуши», где собиралась знать, хранилось оружие и устраивались пиры-оргии[90]. Подростки-масаи после обряда обрезания оставляли села, где жили их семьи, и много лет проводили в лагерях-краалях; после обрезания (эморат) они становились воинами-моранами. Новичкам брили головы; старшие юноши носили длинные волосы. Мораны не имели собственности, не женились, постоянно проводили время на охоте и в набегах на соседей; половые отношения между юношами и девушками, беспрепятственно приходившими в крааль, не осуждались. Положение *морана* могло длиться до 20 лет или прекращалось сразу после смерти его отца. Возвратившись в родное поселение, он наследовал отцовское имущество, женился и превращался в добропорядочного семьянина. Пребывание девушек в краале моранов, в статусе *дитос*, значение которого Вебстер передал как *prostitutes*, не вредило их репутации и будущему браку[91].

Что еще примечательно: крааль состоял из хижин, расположенных по кругу или в виде полумесяца и огражденных частоколом; в центре находилось отдельное ограждение для скота[92], отогнанного в ходе набегов. Сопоставление его с планировочной структурой Запорожской Сечи, группирования по полу и возрасту, ступеням старшинства, при всех этнокультурных отличиях, показывает некоторые параллели. Конечно же, здесь и речи не может быть о генетической связи или общей «стадии развития». Как, собственно, и «дедовщина» в Советской Армии никак не связана с дравидийской Индией, однако унижение и прислуживание младших членов мужского коллектива старшим показывает общий социальный смысл. Как отметил К. Л. Банников,

---

[89] *Яворницький Д. І.* Історія запорозьких козаків: в 3 т. Т. 1. К., 1990. С. 167, 193.
[90] *Webster Hutton*. Primitive secret societies… P. 9–14.
[91] Ibid. cit. P. 87.
[92] *Kidd Dudley*. Peeps and many lands: South Africa. London, 1910. P. 41.

«подобно молодым туземцам, члены низших солдатских страт (“духи”) в своей лиминальности доведены до семиотического абсолюта; они бесправны настолько, что стоят не только в промежутках между статусами, этическими моделями и правовыми нормами, но и между пространством и временем. “Духи” вне пространства, поскольку семиотически бесплотны»[93]. «Лучше быть собакой, чем молодым у туркмен», – гласит туркменская поговорка, приведенная Ю. М. Ботяковым, нашедшим соответствия в положении мужской молодежи у туркмен и народов Африки, где «неинициированные юноши временно как бы относятся к категории лично зависимых или рабов»[94]. Было бы безумием искать всем приведенным примерам место на определенной эволюционной ступени, как это следует из схемы Моргана–Энгельса. Но все они обретают смысл в теориях Шурца и Вебстера.

Согласно Вебстеру, «в обществах, где политическая власть вождя еще находится в стадии становления, тайные общества обеспечивают эффективное социальное нормирование и *дополняют* управление ранних правителей». По мере укрепления их власти, членство в тайных обществах ограничивается, ранговые ступени разветвляются, переходы между ними затрудняются, представители низших ступеней отдаляются от посвящения в сокровенную «истину», «тайные общества превращаются в братства (fraternities) жрецов и шаманов, которым доверяют исполнение религиозных ритуалов в общине». Со временем отпадает и потребность в охвате инициациями всех мужчин племени; «неинициированным отказано во владении […] многими правами и привилегиями, инициированные в больших племенных обществах составляют примитивную, но мощную аристократию»[95], – так объяснил Вебстер истоки социального неравенства. Как и Шурц, он отметил, что ровесники, прошедшие инициацию вместе с сыном вождя, составляют сплоченную группу, которая становится его дружиной. Таким представлен механизм формирования варварских королевств в раннесредневековой Европе[96].

Итак, с возникновением государства мужские союзы не становятся завершенным прошлым. Украинский этнолог Юрий Шумовский находил в Западном Судане «разнообразные тайные товарищества или братства», отмечая их обособленность от государственной и религиозных властей, а также узурпацию некоторых их функций: «Ни мусульманская религия, ни

---

[93] *Банников К. Л.* «Потому что абсурдно»: семиотика насилия в метаморфозах социогенеза // Одиссей. Человек перед судом истории. Феодализм перед судом историков. М., 2006. С. 263. Что примечательно, эта публикация о Советской Армии была помещена в спецвыпуск про феодализм. Ее автор определил армейскую «дедовщину» как «архаический синдром», не применяя понятия «мужской союз» и «возрастной класс».

[94] *Ботяков Ю. М.* Аламан. Социально-экономические аспекты института набега… С. 71.

[95] *Webster Hutton*. Primitive secret societies… P. 75–78.

[96] Ibid. cit. P. 81.

христианство, которые распространились по Судану, ни сама административная власть не в силах полностью ликвидировать эти тайные и кровавые товарищества и их знахарей и колдунов […]. У них свои обычаи и законы в разных делах, даже уголовных»[97]. Оттесненные на маргинес государственными институтами, эти сообщества сохранили многие свои черты. Это – окутанное в покров тайны дело, которым заняты его члены, ранги старшинства, соответствующие степени посвящения в суть этого дела (управление на основе монополизации информации), инициации, жаргон, собственные организованные группы, способные к насилию, и постоянное создание ситуаций зависимости/обязательства, выраставших из реципрокаций, внутри и за пределами сообщества.

Эта первичная форма власти никуда не исчезла; она ушла в «тень» и осталась вызовом для государства. В его «тени» остались «догосударственные» принципы группирования: неписанный обычай – вместо кодифицированного права, посвящение в тайну – взамен публичной информации, ранги по степени посвящения – как исключение нормированных законом должностей. Л. Тайгер представил спектр взаимодействия между поздними дериватами мужских союзов и государствами так: там, где тайные общества легализованы, они действуют как агенты социального контроля, всячески поддерживая существующий политический порядок. Но если они действуют отдельно от государства, их считают враждебной силой, посягающей на государственную монополию на насилие; за ними следят, их преследуют. Ко второму случаю Тайгер отнес «социальных бандитов», описанных Э. Хобсбаумом, а также уголовников[98]. У Э. Хобсбаума «архаические социальные движения» остаются «нерастворенными» в современном обществе, они как бы налипают на то, что называется государством, классовой дифференциацией и эксплуатацией, землевладением, торговлей и городом. Они сохраняют архаический шлейф побратимских инициаций (blood-brotherhood initiations), хотя во многих случаях возникают сравнительно недавно, «построены из старого или псевдостарого материала для современных целей»[99].

Предложенное Шурцом понятие «Männerbünde» быстро вошло в научный оборот. Уже во второй декаде XX в. его применяли в исследовании Гомерового эпоса, дружин ахейских царей, социального значения пиров и подарков, специфики общественного устройства Спарты и Крита[100]. О генетической связи институтов Средневековья (рыцарские ордена, турниры,

---

[97] *Шумовський Ю. Ф.* Під гарячим сонцем Африки. Вінніпеґ, 1956. С. 115–116.

[98] *Tiger Lionel*. Men in groups… P. 139.

[99] *Hobsbawm E. J.* Primitive Rebels. Banditry. Mafia. Millenarians. Anarchists. Sicilian Fasci. The City Mob Labour Sects Ritual. Manchester, 1971. P. 3, 35, 36.

[100] *Андреев Ю. В.* Мужские союзы в дорийских городах-государствах (Спарта и Крит). СПб., 2004. С. 28.

посвящения) с этим явлением писал Йохан Хейзинга (1919)[101]. Но в советской историографии, нормированной энгельсовским «прочтением» Моргана, возникновение княжеских дружин и складывание государства у восточных славян связывали не с мужскими союзами, а «разложением родового строя и возникновением классового общества». В исследовании А. А. Горского (1989) отмечено: дружина – «общеисторическое явление», истоки которого прослеживаются по древнеримским описаниям кельтов и германцев. Типологию дружины этот исследователь определил как «корпорацию» и «организацию военно-служилой знати *на последнем этапе родоплеменного строя* и в раннефеодальном обществе […]. Военно-дружинная знать играла ведущую роль в формировании на Руси господствующего класса феодального общества»[102].

В 1920-е годы в СССР идеи Г. Шурца популяризировал П. И. Кушнер, который содействовал изданию его книги[103] и в своих трудах пробовал соединить его наработки с марксизмом. В 1932–1933 гг. П. Кушнера подвергли уничтожающей критике за увлечение идеями Шурца и умаление значения «первобытного коммунизма»[104]. В то время понятие «мужские союзы» получило искусственную привязку к идеологии национал-социализма, поэтому его почти на два десятилетия исключили из советского научного вокабуляра и подвергли стигматизации. Примером расизма и антиэволюционного диффузионизма считались труды Лео Фробениуса (1873–1938), также ученика Ф. Ратцеля, исследовавшего мужские союзы и дома, тайные общества, возрастные классификации, инициации и первобытные религии[105]. Если Шурц сводил матриархат к матрилинейности, без наделения его значением социального доминирования, то Фробениус видел в нем власть женщин (gynokratischen Erscheinungen, Frauenherrschaft, Weiberherrschaft): «На западе [Африки], где мирные элементы превалируют, влияние мужчин находится в упадке и женщины доминируют; на востоке и на юге, где расцвела воинственная профессия, господствует строгая власть муж-

---

[101] *Хёйзинга Й.* Осень Средневековья: Соч. в 3 тт. Т.°1. / пер. с нидерланд., вступ. ст. и общ. ред. В. И.°Уколовой. М., 1995. С.°90.

[102] *Горский А. А.* Древнерусская дружина (К истории генезиса классового общества и государства на Руси). М., 1989. С. 13, 15, 86.

[103] *Шурц Г.* История первобытной культуры. Вып. 1 / пер., ред. П.И. Кушнер. М., 1923. XII, 235 с.; Вып. 2 / сост. В. Покровский; ред. и предисл. П. И. Кушнер. М., 1923. 723 с.

[104] *Алымов С.* П.И. Кушнер и развитие советской этнографии в 1920–1950-е годы. М., 2006. С. 82–84.

[105] *Frobenius Leo.* Die Masken und Geheimbünde Afrikas // Abhandlungen der Kaiserlichen Leopoldinisch-Carolinischen Deutsehen Akademie der Naturforseher. Halle, 1898. S. 1–278. *Он же.* Aus den Flegeljahren der Menschheit; Bilder des Lebens, Treibens und Denkens der Wilden. Hanover, 1901. 416 s. Русскоязычное издание: *Фробениус Лео.* Детство человечества: первобытная культура аборигенов Африки и Америки / пер. с нем. С. Д. Чулока. Изд. 2-е. М., 2012.

чин, а женщины служат [им]»[106]. На этом Фробениус построил теорию «патриархальных» и «матриархальных» культур, распространявшихся посредством диффузии. Критика его идей, как и утверждений Ф. Ратцеля, стала хрестоматийной для советских учебников по этнографии; Г. Шурц и Х. Вебстер в них почти не упоминались.

Идеологи нацизма воображали мужские союзы как сугубо германское явление, из которого будто бы возник «тысячелетний рейх». Это резко противоречило взглядам Г. Шурца на мужские союзы как универсальный институт, принадлежащий истории *всех народов мира*. Книги Отто Хьофлера, Стига Викандера, Жоржа Дюмезиля, не потерявшие научного значения и сейчас, воспроизводили вздорную идею возрождения древних германских институтов «новым порядком». Впрочем, сам этот «порядок» во второй половине 1930-х годов, после разгрома группы Э. Рема, отказался от героизации германских мужских союзов и перешел к прославлению семьи, крестьянства и «патриархальных» устоев[107].

Борьба коммунистической и нацистской идеологий в 30–40-е годы XX в. поставила теоретическое наследие Л. Г. Моргана и его идейных противников в положение враждебных «лагерей». В «антиэволюционисты» зачисляли всех, кто критиковал Моргана и «развитие» его идей Марксом и Энгельсом[108]. По этой причине в советской науке понятие «мужские союзы» с оговорками стали использовать только во второй половине 1940-х годов[109]. Многочисленные данные об этом типе социальности принуждали к нахождению для него места в схеме Моргана–Энгельса. И оно было найдено: первобытный институт на стадии перехода от матриархата к патриархату[110]. Эта формулировка оставалась неизменной и в позднесоветской литературе, где критика «прямолинейного эволюционизма» подкреплялась подробными обзорами неоэволюционистских теорий[111]. Предпринимались и попытки немарксистских построений с акцентом на реципрокацию, но без внимания к институту мужского союза[112].

---

[106] *Frobenius Leo.* Die Masken und Geheimbünde Afrikas. S. 223.

[107] *Гинзбург К.* Германская мифология и нацизм. Об одной старой книге Жоржа Дюмезиля // Мифы–эмблемы–приметы: Морфология и история. Сб. ст. / пер. с ит. и послесл. С. Л. Козлова. М., 2004. С. 242–273.

[108] *Досталь В.* Молчание в темноте (Немецкая этнология в период национал-социализма) // ЭО. 1993. № 5. С. 98.

[109] *Косвен М. О.* Матриархат. История проблемы. М.; Л., 1948. С. 267–269.

[110] *Равдоникас В. И.* История первобытного общества. Ч. 2. Л., 1947. С. 93. Что примечательно, этот автор в 1932 г. критиковал П. И. Кушнера за популяризацию идей Г. Шурца и находил в этом злой политический умысел (*Алымов С.* П. И. Кушнер и развитие советской этнографии в 1920–1950-е годы. С. 84).

[111] *Шнирельман В. А.* Классообразование и дифференциация культуры (По океанийским этнографическим материалам) // Этнографические исследования развития культуры. М., 1985. С. 64–122.

[112] *Васильев Л. С.* Становление политической администрации (от локальной группы охотников и собирателей к протогосударству-чифдом) // Народы Азии и Аф-

Идеологически обусловленная конструкция, отводящая мужским союзам место в первобытности, сразу же вошла в противоречие с конкретными исследованиями. С. П. Толстов (1948) обосновал существование «мужских домов в домусульманской Средней Азии» как «одного из широко распространенных и общественно значимых бытовых явлений»; «коллективные трапезы» типологически увязал со спартанскими сесситиями. А затем вышел на широкую панораму, требующую устойчивой терминологии: «Первобытные тайные союзы, это самая могущественная организация *поздних этапов родового строя*, продолжавшая жить веками в рамках рабовладельческих государств Востока, *снова выступила* на историческую арену» уже в «феодальную эпоху»[113]. А это, по сути, панорама Г. Шурца, хоть и обозреваемая через другие понятия. По этнографическим источникам в Средней Азии были отслежены возрастные классы (джура, джоро) и их связь с инициациями[114]. Г. П. Снесарев расширил понимание «пережитка», выявив мужские союзы у кочевых и оседлых народов как вполне действенный институт и основу их военной организации в недавнем прошлом[115]. В 1967 г. Ю. В. Андреев защитил кандидатскую диссертацию, в которой доказал существование мужских союзов на «стадии» государства, а не только в «родоплеменную» эпоху[116]. Исследование Р. Р. Рахимова (1990) по этнографии таджиков выявило синкретическое соединение исламских институтов со всем комплексом мужских союзов, вскрыло их значение для формирования социальных и военных рангов, роль в «неформальном административном аппарате среднеазиатских государств на поздних этапах истории»[117]. То, что советская идеология принуждала трактовать как уходящий «пережиток»[118], пережило саму эту идеологию.

рики. 1980. № 1. С. 172–186; *Он же*. Протогосударство-чифдом как политическая структура // Народы Азии и Африки. 1981. № 6. С. 157–175.

[113] *Толстов С. П.* Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948. С. 276, 317, 338.

[114] *Задыхина К. Л.* Пережитки возрастных классов у народов Средней Азии // Родовое общество. Этнографические материалы и исследования / Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. XIV. М., 1951. С. 157–179.

[115] *Снесарев Г. П.* Традиция мужских союзов в ее позднем варианте у народов Средней Азии // Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958–1961 гг. Т. 2. М., 1963.С. 159–160, 168, 174–177.

[116] *Андреев Ю. В.* Мужские союзы в дорийских городах-государствах (Спарта и Крит). СПб., 2004.

[117] *Рахимов Р. Р.* «Мужские дома» в традиционной культуре таджиков. Л., 1990. С. 3, 9, 28, 43, 125, 130.

[118] *Алымов С. С.* Г. П. Снесарев и полевое изучение «религиозно-бытовых пережитков» // Этнографическое обозрение. 2013. № 6. С. 72–74.

На современном этапе большой вклад в изучение поздних дериватов мужских союзов внесли Ю. Ю. Карпов[119], Ю. М. Ботяков[120], Ю.А. Зуев[121], Д. В. Цыбикдоржиев[122]. Африканист Н. М. Гиренко продолжил трактовку мужских союзов как племенного института[123]. Важно отметить исследования украинского этнографа В. Г. Балушка средневековых ремесленных цехов как продолжения практик мужского группирования. Он же впервые выделил у запорожских казаков инициации и возрастные классы, впрочем, без определения этого сообщества как мужского союза[124]. Вместе с тем нельзя не заметить угасание интереса к изучению мужских союзов в современной науке. Стремительно развивающиеся гендерные исследования мало связаны с этой проблематикой; этнологическое же изучение продолжает ориентироваться на злободневные проблемы современности, избегая дальних исторических экскурсов[125].

Анализ полемики Г. Шурца с Л. Г. Морганом и Ф. Энгельсом, как и общая характеристика возникших на этой основе больших массивов литературы, позволяет сделать следующие выводы в отношении изучения истории казачества. Схема Моргана–Энгельса неизбежно архаизирует его, сводя к «стадии военной демократии», «предгосударства» и т. д., или, наоборот, модернизирует, наделяя характеристиками позднего порядка: демократия, республика, рыночная экономика. Неоэволюционистские вариации на эту тему, включая и попытки «примирить» Шурцом с Морганом, ничего не предложили для объяснения существования мужских сообществ

---

[119] *Карпов Ю. Ю.* Джигит и волк. Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб., 1996.

[120] *Ботяков Ю. М.* Аламан. Социально-экономические аспекты института набега у туркмен (середина XIX – первая половина XX века). СПб., 2002.

[121] *Зуев Ю. А.* О формах социальной организации кочевых народов Центральной Азии в древности и средневековье: пестрая орда, сотня (Сравнительно-типологическое исследование) // Военное искусство кочевников Центральной Азии и Казахстана (эпоха древности и средневековья): сб. ст. / под ред. Н. Ж. Шахановой. Алматы, 1998. С. 49–100.

[122] *Цыбикдоржиев Д. В.* Мужской союз, дружина и гвардия у монголов: преемственность и конфликты // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2004. С. 334–363.

[123] *Гиренко Н. М.* Социология племени. Становление социологической теории и основные компоненты социальной динамики. СПб., 2004. С. 126–268.

[124] *Балушок В.* Світ середньовіччя в обрядовості українських цехових ремісників. К., 1993. 120 с.; *Он же.* Рання козацька етнокультура // Історія українського козацтва. Нариси у двох томах / ред. В. А. Смолій. К., 2007. С. 6–17; *Он же.* Особливості козацьких звичаїв та обрядів // Там же. С. 18–33.

[125] Как пример близкого к политологии и социологии рассмотрения «расточительности» в современных условиях: *Абашин С. Н.* Вопреки «здравому смыслу»? (К вопросу о «рациональности/иррациональности» ритуальных расходов в Средней Азии) // Евразия. Люди и мифы: сб. ст. / ред. А. С. Панарин. М., 2003. С. 217–238.

в евразийской степи в XV–XIX вв. Подход Шурца, с учетом коррекции, уже имеющей столетнюю историю, особенно наработок субстантивистской антропологии, позволяет обозначить новые подходы к изучению мужских союзов. Пример казачества удостоверяет существование поздних и крупных форм этого института, развившихся в пространстве, не охваченном регулярным действием государства. Этот же пример показывает, что данный институт может долго оставаться на задворках государства, наполняться разным культурным, социальным, политическим и этническим содержанием, интериоризировать внешние влияния, создавать основу для новых государств и включаться в сложные государственные системы, образуя специфическую социально-правовые ниши в их структуре.

Мужские союзы в тюркском мире и раннее казачество

Сезонные собрания юношеских групп с собственными рангами и обрядами, напоминающими государственные чины, церемонии и этикет, прослеживаются у народов Евразии с глубокой древности. К древнейшим свидетельствам относится упоминание Геродотом (V в. до н. э.) «игры» детей мидийских пастухов, избравших своим «царем» десятилетнего Кира – будущего основателя Персидской империи. Как и «хан» в уйгурском *оттуз оғул*, Кир назначал товарищей по игре на разные «должности» (строители домов, копьеносцы, соглядатай, вестовой). Среди его товарищей был и сын знатного мидийца Артембара, наказанный по приказу Кира за нерадивость[126]. Из этого видно, что социальный ранг родителей мальчиков не влиял на их статус в игре. Царствование Кира, начавшееся с игры, установилось всерьез.

Этнографические материалы XIX – начала XX в. фиксируют проявления подобных «игр» в связи с жизненными вехами членов мужской группы: обряд обрезания или другой ритуал, символизирующий переход мальчика из категории «дети» по восходящим возрастным классам, а также женитьба, похороны. У народов алтайской языковой семьи отмечено бытование слова «казак», раскрывающее его раннее, *половозрастное значение*, а также аналогичные структуры под другими названиями. На Северном Кавказе важную роль на свадебном торжестве играла группа *къазахар*, составлявшая свиту жениха; къазахар'ами становились после прохождения общего ритуала и избрания старшины, следившего за порядком и штрафовавшего нарушителей[127]. В Средней Азии выделены многочисленные случаи именования тайных мужских обществ *кырк казах* – «сорок казаков». Это название Г. П. Снесарев не считал этническим, а понимал как обозна-

[126] *Геродот*. Історії в дев'яти книгах / перекл., передмова, примітки А. О. Білецького. К., 1993. С. 47 (Кн. I, 114).

[127] *Карпов Ю. Ю.* Джигит и волк. Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. С. 95.

чение людей, отколовшихся от своего рода и племени, свободных – в смысле непризнания над собой какой-либо власти[128].

Г. П. Снесарев отметил огромное значение мужских союзов в недавней истории Средней Азии. У них была устоявшаяся номенклатура рангов: во главе – *агабий* (варианты: бек, бобо и др.), имевший знаки власти – платок, кольцо и др., называвшиеся «мухр» (печать); его помощник – *ясовул*, следивший за порядком; в крупных сообществах были еще *казий* (судья) и *раис* (писарь)[129]. Глава группы должен делать для ее членов больше, чем все они в отдельности: устраивать пиры, платить за товарищей на базаре, организовывать «набеги» на сады и огороды и т. д. Периодичность сбора группы привязывалась к определенному сезону или праздникам, отмечаемым кишлачной общиной, прежде всего – свадьбам. Полномочия главы длились в течение этого периода, иногда дольше[130]. Каждая группа имела свои места сборов или дом, куда не допускали женщин. Здесь принимали гостей из других кишлаков и прочих чужаков, что, по мнению Снесарева, было существенной чертой мужских союзов[131]. Основу группирования составлял половозрастной принцип: вместе собирались сверстники-джура[132]. Типичным для Средней Азии мужским союзом исследователь считал коллектив ровесников из числа неженатой мужской молодежи; эта был «миниатюрный отряд», предназначенный для воспитания, выработки привычки к организации и подготовки «молодых людей для участия в войнах»[133].

Ю. М. Ботяков проанализировал *аламан* у туркмен. Этим словом называли и набег, и любую кооперацию с «синкретической нерасчлененностью военной и экономической сфер», главным в ней было *добровольное участие*. Инициатор набега-аламана втыкал у своей кибитки пику с флажком; всякий желающий присоединиться рядом водружал свою пику; по аулам разъезжали глашатаи, призывающие к участию, пока не собирался отряд. Подобным образом формировались караваны, на которые «охотились» *аламанщики*, – те же «временные объединения на принципах артели», с выборными главами-кервенбаши. Так было и в туркменских колхозах в советское время: для сбора по какому-то делу по селам рассылали глашатаев, извещавших: «Аламаны бригадира такого-то собираются там-то». Ядро аламана составляли представители одного или нескольких близких родовых групп, но в них *обязательно входили иноплеменники* и представители родов, пребывавших в «натянутых отношениях». После окончания дела и *равного раздела полученного* группа распадалась. Полномочия ее главы прекращались; он получал *равную со всеми участниками долю*, но

---

[128] *Снесарев Г. П.* Традиция мужских союзов в ее позднем варианте у народов Средней Азии. С. 202.
[129] *Снесарев Г. П.* Традиция мужских союзов… С. 159–160, 168, 174–177.
[130] Там же. С. 169, 179.
[131] Там же. С. 191.
[132] Там же. С. 158.
[133] Там же. С. 176.

в дополнение к ней участники могли по доброй воле дать ему часть своей доли; главное – он обретал *авторитет и влияние* на общественные дела[134]. Будучи сугубо мужским делом, аламан выступал в роли института социализации юношей, их инициации. 12-летние мальчики-*етгинджек* прислуживали старшим: готовили пищу, ухаживали за лошадьми и т. д. Они же под присмотром старших несли сторожевую службу на ночных постах (гараул). В собрании неженатой мужской молодежи, *дингине*, центральным элементом была совместная трапеза, обеспеченная принесенными продуктами или украденным скотом, птицей и пр.[135] Здесь мы находим то же «узаконенное воровство», что и в спартанских *агелах*[136].

Мужская молодежь у туркмен собиралась в группы *aq-öylü* («белоюртовые») *на «племенной» границе*, обеспечивая ее охрану и ведя собственную, «малую» войну с соседями. Причем эта война не считалась «настоящей» и «племя» за нее не отвечало, если только не нарушались адаты и аламан не превращался в беззаконный грабеж-калтаман[137]. В XVI в. крымские ханы также отказывались отвечать за набеги своих подданных на северных соседей, ссылаясь на то, что их совершила молодежь[138]; ввиду туркменского примера, это не выглядит пустой отговоркой. У туркмен участники *aq-öylü* не имели при себе жен и не вели хозяйства, содержались за счет всего рода или племени. Название *aq-öy* распространялось как на юрты неженатых юношей, так и молодых, женатых, но еще не отделившихся от родителей. Обычные, «черные» юрты, закопченные семейными очагами, туркмены называли *qara-öy*. С. П. Толстов считал *aq-öylü* институтом, аналогичным «военной организации масаев и юго-восточных банту»[139], отмечая его универсальность. Известные нам описания отражают поздний дериват *aq-öylü* – развившуюся из него или с его участием сложную социально-политическую систему. С. Н. Йомудский вспоминал о своем участии в юности в *aq-öylü*; эти периодически собираемые отряды формировались из *женатых мужчин*, взятых по одному от десяти кибиток каждого рода. Во время нахождения в *aq-öylü* их незавершенные хозяйственные дела улаживались всем обществом. Войско подразделялось на отделы по родам, с собственными начальниками во главе. Предводительствовал ими выборный «бек», наделенный на время войны большой властью, ему подчинялись командиры сотен, но он должен был отчитываться перед

---

[134] *Ботяков Ю. М.* Аламан. Социально-экономические аспекты института набега… С. 19–23.

[135] Там же. С. 56–58

[136] *Андреев Ю. В.* Мужские союзы в дорийских городах-государствах… С. 86.

[137] *Ботяков Ю. М.* Аламан. Социально-экономические аспекты института набега… С. 62–63.

[138] *Гваньїні Олександр.* Хроніка європейської Сарматії. С. 368.

[139] *Толстов С. П.* К истории древнетюркской социальной терминологии // ВДИ. 1938. № 1 (2). С. 75.

собранием всадников и *маслахатом* (совет старейшин) и складывал полномочия по решению последнего[140].

Престижеобразующий, реципрокный смысл активности мужских союзов оказался неуловимым для марксистских исследований, которые свели их набеговые практики к однообразному присвоению результатов чужого труда и ограничили их «стадиальную природу» начальным этапом «классообразования»[141]. Отход от однолинейного эволюционизма, замкнутого на умозрении о государстве как стадии развития, позволяет увидеть на всей евразийской степи однотипные и постоянно (пере)структурирующиеся общества, чередование возникновений-исчезновений которых могло продолжаться до бесконечности, пока не возникли политико-правовые и религиозные институты с линейной перспективой, пересилившие эту цикличность.

Исследование А. И. Иванчика о «воинах-псах» – скифской молодежи, во главе с «царственными юношами» вторгавшейся в Переднюю Азию в VII в. до н. э.[142], показало самую раннюю форму мужских союзов у кочевых обществ, которую только возможно проследить по письменным источникам. Изучены памятники срубной археологической культуры (Красносамарское), указывающие на посвящения мужской молодежи в воины-псы/волки[143]. Погребения людей вместе с собаками в *курхана* Селитренного городища постзолотоордынского времени относятся к тому же социально-религиозному комплексу[144]. Обращено внимание на особенную распространенность символики «волков» и «псов» в этнических и социальных названиях древних народов Евразийской степи[145]. Н. Н. Крадин и Т. Д. Скрынникова отнесли эти наименования к этнической и племенной номенклатуре[146], отметив ослабление этноплеменных образований из-за «постоянных военных стычек и борьбы за богатство…», что «приводили к возрастанию роли воинских союзов […], постоянному переструктурированию и […] изменению имени сообществ – краткосрочных союзов, которые возникали нередко на добровольной основе (присоединение к успешной военной дружине), а не только

---

[140] *Йомудский С. Н.* О пережитках родового быта у скотоводов Западной Туркмении в XIX в. // СЭ. 1962. № 4. С. 53.

[141] *Блиев М. М., Дегоев В. В.* Кавказская война. М., 1994. С. 117, 123.

[142] *Иванчик А. И.* Воины-псы. Мужские союзы и скифские вторжения в Переднюю Азию // СЭ. 1988. № 5. С. 38–48.

[143] *Anthony David W., Brown Dorcas R.* The dogs of war: A Bronze Age initiation ritual in the Russian steppes // Journal of Anthropological Archaeology. Vol. 48. December, 2017. P. 134–148.

[144] *Скисов С. Ю., Маркова О. А.* Захоронение в курхане на нижней Волге в средневековье // Лавровский сборник: материалы Среднеазиатско-Кавказских исследований: этнология, история, археология, культурология, 2006–2007 / отв. ред. Ю. Ю. Карпов, И. В. Стасевич. СПб.: РИО МАЭ, 2007. С. 220.

[145] *Харитонов М. А.* Социокультурные аспекты зооморфной символики народов Центральной Азии. Улан-Удэ, 2001.

[146] *Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д.* Империя Чингис-хана. М., 2006. С. 168, 174, 187–192.

путем включения завоеванных соседей. Это довольно традиционный путь формирования политий»[147]. Как видим, инерция моргановской этнографии, принуждающая держаться за понятия «род», «племя» и «военная демократия», искусственно усложняет видение процессов с очевидным участием мужских союзов и принуждает к выявлению «разложения родовых отношений», вместо более вероятного переструктурирования линиджей, приводимого в движение мужскими союзами.

Д. В. Цыбикдоржиев предложил удачную в своем лаконизме трактовку упоминаний в монгольских и тюркских нарративных источниках мужчин-«псов», «волков» (нохой баргасу), «собачьих царств» и т. д. как мужских союзов с характерным комплексом инициаций и алгоритмом выдвижения их лидера[148], несводимым к родоплеменному. Собранный Г. Н. Потаниным материал хорошо показывает отделение инициированных в волков/псов мужчин от всех остальных людей: «нохой-эрте (или нохой-эртен, нохой эрдени), люди с собачьими головами; такой вид имеют только мужчины, женщины же имеют настоящий вид и красивы»[149]. Отнесение к понятию «люди» всех, кто не был инициирован в «зверя» (не только женщин, но и мальчиков и отдельных мужчин) является универсальным свидетельством существования мужских союзов. Упоминание Геродотом[150] и другими древними и средневековыми авторами «песиголовцев» (кинокефалов) можно отнести к обозначениям того же типа группирования. Подобное деление на «*сірóму*» и «людей» прослеживается у запорожцев (об этом – ниже). В той же связи следует упомянуть мидийское имя Спако (собака), «приемной матери» царя Кира, который, будучи мальчиком, играл в царские «игры»[151].

Д. В. Цыбикдоржиев считает типичной ситуацией, когда «глава мужского союза захватывает власть и становится ханом»; до обретения власти члены «волчьего братства» питались скотом, отбитым у соседей, т. е. промышляли типичной *барантой* – «ритуализированным набегом за скотом», сходным со спартанскими криптиями[152]. Джу-Юп Ли определил это занятие как типичное для тюркских казаков в XV–XVI вв., т. е. во время распада чингизидских и тимуридских государств; благодаря набегам группа превращалась в сплоченную когорту, опираясь на которую ее лидер обретал способность захватить власть в существующем государстве или создать новую «политию», расставив на ключевые административные посты

---

[147] Там же. С. 193.

[148] *Цыбикдоржиев Д. В.* Мужской союз, дружина и гвардия у монголов… С. 352, 354.

[149] *Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1879 г. по поручению Императорского Русского географического общества. Вып. 4. СПб., 1883. С. 322.

[150] *Геродот*. Історії в дев’яти книгах. С. 225 (IV, 191).

[151] Там же. С. 46, (I, 110).

[152] *Цыбикдоржиев Д. В.* Мужской союз, дружина и гвардия у монголов… С. 337–338.

своих товарищей по казакованию[153]. Аналогичные группировки до образования империи Чингисхана этот исследователь отследил по китайским источникам и определил их деятельность как «квазиказацкую» (“quasi-*qazaqlïq*” activities)[154]. Джу-Юп Ли выделил фазы казакования как социополитического феномена постмонгольской Центральной Азии: 1) политические диссиденты покидают территорию своего государства или «племени», идут в глушь, получая статус «казака»; 2) блуждая в этой глуши, они собирают группу, занимаясь грабежами на «фронтире»; 3) проявив себя как успешные лидеры, они формируют сплоченную когорту, с помощью которой завоевывают политическую власть, становятся правителями[155]. Таким, вероятно, был путь к власти Темуджина, длившийся около 15 лет. Он также был лидером группы товарищей-нукеров, происходящих из разных кланов, «пренебрегших обязательствами родства и всецело посвятивших себя военному лидеру по своему выбору»[156]. Достигнув ханского достоинства как лидер мужского союза, он *запретил баранту*, эту основу мужесоюзного группирования, что стало причиной «скуки» и бунта его побратима Джамухи, утратившего возможность проделать тот же путь, опираясь на мужской союз[157]. С этого момента «Чингис-хан, выступая проводником имперской идеи, достаточно последовательно боролся как с сепаратизмом племенной знати, так и с вольницей мужских союзов»[158].

Создатель крупнейшей кочевой империи добился того, что оказалось не под силу многим претендентам на монархическое правление; казакование дало им быстрый политический старт, но привело большинство из них к малорезультативному финишу. Чингисхан преобразовал ту силу, которая возвысила его, и погасил ее новые, конкурентные для его власти «очаги». Он преодолел «племенную дисперсию» кочевников благодаря их мобилизации на войну с богатыми государствами Северного Китая и Средней Азии. Мобилизация создала условия для формирования централизованной администрации, ключевые посты которой заняли его нукеры (О. Латтимор считал их аналогом древнерусских дружинников и «компаньонов» ранних западноевропейских королей)[159]. Эффективность созданной им системы во многом была обязана заимствованию административных моделей завоеванных стран, прежде всего – Китая[160].

---

[153] *Joo-Yup Lee*. Qazaqlïq, or Ambitious Brigandage… P. 9, 34, 45.
[154] Ibid. cit. P. 51–55.
[155] Ibid. cit. P. 48.
[156] *Lattimore Owen*. Studies in Frontier History… P. 507.
[157] *Цыбикдоржиев Д. В.* Мужской союз, дружина и гвардия у монголов… С. 349–350, 359.
[158] Там же. С. 350.
[159] *Lattimore Owen*. Studies in Frontier History… P. 506, 537.
[160] *Трепавлов В. В.* Степные империи Евразии: монголы и татары. М., 2015. С. 13–14, 44, 67.

Н. Н. Крадин и Т. Д. Скрынникова очень кстати обратили внимание на арабское слово «‘асабиййа», использованное магрибским мыслителем Ибн Халдуном для обозначения сплоченной группы, становящейся ядром большого объединения, а затем государства[161]. Однако важно иметь в виду, что «классический ислам однозначно и резко осуждает спаянность – *‘асабиййа*», поскольку связывает его с «периодом *джахилиййа* “[доисламского] невежества”»; использование Ибн Халдуном термина «‘асабиййа» в положительном смысле А. В. Смирнов объяснил «постклассическим характером» его мысли[162]. Джу-Юп Ли представил очень точное смысловое попадание в термин *aṣabīya*, трактуя его как *групповую солидарность*, возникающую на основе набеговых практик[163]. А это и есть солидарность мужских союзов, из которой возникал первичный импульс для образования государства, но которая препятствовала его интеграции, т. е. формированию общественной солидарности. «Доисламское невежество», отмечаемое в «‘асабиййа», является прямой отсылкой к языческим культам, которые, возможно, и возникли из сегрегирующих и нормирующих функций мужских союзов[164]. В любом случае в Средней Азии именно мужские союзы долее всех под покровом исламской религиозности сохраняли домонотеистические отголоски, облекая их в синкретические формы, вызывавшие подозрения у духовенства[165]. Это вполне согласуется с отмеченным выше языческим напластованием у запорожских и донских казаков, прорывавшимся сквозь плотную ткань их христианской обрядности.

Представляется весьма перспективным для дальнейшей аргументации тезис Д. В. Цыбикдоржиева об образовании рода из мужского союза и превращении зооморфного знака возрастной группы в родовой тотем[166]. Однако инерция моргановской этнографии привела данного исследователя к противоречивому выводу о «стремительном разложении рода» у монголов в эпоху Чингисхана и что тем самым «исчезал и фактор сдерживания и регламентирования агрессии мужских союзов»[167]. Учет престижеобразующих функций мужских союзов, играющих важную роль в возвышении семейно-родовых групп и складывании патрон-клиентских группировок, дает основание утверждать обратное: именно мужские союзы стоят у истоков линиджевых и клановых образований. Государство как раз предполагает их устранение посредством жесткого выдерживания принципа территориальной организации.

---

[161] *Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д.* Империя Чингис-хана. М., 2006. С. 13.

[162] *Смирнов А. В.* Ибн Халдун и его новая наука // Историко-философский ежегодник. 2007. М., 2008. С. 168–170.

[163] *Joo-Yup Lee.* Qazaqlïq, or Ambitious Brigandage… P. 56.

[164] *Tiger Lionel.* Men in groups… P. 48, 140.

[165] *Толстов С. П.* Древний Хорезм… С. 314, 317, 334; *Снесарев Г. П.* Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969. С. 39, 94, 206, 243; *Рахимов Р. Р.* «Мужские дома» в традиционной культуре таджиков. С. 9–10.

[166] *Цыбикдоржиев Д. В.* Мужской союз, дружина и гвардия у монголов… С. 357.

[167] Там же. С. 361–362.

Массовое возгорание очагов казакования по всей евразийской степи в XV в., подробно отслеженное В. В. Трепавловым[168] и Джу-Юп Ли[169], можно представить как следствие разлада системы, созданной Чингисханом, приведшего к реституции состояния, характерного для времен Темуджина. Выводы о «возрождении родоплеменной организации» или «трайбализации»[170] требуют дополнения, поскольку казакование само по себе не есть трайбализм, хотя бы по той причине, что в его основе лежит соединения *разнородных* элементов, подчеркиваемых числительными: *кырк* (сорок) и *юз* / *джуз* (сто). Причем особенно часто встречается устойчивое словосочетание: *кырк казак* или *кырк чоро*; это вовсе не означает, что членов казачьей группы или сообщества ровесников-джур было именно сорок. Ю. А. Зуев обратил внимание, что числительные *кырк* и *юз* / *джуз* – другие наделены менее устойчивым символизмом – является обозначением особой дружины – *юзлык* или *дружина-дозор сорока (сотни) юношей*[171]. Этот исследователь аргументировал вывод о существовании в Центральной Азии давней традиции взаимозаменяемости «сорок» и «сто», что служило обозначением особой «возрастной корпорации», сплоченной инициацией[172]. Принадлежность казаков к возрастному классу юношей подчеркивалось и другим словосочетанием: *казак-йигит* (*qazaq yigit*)[173]. Для Ю. А. Зуева отправным стал тезис С. П. Толстова об «эволюции имени *türk* […] со значением – “возрастный класс молодых неженатых воинов” […], в дальнейшем целиком принимающий на себя семантическую нагрузку значения “войско”»[174]. Из этого следовало, что дружина некоего лидера, состоящая из его товарищей-одногодков, являлась «зародышем» будущей армии и государства; дружина-сорок (сто) превращалась в ядро крупного объеди-

---

[168] *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. Казань, 2016. С. 73, 73, 93, 98, 140, 249–253; *Он же.* «Орда самовольная»: кочевая империя ногаев XV–XVII вв. М., 2014. С. 117–122.

[169] *Joo-Yup Lee.* Qazaqlïq, or Ambitious Brigandage… P. 26–73 и др.

[170] *Трепавлов В. В.* Ногайская альтернатива: от государства к вождеству и обратно // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995. С. 201, 204.

[171] *Зуев Ю. А.* О формах социальной организации кочевых народов Центральной Азии в древности и средневековье: пестрая орда, сотня (Сравнительно-типологическое исследование) // Военное искусство кочевников Центральной Азии и Казахстана (эпоха древности и средневековья): сб. ст. / ред. Н. Ж. Шаханова. Алматы, 1998. С. 51, 71. У таджиков также отмечены мужские сообщества *чил джура* – «сорок джур/друзей», представлявших собой неженатую мужскую молодежь, «живущих в пещере», совершающих ночные набеги, первыми вступающих в бой и всегда пополняемых до нужного числа вплоть до умыкания чужих юношей и принятия их в свой круг (*Рахимов Р. Р.* «Мужские дома» в традиционной культуре таджиков. С. 58).

[172] Там же. С. 71, 74.

[173] *Joo-Yup Lee.* Qazaqlïq, or Ambitious Brigandage… P. 30.

[174] *Толстов С. П.* К истории древнетюркской социальной терминологии. С. 80.

нения – «пеструю (пегую) орду»[175]. Кроме того, Ю. А. Зуев отследил комплекс инициаций, связанный с этой дружиной и ее превращениями[176].

Исследование В. В. Трепавловым «ногаев-“казаков”, не желавших присоединяться ни к одному Юрту»[177], а также прослеживание Джу-Юп Ли «казаклык» Едиге[178], основоположника Ногайской Орды, дают повод внимательнее присмотреться к этнониму ногайцев, восходящему от монгольского слова «нохой»: собака, пес. Имя *Ногай* носили разной величины дигнитарии евразийской степи XIII–XIV вв., в большинстве случаев – не связанные генеалогией: Иса-Ногай, родич Берке-хана[179]; Сасы-Буга или Сасы-Ногай, племянник еще одного Ногая[180]; отцом этого Сасы-Буги был также Ногай, происходивший из султанов Ак-Орды[181]; еще один Ногай, хаким Северного Китая после монгольского завоевания[182]; Ногай, сын Татара, (пра)внук Джучи[183] – правитель западного улуса Золотой Орды, от которого, следуя Н. М. Карамзину, необоснованно выводят название ногайцев. Также: сын Джарука из рода Джучи[184]; Ногай, начальник передового отряда Берке-хана, отличившийся в войне с Хулагу-ханом[185]; Ногай, правитель «племени» *баарин*, кочевавшего в Центральной Азии[186]. В. В. Трепавлов отмечает Кара-Ногая – хана левого (восточного) крыла Золотой орды, полагая его «наиболее вероятным претендентом» на роль эпонима ногайцев[187].

Для сужения вероятностного диапазона эпонимии обратимся к тем обстоятельствам, при которых каждый из указанных «претендентов» мог получать это имя, содержащее зооморфную отсылку. Древнетюркские надписи упоминают «мужское» (*er ati*) или «героическое» имя, обретение которого И. Л. Кызласов связывает с инициацией[188]. Имя *Ногай*, вероятно,

---

[175] *Зуев Ю. А.* О формах социальной организации кочевых народов… С. 78. В каждом случае, где упоминаются слова «ала», «чубар/шубар», этот автор видел указание на смешанность, пегость, относящею явление к разряду «дружин-сорок/сто».

[176] Там же. С. 81.

[177] *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. Казань, 2016. С. 279.

[178] *Joo-Yup Lee.* Qazaqlïq, or Ambitious Brigandage… P. 38.

[179] *Тизенгаузен В.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб., 1884. С. 76–101.

[180] Там же. Т. 2. М.; Л., 1941. С. 105–106.

[181] Там же. С. 129.

[182] *Рашид-ад-Дин*. Сборник летописей. Т. 2. М.; Л., 1960. С. 181.

[183] Там же. С. 68, 75, 105.

[184] Там же. С. 69, 82–87.

[185] Там же. Т. 3. М.; Л., 1946. С. 59.

[186] Там же. Т. 1. Кн. 1. М.; Л., 1952. С. 188.

[187] *Трепавлов В. В.* «Орда самовольная»: кочевая империя ногаев XV–XVII вв. М., 2014. С. 7.

[188] *Тишин В. В., Серегин Н. Н.* Возрастная дифференциация у древних тюрков VI–X вв.: опыт комплексного анализа // ЭО. 2016. № 1. С. 143. См. также: *Кызласов И. Л.* Счет возраста у пратюркских народов (попытка историко-культурной реконструкции) // ЭО. 2016. №. 6. С. 92–106.

следует связать с тем, как видно, распространенным «героическим» прозвищем, которое давали в мужском союзе «волков» или «псов». Его имел и Эдиге[189]. Можно согласиться с предложенной В. В. Трепавловым схемой трансформации имени *Ногай* – от персонального наименования бия до названия всего населения Орды, не взирая на его «племенную принадлежность», превращение сначала (XV – первая четверть XVI ст.) в политоним, затем этноним[190]. Но с той поправкой, что у Эдиге не было необходимости принимать одно из имен Ногай Гайса Иса Кутар Татар'а как первого *беклярыбека* в Улусе Джучи, и что «ногай» здесь был не столько титулом, сколько прозвищем предводителя отдельной группировки, возникшей на основе мужского союза.

Исходя из отмеченных выше признаков, представляется возможным отследить в ногайском эпосе об Эдиге черты мужского союза: «семидесяти человек на семидесяти лошадях *разных мастей*»[191]; *кунацкая* – место, где хан Тохтамыш пировал со своими батырами и одаривал их[192]. Даже если учесть, что «кунацкая» могла быть поздним, кавказским наслоением, отношения хана и его батыров эпос представил в виде, близком к специфике мужских союзов. Подобное фиксируется в XIX в. у крымскотатарских мурз, которые набирали джигитов из случайных людей, потчевали и одаривали их, содержали в отдельных помещениях-хана, формируя из них свою свиту[193]. «А в юности своей я бежал от Тохтамыша с семью товарищами и *во время бегства я целыми горстями разбрасывал на пути своем белое серебро и красное золото*» – возгласил Эдиге в одном из вариантов эпоса. «*Если я делаю подарок*, то […] данного подарка я *назад не отнимаю* – я такого достойного отца сын», – заявил Нурадын[194]. Здесь явная демонстрация реципрокности, из которой вырастает патрон-клиентская группировка.

Основной пафос эпоса об Эдиге направлен на доказательство его правоты в ссоре с ханом Тохтамышем на основе реципрокной морали. Поселение отца Эдиге, Кутлы-Кая «в одном из дальних аулов» Тохтамышевого владения, где он нашел принесенного «лесной женщиной» сына[195] (другой

---

[189] *Кочекаев Б.-А. Б.* Ногайско-русские отношения в XV–XVIII вв. Алма-Ата, 1988. С. 17.

[190] *Трепавлов В. В.* Мангут-мангыт-ногай: трансформация этноса и его имени // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. Труды международной конференции в 3-х т. 9–13 июня 1992 г., г. Казань. Т. 3. М., 1997. С. 25–26.

[191] Сага об Эдиге. Запись С. Чагатай // Эдиге: Ногайская эпическая поэма / ред. Н. Х. Суюнова. М., 2016. С. 200.

[192] Мурза Эдиге. Вариант Н. С. Семенова // Там же. С. 140.

[193] *Кондараки В. Х.* Типичность крымских татар // *Он же*. В память столетия Крыма. М., 1883. С. 100–101.

[194] Мурза Эдиге. Вариант Н. С. Семенова // Эдиге: Ногайская эпическая поэма / ред. Н. Х. Суюнова. М., 2016. С. 149–150.

[195] Эдиге. Художественный перевод с ногайского текста Ф. М. Сидахметовой // Эдиге: Ногайская эпическая поэма / ред. Н. Х. Суюнова. М., 2016. С. 314–315.

вариант – он родился от связи с этой женщиной), также может быть прочитано в контексте «дружины-сорок/сто» и инициаций, производимых на границе[196]. Обратим внимание, исполнение эпоса об Эдиге было исключительно мужской прерогативой. Как отметила А. А. Черкасова, современные ногайские женщины «нередко знают и помнят тексты и могут воспроизводить их по просьбе фольклористов, однако в соответствии с традицией публично эпос они не исполняли»[197]. Также и в древнегреческом театре эпические сюжеты разыгрывали только мужчины, причем в сопровождении хора, состоящего из лиц «одного и того же возраста, одного и того же пола, одной и той же профессии, одного и того же происхождения, родившиеся в одной и той же местности»[198]. Это снова относит нас к проблематике мужских союзов как универсального института.

Задача эпоса не заключалась в том, чтобы отразить реальную основу какого-то крупного события, приведшего к созданию некоего «миропорядка». Его функцию следует видеть в фиксации идеальной модели, системы норм, с которыми соразмерялся и которыми направлялся реальный быт. «Чингис-хан целенаправленно борется с традицией мужских союзов, но *в легендах он предстает удачливым предводителем именно мужского союза*», – заметил Д. В. Цыбикдоржиев[199]. Также и исторический Эдиге не был простым батыром, создавшим свою дружину после ухода от хана Тохтамыша, как это изображено в эпосе. Уже к тому моменту, когда хан принял его к себе на «службу», он обладал гораздо бóльшим политическим весом[200], чем просто вождь «блуждающей» дружины. Предложенную М. Салинзом схему формирования десцентной группы, или сообщества групп с формализованным десцентом, в связи со складыванием власти бигмена (мужской союз и его взаимосвязи с общиной)[201], представляется возможным применить и в исследовании обществ Евразийской степи. В этой связи отметим удачное определение типологии власти бия Эдиге как «коронованный chief»[202], т. е. «вождь»[203]. И все же в отличие от океанийских вождеств Эдиге не только создал династическое правление, просущество-

---

[196] *Зуев Ю. А.* О формах социальной организации кочевых народов… С. 92.

[197] *Черкесова А. А.* Современные записи эпоса об Эдиге // Эдиге: Ногайская эпическая поэма / ред. Н. Х. Суюнова. М., 2016. С. 465.

[198] *Фрейденберг О. М.* Поэтика сюжета и жанра / подгот., общ. ред., предисл. и послесл. Н. В. Брагинской. М., 1997. С. 44.

[199] *Цыбикдоржиев Д. В.* Мужской союз, дружина и гвардия у монголов… С. 358.

[200] *Трепавлов В. В.* «Орда самовольная»… С. 15.

[201] *Sahlins Marshall D.* Poor Man, Rich Man, Big-Man: Political Types in Melanesia and Polinesia. P. 287–288.

[202] *Трепавлов В.В.* Бий мангытов, коронованный chief: вождество в истории позднесредневековых номадов западной Евразии // Альтернативные пути к цивилизации: Колл. монография / ред. Н. Н. Крадин и др. М., 2000. С. 356–367.

[203] В неоэволюционистской литературе понятие «chiefdom» (вождество) адресовано политическим образованиям, не имеющим всех признаков государства.

вавшее около 200 лет, но и задал импульс для социальной системы, элементы которой сохранялись вплоть до XIX в. Это вряд ли могло произойти без использования наследия империи чингизидов.

Мужские союзы в причерноморской степи XVI–XIX вв.

Фундаментальные принципы мужских союзов зиждились на *исключении из своей сферы семейных связей и отношений* – блокировке всего комплекса, сконцентрированного в семье: упорядоченные половые отношения мужчины и женщины, их гендерные роли, дети, наследство (имущество и социальное положение), включенность в общество и государство (статус, привилегии, налоги, повинности). В мужских союзах женщины воспринимались как олицетворение семьи и связанных с нею ограничений-регуляторов. Поэтому они либо вообще не допускались, либо их присутствие крайне регламентировалось, либо низводились до уровня «предмета», правом обладания которым наделялись все члены мужского союза. Это само по себе являлось регулятором, без которого мужские союзы размывались и поглощались семейным пространством и государством.

Отголоски этого регулятора точно подмечены поэтической интуицией Д. Н. Садовникова, автора песни «Из-за острова на стрежень». В ней казаки упрекали атамана С. Т. Разина из-за «персидской княжны»: «Нас на бабу променял, / Только ночь с ней провозжался, / Сам на утро бабой стал»[204]. То же отражено в известной украинской песне «Ой, на горі женці жнуть», где казак Сагайдачный «проміняв жінку / На тютюн та люльку, – / Необачний!» (променял жену на табак и трубку – атрибуты казакования, – неосмотрительный). Х. Г. Манштейн, посещавший Запорожье во время войны 1735–1739 гг., писал: «Ни одному запорожскому казаку не дозволено иметь жену *в пределах их края*. Если же кто женат, того *жена должна жить в соседнем крае, где казак может от времени до времени навещать*

[204] Сложно судить об источниках этой интуиции: либо таковыми были образцы волжского фольклора, собираемые Д. Н. Садовниковым, либо произведения Н. И. Костомарова, оказавшие на него большое влияние (*Крупянская В.* Дмитрий Николаевич Садовников // Певец Волги Д. Н. Садовников / сост. и комм. В. Ю. Крупянская; ред. Ю. М. Соколов. Куйбышев, 1940. С. 13). Н. И. Костомаров мотив бросания «княжны» в Волгу объяснил так: «Стенька, как видно, завел у себя *запорожский обычай*: считать непозволительное обращение козака с женщиною поступком, достойным смерти. Увлекшись сам на время красотою пленницы, атаман […] должен был возбудить укоры и негодование тех, которым не дозволял того, что дозволил себе, и, быть может, чтоб показать другим, как мало он может привязаться к женщине, пожертвовал бедною персиянкою своему влиянию на козацкую братию. Стенька был женат и имел детей» (*Костомаров Н. И.* Бунт Стеньки Разина // *Он же.* Автобиография. Бунт Стеньки Разина / вступ. ст. и комм. Ю. А. Пинчук. К., 1992. С. 376). Ян Стрейс, записи которого послужили Н. И. Костомарову источником для изложения эпизода с «княжной», представил его как языческое жертвоприношение Степана Разина Волге – за то, что позволила ему добыть разбоем «столько сокровищ» (*Стрюйс И.* Извлечение из описания путешествия… С. 116).

ее, и то *так, чтобы не проведали о том старшины* […]. Все их общество делится на разные артели (курени. – *В. Г.*), и все находящиеся налицо в их станице *казаки обязаны обедать и ужинать в общественных столовых* (куренных избах. – *В. Г.*). Они не терпят присутствия женского пола даже при посторонних, которые у них бывают». Далее о российском укреплении, находящемся у самой Сечи: «Начальствующий над гарнизоном подполковник Глебов вызвал к себе жену. Не успела она приехать, как толпа казаков окружила дом Глебова, *требуя выдачи им женщин, которые там были, с тем, чтобы каждый мог ими воспользоваться*. Много стоило Глебову труда успокоить толпу, и то *с помощью нескольких бочек водки*. Но в то же время, он должен был отправить жену обратно в предупреждение нового смятения»[205]. Однако в апреле 1768 г. уже ничто не мешало кошевому атаману П. И. Калнышевскому обедать у коменданта того же ретраншемента в присутствии его супруги[206]. Это свидетельствует о размывании принципов мужского союза в последние годы существования Новой Сечи. В середине XVIII в. на Запорожье сложилась система раздельного проживания неженатых и женатых казаков, возникли *паланки* – административные центры для управления последними.

Выделенное в предыдущем абзаце курсивом удостоверяет наличие у запорожских казаков типичных черт мужского союза: общие трапезы, «престижное» употребление алкоголя, блокировка семьи и наследственных статусов, недопуск женщин или их бесстатусность. К таким же актам регуляции следует отнести разграбление в 1745 г. запорожцами маркитанта Усть-Самарской крепости за то, что «пойман был с блядною»[207]. Для запорожского казака считалось зазорным «жартувати» (шутить) с незамужней девушкой в Украине, в отличие от «молодицы» – замужней молодой женщины[208], что указывает на регуляцию отношений между мужскими и женскими возрастными классами.

У тюркских соседей запорожцев сложнее отследить сообщества, исключавшие семейные связи. Их можно уловить по поздним свидетельствам, если исходить из знания всего комплекса черт мужских союзов. В изложенных В. Х. Кондараки «наследственных правилах» чабанских кошей у крымских татар отражена бессемейность чабанов, ненормативность нахождения женщин в их коше, оправдание мужского произвола над «заблудившей-

---

[205] Записки о России генерала Манштейна // Перевороты и войны. История России и Дома Романовых в мемуарах современников XVII–XX вв. / Фонд Сергея Дубова. М., 1997. С. 21–22.

[206] *Скальковский А.* К истории Запорожья // Киевская старина. 1882. Т. 4. Октябрь. С. 162.

[207] *Андриевский А. А.* Дела, касающиеся запорожцев, с 1715–1774 г. // ЗООИД. Т. 14. Одесса, 1886. С. 416.

[208] Записки о Южной Руси / сост. и издатель П. Кулиш. СПб., 1856 (факсимильное издание: К., 1994). С. 113.

ся»[209]. Также упомянута особая манера разговора чабанов («люди, которые живут между овцами, резко отличаются от других. У них как-то странно действует язык»), их подражание мурзам в речах и повадках, желание во всем отличаться от обычных крымских татар, надменность по отношению к простонародью. Из «наследственных правил» приведены: предписание всаднику спешиться за 30 шагов при приближении к кошу, отсутствие у хозяина отары права выказывать свою собственность в коше (он должен держать руку у лба, пока атаман не укажет место, где тот может сесть), беспрекословная власть атамана над чабанами, наказание нарушителей правил насмешками, принуждением пить соленую воду, лишением обеда или мелкого имущества, изгнанием (крайнее средство), радушное гостеприимство[210].

Ж. Вайнштейн, анализируя османскую документацию XVI в. о санджаке Аккерман (Северо-Западное Причерноморье, Буджак), отметил, что тимарная система здесь не сложилась, однако существовали своеобразные села и чифтлики. В *каза* Джанкермен (фискальный округ в нижнем течении Днепра) в 1570 г. кроме одноименной крепости не было сел и чифтликов, а только отары овец. В Буджаке чифтлики редко передавались по наследству, в исключительно редких случаях – женщинам; зафиксировано множество «зимовников» (kışlak), «владеемых» отдельными лицами (Ya'kub kışlası – зимовник Якуба). Разница между ними, казалось бы, должна заключаться в правовом отношении: чифтликами могли владеть только мусульмане, исполняющие определенную службу Османскому государству. Однако здесь зафиксированы совладельцы чифтликов, представляющие не только разные семьи, но и религии. Отмечено большое количество совместных владений (от 2 до 5 чел.), не передаваемых в наследство; однако все они облагались налогом. Было значительным число бессемейных мужчин (около 50 % мусульман и христиан от всего населения); большинство «владельцев» – люди без статуса и фиксированных обязанностей перед государством; сипахов и янычар – единицы[211]. Все это разительно отличалось от того, с чем привыкла иметь дело османская администрация во внутренних районах своей империи. Обратив внимание на специфичность местных чифтликов и порядок их наследования, Ж. Вайнштейн заключил, что документальное признание их было обусловлено, скорее, мотивом поощрения «колонизации» с фискальной целью, чем стремлением педантично блюсти юридический порядок[212].

Множество неженатых мужчин, узость семейного пространства, неустойчивость частной собственности и наследственных прав, складчина, составлявшие трудность для документальной фиксации, минимум условий

---

[209] *Кондараки В. Х.* Типичность крымских татар // *Он же.* В память столетия Крыма. М., 1883. С. 13–14.

[210] Там же. С. 5, 6, 9–10, 14–15.

[211] *Veinstein Gilles.* Les "çiftlik" de colonisation dans les steppes de nord de la mer Noire au XVIe siècle // Istanbul Üniversitesi Iktisat Fakültesi Mecmuası. 1985. № 1–4 (41). P. 182–184, 189–200.

[212] Ibid. cit. P. 198.

для поддержания рангов, признанных или привнесенных государством, – это черты того же явления, остаточные формы которого частично были замечены В. Х. Кондараки у крымских чабанов. Буджацкие «зимовники» не являлись местами зимнего нахождения кочевых групп, ибо ими «владели» не эти группы, а конкретные лица. Скорее всего, эти «кишлаки» представляли собой овечьи кошары с чабанами, «наследственные правила» которых вряд ли отличались от крымских, или другие промысловые объекты: рыбные станы, заготовка соли, обработка шкур и т. п., с тем же комплексом отношений. Принципиально важно в этой связи то, что ими «владели» как мусульмане, так и христиане, иногда совместно. Села с мусульманскими семьями, по всей вероятности, слагались из рассеянных и сезонно используемых жилищ – аналогичных тем, что были описаны у буджацких ногайцев в начале XVIII в.: «избы имеют мазанки […], и те самые малые». Замечание того же источника: «за пашнею ходят не многие»[213] указывает на преобладание в крае скотоводства, впрочем не совсем кочевого. Похожая ситуация зафиксирована в 1630-е годы у «астраханских татар», проводивших зиму возле г. Астрахани – «на известных местах, которые они могут обносить только плетнями», а с наступлением весны – кочевавших[214]. Или, как отмечено позднее, – строивших «жалкие хижины» в окрестностях Астрахани[215]. В 1699 г. упомянуты «чифтлики ногайских татар», расположенные на молдавских землях и «на султанских кишлах»[216]. В этом случае, вероятно, речь идет о тех же «зимовниках», которыми персонально «владел» кто-то из буджацких ногайцев, но которые не были зимовищами кочевых коллективов.

Источники середины XVIII в. упоминают «овчарские хуторы», «овчарские зимовники», «овчарни», «скотские коши», «конские табуны», «деревни» и прочие объекты, не принадлежавшие кочевым группам. Среди их владельцев и чабанов упомянуты «татары» (большинство; присутствие среди них отдельных ногайцев – вероятно), турки, армяне, крымские греки, сербы и черкесы, жившие в Перекопе, Гезлеве, Бахчисарае, Очакове и других причерноморских городах[217]. Чабанские атаманы отмечены как владетели или распорядители этих объектов: «Чонгарской деревни да де-

---

[213] Описание дорого от Киева до Царьграда, сочиненное в 1714 г. // Академичиския известия. Ч. 7. Месяц март. СПб., 1781. С. 333.

[214] *Олеарий А.* Извлечение из описания путешествия (1636–1638) // Астраханский сборник. Астрахань, 1896. Вып. 1. С. 78.

[215] *Стрюйс И.* Извлечение из описания путешествия… С. 108.

[216] *Tahsin Gemil*. Relaţiile ţărilor Române cu Poarta Otomană în documente turceşti (1601–1712). Bucureşti, 1984. P. 449.

[217] *Андриевский А. А.* Дела, касающиеся запорожцев… С. 450; *Эварницкий Д. И.* Сборник материалов по истории запорожских козаков. СПб., 1888. С. 18, 22, 26, 28; Архів Коша Нової Запорозької Січі. Корпус документів. 1734–1775. Т. 2. К., 2000. С. 325.

ревни же Доганыш *отомана*»[218]. Документ 1766 г. дает примечательные сведения о трех отарах (3500 овец – 6 чабанов, 4000 овец – 6 чабанов, 2500 овец – 5 чабанов), дошедших до г. Бахмут (современная Донецкая обл., Украина) и принадлежавших жителям Акмечети и Карасубазара; эти чабаны «*не были дома*» 7, 5 и 13 лет соответственно[219], все это время находились в отрыве от семей (если такие были). Среди чабанов упомянуты и ясыри: два грузина, пасших на Молочных Водах овец крымского татарина, жившего в Кафе[220]; возможно, отпущенником был некий Осип, очаковский житель, «ходячий з отарами»[221]. Конечно, социальная ситуация в этих кошах и т. д. была гораздо более сложной, чем у крымских чабанов, описанных В. Х. Кондараки. Но все же есть все основания считать, что это были мужские группы, длительное время жившие вне семейного пространства.

Примечательно также нахождение в чабанских кошах «козаков потурченных» и «жен козацких потурченных»[222], т. е. украинских мужчин и женщин, принужденных к религиозной конверсии и подневольных. Как следует из документа 1749 г., запорожцы подвергали «жен козацких потурченных» насилию и убийству[223]; однако в то время подобные действия казаков в отношении ногайских женщин были исключительно редкими. Бесстатусность «жен козацких потурченных» в чабанских кошах очевидна. Это же запечатлено в смутных крестьянских воспоминаниях о запорожцах, записанных в конце XIX в.: «как словят бабу в степи, так будут ею смаковать, пока не задушат»; что примечательно, тот же информатор бессемейных казаков уподобил монахам[224]. Волжский фольклор, повествующий о «полонянке», которую «атаман» повлек туда, «где раскинул свой временный стан, / в дремучую глушь, под зеленый шихан, / в свою воровскую землянку»[225], отражает похожую ситуацию. Ее обычность передал плывший по Волге немец А. Олеарий в 1630-е годы: «казаки, заметив, что жены и дочери стрельцов ежедневно отправляются на остров доить коров, и часто без охраны, подстерегли их, поймали, сделали с ними то, что хотели, и за тем невредимыми отправили домой к стрельцам»[226]. Н. А. Мининков привел многочисленные факты продажи пленных женщин донскими каза-

---

[218] *Эварницкий Д. И.* Сборник материалов по истории запорожских козаков. С. 22.
[219] РГАДА. Ф. 15. Оп. 1. Д. 149. Л. 15–15 об.
[220] *Андриевский А. А.* Дела, касающиеся запорожцев… С. 426.
[221] ЦГИАК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 137. 1762–1763 гг. Л. 39–44.
[222] Архів Коша Нової Запорозької Січі. Корпус документів. Т. 2. С. 324;
[223] *Эварницкий Д. И.* Сборник материалов по истории запорожских козаков. С. 44.
[224] *Яворницький Д. І.* Запорожжя в залишках старовини і переказах народу / підготовка тексту і наук.-довід. апарату С. В. Абросимової, Н. Є. Василенко; заг. ред. Н. І. Капустіної. Вид. 3-тє, випр. і доп. Дніпропетровськ, 2005. Ч. 1. С. 232.
[225] Певец Волги Д. Н. Садовников. С. 16, 31–34, 154.
[226] *Олеарий А.* Извлечение из описания путешествия… С. 68.

ками, включая и их временных «жен», от которых родились дети[227]. Об использовании запорожцами пленных «татар и татарок» для прикрытия от атаки «орды» в конце XVII в. писал неизвестный автор «Поэмы об Иване Сирко»[228] (запорожский кошевой атаман), причем как о примере военной изобретательности, а не постыдного деяния.

Итак, группирование в мужских союзах не следует наделять смыслом избегания всякой связи с женщиной (агиния), а понимать именно как бессемейность (агамия). Объяснение этого явления как общественной девиации изложено в манифесте Екатерины II о ликвидации Запорожской Сечи от 3 августа 1775 г.: «А как таково бытие запорожцов, *по установленному у них безженству*, долженствовало бы скоро разрушиться, то и стали они *принимать без разбора* в свое *худое* общество людей *всякого сброда, всякого языка и всякой веры* и сим единым средством существовали они до настоящаго уничтожения»; «склонность к развратной жизни и грабежу»; пребывание в «совершенной *праздности*, гнуснейшем *пьянстве* и презрительном невежестве»; «*юродивый* состав членов, питающихся в совершенном почти от света и *естественнаго общежительства разлучении* наиболее от грабежа посреди окрестных народов»; «политическое ея уродство»[229]. Для «исследовательницы истории феминизма» Линды Гордон Запорожье служило примером «отъявленного женоненавистничества», якобы проявившегося в забрасывании камнями, вешании за ноги, удушении дымом, закапывании по горло в землю и пристреливании женщин, непонятно зачем «пробравшихся в Сечь»[230]. И если екатерининский манифест не лишен источникового основания, обеспеченного «придворным историографом» Г. Ф. Миллером[231], конечно, манипулятивно представленного, то утверждения Л. Гордон являются беспочвенным визионерством, симптоматичным для современных гендерных исследований.

Сложнее дело обстоит с уподоблением Запорожья мужскому монастырю: и пафосным («большой *монастырь* возведем казакам в Запорожье» – в смысле Сечи, сравнение их с «мальтийскими кавалерами»[232]), и нейтральным[233], и ироническим[234]. Феофан Прокопович дал одно из первых опре-

---

[227] *Мининков Н. А.* Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов-на-Дону, 1998. С. 136–137.

[228] Поема про Івана Сірка / пер. В. Шевчук; упор., комм. Ю. Мицик // Поезія. Вип. 1. К., 1987. С. 180.

[229] ЦГИАК. Ф. 220. Оп. 1. Д. 476. Л. 1–2.

[230] Изложено по: *Баррет Томас М.* «Не годится казаку жить одному»… С. 268.

[231] *Миллер Г. Ф.* Разсуждение о запорожцях // Историческия сочинения о Малороссии и малороссиянах Г. Ф. Миллера. М., 1846. С. 39–45.

[232] Поема про Івана Сірка. С. 174, 181, 182.

[233] Усні перекази М. Л. Коржа [додаток] // Д. И. Яворницкий. История города Екатеринослава. Изд. 2-е, доп. Дніпропетровськ, 1996. С. 244.

[234] Монах Лука Яценко-Зеленский в середине XVIII в. иронизировал над сечевыми порядками как «обычаями светского того монастыря» (*Архімандрит Леонтій (Лука Яценко-Зеленський)*. Подорожі на Запорозьку Січ… С. 20, 21).

делений Запорожья как рыцарского ордена: «Знатно, что изобретатель Запорожья *взял в том образец с кавалеров мальтийских*; а причину мню имел, дабы оное козацство, не имея пристрастия к женам и детям, жесточайшее и дерзновеннейшее к войне было. И воистинну, малороссийский народ таков есть: кто не имеет о чем пещися, той и себя самаго мало щадит, а дом и жену иная любимая имущии вельми мягки и трепетны суть»[235]. Сколь бы наивными ни казались подобные объяснения, воспроизводимые и в наше время с романтико-героическими акцентами, вопрос об исторической связи мужских союзов с монастырями и рыцарскими орденами является далеко не простым. Обратим внимание: автор XVI в. считал необходимым отметить относительно Соловецкого мужского монастыря ту его особенность, что туда «под страхом большого штрафа и кары запрещено приходить женщинам»[236]; очевидно, постой констатации мужского монастыря в этом случае не было достаточно. Белое море в то время было охвачено интенсивной промысловой деятельностью, а Соловецкий монастырь до секулярных реформ Екатерины II оставался важнейшим ее регулятором. Эта островная обитель собирала огромный оброк с рыбных и звериных промыслов, располагала большими мореходными средствами и «подворьями» на материке, позволявшими контролировать сезонные передвижения монахов, послушников и промысловиков. Ее сезонный уклад с четким делением на «лето» и «зиму» диктовал неписанные правила мужского общежития, существовавшие наряду с монастырским уставом[237]. Запорожская Сечь как аналогичный регулятор сезонных промыслов без всякого устава находилась в прочной связи с Киево-Межегорским монастырем[238] и принимала только черное духовенство, назначаемое оттуда; над запорожскими церквями начальствовал архимандрит[239], носитель монашеского чина, подобающего настоятелю крупного монастыря.

Исходя из черт внешнего соответствия, А. А. Скальковский (1841) определил запорожское казачество как «военное братство, учредившееся *подобно* римско-католическим монашеско-рыцарским орденам»; «именно

---

[235] *Прокопович Феофан*. История императора Петра Великаго от рождения его до взятия в плен остальных шведских войск при Переволочне, включительно, изданная с обретающагося в Кабинетной архиве дел Его Императорскаго Величества. Изд-е второе. М., 1788. С. 237–238.

[236] *Гваньїні Олександр*. Хроніка європейської Сарматії. С. 591.

[237] РГИА. Ф. 796. Оп. 209. Д. 273. Л. 99–100; Д. 275. Л. 12 об.; *Досифей, архимандрит Соловецкого монастыря*. Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первокласснаго Соловецкаго монастыря. Ч. 1. М., 1853. С. 180–187; Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою академией наук… Т. 5. Окончание Записок путешествия академика Лепехина. СПб., 1822. С. 388–408.

[238] *Архімандрит Леонтій (Лука Яценко-Зеленський)*. Подорожі на Запорозьку Січ… С. 19, 22.

[239] *Мышецкий С. И.* История о казаках запорожских, как они издревле зачалися, и откуда свое происхождение имеют, и в каком состоянии ныне находятся… Одесса, 1851. С. 25.

по причине падения […] католических рыцарских орденов явились витязи православного исповедания»[240]. Этот вывод, до сих пор воспроизводящийся в литературе без основательного анализа, в свете выше приведенных данных не выглядит убедительным. Однако, если учесть, что истоки многих средневековых институтов (рыцарские ордена, посвящения) находят в архаике мужских союзов[241], Запорожская Сечь предстанет в самом начале того процесса, который в дальнейшем мог привести к специализированной форме рыцарско-монашеских орденов и т. п.

Практически во всех случаях женитьба казака в местах его казакования становилась неизбежной, когда до этих мест доходило регулярное действие государства, перестраивавшего казачество под свои цели и задачи. Так произошло с донскими (верховыми) – в начале XVII в.[242], сибирскими – в XVIII в.[243] и терскими казаками – к середине XIX в.[244] У черноморских казаков, сформированных из бывших запорожцев, бессемейность исчезла в начале XIX в.: «обзаведшиеся домами и хозяйством, [они] представляют не то уже странное общество, которое прежде в Сечи Запорожской составлено было», – отмечено в 1804 г.[245] Однако, по сообщению того же года, Задунайская Сечь воспроизвела быт Новой Сечи, уничтоженной в 1775 г.: казаков «там до 3000 […]. Живут точно в таком положении, как и в бывшей Сечи, в безженстве»; здесь было много выходцев из Украины, привлеченных льготами от турецкой администрации, «даже девки, переходя к ним с той стороны, выходят замуж за холостых. Как сих, так и других, *бежавших* из России (из Российской империи. – *В. Г.*) *с женами селят они в особливом месте*, не в дальнем от Коша (Сечи. – *В. Г.*) разстоянии»[246]. Итак, Сечь до последнего момента оставалась мужским сообществом.

Зимовники запорожцев (известно другое их украинское название: кишло, кишлище) мало чем отличались от одноименных объектов их тюркских соседей. Для запорожских зимовников характерна такая же совместность владения: «по 2 и по 3 человека вместе, на самых выгоднейших местах, расстоянием один от другова верст по 20 и более»[247]. Неразделенность имуще-

---

[240] *Скальковский А. А.* История Новой Сечи или последнего Коша Запорожского. Одесса, 1841. С. 39, 40.

[241] *Хёйзинга Й.* Осень Средневековья: Соч. в 3 тт. Т. 1. / пер. с нидерланд., вступ. ст. и общ. ред. В. И. Уколовой. М., 1995. С.°90; *Кардини Ф.* Истоки средневекового рыцарства. М., 1987. С. 253.

[242] *Рыблова М. А.* Донское братство. Казачьи сообщества на Дону в XVI – первой трети XIX века. Волгоград, 2006. С. 50.

[243] *Malikov Yu.* Tsars, Cossacks and Nomads. The Formation of a Borderland Culture in Northern Kazakhstan in the Eighteenth and Nineteenth Centuries. Berlin, 2011. P. 82.

[244] *Barrett T.M.* The Terek Cossacks and the North Caucasus Frontier. P. 270–273.

[245] РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. 1804 г. Д. 246. Л. 8.

[246] РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. 1804 г. Д. 237. Л. 14 об., 20–20 об.

[247] Физическое и философическое описание от Питербурха до Тулы, а от Тулы до морей Азовскаго и Чорнаго, положения мест и притчины их, и бывших степей запорос-

ства 9 бывших запорожцев, живших в г. Никополь (Днепропетровская обл., Украина), отмечена в 1782 г. Одним из них был М. С. Гулык – на тот момент есаул Черноморского казачьего войска; находясь в длительных отпусках, он жил здесь в одном доме с родным братом, тремя товарищами и тремя «служителями»[248]. Дисперсия расселения не мешала запорожцам в случае надобности собираться в Сечи, где находилось «огромной величины об одной избе с сенями строений […] под разным названием (куреней[249]. – *В. Г.*), в коих в каждом считалось по 1 000 человек козаков, живших, впрочем, большею частию, в обширных степях, по хуторам и […] зимовникам, и где начальствовавший или старейший назывался *батько*, все же, жившие при нем, *хлопцями*. Ездили *редко* по надобностям своим или по зову начальства их в эту свою столицу, упражняясь наиболее скотоводством, рыболовством и всегдашними разбоями»[250].

Кроме зимовников как стационарных объектов запорожцев известны и передвижные «коши» – «небольшой курень, или поветочка на колесах […]. Запорожцы занимались скотоводством: вот как выпасут на одном месте траву, тогда со всем своим скарбом перевозятся на другое место, а с другого на третье […]. Вот почему они делали курени на колесах, то есть коши»[251]. В них могла находиться и небольшая печь – *кабиця*, используемая для обогрева[252]. «…Где кому захочется, там и садятся […]. Копай себе землянку, заводи скот всякий и *кочуй*», – рассказывал бывший запорожец Иван Розсолода[253]. «Скот [запорожцев] в степи лето и зиму *кочевал*», – вспоминал бывший запорожец Никита Корж[254]. В 1728 г. засвидетельствовано, что в Сечи на Алешках в 38 куренях постоянно находится полторы тысячи казаков, «а другие запорожцы *кочуют куренями* по рекам Богу (Южный Буг. – *В. Г.*), по

ких казаков с предположением для пользы народов, на сих землях обитающих, сообразно пользе государственной. 1799 г. // ОР РНБ. Ф. 588. Оп. [1?]. Д. 1812. Л. 6.

[248] *Анцишкін І. В.* Документи Нікопольської Свято-Покровської церкви у зібранні Нікопольського державного краєзнавчого музею // Козацька спадщина. Альманах Нікопольського регіонального відділення НДІ козацтва Інституту історії України НАН України / ред. В. В. Грибовський. Вип. 1. Нікополь; Запоріжжя, 2004. С. 13–17; *Фролов Б.* Мокий Семенович Гулик – «войсковой есаул и кавалер» // Матеріали Всеукраїнської наукової конференції «Чортомлицька (Стара) Запорозька Січ в історико-культурній спадщині Нікопольського району» / ред. В. В. Грибовський. Нікополь; Запоріжжя; Херсон, 2002. С. 134–137.

[249] «А куренев оных столько было числом, сколько городовых полков козацких в Малой России, и полковых городов именами прозывались», – гласит источник начала XVIII в. (*Прокопович Феофан*. История императора Петра Великаго… С. 236).

[250] «Век дворянства Василия Абаза…» // Институт рукописи НБУ. Ф. 12. Ед. хр. 702. Л. 132–132 об.

[251] *Яворницький Д. І.* Запорожжя в залишках старовини… Ч. 1. С. 232.

[252] Усні перекази М. Л. Коржа… С. 240.

[253] *Эварницкий Д.* Жизнь запорожских казаков по разсказу современника-очевидца // Киевская старина. Т. 7. Ноябрь. 1883. С. С. 502.

[254] Усні перекази М. Л. Коржа… С. 240.

Великом Ингулу, по Исуни, по Ингулцу, по Саксагани, по Базавлуку, по Малой и Великой Камянке, и по Суре, которые реки суть по ту сторону Днепра, а по сю сторону по рекам же Протовчи, по Самаре и по самом Днепре по обоим оного сторонам, взявши от границы по самое устье Днепра и Богу, а по оным всем *кочеваньям* и по другим малым речкам может их, запорожцов, считаться многия тысячи людей»[255]. Та же характеристика распространялась и на выходцев из других земледельческих обществ: «*Кочующой* на речке Свынной молдавской области села Косныци житель молдава[н] Лукьян Браило, с рогатым скотом и лошадми», – замечено во время переписи населения в районе Слободзеи, пожалованного Черноморскому казачьему войску[256]. Круглогодичное содержание скота на подножном корме, без размещения поголовья в помещениях и его кормления заготовленным сеном, периодическая смена пастбищ в течение большей части года являются не чем иным, как кочеванием. Сочетание повозки и дома обнаруживается даже применительно к административным объектам. В 1757 г. засвидетельствовано нахождение «изъходящего лета, из весны» полковника и «асаула» Бугогардовой паланки (форпост Запорожья у р. Южный Буг) в «будке» на колесах, крытой камышом[257]. Пребывание казаков на Запорожье всегда отличалось подвижностью, сезонностью, промысловой направленностью, периодично обновляемыми рангами и временным характером группирования. По причине подвижности запорожцев их поселения почти не уловимы для археологов; материальные остатки Сечей, существовавших, как считается, до середины XVII в., так и не были найдены[258].

Важнейшим регулятором Запорожья, как и всякого мужского союза, являлось *гостеприимство* – не только «приятелей или знакомых, но и всех странствующих людей»[259]. Любой проезжающий мог остановиться в зимовнике запорожца и *без всякой платы* получить пищу, фураж для лошадей, личную защиту и охрану имущества. «У нас на Запорожи и москали не крадуть», – уверял казак своего случайного гостя в 1749 г., опасавшегося воров и считавшего запорожцев за таковых[260]. Залогом влияния всякого мужского союза была репутация, от которой зависела его способность по-

---

[255] *Эварницкий Д. И.* Источники для истории запорожских козаков. Т. 2. Владимир, 1903. С. 1138.

[256] О командировании офицера прапорщика Визира для взыскания пошлин с скотоводов на воисковой земле между Бугом и Днестром // ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 135. Л. 3.

[257] ЦГИАК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 43. Л. 16. Выражаю признательность Т. Л. Кузык за сообщение об этом документе.

[258] *Федорук Я.* Археологічні експедиції 1951 і 1953 років з вивчення Запорозьких Січей перед затопленням Каховським водоймищем // Україна в Центрально-Східній Європі. Вип. 17. К., 2017. С. 264, 270–271.

[259] Усні перекази М. Л. Коржа… С. 239.

[260] *Архімандрит Леонтій (Лука Яценко-Зеленський)*. Подорожі на Запорозьку Січ… С. 18.

полняться новыми членами. Простые и четкие правила существовали как для хозяина, так и для гостя. «Это не казак, кто не по обычаю поступает». Запорожец мог запросто навестить случайных соседей и получить от них угощение. Но его испытывали на догадливость, а за нерасторопность донимали насмешками[261].

Значимую черту всякого мужского союза составляло и то, что бóльшая часть его членов не была кровными родственниками, а некоторые – даже соотечественниками[262]. Это также следует объяснять блокировкой семьи и кровнородственных отношений. Существенная важность приема *случайного гостя*, не только знакомого, друга или родственника, вероятно, обусловливалась этой блокировкой. Размывание запорожских устоев произошло как раз тогда, когда Кущевский сечевой курень стал наполняться свойственниками и родственниками, ставшими опорой несменяемой власти последнего кошевого атамана П. И. Калнышевского (1762–1763, 1765–1775)[263]. По М. Грановеттеру, «сила слабых связей» формирует более длинные социальные сети, с бóльшим пространством для горизонтального взаимодействия, чем отношения: друг, родственник (сильные связи)[264]. Преобладание последних вело к складыванию вертикали, как это произошло в последнее десятилетие существования Сечи и, вероятно, случалось во всех мужских союзах, рано или поздно превращавшихся в патрон-клиентскую группировку, по мере размывания этой блокировки.

Черту неродственного группирования у запорожцев составляло *побратимство*, отмеченное у скифов[265], монголов (анда)[266], ногайцев (антлас)[267] и многих других народов. Исследования, основанные на моргановской традиции, привязали это явление к «родовому строю», придав побратимству смысл имитации родства, распространения семейных отношений за пределы семьи. В. Брейсвелл определила побратимство на Балканах как «фиктивное родство», наряду с названным отцовством или кумовством, и связала его с семьей, что якобы у «большинства военно-пастушеских обществ фронтира была наиболее стойкой социальной и экономической единицей», защищав-

---

[261] Усні перекази М. Л. Коржа… С. 239–240.

[262] *Мышецкий С. И.* История о казаках запорожских… С. 17; Записки генерал-фельдмаршала кн. А. А. Прозоровского. 1756–1776. М., 2004. С. 352; *Миллер Г. Ф.* Разсуждение о запорожцях. С. 39.

[263] *Грибовський В. В.* Калнишева сім'я // Наукові записки. Збірник праць молодих вчених та аспірантів Інституту української археографії та джерелознавства ім. М. С. Грушевського НАН України. Т. 23 К., 2011. С. 81–91.

[264] *Грановеттер М.* Сила слабых связей // Экономическая социология. Т. 10. № 4. Сентябрь, 2009.С. 32, 37, 40–41, 47.

[265] *Хазанов А. М.* Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. М., 1975. С. 107–111; *Он же*. Обычай побратимства у скифов // СА. 1972. № 3. С. 68–75.

[266] Сокровенное сказание монголов / пер. и подг. С. А. Козина. § 93, 96. С. 95.

[267] *Капаев Иса*. Ногайские мифы, легенды и поверья… С. 47–48.

шей своих членов и боровшейся за ограниченные ресурсы во враждебной среде[268]. Традиция полагания семьи и рода в основу общественной эволюции, остающаяся в постсоветской этнологии, определяет классификацию побратимства, в частности, у калмыков – *анда*, как «термин ритуального родства», наряду с терминами «некровного (брачного) родства (свойства)», «родства по возрастному признаку» и кровного родства по материнской и отцовской линиям[269]. При таком подходе в побратимстве усматривают *искусственное продолжение* семьи/рода, увеличивавшее его защитные функции. О. Латтимор обратил внимание, что у древних монголов свободный выбор побратима-анда и товарища-нукера в военном сообществе находился в оппозиции к кровному родству[270]. Аналогично было и у запорожцев, группировавшихся вне семейно-родового пространства.

В большинстве известных нам случаев побратимства, во-первых, побратимы не принимали общего родового имени и не подлежали коммендации один в родовую группу другого. Во-вторых, побратимов находили в среде не только не родственной, но и враждебной (удлинение социальной сети). В-третьих, побратимы скрепляли свой личный союз клятвой при свидетелях, основанной на *общей вере*, которая, впрочем, не предполагала религиозной конверсии. «Твоя вера – моя вера, моя вера есть также и твоя вера», – объяснял османский *газий* своему паше причину укрывательства плененного христианина, с которым он ранее побратался. Если его убить, – утверждал газий, – душа этого неверного попадет в рай, а его душа, хоть он и воитель за правую веру, – нет[271].

Эта вера противоречила и христианским, и исламским канонам, поскольку имела домонотеистические истоки. Христианские и мусульманские законники вынужденно с нею считались и приводили ее в соответствие с нормами своих религий. Церемонии побратимства в Далмации, Сербии, Черногории проводили священники католических и православных церквей в присутствии прихожан. В одном сербском номоканоне XVII в. этому обряду дано обоснование как привилегии, закрепляющей религиозную любовь между братьями[272]. Подобный пример представляет запись акта побратимства («слово завещательное») двух Федоров в церкви с. Протопоповка Александ-

---

[268] *Bracewell Wendy*. Frontier Blood-Brotherhood and the Triplex Confinium // Constructing Border Societies on the Triplex Confinium. International Project Conference Papers (Graz, December 9–12, 1998) / eds. Drago Roksandić, Nataša Štefanec. Working Paper Series 4. Budapest, 2000. P. 31. Реминисценции из Л. Г. Моргана и Ф. Энгельса здесь очевидны.

[269] *Мулаева Н. М.* Термины родства и свойства в толковом словаре калмыцкого героического эпоса «Джангар» // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Элиста, 2016. № 1. С. 191.

[270] *Lattimore Owen*. Studies in Frontier History. Collected Papers 1928–1958. London, 1962. P. 507.

[271] *Bracewell Wendy*. Frontier Blood-Brotherhood… P. 30.

[272] Ibid cit. P. 32–34.

рийского уезда Херсонской губернии 28 октября 1801 г., причем в той части метрической книги, где регистрировали браки: «Мы […] даем от себе сие завещание перед Богом о том, что мы – братия, и с тем, кто нарушит братства нашего соуз, тот перед Богом ответ да воздаст […]. Наше обещание […], двух Федоров, есть: дабы *друг друга любить*, не взирая на напасти з стороны наших либо прыятелей, либо неприятелей […], хмельного не пить, *брат брата любить*. В сем [мы], братия, росписуемось»[273].

Было бы в корне неверно рассматривать подобную «роспись» как фиксацию однополого брака. На Запорожье гомосексуализм считали кощунством. Запорожца Григория Барабанщика за «содомский грех» с живущим в его курене «хлопцем» в Сечи приговорили посадить у позорного столба на цепь и «смертно киями на сходки бити»[274]. К гомоэротизму, по заключению Л. Тайгера, большинство мужских сообществ относилось как извращению базовых принципов мужских связей (Male bonding); хотя подозрение тайных обществ в том, что они являются «закрытыми гомосексуальными клубами», возникали часто[275]. Католические иерархи в Далмации именно по этой причине запрещали священникам регистрировать акты побратимства. Священники же, вынужденные считаться с обычаями своих прихожан, аргументировали регистрацию таковых ссылкой на местное обычное право, запрещавшее половую связь между побратимом и сестрой побратима как инцест, и немыслимостью подобного между братьями[276].

Все же в акте побратимства есть что-то близкое к браку, в смысле *соединения неродственных людей*, но не создания семьи, вхождения в некий род и регуляции имущественных прав. Обратим внимание: в вышеуказанной «росписи» двух Федоров не было ни слова об имуществе, а только моральные обязательства хранить жизнь и честь друг друга. Древнегреческий автор Лукиан вкладывал в уста некоего скифа Токсарида слова, обращенные грекам: «мы приобретаем себе друзей не на пирушках, как вы, и не потому, что известное лицо является нашим *ровесником* или *соседом*; но, увидев какого-нибудь человека, способного на великие подвиги, мы все устремляемся к нему, и *то, что вы делаете при браках*, мы делаем при приобретении друзей*: усердно сватаемся за него* и во всем действуем вместе […]. И когда какой-нибудь избранник сделается уже другом, тогда *заключается договор с великою клятвою* в том, что они и жить будут вместе,

---

[273] *А. П.* Акт «побратимства» в церковной метрике // КС. Т. 19. Октябрь. 1887. С. 383–384.

[274] ЦГИАК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 51. Л. 28; *Скальковский А.* История Новой Сечи или последнего Коша Запорожского. Одесса, 1846. Изд-е 2. Ч. 1. С. 207; о том же: *Мышецкий С. И.* История о казаках запорожских… С. 58. Выражаю признательность Т. Л. Кузик за сообщение этих данных.

[275] *Tiger Lionel*. Men in groups. Third edition with new introduction by the author. New Brunswick, NJ; London, England: Transaction Publishers, 2009. P. XXXII, 60, 127.

[276] *Bracewell Wendy*. Frontier Blood-Brotherhood… P. 33.

и, в случае надобности, умрут один за другого»[277]. В этом тексте есть явное уподобление побратимства браку, включая такие его элементы, как сватание и клятвенный договор о вечной связи.

У запорожцев побратимство было связано с неразделенностью общего имущества и сохранением бессемейного состояния. Так, запорожцы Иван Глоба и Василий Хорбат (Хорват?) около 10 лет были «в товарищах», владели общим зимовником и мельницей. Но В. Хорбат в 1771 г. женился, к немалому огорчению И. Глобы, который заявил ему: «мне с тобой в товарищах быть ни за способно, потому что я *пан*, а с *мужиком* мне товаришить не можно». В 1776 г., после уничтожения Сечи, ареста и конфискации имущества И. Я. Глобы, занимавшего должность войскового писаря, В. Хорбат хлопотал у Г. А. Потемкина о возвращении причитавшейся ему части[278]. Посему побратимство предполагало равенство статусов, а женитьба казака была его статусным понижением.

А. М. Хазанов справедливо считал, что побратимство несводимо к «возрастным классам и сходными с ними институтами», поскольку определяется индивидуальным выбором, а не «автоматической принадлежностью к определенному коллективу»[279]. Однако следует признать, заключение побратимства *вне мужского союза* означало установление некоей *родственной связи* между членами разных семей, т. е. включение в многослойную сеть *семейного пространства*. У абхазов побратимство заключалось между мужчинами, принадлежавшими *к разным родам*, отмечалось совместно устроенным угощением в доме одного из этих мужчин, с приглашением родственников, друзей, знакомых. Существенным элементом абхазского ритуала было касание побратимов губами к грудям матерей каждого из них[280]. Таким образом, в мужских союзах и семейном пространстве побратимство приобретает разные институционные оттенки: межсемейные и внесемейные, неразличимые в свете моргановской традиции.

Запорожцы называли своих атаманов (кошевой, куренные, вожди ситуативных групп) *батька́ми*, друг друга – *браттями* и *молойцями* (по ироническому замечанию современника – «молодые, одни летами, другие умом, не взрослые козаки»), «молодыками» и «служителями» – работников; вещи умершего казака распределялись между всеми, кто принадлежал

---

[277] *Лукиан Самосатский*. Токсарид или дружба / пер. П. И. Прозорова // Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе / сост. и изд. В. В. Латышев. Т. 1. СПб., 1890. С. 552.

[278] *Мільчев В*. Соціальна історія запорозького козацтва кінця XVII–XVIII ст. (джерелознавчий аналіз). Запоріжжя, 2008. С. 340.

[279] *Хазанов А. М*. Обычай побратимства у скифов. С. 70.

[280] *Инал-ипа Ш. Д*. Социальная сущность аталычества в Абхазии в XIX в. // *Он же*. Труды в 11 томах. Т. 1: Этнография брачно-семейных и социальных отношений абхазов / сост. В. Л. Бигуаа, С. А. Дбар. Сухум, 2016. С. 296.

к его куреню[281]). Физический возраст не имел в Сечи самостоятельного значения; во время трапез за общим столом в куренных избах каждый занимал «место *по старшинству прибытия* своего на запорозкое козацтво»[282]. К раннему времени существования украинского казачества относится упоминание *джур* (цюра, чура) – юнцов, служащих казакам[283], или неполноправных казаков («Чуро, мій чуро! / Вірний слуго…»[284]). Тюркское слово «джура», как видим, у украинских казаков стало обозначением низшего возрастного класса; в источниках XVIII в. оно не прослеживается, вместо него фигурирует слово «молодык». В старотюркском обиходе слово «джура» также означало юношу-слугу, взятого воином на воспитание, оруженосца[285]. Однако у современных народов Средней Азии *джурами* называли ровесников, людей одного возрастного класса, наряду с *курдаш* – друг молодости, одногодок[286].

Выявление возрастных классов у украинских казаков даже при первом приближении позволяет вскрыть тюркскую номенклатуру со сходными функциями: *козак*, *отаман*, *джура*; также: *кишло*/*зимівник* (зимовник), *кіш* (кош) и *курінь* (курень) – места половозрастного группирования. Детализация и сопоставление обнаруживают структурно-терминологические совпадения: *осавул* у запорожцев, *есаул* у донцов, *ясовул* в мужских союзах Средней Азии, а также структурные соответствия при разных названиях: *ота́ман* у запорожцев, *атаман* у донцов и крымских чабанов, *агабий* и др. в мужских союзах Средней Азии; *писар* у запорожцев, *дьяк* у донцов, *раис* в мужских союзах Средней Азии; *суддя* у запорожцев, *казий* в мужских союзах Средней Азии[287]. Не вдаваясь в этимологию слова «атаман», отметим очевидное его значение: «отец». «*Милостивые пано́ве и батьки́!*» – таково правильное обращение казака ко всему запорожскому товариществу в присутствии кошевого и куренных атаманов[288]. С. Т. Разина величали не иначе, как «батько»[289]. Конечно, «отцами» атаманы были не в социаль-

---

[281] *Архімандрит Леонтій (Лука Яценко-Зеленський)*. Подорожі на Запорозьку Січ… С. 27, 37–38, 47.

[282] Там же. С. 22.

[283] *Вирський Д.* Війни українні: хроніки татарського прикордоння України (XVI – середина XVII ст.). К., 2016. С. 67, 163.

[284] Думи… С. 181.

[285] Татар теленең этимологик сүзлеге… Т. 2. С. 456.

[286] *Задыхина К. Л.* Пережитки возрастных классов у народов Средней Азии. С. 162, 176.

[287] Материалом для сопоставления послужило издание: *Снесарев Г. П.* Традиция мужских союзов в ее позднем варианте у народов Средней Азии // Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958–1961 гг. Т. 2. М., 1963. С. 159–160, 168, 174–177.

[288] *Архімандрит Леонтій (Лука Яценко-Зеленський)*. Подорожі на Запорозьку Січ… С. 47. За куренным столом кошевой атаман не мог занять место куренного атамана; положение первого было временным, второго – постоянным (Там же. С. 22).

[289] *Стрюйс И.* Извлечение из описания путешествия… С. 115.

но-биологическом смысле, а как представители старшего возрастного класса. То же значение у запорожцев имел *дід* («дед» – не исполнял должности, но влиял на решения казаков). Классово-возрастные номенклатурные, структурные и функциональные соответствия можно находить не только у запорожцев и в тюркских мужских союзах, но и многих других обществах. Например, у народа *гала* (Эфиопия) члены одной возрастной группы (гада) считают друг друга братьями. Тот, кто занимал последнюю ступень в возрастной группе и готовился перейти на вышестоящую ступень (8-летний интервал между ступенями), становился «отцом» для «братьев», а они – его «детьми»[290].

Итак, мы имеем дело с универсальным явлением. Однако его терминологическое выражение, а именно – тюркское, указывает на заимствование украинскими и российскими казаками *всего номенклатурного комплекса*, связанного с первоначальным казачеством.

Мужские союзы в отношении к земледелию и государству

Как и крымские чабаны, запорожцы презирали простонародье и относили себя к «знати»: паны, рыцарство – «лицарське товариство»[291], считали зазорным крестьянский труд, в отличие от скотоводства, мирных и военных промыслов. В этой связи еще раз упомянем разрыв И. Глобы с В. Хорбатом из-за женитьбы последнего («я *пан*, а с *мужиком* мне товаришить не можно»). «Владельческие крестьяне – на пашне, старожилы упражняются в скотоводстве»[292] – эта «формула» оставалась неизменной на Запорожье в течение длительного времени после уничтожения Сечи.

Подобное отношение к крестьянству характерно и для украинских чумаков, которые «образовывали как бы наследственное сословие»[293]. Г. П. Данилевский уловил примечательное сходство быта казаков, чумаков и «киргизов» (казахов): «Уже старинных запорожцев изображали […] ленивыми и неподатливыми на подъем. Насмешливые картины на самой Украйне в каждом кабаке представляют их с этой стороны. Под одною подпись:

---

[290] *Калиновская К. П.* Возрастные группы народов Восточной Африки. Структура и функции. М., 1976. С. 34–39.

[291] В 1593 г. во время казацкого вооруженного выступления заявлен «лист (письмо. – *В. Г.*) гетмана, сотников, ватаманъи и всего рыцерства войска запорожского» такого содержания: «Я, Крыштоф Коссинский, на тот час гетман, а мы сотники, атаманья, *все рыцерство* войска запорозского» (АЮЗР. Ч. 3. Акты о козаках. Т. 1. 1863. С. 53–54).

[292] Цит. по: Нариси з історії Нікопольського району (від найдавніших часів до початку XX століття) / ред. В. І. Наулко, В. В. Грибовський та ін. Київ; Нікополь; Запоріжжя, 2002. С. 164.

[293] *Данилевский Г.* Нравы и обычаи украинских чумаков. Очерки четырех времен года в Малороссии (из путевых заметок 1856 г.). Ч. I. Зима // Библиотека для чтения. Журнал словесности, наук, художеств, критики новостей и мод. Т. 142. Март. СПб., 1857. С. 119 (смесь).

«Сидить козак на стерні та штані латає, стерня його в … спину коле, а він стерню лає» («Сидит казак на устюках, штаны зашивает, устюки его в … спину колют, а он их ругает». – *В. Г.*) […]. Киргиз по целым дням способен просидеть на кургане, поджав ноги, и с вершины его глядеть в туманную даль родной степи. Чумак также может по целым неделям зимой не слезать с печи […], куря трубку и едва-едва пророняя ленивые слова»[294]. Ни казак, ни чумак, находясь дома зимой, не делали никакой домашней работы, оставляя ее жене; а весной – выступали в путь. «Обабиться» для них означало заниматься домашними делами[295], как крестьяне. «Я наблюдал [донских] казаков в будни, но не видел, чтобы кто-нибудь работал», – писал Я. Потоцкий. – «Мужчины сидели кучками и *принимали важный вид*. Никогда они не кланялись мне первые; но если я начинал, то все вдруг вставали и наклонялись»[296]. Чумак «заламывал» на «бакирь» смурую (темно-*серую*) шапку, подобно казаку, отличался исключительной честностью[297] (врать – черта простонародья), избегал проторенных дорог и обустроенных переправ[298], т. е. всего, что связано с государственной регуляцией. Распитие алкоголя у чумаков, как и казаков, имело иное значение, чем просто пьянство: «П'ють чумаки, п'ють, бо в дорогу йдуть»[299]. Украинский фольклор прямо отождествляет казака и чумака: «Ой ви, чумаки, славні козаки!»[300]. Запорожцы легко становились чумаками, перенимая их социолекты («валка» – караван, «ватаг» – глава каравана). Так, в феврале 1750 г. из Сечи в г. Миргород на ярмарку ехала *валка* запорожцев во главе с *ватагом* Наумом Носом, везшая осетров на 8 возах; другая валка, собственно чумацкая, везла туда соль на 5 возах[301]. Однако стать крестьянином (=«обабиться») считалось зазорным что для казака, что для чумака, что для крымского чабана.

Наряду с заламыванием *серой* шапки-бырки, запорожец-*серомаха*, т. е. не наделенный властью казак, определял свой статус тем, что не относил себя к категории «люди», «под именем людей разумея женский пол»; «бабами» же называл всех неказаков – лавочников, канцеляристов, школь-

---

[294] Там же. С. 158 (смесь).

[295] *Данилевский Г.* Нравы и обычаи украинских чумаков. Очерки четырех времен года в Малороссии (из путевых заметок 1856 г.). Ч. I. Зима // Библиотека для чтения. Журнал словесности, наук, художеств, критики новостей и мод. Т. 142. Март. СПб., 1857. С. 128–133 (смесь).

[296] Путешествие графа И. Потоцкого в Астрахань // Астраханский сборник. Астрахань, 1896. Вып. 1. С. 307.

[297] *Данилевский Г.* Нравы и обычаи украинских чумаков. Ч. II. Весна // Библиотека для чтения… Т. 142. Апрель. СПб., 1857. С. 254, 261 (Смесь).

[298] Там же. Ч. III. Лето // Библиотека для чтения… Т. 143. Май. СПб., 1857. С. 21, 29 (Смесь).

[299] Чумацькі пісні / упор. О. І. Дей, А. Ю. Ясенчук, А. І. Іваницький. К., 1976. С. 236.

[300] Там же. С. 297.

[301] *Полницкий А.К.* Нападение гайдамаков на карантин в Ягодной Долине // Киевская старина. 1889. Т. 25. Апрель, май, июнь. С. 335.

ников при сечевой церкви и др.[302] Здесь вполне распознается мужчина, инициированный в «волка», противопоставлявший себя неинициированным, т. е. «людям», и соединенный вряд ли осознанной связью с вековой традицией степных мужских союзов.

Причерноморская степь до последней трети XVIII в. оставалась «негостеприимной» для крестьян, т. е. всего земледельческого социально-экономического комплекса, связанного с семейным пространством, охваченного государственными иерархиями. Традиционное возложение «исторической вины» за задержку «земледельческой колонизации» на «татарские набеги» существенно искривляет видение специфики ситуации в степном крае. Разграбление, «урезание» ушей крестьянам было обычным делом во время восстания казаков под предводительством гетмана С. Наливайко в 1596 г.[303] В середине XVIII в., когда крестьянские села стали появляться на Запорожье, запорожцы терроризировали поселян: «аки неприятел, примикалис з голими списами (копьями. – *В. Г.*) до людей колоть, чим детей многих до полусмерти перелякали (перепугали. – *В. Г.*), а надрание ягнята лупили, и с оних мясо ни себе не забирали, ни обивателем возвращали, но хуже неприятеля, глумяс, бросали в воду». Более того, запорожцы отказывались нести службу вместе с женатыми казаками, «имея от них отличность». Педантично отслеживая по источникам эту практику, Т. Л. Кузик удачно связала ее с «реликтовой формой мужских союзов», их сезонными нападениями на земледельческие поселения. И показала ее результат – превращение крестьян, пришедших на Запорожье, в «подданных» всего Войска Запорожского, подносящих ягнят за право «пить воду из Днепра»[304]. Донские казаки также противодействовали расселению крестьян, полагая, что следом за ними придет помещик, «как паук за мухой»[305].

В свете приведенных данных, утверждения в советской историографии о «бегстве» крестьян как основного источника пополнения казачества и «крестьянско-казацких восстаний» выглядят большой натяжкой. Конечно, крестьянин мог стать казаком, а казак – «обабиться». Однако между казаками и крестьянами пролегала социальная дистанция, как у *спартиатов* и *илотов*, а *криптии*, определенные Ю. В. Андреевым как черта мужских союзов[306], гораздо ближе к характеристике их отношений, чем утвер-

---

[302] *Архімандрит Леонтій (Лука Яценко-Зеленський).* Подорожі на Запорозьку Січ… С. 20.

[303] АЮЗР. Ч. 3. Акты о козаках. Т. 1., 1863. С. 86, 90, 93–98.

[304] *Кузик Т. Л.* Перехід жителів слободи Данилівки у підданство Війська Запорозького Низового // Український археографічний щорічник. К., 2007. Вип. 12. С. 408–410.

[305] *Чаев Н. С., Бибикова К. Н.* Взаимоотношения Москвы и Дона накануне Булавинского восстания // Булавинское восстание (1707–1708). Сб. док. / Труды Историко-археографического института АН СССР. Т. 12. М., 1935. С. 13.

[306] *Андреев Ю. В.* Мужские союзы в дорийских городах-государствах (Спарта и Крит). СПб., 2004. С. 174.

ждения историков-марксистов о классовой солидарности. Разница между казаком и крестьянином была такой же, как между инициированным и неинициированным. Чертой устоявшейся социальной дифференциации было как раз то, что знать продолжала посещать тайные мужские собрания, а простонародье – нет[307]. Но казачество, находящееся у самых истоков социального расслоения, оставалось открытым для приема мужчин, принадлежащих ко всем социальным стратам. Что особенно интересно в этой связи, российский генералитет во время русско-турецкой войны 1768–1775 гг. считал Запорожскую Сечь, точнее, ее Кущевский курень, орденом, под стать Мальтийскому. С этим представлением была связана мода на вступление в казаки Кущевского куреня; ей, например, следовал Г. А. Потемкин в 1772 г., называвший его главным куренем на Сечи[308]. Примечательна также связь запорожцев с великим князем Павлом Петровичем, известным почитателем тайных обществ и орденов; ему из Сечи везли подарки при всяком случае, а в 1774–1775 гг. на него возлагали надежды о помощи, когда его августейшая мать решала судьбу Сечи[309]. Еще раз подчеркнем: постановка вопроса о типологическом соответствии Запорожья и рыцарских орденов имеет смысл. И ответ на него возможен в плоскости обоснования того, что запорожское казачество являлось тем, чем рыцарские ордена – в своих истоках. А именно: мужским союзом.

Итак, мы имеем дело с древнейшим институтом, обладавшим своей имманентной функцией доминирования и социальной дистанции[310]. Он в силу специфических локальных причин вплоть до XIX в. сохранял свою «изначальность», убывающую и входящую в сложные отношения с явлениями позднего порядка. Его фундаментальная связь с военными и мирными промыслами, скотоводством и неприятие земледелия – очевидна. Как и очевидна аналогия с половозрастными группировками у африканских *гала* и *масаи*, считавших своим божественным предопределением нападать на соседей, отбирать скот и другое имущество[311]. Впрочем, эту практику следует объяснять не абстрактным «кочевничеством»[312], а функциями мужского союза. Обнаруживаемый как у кочевых, так и седентарных обществ этот институт сам по себе не сводим ни к оседлости, ни к кочевничеству, ибо существовал задолго до всякой общественно-экономической специализации. Он плохо уживался с государством из-за посяга-

---

[307] *Webster Hutton*. Primitive secret societies… P. 75–78.

[308] *Скальковський А.О.* Історія Нової Січі… С. 522–523.

[309] ЦГИАК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 344. Л. 7–7 об. Подробнее о придворных группировках и их противоречиях во время решения вопроса о ликвидации Запорожской Сечи в 1774–1775 гг.: *Грибовский В. В.* Г. Ф. Миллер и Запорожская Сечь: о роли личности историка в истории // Cogito. Альманах истории идей. Вып. 6: Foundation. Ростов-н/Д., 2015. С. 311–337.

[310] *Tiger Lionel*. Men in groups. P. 137.

[311] *Калиновская К. П.* Возрастные группы народов Восточной Африки… С. 84.

[312] Там же. С. 96.

тельства на его монополию на насилие и нормировку отношений господства–подчинения, тая в себе *потенциальную возможность* создания новых иерархий и государств как институализирующей их системы.

Причерноморская степь с примыкающим к ней пространством, идущим далеко на восток, была ареалом тюркских, славянских и прочих мужских союзов, существовавших наряду с кочевыми обществами и политиями. Ни одно из прилегающих к степи седентарных государств до конца XVIII в. не располагало ресурсными возможностями, достаточными для того, чтобы охватить ее своей постоянно действующей администрацией и привести жизнь пребывающих в ней людей в соответствие с нормой, признанной внутри этих государств. Это – *негосударственное* пространство, пространство *мужских союзов*, впрочем – неразрывно связанное с внутренней жизнью всех этих государств, поскольку мужские сообщества создавались и пополнялись их подданными[313], обретавшими в этих сообществах новые идентичности, социальные связи и позиции. Еще Ф. Ратцель заметил, что у «полукультурных» государств периферия и «пограничные пространства оставляются *свободными* и служат даже *общими местами охоты*, но они служат и жилищами для враждебных государству сил различных *desperados* (по-испански: разбойники. – *В. Г.*); нередко *здесь* получают начало *новые государственные образования*»[314]. Африканист Ю. М. Кобищанов обратил внимание, что на периферии домодерных государств долго сохранялась архаика, вроде полюдья, давно утратившая значение в центральных районах[315]. В степных мужских союзах возникали новые иерархические взаимосвязи и вооруженные формирования, независимые от государственных властей. Обострение кризиса в государстве создавало благоприятные условия для выступления этих альтернативных сил на государственную территорию, ее переструктурирования, вплоть до создания новых государств и обществ.

По заключению Джу-Юп Ли, казакам (при всей их социокультурной разности) только в двух случаях удалось создать устойчивые государства и идентичности, которые в эпоху модерна стали основой для формирования современных наций; в первом – Казахское ханство и казахов (XV в.), во втором – Украинский Гетманат и украинцев (XVII в.)[316]. Возникновению Украинского Гетманата предшествовала политическая борьба украинского казачества в Речи Посполитой с конца XVI и в течение первой половины XVII в., в ходе которой вырабатывались идеи и представления о собственной территории, отдельном народе, его правовом статусе и праве участия в междуна-

---

[313] Царь Петр I саркастически напомнил гетману И. С. Мазепе в 1703 г.: запорожцы «не из трости родятца, только с Украины» (Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 2. СПб., 1889. С. 194).

[314] *Ратцель Ф.* Народоведение. Т. 1. С. 135–136.

[315] *Кобищанов Ю. М.* Полюдье: явление отечественной и всемирной истории цивилизаций. М., 1995. С. 7.

[316] *Joo-Yup Lee.* Qazaqlïq, or Ambitious Brigandage… P. 81, 90–93, 97, 119, 137.

родных отношениях[317]. Однако отправной точкой для Гетманата стало *избрание Б. Хмельницкого в гетманы на Запорожской Сечи* и возглавленное им выступление Войска Запорожского в 1648 г. Б. Хмельницкий попытался «заглушить» мужской союз Запорожья, давший мощный импульс для создания новой государственности. Он использовал систему контроля Сечи, выработанную к тому времени польской администрацией, усилил ее и устранил Запорожье от участия в принятии решений[318]. Но ему не удалось сделать то, что совершил Кронос с Ураном и Геей: Сечь продолжала «рожать» новых гетманов, расшатывавших те иерархии, которые Хмельницкий хотел установить раз и навсегда. «Показаченная» Городовая Украина также долго противилась тому, чтобы казацкие ранги утратили выборный характер и превратились в наследственные. Их держатели, в том числе и шляхтичи, как некий Кохановский, ставший сотником Коханенко, стремились упрочить свое положение – одни с помощью польского короля, другие – московского царя[319], что во многом определило раскол Гетманата по линии р. Днепр, войдя в резонанс с имперскими амбициями Варшавы и Москвы. В середине XVII в. завершилось размежевание украинского казачества на городовых (гетманских) и запорожских казаков[320]. Гетман И. С. Мазепа, опираясь на государственный аппарат Московского царства, продолжил политику Б. Хмельницкого по блокировке Сечи, но в ходе своего антимосковского выступления в 1709 г. именно в ней нашел наибольшую поддержку. Большинство гетманской старшины не поддержало И. С. Мазепу, рассчитывая на нобилитацию «в рамках российского общественного и политического устройства», ценой отказа от собственных «политических прав и аспираций»[321]. К середине XVIII в. в Гетманщине даже на уровне полков и сотен были более-менее устоявшиеся старшинские династии[322].

Выступления донских и яицких казаков не привели к созданию новых государств и национальных идентичностей[323]. В районах, контролируемых С. Т. Разиным в 1670–1671 г., управление не шло далее традиционного казачьего «круга», приводившего свой присуд немедленно в исполнение: «астраханских жителей изменников дети […] собирают круги и кто их не послу-

---

[317] *Брехуненко В.* Козаки на Степовому Кордоні Європи: Типологія козацьких спільнот XVI – першої половини XVIII ст. К., 2011. С. 83, 150–155, 165–174, 184.

[318] *Апанович О.* Українсько-російський договір 1654 р. Міфи і реальність. К., 1994. С. 15–17.

[319] *Мякотин В. А.* Очерки социальной истории Украины в XVII–XVIII вв. Т. 1. Вып. 1. Прага, 1924. С. 37, 69, 84, 86, 97.

[320] *Брехуненко В.* Козаки на Степовому Кордоні Європи… С. 105.

[321] *Джиджора І.* Україна в першій половині XVIII віку. К., 1930. С. 95.

[322] *Горобець В.* Влада та соціум Гетьманату. Дослідження з політичної та соціальної історії ранньомодерної України. К., 2009. С. 144–145.

[323] *Брехуненко В.* Козаки на Степовому Кордоні Європи… С. 101–106, 147; *Joo-Yup Lee.* Qazaqlïq, or Ambitious Brigandage… P. 88–89.

шает, бьют палкой и вешают за ноги»[324]. То же в Астрахани в 1706 г.: «собрався в круг, многолюдством выбрали в старшины […] Якова Носова с товарищи и, сыскав воеводу и поставя в круг, убили до смерти»[325]. Все государственные иерархические связи на этой территории рассыпались. С. Т. Разин говорил о себе как о «князе, рожденном свободным […], власть воеводы слабее моей». «По дорогам […] только и речи было, что об истреблении дворян: каждый крестьянин, каждый холоп умерщвлял своего господина и приносил его голову Разину […]. Поместья пустели […]. Благородное происхождение считалось главным преступлением», – писал Я. Стрейс[326]. «Круг» обрывал иерархии у донских казаков, не примкнувших в Булавинскому восстанию; с его же помощью «взрывалась» территория с устоявшимся помещичье-крестьянским укладом. Так, в 1708 г. булавинцы призвали крестьян с. Никольского Козловского уезда выбрать «меж себя атаманов и есаулов, и чтоб того и иных розных сел и деревень всяких чинов людей […] возмущать»[327].

Традиционное марксистское объяснение вышеизложенного «классовой борьбой» своим модернизаторским подтекстом умаляет значение древних институтов и не замечает их способность взрывать иерархии позднего порядка, возвращая социальные уклады к их изначальному состоянию. Э. Хобсбаум, характеризуя данное явление как «социальный бандитизм», отметил присутствие в нем архаики, вроде «сельских (rural) тайных союзов», а также необоснованность подгонки его под «социалистические схемы» в виде «предтеч» революций эпохи модерна; по причине отсутствия «организации и идеологии» «народная герилья» представлялась вершиной его возможностей[328]. Казачьи «герильи» на Дону и Яике лишь временно расстраивали государственное управление в этих регионах и провоцировали усиление государственной регламентации. Н. И. Костомаров заключил о Разинщине: «не было созидательных начал, не было духовных сил для отыскания удачных способов действия»[329]. Отличие Хмельничины от Разинщины и Пугачевщины заключалось именно в наличии собственной «идеологии и организации», что Хобсбаум считал существенным для различения «герильи» и общественных движений иного порядка. Но «идеология и организация» Гетманщины вырабатывались не на Запорожье, а в Городовой Украине, где культивировались идеи воссоздания «княжества руського». Обращением: «светлейший князь» Б. Хмельницкого приветствовал в Киеве иерусалимский патриарх Паисий в декабре 1648 г.[330] Поздний отголосок этой идеи

---

[324] Рукопись Петра Золотарева // Астраханский сборник. Астрахань, 1896. Вып. 1. С. 155.

[325] *Прокопович Феофан*. История императора Петра Великаго… С. 148.

[326] *Стрюйс И.* Извлечение из описания путешествия… С. 118.

[327] Булавинское восстание. Сб. док. С. 184.

[328] *Hobsbawm E. J.* Primitive Rebels. Banditry. Mafia. Millenarians. Anarchists. Sicilian Fasci. The City Mob Labour Sects Ritual. Manchester, 1971. P. 1–5, 23.

[329] *Костомаров Н. И.* Бунт Стеньки Разина. С. 335.

[330] *Крип'якевич І. П.* Богдан Хмельницький / ред. Ф. П. Шевченко, І. Л. Бутич, Я. Д. Ісаєвич. Вид. 2-ге, випр. і доповнене. Львів, 1990. С. 96.

отразился в «Вечном мире княжества удельного Киевского и Черниговского, и всего Войска Запорожского Низового, и народа малороссийского» с Крымским ханством, подписанном гетманом Петром Иваненко (Петрик) в 1692 г.; его главная задача сводилась к «отобранию от московские власти Малоросийской Украины»[331].

Запорожье оказалось быстрым «стартером» государствообразующего процесса, в смысле формирования рангов, собирания и первоначального структурирования войска, разрушения прежней государственной системы, перехода административных и судебных функций к органам, возникшим на основе этого структурирования. Но оно же было и сильным «тормозом» для складывания новой общественно-политической системы. В этом отношении запорожцы были схожи с донскими и яицкими казаками, также сгруппированными на основе мужского союза и также становившимися «детонаторами» мощных социальных взрывов.

К отличиям запорожцев от донцов и яицких казаков следует отнести нахождение под влиянием политической культуры Речи Посполитой, соотнесение себя с *рыцарством* – явлением, общим для всего европейского средневековья. В 1579 г. казацкое «рыцарское коло» (круг) на о. Томаковка (Днепровские плавни) избрало в гетманы Самуила Зборовского, «славного поляка, большой родовитости пана» (zacnego Polaka, wielkiego urodzenia pana), вручило ему гетманскую булаву и «оружие первых гетманов места того»; самовидец так передал обращение к нему: «Мы, милостивый государь (panie), знаем тебя *паном рыцарским* и *очень родовитым* (zacnie urodzonym), *что у нас мало значит*, только дело и сердце мужественное» определили его избрание[332]. Марксистское объяснение возникновения Запорожской Сечи как «процесса длительной борьбы казаков против польских и литовских феодалов»[333] не улавливает специфики этого явления – переструктурирования ранговых позиций, их *возвращения в изначальное состояние*, что, само по себе, не было классовым отторжением. Еще менее убедительными выглядят эссенциалистские утверждения о том, что «рыцарские идеалы легли в основу корпоративной идеологии и ментальности украинского казачества», как и западно-христианская идея *antemurale* против мусульман[334]. Риторика *antemurale* – боевой позиции пред стенами – действительно была характерна для таких предводителей казачества, как барский староста Бернард Претвич, обратившийся с посланием к королю

---

[331] РГАДА. Ф.123. Оп. 4. Д. 24. 1693 г. 15 л.

[332] Herby rycerstwa polskiego. Przez Bartosza Paprockiego zebrane i wydane r. p. 1584 / wydanie Kazimierza Józefa Turowskiego. Kraków, 1858. S. 158.

[333] *Голобуцкий В. А.* Запорожское казачество. К., 1957. С. 67.

[334] *Галенко О.* Лук та рушниця в лицарській символіці українського козацтва: до питання про східно-західні впливи на Україні в XVI–XVII ст. // Наукові записки. Національний університет «Києво-Могилянська академія». Т. 3. Історія. К., 1998. С. 49.

Сигизмунду Августу в 1550 г.[335]; на том же языке говорили в Варшаве и позднейшие казацкие гетманы. Но в Сечи был иной дискурс, далекий от идеологии и намеренно исключавший клише письменной речи.

На Запорожье не было *писанного закона*; здесь господствовало *обычное право*; должность писаря подлежала наибольшей регламентации, а грамотность не выставляли на показ. В 1788 г. черноморские казаки, набранные из бывших запорожцев, собравшись в круг для выбора кошевого атамана, настаивали на том, чтоб он *не был грамотным*, ибо «из письма и письменных людей нема добра, и вы […], запорожцы, ви[й]ско запорожское, пропадете от них». Когда присутствующий здесь российский чиновник Р. М. Цебриков указал на Антона Головатого, войскового *судью*, ранее бывшего *писарем* и теперь претендовавшего на атаманство (намеки на «письменных людей» адресованы ему), запорожцы сказали: «се жонатый и чор[т]зна що», напрочь отвергая его[336]. Отголоском запорожской традиции в Гетманщине было то, что писарь не считался ровней (товарищем) судье и в Генеральном войсковом суде должен был *стоя* «дела докладывать». В 1758 г. писарю такового Суда Йосифу Высоцкому в его ходатайстве о разрешении «бить писарю во всяком месте *равним судям урядником* и сидети и действовать обще з судями» было отказано: «а что он, писарь Висоцкий, показивает, будто би писари судовие здавна судям считались товарищами […], то как *показаніе оное невероятное*, так и просба есть излишняя»[337]. Запорожские писари не наделялись властью; в Сечи, во время *сходок* (совещаний) кошевого и старши́ны, писарь должен был стоять – «в сходке он не имел ни стула, ни лавы»[338]. Они редко становились героями каких-либо событий, за исключением случаев, связанных с документальной фиксацией владельческих прав на землю. Так, в 1759 г. отличился войсковой писарь А. С. Товстык, угрожавший коменданту крепости Св. Елизаветы (современный г. Кропивницкий, Украина) М. А. Муравьеву восстанием запорожцев, если не прекратится захват их территории[339]. На Запорожье канцелярский архив как отражение практик внутреннего управления сформировался только в период Новой Сечи (1734–1775). Из 365 его дел, сохранившихся до нашего времени, 285 приходятся на 1760–1775 гг., причем их абсолютное большинство связано с выполнением распоряжений правительства Российской империи[340].

---

[335] Український степовий кордон в середині XVI ст. (спогади барського старости Бернарда Претвича) / упор. О. Є. Мальченко. Запоріжжя, 1997.

[336] *Цебриков Р. М.* Вокруг Очакова. 1788 год. (Дневник очевидца) // Русская старина. 1895. Сентябрь. С. 167, 168.

[337] ЦГИАК. Ф. 51. Оп. 3. Д. 19245. Л. 24, 24 об., 25. Выражаю признательность Т. Л. Кузик за сообщение о данном документе.

[338] *Архімандрит Леонтій (Лука Яценко-Зеленський).* Подорожі на Запорозьку Січ… С. 24.

[339] Військовий писар Андрій Семенович Товстик. Зб. док. / упор., передм., ком. І. Л. Синяка. К., 2010. С. 11–12.

[340] Архів Коша Нової Запорозької Січі. Опис справ. 1713–1776. Вид. 2-е, доп. і випр. К., 1994.

«Круг» предстает фундаментальным институтом всех казачьих сообществ. С него начиналась любая «ватага» у донских казаков – собираемая будь то для охоты, добывания соли, перевозки товара, веселья и посещения друзей, занятия земли под «станичный юрт» для строительства «станичного городка» или военного похода. И всякий раз «круг» избирал атамана и есаула; на случай похода был предусмотрен более разветвленный «штат»[341]. Присутствие в нем дьяка (писаря) предназначалось для внешних сношений, а не регуляции внутри группы, какой бы большой она ни была. «Круги […], где каждый казак имел свободный голос […]; *никаких письменных постановлений*; в куль да в воду – за измену, трусость, убийство и воровство: таковы главные черты сего управления», – заключил о яицких казаках А. С. Пушкин[342].

Временные ватаги, сходившиеся для определенной цели, были основой группирования украинских низовых казаков до середины XVII в. Сбор пришедших весной с Городовой Украины на Запорожье, начинался с *рады* и выборов старших в определенном месте выше Днепровых порогов, а заканчивался разделом добычи в Днепровых плавнях[343] и расходом на зиму по домам. Во второй половине XVII в., когда Сечь окончательно сформировалась как постоянный центр запорожского казачества, устоялось проведение *Рады* по такому порядку: «Когда указ королевский (по том же царский) или посланник гетманский прибыл, или иное некое дело совета и управления требовало, тогда первее выстрелено из пушки, чтоб оные луговые и лесные жители услышали, по том же в литавры бито, на который голос сходилась вся чернь на майдан […] пред церковь, и там […] под распущенною хоругвою становился кошевый с […] своими генеральными [старшинами], *а чернь кругом обступала*. Тогда *писарь указы или письма присланныя прочитовал вголос*, или дело некое к совету предлагаемо было; а кошевый *смиренно вопрошал собранную чернь*, чему быть приговорити изволят, и на что гораздо бóльшая часть согласится, тому и быть»[344].

Типичный пример сезонной ватаги у донских казаков показан в допросе Василия Клепикова, жителя Козловской стрелецкой слободы, в 1682 г. Он участвовал в «зборе воровской станитцы» на Дону, избравшей атаманом Илью Иванова и есаулом Ивана Длинного (он же Терской). Станица насчитывала «с полтретяста» донских и хоперских казаков, также «с дватцать» коротоякских и острогожских черкас. Грабили струги торговых людей на Дону, принимали к себе гребцов с них – одних «своею охотою, а иных де брали неволею». Понеся потери в перестрелке с донскими казаками, «собра-

---

[341] *Сватиков С. Г.* Донской войсковой круг (оттиск) // Донская летопись. № 1. 1923. С. 170.

[342] *Пушкин А. С.* История Пугачева // *Он же*. Полное собр. соч. в 17 т. Т. 9. Кн. 1. М., 1995. С. 9, 89.

[343] *Боплан Г. Л. де.* Описание Украины / пер. с фр. З. П. Борисюк; ред. пер. А. Л. Хорошкевич, Е. Н. Ющенко. М., 2004. С. 175, 191–193, 267.

[344] *Прокопович Феофан*. История императора Петра Великаго… С. 237.

лись в спехе со ста с сорок человек», избрали атаманом Ивана Терского и есаулом Льва Кобыльника, донских казаков. Они послали В. Клепикова для подговору жителей городов Козлов и Тамбов присоединяться к ватаге, дабы, «собрався многолюдством», идти на Волгу, оттуда – на Терек. Допрос другого участника «воровской станицы», Ивана Болдырева, беглого крестьянина Воронежского уезда, уточнил: прежнего атамана они «раненова покинули» и «*передумали* де в *кругу* […] на речку Миюс и на Озовское море не итит, а хотели де итит к государевым украинным городом врознь для житя, кои где пристанет»[345]. Последнее решение, видимо, вызвано отсутствием «многолюдства», необходимого для успешного промысла.

Постановка в круг для принятия важного решения была характерна для нестратифицированных сообществ или в случаях, когда сословная принадлежность собравшихся не имела значения. Это отмечено в середине XIX в. у адыгов: до 600 *черкесов*, пришедших *из разных селений*, сходили с коней и в полном вооружении *становились в круг*, внутри которого находились «начальники», сидящие на соломенных вязанках[346]. Круг как символ равной отдаленности от центра, соответствовал устройству «демократических горских обществ», избавившихся от наследственной знати. Адыгский писатель Хан-Гирей отметил «обычный устав соприсяжного собратства», передав его смысл так: «Человека, переходящего […] из другого племени по каким бы то ни было обстоятельствам, какого бы он ни был рода и звания, с семейством или без семейства, должно *принимать в сочлены того рода*, к которому беглый явится, и водворять его, дав ему для этого необходимое вспомоществование, приводя причем присяге, состоящей в том, чтобы быть верным новому своему обществу и исполнять основные того рода, или фамилии, условия […]. Этот устав […] был *гробом власти высшего класса* во всей Закубанской Черкесии»[347]. Конечно, здесь речь идет о *принятии в род*, но для приема чужака на Северном Кавказе традиционно использовали *кунацкую* (отдельный дом или комната в семейном доме) или *общий дом* (годекан, ныхас и др.), который являлся центром управления кавказских селений, имел гостевую функцию и был запретным для женщин[348]. Ю. Ю. Карпов определил кунацкую как элемент мужского союза; ее обладатель, принимавший гостей, пользовался большим авторитетом в общине, представлял

[345] Степове порубіжжя XVII – поч. XVIII ст. у документах Державного архіву Воронізької області РФ / упор. В. Грибовський. К., 2016. С. 19–21.

[346] Документальные материалы, собранные профессором Сиотоковым к работе «История борьбы магометанства и христианства в XIX веке за свое влияние на Западном Кавказе» // ГАКК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 17. Л. 11.

[347] *Хан-Гирей*. Записки о Черкессии / вст. ст., подготовка текста к печати В. К. Гарданова и Г. Х. Мамбетова. Нальчик, 2008. С. 245.

[348] *Гутнов Ф. Х.* Горский феодализм. Ч. 3. Северный Кавказ в XIII–XV вв. Владикавказ, 2014. С. 198, 204.

свои семейно-родовые группы в «общем доме», т. е. мужском союзе[349]. Возвышение семьи и рода было невозможным без связей, выходящих за их пределы. Мужские союзы с их престижеобразующей функцией поддержания официальных и неофициальных рангов могли составлять важный элемент управления семейной общиной, параллельного местной государственной власти. Они же могли входить в противоречия с последней, быть «гробом власти высшего класса», т. е. размывать влияние наследственной знати. Последняя же, если не имела опоры на некие государственные структуры, была вынуждена участвовать в мужских союзах и, следуя их правилам, заботиться о своем престиже.

Кавказские «артели» пахарей, косарей, чабанов и др., отлучавшихся от своих семей на длительный срок, по сути, были мужскими союзами, схожими с запорожскими и крымскотатарскими сезонными группами. Они строили временные коши, походившие на военный лагерь. Руководил кошем пахарей выборный *тамада*, обладавший теми функциями, что и атаман в коше крымских чабанов. Внутри коша сооружали шалаши, отдельный – для тамады, где устанавливали знамя – *вакIуэ бэракъ* (тюркское: байрак), хорошо охраняемое, поскольку его похищение считалось позором для «артельщиков» и предвещало бедствия для их селений. Из этих кошей отряжали вооруженные караулы, которые могли объединяться с караулами других кошей для совместной охраны горных перевалов, защиты от разбойников и т. д. Кроме того, у адыгов существовали сезонные коши (с осени до весны) не хозяйственного, а инициационно-наезднического назначения. В них собиралось до сотни *молодых удальцов*, проводивших время в пирах, озорстве и набегах на окрестные аулы. По окончании сезона происходил раздел добычи; величина доли зависила от старшинства в группе, но не сословного положения. Представитель знати, присоединившийся к этой группе, не должен был выдавать своего положения; его нельзя было обижать или подвергать риску. Но если он хотел полноценной славы, то участвовал в набеге на равных; тогда все его товарищи надевали маски. Ранговые позиции, обретенные в коше (также независимо от происхождения участников), *теряли силу* с возвращением в родные дома. По пути домой «удальцы» одаривали встретившихся им на пути односельчан, в ответ на их приветствие[350].

Поиск соответствий казацкого «круга» неизбежно приводит к монгольскому слову *курень*. По сообщению Рашид ад-Дина, «когда какое-нибудь племя останавливалось в какой-либо местности, оно [располагалось] *наподобие кольца*, а его старейшина находился в середине [этого] круга […]. Это и называли курень»[351]. В этом случае речь не идет об эгалитарной группе, а о построении кочевого коллектива в случае военной опасности; его Чингисхан положил в основу структурирования своего вой-

---

[349] *Карпов Ю. Ю.* Джигит и волк. Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб., 1996. С. 26–27.
[350] Там же. С. 78–83.
[351] *Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. М.; Л., 1952. С. 86.

ска и «народа», поделенного на 13 куреней[352]. У запорожцев *курінь* означал одновременно и дом, и сплоченное сообщество находившихся в нем мужчин, причем запорожские курени (в XVIII в. – 38) располагались вокруг церкви и майдана внутри Сечи, образуя ее радиальную структуру. В. В. Дубровский (1927), проанализировав основные версии толкования слова «курень» применительно к Запорожью, объяснил его как «контаминацию на украинской основе двух созвучных терминов: 1) уйгуро-монголо-джагатайского “кўрӓн” в значении – лагерь […], военная единица; 2) староукраинский *курінь* (*курний*) в значении хаты с отоплением […], жилищная казацкая единица»[353]. Конечно, курень как *жилище в диком краю* (то же – шалаш), а не крестьянская «курная изба», выбивается из этого объяснения. Следует добавить, что расположение запорожских куреней *вокруг* центра Сечи и обозначение словом «курінь» устойчивых групп запорожцев близко к тому, что написал Рашид ад-Дин.

Слово «кош» запорожцы заимствовали из тюркской среды. Его следует отнести к самой ранней номенклатуре днепровского казачества. Посланный от императора Священной Римской империи Е. Лясота фон Стеблов в 1594 г. слово «сечь» не зафиксировал, а писал о «feldlager» – полевом лагере казаков. Хижины (hütten), в одной из которых ему пришлось жить, судя по его записи, казаки называли «кошами» (Koczen)»; их делали из палок, обтянутых конскими шкурами. Собрание всех казаков передано названиями: *общее коло* (offentlich in Kolo), т. е. круг, и *открытое коло* (in offnen Kolo). Были еще большое и малое коло, включавшие и исключавшие простых (Czerna – «чернь») казаков; здесь предварительно обсуждали вопросы для вынесения на *общее коло*. Особенную власть имели *яссавулы* (Jassawuli), которые палками располагали казаков в *коле*; их Лясота уподобил австрийским лейтенантам. Во главе казачества стоял *гетман* (Haubtman), который вел себя предельно осторожно в *коле*, строго соблюдая вполне демократические процедуры[354]; атаманов этот самовидец не упомянул. Позднее слово «кіш» (кош) обозначало главный орган управления Войска Запорожского, который мог находиться и в Сечи, и в любом другом месте[355]; Сечь же была стационарным объектом. Слово «кіш» у жителей исторического Запорожья сохраняло значение лагеря до 1950-х годов. Местные рыбаки, отправлявшиеся в днепровские плавни на несколько дней, устраивали *кіш* на каком-нибудь острове, ставили *курінь* (шалаш или

---

[352] Там же. С. 86–87.

[353] *Дубровський В. В.* Про деякі татарсько-українські терміни й про гіпотези М. Слабченка // *Кочубей Ю. М.* В. В. Дубровський як сходознавець. К., 2011. С. 388.

[354] Tagebuch des Erich Lassota von Steblau. Nach einer Handschrift der von Gersdorff-Weichaschen Bibliothek zu Bautzen herausgegeben und mit Einleitung und Bemerkungen begleitet von Reinhold Schottin. Halle, 1866. S. 210–223.

[355] *Скальковський А.О.* Історія Нової Січі… С. 60.

палатку), оставляли здесь *отамана*, делом которого было *готовить пищу*, руководить ходом промысла и отдыхом рыбаков[356].

Итак, Э. Лясота передал двухступенчатую иерархию днепровских казаков, представленную *гетманом* и *яссавулами*. О той же связке: старший (атаман) + есаул шла речь в изложенном выше о ватагах и станицах у донских казаков. Эта связка, по всей видимости, была первичной и у запорожцев; все позднейшие ранги надстраивались на ней. Еще раз обратим внимание на запись второго ранга: Jassawuli. Г. П. Снесарев, анализируя мужские союзы Средней Азии, отметил, что названия их предводителей могли варьироваться (агабий, бек, бобо и др.), но обозначение их помощника оставалось неизменным – *ясовул*, поскольку происходило от общетюркского корня: «ясов» – строй, боевой порядок[357]. А. К. Кушкумбаев, развивая тезис о том, что в основе военных институтов евразийских кочевников лежит облавная охота, предполагавшая участие большого числа вооруженных людей, их сложную организацию и управление, также заметил, что названия высших рангов менялись, но обозначение среднего командного звена оставалось неизменным: *йасаул*, *жасауыл*, *ясаул*, *есаул*[358]. У туркмен есаулы возглавляли отряды, численностью от 20 до 1 тыс. чел., которые не принадлежали к *дружинам* туркменских сердаров, а происходили из *разных* «родов»[359].

В причерноморской степи казаки были не единственным мужским сообществом. Таковые можно обнаружить среди военизированных групп на границах Османской империи – *газиев*, «борцов за правую веру». Однако их вера вызывала подозрение у суннитских законников, ибо вдохновлялась древними эпосами и проповедями неофициальных духовных лидеров – дервишей, суфиев и др.[360] Чертами «борцов за веру» современники наделяли и запорожцев[361], хотя некоторые, такие как С. Сарницкий, называя их «черкасами», считали едва ли не мусульманами[362] или иронизировали над состоянием их религиозности[363]. Элементы сугубо языческого характера

---

[356] *Грибовський В. В., Приймак О. М.* Козацтво в усній традиції Нікопольщини // Козацька спадщина. Альманах Нікопольського регіонального відділення НДІ козацтва Інституту історії України НАН України / ред. В. В. Грибовський. Вип. 1. Нікополь; Запоріжжя, 2005. С. 167.

[357] *Снесарев Г. П.* Традиция мужских союзов… С. 159–160, 168, 174–177.

[358] Там же. С. 34–36.

[359] *Ботяков Ю. М.* Аламан. Социально-экономические аспекты института набега у туркмен (середина XIX – первая половина XX века). СПб., 2002. С. 4.

[360] *Pedani Maria Pia.* The border from the Ottoman Point of View // Tolerance and intolerance on the Triplex Confinium. Approaching the «Other» on the Borderlands Eastern Adriatic and beyond 1500–1800 / edited by Egidio Ivetic and Drago Roksandić. Padova, 2007. P. 195–196, 199–200.

[361] Поема про Івана Сірка… С. 173, 182.

[362] *Плохій С.* Наливайкова віра: Козаки та релігія в ранньомодерній Україні. Вид. 2-е, випр. та доп. К., 2006. С. 136–137.

[363] *Архімандрит Леонтій (Лука Яценко-Зеленський).* Подорожі на Запорозьку Січ… С. 19, 29, 41 и др.

заметны в действиях С. Т. Разина: жертвоприношение «княжны» Волге[364], его склонность топить «врагов» в реке, «наполнив желудок песком»[365], нарочитое употребление его казаками запрещенной в пост пищи, «матерное ругание» и сожжение митрополита Иосифа[366] и мн. др.

Кроме *газиев*, среди воителей османского пограничья отмечены и *делии* (буйные, безумные). В середине XVI в. упомянуты частые приезды в Стамбул «пограничных людей», которые «зовутся у них *делиями*»; примечали их по тому, что они никогда не снимали шпор, даже когда ходили пешком, украшали себя пером белого журавля и носили «громоздкие доспехи, дабы видно было украинного витязя»[367]. «Дели султаном» называли сына крымского хана Девлет-Гирея II – Бахты-Гирея, который в течение второго и третьего десятилетий XVIII в., не имея официального статуса, *без опоры на какие бы то ни было государственные институты* производил сильные нападения на российские владения и оказывал большое влияние на Крым и Северно-Западный Кавказ[368]. Прозвищем «дели хан» был наделен Крым-Гирей, занявший крымский трон в 1758 г., опираясь на восставших ногайцев[369]; он был известен шумными пирами[370] и большими военными амбициями. Вполне вероятно, что оба они именовались «дели» не только из-за буйного нрава, но и стиля жизни.

К номенклатуре того же ряда следует отнести и *черка(е)сов*, и украинцев[371], и адыгов; вероятно, так обозначались *вооруженные люди без*

---

[364] *Стрюйс И.* Извлечение из описания путешествия… С. 116.

[365] Копия с письма, писанная неизвестным лицом на корабле «Орле», стоящим на якоре под Астраханью // Астраханский сборник. Астрахань, 1896. Вып. 1. С. 133.

[366] Рукопись Петра Золотарева. С. 154, 163.

[367] Podróże i poselstwa polskie do Turcyi, a mianiwicie Podróż E. Otwinowskiego 1557, Jęndrzeja Taranowskiego komornika j. k. m. 1569, i Poselstwo Piotra Zborowskiego 1568 / Przygotowane do druku z ręnkopismu przez J. I. Kraszewskiego. Kraków, 1860. S. 23.

[368] *Грибовский В. В., Сень Д. В.* Бахты Гирей и проблема стабилизации границ Российской и Османской империй в первой трети XVIII в. // Wschodni rochnik humanistyczny. T. 8. Lublin; Radzyń Podlaski, 2012. С. 85–115; *Они же*. Кубанский султан Бахты-Гирей: феномен нелегитимной власти в Крымском ханстве первой трети XVIII в. // Тюркологический сборник / ред. кол. С. Г. Кляшторный, Т. И. Султанов, В. В. Трепавлов. 2011–2012. М., 2013. С. 92–137.

[369] *Грибовский В. В.* Управление ногайцами Северного Причерноморья в Крымском ханстве (40–60-е годы XVIII в.) // Тюркологический сборник. 2007–2008. ред. кол. С. Г. Кляшторный, Т. И. Султанов, В. В. Трепавлов. М., 2009. С. 83–84.

[370] *Халим Гирай-султан*. Розовый куст ханов, или история Крыма / транскрипция, перевод переложения А. Ильми; составление приложений и пояснения К. Усеинова; под ред. Н. С. Сейтягьяева. Симферополь, 2008. С. 157.

[371] В московских документах первой половины XVII в. среди перешедших из «Литвы» ратных людей «черкасы» упоминаются наряду с «днепровскими казаками» как нетождественные категории (*Ковальский Н. П.* Источниковедение истории Украины XVI–XVII вв. Ч. 2. Анализ дореволюционных отечественных публикаций источников. Учеб. пос. по спецкурсу. Днепропетровск, 1978. С. 37–38).

статуса. Как, например, «рыбаки из *черкасских татар* из города Терки»[372], которые, конечно, не были адыгами (прилагаемое к ним слово «черкес» этнизировано без научных оснований).

Инициация, реципрокация, престиж

Мужские сообщества сохраняли весьма архаичные структуры внутригрупповых отношений и верований, скрываемых под толщей поздних социально-религиозных напластований. Выход «добрых молодцев» в степь, лес и любое другое необжитое пространство, свободное от этих наслоений, как заметил В. Я. Пропп, обусловлен обрядом посвящения в мужских союзах, отраженным в волшебной сказке[373]. Инициация всегда включала в себя представление об «умирании» и «воскрешении» в новом качестве, нахождении в «бесплотном», переходном, пограничном состоянии. Отсюда – повсеместное употребление алкоголя в мужских союзах и пребывание в ситуации, связанной со всевозможными испытаниями и риском для жизни. Отсюда – и нахождение мужских союзов на границе «обжитого» мира.

Принципы группирования мужских союзов хорошо прослеживаются на примере *жоро бозо* у киргизов – собраний сверстников в осенне-зимний период, центральным элементом которых было распитие бузы. Лидер группы, *бий*, определял очередность подготовки пиров ее членами. Тот, кому выпадала такая честь, выносил из своей юрты утварь, в центре ее ставил корыто для бузы (жатаган), длиной до 2 м, с двумя большими казанами по краям, пополняемыми из него, заготавливал одну большую (около 1,5 л) и много малых деревянных чаш. Во время пира все располагались согласно рангам: *бий* – на почетном месте напротив входа, *сол аталык* и *он аталык* – слева и справа от него, у дверей – два *эшик агасы*, тут же лежа – *эрке бала*, *кӧл бӧгӱ* и *кесе гӱл* садились в центре у котлов с бузой. Порядок распития тоже соответствовал рангам и предусматривал выкрики боевого клича группы; большая чаша шла по кругу под шутки, песни и сказки. Нарушителю порядка вменялись штрафные поручения (вроде поймать муллу, привести его в юрту и насильно напоить бузой). Каждый прохожий мог заглянуть в эту юрту и попросить выпивки, принимая роль *саламчы*; и получал ее с разрешения *бия* после испытания, приправленного острыми шутками. Цикл пиров завершал *бийлык жоро бозо* – особо пышный пир, устроенный *бием*; к обилию яств и питья добавлялись скачки, борьба и др., в которых мог принять участие любой желающий, а не только члены *жоро бозо*. Что еще важно, это собрание считалось удачным, если в него входило 40 чел.[374] «Выйдя из юрты, где проходила пирушка, – пишет Г. Н. Симаков, – ее участники имели возможность *забыть о своей причастности к этому сборищу*. Тем не

[372] *Олеарий А.* Извлечение из описания путешествия… С. 94.

[373] *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки / научн. ред., текстологич. комм. И. В. Пешкова. М., 2000. С. 37–38, 66–67.

[374] *Симаков Г. Н.* Общественные функции киргизских народных развлечений в конце XIX – начале XX в. Л., 1984. С. 162–166.

менее, это были объединения, которые на довольно длительный период *сплачивали мужчин* того или иного аила и противопоставляли себя женской части населения, непосвященной молодежи и старикам»[375].

Собрания по типу *жоро бозо* показывают автономность мужских союзов по отношению к своим общинам, открытость для приема чужаков, реципрокность как основу формирования/поддержания рангов внутри группы, авторитета этой группы в общине и за ее пределами. Эта первичная форма организации власти постоянно воспроизводила самую себя в изначальности, создавая вызов для иерархических систем, установившихся на «семейной» территории и защищавших свое положение, но уже не реципрокными, а редистрибутивными и рыночными средствами, облекавшимися в религиозную и правовую оболочку. Эти процессы слабо отражены в документах и почти не определены терминологически. Поздние отголоски этих институтов хорошо видны по описаниям XIX – начала XX в. К этому времени данные институты из социально-политических превращались в досугово-праздничные, утратив первоначальный смысл, но частично сохранив форму. Ретроспективный анализ, исходящий из рассмотрения этих остаточных форм, возможен лишь с привлечением сравнительного материала, отражающего общества, в которых эти институты еще имели социальное и политическое значение.

В сравнении с киргизским *жоро бозо* крымская *бузня* XIX в. представляет дальнейшее угасание этого института. В 1850 г. ее описывали как обычный «питейный дом», где продавали выпивку за деньги. Здесь, у большого чугунного казана с киснущей бузой («пшенное вино»), собирались молодые люди из крымских татар, рассаживаясь на длинных лавках. Перед каждым стояла небольшая сальная свеча – «роскошь мусульманских денди» и огромная чаша бузы; все беспрестанно курили табак под игру музыкантов[376]. Смысл этих посиделок феодосийский учитель М. И. Дмитревский около 1820 г. объяснил так: татары, особенно молодые (улан), любят хорошо выпить; *тот, кто хотел* угостить своих приятелей, звал их в бузню; перед ним ставили *свечу – знак его старшинства*; кто не выпивал всей чаши – с того снимали шапку и прогоняли прочь, пока главарь компании не прощал его[377]. В крымской бузне также придерживались строгого этикета: пирующие принимали позу, в которой сидел старший, и следили за ее переменой, рискуя подвергнуться осмеянию и штрафу за невнимательность. О том же

---

[375] Там же. С. 167.

[376] *Данилевский Г.* Письма из степной деревни // Библиотека для чтения, журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод. Т. 104. СПб., 1850. С. 260.

[377] *Дмитревский М. И.* Карта Крыма или краткое описание татар и других народов в Тавриде живущих… // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Мих Q. 393. Л. 15 об.

значении позы старшего за столом у крымских татар сообщает источник XVI в.[378]

Итак, старшинство в мужском возрастном классе во многом определялось реципрокным актом организации пира, пусть даже он происходил в заведении, функционирующем на рыночной основе. К. П. Поланьи, выделивший три формы социально-экономической интеграции – реципрокацию, редистрибуцию и рынок, отметил, что все они в разной силе могут проявлять себя в одном месте одновременно. Рынок, в описанном Адамом Смитом виде саморегулирующей системы, возникает тогда, когда труд, земля и деньги становятся товаром. До этого момента разделение труда обусловливалось «различиями, заданными полом, географией и индивидуальными способностями»[379]. Крымскотатарский обладатель сальной свечи *не покупал свое старшинство*, оплачивая угощение своих товарищей, а предпринимал для обретения престижа «социально значимые акты реципрокного поведения», которые основываются на «симметрических формах социальной организации»[380]. «Человек действует не для того, чтобы обеспечить свои личные интересы в сфере владения материальными благами, – писал К. П. Поланьи, – он стремится *гарантировать свой социальный статус, свои социальные права, свои социальные преимущества*. Материальные же предметы он ценит лишь постольку, поскольку они служат той цели»[381].

Употребление алкоголя пирующей группой (далекое от пьянства как социальной девиации) следует считать *наиболее чистой формой реципрокного поведения* (сродни обмену бесполезными ракушкам-каури), свободной от долгосрочных обязанностей на *редистрибутивной* основе. Однако, как утверждал М. Д. Салинз, реципрокность может легко перерасти в редистрибуцию, которую «можно понимать и как форму реципрокности. Она и санкционируется как централизация реципрокностей»[382]. Но реципрокность сама по себе далека от рыночного акта, поскольку ни одна из сторон, обменивающихся угощениями, не получает от этого никаких новых материальных благ. На этом основании ее можно отождествить с комплексом *кула*, описанным Б. К. Малиновским в Меланезии как механизм формиро-

---

[378] *Гваньїні Олександр.* Хроніка європейської Сарматії. С. 699. О бузне подробнее: *Грибовський В. В.* Буза, горілка і кава в чоловічому просторі кримськотатарського міста кінця XVIII – першої половини XIX ст. // Фронтири міста: історико-культурологічний альманах / ред. В. В. Грибовський. Вип. 1. Дніпропетровськ, 2012. С. 58–81.

[379] *Поланьи Карл.* Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени / пер. с англ. А. А. Васильева, С. Е. Федорова и А. П. Шурбелева. СПб., 2002. С. 56.

[380] *Он же.* Экономика как институционально оформленный процесс // «Великая трансформация» Карла Поланьи: прошлое, настоящее, будущее: сб. ст. / под ред. Р. М. Нуреева. М., 2006. С. 53.

[381] *Он же.* Великая трансформация… С. 58.

[382] *Салинз Маршалл Д.* Экономика каменного века. М., 1999. С. 129.

вания/поддержания престижа и социальных связей, но никак не аккумуляции материальных ценностей[383]. Гость, принимаемый мужским союзом, не мог отказаться от угощения, как и меланезиец – от участия в *кула*. Намерение гостя заплатить, т. е. перевести межличностную реципрокность в безличный рыночный акт, считалось оскорблением. Пиры князя и его дружины (=хана и батыров), хотя и были связаны со сложным комплексом социальных отношений, но именно как пиры, являлись актом реципрокности. Поэтому оценка «совместного распития представителями разных слоев общества […] алкогольных напитков» как «*платы* руководителя […] подчиненным ему людям»[384] – ошибочна.

Коллективное употребление спиртного было исключительно важным для группирования мужской молодежи. Общественные пиры на «семейной территории», с участием людей разных возрастов и полов, конечно, проникнуты тем же духом единения. Однако в мужских союзах распитие хмельного имело еще и значение инициации – подвешенного состояния, перехода между тем и этим. У осетинов пиво-*ронг* давали мальчикам, дабы «заглушить запах [материнского] молока»[385]. Исключение алкоголя в мусульманской среде, как, например, у приазовских ногайцев в начале XIX в., не распространялось на мужскую молодежь, распивавшую хмельное в отдалении от своих аулов[386]. Эта практика оставалась принципиально важной даже тогда, когда мужской союз обретал некую спортивную «специализацию». Например, на Северном Кавказе борцовские братства *зерокьр бахIру* включали мужчин в возрасте от 18 до 40 лет, числом 10 и более человек, жителей одного или нескольких соседних селений. На зимний период они обосновывались в доме одного из сельчан, избирали главу – *тамада* или *лъарахан*, следившего за всем распорядком. Борцы постоянно тренировались и отлучались лишь по пятницам для коллективного посещения мечети. Женатым или вовсе запрещали наведываться в свои семьи, или разрешали раз в месяц, дабы «не расточить силу» до весны, когда происходили борцовские состязания. Накоплению силы способствовало усиленное питание и обильное потребление пива-*зеру*[387].

---

[383] *Малиновский Бронислав.* Избранное: Аргонавты западной части Тихого океана / пер. с англ. М., 2004. С. 113, 184–185, 196.

[384] *Гатин М. С.* Об употреблении алкогольных напитков кочевниками Улуса Джучи Великой Монгольской империи в XIII в. (по сведениям нарративных источников) // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2013. Т. 155. Кн. 3. Ч. 2. Казань, 2013. С. 56.

[385] *Бобровников В. О., Дмитриев В. А., Карпов Ю. Ю.* Деревянная утварь авароандо-цезских народов Дагестана: поставцы, сосуды, мерки // Культурное наследие народов Центральной Азии, Казахстана и Кавказа / ред. В. А. Прищепова. СПб., 2006. С. 18–19, 21.

[386] *Корнис П.* Краткий обзор положения ногайских татар… С. 18.

[387] *Бобровников В. О., Дмитриев В. А., Карпов Ю. Ю.* Деревянная утварь… С. 20.

Запорожцы изумляли современников обилием выпиваемого хмельного. Как и аварские мужчины[388], и киргизы в *жоро бозо*, они использовали специальную посуду для коллективного распития алкоголя[389], а большая *обчиська люлька* запорожцев (общественная курительная трубка), украшенная цветными бусами и драгоценными камнями[390], выводит на параллели, географически еще более отдаленные. Пребывание запорожцев в хмельном состоянии («кружлять горілку» – пить водку, пуская чарку *по кругу*), их кровавые драки и сквернословие во время выборов кошевого атамана и старши́ны, накладывание снега или грязи на голову новоизбранных, их вербальное унижение[391] следует отнести к той же инициационной «подвешенности», знаменующей «умирание» прежнего состояния посвящаемого и его «рождение» в новом качестве.

Собственно реципрокным актом было употребление алкоголя во время *статусных демонстраций*, происходящих после раздела военных трофеев или продажи добытого в мирных промыслах: «Оное ж Войско Запорожское, егда услышат татар или поляков в слабом состоянии и неосторожности, то собрався […] в немалой силе […] нападения чинят и […] получают себе великую добычь, отганяют у них множество лошадей и скота, а самих татар рубят и в полон берут […] и делят между своей партии по всем обычаям […]. И *по разделе бывает у них великое веселие*, и многие дни гуляют, едут и ходят по улицам [Сечи], крычат *объявляя свою храбрость*, и за ними носят в ведрах и котлах вареное с медом и холодное хлебное вино […], а за ними ходит преогромная музыка и школники с пением, ежели *кто с ними встретитца, то всех подчивают и просят на горилку и на протчее питие*”, – писал С. И. Мышецкий в начале 1740-х годов[392]. Превращение денег в спиртное, обильное его потребление и угощение им каждого встречного, демонстративная порча личного имущества, как, например, расстилание дорогой шубы на грязи, шерстью наружу[393], – это тот же *потлач* – внешне бескорыстный дар и безоглядная расточительность, что под наивной мишурой таили сильное *обязывающее воздействие*[394] – единственно возможное при отсутствии условий для организованного принуждения.

---

[388] Там же. С. 18–19.

[389] *Яворницький Д. І.* Запорожжя в залишках старовини і переказах народу. Ч. 2. С. 43.

[390] Там же. С. 13.

[391] *Архімандрит Леонтій (Лука Яценко-Зеленський).* Подорожі на Запорозьку Січ С. 26–29.

[392] О казаках запорожских, как оные издревле зачалися и откуды свое происхождение имеют и в каком состоянии ныне находятся // РГАДА. Ф. 119. Оп. 132. Портф. 2. Л. 22.

[393] *Архімандрит Леонтій (Лука Яценко-Зеленський).* Подорожі на Запорозьку Січ… С. 39.

[394] *Мосс М.* Опыт о даре // *Он же.* Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / сост., пер. с фр., предисловие, вступит, статья, комментарии А. Б. Гофмана. М., 2011. С. 169–170.

Реципрокность, как доказал М. Мосс, может уживаться с рынком и переходить в него[395]. Но все же рынок и реципрокация остаются разными системами, даже если соответствующие им акты один и тот же áктор производит в одно и то же время. Запорожцы вполне успешно включались в рыночные отношения. Казак, на Сечи изображавший из себя расточительного пьяницу, глупца и кривляку, мог моментально «включить» совершенно трезвый, рассудительный и серьезный «регистр». «Нередко случается, – писал современник, – что те же старшины, казавшияся в Сечи запорожской ничего не понимающими […], выезжают в Малороссию с хорошими капиталами и происходят в чиновники. А с тем чином вместо того, что он в Сечи запорожской не знал грамоте российской, вдруг рождаются и другая науки»[396]. Нахождение запорожца в разных средах как раз и предполагало «переключение регистров». Однако женитьба и оседлость меняли казака совершенно. В 1772 г. запорожский войсковой судья Н. Косап сетовал на поселившихся в форштадте Александровской крепости (современный г. Запорожье, Украина) «разных женатых казаков и обывателей», которые, «оставя свою должность и самые жилья и лакомясь на прибыли, утесняя холостых запорожских казаков…». В. И. Мильчев, приведший этот пример массового нарушения «запорожского целибата», обратил внимание, что запорожцы считали его «пошестью корыстолюбия», сокращающего действие того порядка, что был свойственен холостим сечевикам[397]. «Люди осемьянившиесь – не те уже *марнотратцы*, которые все, что ни собрали каким бы то образом ни было, расточали. Они теперь, по-видимому, трудолюбивее», – отмечено в отношении черноморских казаков в 1804 г.[398]

Итак, причерноморское степное пограничье до последней четверти XVIII в. оставалось свободным от государственной регуляции и сохраняло традиционный уклад, основанный на реципрокации. На принципе «взаимности» зиждились и набеговые практики, существенно отличавшиеся от войн, которые вели колониальные европейские державы. В. А. Брехуненко резонно отметил: «освоение Степной Границы Европы [казаками] *не стало источником накопления ресурсов*, хотя бы приблизительно сопоставимым с доходами от овладения Новым Светом […]. Есть основания для […] утверждения об отсутствии непосредственного трансформационного давления на украинский и московский социумы со стороны собственно фактора экономической эксплуатации Границы»[399]. Земля, занятая украинскими и российскими казаками, не превращалась в товар, владельческая циркуляция которого фиксировалась под определенным суверенитетом, как это было в Северной Америке. Она оставалась сферой традиционных казачьих

[395] Там же. С. 138, 141.
[396] Записки генерал-фельдмаршала кн. А. А. Прозоровского… С. 351.
[397] *Мільчев В.* Соціальна історія запорозького козацтва… С. 339.
[398] РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. 1804 г. Д. 246. Л. 8.
[399] *Брехуненко В.* Козаки на Степовому Кордоні Європи: Типологія козацьких спільнот XVI – першої половини XVIII ст. К., 2011. С. 33.

промыслов и распределения угодий по типу общинного, чего не было в Новом Свете.

Реципрокация лежала в основе набеговых практик запорожцев и их тюркских соседей, не сводимых ни к «этническим чисткам», ни к «борьбе против иноземной агрессии», ни к грабежам с целью получения коммерческой прибыли. Все эти мотивации, обильно проецируемые национальными историографиями на степное порубежье XVI–XVIII вв., как и зеркальные по отношению к ним неоимперские проекции[400], не раскрывают смысла реципрокальности. Источники отмечают нарочито «легкомысленное» отношение запорожцев к своей жизни и имуществу: «А круг своей Сечи, – отмечено около 1740 г., – никаких форпостов и разездов, для присмотру неприятеля у них не бывает, и хотя татара им много пакости чинят отогнанием лошадей и протчаго скота, но оное они все ни во что не вменяют, разсуждая […], что и они у татар також де могут завсегда свои реванжи сыскивать»[401]. М. С. Грушевский удачно определил эти «сыскиваемые реванжи» как «*пограничный спорт*: кто кого – татары наших или наши татар […]. Как для тех, так и для других это было вопросом чести», а также «заработка» – «доход с бутынков», т. е. «диких мест», который местная администрация облагала налогом[402]. Отношение к войне как «шутке» или «игрушке» приписывали запорожскому кошевому атаману И. Д. Сирко[403].

Столкновения запорожцев и их тюркских соседей в редких случаях превращались в борьбу за территорию или охрану границ. Сезонный характер нахождения украинских казаков в степном краю часто имел совсем иную цель. Летом они собирались на Низу Днепра для промыслов, на зиму расходились в ближайшие города: Киев, Черкассы, Канев, Брацлав, Белая Церковь и другие; «а свои челны прячут где-то в надежном месте, на днепровском острове. Оставляют там же и несколько сотен душ на курене, как они говорят, “при стрельбе” […]. Их раньше не было много, зато теперь насчитывается до несколько десятков тысяч», – отмечено в конце XVI в.[404] С отходом казаков на занимаемые ими угодья приходили «татары». «Насколько наш Борисфен (Днепр. – *В. Г.*) опасен для перекопских [татар] летом, настолько удобен зимой, ибо, когда прекращается судоходство, они спокойно пасут свои стада за рвом (Перекопским перешейком. – *В. Г.*) на островах и в ивняках (днепровских плавнях. – *В. Г.*) этой реки», – писал автор середины

---

[400] Как пример последних: *Кондрико А. В.* Система казачьего самоуправления в рамках российской государственности на примере Запорожской Сечи в сер. XVII – кон. XVIII вв.: автореф. дис. … к. и. н. М., 2015.

[401] О казаках запорожских… // РГАДА. Ф. 119. Оп. 132. Портф. 2. Л. 23.

[402] *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. 7. К., 1995. С. 57.

[403] История Русов или Малой России. Сочинение Георгия Конискаго, архиепископа белорусскаго. К., 1991 (Репринт издания 1846 г.). С. 173.

[404] *Гваньїні О.* Хроніка Європейської Сарматії. С. 428.

XVI в.[405] Зимнее кочевание «татар» на Днепре и опасность, которую представляли для них казаки летом, отметил другой современник[406].

Из-за промысловой активности казачества полноценное кочевание в бассейне рек Дон, Днепр и Южный Буг редко было возможным. По этой причине ногайцы, мигрировавшие в Северное Причерноморье в последней трети XVI – первой четверти XVII в., или прямиком шли в Буджак, не останавливаясь у больших рек, текущих с севера на юг, или находили места минимального присутствия казаков в Северном Приазовье, а также в районе турецких крепостей Очаков и Азов. Но не всегда благополучно: в мае 1646 г. на урмаметевых ногайцев напали 7 тыс. запорожцев, от которых те едва смогли уйти в Крым. Только в августе того года, т. е. с окончанием промыслового сезона у казаков, они вернулись для кочевания у р. Молочная[407]. В 1624 г. крымский калга Шагин-Гирей предлагал королю Речи Посполитой заключить союз при условии, «чтобы только казаки не занимали татарских стад, которые татары хотят на зиму выгнать за Днепр – ибо казаки “до добычи жадны”»[408].

С формированием Запорожской Сечи как отдельного политического центра во второй половине XVII в. отношения между запорожцами, ногайцами и крымцами получили характер систематического чередования войны и мира, определенных договоренностей. В этот период формируются представления о границах Запорожья как территории, а не только зоны сезонной активности казаков вдоль больших рек. Отдельные его районы кошевой атаман И. Д. Сирко (60–70-е годы XVII в.) передавал для временного нахождения крымцам и ногайцам. Гетман И. С. Самойлович (1672–1687) удивленно спрашивал его: «для чего на запорожских степях кочуют свободно некоторые аулы татарские?» И получил примечательный ответ: «Когда б и чорт, пане гетмане, помогал людям в крайней их нужде, то брезговати тим негодится; бо кажуть (говорят. – *В. Г.*) люде: *нужда и закон зминяе*. А когда мы, живя с татарами по-соседски, *помогаем один другому*, то сие умному ни мало неудивительно, а то нам тилько дивно, що ты, пане гетмане, багато (много. – *В. Г.*) коло нас хархируешь»[409]. Отметая вмешательство гетманской власти, кошевой атаман заботился о поддержании системы, складывавшейся на основе местных сдержек и противовесов.

Сезонные ритмы утилизации степных угодий (запорожцы – весна и осень; крымцы и ногайцы – осень и весна) оставались в силе вплоть до русско-турецкой войны 1768–1774 г. Государственные границы, проводи-

---

[405] *Михалон Литвин*. О нравах татар, литовцев и москвитян / пер. В. И. Матузовой; отв. ред. А. Л. Хорошкевич. М., 1994. С. 22, 99.

[406] *Броневский М.* Описание Крыма (Tartariae Descriptio) // ЗООИД. Т. 6. Одесса, 1867. С. 338.

[407] Донские дела. Книга третья / Русская историческая библиотека. Т. 26. СПб., 1909. С. 3.

[408] *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. 7. К., 1995. С. 516.

[409] История Русов или Малой России… С. 174.

мые по причерноморской степи с начала XVIII в.[410], значительно ужали сложившийся порядок взаимодействия степных обществ. Во время крымского подданства Войска Запорожского (1709–1734) степное левобережье Днепра до р. Самара заняли ногайцы. Их присутствие в регионе усилилось в 1725 и 1728 гг., в результате усобицы в Калмыцком ханстве, вызвавшей последнюю крупную волну миграций ногайцев в западном направлении. Запорожцам в этот период разрешали выезжать на левобережье только для охоты, без возможности иметь там зимовники[411]. Тогда запорожцы говорили: «барзе превеликую нужду от ногайских орд мелисмо, которие, взявши от низу Днепра […] аж по самие пороги […] со всеми тамошними по тоей стороне степовими угодиями и пожитками отняли»[412]. Во время русско-турецкой войны 1735–1739 гг. столкновения между запорожцами и ногайцами впервые приобрели черты борьбы за территорию, ведшейся с целью взаимного уничтожения[413].

В межвоенный период (1740–1768) запорожцы и ногайцы более плотно заполнили свои экологические ниши: первые – берега крупных рек, вторые – собственно степь. Кочевание ногайцев складывалось по принципу: лето–юг, зима–север. Так, 1762-й год едисанские аулы встретили в запорожских угодьях в Побужье; запорожцы жаловались на чрезмерную вырубку ими деревьев для обогрева[414]. То же повторялось и позднее[415]. В марте 1755 г. кошевой атаман Григорий Федоров позволил «татарам» пасти скот у р. Волчьей и других местах «за недородом в крымской стороне трав […], *по соседственной дружбе*»[416]. В 1760 г. ханские власти по требованию Петербурга вывели всех ногайцев и крымских чабанов со степного левобережья Днепра до пограничной р. Конка. Что примечательно, тогда ногайцы «знакомим козакам плачем жаловались и не хотели […] на [крымскую] степь убираться»[417].

---

[410] *Грибовский В. В.* От фронтира к линейной границе: разграничение степных владений Турции и России в 1704 и 1705 гг. // Границы и пограничье в южнороссийской истории: материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 26–27 сентября 2014 г.). Ростов-на-Дону, 2014. С. 187–199.

[411] *Мышецкий С. И.* История о казаках запорожских… С. 23.

[412] Архів Коша Нової Запорозької Січі. Корпус документів. 1734–1775. Т. 1. К., 1998. С. 72.

[413] *Эварницкий Д.И.* Источники для истории запорожских козаков. Т. 2. С. 1144; Архів Коша Нової Запорозької Січі. Корпус документів. Т. 1. С. 88.

[414] ЦГИАК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 137. 1762–1763 гг. Л. 94.

[415] *Эварницкий Д.И.* Источники для истории запорожских козаков. Т. 2. Владимир, 1903. С. 1860.

[416] *Гісцова Л. З., Демченко Л. Я.* Сусідів не вибирають: документи про українсько-татарські зв'язки // Архіви України. 1991. № 2. С. 73.

[417] ЦГИАК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 89. 1760 г. Л. 52 об.

На начальном этапе войны 1768–1774 гг. взаимные нападения запорожцев и ногайцев дошли до крайнего ожесточения[418]. В октябре–ноябре 1770 г. по требованию российского командования запорожцы переправили ногайцев через Днепр, продавали им хлеб по низкой цене и обеспечивали общий надзор за ними[419]. Позднее фиксируется обычный порядок отношений казаков со степными соседями, включая и разрешение последним пасти скот на запорожских угодьях за плату (часть от приплода)[420].

Наш акцент на запорожцах и их отношениях с тюркскими соседями обусловлен тем, что именно это казацкое сообщество дольше всех сохраняло специфику мужского союза. Но если сравнить их в этом аспекте с яицкими казаками – имевшими гораздо меньшую численность и политическое влияние – проявится та же реципрокная система. Оренбургский губернатор И. И. Неплюев 28 декабря 1748 г. так изложил свое видение охраны границы по Яику: если всех казахов «неможно […] устеречь, то [если] свежие следы их усмотрены быть могли […], в таком случае Воиску Яицкому […] всеми силами сикурсовать их […], чтоб они сами тем киргисцам отпор дать и поиск над ними учинить […], хотя б их и семдесят тысяч человек было»[421]. Но вместо этого, как оказалось в 1749 г., казаки втайне пропустили до 2 тыс. казахских кибиток на правый берег Яика для временного кочевания[422], а пропущены они «в разсуждени[и] […] Воиска Яицкаго к ним *дружбы*, одною нынешнею зимою, а не всегдашное время»[423]. Разрешение кочевому коллективу занять свежее пастбище зимой, когда риск падежа скота от бескормицы был особенно высок, конечно, было весьма ценной услугой, требующей *взаимной* признательности.

Военный промысел в степном крае являлся существенной частью реципрокной системы. Истолкование его как этически оправданного грабежа, в наказание за неправедные действия[424] не отражает всей полноты характеристик этого явления, хотя и затрагивает такую существенную его сторону, как взаимность – принцип, полагающийся в основу как дружеских, так и враждебных действий. Этим принципом проникнуто письмо крымского на-

---

[418] *Грибовский В. В.* Крымское ханство на начальном этапе войны Османской и Российской империй 1768–1774 гг.: к вопросу о «последнем татарском набеге» // Мемлекет тарихы, ғылыми журналы Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі Ғылым комитетінің «Мемлекет тарихы институты» мемлекеттік мекемесі / бас редактор Б. Ғ. Аяған. Астана, 2016. № 1. С. 33–57.

[419] ЦГИАК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 251. 1769–1772 гг. Л. 13–13 об., 41–43, 49, 54, 63.

[420] Дневник путешествия в южную Россию академика […] Гильденштедта в 1773–1774 гг. // ЗООИД. Т. 11. Одесса, 1879. С. 222.

[421] ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 1388. 1748 г. Л. 31–31 об.

[422] Там же. Ф. 1. Оп. 9. Д. 20. 1749 г. Л. 14–14 об.

[423] Там же. Л. 95–97 об.

[424] *Мартин В.* Барымта: обычай в глазах кочевников, преступление в глазах империи // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология / сост. Пол В. Верт и др. М., 2005. С. 363–373.

местника Кубани Бахты-Гирея азовскому воеводе от 2 ноября 1700 г.: «Едисанцы побрали *баранту* у казаков ваших черкасских (донских. – *В. Г.*), *а они, казаки, у нас юрты разорили*, а им, казаком, у нас *баранты взять не доведетца для того, что едисанцы не наши* и живут они от нас особо. А коли хотите с нами в дружелюбии жить […], *что вашего у нас есть, и мы вам то по душе отдадим, а что нашего у вас есть, вы нам по душам отдайте*. Мы вашим душам верим, а вы нашим душам так же верте»[425].

Реципрокации определяли неидеологическое (т. е. негосударственное и нерелигиозное) деление мира: «своим» было то, что покрывалось плотной сетью межличностного взаимодействия, где дар и отдаленное во времени отдаривание формировали долгосрочные связи; «чужим» – все, что выходило за рамки этой сети. Насильственное завладение «чужим» составляло этически нейтральный акт, и позитивный – в смысле сплочения своей группы на основе происходящего внутри нее дарообмена, приводимого в движение этим грабежом и запускающего механизм формирования «славы» дарителя. Слава крымского хана Ислам-Гирея III (1644–1654) дорого обошлась сопредельным странам, особенно Украине. Но, по оценкам его соотечественников, «время его было успешным, он наслаждался добытым богатством; […] все татарские воины вернулись здоровыми и с богатством. Сделали столько добрых дел, и никто из них не претерпел от противников религии»[426].

Утилизация «чужого» и одаривание за счет этого «своего» приводила в движение всю реципрокную систему. Среди рассмотренных выше скотоводческих объектов в причерноморской степи существовали центры, аналогичные в какой-то степени Сечи. В 1680-е годы казак Антон Орлянский с 50 товарищами (все – из одного села Беседюка, у г. Смила, что на Черкащине) ходил под Перекоп «для взятия крымских конеи». Но эти кони принадлежали калге-султану и нурадын-султану, которые в тот момент оказались при своих табунах. Они возглавили охоту на «воров» и переловили их[427]. Трудно объяснить присутствие первого и второго наследника хана в глухой степи при своих табунах (понятно, для присмотра за ними достаточно табунщиков) иначе, чем «пограничным спортом», поддерживающим наследственные ранги в условиях неустойчивой стратификации, слабо защищенной административно-правовыми механизмами. Этот случай сопоставим с военными лагерями и одновременно загонами для скота, которые обозначались монгольскими словами: «хороо» («хорёо»), qoruγan. Обозначаемые ими места служили у монголов для сборов на облавную охоту, дележа добычи, инициаций, пиров, группирования в боевые отряды; согласно предположению

---

[425] Степове порубіжжя XVII – поч. XVIII ст. у документах Державного архіву Воронізької області РФ / упор. В. Грибовський. К., 2016. С. 41.

[426] *Туранли Ф.* Тюркські джерела до історії України. К.: Вид.-во Інституту української археографії та джерелознавства ім. М. С. Грушевського НАН України, 2010. С. 76.

[427] Степове порубіжжя XVII – поч. XVIII ст. у документах Державного архіву Воронізької області. С. 50.

Д. В. Цыбикдоржиева, «именно облавный загон оказывался местом, где охотничий мужской союз перерождался в зародыш дружины»[428].

Что примечательно, хана Ислам-Гирея III, имевшего высокий авторитет добытчика, мог критиковать простой крымский крестьянин в присутствии знати, не заботясь о последствиях[429]. «Даже хан любим и уважаем своими подданными […] только по причине своей щедрости; […] все бедные дворяне, приезжающие ко двору, одеваются и содержатся *на его счет*, что отрывает значительную часть его доходов», – писал французский консул в Крыму Ш.-К. де Пейссонель в 1750-е годы[430]. Эта характеристика является ключом для понимания социального значения широких застолий хана Мухаммед-Гирея I (1515–1523), вызывавших осуждение ширинских беев, жаловавшихся в Стамбул, что он пьянствует «в компании *персидских еретиков*»[431]. Ширинских беев беспокоила не столько «нравственность» хана, сколько то, что он этими пирами укреплял свой авторитет; присутствие персов-шиитов на пире указывало не только на дипломатические связи хана, сомнительные для мусульман-суннитов, но и фундаментальный принцип мужского союза: наличие в нем чужаков. Хмельным весельем того же порядка славился хан Мурат-Гирей (1678–1683), приверженец «татарской древней традиции», почему и был любим народом[432]. Самому же крымскотатарскому народу исламская религиозность и в XIX в. не мешала чтить языческих властителей степи, слушать эпические повествования о них и предаваться «играм, танцам и пьянству»[433].

Еще раз обратимся к нахождению калги и нурадына при конских табунах в степи под Перекопом, приняв во внимание свидетельства Пейссонеля: «Все султаны (мужчины из рода Гиреев, не занимавшие трон. – *В. Г.*) имеют уделы и пенсии от Порты; но *эти средства недостаточны*, принимая во внимание положение, поддерживать которое обязывает их происхождение; они имеют каждый *многочисленную свиту мирз из главных родов*, которые *присоединились к ним и разделяют их судьбу*; эти мирзы одеваются и питаются за счет султанов […]. Они так щедры, что […] считают очень большим позором привязываться к какой-нибудь вещи. Они отдают

---

[428] *Цыбикдоржиев Д. В.* Мужской союз, дружина и гвардия у монголов… С. 342–343.

[429] *Туранли Ф.* Тюркські джерела до історії України. С. 86–87.

[430] *Пейссонель Ш.-К.* Записка о Малой Татарии / пер. с фр. В. Х. Лотошниковой; вступ. ст., прим. и комм. В. В. Грибовский. Изд-е 2: испр. и доп. К., 2013. С. 30–31.

[431] *Лемерсье-Келькеже Шанталь.* Казанское и Крымское ханства и Московия в 1521 г. по неопубликованному документу из архива дворца «Топкапы» // Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей: сб. ст. / ред. И. А. Мустакимов и др. Казань, 2009. С. 47–48.

[432] *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887. С. 605–607.

[433] *Кондараки В. Х.* Легенды Крыма // *Он же.* В память столетия Крыма. М., 1883. С. 5–100. – С. 36.

все, что имеют, вплоть до их собственной одежды: у султана имеется, по обыкновению, только одно платье, под которое кто-нибудь из окружающих его лиц берет обеспечение в тот день, когда он надевает его на себя»[434]. Организация крупного набега с богатой добычей, как это в последний раз в крымскотатарской истории сделал калга Шехбаз-Гирей в августе–сентябре 1769 г.[435], – вот что укрепляло иерархические позиции, данные по праву рождения только как некая потенциальность.

Без принятия во внимание реципрокации и ее престижеобразующего смысла весь комплекс отношений на степном пограничье получает вид разбойничьего хаоса. Таким он, собственно, и представлен в манифесте Екатерины II о ликвидации Сечи. Тем не менее *набежничество* отличалось от разбоя именно тем, что в основе первого лежала межличностная реципрокность, а в основе второго – материальная выгода, т. е. безличностный рынок. Когда престижеобразующая функция набегов теряла значение, они превращались в бандитизм, имеющий как самоцель завладение материальными ценностями. Это различие хорошо описал Хан-Гирей: «Наездничество прежних черкесов в наше время превратилось в разбойничество. А между этими видами *огромная нравственная разница*. Наездничество покраснело бы от мысли уворовать у соседа лошадь, изменить своему слову; его цель была – слава, отвага, а теперешнее разбойничество, как развратница, не знает и тени стыда; его цель – корысть»[436].

Итак, и тюркское Причерноморье, и украинское Запорожье в XVI–XVIII вв. представляют общий набор характеристик: крайне узкая «ниша» рынка (торговля движимым имуществом, земля – в редких случаях была товаром), несколько больший (но не доминирующий) круг централизованной редистрибуции (необходимой для поддержания наследственных или предоставляемых государством рангов), привносимой в этот регион государством, но неустойчивой; абсолютное преобладание сферы реципрокаций, формирующих и обеспечивающих личный авторитет в горизонтальных сетях на основе дарообмена как свободного социально значимого акта. Экономическую основу этой сферы составляло добывание военных и охотничьих трофеев в сочетании с животноводством. «Награда за щедрость в плане социального престижа столь высока, что любой иной принцип поведения, кроме полного бескорыстия, становится просто невыгодным», – писал К. П. Поланьи[437], разбирая «механизмы» лидерства в реципрокных системах.

---

[434] *Пейссонель Ш.-К.* Записка о Малой Татарии… С. 28–30.

[435] *Грибовский В. В.* Последние «татарские набеги» 1769 г. // Война и воинские традиции в культурах народов Юга России. V Токаревские чтения. Материалы всероссийской научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 2016. С. 76–82.

[436] *Хан-Гирей*. Черкесские предания. Избранные произведения. Нальчик, 1989. С. 197.

[437] *Поланьи Карл.* Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени / пер. с англ. А. А. Васильева, С. Е. Федорова и А. П. Шурбелева. СПб., 2002. С. 59. В связи с нашим анализом, важно принять во внимание его вы-

Только реципрокность могла обеспечить сколько-нибудь устойчивые связи и отношения при отсутствии или ограниченном действии факторов систематического принуждения, необходимых для возникновения стабильной социальной стратификации. Это имело решающее значение для интеграции нестратифицированных сообществ или обществ с нефиксированным положением конкретных лиц внутри сложившихся наследственных страт.

Замечание русского помещика, безуспешно пытавшегося обзавестись хозяйством в степи, позволяет четче «навести резкость» на ту предметность, которую мы пытаемся уловить через «объектив» терминологии К. П. Поланьи: «По приходе нашем на сии степи не можно было никаких правил хозяйственных ниоткуда взять, опричь расказов запороских. *Они нас научали, к крайнему нашему разорению*, заводить *великия скотоводствы* и *не радеть о хлебопашестве*, потому в первые две жестокие зимы вконец скотоводство сие погубили»[438]. Успешные скотоводческие хозяйства, существовавшие в здесь в условиях преобладания реципрокации и ее эластичного сочетания с редистрибуцией и рынком[439], стали безуспешными. Внедрение в степном краю помещичьей системы, с ее негибким внеэкономическим принуждением, применением полицейских мер по ограничению подвижности населения[440] разрушали местные гибкие балансы, определявшие предел концентрации материальных ресурсов и необходимость их рассредоточения[441]. Османская администрация, иногда круто усмирявшая жителей пограничья, столь радикально не посягала на свободу их пере-

вод: «реципрокность [reciprocity] обозначает перемещения между соответствующими точками в симметричных группах; перераспределение [redistribution] представляет акты «стягивания» товаров центром с их последующим перемещением из центра; под обменом [exchange] подразумеваются встречные перемещения из рук в руки в условиях рыночной системы. Следовательно, реципрокность предполагает наличие симметрично расположенных групп [symmetrically arranged groupings]; перераспределение зависит от существования в группе определенной степени централизованное [centricity]; обмен, чтобы порождать интеграцию, предполагает наличие системы ценообразующих рынков. Очевидно, что различные способы интеграции требуют определенной институциональной поддержки» (*Поланьи К.* Экономика как институционально оформленный процесс // «Великая трансформация» Карла Поланьи: прошлое, настоящее, будущее / под общ. ред. Р. М. Нуреева. М., 2007. С. 51).

[438] Физическое и философическое описание от Питербурха до Тулы… Л. 9.

[439] К. П. Поланьи подчеркивал невозможность «полного» доминирования одной из этих форм и утверждал об их сочетании в разных комбинациях.

[440] Днепропетровский национальный исторический музей им. Д. И. Яворницкого. КП 38197, АРХ–208. Л. 36; Там же. КП 74268, АРХ–44561. Л. 37–37; *Богумил А.* К истории управления Новороссии князем Потемкиным. Ордера 1775 и 1776 гг. // Летопись Екатеринославской ученой архивной комиссии. Год II. Ч. I. / под ред. А. Синявского. Екатеринослав, 1905. С. 115.

[441] *Хазанов А. М.* Кочевники и внешний мир. Изд. 3-е, доп. Алматы, 2002. С. 85, 268.

движения. Так, в начале XVIII в. 2500 молдавских *реайя* (крестьян), заселивших *варош* (предместье) Очакова, исправно платили *испенче* (небольшой налог по роду занятий), но когда их принудили к уплате *джизья* (подушный налог с немусульман) по наименьшей ставке, они беспрепятственно перешли в села, подвластные крымскому хану[442].

В последней четверти XVIII в. украинские крестьяне находились в таком же поиске мест, свободных от тягла. Ликвидация Запорожской Сечи в 1775 г. и Крымского ханства в 1783 г. создала в причерноморских степях своеобразный «вакуум», втянувший в себя огромные массы выходцев из сельских районов Украины, воспроизводивших здесь свой привычный быт. Бывшие запорожцы часто были осадчиками новых сел и посредниками между помещиком и крестьянами. Некоторые из них сами стали помещиками. Однако российская система управления сельским пространством, наделившая помещиков полицейскими функциями и связавшая с ними через круговую поруку крестьянские общины, здесь не была воспроизведена в полной мере, поскольку ни помещики не обладали необходимыми ресурсами, ни государство не располагало возможностями выстроить регулярный полицейский контроль в стремительно заселяемом крае, ни украинское крестьянство не имело нужды останавливаться там, где возникало подушное тягло, и обрывало малейшие завязи этой системы своими переходами[443].

* * *

Итак, все изложенное выше представляет собой развернутую аргументацию определения социальной типологии раннего казачества – и тюркского, и восточнославянского – как мужского союза, заключающего в себе возрастные классы, выстроенные по рангам, обретаемым на основе инициации. Первоначальную форму казачества составлял возрастной класс неженатой мужской молодежи, занятой военным и мирными промыслами и исключающей земледельческий труд из сферы своей деятельности. Для ранних казачьих сообществ характерна как временная, так и постоянная блокировка связей с семейным пространством, которая объясняется устранением влияния наследственных иерархий и отношений собственности на функционирование половозрастной группы. В рамках ее функционирования создавались автономные иерархические взаимосвязи, позволяющие членам сообщества менять свою статусную позицию как внутри этой группы, так и в этническом пространстве, с которым эта группа имела наибольшую связь. Прием чужаков как фундаментальный регулятор деятельности мужских союзов во многом определил славянско-тюркскую

---

[442] *Весела З.* Турецкий трактат об османских крепостях Северного Причерноморья в начале XVIII в. // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы: сб. / под ред. А. С. Тверитиновой. М., 1969. С. 122–123.

[443] *Бойко А.* Південна Україна останньої чверті XVIII ст. Ч. 1. Аграрні відносини. Запоріжжя, 1997. С. 70–71; *Он же.* Запорозький зимівник останньої чверті XVIII ст. Запоріжжя, 1995. С. 11–12, 19.

миксацию в ранних казачьих сообществах, а также заимствование украинскими и российскими казаками всего комплекса тюркской терминологии, соответствующего казацкому образу жизни. Это заимствование, засвидетельствованное большим лексическим массивом, указывает на то, что в основе казакования лежали не славянские мужские союзы, исчерпавшие себя в предшествующую эпоху (князь и дружина), а те их формы, которые с древности вырабатывались степными обществами и прошли вторичную институализацию в ходе распада чингизидских государств в XV в.

Преобладающий тип отношений внутри мужского союза составляет реципрокация, образующая как меритократический престиж (слава), так и личные обязательства. Отношения мужских союзов с внешним миром содержали в себе сложные сочетания реципрокации (обмен услугами, нападениями), централизованной редистрибуции (дань, жалование) и рынка (военное наемничество, торговля). Сезонное обновление иерархий или сложная градация возрастных классов в мужском союзе направлены на блокировку его превращения в патрон-клиентскую группировку, возникающую на основе складывания сети личных обязательств среди членов группы. Преобладание сильных связей (родственник, побратим, друг) над слабыми (знакомый, товарищ) внутри мужского союза, а также признание его членами безусловного лидерства отдельного лица вело к складыванию патрон-клиентской группировки, которая при определенных обстоятельствах могла стать основой для образования монархических правлений. Эволюция мужского союза могла идти или по линии упрочения сезонного обновления иерархий, как это произошло на Запорожье, или в направлении патрон-клиентского группирования, перерастающего в систему: князь и его дружина (=хан и его батыры), что характерно для всех тюркских казаков.

Поздние славянские казачьи сообщества, утратив бессемейность как свой основной регулятор, блокирующий возникновение наследственных рангов, были интегрированы в сословную систему Российского государства. Запорожское казачество, долее всех казачеств сохранявшее бессемейность, оказывало наиболее длительное сопротивление подобной интеграции и находилось в непосредственной связи с противоречивыми государствообразующими процессами в Гетманской Украине.

Глава III

Ранняя история казачества (XV – первая половина XVII в.)

§ 1. Тюркское казачество во время и после распада Золотой Орды

В. В. Трепавлов

В пору своего расцвета Улус Джучи (Золотая Орда) представлял собой империю с жесткой иерархической структурой управления провинциями и покоренными народами, отработанными финансовыми и фискальными механизмами, слаженной машиной подавления любого недовольства. Все это требовало содержания огромного штата чиновников, а частые войны на границах, междоусобицы и мятежи аристократии – наличия огромной и боеспособной армии. Сумятица, внесенная монгольским завоеванием и отстранением от власти прежней кипчакской знати в первой половине XIII в., уступила место мирной и стабильной жизни в могущественной и богатой державе. На просторах бывшего половецкого «Дикого поля» установилась жесткая и стройная улусная система с десятичным делением населения. Ордынское правительство не допускало самовольных переходов из одного улуса в другой, чтобы не нарушать стройной организации налогообложения и военной мобилизации.

Однако в первой половине XV в. Золотая Орда вступила в стадию необратимого распада и образования на ее месте новых государств. Причины этих процессов коренились в особенностях политического и социально-политического развития государства на протяжении предыдущего столетия[1]. Ослабление прежних социальных связей и крушение общеордынской административной структуры породили появление в кочевом мире целой категории людей, которые порвали со своими семьями и общинами и предпочли самостоятельное существование – в компании таких же вынужденных или добровольных изгоев. Для этой степной вольницы существовало традиционное тюркское обозначение «казаки». Случалось, что казаками становились высокородные отпрыски правящего дома Джучидов, обладавшего монополией на ханствование. В свое время эту участь довелось пережить узбекским ханам Абу-л-Хайру и Мухаммеду Шейбани, сибирскому хану Кучуму до и после воцарения (о чем ниже будет рассказано подробно).

[1] Подробно см., например: История татар с древнейших времен. Т. III. Казань, 2009. С. 682–728.

Раннее казачество на юге Восточной Европы

Появление казачества было показательным признаком деградации государственности Золотой Орды и постепенного угасания государственного начала в ее наследнице на юге Восточной Европы – Большой Орде (Тахт эли). Во второй половине XV в. казаки начинают фигурировать в источниках как заметный элемент социальной структуры и как участники политических событий. Казаки того периода – это маргинальные группы степняков, которые, может быть, номинально и продолжали считаться ордынскими подданными, но вели себя все более независимо.

Сведения об их жизненном укладе свидетельствуют о кочевническом, т.е. татарском, этнокультурном первоисточнике вольного казачества. В 1518 г. крымский бек Аппак сообщал великому князю Василию III об обращении к нему белгородских и азовских казаков. Они просили бека замолвить за них слово перед Василием Ивановичем, чтобы тот разрешил им «с своими женами *прикочевав* жити у Путивля и слугами быти, а твоего бы им недруга короля воевати». Московский государь передал Аппаку свое согласие. Бек вызвал к себе в Крым мирзу азовских казаков Меретека и объявил ему, что «яз о вас у великого князя печалую, чтобы вам дал место *где летовати да где зимовати*» – и сообщил о возможности переселяться к Путивлю[2]. Следовательно, азовские казаки на Нижнем Дону вели кочевой (но не бродячий!) образ жизни и имели начальников в ранге мирз.

В те времена казачьи общины представляли собой обычные для кочевой степи мигрирующие сообщества. Разве что наряду со скотоводством (см. данные о сезонных перекочевках – летовках и зимовках) их основным занятием стала война, и принадлежали казаки, очевидно, к разным элям (племенам), проживая при этом смешанно, в общих поселениях. Название «азовские» говорит о том, что выходцы из ордынских улусов держались около турецкого Азака~Азова (с 1471 г. этот город, бывшая Тана, находился под властью османов). Некоторые из них обосновались в самом городе. Но не заметно, чтобы они как-то зависели от тамошнего султанского наместника. В 1515 г. московский посол попробовал найти там для себя провожатых в Стамбул, на что получил ответ: «Которые казаки азовские были у нас, и те ныне казаки пошли добыватись; а в Азове ныне нет никакова человека и проводити их ныне некому»[3]. Оказалось, что все казачье население отправилось в набег за добычей. Очевидно, азовские казаки того времени являлись в основной массе татарами исчезнувшей Большой Орды, не пожелавшими подчиниться победителям – крымским Гиреям.

К Азову стекались выходцы из Большой Орды еще во время ее существования. Именно в разлагавшейся Орде формировался этот своеобразный социальный слой вольных степных удальцов, трудноуправляемых и малоза-

---

[2] СИРИО. Т. 95. СПб., 1895. С. 613, 618. Здесь и далее в цитатах курсивом выделено нами.

[3] Там же. С. 142.

висимых. Описания набегов на южное русское пограничье в конце XV в. не оставляют сомнений в этнической принадлежности казаков: «Приходили татарове, ординские казаки и азовские», «приходиша татарове ордыньскые казаки и азовскые»; «приходиша татарове ординскіе, казаки, в головахъ приходилъ Тимишомъ зовоутъ, а с нимъ двѣсте и 20 казаковъ, въ Алексинъ» – и после боя с русскими «…иные ѣдучи татарове в Ордоу ранены на поути изомроша» и т.п.[4] По-видимому, участники набегов действовали самостоятельно, без ведома властей Тахт эли и Азака. Однако побитые казаки возвращались в Орду, т.е. наверняка домой. Не случайно в текстах того времени выражения «казаки заволжские» и «татары заволжские» часто употребляются как синонимы; разбойничают на торговых путях (т.е. занимаются типично казачьим «ремеслом») азовские и ордынские татары[5].

Но в полном смысле ордынцами их все же нельзя считать из-за их полунезависимого положения. Уже в то время они представляли собой внушительную силу, которую старались использовать в своих интересах окрестные правители. В 1496 г. хан Большой Орды Шейх-Ахмед писал великому князю Александру Казимировичу, что крымский хан Менгли-Гирей, находясь во враждебных отношениях с Великим княжеством Литовским и Большой Ордой, «до азовъских казаковъ люди свои прысла», и казаки устроили в степи нападения на литовское и большеордынское посольства[6].

Подобный набег 1469 г. во главе с сыном хана «Заволжской Орды» описан у Яна Длугоша: «…множество татар, собранных из *беглецов, грабителей и изгоев*, которых они на своем языке называют козаками… вторглись… на землю Польского королевства»[7]. Польский хронист ясно дает понять, что, во-первых, казаки – это, с его точки зрения, асоциальный сброд, люди вне устойчивой общественной иерархии, пусть даже ордынской; во-вторых, они участвуют в набеге как подданные Большой Орды, поскольку воюют под командованием царевича; в-третьих, само понятие «казак» было для Длугоша новым[8], и он уверенно приписывает ему татарское происхождение.

Таким образом, ситуация 1460–1500-х годов, когда Золотая Орда окончательно развалилась, а вслед за ней неуклонно приближалась к коллапсу и Большая Орда, оказалась благоприятной для формирования в степях юга Восточной Европы вольных казачьих общин. В то время они состояли, вероятно, почти исключительно из татар и, прежде всего, больше-

---

[4] ПСРЛ. Т. 6. СПб., 1853. С. 44; т. 12. М., 2000. С. 251; т. 24. Пг., 1921. С. 210; т. 26. М.; Л., 1959. С. 292.

[5] См., например: СИРИО. Т. 41. СПб., 1884. С. 321, 322, 324, 349.

[6] Lietuvos Metrika. Knyga Nr 5(1427–1506). Parengé E.Banionis. Vilnius, 1994. P. 119.

[7] Joannis Dlugosii annals seu cronicae incliti Regni Poloniae. Liber duodecimus. 1462–1480. Cracoviae, 2005. S. 243–244 (frequens Tatarorum exercitus ex *fugitivis, predonibus et exulibus*, quos sua lingua Kozakos apellant… terras Regni Polonie… irrupit).

[8] Ян Длугош писал свою хронику в 1455–1480 гг.

ордынских («почти», т.к. нельзя исключить иноэтнические вкрапления – например, русских и черкесов). Впоследствии, в XVI в., в этот регион стали мигрировать выходцы из славянских стран. Поселяясь вместе с татарскими старожилами, они образовывали общеизвестные объединения вольного казачества – будущие «войска» на Дону и в Запорожье.

В ходе ослабления Большой Орды и после окончательного разгрома ее крымцами в 1502 г. ее территория была поделена между более удачливыми соперниками и соседями. Степи, примыкающие к Черному и Азовскому морям, отошли к Крымскому ханству; в Нижнем Поволжье образовалось самостоятельное Астраханское ханство; заволжские кочевья забрала себе Ногайская Орда; на бывшие пашенные угодья татар в Пятигорье распространился сюзеренитет кабардинских князей; на Северо-Восточном Кавказе удержался незначительный осколок Орды в виде Тюменского улуса; в укромных местностях по берегам Дона и Днепра обосновались общины вольных казаков. Соответственно татары бывшей Большой Орды расселились в пределах перечисленных владений, а также среди вольного казачества.

Казак Кучум – беглец, лишившийся трона

26 октября 1582 г. на Чувашском мысу, под стенами своей столицы – города Искера, сибирский хан Кучум потерпел сокрушительное поражение от казачьего отряда Ермака. Город был оставлен татарами, и Кучум превратился в скитальца-казака. С тех пор он в основном обретался в южных районах своего бывшего ханства и вел кочевой образ жизни, присущий многим его подданным – степным скотоводам. Есиповская летопись так и передает этот исход: «из града и с царства своего в поле»[9] (т.е. в степь). Победу над царственным противником официальные российские власти оценивали именно в категориях кочевого быта, отмечая, что казаки «с Ермаком Сибирь взяли и Кучюма царя *с куреня сбили*…»[10].

Переход сорокапятилетнего хана[11] к кочеванию прошел относительно безболезненно, ведь это был традиционный, завещанный предками и престижный образ жизни татарской аристократии. К тому же он был привычным и любимым для человека, который вырос в степях, был воспитан в кочевых становищах «бесчисленных ногаев». Другое дело, что унизительный разгром сказался как на репутации Кучума внутри Сибирского юрта и за его пределами, так и на настроении хана – подавленном, озлобленном, сосредоточенном на отмщении и возмездии «неверным».

---

[9] ПСРЛ. Т. 36. М., 1987. С. 68.

[10] Русская историческая библиотека, издаваемая имп. Археографической комиссией. Т. II. СПб., 1875. Стб. 401 (цитируется отписка тюменского воеводы 1623 г.).

[11] Приблизительный (насколько позволяют источники) расчет возраста Кучума см.: *Трепавлов В. В.* Ногаи в Башкирии, XV–XVII вв. Княжеские роды ногайского происхождения. Уфа, 1997. С. 23.

Лишившись престола, он стал изгоем – «юрта своего Сибири отстал» (так передали русские переводчики слова ногайских послов в 1586 г.)[12]. В средневековой терминологии, которая «обслуживала» тюркскую социальную жизнь и татарско-русские отношения, беглый хан парадоксальным образом оказался уподоблен его победителям. Как первый, так и вторые обозначались тюркским словом *казак*. По отношению к Кучуму оно означало бездомного скитальца, бесприютного изгнанника. Московский посол в Персии в апреле 1590 г. излагал ситуацию следующим образом: «…Казаки, пришед, Сибирское царство взяли, а царь Кучюм убежал в поле и ныне *казакует на поле*…»[13]. Восточные правители разделяли подобный взгляд на Кучума. Очередной русский визитер в сефевидской столице Исфахане присутствовал при беседе персидского шаха Аббаса I с хивинским ханом Хаджи-Мухаммедом («царем Азимом») в январе 1594 г.: «А про Кучюма царя сказал Азим царь, что он, бегая, *живет лишь казачеством*. И шах Азиму царю говорил: то яз и сам ведаю, что Кучюм царь, от государевых людей бегая, *живет казачеством*»[14]. Так Кучум разделил судьбу многих известных в истории свергнутых правителей, вынужденных сменить царствование на бегство и скитания.

Жизнь в скитаниях оказалась сопряженной с постоянной нуждой, поисками пропитания и безопасных укрытий. Это особенно проявилось в конце жизни хана, когда он лишился бóльшей части своих сторонников. По Ремезовской летописи, «Кучюм… житию своему скитаяся и места не обрете, яко обнажен всего дома, своего имения и скота и жителей лишен от живущих сибирян…»[15]. Это положение выразил один из Кучумовых соратников краткой фразой: «мы все скудны»[16]. Все это сказывалось на состоянии организма немолодого хана-казака. Известно, что он стал терять зрение, отчего заказывал в Бухаре лекарства для глаз[17]. Легенды рассказывают, что Кучум не только ослеп, но и оглох и вообще настолько одряхлел, что его отпаивали кровью молодых козлят[18]. «Скудость» образа жизни, наряду с потрясением от утраты трона, конечно, не способствовали крепкому здоровью.

В скитаниях хана сопровождало многочисленное семейство. Среди его родичей особенно выделялись сын Али и племянник Мухаммед-Кул~Маметкул. Последний расположился было на реке Вагае «от града

---

[12] РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1586 г. Д. 1. Л. 14.

[13] Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. 1. СПб., 1890. С. 94.

[14] Там же. С. 265.

[15] Сибирские летописи. СПб., 1907. С. 352.

[16] РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1597 г. Д. 1. Л. 1.

[17] *Бахрушин С. В.* Сибирь и Средняя Азия в XVI и XVII вв. // *Бахрушин С. В.* Научные труды. Т. IV. М., 1959. С. 197; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. I. М., 1999. С. 196, 494.

[18] *Галязимов Б. И.* Легенды седого Иртыша. Свердловск, 1987. С. 53.

Сибири яко поприщ сто», но в результате внезапной ночной атаки русских казаков попал к ним в плен и был увезен в Москву[19].

Есиповская летопись рассказывает, что, проиграв сражение за Искер, Кучум бежал «из града и с царства своего в поле, и доиде, и обрете место, и ста ту со оставшими людми» (в Сибирском летописном своде: «со всеми людми, избегшими с ним из царства его Сибири»)[20]. Известно, что первоначально хан пытался закрепиться не в степном кочевье, а в одной из крепостей на территории юрта. Первую зиму после поражения он провел в 20 верстах южнее Искера, в маленьком городке на Абалакском мысу Иртыша. «Описание новыя земли, сиречь Сибирского царства» (кон. XVII в.) передает, что это была «любимая вотчина» хана, в которую он после разгрома на Чувашском мысу отправил из Искера «на велблудах и на конех горою вверх степью по Иртышу» свою семью[21]. Городок был защищен с двух сторон речкой и озером, с третьей – тройными валами[22]. В 1675 г. его руины осмотрел Н. Спафарий по пути через Сибирь в Китай. Из его сочинения предстает «пустой городок Кучюма царя сибирского… и место то самое крепкое… однако ж ныне лежит пусто», только татары регулярно обновляли там мечеть[23]. Абалакский городок был заброшен, т.е. разделил судьбу практически всех сибирско-татарских крепостей после прихода русских.

Примерно на то же место указывает Ремезовская летопись, называя ханским пристанищем местность на Агитской луке Иртыша, которую Кучум вынужден был покинуть из-за угрозы нападения татарского бека Саид-Ахмеда (Сейдяка) б. Бек-Пулада[24] из клана Тайбугидов.

15 декабря 1582 г. у этого Абалакского городка русские казаки в жестоком бою вторично разбили хана. Р. Г. Скрынников полагал, что именно это поражение оказалось для него решающим, роковым и определило успешный исход всей кампании Ермака[25]. Кучум передвинулся дальше на юг и стал жить «на дорогах на урочищах Вагаю, Куларова и Тархан в крепких местах»[26], т.е. в крепостях Кулары~Кулара (ниже по Иртышу, чем Абалакский городок) и Тархан на Тоболе. В архивных документах XVII в. упоми-

---

[19] ПСРЛ. Т. 36. С. 58, 59, 85, 94; Сибирские летописи. С. 338.

[20] ПСРЛ. Т. 36. С. 68, 254.

[21] *Титов А.* Сибирь в XVII веке. Сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях. М., 1890. С. 63, 64, 68.

[22] *Пигнатти В. Н.* Искер. Кучумово городище // Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. XXV. Тобольск, 1915. С. 18, 33.

[23] Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. Дорожный дневник Спафария. СПб., 1882. С. 45.

[24] Б. – принятое в русской научной литературе сокращенное обозначение *насаб*'а – элемента мусульманского имени *ибн* (сын): Саид-Ахмед б. Бек-Пулад – Саид-Ахмед сын Бек-Пулада.

[25] *Скрынников Р. Г.* Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1986. С. 222.

[26] Сибирские летописи. С. 338, 339.

нается также Кучумово городище в районе Ишимского острога[27] – вероятно, татарский городок Ишим-Тамак, стоявший при впадении Ишима в Иртыш. Кроме того, на чертеже, составленном в начале XVIII в. и сохранившемся в «портфелях Миллера», в пределах города Тюмени обозначено «пустое Кучюмово городище»[28]; однако неизвестно, жил ли там хан после бегства из Искера или ранее – может быть, еще до своего воцарения в столице на Иртыше в 1563 г.

Тем не менее Кучум продолжал контролировать часть кочевых татар. Они, очевидно, обозначаются в источниках как жители улусов[29]. Да и сам Кучум после свержения, особенно после ухода из укрепленных городков в степь в середине 1580-х годов, обретался в кочевых улусах. Именно так понимали его казачье проживание русские современники. По Есиповской летописи, после очередного разгрома «царь… Кучюм утече не со многими людми и доиде до улуса своего…», «…убежа не со многими людми и добеже до улуса своего»; царь Федор в переписке с Кучумом упоминал о приезде в Москву посланца «из улусу твоего»[30]. Строгановская летопись пишет о скитаниях хана «в своих улусах, бегая от места на место»[31]. Пренебрежительное выражение «бегая» в устах русских авторов той эпохи означало не быстрое передвижение, а сезонное перемещение, кочевание.

В татарских исторических сказаниях первым местопребыванием хана после исхода из столицы указаны подножие неназванной горы недалеко от Искера и «тайный замок» на некоем острове Золотой Рог[32]. Другие предания отображают более далекие области проживания Кучума: верховья Иртыша, устье Тары и некий «хребет Кюцэ»[33]. Ему приписывается намерение перебраться в «Бухарию»[34]. Среди башкир бытовала версия о жизни и смерти хана «в Каракалпацкой земле»[35]. Все это явные отголоски, с одной

---

[27] РГАДА. Ф. 214. Кн. 367. Л. 1017 («Да от того же Ишимского острожку вниз по реке по Иртышу от Кучюмова городища другой луг отвели»).

[28] Там же. Ф. 199. Оп. 1. Портфель 365. Ч. II. Д. 14. Л. 3.

[29] Многозначный термин *улус* здесь и далее означает скотоводческую общину кочевников.

[30] ПСРЛ. Т. 36. С. 68, 97; РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1597 г. Д. 1. Л. 1.

[31] Сибирские летописи. С. 71.

[32] *Галязимов Б. И.* Легенды седого Иртыша. С. 36–76; *Усманов М. А., Шайхиев Р. А.* Образцы татарских народно-краеведческих сочинений по истории Западной и Южной Сибири // Сибирская археография и источниковедение. Новосибирск, 1979. С. 92.

[33] *Радлов В. В.* Образцы народной литературы тюркских племен, живших в южной Сибири и Дзунгарской степи. Ч. IV. СПб., 1872. С. 213, 253; *Катанов Н. Ф.* Предания тобольских татар о Кучуме и Ермаке // Ежегодник Тобольского губ. музея. Вып. 5. Тобольск, 1895–1896. С. 9, 52; *Титова З. Д.* Барабинские татары (историко-этнографический очерк) // Из истории Сибири. Вып. 19. Западносибирский сборник. Томск, 1976. С. 133.

[34] *Костров Н.* Каинская Бараба // Томские губернские ведомости. 1874. № 25. С. 3.

[35] Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. М.; Л., 1936. С. 159.

стороны, позднейших скитаний и перемещений ханского семейства и свиты, с другой – тесных связей с узбекскими ханствами Средней Азии.

Однако из различных текстов можно установить, что царственный казак со своими спутниками действительно переместился гораздо южнее нижнего Притоболья, где состоялся роковой бой под стенами Искера. В августе 1591 г. тобольский воевода В. В. Кольцов-Масальский напал на Кучума «близ Ишима реки на озере Чиликуле», нанес ему поражение и пленил царевича Абу-л-Хайра б. Кучума с двумя «царицами». Хан отошел «на Калмытской рубежь, на вершины рек Ишима и Нор-Ишима, Оми и Камышлова, между озер, в крепкие места»[36]. Из этого района он собирал ясак с близлежащих волостей, расположенных в основном на правобережье Иртыша, на пространстве между устьями Тары и Ишима. Официальные документы конца XVI в. и исторические предания единодушно утверждают, будто их население платило половину податей в царскую казну, половину – Кучуму[37].

По Ремезовской летописи, в этом районе хан жил до 1596/97 г.[38] В середине 1590-х годов источники застают его в местностях по Иртышу выше города Тара, поставленного воеводами в 1594 г. Эта новая русская крепость с сильным гарнизоном перекрыла «кучумлянам» пути на север. Поэтому ханские кочевья фиксировались с тех пор южнее ее.

В 1595 г. Кучум зимовал, «одернувся телегами за Омь рекою», в 20 «днищах» выше по Иртышу от Тары и в 5–6 «днищах небыстрой ходьбы» ниже Черного городка, который он велел построить своему сыну Али южнее впадении Оми в Иртыш[39]. В целом в степях к югу от Тары присутствие его было ощутимо: в воеводской документации 1597 г. отмечается, что «волостьми сибирскими вверх по Иртишу выше нова города (Тары. – *В. Т.*) владеет Кучюм царь…»[40]. В актовой документации того периода уточняет-

---

[36] Сибирские летописи. С. 351. Названные здесь реки, а также Камышловские озера находятся в междуречье нижнего Ишима и Иртыша.

[37] *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. I. С. 352; *Усманов М. А.*, *Шайхиев Р. А.* Образцы татарских народно-краеведческих сочинений… С. 92.

[38] Сибирские летописи. С. 351.

[39] РГАДА. Ф. 214. Кн. 11. Л. 10; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. I. С. 358, 362.

[40] РГАДА. Ф. 214. Кн. 11. Л. 36 об. По характеристике данной местности С. С. Тихоновым, до Ермака эта «юго-восточная часть Сибирского ханства Кучума была тихой окраиной, где по правым берегам Иртыша и Тары жили тарские татары. Их численность была невелика, а экономика и социальная дифференциация были развиты слабо» (*Тихонов С. С.* Юго-восточная окраина Сибирского ханства Кучума (интерпретация источников по экономике и социальному развитию тарских татар) // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 1. Казань, 2009. С. 171). В другой работе тот же автор заметил, что население этих мест «было настолько бедным, что Ермак даже не стал его грабить» (*Тихонов С. С.* Население лесостепи Западной Сибири в XIV–XVI веках // Форум «Идель – Алтай». Материалы науч.-практ. конф. «Идель – Алтай: истоки евразийской цивилизации» I Междунар. конгресса средневековой археологии евразийских степей. Тез. докл. Казань, 2009. С. 238).

ся, что тот Турашскую и Любарскую волости «отвел» от государя[41], т.е. переподчинил себе. Эти волости перечислены в отписке тарского воеводы от сентября 1598 г.: «велел… Кучюм царь всем волостным лутчим людем, Курпицким и Турашским и Любарским… и Чойским и Куромским жить на Уби…», а сам он кочует-де на Черных водах[42]. Расположение некоторых из этих волостей не выяснено, но ясно, что все они находились в северной части Барабинской степи.

Приблизительно то же направление миграции указано в Ремезовской летописи, где есть упоминание о бегстве «царя» в Каинскую землю»[43], что на среднем течении Оми.

При этом полагаю, что «Чойская» волость – это описка в источнике или неверное прочтение текста. Очевидно, должно читаться «Чатская». В мае 1597 г. царь Федор извещал тарского воеводу С.В.Кузьмина, что по поступившим в Москву сведениям, Кучум кочует на верхнем Иртыше «выше Чатской волости и Кирпиков». Ранее Кузьмину было велено разузнать, «Кирпикская и Тонская волость и Чаты крепко ли к Хучюму (так. – *В. Т.*) царю голдуют… и сколко в Кирпиках и в Тонской волости и в Чатах и в Колмаках людей»[44]. Чаты – это тюркское кочевое население восточной Барабы, примыкающей к Оби в районе современного Новосибирска. Решив отдалиться от опасных русских соседей, Кучум в то время попытался обосноваться вместе с ближайшими соратниками в том районе – «в Чатах на Оби реке на острову»[45]. Именно на барабинских чатов он полагался после фатального для себя сражения на Оби в 1598 г.

В некоторых текстах есть упоминания о еще более далеких маршрутах ханских миграций. Сохранилась память о проживании в башкирских землях. В 1623 г. калмыки прикочевали «по Тоболу по реке меж Тюмени и Уфы за 2 днища от Уфинской волости от Коратабыни, *где качовывал напреред сего Кучюм-царь*»[46]. В этой воеводской отписке под Коратабынью наверняка имелась в виду будущая Каратабынская волость – одна из самых юго-восточных местностей расселения башкир в верховьях Яика и Миасса: «тое ж Каратабинские волости есашные… башкиры были с Кучумом»[47]. Стрельцы в 1595 г. опасались нападения Кучума по дороге из Тары в

---

[41] Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 2. 1598–1613. СПб., 1841. С. 1.

[42] Там же. С. 2.

[43] Сибирские летописи. С. 351.

[44] РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1597 г. Д. 1. Л.1; ф. 214. Кн. 11. Л. 35 об.

[45] Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ч. I. Л., 1932. С. 298.

[46] Русско-монгольские отношения. 1607–1636. Сборник документов. М., 1959. С. 120.

[47] Русская историческая библиотека, издаваемая имп. Археографической комиссией. Т. II. СПб., 1875. Стб. 24.

Уфу[48]. «Обереганьем Казанского уезда башкирцов» от возможной прикочевки Кучума русское правительство оправдывало перед ногаями основание города Уфы в 1586 г.: «А на Уфе на Белой Воложке государь велел город поставить, что беглый из Сибири Кучум, пришед в государеву отчину Казанский уезд, в башкирцы, учел кочевати и ясак со государевых людей з башкирцов почел бы имати»[49]. Татарская историческая традиция приписывала хану после поражения от Ермака бегство к башкирам и смерть в их владениях[50]. Однако в историографии повсеместно признана недостоверность этой фольклорной версии.

Есть сведения о передвижениях Кучума примерно в 1596 г. к Пегой Орде на средней Оби (север нынешней Томской области)[51] и к озеру Зайсан (Нор-Зайсан) в верховьях Иртыша[52]. Правда, в последнем случае соседство с тамошними ойратами оказалось беспокойным (тарские разведчики донесли о стычке между ними и сибирцами[53]), и Кучум отошел обратно на север. Последнее зафиксированное его местопребывание накануне разгрома 1598 г. – в четырех «днищах» от озера Ик[54], что находится на западе современной Омской области. Вероятно, эти «днища» следует отсчитывать на восток, т.к. роковое последнее сражение хана с русскими произошло на Оби.

Данные о численности людей, сопровождавших хана в казачестве, немногочисленны. По предположению Б.О.Долгих, общее число населения, ушедшего в степь с Кучумом, составляло около одной тысячи человек[55]. Очевидно, существовало какое-то ядро из полусотни его приближенных, которые не расставались со своим сюзереном, и менявшееся число «под-

---

[48] Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. С. 293.

[49] Цит. по: *Пекарский П. П.* Когда и для чего основаны города Уфа и Самара. СПб., 1887. С. 19.

[50] *Марджани Шихабуддин.* Извлечение вестей о состоянии Казани и Булгара (Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар). Ч. I. Казань, 2005. С. 130.

[51] РГАДА. Ф. 214. Кн. 1. Л. 9 об., 10; *Вершинин Е. В., Шашков А. Т.* Документы XVII века по истории Сургутского уезда // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Екатеринбург, 2002. С. 136, 137. Предания томских тюрков («чулымских татар») связывают заселение ими Приобья с приходом Кучума с реки Уфы (*Томилов Н. А.* Чулымские тюрки в конце XVI – первой четверти XIX вв. // Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири. Томск, 1987. С. 172, 173). Среди жителей Алтая бытовало предание о том, что вытесненный Ермаком Кучум удалился в кузнецкую тайгу и поселился на реке Кучу-Мында (притоке Тайдана, впадающего в Томь); там он умер и был похоронен «с живою девицей» под курганом (*Голубев Ф.* Могила Кучума // Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни. 1889. № 79. С. 3).

[52] *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. I. С. 293; Сибирские летописи. С. 351.

[53] *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства. 1635–1758. М., 1983. С. 79.

[54] Акты исторические. С. 2; *Катанаев Г. Е.* Киргизские степи, Средняя Азия и Северный Китай в XVII и XVIII столетиях. Омск, 1893. С. 30.

[55] *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960. С. 62.

данных» – плательщиков ясака и ополченцев. Из царской грамоты 1597 г. известно, что с ним было только 50 человек[56]. Но пленные татары, приведенные в Тару в сентябре того же года, сказали на допросе, что «с ним… людей *его Кучюмова двора* человек с 50»[57], т.е. это была численность только «двора» – ближайшего окружения (которое в тех условиях едва ли можно назвать в полном смысле придворным окружением). Остальных же «кучумлян» было вдесятеро больше. Накануне поражения на Оби в 1598 г. было «в собранье… с Кучюмом его людей пятьсот человек»[58]. Кроме того, в его ставке в разное время находилось какое-то количество ногаев, башкир, калмыков и «бухарцев» (среднеазиатских тюрков-сартов и таджиков).

Самым высокопоставленным лицом в Сибирском юрте после хана и, может быть, наряду с беклербеком Мухаммед-Кулом, был анонимный вельможа, обозначаемый в источниках не по имени, а по своей должности – «карача», т.е. *карачи-бек*. Татарские фольклорные сочинения, опубликованные В.В.Радловым и переведенные на русский язык Н.Ф.Катановым, дают именно этот полный титул, с восточно-кипчакской вариацией «княжеского»~бекского звания: *карача-**бий***[59]. В историографии его иногда отождествляют с Кадыр Али-беком – татарским хронистом, который в 1602 г. составил в Касимове «Сборник летописей», в основной своей части кратко пересказывающий одноименный труд великого персидского историка Рашид ад-Дина.

В государственной структуре юрта карачи-бек занимал место около трона. С.Ремезов характеризовал его как «думнаго Кучюмова боярина», Строгановская летопись – как «думчего царева», Н.Витзен – как «любимого советника»; в Сибирском летописном своде он представлен как «думной Карача, иже бысть в дому его (хана. – *В. Т.*)», в Есиповской летописи (Абрамовский вид) – как «думной его… который у думы ево, Кучюмовы, был»[60]. Исследователи приписывают ему роль ханского визиря[61]. Погодинский летописец связывает с карачи-беком также заботу о воинской амуниции: «делал царю пансыри и колчюги и всякую ратную збрую»[62]. В обязанности это-

---

[56] РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1597 г. Д. 1. Л. 1.

[57] Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. С. 298.

[58] Акты исторические. С. 2.

[59] *Катанов Н. Ф.* Предания тобольских татар о Кучуме и Ермаке. С. 10; *Радлов В. В.* Образцы народной литературы тюркских племен… Ч. IV. С. 141.

[60] The Atlas of Siberia by Semyon U. Remezov. The Hague, 1958. P. 10; Сибирские летописи. С. 20, 67; *Тыжнов И. И.* Обзор иностранных известий о Сибири 2-й половины XVI века // Сибирский сборник. СПб., 1887. С. 139; ПСРЛ. Т. 36. С. 94, 184.

[61] См., например: *Бахрушин С. В.* Сибирские служилые татары в XVII в. // Бахрушин С. В. Научные труды. Т. III. М., 1955. С. 156; *Бояршинова З. Я.* Население Томского уезда в первой половине XVII века // Труды Томского гос. университета им. В. В. Куйбышева. Т. 112. Серия историко-филологическая. Томск, 1950. С. 114; История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. 1. Л., 1968. С. 365.

[62] ПСРЛ. Т. 36. С. 131.

го вельможи, видимо, включался и контроль над налогообложением. Во всяком случае, осадив Искер в 1584 г., он «повеле имать *дани великие и оброки*» с окрестных татар[63]. Это была попытка сбора регулярных податей, т.к. цитируемая Есиповская летопись именно теми же терминами характеризует налогообложение в Сибирском юрте периода его могущества: «Царь же Кучюм царст(во)вал в Сибири лета довольна во изобилии, радости и весели, *дани и оброки* со многих язык имаше…»[64]. Исполнение этого повеления Кучума обеспечивал тогда, очевидно, карачи-бек.

После занятия казаками Искера сибирско-татарская государственность фактически перестала существовать, и этому сановнику пришлось тоже превратиться в казака и заботиться о собственной судьбе. Он то действовал совместно с Кучумом, то рвал с ним, удаляясь к пелымским вогулам или в прииртышские степи. В течение некоторого времени он пытался организовать сопротивление завоевателям (особенно активно – после пленения ими царевича Мухаммед-Кула), осаждал занятую русскими столицу юрта, заманивал тех в ловушки… Из своей ставки на Ялынском (по сибирским летописям) или Чулымском (по Ремезову) озере в междуречье Оми и Тары он стремился вести самостоятельную политику. По характеристике, которую дал С.Ремезов на своей карте Сибири, «Карачин улус» был «один из наиболее населенных кишлаков Кучумова царства»[65]. В конце концов карачи-бек попал в плен и был увезен на Русь.

Вместе с тем от начала до конца у Кучума имелась некоторая высокородная свита. Ермак отправлял свое «возвещание» к нему, его семье, «князем и мурзам»[66]; в последнем сражении 1598 г. среди погибших было шесть беков и десять мирз.

Из исторических преданий татар явствует, что далеко не все жители Сибирского юрта сочувственно отнеслись к поражению своего государя и пожелали уйти с ним казачествовать – и соответственно бороться за возвращение ему власти. В одних фольклорных рассказах подданные или отказались следовать за ним, или тронулись было в путь, но потом раздумали: «Зачем нам покидать свою страну, мы вернемся!»; в итоге компанию Кучуму в эмиграции составили только сарты (т.е. выходцы из Средней Азии)[67]. В других сибирцы сразу разделились на сторонников свергнутого

---

[63] Там же. С. 113.

[64] Там же. С. 48.

[65] Цит. по: *Катанаев Г. Е.* Еще об Ермаке и его сибирском походе (новые вариации на старую тему) // Записки Западно-Сибирского отдела имп. Русского географического общества. Кн. XV. Вып. II. Омск, 1893. С. 22. До крушения ханства карачи-бек имел резиденцию в собственном городке на восточном берегу Тобола, недалеко от Искера.

[66] Сибирские летописи. С. 321.

[67] *Катанов Н. Ф.* Предания тобольских татар о Кучуме и Ермаке. С. 9, 10; *Костров Н.* Народные предания татар о Кучуме и Ермаке // Сибирская газета. 1881.

правителя и на тех, кто пожелал принять русское подданство, причем Кучуму приписывается предоставление им свободного выбора[68]. На эту ситуацию обратил внимание Б. А. Азнабаев. Он справедливо указал на малочисленность и разобщенность кочевников Сибири, что препятствовало московскому правительству установить с ними отношения «договорного подданства», как с башкирами. Служилая татарская аристократия в абсолютном большинстве быстро и охотно перешла на сторону русского «белого царя». Перед Кучумом же – пришлым правителем, некогда захватившем сибирский престол, – она не испытывала пиетета[69]. Воеводы даже доверяли отдельные военные операции против Кучума и Кучумовичей служилым татарам (но, как правило, совместно с русскими казаками).

Известно, что впоследствии от хана также уходили бывшие приверженцы, видимо, разочаровавшись в перспективах его борьбы и тяготясь скудной и опасной жизнью в далеких степях. Из источников известны направления этих исходов – «в Бухары и в Нагаи и в Казацкую Орду»[70] (т.е. Бухарское ханство, Ногайскую Орду и Казахское ханство), а из этнографических источников – на восток, к Оби и за Обь. Получилось так, что Кучум оказался отрезанным от тобольских татар – своей главной опоры. Его перемещения происходили южнее, в основном на землях других сибирско-татарских групп, обозначаемых этнологами как татары курдакско-саргатские, тарские и барабинские[71]. Впрочем, все они тоже некогда составляли этническое ядро Сибирского юрта (возможно, за исключением жителей Барабы).

Выше упоминалось о кочевании хана в Барабинской степи. В XIX в. тамошние коренные жители сохраняли память о нем в виде следующего сюжета. Изгнанный русскими Кучум вознамерился бежать в «Бухарию» и стал звать с собой семерых братьев, живших в тех местах. Те сначала решили: *бармыш!* (пойдем), но так и не двинулись с места. Бараба с тех пор получила-де свое название от этого отказа[72]. В других преданиях рассказывается, что барабинцы долгое время были независимыми, но затем их западная часть подчинилась Кучуму, восточная – калмыцким предводителям-*тайшам*. С тем и другими связывались надежды на защиту от казахских набегов; эти надежды оказались напрасными, и жители Барабы покорились рус-

---

№ 2. С. 62; Радлов В.В. Указ. соч. С. 108, 253. См. также: *Титова З. Д.* Барабинские татары… С. 33.

[68] *Усманов М. А., Шайхиев Р. А.* Образцы татарских народно-краеведческих сочинений… С. 90–92.

[69] *Азнабаев Б. А.* Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства (вторая половина XVI – первая треть XVIII вв.). Уфа, 2005. С. 80.

[70] РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1597 г. Д. 1. Л. 1, 20.

[71] См.: *Валеев Ф. Т., Томилов Н. А.* Татары Западной Сибири: история и культура. Новосибирск, 1996. С. 12, 13.

[72] *Костров Н.* Каинская Бараба. С. 3.

ским[73]. Немногочисленное население Барабинской степи (в конце XVI в. – 1,5–2 тыс. чел.[74]), по мнению многих авторов, не принадлежало к числу изначальных подданных Кучума и было им подчинено во время ханствования в Искере или же частично примкнуло в период казачества; П.А.Словцов характеризовал их как Кучумовых «союзников малозависимых или независимых»[75]. Вместе с тем именно с эпохой Кучума барабинцы связывали свое благоденствие, относительно сытое и безопасное существование.

В сказаниях о событиях второй половины XVI в. сибирские тюрки отразили далеко не единодушную солидарность своих предков с бежавшим ханом. От тех же барабинцев известно о череде переговоров, которые тот вел с окрестными племенами. Татары в низовьях реки Тары отказались идти с ним в бухарское подданство со словами: *туруп-тураек* («живем и поживаем»), т.е. как жили здесь спокойно и беспечально, так и будем жить дальше, а с тобой не пойдем. Кучум в подражание этой фразе якобы насмешливо нарек их «проживателями» – *туралу~туралы* (это название действительно применялось к тарским татарам в XVII–XVIII вв. – правда, не только к ним). На средней Таре он встретил такой же отказ присоединиться к нему у аялынцев – жителей волости Аялы: «Мы живем звероловством, сейчас поставим в лесах самострелы – ая… как мы можем идти за тобой?». Кучум в ответ предрек им гибель по собственной вине – недаром, мол, их зовут *аялу*, т.е. самострельщиками. Наконец, барабинцы пообещали ему: *баратор – бараман* («иди, мы придем»), но так и не пришли, за что были прокляты Кучумом[76]. Удивительно, что рассказы о разрыве с Кучумом сложены в тех местах, где в действительности он находил поддержку во время своего казачества.

В предании тобольских татар аналогичная ситуация сопровождается иной игрой слов. Один из отрядов ханского войска пожелал задержаться, чтобы посмотреть на налимов, которых воины регулярно ловили; Кучум нарек их *кордаками*, от *корды* – «налим». Другой отряд решил немного подождать, за что был прозван *туралы*, т.к., по словам хана, «вы хотите ждать» (*тура-турсангыс*). Третий отряд попросил немного подождать с

---

[73] *Титова З. Д.* Барабинские татары… С. 133; *Усманов М. А., Шайхиев Р. А.* Образцы татарских народно-краеведческих сочинений… С. 97.

[74] *Томилов Н. А.* Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины конца XVI – начала XX в. Новосибирск, 1992. С. 110, 111.

[75] *Томилов Н. А.* Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX в. Томск, 1981. С. 168; *Frank A.* The Siberian Chronicles and the Taibughid Biys of Sibir'. Bloomington, 1994. P. 19; *Словцов П. А.* Историческое обозрение Сибири. Кн. 1. М., 1838. С. XXIV.

[76] Там же. С. 133, 134. Фигурирующие здесь этнонимы действительно являлись самоназваниями локальных групп сибирских татар – тарских (аялу, туралы), курдакско-саргатских (курдак) и барабинских (бараба). При этом самоидентификация как «татар» у названных групп стала проявляться не ранее XVIII в. (см.: *Томилов Н. А.* Этническая история тюркоязычного населения… С. 168, 171).

переселением, за что стал называться *аялы* (от *аял* – «отсрочка»). Наконец, четвертый отряд, тоже пожелав задержаться, пообещал догнать Кучума. Тот ответил: «Когда вы говорите нам “идите”, то пусть ваше имя будет Бараба (*бармас* – “не идти”)»; вар: «Так как вы говорите нам “уходите” (*баратырын*), то да будет ваше имя Бараба»[77]. Остроумное обыгрывание в народной фантазии топонимов и этнонимов иллюстрирует здесь отголоски реальной исторической ситуации.

Все эти легендарные сюжеты, имеющие явную задачу народно-этимологического объяснения местных названий, сходятся в том, что племена Юго-Западной Сибири отказали Кучуму в активной поддержке. Правда, речь здесь велась не о поддержке вооруженной борьбы с «неверными», а об уходе вместе с ним в чужие края.

Полагаю, что на таком отношении к казачествующему монарху могли сказаться некоторые обстоятельства его воцарения двадцатилетней давности и последующего правления.

К другому краю Сибирского юрта примыкала Башкирия. Выше приводились воспоминания калмыков о кочевании Кучума в «Коратабыни». Табынское объединение занимало обширные земли на Южном Урале. В числе шести составлявших его племен собственно табынцы включали девять родов, четыре из которых проживали в Зауралье, и самым многочисленным из них был род кара-табын, давший имя волости[78]. Кара-табынские башкиры имели репутацию самых преданных сторонников Кучума[79]. Данные о непосредственном участии табынцев в военных предприятиях хана мне не попадались. Но об их совместном с ним кочевании можно судить по грамоте от уфимского воеводы тобольскому 1601 г., где упоминается о приходе в Кара-Табынскую волость двадцати башкирских семей, которые прежде были вместе с Кучумом[80]. Они явно вернулись на родину после смерти своего патрона. С ссорой с Кучумом и отъездом от него башкирские предания связывают прикочевку в район Уфы легендарного Чин-

---

[77] *Костров Н.* Народные предания татар о Кучуме и Ермаке. С. 62; *Катанов Н. Ф.* Предания тобольских татар о Кучуме и Ермаке. С. 8, 9; Радлов В.В. Указ. соч. С. 107, 108.

[78] *Кузеев Р. Г.* Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. М., 1974. С. 246–248.

[79] *Чулошников А. П.* Феодальные отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII и первой половины XVIII вв. // Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. М.; Л., 1936. С. 26. Существует мнение, что многолетняя поддержка табынцами Кучума и Кучумовичей объяснялась их непосредственной вовлеченностью в улусно-крыльевую систему Золотой Орды, отчего они «вполне закономерно» сохраняли верность Чингизидам (*Буляков И. И.* Золотоордынские государственные традиции в управлении Уфимским уездом (вторая половина XVI – первая треть. XVIII в.): автореф. дис. … к. и. н. Оренбург, 2011. С. 21).

[80] *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. II. М., 2000. С. 197.

гизида Тура-хана с 8 000 или 80 000 кибиток[81]. Тем не менее именно каратабынцы составили впоследствии относительно долговременную опору Кучумовичей в их противостоянии с русскими властями. Б. А. Азнабаев даже считает табынцев (наряду с башкирами-катаями, сальютами, сынрянами и терсяками) основой отрядов Кучума в конце XVI в.[82]

Монархические полномочия Кучума в изгнании проявлялись в попытках привлечь военные силы татар, поднять их на борьбу с «неверными», а также в стремлении наладить налогообложение в подвластных местностях. Выше мы писали о волостях, население которых половину ясака платило русским властям, половину – Кучуму. Очевидно, с явлением так называемого двоеданничества русские впервые познакомились в Сибири именно при налаживании отношений с Кучумовыми ясачниками[83].

Правители татарских волостей отправляли в ханскую степную ставку своих посланцев с положенными выплатами («х Кучюму с ясаком»)[84]. Однако конкретное указание на состав ясачных выплат единично: татары Вузюковой деревни в окрестностях Тары ловили для хана в близлежащем одноименном озере рыбу, которую ежедневно забирали у них его посланцы[85]. Для таких податей в его пользу московские приказные служители использовали также термин *выход*[86], идущий от эпохи Золотой Орды. При этом резонно считалось, что плательщики выхода *голдуют* хану[87], т.е. находятся от него в определенной (вассальной или даннической) зависимости. Ясак ~ выход состоял, скорее всего, из натуральных выплат продуктами земледелия, скотоводства и промыслов.

---

[81] *Игнатьев Р. Г.* Турахана дворец. Чортово городище // Древности. Труды Московского археологического общества. Т. 2. Вып. 2. М., 1869. С. 46, 47, 51; *он же*. Памятники доисторических древностей Уфимской губернии // Справочная книжка Уфимской губернии. Уфа, 1883. С. 333.

[82] *Азнабаев Б. А.* Интеграция Башкирии… С. 194.

[83] Таким образом, возникновение данной практики налогообложения сибирских «иноземцев» следует отнести к 1590-м годам. Это важно отметить, поскольку в литературе существует распространенное мнение, будто она оформилась в следующем столетии. Как и во многих других отношениях, Западная Сибирь в данном случае послужила своеобразным полигоном для отработки правительством и воеводами методов управления новоприсоединенными владениями на востоке.

[84] РГАДА. Ф. 214. Кн. 11. Л. 40.

[85] Там же. Л. 9 об., 10; Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. I. С. 358. Озеро Вузюк – ерик Иртыша, заливная старица. На его берегу стояла татарская крепость Аялы, центр одноименной волости. Ситуация с поставкой подданными рыбы к ханскому столу трансформировалась в одном из татарских преданий о появлении в Сибири Ермака. Тот будто бы поселился на Тоболе, ловил стерлядей и самых больших рыб дарил хану (*Катанов Н. Ф.* Предания тобольских татар о Кучуме и Ермаке. С. 10, 11).

[86] РГАДА. Ф. 214. Кн. 11. Л. 35 об.

[87] Там же.

В первую весну после утраты Искера Кучум направил за ясаком в Тарханский городок «дворецкого своего Кутугая», который угодил в руки Ермаковых казаков. «Командировка» Кутугая имела целью «с подданных своих збирати соболи и лисицы и прочих зверей и рыб»[88]. Если рыба предназначалась непосредственно для пропитания, то ценную пушнину наверняка предполагалось обменять на товары у торговцев.

Известно, что жителям Сибирского ханства было знакомо хлебопашество. Об этом свидетельствуют как соответствующие орудия, найденные на развалинах Искера, так и присутствие хлеба в ясачных выплатах, привезенных Ермаку сибирцами. Однажды промелькнуло сообщение о собственной запашке татар-казаков: в 1598 г. Кучум направился «на Обь реку… где у него хлеб сеен»[89].

Пользуясь своим падишахским рангом, Кучум иногда пробовал организовать переселение подданных (или тех, кого он считал или стремился сделать таковыми). В середине 1590-х годов известны такие его шаги по отношению к жителям Аялынской волости. Узнав о намерении русских основать крепость – будущую Тару, он приказал своему сыну Али переселить татар из места расположения будущего города. Тот увел с собой 150 аялынцев и 50 человек из Малогородской волости и построил для них специальный городок[90]. Кроме того, выше цитировалась воеводская отписка о ханском приказе «лутчим людем» нескольких волостей перебираться «жить на Уби»[91]. Подобные принудительные миграции наверняка были незначительными: мы помним, как единодушно в фольклорных источниках отвергали сотрудничество с Кучумом местные татары.

Обстоятельства утраты власти Кучумом сделали его естественными главными врагами «неверных» русских – казаков Ермака и затем тех, кто пришел им на смену, – служилых, стрельцов, жителей новопостроенных городов и новооснованных деревень. Не меньшее раздражение и мстительные чувства вызывали у него те татары, что смирились с падением Сибирского юрта, подчинились власти воевод и более мелких начальников, начали платить подати в царскую казну и таким образом превратились в российских подданных.

Как известно, в августе 1585 г. хану удалось заманить Ермака в засаду и расправиться с ним. Видимо, в этой ситуации замерцала призрачная возможность отвоевания юрта. Во всяком случае татарское предание, переданное Миллером, рассказывает о дележе доспехов мертвого атамана: один панцирь был преподнесен в «мольбище белогорского шайтана» остяков, второй достался мирзе Кайдаулу~Чайдаулу, кафтан – беку Саид-

---

[88] Сибирские летописи. С. 321.
[89] Акты исторические. С. 2.
[90] *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. I. С. 358.
[91] Думаю, что здесь нет описки, и имеется в виду не река Обь, а озеро Убинское и речка Убинка, которые находятся в центре Барабинской степи.

Ахмеду (Сейдяку), сабля с поясом – карачи-беку[92]. То есть в тот момент вокруг Кучума якобы объединились ведущие политические силы: татарские беки во главе с карачи, тюркская родоплеменная знать в лице Кайдаула, беки-Тайбугиды, предводительствуемые Саид-Ахмедом, и верхушка подданных обских угров.

Однако подобное единодушие представляется фантастическим, и если какое-то подобие альянса и имело место, то лишь на протяжении самого короткого времени. На самом деле до этого карачи-бек, по Ремезову, откочевал прочь от Кучума, а Саид-Ахмед, кажется, еще не появился в поле зрения сибирцев из своей бухарской эмиграции.

В действительности никакой пользы убийство Ермака татарам не принесло. Оставшиеся без атамана казаки оставили Искер. Однако вскоре с запада стало прибывать подкрепление. Русские гарнизоны все умножались и усиливались. Правительство приняло решение учредить в Сибири особый административный центр, которому подчинялись бы местные органы власти. Сначала таким центром хотели сделать отвоеванную у татар Тюмень, но затем резиденцией верховных сибирских воевод стал основанный в 1587 г. Тобольск.

Согласно источников, некоторое время после расправы над казачьим атаманом Кучум не проявлял военной активности. Он обретался в своих южных кочевьях[93], в течение пяти лет не напоминая о себе новым властителям Сибири. Очевидно, его усилия были направлены на организацию быта и управления оставшимися ему верными степными улусами в условиях кочевого «казачества». Но в июне (по Миллеру) или в июле (по Ремезову) 1590 г. конница хана двинулась к Тобольску – Тобол-Туре, как звали его татары. Сам город не пострадал – по летописной трактовке, из-за охватившего хана «трепета и ужаса» перед противником, но были разорены «немногия веси агарянския» в пригородах[94]. Г. Ф. Миллер считал, что целью набега была военная добыча, а не война с русскими. Но думается, что для грабежа хан мог бы избрать менее рискованный маршрут, который не грозил столкновением с войсками главного сибирского наместника. Другим мотивом могло быть устрашение татар-ясачных плательщиков и возмездие им за переход на сторону завоевателей. Именно на татарское население Курдакской

---

[92] *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. I. С. 259; Сибирские летописи. С. 346.

[93] В соответствии с убедительной интерпретацией А. В. Матвеева и С. Ф. Татаурова, Бараба, Томское Приобье и Среднее Прииртышье были присоединены к Сибирскому юрту при Кучуме. Правящая элита этих местностей сохраняла преданность хану и составляла его опору (впрочем, не вполне надежную) в период его казачества (См.: *Матвеев А. В., Татауров С. Ф.* К вопросу об административно-территориальном устройстве Сибирского ханства // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Курган, 2011. С. 35, 36).

[94] *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. I. С. 272; Сибирские летописи. С. 350, 351; ПСРЛ. Т. 36. С. 68.

и Салымской волостей обрушился Кучум после отхода от Тобольска. Там он обогатился трофеями и нагнал страху показательными казнями.

Иногда в литературе встречается утверждение, будто Кучуму удалось вернуть себе стольный Искер после исхода оттуда оставшихся Ермаковых казаков[95]. Однако ситуация представляется таким образом, что Кучум лишь лелеял намерение напасть – не то на свою бывшую столицу, не то на Тобольск, но ограничился разорением окрестностей последнего[96]. Искер же был на некоторое время занят его сыном Али. Лишь список Спасского Строгановской летописи содержит версию, примиряющую противоречивые сведения о том, кто овладел Искером: «…царевич Алий, Кучюмов сын… пришед с своими людми во град; *по сем и отец его царь Кучюм прииде ту во град свой столный*, радовашеся»[97]. Из других известных мне источников только турецкий автор конца XVI в. Сейфи Челеби сообщает, что после двухлетней осады «город Тура» был отбит ханом у «неверных», но впоследствии вновь утрачен[98]. Однако для хрониста в далеких османских владениях простительна путаница в деталях: кто и при каких обстоятельствах отобрал у завоевателей неведомую для него «Туру» на краю земли.

Через год после этих событий отряд, посланный тобольским воеводой, разыскал в степи становище Кучума на озере Чиликуль и наголову разгромил его. Хан удалился на восток, в Барабу, и оттуда угрожал набегами – прежде всего татарским селениям. Для обороны их от нападений, а также для упорядочения ясачного сбора с местных двоеданцев летом 1594 г. на левом берегу Иртыша была основана крепость Тара. По официальным документам екатерининских времен, намерение состояло в том, чтобы «до конца низложить прежде бывшее владение хана Кучума, который непременно нападал и разорял, убивая всех тех татар, которые, отступя от него, Российскому скипетру отдалися…»[99]. До появления новой крепости русские власти были фактически вынуждены признавать правление Кучума в прииртышских волостях. В наказе первому тарскому воеводе А. В. Елецкому вменялось в обязанность «береженье накрепко от Кучюма царя держати. А которые ево волости по Иртишу про(меж) Тоболского и меж нового города (Тары. – *В. Т.*), (и в те) бы волости он, царь, однолично не вступался…». Однако вместе с тем предписывалось убеждать «царя», чтобы «ныне *он жил вверх нового города, в которых городкех пригоже*» – лишь бы «ему не приходить тех волостей, которые за новым городом будут к Тобольскому городу»[100] (т.е. расположенных к северу от Тары, в сторону Тобольска).

---

[95] См., например: *Скрынников Р. Г.* Сибирская экспедиция Ермака. С. 265.
[96] ПСРЛ. Т. 36. С. 35, 68.
[97] Сибирские летописи. С. 39.
[98] *Султанов Т. И.* Известия османского автора XVI в. Сейфи Челеби о народах Центральной Азии // Тюркологический сборник. 2003–2004. М., 2005. С. 261.
[99] Описание Тобольского наместничества. Новосибирск, 1982. С. 67.
[100] *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. I. С. 349.

Опасность нападения «кучумлян» на русские и татарские селения, угроза пленения ими тех, кто выбирался за пределы крепостных заслонов, все более подводила власти к военному и окончательному решению застарелой проблемы хана-казака.

В конце июля или в начале августа 1598 г. младший воевода Тары Андрей Воейков отправился в степь на поиски Кучума во главе отряда из 700 русских служилых и 300 татар. Решающее сражение состоялось на берегу Оби, в кочевом стойбище Кучума («на станах», как гласит летопись[101]). Обстоятельства битвы изложены в отписке Воейкова от 4 сентября 1598 г. Бой длился от рассвета до полудня. Хан был разбит и бежал. Погибли четыре царевича (в том числе Кучумов брат), шесть беков, десять мирз, пять аталыков, сто пятьдесят рядовых бойцов. Около сотни разгромленных «кучумлян» попытались спастись, преодолев Обь вплавь, но тарцы перебили их с берега выстрелами из пищалей и луков. Пятьдесят пленных воевода приказал казнить. Еще стольких же бежавших в степь настигла и перебила погоня, «не допущая до Чат». Кроме того, в руках победителей оказались пять сыновей Кучума, двое сыновей царевича Али б. Кучума и ханский гарем[102]. В памяти русских сибиряков это событие осталось как «Кучумов побой», «Кучумово побоище»[103].

Триста «мурз и мурзичей» (по Ремезову) ханской свиты явились в Тобольск, покорились, обязались платить ясак и вскоре составили костяк контингента тобольских служилых татар[104].

Кучума безуспешно искали на речных островах и в лесах за Обью. Уцелевшего придворного сеида Тул-Мухаммеда Воейков привел к шерти (присяге) и отправил к чатам и калмыкам на поиски исчезнувшего хана, дабы уговорить того смириться перед государем. Сеид явился в Тару только 5 октября и рассказал, что его поиски увенчались успехом. Оказалось, что еще во время сражения, «в кою пору дети его и люди бились», Кучум на судне отплыл вниз по Оби и пристал в двух «днищах» от места боя, в сопровождении около трех десятков татар и трех царевичей. На предложение сеида явиться к русским и повиниться перед царем он ответил решительным отказом, демонстрируя свой непримиримый нрав и нежелание предстать перед царем в качестве поверженного врага: «Не поехал деи я к государю… своею волею, в кою деи пору я был совсем цел, а за саблею

---

[101] ПСРЛ. Т. 14. 1-я половина. СПб., 1910. С. 51.

[102] Там же; Акты исторические. С. 3–5; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. I. С. 494; *Маслюженко Д. Н., Рябинина Е. А.* Прибытие Кучумовичей в Россию осенью 1598 – зимой 1599 г. (особенности статуса и повседневной жизни пленных Чингисидов) // История народов России в исследованиях и документах Вып. 4. М., 2010. С. 82–84.

[103] См.: Верхотурские грамоты конца XVI – начала XVII в. Сборник документов. М., 1982. С. 136; Акты исторические. Т. 2. С. 7.

[104] *Тычинских З. А.* Служилые татары и их роль в формировании общности сибирских татар (XVII–XIX вв.). Казань, 2011. С. 46, 47.

деи мне к государю ехать не почто, а нынеча деи я стал глух и слеп и безо всего живота…». Он сообщил, что собирается отправиться к ногаям, а одного из своих сыновей намерен послать в Бухару.

Дождавшись ухода тарцев с Оби, Кучум со своими спутниками и сеидом Тул-Мухаммедом вернулся на место боя и в течение двух дней занимался захоронением павших. При этом его гонец съездил к чатам с просьбой предоставить лошадей и одежду. Один из чатских мирз, Кожбахтый (Ходжа-Бахты), прислал ему шубу и одного (!) коня, а сам подъехал к правому берегу Оби в надежде переговорить с ханом. Однако тот, на всякий случай «поблюдясь Кожбахтыя», отошел на юг[105]. Оставленный всеми союзниками, Кучум предпочел в этот раз не связываться с ненадежными чатами.

О дальнейшем его пути русские источники рассказывают в общем единодушно: хан двинулся в «Колмацкую землю». Там его спутники угнали конский табун и скот, но калмыки настигли похитителей, отняли у них добычу и убили нескольких татар[106]. (Как мы видели, у чатов Кучуму не удалось выпросить достаточного количества лошадей, необходимых для дальних походов.) С.Ремезов уточняет путь передвижения: «в Каинскую землю к вершинам Иртышу реки на озеро Зайсан-Нор», а калмыки настигли его «на Нор-Ишиме у озера Кургальчина»[107]. То есть Кучум пересек Барабинскую степь и направился вдоль Иртыша к его верхнему течению, к озеру Зайсан, а затем отошел на запад – в верховья Ишима и Нуры. Г. Е. Катанаев сомневался в столь далеком перемещении разгромленных татар, считая, что, натолкнувшись в верховьях Ишима на калмыцкие кочевья, они угнали табун и попытались скрыться в глухих степях верхнего Приишимья[108]. Эти метания растерянных «кучумлян» менее всего напоминают какую-то организованную кампанию. Неубедительной выглядит версия царевича Каная б. Кучума о том, что его отца заманили «в Колмаки» бухарцы с намерением его убить[109]. Впрочем, в той сумятице, когда следы Кучума затерялись в степях, истинного виновника его смерти было сложно определить.

Дальнейшее местопребывание хана источники связывают с Ногайской Ордой. Скорее всего, это были восточные ее провинции – кочевья Алтыулов, т.е. подданных семьи Шейх-Мамая – правителя Ногайской Орды в 1540-х гг.[110] Средневековые авторы единодушны в описании враждебности, с которой ногаи встретили сибирцев. Мотивы вражды приводят-

---

[105] Акты исторические. С. 7.

[106] ПСРЛ. Т. 36. С. 68, 69; Летописи сибирские. Новосибирск, 1991. С. 206, 208; Сибирские летописи. С. 80.

[107] Сибирские летописи. С. 352.

[108] *Катанаев Г. Е.* Киргизские степи, Средняя Азия и Северный Китай… С. 42, 43.

[109] См.: *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. II. С. 197.

[110] То же мнение, правда, как гипотезу («мы можем осторожно предположить») см.: *Вайнштейн Ж.* Москва и Большая Ногайская Орда за кулисами покорения Сибири // Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей. Казань, 2009. С. 374. Ж. Вайнштейн почему-то посчитал, что юрт семьи Шейх-Мамая не составлял часть Большой Ногайской Орды.

ся разные. Ремезовская летопись приписывает ногаям жажду мести Кучуму за притеснения ногаев, осуществленные когда-то его отцом Муртазой, и неприемлемостью опасного сосуществования с пришельцем: «Ведомой ты и славной вор, Муртазелеев сын, и отец твой нам много зла соделал, и ты, хотя и нищ, то же и нам учиниш, что протчие твои люди от тебя же убиты напрасно и озлоблены»[111].

Есиповская летопись объясняет разлад боязнью ногаев перед русскими. Причем в разных редакциях данного памятника имеются любопытные расхождения. В основной редакции враждебная реакция ногаев на появление Кучума представлена как результат их страха перед нападением русских: «Яко русские вои уведают, яко ты зде пребываеши, да и нам такожде сотворят, яко ж и тебе»[112].

Забелинская же редакция отобразила опасение возможного уподобления Кучума Ермаку, бесчинств хана и его свиты в ногайских владениях: «Ты зде, царю, хош да и нам тако ж, как Ермак з дружиною своею, сотворити, яко ж тебе»[113].

Впрочем, при этих разночтениях сама история появления Кучума в Ногайской Орде, кажется, содержит признаки бродячего фольклорного сюжета о бегстве и гибели разбитого правителя. Правда, в большинстве текстов нет сведений о каких-то стычках и насильственной смерти хана[114]. Преклонный возраст, болезни и стресс от крушения всех надежд и перспектив уже сами по себе несли опасность для жизни.

Есть и иные версии места смерти хана, помимо Ногайской Орды, – упомянутое выше обвинение Канаем бухарцев в убийстве его отца «в Кол-

---

[111] Сибирские летописи. С. 352–353. На основе этого летописного сообщения гибель Кучума иногда объясняется в литературе местью ногаев – или за прегрешения Муртазы (*Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. I. С. 299), или за захват Кучумом кочевий мирзы Аулии (*Абдиров М.* Хан Кучум: известный и неизвестный. Алматы, 1996. С. 57).

[112] ПСРЛ. Т. 36. С. 69.

[113] Там же. С. 116. В любом случае нет резона сомневаться в факте «ногайской эмиграции» Кучума на том основании, что Ногайская Орда не могла, дескать, служить надежным убежищем от русских (см.: Атласи Һ. Себер тарихы. Сөембикә. Казан ханлыгы (тарихы әсәрләр). Казан, 1993. Б. 135).

[114] См., например: Сибирские летописи. С. 80 (Строгановская летопись: «бежав в Нагайскую землю и тамо зле окаянную свою душю изверже»); Абуль-Гази. Родословное древо тюрков. Сочинение Абуль-Гази, хивинского хана. Пер. и предисл. Г. С. Саблукова. Казань, 1906. С. 156 («укрылся у народа мангкыт и там отошел к Божию милосердию»); *Шакарим Кудайберды-улы*. Родословная тюрков, киргизов, казахов. Династии ханов. А.-А., 1990. С. 100 («ушел в земли мангытов и там умер»); *Яхин Ф. З.* Опыт восстановления «Генеалогического древа саидов Сибирского ханства» и проблемы средневековой истории Тобольского региона // Национальная история татар: теоретико-методологическое введение. Казань, 2009. С. 209 (родословие сибирских сеидов «Шеджере рисалеси»: «Кучум хан ушел из мира»).

маках»; приписывание этого убийства вогулам[115]; смерть настигла-де Кучума «в Каракалпацкой земле»[116] или среди башкир[117]. Долгое время ходили слухи, будто тот погиб в битве 20 августа 1598 г. или утонул в Оби при бегстве[118]. Мнения о разных местах смерти Кучума подогревались народной молвой о его могиле, которую «обнаруживали» на Алтае[119] и в окрестностях Тобольска[120]. Очевидно, сразу после смерти этого исторического деятеля его облик стал обрастать легендарными подробностями и внедряться в фольклор сибирских народов.

Хотя и принято считать 1598 год временем окончательного разгрома Кучума и «годом окончательного утверждения русских в Сибири»[121], хан, по-видимому, жил после этого еще около года. Практически отсутствуют упоминания о нем на страницах документов рубежа XVI–XVII вв. Но с 1601 г. некоторые источники называют «царем»~ханом его сына Али, что дает некоторое основание историкам приблизительно датировать смерть Кучума этим или скорее двумя предыдущими годами[122]. Место покойного хана заняло его воинственное потомство. В Западной Сибири, Башкирии и на севере казахских степей началась эпоха казачества Кучумовичей.

Казаки Малые Ногаи – утрата и обретение родины

Ветвь правящего в Ногайской Орде рода мангытов, к которой принадлежал мирза Гази б. Урак, в 1530-х годах оказалась оттеснена от власти. Выйдя из Орды около 1549 г., он фактически поставил себя вне ее улусно-эльной системы[123]. По понятиям той эпохи, Гази стал типичным

---

[115] Летописи сибирские. С. 208.

[116] Материалы по истории Башкирской АССР. С. 492.

[117] *Марджани Шихабуддин*. Извлечение вестей о состоянии Казани и Булгара. С. 130.

[118] Акты исторические. С. 3; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. I. С. 494, 495; *Шиле М.* Донесение о поездке придворного римского императора Михаила Шиле в 1508 году // ЧОИДР. М., 1895. Кн. 2. С. 4.

[119] См. выше сноску 51. На самом деле власть Кучума скорее всего не распространялась к востоку от Оби, в земли телеутов, кумандинцев и др. – ни во время его полновластного ханствования, ни в период казачества (см.: *Уманский А. П.* Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. Новосибирск, 1980. С. 111).

[120] *Пассек В. В.* Нечто о сибирских казаках и о Искере // Тобольский хронограф. Вып. 3. Екатеринбург, 1998. С. 84, 85; Тобольский хронограф. Омск, 1993. С. 40.

[121] *Щеглов И. В.* Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032–1882 гг. Сургут, 1993. С. 50.

[122] См., например: *Катанаев Г. Е.* Киргизские степи, Средняя Азия и Северный Китай… С. 43; *Миненко Н. А.* Хождение за «Камень» (начало Азиатской России: новое время) // Родина. 2000. № 5. С. 71; *Чулошников А. П.* Феодальные отношения в Башкирии… С. 26.

[123] О событиях, которые происходили в Ногайской Орде в середине XVI в., подробно см.: *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. М., 2001. Гл. 6, 7. Эли – ногайские племена.

скитальцем-казаком. Так он рекомендовал себя сам в обращениях к царю Ивану IV, так же расценивались его соратники[124]. «Мы на лихом месте живем… живем есмя на поле», – делились с царем родичи Гази в 1563 г.[125] «Лихое место» находилось в кумо-манычских степях и в Пятигорье, между Астраханским и Крымским ханствами. Именно это обстоятельство служило правителю Ногайской Орды, бию Исмаилу удобным поводом отказываться от походов на Крым в союзе с русской армией: пусть, дескать, сначала царь Иван Васильевич сгонит Гази с данного «промежка»[126].

Первое время ногаи-казаки обретались, вероятно, на степных пастбищах, следя за развитием событий разгорающейся смуты в Ногайской Орде. Гази в то время был чрезвычайно легок на подъем и использовал любую возможность, чтобы вторгнуться в Заволжье и сцепиться с Исмаилом (в 1555 г. ему вместе с сыновьями бия Юсуфа, убитого Исмаилом, удалось даже временно свергнуть его) или поучаствовать в крымско-ногайских военных интригах вокруг обреченной на русское завоевание Астрахани (в том же году он убил ее бывшего хана Ямгурчи)[127].

Позднее буйное казачество стало уступать место налаживанию стабильной улусной жизни. Гази сумел договориться с кабардинской знатью о базировании в труднодоступных горных местностях, что позволило ему стать практически неуязвимым. «И он стоит в крепостных местах, а надежа ему на черкасы, – сообщал царю в 1562 г. Исмаил. – В крепостях избывает, не дастся взяти»[128]. Он же писал о попытках Гази наладить торговлю с уже русской Астраханью – правда, пока через посредничество тамошних татар[129].

Под начало Гази стекались ногайские мирзы, вытесненные в ходе междоусобиц из родных заволжских мест или не желавшие подчиняться Исмаилу. Они двигались на Северный Кавказ в сопровождении сотен подданных, вместе с отарами и табунами. Таких переселенцев становилось все больше. В 1564 г. Урус, нурадин[130] Ногайской Орды, разоренной голодом, эпидемиями и распрями, с горечью отмечал, что «недруг наш Казы умножил, а нас мало»[131].

---

[124] См.: РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 5. Л. 214; Записки русских путешественников XVI–XVII вв. М., 1988. С. 188.

[125] РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 6. Л. 230.

[126] Там же. Л. 80 об., 91 об; Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. Казань, 2006. С. 325.

[127] Книга, глаголемая Летописец Федора Никитича Нормантского // Временник Московского общества истории и древностей российских. 1850. Кн. 5. С. 82; Летописец русский // ЧОИДР. 1895. Кн. 3. С. 24, 25; Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. С. 177; ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. СПб., 1904. С. 245; т. 20. 1-я половина. СПб., 1914. С. 560.

[128] РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 6. Л. 80 об.

[129] Там же. Л. 78 об., 79.

[130] Нурадин – правитель западных ногайских кочевий и командующий левым крылом войска Орды, второе лицо после бия.

[131] РГАДА. Ф.127. Оп.1. Д. 7. Л. 51.

Рост числа жителей и военного могущества нового ногайского юрта вызвали изменение статуса его лидера. Хронологический рубеж этого изменения может быть восстановлен по одному из донесений московского посла в Крыму А.Нагого. В конце мая 1569 г. тот узнал, что к хану Девлет-Гирею явился газиев посол с информацией о том, что «Тинехмат князь[132] с Казыем *мурзою* не помирились», а мирза Ак б. Юсуф оставил заволжскую Орду и «пришел… х Казыю *мурзе*». Вскоре после этого сам Ак прибыл в Бахчисарай. Хан его обласкал, отпустил обратно на новую родину 15 июня и «велел ему кочевать с Казыем *князем* вместе»[133]. Следовательно, Гази обзавелся бийским («княжеским») рангом.

Нет никаких намеков на то, что к этому был причастен крымский государь. Судя по всему, новое качество глава Казыева улуса приобрел в результате провозглашения его мирзами-соратниками. Может быть, прибытие туда Ака б. Юсуфа и стало той последней каплей, которая привела улусную аристократию к мысли, что новое ногайское владение достаточно многолюдно и сильно, чтобы заиметь собственного бия. Поскольку посол Гази в конце мая 1569 г. аттестовал своего патрона как мирзу, а прибывший в Крым вслед за ним в середине июня Ак б. Юсуф – как бия, то резонно допустить, что церемония «коронации» состоялась в первой половине июня 1569 г. С этого времени в Казыевом улусе появляется свой правитель, а сам улус уже может трактоваться не как полуразбойничье сообщество казаков, а как стабильная политическая структура – Малая Ногайская Орда (Малые Ногаи, Казыев улус).

Очутившись «на поле меж Черкас и Азова», эти выходцы из-за Волги поневоле оказались субъектами сложных международных отношений. Гази и его окружению пришлось налаживать сложные контакты с Крымом, Турцией, Россией и кавказскими княжествами. В западном Дешт-и Кипчаке второй половины XVI в. безраздельным гегемоном стало Крымское ханство, и одной из главных задач Гази должно было стать установление связей с Гиреями.

Первое время, до конца 1550-х годов, он, очевидно, не испытывал пиетета перед бахчисарайскими династами. Наверняка сказывалась традиционная неприязнь ногаев к крымцам. Еще в 1555 г. Гази поднял свои отряды против астраханского хана, поддерживаемого Девлет-Гиреем.

Однако уже в начале 1560-х годов пошли вести, будто «с крымским царем Казы мирза содиначился», «Казы мирза с крымским царем заодин». А в начале следующего десятилетия стало известно, что «Казыи… с товарищи во всеи цареве воле»[134]. В 1560 г. Гази заключил с Девлет-Гиреем договор, одним из пунктов которого значилось «Казы мирзе… Крыму не-

---

[132] Дин-Ахмед – бий Ногайской Орды, сын и преемник Исмаила.
[133] РГАДА. Ф.123. Оп. 1. Д. 13. Л.256, 269.
[134] Там же. Д. 14. Л. 23; ф. 127. Оп. 1. Д. 5. Л. 187 об.; д. 6. Л. 7 об.

дружбы никак не делывати»[135]. По мнению окрестных владетелей, данный союз был прочным и искренним и даже вызывал зависть у Больших Ногаев. Через семь лет их глава Дин-Ахмед просил хана жаловать его так же, как «брата нашего» Гази[136].

В Крымском же юрте само появление новой Орды ногаев считалось заслугой бахчисарайской дипломатии. «А Казыев улус – еще отца моего, Девлеть Киреева царева величества, устроенье», – писал в 1588 г. хан Гази-Гирей б. Девлет-Гирей[137]. По эпической версии, трое сыновей покойного Урака, включая трехлетнего Гази, явились к крымскому хану Адиль-султану и убедили его в своем происхождении от знаменитого ногайского героя Урака. «Мурзы хана стали с того времени относиться к братьям доверчиво, и хан… поклялся всегда защищать их и не мстить за своих предков», убитых некогда в ногайско-крымских столкновениях[138].

Подтверждением союза стал обмен младшими родственниками как заложниками (залог) дружбы. В таврическую столицу прибыли два газиевых кузена, а к нему были направлены на жительство сыновья Девлет-Гирея Мурад-Гирей и Фатх-Гирей – для того, «чтоб царь был верен ему (Гази. – *В. Т.*), а он бы был верен и крепок царю»[139].

А. А. Новосельский расценивал это сотрудничество как «интимную дружественную связь», П.А.Садиков – как «союз полувассального характера», А. П. Григорьев – как фактическое подданство Крыму[140]. Указанные определения описывают разные стороны и аспекты крымско-казыевских контактов. Главной же целью последних являлся, видимо, военно-политический альянс против общих врагов – в том числе России и Большой Ногайской Орды. Гази участвовал в кампании Гиреев против Астрахани 1569 г., походах на Москву 1571 и 1572 гг. Одним из пунктов соглашения между ними были как раз совместные действия на севере: «будет… тебе (хану. – *В. Т.*) белого царя воевати, ино… перед тобою яз (Гази. – *В. Т.*) саблею доведу». Девлет-Гирей в ответ обязался: «Князя (т.е. бия Больших Ногаев. – *В. Т.*) воевать яз тебе рать дам»[141].

---

[135] Там же. Ф.127. Оп.1. Д. 6. Л. 235; Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. С. 326.

[136] РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 12. Л. 343 об.

[137] Там же. Д. 17. Л. 192 об.–193.

[138] *Ананьев Г.* Караногайцы и их предания // Сборник сведений о Северном Кавказе. Т. 2. Ставрополь, 1909. С. 20, 21.

[139] РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 13. Л. 62об., 63; д. 14. Л. 23; ф. 127. Оп. 1. Д. 6. Л. 7 об., 235.

[140] *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948. С. 16; *Садиков П. А.* Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г. // Исторические записки. Т. 22. 1947. С. 160; *Эвлия Челеби*. Книга путешествия (извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в.). Вып. 2. М., 1979. С. 221 (примеч. А. П. Григорьева).

[141] Там же. Ф. 127. Оп. 1. Д. 6. Л. 11, 11 об.

Тем не менее нельзя рассматривать отношение казыевцев и их тогдашнего предводителя к крымскому монарху как безграничную преданность и абсолютную солидарность в политических вопросах. Случались и принципиальные расхождения. Например, в апреле 1574 г. Девлет-Гирей узнал, что Гази повоевал его данников-черкесов. Он потребовал от бия вернуть захваченный в походе полон, а самому с войском присоединиться к крымской армии, которая по приказу султана снаряжается в поход на волошского государя. Гази отказал: «Мне… полон как дать? Ведь… полон даром не доставаетца. У меня… людеи многих побили, и мне… люди свои на ком взяти? Полону черкесом не отдам, а сам к тебе не иду». – И не пошел[142].

Встречающееся иногда в литературе утверждение о подданстве Гази османскому падишаху[143] не находит убедительного подтверждения в источниках. Стамбульское правительство практически не общалось с Малыми Ногаями, а их контакты с его представителями в Азове активизировались при Гази лишь в конце 1560-х годов, когда Порта начала сколачивать коалицию в преддверии похода на Астрахань; во время самого похода казыевцы примыкали к турецкой части армии[144]. Кроме того, Азов привлекал их как рынок для приобретения хлеба, импортируемого из Турции[145].

Отношения с Московским государством развивались в основном в сторону охлаждения. В первые годы казачества, еще при бие Ногайской Орды Юсуфе (правил в 1549–1554 гг.), Гази обращался к Ивану IV с просьбой допустить его на жительство в его владения. Ту же просьбу он повторил в 1557 г. Царь не возражал («сколко похочешь, столко у нас живи»)[146], но до практического воплощения этих намерений дело не дошло. Гази обосновался в Черкесии и стал злейшим врагом Исмаила – союзника Ивана Васильевича. Планы переселения в Россию пришлось оставить. В начале 1560-х он уже пробовал выпросить из Москвы лишь жалованье. Царь вновь не отказывал, но одновременно сообщал Исмаилу о своем поручении донским казакам «промышляти, как уместно» над казыевцами[147].

Активные действия и неприязнь Гази к Большим Ногаям (т.е. заволжской «метрополии» – Ногайской Орде), а также его угроза русским «украйнам» заставляли московское правительство настраивать южных воевод «Казыя мурзу всех болши… воевати» – но только до тех пор, пока тот не изъявит твердого желания вступить в мирные отношения с Москвой. Кстати, в руках у кремлевских политиков имелось дополнительное средство воздейст-

---

[142] Там же. Ф. 123. Оп. 1. Д. 14. Л. 258 об.–259.

[143] См. например: *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами… С. 15; *Эвлия Челеби*. Книга путешествия. С. 221 (примеч. А.П.Григорьева).

[144] Записки русских путешественников XVI–XVII вв. С. 190; РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 2. Л. 41 об.

[145] *Новосельский А. А.* Из истории донской торговли в XVII веке // Исторические записки. Т. 26. М., 1948. С. 212.

[146] Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. С. 243, 244.

[147] Там же. С. 333, 335.

вия на вождя-казака: его сестра была замужем за служилым татарским царевичем Бек-Пуладом и давно осела в русской столице. Около 1562 г. она в письме к брату уговаривала его склониться к государеву жалованью[148].

Сближение наметилось, когда в октябре 1563 г. в Москву прибыло посольство от Гази и высших малоногайских мирз с декларацией о намерении служить великому государю. Русские поставили условие: или переезжайте жить на Русь, или служите нам «в Черкасех»[149]. И опять ничего не получилось. Во-первых, дьяки Посольского приказа посчитали, что обращения к царю составлены ногаями «невежливо»; во-вторых, начались казыевские набеги под Астрахань и угоны скота. Жесткий отказ встретило предложение степных послов выслать к Гази обретавшихся в Москве Юсуфовичей (царь не хотел усиления противников Большой Ногайской Орды). В 1565 г. было объявлено о полном прекращении посольских связей России с Казыевым улусом[150]. К концу 1560-х годов их отношения полностью расстроились, и Малые Ногаи превратились в постоянную угрозу для южного русского пограничья.

При всех попытках заигрывания с Москвой, Бахчисараем и Стамбулом истинной опорой казаков-выходцев из-за Волги стали кабардинские княжества. «Казыево пристанище у них» оказалось ядром будущей Малой Ногайской Орды. Исмаил не раз с досадой отмечал неуязвимость Гази под защитой горцев. Выше приводились данные о базировании его в горах. Те места были недоступны для кочевой конницы: «места крепки, без пушек и пищалеи взяти его (Гази. – *В. Т.*) немочно», «и как мы похотим воевать Казы мирзу, и он от нас убегает к черкасом»[151]. Если союз с Крымом был закреплен обменом почетными заложниками, то альянс с черкесами ознаменовался браком Гази с дочерью князя Пшеапшоки Кайтукина (не позднее 1562 г.)[152].

Если учесть женитьбу Ивана IV и Дин-Ахмеда б. Исмаила на дочерях главного противника Пшеапшоки – Темрюка Идарова в 1561 г., то становится ясно, что кабардинские княжества распределились по двум коалициям. Политическому объединению Ивана IV, Исмаила и Темрюка противостояла группировка Пшеапшоки, Гази, Девлет-Гирея и султана Сулеймана I. В литературе уже отмечалось, что женитьба малоногайского лидера на «Шепшуковне» позволила втянуть сильное кабардинское объединение в орбиту крымско-османской политики[153]. Гази участвовал в войнах князей

---

[148] РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 6. Л. 111, 114 об.

[149] Там же. Л. 230, 230 об., 248 об.–249 об.

[150] Там же. Д. 7. Л. 69, 69 об., 76 об., 77.

[151] Там же. Д. 6. Л. 86; Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. С. 313, 323.

[152] РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 13. Л. 41; ф. 127. Оп. 1. Д. 6. Л. 91.

[153] *Кушева Е. Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVII века). М., 1963. С. 236; *Попко И. Д.* Терские казаки с стародавних времен. Исторический очерк. Вып. 1. СПб., 1880. С. 54.

друг с другом, вместе с отрядами Пшеапшоки планировал удары по Ногайской Орде и по Астрахани[154].

В одном из походов против темрюковых кабардинцев Гази б. Урак сложил голову. В начале апреля 1576 г. в Бахчисарае узнали, что «Казыя мурзу убили и з братьею и з детми»; в сентябре того же года и московский царь поделился свежей новостью с правителем Больших Ногаев: «Да вести нам подлинные были, и не одны, что ходил в Черкасы Казыи мурза с азовскими людми, и в Черкасех его убили»[155].

Постепенно выяснились подробности. Приблизительно в марте 1576 г. Гази вместе с проживавшим у него крымским царевичем Иман-Гиреем напал на владения Темрюка, одолел местных ополченцев и с большим полоном двинулся назад. Ночью темрюковцы, внезапно напав на конских сторожей, отогнали боевых лошадей, а утром обрушились на пеших и потому ослабленных ногаев. Пали в бою Гази, два его брата, несколько сыновей. Иман-Гирей попал в плен. Из разгромленного войска не уцелел ни один человек. Сын Гази Хан, узнав о катастрофе, бежал из Малой Орды в Керчь, «потому что ему жить тамо (в Малой Орде. – *В. Т.*) не о ком». В августе в Крым явился измученный, покрытый ранами Иман-Гирей. Его выпустил на волю один из кабардинских князей Алгазуфа (за что был казнен темрюковцами)[156].

Гибель Гази очень опечалила хана Мухаммед-Гирея II: «Толко де на Казые де царьского имени не было, а камена был стена Крымскому юрту и Азову». Репутация погибшего бия была в глазах крымских сановников весьма высока – «а то были у него (хана. – *В. Т.*) на всякои воине первые люди – Казыевы»[157].

История Малой Ногайской Орды представляет собой пример угасания кочевой – изначально казачьей – политической структуры, лишенной земледельческой подпитки, стабильной системы передвижения народа и стад, стройной организации налогообложения и мобилизации ополчения. В то же время она явила редкий случай пусть недолгого и непрочного, но обширного и многолюдного социального образования казаков, которое обладало так и не реализовавшимся потенциалом для превращения в более стабильное политическое образование.

Преемники Гази возглавляли все более слабевший юрт. В течение первой половины XVII в. Малая Ногайская Орда распалась на отдельные улусные группировки, ее жители смешались с мигрировавшими из-за Волги кочевниками Большой Ногайской Орды (которая тоже развалилась из-за междоусобиц и калмыцкого нашествия). В конце концов ногаи перешли в подданство крымским ханам и османским султанам и расселились по всей степной полосе Северного Причерноморья и Предкавказья.

---

[154] РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 14. Л. 258 об.; ф. 127. Оп. 1. Д. 6. Л. 49, 91, 230, 235 об.
[155] Там же. Ф. 123. Оп. 1. Д. 15. Л. 34 об.; ф. 137. Оп. 1. Д. 137. Л. 366 об.
[156] Там же. Ф. 123. Оп. 1. Д. 15. Л. 40, 40 об., 44, 44 об.
[157] Там же. Л. 34 об., 40 об.

§ 2. Мещерские казаки

А. В. Беляков

Тюркские военные подразделения на службе московских великих князей появились довольно рано. В XV в. это было уже вполне обычное явление. В XVI в. оно испытывало свой расцвет. Служилые татары (казаки) в том или ином количестве фиксируются почти во всех уездах, где имелось поместное землевладение. Существовало несколько центров, где их было особенно много. Это Коломенский[158], Новгородский (переселенцы из Астраханского и Крымского ханств, а также некоторых иных регионов[159]), Романовский (казаки ногайских мирз[160]) уезды. Существовали и иные крупные и на настоящий момент не установленные центры[161]. Однако наиболее древняя и значительная по размерам группа тюркских казаков имелась в Мещере.

В русско-крымской дипломатической переписке конца XV – первой половины XVI в. регулярно встречаются упоминания о мещерских казаках[162]. Под ними, однако, следует понимать не русское казачество более позднего периода, а служилых татар. «Классическое» «русское» казачество в регионе известно документально с начала XVII в. Однако оно появилось здесь несколько ранее – во второй половине XVI в. и фиксируется в малом Шацком уезде[163]. При этом по своему социальному статусу они находились неизмеримо ниже служилых татар.

Прежде чем говорить о мещерских казаках, следует дать краткую характеристику региону. Мещера (Мещерский уезд) – это обширная территория, простирающаяся от г. Касимова на востоке до реки Суры на западе, заселенная в рассматриваемый период по преимуществу тюркскими и финно-

---

[158] *Моисеев М. В.* Землевладение служилых татар в Коломенском уезде в конце XVI в. (предварительные замечания) // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2017. № 2. С. 236–247.

[159] *Он же*. Представители политических элит покоренных татарских ханств в России второй половины XVI в.: Хосров-бек // Исторические биографии в контексте региональных и имперских границ Северной Европы. СПб., 2013. С. 43–47; *Селин А. А.* Татары-мусульмане и новокрещены в новгородской земле: формирование и функционирование малой социальной группы (конец XVI – начало XVII в.) // Quaestio Rossica. 2016. Т. 4. № 3. С. 93–110.

[160] Посольская книга по связям Московского государства с Крымом 1571–1577 гг. М., 2016 С. 62–64; *Антонов А. В.* Землевладельцы Романовского уезда по материалам писцовой книги 1593–1594 годов // Архив русской истории. М., 2007. Вып. 8. С. 574–601; *Беляков А. В.* Землевладение ногайских мирз в Романовском уезде второй половины XVI – первой половины XVII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 3. С. 15–16.

[161] *Антонов А. В., Кром М. М.* Списки русских пленных в Литве первой половины XVI века // Архив русской истории. М., 2002. Вып. 7. С. 149–196.

[162] Сб. РИО. СПб., 1884. Т. 41; СПб., 1895. Т. 95.

[163] Материалы по истории Шацкого уезда XVII века. Шацк, 2013. Вып. 1. С. 30–47.

угорскими народами. Славянская колонизация данных земель началась еще в XII в. (Городец Мещерский и Андреев Городок Каменный). Однако к рубежу XVI – XVII в. о преобладании русского (православного) населения в регионе можно говорить только по отношению к востоку края. Восточная и юго-восточная граница Мещеры была более чем условной. Здесь следует разграничивать места постоянного проживания и хозяйственной деятельности. Последние были более обширными и достигали на юге рек Хопра и Воронежа. Благодаря истории вхождения данных земель в состав великого княжества Московского, рассматриваемая территория имела уникальное административно-территориальное деление. Мещерский уезд (со второй половины XVI в. второе название – Шацкий уезд) делился на три стана: Борисоглебский, Замокошский и Подлесный. На территории Борисоглебского стана, в свою очередь, располагались Касимовский и Елатомский уезды. Замокошский стан составляли Кадомский и Темниковский уезды. Территория Подлесного стана совпадала с территорией Шацкого уезда. Для удобства мы будем называть последний малым Шацким уездом. Касимов представлял центр образования, получившего в историографии название «Касимовское царство». В настоящее время продолжается дискуссия о статусе данного образования[164]. Мы не будем подробно останавливаться на этой проблеме. Однако необходимо отметить, что имеющиеся в нашем распоряжении документы не позволяют говорить о том, что все служилые татары Мещеры подчинялись касимовским Чингизидам.

Используя терминологию административно-территориального деления Мещеры, известную с середины – второй половины XVI в., мещерских татар условно можно разделить на две группы: 1) татар Замокошского стана (Кадомский и Темниковский уезды); 2) касимовских (городецких) татар Борисоглебского стана (Касимовский и Елатомский уезды).

Время появления в регионе кадомских и темниковских татар сейчас точно установить не представляется возможным. Однако это произошло не позднее рубежа XIV–XV вв. и связано с князем Беханом[165]. Группа городецких татар стала формироваться с середины XV в., когда в Городце Мещерском поселили большеордынского царевича Касима (Трегуба) б. Улуг-Мухаммеда, пришедшего на службу к московскому князю Василию II Васильевичу, и его военный отряд. С этого момента в городе практически бес-

---

[164] *Беляков А. В.* Чингисиды в России XV –XVII веков: просопографическое исследование. Рязань, 2011.

[165] Приправочный список с дозорной книги города Темникова и Темниковского уезда 1613/14 г. Казань, 2015. С. 3–18; *Беляков А. В., Енгалычева Г. А.* Темниковское княжество по источникам XVI–XVII вв. // Средневековые тюрко-татарские государства. 2014. № 6. С. 62–71; *Акчурин М. М., Ишеев М.* Этнополитические структуры Мещеры в XVI веке // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2014. № 6. С. 4–17; *Они же.* Институт власти татарских князей в Российском государстве // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. Казань, 2014. Вып. 4. С. 5–27.

прерывно проживали татарские цари и царевичи из Большой Орды, Крымского, Астраханского, Казахского и Сибирского ханств. Вместе с каждым новым Чингизидом в регион приходили новые тюркские военные отряды. Они пополняли состав местных служилых татар[166].

Сложнее обстоит ситуация с татарами малого Шацкого уезда (цненские татары). Данный регион был присоединен к Мещере последним. В 1503 г., незадолго до своей смерти, его завещал дяде по материнской линии, Ивану III, рязанский удельный князь Федор Васильевич Третной[167]. Пока неизвестно документально подтвержденное наличие на данных землях рязанских служилых татар, но они известны на землях княжества под названием бордаковских татар (от с. Бордаково, ныне с. Огородниково Спасского района Рязанской области)[168]. Однако вполне возможно, что рязанские казаки, воевавшие в 1444 г. в битве при р. Листань (Листвянка), проживали именно здесь[169]. Следует заметить, что до середины XVI в. все упоминания о казаках на русских землях связаны исключительно со служилыми татарами. Также в русских документах назывались некоторые тюркские подразделения в сопредельных государствах, например ногаи, нанимавшиеся на службу в Азов (азовские татары). Цненские татары в документах упоминаются только после присоединения региона к Москве. В 1503 г. или несколько позднее Андреев Городок Каменный (ныне с. Темгенево Сасовского района Рязанской области), административный центр региона, был передан крымскому (касимовскому) царевичу Джанаю б. Нур-Даулету. Известно, что царевич «владел» городом, а значит, и получал доходы с будущего малого Шацкого уезда в 1508 г.[170] В это же время или несколько позднее в уезде фиксируются кадомские и темниковские татары[171]. Таким образом, Цненские служилые татары XVI–XVII вв. формировались из двух источников – татар Замокошского стана и крымских (городецких) татар. Об их взаимоотношениях на раннем этапе нам ничего не известно. Однако в середине XVI в. они дейст-

---

[166] *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., 1863–1887. Ч. 1–4; *Беляков А. В.* Чингисиды в России… С. 265–278.

[167] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М., 1950. С. 332–341.

[168] *Азовцев А. В.* Личные имена Рязанского уезда конца XVI в. (По материалам писцовых книг) // Рязанская старина. 2002. М., 2003. Вып. 1. С. 14–48; *Беляков А. В.* Чингисиды в России… С. 252; *Зайцев И. В.* Посольства из Казани в Крым 1549 года // Orientalistika Juvenile. М., 2000. Вып. 1. С. 90–91.

[169] ПСРЛ. Т. XII. М., 2000. С. 62. Главным аргументом против тюркского происхождения казаков, принимавших участие в сражении, у ряда авторов является упоминание того, что они пришли на ртах (лыжах). Однако при этом не объясняется, почему они не могли перенять этот способ зимнего передвижения у той же мордвы.

[170] *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование… Ч. 1. С. 206.

[171] ГАСО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 773. Л. 17; *Напольникова П. К.* Цнинская мордва. Вхождение в состав Московского государства в XVI – первой четверти XVII века: дис. ... к. и. н. Тамбов, 2017. Л. 28.

вовали как единая корпорация[172]. Рискнем предположить, что городецкие выходцы первоначально селились в с Бантаново.

Нам известна внутренняя организация мещерских служилых казаков (татар) в первой половине XVII в. однако мы вполне можем экстраполировать часть наших знаний на более ранний период. Служилые татары делятся на мирз (мурз и князей) и казаков. Мирзы – потомки родоплеменной знати. Казаки – выходцы из рядовых общинников. Размеры поместных окладов мирз и казаков кардинально не отличались. Хотя усредненные показатели у первых были несколько выше. Между этими двумя группами, по-видимому, существовало достаточно жесткое социальное разграничение. По документам XVI–XVII вв. нам не известны браки, заключенные между первыми и вторыми. Это облегчалось и тем, что проблем в поиске брачных партнеров не было. Численность и тех и других была приблизительно равной.

Уездные служилые, как правило, несли службу следующим образом – выходили на службу в два срока равным составом. При этом набор половин по количеству мирз и казаков, а также по размерам поместных окладов и годовых денежных дач был приблизительно одинаков. Но в XVII в. отмечается нечто новое. Ранее принявшие православие служилые татары по разным причинам покидали ряды своей служилой корпорации. Затем ситуация изменилась. Возможно, старая практика и сохранилась, но все же в каждой половине теперь мы видим по одному новокрещену (иногда по одному на уездную корпорацию)[173]. Подобная картина позволяет сделать предположение о том, что эти люди выполняли какие-то особые функции. В чем они заключались, на настоящий момент мы можем только догадываться. Но нужно особо отметить, что подобные новокрещены всегда были из казаков, никогда из мирз. При этом имели относительно высокие поместные оклады (200–350 четей), но не всегда самые большие среди казаков. Возможно, в их функции входило быть неким связующим звеном между татарами и православным командованием. Назовем их условно «комиссарами».

В этот же период встречается еще одна должность среди татар не встречаемая ранее – есаул, на которую также назначали только казаков. В настоящее время они известны в Касимове и Кадоме[174]. Но это не значит, что их не было в иных уездах. Бросается в глаза значительная разница в поместных окладах (150 и 300 четей). Они явно не могли быть «старшими» среди казаков или же помощниками (заместителями) главы корпорации. Однако вполне могли выполнять какие-то функции при русских головах. Но в любом случае эта должность, по-видимому, не воспринималась почетной и желанной для татар и, в первую очередь, мирз. Следует обратить внимание на то, что институт есаулов, по-видимому, являлся достаточно

[172] Книга Полоцкого похода 1563 г. СПб., 2004. С. 43. Л. 37 об.
[173] РГАДА. Ф. 210. Оп. 9.Стб.184. Столпик 5. Л. 39, 48, 75, 164, 177, 197, 200.
[174] Там же. Л. 72, 182; Стб. 1084. Столпик 1. Л. 23.

древним общетюркским явлением. Если обратиться к сибирским документам начала XVII в., то можно заметить одну интересную закономерность. При писцовых описаниях волостей ясачных татар во главе этих административно-территориальных единиц упоминаются князцы или мирзы, либо есаулы. При этом последние отмечены только в тех волостях, где отсутствовали представители родоплеменной знати[175]. Таким образом, мы вправе сделать предположение о том, что изначально есаулы представляли собой некую выборную должность из числа рядовых наиболее уважаемых общинников, необходимость появления которых возникала в случае гибели старой родоплеменной знати. Возможно, их статус был близок к статусу мордовских сотников. Среди служилых татар в России данная должность сохранилась в неком трансформированном и до конца не понятном для нас виде. Во многом это произошло из-за «равнодушия» русских составителей татарских десятин. Данная должность не представлялась необходимой для представителей московской администрации и поэтому фиксировалась от случаю к случаю. Возможно, воспринималась как часть имени того или иного человека. Нечто подобное мы наблюдаем с абызами (хафизами) в тюркских служилых подразделениях. Хотя последние были более значимым элементом в армии. Ведь без их посредничества нельзя было принести шерть (клятву) московскому государю. Они также были необходимы для проведения судопроизводства с участием мусульман[176]. Отметим и тот факт, что есаулы упоминаются среди сибирских служилых татар рубежа XVI–XVII вв.[177]

О статусе Еникеевых в Темникове нам известно из книги полоцкого похода 1563 г.: «Темниковские люди Еникей князь с товарыщи и с их людми»[178]. Таким образом, мы видим очень интересную ситуацию. Князь Еникей признается безусловным лидером темниковских татар. Но при этом другие мирзы содержат свои собственные военные отряды, напрямую не подчиненные Еникею. Данная модель еще более усложняется из-за мордвы. Мордва время от времени выставляла для участия в войнах из своей среды даточных людей. Однако некоторые представители этноса становились профессиональными воинами (служилая мордва), за что их пашня переводилась в поместья и освобождалась от государственных податей. Именно поэтому их часто называли тарханами. Они отправлялись на службу вместе с татарами и достаточно быстро сливались с ними в единое целое под названием служилые татары[179].

---

[175] Там же. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 11. Л. 235 об., 243 и др.

[176] *Беляков А. В.* Абызы (хафизы) в Московском государстве XVI–XVII веков // Средневековые тюрко-татарские государства. 2015. Т. 7. С. 40–45.

[177] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 11. Л. 10, 155 об., 161 об., 175 и др.

[178] Книга полоцкого похода 1563 г. СПб., 204. л. 27 об. с. 40.

[179] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 471; Писцовая книга татарским поместным землям Алатырского уезда 1624–1626 годов. М.; Н. Новгород, 2012.

Отсутствие подобной формулы по отношению к служилым татарам иных уездов вовсе не означает, что там не существовала подобная их организация. По крайней мере, у кадомских татар боевые холопы отмечены еще в начале XVII в. По царскому указу они были «роспущены на волю»[180]. Можно предположить, что появление упомянутого указа было обусловлено заботой о служилых татарах. Постоянное дробление поместий между всеми наследниками привело к тому, что подавляющее число мирз с трудом могли содержать боевых холопов. Мы вправе сделать предположение о том, что данный указ распространялся на все регионы России. В это же время (около 1617 г.) из-под управления романовских мирз вывели татар. Вскоре, однако, их вернули. По этому же документу мы отчасти можем судить и о возможной численности подобных отрядов (норме по выставлению боевых холопов). С 164 чети с 13 крестьянами и 9 бобылями можно было выставить служилого человека на коне в саадаке и еще одного человека на коне с саадаком[181]. Однако с поместья в 30 чети с двумя крестьянами и бобылем выставлялся один служилый человек на коне в саадаке[182]. А вот глава рода Еникеевых за активное участие в событиях Смутного времени[183] имел то преимущество, что «по государеву указу ходит на службу по особным грамотам со своим двором, а не з городом вместе, и бывает у воевод в полку»[184].

В Касимове имелись свои особенности. Дело в том, что после пресечения той или иной «династии» касимовских Чингизидов члены их дворов испомещались московским государем и создавали свою отдельную корпорацию. Так первым возник сеитов полк, в состав которого, по-видимому, вошли татары царевича Касима и члены дворов служилых Гиреев. Далее появился Царев (Шигалеев) двор. Его по преимуществу, скорее всего, составили казанские татары. Во 2-й половине XVI в. известен отряд детей астраханского царевича Абдуллы б. Ак-Кобека. В XVII в. военные подразделения касимовских Чингизидов составляли только 20–25 человек[185], хотя, как мы видели, ранее в них отмечалось по несколько сот человек.

Особой категорией мещерских служилых татар являлись станичники Посольского приказа. Все они были выходцами из касимовских, кадомских

---

[180] РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. №1084. Столбец 1. Л. 4, 76.

[181] Там же. Л. 4

[182] Там же. Л.5.

[183] *Беляков А. В.* Документы Темниковской и Кадомской приказных изб эпохи Смуты // Мининские чтения: 2012. Н. Новгород., 2012. С. 233–241; *Акчурин М., Ишеев М.* Татары Верхнего и Среднего Поволжья – участники Смуты начала XVII века // Этнологические исследования в Татарстане. Казань, 2010. Вып. IV. С. 42–64.

[184] РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 184. Столбец 5. Л. 139.

[185] *Беляков А. В.* Смотренный список касимовских татар царева двора и сеитова полка 1623 г. // Рязанская старина. 2004–2005. Рязань, 2006. Вып. 2–3. С. 358–380; *Он же.* Смотренный список касимовских татар царева двора и сеитова полка 1649 г. // Рязанская старина. 2004–2005. Рязань: Край, 2006. Вып. 2–3. С. 381–405.

и темниковских татар. Главной их обязанностью было сопровождать российские дипломатические миссии в мусульманские страны. Во 2-й половине XVII в. данная категория татар исчезает. Их потомки, однако, будут служить во внешнеполитическом ведомстве толмачами и переводчиками[186].

Следует отметить, что на протяжении всего времени своего существования мещерское тюркское казачество постоянно эволюционировало вместе с русской армией. Оно не было инородным элементом, который требовалось трансформировать. На каждом историческом этапе Московского государства отряды тюркского казачества находят свои прямые аналогии в структуре русской армии.

Что касается форм участия мещерских казаков в военных действиях, то на протяжении рассматриваемого периода они претерпевали определенные изменения. Изначально они должны были охранять юго-восточные рубежи великого княжества Московского. Однако дело не ограничивалось несением пограничной службы. Порой они совершали значительные походы в Степь.

В 1474 г. великий московский князь Иван III и крымский хан Менгли-Гирей заключили между собой договор о взаимопомощи в борьбе против общих врагов – Литовского княжества и Большой Орды. Касимовскому царевичу Сатылгану б. Нур-Даулету пришлось принять участие в ходе военной кампании 1491 г., организованной Москвой и Крымом против Большой Орды. Предполагалась одновременная атака на Большую Орду со стороны Крыма и Москвы в тот момент, когда та, обнажив тылы, традиционно уходила на свои кочевья между Днепром и Доном.

Сатылган возглавил объединенное войско касимовских татар и казанцев во главе с Абаш уланом и Бураш сеитом, а также отрядов московских и рязанских воевод. Кампания сложилась неудачно. Менгли-Гирей по ряду причин не решился отправить свои войска.

Выдвинувшись в степь, царевич Сатылган выслал вперед отряд князя Тонкача «с татары и русью», но внезапно на них напал Мусека мурза, сын мынгытского (золотоордынского) бека Азика (Хаджи-Ахмед) б. Дин-Суфи, «да Тонкача разгонял», отряд Тонкача понес потери: «иных людей перебили, а иных переимали». Сатылгану с полками пришлось отойти, где он дождался прибытия казанских подкреплений и продолжил движение на Орду. Войска царевича даже столкнулись с большеордынским ханом Абд ал-Керимом. Но Сатылгану не суждено было долго оставаться в степи, на коней пришло «божье посещение» и кони «учали теряться», царевич повернул домой «с Поле», но оставил уланов и князей и казаков и «русь», где они лето были «под Ордой… улусы у них имали и людей и кони отганиволи»[187].

Татары активно использовали преимущества проживания в контактной зоне и в том числе зарабатывали отгоном (воровством) лошадей у кочевни-

---

[186] *Лисейцев Д. В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003. С. 183–190; *Беляков А. В.* Служащие Посольского приказа 1645–1682 гг. СПб., 2017. С. 93–207.

[187] Сб. РИО. СПб., 1884. Т. 41 С. 147–149.

ков. В 30-е г. XVI в. ногаи постоянно жаловались на это[188], указывая на сотни и тысячи украденных лошадей. По-видимому, жертвами подобных действий помимо ногаев становилось и население Казанского, Крымского и Астраханского ханств. С одной стороны, эта деятельность приносила хороший доход. С другой, – следует учитывать что без лошадей кочевники не могли совершать свои набеги. Подобные регулярные действия («колящие удары») приводили к некоторому ослаблению противника и были весьма эффективны в степных войнах[189].Однако с середины XVI в. этот источник дохода постепенно сошел на нет. Казань и Астрахань вошли в состав Московского царства. А на Дону появился серьезный конкурент – донское казачество.

В первой половине XVI в. касимовские татары принимали активное участие в военных конфликтах в западном направлении. Кадомские, темниковские и цненские казаки несли преимущественно пограничную службу. Однако для участия в Полоцком походе 1563 г. их собрали воедино. Разрядные книги фиксируют 688 татар Шигалеева двора, 572 – Сеитова полка, 825 – кадомских, 369 темниковских. Подсчитать цненских татар не представляется возможным, их численность приводится вместе с мордвой – 232 человека. Всего 2 686[190]. Их количество в несколько раз превышает численность иных служилых татар и новокрещенов.

Больше всего татар было в Касимове (1 260), чуть меньше половины. Это выглядит особенно странным с учетом разгрома двора царя Шаха-Али в 1533 г.[191] По-видимому, причину этого следует искать в значительном переселении в Касимовский и Елатомский уезды татар с территории бывшего Казанского ханства. В Кадомском уезде татар было до 1/3 от общего числа Мещерских татар. Темниковская и цненская корпорации – наиболее малочисленные. Причины подобного распределения до конца не ясны. Степень освоенности того или иного уезда объясняет полученную картину только отчасти.

Следует также подчеркнуть тот факт, что в конце XVI и начале XVII в. мещерские татары из Кадома и Темникова дважды заселяли территории Арзамасского и Алатырского уездов[192]. Это говорит в том числе и о хорошей демографической ситуации среди данной группы населения Мещеры.

Во второй половине XVI в. Мещерские татары принимали участие в подавляющем большинстве войн что вело Московское государство. При этом в нашем распоряжении имеется документальное описание того, как

---

[188] Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549 гг. Махачкала, 1995. С. 92–94, 95, 130–131, 156.

[189] *Моисеев М. В.* Степные войны от Угры до ногайского погрома Крыма (1480–1522 гг.) [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2015. Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480–2015. Ч. I. С. 164. Режим доступа: http://www.milhist.info/2015/11/23/moiseev_1 (23.11.2015).

[190] Книга Полоцкого похода 1563 г. СПб., 2004. С. 40–43, Л. 27 об., 35 об., 37 об.

[191] *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование… СПб., 1863. Ч. 1. С. 281–285.

[192] Писцовая книга татарским поместным землям Алатырского уезда 1624–1626 годов. М.; Н. Новгород, 2012. С. 43, 46, 51, 73, 78, 80, 127, 135.

их использовали на поле боя. Татары, как правило, относительно равномерно распределялись по полкам. Только в 1577 г. их собрали значительно компактнее. Правильнее сказать, что они составляли более половины собранного полка, отправленного в июле из Пскова в Ливонские земли[193]. Сохранились сведения о форме использования служилых татар: «…и от себя посылали проведывать татар под люди и языков добывать, а, проведав и языков литовских добыв, под люди на заставы и на загонщики посылати от себя голов с татары…»[194]. Использование татар как загонщиков, скорее всего, было наиболее частым[195]. По-видимому, регулярно их привлекали для карательных операций с целью запугивания местного населения, а также лишения противника продовольствия путем опустошения окрестных поселений[196]. Часто они совершали набеги (возможно, и по собственной инициативе) с целью получить гарантированную военную добычу. Они выступали большими отрядами, до 300 всадников, и имели в своем составе русских дворян, скорее всего, приставов; при этом не выказывали особой стойкости и при малейшей опасности тут же ретировались[197]. Однако следует отметить, что разведка боем и набеги за добычей и не подразумевали ожесточенных сражений, во время которых количество жертв, безусловно, возрастала. Московские воеводы осознавали как их достоинства, так и недостатки. Но для того чтобы постоянно тревожить противника и тем самым ослаблять его, они подходили прекрасно[198].

Что касается боеспособности служилых татар, то она, конечно, зависела от многих факторов, но все же постепенно падала. Главная причина – малоземелье татар. «Татары, помощью которых он (Иван IV. – *А. Б.*) очень часто пользуется в войнах по причине очень необычайного мнения, которое он получил об них, живут, довольствуясь небольшою частью полей и добычей, которая для них не ограничена»[199]. Можно заметить, что падение боеспособности татарской конницы находилось в прямой зависимости от длительности проживания той или иной корпорации в России. При выезде служилые татары, по-видимому, обладали хорошими лошадьми и вооружением. Но изменение привычной среды обитания и последовавшая за этим смена форм хозяйствования, наделение незначительными поместьями

---

[193] Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Ч. 3. С. 482.

[194] Документы походного архив воеводы кн. Василия Дмитриевича Хилкова 1580 г. // ПИВЕ. М.; Варшава, 1998. Т. III. С. 213.

[195] Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 199.

[196] *Пиотровский С.* Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию. Псков, 1882. С. 215.

[197] *Гейденштейн Р.* Записки о московской войне. СПб., 1889. С. 222.

[198] *Дзяловский Л.* Дневник осады и взятия Велижа, Великих Лук и Заволочья с 1-го августа по 25 ноября 1580 г., веденный Лукою Дзялынским, старостою Ковальским и Бродницким // Дневники второго похода Стефана Батория на Россию (1580 г.). М., 1897. С. 32.

[199] *Принц Д.* Начало и возвышение Московии. М., 1877. С. 31.

не позволяли татарам, в первую очередь рядовым казакам, иметь хороших лошадей и вооружение. Так, романовские татары вскоре после выезда упоминаются в наиболее боеспособном ертаульном полку (1571 г.), так как они «собою дородны и к ратному делу досужи»[200]. Впоследствии татары не отмечались в данных частях.

В условиях постоянной агрессии с Юга и Востока в XV – первой половине XVI в. татарские отряды лучше всего подходили для отпора небольших набегов из Казани, Крыма и ногайских степей. На западном направлении татарская конница, судя по всему, действовала менее успешно. Прямых столкновений с западноевропейскими полками татары не выдерживали. Строительство засечной черты серьезно изменило систему обороны южной границы, а вместе с тем и значение служилых татар. Низкую их боеспособность отмечали и иностранцы[201]. Правда, подчас в «татарах» у европейских авторов все же приходится видеть русских[202]. С другой стороны, в Европе ходили слухи о страшной жестокости татар, доходившей до людоедства[203]. Данные сообщения можно рассматривать и как своеобразную информационную войну, направленную против России ее противниками, и как боязнь всего неизвестного. Любая война сопровождается насилием и жестокостью. Не с лучшей стороны проявляли себя порой, и русские[204]. Однако об особой изобретательности татар в пытках, применяемых к пленным, писали и в Смутное время[205]. В то же время излишняя жестокость в ходе обычных войн была экономически невыгодна служилым татарам. Полон приносил весьма значимую часть доходов мещерским татарам. Захваченное в плен неправославное население либо оставлялось для занятия земледелием, либо продавалось ногайцам, молодые женщины нередко становились наложницами[206].

Однако жестокости военного времени неизбежны. Принимали в них участие, конечно, и татары. Так, в 1577 г. при взятии города Ашерадина им на поругание отдали многочисленных женщин и девиц[207]. Но данное сообщение можно рассматривать и как выдачу служилым татарам жалования полоном. К примеру, сведения о невольниках немцах и литовцах у кадом-

---

[200] Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 242; ПСРЛ. Т. XIII. С. 371.
[201] *Гейденштейн Р.* Записки о московской войне. СПб., 1889. С. 36.
[202] *Шаум М.* Tragoedia Demetrio-Moscovitica // ЧОИДР. М., 1847. Т. 2. С. 15.
[203] *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование… СПб., 1863. Ч. 1. С. 430–445.
[204] *Хорошкевич А. Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003. С. 206–207.
[205] *Тюменцев И. О.* Смута в России в начале XVII в. Движение Лжедмитрия II. Волгоград, 1999. С. 512.
[206] *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. М., 2002. С. 536–538; *Принц Д.* Начало и возвышение Московии. М., 1877. С. 66.
[207] *Гейденштейн Р.* Записки о московской войне. СПб., 1889. С. 4.

ской мордвы встречаются регулярно[208]. Можно говорить о мифологизации образа татар на Западе, в первую очередь, через приписывание им особой жестокости. Отчасти она объясняется тем, что для западноевропейца татарин был более чужим и непонятным, нежели русский.

Мещерские татары принимали самое активное участие в событиях Смутного времени. При этом их можно было встретить в диаметрально противоположных лагерях. Но на исходе Смуты все они поддержали II Ополчение. Подписи некоторых из них стоят на акте об избрании на царство Михаила Федоровича в 1613 г.[209]

В XVII в. мещерские татары по-прежнему принимают участие во всех сражениях Московского государства. Как и вся армия России, их отряды претерпевают постепенную реорганизацию. Уже в 30-е гг. XVII в. мещерские татары начинают постепенно переходить в рейтары и даже солдаты. Их главным источником существования становится поденный корм, а не поместное жалование[210]. В 1658/59 г. в рейтары перевели значительную часть кадомских татар. Но это не привело к росту их благосостояния. В сказках, поданных ими в июне 1673 г., многие из них отмечали, что на протяжении многих лет оставались с неизменными поместным окладом и денежным жалованием. Доходы с крошечных поместий и более чем нерегулярная военная добыча являлись источником существования их и их семей[211]. Интересны следующие наблюдения. В 30-е гг. XVII в. в рейтары перешли по преимуществу князья и мирзы. Во второй половине века среди рейтар мы видим больше рядовых татар. Есть все основания считать, что тогда же в рейтары перевели и иных мещерских татар. В результате потребностей русско-польской войны 1654–1667 гг. с конца 1656 г. правительство стало переводить большую часть поместной конницы в полки нового строя[212]. В 1678 г. служилым людям, владевшим менее 24 крестьянских дворов, было предписано служить в полках «нового строя» – рейтарских, драгунских и солдатских[213]. Татары как специфическая часть русского войска к этому моменту изжили себя. Кризис нагляднее всего заметен в сознательном отказе от военной службы. На рубеже XVII – XVIII в. часть касимовских служилых татар предпочитала ежегодно платить рублевую пошлину нежели идти на военную службу. При этом с каждым годом та-

---

[208] *Беляков А. В.* Писцовая книга мордовских сел Кадомского уезда 138-го (1629/30) года // Средневековые тюркско-татарские государства. Казань, 2013. Вып. 5. С. 154–210.

[209] *Акчурин М. М.* Татарские подписи к утвержденной грамоте 1613 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 3. С. 5–6.

[210] РГАДА. Ф. 210. Разряд. Книги Московского стола. Кн. 44. Л. 44об.–45, 89об.–90, 184, 205, 230, 534.

[211] Там же. Ф. 1122. Оп. 2. Д. 1673, 2100, 2137.

[212] *Малов А. В.* Русско-польская война 1654–1667 гг. М., 2006. С. 22.

[213] *Габдуллин И. Р.* От служилых татар к татарскому дворянству. М., 2006. С. 24–24.

ких людей становилось все больше[214]. Поэтому их перевод в однодворцы выглядит вполне логичным и оправданным[215].

Что касается материального и социального положения мещерских служилых татар, то здесь мы сталкиваемся с проблемой сохранности источников. У нас имеется возможность реконструировать ситуацию в Темниковском уезде.

В дозорной книге Темниковского уезда 1614 г. татары подразделяются на князей, мирз и рядовых татар-казаков, которые все обозначены как служилые татары. Князья и мирзы относились к «служилым людям по отечеству». По косвенным данным, в середине XVI в. отдельные князья могли обладать до 600 четей пашни и 3 000–5 000 копнами сена. Помимо этого некоторым из них жаловалось «княжение» (разновидность волостелей с пожизненным наследственным статусом) над местной мордвой, с которой они получали фиксированный ясак. Далее эти владения оказались сильно раздроблены между многочисленными наследниками. Однако к концу XVII в. в руках некоторых князей оказалось сконцентрировано до 1 000 четей пашни.

Ситуация с татарами-казаками несколько сложнее. Они условно делятся на две группы. К первой мы относим тех, чьи поместья имеют ту же структуру, что и у князей и мурз. Их отличают относительно большие размеры пашни (до 20–30-ти четей) и значительное количество сенных покосов. Соотношение пашни к копнам достигает 1:40. У некоторых мурз 1:100. Они также являлись «служилыми людьми по отечеству». Ко второй группе относятся мелкопоместные казаки (около 5 четей). Соотношение пашни к сенным покосам у них, как правило, 1:2.

Помимо этого, рядовые представители служилого сословия условно подразделяются на:

1) собственно казаков (служилых татар);
2) тарханов, или тарханцев;
3) служилых мордовских казаков;
4) служилую мордву-тарханов.

По имущественному положению к ним близки засечные сторожа и белопашцы. Судя по именам, – это также этнические татары. В ряде случаев их даже называют «белопашцы служилые татарове» или «белопашцы татаровя». Данные группы служилых людей относились к служилым людям по прибору.

В исследуемом регионе большое развитие получили вотчины «бортные ухожеи». Отдельные служилые татары вообще не имели пашни и, судя по всему, кормились с подобных вотчин[216]. К тому же обладание обширными бортными ухожеями в сочетании с наличием рабочих рук

---

[214] ГАРязО. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 339, 394, 423, 425, 444, 468, 527.

[215] *Беляков А. В.* Служилые татары Мещерского края XV–XVII вв. // Единорогъ. Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. М., 2009. Вып. 1. С. 160–195.

[216] РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. №1084. Столбец 1. Л. 20, 25.

(крестьян) создавали возможность относительно быстрого увеличения пашни и сенокосов путем расчистки леса. Крестьяне имелись почти исключительно у князей и мирз. Другие служилые татары отдавали землю в наем, обрабатывали ее самостоятельно или руками захребетных татар. Природа бортных ухожеев до настоящего времени не выяснена. Известно только, что при распашке подобных лесов пашня засчитывалась в поместный оклад[217].

В конце XVII в. на мусульман Мещеры стало оказываться давление, ставящее своей целью заставить их креститься. По указу от 16 мая 1681 г. предписывалось отобрать у татарских мирз поместья и вотчины с православными крестьянами на том основании, что они «в поместьях своих и вотчинах крестьянам чинят многие налоги и обиды, и принуждают их к своей басурманской вере и чинят осквернение». Отобранные земли нередко передавались их крещенным родственникам[218]. Ситуации, спровоцировавшие появление цитировавшегося указа, вполне могли иметь место. Но все же это был только предлог для увеличения православной паствы. Об этом говорит уже то, что за принявшими святое крещение не только оставляли крестьян, но и выплачивали денежное вознаграждение: мирзам – 10, их женам – 5, а детям 2,5 рубля. Это привело к смене веры частью служилых татар. Однако уже на следующий год из-за противодействия татар этот указ был отменен[219]. Это неизбежно привело к трагедиям во многих семьях, когда раскол произошел по лини вероисповедания и отяготился возможностью поправить свое материальное положение одной стороной за счет другой[220]. Следует сказать, что и без того татары постепенно добровольно принимали православие в массовом порядке. В 1677/78 г. крестилось 17 кадомских и 41 темниковский татарин[221]. Подобный же поворот привел к ложному крещению некоторой части служилых татар и последовавшим вслед за этим судебным разбирательствам о «скидывании креста»[222]. Больше всего от смены веры выиграла знатная верхушка. Их за крещение жаловали в стольники и признавали за частью из них права на наследственный княжеский титул. Желание царя Алексея Михайловича способствовать распространению православия привело к массовой раздаче княжеских титулов новообращенным татарам и мордовским старшинам. Произошло значительное падение значения титула. Дело дошло до того, что в 1675 г. издали указ, по которому название кого-либо князем без имени стало считаться бесчестьем. А в XIX в. среди русского народа существовало устойчивое и не лишенное смысла пред-

---

[217] Приправочный список с дозорной книги города Темникова и Темниковского уезда 1613/14 г. Казань, 2015.
[218] ПСЗ. Т. II. СПб., 1830. № 867. С. 312–313.
[219] РГАДА. Ф. 1122. № 923. С. 403.
[220] РГАДА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 1.
[221] Там же. Ф. 1122. Оп. 1. Д. 146.
[222] Там же. Оп. 1. Д. 60, 251.

ставление о каждом татарине как князе[223]. В 1680-х г. начался массовый отток мещерских татар в восточные регионы, в частности в Башкирию. Там подобных выходцев называли мишарями.

§ 3. К истории появления украинского казачества

Б. В. Черкас

Украинское казачество, появившись в конце XV в., быстро заявило о себе как о серьезном военно-экономическом, а постепенно и политическом факторе. Частоту упоминания о нем в документах того времени можно сравнить со снежным комом. Первые свидетельства об украинских казаках относятся к началу 1490-х гг., когда фиксируется их наименование в официальных документах того времени. Хотя, скорее всего, речь идет о свершившемся факте. Ведь еще в 1489 г. существует, по крайней мере, два упоминания в источниках, которые можно связать с казачеством. Во-первых, в хронике М. Бельского описано, как казаки указывали путь и служили разведчиками в польско-литовской армии во время ее похода на татар[224]. И во-вторых, примерно в 1488 – начале 1489 г. в районе Тованской переправы «люди» киевского воеводы Юрия Пацевича напали на московский купеческий караван, возвращавшийся из Крыма[225]. Правда, во втором случае слово «казак» не упоминается. Но место и сам характер событий соответствуют более поздним казацким нападениям.

В 1492 г. киевляне и черкасцы на нижнем Днепре захватили татарское судно и ограбили подданных крымского хана. Великий литовский князь Александр обвинил в этом именно казаков[226]. В следующем году уже хан называет нападавших на московского посла Субботу казаками из Черкасс[227]. По большому счету, оба упоминания являются лишь вершиной «айсберга» процесса стремительного развития казачества. В декабре 1499 г. хан Менгли-Гирей жаловался московскому правителю Ивану Васильевичу на подданных Великого княжества Литовского, которые регулярно на лодках нападают на окраины Очакова, а также беспошлинно берут соль[228].

Подтверждение этому находим в уставной грамоте киевским мещанам 1494 г. В ней налогообложению казаков, занимающихся «уходничест-

---

[223] Карнович Е. П. Родовые прозвания и титулы в России. М., 1991. С. 176–177.
[224] Kronika Marcina Bielskiego. Sanok, 1856, T. II (Kn. IV, V). S. 882.
[225] Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. I // Сборник Российского Исторического Общества. СПб., 1892. Т. 35. С. 23.
[226] Lietuvos Metrika. Kn. 5 (1427–1506). Vilnius, 1993. C. 66.
[227] *Грушевський М.* Історія України-Руси. Т. 7. К., 1995. С. 83.
[228] Памятники дипломатических сношений… Т. 35. С. 290.

вом», уже посвящены отдельные пункты[229]. К тому же в этом документе сказано, что мещане должны сообщать местным властям о тех купцах и казаках, которые остановились у них на дворе «по древнему обычаю»[230]. Итак, казаки являются уже постоянным элементом населения, по крайней мере, Киевщины.

С начала XVI в. мы имеем целый ряд сообщений об украинском казачестве. В 1500 г. черкасские и киевские казаки устроили засаду на московского посла[231]. Зимой 1502/1503 гг. они на лодках перекрыли днепровские переправы и совершили нападение на крымское посольство[232]. Вероятно, именно после этих событий киевскому ключнику Семену Полозовичу великий князь Александр приказал сделать обыск среди казаков. Согласно документу Семен Полозович тогда «забрал на город» вещи умершего казака, т. к. по закону выморочное имущество в случае отсутствия родственников «переходит на наместника Черкасского». Интересно, что часть полученного Полозович раздал своим слугам «на однорядки», а уже ценные камни и жемчуга отправил великому князю[233]. Эти события интересны тем, что в них мы впервые узнаем об именах конкретных казаков, а также об их службе в отрядах пограничных чиновников, в данном случае – киевского воеводы князя Дмитрия Путятича[234].

Летом 1504 г. казаки снова на днепровской переправе напали на турецких купцов и крымское посольство. Литовский правитель приказал черкасскому наместнику поймать нападавших. Для этого последний якобы даже по полям их разыскивал и кого-то задержал[235]. Но, как показывают события 1507 г., этот обыск был всего лишь фарсом, поскольку казаки находились в Черкассах и вели себя по отношению к хану достаточно вызывающе. Тогда, согласно жалобе Менгли-Гирея, от него убежал слуга. Когда ханский посол увидел беглеца в Черкассах, то попытался арестовать его. Но последнего защитили местные казаки[236]. Весной и летом 1510 г. казаки часто появляются в окрестностях вновь построенной крымской крепости Ислам-Кермен. Самой громкой акцией казачества тогда стал захват табуна в 150 лошадей. Причем, как отмечал крымский правитель, табун отвели в Черкассы[237].

---

[229] *Грушевський М.* Історія України-Руси… Т. 7. С. 81.
[230] *Клепатский П. Г.* Очерки по истории Киевской земли. Одесса, 1912. С. 514.
[231] Там же. С. 518.
[232] *Грушевський М.* Історія України-Руси… Т. 7. С. 84; *Голобуцкий В.* Запорожское казачество. К., 1957. С. 65.
[233] *Яковлев А.* Намісники, державці і старости господарського замку Черкаського в кінці XV і в XVI в.в. К., 1907. С. 7.
[234] Там же. С. 7.
[235] *Pulaski K.* Stosunki z Mendli-Girejem chanem tatarów perekopskich (1469–1515) // Stosunki Polski z Tatarszczizna od polowi XV wieku. Kraków; Warszawa, 1881. S. 269.
[236] Lietuvos Metrika. Kn. 8 (1466–1514). Vilnius, 1995. C. 78.
[237] *Pulaski K.* Stosunki z Mendli-Girejem… S. 359.

По всей видимости, были и другие казацкие нападения, сообщения о которых не дошли до нас. Следствием казацкой активности стал план Менгли-Гирея по перестройке Очаковской крепости, перегораживания Днепра цепями[238] и засыпания речушки, которая обтекала остров Товань, лесом и камнями. Согласно документа казаки по этой малой речке незаметно обходили татарские города[239]. Неизвестно, попытался ли хан воплотить в жизнь этот оборонительный проект. Скорее всего, нет, поскольку на предстоящее десятилетие приходится спад казацкой активности, связанный, по-видимому, с выступлением князя Михаила Глинского и двумя литовско-московскими войнами.

Уже в первые два десятилетия казацкой деятельности (по крайней мере, известной на сегодня) вырисовывается основное направление походов украинских казаков – нижнее течение Днепра и Южного Буга. Это направление диктовалось географическими, стратегическими и политическими факторами. Реки служили удобным путем для казаков, которые, используя лодки, спускались со среднего Приднепровья до устья Днепра и тем же маршрутом возвращались обратно. Стратегически междуречье Южного Буга и Днепра было очень выгодной территорией. Здесь находились основные водные переправы, через которые проходили крупные торговые пути из Крыма в западные страны, а также старый путь «из варяг в греки»[240]. Здесь также располагались и летние кочевья крымцев. Кроме того, в районе Хаджибея добывалась и экспортировалась на север соль[241], а несколько севернее Товани начиналась зона уходов, которые активно эксплуатировались украинским населением, в частности, казаками[242].

Политическая причина заключалась в том, что Северное Причерноморье в XV в. принадлежало Великому княжеству Литовскому, но в 80-х годах XV в. было отнято у него Крымским ханством[243], правители которого превратили этот район в плацдарм для наступления на соседние страны. Таким образом, казацкие походы на эти территории подрывали власть крымцев и отвечали государственному курсу Великого княжества Литовского, которое официально не отказывалось от Северного Причерноморья.

Как уже отмечалось, вторая декада XVI в. характеризировалась уменьшением казацкой активности. Крымцы после поражения под Вишневцом в 1512 г. несколько лет воздерживались от крупных походов на украинские земли Литвы и Польши.

---

[238] Idem. S. 379.
[239] Idem. S. 380.
[240] *Сидоренко В. І.* Українські землі у міжнародній торгівлі (IX – середина XVII ст.). К., 1992. С. 100–118.
[241] Acta Tomiciana. T. 6. Poznan, 1857. S. 103.
[242] *Каманин И.* К вопросу о козачестве до Богдана Хмельницкого. К., 1894. С. 9.
[243] *Черкас Б.* Україна в політичних відносинах Великого князівства Литовського з Кримським ханатом (1515–1540). К., 2006. С. 31.

В 1515 г. нападения с юга возобновились. Тогда на литовско-польское приграничье напали отряды Белгородской Орды[244]. В следующем 1516 г. уже непосредственно крымцы перешли в наступление. Хронист М. Стрыйковский упомянул об участии казаков в битве под Вишневцом[245]. Более точные упоминания о действиях казачества содержатся в документах за 1519[246] и 1522[247] гг. Причем вторая дата является не указанием конкретного действия казаков, а итогом их деятельности накануне.

Этапным событием в истории казачества являются события 1524 г. В этом году по приказу Сигизмунда Старого пограничные наместники Семен Полозович и Криштоф Кмитич в Киеве набрали отряд казаков. После этого на лодках они спустились к Тованской переправе, где успешно атаковали крымцев, которые возвращались из похода на Польшу. Причем казаки целую неделю контролировали переправу и ежедневно вели там бои[248]. Сигизмунд был настолько доволен результатом данного мероприятия, что предложил Панам-Раде мероприятия по организации казачества. Предложение предусматривало поселение одной-двух тысяч казаков на островах в низовьях Днепра, откуда они должны были выезжать на боевых лодках для контроля переправ[249]. В 1526 г. по приказу того же Сигизмунда Старого в Черкассы прибыл отряд Михаила Козака[250]. Как результат, уже в 1528 г. в великокняжеском письме местному наместнику Остафию Дашковичу наравне с боярами и мещанами упоминаются и казаки[251].

С 30-х гг. XVI в. казаки уже постоянно фигурируют в документах (1532, 1533, 1535 гг. и др.)[252]. Неслучайным было и увеличение количества воинов, которых сначала Сигизмунд Старый, а через девять лет уже и черкасский староста предлагали поселить на днепровских островах: от одной-двух тысяч в 1524 г. до двух тысяч плюс несколько сотен всадников в 1533 г.[253]

---

[244] Kronika polska, litewska, zmodska i wszystkiej Rusi Marcieja Stryjkowskiego. Warszawa, 1848. T. 2. S. 386; Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т.II. СПб., 1848. С. 118.

[245] Kronika polska, litewska, zmodska i wszystkiej Rusi Marcieja Stryjkowskiego… T. 2. S. 388.

[246] ЦГИАК. Ф. КМФ 36. Оп. 1. Д. 7. Л. 790–791.

[247] Acta Tomiciana… T. 6. S. 103.

[248] ЦГИАК. Ф. КМФ 36. Оп. 1. Д. 7. Л. 948; Документы Московского архива министерства юстиции. Т. 1. М., 1897. С. 523.

[249] Документы Московского архива министерства юстиции… С. 523.

[250] ЦГИАК. Ф. КМФ 36. Оп. 1. Д. 7. Л. 1029.

[251] Акты, относящиеся к истории Западной России… Т. II. С. 188.

[252] *Малиновский И.* Сборник материалов, относящихся к истории панов-рады Великого княжества Литовского. Томск, 1901. С. 203; Акты, относящиеся к истории Западной России… Т. II. С. 186; Lietuvos Metrika Kn. 15 (1528–1538). Vilnius, 2002. C. 234.

[253] Kronika Marcina Bielskiego… S. 1059.

Во время литовско-московской войны 1534–1537 гг. украинское казачество действовало на разных фронтах. Одна группа была нанята за государственный счет и несла службу в Полоцке. Оттуда казаки совершали разведывательные действия на московскую границу, вели инженерные работы и т.п.[254] На юге действовала другая группа казаков, в составе отрядов Остафия Дашковича. Причем, согласно М.Бельскому, под началом этого черкасского наместника было до трех тысяч казаков[255].

Ценным источником по взаимоотношениям казачества и общества в то время являются жалобы жителей Черкасс, присланные к Сигизмунду Старому после смерти О. Дашковича в середине 30-х гг. XVI в. Тогда горожане попросили короля снять ряд нововведений, сделанных покойным старостой в городе. Из грамоты узнаем не только о постоянном пребывании казаков в Черкассах, но и его повинностях по отношению к наместнику и населения в целом. Так, в документе указано, что казаки «издавна» делились частью трофеев со старостой по своему желанию, а Дашкович все это на себя перевел. По-видимому, он превратил периодическую дань с казацких трофеев в постоянную. Передвижение казаков через этот город, свободное до него, О. Дашкович тоже взял под жесткий контроль[256]. На Рождество староста обязал казаков давать ему по «кунице». В случае же отсутствия этого – платить деньгами, по 12 грошей с каждого казака[257]. Через несколько лет этот налог, согласно уставной грамоте киевского воеводы к черкасскому старосте и жителям города, был уменьшен до 6 грошей[258].

В той же грамоте появляется новая информация о казаках. Отмечено, что в случае гибели казака или его пленения татарами, если у него нет жены или детей, половину его имущества староста забирает себе и на нужды города, половину же отдают тому, кому данный казак «поручил»[259]. Таким образом, согласно этому документу казаки были составной частью местной жизни, имели семьи, имущество и подчинялись не только общим, но и специально для них учрежденным законам. Причем казаками называют не всех пришлых людей. Так, в грамоте 1536 г. отдельно указаны наемные работники, «прочий люд общий» и «люди приходящие»[260].

---

[254] Акты, относящиеся к истории Западной России… Т. II. С. 330; *Черкас Б.* Козацтво на службі уряду в першій третині XVI ст. // Україна крізь віки: збірник наукових праць на пошану академіка НАН України професора Валерія Смолія. К., 2010. С. 203–212.

[255] Kronika Marcina Bielskiego… – S.1068.

[256] *Яковлев А.* Бунт черкасцев і каневцев в 1536 году // Україна. Рік 1-й. Т. 1. К., 1907. С. 91.

[257] Там же. С. 92.

[258] Акты, относящиеся к истории Западной России… Т. II. С. 354.

[259] Там же. С. 354.

[260] *Яковлев А.* Бунт черкасцев і каневцев в 1536 году… С. 91–94.

40-е годы XVI в. характеризовались очередным всплеском казацкой активности. В 1540 г. казаки разбили один из татарских отрядов, которые шли на московские земли, убили 20 человек и захватили 250 лошадей. Затем они перехватили и ограбили гонцов крымского и казанского ханов к Сигизмунду Старому[261]. Тогда же казаки часто нападали на татар, которые пасли в степи скот[262]. После этих событий хан пригрозил разорвать только что подписанный союзный договор с Великим княжеством Литовским и Польским королевством. Под давлением Сахиб-Гирея Сигизмунд Старый во второй половине 1541 г. прислал целый ряд достаточно резких по тону писем киевскому воеводе, черкасскому и каневскому старостам с требованием утихомирить казаков, намекая, что именно эти чиновники являются подстрекателями вышеупомянутых нападений. Кроме того, в Киевское воеводство был послан дворянин Стрета для переписи всех казаков[263].

Дальнейшая активность казачества и отсутствие информации о результатах миссии Стрета дают основания полагать, что королевские мероприятия не имели результата. Уже в 1542 г. Сигизмунд сообщил хану, что по его информации казаки «лежат» по Днепру в «немалом» количестве, имеют лошадей и стерегут татарских и литовских послов[264]. Что касается последних, король мог специально сгустить краски, поскольку казацкая угроза давала ему возможность задержать отправление упоминок в Крым[265]. В грамоте же Черкасского и Каневского старосты Оникея Горностая 1544 г. вновь среди жителей Черкасс упомянуты казаки наряду с боярами и мещанами[266].

В 1545 г. Сахиб-Гирей представил целый список жалоб на казацкие нападения, которые свидетельствовали о распространении казачества с Киевщины на Подолье. В 1544 – начале 1545 г. в степь вышло одновременно несколько казацких отрядов из Черкасс, Канева, Брацлава, Винницы и других приграничных городов во главе со «старшими казаками Карпом, Андрушой, Лесуном и Яцком Билоусом». Их общее количество достигало более восьмисот человек. Одновременное перекрытие казаками довольно больших пространств сразу сказалось: «громили по несколько раз караваны купцов Турецких и Перекопских, которые в том году шли из Орды в Москву через поля, а другие уже из Москвы, назад в Орду»[267].

---

[261] Lietuvos Metrika. Kn. 25. Vilnius, 1998. С. 141.
[262] Метрыка Вялікага Княства Літускага. Кн. 28. Менск, 2000. С. 70.
[263] Там же. С. 53–54, 70–71, 92–93, 100–102.
[264] Акты, относящиеся к истории Западной России… Т. II. С. 395.
[265] Там же. С. 395.
[266] Там же. С. 402.
[267] Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского (1545–1572). М., 1843. С. 20.

Кроме караванов, казацким нападениям снова подверглись военные отряды и гонцы крымцев. Вначале в 1543/44 гг. при возвращении из Венгрии крымского войска один из татарских отрядов был уничтожен на днепровской переправе[268]. Летом 1544 г. гонец царевича Эмин-Гирея при возвращении из Великого княжества Литовского был убит казаками, а купец, который путешествовал вместе с ним, ограблен[269]. Причем царевич отмечал, что казаки «не раз и не два то делают»[270].

Из ханских жалоб и королевских ответов узнаем о местностях, в которых чаще всего действовали отряды, – «на Тавани, по Днепру, на Бургуни, на Черной Кринице, на Дробной Кринице, на Самаре». Именно на этих «урочищах, выше описанных, всегда на воде и на поле людей наших и имают»[271]. Вероятно, именно об этих событиях писал Михалон Литвин, отмечая, что подданные Великого княжества Литовского на боевых лодках нападают на татар, когда те переплывают через реку[272].

Кроме того, казаки продолжали беспошлинно брать соль в Хаджибее. Правда, хан называет их «соляниками», а не казаками[273]. Но предыдущие жалобы именно на казаков как чумаков дают основания утверждать, что в 1540-х гг. на соляных промыслах действуют именно они. Добыча соли из-за непримиримой позиции обеих сторон производилась в виде военных операций. В 1544 г. «соляники» разгромили крымцев и захватили в плен знатного татарина[274].

Как и в прежние времена, жалобы хана не привели ни к какому практическому результату. Уже в начале весны 1545 г. казаки из Киева, Черкасс и Канева осуществили два успешных нападения на большие крымско-османские купеческие караваны. Один, который шел из Москвы в Крым, был атакован в урочище Эбрава. А второй, который направлялся в Московское государство, был разбит в урочище Санчаров[275]. В дополнение к этим событиям казаки на 32 чайках спустились по Днепру и захватили Очаков[276].

Интересно, что во время ревизии Брацлавского замка 1545 г. было предложено держать в нем постоянный гарнизон из наемников не только для обороны от татар, но и для контроля казаков и недопущения их походов на турецкие земли[277].

---

[268] Там же. С.21.
[269] Там же. С. 22.
[270] Там же. С. 23.
[271] Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского… С. 22.
[272] *Литвин Михалон*. О нравах татар, литовцев и московитян. М., 1994. С. 99.
[273] Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского… С. 22.
[274] Там же. С. 22.
[275] Там же. С. 23.
[276] Жерела до історії України-Руси. Львів, 1908. Т. 1. С. 21.
[277] Zrodla dziejowe. T. VI. Warszawa, 1877. S. 122.

На первый взгляд казацкие походы выглядят как хаотические и грабительские. Однако анализ документов дает основания полагать, что Сигизмунд Старый и Сахиб-Гирей имели все основания обвинять пограничную администрацию в попустительстве казакам. Крымская сторона четко определяла города, из которых казаки выступали в походы, знала имена некоторых казацких вожаков, среди которых можно с легкостью распознать украинских панов и князей, хотя пограничные чиновники не особо и скрывали свою связь с казачеством. Например, после разгрома татарского отряда в 1543/1544 гг. один захваченный татарин, который был к тому же знатного рода, оказался в плену у киевского воеводы. Причем последний, не обращая никакого внимания на жалобы и обвинения со стороны хана, продал пленника его брату за 30 тыс. «денег»[278]. А схваченный под Хаджибеем подданный хана Сарычора еще в 1548 г. продолжал оставаться в плену у Троцкого воеводы[279]. Более того, некоторые эпизоды дают основание для подозрения самого правителя Великого княжества Литовского. Например, гибели крымского гонца в 1544 г. предшествовало довольно дерзкое требование его патрона, царевича Еминек-Гирея, чтобы Литва ежегодно платила ему 1 тыс. золотых, кроме обычных «упоминков» и подарков. Гонец как раз вез письмо, содержащее отказ Сигизмунда Старого от дачи таковых[280]. Это событие имело и иные последствия. Дело в том, что литовское правительство уже давно упрекало хана в том, что он присылает посольства с очень раздутым штатом. Содержание их приводило к существенному напряжению для государственной казны. А после смерти гонца Сахиб-Гирей, по его признанию, не мог подобрать послов, ибо все отказывались, боясь за собственную жизнь, поэтому в Великое княжество Литовское поехал один «великий» посол от ханства[281].

Что касается погрома караванов, то причина заключается в борьбе за контроль над торговыми путями. Отвечая на жалобы хана, Сигизмунд Старый отметил, что купцы шли новыми путями, в обход Киева, Черкасс и Канева, чтобы не платить пошлину[282]. Правитель Литвы рекомендовал, чтобы в дальнейшем крымские купцы ходили старым путем через Великое княжество Литовское, причем сообщать о себе и получать надлежащее сопровождение они должны были еще на Товани[283]. В случае же нападения на купцов «на новых путях» – в обход Великого княжества Литовского – литовские власти ответственности нести не будут[284]. Итак, по всем взаим-

[278] Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского… С. 22.
[279] Там же. С. 41.
[280] Там же. С. 23.
[281] Там же. С. 22.
[282] Там же. С. 26.
[283] Там же. С. 27.
[284] Там же. С. 32.

ным обвинениям и оправданиям в связи с казацкими нападениями, четко прослеживается основная мысль Вильнюса: Товань остается литовской территорией.

Казацкие походы на юг стали настолько частым и привычным явлением, что новый крымский хан Девлет-Гирей в 1552 г. уже в одном из первых писем к Сигизмунду Августу жаловался на них. Как отмечал хан, из Черкасс, Канева, Киева и пограничных городов «казаки конные и водные под замки царя Турецкого и под наши замки и улусы» подходят и вредят, в полях захватывают овец, лошадей, волов. Под Давлет-Керменом казаки неожиданно напали на янычар и разгромили их. Интересно, что хан называет их «водяными казаками», имея в виду флотилию[285]. На эти, уже привычные, жалобы, Сигизмунд Август ответил не менее привычно: приказал пограничной администрации угомонить казаков[286].

В историографии утвердилось мнение, что первый наем казаков на государственную службу состоялся в 60-е годы XVI в. Действительно, если ставить вопрос о наборе казаков на длительную службу, то можно согласиться с этим. Что же касается вообще казачества на государственной службе, то это произошло гораздо раньше. Уже первое упоминание об украинских казаках в 1489 г. прямо указывает, что они были проводниками войска королевича Яна Ольбрахта, то есть прямо работали на правительство и поощрялись если не жалованьем, то добычей. Казацкий поход 1524 г. тоже был полностью организован государством, а упоминание в 1526 г. отряда Михаила Козака, который был прислан в Черкассы, дает основание предполагать, что некоторые казаки были тогда наняты. Вербовка и служба казаков во время войны 1534–1537 гг. придали окончательный вид службе казаков на государство. Кроме прямого найма правительством, существовал еще другой тип государственной службы – в «почтах» приграничных чиновников. Военная система Великого княжества Литовского предусматривала, что каждый, кто становился во главе любой административно-территориальной единицы, обязательно должен был содержать за счет местных доходов соответствующий военный контингент, т. н. служебников или слуг[287]. В документах 1502–1503 гг. прямо указывается, что казаки несли службу у киевского воеводы. То же касается и старост. Однако нередко случалось, что местных доходов не хватало на содержание необходимого количества слуг, как это было, например, с новым управителем киевского воеводства князем Андреем Коширским в начале 1541 г.[288]

---

[285] Там же. С. 62.
[286] Там же. С. 71.
[287] *Черкас Б.* Україна в політичних відносинах … С. 74.
[288] Архив Юго-Западной России. Ч. 8. Т. 5. К., 1907. С. 22–23.

Неудивительно, что уже через полгода Сигизмунд Старый обвинил этого князя в организации несанкционированных казацких походов[289].

Ответ на вопрос о том, что собой представляло раннее украинское казачество в социальном отношении, можно сформулировать так: ни кем иным как «слугами» Великого княжества Киевского. Дело в том, что после преобразования княжества в воеводство населению этой земли были выданы соответствующие уставные грамоты. Но в этих документах среди обычных социальных групп – князей, панов, шляхты, духовенства, мещан и слуг тяглых – отсутствовала такая категория, как *военные слуги*, так называемые «путные, ордынские, посольские, панцирные», вопреки их значительному удельному весу в военной структуре Киевского княжества. Соответственно именно в нише казачества этот социальный слой и нашел свое место в обществе[290]. При этом память о статусе «княжеского» воинства, а также фактическое положение казачества как одной из наиболее эффективных сил на южном пограничье Великого княжества Литовского, способствовали его обособлению по отношению к другим категориям населения, и как результат, – формированию среди казачества и части нобилитета государства идеи о создании отдельной области на границе для проживания и службы казаков.

[289] Метрыка Вялікага Княства Літускага… Кн. 28. С. 70–71.

[290] Более детально данная проблема была мною рассмотрена в статье: *Черкас Б.* Козацтво на службі уряду… С. 203–212.

Глава IV

Русское и украинское казачества в отношениях с тюркскими народами и государствами

§ 1. Донское казачество и османский Азов: культура пограничных отношений

Д. В. Сень

История взаимоотношений донского казачества и турок-османов Азова, центра одноименного санджака (провинции) Османской империи, насчитывала не одно столетие. Учитывая современное состояние научной дискуссии о времени происхождения донского казачества, хронологию указанных взаимоотношений можно определить в следующем диапазоне: вторая половина XVI в. – 1736 г. Безусловно, в пределах такого обширного периода уместно говорить об изменении содержания, направленности и интенсивности взаимоотношений сторон. Это было связано с трансформацией и русско-турецких отношений, и государственных границ в регионе и, наконец, с эволюцией донского казачества, прошедшего путь от вольного до служилого, не без активного сопротивления включенного в пространство Московского (Российского) государства.

Историография истории донского казачества[1] в целом не совпадает с историографическим пространством заявленной темы. Ниже анализируются *внеконфронтационные* отношения интересующих нас сторон, которые занимали в жизни донских казаков достаточно важное место, чтобы говорить о них, как о самостоятельной научной теме. Не все историки-казаковеды даже сегодня признают «историческое равноправие» двух векторов, характеризующих пути исторического развития донского казачества, определяемых Россией и мусульманскими государствами Причерноморья (Крымским ханством и Османской империей). Дело в том, что в российской науке традиционно изучается история военного противостояния Войска Донского и османского Азова. При этом, как правило, маргинализируются исторические факты другого порядка, являющиеся неотъемлемой

[1] Из новейших работ см., прежде всего: *Куц О. Ю.* Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина (1637–1667). СПб., 2009; *Он же*. Донское казачество времени Азовской эпопеи и 40-х гг. XVII в.: политическая и военная история. СПб., 2014. 596 с.

частью местной пограничной жизни. «За скобками» исследовательских практик часто оказываются такие стороны внеконфликтного взаимодействия сторон, которые свидетельствуют об их способности и готовности договариваться о формах и способах взаимного выживания в регионе. Абсолютизируемые в российской историографии глубина/масштаб османо-казачьего противостояния отражаются на объяснении подавляющим числом современных ученых-казаковедов других форм пограничного взаимодействия сторон, история которых не случайно документирована хуже. Полагаем, что мирные отношения не были дополнением к многочисленным военным акциям казаков и Азова друг против друга. Они отражали более сложную картину социального взаимодействия во фронтирном пространстве, когда умение договориться положительно влияло на способности и казаков, и турок-османов к выживанию в условиях ограниченных ресурсов и не всегда оперативных мероприятий Москвы и Стамбула, по поддержанию безопасности/благосостояния донцов и населения крепости.

Названная тема получила определенное освещение в научной литературе, начиная с работ российских ученых XVIII в.[2] В новейшей историографии имеется несколько работ, рассматривающих отдельные вопросы темы[3], на которых мы сосредоточим в очерке свое внимание. Некоторые результаты обращения к заявленной теме публиковались нами, в т.ч. в соавторстве с И.А. Мустакимовым[4]. Среди актуальных исследовательских вопросов темы назовем, прежде всего, такие: процедуру (традицию) замирения/розмирения Войска Донского и османского Азова; бегство (переход) людей с Дона в Азов, или из Азова – на Дон (т.н. «обмен населением»);

---

[2] *Байер Г. З.* Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова от создания сего города до возвращения оного под Российскую державу. СПб., 1782; *Сухоруков В.* Историческое описание Земли Войска Донского / комм., доп., вступ. ст. Н. С. Коршикова, В. Н. Королева. Ростов н/Д., 2001. 514 с.

[3] *Боук Б. М.* Фронтир или пограничье? Роль зыбких границ в истории донского казачества // Социальная организация и обычное право: материалы науч. конф. Краснодар: РИЦ «Вольные мастера», 2001. С.147–161; *Королев В. Н.* Босфорская война. Ростов н/Д., 2002. 704 с.; *Мининков Н. А.* Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов н/Д., 1998. 512 с.; *Рыблова М. А.* Донское братство: казачьи сообщества на Дону в XVI – первой трети XIX века. Волгоград, 2006. 544 с.

[4] *Сень Д. В.* Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина XVII в. – начало XVIII в.). Ростов-на-Дону, 2009; *Сень Д. В.* Донское казачество и османский Азов: проблемы пограничного сотрудничества и «обмена» населением (вторая половина XVII в.) // Казачество в социокультурном пространстве России: исторический опыт и перспективы России (Ростов-на-Дону, 28–29 сентября 2010 г., ЮНЦ РАН): тезисы Всерос. науч. конференции. Ростов-на-Дону, 2010. С.250–254; *Мустакимов И. А., Сень Д. В.* Азов и донские казаки по османским документам 1560–1570-х гг. // Вестник Танаиса. Вып.3. Х. Недвиговка Мясниковского района Ростовской области, 2012. С.172–189.

формы и способы обмена казаков и турок-османов информацией, в т.ч. поступавшей им из Москвы и Стамбула», торговые отношения; взаимное участие сторон в т.н. «окупных операциях», связанных с историей местной и трансграничной работорговли; эволюцию взаимных культурных/политических стереотипов казаков и турок-османов друг о друге, включая представления донцов о самой возможности перехода в османское подданство. Отдельного внимания требует вопрос об отношении (часто – негативном) донских казаков к примерам аналогичного сотрудничества запорожского казачества (Войска Запорожского Низового) с Бахчисараем и Стамбулом. Подчеркнем, что без обращения к названным и подобным им вопросам проблематично будет уяснить сложность, многогранность, противоречивость отношений донского казачества с тюрко-татарским миром на примере заявленной темы. В богатейшем содержании подобных отношений нашлось место многому: мечте казаков об Азове[5] и их многочисленным попыткам захватить крепость – несколько раз на протяжении второй половины XVI–XVII в.; работорговле; взаимным конфликтам и вместе с тем торговле, дипломатическому диалогу, обмену всевозможной информацией и пр. Именно Азов соотносился беглыми донцами с преодолением «границы миров», сулившим вместе с тем разные возможности для налаживания «казаками-перелетами»[6] дальнейшей жизни. Торговля с Азовом, рыбная ловля и другие занятия прочно связывали донских казаков с жителями этой османской крепости, куда донские казаки старались попасть всеми правдами и неправдами[7]; причем нуждаясь в рыбе, казаки договаривались с азовскими турками об условиях рыбного лова в регионе[8]. Б. Боук справедливо пишет об односторонности подхода, при котором ученые отдают явное предпочтение тем явлениям экономики Дона, которые были связаны с Русью (жалованье, торговля хлебом), хотя при всей скудости источников есть основания считать, «что торговля с Азовом и Кубанью была обычным явлением»[9]. Наиболее перспективно, по-нашему мнению, интерпретировать многообразие примеров внеконфронтационного взаимодействия казаков и турок-османов, исходя из положения о пограничном (фронтирном) положении донского казачества на протяжении длительного времени. Местные условия, далеко не во всем формируемые и тем более контролируемые обоими имперскими центрами, подталкивали казаков и турок-османов к созданию особой культуры пограничных отношений. Полагаем также возможным именовать ее *культурой пограничного диалога в условиях вынуж-*

---

[5] *Мининков Н. А.* Донское казачество в эпоху позднего средневековья… С. 447.
[6] *Сень Д. В.* Казаки-перелеты // Родина. 2010. №3. С. 63–65.
[7] *Перепечаева Л. Б.* Крепость и посад Азов (конец XVII – начало XX в.) // Очерки по истории Азова. Азов, 1995. Вып. 3. С. 56.
[8] *Боук Б.* Фронтир или пограничье… С. 152.
[9] Там же. С. 152.

денного соседства[10]. Культура такого диалога являлась неотъемлемой частью не только мирных (внеконфронтационных) османо-казачьих отношений. Она относилась к числу факторов, обеспечивавших устойчивость са́мого существования донского казачества. Оговоримся, что, *с одной стороны*, не приходится говорить об идеализации его отношений с турками-османами. Стоит согласиться с мнением Н. А. Мининкова о том, что на пути сближения донских казаков с татарами и турками лежали серьезные препятствия, причины психологического свойства, подкрепленные многолетней традицией. *С другой стороны*, не станем переоценивать монолитность самого донского казачества, на разных этапах своего развития неоднозначно относившегося к перспективам сотрудничества с «агарянами». Перелом в таких настроениях, знаменовавший новый этап в истории взаимоотношений сторон, произошел во второй половине XVII в.

Османо-казачьи двусторонние отношения нельзя рассматривать в отрывке от отношений Москвы и Дона. Интересы Москвы и Дона, писал В.Н. Королёв, «часто совпадали, но случалось, что не во всем, а иногда и вовсе расходились, и в последнем случае, Войско Донское… действовало в собственных, а не в “посторонних” интересах, что и приводило к известным конфликтам»[11]. Один из многолетних раздражающих факторов для Москвы – неоднократные заявления донцов оставить реку и уйти в иное подданство. Так, еще в 1626 г. донцы, недовольные притеснениями со стороны царской администрации в Астрахани, заявили о своей готовности уйти «в турского царя в землю» и «жить у турского царя»[12]. О. Ю. Куц пишет, что «угроза для Москвы ухода казаков с Дона (пусть и номинальная) оставалась на протяжении второй трети XVII в. все время, и во время конфликтных ситуаций с Москвой казаки не раз использовали данную ситуацию для шантажа Москвы»[13]. Ссылаясь на документ из РГАДА[14], историк писал о готовности в 1637 г. донских казаков уйти на «реку на Дарью», опасаясь реакции Москвы

---

[10] *Сень Д. В.* Из истории «донского фронтира»: отношения казаков с османским Азовом (XVII в.) // Лавровский сборник: материалы XXXIII Среднеазиатско-Кавказских чтений 2008–2009 гг.: Этнология, история, археология, культурология / отв. ред. Ю. Ю. Карпов, И. В. Стасевич. СПб., 2009. С.399–402; *Он же*. Культура диалога донских казаков и турок-османов: формы, содержание, участники // Свой-Другой-Чужой в коммуникативном пространстве контактных зон: мат-лы Всероссийской научной конференции / под ред. О. В. Воробьевой. Л. П. Репиной. М., 2014. С.124–126; *Он же*. Войско Донское и османский Азов: культура диалога в условиях вынужденного соседства // Вынужденное соседство – добровольное приспособление в дипломатических и межнациональных отношениях в Центральной и Восточной Европе XVIII–XX вв.: тезисы научной конференции в рамках проекта РГНФ №15–31-01003а1 (г. Москва, 25–26 октября 2016 г.). М., 2016. С. 24.

[11] *Королев В. Н.* Босфорская война. Ростов н/Д., 2002. С. 70.

[12] РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1626 г. Д. 1. Л. 336–337.

[13] *Куц О. Ю.* Донское казачество от взятия Азова… С.253.

[14] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1637 г. Д. 1. Л. 363.

на захват османского Азова. При этом, трудно согласиться с О. Ю. Куцем в оценке подобных слов как «шантажа», а также с тем, что подобный уход стал возможен и был реализован лишь в начале XVIII в. Напротив, от озвучивания «угроз» донские казаки активно перешли к «делу» в том же XVII в., начиная с одиночных переходов в Азов до массового (группового) перехода на Северный Кавказ[15]. Обращает на себя внимание, что таким «ворам и изменникам» стало выдаваться «…в Азове у бея и в Крыму у хана жалованья»[16]. Имеющиеся в науке другие факты позволяют уточнить вывод о том, что до Булавинского восстания история не знала случаев, чтобы донские казаки «вмешивали турок в свои отношения с царскими властями и пытались привлечь их на свою сторону»[17]. Напротив, османский Азов традиционно выступал для донского казачества в роли важного организующего начала его собственной жизни, конфликтная составляющая которого естественным образом вписывалась в пространство «донского фронтира».

С середины XVII в. известные нам русские источники фиксируют явление, характерное для местной жизни – бегство (переход) донских казаков в османский Азов[18]. Мотивация действий казаков по уходу в Азов была различной – часто речь шла о выходе из ситуации, когда дальнейшее пребывание на Дону грозило казакам, нарушившим войсковое право, суровым наказанием – вплоть до смертной казни. Так, из декабре 1654 г. по извету донских казаков был задержан в Воронеже и приведен в съезжую избу Денис «Киреев сын Мелниченко», бежавший в Азов с Дона и проживший там уже много лет. Причина его бегства к туркам оказалась связана с опасением за свою жизнь – после участия М. Мельниченко в захвате на море торговой «комяги» и расправы над греками. Однако азовцы пожаловались в Войско Донское, по их жалобе «про то де… учинился сыск»: Д. Мельниченко, «убояся смерти, перекинулся в Озов, а не босурманился»[19]. Укажем на дифференцированное отношение Войска Донского к перебежчикам-казакам. Возможно, сам уход казаков в Азов не означал немедленной казни «изменника» в случае обратного возвращения на Дон. В 1688 г. на Дон «выбежал» из Азова казак Рыковского городка Якушка, «которой изменил им казаком и из Черкасского в прошлых годех ушел и жил в Азове»[20]. Перебежчика заслушали в кругу и как предоставившего ценную информацию, судя по всему, Войском простили, о чем и сообщили в Москву. Последнее замечание

---

[15] *Боук Б. М.* К истории первого Кубанского казачьего войска: поиски убежища на Северном Кавказе // Восток. 2001. № 4. С. 30–38.

[16] РГАДА. Ф.210. Столбцы Белгородского стола. Стлб. 1406. Л.126.

[17] *Пронштейн А. П., Мининков Н. А.* Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. и донское казачество. Ростов н/Д., 1983. С.261.

[18] Подробнее см.: *Сень Д. В.* Казаки-перелеты // Родина. 2010. №3. С. 63–65; *Он же.* Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа… С. 46–56.

[19] РГАДА. Ф.210. Столбцы Белгородского стола. Стлб. 401. Л. 59.

[20] Дополнения к Актам историческим, собранныя и изданныя археографическою комиссиею. СПб., 1872. Т. 12. С. 227.

примечательно в том смысле, что в своих отписках в Москву донцы не упускали возможность рассказать о казни над изменниками. Уникальные сведения о неоднозначном отношении Войска Донского к «казакам-перелетам» содержатся в показаниях вернувшегося с Дона полуголовы московских стрельцов В. Волжинского, данных им в Посольском приказе, 18 ноября 1675 г. «И в то время от казаков к азовцам перекинулись с ведомостью два человека. Да и в ыные де времена какое великого государя дело зайдет, или присланы бывают о каких промыслех великого государя грамоты, и от казаков бывают в Азов переметчики. И живя в Азове года по два и по три, приезжают назад в Азов, а казни тем людем казаки…толко по своему казачью приговору чинят тех людей лысыми, естли с кем учнет бранитца, и ево волно бить, а суда не давать»[21]. Визуализация внешности «изменников» (обривание их налысо) выделяла их из остальной казачьей массы и лишала их защиты Войска по войсковому праву. Однако такие казаки могли затем проживать на Дону, не боясь санкции со стороны того же Войска на смертную казнь.

Войско Донское, в свою очередь, принимало беглецов из Азова, что также нельзя признать уникальным для местной жизни, учитывая не только полиэтничный состав Войска, но и традиционные османо-казачьи отношения. В. Г. Дружинин указывает на выходы к казакам из Азова татар и греков[22]. Однажды на Дон к казакам из Азова сбежал сын чауша (чавуша) – Алей б. Юсуф, *крестившийся* и ставший казаком в 7194 г. (в период с 1 сентября 1685 г. по 1 сентября 1686 г.). Турок-перебежчик стал Иваном Петровым Турченином[23], получив за «переезд» и крещение «денег пять рублев да сукно аглинское». Войско, в свою очередь, получило еще одного человека владевшего османо-турецким языком, что ценилось в Москве. Так, в 7194 г. (т.е. в период с 1 сентября 1685 г. по 1 сентября 1686 г.) царским жалованьем был награжден станичный атаман Павел Микифоров: «…сверх указной дачи пара соболей в 10 рублев для того, что он турской язык достаточно знает и часто войском посылают ево для всяких дел в Азов, а впредь иным не в образец и не в пример никому выписывать не велено»[24]. Известно, что позже И.П. Турченин (Алей б. Юсуф) был отправлен в Москву в составе казачьей станицы, где повторил свою историю, будучи расспрошен в Посольском приказе 15 декабря 1686 г.[25] Новокрещеный казак указал, что свое челобитье он подал на войсковом круге, т. е. решение принималось Войском публично и коллективно. Надо думать, что таким же образом Войско Донское ответило на бегство из Азова татарина (ногайца?), который, «не хотя жить в Азове, а похотя служить великим

[21] РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. Д. 2221. Л. 10.
[22] *Дружинин В. Г.* Раскол на Дону в конце XVII века. СПб., 1889. С. 4.
[23] РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1686 г. Д. 19. Л. 88, 89.
[24] Там же. Л. 320.
[25] *Дружинин В. Г.* Раскол на Дону… С. 9–10. Сообщая об этом случае, автор назвал Алея татарином, хотя тот, скорее всего, являлся турком.

государям, выехал на их государево имя в… 192 г. (т. е. в период с 1 сентября 1683 г. по 1 сентября 1684 г. – *Д. С.*)»[26].

Анализ различных по своим причинам и последствиям случаев бегства донских казаков в османский Азов позволяет сделать несколько выводов. В частности, подобные действия донских казаков сопровождались для них переходом в мусульманство. Скорее всего, *обязательным* условием для «натурализации» в Азове реализацию подобных культурных практик считать нельзя – ни в понимании турок-османов, ни – самих казаков. Ведь казаки знали, что на Дон можно было вернуться и заслужить прощение, но вряд ли – став в Азове ахреяном! Подобный выбор отражал, в первую очередь, поведение самих казаков-перебежчиков, снижая для них риски пребывания в Азове. Перебежчику-одиночке, конечно, в этом смысле адаптироваться было сложнее, чем группе. Далее – переход в «бусурманство» вряд ли сам по себе мог вызвать доверие со стороны турок-османов. Сомнительно также, чтобы казак-ахреян становился «вожем» (либо – участником набега) только после перехода в ислам или в результате насильственной проверки в «деле». Скорее, многое зависело от личных способностей и мотивации (возможно, культурной мимикрии) перебежчиков, по разным причинам устремлявшихся с Дона в Азов. Особых привилегий таким людям турки-османы, по-видимому, не предоставляли, хотя и не сводили до минимума способы подтверждения ими своей лояльности.

Еще один малоизученный аспект заявленной темы – замирение/розмирение Войска Донского и османского Азова. История указанной процедуры (а по сути, культурной и правовой традиции) составляет один из наиболее существенных вопросов многовековых взаимоотношений интересующих нас сторон. Ее содержание занимает важное место в процессе исследования крупных научных проблем – истории внеконфронтационных отношений донских казаков и турок-османов, истории формирования их взаимных представлений друг о друге. Истоки явления уходят во вторую половину XVI в., свидетельствуя о гибком подходе донских казаков и турок-османов к взаимовыгодным формам пограничной коммуникации. Москва периодически подталкивала казаков к заключению мира с азовцами. В 1592 г. царский посланник Г. Нащокин, заинтересованный в заключении мира между «всем Войском Донским» и османским Азовом, констатировал: «И после, государь, того (когда в Азов приехали донские атаманы С. Воейков и С. Федоров. – *Д. С.*) азовский Али князь и аги посылали к атаманом и казаком азовских людей да греческого попа, того миру закреплять по прежнему обычаю»[27]. Тот же Г. Нащокин еще раньше указывал в своей отписке, что в начале июня 1592 г. «были у нас, государь, донские атаманы Семен Воейков с товарищи, а с ними человек казаков со сто, и мы, государь, им говорили…о полоняниках же и и о миру с Азовом говорили, и о твоей государевой служ-

[26] Там же. С. 16.
[27] *Сухоруков В*. Указ. соч. С. 85.

бе, и атаманы… о полоняниках отказали… а о миру с Азовом говорили: прежде сего о миру наперед присылывали из Азова к нам, и нам ныне чрез прежние обычаи самим о миру задирать не пригоже»[28]. В *1648 г.* есаул донской станицы сообщил в Москве, что «около де и Черкаского городка сенных покосов много, кормить лошадей есть где, и беречь де их мошно, потому что стало меж рек, а к зиме де они готовят сена, и Крымцы де, и Нагайцы, и Азовцы сен у них не жгут, потому только де учнут сена жечь, и они де, пришод под Азов, около Азова все разорят. И в том же у них с Азовцы живет мир»[29]. В *1655 г.* актуальным было свидетельство о том, что «у донских де казаков с азовцы мир… а замирено де… на том, что им друг другу про всякие вести сказывать». Любопытно, что на тот момент стороны временно находились в ссоре – оказалось, что, несмотря на предоставление азовцами «турских» и «крымских» вестей, казаки перестали сообщать туркам, например, о содержании грамот, присылаемых на Дон[30].

Даже после 1671 г., когда в результате подавления движения С.Т. Разина донцы были вынуждены принести крестное целование, примеры «замирения» сторон – не редкость. Из показаний станичного атамана Фрола Минаева в Посольском приказе *30 декабря 1672 г.* следует: «А с азовцы де у них договор был таков: естьли в Азов или к ним прибудут внов люди, и им меж себя о том чинить ведомо»[31]. Сроки действия соглашения подобного рода, конечно, были разными – от нескольких недель и месяцев до формулировки «безсрочно на сколько время они меж собой похотят». Как правило, в период «замирения» резко активизировались торговые контакты сторон – казаки отправлялись в Азов, турки – в Черкасск; предметами торговли называются «всякие товары и харчи», скот, дрова[32]. «Замирение» влекло за собой временное прекращение столкновений. Своеобразие такого положения фиксировали и сторонние наблюдатели, например, в 1675 г.: «А с Азовцы де у Донских казаков замирено. Доведены покамест вода скроетца и для того с Азовцы никаких боев не было…»[33].

Существовала процедура замирения/розмирения, которая включала в себя не только устный переговорный процесс, но и письменную форму коммуникации между Войском Донским и Азовом. В 1685 г. донцы *тайно* вышли в море в составе 300 человек – «а прошли де они Азов Казачьим ерком. А в то де число у казаков с азовцы было перемирье, а как де казаки на море прошли тайно, и в то де число с азовцы из Черкасского казаки розмирились»[34]. В войсковой отписке, привезенной в Москву зимовой станицей Л. Федорова (декабрь 1685 г.), находим новые факты об интере-

---

[28] *Сухоруков В*. Указ. соч. С. 84.
[29] Донские дела. СПб., 1909. Кн. 3. Стлб. 789–797.
[30] Донские дела. СПб., 1913. Кн. 4. Стлб. 948.
[31] РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. Кн. 3. Л. 102 об.
[32] *Дружинин В.Г.* Указ. соч. С. 18.
[33] Там же. С.18.
[34] РГАДА. Ф. 111. 1685 г. Д. 4. Л. 3.

сующей нас ситуации. Войско сообщало, что азовцы охотятся за гулебщиками-казаками, выходящими на взморье за зверем. Причины «розмира» с турками виделись казакам в том, что «азовцы, за миром и за душами своими многие нам неправды чинили и обиды великие своим бездушием, и обманом казаков наших во многих местех многих людей побрали…»[35]. Любопытно, что при описании подробностей донцы ссылались на *традицию*, т.е. на прежние практики «замирения» с азовцами: «…им (казакам. – *Д. С.*) азовцы ниже донецково верхнева устья ездить не велят же, а в прежних… мирах ничего от них того нам не бывало. И в мировых наших того не писано, а у нас в тех местах звериные ухожьи и рыбные ловли…»[36]. В.Д. Сухоруков так писал о «мировщиках» и процедуре заключения мира: «Заключение мирнаго договора сопровождалось обрядами и скреплялось обоюдною клятвой. Обыкновенно из Азова в главное войско приезжали мировщики склонять казаков к прекращению военных действий. На вторичном съезде доверенные, постановив условия договора, давали присягу в честном и правильном исполнении этих условий». Казаки легкой станицы атамана В. Алексеева и есаула Т. Филипова сообщали в феврале 1686 г., что за день «до Николы», т.е. в декабре 1685 г., на Дон приезжали «мириться» азовцы. «Мировщиками» от Войска выступили тогда К. Матвеев (Чюрносов), В. Волошенин, П. Сергеев, О. Чеботарь[37]. В частности, речь зашла о взаимной отдаче «побранного» – «а естли отдано не будет, и то перемирье не удержитца…». Мартовской отпиской 1686 г. Войско Донское сообщало полковнику К. Донцу о новом мире с азовцами, предлагая «учинить» по царскому указу «торским жителем и маяцким и иным русских городов людем, под Азов и под Крым и в Ногаи и в черкесы войною ходить не велить, а они тако ж войною приходить не будут…»[38].

Особое место в истории указанной традиции занимают мировые (мирные) и розмирные грамоты. Мы неоднократно писали о необходимости поиска текстов таких документов, о реконструкции их содержания, привлекая другие документальные источники. Один текст розмирной грамоты некогда привел В. Д. Сухоруков: «От донскаго атамана и всего Войска азовскому Сулейману-паше поздравление. Для дел великаго нашего Государя мы были с вами в миру: ныне же все войско приговорило с вами мир нарушить, вы бойтесь нас а мы вас остерегаться будем. А се письмо и печать войсковыя»[39]. Другой текст за 1669 г. (в копии Посольского приказа) обнаружен в РГАДА: «От донских казаков от атамана Михайла Самаренина и ото всего Войска Донского азовскому Селайману паше и яниченским и бешлейским началным людем и всем азовским ратным малым и болшим людем поздрав-

[35] РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1685 г. Д. 11. Л. 2.
[36] Там же. Л. 2.
[37] РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1686 г. Д. 3. Л. 6.
[38] РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1686 г. Д. 6. Л. 2.
[39] *Сухоруков В. Д.* Общежитие донских казаков в XVII и XVIII столетиях. Исторический очерк. Новочеркасск, 1892. С. 21.

ление. Великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Росии самодержца и обладателя для великих государских дел с вами были полтара года в миру. А ныне мы все Войском Донское меж себя советав, с вами мир нарушили. И для того розмирная се наша грамота к вам придет, вы от нас опасайтеся, а мы от вас. А последней наш срок будет в пятницу. И о том вам се грамота за печатью войсковой послана»[40]. Открытым остается вопрос о языке войсковой грамоты, по обычаю заверенной войсковой печатью, о чем Сулейман-паша указал в своем письме царю Алексею Михайловичу. Предположим, что грамота была написана на русском языке. Слова азовского паши дают определенную надежду на обнаружение в будущем списка и подлинника грамоты. Дело в том, что он был передан пашей в Стамбул с присланным оттуда султана Усманом-агой, а вот копия грамоты – в Москву. Следовательно, следы грамоты (подлинника и его списка) можно искать как в РГАДА (ф. 89 и ф.123), так и в ВОА (г. Стамбул). Параллельно необходимо ставить вопрос о составе войскового архива[41], в т.ч. содержавшего, не исключаем, отпуски грамот Войска Донского в Азов и османские грамоты – на Дон.

Повторяемость и упорядоченность подобных культурных практик Войска Донского и Азова свидетельствуют не только о дипломатическом искусстве сторон. Они позволяют системно уяснить историю пограничного соседства (сосуществования) донских казаков и турок-османов, заинтересованных во взаимном диалоге. Культура такого пограничного диалога являлась органичной частью не только мирных османо-казачьих отношений и межкультурной коммуникации казачьего Дона и османского Азова. Она относилась к числу устойчивых факторов, обеспечивавших развитие донского казачества на протяжении длительного времени. Постепенное включение Войска Донского в пространство Московского государства и ликвидация многих атрибутов его самостоятельности на рубеже XVII–XVIII в. была связана с рядом событий военного, политического и иного характера. Помимо поражения народных движений, в которых донские казаки приняли активное участие, речь идет о военных успехах России в борьбе с Оманской империей на южном направлении. После Азовских походов усиливается значение в жизни Войска Донского новой азовской администрации. В период 1712–1736 гг. не приходится говорить об «азовском векторе», как имеющем существенное значение для развития донского казачества, уже системно контролируемого российскими структурами. Другое дело, что «реставрация Азакского санд-

[40] РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1669 г. Д. 12. Л. 24–25.

[41] *Сень Д. В.* Архив Войска Донского и история войскового делопроизводства: актуальные вопросы изучения // Научное наследие профессора А. П. Пронштейна и актуальные проблемы развития исторической науки (к 95-летию со дня рождения выдающегося российского ученого): мат-лы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (4–5 апреля 2014 г., г. Ростов-на-Дону) / отв. ред. М. Д. Розин, Д. В. Сень, Н. А. Трапш. Ростов н/Д., 2014. С. 479–488.

жака возродила для земли Войска Донского прежнюю угрозу безопасности»[42]. Пограничные конфликты с ногайцами и с турками-османами из Азова – не редкость в это время. Однако в разрешении пограничных конфликтов определяющую роль стали играть межимперские договоренности и структуры, как, например, всевозможные пограничные комиссии.

§ 2. Украинское гетманское государство и казачество в отношениях с Османской империей и Крымским ханством во 2-й половине XVII – начале XVIII в.

Т. В. Чухлиб

Отношения гетманов Украины с султанами Османской империи и правителями Крымского ханства уже долгое время находятся в поле зрения украинских и зарубежных исследователей. Разные страницы украинско-османских и украинско-крымских политических отношений в раннемодерную эпоху мировой истории освещали Н. Костомаров, М. Грушевский, И. Крипьякевич, В. Дубровский, М. Петровский, Д. Дорошенко, Е. Прицак, Я. Дашкевич, Ю. Мыцик, В. Степанков, Н. Крикун, А. Галенко, В. Остапчук, В. Заруба, Ф. Туранлы, Я. Федорук, Т. Чухлиб, В. Станиславский, В. Грибовский, Я. Пилипчук и др[43]. Историки из разных стран

---

[42] *Аваков П.А.* Северо-Восточное Приазовье в составе Российского государства в конце XVII – XVIII вв.: дис. ... к. и. н. Ростов н/Д., 2011. С.301–302.

[43] *Костомаров Н.* Богдан Хмельницкий, данник Османской порты // Вестник Европы. 1878. Т. 6. № 12. С. 806–817; *Грушевський М.* З приводу листування Б. Хмельницького з Оттоманською Портою // Україна. Кн. 42. 1930. С. 3–19; *Крип'якевич І.* Турецька політика Богдана Хмельницького // Український археографічний збірник. Вип. 10/11. 2006. С. 134–157; *Он же.* Остафій Астаматій (Остаматенко), український посол в Туреччині 1670-их рр. // Україна. Кн. IV. 1928. С. 5–12; *Дубровський В.* Про вивчення взаємин України з Туреччиною у другій половині XVII ст. // Східний Світ. № 5. 1928. С. 54–72; *Он же.* Посольство гетьмана І. Мазепи до Туреччини та Криму 1699–1700 рр. // Там же. № 1–2. 1997. С. 195–202; *Он же.* Богдан Хмельницький і Туреччина // Український історик. №3–4. 1975. С.23–27; *Петровський М.* З матеріалів до історії українсько-турецьких взаємин другої половини XVII ст. (републікація) // Східний Світ. 1997. № 1–2. С. 206–215; *Дорошенко Д.* Гетьман Петро Дорошенко. Огляд його життя та політичної діяльності. Нью-Йорк, 1985; *Пріцак О.* Ще раз про союз Богдана Хмельницького з Туреччиною // Український археографічний щорічник. Вип. 2. К., 1993. С. 177–192; *Дашкевич Я.* Україна і взаємовідносини з Туреччиною: дослідження XV–XVIII ст. // Проблеми української історичної медієвістики. К., 1990. С. 35–42; *Мицик Ю.* Дипломатичне листування Османської імперії як джерело до історії Визвольної війни // Международные отношения и государственные структуры в Центральной, Восточной и

мира[44] (отдельного рассмотрения заслуживает российская историография данного вопроса, где выделяются статьи Г. Санина и Б. Флори[45]) также обращали внимание на отдельные аспекты этой важной проблематики.

Юго-Восточной Европе в IV–XVIII вв. Запорожье, 1993. С. 42–47; *Степанков В.* Боротьба України і Польщі проти експансії Османської імперії у 1672–1676 рр. // Україна і Польща в період феодалізму. Зб. наук. праць. К., 1991. С. 118–128; *Он же*. Проблема вибору протекції між Московською державою і Османською імперією у 1648–1654 рр. // Переяславська рада та українсько-російська угода 1654 р.: історія, історіографія, ідеологія. К., 2005. С. 19–24; *Он же.* Між Москвою і Стамбулом: чи існувала проблема вибору протекції у 1648–1654 рр. // Україна в Центрально-Східній Європі. Вип. 4. К., 2004. С. 223–234; *Федорук Я.* Туреччина та її васали у відносинах з Богданом Хмельницьким у 1654 р.: автореф. дис. ... к. і. н. К., 1996; *Крикун М.* Турецький похід на Правобережну Україну 1674 року // Вісник Львівського університету. Серія історична. Вип. 34. Львів, 1999. С. 123–164; *Галенко О.* Коментар: Про османську титулатуру українських гетьманів // Східний світ. № 1–2. 1997. С. 216–221; *Остапчук В., Галенко О.* Козацькі чорноморські походи у морській історії Кятіба Челебі «Дар великих мужів у воюванні морів» // Mappa mundi. Зб. наук. праць на пошану Я. Дашкевича. Львів; Київ; Нью-Йорк, 1996. С. 376–412; *Заруба В.* Українське козацьке військо в російсько-турецьких війнах останної чверті XVII ст. Дніпропетровськ, 2003; *Туранли Ф.* Османський документ про дипломатичну діяльність гетьмана Петра Дорошенка // Український археографічний щорічник. Нова серія. Вип. 5/6. К., 2001. С. 334–340; *Станіславський В.* Участь лівобережного та запорозького козацтва в боротьбі з Османською імперією // Україна в Центрально-Східній Європі. Вип. 5. К., 2005. С. 560–581; *Чухліб Т.* Козаки та яничари. Україна у християнсько-мусульманських війнах 1500–1700-х рр. К., 2010; *Он же.* Козаки і татари. Українсько-кримські союзи 1500–1700-х рр. К., 2017 и др.

[44] *Hammer-Purgstal J.* Geschichte des Osmanischen Reiches. Bd. V. Pest, 1829; *Cantemir D.* Istoria imperiului Ottomane. Vol. II. Bucuresti, 1878; *Rypka J.* Z korespondence Vysoke Porty z Bogdanem Chmelnickym // Z dejin Vychodni Evropy a slovenstva: Sbornik venovany Jaroslavu Bidloyi. Praga, 1928; *Dorośenko D., Rypka J.* Hejtman Petr Dorośenko a jego turecka politika. Praha, 1933; *Rypka J.* Dalsi prispevek ke korespondenci Vysoke Porty s Bohdanem Chmelnickym // Casopis Narodniho Musea. T.105. 1931. S. 209–231; *Quelquejay Ch.* Les relations entre la Porte ottomane et les Cosaques zaporogues au mileu du XVIIe siecle // Cahiers du Monde russe et sovietique. №11 (3). 1970. P.454–461; *Arkayin A.* The second siege of Vienna (1683) and its consequences // Revue Internationale d'Histoire Militaire. Ankara, 1980, № 46; *Riedlmayer A., Ostapchuk V.* Bohdan Xmel'nyc'kyj and the Porte: A Document from the Ottoman Arhives // Harvard Ukrainian Studies. Vol. VIII. № 3/4 (Desember). 1984. P. 453–472; *Fisher A.* Ottoman Kamanets-Podolsk // Journal of Turkish Studies. Vol. 8. 1984; *Inalcik H.* Military and Fiscal Transformation in the Ottoman Empire. 1600–1700 // Studies in Ottoman and Economical History. London, 1985; *Abrachamowicz Z.* Comments on Three Letters by Khan Islam Gerey III to the Porte (1651) // Harvard Ukrainian Studies. Cambridge. Vol. XIV. №1–2. 1990. P.137–138. *Kołodziejczyk D.* Podole pod panowaniem tureckim. Ejalet Kamieniecki. 1672–1699. Warzawa, 1994; *Davies B.* The Second Chigirin Campaign (1678): Late Muscovite Military Power in Transition // The Military and Society in Russia, 1450–1917 / ed. E. Lohr. Leiden, 2002 и др.

Однако, несмотря на такие значительные историографические наработки, и сегодня ученые придерживаются разных позиций в оценке отношений Украинского гетманского государства с Османской империей и Крымским ханством как во времена гетманов Богдана Хмельницкого и Петра Дорошенко (период наиболее активного военно-политического сотрудничества между Украиной, Турцией и Крымом), так и в последующие годы. Как определить эти отношения: вассалитет, номинальный вассалитет, протекторат, военный союз или что-то другое?[46] Вместе с тем соседство таких государств, как Османская империя и Крымское ханство было важным, а иногда и решающим политическим и военным фактором для существования Украинского гетманского государства[47] во второй половине XVII – начале XVIII в.

* * *

Гетман Войска Запорожского и основатель Украинского гетманского государства Богдан Хмельницкий в течение своего правления неоднократно проводил переговоры о принятии протектората Османской империи[48]. Посредником в этом вопросе выступало Крымское ханство. Уже осенью 1647 г. в Бахчисарай было отправлено посольство из гетманской столицы Чигирина, которое должно было заручиться турецкой и татарской поддержкой готовившегося восстания украинцев против власти Речи Поспо-

---

[45] *Санин Г.* Украина и русско-османские отношения вт. пол. XVII в. (историография вопроса) // Внешняя политика России. Историография. М., 1988. С. 252–277; *Он же*. Порта. Крым и страны Восточной Европы в 50–60-е гг. XVII в. // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. 2. М., 2001. С. 37–61; *Флоря Б.* Запорозьке козацтво і плани турецької війни Владислава IV // Україна: Культурна спадщина, національна свідомість, державність. Зб. наук. праць. К., 1992. С. 79–104; *Он же.* Богдан Хмельницький і турецька «протекція» // Київська старовина. 2001. № 3. С. 87–107.

[46] *Федорук Я.* Коментарі до статті І. Крип'якевича «Турецкая политика Богдана Хмельницкого» // Український археографічний збірник. Вип. 10/11. К., 2006. С. 196; *Он же*. Проблема турецького протекторату Б. Хмельницького у 1655 році // Terra Cossacorum: Студії з давньої і нової історії України. Зб. на пошану д. і. н., проф. Валерія Степанкова / ред. В. Смолій. К., 2007. С. 155–156.

[47] В современной украинской исторической науке государственное образование, которое возникло в средине XVII в. в результате вооруженного восстания Войска Запорожского на территории восточных воеводств Речи Посполитой, принято называть «Украинским гетьманатом», «Украинской гетманской державой» или же – «Гетманской Украиной», «Гетманщиной».

[48] *Rypka J.* Dalsi prispevek ke korespondenci Vysoke Porty s Bohdanem Chmelnickym // Casopis Narodniho Musea. T. 105. 1931. S.209–231; *Quelquejay Ch.* Les relations entre la Porte ottomane et les Cosaques zaporogues au mileu du XVIIe siecle // Cahiers du Monde russe et sovietique. №11 (3). 1970. P.454–461; *Riedlmayer A., Ostapchuk V.* Bohdan Xmel'nyc'kyj and the Porte: A Document from the Ottoman Archives // Harvard Ukrainian Studies. Vol. VIII. № 3/4 (Desember). 1984. P. 453–472.

литой[49]. Эта миссия завершилась заключением в марте 1648 г. украинско-крымского военно-политического договора, который предусматривал взаимную помощь в борьбе против Короны Польской, а также согласие гетманского правительства Б. Хмельницкого направить казаков для помощи султану в Кандийской войне с Венецианской республикой[50].

В начале июня 1648 г. сразу же после смерти Владислава IV – короля Речи Посполитой – гетман Б. Хмельницкий снова направил своих представителей в Стамбул. Согласно исследованиям Емельяна Прицака, уже летом 1648 г. между Османской империей и Украинским гетманатом был заключен договор сюзеренно-вассального типа[51]. Это посольство просило у султана «принять его (Б. Хмельницкого. – *Т. Ч.*) под свою защиту и оказать помощь против поляков»[52]. Осенью того же года посольство полковника Войска Запорожского Филона Джалалия в очередной раз находилось в султанском дворце в Андрианополе[53]. Как свидетельствуют источники, в обмен на покровительство султана Б. Хмельницкий должен был выплачивать дань по примеру Молдавского и Валашского княжеств, в случае необходимости предоставлять посильную военную помощь Высокой Порте, давать «рабов» на турецкие галеры, а также передать в прямое подчинение Османской империи город Каменец-Подольский.

Заключение договора с турецким султаном в 1648 г. заложило начало формирования черноморской политики Украинского гетманата. Ведь в середине XVII века Черное море было, по существу, «внутренним озером» Османской империи. Процесс формирования османского протектората гетманата Б. Хмельницкого продолжался в течение 1649–1650 гг.[54] и последующих годов. В начале апреля 1649 г. турецкий султан приказал крымскому хану и силистрийскому (очаковскому) бейлербею поддержать украинских казаков[55]. Очевидно, что именно в 1649 г. между Чигирином и Стамбулом было заключено торговое соглашение, т. н. «капитуляция» под названием «Договор между Турецким Султаном и Войском Запорожским и народом Руським о торговле на Черном море».

---

[49] *Мицик Ю.* Дипломатичне листування Османської імперії… С.44–45.

[50] *Смолій В., Степанков В.* Богдан Хмельницький: соціально-політичний портрет. К., 1993. С. 103*; Пріцак О.* Ще раз про союз Богдана Хмельницького з Туреччиною // Український археографічний щорічник. Вип. 2. К., 1993. С. 180.

[51] *Пріцак О.* Ще раз про союз Богдана Хмельницького з Туреччиною… С. 177–192.

[52] Цит. по: *Степанков В.* Проблема вибору протекції між Московською державою і Османською імперією у 1648–1654 роках. С. 24.

[53] *Флоря Б.* Богдан Хмельницький і турецька «протекція» // Київська старовина. № 3. 2001. С. 92.

[54] *Костомаров Н.* Богдан Хмельницкий данник Османской Порты // *Он же.* Исторические монографии и исследования. Кн. 5. СПб., 1905. С. 606.

[55] *Степанков В.* Проблема вибору протекції між Московською державою і Османською імперією… С. 27–28.

Нужно отметить, что на протяжении XVI–XVII вв. аналогичные капитуляции были предоставлены Османской империей Франции, Венеции, Англии и Голландии[56]. Подобная османская капитуляция была предоставлена и Украине. В ее первом пункте отмечалось, что «Султан Е[го] М[илость] Турецкий *позволяет Казацкому войску и его государству* плавать по Черному морю до всех своих портов, городов и островов, по Белому (Средиземному. – *Т. Ч.*) морю до всех своих государств, островов и других портов и портов чужеземных властителей и христианских государств, а также по всем рекам и городам, с которыми вести торговлю, товары, что их захотят продавать, покупать и менять по своей воле останавливаться в портах, въезжать в них, когда захотят, без всякой задержки, препятствия и трудностей (курсив мой. – *Т. Ч.*)»[57]. В ст. 4-й было отмечено: «резидент Войска Запорожского и земли его будет проживать в Стамбуле в должном почете и безопасности. Этот резидент должен добиваться справедливости обиженным казацким купцам»[58]. Очевидно, что практическое выполнение этого документа не состоялось из-за войн, которые Османская империя вела с Венецианской республикой и, вместе с Украинским гетманатом, с Короной Польской.

Учитывая отказ Московского государства предоставить необходимую военную поддержку, летом 1650 г. Украинский гетманат значительно активизировал свои отношения с Османской империей. Сначала гетман обратился к янычарскому военачальнику в Стамбуле Бекташ-аге и очаковскому бейлербею Мурад-паше с просьбой помочь в восстановлении отношений с султаном Мехмедом IV Авджи. В ответ султан Османской империи отправил в Чигирин посольство во главе с Осман-агой (Осман-чауш); оно находилось в гетманской резиденции с 30 июля по 5 августа 1650 г.[59] Следствием пребывания турецкого посла в Украине стало письмо Б. Хмельницкого к султану, в котором оговаривались предварительные условия, согласно которым Украинский гетманат соглашался на османский протекторат[60]. Ответ и предложения турецкой стороны должен был вы-

---

[56] *Семенова Л.* Валахия и Молдавия в системе Османской империи // Славяне и их соседи. Вып. 8. М., 1998. С. 25–42; *Чухліб Т.* «Цісар Турецький дозволяє Війську Запорозькому і його державі плавати по Чорному морі…» // Україна в Центрально-Східній Європі. Вип. 9–10. К., 2010. С. 93–35.

[57] Собрание государственных грамот и договоров. Т. III. М., 1822. С. 444–447; Документи Богдана Хмельницького (1648–1657) / упор. І. Крип'якевич, І. Бутич. К., 1961. С. 619–622; Універсали Богдана Хмельницького. 1648–1657 / упор. І. Бутич. К., 1998. С. 67–70.

[58] Документи Богдана Хмельницького… С. 619.

[59] *Michałowski J.* Księga pamiętnicza. Kraków, 1864. S. 554–555.

[60] Акты Юго-Западной России, издаваемые временною комиссиею для разбора древних актов. Т. VIII. СПб., 1875. С. 354; *Пріцак О.* Ще раз про союз Богдана Хмельницького з Туреччиною… С. 180; *Rypka J.* Z korespondence Vysoke Porty z Bogdanem Chmelnickym… S. 346–350.

слушать руководитель украинского посольства, полковник Войска Запорожского Антон Жданович, который вместе с Осман-агой прибыл в начале сентября в столицу Османской империи. Очевидно, в течение 7–20 сентября 1650 г. послы Хмельницкого в ходе переговоров с великим визирем оговорили основные пункты соглашения о будущем подданстве Украинского гетманата султанской власти. Символом согласия Мехмеда IV взять Украину под свою защиту было вручение А. Ждановичу «булавы драгоценной» для передачи ее Б. Хмельницькому[61]. Вместе с ним в Чигирин снова приехал турецкий посол Осман-ага с предложениями от султана[62].

Согласно выводу М. Грушевского, украинско-турецкие переговоры завершились в марте 1651 г. «формальным признанием Украины вассальным государством Оттоманской империи»[63]. Этот вывод сделан на основе исследования султанской грамоты на имя гетмана, в котором отмечалось согласие турецкого монарха покровительствовать Украине[64]. Принятие Б. Хмельницким вассальной зависимости от Порты в 1651 г. подтвердил на основе собственных исследований выдающийся польский османист Зигмунд Абрахамович[65]. Султан Мехмед IV прислал Б. Хмельницкому вышитый золотом кафтан, что в османской традиции означало признание украинского гетмана султанским подданным. Однако как только дело дошло до практической реализации этого соглашения, в отношениях между Чигирином и Стамбулом начали возникать некоторые затруднения.

После примирения с Короной Польской под Белой Церковью в 1651 г. гетман Б. Хмельницкий объяснял султану, что основной причиной заключения украинско-польского перемирия (гетманское письмо Мехмеду IV от 4 ноября 1651 г.) было опоздание татарских орд к началу битвы под Берестечком (неудачной для украинского войска), но, несмотря на это, Украинский гетманат остался в «братском союзе» с Крымским ханством. Кроме того, Б. Хмельницкий отметил, что в и дальнейшем не прочь признавать политическую зависимость от Османской империи[66]. Аналогичные просьбы были повторены в очередном письме Б. Хмельницкого к султану Мехмеду IV от 27 ноября 1651 г.[67]

В начале 1652 г., польский король Ян II Казимир заставил гетмана выбирать между польской и турецкой протекцией: в марте он предложил ему немедленно выступить в военный поход против Османской империи. Но Б. Хмельницкий дипломатично отказал королю. Через некоторое время в

---

[61] Жерела до історії України-Руси. Т. XII. Львів, 1911. С. 139.
[62] Воссоединение Украины с Россией. Собрание документов. Т. II. М., 1953. С. 185.
[63] *Грушевський М.* Історія України-Русі. Т. IX. Ч. I. К., 1996. С. 54.
[64] Katalog dokumentów tureckich. Dokumenty do dziejów Polski i krajów ościennych w latach 1455–1672 / opr. Z. Abrachamowicz. Warszawa, 1959. S. 331.
[65] *Abrachamowicz Z.* Comments on Three Letters by Khan Islam Gerey III to the Porte (1651) // Harvard Ukrainian Studies. Cambridge. Vol. XIV. № 1–2. 1990. P. 137–138.
[66] Документи Богдана Хмельницького. С. 226.
[67] Там же. С. 233–234.

письме от 24 июня 1652 г. к коронному канцлеру Речи Посполитой А. Лещинскому гетман откровенно заявил, что если король не прикажет прекратить наступление на Украину, то «вынужден будет искать себе другого постороннего господина и чужой силы, которая сможет нас защитить»[68]. Вскоре эти угрозы воплотились в более тесных отношениях Украинского гетманата с Османской империей, а затем и с Московским царством. В марте 1653 г. в Стамбул выехало представительное посольство из Чигирина. Как свидетельствовал турецкий хронист XVII в. Мустафа Наима, Б. Хмельницкий просил султана Мехмеда IV подтвердить своей грамотой протекторат Украины и как символ укрепления отношений между двумя странами прислать ему знамя и тулумбас[69]. После осуществления соответствующих актов Украинский гетманат должен был рассматриваться как часть Османской империи (по примеру Молдавского и Валашского княжеств), а военное нападение на него должно было расцениваться как нападение на саму империю[70]. Идя навстречу просьбам гетмана, султан направил в Украину «великое посольство» во главе с Мехмедом-агой, которое находилось в Чигирине с середины мая до конца июня 1653. Османский посол привез султанскую грамоту, где говорилось о том, «чтобы был гетман в подданных султана»[71]. Он также вручил Хмельницкому «корону (очевидно, шапку. – *Т. Ч.*), саблю, булаву, бунчук и кафтан». Османский посол заверил украинское руководство, что султан Мехмед IV предоставит ему военную помощь в виде 10 тысяч воинов силистрийского бейлербея и будет постоянно защищать Украину от иностранных вторжений[72].

Обязанности Украинского гетманата как зависимого государства перед Мехмедом IV по предложению посольства Османской империи были следующими: 1) передача султану Каменца-Подольского; 2) ежегодная уплата дани в размере 10 тысяч золотых и 10 тысяч волов и овец; 3) предоставление в Стамбул своих воинских подразделений в случае необходимости[73]. Также Б. Хмельницкий, вместе со всей старшиной, должен был принести присягу верности султану от имени всего населения Украины. Гетману оставалось

---

[68] Библиотека музея Чарторыйских в Кракове, отдел рукописей. Папки Нарушевича. № 146. Л. 211–216.

[69] Collectanea z dziejopisów tureckich rzeczy do historii polskiej służących / przez J. J. Sękowskiego. T. I. Warszawa, 1825. S. 204–205. Также в Хронике Мустафы Наимы описываются активные контакты между Стамбулом и Чигирином в 1652 г. (*Наїма Мустафа*. Гюсейнові городи у витягу історій із Заходу та Сходу (Повідомлення про Україну) / Пер. О. Галенка, О. Кульчинського. К., 2016. С.154–158.

[70] *Флоря Б.* Богдан Хмельницький і турецька «протекція». С. 98–99; *Грушевський М.* Історія України-Руси. Т. IX. Ч. 2. К., 1931. С.784, 1545.

[71] ВУсР. Т. III. М.,1954. С. 289, 302.

[72] *Федорук Я.* Міжнародна дипломатія і політика України. Част.1: 1654. Львів, 1996. С.73.

[73] Там же.

сделать один шаг к правовому оформлению соглашения о зависимости Войска Запорожского от Османской империи, а именно – созвать Генеральную раду, которая бы легитимизировала этот украинско-османский договор. На Раде, состоявшейся в конце июня – начале июля 1653 г., после долгих споров были отклонены невыгодные условия турецкой стороны.

В становлении и эволюции Украинского гетманата, как уже отмечалось, важную роль играли отношения с Крымским ханством. О важности украинско-татарских политических отношений говорит даже то, что именно заключение мирного соглашения между Речью Посполитой и Крымом 15 декабря 1653 г. (которое разорвало союз между Б. Хмельницким и ханом Ислам-Гиреем III) стало решающей причиной для подписания украинской стороной Переяславского договора с Московским государством 1654 г.[74] Тем не менее в последующие годы гетманское правительство проявляет большую дипломатическую активность для восстановления мира с татарским ханом (февраль–апрель 1654 г. – посольство в Крым С. Савича, август 1654 г. – посольство П. Тетери, октябрь 1654 г. – переговоры с татарским послом Тохтамышагой, январь 1655 г. – переговоры с Менгли-Гиреем под Охматовым, март 1655 г. – очередное посольство в Крым, август 1655 г. – украинское посольство в Крыму), в результате чего между гетманом Б. Хмельницким и ханом Мехмед-Гиреем IV 12 ноября 1655 г. было заключено перемирие под Озерной[75]. Главная задача – достижение нейтралитета Крымского ханства в войне Украины против Польши – была выполнено. Это перемирие длилось недолго; расторжение, в силу разных причин, мирных связей с Крымом во второй половине 1656 – первой половине 1657 г. привело к значительному ухудшению международного положения Украинского гетманата.

Признавая верховенство московского царя, Б. Хмельницкий, несмотря на запрет со стороны нового протектора, продолжал дипломатические отношения с Османской империей и Крымским ханством. В феврале 1654 г. Хмельницкий обратился к султану Мехмеда IV с просьбой о заступничестве Османской империи и возобновил обмен посольствами с Крымом[76]. Весной в Стамбул снова прибыли гетманские послы, которые получили от султана согласие на продолжение отношений с Крымским ханством[77]. 16 апреля

---

[74] *Степанков В.* Кам'янецька угода й Переяславська рада: спроби дослідження політичних наслідків Жванецької кампанії // Українсько-московський договір 1654 р.: нові підходи до історії міждержавних стосунків. К., 1995. С. 13.

[75] *Горобець В.* Між Кам'янцем і Озерною: українська зовнішня політика другої половини 1655 року в контексті геополітичних перегрупувань у Центрально-Східній Європі // Україна в Центрально-Східній Європі. Студії з історії XI–XVIII ст. К., 2000. С.245–271.

[76] Державний архів Львівської області. Ф.26 «Львівський університет, р. 1932». Оп. 4. Спр. 629: Czerewko W.-S. Przebieg dzialan wojennych Chmielnickiego w latach 1654–1655. Lwów, 1932. Арк. 82–83.

[77] *Заборовский Л.* Россия, Речь Посполитая и Швеция в середине XVII в. М., 1981. С.47.

1654 г. Б. Хмельницкий писал крымскому хану, что Украина «на вечные времена» не нарушит взаимной присяги о «братском союзе» и «дружбе»[78].

В марте 1655 г. Б. Хмельницкий принял в Чигирине турецкого посла Шагин-агу. После завершения переговоров с ним в Стамбул отправились украинские дипломаты, в конце мая – июле находившиеся в столице Османской империи[79]. Главной темой переговоров были вопросы об «измене» Крымского ханства и необходимости расторжения крымско-польского союза, запрет татарам нападать на Украину и т. п.[80] По результатам переговоров султан отписал Хмельницкому: «Предлагаешь с целым Народом Казацким моему порогу блаженности подданость и искренность, с чистоты внутренней и внешней обнаруживаешь верность и преданность. На это подданство милостиво дается мое султанское согласие»[81].

Гетман в конце ноября 1655 г. ответил, что «мы очень рады великой милости султана и снова будем верно служить нашему могучему господину (Мехмеду IV. – *Т. Ч.*)»[82]. Кроме того, украинские дипломаты добились того, что в Бахчисарай был отправлен турецкий посол, который от имени султана приказал татарам прекратить воевать с казаками и «жить с Украиной в мире и дружбе, как когда-то»[83]. Силистрийский бейлербей Сияуш-паша, ответственный за отношения Порты с Украиной, еще в начале 1655 г. отмечал, что подчиненность Чигирина Стамбулу должна происходить на таких же условиях, как и Молдавского и Валашского княжеств[84].

Османские и крымские послы неоднократно находились в Чигирине в течение 1656 и 1657 гг.[85] Интересно, что весной 1657 г. Б. Хмельницкий сообщил в Стамбул о пребывании в столице казацкой Украины посольства австрийского императора Фердинанда III Габсбурга. Тогда же к Османской империи отправилось посольство во главе с полковником Лаврентием Капустой, который 22 мая 1657 г. был принят в султанском дворце[86]. Во время этой аудиенции представитель Войска Запорожского, очевидно, среди

---

[78] Памятники, изданные Киевскою комиссиею (изд.2). Т. III. К., 1898. С. 193–196.

[79] *Заборовский Л.* Указ. соч. С. 137.

[80] *Rypka J.* Dalsi prispevek ke korespondenci Vysoke Porty s Bohdanem Chmelnickym. S. 213–214; *Грушевський М.* Історія України-Руси. Т. IX. Ч. 2. С. 1098–1099.

[81] Архив Главный актов древних в Варшаве. Ф. «Архив Коронный Варшавский», отд. «Казацкий», № 60; *Rypka J.* Dalsi prispevek ke korespondenci Vysoke Porty s Bohdanem Chmelnickym. S. 212–214; *Мицик Ю.* Нововиявлені документи з історії Національно-визвольної війни середини XVII ст. // УІЖ. 1998. № 6. С. 115–116; *Федорук Я.* Проблема турецького протекторату Богдана Хмельницького у 1655 році. С. 23.

[82] Документи Богдана Хмельницького… С. 461–463.

[83] *Санин Г.* Порта, Крым и страны Восточной Европы в 50–60-е гг. XVII в. // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. 2. М., 2001. С. 37.

[84] АЮЗР. Т. XIV. СПб., 1889. С. 562–564.

[85] *Грушевський М.* Історія України-Русі. Т. IX. Ч. II. С. 1164.

[86] *Крип'якевич І.* Турецька політика Богдана Хмельницького… С. 157.

прочего обращался к султану с просьбой повлиять на крымского хана, чтобы тот не отказывался от мирных отношений с Украинским гетманатом.

В начале 1658 г. преемник Б. Хмельницкого, гетман Иван Выговский, заключил военный союз с крымским ханом Мехмед-Гиреем IV, согласно которому Бахчисарай, очевидно, не без согласия Порты, обязывался поддерживать Украину как во внешнеполитических акциях, так и во внутренних конфликтах, которые усиливались[87]. Крымский хан взамен требовал от гетмана официально заявить о враждебном отношении к Москве. Вскоре татарский монарх предоставил значительные воинские подразделения для подавления антигетьманской оппозиции, что вызвало недовольство части казацкой старшины. Кроме того, именно 40-тысячное крымское войско помогло И. Выговскому разгромить армию Московского царства под Конотопом в июне 1659 г. После чего гетман Выговский направил посольство в Стамбул во главе с полковником А. Ждановичем – на случай разрыва союзных отношений с Польшей гетман подтверждал готовность принять покровительство султана Османской империи в обмен на военную помощь[88]. Более ста человек во главе с Р. Гапоновичем и Е. Астаматием находились в мае 1659 г. в столице Османской империи[89]. Главным условием И. Выговского в отношении османского подданства была гарантия предоставления крымским ханом военной поддержки. Изменение внутриполитической ситуации в Украине в связи с приходом к власти нового гетмана Юрия Хмельницкого на некоторое время остановило украинско-турецкие переговоры 1659 г.

Зимой 1661 г. Украинский гетманат заключил очередные политические договоренности с Крымским ханством. Возобновление украинско-крымских контактов происходило на фоне роста интереса Войска Запорожского к восстановлению отношений с Османской империей[90]. В сентябре того же года январские договоренности между гетманом Ю. Хмельницким и ханом Мехмедом-Гиреем IV были закреплены Ставищанским договором, который предусматривал военное взаимодействие между Чигирином и Бахчисараем, а также запрещал татарам брать «ясырь» в Украине. В феврале наказной (от имени Ю. Хмельницкого) гетман Григорий Гуляницкий вместе с полками польского воеводы С. Чарнецкого и татарами Каммамет-мурзы выступил в поход против объединенных войск левобережного наказного гетмана Якова Сомко и московского воеводы Г. Ромо-

---

[87] *Наріжний С.* Гетьманство Івана Виговського. Б. м., Б. д. С. 177.

[88] АЮЗР. Т. IV. СПб., 1863. С. 226, 230; Т. XV. СПб., 1892. С. 295.

[89] *Петровський М.* З матеріалів до історії українсько-турецьких взаємин другої половини XVII-го віку. С. 206–215.

[90] *Wójcik Z.* Rywalizacja polsko-tatarska w Ukraine na przełomie lat 1660–1661 // Przegląd Historyczny. T. XLV. Z. 4. Warszawa, 1954. S. 626; *Горобець В.* Еліта козацької України в пошуках політичної легітимації: стосунки з Москвою та Варшавою. 1654–1665. К., 2001. С. 279.

дановского[91]. Нужно отметить, что за время пребывания при гетманской булаве Ю. Хмельницкого только в течение апреля–июня 1662 г. в Бахчисарай было отправлено 7 украинских посольств[92]. Главным пунктом дипломатических инструкций для всех них было требование-просьба к хану предоставлять боеспособное войско для помощи в покорении Левобережья и объединения его с Правобережной Украиной.

В начале 1663 г. новый гетман Правобережной Украины Павел Тетеря отправил в Бахчисарай посольство с заверением крымского хана в дружеских отношениях. Понимая, что собственными силами объединить Украину будет трудно, Тетеря в августе призвал на помощь крымских татар. Осенью 1663 – зимой 1664 г. объединенная украинско-польско-татарская армия во главе с самим Яном II Казимиром выступила на Левобережную Украину[93]. В нем приняло участие почти 40-тысячное ханское войско под руководством Сефера и Менгли Гиреев, а также Дадеш-аги. Однако пассивная позиция Крымского ханства, которое не желало усиления Речи Посполитой, привела к провалу этой кампании[94].

Именно во время этого похода татарские военачальники пытались заставить П. Тетерю отказаться от протекции польского короля в пользу подданства султану Мехмеду IV. В данном случае это предполагало бы также и зависимость правобережного гетмана от Крымского ханства. «Ляхи не мало не желают вам добра; сделайте так, чтобы и нога польская не доходила до [реки] Горыни, как розграничил покойный Хмельницкий; а если осмелятся пойти, то мы готовы их уничтожить вместе с вами»[95], – писал в марте 1664 г. Дедеш-ага гетману Тетере. В конце этого года хан Селим-Гирей хотел побудить П. Тетерю к подписанию нового крымско-украинского мира.

В ноябре–декабре 1664 г. Степан Опара, генеральный старшина в гетманских правительствах Ю. Хмельницкого и П. Тетери, наладил тесные отношения с крымским ханом Мехмет-Гиреем IV[96]. В середине 1665 г. он разослал свои универсалы (грамоты) с возваним к населению Правобережной Украины, в которых совсем не упоминалось о его подчинении польскому королю или московскому царю. Подписывая эти обращения лишь как «старший брат Войска Запорожского», С. Опара обещал украинцам такие же вольности, какие они имели при гетмане Б. Хмельницком[97]. С. Опара отправил в Стамбул посольство, прибывшее в середине июня

---

[91] *Савчук (Стеньгач) Н.* Українська держава за гетьманування Ю. Хмельницького (1659 – поч. 1663 рр.). Кам'янець-Подільський, 2001. С. 169–171.
[92] Там же. С. 150.
[93] *Wimmer J.* Wojsko polske w drugiej połowie XVII wieku. Warszawa, 1965. S. 141.
[94] *Газін В.* Гетьманство Павла Тетері: спроба подолання суспільно-політичної кризи в Українській державі (1663–1665 рр.): дис. ... к. і. н. К., 2001. С. 123.
[95] Памятники, изданные временною коммиссиею. Т. IV. Отд. 3. С. 416.
[96] АЮЗР. Т. V. С. 244.
[97] Там же. С. 49–50.

1665 г. Главной задачей украинских дипломатов было добиться благосклонности султана, заручиться его военной поддержкой и разрешением хану посылать свою орду на помощь С. Опаре против московских войск. В конце июля того же года султан отправил на помощь Опаре элитный янычарское подразделение во главе с мурзой Кан-Мехмедом. Порта не имела возражений против участия татар в совместных действиях с войсками Опары. Вскоре к гетману присоединились отряды во главе с мурзами Камаметом, Батуршы, Батыры и Тенешом – всего около 22 тысяч человек[98].

Путем Опары пошел его преемник – гетман Петр Дорошенко, – который добивался независимости Украины от Московского государства и Речи Посполитой при поддержке Османской империи и Крымского ханства. Узнав об условиях Андрусовского перемирия 1667 г. между Москвой и Варшавой, П. Дорошенко в начале февраля того же года послал своих послов в Бахчисарай для заключения украинско-крымского военно-политического союза. Казацкие дипломаты М. Зеленский и Д. Лесницкий также должны добиваться от крымского хана примирение с московским царем и идти войной на Польшу вместе с украинцами и московитами[99]. С помощью Крымского ханства гетман хотел примирить Османскую империю с Московским государством и создать антипольский блок государств в составе Украины, России, Турции и Крыма[100].

6 и 9 июля 1667 г. посольство Украинского гетманата было принято султаном в Адрианополе. Украинцы заявили о подданстве падишаху и готовность предоставить для нужд Османской империи 50-тысячное войско[101]. Послы также хотели договориться о военной помощи султана и добиться от него приказа крымскому хану выступить вместе с Войском Запорожским против Польши. Великий визирь Фазыл Агмед-паша Кьопрюлю в письме к польскому подканцлеру Ольшевскому писал о том, что казаки «как свободный народ» приняли подданство короля Речи Посполитой при условии уважения их прав, но польский король их нарушил, и поэтому украинцы попросили защиты у Османской империи[102].

В январе 1668 г. на Старшинской раде в Чигирине было принято решение: «С обеих сторон Днепра жителям быть в соединении и жить бы

---

[98] АЮЗР. Т. V. С. 306–307.

[99] *Дорошенко Д.* Гетьман Петро Дорошенко… С. 112

[100] *Чухліб Т.* Відповідь Українського гетьманату на російсько-польські домовленості в Андрусові 1667 р. // Україна в Центрально-Східній Європі. Вип. 3. К., 2003. С. 196.

[101] *Dorosenko D, Rypka J.* Hejtman Petr Dorosenko a jego turecka politika. Praga,1933. C.13; Silihdar Findiklin Mehmed Aga. Silindar Tarihi. Istambul, 1928. C.472; Pamiętnik dziejów polskich / zebr. S. Barącz. Lwów,1855. S.80; Traktaty między mocarstwami europeyskiemi od roku 1648 zaszłe. T. 1. Warszawa, 1773. S. 225–266; *Kołodziejczyk D.* Ottoman-Polish Diplomatic Relations (15th – 18th Century). Leiden; Boston; Koln, 2000. S. 476–489.

[102] *Kołodziejczyk D.* Ottoman-Polish Diplomatic Relations (15th – 18th Century). P. 146.

особо и давать дань Турецкому Царю и Крымскому Хану, также как и Грецкий Князь платит, а чтобы под рукой Великого Государя (московского царя. – *Т. Ч.*) и Королевского Величества с этого времени не бывать»[103]. В отношении международного положения Украинского гетманата от султана ждали гарантии того, чтобы «с пограничными и близкими государствами, прежде всего с королем Польским и царем Московским, дружеского союза не творить без сведения и согласия нашего Гетмана и всего Войска Казацкого»[104]. Украинская сторона выдвинула ряд других условий своего подданства, изложенных султану очередным казацким посольством в апреле того же года[105].

11 марта 1668 г. на Генеральной раде Украинского гетманата вблизи города Корсунь официально провозгласили «подданство салтану» по примеру зависимости от Порты Валашского и Молдавского княжеств[106]. В июне–июле 1668 г. на Старшинской раде торжественно принимали турецкого чауша Юсуп-пашу, которому украинские чиновники повторили решение январского совета старшин о желании быть в подданстве султану. А через год, в июне 1669 г., султан издал два универсала-«бераты», которые утверждали П. Дорошенко на гетманстве с условием распространения его власти на всю Украину – как Правобережную, так и Левобережную[107]. В конце лета гетман Дорошенко на казацкой раде вблизи Умани принял от нового протектора Мехмеда IV (при посредничестве османского посла) булаву, бунчук, кафтан и грамоту в подтверждение своих властных полномочий[108]. Главной причиной такой смены политического курса украинского правительства были большие надежды Дорошенко на то, что Османская империя обеспечит объединение Украины, а также избавит ее от нападений со стороны Крымского ханства.

Летом 1672 г. многотысячная армия Османской империи, включавшая и войска ее вассалов, во главе с самим султаном Мехмедом IV перешла Днестр и овладела Подольем. В августе П. Дорошенко имел аудиенцию в султанском шатре, во время которой султан разрешил ему принимать участие в турецко-польских переговорах в западноукраинском городке Бучаче. Украинские представители постоянно присутствовали во время подготовки Бучацкого договора между Стамбулом и Варшавой – «перед каждой сессией бывали в каймакана (на то время руководителя турецких диплома-

---

[103] АЮЗР. Т. VII. СПб., 1872. С. 30–31.

[104] *Бантыш-Каменский Д.* Источники малороссийской истории. С. 211.

[105] *Крикун М.* Корсунська козацька рада 1669 року // *Он же*. Між війною та радою. Козацтво Правобережної України в другій половині XVII – на початку XVIII ст. К., 2006. С.253.

[106] БМЧ Краков. Рукопис 844. Л. 83.

[107] *Kołodziejczyk D.* Podole pod panowaniem tureckim. Ejalet Kamieniecki. S. 51.

[108] *Дорошенко Д.* Гетьман Петро Дорошенко. С.259.

тов. – *Т. Ч.*)»[109]. Во время очередной встречи с турецким султаном, состоявшейся в октябре 1672 г., Дорошенко просил о выполнении султаном взятых перед этим обязательств, в частности, о содействии гетману в объединении Украины. После аудиенции в шатре Мехмеда IV великий визирь объявил, что вскоре под властью гетмана «будет и Киев и вся Левобережная Украина»[110].

Начав по условиям союза с П. Дорошенко борьбу против Речи Посполитой, Османская империя постепенно отвоевывала Правобережье у польского короля. Поражение в этой войне заставило Польшу склониться к заключению 16 октября 1672 г. мирного договора с Портой. Накануне султанские дипломаты заявили, что «наш Цезарь (султан Мехмед IV. – *Т. Ч.*) если что-то когда-то взял, никогда не отдаст, и то есть *pro lege apud Otthomanos*. Жаль тогда и вспоминать (полякам. – *Т. Ч.*) Подолье и Украину, ибо Цезарское, не ваше; но и так ваше не было от несогласия и войн уставничих с Казаками, и для чего то потеряли, чего не имели»[111]. Кроме того, представители Мехмеда IV во время переговоров с поляками высказывались и относительно права своего монарха на владение не только правобережной, но и левобережной частью Украинского гетьманата[112]. Согласно Бучацкому соглашению, Подолье отходило к Османской империи. Кроме того, Речь Посполитая отказалась от Брацлавщины и юго-западной части Киевщины, территория которых передавалась под непосредственное управление украинского гетмана: «Государство Украинское должно принадлежать казакам в старых границах»[113], – указывалось в 4-й статье договора. Таким образом, под властью гетмана П. Дорошенко оставалась Правобережная Киевщина и Восточное Подолье (Брацлавщина).

В ноябре 1672 г. гетман получил грамоту-ниссан от Мехмеда IV, подтверждающую его, османского подданного, права на Правобережную Украину[114]. Этой султанской грамотой были закреплены положения Бучачского мира. Султан лично вручил П. Дорошенко золотую булаву и вышитый золотом кафтан. Турецкой одеждой также торжественно наградили

---

[109] Acta Historica res gestas poloniae illustrantia ab anno 1507 usoue ad annum 1795. Pisma do wieku i spraw Jana Sobieskiego / zebr. Fr. Kluczycki. Vol. II. Pars. II. Kraków, 1883. S. 1112.

[110] АЮЗР. Т. XI. СПб., 1879. С. 168; Dorośenko D., Rypka J. Hejtman Petr Dorosenko a jego turecka politika. S. 39.

[111] Acta Historica… Vol. II. Pars. II. S. 1109.

[112] *Флоря Б.* Войны Османской империи с государствами Восточной Европы (1672–1681 гг.) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. 2. М., 2001. С. 110.

[113] Библиотека Национальная в Варшаве, отдел микрофильмов. Ф. 6639 (м-ф. 32423), № 615; АГАД Варшава. Ф. «Архив Коронный Варшавский», отд. «Турецкий». № 77/467; Там же. Ф. «Архив Замойских», № 3037, арк. 222.

[114] *Dorośenko D., Rypka J.* Hejtman Petr Dorosenko. S. 39–40; Флоря Б. Войны Османской империи с государствами Восточной Европы… С. 110.

тридцать казацких старшин[115]. Но надежды Дорошенко на турецкую протекцию не осуществились в силу различных причин, среди которых были: во-первых, невыполнение османскими военачальниками своих обязательств перед украинским гетманом, а, во-вторых, поражение армии Мехмеда IV в битве с войсками Речи Посполитой под Хотином. Наряду с другими факторами, это приводит к постепенной переориентации Дорошенко на более тесное сотрудничество с Короной Польской[116].

С началом 1674 г. у П. Дорошенко возникла проблема в связи с наступлением на Правобережную Украину войск левобережного гетмана Ивана Самойловича, который совместно с Московским государством хотел отвоевать ее. Правобережное гетманское правительство вновь обратилось с просьбой о помощи одновременно и к султану, и королю, находившимся в то время в состоянии войны между собой. Очередной приход Мехмеда IV на Правобережье в августе 1674 г. закончился отступлением сил Самойловича и князя Ромодановского и восстановлением гетманского управления П. Дорошенко над большей частью Правобережья. 5 сентября того же года гетман был на приеме в султанском шатре вблизи Умани. Здесь султан снова вручил ему в знак своей приязни кафтан, бархатную соболью шапку, несколько породистых лошадей, а также очередную булаву. Следовательно, П. Дорошенко и дальше оставался правителем части Украины от имени султана Османской империи.

Получив в конце 1674 г. известие о том, что Ян III Собеский, несмотря на начало мирных переговоров, готовился к походу на Чигирин, гетман Дорошенко предложил созвать трехстороннюю международную комиссию с участием представителей польского короля, турецкого султана и крымского хана, которая бы объявила гетмана князем Украины под двойной протекцией (кондоминиумом) Османской империи и Речи Посполитой. Украинский гетманат должен был выступать в этом переговорном процессе посредником между монархами[117]. Однако уже 10 октября 1675 г. гетман П. Дорошенко под военным давлением Московского царства и Левобережной Украины принял присягу на верность царю, а его посольство в Москве просило царя Алексея Михайловича о сохранении за Дорошенко гетманской булавы.

В начале 1676 г., сразу же после получения известия о намерении П. Дорошенко принять царскую протекцию, султан Мехмед IV присвоил сыну гетмана Богдана Хмельницкого Юрию Хмельницкому (тот долгое время находился в статусе почетного пленника в Стамбуле) титул «князя

---

[115] *Woliński J.* Wojna polsko-turecka w swietle relacji rezydentów austriackich w Turcji // Sdudia i materialy do historii wojskowosci Polskiej. T. VII. Cz. 2. Warszawa, 1961. S. 326.

[116] *Perdenia J.* Hetman Piotr Doroszenko a Polska. Kraków, 2000. S. 421.

[117] Библиотева Национальная института Оссолинских в Вроцлаве. № 355, л. 19–20; *Woliński J.* Król Jan III a sprawa Ukrainy. Warszawa, 1934. S. 17; *Дорошенко Д.* Гетьман Петро Дорошенко. С. 533–534.

малороссийской Украины и вождя Войска Запорожского»[118]. Как свидетельствует турецкая хроника Рашид-Эфенди, Хмельницкий «был приглашен к великому визирю, наряженный бархатным колпаком и шубой, подшитой соболями»[119]. Кроме того, ему были вручены булава, бунчук, знамена, бубен, печать и письменная грамота от султана на право владения правобережной частью Украины. 13 февраля князь Ю. Хмельницкий, еще находясь в Адрианополе, издал универсал, в котором призвал все сословия украинского общества подчиняться его власти[120].

29 июня 1677 г. Ю. Хмельницкий с небольшим отрядом сторонников в составе многотысячной турецкой армии Ибрагим-паши вступил на украинскую землю. Османские военачальники, желая воспользоваться известной фамилией, рассылали от имени нового гетмана универсалы, призывавшие население к подчинению султану и его наместнику, «жить спокойно, не опасаясь татарских набегов»[121]. Однако это не сработало, а военный поход 1677 г. закончился неудачей. Более удачным для Османской империи был второй Чигиринский поход (июнь–август, 1678 г.), во время которого и развернулась основная деятельность правителя Украинского княжества[122]. Однако уже в 1681 г. Ю. Хмельницкий был устранен от княжения, а в июне того года правителем Правобережной Украины от имени султана Мехмеда IV стал господарь соседнего Молдавского княжества Георгий (Юрий) Дуке. Факт назначения гетманом одной из частей Украины молдавского господаря довольно интересен не только ввиду тогдашних украинско-молдавских, но и украинско-турецких политических отношений[123]. В 1680-е гг. на приграничных украинско-молдавских землях крымский хан Селим-Гирей по указанию султана Мехмеда IV положил начало полугосударственному политическому образованию под названием «Ханская Украина»[124], просуществовавшему вплоть до конца 60-х годов XVIII в.[125]

---

[118] Акты, относящиеся к истории Западной России собранные и изданные Археографическою коммисиею. Т. 5. СПб., 1853. С. 152, 156, 157; АГАД. Ф. «Архив Публичный Потоцких», отд. II, № 1657; БМЧ Краков. ТН. Рукопись 175. № 10. Л. 97; № 12. Л. 103–104.

[119] Collectanea z dziejopisów tureckich. S. 124.

[120] Библиотека Польской Академии Наук в Курнике. Отдел рукописей. Рукопись 387. Л. 8; БМЧ Краков. ТН. Рукопись 175. № 12. Л. 103–104.

[121] РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. № 958. Л. 613–619; *Заруба В.* Украинское казацкое войско в борьбе с турецко-татарской агрессией (последняя четверть XVII в.). Харьков, 1993. С. 34.

[122] Zródła do poselstwa Jana Gnińskiego wojewody chełmińskiego do Turcyi w latach 1677–1678 / wyd. F. Pułaski. Warszawa, 1907. S. 364.

[123] *Чухліб Т.* Ставленник турецького султана в Україні молдавський господар Г. Дука (1681–1683) // Київська старовина. 2002. №4. С. 126–140; *Он же.* Козаки та янчари. Україна у християнсько-мусульманських війнах. 1500–1700 рр. С. 210–229.

[124] См. § 3 «Ханская Украина» главы IV настоящего издания.

[125] *Чухліб Т.* Де й коли існувала так звана Ханська Україна? / ред. В. Смолій; упор. Г. Боряк // Крим: шлях крізь віки. Історія у запитаннях і відповідях. К., 2014.

Интересно, что в течение 1677–1679 гг. гетман Левобережной Украины И. Самойлович сумел убедить московского царя Алексея Михайловича в целесообразности заключения мирного договора с султаном. Для подписания мира с Высокой Портой и Крымским ханством в ноябре 1680 г. в Бахчисарай в составе российского посольства отправился представитель гетманского правительства Семен Ракович. Ранее руководитель посольства, московский стольник В. Тяпкин, который по пути в Крым остановился в столичном Батурине, выслушал предложения гетмана о содержании будущего договора. Заключение Бахчисарайского мира 1681 г. стало внешнеполитическим успехом именно гетманской администрации Левобережной Украины[126]. Однако после получения в августе 1682 г. окончательного «списка» договора гетман И. Самойлович выразил недовольство его пунктами[127]. В январе 1686 г. И. Самойлович послал в Москву своих представителей – Григория Самойловича и Ивана Мазепу с настоятельной просьбой отложить дело о подчинении Правобережной Украины польскому королю. Гетманское правительство выработало проект, согласно которому московский царь как протектор Левобережной Украины не должен был заключать мирный договор с польским королем[128]. Гетман И. Самойлович приводил убедительные аргументы относительно преимуществ заключения «Вечного мира» Московского царства именно с Османской империей, а не с Речью Посполитой: 1) Османская империя, несмотря на войны против нее многих европейских государств, остается сильной в военном плане; 2) французский король Людовик XIV, который является союзником Австрийского цесарства и Польско-Литовского государства, а также Венецианской республики, не выступит вместе с ними против Османской империи; 3) несмотря на существование христианской Священной лиги (членом которой была и Польша), государства, входящие в нее, не являются едиными в своих стремлениях, а также вовсе не желают успеха австрийскому императору в борьбе с османами; 4) Речь Посполитая ослабла и уже не в состоянии вести большую войну с Высокой Портой[129]. Несмотря на такую твердую позицию левобережного гетмана относительно мира с Османами, московские цари Иван и Петр не прислушались к нему и подписали «Вечный мир» 1686 г. с польским королем Яном III Собеским. Кроме того, Москва сделала все возможное для смещения излишне симпатизирующего османам И. Самойловича с гетманской должности в 1687 г.

С. 153–156; *Он же*. Козаки і монархи. Міжнародні відносини ранньомодерної Української держави 1648–1721 рр. Вид. 3-тє, випр. та доп. К., 2009. С. 386, 391 и др.

[126] *Станіславський В*. «Статті» гетьмана Івана Самойловича щодо «Вічного миру» // Україна в Центрально-Східній Європі. Вип. 3. К., 2003. С. 349.

[127] *Бантыш-Каменский Д*. Источники малороссийской истории. Ч. 1. М., 1858. С. 279.

[128] РГАДА. Ф.79. Оп. 1. Д. 224. Л. 61–90; *Станіславський В*. «Статті» гетьмана Івана Самойловича щодо «Вічного миру». С. 364–381.

[129] Там же.

При рассмотрении причин военно-политического выступления преемника И. Самойловича, гетмана Ивана Мазепы, против Московского царства в 1708–1709 гг. важно отметить то обстоятельство, что этот гетман был убежден – Османская империя и зависящее от него Крымское ханство должны обязательно поддержать Шведское королевство. Такие выводы им были сделаны на основе донесений его разведчиков на территории Османской империи[130]. Договоренность о совместных военных действиях между Шведским королевством и Крымским ханством была достигнута весной 1708 г., когда в Бахчисарае хан Каплан I-Гирей принимал посла от шведского короля Карла XII[131]. Известно, что с середины 1708 г. Османская империя активно готовилась к войне с Россией. Однако в конце ноября того же года в османском правительстве взяли верх сторонники мирных отношений с московским царем, в результате чего 28 декабря великий визирь подтвердил Константинопольский мирный договор 1700 г. с московским послом в Стамбуле Петром Толстым[132]. Одновременно в начале 1709 г. хан Девлет-Гирей II уверял Карла XII, что он может предоставить для его нужд 40 тысяч всадников. Эту информацию донесли гетману И. Мазепе его послы из Крыма накануне Полтавской битвы 27 июня, которая бы в случае поддержки крымских конницы могла бы завершиться совсем иначе для шведско-украинской коалиции.

Гетман Филипп Орлик, который возглавил Войско Запорожское после смерти И. Мазепы, начал свою деятельность с переговоров с ханом Девлет-Гиреем и отправки своих послов в османскую столицу, где они при содействии французского посла в Стамбуле Дезаера убеждали султана Агмеда III объявить войну России[133]. Дипломатические меры гетмана привели к заключению 23 января 1711 г. украинско-татарского договора[134]. Он имел четко выраженный антироссийский характер и предшествовал совместному походу гетмана Ф. Орлика, хана Девлет-Гирея и польского воеводы Ю. Потоцкого на Правобережную Украину. Летом 1711 г. войска Орлика принимали участие на стороне султана в битве между турецкой и московской армиями на р. Прут близ молдавского городка Станилешты. Пораже-

---

[130] Письма и бумаги Петра Великого. Т. VI. С. 494.

[131] *Возгрин В.* Исторические судьбы крымских татар. М., 1992. С. 238–239; *Он же.* Дипломатические связи Швеции и Крыма накануне и после Полтавы // Скандинавский сборник. Таллин, 1985. Т. 29. С. 70; *Молчанов Н.* Дипломатия Петра Первого. М., 1984. С. 216; *Станіславський В.* Політичні відносини Запорозької Січі й Кримського ханства напередодні Полтавської битви // УІЖ. № 1. 1998. С. 76.

[132] *Станіславський В.* Політичні відносини Запорозької Січі й Кримського ханства… С. 77.

[133] *Яворницький Д.* Історія запорозьких козаків. Т. 3. Львів, 1991. С. 322.

[134] Переписка и другие бумаги шведского короля Карла XII, польского Станислава Лещинского, татарского хана, турецкого султана, генеральского писаря Филиппа Орлика, киевского воеводы Иосифа Потоцкого на латинском и польском языках / изд. О. Бодянского. М., 1847. С. 45.

ние Московского государства уменьшило не только ее триумф от Полтавской битвы, но и международное значение Северного союза. В связи с этим царь Петр I был вынужден срочно эвакуировать свои войска из Белой Церкви, Немирова и Винницы, в результате чего Правобережная Украина отошла под протекторат Османской империи и Шведского королевства, передававших ее под власть гетмана Ф. Орлика.

В связи с заключением Прутского мира 1711 г. между Османской империей и Московским царством, а также отказа царя от Правобережной Украины в пользу султана, в конце октября 1711 г. Ф. Орлик отправил в Стамбул посольство с целью повлиять на ратификацию договора. В своей инструкции гетман Орлик приказывал послам, чтобы они требовали от султана изменения отдельного пункта Прутского трактата, который касался Украины и был недостаточно ясно сформулирован. В целом генеральный старшина Войска Запорожского должен был отстаивать следующие положения: 1) Порте необходимо было признать власть гетмана над Украиной «обеих сторон Днепра»; 2) Украина должна управляться гетманом, избираемым «вольными голосами»; 3) Порта не могла самовольно смещать избранного гетмана; 4) султан должен был заставить Россию навсегда отказаться от претензий на Украину; 5) Крымское ханство не может добиваться господства над Украиной; 6) протекция шведского короля над украинским гетманом должна сохраняться; 7) должны быть обеспечены автономные права Запорожской Сечи и т. д.[135] Активная деятельность украинцев в Стамбуле и их влияние на переговоры султана с царским послом П. Шафировим очень обеспокоили московскую дипломатию.

В результате деятельности тогдашней украинско-турецкой комиссии было заключено два договора между гетманом Орликом и султаном Ахмедом III[136]. Первый из них, который был оформлен между 25 и 28 декабря 1711 г. как султанская грамота «нисан», обеспечивал Ф. Орлику власть над «казаками обеих сторон Днепра»[137], то есть под гетманскую булаву должна была отойти как Правобережная, так и Левобережная Украина. Однако сопротивление московских дипломатов во главе с П. Шафировим (они в то время находились в Стамбуле) и, самое главное, четкое исполнение Петром I прутских договоренностей, заставили Ахмеда III пересмотреть этот проект договора в новом варианте от 16 марта 1712 г. Он был оформлен как султанская грамота-«наме» и в нем уже не упоминалось о передаче украинскому гетману Левобережья. Его главным положением было: «Мы (турецкий султан. – *Т. Ч.*) эту Украина по эту сторону Днепра, на основе военного права [которая] перешла к нашему непобедимому цесарству от

---

[135] *Яворницький Д.* Історія запорозьких козаків. Т. 3. С. 326.

[136] *Пріцак О.* Один чи два договори Пилипа Орлика з Туреччиною на початку другого десятиріччя вісімнадцятого століття // Український археографічний щорічник. Вип. 1. К., 1992. С. 307–320.

[137] *Борщак І.* Гетьман П. Орлик і Франція // Записки НТШ. Т. 134–135. Львів, 1924. С. 133–134; *Пріцак О.* Один чи два договори Пилипа Орлика… С. 308–309.

московского царя, передаем и добро отступаем в полное владение вишейменованованому гетману казаков украинских и запорожских, августейшему Филиппу Орлику и его потомкам, гетманам украинским и запорожским […] под нашей непобедимой протекцией»[138]. Опираясь на положения Прутского договора с Россией, Османская империя отдавала правобережные земли Украины («*Ucrainum ab has parte Borysthents*») в «полное владение» гетмана Ф. Орлика. С другой стороны, отказ от претензии на Левобережье в пользу московского царя дало возможность Агмеду III заключить новое перемирие с Петром I сроком на четверть века, которое было подписано в Стамбуле 3 апреля 1712 г.

После насильственной депортации шведского короля Карла XII с территории Османской империи гетман Орлик хотя и вынужден был номинально признавать власть султана, однако был на него очень обижен. Несмотря на невыгодные условия султанской привилегии и турецко-московских договоренностей, Ф. Орлик исполнил их требования. В связи с тем что в ноябре 1712 г. Османская империя вновь объявила войну Московскому царству, он отправил на Правобережную Украину войска под руководством наказного гетмана Димитрия Горленко с целью отвоевывать ее у Короны Польской. Украинские казаки овладели значительной территорией Правобережья и находились здесь с февраля по ноябрь 1713 г.[139] Однако и этот поход закончился неудачей; причиной поражения стала не только военная несостоятельность гетмана Орлика и его союзников (1 августа 1713 г. на Правобережье находилось 10 тыс. украинских казаков, 12 тыс. турок и 30 тыс. татар)[140], но и неблагоприятная международная обстановка.

Постепенно Украинский гетманат отходит от ориентации на военную поддержку Османской империи и Крымского ханства. Пока существовало убеждение, что султан и хан помогут освободить не только Правобережную, но и Левобережную Украину соответственно от поляков и московитов, гетман Филипп Орлик сотрудничал со Стамбулом и Бахчисараем. Однако 22 апреля 1714 г. Османская империя подписала мирный договор с Речью Посполитой, согласно которому Правобережная Украина отходила к владениям польского короля.

* * *

Таким образом, особенности османской политики гетмана Богдана Хмельницкого заключались в том, чтобы в лице Османской империи обеспечить себе надежного союзника (через приобретение номинального вассалитета), и таким образом лишить султана Мехмеда IV возможности за спиной Украинского гетманата вступить в коалицию с Речью Посполитой.

---

[138] *Пріцак О.* Один чи два договори Пилипа Орлика… С. 307.

[139] Письма к государю императору Петру Великому от генерал-фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева. Ч. 3. М., 1778–1779. С. 224, 228, 239, 252; Материалы для отечественной истории / сост. М. Судиенко. Т. 2. К., 1885. С. 52.

[140] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 5. Л. 44.

Кроме того, мир Чигирина со Стамбулом предусматривал расторжение крымско-польского союза и мирные отношения с Крымским ханством, военная помощь которого существенно помогала в войне с Речью Посполитой. Очень важным для экономики нового государства Восточной Европы оставался выход к портам Черного моря для ведения международной торговли. Воплотить эти планы в жизнь гетману Б. Хмельницкому не удалось, ведь Стамбул не всегда выполнял свои обязательства, а Бахчисарай периодически отказывался от поддержки Войска Запорожского и переходил на сторону Варшавы.

Османская империя, которая была втянута в войну с Венецианской республикой, так и не смогла предоставить необходимой военной защиты Украине ни в 1651, ни в 1653, ни в 1655 гг. Период с конца 1640-х гг. и до конца 1660-х гг., несмотря на отдельные конфликтные годы, среди прочего, отличался активным сотрудничеством между Украинским гетманатом с одной стороны и Османской империей и зависимыми от него Крымским ханством, Трансильванским и Молдавским княжествами – с другой. Это было достигнуто благодаря отказу морских и сухопутных военных походов украинского казачьего войска на владения Османской империи.

В исследуемый период Османская империя, вместе с ее главным вассалом Крымским ханством, рассматривалась Украинским гетманатом уже не как непримиримый противник, а как потенциальный протектор/сюзерен и ситуативный союзник. Если в первой половине XVII в. казацкая угроза составляла для османов одну из первоочередных проблем, то во второй половине того же века попытки установить контроль над Украиной привели главные восточноевропейские государства – Османскую империю (вместе с Крымским ханством), Речь Посполитую и Московское царство – к многолетним войнам.

Преемник Б. Хмельницкого, гетман Иван Выговский, заключивший договор с Шведским королевством, продолжил союзнические отношения с Трансильванским княжеством и Крымским ханством, которые находились в политической зависимости от Османской империи. Он одновременно проводил переговоры и в Стамбуле, и в Вене (как известно, Габсбурги и Османы враждовали между собой) о протекции одного или другого монарха. В течение конца 1650-х – конца 1660 гг. гетманы Юрий Хмельницкий, Павел Тетеря, Степан Опара и Иван Брюховецкий также пытались получить поддержку султана Мехмеда IV и крымских ханов ради удержания своей власти над правобережной и левобережной частями Украины.

Подписание Речью Посполитой и Московским государством Андрусовского перемирия 1667 г., предусматривавшего разделение Украинского гетманата по р. Днепр, активизировало поиски части гетманов поддержки в Стамбуле, которая, по их мнению, могла бы обеспечить целостность Украины и ее реальное участие в тогдашних международных отношениях. Гетман Петр Дорошенко признал протекцию турецкого султана, отмечая, что это было наилучшим выходом из сложного внешнеполитического по-

ложения Украины, ведь в противном случае ей пришлось бы самостоятельно воевать против Речи Посполитой и Крымского ханства (которые заключали между собой союзнические договоры), а также той же самой Османской империи.

Отдельно отметим, что отношения с Крымским ханством играли важную роль в становлении и эволюции Украинского гетманского государства в раннемодерную эпоху. Основанный на межгосударственном уровне договором между гетманом Б. Хмельницким и ханом Ислам-Гиреем III в марте 1648 г. этот процесс длился в течение всей второй половины XVII – первых десятилетий XVIII в. В текстах мирных союзов, дипломатической документации, переписке между правителями Крыма и Украины отношения между двумя государствами определялись такими понятиями как «братство», «любовь», «дружба», «приятельство», «присяга», «вечная присяга», «мир», «вечный мир», «святой мир», «союз», «лига» и тому подобное. Важными результатами политического и военного сотрудничества между Украинским гетманатом и Крымским ханством в середине XVII в. стало: во-первых, неоднократные военные победы над Речью Посполитой в 1648–1652 гг., что, по сути, позволило утвердить Войско Запорожское как независимое государство; во-вторых, «выход» на международную арену, ведь Крымское ханство выступало посредником Украины в мирных переговорах с Короной Польской; в-третьих, получение военного превосходства во время украинско-российской войны 1658–1659 гг. и победы в Конотопской битве 1659 г. над войсками Московского царства.

Следует также отметить, что представители Крымского ханства выступали посредниками и присутствовали почти на всех переговорах, которые проводила Османская империя с Речью Посполитой и Московским государством о протекторате над Украинским гетманатом. При непосредственном участии Крымского ханства в 1681 г. между Высокой Портой и Московским государством был подписан Бахчисарайский мир. Крымские ханы вели собственную дипломатическую игру, имея целью ослабление как Москвы, так и Варшавы для покорения всей Украины или одной ее части – Правобережья или Левобережья.

Стремление украинских гетманов освободиться от власти Москвы и Варшавы совпадали с планами Османской империи по расширению подвластных территорий в этом регионе Европы. После покорения Молдавии, Валахии, Трансильвании и части Венгрии пришло время и для Украины. Походы многотысячных турецких войск в 1672, 1674, 1677 и 1678 гг. на украинские земли, с одной стороны, предусматривали поддержку борьбы украинских гетманов П. Дорошенко и Ю. Хмельницкого против Польши и Московии, а с другой – закончились образованием Каменецкого эялета на Западном Подолье, разрушением столицы Украинского гетманского государства Чигирина и превращением значительной части Правобережной Украины в «пустынное поле».

Султан Мехмед IV, «обжегшись» на поддержке П. Дорошенко, обратился в 1676–1681 гг. к подзабытой идее создания Руського/Украинского княжества во главе с сыном Б. Хмельницкого Юрием, княжеские полномочия которого на Правобережной Украине в 1681–1683 гг. безуспешно продолжил господарь Молдавского княжества Георге Дука. С 1680-х до 1760-х гг. на украинско-молдавском пограничье существовала «Ханская Украина» как буферное образование, контролируемое Бахчисараем[141].

Гетман Левобережной Украины Иван Самойлович, вынашивая планы объединения право- и левобережной частей некогда единого Украинского гетманата, побудил московского царя прекратить войну с Высокой Портой в связи с Бахчисарайским миром 1681 г. и всячески противодействовал примирению Московского царства с Речью Посполитой, что лишило последнюю помощи в войне с Османской империей. Этот турецко-московский договор после Журавненского мира 1676 г. между Варшавой и Стамбулом на короткое время стабилизировал ситуацию на украинских землях, что позволило Османской империи перегруппировать свои силы и подготовиться к решающей схватке с Австрийской империей за Вену.

С началом подготовки антироссийского восстания во главе с гетманом Иваном Мазепой в 1708–1709 гг. крымско-османский вектор внешней политики Украинского гетманата вновь выходит на первый план, что завершилось заключением мирных договоров гетмана Пилипа Орлика и кошевого атамана Константина Гордиенко с ханом Девлет Гиреем II и султаном Агмедом III-м. Украинско-крымский мир 1711 г. восстанавливал действие союза между Крымом и Украиной 1648 г. и имел четко выраженное военно-политическую направленность против Московского государства. Поддержка Крымским ханством казаков-мазепинцев позволила им продолжить борьбу и после Полтавской битвы.

Особенность украинско-османских и украинско-крымских связей в XVIII ст. заключалась в том, что политические отношения с Османской империей и Крымским ханством от имени Украины поддерживали три политических центра – гетманское правительство Филиппа Орлика, находившееся в эмиграции; пророссийское гетманское правительство Левобережной Украины во главе с Иваном Скоропадским и автономная Запорожская Сечь. С 1709 до 1734 гг. значительная часть запорожского казачества находилась под протекторатом крымских ханов, образуя т. н. Каменскую и Олешковскую Сечи[142]. Политические отношения между эмигрантским правительством Украинского гетманского государства с одной стороны и Османской империей вместе с Крымским ханством – с другой, продолжались вплоть до середины XVIII века.

---

[141] См. § 3 «Ханская Украина» главы IV настоящего издания.

[142] См. § 2 «Запорожцы в подданстве Крымского ханства» главы VII настоящего издания.

§ 3. «Ханская Украина»

В. В. Грибовский

Степное междуречье Южного Буга и Днестра еще во времена Киевской Руси было зоной интенсивного контакта славянского земледельческого населения и тюркоязычных кочевников. В XII–XIII вв. сюда доходили южные пределы «Болоховской земли», управляемой отдельными выборными князьями и населенной смешанным славяно-тюркским людом[143]. В середине XIII в. «Болоховская земля» была поглощена Золотой Ордой и вскоре превратилась в наследственное держание потомков монгольского военачальника Курумыши (Куремса). Ко времени присоединения к Великому княжеству Литовскому (вторая половина XIV в.) население этого степного края резко сократилось из-за сильных эпидемий чумы и усобиц в Золотой Орде[144]. Однако черты очень специфической, быстро меняющейся и спрессованной славяно-тюркской чересполосицы, постоянно наполняемой мигрантами со всех сторон степного пограничья, здесь сохранялись вплоть до последней четверти XVIII в., отразившись в названии этого региона: «Ханская Украина».

Литовские князья, захватывая бывшие золотоордынские владения, обосновывали свое право владения ими посредством получения ярлыков от крымских ханов. Эта практика возникла во времена Хаджи-Гирея, ставленника Литвы, и была продолжена Менгли-Гирем I (1478–1515), воссоздавшим Крымское ханство под верховенством Османов[145]. В последней трети XV в. Великое княжество Литовское потеряло свои порты на Черном море – Кочубей (современная Одесса) и Дашев (Очаков), захваченные Османской империей и Крымским ханством, и на протяжении более ста лет безуспешно требовало их возвращения[146]. По этой причине границы Польско-Литовского государства и Крымского ханства долгое время не были определены. Другая причина заключалась в том, что ни Варшава, ни Стамбул, ни Бахчисарай не располагали материальными и организационными ресурсами для создания в малолюдной степи административного аппарата,

---

[143] *Михайлова Р.* З політичного, етно-демографічного та культурно-мистецького життя літописної Болохівщини // Художня культура. Актуальні проблеми. Збірник наукових праць. 2008. Вип. 5. С. 323–325.

[144] *Черкас Б.* Західні володіння Улусу Джучи: Політична історія, територіально-адміністративний устрій, економіка, міста (XIII–XIV ст.). К., 2014. С. 103, 166, 179–199.

[145] *Петрунь Ф.* Ханські ярлики на українські землі (До питання про Татарську Україну) // Східний світ: орган Всеукраїнської наукової асоціації сходознавства. Харків, 1928. № 2. С. 171–172.

[146] *Kolodziejczyk D.* The Crimean Khanate and Poland-Lithuania International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. Leiden; Boston, 2011. C. 450, 505–506.

способного обеспечить собственную монополию на применение военной силы[147]. Больше века днепро-днестровское степное междуречье оставалось «Диким Полем» – степью, не контролируемой ни одним из сопредельных государств. Подолье же было «открытым проходом, как бы мостом для татар из Перекопа (Крыма. – *В. Г.*) […], которые совершенно свободно проникают этим путем на Волынь, в Червонную Русь, в Литву и даже Польшу, если обстоятельства тому благоприятствуют»[148]. Нападения татар из Крыма и Буджака, ставшие с последней четверти XV в. перманентным явлением, срывали слабые завязи административной инфраструктуры, принуждая ее сжиматься вокруг наиболее крупных крепостей региона – Каменец-Подольский, Брацлав, Бар, Умань и Черкассы, расположенных в лесостепной зоне. С этим ничейным степным пространством связано первое упоминание о казаках в истории Украины.

В 1489 г. великий князь литовский и король польский Казимир IV отправил в южное Подолье по Днепру своего сына Ольбрахта «со всем двором своим», к которому присоединились жители Подолья и Руси («podolanie y rusacy»). Имея своими проводниками казаков («maiąc wodze kozaki tych tam mieysc świadome»), королевич короткими дорогами вышел на два крупных татарских отряда, возвращавшихся с большим количеством пленных (ясырей). Татары окружили себя возами и, обороняясь, «стрелами ясное небо затмили»; но королевич, ведомый теми казаками, одержал победу, уничтожил до 15 тыс. татар и освободил всех пленных[149]. Это упоминание в украинской историографии принято считать первым свидетельством существования украинского казачества[150]. Впрочем, не бесспорно, поскольку представленное известие показывает этих казаков отдельно от «подолян и руських»[151]. Не исключено, что это были тюркские казаки, появившиеся в условиях распада чингизидских государств, возможно, из местных тюркоязычных жителей; хорошее знание местности упомянутыми казаками само по себе не удостоверяет того, что они были местными. Всего в двух сотнях километрах от Подолья находились «белогородские каза-

---

[147] *Gliwa A.* Kraina upartych niepogód. Zniszczenia wojenne na obszare ziemi przemyskiej w XVII wieku. Przemyśl, 2013. S. 125.

[148] *Виженер Блез, де.* Описание Польского королевства (1573) / пер. К. Мельник // Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Вып. 1 (XVI ст.). К., 1890. С. 67–68.

[149] Kronika polska Marcina Bielskiego, Nowo prez Ioachima Bielskiego syna iego wydana. Kraków, 1597. S. 476.

[150] *Голобуцький В.* Запорозьке козацтво. К., 1994. С. 4.

[151] Написание «руський» применительно к жителям Руси и всему, что с ними связано, является более предпочтительным, чем понятие «русский», ввиду его модернизаторского подтекста, выводящего на схему Н. М. Карамзина «Истории государства Российского». Польские, литовские, белорусские и украинские источники того времени четко различали Московское государство и «Русь», под которой понимали белорусские и украинские земли.

ки», которые не только активно нападали на степное пограничье, но и поддерживали тесную коммуникацию с польско-литовскими пограничными губернаторами, как, например, в 1561 г. старостой черкасским и каневским Михаилом Вишневецким[152].

В XVI в. сообщения о разного рода казаках становятся массовыми. Польский хронист Мачей Стрыйковский (1582) зачислял в «казаки» всех, кто действует вооруженной рукой не по закону. В частности, – литвинов, нападавших в XIII–XIV вв. «на Русь, на Польшу, на Москву», идя «казацкими шляхами» и «казакованием ища пропитания». Казаками он называл и выходцев с Волыни, «заполонивших своим народом киевские, подлясские, подольские и другие смежные руские земли»[153]. Этот автор отождествлял казакование с разбоем, неоднократно экстраполируя современное ему явление в прежние времена и далекие от степи местности[154]. Это обстоятельство понуждает критически отнестись к его утверждению о том, что еще Федор Кориятович в конце XIV в. мог действовать совместно с «подольскими казаками»[155]. Но все же в употреблении автором этого слова прослеживается и более старый пласт значений, связанный с присвоением природных ресурсов (охота, рыбалка, бортничество и др.). Что примечательно, это проявилось в описании Подолья. Основанию г. Каменец-Подольский, согласно Стрыйковскому, предшествовала охота князей Кориятовичей на «зубров, оленей, косуль, диких кобыл» и прочие их «казацкие развлечения» у р. Смотрич, вместе с «литовским и руським рыцарством». И самому автору приходилось в 1574 г. пить мед, сваренный местными казаками[156].

Восточное Подолье (Брацлавщина) было одним из первых очагов формирования украинского казачества. Казакование, почти одновременно (вторая половина XV в.) заявившее о себе на огромной территории от Центральной Азии до Северо-Западного Причерноморья (т. е. на всем пространстве распадавшихся чингизидских государств)[157], появилось и на литовско-крымском пограничье. Тюркское население в этом регионе присутствовало постоянно. Литовское правительство создавало условия для быстрой кооптации местной «руськой» и тюркской знати в социальное про-

---

[152] Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 564 (1553–1567). Viešųjų reikalų knyga 7 / parengė A. Baliulis. Vilnius, 1996. С. 69. «Белогородских казаков», как и часто действовавших совместно с ними «татар добруджских» (и те, и другие слабо отражены в источниках, введенных в научный оборот), гипотетически можно считать смешанным населением печенежско-кипчакского происхождения (*Паламарчук С. В.* Забытая земля: историческая область Бессарабия. Одесса, 2008. С. 122).

[153] *Стрийковський М.* Літопис польський, литовський, жмудський і всієї Руси. Львів, 2011. С. 114, 165, 273, 305.

[154] Там же. С. 356, 379 и др.

[155] Там же. С. 494.

[156] Там же. С. 481–482.

[157] На это обстоятельство обратил внимание В. В. Бартольд (*Бартольд В. В.* Статьи из «Энциклопедии Ислама» // *Он же*. Сочинения. Т. 5. М., 1968. С. 535).

странство своего государства; оно «как бы лишь регистрировало эти новые образования в своих пределах и переводило постепенно тюркских династов на status обычных землевладельцев»[158]. Однако эти метаморфозы привели к пауперизации большей части местной знати. От опускания на социальный низ ее могло уберечь или превращение в клиентов удельных князей и военных слуг великого князя (а затем и короля Речи Посполитой), впрочем, позволявшее приобщиться к сословию шляхты, или буйное казакование, втягивавшее тех, кто оказался вне этого сословия, замкнувшегося к концу XVI в.[159] На Брацлавщине и Киевщине удельный вес тюрок как местных (давно проживавших), так и пришлых был значителен среди всех слоев населения: боярско-шляхетских родов, мещан и казаков[160]. Местный тюркский компонент и постоянную инфильтрацию новых пришельцев из тюркского мира в здешнюю среду вполне обоснованно можно считать прямым проводником диффузии казачества как постчингизидского социокультурного явления.

Рассмотрение этого явления как стихийного процесса формирования рангов в обществах с разрушенной стратификацией посредством выхода на первый план реципрокных механизмов на тюркской культурной основе отдельно представлено в этом издании[161]. Здесь же, характеризуя истоки казачьего уклада в буго-днестровском междуречье, отметим: первые группы украинских казаков имели сходство с «текучими» структурами типа князь–дружина или хан–батыры, из которых складывалась последующая «застывшая» стратифицированная система с наследственными рангами-титулами. Согласно выводам С. А. Лепьявко, отношения украинского казачества с «феодально-шляхетским сословием» начинались со «сродства и тесного сотрудничества», «дружелюбия знати к казакам и наоборот»; первыми гетманами казачества были королевские старосты – местные губернаторы; казакование «считалось школой рыцарства для шляхетской молодежи»; «шляхта в то время не видела в казачестве какой-то самостоятельной общественной силы, а смотрела на него как на низы рыцарского сословия»[162]. Считая убедительными эти характеристики, обратим внимание на то не охваченное ими обстоятельство, что пограничные губернаторы попросту не имели иных организационных и ресурсных возможностей, кроме походов на соседей с целью получения добычи, взимания дани, пиров и братания со своими воинами, дарообмена и редистрибуции, посредством которых поддерживались личные связи-обязательства и формировались патрон-клиентские отношения. Речь идет о характеристиках вождества – chiefdom, из которого складывались феодальные институты, причем

---

[158] *Петрунь Ф.* Ханські ярлики на українські землі… С. 176.

[159] *Яковенко Н.* Українська шляхта з кінця XIV – до середини XVII століття. Волинь і Центральна Україна. Вид. 2-е, перегл. і випр. К., 2008. С. 62–71, 127.

[160] Там же. С. 188–192.

[161] См. главу II «Социальная типология казачьих сообществ».

[162] *Леп'явко С.* Козацькі війни кінця XVI ст. в Україні. Чернігів, 1996. С. 32.

складывались как бы заново, имея своим отправным пунктом вновь возникшую архаику, «проросшую» сквозь обломки позднеруських и золотоордынских социальных систем.

На Брацлавщине эволюция казачества не пошла дальше клиентелы («надворные казаки») феодального патрона (панов и крупной шляхты), в отличие от Запорожья, где выработался механизм постоянного перераспределения рангов через выборы и блокировку патрон-клиентских отношений, наследований статусов, обязательств и т. д. В середине XVI в. походы подольских казаков во главе со шляхтичами в Молдову, к турецким крепостям Тягиня и Очаков становятся обычной практикой. В 1545 г. казаки ходили в Молдову для кражи лошадей «по воле и приказу» князя Федора Сангушко, старосты владимирского (волынского); его сыновья – Дмитрий, староста черкасский, и Роман, брацлавский воевода, – держали под своей протекцией «брацлавцев и черкашенов», отгонявших в татарской степи скот[163]. В 1574 г. на призыв молдавского господаря Ивана III (Ивоня) в Молдову выступила подольская шляхта и казаки, составившие полуторатысячный отряд во главе с гетманом Иваном Сверчовским. Но несколько лет спустя главным центром формирования казацких отрядов становится Запорожье. Здесь было собрано войско гетмана Ивана Подковы, который выдвинул претензии на молдавский трон, занял его в 1577 г. и удерживал около месяца[164]. Значение подольских казаков скоро снизилось. В 1589 г., когда запорожцы совершили очередной поход в Молдову, великий коронный гетман и канцлер Речи Посполитой Ян Замойский просил их остаться в Подолье для защиты этого края[165]. Но запорожцев интересовала богатая Молдова, а не опустошаемое татарскими набегами буго-днестровское междуречье. Их услугами продолжали пользоваться молдавские господари, выступавшие против османского владычества[166].

Не всегда имея возможность полагаться на казаков, правительство Речи Посполитой для охранения полупустынного края привлекало выходцев с востока. Одними из них были черемисы (украинское название: чемерисы), пришедшие из угро-финского Поволжья. К середине XVI в. они компактно поселились в г. Бар, делившийся на «лядскую» (польскую), «руськую» (украинскую) и чемерисскую части. В 1600 г. основан г. Черемисы и ряд сел с тем же военно-служилым населением, охранявшим пограничье. Их статус «королевских слуг» во многом соответствовал положению городских казаков, формировавшихся в то же время преимущест-

---

[163] *Яковенко Н.* Українська шляхта… С. 120.

[164] *Леп'явко С.* Українське козацтво у міжнародних відносинах XVI – середини XVII ст. // Історія українського козацтва. Нариси у двох томах. Т. 1. К., 2006. С. 330–331.

[165] *Он же.* Козацькі війни кінця XVI ст. в Україні. С. 46–47.

[166] *Дамьян В. В.* К проблеме влияния запорожского казачества на польско-молдавские отношения (конец XVI – начало XVII в.) // Revista de etnologie şi culturologie. Vol. 6. Chişinău, 2010. С. 85.

венно из украинцев[167]. В конце XIV – начале XVI в. за счет выходцев из рассыпавшейся Золотой Орды, позднее – Ногайской Орды и Крыма в Польско-Литовском государстве складывалась еще одна важная военно-служилая группа – татар-липок[168]. Ближе к подольской степной границе находились «татары волынские», используемые для отражения нападений из Крыма[169]. Служба в хоругвях татарских и казацких на Волыни и Подолье привлекала многих литовских татар, живших возле Тракая и Вильнюса. Их миграция в эти регионы усилилась после 1648 г.[170] Последнее крупное пополнение «татарского» населения Речи Посполитой произошло во время окончательного распада Ногайской Орды. По записи в «Львовской летописи», в 1637 г. «татар поддалось двенадцать тысяч королю польскому, и присягнули гетману Конецпольскому, и указано им проживание за Днепром между казаками»[171].

Миграции ногайцев в последней трети XVI – начале XVII в. заметно повлияли на этническую ситуацию в разных регионах Украины и прилегающей к ним степи. На смену «белогородским казакам» пришла Буджацкая орда, окончательно сложившаяся преимущественно из ногайцев в 1620–1630-е гг.[172] Буджаковцы на протяжении всей первой трети XVII в. производили опустошительные набеги на огромную территорию, вплоть до Перемышльской земли, двигаясь по буго-днестровскому междуречью[173]. Их лидер, Кантемир-мурза, самовольно организовывал нападения на соседние страны и сильно повлиял на усугубление внутреннего расстройства в Крымском ханстве и дестабилизации османской власти в Северном Причерноморье, приведшей к захвату казаками крепости Азов[174]. Среди мер, предпринятых Портой для выведения своих северо-восточных

---

[167] *Дашкевич Я. Р.* Чемерисы в городах Украины XVI–XVIII вв. // Этнические группы европейской части СССР. М., 1987. С. 101–102.

[168] Происхождение слова «липка» связывают с «турецко-арабским названием Литвы» (*Kryczyński St.* Tatarzy Litewscy. Próba monografii historyczno-etnograficzney. Warszawa, 1938. S. 2).

[169] *Kryczyński Leon Najman Mirza.* Tatarzy polscy a wschód muzułmański // Rocznik Tatarski. Czasopismo naukowie, literackie i społeczne, poświęcone historji, kulturze i życziu Tatarów w Polsce. T. 2. Zamość, 1935. S. 3–15.

[170] *Kryczyński St.* Tatarzy Litewscy… S. 29.

[171] *Бевзо О. А.* Львівський літопис і Острозький літописець. К., 1971. С. 116. Практика приема больших и малых групп «татар», начатая великим князем литовским Витовтом, была продолжена и королями Речи Посполитой. По сообщению московских послов в Крыму, ногайский бий Иштерек в 1616 г. просил короля Сигизмунда III о разрешении «его улусам кочевать по Днепру вместе с запорожскими черкасами» (*Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л., 1948. С. 92).

[172] *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. Казань, 2016. С. 444.

[173] *Gliwa A.* Kraina upartych niepogód… S. 106–394.

[174] *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами… С. 185, 240–255.

владений из кризисного состояния, были закрепление Буджака и бугоднестровского междуречья за Крымским ханством и установление его границы с Речью Посполитой в 1633 г. Единственными природными объектами, к которым можно было привязать эту границу, были реки Ягорлык и Кодыма[175], наиболее полноводные из всех степных водоемов, текущих в широтном направлении, в отличие от Днестра, Южного Буга и Днепра, расположенных по меридиану.

Трудно согласиться с выводом А. Г. Середы о том, что крымские ханы владели степным пространством Буджака и Очаковской земли на правах *хас*, т. е. крупного условного землевладения, предоставляемого высшим сановникам Османской империи[176]. Во-первых, крымские ханы были не турецкими сановниками, а наследственными правителями с очень уважаемой родословной[177]. Во-вторых, Гиреи как Чингизиды считались законными правителями Дешт-и Кипчак, это видно по практике выдачи ярлыков, производимой со времен Хаджи-Гирея, о чем речь шла выше. Согласно выводу А. У. Фишера, Османы обосновывали легитимность своего владения частью Дешт-и Кипчак тем, что в их подчинении находились Гиреи[178]. В-третьих, турецкая администрация физически не могла распространить свое действие на степные районы с кочевым населением, а потому оставляла эту функцию носителям степной политической традиции. В-четвертых, в Османской империи была налажена система использования в пограничных зонах «хорошо управляемых доминионов» и разнообразных «лордов фронтира», мобилизующих местные ресурсы на военные нужды империи с большей эффективностью, чем централизованная бюрократия[179].

Регулярное действие османской администрации в Северном Причерноморье ограничивалось турецкими крепостями и прилегающими к ним небольшими территориями, где спорадически возникали *тимары* и *чифт-*

---

[175] *Крикун М.* Брацлавське воєводство у XVI–XVIII століттях: Статті і матеріали. Львів, 2008. С. 302–326; *Kolodziejczyk D.* The Crimean Khanate and Poland-Lithuania International Diplomacy… P. 88, 113, 143, 507–510. Примечательно, что Ягорлык и Кодыма в физической географии считаются границей между степью и лесостепью.

[176] *Середа А.* Силистренско-Очаковският еялет през XVII – нач. на XIX в.: Административно-територриално устройство, селища и население в Северозападното Причерноморие. София, 2009. С. 36.

[177] Как свидетельствовал Ш. де Пейссонель, французский консул в Крыму, исламские правоведы утверждали, что в случае пресечения династии Османов Гиреи могли занять их место (*Пейссонель Ш.-К.* Записка о Малой Татарии / пер. с фр. В. Х. Лотошниковой / вступ. ст. и комм. В. В. Грибовского. Изд. 2-е: испр. и доп. К., 2013. С. 22).

[178] *Fisher A.* The Crimean Tatars. Stanford, 1978. P. 14.

[179] *Pedani M. P.* The border from the Ottoman Point of View // Tolerance and intolerance on the Triplex Confinium. Approaching the «Other» on the Borderlands Eastern Adriatic and beyond 1500–1800 / ed. Egidio Ivetic and Drago Roksandić. Padova, 2007. P. 200, 206.

лыки, впрочем, имевшие сильную местную специфику[180]. На междуречье Днестра и Днепра османские власти того времени не распространяли понятие *дар-аль ислам* («страна ислама», территория действия мусульманского права и власти). Это видно из публикации турецкого источника начала XVIII в., в котором река Турла (Днестр) представлена как граница, отделяющая Очаковскую степь от «страны ислама»[181]. Тот же источник удостоверяет такую важную черту жизни на степном пограничье, как отсутствие инструментов принуждения и надзора даже бесправного земледельческого населения. 2500 *реайя* (крестьян), пришедших из Молдовы и Валахии и поселившихся в *вароше* (предместье) Очакова, беспрепятственно перешли в принадлежавшие крымскому хану села, как только очаковский комендант (мухафиз) попытался их обложить небольшим налогом *испенче*[182]. Ханские села в то время казались привлекательными и для украинских казаков и крестьян.

В ходе создания Украинского гетманского государства в 1648–1651 гг. на Брацлавщину был распространен казацкий полково-сотенный строй. Однако Брацлавское воеводство, вместе с администрацией Речи Посполитой, было восстановлено в 1651 г. Женитьба сына Богдана Хмельницкого, Тимофея (Тымиш), на дочери молдавского господаря Василия Лупула Розанде в 1652 г. позволила украинскому гетману сохранить часть этой территории за собой. От имени «домны» Розанды у сандомирского воеводы (следует полагать, Займойского) была приобретена земля «до середины речки Ягорлык». После смерти Тимофея в 1653 г. Розанда передала эти земли османскому султану Мехмеду IV; законность этой передачи стала предметом споров на польско-турецкой комиссии по разграничению 1703 г.[183]

Во второй половине XVII в. Османы продвинули свои владения далеко на север от границы 1633 г., воспользовавшись сложным положением гетманов Юрия Хмельницкого (1659–1663, 1679–1681) и Петра Дорошенко (1669–1675)[184]. Успеху экспансии Стамбула содействовал переход в турецкое подданство татар-липок и чемерисов, способствовавших захвату у Речи Посполитой Каменца-Подольского в 1672 г. и других крепостей региона. Они принимали активное участие в походах гетмана П. Дорошенко и

---

[180] *Veinstein G.* Les “çiftlik” de colonisation dans les steppes de nord de la mer Noire au XVIe siècle // Istanbul Üniversitesi Iktisat Fakültesi Mecmuası. 1985. № 1–4 (41). P. 182, 196–200.

[181] *Весела З.* Турецкий трактат об османских крепостях Северного Причерноморья в начале XVIII в. // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы: сб. / ред. А. С. Тверитиновой. Ч. 2. М., 1969. С. 114–115.

[182] Там же. С. 122–123.

[183] *Крикун М.* Воєводства Правобережної України у XVI–XVIII століттях: Статті і матеріали. Львів, 2012. С. 299–302, 320–321, 334.

[184] См. § 2 «Украинское гетманское государство и казачество в отношениях с Османской империей и Крымским ханством во 2-й половине XVII – начале XVIII в.» главы IV настоящего издания.

осуществляли самостоятельные рейды по Украине. В 1673 г. Порта предоставила липкам в «вечное владение» (dano na wieczność) крепость Бар, а их лидеры, бывший ротмистр Александр Кричинский, а затем литовский татарин Хусейн Муравский получали титул бея барського[185]. В ходе польской «реконкисты» и по результатам Карловицкого договора 1699 г. Османы были вынуждены оставить Каменец, Бар и ряд других крепостей, а липок переселить в Молдову и Добруджу (do Wołoh)[186].

Значительные политические и демографические последствия для региона имела деятельность молдавского господаря Георге Дуки, получившего от Османов в 1681 г. (после отстранения Ю. Хмельницкого) титул гетмана Правобережной Украины и владевшего им до 1684 г. Главное обязательство Г. Дуки в отношении Стамбула состояло в заселении опустошенного длительной войной края и наборе войска в несколько тысяч человек. Он восстановил суды, действовавшие по местным обычаям, оставил неизменным казацкий строй, население освободил от налогов и повинностей (кроме военной) на срок от 5 до 20 лет, основал слободы, к поселению в которых призывал в своих универсалах (грамотах) всех желающих. Так же, как и гетман Левобережной Украины Иван Саймойлович, присягнувший московскому царю, он производил насильственные перемещения («сгоны») населения с Правобережья в свои владения. Молдавский господарь возобновил запустелые украинские города: Чигирин, Черкассы, Канев, Корсунь и др. Административным центром «заднестровских» владений Г. Дуки стал г. Немиров (теперь районный центр в Винницкой области, Украина), где находился назначенный им наказной гетман Иван (Ян) Драгинич, грек по происхождению. Для облегчения контроля за обоими берегами р. Днестр господарь разместил свою резиденцию в с. Цикановка, что на левом берегу Днестра напротив г. Сороки. Но как только Г. Дука по приказу Порты выступил со своим войском для участия в битве за Вену 1683 г., его владения поделили между собой представители молдавского боярства и украинской казацкой старшины[187]. Днестр снова стал границей между Украиной и Молдовой.

Ослабленная поражением в битве за Вену Порта была вынуждена узаконить это разделение и, по рекомендации крымского хана, в 1684 г. предоставить гетманскую булаву казацкому полковнику Теодору Сулименко. Т. В. Чухлиб связывает начало «Ханской Украины» именно с этим событием. Этот вывод исследователь аргументировал тем, что, во-первых, предложение кандидатуры гетмана в Стамбул поступило из Бахчисарая, а

---

[185] *Kryczyński S.* Bej barski. Szkic z dzejów Tatarów polskich w XVII w. // Rocznik Tatarski. Czasopismo naukowie, literackie i społeczne, poświęcone historji, kulturze i życziu Tatarów w Polsce. T. 2. Zamość, 1935. S. 266–285.

[186] *Он же*. Tatarzy Litewscy. Próba monografii… S. 36–37.

[187] *Чухліб Т.* Гетьмани і монархи. Українська держава в міжнародних відносинах 1648–1714 рр. Київ; Нью-Йорк, 2003. С. 257–274; *Он же*. Козаки і монархи… С. 305–316.

во-вторых, новый гетман сосредоточил свою деятельность на левобережье Днестра, избрав г. Ягорлык в качестве своей резиденции[188]. Признавая резонность этих аргументов, все же отметим их частный характер. Во-первых, потому что есть основания поддержать сформулированный Ф. Е. Петрунем в 1920-е гг. тезис о «татарской Украине» как о зоне активного политического и этносоциального взаимодействия, специфические черты которого (среди них – формальное владение территорией Крымским ханством и ее предоставление другим государствам и сообществам, создающим на ней особые уклады) установились в XV – начале XVI в. и которые можно отследить вплоть до последней трети XVIII в. Во-вторых, – об этом убедительно пишет Т. В. Чухлиб, вступая в алогическое противоречие с вышеуказанным своим тезисом, – Османы передали Гиреям прерогативу назначения украинских гетманов в 1690 г.; титул «гетман ханской милостью» появился именно тогда[189], а не в 1684 г. В понятии «Ханская Украина» важно различать широкое (согласно Ф. Е. Петруню) и узкое (согласно Т. В. Чухлибу) значения; последнее же требует уточнения, ввиду запутанной османско-крымской владельческой чересполосицы в Северо-Западном Причерноморье, которую А. Г. Середа неубедительно попытался распутать через понятия османского права: «хас» и «мукатаа» (см. выше).

В XVI – начале XVII в. г. Ягорлык упоминался как турецкая крепость, на которую часто нападали украинские казаки[190]. Во время разграничения владений Речи Посполитой и Османской империи в 1703 г., польские комиссары заявили: «когда турки на своей стороне [речки Ягорлык] начали заселять [города] Дубоссары и Сухой Ягорлык, то соответственно и на польской стороне возникли поселения – Мокрый Ягорлык и другие». Примечательной был ответ их турецких коллег: «говоря так, вы проявляете неуважение к крымскому хану, которому подвластны поселения на турецкой стороне»[191]. Резиденцией Т. Сулименка в 1690 г. и его последователей стал именно Мокрый Ягорлик, расположенный при устье одноименной речки в нескольких километрах («две мили») от г. Дубоссары, также принадлежавшему к Крымскому ханству[192]. Этот город в то время находился на правому берегу Днестра, в отличие от современного, возникшего в конце XVIII в. на левом берегу на несколько километров ниже по Днестру. Поселение в устье Ягорлыка можно сопоставить с современным с. Гоян

---

[188] *Он же.* Козаки і монархи… С. 386.

[189] Там же. С. 388–391. *Он же.* Де й коли існувала так звана Ханська Україна? / ред. В. Смолій; упор. Г. Боряк // Крим: шлях крізь віки. Історія у запитаннях і відповідях. К., 2014. С. 153–156.

[190] *Грушевський М.* Історія України-Руси. Т. 7. К., 1995. С. 165, 258.

[191] *Крикун М.* Воєводства Правобережної України… С. 303.

[192] Описание дорог от Киева до Царьграда, сочиненное в 1714 г. // Академичиския известия. Ч. 7. Месяц март. СПб., 1781. С. 330.

Дубоссарского района Республики Молдова[193]. Чтобы разобраться, о каком именно Ягорлыке идет речь, обратим внимание на то, что российские посланники из Киева в Стамбул в 1714 г. ехали от местечка Рашкив, перешли речку Рыбница и подъехали к городку Ягорлык, не пересекая одноименной речки. Этот же «Егорлык стоит при Днестре в долине, и подошли к нему еще две речки, имянуемыя Егорлыки, один большой, а другой меньшой»[194]. Таким образом, этот населенный пункт следует локализировать на правом берегу р. Ягорлык, т. е. Мокрого или «Большого» Ягорлыка; с. Гоян теперь расположено на острове (полуострове), образованном Днестром, Мокрым и Сухим Ягорлыками. Также нужно иметь в виду, что вследствие образования Дубоссарского водохранилища (1954–1955 гг.) от бывшего с. Ягорлык осталось несколько домов, которые были включены в состав нынешнего с. Гоян. Из этого следует, что резиденция «гетманов ханской милостью» находилась на правом, принадлежавшем Речи Посполитой берегу Мокрого Ягорлыка. В 1648 г. эта местность вошла в состав Украинского гетманского государства и была охвачена характерной для нее полково-сотенной организацией. Во время польско-турецкого разграничения 1703 г. здесь было отмечено «некоторое количество казаков, подданных его светлости крымскому хану»[195]. Итак, речь идет о включении в османо-крымскую владельческую систему островка украинского казацкого строя, а не его воспроизводстве украинской эмиграцией на чужой территории. Это является принципиально важным для понимания «Ханской Украины» как отдельного украинского казацкого района Крымского ханства.

В 1690 г. Гиреи получили от Османов прерогативу назначения украинских гетманов; в том году из Бахчисарая был впервые назначен «гетман ханскою милостью» Степан (Стецик) Лозинский[196], он же Степан Ягорлыцкий, «Стецик Тягинский» и «Стефан Иванович, гетман от хана»[197]. С его именем следует связать появление «ханских сел» со смешанным украинским и молдавским населением. Маловероятно, чтобы молдаване имели здесь значительное количественное преимущество, поскольку турецкая администрация в Молдове следила за тем, чтобы население этого княжества не переселялось через Днестр[198], а «Стециковы села» находились как раз на левом берегу

---

[193] *Сапожников І. В.* Запорожці в Очаківській області та Україні Ханській під час «кримської протекції» (1711–1734 роки) // Південна Україна XVIII–XIX ст. Записки науково-дослідницької лабораторії історії Південної України ЗДУ. Запоріжжя, 2003. Вип. 7. С. 241.

[194] Описание дорого от Киева до Царьграда… С. 330.

[195] *Крикун М.* Воєводства Правобережної України… С. 319.

[196] *Чухліб Т.* Козаки і монархи… С. 388–391.

[197] *Оглоблін О. П.* Петрик, ханський гетьман України // Студії з Криму. I–IX. / ред. А. Ю. Кримський. Відбитки з «Записок історично-філологічного відділу». К., 1930. С. 102.

[198] *Димитров С. А.* Турецкие документы о состоянии Хотинской округи (нахие) в первой половине XVIII в. // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы: сб. / под ред. А. С. Тверитиновой. Ч. 2. М., 1969. С. 141–142.

этой реки. Несмотря на то, что население этих сел в источниках и названо «волохами», их, конечно, не следует считать исключительно этническими молдаванами. Этнические названия того времени сложно отделить от социальных и подданнических. «Показаченный» молдаванин мог «раствориться» в украинской среде, как и украинец, переселившийся в Молдову, – навсегда стать волохом. Притоки и оттоки украинцев в Молдове на рубеже XVII–XVIII вв. были очень значительными. В 1709 г., когда украинское население стало возвращаться с правобережья Днестра на Подолье, оно называлось не иначе, как «волохи»; среди них было немало тех, кто вел себя с местной шляхтой уж слишком по-казацки[199].

В 1694 г. по приказу короля Речи Посполитой Яна Собеского подвластный ему казацкий полковник Семен Палий выступил в Буджак для уничтожения «ханских сел», заселенных ногайцами; другой же казацкий полковник, Самуил («Самійло», Самусь) Иванович, опустошил околицы г. Сороки, ходил на «села Стеця, гетмана ханского, и, уничтожив [их], значительную выгоду имел, одних больших овец волошских шесть тысяч забравши»[200]. Величина этой добычи свидетельствует о значительном числе жителей и степени их зажиточности. По другим данным, под властью Степана Лозинского в 1693 г. находилось около 3 тыс. украинских казаков и молдаван[201]. Общее число населения, если учесть женщин и детей, могло доходить до 10 тыс. Окрыленные этим успехом, Палий и Самусь в 1695 г. пошли «под Дубоссары на Стеця» с отрядом, состоящим всего из нескольких сотен казаков. Их действия имели не только грабительские, но и геноцидные признаки. Нападающие, выпустив Лозинского из Ягорлыка, сожгли городок и замок, «людей до наималейшего ребенка вырезали», набрали добычи на 2 тыс. возов и несколько десятков тысяч голов скота. Когда же они, возвращаясь, на радостях пьянствовали, Лозинский, взяв у тягинского бея несколько сотен «татар» (вероятно, липок) и «своих людей столько же сгромадив», на переправе подстерег их и «больше двухсот трупом положил». Палий и Самусь, ушедшие с недобитым отрядом, сорвали свою злость на пленных «волохах» – «согнали их в купу и вырезали, а села все, которые неприятелю принадлежат, до основания снесли»[202]. 9 ноября того же года датировано последнее упоминание о деятельности С. Лозинского: около 200 пеших и 15 конных казаков Палия и Самуся в очередной раз пошли на «ханские села». Предупрежденный об этом «волохами», Лозинский догнал нападающих, «целый день атаковал их и, потеряв своих 50 убитыми, кроме раненых, и [сам …] получив смертельную рану, вернулся назад». Затем из Тягини выступило 300 турок и 100 казаков Лозинского, которые догнали нападающих возле р. Реут, успевших ночью окопаться. От рассвета до полудня длился штурм этого «окопа», возглавляемый самим беем; больше сотни турок «трупом

[199] *Батюшков П. Н.* Подолия. Историческое описание. СПб., 1891. С. 155.
[200] Доба гетьмана Івана Мазепи в документах / упор. С. Павленко. К., 2007. С. 654.
[201] *Чухліб Т.* Козаки і монархи… С. 389.
[202] Доба гетьмана Івана Мазепи в документах. С. 657.

лягло», многие получили ранения[203]. О скорой смерти Степана Лозинского-Ягорлыцкого сообщили другие источники[204].

Представленная детализация событий раскрывает причину, по которой отдельные группы украинских эмигрантов в разное время, но примерно при одинаковых обстоятельствах вынужденные бежать в османо-крымские владения, сохраняли жгучую неприязнь друг к другу. Пониманию той же причины способствует рассмотрение деятельности второго «гетмана ханской милостью» Петра Иваненко (Петрыка).

Эта была фигура гораздо бóльших потенциальных возможностей, чем его предшественники. П. Иваненко поддерживала группировка старшины левобережной Гетманщины, возглавляемая генеральным писарем Василием Кочубеем и полтавским полковником Федором Жученко. Данная «партия» не была заинтересована в продолжении войны с Крымом, которую вело Московское государство, с раздражением относилась к усилению власти царя в Украине и считала гетмана Ивана Мазепу промотором этой тенденции. В 1692 г. П. Иваненко заключил с Крымским ханством союз от имени «Княжества удельного Киевского, Черниговского и всего Войска Запорожского городового и народа малороссийского», заявив тем самым намерение выступить с крымцами против Москвы, как в свое время Б. Хмельницкий против Варшавы. Летом того же года 20 тысяч крымцев с поддерживавшими его казаками (в большинстве – запорожскими) пошли на Полтавщину. Многие местные жители, обремененные постоями царских войск, налогами и повинностями, принуждаемые к частым переселениям и ограничиваемые в выборе места жительства и рода деятельности, встречали их с воодушевлением[205]. Но крымское понимание войны как грабежа и охоты за ясырями дало совершенно противоположный их ожиданиям результат. Крымские ханы, не имея другого способа удержать в подчинении огромную массу кочевников, кроме вовлечения их в военные действия, часто были вынуждены подчинять свою политическую цель их грабительскому мотиву[206]. Следующие походы крымцев, проводимые от имени П. Иваненко (1693, 1694, 1696 гг.), усугубили катастрофические последствия предыдущих. Поход 40-тысячного войска во главе с крымским султаном (Девлет-Гиреем?) осенью 1696 г. в окрестностях г. Каменец-Подольский сопровождался уничтожением и пленением мирных жителей: всадники, «покиня […] кони, в поле пошли пехотою», сожгли село Нище, многих

---

[203] Там же. С. 658.

[204] *Чухліб Т.* Козаки і монархи… С. 391.

[205] *Оглоблін О. П.* Петрик, ханський гетьман України. С. 42–99; *Он же.* Гетьман Іван Мазепа та його доба // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Т. 170. Нью-Йорк; Париж; Торонто, 1960. С. 171–188.

[206] Каждой совместной украино-крымскотатарской военной акции того времени предшествовало подписание договора, обязывающего хана разрешать грабеж и взятие ясырей только на вражеской территории. Однако это условие редко выполнялось.

его жителей порубили, остальных взяли в плен «и розвезли по разным местам»[207]. Такая практика окончательно дискредитировала П. Иваненко и лишила его поддержки даже на Запорожье.

До 1695 г. С. Лозинский и П. Иваненко делили булаву «гетмана ханской милостью», придя к ней разными путями. Каждый из них представлял расщепленные части ствола некогда единого казацкого «дерева», от которых отламывались все новые ветки, превращаясь, по мере своего измельчания, в бессмысленные щепки. Несостоявшийся «удельный князь киевский» П. Иваненко в 1692 г. получил от хана разрешение «город осаживати в Кардашини для соли, чтоб соль под его начальством была и чтоб своеволные к нему збирались»[208] (Кардашинский лиман, Херсонская область, Украина). Вероятно, перспектива строительства города в солончаковой степи не казалась ему заманчивой, а доход от соледобычи был не особо велик. В апреле 1695 г. замечено, что он в «белогороцких селах блиско Тягин обретаетца и с волохов тамошних по приказу ханскому месечной корм себе берет»[209], т. е. он обосновался недалеко от г. Бендеры (старое молдавское название: Tighina), примерно в 40 км от Ягорлыка, где хозяйствовал Лозинский. До лета 1698 г. в Ягорлыке был гетман Иван Багатый, которого турки лишили булавы якобы за то, что он «склонен и желателен был к христианам». Тогда же П. Иваненко «в Дубосарах паки учинен гетманом», у которого «нет болши людей воинских[, чем] двусот человек»[210].

Карловицкий мирный договор 1699 г. заложил основу новой модели отношений Османской империи с ее восточноевропейскими соседями. Главными ее принципами были установление стабильных границ и взаимное признание территориального суверенитета вплоть до пограничного знака, устранение набегов и локальных войн на пограничье, решение споров между пограничным населением на специальных комиссиях соответственно нормам, прописанным в данном договоре. Начало османской демаркационной практики (со всеми ее политико-правовыми составляющими) было положено в 1481 г. во время разграничения с Венецией в Мореи и Далмации[211]. Она была впервые распространена на буго-днестровское степное междуречье в 1633 г., однако здесь не существовало условий для создания механизмов ее поддержания. Бучацкий 1672 г. и Журавненский 1676 г. договоры Османской империи и Речи Посполитой, обозначившие новые фактические границы в данном регионе, хоть и оставались во многом декларативными, но все же значительно продвинулись в процедурах демаркации и делимитации. Карловицкий договор был базовым правовым актом для регуляции всего спектра отношений Варшавы и Стамбула до исчезновения Речи Посполитой в 1795 г.

---

[207] ГАВО. Ф. И–5. Оп. 1. Д. 15. Л. 10.

[208] *Оглоблін О. П.* Петрик, ханський гетьман України. С. 102

[209] Там же.

[210] *Оглоблин О.* Нові матеріяли до історії повстання Петра Іваненка (Петрика). Авгсбург, 1949. С. 13.

[211] *Pedani M. P.* The border from the Ottoman Point of View. P. 205.

В 1703 г. польские и турецкие комиссары установили границу между своими государствами, существовавшую до 1791 г. Она проходила по р. Кодыма, правому притоку Южного Буга, пересекала Кучманский шлях, шла по р. Мокрый Ягорлык, от устья последней тянулась вверх по Днестру, обозначавшему пределы Молдовы[212]. Во время демаркации было принято решение о выселении «некоторого количества казаков», подданных крымского хана, живущих в м. Ягорлык, ввиду принадлежности данной местности к Речи Посполитой[213]. Тогда же сейм Речи Посполитой принял решение о ликвидации казацкой административной и судебной организации на Правобережной Украине, что побудило многих казаков вместе с семьями покинуть ее пределы. Однако ханские подданные некоторое время продолжали жить в Ягорлыке, игнорируя распоряжения из Варшавы. В 1714 г. в этом местечке упомянуты 200 домов «жителей волохов и болгаров и жидов», а также церковь св. Георгия[214]. Как уже говорилось, под видом «волох» здесь находилось много украинцев, скрывавшихся под разными названиями и именами во избежание экстрадиции, предусмотренной Карловицким договором.

Польская администрация долго не могла закрепиться на степном пограничье из-за противодействия местного казачества. Казацкие полковники Палий и Самусь не признали постановление сейма о ликвидации полково-сотенного строя на Правобережье и в 1702–1704 гг. возглавляли вооруженное сопротивление. С. Палию удалось распространить свою власть вплоть до р. Кодыма, где, как упомянуто в 1704 г., «Палиевы урядники живут»[215]. Жестокое подавление «Палийивщины» польным гетманом Адамом-Миколаем Сенявским вынудило многих жителей Подолья идти за Днестр. Турецко-молдавские власти всячески содействовали их переходу и отказывались их выдворять по требованию Варшавы. Более того, из Молдовы были отправлены осадчики с целью выведения украинских поселян. Лишь несколько лет спустя, когда репрессии с польской стороны поутихли и новые землевладельцы установили льготы для переселенцев, они стали возвращаться. Однако в 1711–1714 гг. произошли новые массовые переселения. После подписания Прутского договора, обязывавшего Россию вы-

---

[212] *Крикун М.* Воєводства Правобережної України… С. 284–335.

[213] Там же. С. 319–320, 334.

[214] Описание дорог от Киева до Царьграда… С. 330.

[215] *Окиншевич Л.* Діаріуш Івана Биховця р[оку] 1704 про відрядження до Криму // Студії з Криму. I–IX. / ред. А. Ю. Кримський. Відбитки з «Записок історично-філологічного відділу». К., 1930. С. 203. Место нахождения «Палиевых урядников» можно связать с местечком Палиево Озеро, которое после подавления Палийивщины превратилось во владение князей Любомирских и было названо по имени первого владельца из этой фамилии – *Józefgród* (*Baliński M.* Starożytna Polska pod względem historycznym, jeograficznym i statystycznym opisana. T. 2. Cz. 2. Warszawa, 1845. S. 1350–1351). Однако Палиево Озеро как неофициальное (украинское) название, сохранялось до конца 1760-х гг.

вести войска из Речи Посполитой, Петр I приказал гетману Ивану Скоропадскому перевести население с правого берега Днепра на левый. Этот насильственный сгон предусмотрительно начали с приднестровских районов и завершили в приднепровских; церкви разбирали, покинутые села жгли[216]. Тогда произошел и очередной отток украинского населения в Молдову[217]. Состояние исследования данного вопроса пока не позволяет выяснить районы расселения украинцев в Молдове, как и проследить изменение их численности в Ягорлыке и Дубоссарах. Вероятно, турецкая администрация расселяла украинских мигрантов рассеяно (как и татар-липок), стремясь не допустить формирование новых крупных анклавов.

Гетманство П. Иваненко в Дубоссарах прослеживается до 1712 г. До конца своих дней он оставался врагом гетмана Ивана Мазепы и Российского государства. К новой волне украинской эмиграции, последовавшей за Мазепой после поражения под Полтавой, он отнесся неприязненно[218]. Это была одна из причин, по которым центром притяжения для мазепинцев были не Дубоссары, а расположенная в небольшом отдалении турецкая крепость Бендеры, где остановился лагерь шведского короля Карла XII. Именно отсюда 31 января 1711 г. выступили против российских войск на Правобережье объединенные силы гетманских и запорожских казаков во главе с гетманом Филиппом (Пылып) Орликом и кошевым атаманом Константином (Кость) Гордиенко[219], буджацких ногайцев под началом крымского султана Мехмед-Гирея[220] и сторонников претендента на трон Речи Посполитой Станислава Лещинского; значительную часть их войск составили татары-липки, руководимые Юзефом Потоцким[221]. П. Иваненко в этих событиях себя никак не проявил. Пути украинских эмигрантов проходили мимо Дубоссар и Ягорлыка; главными их центрами стали Запорожская Сечь в Алешках[222], Бендеры (в 1710–1714 гг.) и Бахчисарай (до 1758 г.[223]). Утративший влияние

---

[216] *Батюшков П. Н.* Подолия. Историческое описание. С. 153–154, 156.

[217] *Крикун М.* Воєводства Правобережної України… С. 403.

[218] *Оглоблін О. П.* Гетьман Іван Мазепа та його доба. С. 188; *Он же*. Нові матеріяли до історії повстання Петра Іваненка… С. 11–14.

[219] *Крупницький Б.* Гетьман Пилип Орлик (1672–1742): його життя і доля. Мюнхен, 1956. С. 27.

[220] В своем универсале к жителям Правобережной Украины от 28 января 1711 г. он представился как «сын великого хана перекопских, крымских, ногайских народов и правитель Ногайский и Буджацкий» (Похід Пилипа Орлика в Україну 1711 р. Кримськотатарський та шведський аспекти) / упор. та комм. О. Дубина, пер. з лат. О. Циганок // Сіверянський літопис. Чернігів, 2011, № 3. С. 42.

[221] *Артамонов В. А.* Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709–1714 гг.). М., 1990. С. 52.

[222] См. § 2 «Запорожцы в подданстве Крымского ханства» главы VII настоящего издания.

[223] В том году в Бахчисарае умерли два видных мазепинца – Федор Мирович и Федор Нахимовский (*Павленко С.* Оточення гетьмана Мазепи: соратники та прибічники. К., 2004. С. 104–106, 145–146).

дубоссарский гетман теперь уже мало интересовал крымские власти. Главной украинской фигурой для Бахчисарая теперь стал Филипп Орлик. 28 января Мехмед-Гирей, исполняя приказание хана Девлет-Гирея, заявил о запрещении всем крымским подданным грабить и убивать гражданское население земель «Войска Запорожского и Государства Малоруського» (Woysko Zaporoskie i Panstwo Malorouskie), признаваемых «вольными» и «ни от кого не зависимыми»[224], с Ф. Орликом во главе. Но по мере того как украинско-крымское выступление близилось к провальному завершению, крымцы все более открыто опустошали значительную часть Правобережья, вопреки запрещению хана[225].

В течение последующих трех лет на территории к северу и востоку от р. Кодымы продолжались кровопролитные столкновения между украинским казачеством и польскими отрядами. В феврале 1712 г. каштелян (комендант) крепости Каменец-Подольский Мартин Калиновский выбил орликовцев из г. Стеблив (теперь в Черкасской обл., Украина)[226]. На протяжении двух лет польские войска при взаимодействии с российскими вытесняли казаков из Подолья и Правобережья, разгромили их под Немировым, дважды под Брацлавом, а затем Калниболотом. В 1713 г. гетман Ф. Орлик еще оставался реальным главой казацкого государства, располагавшим значительной военной силой и контролировавшим часть украинских земель. Он протестовал против безудержного опустошения их крымцами, но не мог самостоятельно, без поддержки из Бахчисарая, противостоять вооруженным силам Речи Посполитой и России, согласованно действовавшим на Правобережной Украине. Его безысходное положение усугубляло еще и то, что часть запорожцев участвовала в набегах крымцев. 30 марта 1713 г. Ф. Орлик писал: «некоторые из Войска Запорожского, бездушно забыв страх Божий […], не только к взятию в неволю народа единоутробного, братии своей, татарами помощь и провождение оказывали, но еще и сами, набравши людей своих же в неволю, тем же татарам на кони меняли и отдавали»[227]. Администрация Августа II Саксонского не признавала Орлика легитимным правителем украинских земель и рассматривала верных ему казаков как бунтовщиков и грабителей. Участие запорожцев в грабежах на подконтрольных Польше землях служило основанием для ввода ее войск на все Правобережье. В конце 1713 г. Орлик организовал преследование и наказание виновных запорожцев; их били киями, им отрезали уши и носы[228]. Но это не повлияло на ситуацию: Варшава взяла твердый курс на возвращение всего Правобережья под свою власть.

---

[224] AGAD. Archiwum Koronne Warszawskie. Dz. Tureckie. K. 79. № 539. S. 2.

[225] *Субтельний Орест*. Мазепинці. Український сепаратизм на початку XVIII ст. / пер. з англ. В. Кулика. К., 1994. С. 80–81.

[226] AGAD. Archiwum Koronne Warszawskie. Dz. Tureckie. K. 79. T. 545. S. 3.

[227] AGAD. Archiwum Koronne Warszawskie. Dz. Kozackie. K. 42. T. 105. S. 2–3.

[228] Tamże. T. 106. S. 2–3.

По сообщению от 10 февраля 1714 г., пешие казаки ушли из Правобережья на Сечь, а конные – в «ханские села». Польный гетман А.-М. Сенявский тогда официально декларировал, что «вся Украина наша освобождена от нападений своевольных Орлика казаков»[229]. Однако это «освобождение» происходило вопреки воле местного украинского населения. В частности, поселяне местечка Калниболото заявляли: «мы имеем своего гетмана – Орлика, а не […] Сенявского». У того местечка польский отряд поручика Мичинского окружил и атаковал 450 конных и 258 пеших казаков некоего «полковника Матвея». Что примечательно, в составе этой команды, кроме полковника, упомянуты 4 сотника, 2 осавула (есаула), 2 атамана. В ходе боев до 130 казаков погибло; «полковнику Матвею» с оставшимися удалось скрыться в лесах[230]. В других столкновениях было убито до 300 казаков, возглавляемых полковниками Дзюганом и Перебыйносом[231].

Польские власти тогда так увлеклись преследованием казаков, что углубились в крымские владения. Хану Каплан-Гирею пришлось опротестовать эти действия, обращая внимание Сенявского на то, что «казаки сейчас являются *гостями* цезаря Оттоманского и находятся под нашей властью»[232]. 11 сентября 1714 г. состоялась конференция сенаторов и министров Речи Посполитой с крымским послом по украинскому вопросу. Среди шести вопросов, по которым велись переговоры, особое значение имел пункт о том, что Порта отступается от казаков и не вмешивается в дела «Польской Украины»[233]. В следующем году польский посол в Бахчисарае представил требование об удалении ногайцев от границы Речи Посполитой и отказе от «протекции» каким бы то ни было казакам[234]. Лишенный всякой перспективы, Ф. Орлик выехал в Швецию. Казацкая старшина, пребывающая в Крымском ханстве в «крайней нужде», просила короля Августа II о разрешении вернуться в польское подданство и спокойно жить вместе со своими семьями, без риска подвергнуться репрессиям[235]. Еще в октябре 1713 г. Август II предлагал сенаторам и министрам Речи Посполитой, в присутствии крымских посланников, создать на Правобережной Украине отдельный анклав для поселения 20 тыс. казаков-орликовцев, при условии их признания над собой исключительного суверенитета польского короля. Однако сенаторы отвергли это предложение, мотивируя тем, что война еще продолжается[236].

В «Ханской Украине» нашло пристанище некоторое количество украинских эмигрантов новой волны. 15 сентября 1713 г. датируется первое известное нам упоминание о Михаиле Пляке (Plaka), который с разрешения

[229] Tamże. Dz. Tureckie. K. 79. T. 629. S. 10–10 v, 24–26, 43–50.
[230] Tamże. S. 53–55.
[231] Tamże. T. 601. S. 157.
[232] Tamże. K. 64. T. 17. S. 2–3.
[233] Tamże. Dz. Tatarskie. K. 64. T. 18. S. 3.
[234] Tamże. T. 26. S. 3.
[235] Tamże. Dz. Tureckie. K. 79. T. 579. S. 11–12.
[236] Tamże. T. 598. S. 3, 5.

хана на польской стороне р. Ягорлык поселил слободу, состоящую из 10 хат; ее жители уже успели распахать землю, засеять и собрать урожай[237]. В 1714 г. о нем писали российские информаторы как о пребывающем в Ягорлыке «присланном от хана изменнике Пляке, который был сотником в Новосергиевском, что близь Самары»[238]. Этот человек, под именем Фляка или Пляцкой, был замечен как «ватаг полевой» во время кампании против Крыма 1697 г. в составе войск гетмана И. Мазепы; он, названный «Фляком», в начале 1709 г. вез на Запорожье царское жалованье, которое было захвачено по приказу Мазепы. В обоих этих случаях фигурировал запорожец на царской службе. В начале июля 1711 г. Пляка возглавил отряд запорожцев, действовавший против россиян в районе Новосергиевской и Новобогородицкой крепостей на р. Самара, захваченной запорожцами и крымцами в феврале того года[239]. Он стоял во главе казаков с. Вольное, действовавших óбще с запорожцами, которые составили гарнизон Новосергиевской крепости. Вероятно, Пляка участвовал в ее обороне во время штурма российскими войсками (12 апреля 1711 г.) и смог вывести часть вольнянских казаков с семьями в Крымское ханство[240]. Эти переселенцы, по всей видимости, и осели в Ягорлыке. По сообщению 1714 г., Пляка был «отставлен и живет в Дубосарах в рядовых казаках». Его место занял «сотник егорлыцкой, казак прозванием Апостол»; главным в Дубоссарах назван «хвастовский казак Гаврило Алейченко, который прежде служил при Палее»[241].

Итак, в 1698–1714 гг. «Ханскую Украину» возглавляли представители двух враждебных по отношению к Ивану Мазепе казацких старшинских группировок: кочубеевской – Петр Иваненко и палиевской – Гаврило Олийченко; запорожец Пляка не принадлежал ни к одной из них. Самый видный мазепинец, гетман Филипп Орлик, считавшийся номинальным начальником над запорожцами в Крымском ханстве, был связан с «Ханской Украиной» лишь в конце своей деятельности. В 1734 г. он находился в ханской ставке в г. Каушаны, откуда послал свое воззвание к запорожцам с призывом не переходить в российское подданство. Его письмо, вместе с ханским, доставил нарочный «гетмана и стражника дубосарского»[242] по приказу хана.

После Карловицкого мирного договора «Ханская Украина» уже не могла быть официальным названием, поскольку содержала в себе претензии Гиреев на владение частью Украины и доминирование над казацкими гет-

---

[237] Tamże. T. 601. S. 132–133.

[238] Описание дорог от Киева до Царьграда… С. 330.

[239] *Яворницький Д. І.* Історія запорозьких козаків: у 3 т. Т. 3. К., 1991. С. 198, 306, 372.

[240] *Мільчев В. І.* Сергіївська фортеця на землях Запорозької Січі (1689–1711) // Twierdze osiemnastowiecznej Europy. Studia z dzejów nowożytnej sztuki wojskowej / pod redakcją M. Trąbskiego. Oświęcim, 2016. С. 173.

[241] Описание дорог от Киева до Царьграда… С. 330.

[242] Архів Коша Нової Запорозької Січі. Корпус документів. 1734–1775. Т. 1. К., 1998. С. 64.

манами. С того времени исчезает титул «гетман ханской милостью»; его заменяет нейтральная формулировка: «гетман дубоссарский». Однако неофициально «Ханской Украиной» продолжали называть побережье р. Ягорлык, где, как упомянуто в 1737 г., «деревни татарския […] имеются»[243]. Впрочем, это название было включено в официальный титул митрополита «Хотинского, всего побережья Дунайского и Днестровского и целой Украины Ханской», резиденция которого находилась в г. Измаил[244].

К середине XVIII в. пресекается традиция предоставления титула «гетман дубоссарский» казацким старшинам. По сообщению Ш. де Пейссонеля (1755), казна Крымского ханства ежегодно получала 8 тыс. турецких пиастров от «хатмана из Дюбассара. Это маленький город на Днестре […], он населен христианами, также как и деревни его округа, и хан назначает туда хатмана или правителя, который почти всегда из армян»[245]. На тот момент установилась практика отдачи этого титула вместе с соответствующими ему прерогативами на откуп. А. Г. Середа привел данные из турецких документов того времени о существовании «мукатаа Томбасар», т. е. откупа с широкими правами откупщика в отношении определенной территории[246]. С 1765 г. этим правом владел выходец из татар-липок ханский драгоман (переводчик, глава внешнеполитической службы) Якуб-ага (Яков Рудзевич)[247]. Этот последний правитель «Ханской Украины» в официальной корреспонденции, писанной по-польски, указывал свой титул в такой формулировке: «гетман и воевода поднестровский и комендант границ украинских»[248]. Что примечательно, наряду с «гетманом дубоссарским» упоминается и «полковник дубоссарский», ведущий переписку по вопросам рассмотрения претензий пограничного населения с запорожским кошевым атаманом[249]. Таким образом, специфические казацкие ранги в «Ханской Украине» сохранились и после возникновения практики отдачи их на откуп лицам, не имеющим отношения к казачеству.

В ходе русско-турецкой войны 1735–1739 гг., особенно летом 1738 г. на побережье р. Кодыма происходили кровопролитные сражения[250]. Одна-

---

[243] *Кочубинский А.* Граф Андрей Иванович Остерман и раздел Турции: Из истории Восточного вопроса. Война пяти лет: 1735–1739. Одесса, 1899. С. XXXIV. «Татарские» здесь нужно понимать: «принадлежащие татарам».

[244] *Лебединцев А. Г.* Ханская Украина // ЗООИД. Т. XXXI. Одесса, 1913. С. 3.

[245] *Пейссонель Ш.-К.* Записка о Малой Татарии. С. 27.

[246] *Середа А.* Силистренско-Очаковският еялет… С. 36, 57, 59.

[247] См. подробнее § 5 «Яков Рудзевич – гетман “Ханской Украины”» главы VIII настоящего издания.

[248] Biblioteka Czartoryskich. Akta i listy dotyczące spraw polsko-tureckich, 1767–1769 rr. Rps. 627. S. 13–13 zw.

[249] Петро Калнишевский та його доба: Збірник документів та матеріалів / гол. упор., вст. ст., комм. В. В. Грибовський. К., 2009. С. 125.

[250] Biblioteka Ossolinskich. Rps. 2684/11. Archiwum Mniszchów. 1735–1749 rr. S. 58–58 zw.

ко после ее окончания и до следующей войны (1768–1774 гг.) уровень безопасности жизни и защиты имущества в «Ханской Украине» был несопоставимо выше, чем в других степных районах. Во многом это было обусловлено работой почти ежегодных пограничных судов (Sądów Pogranicznych), предусмотренных Карловицким договором. Местом их проведения были города Ягорлык и Юзефград Брацлавского воеводства Речи Посполитой. Судебные решения здесь принимались на основе изучения (Inkwizycja) исковых заявлений и полагались в основу «манифестов», обязывающих монархов, чьи подданные были уличены в проступках, возместить ущерб пострадавшим[251]. Особое внимание уделялось возвращению подданных Речи Посполитой, плененных ногайцами, а также выплатам компенсации ханским подданным, пострадавшим от гайдамаков[252]. Заседаниям этих судов предшествовала переписка уполномоченных Речи Посполитой, Крымского ханства и, в частности, буджацкого сераскера, курирующего пограничные дела[253]. Хоть эффективность этих судов часто оставляла желать лучшего, но все же благодаря их существованию не все грабежи в глухой степи оставались безнаказанными.

Безопасная степь влекла крестьян, ранее державшихся от нее в опасливом отдалении и «уступавших» ее казакам. С конца 1740-х годов вдоль правого (крымского) брега р. Кодыма, вплоть до места ее впадения в Южный Буг, возникает полоса украинской крестьянской оседлости, на которую было распространено название «Ханская Украина». Сюда же, из Дубоссар, сместился ее административный центр; таковым стала слобода Балта, основанная около 1748 г. и имевшая в 1763 г. больше 500 домов. Крайним восточным пунктом «ханских слобод» было селение Голта, возникшее в 1762 г. в устье Кодымы (в следующем году насчитывала 20 хат). Между ними в 1763 г. находились слободы: Кривое Озеро (заселялась с 1762 г., до 40 хат), Ясенева (с 1762 г., до 40 хат), Голма (около 1753 г., 300 хат), Перелеты (около 1753 г., больше 100 хат)[254]. Кроме указанных, в то время упоминались еще шесть слобод[255]. Что примечательно, большинство их находилось напротив одноименных населенных пунктов, расположенных на другом (польском) берегу р. Кодымы, а слободу Балта соединял с

---

[251] Kuryer Warszawski. 1762. № 66. S. 5–6; Supliment do Kuryera Warszawskiego. 1762, pazdziernika 16. № 66. S. 3; Kuryer Warszawski. 1763. № 85. S. 1–2; *Baliński M.* Starożytna Polska pod względem historycznym, jeograficznym i statystycznym opisana. T. 2. Cz. 2. Warszawa, 1845. S. 1349.

[252] ЦГИАК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 91. Л. 4 об.–5; AGAD. Archiwum Koronne Warszawskie. Dz. Rosyjski. K. 55-b. T. 39. S. 1–22; Tamże. K. 56. T. 8. S. 2–5.

[253] *Грибовский В. В.* Управление ногайцами Северного Причерноморья в Крымском ханстве (40–60-е годы XVIII в.) // Тюркологический сборник. 2007–2008. История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М., 2009. С. 77, 78.

[254] ЦГИАК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 143. Л. 79–81.

[255] *Скальковський А. О.* Історія Нової Січі, або останнього Коша Запорозького. Дніпропетровськ, 1994. С. 56.

польским Юзефгродом небольшой мост[256]. Заселялись же эти «ханские слободы» за счет того, что в соседних «польских» слободах заканчивались сроки льгот для поселенцев. Т. е. крестьянину достаточно было перейти со своим скарбом мелкую степную речку, чтобы снова пользоваться льготными условиями, но уже под другой юрисдикцией. «Гетман дубоссарский» освобождал поселян от податей и повинностей на 10 лет, по прошествии которых они становились обязанными давать 1/10 часть от приплода скота. Жители «ханских слобод» хоть и упоминались как «волохи», но кроме молдаван среди них были евреи, армяне и «почитай в большую половину […] народа такова, как малороссийский»[257].

Торговое значение «ханских слобод» стремительно росло; они быстро включились в ярмарочную сеть Правобережной Украины. В 1755 г. упомянута ярмарка в польской слободе Палиево Озеро[258]. Десять лет спустя в Балте проходили крупные ярмарки по два раза в году, где торговали лошадьми, рогатым скотом, овцами, восточными товарами. Прусские и саксонские ремонтеры приезжали сюда покупать коней для кавалерии своих государств[259]. Существование в этом местечке греческого купеческого братства (состоянием на 1768 г.)[260] свидетельствует о значительном объеме торговли в здешних местах. Соседним едисанским ногайцам «ханские слободы» предоставляли прекрасную возможность продавать или менять скот на нужные им товары. Поддержание безопасности на дорогах, создание новой инфраструктуры, низкие пошлины и налоги сулили «Ханской Украине» хорошие перспективы.

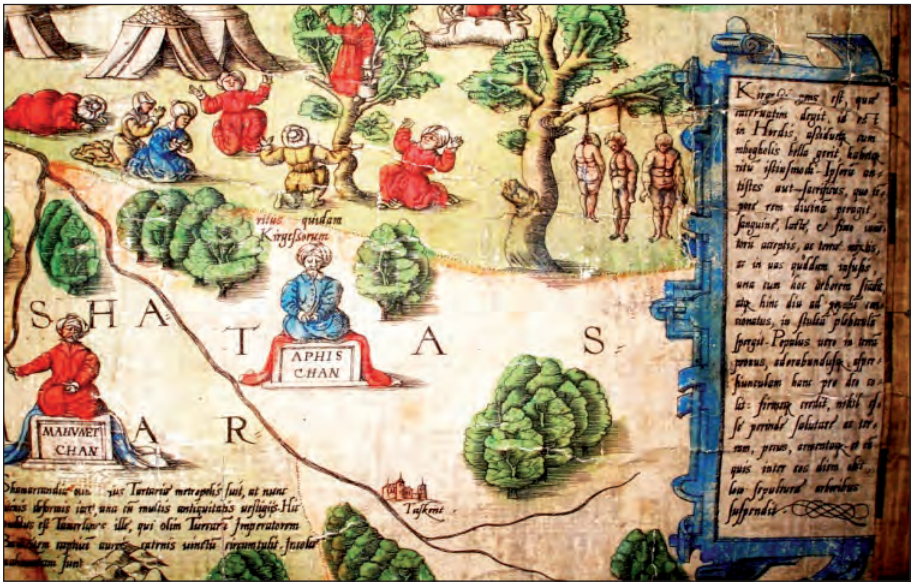
Однако выстраиваемая в течение нескольких десятилетий система пограничной безопасности давала сильные сбои. В 1759 г. «ханские слободы» ограбили едичкульские ногайцы, переселяемые ханом Крым Гирем из Буджака на южное левобережье Днепра[261]. Большие международные последствия имело нападение на Балту гайдамацких отрядов Максима Зализняка в июне 1768 г. Этот инцидент произвел эффект нажатия маленького рычажка в механике Герона, приведшего большой механизм в длительное движение. На тот момент, по согласованию с королем Станиславом Понятовским, на Правобережной Украине находился корпус генерал-майора П. Н. Кречетникова для борьбы с Барской конфедерацией. Кречетников получил указание срочно нейтрализовать Зализняка, действовавшего якобы от имени Екатерины II по фальшивой грамоте. Его, как российского подданного-запорожца, наказали 150 ударами кнута, вырезанием ноздрей,

---

[256] *Moszczyński A.* Pamiętnik do historyi Polskéj w ostatnich latach panowania Augusta III i pierwszych Stanisława Poniatowskiego. Widanie trzecie / Pamiętniki z ośmnastego wieku. T. IX. Poznań, 1867. S. 144.
[257] ЦГИАК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 143. Л. 79.
[258] ИР НБУ. Ф. IX. Ед. хр. 132–214. Л. 146 об.
[259] *Moszczyński A.* Pamiętnik do historyi Polskéj… S. 144–145.
[260] АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6/79. 1768 г. Д. 932. Л. 20–20 об.
[261] ЦГИАК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 88. Л. 1–5.

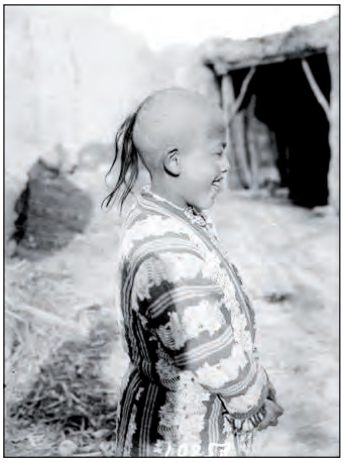
Карта Московии Энтони Дженкинсона. Раскрашенная гравюра на меди. 1562 г. Картографическая коллекция Библиотеки Вроцлавского университета, Польша. Публикация по изданию: *Szykuła Krystyna*. Unexpected 16th Century Finding to Have Disappeared Just After Its Printing – Anthony Jenkinson's Map of Russia, 1562. Режим доступа: https://www.intechopen.com/books/cartography-a-tool-for-spatial-analysis/unexpected-16th-century-finding-to-have-disappeared-just-after-its-printing-anthony-jenkinson-s-map-

Фрагмент карты Московии Энтони Дженкинсона с изображением
р. Яик (Урал) и сцен из жизни кочевников Ногайской Орды

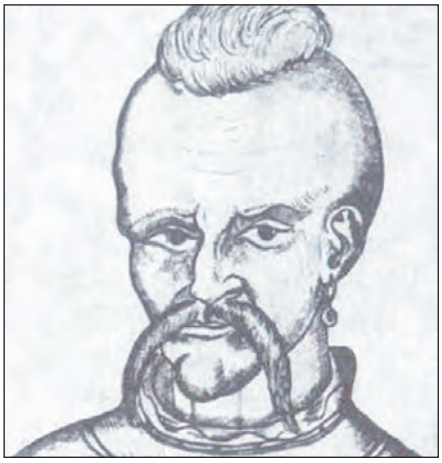


Фрагмент карты Московии Энтони Дженкинсона
с воображаемыми сценами из жизни казахов

Карта Руси, Московии и Татарии Энтони Дженкинсона
в исполнении Абрахама Ортелиуса. Географический атлас
«Theatrum Orbis Terrarum», 1570 г.



Мальчик с кекелем. Самарканд, 1932 г. Фотография П. Кильдюшева



Иван Подкова, казацкий гетман и молдавский господарь в 1577–1578 гг. Рисунок начала XVII в.

Дмитрий Вишневецкий-Байда (ок. 1517 – ок. 1563), староста каневский и черкасский, один из первых гетманов украинского казачества. Картина из Вишневецкого замка. Неизвестный художник. Конец XVIII – начало XIX в. Национальный художественный музей Украины

Казак Мамай. Неизвестный художник. XVIII в. Одесский художественный музей

Казак-бандурист. Неизвестный художник. XVIII в. Национальный художественный музей Украины

Запорожцы. Гравюра Т. Калинского 1786 г. Публикация по изданию: *Ригельман А. И.* Летописное повествование о Малой России и ее народе и казаках вообще. М., 1847

Наказание палками у черноморских казаков. Х. Г. Г. Гейслер. Офорт. 1801 г.

Стенька Разин бросает «персидскую княжну» в Волгу. Гравюра.
Публикация по изданию: Les Voyages de Jean Struys en Moscovie, en Tartarie, en Perse, aux Indes. Traduits du Hollandais. Amsterdam, 1681

Киргизы (казахи) на охоте. Дж. А. Сассо. Гравюра. Начало XIX в.

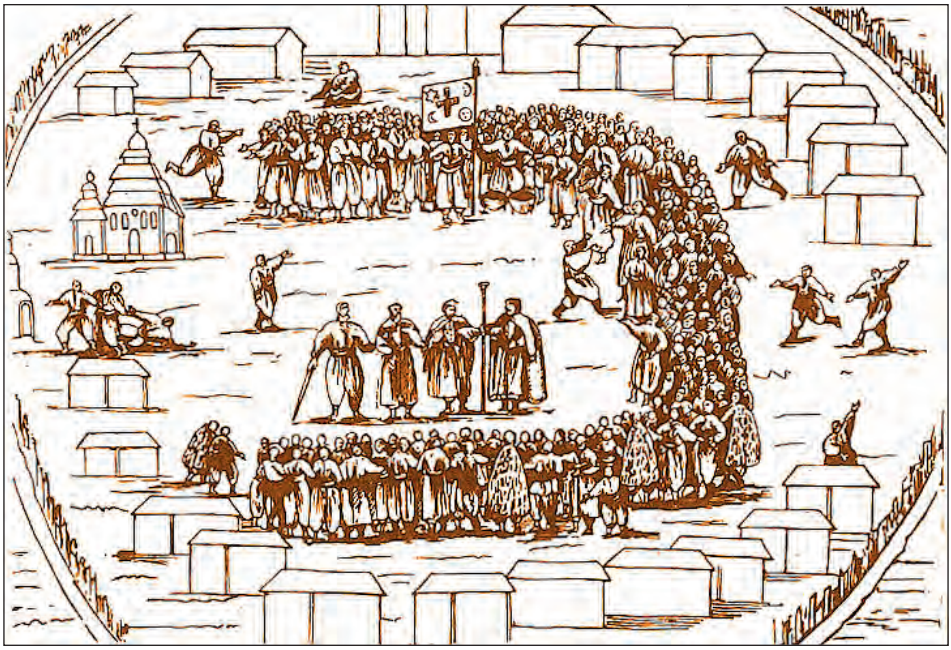
Делии, пограничные воины в Османской империи.
Рисунки из альбома «Figures des magistrats turcs», изготовленного
во Франции. XVII в. Biblioteka Czartoryskich. Rps. 2426 I

Ногайский праздник, борьба. Фотография начала XX в.

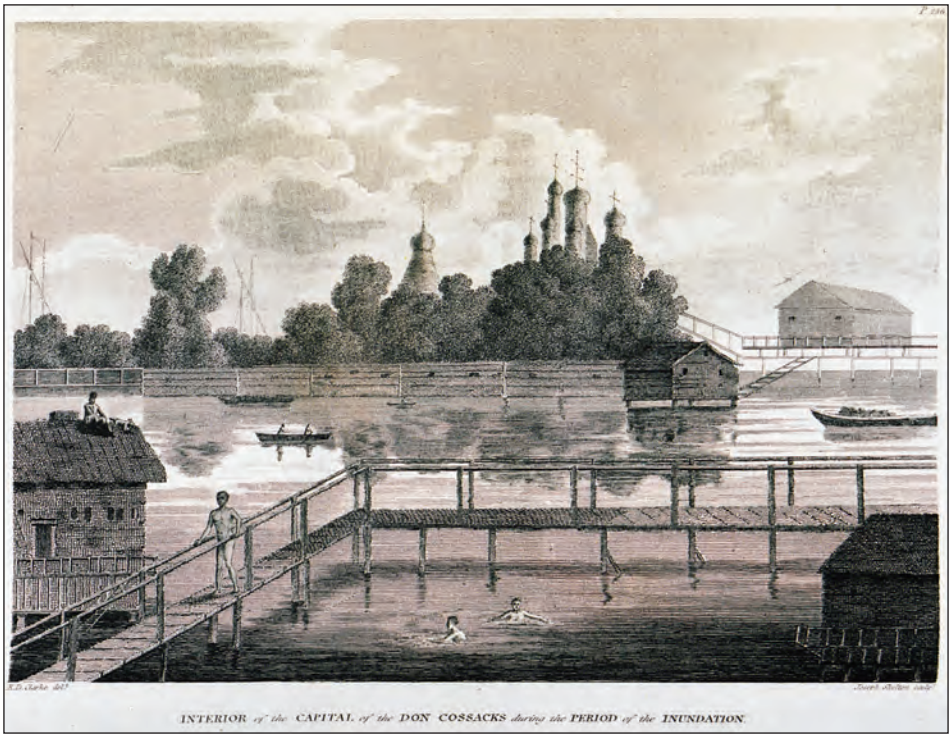
Скачки на верблюдах у ногайцев. Северный Кавказ. Гравюра XIX в.

Крымский татарин.
Рисунок Ж. Б. ван Мура.
Публикация по изданию:
Jean Baptiste van Mour.
Recueil de cent estampes
representant differentes
nations du Levant tirées sur les
tableaux peints d'après Nature
en 1707, et 1708 par les Ordres
de Mr. de Ferriol ambassadeur
du Roi a la Porte… Paris, 1714

Днепровские пороги. С. И. Светославский. 1885 г.
Национальный художественный музей Украины



Казацкая рада на Сечи. Гравюра Т. Калинского. 1770-е гг.



Новочеркасск, столица донских казаков. Гравюра. Публикация по изданию: *Clarke E. D.* Travels in various countries of Europe, Asia and Africa. London, 1816

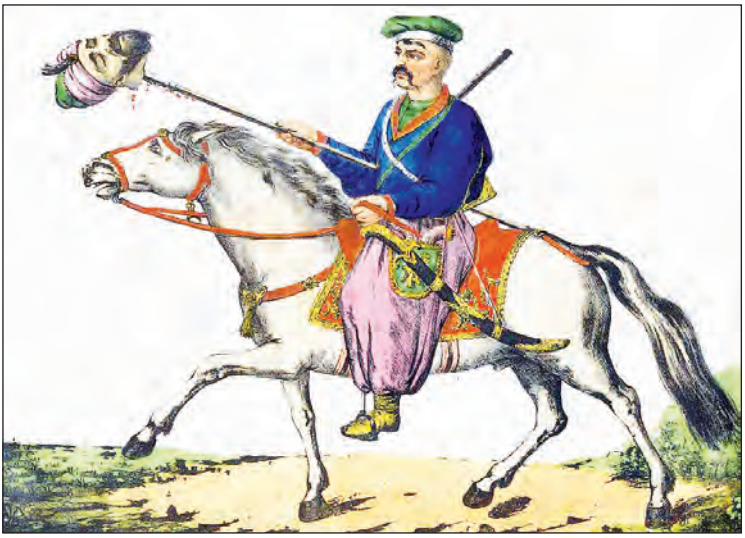
Чумаки. Фотография конца XIX в.

Запорожская землянка. Ж.-А. Мюнц. Рисунок. 1781 г.

Пещерные дома в с. Усатово Одесской обл., основанного запорожскими казаками около 1775 г. Фотография XX в.

Зимовник запорожца Никиты Коржа. Рисунок. 1830-е гг.

Фрагмент карты «Течение Дуная от истоков до устья». Пласидо де Сен-Хелен. Париж. 1703 г. Изображение переправы крымцев для набега на владения Речи Посполитой и боя запорожских или донских казаков (предположительно) с турецким судном на Черном море



[Запорожский] казак-победитель. Т. Калинский. Гравюра. 1786 г. Публикация по изданию: *Ригельман А. И.* Летописное повествование о Малой России и ее народе и казаках вообще. М., 1847

Донской казак. Литография 1778 г. из книги: *Ригельман А. И.*
История или повествование о донских казаках. М., 1846

Яицкие казаки в походе. Неизвестный художник.
Конец XVIII – начало XIX в.

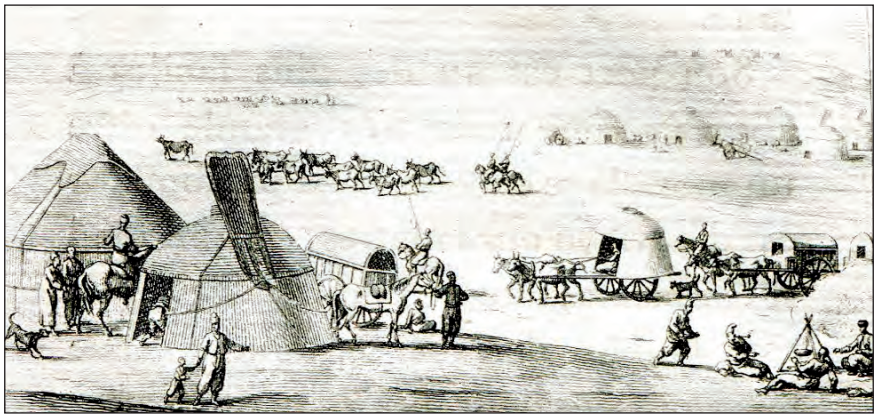
Пикет уральских казаков.
Рисунок Е. М. Корнеева. 1802 г.
Из альбома «Народы России, или Описание обычаев, нравов и костюмов разных народов Российской империи», 1813 г.

Казачка [донских] верховых станиц. Гравюра из книги: *Ригельман А. И.* История или повествование о донских казаках. М., 1846

Пожар в степи. Казахстан. Т. Г. Шевченко. Акварель. 1848 г.

Турецкие галеры в бою
[с лодками запорожских казаков]
(условное название). Рисунок.
Первая половина XVII в.
The British Library

Триумф оттоманской армии. Титульная страница из книги:
Chalcondyles Laonicus. L'histoire de la decadence de l'empire grec,
et establissement de celuy des Turcs, par Chalcondile Athenien. De
la traduction de B. de Vigenere Bourbonnois, & illustrée par luy de
curieuses recherches trouvées depuis son decés... Paris, 1632



Ногайцы. Гравюра из книги: *Reuilly Jean Baron de*. Voyage en Crimée et sur
les bords de la Mer Noire, pendant l'année 1803; Suivi d'un mémoire sur le commerce
de cette Mer, et de notes sur les principaux port commerçans… Paris, 1806

Татарский лагерь во время похода хана Крым-Гирея 1769 г. Рисунок из книги: Memoirs of the baron de Tott, on the Turks and the Tartars. Translated from the French: in 3 vol. Vol. 2. Dublin, 1785

Ногайцы на р. Чубутла, Дагестан. Фотография начала XX в.

Город Каушаны, Молдова; резиденция крымского хана.
Гравюра из книги: *Kleemann Nikolaus Ernst*. Nikolaus Ernst Kleemanns Reisen von Wien über Belgrad bis Kilianova durch die Butschiack-Tartarey über Cavschan... Leipsig, Johann Paul Krauss, 1773

Селение буджацких ногайцев. Гравюра из книги: *Kleemann Nikolaus Ernst*. Nikolaus Ernst Kleemanns Reisen von Wien über Belgrad bis Kilianova durch die Butschiack-Tartarey über Cavschan... Leipsig, Johann Paul Krauss, 1773

Господарь Молдовы Григоре Гике, потомок господаря Георге Гике. Гравюра 1791 г. Публикация по изданию: *Choiseul-Gouffier M. G. F. A. de*. Voyage pittoresque de la Grèce. Paris, 1822

Карта Северо-Западного Причерноморья. 1779 г. Публикация по изданию: *Boskowić R. J.* Reise von Constantinipel, durch Romanien, Bulgarien und die Moldau nach Lemberg in Pohlen… Leipzig, 1779

←

Фрагменты карты с изображением нижнего течения рек Днепр и Южный Буг, Запорожской Сечи и Великого Луга; Буджацкой и Очаковской земель, «Ханской Украины» с городами: Дубассары, Ягорлык, Балта. 1767 г.

Публикация по изданию: *Jabłonowski Józef Aleksander, Rizzi-Zannoni Giovanni Battista Antonio.* Karta granic Polski, zacząwszy od Bałty, aż do rzeki Sina-Woda, zawieraiąca słobody Kozakow, Humańskich, y Zaporohowskich, Stépy Tatarow, Oczakowskich, Bessarabskich, y Nogayskich, z ich Ordami, tak ie w roku M.DCC.LXVII (1767)
Han-Krymski Poosadzał. 1772. AGAD. Zb. Pop. 437

Пикет на Кубанской кордонной линии. Литография из книги: *Попко И. Д.* Черноморские козаки в их гражданском и военном быту. СПб., 1858

Наблюдательный пункт на р. Кубань, с которого черноморские казаки отслеживали черкесов; хаты черноморцев с курящимся дымом для отпугивания комаров. Гравюра из книги: *Clarke E. D.* Travels in various countries of Europe, Asia and Africa. Part the First. Russia Tatary and Turkey. London, 1810

Черноморский казак.
Гравюра из книги:
Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов… Т. 4. СПб., 1799

Черноморский казак.
Е. М. Корнеев. Гравюра.
Начало XIX в.

Ногайский князь.
Е. О. Скотников.
Гравюра по рисунку
Е. М. Корнеева.
1809 г.

Черноморский и гребенский казаки. А.-Т. Биазиоли.
Гравюра по рисункам Е. М. Корнеева. Начало XIX в.

Черкес. Амадео Прециози.
Акварель. 1850-е гг.

Кавказский казак. В. А. Каррик.
Фотография. Около 1860 г.

Кавказский ногаец.
Акварель на основе
гравюры князя Гагарина.
1843 г.

Караногайская
женщина и девочка.
Макс Тильке. Рисунок.
1912–1913 гг.

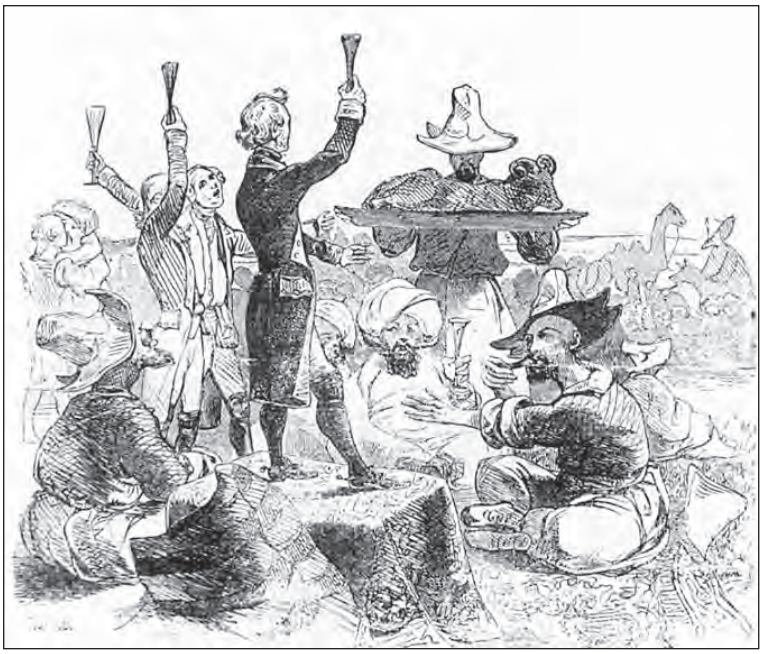
Караногаец.
Макс Тильке.
Рисунок.
1912–1913 гг.

Казаки поднимают раненого товарища. Гравюра Ч. У. Чедвика по рисунку Дж. Хэмбиджа. 1915 г.

Казаки форсируют реку. Гравюра Ч. У. Чедвика по рисунку Дж. Хэмбиджа. 1915 г.

Казачий набег на турецкое селение. Ф. Д. Миллет. Гравюра. 1887 г.

Проводы донских казаков на службу. Фотография. Сентябрь 1876 г.



«Празднование соглашения с татарами». А. В. Суворов на пиру с ногайцами по случаю принятия ими российского подданства в 1783 г. Т. Г. Шевченко. Иллюстрация к изданию: *Полевой Н. А.* История князя Италийского, графа Суворова-Рымникского, генералиссимуса российских войск. СПб., 1843

«Суворов в татарском шатре». Т. Г. Шевченко.
Иллюстрация к изданию: *Полевой Н. А.* История князя Италийского, графа Суворова-Рымникского, генералиссимуса российских войск. СПб., 1843

«Суворов у Потемкина». Г. А. Потемкин отчитывает А. В. Суворова за большие потери во время штурма Очакова. Слева изображен казак-черноморец. Т. Г. Шевченко. Иллюстрация к изданию: *Полевой Н. А*. История князя Италийского, графа Суворова-Рымникского, генералиссимуса российских войск. СПб., 1843

Встреча приазовских ногайцев с западноевропейским путешественником возле Таганрога. Гравюра. Публикация по изданию: *Reuilly Jean Baron de*. Voyage en Crimée et sur les bords de la Mer Noire, pendant l'année 1803; Suivi d'un mémoire sur le commerce de cette Mer, et de notes sur les principaux port commerçans. Paris, 1806

Аул оседлых ногайцев в Северном Приазовье. Раскрашенная гравюра из книги: *Schlatter Daniel.* Bruchstücke aus einigen Reisen nach dem südlichen Russland in den Jahren 1822 bis 1828. Mit besonderer Rücksicht auf die Nogayen-Tartaren am Asowschen Meere. Neue wohlfeilere Ausgabe. St. Gallen und Bern, 1836

Ногайцы в составе казачьих войск, принимавших участие в Наполеоновских войнах. Изображение из книги: Characteristics Portraits of the Various Tribes of Cossacks Attached to the Allied Armies in the Campaign of 1815 taken from life at Paris. London, 1820

Донские казаки, принимавшие участие в Наполеоновских войнах. Изображение из книги: Characteristics Portraits of the Various Tribes of Cossacks Attached to the Allied Armies in the Campaign of 1815 taken from life at Paris. London, 1820

Типы «казаков-черкесов», принимавших участие в Наполеоновских войнах. Изображение из книги: Characteristics Portraits of the Various Tribes of Cossacks Attached to the Allied Armies in the Campaign of 1815 taken from life at Paris. London, 1820

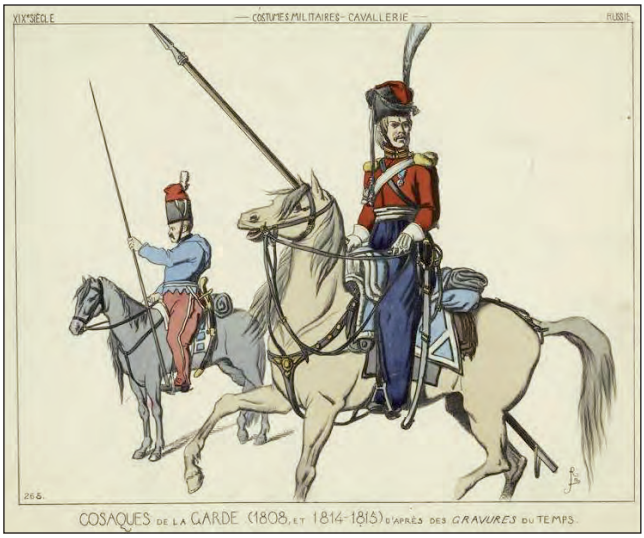
Сибирские казаки в Париже.
Изображение из книги: Characteristics Portraits of the Various Tribes of Cossacks Attached to the Allied Armies in the Campaign of 1815 taken from life at Paris. London, 1820

«Казак-киргиз» в Париже.
Изображение из книги: Characteristics Portraits of the Various Tribes of Cossacks Attached to the Allied Armies in the Campaign of 1815 taken from life at Paris. London, 1820

«Казаки-башкиры» в Париже.
Изображение из книги: Characteristics Portraits of the Various Tribes of Cossacks Attached to the Allied Armies in the Campaign of 1815 taken from life at Paris. London, 1820

«Казаки-монголы» в Париже. Изображение из книги: Characteristics Portraits of the Various Tribes of Cossacks Attached to the Allied Armies in the Campaign of 1815 taken from life at Paris. London, 1820

«Казак-башкир».
Рисунок Ф. В. Шадов-Годенхауз



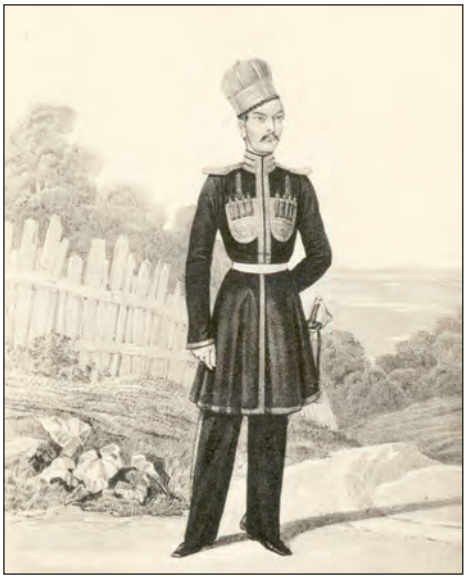
Казаки Лейб-гвардии Казачьего полка. Рисунок Р. Жакмин

«Султан степных киргизов» (казахов) в доспехах и с оружием XVIII в. Фотография, г. Верный (Алматы). 1913 г.

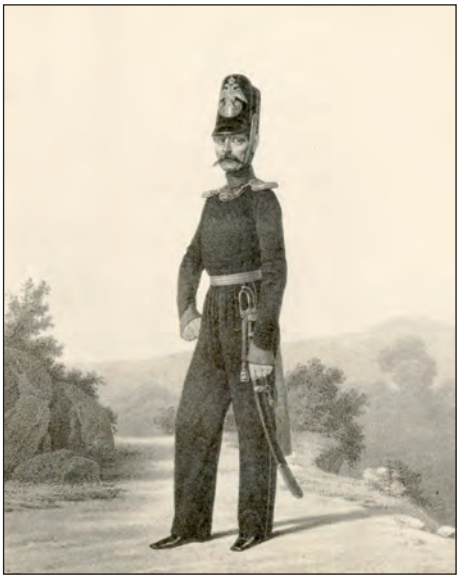
Рядовые Лейб-гвардии Крымско-Татарского эскадрона в 1827–1830 гг.

Казак Башкирских кантонов в 1829–1838 гг.

Публикация по изданию: *Висковатов А*. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Т. 27. Новосибирск, 1944



Обер-офицер Лейб-гвардии
Крымско-Татарского эскадрона
в 1827–1830 гг.



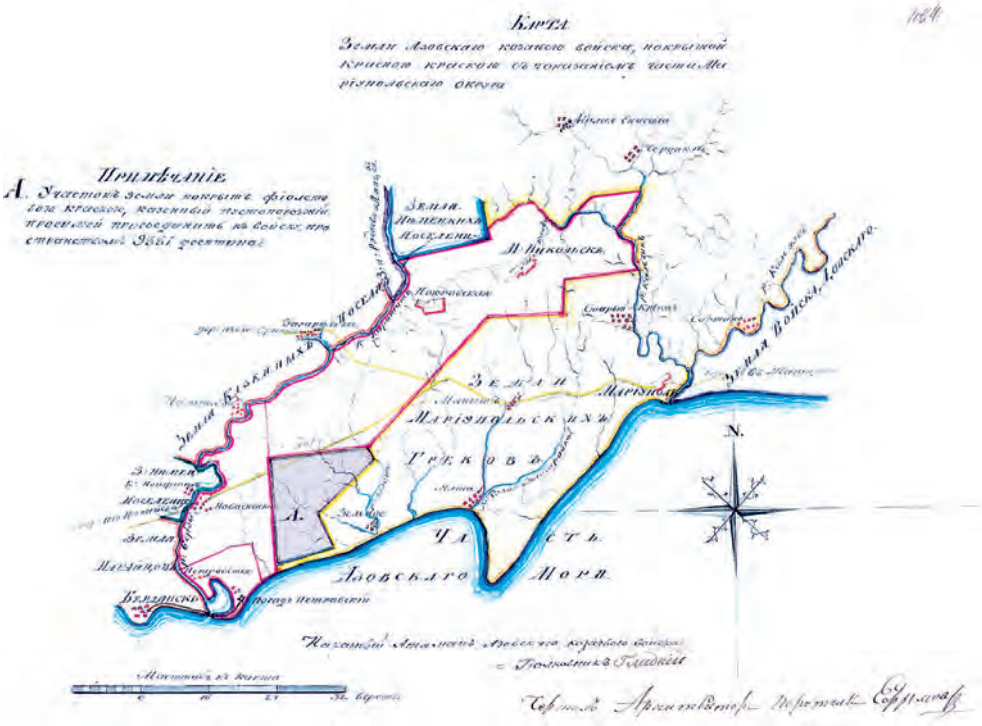
Обер-офицер Балаклавского
Греческого пехотного батальона
в 1830–1855 гг.

Публикация по изданию: *Висковатов А*. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Т. 27. Новосибирск, 1944

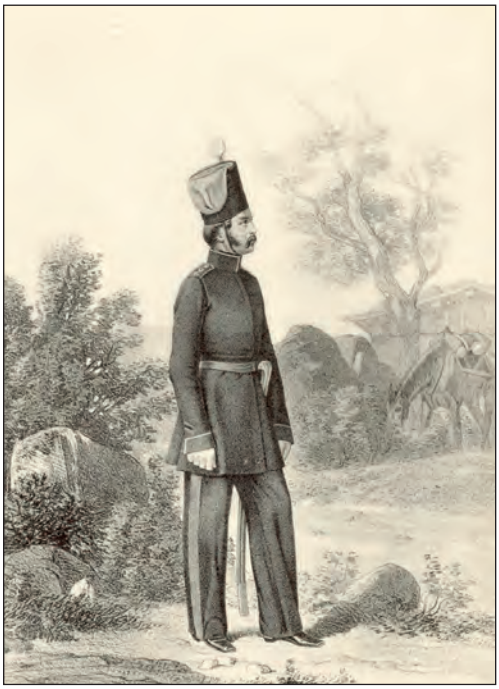
Штандарт Войска казаков-некрасовцев
(предположительно). Вероятное прочтение
по прорисовке: لشكر – лашкар (войско).
Начало XIX в. Измаильский историко-
краеведческий музей Придунавья

Задунайский запорожец.
С. И. Васильковский.
Акварель. 1900 г.

Атаман Задунайской Сечи Осип Гладкий
перевозит императора Николая I через Дунай.
Литография XIX в.



Территория Азовского казачьего войска. Карта. 1839 г.
Публикация по изданию: *Маленко Л.* Йосип Гладкий та Окреме Запорозьке (Азовське) козацьке військо в матеріалах і документах. Запоріжжя, 2010



Казак Дунайского казачьего войска в 1845–1855 гг.

Обер-офицер Азовского казачьего войска в 1852–1855 гг.

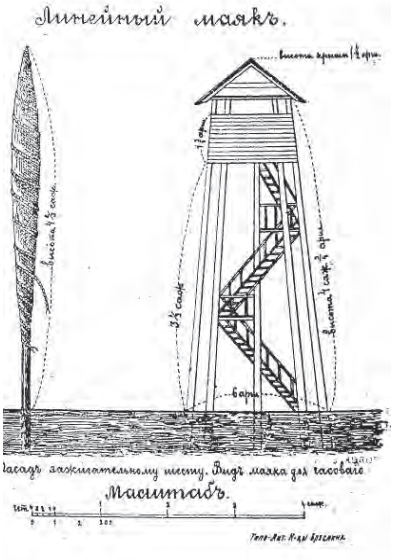
Пеший казак Дунайского казачьего войска в 1844–1855 гг.

Публикация по изданию:
Висковатов А. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Т. 27. Новосибирск, 1944

Уральские казаки в туркестанских (бухарских) халатах, своей повседневной одежде. Фотография. Конец XIX – начало XX в.

Уральские казаки. Фотография. Начало XX в.

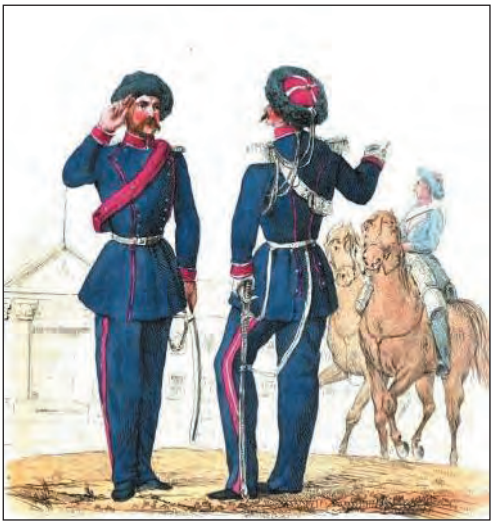
Оренбургские казаки с верблюдами. Фотография. Последняя треть XIX в.



Линейный маяк казаков ОКВ для наблюдения за степью. Режим доступа: http://docplayer.ru/39134058-Istoriya-kazachestva-yuzhnogo-urala-i-uyskoy-kreposti-prezentaciyu-vypolnila-izmagambetova-regina.html

Михаил Чайковский (Мехмед Садык-паша), 1830-е гг. Публикация по изданию: *Jadwiga Chudzikowska*. Dziwne życie Sadyka Paszy. O Michale Czajkowskim. Warszawa: PIW, 1971

Мехмед Садык-эфенди производит смотр казаков из Добруджи и Шумлы. 6 мая 1854 г. Публикация по изданию: *Candan Badem*. The Ottoman Crimean War (1853–1856). Leiden; Boston, 2010

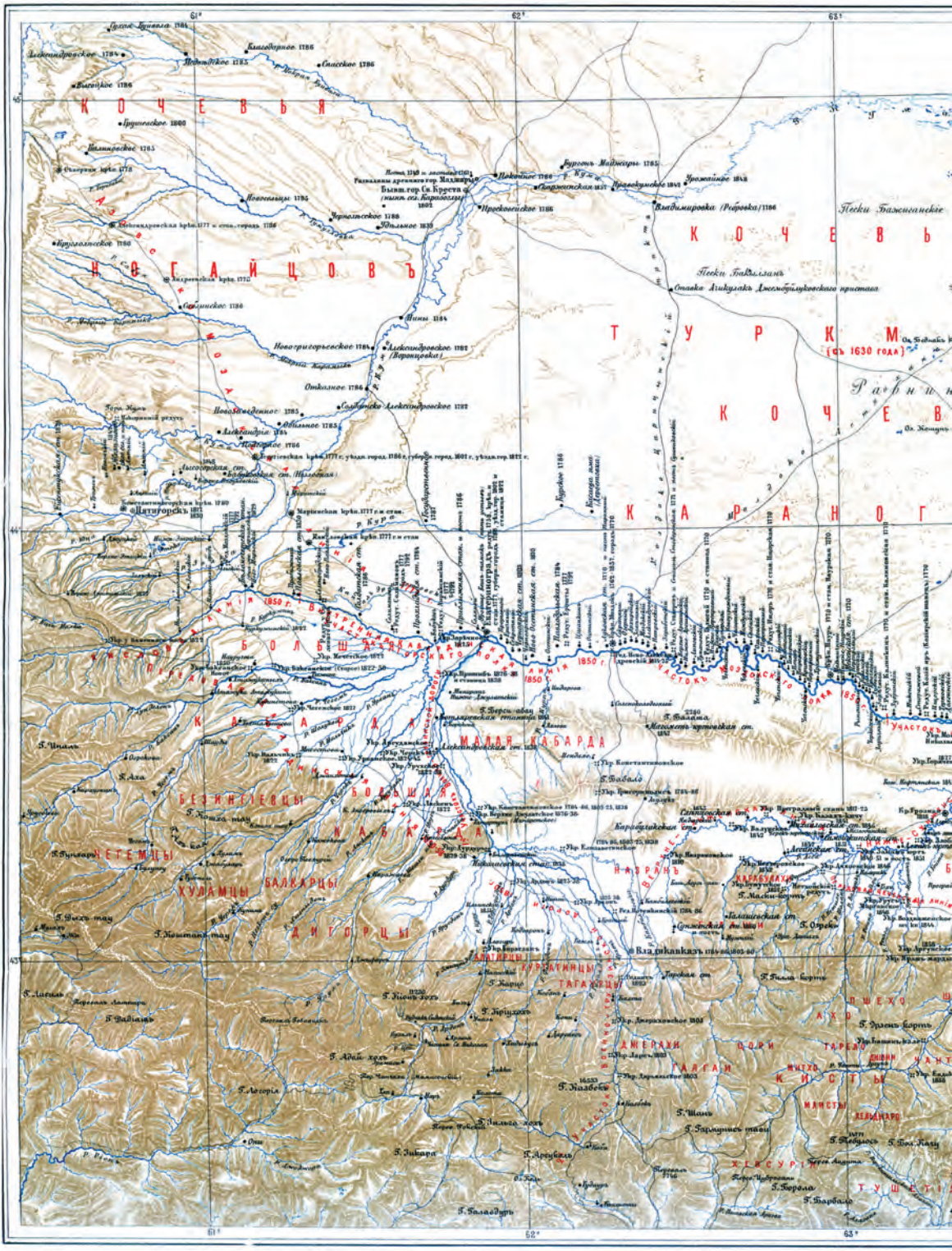


Офицер и штаб-офицер 2-го (драгунского) полка османских казаков, 1857 г. Публикация по изданию: [*Chaykowski M.*] Kozaczyna w Turcyi. Paryz, 1857

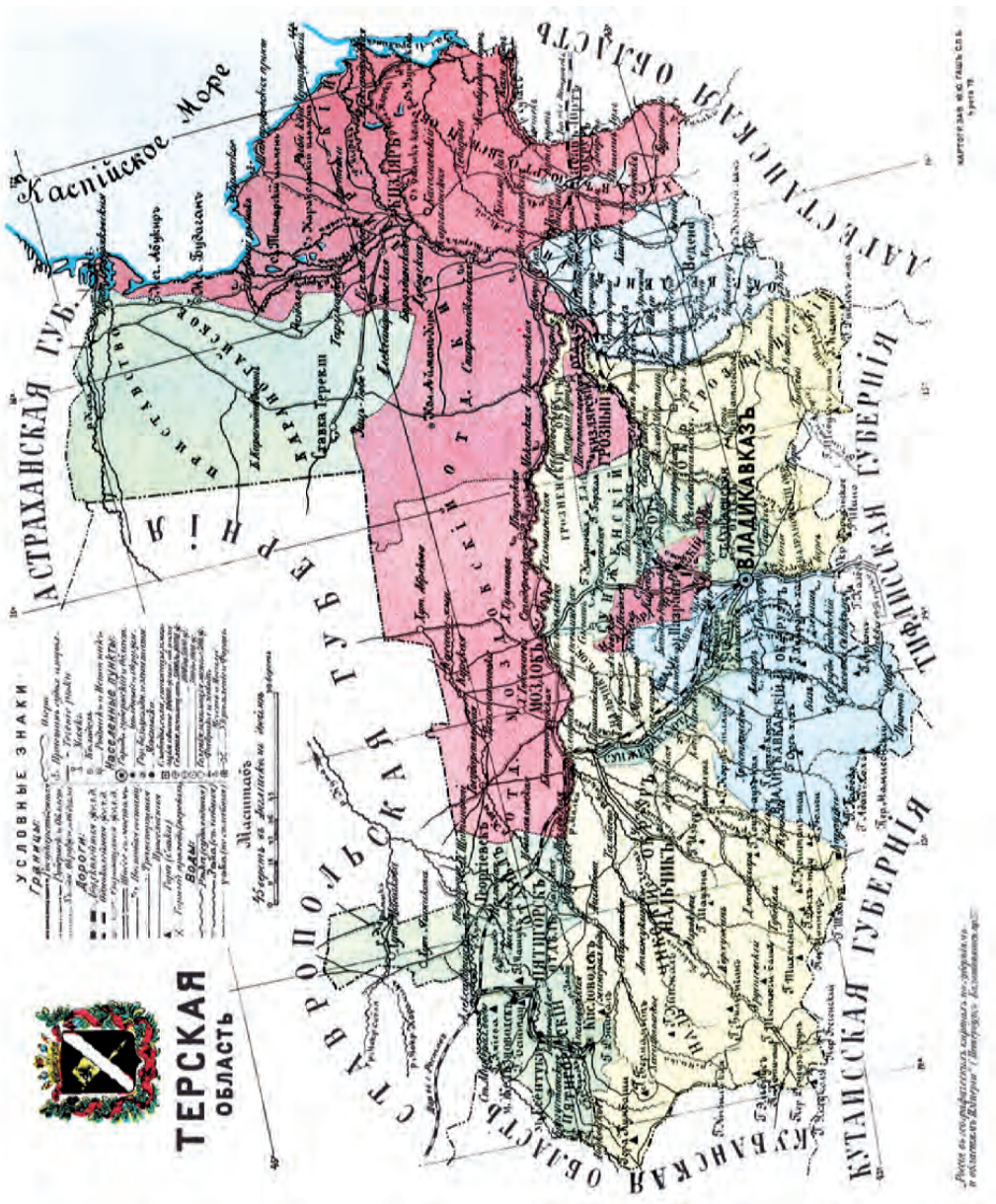
Офицеры Османского казацкого войска с Мехмедом Садык-пашой, г. Сливен. 1867 г. Публикация по изданию: *Стойчев И. К.* Казак-алая на Чайковски. София, 1944

Мехмед Садык-паша в начале 1870-х гг. Публикация по изданию: *Jadwiga Chudzikowska*. Dziwne życie Sadyka Paszy. O Michale Czajkowskim. Warszawa: PIW, 1971

Казаки иррегулярного карапапахского кавалерийского полка «Хамидие». Публикация по изданию: *Lynch H. F. B.* Armenia: Travels and Studies. Vol. 2: The Turkish Provinces. London, 1901


КОЧЕВЬЯ
НОГАЙЦОВЪ
ТУРКМ
КОЧЕВ
КАРАНОГ
БОЛЬШАЯ КАБАРДА
МАЛАЯ КАБАРДА
БЕЗЕНИЛЕВЦЫ
ЕГЕМЦЫ
КУЛАМЦЫ
БАЛКАРЦЫ
ДИГОРЦЫ
НАЗРАНЬ
ДЖЕРАХИ
ДОРИ
ДАЛГАН
КИСТЫ
ХЕРСУРЦЫ
ТУШЕТЫ
ПШЕХО
Пески Бажиганские
Пески Бавлыгань
Ставка Аликулакъ Джембулуковского пристава
Р. Кубань
Р. Терекъ
Р. Малка
Р. Баксанъ
Р. Черекъ
Р. Чегемъ
Р. Нальчикъ
Р. Баксанъ
Р. Малая Лабарда
Р. Большая Лабарда
Р. Кубань
Р. Малка
Р. Терекъ
Р. Сунжа
Р. Аргунъ
Р. Ассинъ
Р. Ардонъ
Р. Фиагдонъ
Р. Гизельдонъ
Р. Ардонъ
Р. Кумъ
Р. Сулакъ
Р. Аксай
Р. Шамхал

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ
КАРТА
СѢВЕРО-ВОСТОЧНАГО КАВКАЗА
съ обозначеніемъ крѣпостей, укрѣпленій, городковъ, редутовъ, фельдшанцовъ, оборонительныхъ и сторожевыхъ башенъ, постовъ и кордонныхъ линій, устроенныхъ русскими войсками съ 1569 года до окончанія Кавказской войны и съ указаніями времени ихъ постройки и упраздненія.
СОСТАВЛЕНА
Е. Д. ФЕЛИЦЫНЫМЪ.
Масштабъ
въ Англійскомъ Дюймѣ 20 верстъ
Крѣпость
Укрѣпленіе, городокъ, фельдшанцъ и редутъ
Башня, блокгаузъ
Постъ
Городъ
Станица и селеніе (русскія)
Аулъ и селеніе (горскія)
Дороги и горныя тропы
Границы владѣній горскихъ народовъ и племенъ.
Астраханскій ретраншементъ Императора Петра I-го 1722 г.
Остр. Чечень
Остр. Жилой
Терскій городокъ (Терки)
Кумыкъ
Кумыкъ
Кумыкъ



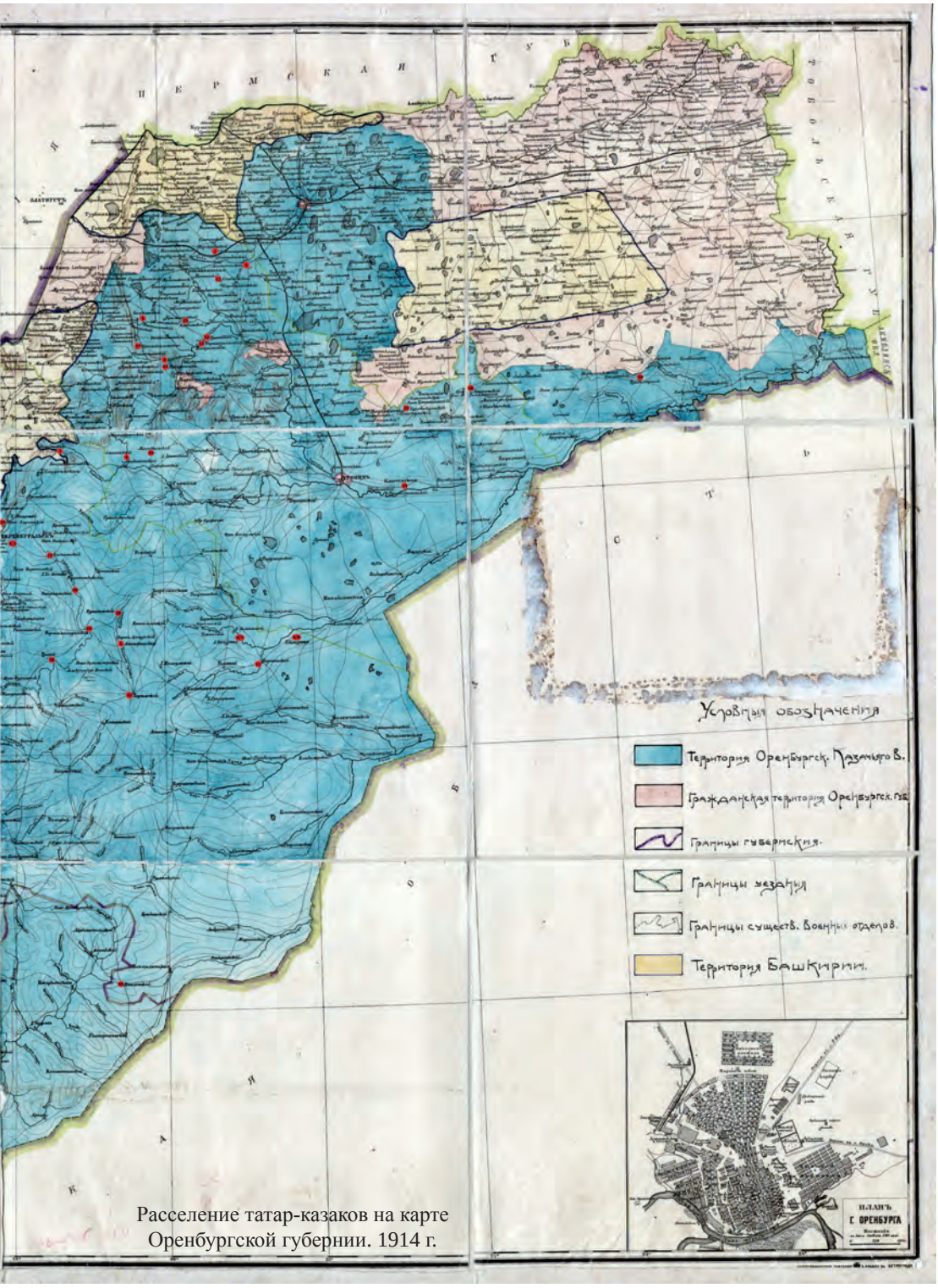
Карта Терской области. 1913 г.
Источник: Россия. Географическое описание Российской империи по губерниям и областям с географическими картами. СПб., 1913. С. 71

Расселение нагайбаков ОКВ на карте Белебеевского уезда Оренбургской губ. Первая половина XIX в. Сост. Р. Р. Аминов. Из книги: *Аминов Р. Р.* Татары казаки в составе Оренбургского казачьего войска. Казань, 2017. Вкладыш

Цифрами обозначены: 1 – Ахманово, 2 – Бакалы, 3 – Балыклы, 4 – (Старое) Зиящево, 5 – (Старое) Иликово, 6 – (Старое) Кастеево, 7 – (Старое) Килеево, 8 – (Старые) Маты, 9 – Нагайбакская крепость, 10 – Новая Юзеева, 11 – (Старое) Умирово, 12 – (Старые) Усы, 13 – (Старые) Шерашли. РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 3406. Л. 1. Геометрическая карта Оренбургской губернии Белебеевского уезда. Масштаб: 16 верст в дюйме

Шагигалей Абдулвагапович Кочуров с семьей. Пос. Варненский (Великопетровская станица ОКВ). Фотография начала XX в. Режим доступа: http://kultcentr.ru/Slavnaja_dinastija.php

ГАОО. Ф. 124. Оп. 2. Д. 2059 (6179). Л. 1. Карта Оренбургской губернии с показанием населенных пунктов и территории ОКВ. Сост. не указан. Типографская копия. Отмеч. план города Оренбурга, смежные губернии и области. Без даты.



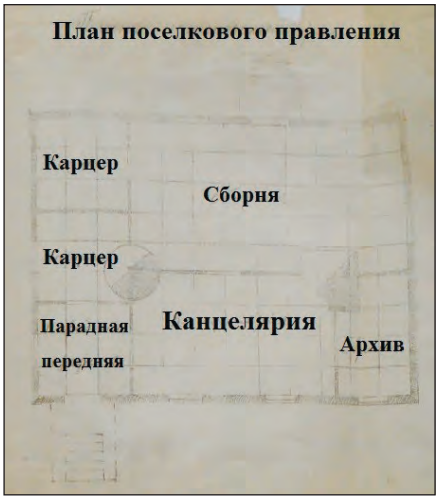
Расселение татар-казаков на карте Оренбургской губернии. 1914 г.

Масштаб: 20 верст в дюйме 62 х 94 (66 х 97). Синим цветом обозначена территория ОКВ. Из книги: *Аминов Р. Р.* Татары казаки в составе Оренбургского казачьего войска. Казань, 2017. Форзац 1

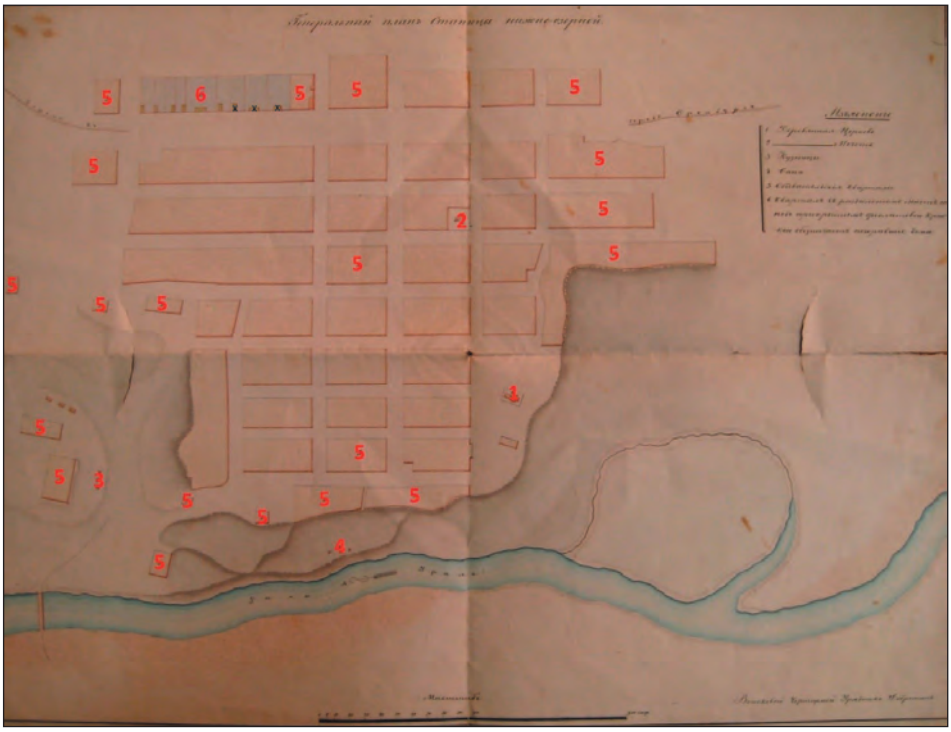
План станичного правления. ОКВ. 1897 г. ГАОО. Ф. 37. Оп. 3. Д. 277. Л. 8, 12

Фасад станичного правления. ОКВ. 1897 г. ГАОО. Ф. 37. Оп. 3. Д. 277. Л. 11

Из книги: *Аминов Р. Р.* Татары казаки в составе Оренбургского казачьего войска. Казань, 2017. Вкладыш



План поселкового правления. ОКВ. 1897 г.
Масштаб: 2 аршина в дюйме.
ГАОО. Ф. 37. Оп. 3. Д. 277. Л. 10



Генеральный план станицы Нижнеозерная. ОКВ. 1867 г.

Цифрами обозначены: 1 – деревянная церковь, 2 – деревянная мечеть, 3 – кузницы, 4 – бани, 5 – обывательские кварталы, 6 – квартал с разделением мест, знаком «х» обозначены погоревшие дома. ГАОО. Ф. 124. Оп. 2. Д. 2499 (6986). Л. 1. Генеральный план станицы Нижнеозерная Оренбургского уезда. Сост. Добрынин. 1867 г. Масштаб: 10 верст в дюйме. 45 х 59 (47 х 61)

Из книги: *Аминов Р. Р.* Татары казаки в составе Оренбургского казачьего войска. Казань, 2017. Вкладыш

Дочери атамана поселка Фершампенуазский Ф. А. Танаева. ОКВ. Фотография начала XX в. Режим доступа: http://www.scarb.ru/photoalbum/orenburgskie-kazaki/2vo-okv/fershampenuazskie-kazaki/

Зюлькарнаин Дашкин, командир 14-го Оренбургского казачьего полка. Фотография начала XX в. Режим доступа: http://ria1914.info/index.php?title=Файл:Дашкин_Зюлькарнаин_Шангареевич.jpg

Семья нагайбака Сафронова. Пос. Кассель. Фотография начала XX в. Режим доступа: http://www.scarb.ru/photoalbum/orenburgskie-kazaki/2vo-okv/kasselskie-kazaki/

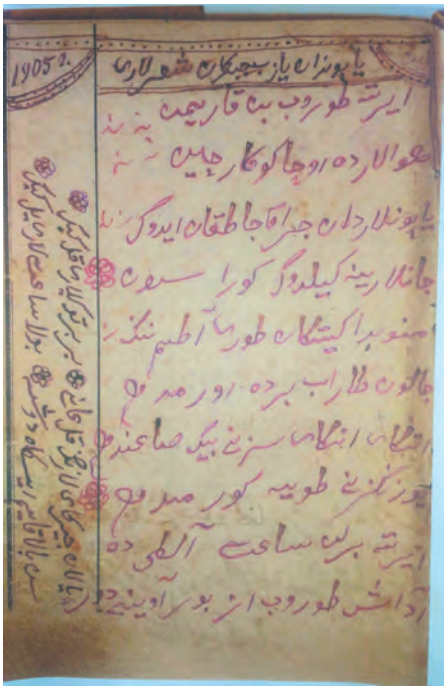
Карта расселения ногайцев-мусульман ОКВ в 1852 г.
ГАОО. Ф. 124. Оп. 2. Д. 2073 (6989). Л. 1. Карта ОКВ с разделением
на полковые округа. Сост. не указан. Рукописная. 1852 г.
Масштаб: 20 верст в дюйме. 64 х 93. Из книги: *Аминов Р. Р.* Татары казаки
в составе Оренбургского казачьего войска. Казань, 2017. Вкладыш

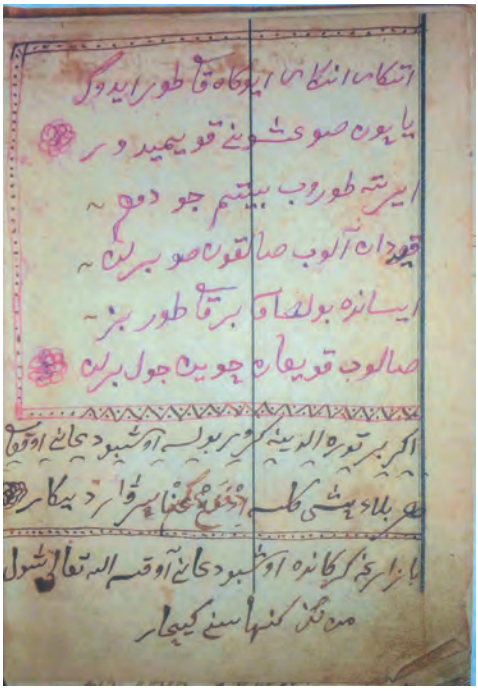
Цифрами обозначены: 1 – Воздвиженская станица, 2 – Желтинская,
3 – Кондуровская слобода, 4 – Никитинский редут

Летняя кухня быв.
станицы Никитинской. ОКВ.
Рисунок. 1970-е гг. (1)

Саманный дом быв.
станицы Григорьевской.
ОКВ. Рисунок. 1970-е гг. (2)

Из книги: *Мухаметшин Ю. Г.*, *Халиков Н. А.* Усадьба тюркских народов: сельское
жилище татар Поволжья и Урала (конец XIX – начало XX вв.). Астана, 2011.
(1) С. 234. Рис. 55; (2) С. 240. Рис. 66





1. Иртә торып мин карыйм
Һаваларда оча күгәрчен.
Японнардан (ж)ерак (ж)аткан ирең
Җанларына килдем күрәсен.

2. Минем белән киткән туры атым
Җалын тарап бердә үрмәдем,
Әткәй-әнкәй, сезне бик сагындым
Йөзегезне туя күрмәдем.

3. Иртә берлән сәгать алтыда
Адаш торып збур уйныйдыр.
Әткәй-әнкәй, өйгә кайтыр идем,
Япон сугышны куймыйдыр.

4. Иртә торып битем (ж)юдым
Койдан алып салкын су белән.
Исән булсак бер кайтырбыз
Салып салган чуен (ж)юл белән.

Страницы из личных блокнотов казака из татар Ибрагима Махмутова. Пос. Варненский. ОКВ. Конец XIX – начало XX в. Стихотворные строки написаны им в период Русско-японской войны во время нахождения в действующей армии. 1905 г.

Из личного архива праправнука автора – Рифата Холматова (г. Челябинск) и электронного архива Р. Р. Аминова

выжиганием клейма и пожизненной каторгой на нерчинских рудниках[262]. Но Порту это «жертвоприношение» не удовлетворило. 25 сентября 1768 г. российский посол А.М. Обресков был заключен в Семибашенный замок (Едикул), что означало объявление войны.

6 января 1769 г. хан Крым-Гирей во главе 100-тысячного войска прибыл в Балту[263], откуда выступил в поход на крепость св. Елизаветы. В июле 1770 г. Якуб-ага предложил свои услуги командующему 2-й армии П. И. Панину и оказал ему содействие в подчинении буджацких и едисанских ногайцев[264]. «Ханские слободы», по всей видимости, в отместку их «гетману», были опустошены по приказу Каплан-Гирея, с трудом выбравшегося из Буджака в Крым. 27 августа на Кинбурнской косе запорожцы отбили «у неприятеля, проважаючогось в Крим, ясира: волох, жидов и турков мужеска и женска полу шесть сот семдесят три души»[265]. Речь идет о «разбитии ханских обозов» во время переправы Каплан-Гирея через Днепровский лиман[266]. Вряд ли крымцы могли захватить такое количество «ясырей» на правом берегу Днестра, откуда хан уходил от войск Панина в спешном порядке. К тому же, пленению крымским ханом могли быть подвержены только те османские подданные, которые дискриминировались по очень веской причине. Измена «гетмана и воеводы поднестровского» была вполне достаточным основанием для этого. Кроме того, степное левобережье Днестра, в отличие от Молдовы, находилось вне российского военного контроля; поэтому пленению и перемещению к Очакову части жителей «Ханской Украины» ничего не могло помешать. За еврейских пленных запорожцы получили выкуп от уманского кагала[267], а «волохов» – поселили южнее с. Старый Кодак отдельным селом[268] (теперь с. Волосское Днепровского района Днепропетровской области, Украина).

---

[262] *Мірчук П.* Коліївщина. Гайдамацьке повстання 1768 р. Нью Йорк, 1973. С. 131–146, 226; Гайдамацький рух на Україні. Збірник документів / упор. І. Л. Бутич та ін. К., 1970. С. 433, 457–458.

[263] Записки генерал-фельдмаршала князя Александра Александровича Прозоровского. 1756–1776. М., 2004. С. 183–186.

[264] Записка, каким образом предводителем Второй армии генералом графом Паниным начато производиться предпринятое российским императорским двором и ему порученное намерение, клонящееся к поколебанию татарських орд против нынешнего их подданства (1770) // Русский архив. 1878. Кн. 3. Вып. 12. С. 464–470, 474; *Мурзакевич Н.Н.* Якуб-ага (Яков) Рудзевич // ЗООИД. Т. XIII. Одесса, 1883. С. 255.

[265] Петро Калнишевский та його доба: Збірник документів та матеріалів. С. 235.

[266] Там же. С. 241–242.

[267] *Скальковский А.* Еврейский плен в Запорожье // Киевская старина. 1884. Январь. С. 159–165.

[268] Петро Калнишевский та його доба: Збірник документів та матеріалів. С. 163, 164, 176, 379; *Макаревский Феодосий*. Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской епархии. Церкви и приходы прошедшего XVIII ст. / упор. В. Г. Довгополий; вступ. ст., комм. Г. К. Швидько. Дніпропетровськ, 2000. С. 193.

В 1777 г. крымский хан Шагин-Гирей отправил своих чиновников в бывшие крымские владения: Каушаны, Балту и Дубоссары[269]. Однако на тот момент там уже успела закрепиться османская администрация. После 1774 гг. «мукатаа Томбасар» превращается в «каза Томбасар», т. е. обычный фискальный округ Османской империи в составе Бендерского санджака[270]. В 1781 г. в Балте упоминается янычарский ага (следовательно – и турецкий гарнизон), а также запорожцы в его подчинении, продолжавшие выяснять отношения (устраивать драки) с «польскими» жителями соседнего Юзефгрода[271]. Ясский мирный договор 1791 г. зафиксировал вхождение буго-днестровского междуречья в состав Российской империи. Специфический уклад жизни в данном регионе уходит в прошлое.

Итак, «Ханская Украина» представляет интересный срез исторических «наслоений», в которых присутствуют и ранние контакты восточных славян с тюркским миром, и формирование украинского казачества в зоне интенсивного межэтнического взаимодействия, и его превращения, связанные с возникновением и распадом Украинского гетманского государства, и традиция «гетманской титулатуры», сохранявшаяся вплоть до 1770 г., претерпевая сложные метаморфозы. В этом районе степи впервые «Дикое Поле» превратилось в размежеванную и административно упорядоченную территорию, где государственно-правовая регуляция вытесняла архаичные формы социальной интеграции, обмена и хозяйственной деятельности. Товарная экономика здесь раньше, чем во многих других степных местах, стала доминировать над реципрокными системами, связанными с кочевым и казачьим бытом. В конце концов, с этого степного края начиналась украинская крестьянская колонизация, идущая вслед за казачеством и наполнявшая понятие «Украина» устойчивым этническим содержанием.

---

[269] *Fisher Alan W.* The Russian Annexation of the Crimea. 1772–1783. Cambridge, 1970. P. 90.

[270] *Середа А.* Силистренско-Очаковският еялет… С. 59.

[271] АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8/89. 1781 г. Д. 589. Л. 58–58 об.

Глава V

Представители тюркских народов в казачьих войсках Российской империи

§ 1. Донские татары – мусульманская группа донского казачества. Этапы и тенденции этнической истории

С. В. Черницын

Этническая неоднородность донского казачества, особенно на раннем этапе его истории, признается многими авторами. Это мнение подтверждается сведениями из источников: свидетельствами иностранцев, сообщениями российских очевидцев, наконец, в XVII в. – признаниями самих казаков. Так, в Войсковой челобитной от 12 января 1656 г. сообщается, что «в Войске живут переещики иноземцы Турки и Тотарове, да и Греки, и иных разных земель люди», что они служат государевы службы вместе с казаками[1]. К XVII в. в казачьих общинах составляли большинство выходцы восточнославянского происхождения, в первую очередь – русские. Для подтверждения можно сослаться на фундаментальное исследование А. П. Пронштейна, где, в частности, выделяются районы Московского государства и Малороссии, из которых шла основная миграция на Дон[2]. Именно русские и украинцы определили политическое развитие Войска и основные черты культуры донских казаков. Однако наряду с ними источники называют и иных: людей из «разных земель», «различных племен», «разных вер» и т. д. Среди представителей неславянских этнических общностей можно признать преобладание тюрко-язычных выходцев – ногайцев, татар, турок, так как именно с ними в XVI–XVII вв. казаки жили в соседстве и имели постоянные контакты. Мир степняков в этот период – преимущественно тюркский мир. В позднем средневековье он представлен также турками: в первую очередь, населением Азова и прилегающих к нему селений на побережье Азовского моря. Только в 1630-х гг. в степях Подонья-Приазовья появляются монголоязычные калмыки, которые в дальнейшем будут играть заметную роль в истории региона.

Если рассматривать этническую историю донского казачества, то она представляется динамичной системой этнокультурных процессов как эт-

---

[1] ДД. Кн.5. СПб.: РИБ, 1917. С. 371–372.

[2] *Пронштейн А. П.* Земля Донская в XVIII веке. Ростов-на-Дону: Изд. Ростовского госуниверситета, 1961. С. 44–54.

нотрансформационных, связанных с изменениями в составе населения, протекавших «внутри» его отдельных групп, так и этноэволюционных, охватывающих внутрикультурную динамику. Причем тенденции и формы проявления этих процессов различались на разных этапах.

На наш взгляд, в составе донского казачества на рубеже XIX – начала XX в. можно выделить три группы:

1. Русская (восточнославянская), то есть – собственно донские казаки. Группа преобладала в численном и политическом отношении, являясь символом всего сообщества.

2. Донские калмыки (с начала XIX в. – бузавы, бузавва), казаки-ламаисты.

3. Донские татары – казаки-мусульмане.

Названные группы, отличаясь по численности и статусу, могут рассматриваться как основные компоненты служилого сословия Области Войска Донского. Это – итог этнического развития казачьего населения Дона в течение нескольких столетий. Поэтому в научном лексиконе следует терминологически разграничить понятия «донское казачество» и «донские казаки». При этом первое (донское казачество) является более «широким», обозначающим социальную общность, до 1917 г. – служилое сословие. В свою очередь донские казаки – это ее базовый, системообразующий компонент. Автор, признавая наличие разных трактовок их этнической природы, рассматривает донских казаков как субэтническую группу русского этноса. Каждая из названных групп имеет свою этническую историю.

В настоящей работе будут рассматриваться вопросы этнической истории донских татар – казаков-мусульман. Эта группа к началу XX в. не только самая малочисленная, но и малоизученная.

Хронологические рамки исследования достаточно условны: XVI – начало XX в. Более условна нижняя граница. Учитывая, что вопрос о времени возникновения донского казачества является спорным, автор взял столетие, когда существование донских казаков и самого Войска очевидно и подтверждается источниками. Верхняя граница (начало XX в.) – это рубеж эволюционного развития как казачьего, так и не казачьего населения Области Войска Донского, после которого начинаются серьезные трансформации, связанные с революционными событиями 1917 г.

Вопросы этнической истории населения Дона, донского казачества и его отдельных компонентов разработаны недостаточно. Поэтому предварительно выделим и охарактеризуем два этапа.

Первый – охватывает период с XVI в. до начала XVIII в., то есть от начала формирования сообщества донских казаков до перехода к активной политической интеграции Земли Донской в состав Российской империи, с утратой автономии, началом социальных и культурных изменений. Этот этап характеризуется:

1) пограничным положением казачьих земель;

2) политической автономией Войска;

3) казачьи сообщества в этот период открыты и активно пополняются извне;

4) численность населения в основном формируется через «внешнее» пополнение, роль естественного прироста по причине малого распространения семей невелика; 5) в хозяйственной жизни преобладает присваивающий тип (охота, рыболовство), в том числе – военно-промысловая деятельность (походы за зипунами);

6) служба еще не оформилась в сословную повинность, но война является частью повседневной жизни.

Второй период с начала XVIII в. до начала XX в. характеризуется: превращением Дона во внутренний регион России; превращением донского казачества – в сословие, а казаков (в первую очередь, русских и калмыков) – в субэтнические группы. В этнокультурной палитре населения к концу этого периода наблюдается преобладание восточнославянского населения, появление городов и городских субкультур. Происходят качественные изменения в казачьей традиционной культуре и образе жизни. Особо выделим возрождение производящего хозяйства, в первую очередь, земледелия, утверждение мирных хозяйственных традиций в повседневной жизни; распространение семей и естественный демографический рост населения. Зачисление в казаки регламентируется и контролируется государством и войсковой администрацией. На этом фоне рассмотрим этническую историю донских татар.

На первом этапе этнической истории казачества Дона казаки-мусульмане представлены группой донских татар. В источниках XVII в. они нередко обозначаются как «наши татаровя», а в XVIII в. – «базовые» или «юртовые». Прослойка казаков тюркского происхождения в Войске Донском формировалась за счет нескольких источников.

Одним из них были пленные. Сказанное в первую очередь относится к женщинам и детям. Часть пленных продавали, обменивали за выкуп или за освобождение своих. В то же время татарок, турчанок, женщин из горских селений брали в жены. В «Повести об Азовском осадном сидении» казаки отвечали туркам: «А серебро, золото за морем у вас находим. А жен себе красных, любых выбираючи от вас же уводим»[3]. Браки с «полонянками» нашли отражение в казачьих песнях и преданиях, о чем сообщают дореволюционные[4] и советские исследователи[5].

Казаком мог стать и пленный мужчина. Об одном из них говорится в челобитных на имя царя за ноябрь 1649 г. и февраль 1650 г.: сообщается, что казак «родом татарин, а взятия Азовска», что в прошлом он был «взят в Азове Донскими казаки»[6]. И это не единственный пример.

---

[3] Повесть об Азовском осадном сидении // Хрестоматия по древнерусской литературе. М., 1969. С. 176.

[4] *Харузин М. Н.* Сведения о казацких общинах на Дону. М., 1885. С. 74.

[5] *Тумилевич Т. И.* Донские предания о Ермаке // Русская народная проза. Русский фольклор. Л., 1972. С. 226–227.

[6] ДД. Кн. 4. СПб.: РИБ, 1913. С. 311, 315.

Помимо пленных численность казаков тюркского происхождения пополнялась и за счет добровольных «переещиков», о чем часто упоминается в источниках[7]. Ранние казачьи сообщества привлекали демократизмом, открытостью (сословные границы еще не сформировались), высокой воинской репутацией казаков; это влияло на переходы и авторитет России. Приток мог усиливаться, как, например, в период 1638–1640 гг., когда взятый казаками Азов стал центром Войска. В войсковой отписке от 18 апреля 1640 г. подчеркивается: «Полоняники и *переещики* (курсив мой. – *С. Ч.*) переезжают из Турской и из Крымской земли и из Горских черкес»[8]. Продолжаются «переезды» и после оставления Азова и в последующем столетии. Не увлекаясь перечислением фактов, выделим два варианта миграций.

Во-первых, когда переход в Войско осуществлялся малыми, неорганизованными группами либо в одиночку. Татары и ногайцы, судя по документам, выходили от одного до трех, реже – до пяти, шести человек.

Во-вторых, к казакам могли переходить более крупные, а главное, имеющие свою внутреннюю организацию и предводителей коллективы. Например, атаман Фрол Минаев в письме к астраханскому губернатору 7 марта 1700 г. сообщил о желании переехавшего из-за Кубани Есенея-мурзы жить с казаками в Черкасске. В улусе кроме мурзы, его жены и трех сыновей было 30 мужчин с семьями[9]. Можно привести и более ранний пример – перекочевку под взятый казаками Азов ногайских мурз в конце 1630-х гг. Причем еще раньше к Азову начали переходить их соплеменники. Войсковая отписка гласила: «А из них, государь, улусов и многие черные мужики перешли к нам, холопям твоим с женами и со всеми своими животами, а, пришед, кочуют возле Азова»[10].

Оба варианта миграций наблюдаются и при формировании калмыцкого населения в Войске. Однако, в отличие от калмыков, крупными, организованными группами представители тюркоязычных этносов переселялись редко. У них явно преобладает первый вариант.

Интеграция в Войске крупных коллективов происходила медленно, что также показывает пример донских калмыков. В XVIII в. при переходах в Войско владельцев с улусами, их совместная с казаками служба нередко сменялась уходом с Дона и возобновлением враждебных действий. Пришедшие к Азову ногайские мурзы (в отличие от части своих «черных мужиков») к 1639 г. либо откочевали под Астрахань, либо вернулись к крымскому хану и позже сражались против казаков.

---

[7] *Черницын С. В.* Некоторые аспекты этнических процессов в Войске Донском XVII в. (на примере тюркоязычных переселенцев) // Дон и северный Кавказ в древности и средние века. Ростов-на-Дону: Изд. Ростовского университета, 1990. С. 73–75.

[8] ДД. Кн. 2.СПб.: РИБ, 1906. С. 19.

[9] Воронежские акты. Т.1. Воронеж, 1887. С. 191–192.

[10] Акты Лишина. Т. 1. Новочеркасск,1887. С. 19.

Наконец, миграция представителей тюркоязычных этносов могла происходить из России в общем переселенческом потоке на Дон, где преобладали русские. В июне 1640 г. «торговый иноземец» Павел Вестов в челобитной сообщал о побеге на Дон купленного им татарина Ахтамара Бахметьева, который был крещен: «русское имя татарина Ивашка»[11]. В мае 1644 г. воронежский воевода жаловался на побеги вольных людей, в том числе татар, нанятых для похода на Дон[12]. В феврале 1650 г. стрелецкий пятидесятник Любим Максимов в челобитной писал о побеге купленного «Малова Турского полону» Боярона Ахматова, «а во крещении Ивана Федорова»[13]. Бежавший оставил в Москве семью: мать, братьев и жену с детьми. Согласно челобитной в Посольский приказ, составленной тяглецом Иваном Михайловым в марте 1683 г., от него бежал купленный татарин Александр Петров, при этом подчеркивалось «[…] а родинаю, государь, тот мой татарин Озовец»[14].

Ко всем названным инцидентам были причастны донские казаки: они подговаривали к побегу и скрывали беглых. Ахтамара Бахметьева подговорил донской казак Кирей Молодой, а помогал ему сын боярский Василий из Ряжска[15]. Воронежский воевода в 1644 г. обвинял в подстрекательстве живших в городе казаков с атаманом Иваном Каторжным: «И у тех, государь, донских казаков, объявились на Воронежи многие беглыя холопи и – *тотарове* (курсив мой. – *С. Ч.*)»[16]. Отметим, что Иван Каторжный в это время возглавлял посольскую станицу, возвращавшуюся из Москвы!

Обратим внимание, что большинство татар, упоминаемых в документах – это вчерашние пленные, которые успели пожить среди русских, креститься и порой – обзавестись семьями. И если первоначально казаки, захватывая в плен, способствовали их попаданию в Россию, то позднее – они же уводили бежавших на Дон. В ранний период истории донского казачества приток извне был важным источником пополнения его численности, поэтому часты упоминания о «сманивании» в Войско крестьян и горожан. Сказанное будет справедливо и для XVIII в., но причиной теперь станет удовлетворение потребности в рабочих руках.

Наконец, численность казаков, в том числе неславянского, тюркского происхождения, могла пополняться естественным путем, за счет рождаемости. Уже в источниках XVII в. упоминаются семьи и дети донских татар. «Черные мужики» переходят от своих мурз под казачий Азов с женами и «всеми своими животами». В одной из войсковых отписок при характеристике «лутчего» татарина Кармыша, подчеркивается, что он надежен, служит в Войске около 20 лет «и живет на Дону у нас в Войске и з женою и з

[11] ДД. Кн. 2.СПб: РИБ, 1906. С. 817.
[12] Там же. С. 38.
[13] ДД. Кн. 5. СПб.:РИБ, 1917. С. 447.
[14] ДД. Кн. 4. СПб.: РИБ, 1913. С. 657.
[15] ДД. Кн. 2. СПб., РИБ: 1906. С. 37–42.
[16] Там же. С. 891.

детьми»[17]. Татарин Мавлют (Мевлютка), перейдя к казакам из Азова, уже в Войске женился на татарке[18].

Ранее автору приходилось высказывать мнение, что на раннем этапе этнической истории донского казачества «внешнее» пополнение за счет миграций преобладало над естественным приростом. Семьи были распространены мало и неравномерно[19]. На наш взгляд, это относится и к донским татарам, численность которых также в основном поддерживалась за счет притока извне.

Непосредственная адаптация тюрок в Войске осуществлялась двояко. Во-первых, такой «переещик» или пленный мог принять христианство (что сопровождалось сменой имени) и влиться в преобладающую восточнославянскую, русскую часть казачества. Для женщин этот вариант часто дополнялся браком с донским казаком. Это – наиболее распространенный путь, который вел к ассимиляции неславянских, в том числе большей части тюркоязычных выходцев. Как пример можно привести биографические сведения в одной из казачьих челобитных на царское имя: «И я, холоп твой Ивашко, взят в Азове Донскими казаками, и на Дону, я […] провидя православную християнскую сущую веру, крестился, и служил я […] военные службы своеи братьеи пять лет»[20]. На тюркское происхождение казаков могут указывать прозвища «татарин», «новокрещен», «татаринов». Воронежский воевода в отписке 19 июня 1640 г. сообщал, что посланные им служилые люди у городка Верхнего Курман Яра встретились с казаками, которыми оказались «Ортемий Есауловский да с ним татарин Ивашка Новокрещеной […]»[21]. Так в казачьих сообществах складывалась прослойка метисного населения, представителей которой могли обозначать прозвищем «болдырь» или «тума». Это отражено в документах: «Емельяном зовут, Кузьмин, а сын тума; родился де он, Емелька, на Дону в Черкаском. Отец, де ево, Кузьма, был русский человек, Тамбовец, солдат, а мать Туркеня»[22]. Ростовский фольклорист Т. И. Тумилевич, рассматривая предания сельского населения Дона в 1960–1970-х гг., отмечала, что в рассказах о происхождении казачьих фамилий сохранялась память о неславянских, в первую очередь тюркских предках[23]. Другие казачьи сообщества также пополнялись через включение в свой состав и последующую ассимиляцию представителей соседних, неславянских, этносов. Важным условием при этом было принятие ими христианства.

---

[17] ДД. Кн. 4. СПб.,: РИБ, 1913. С. 880.

[18] *Дружинин В. Г.* Раскол на Дону. Спб., 1892. С. 4.

[19] *Черницын С. В.* Основные пути формирования семейно-брачных отношений на Дону в XVI–XVII вв. // Донские древности. Сб. ст. / под ред. В. Я. Кияшко, В. Е. Максименко. Вып. 1. Азов: Азовский краеведческий музей, 1992.

[20] ДД. Кн. 2. СПб.: РИБ, 1906. С. 311–312.

[21] ДД. Кн. 2. СПб.: РИБ, 1906. С. 43–45.

[22] *Дружинин В. Г.* Раскол на Дону… С.4.

[23] *Тумилевич Т. И.* Донские предания о Ермаке… С. 226–227.

Но был и другой путь, когда часть переселенцев, не меняя вероисповедания, входила в компактную группу своих единоверцев, сохранявшую в казачестве культурно-бытовую, в первую очередь, религиозную, обособленность. В одном из документов читаем: «А татарин, который прислан с Дону, в расспросе сказал, что он, Мевлютка, не хотя жить в Азове, а похотя служить великим государям на Дону, выехал на их государево имя […] тому недель семь и на Дону женился на татарке»[24]. Так формировалась группа донских татар, которые с 30–40-х гг. XVII в. часто упоминаются в источниках.

Появлению казаков тюркского происхождения способствовало и то, что в XVII – 1-й половине XVIII в. донские татары имели родственников в соседних с казачьими общинами улусах. Когда в 1638 г. посланные от Войска звать «под государеву руку» ногайских мурз донские татары были пойманы, то, утаив истинные цели, они объявили крымскому хану, «что де мы приехали от казаков в Ногаи с родимцами своими повидатца»[25]. Хитрость удалась, из чего можно сделать вывод, что контакты с родственниками не были чем-то необычным. У «лутчего» татарина Кармыша, согласно войсковой отписке, в улусах была семья «братья и племянники». Явно благодаря этому в 1654 г. он, отправившись для переговоров к ногайским мурзам, жил у ногайцев «полтретя месяцев», а затем «впотай» ездил в Крым и там жил месяц[26]. Объективной причиной сохранения родственных связей является проживание в этот период многочисленного тюркоязычного кочевого населения не только в степях Нижнего Дона – Приазовья, но и – в Северном Причерноморье. Наличие родственников в соседних с казаками улусах могло способствовать уходу некоторых мусульман из Войска, что мы, например, наблюдаем у калмыков в XVII–XVIII вв. Но, с другой стороны, родственные связи – это канал передачи информации о казаках и их порядках, фактор консолидации донских татар через сохранение в их среде тюркской идентичности. Наконец, крымские и ногайские кочевья, как показывают примеры добровольных «переещиков», – это один из резервов для «внешнего» пополнения казачества. Такие возможности для демографического воспроизводства будут утрачены в последующих столетиях в связи с численным сокращением или – исчезновением тюркских групп на Дону и соседних территориях. Отметим, что на раннем этапе этнической истории и позднее, в XVIII в., родственные связи за пределами Войска сохраняются у калмыков и донских казаков (т.е. – в русской группе), что также способствовало миграциям на Дон.

Время возникновения общности донских татар неизвестно. Донской историк В. Д. Сухоруков указывал, что 26 апреля 1623 г. государевых посланников встречали всем Войском «на многих стругах и конные атаманы,

---

[24] *Дружинин В. Г.* Раскол на Дону… С. 4.
[25] *Черницын С. В.* Некоторые аспекты этнических процессов… С. 79.
[26] ДД. Кн. 4. СПб.: РИБ, 1913. С. 871, 879–880.

казаки и татары»[27]. В его рукописи, хранящейся в Ростовском государственном архиве, имеется примечание к тексту: «Вероятно те самые ногайцы, кои к сему году под начальством Алея мурзы присоединились к казакам, и которые вместе с донскими казаками вскоре после сего отогнали у азовцев 1000 лошадей»[28]. В. В. Трепавлов тоже считает, что сведения о донских татарах появляются в 1620-х гг., называя в качестве примера упоминания о их нападениях на крымские владения в 1624 и 1626 гг. и приводя слова русских послов в Бахчисарае в ноябре 1627 г. о том, что татары живут на Дону с казаками[29].

Также у В. Д. Сухорукова встречаются интересные свидетельства: «По крайней мере, племя их считает до осьми колен, живших на Дону […] следовательно, их поселение насчитывает до 300 лет». Сами же татары предполагали «свое пришествие на Дон и поселение на месте г. Черкасска в то время, когда между Раздорами и Азовом казачьих поселений не было» (т.е до 2-й половины XVI в. – *С. Ч.*)[30]. К сожалению, донской историк не приводит ни самих преданий, ни родословных. Уместно вспомнить и упоминания о возникновении Черкасска на месте расселения татар, которые встречаются у авторов 2-й половины XVIII в.: военного инженера А. И. Ригельмана[31] и академика С. Г. Гмелина[32]. Можно допустить, что основой донских татар были группы тюркоязычных казаков, живших на Дону и порой действовавших вместе со славянской вольницей. В 1538 г. во время переговоров с ногайцами русские представители говорили, что «на поле ходят казаки многие: казанцы, азовцы, крымцы и иные баловни казаки, а и наших украин казаки с ними смешавшись ходят». Исходя из упоминаний о смешанных отрядах русских и татарских казаков, Р. Г. Скрынников делает вывод, что первоначально в казачестве преобладали татары из разных орд, и лишь потом возобладал приток славянского населения[33].

В XVII в. донские татары уже существуют как сложившаяся общность в Войске; участвуют в столкновениях и набегах, выполняют роль разведчиков и переговорщиков, отправляясь в улусы к соплеменникам и калмыкам с дипломатическими поручениями. Интересные сведения о них содержатся в сообщении воронежских служилых людей Онуфрия Кожухо-

---

[27] *Сухоруков В. Д.* Историческое описание земли Войска Донского // Дон. 1988. № 11. С. 149.

[28] Примечания Н.С. Коршикова и В.Н. Королева в кн.: Сухоруков В. Д. Историческое описание земли Войска Донского // Дон. 1988. № 11. С. 153.

[29] *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. М., 2001. С. 425.

[30] *Сухоруков В. Д.* Краткое известие о бывшем на Дону г. Черкасске // Северный архив. 1828. Ч. 8. С. 98.

[31] *Ригельман А. И.* История или повествование о донских казаках. М., 1864. С. 10.

[32] *Гмелин С. Г.* Путешествие из Санкт-Петербурга до Черкасска, главного города Донских казаков в 1768 и 1769 гг. СПб., 1775. С. 259.

[33] *Скрынников Р. Г.* Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск: Наука, 1981. С. 64.

ва и Самойлы Деревягина, побывавших в марте 1641 г. в казачьем Азове. По их словам в то время атаманов и казаков насчитывалось более 1000, а татар – около 500 человек. Причем жили они обособленно: «А за городом де блиско городовой стены построены дворы и живут *Чюры и Тотарове, и Болдыри* (курсив мой. – *С. Ч.*), человек с 500 и болши»[34]. Здесь интересны не только сведения о численности казаков-мусульман, но и об их частичной оседлости, а также то, что группа предстает неоднородной. Этого не замечали другие служилые люди, которые в отписках просто писали – «татары». Можно предположить, что «болдыри» и «чюры» – это более поздние выходцы и сопоставить «чюр» с «черными мужиками», которые переходили в казачий Азов от владельцев.

Донские татары пережили события Азовского осадного сидения и турецкие удары 1643 года, отбросившие казаков в верховья Дона. Но уже весной 1644 г. Войско Донское возвращается на прежние позиции, а восстановленный Черкасск становится до 1806 г. столицей донского казачества. Одной из его 11 городских станиц была Татарская, населенная казаками-мусульманами, имевшими мечеть и самоуправление по казачьему образцу. В. Д. Сухоруков предполагает ее существование уже в 1670-х гг.[35] Первоначально она находилась в юго-восточной части города вблизи от будущего Воскресенского Войскового собора. По преданию, Петр I перед его закладкой велел переселить станицу на новое место, и с 1705 г. она расположилась в северо-восточной части Черкасска[36].

Существование донских татар – пример этнической консолидации представителей соседних с казаками мусульманских общностей в одну группу. При этом термин «татары» является обобщающим наименованием, обозначающим не только этнических татар. В документах XVII в., при характеристиках «выходцев», чаще всего упоминаются ногайцы. Можно предположить, что первоначально они преобладали в составе группы и возможно явились ее основой (этническим субстратом). В. В. Трепавлов допускает преобладание среди казаков-мусульман выходцев из Ногайской Орды, подтверждая это упоминанием в документах о принадлежности донских татар к ногайскому племени кенегес.[37]

Помимо близких по языку и скотоводческой степной культуре ногайцев и татар нельзя исключать возможности приема в состав группы турок и горцев, хотя прямых подтверждений этому у нас нет.

Процессы этнической консолидации также преобладают при формировании (субэтногенезе) донских калмыков. Но в сравнении с донскими татарами здесь в основном была внутриэтническая консолидация, в которую втягивались представители калмыцких родов. У донских татар можно

---

[34] ДД. Кн. 2. СПб.: РИБ, 1906. С. 128.

[35] *Сухоруков В. Д.* Краткое известие… С. 97.

[36] *Левитский Г.* Старочеркасск и его достопримечательности. Новочеркасск, 1906. С. 23.

[37] *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды… С. 425.

отметить как внутриэтническую, объединявшую различные группы ногайцев, так и межэтническую консолидацию, включающую родственные, но самостоятельные этнические общности: ногайцев и крымских татар. Ассимиляционные процессы, скорее всего, были редки, нам неизвестны факты зачисления в группу в XVII в. горцев, калмыков, турок. Применительно к туркам и горцам это можно объяснить тем, что они принадлежали к другому культурно-бытовому типу – были представителями оседлых культур.

Таким образом, на данном этапе этнической истории донского казачества происходит формирование тюркской группы – компонента донского казачества. Ее ядром являлись ногайцы, а факторами консолидации можно назвать:

а) принадлежность в казачеству – то, что отделяло их от соплеменников;

б) сохранение ислама – то, что выделяло их в войсковом сообществе из православного большинства;

в) языковая и культурная близость, связанная с принадлежностью к кочевым народам – то, что объединяло в группу именно степняков, но не турок.

Государственного и сословного регулирования этнокультурных процессов в этот период не было.

Второй этап этнической истории донского казачества (XVIII – начало XX в.) для донских татар характеризуется:

1) снижением политической роли группы;

2) резким сокращением «внешнего» пополнения за счет зачисления новых переселенцев;

3) активными процессами этноэволюционного типа (изменения в хозяйстве, переход к оседлости, появление постоянных жилищ и др.), в результате которых сложился иной культурно-бытовой уклад по сравнению с XVII в.;

4) снижением численности и ухудшением демографической ситуации в группе.

Численность казаков-мусульман и в XVII столетии была невелика: часто упоминающиеся выходы уравновешивались смертностью и уходами из Войска. По плану военного инженера А. Ригельмана, сделанному в 1778 г., в Татарской станице «значилось 99 дворов кроме базов»[38]. Но к началу XIX инженер де-Романо называл уже 117 домов[39]. Эти сведения подтверждает «Ведомость о числе состоящих в ведомстве Войска Донского Черкасского сыскного начальства станиц и жительствующих в них чинах и рядовых казаков, а также дворов» за 1803 г. В ней тоже указано 117 дворов и мечеть[40]. Здесь важно уточнить сведения де-Романо: речь идет не просто о строениях (домах), а именно о дворах. В «Ведомости» приводится численность казаков-мусульман за исключением женщин и юношей до

[38] *Ригельман А.* История или повествование… С. 23.

[39] Черкасск и Войско Донское по описанию де-Романо / сост. М. Калмыков. Новочеркасск, 1896. С. 31.

[40] РГИА. Ф. 37. Оп. 11. Д. 116. Л. 51 об.

18 лет. Всего в станице насчитывалось 190 человек: «малолетков» – 12, «полевых» (т.е. служилых. – *С. Ч.)* – 100, отставных – 63. Из чинов названы отставной подполковник, войсковой старшина и четыре урядника. Это одно из первых упоминаний казачьих чинов в группе, что показывает изменения в ее соционормативной культуре[41].

Ряды казаков-мусульман в начале XIX в. заметно пополнились за счет ногайцев, переселенных российским правительством с территории Прикубанья, в Северное Приазовье в район р. Молочная (Молочные Воды). События, связанные с положением ногайцев на Кубани, их переселением в пределы будущей (с 1802 г.) Таврической губернии и попыткой сформировать из них Ногайское казачье войско рассматриваются в работах В. В. Грибовского. Там же анализируется биография и деятельность едисанского мурзы Баязет-бия – активного сторонника создания этого нового казачьего образования[42]. Обстоятельства переселения ногайцев уже из Северного Приазовья на территорию Войска Донского, пути их адаптации на Дону и взаимоотношения со старожилым мусульманским населением Татарской станицы требуют дальнейшего изучения. Можно предположить, что отдельные переходы начались в 1780-х гг. в условиях политической нестабильности на Кубани, а группа сформировалась к 1806 г. после упразднения Ногайского казачьего войска и переезда в Войско Донское предводителя приазовских ногайцев Баязет-бия со своими сторонниками и зависимыми людьми.

В 1811 г. ногайцы, переселившиеся из Молочных Вод, были причислены к казакам Татарской станицы[43]. Эта организованная группа упоминается в указе Войсковой канцелярии от 23 июня 1812 г. о мобилизации всех казаков на войну с Наполеоном. Ее предводителю Баязет-бию (в документе Баягик бею. – *С. Ч.*) также предписывалось подготовить к походу «состоящих в ведении его пришедших сюда с Молочных Вод и причисленных к Войску татар» и сообщить их численность[44].

После основания г. Новочеркасска и «разжалования» прежней столицы в рядовую станицу Старочеркасскую, Татарская была перенесена на новое место. Теперь она располагалась на правом берегу р. Тузлова в двух верстах от Новочеркасска[45]. Вопрос о времени переселения станицы неясен. В «Статистическом описании Черкасского округа за 1820–1821 гг.» говорится, что станица «заселена в одно время с Новочеркасском (т.е. в 1806 г. – *С. Ч.*), а до того находилась при тогдашней Старочеркасской станице»[46]. Ее существо-

---

[41] Там же.

[42] *Грибовский В. В.* Ногайское казачье войско // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. № 8.

[43] *Сулин И.* Материалы к истории заселения Черкасского округа // СОВДСК. Вып. 8. Новочеркасск, 1908. С. 184.

[44] *Попов И. П.* Материалы по истории Дона. Новочеркасск, 1900. С. 50–51.

[45] ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 355. Л. 40.

[46] ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 355. Л. 40.

вание на старом месте по 1806 г. также отмечал Н. Краснов[47]. В отличие от них, И. Сулин считал, что переселение произошло в 1809 г., и в 1837 г. Татарской станице «принадлежало» селение Дарьинка[48].

Селение Дарьинка (Дарьинское), где в основном жили недавно принятые в казаки ногайцы, располагалось на левом берегу реки Большая Дарья, впадающей в Маныч. Точное время его возникновения пока не установлено. Судя по упоминавшемуся ранее мобилизационному указу 23 июня 1812 г., ногайцы Баязит-бия постоянного поселения не имели. Как отмечалось выше, И. Сулин называл дату – 1837 год. Однако известно более раннее упоминание. В документах о зачислении в казаки Татарской станицы черкеса Исляма Баязурукова, свидетельство, подтверждающее его биографию, датируется 12 апреля 1826 г., а сам он в это время уже жил «в татарском» селении Дарьинском[49].

К началу 1820-х гг. по сравнению с данными за 1803 г. виден некоторый прирост населения. Татарская станица в это время состояла из 152 домов, в ней проживало «мужеска пола 467, а женска 442 души»[50]. Думается, что численность казаков-мусульман в основном поддерживалась тогда за счет рождаемости. Интересны упоминания о брачных связях с донскими калмыками. Черкес И. Баязуруков к моменту зачисления в казаки был женат на «казачьей дочери калмыка улуса Бокшурга по имени Асир Манчуковой», имел дочь и двух сыновей[51]. Степень распространения брачных связей между казаками-мусульманами и калмыками определить сложно. Браки с русскими неизвестны.

Приведенный пример, как и некоторые другие свидетельства, показывают общий признак этнической истории донского казачества этого времени: распространение браков между казаками и не казаками. Такие межсословные семейные связи часто предшествовали зачислению не казаков в войсковое сословие. Подобное явление наблюдается в русской группе донского казачества (т.е. – у донских казаков), у донских калмыков и, как мы видим, у донских татар. Это сохраняется до принятия в 1835 г. «Положения об управлении Войском Донским», по которому запрещалось зачисление в казаки представителей невойскового населения, и оказалась подорванной традиция межсословных браков и семейно-родственных отношений[52]. По отношению к казакам-мусульманам политика, как мы увидим дальше, была более мягкой:

---

[47] Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба: Земля Войска Донского / сост. Н. Краснов. СПб., 1863. С. 531.

[48] *Сулин И.* Материалы к истории заселения… С. 184.

[49] РГВИА. Ф. 405. Оп. 6. Д. 1. Л. 5–5 об., 8–9, 11–12.

[50] ГАРО. Ф. 46. Оп.1. Д. 355. Л. 40.

[51] РГВИА. Ф. 405. Оп. 6. Д. 1. Л. 8–8 об.

[52] *Черницын С. В.* Тенденции межсословных браков в Войске Донском в 1-й пол. XIX в. // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнической культуры казачьих групп России за 2011–2012 гг. Дикаревские чтения (17). Материалы Всероссийской научной конференции. Краснодар, 2014.

в казачье сословие зачисляли горцев, приписывали их в число полноправных жителей Татарской станицы, не запрещались браки с донскими татарами.

В течение XIX столетия сохраняется и «внешнее» пополнение, за счет зачисления в казаки представителей мусульманских этнических общностей. Во-первых, это – переселившиеся ногайцы из Таврической губернии. Часть из них была зачислена в казачье сословие уже к 1811–1812 гг., но не мало оставалось вне казачества, в том числе – на положении зависимых от владельцев людей. В документах 1820-х гг. встречаются примеры приема таких людей в казаки. Так, ранее упоминавшийся Ислям Баязуруков, был крестьянином Баязет-бия и «выведен» им на Дон. В 1821 г. уволен «из крестьянского состояния» с тем, что никто из наследников бея «не будет иметь над ним власть». Это неопределенное состояние затянулось и в 1826 г., сам Баязуруков писал, что он, «находясь на свободе, не причислен ни к какому роду жизни», не несет никаких повинностей[53]. Также в 1820-х гг. стали казаками «выведенные» из Таврической губернии Баязет-бием ногайцы Сапрык Топаев (62 года), Дуланбек Матаев (50 лет), Байрам Сейплаев (58 лет); а также 45-летний Усман Курманаев, происходивший «из кизлярских татар» и «выведенный в 8 лет на Дон княжной Куйшею». Все они были женаты на казачках «из татар», имели детей и дома, обзавелись имуществом[54]. Привлекают внимание зрелый возраст новых казаков и их длительное проживание на Дону: Курманаев фактически здесь вырос.

Во-вторых, в отличие от предшествующих столетий документы свидетельствуют о зачислении в казаки Татарской станицы горцев (в отличие от Исляма Баязурукова, не связанных с владельцем Баязет-бием). В условиях Кавказской войны это были либо военнопленные, пожелавшие остаться в России, либо – перебежчики. Значительная их часть направлялась на Дон, особенно в 1840–1850-х гг. По данным ростовского историка А. И. Агафонова, с 1845 по 1859 гг. к Войску было приписано 183 горца[55]. С 1 сентября 1858 г. по 1 сентября 1859 г. только на правом крыле Кавказской линии под покровительство России вышло 317 горцев, большинство из которых было отправлено на Дон[56]. Известны и другие «выходы» после 1859 г.[57] На Дону часть из них принимала христианство, некоторых поодиночке или малыми группами селили в русских станицах и здесь они приживались сложно. Для адаптации (и последующей ассимиляции) более благоприятным было переселение горцев в Татарскую станицу к единоверцам[58].

---

[53] РГИА. Ф. 405. Оп. 6. Д. 1. Л. 8 об.

[54] РГИА. Ф. 405. Оп. 6. Д. 1. Л. 155 об., 156 об., 75–75 об.

[55] *Агафонов А. И.* Область Войска Донского и Приазовье в пореформенный период. Ростов-на-Дону: Изд. Ростовского университета, 1986. С. 40.

[56] РГВИА. Ф. 14258. Оп. 3. Д. 465. Л. 26 об.

[57] РГВИА. Ф. 14257. Оп. 3. Д. 467. Л. 14–16, 18–19, 25–29.

[58] *Черницын С. В.* Пути адаптации горских переселенцев на Дону (по материалам 40–50-х гг. XIX в. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1995 г. / отв. ред. В. Я. Кияшко. Вып. 14. Азов, 1997.

В целом положение донских татар к середине XIX в. представляется сложным. По статистическим данным на 1849 г. их численность уменьшилась до 623 человек. Из них названо 277 женщин (без указания возраста), а мальчиков только в возрасте от 1 до 12 лет – уже 105[59]. Неблагоприятная демографическая ситуация очевидна!

Думается, это стало одной из причин эмиграции в 1860 г. донских татар в Турцию. Н. Сенюткин, имевший дело с переселением и беседовавший с ними, отмечал, что в качестве причины ему называли именно нехватку женщин[60]. Точной даты переселения установить не удалось. 25 июля и 11 августа 1860 г. наказной атаман уведомлял Войсковое правление, что из 115 семей, решивших уйти из России, 9 пожелали вернуться на Дон. Уже в первом из сообщений речь идет о свершившимся факте. Следовательно, эмиграция началась не позднее 25 июля. Оставшихся восстановили в рядах донского казачества, но станица была переименована в одноименный хутор[61], относящийся теперь к Средне-Новочеркасской станице[62]. Неясна судьба казаков из Дарьинского селения: к 1857 г. они были переселены на р. Крепкую и, очевидно, позже эмигрировали с остальными татарами.

Казачий хутор Татарский просуществовал до начала XX в. Ядро населения составили не пожелавшие переселиться в Турцию мусульмане. Некоторые возвращались: как, например, в 1863 г. – Арбин Алиев Курманаев и Велид Велидов Рамазанов, бывшие жители станицы, восстановленные в казачьих правах[63]. Но чаще к жителям хутора приписывали горцев. Например, 14 дек. 1863 г. – 6 человек[64]; в апреле 1865 был принят перебежчик «хакучинского племени» Ачмазух Хаху Ганус, а в мае того же года – 19 горцев «шапсугского племени»[65].

По данным переписи 1873 г. в Татарском проживало 108 человек (59 мужчин и 49 женщин), имелся 21 двор, а в 1897 г. по материалам Всеобщей переписи населения численность возросла до 112 человек (58 мужчин и 54 женщины), а число дворов – до 24[66]. В справочном издании «Очерки географии Всевеликого Войска Донского» (1919 г.) говорится о 32 дворах, а население определяется в 200 человек, «…да еще в разных местах набе-

---

[59] ГАРО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 70. Л. 3 об.

[60] *Сенюткин Н.* Донцы. Историко-биографические очерки. Новочеркасск, 1866. С. 202–203.

[61] ГАРО. Ф. 344. Оп. 4. Д. 98. Л. 42 об.

[62] ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 1082. Л. 155–156.

[63] Там же Л. 100, 155–156.

[64] Там же. Л. 147 об.

[65] ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 1159. Л. 36, 40–40 об., 51–52.

[66] *Черницын С. В.* Казаки-мусульмане: – этнодемографические процессы (2-я пол. XIX – нач. XX вв. // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2004 г. Дикаревские (11) чтения. Краснодар: РИЦ «Мир Кубани», 2004. С. 68–69, 71.

рется около 50 человек»[67]. В целом следует признать отсутствие к началу XX в. условий для значительного увеличения численности донских татар. Казаков-мусульман все-таки оставалось мало, сохранялся дисбаланс между мужским и женским населением, «внешнее» пополнение было недостаточным. Интересно, что попадавшие в данную группу горцы не оказали заметного влияния на ее язык и культуру. Есть основания говорить об ассимиляции уроженцев Кавказа более консолидированной тюрко-татарской частью. В справочнике за 1919 г. о казаках х. Татарского написано, что они «меж собою говорят по-татарски ногайским наречием»; отмечается, что «лицо их довольно красиво, умно и выразительно, но сохраняет чисто монгольский склад». В пользу сказанного свидетельствует и описание внешнего облика: «Одежду носят казачью, но голову бреют, носят тюбетейку (ермолку), сверху часто татарский кафтан. Женщины одеваются по-татарски, лица не закрывают, как и у кочевых ногайцев»[68].

К сожалению, сведения о традиционной культуре донских татар очень ограничены, что позволяет характеризовать процессы ее развития только в общих чертах. Тем не менее можно выделить основные тенденции этнокультурного развития этой группы. Еще в XVII в. донские татары явно отличались по вооружению, одежде, внешнему облику от донских казаков. Но под влиянием последних уже к концу XVII в. переходят к оседлости. Точные временные рамки этого процесса назвать сложно. Например, в уже упоминавшихся расспросных речах служилые люди Онуфрий Кожухов и Самойла Деревягин в апреле 1641 г. сообщали о дворах возле крепостной стены, в которых живут донские татары[69]. Но в других документах того же времени говорится, что «многие «черные мужики», переходя к казакам, «пришед *кочуют (*курсив мой. – *С. Ч.)* около Азова. Можно предположить, что оседлость старожильческой части сосуществовала с кочевой жизнью вновь прибывающих групп. Тем не менее уже в конце XVII – XVIII в. казаки-мусульмане живут в своей станице, имеют деревянные укрепления (Петровский раскат), жилища, мечеть.

Изображения домов неизвестны, но по материалам 1820–1821 гг. Татарская станица состояла из 152 домов «кои деревянны и весьма просты[70]. Некоторые жители владели каменными домами. О наличии хороших каменных домов у казаков-татар писал священник Г. Левитский, также каменные дома в станице Татарской можно увидеть на плане Черкасска за 1803 г.[71]

Интересны изменения в хозяйстве. Еще к началу XIX в. у донских татар преобладало скотоводство. Де-Романо отмечал, что главное их богатство в скоте, что они «не пользуются землей, а только пастбищами и сено-

---

[67] Очерки географии Всевеликого Войска Донского. Новочеркасск, 1919. С. 238.
[68] Там же.
[69] ДД. Кн. 2. СПб: РИБ, 1906. С. 125, 128.
[70] ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 355. Л. 40.
[71] План Черкасска с одними каменными домами // РГВИА. Ф. 134. Оп. 1. Д. 1188.

косом», а также занимаются извозом[72]. Последнее не случайно: в XVIII в. донские татары освобождались от военной службы, выполняя взамен подводную повинность.

Занимались они и торговлей. В Черкасске до переселения имелись их лавки. Священник Григорий Левитский в своем сочинении называл торговых татар, имевших лавки и каменные дома, выделяя среди прочих полковника Якуба Картаина[73]. Торговлей казаки-мусульмане будут заниматься и на новом месте. В сведениях за 1820–1821 гг. можно прочитать: «Замечания достойно, что многие из татар занимаются торгом и меною в ордах кочующих калмык и тем сыскивают себе нужное пропитание». Скот продавали иногородним[74]. Но в то же время сообщалось: «Промышленность их состоит в земледелии, скотоводстве и извозничестве». Сеяли пшеницу (урожай 1:1,5), ячмень (1:1,75), просо (1:23)[75]. Это примеры серьезных изменений в области культуры и быта.

В соционормативной культуре также произошли изменения: сформировалось самоуправление по казачьему образцу, появился институт атаманской власти; сложились казачья иерархия чинов (сотники, урядники и др.) и возрастное деление мужского населения (малолетки, служилые, отставные казаки). Современники в начале XX в. отмечали честность донских татар, надежность в службе и твердое осознание принадлежности к казачеству. В самосознании группы сочетались этническая тюрко-татарская и казачья самоидентификации.

Интегрированные в войсковые казачьи сообщества неславянские группы, аналогичные донским татарам и калмыкам, встречались в большинстве казачеств России, что следует учитывать при изучении различных аспектов их истории.

Дальнейшая судьба донских татар нам не известна. Не забудем, что донская земля пережила тяжелые годы Гражданской войны и социально-экономические потрясения, изменившие состав населения и его культуру. В этих условиях было трудно сохраниться малочисленной группе. Дальнейшие исследования могут дополнить и уточнить или пересмотреть изложенные здесь материалы.

---

[72] Черкасск и Войско Донское в 1802 году… С. 31.
[73] *Левитский Г.* Старочеркасск и его достопримечательности… С. 23.
[74] ГАРО. Ф. 46. Оп.1. Д. 355. Л. 40–40 об.
[75] Там же.

§ 2. Тюркский элемент в истории Уральского (Яицкого) казачьего войска

А. М. Дубовиков

Ногайские источники XVI в. часто называли яицких казаков «русскими людьми», например: «Поставили-де русские люди город на Кюш-Яике, и приходили к городу Хан-мирза, да Ярaслан-мирза с нагайскими людьми, и русские-де люди нагай побили, а у русских людей побитые есть же»[76]. Очевидно, ногайские мирзы подчеркивали не этническую принадлежность яицких казаков, а их подданство, что не совсем верно. Не совсем верно это и в этническом смысле. Русский фактор доминировал, но этнический состав войска был изначально неоднородным. Согласно одному из преданий, «заселились по Яику-реке вольные люди, собравшись: русские с Дону и из иных городов, а татары с Крыму и Кубани и из других магометанских народов»[77]. Согласно другим преданиям, в первой казачьей ватаге, осевшей на берегах Яика (которую якобы возглавлял некий Василий Гугня, бывший новгородский ушкуйник) поначалу был лишь один татарин, но после того как Гугня женился на татарке (видимо, ногайке), «с казаками соединилось много татар»[78]. Такие предания – не самый надежный источник, но никаких официальных данных на этот счет нет.

Самый ранний документ, содержащий персональные данные о яицких казаках, – челобитная Богдана Змеева, где указаны яицкие казаки, принявшие участие в Смоленской войне (1632–1634 гг.) Архив Уральского войска, где хранилась челобитная, исчез в период гражданской войны. Вероятно, он был уничтожен, но казак-краевед А. Б. Карпов (умер в 1911 г.) успел поместить челобитную в приложениях к своей книге[79]. В прозвищах казаков присутствовала почти вся Россия – Брянченин, Самарец, Путивлец… Ряд прозвищ свидетельствуют, что их обладатели были выходцами из других казачьих краев – Терской, Гребенской… Нерусские имена почти отсутствуют, но ряд прозвищ (Пермитин, Алатырец, Чебоксаренин, Курмышенин, Касимовец и т. п.) являются косвенными свидетельствами, что их обладатели не были русскими или славянами. Очевидно, в тот период механический прирост играл главную роль, а потому прозвища казаков обычно указывали на земли, выходцами из которых они были.

Живший в XVII в. хивинский хан Абулгази-Бахадур, рассказывая о нападении яицких казаков на владения его деда, хана Араб-Мухаммеда, называет их урусами, хотя утверждает, что они – крещеные и обрусевшие

---

[76] Самарский краевед. Самара, 1994. С. 269.

[77] *Рябинин А. Д.* Уральское казачье войско. Ч. 2. СПб., 1866. С. 65.

[78] *Пушкин А. С.* История Пугачева // Полн. собр. соч. А. С. Пушкина в 17 томах. М., 1995. С. 86–87.

[79] *Карпов А. Б.* Уральцы. Ч. 1. Уральск, 1911. Приложение № 1.

татары[80]. Э. Кемпфер и И.-Ю. Марций также считали казаков «народом турецкого происхождения», который в период разинщины уже «был христианским», «говорил и писал на русском языке». В те же годы им вторили и газеты. «Nordisher Mercurius», освещая события разинщины, писала: «Свыше ста тысяч татар захватили всю Астраханскую землю и ее столицу», называя восстание «татарским мятежом». «La Gazette» сообщала, что у Разина «среди прочих татар-казаков» есть офицеры[81]. Конечно, эти тексты нельзя считать объективными, ибо в ту пору многие европейцы нередко отождествляли татар и русских, но в отличие от русских, казаков параллельно не называли московитами.

Петр I запретил принимать в казаки всех, кто прибыл на Дон или на Яик после азовских походов. Запрет касался лишь российских подданных, а потому пополнение рядов казачества происходило, как правило, за счет «иноземцев» – преимущественно, калмыков и тюркоязычных выходцев из казахской степи и даже Средней Азии. С 1718 по 1724 гг. поручик Кротков и полковник Захаров провели две переписи Яицкого войска. А. Б. Карпов, исследовав итоги этих переписей, составил ряд таблиц, благодаря которым можно говорить о яицких казаках тех лет[82]. В подавляющем большинстве они помнили свои корни и социальные слои, из которых вышли они или их предки. Всего упомянуто 4536 мужчин, включая детей, стариков и покалеченных. Годными к службе признаны 3196. Татарами названы 70 человек, башкирами – 71. Четверо названы турками, 23 – черкесами, 57 – новокрещеными татарами. Калмыками названы 34, мордвой – 15. Имелись также 4 шведа, 2 немца, 17 волохов (молдаван или румын), 1 чухонец (финн или эстонец). Поляками (76 человек), возможно, были названы выходцы из Речи Посполитой, включая украинцев и белорусов. Таким образом, татары и башкиры составляли чуть более 3 % всего состава, а вместе с новокрещенами процент вырастет до 4,5. У некоторых указано лишь бывшее социальное положение. Так, 58 человек назвались «ясачными». В их числе могли быть и татары, и башкиры, и чуваши, так как русские ясак не платили. Бывших крестьян оказалось 2 913 (почти 2/3). Наверняка, в основной массе это были русские, но казаки нерусского происхождения могли быть и среди крестьян, как и среди посадских людей, бобылей, и даже дворян (коих оказалось 7 человек). Неизвестно происхождение казаков, пришедших из других казачьих войск, а таковых было 526 (около 12 %). Рожденных на Яике и не помнящих происхождение своих предков оказалось лишь

---

[80] *Абулгази-Бахадур*. Родословная история о татарах, переведенная на французский язык, с рукописной татарской книги сочинения Абулгачи-Баядур-хана, и дополненная мелким числом примечаний, достоверных и любопытственных о прямом нынешнем состоянии Северной Азии с потребными географическими ландкартами с французского на российский в Академии наук. Т. 2. СПб., 1768. С. 346–359.

[81] Иностранные известия о восстании Степана Разина. Л., 1975. С.117, 137–138, 166.

[82] *Карпов А. Б.* Уральцы. Ч. 1. Уральск, 1911. С. 892–895.

24 человека (0,5 %). Некоторые фамилии и прозвища были нехарактерны для славян (Абтун, Агай, Алаба, Баран, Бакай, Беркулак, Елдаш, Кабашка, Камай, Карга и т.п.). Например, «беркулак» в тюркских языках означает «одно ухо», «елдаш» – товарищ, «карга» – ворона и т. д. Таким образом, к концу правления Петра I среди яицких казаков было немало представителей тюркских народов, но указать точные цифры нельзя.

Вскоре после переписи Захарова активизировался наплыв на Яик калмыков[83], а чуть позже – «кизылбашей» (каракалпаков и туркмен), бежавших от вторжения Надир-шаха. Казаки, столкнувшиеся с беженцами, захватили богатые трофеи и пленников, но Анна Иоанновна своим указом от 10 июня 1734 г. удовлетворила прошение беженцев о российском подданстве, велела освободить их и вернуть им их имущество. Астраханский губернатор В. Н. Татищев, в чьем ведении тогда находилось Яицкое войско, предложил создать беженцам условия для оседлого проживания. Часть их была принята казаками в свои ряды и осталась на Яике. П.-С. Паллас, посетив Яицкий городок в 1769 г., отметил, что среди казаков немало «некрещеных татар и кизельбашей»[84]. В середине XVIII в. начались запреты на прием в казачество любых «новопришлых», включая «иноземцев». Так, в 1754 г. оренбургский губернатор И. И. Неплюев (в чье ведение перешло войско) объявил, что стать казаками могут лишь «тутошних казаков дети»[85].

Переписи Яицкого войска 1765 и 1772 гг. проходили в «смутный» период, апогеем которого стало январское (1772 г.) казачье восстание, подавленное генералом Фрейманом летом того же года. За 7 лет мало что изменилось, если не считать сокращения числа калмыков вследствие их бегства из России ввиду несогласия с политикой официальных властей. В отличие от прежних переписей, казаки уже не указывали свое происхождение, ибо механический прирост завершился, дети и внуки новокрещенов обрусели. Этнические различия можно определить лишь по именам. Татарами называли всех мусульман, и у них долго не было фамилий (Асанов или Аминов – не фамилии, а отчества). Имена мусульман, как правило, указывались в упрощенной форме: Абдулкарим становился «Аптакаримом», а затем «Аптышем» или «Апкешем», Уразахмет – «Уразметом», затем «Ураем».

Согласно переписи 1765 г., среди представителей войсковой верхушки был лишь один татарин – Мавлекей Ицмагулов, главный войсковой толмач. Среди казаков, служивших «при городе», тюрко-мусульманские имена имели все казаки 3-й сотни, включая ее командира, Сапара Ахметева. В последней, 32-й сотне Василия Пузаткина, такие имена имели два десятка казаков –

---

[83] *Витевский В. Н.* Уральское войско до появления Пугачева // Русский архив. 1879. № 1. С. 30.

[84] *Паллас П.-С.* Путешествия по различным провинциям российской империи. Ч. 1. СПб., 1809. С. 412.

[85] *Рознер И. Г.* Социально-экономические отношения на Яике накануне крестьянской войны под руководством Пугачева // Научные записки Киевского финансово-экономического института. Киев, 1959. С. 270.

Амин Караганов, Абдулла Мемеков, Камбар, Кунмурза, Халил, Сатбай и Абдулла Асановы и др. В линейных укреплениях доля татар также была невелика, хотя кое-где все же значительной. Вот данные о казаках-татарах (мужчинах всех возрастов): Тополиная крепость – 1 из 112 казаков. Баксаевская – 2 из 108. Сарайчиковская – 2 из 128. Кулагинская – 4 из 141. Сахарная – 6 из 145. Калмыковская – 24 из 146. Индерская – 24 из 130. Гурьев-городок – 45 из 139. Среди командиров линейных укреплений татар не было. Толмачами могли быть как татары, так и русские: в Гурьеве и Сахарной толмачами были казаки Мухамет Мульмин и Джуман Щербюкеев, но в Тополиной и Сарайчиковской – русские: Михайла Абушин и Иван Ларшин (возможно, крещеные татары). Татары присутствовали и среди казаков двух отдельных станиц – Илецкой и Сакмарской. В одной насчитывалось 85 татар из 898 «душ мужского пола», в другой – 52 из 617[86].

Некоторые из лиц, указанных в этих списках, вскоре стали активными участниками пугачевщины. Казак Индерской крепости Абдулкарим Тангаев, фигурировавший в документах как «Аптыш Тангаев», – активный участник восстания 1772 г., после подавления которого скрылся, а с началом пугачевщины примкнул к восставшим. Весной 1774 г., после очередного поражения, он пытался укрыться в казахской степи, но был выдан Нуралиханом и казнен в Яицком городке. Видным участником восстания был и Барын Мустаев, бывший десятник, одним из первых примкнувший к Пугачеву, избранный повстанцами хорунжим и погибший под Оренбургом. Среди двух десятков казаков, встретивших на Яике Пугачева первыми и предложившими ему идею самозванства, были казаки Аманов, Баймеков и Идеркеев. Уразгельды Аманов вскоре был арестован командой Ивана Акутина (впоследствии – войскового атамана) при попытке доставить Нуралихану письмо от «государя» (Пугачева). Через год он был прощен. Он был не татарин, а «кизельбаш», казак в первом поколении, но все называли его татарином («оной татарин туда не доехал, а был пойман» – записано следственных документах[87]). Идеркей Баймеков («Идорка») примкнул к Пугачеву вместе с сыном Балтаем, который стал толмачом в «военной коллегии» самозванца, где составлял манифесты для тюркских народов с призывами к восстанию. Это им было написано письмо для Нурали, которое не доставил Аманов: «Идорка сказал: у меня напишет сын мой, Болтай, и Емелька сказал: ну, хорошо, вели ж сыну-то хорошенько написать». Следующим, кто попытался доставить «государево послание», стал «Мулла» (Забир Карамуллин): «Как письмо в такой силе, яко от Государя написано было идоркиным же сыном и отдано Мулле, то он и поехал»[88]. После пленения под Сакмарским городком Балтай был осужден и определен солда-

[86] РГВИА. Ф. 653. Оп. 1. Д. 1. Л. 11, 46–57, 515–525, 574–575, 616, 635, 642, 667–675.
[87] РГАДА. Ф. 6. Д. 512. Л. 120.
[88] РГАДА. Ф. 6. Д. 512. Л. 121, 286–286 об.

том в Архангельск[89]. Хотя некоторые казаки-татары занимали важные посты в руководстве восстанием, общее их число среди повстанцев было незначительно. Среди двух сотен яицких казаков, содержавшихся весной 1775 г. в тюрьмах Оренбурга и Казани, было лишь 9 казаков-татар (Сапар Булатов, Акберды Даутов, Тюлай Исмаилов, Нияз Надыров, Арсай Искаев, Мавлекей Намжалов, Ежудай Смаилов, Сююндук Тангаев и Кумай Тепенеев). Еще трое, проходившие по делу как яицкие казаки, стали казаками уже в ходе восстания, ранее таковыми не являясь (Бикмурат Ниязов, Урманай Чюлдашин, Кучюк Чжажеев)[90]. Также фамилии некоторых казаков косвенно могут свидетельствовать об их неславянских корнях – Иван Абышев, Борис Кабашев, Дмитрий Арыков и др.

В XIX – начале XX в. доля казаков-мусульман в Уральском войске оставалась стабильной. Что касается офицеров, урядников и войсковых чиновников, то, по данным на 1813 г., среди семи полковников и подполковников мусульман не было, среди семи войсковых старшин (чин приравнивался к майору) был один – Узбек Тюняев. Не было татар ни среди есаулов, ни среди казаков, имевших «регулярные» чины, – поручиков и майоров. Среди 104 сотников и хорунжих их было трое – Шамай Тангаев, Абыш Ураев и Искендер Тангатаров. Среди урядников их было четверо из 128: Ахмет Хаметьев, Искендер Чубеков, Утяп Юсупов и Апкеш Утяпов[91]. Оренбургский («Неплюевский») кадетский корпус, открытый при Николае I, стал главным учебным заведением, готовившим офицеров Уральского войска. Как правило, там учились дети казачьих офицеров и чиновников, имевших дворянство. Среди них были и мусульмане: одним из 4 уральских казаков, получивших чин хорунжего в 1867 г., был Ахмедфазыл Акиров[92].

Согласно порядку прохождения службы, введенному в 1870-е гг., уральцы содержали в разных частях империи (Средняя Азия, Польша, Украина) 3 полка, имея в резерве шесть льготных полков. В 1891 г., по случаю официального юбилея (300-летия служения России), в столице войска прошел парад, на котором присутствовал наследник-цесаревич Николай Александрович. В параде участвовали все льготные полки. Шесть их командиров имели русские фамилии, а из 32 сотенных командиров татарские фамилии носили двое – Искаков и Нуралин (командиры 5-й сотни 5-го полка и 3-й сотни 6-го полка)[93]. Эти фамилии часто фигурируют в документах конца XIX – начала XX в., в которых речь идет о казаках-дворянах из татар. Например, есаул Будай Шарафович Нуралин упоминался как начальник рыбопошлинной конторы, а подъесаул Мурза-Ахмет Искаков как переводчик

---

[89] Емельян Пугачев на следствии: сборник документов и материалов. М., 1997. С. 272.
[90] ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 145. Л. 68–70.
[91] РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 3092. Л. 5, 57, 61, 73, 76, 81, 89.
[92] Уральские войсковые ведомости (газета, г. Уральск). 1867, № 38.
[93] Казачий вестник (газета, г. Уральск). 1991, № 4.

областного штаба, затем – сотник 3-го Уральского казачьего полка, а еще позже – как начальник казачьей команды Уильского укрепления[94].

В 1832 г. военное ведомство включило в состав Уральского войска башкирский отдел. Пополнять Уральское войско без согласия казачьей общины было невозможно. Община наотрез отказалась принять чужаков в свои ряды и делить с ними угодья. Поначалу башкиры, причисленные к Уральскому войску, разместились на войсковой территории, в районе Узеней, где возвели мечеть, но войсковой атаман Давыд Бородин «велел сказать башкирцам, чтобы они убирались восвояси, но когда они не послушались, он прогнал их вооруженной силой». Пришлось расселить отдел вне войсковых границ, в районе рек Иргиз и Камелик. Казаки-башкиры, включенные в Уральское войско, не использовались как боевая единица, выполняя лишь хозяйственные функции и изредка неся подводную и почтовую повинности. «Днем работают, чистят канавы, устилают улицы. Вечером – пир горой: разводят огни, варят мясо, салму, пьют айрян, иногда водку, поют, играют на чебызге (курае) и гармони», – писал Железнов, не раз посещавший башкир и их отдел по долгу службы[95]. Окончательно потеряв надежду интегрировать башкир в Уральское войско, в 1865 г. власти упразднили отдел.

В 1860 г. в семьях казаков-мусульман (без башкирского отдела) родился 171 ребенок из 3 002 детей, рожденных в казачьих семьях (5,7 % новорожденных). Более половины из них родилось в Илецкой станице (92 из 520, 18 %). В Чижинской дистанции в семьях казаков-мусульман появились на свет 23 % новорожденных. На остальной территории их доля была мала: от 0,5 % на средней дистанции до 2,5 % в 3-м округе[96].

В 1862 г. среди 81 998 казаков было: русских – 70 331 (86 %), башкир – 6 095 (7 %), татар – 4 168 (5%), калмыков – 1 184 (1,4 %), все остальные – менее 1 %. В 1876 г. (после ухода башкир) доля русских составила 93 %, татар – 5,5 % калмыков – 1,5 %. Прочие (в основном – каракалпаки) по выражению Н. А. Бородина, «обрусели окончательно»[97].

До 1860-х гг. иногородних в войске почти не было, но в эпоху либеральных реформ картина стала меняться. За счет иногородних росла и мусульманская община. По данным 1885 г., в Уральске проживали 279 татар-казаков и 1 600 татар иных сословий. В Гурьеве – 38 и 372, в Илецке – 42 и 818. В станицах картина была иной. В Уральском отделе татар-казаков насчитывалось примерно 3 тысячи, а прочих татар – примерно 1,2. В Калмыковском отделе в казачью общину входили около 2 тысяч татар, не входили около пятисот человек. Среди 10 079 живших в войске татар казаками

---

[94] Уральские войсковые ведомости (газета, г. Уральск). 1882, № 48; Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1898 год. Саратов, 1898. С. 159.

[95] *Железнов И. И.* Уральцы: очерки быта уральских казаков. СПб., 1910. С. 229, 230.

[96] *Рябинин А. Д.* Уральское казачье войско. Ч. 2. СПб., 1866. Приложение № 42.

[97] *Бородин Н. А.* Уральское казачье войско. Уральск, 1891. С. 139; *Рябинин А. Д.* Уральское казачье войско. Ч. 1. С. 331.

были 5 378, иногородними – 4 701. Всего же среди казаков русских было 93 658 (93,7 %), татар – 5 378 (5,4 %), калмыков – 934 (0,9 %). В 1897 г. в войске проживали 114 166 лиц казачьего сословия: русских – 106 688 (93,5 %), татар – 6 304 (5,5 %), калмыков – 963 (0,8 %). Остальные (7 национальностей) – менее 0,2 % (либо это были казаки в первом поколении, либо дело в том, что в анкетах стали указывать родной язык)[98].

В войске имелись как полностью, так и частично нерусские казачьи селения. Судить о населении можно по документам, связанным с призывом на службу или увольнением. В конце 1893 г. в разряд внутренне-служащих переводились 5 казаков Озерного поселка Илецкой станицы, татары (Гафьятулла Гайнутваров, Шайхутдин Назметдинов, Шайхатдин Шаяров, Шайхаттар и Сахаутдин Шагизьяновы). Такая же картина оказалась и в Мухорском поселке Глиненской станицы – все пятеро татары: Рахматулла Аиткуллов, Абдулвагап Балыков, Мустай Искендеров, Давлет-Галий Нигаев, Гусман Сюндюков. В Мустаевском поселке Мустаевской станицы также все оказались татарами. В другом поселке той станицы население было смешанным; в приказе указаны Гариф Зарифов и Кузьма Дубовсков. В Мухрановском поселке Студеновской станицы население также было смешанным – во внутренний разряд переводились 7 татар и 11 русских, в Кушумском поселке (3-й округ) – 5 татар и 6 русских[99].

В ряде станиц (Илецкой, Мустаевской, Студеновской и др.) имелись мечети, а в Уральске, Илецке и Сламихинской мусульманские общины возглавляли ахуны (в 1900 г. это Абдулсалих Ишкулов, Абдулгаллям Давлетшин и Губайдулла Галькиев)[100].

Противостояний или конфликтов на этно-конфессиональной почве между казаками Уральского войска не случалось. Татары и калмыки стремились сохранять свою веру и свои традиции, часто проживали в отдельных селениях или в отдельных частях одного селения, старались избегать смешанных браков, но между представителями разных этнических общин поддерживались уважительные отношения, а принадлежность единой общине и совместное прохождение воинской службы сплачивали их.

Казаки-мусульмане участвовали в войнах с турками, в среднеазиатских кампаниях и в подавлении волнений в казахской степи наравне с русскими. Вот типичные послужные списки: Шамай Тангаев с 1808 по 1811 гг. «в молдавской армии противу турок в неоднократных сражениях был». Ахмет Хаметьев в 1804 г. служил «в киргизской степи», а в 1811 г. – «в Молдавии противу турок». «В многократных сражениях противу турок» был в 1807–1811 гг. и Апкеш Утяпов. Искендер Чубеков и Утяп Юсупов также были известны тем, что «были в азиатской степе» и «в резервных

---

[98] *Бородин Н. А.* Уральское казачье войско. С. 139; Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Т.88. СПб., 1904. С. 116–117.

[99] РГВИА. Ф. 653. Оп. 1, Д. 2. Л. 213–222.

[100] Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1900 год. Уральск, 1900. С. 325.

командах за Уралом»[101]. За бои с бухарцами (весна 1866 г.) сотник Курбан Баукаев был награжден орденом Св. Станислава, а чуть позже, служа при Туркестанском военном губернаторе – орденом Св. Анны. В 1880 г. он вышел в отставку в чине казачьего подполковника «с пенсионом полного оклада». Знак отличия военного ордена «за дело с бухарцами» получил казак Бухар Хусаинов[102]. В сотне есаула Серова, проявившей чудеса героизма в бою с войском кокандского правителя Алимкула (декабрь 1864 г.) был казак Насыр Фаткуллин, честно выполнивший воинский долг и умерший от ран. В ахалтекинской кампании (1880/1881 гг.) потери уральцев были невелики: офицер и 3 нижних чина. Еще трое позже умерли от ран[103]. Один из них, Джалдыбаков, с гордостью признался, что в его роду все уклонялись от службы, но он отслужил за них сполна, получив «Георгия»[104].

Яицкие (уральские) казаки по праву считались лучшими знатоками тюркских народов, по сравнению с казаками других войск. Тому были объективные причины. Проживая веками в окружении кочевников (ногайцев, казахов и др.), он обрели богатый опыт контактов с соседями. К сожалению, контакты чаще были негативные, особенно с казахами. С одной стороны, имели место товарообмен и охрана высшей казахской знати, принявшей российское подданство. С другой стороны, частые столкновения, нередко кровавые. Долгое время казаки жили в постоянной опасности, зная, что нападения можно ожидать в любой момент, а потому нужно всегда быть готовыми к нему. Как правило, набеги на казачьи селения сопровождались угоном скота и захватом пленников, что у кочевников было обычным занятием. В ответ казаки организовали преследования. Если догнать обидчиков не удавалось, казаки часто срывали гнев на их соплеменниках, не имевших к набегу никакого отношения. Иногда казаки, увлекшись преследованием малыми силами, сами попадали в засаду, из которой уже не возвращались. Конфликтов такого рода история войска знает тысячи. Но негативный опыт не меньше позитивного способствовал знакомству казаков с языком и традициями соседей. Любой выезд в казахскую степь требовал, по крайней мере, умения общаться с жителями аулов, среди которых русским языком в те времена еще никто не владел.

Уральские казаки хорошо знали не только казахскую степь и ее обитателей, но и многие регионы Средней Азии. Еще в 1603 г. они (тогда еще – «яицкие») совершили первый, известный нам, поход на Хиву (хотя и неудачный). Вскоре последовал очередной неудачный поход. Неудачным оказался и известный поход князя Черкасского 1717 г., в котором 1,5 тыс. яицких казаков составили костяк 6-тысячного отряда. Причиной этих не-

---

[101] РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 3092. Л. 53, 73, 76, 81, 89, 98.

[102] Уральские войсковые ведомости. 1867, № 6, 18; 1880, № 2.

[103] *Хорошхин М. П.* Геройский подвиг уральцев. Дело под Иканом 4, 5 и 6 декабря 1864 года. Уральск, 1889. С. 48.

[104] *Гуляев А. Л.* Поход на Амударью и Текинский оазис уральских казаков в 1880–1881 годах. Уральск, 1882. С. 71.

удач были не боевые качества, а переоценка своих возможностей, явное неравенство сил и коварство противника. В первой половине XIX в. они (теперь уже – «уральские») вновь привлекались к активным действиям в казахской степи и к подготовке будущих среднеазиатских кампаний. В 1825 г. они составили большинство в двухтысячном отряде полковника Берга, высланного для рекогносцировки местности и наказания мятежного рода адай. Похожие функции они не раз выполняли и в 1830-е годы. «Уральские казаки до сего дня – суть единственное войско в Оренбургском крае, которое по мужеству, храбрости и предприимчивому духу употреблялось с большими выгодами в степных экспедициях», – писал оренбургский военный губернатор П. П. Сухтелен в 1832 году[105]. В новой попытке покорения Хивы, предпринятой под командованием оренбургского военного губернатора Перовского (1839–1840 гг.), уральские казаки снова приняли активное участие. Высоко оценивая их боевые качества, Перовский заслуженно ставил их на первое место, именно им поручая наиболее ответственные задания. Спустя 13 лет уральцы достойно проявили себя при взятии кокандской крепости Ак-Мечеть, но начавшаяся Крымская война заставила приостановить активные действия в регионе.

Создание широкой сети степных укреплений началось во второй трети XIX в. На берегах Тургая, Сырдарьи, Арала, на Мангышлаке команды уральских казаков несли службу в основанных там укреплениях. Следующим шагом стали среднеазиатские кампании, начавшиеся в 1860-е годы. Первой крепостью, взятой русскими (при активном участии уральских казаков) стал Туркестан. Потом были Ташкент и Ходжент, Джизак и Ура-Тюбе, Зеравшан и Шахрисаб, Наманган и Андижан, Махрам и Бухара, Хива и Коканд, Янги-арык и Геок-тепе. Практически во всех сражениях казаки-уральцы принимали участие. В отличие от солдат, они легко налаживали контакты с местным населением, зная его языки и обычаи, умели легко получать нужную информацию, а также торговаться, покупая товары намного дешевле, чем солдаты.

Яркий пример уральского казака-офицера – Александр Хорошхин, – после взятия Хивы некоторое время входивший в состав ханского «дивана», наряду с двумя русскими, тремя хивинцами и одним бухарцем. Среди русских он был единственным, кто владел языком хивинцев, а потому много общался с ханом, ибо ни хан, ни его свита не знали русского языка. Довольно теплые отношения сложились у Хорошхина с Атаджаном, братом хана, который на прощанье подарил ему старинные книги о тюркских династиях. Он показал себя не только хорошим офицером, но и отличным знатоком языков, культуры и традиций Востока. В своем «Сборнике статей, касающихся до Туркестанского края», он поместил десятки интересных очерков, затронув различные аспекты, описав население ханства (чаудуры, юмуты,

---

[105] *Мякушин Н. Г.* Секретная экспедиция уральских казаков. Уральск, 1903. С. 31–32.

карадашли, имрали, теке и др.) и его быт. Он отметил, что местный говор похож не на узбекский, а на «адербеджанский» (зная и тот и другой)[106].

В повседневном быту уральского (яицкого) казачества всегда присутствовал пласт элементов, заимствованных у тюркских народов. Говор уральских казаков отличался обилием тюркизмов[107]: «пайда» (польза), «кунак»/«тамыр» (приятель из «инородцев»), «ясырь» (пленник, невольник), «аманат» (заложник), «алырник» (лентяй), «айналып» (обходной путь), «аир» (вилы или двугорбый верблюд), «айбалта» (топор или чекан), «салпан» (ухо), «шабер» (сосед), «шакма» (тропинка), «мухор» (обрыв), «сулей» (сосуд для воды, в тюркских языках «су» – вода), «кубелек» или «келебек» (один из аксессуаров одежды, в тюркских языках буквально означает бабочку), «балайка» (мальчик-казах, ребенок по-казахски – «бала»), «хабар» (новость, известие) и др. Имелись прилагательные и глаголы, производные от них: «дуван дуванить» (делить трофеи), «ашать» (есть, от «аш» – пища). Белоэмигрант Хагондоков, в период «восстания боксеров» служивший на КВЖД в качестве командира уральской казачьей сотни, отмечал, что иногда они, секретничая, переходили на тюркский язык (который он назвал «киргизским», т. е. казахским). По этому поводу казак-белоэмигрант Л. Л. Масянов с иронией отметил, что это «их французский»[108].

Много общего можно найти в кухне казаков и их тюркских соседей. Особенно это касается кисломолочных продуктов. В рационе питания казаков всегда присутствовали: «арян» (айран), «ремчук» (у татар – эремчэк), «крут» (сушеный творог, у казахов – «курт»), «каймак» (сметана) и т. п.[109] Употреблялись также кумыс и шубат (кислое кобылье и верблюжье молоко). Многие привычные для русских продукты питания носили у казаков нерусские названия – «щерба» (суп), «салма» (лапша), «буза» (сладковатый напиток, готовившийся на основе проса) и т. д. Перед уходом в поход или на рыболовный промысел из остатков муки готовили «саламат» (в тюркских языках это приветствие). Для быстрой засолки рыбы использовали кипящий соляной раствор – «тузлук» («туз» в тюркских языках – соль). Были и блюда, имевшиеся лишь у уральских казаков и ни у кого более в России. Например, былмынджда (студень из сливок и жидкости плавательного пузыря осетра), джурьма (солоноватый молочный суп с тестом) и др. Некоторые слова сочетали в себе как тюркские, так и русские корни. Чем-то вроде медовухи было «балваришно пиво», название происходило от тюркского «бал» (мед) и русского «варить». «Бекмесом» казаки называ-

---

[106] *Хорошхин А. П.* Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. СПб., 1876. С. 473–483.

[107] *Карпов А. Б.* Сборник слов и выражений, употребляемых уральскими казаками. Уральск, 1913; *Малеча Н. М.* Словарь говоров уральских (яицких) казаков. Т. 1–4. Оренбург, 2002–2003.

[108] Казачий круг (альманах). Спецвыпуск. № 1. Ч. 1. 1992. С. 16, 21.

[109] *Савичев Н. Ф.* Картины из быта Уральских казаков // Иллюстрированная газета. 1867. № 7.

ли искусственный мед из сахаристых арбузов[110]. Присутствовали и «баурсаки» (обжаренные кусочки теста, традиционное казахское и башкирское блюдо). Тюркское слово «калач» (по-татарски – «кэлеч») давно присутствует в русском языке, но уральские казаки называли так любой белый хлеб, тогда как «хлебом» называли только черный[111]. Лепешки, испеченные на сковороде, часто называли «таба» (в тюркских языках – сковорода).

Ввиду дефицита леса (строительная древесина была привозной и стоила дорого) деревянные дома (курени) имелись, как правило, лишь у зажиточных казаков. Остальные проживали в глинобитных домах, которые назывались не глинобитными, а «саманными» («саман» – глиняно-соломенная смесь для изготовления крупных кирпичей)[112].

Много заимствованных слов было связано с животноводством: «джайляу» (выпас скота), «джебага» (стрижка овец), «джибузлак» (вертячка, овечья болезнь), «аусыл» (ящур), «баспак» (теленок), «байтал» (кобыла-трехлетка), «буйтак» (крупный баран) и др.[113]

В области рыболовства казаки также использовали немало тюркских слов. Рыбак, выходивший на «багрение» (местный вид зимнего промысла) назывался «баграчей», а не «багренник» или «багорщик»[114]. Тюркский аффикс «чей» («чи», «шы») означает принадлежность к какому-либо роду занятий. Часть осетровых рыб, заходя в Урал из Каспия, зимовала там, залегая на спячку в почти неподвижном состоянии. Место «спячки», разведанное до появления льда, называлось «ятовь» (видимо, от тюркских слов «яттак», «ятау» – лежбище). С появлением твердого льда начиналось «разбагривание ятовей». «Ахан» – это особая рыболовная сеть для зимнего каспийского лова. В ряде тюркских языков «яхан» означает межу, межевание. При «аханном лове» казаки также межевали рубежи артелей, уходя далеко от берега по льду Каспия. Артель устанавливала на льду нечто вроде юрты – «кошар», огороженный стенами из кошмы, называемыми «курами». В сезонных казачьих рыболовствах участвовали и казахи, но только на правах наемных работников. Особенно много «работников» было на «аханах» (в 1858 г. в аханном лове участвовали 236 казаков и 653 казаха). В других видах лова доля казахов была скромнее, но все же оставалась значительной: «курхай» (другой вид лова на Каспии) – 2 229 казаков и 438 казахов, «багренье» –

---

[110] *Малеча Н. М.* Словарь говоров уральских (яицких) казаков. Т.2. С. 117.

[111] *Карпов А. Б.* Сборник слов и выражений… С. 17.

[112] *Сагнаева С. К.* Традиционное сельское жилище уральских казаков (конец XIX – начало XX века) // Уральску – 375 лет. История и историческое краеведение. Уральск, 1988. С. 55–56.

[113] *Малеча Н. М.* Словарь говоров уральских (яицких) казаков. Т. 1. С. 75, 91, 105, 175, 407.

[114] *Карпов А. Б.* Сборник слов и выражений. С. 3; *Малеча Н. М.* Словарь говоров уральских (яицких) казаков. Т. 1. С. 83, 85, 424; Т. 4, С. 459.

6 150 казаков и 450 казахов, «осенняя плавня» (проводилась по Уралу на особых лодках – «бударках») – 7 862 казака и 562 казаха и т. п.[115]

Тюркские названия имели и многие элементы казачьей одежды. Бешметом сначала называли рубахи традиционного кроя, позже – длинную верхнюю одежду (другое название – «татарки»). Они были как форменной (в 1889–1907 гг.[116]), так и обычной одеждой. Привычной повседневной одеждой также были халаты[117]. Те, что приобретались у купцов, торговавших со Средней Азией, были пестрыми и назывались «бухарскими»[118]. Другой тип халата называли «чекмень». Тюркские названия имели и многие виды зимней одежды – «яргак», «азям» и др. Видами обуви были «ичиги» (сапоги из мягкой кожи), «чувеки» и т. п. «Теньгами» называли портянки, «байбаками» – теплые носки, позже – валенки[119]. Веревку для нательного креста или иконки называли «гайтан». Зимняя шапка-треух называлась «ялкас», но позже предпочтение отдавалось папахе. Папахи уральских казаков имели малиновый верх[120], который первоначально свисал и назывался «тумак».

Таким образом, несмотря на сложные отношения яицких (уральских) казаков с тюркоязычными соседями, их культура заимствовала и адаптировала многие элементы традиционной культуры и повседневного быта тюркских народов.

§ 3. Татары-казаки в составе Оренбургского казачьего войска

Р. Р. Аминов, Е. В. Годовова,
И. К. Загидуллин, Н. А. Халиков

Становление и развитие Оренбургского казачьего войска (ОКВ)

Восточная политика Российской империи со второй трети XVIII в. была подчинена осуществлению плана Петра I, появившегося после успешного завершения Северной войны, а именно превращению Приуралья в плацдарм для присоединения к Российской империи Казахстана и Средней Азии. Активизация внешнеполитической деятельности правительства на юго-востоке страны последовала вслед за подписанием в 1731 г. с ханом Малого жуза договора о переходе казахов в российское подданство. Оперативно был разработан план проникновения и закрепления российского

[115] *Рябинин А. Д.* Уральское казачье войско. Ч.2. СПб., 1866. Приложение № 40.
[116] Приказы по военному ведомству. СПб., 1890. № 35.
[117] *Малеча Н. М.* Словарь говоров уральских (яицких) казаков. Т. 4. С. 369.
[118] Уральские войсковые ведомости. 1867. №1, 2. С. 34; *Данилевский К. В., Рудницкий Е. В.* Урало-Каспийский край. Уральск, 1927. С. 189.
[119] *Малеча Н. М.* Словарь говоров уральских (яицких) казаков. Т. 1. С. 91.
[120] *Н-ъ.* Заметки о народном быте и одежде уральских казаков. Б/м, 1866. С. 7.

влияния в степи[121]. В соответствии с этими планами учреждается в 1734 г. Оренбургская экспедиция, преобразованная затем в Оренбургскую комиссию (1737–1744). В 1736–1755 гг. возникает система укреплений – Оренбургская пограничная военная линия. Поначалу новопостроенные укрепления заселяли гарнизонными полками. Но ожидания правительства сделать их содержание дешевыми путем заведения хлебопашества не оправдались, и власть пошла на создание нового нерегулярного войска – Оренбургского.

Необходимость организации охраны в течение года пограничной линии обусловили структурирование иррегулярных частей вдоль границы. Начало им положили переведенные на Оренбургскую линию уфимские городовые, самарские, исетские и в меньшей степени уральские казаки, среди которых были и татары-мусульмане. Потомки этих подгрупп казаков в конце XIX в. комплектовали 3/4 состава ОКВ, и всего лишь 1/4 составляли всевозможные приписные лица[122]. Таким образом, группы татар оказались в составе войска на этапе его становления, придав ему смешанные христиано-мусульманские и славяно-тюркские очертания. Последующая история развития ОКВ свидетельствует о нем как о самом многонациональном и поликонфессиональном казачьем войске в империи[123].

Следующим этапом становления войска явилось преобразование их в 1748 г. в Оренбургский нерегулярный корпус. Тогда же была учреждена должность войскового атамана и устроена Войсковая изба, в которой сосредоточилось внутреннее управление корпусом, подчинявшимся непосредственно Оренбургскому военному губернатору[124].

На рубеже XVIII–XIX вв. в целях повышения боеспособности русской армии правительство приступило к частичному реформированию казачьих войск. В 1798 г. была проведена территориальная организация ОКВ, и разбросанные прежде по обширной территории казачьи общины были сведены в кантоны – 11 башкирских и 5 мещерякских, 5 кантонов

---

[121] *Загидуллин И. К.* Мусульманское богослужение в учреждениях Российской империи (Европейская часть России и Сибирь). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2006. С. 110–111.

[122] Общее понятие об истории Оренбургского казачьего войска с приложением схемы и ведомости знакам отличий, высочайше пожалованным строевым частям Оренбургского казачьего войска. По М. И. Иванину, Ф. Старикову, П. Пастухову. Казань: Типо-литогр. окружного штаба, 1911. С. 5.

[123] В 1865 г. в Оренбургском войске проживало 87 % русских, 4,7 % татар, 2,1 % нагайбаков, 1,9 % мордвы, 1,7 % башкир, 1,3 % калмыков, 1,2 % ногайцев, 0,2 % чувашей, 0,04 % поляков и 0,02 % бухарцев. В конфессиональном плане войско делилось на православных (89 %), мусульман (7,9 %), раскольников (2,9 %), язычников (0,08 %), католиков (0,04 %) (*Годовова Е. В.* Оренбургское казачье войско в 1798–1865 годах. Самара: Изд-во «Универс групп», 2007. С. 130, 131).

[124] *Савельев Е.* Племенной и общественный состав казачества (исторические наброски) // Донские областные ведомости. № 160. 24.07.1913.

оренбургских и 2 кантона уральских казаков[125]. Определялись кантонные правления, в состав которых входили начальники кантонов, назначавшиеся из казачьих офицеров и имевшие армейские чины, два заседателя (один занимался военными вопросами, второй – хозяйственными), писарь и два порученца из зауряд-чиновников. На начальников кантонных правлений возлагались и обязанности наблюдения за хозяйственной деятельностью казаков, контроль за распределением земли, пастбищ, обеспечения безопасности при проведении полевых работ.

В 1803 году было принято «Положение», согласно которому в Оренбургском казачьем войске учреждалась Войсковая канцелярия, основные расходы на содержание которой возлагались на войско[126]. Вместо нерегулярного корпуса был создан Оренбургский непременный (т. е. постоянного состава) казачий полк с местом постоянной дислокации в г. Оренбурге, а также был определен его штатный состав и установлено жалование.

В конце XVIII – начале XIX века все регулярные полки с полевой артиллерией перевели из Оренбургского края на западную границу империи. В связи с этим 19 августа 1804 г. были утверждены правила об устройстве Оренбургской пограничной линии[127]. Согласно этим правилам, казаков, живущих в городах и крепостях внутри края и на Самарской линии, было решено перевести на Оренбургскую линию, поселив их между Звериноголовской крепостью и городом Оренбург.

В 1835 г. начала создаваться Новая укрепленная линия, проходившая между Орской, Верхнеуральской и Троицкой крепостями, вдоль которой были поселены казаки.

Помимо линейной службы, с 1853 г. начинается постоянная служба ОКВ в Туркестанском крае, а в 1870-е гг. власти используют казаков во внешнеполитических целях в Средней Азии, эта повинность для них стала основной после отмены в 1876 г. кордонной службы.

Неотъемлемой частью военной службы казаков также являлось участие в военных кампаниях империи.

Расселение и динамика численности татар-казаков

Строительством Оренбургской пограничной военной линии занимались наряду с казаками русские крестьяне, башкиры, тептяри, бобыли и ссыльные. Перечисленные социальные и этнические группы в разной степени имели отношение к становлению ОКВ, так как несли повинность по охране границы из-за проживания на территории округа. Например, в 1735 году во время Башкирского восстания отличились нагайбаки (крещеные татары), принявшие активное участие в его подавлении. В благодарность

---

[125] ПСЗ–1. 1798. № 18477; Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. 4. Оренбург, 1905. С. 82.

[126] *Абрамовский А. П., Кобзов В. С.* Оренбургское казачье войско в трех веках. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1999. С. 60.

[127] ГАОО. Ф. 6. Оп. 7. Д. 22. Л. 1–4.

именным указом с них был снят ясак, и нагайбаки были определены на службу в казачьи войска. В 1736 г. они были переселены в крепость Нагайбак и в ее округу[128]. Всего к 1754 г. в ОКВ насчитывалось 18 поселений татар-казаков, в 6 из которых проживали мусульмане, в 12 – нагайбаки[129].

Одновременно правительство стремилось координировать и миграционные потоки в регионе. Так, в 1744–1745 гг. около 1,5 тыс. кундровских и салтанаульских ногайцев, проживавших под Астраханью, были переселены в Казанскую губернию, чтобы прекратить их эмиграцию за пределы страны[130]. Вследствие того, что ландмилицкие полки не могли полноценно обеспечить безопасность границы от набегов кочевников, уже в 1745 г. 504 чел. были переведены на земли по р. Сакмара. Оставшаяся часть ногайцев в 1768 г. власти также расселили на Сакмарской дистанции[131].

Целый комплекс факторов влиял на включение татарских крестьян в казачье сословие. С одной стороны, обособленное положение военного сословия, выражавшееся в несравненно лучшей обеспеченности земельными угодьями, освобождении от подушной подати, государственного земельного налога и рекрутской повинности, праве беспошлинной торговли в пределах войсковой территории, особенных правах на пользование государственной землей и разными угодьями, делало «запись в казачество» привлекательной для сельского населения. С другой стороны, мусульманское вероисповедание и грамотность, знание языков и менталитета родственных народов позволяли им успешно интегрироваться в сообщества соседних тюркских народов, в чем была заинтересована власть, и т.д.

Именно поэтому, в отличие от казаков-христиан, помимо пограничной службы, казаки-мусульмане на протяжении XVIII − первой половины XIX в. выполняли различные функции в Казахской степи, систематически привлекались к охране меновых дворов, караванов, дипломатических представительств, которые останавливались в Оренбурге для проезда в столицу или с целью переговоров с оренбургским генерал-губернатором, командировались в кочевья с разведывательными целями. Грамотные мусульмане-

---

[128] ПСЗ–1. Т. IX. № 6890. С. 741, 743.

[129] *Аминов Р. Р.* Татары-казаки в составе Оренбургского казачьего войска (1748–1917 гг.): дис. … к. и. н. Казань, 2016. С. 48. Название «нагайбаки» происходит, скорее всего, от названия крепости Нагайбак, куда вначале поселили переселенных крещеных татар.

[130] Саракташский район: краеведческий атлас / сост. Э.А. Джабраилова. Саракташ: Пульс дня, 2009. С. 22.

[131] *Денисов Д. Н.* История заселения и этнокультурное развитие татар Оренбургского края (XVIII – начало XX вв.). Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2006. С. 64–65; *Торопицын И. В.* Россия и ногайцы: поиск путей самоопределения и сосуществования (первая половина XVIII в.) // Тюркологический сборник / Ин-т восточных рукописей РАН. Тюркские народы Евразии в древности и средневековье / ред. колл. С. Г. Кляшторный (пред.), Т. И. Султанов, В. В. Трепавлов. М.: «Восточная литература» РАН , 2011. С. 349; *Денисов Д. Н.* История заселения… С. 64–65.

казаки служили письмоводителями у казахских султанов, а также были конфидентами, толмачами и переводчиками. Глубоко символично, что международный фактор привел к учреждению в 1798 г. «мусульманского» станичного округа с центром в Каргале (Сеитов посад). Часть крестьян-каргалинцев, причисленная еще в 1787 г. в нерегулярное войско, уже успешно осуществляла охрану расположенного поблизости Оренбургского менового двора[132].

Таблица 1

Динамика численности татар-казаков по вероисповеданию в 1834–1890 гг.[133]

Год	Численность ОКВ	В том числе					
		татары-мусульмане		нагайбаки		татары-казаки	
	об. пола	об. пола	в %	об. пола	в %	об. пола	в %
1834	70050	3433	4,8	3529	5,1	6962	9,9
1865	236535	13516[134]	5,7	4997	2,11	18513	7,82
1880	288778	19867	6,87	5891	2,04	25758	8,92
1889–1890	329141	21491	6,52	8709	2,64	30200	9,17

В середине XIX в. казаки-мусульмане были представлены собственно татарами, ногайцами, локальными группами башкир и бухарцев (последние под воздействием этнокультурных контактов к концу столетия были ассимилированы татарами). В таблице 1 все эти этнические группы фигурируют под названием «татары-мусульмане». В целом в первой половине XIX в. на численность татар-мусульман существенное влияние оказывали административные меры: в 1832 г. власти причислили часть татар-мусульман к 9-му башкирскому кантону, после введения «Положения» 1840 г. большинство из них были возвращены в состав ОКВ[135]; также происходила приписка отдельных семей, а по «Положению» 1840 г. одновременное включение в ОКВ 15 селений татарских крестьян прилинейных Оренбургского, Челябинского, Троицкого уездов. В марте 1835 г. к ОКВ был причислен I Оренбургский казачий полк, сформированный из I и II Тептярских полков[136], состоявших главным образом из татар, которые в 1855 г.

---

[132] *Аминов Р. Р.* Татары-казаки… С. 203.

[133] ЦИА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 518. Л. 2–219; *Годовова Е. В.* Оренбургское казачье войско… С. 190; Материалы по историко-статистическому… Вып. 8. С. 230–231; Однодневная перепись в Оренбургском казачьем войске… С. 343.

[134] Среди них 2 660 ногайцев.

[135] Меньшая группа вернулась в войско в середине 1850-х гг.

[136] ПСЗ–2. Т. X. №7985.

были присоединены к иррегулярному Башкирскому войску[137]. Эти события в таблице 1 представлены в цифрах: если в 1834 г. насчитывалось всего 3 433 мусульман (4,8 %), то за тридцать последующих лет (к 1865 г.) их численность выросла в 3,9 раза – до 13 516 (5,7 %). В пореформенный период происходил медленный, но верный естественный прирост населения[138]: 19 867 чел. (6,87 %) к 1880 г. и 21 491 чел. (6,52 %) к 1890 г. Важно также отметить, что в третьей четверти XIX в. в ОКВ служил самый крупный анклав (примерно 1/3) мусульман в казачьих войсках империи[139].

Крестившаяся часть татар[140] была представлена нагайбаками, для которых также характерен стабильный прирост: с 3 529 чел. в 1834 г. и до 8 709 чел. в 1890 г. С 1834 по 1890 г. соотношение татар-мусульман и нагайбаков изменилось с 0,97:1 до 2,5:1. В целом с 1834 по 1890 г. численность ОКВ возросла в 4,7 раза, татар-казаков – в 4,3 раза. Во второй половине столетия наметилось увеличение удельного веса татар-казаков в составе войска: 9,93 % (6 962 души об. пола) в 1834 г., 7,82 % в 1865 г., 8,92 % в 1880 г. и 9,54 % в 1902 г. (39 200 душ обоего пола).

Основной ареал расселения татар приходился на 4-й кантон, нагайбаки присутствовали и в 3-м, и в 4-м кантонах (Ильинская станица, Нежинский и Подгорный редуты)[141]. Мочинская станица, в которой проживали

---

[137] В 1798 г. были сформированы два тептярских полка. Тептярское население вносило в казначейство по 86 коп. в год с души на содержание полков. В 1835 г. вместо упраздненных пятисотенных полков был сформирован тысячный Оренбургский казачий полк, где тептяри продолжали нести воинскую службу: поставляли рекрутов (1 чел. с 500) и выплачивали особые налоги, направлявшиеся на содержание Оренбургского (впоследствии Уфимского) казачьего полка (*Файзрахманов И. З.* Тептяри и бобыли // История татар с древнейших времен. В 7 т. Т.6. Казань, 2013. С. 179–180).

[138] Важно отметить, что за некоторыми исключениями мусульмане сохраняли конфессиональную идентичность. Согласно указу от 14 августа 1848 г. было разрешено зачислять в «Оренбургское и Уральское казачьи войска башкир, киргиз-кайсаков и других азиатов» (ПСЗ–2. Т. XXIII. № 22497). Согласно статистическим данным, уже в конце 50-х гг. XIX в. на службе в Оренбургском войске состояло более трех тысяч башкир. В 1870 г. их становится уже около пяти тысяч. Однако к концу XIX в. число башкир, находящихся на службе в ОКВ, сократилось. Значительная часть оренбургских казаков-башкир была христианизирована и приписана к русскому контингенту войска, часть ассимилирована татарским войсковым населением, часть добровольно покинула казачье сословие (*Кортунов А. И.* Особенности зачисления башкир в состав Яицкого (Уральского) и Оренбургского казачьих войск (XVIII–XIX вв.) // Вестник ПУ. 2013. Вып. 1 (21). С. 129).

[139] *Загидуллин И.К.* Мусульманское богослужение в учреждениях… С. 118.

[140] В 1752 г. в Нагайбакской крепости были расселены вызволенные из «киргизского плена» и крестившиеся 12 аравитян, 3 бухарца, 45 персиян, 2 каракалпака, которые вскоре «растворились» в среде нагабайков.

[141] Наибольшее количество поселений татар-казаков оказалось в 4-м кантоне: станицы Гирьяльская, Зубочистенская–1, Зубочистенская–2, Ильинская, Каргалинская, Никольская, Орская, Рычковская, Чесноковская, крепости Воздвиженская, Нижне-

татары-мусульмане, входила в 5-й кантон. В 1-м и 2-м кантонах татары-казаки отсутствовали[142]. С образованием Новой линии произошли существенные изменения в расселении татар-казаков. Нагайбаки, расселявшиеся до 1842 г. в Белебеевском, а также в Оренбургском уездах были переселены во вновь созданный Новолинейный район в Верхнеуральском уезде и в Троицкий уезд, где в их поселения, как правило, подселяли русских казаков. Лишь селения татар-мусульман, присоединенных к ОКВ по «Положению» 1840 г., сохраняли моноконфессиональный состав жителей.

До середины XIX в. поселения ОКВ не имели унифицированных названий. В 1851 г. официально было объявлено о трех видах поселений: станицы, отряды, выселки. Станицами считались те поселения, в которых находились станичные правления, отрядами – поселения, имеющие 50 и более дворов, выселками – населенные пункты, число дворов в которых составляло менее 50[143]. Однако еще некоторое время сохранялись прежние названия поселений. Так, в 1860 г. татар-казаки проживали в 9 станицах, 27 – отрядах, 12 – выселках, иначе говоря, в каждом восьмом поселении ОКВ проживали татары-казаки. К 1914 г. число их поселений возросло до 68[144].

Татары-казаки в военно-административной системе ОКВ

Татары-казаки входили в полиэтнические по составу станичные округа, и, как правило, представляли в них этнофессиональное меньшинство. В истории ОКВ кратковременно существовала лишь одна «мусульманско-татарская» станица – Каргалинская (1798–1821), когда из зачисленных в ОКВ татар Сеитовского посада и 18 деревень ближайшей округи были организованы три пятисотни, где по штату положено было иметь: полковников или пятисотников – 3, пятисотных есаулов – 3, писарей полковых – 3, сотников – 15, сотенных есаулов – 15, хорунжих – 15, пятидесятников – 30, рядовых казаков – 1 416, а всего 1 500 человек. В соответствии с данным штатным расписанием на должности полковников 1-й, 2-й и 3-й пятисотни были назначены Габайдулла Рахматуллин, Сулейманов, Абдульман Сагятов. 1-я пятисотня состояла из: служащих – 407 человек, отставных и малолетних – 583 человека. Во 2-й и 3-й пятисотнях служащих было 412 и 392 человека соответственно. Дела земские были отнесены к уездному суду. Первыми в «Станичное Каргалинское казачье присутствие» были назначены Хабибулла Ахмеров, Мустафа Муртазин и Надыр Арасланов.

озерная, редуты Желтый, Нежинский, Никитинский, Подгорный, деревня Новочеркасская, слобода Кондуровская. Нагайбакская станица, в которую кроме Нагайбакской крепости входили еще 13 поселений, жители Письмянской и Кувацкой слобод, г. Мензелинск и пригород Заинска, относились к 3-му кантону ОКВ.

[142] Материалы по историко-статистическому Оренбургского казачьего войска. Вып. 8. Оренбург, 1907. С. 86, 181, 228–229.

[143] ГАОО. Ф. 167. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.

[144] Татары проживали в 9 станицах, 54 поселках и 5 хуторах. (Некоторые представители офицерских династий татар-казаков: Бектеевы, Дашкины, Кочуровы в начале XX в. обзавелись хуторами).

С введением «Положения» 1840 г. упразднялись кантоны, в войске вводился полковой принцип управления в составе двух (с 1866 г. – трех) округов, которые в 1868 г. были переименованы в отделы. Теперь Наказный атаман являлся одновременно оренбургским губернатором.

Казачье общественное самоуправление сложилось из поселкового и станичного уровней. К 1855 г. в войске насчитывалось 69 станичных округов. После сокращения их количества во второй половине XIX в.[145], в начале XX столетия наметилось увеличение численности станичных округов (в 1914 г. – 55).

«Положения» об общественном управлении станиц казачьих войск 1870 и 1891 гг. добавили к прежним трем руководящим структурам – станичный атаман, станичное правление, станичный суд – четвертую: станичный сбор[146]. Станичными атаманами избирались[147] не только казаки, проживавшие в станице, но и жители других поселений. Например, в 1889–1891 гг. атаманом станицы Каменно-Озерной состоял житель пос. Нежинка нагайбак Иван Максимович Бектеев[148].

Вследствие отсутствия института поселкового сбора вплоть до введения «Положения» об общественном управлении в казачьих войсках 1870 г. все местные вопросы решались на уровне станичного сбора, что не всегда способствовало учету интересов малых этнических групп казачества. С 1870 г.[149] поселковые общества с численностью 30 дворов получили возможность решать местные проблемы[150] на поселковых сборах во главе с поселковым атаманом путем оформления поселковых приговоров, которые затем направлялись на утверждение станичным, войсковым наказным и наказным атаманам. (В 1891 г. норматив был увеличен до 60 дворов)[151]. В поселках, в которых татары-казаки составляли большинство, они играли решающую роль в принятии решений.

---

[145] ПСЗ–2. Т. XLII. №44958. С. 83; *Семенов В. Г., Семенова В. П.* Таналык. Крепость, станица, село. Оренбург: Оренбургское кн. изд-во им. Г. П. Донковцева, 2015. С. 166.

[146] *Коваленко В. В.* Система казачьего станичного самоуправления на Кубани в конце XVIII – начале XX вв.: автореф. дис. ... к. и. н. Краснодар, 2013. С.25; *Косенков Е. И.* Станичное управление в Донском войске // Вестник ТГУ. 2009. № 327. (окт.). С. 81–82.

[147] Станичные и поселковые атаманы избирались на три года (ПСЗ–3. Т. XI. № 7782. С. 348).

[148] *Ганин А. В., Семенов В. Г.* Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска. 1891–1945: Биографический справочник. М.: Русский путь; Библиотека-фонд «Русское зарубежье», 2007. С. 112.

[149] ПСЗ–2. Т. XLV. № 48354. С. 625.

[150] Приговоры по делам о предоставлении льгот от службы по разным случаям казакам, числившимся на действительной службе, об освобождении казаков от учебных сборов; о назначении опекунов и попечителей; об увольнении «вредных лиц» и приеме новых членов общества, о семейных разделах, вопросах обмундирования казаков представлялись на рассмотрение станичного сбора.

[151] ПСЗ–3. Т. XI. № 7782. С. 329.

Послужные списки штаб- и обер-офицеров Оренбургского казачьего войска свидетельствуют, что с начала XIX века в офицерском корпусе состояли татары, башкиры и казахи. В конце XIX – начале XX в. численность офицеров, которые были представлены династиями нагайбаков Бектеевых, Альметевых и татар-мусульман Дашкиных, Кочуровых[152], была незначительной.

Повинности и налоги

Линейная служба татар-казаков в целом осуществлялась в рамках общих правил и практически не отличалась от воинской повинности русских казаков. Если в кантонный период служба продолжалась с 20 до 50 лет, а с 1866 г. была сокращена до 22 лет (15 лет – полевая служба и 7 лет – внутренняя), то с 1876 г. состав войска разделялся на три разряда: приготовительный (3 года), строевой (12 лет) и запасный (5 лет)[153]. Достигнув 21 года, казаки переходили в строевой разряд и направлялись служить 4 года в части первой очереди, оставшиеся 8 лет – в частях второй и третьей очереди, впоследствии они зачислялись в запас, затем служба оренбургских казаков заканчивалась[154]. В 1909 г. приготовительный разряд был сокращен до 1 года.

Татары-казаки позиционировали себя как социальная опора самодержавия. Лишь в период Крестьянской войны 1773–1775 гг. часть казаков-мусульман выступила против существующего политического строя, активно поддержав Е. Пугачева. Каргала в течение зимы 1773–1774 гг. являлась базой пугачевского движения татар в Оренбуржье[155].

Установлено, что не менее 300 татар-казаков участвовали в военных кампаниях 1806–1815 гг., они также принимали участие русско-турецких войнах 1828–1829 и 1877–1878 гг., Кокандском походе 1875–1876 гг., в Памирском походе 1892–1893 гг., в Русско-японской войне 1904–1905 гг. и Первой мировой войне (1914–1918 гг.)[156]. Правительство учитывало кон-

---

[152] *Ганин А. В., Семенов В. Г.* Офицерский корпус… С. 88–90, 112–113, 187–188, 297–299; *Кортунов А. И.* Народы Урала… С. 125–130.

[153] *Симагин В.* Двадцать лет реформ в Оренбургском казачьем войске, в строевом и образовательном отношениях // Военный сборник. СПб., 1892. Год тридцать пятый. Т. CCIV. № 3. С. С. 178–179.

[154] *Машин М. Д.* Оренбургское казачье войско. 2-е изд., испр. / вступ. ст. А. П. Абрамовского, В. С. Кобзова. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2000. С. 173.

[155] *Алишев С. Х.* Татары Среднего Поволжья в Пугачевском восстании. Казань: Татар. кн. изд-во, 1973. С. 134.

[156] *Ганин А. В., Семенов В. Г.* Офицерский корпус… С. 88–89, 297–298; *Ганин А. В., Левченко А., Семенов В. Г.* История 1-го Оренбургского казачьего полка. Харьков: Райдер, 2007. С. 1; Материалы по историко-статистическому… Вып. 8. С. 180–181; *Семенов В. Г.* Оренбургское казачье войско в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. Оренбург: Печатный дом «Димур», 2010. С.171–173; *Семенов В. Г.* Оренбургские казаки в Русско-японской войне 1904–1905 гг. // Гостиный двор. 1995. №1. С. 167–171; *Кузнецов В. А.* Военная служба полков Орен-

фессиональную принадлежность татар и поэтому старалось: не привлекать их к военным действиям против мусульманских государств, поэтому участие татар в них носило единичный характер и большей частью касалось офицеров[157].

В обязанности ОКВ входили и полицейские функции, в частности, в первой половине XIX в. татары-казаки командировались в Вятскую, Казанскую и Пермскую губернии, в отдельные годы – на Макарьевскую (Нижегородскую) и Бугульминскую ярмарки. В качестве карательных частей правительство рекрутировало татар-казаков наряду с другими сослуживцами для подавления Польского восстания 1830–1831 гг., восстания казахов в 1916 г.[158] Казаки также исполняли ряд повинностей: почтовая, подводная, заготовление леса, смолы, участие в строительных работах в станицах, тушении пожаров в лесах и степях и т.д.

Важную роль в формировании системы социальной поддержки незащищенных в социальном отношении групп населения и в целом казаков в периоды природных катаклизмов сыграли введенные с 1835 г. войсковым начальством и основанные на принудительно-обязательном принципе сборы на различные нужды. В конце XIX в. были учреждены обмундировочный и военный капиталы, школьный капитал, капитал общественного призрения. Особо обременительным для казаков являлся сбор для составления обмундировочного капитала[159].

Хозяйственный уклад

Положение об Оренбургском казачьем войске, принятое 12 декабря 1840 г., закрепило за казаками земли по всему протяжению Оренбургской линии, в глубину линии не менее пятнадцати верст от Уральского до Сибирского казачьих войск. Всего за ОКВ закреплялась «в вечное пользование» сплошная территория общей площадью 7 885 378 дес. с 372 населенными пунктами – от станицы Нижнеозерной до станиц Озерной, Звериноголовской и редута Алабугского, от Коельской и Кичигинской станиц на севере, до Воздвиженской на юге. Все данные земли, вошедшие в войсковую территорию, после переноса пограничной линии становились казачьими[160].

Приметой социального положения казаков являлось общинное (станичное) землепользование, наделы выдавались казакам за службу вместо жалованья и в силу значительности размеров лишь частично. В XIX – начале

бургского и Уральского казачьих войск после Отечественной войны 1812 года // Вестник ЧелГУ. 2009. №12 (150). История. Вып. 31. С. 64 и др.

[157] *Аминов Р. Р.* Татары-казаки… С. 199.

[158] *Семенов В. Г.* Оренбургское казачье войско в годы… С.173; Оренбургский казачий альбом / Авторы-сост.: В. Г. Семенов, В. П. Семенова. Оренбург: Печатный дом «Димур», 2012. С. 7.

[159] *Аминов Р. Р.* Татары-казаки… С.152.

[160] *Лапаев А. П.* Развитие предпринимательства на территории Оренбургского казачьего войска // Вестник ОГУ. 2006. №2. Февраль. Т. 1. Гуманитарные науки. С. 106.

XX в. земли ОКВ делились на три группы: станичные; офицерские и чиновничьи; войсковые (запасные для малоземельных поселений). Земли станичному юрту выделялись из расчета на каждую мужскую душу, достигшую 17 лет, – 30 дес., из которых 24 дес. пашни и 6 дес. луга. К 1906 г. норма снизилась до 24,4 дес.[161] Офицеры и чиновники пользовались своими огромными наделами в качестве потомственных владельцев, но без права продажи[162]. Хорошая земельная обеспеченность создавала условия для развития арендных отношений с проживавшими в татарских казачьих поселениях гражданскими лицами, которые не имели права на наделы[163].

Ведение хозяйства у татар-казаков определялось их народными земледельческими традициями, местными природно-климатическими условиями, размерами наделов, систематическим отвлечением на приграничную службу большой группы мужского населения и другими факторами. Лишь с упразднением кордонной службы в 1876 г. казаки начали вести полноценное хозяйство.

Природно-климатические условия – преимущественно степная зона с резко континентальным климатом – оказывали существенное влияние на выращиваемые виды зерновых культур и в целом на структуру хозяйства татар-казаков[164]. В ОКВ прежде господствовала залежно-переложная, а во второй половине XIX – начале XX в. – переложно-паровая система земледелия.

Вследствие почти полного отсутствия засева озимой ржи паровой севооборот имел форму двуполья (яровые – пар). Из яровых ведущее место занимала пшеница, которая имела высокую товарную ценность, что приносило значительные доходы казачьим хозяйствам. Возделывали также овес как фуражную культуру, в меньшей степени просо, ячмень, полбу и горох, из технических культур – лен и коноплю, в начале XX в. появился картофель. Черноземные почвы обеспечивали высокие урожаи.

Овощеводством занимались преимущественно нагайбаки, у мусульман его практически не было; необходимое покупали у русских в соседних селениях, на местных рынках. В южных волостях получило развитие бахчеводство[165].

С начала XX в. в поселениях ОКВ практикуется садоводство.

---

[161] *Махрова Т. К.* Казачье хозяйство Оренбургской губернии. Челябинск: [Б.и.], 1998. С. 17, 20.

[162] *Лапаев А. П.* Развитие предпринимательства… С. 109.

[163] *Халиков Н. А.* Традиционное хозяйство татар-казаков Южного Урала (вторая половина XIX – начало XX вв.) // СТТГ. 2016. №8. С. 265.

[164] *Халиков Н. А.* Территориальные и этносоциальные особенности традиционного хозяйства татар Урала и Приуралья // Приуральские татары. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КНЦ АН СССР, 1990. С. 16; *Соколов Д. Н.* Оренбургская губерния: географический очерк. М.: Изд-во «Мысль», 1916. С. 8.

[165] *Халиков Н. А.* Традиционное хозяйство… С. 266–270.

Важнейшей после земледелия и ведущей отраслью хозяйства было скотоводство, носившее пастбищно-стойловый характер. Из видов скота предпочтение отдавалось лошадям монгольской породы и овцам, поскольку они могли зимой тебеневать. Крупный рогатый скот был калмыцкой или киргизской породы мясного направления. Малоимущие казаки держали коз.

Углубление имущественного неравенства, формирование группы малоимущих казаков обусловили некоторое распространение у них промыслов и ремесел. Казаки занимались перевозкой хлеба, соляным извозом с копей Соль-Илецка к волжским пристаням. Соль на местных соляных озерах на продажу выпаривали и сами. Довольно много их работало на местных рудниках и приисках, на заводах. В Верхнеуральском уезде был развит промысел по добыче камня-плитняка в каменоломнях и шахтах, а также мела и гипса на продажу.

Кустарные промыслы имели незначительное распространение. Женщины были заняты в промысле по вязанию платков, шарфов, рукавичек из пуха местных коз, выделывали (ткали) также полотно-армячину из верблюжьей шерсти.

Большинство ремесел были обычно в пределах своего селения, предназначенные почти исключительно для собственных нужд[166].

Со второй трети XIX в. военные власти старались стимулировать развитие рыночных отношений, устраивая местные базары и ярмарки. Например, согласно генеральному плану станицы Нижнеозерной Оренбургского уезда, кроме обывательских кварталов, действовали такие общественные учреждения, как мечеть, церковь, кузницы, бани, а также базары, питейные заведения, ярмарки. Перечисленные общественные объекты существовали, в зависимости от конфессионального состава населения, численности жителей и географического расположения, статуса поселения, и в других населенных пунктах[167].

Религиозный уклад

Татары-мусульмане

После учреждения в 1788 г. в г.Уфе Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС) началось установление правительственного контроля над исламскими институтами в военном ведомстве. В частности, военные власти с 1798 г. освободили мулл от воинской службы[168], стали руководствоваться законом от 9 декабря 1835 г. о численности духовных лиц при соборных (хатиб, имам и муэдзин) и пятивременных (имам и муэдзин) мечетях и указом 21 октября от 1837 г. о порядке избрания духов-

[166] Там же.
[167] ГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 75. Л. 13 об.–14.
[168] Законы Российской империи о башкирах, мишарях, тептярях и бобылях / сост., автор вступ. статей и прим. Ф.Х. Гумеров. Уфа: Китап, 1999. С. 188.

ных лиц, сделав обязательным предварительное согласование кандидата с кантонным начальством[169].

Религиозная община (мусульманский приход) являлась основной формой существования социума мусульман, имела свои порядки и обычаи, основанные на общеисламской и местной традициях, а также регламентируемые российским законодательством. Мусульманский приход содержал за счет своих членов мечеть, духовенство и начальную школу, объединял прихожан по конфессиональному признаку, независимо о их сословного статуса. После отмены в конце 1860-х гг. ограничений на заселение края с правом приобретения недвижимости начался новый этап в развитии местных религиозных общин, ознаменовавший заселение станиц и поселков мусульманами неказачьего сословия, что позитивно отразилось на укрупнении и образовании новых приходов. Этому способствовали и нормативы учреждения нового прихода: сначала – 200–300 ревизских душ, в 1829–1886 гг. – 200 ревизских, затем – 200 наличных душ м.п.[170] Так, если в 1855 г. в ОКВ в 25 приходах действовали 28 мечетей, при которых служило 47 духовных лиц[171], то к концу XIX века центрами религиозной жизни были 45 мечетей[172].

С 1880-х гг. военные власти проводили политику интенсивного распространения русского образования за счет свертывания конфессионального образования казаков-мусульман. С 1882 г. дети мусульман в обязательном порядке привлекались в местную русскую школу с 9 часов утра и до 2 часов пополудни. Посещению мектебе, в которых дети обучались основам ислама, счету, грамоте и письму на родном языке, отводилось лишь в «свободное время» – с 6 до 8 часов утра и с 7 до 9 вечера. Следующим шагом в этой сфере явилось предписание атамана ОКВ от 8 сентября 1892 г. о запрещении обучать детей казаков в мусульманских школах. Как альтернатива им дозволялось обучаться основам ислама в станичных и поселковых русских школах три раза в неделю в специальные дни[173]. Таким образом, военной администрации властям удалось свернуть сеть традиционных мусульманских школ: в 1912 в ОКВ числились лишь 2 мектебе[174].

Действия властей вызвали возмущение казачьих приходов, которые требовали соблюдение своих религиозных прав. ОМДС 16 и 30 января 1893 г. обратилось с жалобой в МВД, приложив шесть прошений татар-

---

[169] *Азаматов Д. Д.* Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII – XIX вв. Уфа: Гилем, 1996. С. 97.

[170] *Загидуллин И. К.* Исламские институты в Российской империи: Мечети в европейской части России и Сибири. Казань: Татар. кн. изд-во, 2007. С. 98, 102–103.

[171] *Загидуллин И. К.* Мусульманское богослужение в учреждениях… С. 110–111.

[172] *Кортунов А. И., Фокин А. А.* Казаки-мусульмане на службе в казачьих войсках Урала (XVI–XIX вв.). Уфа, 2012. С. 84.

[173] *Загидуллин И. К.* Татарское национальное движение в 1860–1905 гг. Казань: Татар. кн. изд-во, 2014. С. 258–259.

[174] ГАОО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 3439. Л. 69.

казаков Татищевской, Нижнеозерной станиц и Линевского поселка, а также 10 рапортов имамов различных селений ОКВ, однако силовое ведомство признало действия оренбургского начальства правильными. Под воздействием слухов о предстоящем крещении мусульмане станиц Нижнеозерная, Татищевская, Пречистенская в 1893 г. начали эмигрировать в Османское государство, в других поселениях также наблюдались отдельные случаи выезда семей. По указанию императора Александра III движение мухаджиров было пресечено[175].

В целом, несмотря на указанные явления, мусульмане сохраняли преемственность религиозных традиций; семейно-брачные отношения, нравственное воспитание, раздел наследства и имущества во многом регулировались исламскими нормами, что способствовало их этноконфессиональной консолидации.

Нагайбаки

В духовной жизни нагайбаков преобладали духовные практики, синкретизированные религиозные обряды, связанные с архаичными традиционными верованиями. После установления Петром I обязательности исполнения православным населением основных религиозных обязанностей в церкви и введения метрических книг нагайбаки были окончательно включены в состав приходов. Православный приход состоял из церковной административной единицы, имеющей церковь с причтом[176], и общины верующих[177].

Первые церкви (деревянные) для нагайбаков были построены в 1745 и 1772 г. в Нагайбакской крепости[178], которая являлась центром крещения в крае[179].

С середины 80-х годов XIX в., пока не стали учреждаться самостоятельные церковные приходы для нагайбаков, их приписывали к церквям соседних поселений. К концу столетия храмы действовали в уже большинстве их поселков[180], в которых примерно с 1880-х годов богослужение со-

---

[175] В частности, выехавшие из поселений Старые и Новые Зубачи, Татищево, Чесноковка, Тукмак (Рычковка) в Турции основали близ Эскишехира дер. Корыөек (*Загидуллин И. К.* Татарское национальное движение… С. 258–259, 290).

[176] Священно- и церковнослужители одного храма (прихода).

[177] Православие: словарь атеиста / под общ. ред. Н.С. Гордиенко. М.: Политиздат, 1988. С. 190.

[178] *Свице Я.* К вопросу о происхождении нагайбакских казаков. Православные храмы и духовенство Нагайбакской крепости в XVIII – начале XX в. // Православие на Урале: история и современность. Сборник научных и научно-популярных статей. Челябинск: [Б.и.], 2009. С. 192.

[179] *Азаматов Д. Д.* Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII – XIX вв. Уфа: Гилем, 1996. С. 14.

[180] Появились церкви в следующих населенных пунктах: Требий (с 1893 г.), Париж (1888 г.), Фершампенуаз (1885 г.), Остроленко (1861 г.), Куликовский (1858–1861 гг.), Болотово (1889 г.), Верхнеувельский (1755 г.), Ключевский–2 (Лягушина) (1895 г.), Подгорный (1889 г.), Гирьяльская станица (1871 г.). В Ильинской

вершалось на татарском языке священниками из числа крещеных татар, присланных из Казани[181].

Учреждение миссионерских школ по системе Н. И. Ильминского, учебная программа которых соответствовала курсу церковно-приходских училищ, с обучением первоначально на родном языке затем на русском языке, способствовало распространению письменности и религиозных книг на татарском языке, изданных на кириллице, появлению учителей из числа нагайбаков[182]. В целом под воздействием христианского просвещения в последней четверти XIX – начале XX в. усилилась православная составляющая в религиозной практике нагайбаков. Однако, как отмечали современники на рубеже столетий, они по-прежнему садились за стол не молясь, нечасто посещали храмы, не соблюдали постов. Более того, в местностях постоянных контактов нагайбаков с мусульманами наблюдались случаи возвращения первых в ислам[183].

Повседневная жизнь

Самобытность тюркского казачьего населения проявлялась и в его повседневном жизненном укладе.

Во второй половине XIX в. благодаря нововведениям военного начальства изменяется планировка станиц, и архаичную конфигурацию крепостных сооружений сменяет уличная планировка[184]. Материалом для постройки жилищ нагайбаков являлись деревья широколиственных и хвойных пород. Если в период основания поселений на Новой линии и в Троицком уезде (1840-е гг.) нагайбаки строили срубы из лиственницы, которые отличались долговечностью, то к концу XIX – началу XX в. предпочтение все больше отдавалось сосне.

По внешнему виду дома нагайбаков не отличались от русских домов, однако внутри имели некоторые особенности. В избе сбоку печи вмазывался чугунный котел, или казан, предназначенный для варки каши, напротив печи размещались нары, служившие залавком и кроватью. Летом

станице находилось две церкви обе каменные (1744 и 1828 гг.). Церкви отсутствовали лишь в поселках Астафьевский, Кассель, Попово, Краснокаменский и Алабайтал.

[181] *Абрамовский А. П., Кобзов В. С.* Станичные и поселковые… С. 9; *Кузнецов В. А.* Православие и инородцы. Миссионерская деятельность священников в инородческих приходах Оренбургской епархии // Славяне в этнокультурном пространстве Южно-Уральского региона: материалы XI международной научно-практической конференции, посвященной Дню славянской письменности и культуры. Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2015. С. 48, 52, 53.

[182] *Кузнецов В. А.* Религиозно-нравственное воспитание Оренбургского казачества // Оренбургское казачье войско: Религиозно-нравственная культура: сб. науч. тр. / под ред. А. П. Абрамовского. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2000. С. 89.

[183] *Аминов Р.Р.* Татары-казаки… С. 108–109.

[184] *Иванов В. А., Кортунов А. И., Косянов В. И., Чугунов С. М.* Оренбургское и Уральское казачьи войска. История и культура: Учебное пособие. Уфа, 2009. С. 68.

еду готовили не в кухне, а во дворе. Для этой цели где-нибудь под навесом отгораживалось некоторое пространство и устраивалась печь с казаном.

Убранство горницы у нагайбаков ничем не отличается от убранства русской избы, но в большие праздники и другие торжественные дни, когда приглашаются гости, нагайбакская горница выглядит, как домашняя выставка. По стенам развешиваются самые лучшие полотенца, обязательно собственной работы, вышитые по концам различными узорами из красной бумаги и шелком, вывешиваются самые лучшие праздничные одежды как мужские, так и женские. Полотенца свидетельствовали о степени изящного вкуса и рукодельного искусства их обладательницы, обычно дочери или молодой снохи хозяина, а по одежде гости определяли степень зажиточности хозяина[185].

Избы и кухни у татар-мусульман были такого же устройства, как у нагайбаков, но горницы несколько отличались по внутреннему устройству. У зажиточного татарина-казака дом разделялся на 2, 3 или 4 части. Каждому женатому сыну отводилась отдельная комната. Во всех комнатах у передней стены устраивались нары, которые заменяли мебель и устилались кошмами (войлоком) и бухарскими коврами. В одном углу на нарах обычно помещалась постель, состоящая из перины, подушек и одеял. Днем все женщины, за исключением старух, находились в особой комнате, куда входить посторонним не разрешалось. В доме татарина было очень чисто и опрятно, за этим хозяева строго следили: печи каждую неделю белили, полы, потолки и стены скоблили (если полы и потолки были не крашены, а стены не оклеены обоями). У бедных, хотя и была только одна комната, но всегда чистенькая и опрятная, с неизменными нарами. Поперек комнаты тянулась ситцевая занавеска, которая разделяла комнату на мужскую и женскую половины[186].

Нагайбакские дворы отличались от русских только тем, что не разделялись на части, а все постройки находились в одном дворе, скот так же, как и у русских, находился в карде (загоне для скота), и только вечером его пригоняли во двор и распределяли на ночь по хлевам и конюшням. В отличие от русских казаков татары-мусульмане и нагайбаки не разводили свиней. Дворы и надворные постройки татар не отличались от русских[187]. Практически в каждом дворе нагайбаков при молке зерна использовались ручные мельницы-крупорушки и ступы[188].

Пища нагайбаков была такой же, как пища русских казаков, только нагайбаки не соблюдали постов. Национальное блюдо нагайбаков – кай-

---

[185] Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска… С. 198–199.

[186] *Стариков Ф. М.* Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о домашнем быте Оренбургских казаков. Оренбург, 1891. С. 199.

[187] Там же. С. 201–202.

[188] *Атнагулов И. Р.* Нагайбаки: опыт комплексного историко-этнографического исследования хозяйства и материальной культуры второй половины XIX – начала XX века. Магнитогорск, 2007. С. 63; *Халиков Н. А.* Хозяйственная культура нагайбаков… С. 22; *Халиков Н. А.* Хозяйство… С. 89.

мак, который готовится следующим образом: коровье молоко, надоенное вечером, хозяйка процеживает в деревянные ведра и оставляет его в них до утра. Утром парное молоко смешивается с вечерним в казане. Как только казан закипит, нагайбачка разливает из него молоко в деревянные ведра и подвешивает их где-нибудь под навесом. Там они остаются до следующего дня, и молоко в них отстаивается в виде толстой пенки. Эта пенка и есть каймак. Затем каймак снимают в отдельную посуду, а из остатков готовится квашеное молоко[189].

Пища татар не отличалась таким многообразием, как пища русских. Самая обычная пища татар в будни – чай, который они пили в течение дня от 3 до 5 раз, лапша с мясом и салма. Салма готовилась из круто замешенного теста, которое раскатывалось скалкой и потом разрезалось ножом лентообразно или его рвали руками на клецки. В этом виде она варилась в котле с кипящей водой. Когда салма сварится, в нее наливают молоко или сметану и едят. Кроме того, татары употребляли в пищу творог и делали из него шаньги, из молока готовили курт (сушеный творог), который служил приправой к другим блюдам. У кого было достаточно скота, те часто готовили каймак (густые сливки) и катык[190], варили баламык – род кашицы, приготовленной из воды с натертым куртом и небольшим количеством крупы, в которую иногда для большего вкуса клали кусок мяса. В недельные праздники богатые казаки готовили пельмени и пекли пшенные блины. В годовые праздники они пекли пирог-курник, который начиняли мясом и картофелем. Этим пирогом и жареной уткой они угощали муллу, приходящего поздравить их с праздником. Готовили также плов. Самых дорогих гостей угощали бешбармаком, который готовили из мелко нарезанного лошадиного или какого-либо другого мяса, развариваемого в масле и сале[191].

Женская часть татарского населения в конце XVIII в., к примеру, жительницы с. Бакалы, Верхние и Нижние Чебеньки, Воздвиженской крепости, Желтого и Никитинского редутов, Кондуровской слободы, кроме полевой работы, занималась пряжей льна, шерсти, ткали холсты и сукна для своих нужд, а также выставляли товар на продажу[192]. Татарки-казачки Оренбургского и Орского уездов занимались пуховязанием. Современники свидетельствовали, что нагайбаки были хорошими земледельцами и гостеприимными домохозяевами[193], на службе отличались честностью и аккуратностью. Эти качества отличали и остальное тюркское население, входившее в состав Оренбургского казачьего войска.

---

[189] *Стариков Ф. М.* Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска… С. 206.

[190] Кисло-молочный продукт, который изготовлялся из кипяченого молока и закваски.

[191] *Стариков Ф. М.* Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска… С. 206–207.

[192] *Аминов Р. Р.* Татары-казаки… С. 120.

[193] *Халиков Н. А.* Хозяйственная культура нагайбаков… С. 26.

Итак, основные этапы формирования тюркских групп в целом совпадают с этапами становления Оренбургского иррегулярного войска. Во второй половине XVIII века татары и нагайбаки входили в состав Оренбургского казачьего войска путем стихийной миграции, специального заселения оренбургскими военными властями приграничной территории, а также как жители деревень, расположенных в непосредственной близости к вновь учрежденной Оренбургской пограничной линии. Служба татар-казаков Оренбургской линии практически не отличалась от воинской повинности казаков других этноконфессиональных групп.

§ 4. Татары-казаки Западной Сибири

З. А. Тычинских

Главной военной силой в Сибири на протяжении длительного времени являлись служилые люди, основную массу которых составляли казаки. Именно силами казачества происходит «покорение под Российскую державу» Сибири. Исследователи подчеркивают многонациональный состав казачества, формировавшегося из различных слоев населения[194]. Наряду с русскими в Сибири служили «литва и немцы и черкесы и новокрещенные татаровья, и черемисы»[195].

Особую группу среди сибирских служилых людей составили служилые татары. Формирование татарского военно-служилого контингента отвечало нуждам колонизаторской политики московской власти, которая «для продвижения в глубь Сибири и объясачения жителей», использовала былых вассалов хана Кучума, «предоставив им за это ряд прав и преимуществ»[196].

Категория служилых татар «йомышлы» начинает формироваться практически сразу после завоевания Сибири. По сведениям Г. Ф. Миллера, уже в 1595 г. в гарнизоне г. Тюмени имелись служилые татары. Так, он сообщает об уходе из Тюмени в 1595 г. 50 служилых татар с женами и детьми, которые направились в область, лежащую по верхнему течению Тобола, и захватили с собой еще 30 человек ясашных татар и тюменских служилых татар[197]. В 1598 г., во время последнего похода на хана Кучума, тарский воевода А. Воейков поручил отдельную операцию отряду, в который входили

---

[194] *Миненко Н. А.* Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XX в. Новосибирск: Наука, 1975; *Никитин Н. И.* Служилые люди в Западной Сибири. Новосибирск, 1988; История казачества Азиатской России. Т. 1. Екатеринбург, 1995.

[195] *Никитин Н. И.* Служилые люди в Западной Сибири. Новосибирск, 1988. С. 40.

[196] *Бахрушин С. В.* Сибирские служилые татары в XVII в. // С. В. Бахрушин. Научные труды. Т. III. Ч. II. М., 1955. С. 163.

[197] *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 2. М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1941. С. 12.

40 казаков и 60 татар. По предположению Г. Ф. Миллера, отдельные служилые татары были приняты на службу по особому распоряжению Ермака[198].

Однако определяющим моментом в формировании в Сибири под русским началом татарского военно-служилого контингента следует считать окончательный разгром войска хана Кучума в 1598 г. Эта победа стала важнейшим этапом в продвижении русских на восток.

С. У. Ремезов в «Истории Сибирской» сообщает, что в 1598 г. «в поход за царем Кучумом» была направлена рать. В результате боя было захвачено много пленных, в том числе 3 сына, 2 дочери и 6 жен «кучумовых» и «з достальным имением и со скотом возвратишася здравии». Плененные «кучумовичи» были отправлены в Москву. С небольшим числом своих сторонников Кучум направился в Ногайскую землю, где был убит, а его люди «приидоша ко граду Тобольску и приложася ясак платити, овии же крестишася во христианство и поверстаны в службу в новокрещенский список, овии же мурзы и мурзичи, 300 человек поверстаны в службу и оклад им учинен по 15 рублей и по 7-ми. И поставиша русского голову, чиновника»[199].

По всей видимости, именно эти 300 «мурз и мурзичей» и составили основу контингента служилых татар главного сибирского города – Тобольска. Численность их почти не менялась в течение всего XVII в. и оставалась в Тобольске, по данным С. В. Бахрушина, в пределах 250–255 человек[200].

Таким образом, основа служилого татарского контингента сложилась из представителей феодальной верхушки бывшего Сибирского ханства. До присоединения Сибири они составляли военно-служилую элиту Сибирского ханства. Среди них С. В. Бахрушин называет князя Енбулата, служившего в Тобольске в 90-е годы XVI в., его сына князя Кутука и внука Аллагур-мурзу, мурзу Кайдаула Байсеитова, его сыновей Мамета, Читея и Аиткула Кайдауловых, тарского князца Тынмамета Берделей-мурзина, его сына Кучука Тынмаметова и внука Талайку Кучукова[201]. Среди татарских мурз начала XVII в. известен тюменский служилый татарин «князь Аткачарко Ахманаев»[202], тюменские «юртовские служивые татарове лучшие люди» Девей Иртышов, Буйдак Емачтаев, Тугока Келементеев, Моюмас Азехматов, Казад Енгильдеев, Устемир Канчюрин[203] и др.

Потомки служилых татар вели свои родословные от военно-феодальной верхушки Сибирского ханства. Многие из них были связаны происхож-

---

[198] *Миллер Г. Ф.* Описание Сибирского царства. М.: Либерия, 1998. С. 218.

[199] *Ремезов С. У.* История Сибирская // Памятники литературы Древней Руси XVII в. Ч. 2. М., 1989. С. 567–568.

[200] *Бахрушин С. В.* Сибирские служилые татары в XVII в. … С. 163.

[201] Там же. С. 164–165.

[202] Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Т. 2. СПб., 1875. С. 349.

[203] *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 2. М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1941. С. 159.

дением со знатными родами тюрко-монгольского мира[204]. «За многие привилегии» поступив на царскую службу и «сохранив в определенной мере свои прежние права, они составили особый разряд так называемых «юртовских служилых татар», выделенных из основной массы ясачных людей»[205]. В лице татарской военно-служилой знати Московское государство получило профессионально подготовленный военный контингент, который играл исключительно важную роль в процессе дальнейшей колонизации Сибири. Татарская военная знать, как отмечал С. В. Бахрушин, «безболезненно перешла на царскую службу, переменив без резкого перерыва одного господина на другого»[206].

Подобная же ситуация наблюдалась и в других покоренных Русским государством постзолотоордынских ханствах – Астраханском и Казанском. Как замечает П. Небольсин, в Сибири в сословие служилых людей татары верстались за особенные услуги, часто по их собственной просьбе, но преимущественно из тех, «от которых измены не почаяти»[207].

Привлечение на свою сторону татарской военно-служилой знати для Московского государства имело огромное значение. Была предусмотрена система поощрений и льгот: «а которые от царя приедут и тех жаловать, и сукна давать и хлебца. И которые князьки и Татарове государю служат и в город к воеводам приходяти ясаки платят, и про всякие вести про Кучума царя, и про его умышление и про Ногай, учнут приходя сказывать – и тех татар поить и кормить государевым запасом и береженье к ним и ласку держат великую и отпускати их к себе домой не задерживая»[208].

На первых порах государство всячески старалось поощрять служилых татар и оберегать их интересы, в том числе и от представителей местной власти. По всей видимости, именно дипломатическими расчетами и политической дальновидностью московской власти объясняется и то, что служилые татары на протяжении всего периода существования данной категории населения оставались мусульманами. Активных насильственных мер по христианизации служилых татар в Сибири не предпринималось. И хотя в казачьи команды обычно набирались лишь те иноземцы, которые приняли христианскую веру, тем не менее основная масса служилых татар в Сибири осталась «магометанами». Татары же «новокрещены» служили в русских, либо «литовских» командах. Как правило, они выделялись в отдельный «список». По этому «списку» в 1633 г. тобольских новокрещеных татар и новокрещеных казаков числилось 25 человек[209]. «Новокрещены» на

---

[204] *Бахрушин С. В.* Сибирские служилые татары в XVII в. … С. 163.
[205] Там же.
[206] Там же. С. 165.
[207] *Небольсин П.* Покорение Сибири. Историческое исследование. СПб., 1849. С. 110.
[208] Там же. С. 118.
[209] Тобольск. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1885. С. 27.

первых порах составляли особый разряд полуслужилых иноземцев – т.н. «кормовые новокрещены», которые получали неопределенный денежный «корм» за разные служебные поручения, а не постоянное, годовое «жалованье», которое выдавалось служилым татарам (некрещеным) и другим служилым инородцам, составлявшим постоянные воинские части. «Кормовые новокрещены» часто били челом о поверстании в русские войсковые части – в казаки и др.[210] Обычно эти просьбы удовлетворялись, и новокрещенные татары очень быстро сливалась с русским казачеством. Но в целом число новокрещенных татар было незначительным.

Таким образом, на первых порах для сибирской верхушки не происходит существенных изменений при смене сюзерена. С присоединением Сибирского ханства к России царское правительство в основном сохранило традиции военной службы, сложившиеся еще в период существования ханства. В конце XVI – начале XVII в. служилые татары по-прежнему считаются «лучшими людьми», за ними сохраняются их «вотчинные угодьи», им даются различные привилегии. Кроме того, они наряду с русскими служилыми людьми за службу получают денежное, хлебное и соляное жалованье. Но в дальнейшем положение служилых татар постепенно меняется.

В XVII веке служилые татары состояли в гарнизонах Тобольска, Тюмени и Тары. Эти первые русские города в Сибири в течение всего XVII в. находились в постоянном контакте со степными народами, поэтому могли успешно функционировать как военно-административные центры, лишь располагая значительным контингентом конницы. Конная служба возлагалась на русских конных казаков, на казаков «литовского», черкасского и новокрещеного списков, а также юртовских служилых татар.

В большинстве городов Западной Сибири около трети состава гарнизонов формировались из «иноземцев», среди которых преобладали служилые татары. В самом крупном сибирском городе – Тобольске – во второй четверти XVII в. этот процент колебался в разные годы от 34,1 до 56,6[211].

Большая часть служилых татар была приписана к Тобольску[212]. В Тобольске служилых татар в XVII в. числилось от 250 до 255 человек (с братьями, детьми и другими неслужащими родственниками, в 1635 г. их было всего 461 человек), в Тюмени находилось в среднем около 75 служилых татар, позднее – свыше 100 человек, в Таре в первой четверти столетия, по официальной справке, их должно было быть 36 человек, в действительности же было 49, 57, затем 65 человек. А в 1701 г., всего служилых, включая взрослых, детей (м.п.) и братьев, насчитывалось 84 человека[213].

---

[210] *Оглоблин Н. Н.* Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). Ч. 3. М., 1900. С. 110.

[211] *Люцидарская А. А.* Старожилы Сибири: историко-этнографические очерки. XVII – начало XVIII в. Новосибирск, 1992. С. 55.

[212] *Никитин Н. И.* Служилые люди в Западной Сибири. Новосибирск, 1988. С. 36.

[213] *Бахрушин С. В.* Сибирские служилые татары в XVII в. … С. 163.

Изменения в численности служилого татарского населения по указанным городам в течение XVII столетия представляют следующую картину.

Общая численность казаков в Тобольске в 1630 г. составляла 730 человек, из которых юртовских служилых татар было 252 человека, или 34,5 % от общей численности. К середине столетия (1663 г.) на 1 645 человек военного контингента Тобольска служилых татар приходилось 249 человек, т. е. 15,1 %. В 1699 г. юртовских служилых татар насчитывалось 256 человек при общем числе всех служилых 2 156 чел. Таким образом, к концу XVII в. татары составили в Тобольске 11,9 %.

В Тюмени в 1630 г. на 334 казака служилых татар приходилось 76 человек, что составляло 22,6 %, в 1663 г. – всего служилых было 698 чел., из них татар – 107 человек или 15,2 %. В 1699 г. из 946 служилых людей татары составляли 108 человек (11,4 %)

В Таре в 1633 г. – всего было 425 служилых людей, из них служилых татар – 50 человек, или 12 %, в 1663 г. – всего 656 человек, служилые татары – 66 человек (10,2 %), в 1699 г. – из 783 человек служилые татары составляли 65 человек (8,2 %)[214].

К концу XVII в. численность военно-служилого контингента сибирских городов значительно выросла. Всего же по трем главным сибирским городам она составила в 1633 г. – 1 489, в 1663 г. – 2 999, а в 1699 г. – 3 885 человек[215].

Общая численность военных в Сибири в течение XVII в. увеличилась почти в 3 раза. Состав же татарских команд Тобольска, Тюмени и Тары остался практически неизменным. Если в 1630 г. он составлял около 380 человек, то в конце XVII столетия служилых татар насчитывается 429 человек. Таким образом, к концу XVII в., в сравнении с началом столетия, наблюдается резкое изменение в соотношении татарского служилого населения к общей массе служилого военного сословия. Доля его в течение столетия уменьшилась с одной третьей от общей численности до одной десятой части.

Следует заметить, что изменения в численности служилого населения городов Западной Сибири соответствовали задачам, встававшим перед военно-административным аппаратом того или иного города в ходе освоения края. Наиболее интенсивно среди сибирских городов увеличивался гарнизон Тобольска, который с 1590 г. становится главным городом Сибири. Превратившись в 1629 г. в центр разряда, состоявшего из девяти уездов, Тобольск оставался столицей всего края и продолжал посылать своих служилых людей в самые различные его районы[216].

Основные функции, исполнявшиеся казаками в XVII в., были следующие: «они содержали везде стражу, употреблялись при построении

---

[214] *Никитин Н. И.* Служилые люди в Западной Сибири… С. 33.
[215] Там же. С. 33.
[216] Там же. С. 27.

слобод, отправляли разные службы по городам при воеводах, чинили сбор ясака в казну от ясашных народов и удерживали их в надлежащем повиновении начальству…»[217]. Наряду с русскими во всех этих мероприятиях участвовали и татарские команды. Русские конные казаки, «литва», новокрещены и юртовские служилые татары обычно выполняли те поручения, которые были связаны с конной службой.

Татарские отряды принимали участие в военных походах против хана Кучума и как составная часть служилого населения Сибири фигурируют в самых ранних документах[218]. Служилые татары ходили в походы не только на хана Кучума, но и на его сыновей и внуков, участвовали в экспедициях, имевших целью постройку сибирских городов, использовались для охраны городков и волостей, подвергавшихся опасности калмыцких и ногайских набегов, а также для различных поручений, которые требовали знания местных условий и связи с населением.

Среди поручений, выполнявшихся сибирскими служилыми татарами в конце XVI – XVII в., особое место занимали различные дипломатические миссии. В число таких поручений входило ведение переговоров с Кучумовыми царевичами, с калмыцкими тайшами; посольства в азиатские страны, а также ведение торговых отношений с Китаем. Следует заметить, что аналогичная служба возлагалась на служилых татар и в бывшем Казанском ханстве, где служилые татары обычно прикомандировывались к посольствам, ходившим к мусульманским государям, а также направлялись с различными уведомительными грамотами в Крым[219]. Известно, что ряд русских посольств во главе с С. Кульмаметевым во второй половине XVII в. направлялся к северомонгольским ханам[220].

Для выполнения подобного рода поручений обычно использовались наиболее авторитетные и знающие представители татарского служилого сословия.

К юртовским служилым татарам как к экспертам по вопросам азиатской политики обращалось даже центральное правительство. Так, например, в 1646 г. из Москвы тобольским воеводам было предложено «тобольских татар, призвав к себе, расспросить, как бы калмыцких тайшей вперед от того отвесть, чтобы они на Тюмень послов своих не присылали»[221].

К служилым татарам тобольская администрация обращалась и для получения от них как местных жителей сведений, касавшихся Сибири. Их показаниями пользовался тобольский воевода Петр Годунов при составле-

---

[217] ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 329. Оп. 13. Д. 7. Л. 440 об.

[218] *Никитин Н. И.* Служилые люди в Западной Сибири… С. 90.

[219] *Степанов Р. Н.* К вопросу о служилых и ясачных татарах // Сборник аспирантских работ. Право, история, филология. Казань: Изд-во КГУ, 1964. С. 63.

[220] РГАДА. Ф. 126. Оп. 1, 2. Д. 77. Дело о русских посольствах к северомонгольским ханам С. Кульмаметьева. 1676 г.

[221] *Бахрушин С. В.* Сибирские служилые татары в XVII в. … С. 167.

нии карты Сибири[222]. Сибирский губернатор М. П. Гагарин в начале XVIII в. пользовался услугами «лутчего татарского мурзы» Сабанака Азбакеева (Кульмаметева) в качестве переводчика с калмыцкого языка при общении князя с «эргецким боярином» о песочном золоте, добываемом близ калмыцкого города Эргета[223].

Особое внимание власти обращали на предотвращение возможных вооруженных выступлений, для чего предпринимались различные меры предосторожности. Важную роль играли служилые татары, оказывая дипломатическое содействие в усмирении «шатостей» в той или иной ясачной волости. В 1616 г. «изменили» тюменские служилые и ясачные татары Терсяцкой волости. Из Тюмени за ними был отправлен отряд, который возглавлял атаман Степан Молчанов, конных казаков вместе с «литвой» и служилыми татарами. Восстание было подавлено.

В 1617 г. в Тюмени «изменили ясачные татаровя Янтура с товарищи». Для подавления восстания были направлены русские казаки и служилые татары. В том же 1617 году у ясачных татар Тюменского уезда бывшими служилыми татарами были отогнаны 30 лошадей. За беглецами была отправлена погоня, возглавляемая казачьим десятником Федором Яковлевым. В эту команду, кроме конных казаков, вошли и 20 служилых татар[224]. После 12-дневной погони беглецы были настигнуты за Тоболом.

В 1629 г. происходит выступление чатских татар и томских новокрещенов. Тобольский воевода А. Трубецкой отправляет в Барабу сына боярского Дмитрия Черкасова и юртовского служилого татарина Аиткула Кизылбаева для приведения «к шерти» изменивших татар, «чтобы им быть под государевою царскою высокою рукою по-прежнему»[225].

В том же 1629 г. из Тары в поход на юртовских и волостных татар, поднявших восстание, были отправлены тобольские головы Федор Елагин и Богдан Аршинский, а с ними были посланы тобольские, тарские казаки и юртовские служилые татары.

Таким образом, в течение XVII в. служилые татары постоянно использовались для подавления выступлений среди ясачного и служилого населения. Перешедшая на службу к новому хозяину сибирская военно-служилая элита не только «верой и правдой» исполняла свои обязанности, но и принимала деятельное участие в пресекании «шатости и измен» как путем дипломатических переговоров, так и вооруженным путем.

На протяжении длительного периода (с конца XVI по конец XVII в.) постоянную угрозу для сибирских волостей представляли набеги калмыцких отрядов, которые грабили русские и татарские поселения, захватывали пленников. Высочайшими указами из Москвы тобольскому, тюменскому и

---

[222] Там же. С. 167.

[223] Памятники Сибирской истории XVIII в. Кн. 2. 1713–1724 гг. СПб., 1885. С. 140.

[224] Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Т. 2. СПб., 1875. С. 349.

[225] *Миллер Г. Ф.* История Сибири… С. 343.

тарскому воеводам было приказано оказывать вооруженное противодействие калмыкам и держать их на известном расстоянии от русских пределов[226]. Для этих целей из казаков и татар (как служилых, так и ясачных), а также из русских «охочих» людей было собрано войско. Весною 1607 г. это объединенное войско нанесло калмыкам значительный урон, хотя, как замечает Г. Ф. Миллер, «и не такой, который заставил бы их уйти от близкого соседства с русскими»[227].

Особо напряженная ситуация складывалась в отношениях с калмыцкими улусами в первой половине XVII в. Как замечает Г. Ф. Миллер, при господствовавшей в то время в Московском государстве смуте такое большое количество внешних врагов могло легко привести к общему восстанию сибирских народов, если бы против этого своевременно не принимались меры[228].

В 1628 г. тюменский воевода Петр Пушкин посылает против калмыков тюменских служилых людей и татар. В результате этого похода «колматцкие люди з государевы вотчины отошли со всеми свои улусы в прежнее свое колматцкое кочевье»[229].

Одной из важнейших функций сибирского казачества в XVII в. было строительство городов и острогов. Служилые татары также принимали участие в возведении многих сибирских городов.

Силами служилых людей, значительную часть которых составляли служилые татары, на среднем Иртыше был поставлен город Тара. Строительство этого города имело огромное стратегическое значение в процессе освоения и удержания сибирских территорий и в борьбе с ханом Кучумом. Общий состав войска, направленного на строительство Тары, насчитывал 1 541 человек. Более двух третей (1 030 человек) отряда составляли татары и башкиры, и только 511 человек – русские, поляки, литовцы и др. В 1604 г. в нижнем течении Томи был поставлен город Томск, который стал главной опорной базой для освоения и обороны Среднего Приобья. В строительстве города участвовали служилые люди из разных городов, в том числе сибирские татары и кодские ханты[230].

Принимали служилые татары деятельное участие и в строительстве главного сибирского города – Тобольска.

Юртовских служилых татар постоянно использовали в ежегодных экспедициях за солью на «Ямыш-озеро». Ежегодно с этого озера вывозилось по несколько тысяч пудов соли. Другие категории конных служилых посылались «по соль» обычно лишь в случае исключительно тревожной военной обстановки. В соляных походах служилые татары участвовали вплоть до конца XVII в. По списку 1678 г. были посланы «за Тару к соляному ямышу

[226] Там же. С. 30.
[227] Там же.
[228] Там же. С. 32.
[229] Там же. С. 338–339.
[230] История казачества Азиатской России. Т.1. Екатеринбург, 1995. С. 27.

озеру …с письмяным головою 1 человек сотник стрелецкой… да стрельцов да пеших казаков 250 ч-к, 3 ч-ка пушкарей да татар 100 человек»[231]. Побывавшие в конце XVII в. в Сибири Избрант Идес и Адам Бранд писали, что «между истоками Тобола и Оби вплоть до Ямышева озера живут калмыки. Каждые несколько лет у татар происходят стычки с калмыками, которые противятся вывозу соли, но волей-неволей вынуждены уступать…»[232].

По одному из документов первой половины XVII в., именному списку 1628 г., можем наблюдать, на какие службы направлялись служилые татары сибирских городов в указанный период. Из состоявших в Тобольске 258 юртовских служилых татар на годовую службу в Томск были отправлены 40 человек служилых татар, вместе с ними было также направлено 20 человек русских казаков, «литвы» и стрельцов. Кроме того, «с государевы хлебные запасы» для жалованья томским служивым людям в Томск были посланы «сын боярский, а с ним из Сургута в гребцах послано литвы и казаков и стрельцов 13 человек да тобольских юртовских татар 15 человек»[233]. 2 служилых татарина вместе с казаком литовского списка были отправлены для проведывания всяких вестей в «колмаки». Всего по службам и в рассылках из Тобольска находилось 23 человека детей боярских, стрелецкий сотник, 272 человека «литвы», казаков и стрельцов, а также 147 человек юртовских служилых татар. Оставшиеся служилые татары «гоняют гонбу з захребетными тотары и з братьею своею, и с племянники на четыре дороги: на Березов, в Сургут, в Нарымский и Енисейский остроги, и в Томской город, и в Кузнейский острог. А на другую дорогу, на Тару, на третью дорогу, на Тюмень, в Туринской, на Верхотурье, на четвертую дорогу – на Пелым»[234].

Кроме того, остававшиеся в городе казаки и юртовские служилые татары использовались на государевых рыбных ловлях, отправлялись в посылки «в приставех и в толмачех», «по Ировую рыбу в судех», а также в ясачные волости для сбора ясака.

В г. Таре в 1628 г. состояло 57 человек юртовских служилых татар. 10 человек тарских юртовских служилых татар совместно с 100 казаками и стрельцами были отправлены на Ямыш-озеро «по соль». Также по 10 юртовских татар вместе с другими категориями служилых людей направлялось «по переменам помесячно без престани» в верхние ясачные волости «для береженья от колмацких людей». Оставшиеся в городе служилые татары и казаки посылались «в проезжие станицы и на отъезжие сторожи, и на городе, и на остроге караулы караулят, а зимнею порою, с осени, покаместа не укинут болшие снеги, посылают в верхние ж и в нижние ясачные волости для береженья от колмацких людей человек по 15 и болши, пото-

[231] Тобольск. Материалы… С. 33.
[232] Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695 гг.). М., 1967. С. 227.
[233] Первое столетие сибирских городов. XVII в. // История Сибири. Первоисточники. Вып. 7. Новосибирск: Сиб. хронограф, 1996. С. 52–53.
[234] Тобольск. Материалы… С. 70.

му что Тарской город волости на степи, и колмацкие люди приходят кочевать неподалеку»[235]. Если же вести бывали «не тихи», то в Тару для поддержки тарского контингента направлялись служилые люди из Тобольска.

Тюменские служилые татары также направлялись в соляные походы на Ямыш-озеро, использовались на годовой службе в г. Томске, куда ежегодно отсылалось по 20 человек юртовских служилых татар. Казаки и служилые татары, остававшиеся в Тюмени, направлялись «в проезжие станицы, и на отъезжие сторожи и на заставу для государевы десятые пошлины в Тюменской уезд, и на городе и на остроге караулы караулят…»[236].

Одним из самых крупных в Сибири был гарнизон г. Томска. К 1628 г. в нем насчитывалось 480 служилых людей. Из них 112 человек составляли годовальщики. По документам XVII в. известно, что в г. Томске, наряду с «11 человек голов и детей боярских с атаманом, 349 человек Литвы и казаков…», также состояло на службе «томских татар да чатцких и тулуманских мурз и татар 120 человек»[237]. В 1627 г. из Тобольска туда был отправлен сын боярский, с которым прибыло 20 человек литвы, казаков и стрельцов, 40 человек служилых татар, из Тюмени – 30 служилых людей, в т.ч. 20 татар. В 1628 г. в Томск были отправлены из Тобольска во главе с боярским сыном 40 служилых татар, а из Тюмени – 10 русских и 15 служилых татар. К 1635 г. гарнизон Томска вырос до 628 служилых людей, что позволило отказаться от присылки годовальщиков из других уездов[238].

Уже в первой половине XVII в. в Тобольском и Тарском уездах была организована система застав и острогов для отражения набегов калмыков. Калмыки часто объединялись с сыновьями, затем и с внуками Кучума и совершали совместные походы на тобольские и тюменские волости. Они направляли свои силы главным образом в сторону рек Иртыша и Тобола. Для защиты от набегов кучумовичей и калмыков были организованы отряды казаков и служилых татар. Около 1631 г. для защиты от набегов калмыков и кучумовичей были построены в Тарском уезде остроги Каурдатский, Тебендинский, Ишимский, в Тобольском – Вагайский и Тарханский. Тарханский острог «был укрепленным местом у сибирских татар и назывался Тархан-кала»[239]. На месте древней татарской крепости Чубар-тура в 1624 г. была построена слобода Чубарова.

В эти остроги из Тобольска направлялись казаки-годовальщики.

Крупные партии годовальщиков направлялись из Тобольска в Тару, которая в первые десятилетия XVII в. находилась в наиболее опасном из всех сибирских городов положении. Так, в 1632 г. из Тобольска в Тару бы-

---

[235] Первое столетие сибирских городов. XVII в. … С. 53–54.
[236] Там же. С. 54.
[237] Там же.
[238] *Пузанов В. Д.* Служба годовальщиков в Западной Сибири XVII в. // Славянский ход 2005: материалы и исследования. Альманах. Вып. 2. Ханты-Мансийск; Сургут; СПб., 2005. С. 111–112.
[239] Тобольские губ. ведомости. 1859. № 4. Отд. 2. Часть неоф. С. 4.

ло послано 100 человек во главе с сыном боярским Иваном Шульгиным: 40 литвы и конных казаков и 60 юртовских служилых татар. Несколько позже туда было направлено еще 50 человек: 20 стрельцов и пеших казаков и 30 юртовских служилых татар.

В 1661 г. в Атбашский острог сроком на один год был отправлен отряд, который состоял из 40 человек литвы, новокрещенных, конных казаков и татар[240]. А в 1669 г. туда же на годовую службу было послано 40 тобольских служилых людей – 28 литвы, казаков и новокрещенов и 12 служилых татар.

В Чубаровскую слободу из Тюмени ежегодно направлялось по 10 стрельцов и пеших казаков, а с ними 10 конных казаков[241].

В целом исследователями выделяются три района Западной Сибири, куда обычно направлялись годовальщики. Первый – район в треугольнике трех русских крепостей Томск-Кузнецк-Красноярск, где на протяжении всего XVII века шла борьба с енисейскими киргизами, за которыми стояли монголы и ойраты. Во-вторых, это Тарский уезд, где русским приходилось воевать с Кучумовичами и ойратами. В-третьих, это юго-запад Сибири – Верхотурский, Туринский, Тюменский и Тобольский уезды, где происходили столкновения с кучумовичами и ойратами, а позднее – с башкирами и вогулами[242].

Все категории служилого населения Сибири в XVII в. имели право на три вида жалованья – денежное, хлебное и соляное. Исключение составляли юртовские служилые татары. В большинстве своем они не получали хлебного жалованья[243].

По данным Н. И. Никитина, средний оклад рядовых пеших казаков и стрельцов в «пашенных» (где были благоприятные для «пашни», т.е. занятий земледелием условия) городах в XVII в. составлял 4,25 руб.[244] Более высокие оклады были в столице Сибири среди таких категорий, как дети боярские, юртовские служилые татары, а также среди «начальных людей». Численность юртовских служилых татар, имевших хлебное жалованье, до конца столетия была невелика даже в главном сибирском городе Тобольске. В Таре служилые татары никогда не получали хлебного жалованья. Оклады денежного и соляного жалованья большинства служилых татар были ниже, чем у служилых других военных категорий. Как считает Н. И. Никитин, этот факт сближает служилых татар с ясачными, придавая их службе черты повинности, заменяющей ясак[245]. По его мнению, это представляет пример распространенной в Сибири практики фактического вычитания суммы ясачного оклада из жалованья служилых людей, набранных из коренного населения.

---

[240] *Пузанов В. Д.* Служба годовальщиков в Западной Сибири XVII в. … С. 109.
[241] Там же. С. 111.
[242] *Пузанов В. Д.* Служба годовальщиков в Западной Сибири… С. 116.
[243] *Никитин Н. И.* Служилые люди… С. 105.
[244] Там же. С. 106.
[245] Там же. С. 109.

Размеры жалованья существенно различались не только между различными категориями служилого населения, но и внутри определенной категории в разных городах. Оклады тобольских служилых, в том числе и служилых татар, были намного выше, чем у служилых других городов. В 1629 г. тарские юртовские служилые татары направили к царю челобитную о «придаче» к денежному жалованью «против» тобольских служилых татар и о поверстании в службу их сыновей, племянников и пр. В ответ на эту челобитную последовал царский приговор о том, что «государь слушал и указал: отписать на Тару – велеть юртовским татарам сказать, чтоб они о том не били челом, быть им в тех своих окладах и впредь по-прежнему: и в московских городах у государя городы не все ровны, а им с Тобольском не ровнятся»[246].

По справке 1631 г. в г. Тобольске 4 человека получали по 12 руб., 4 – по 11, 2 – по 9, 10 – по 8, 18 – по 7, 18 – по 6, 36 – по 5, 68 – по 4, 1 – 3 руб. 50 коп. и 82 человека – по 3 рубля. Кроме того, 12 человек, которые получали старшие оклады, получали еще и по 2 чети ржи и 2 чети овса. Тюменские татары получали приблизительно такое же жалованье. 1 человек получал 12 рублей и хлебное жалованье, другой («ясаул») – 9 рублей и тоже хлеб, 3 человека получали по 8 рублей, 8 – по 7, 1 – по 6 руб. 50 коп., 7 человек – по 6 рублей, 15 – по 5, 5 – по 4 руб. 50 коп., 17 человек – по 4 рубля, 1 – 3 руб. 50 коп. и 16 человек – по 3 рубля. Размеры окладов тарских татар были значительно меньше. 1 человек получал 7 руб., 1 – 6 руб., 1 – 5 руб., 12 – по 4 руб., 10 – по 3 рубля. Только 2 человека пользовались хлебным жалованьем[247].

Согласно окладным книгам 1696 г. самые большие оклады среди тобольских служилых татар были у голов служилых татар – Авазбакея Кульмаметева – 23 рубля, и его сына Сабанака Азбакеева – 16 рублей. Наибольшие оклады среди служилых татар – по 15 рублей – были у Кармышана Кочемаметева, Тахлыбая Копландина, Юзюпа Алышаева, Мамета (по другим источникам – Ишмамета) Семенеева и Мамет Мурата Азбакеева. По 14 рублей получали Акшац Мамеделеев, Кутлумамет Исенеев, Аничко Аиткулов, Урмашко Надыров[248]. Русская администрация сохраняла иерархию среди «лучших людей» аборигенного населения на протяжении XVII в., поэтому в окладах служилых татар отражалась социальная значимость прежней ханской элиты. Кроме того, обычно на места умерших служилых с их окладом приверстывались их дети или братья. Исходя из этого, в указанных служилых татарах со старшими окладами можно видеть потомков высшей аристократии Сибирского ханства, в том числе, возможно, и карача-беков.

Самый высокий оклад среди всех категорий служилого населения, включая даже русских чиновников, был у тобольского татарского головы.

---

[246] *Оглоблин Н. Н.* Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). Ч. 3. М.: Университетская типография, 1900. С. 118.

[247] *Бахрушин С. В.* Сибирские служилые татары в XVII в. … С. 171.

[248] Тобольск. Материалы… С. 59.

По окладным книгам 1647–1648 гг., в первой половине XVII в., оклад татарского головы составлял 30 рублей деньгами, 30 четвертей ржи, столько же было положено овса, а также 3 пуда соли[249].

Уже с XVII в. начинает практиковаться система, когда служилым татарам наряду с русскими казаками вместо хлебного жалованья давались пашни.

Как очень верно заметил С. В. Бахрушин, «покровительствуя местной знати, чтобы через ее посредство держать в повиновении черное ясачное население, ничем явно не затрагивая ее привилегий и преимуществ, правительство незаметно ослабляло ее независимое положение и низводило вчерашних феодальных владетелей на положение рядовых русских служилых людей «по прибору». Былые независимые «государи» собственных улусов, сами того не замечая, быстро становились простыми служилыми людьми «по прибору», покорно несшими служебные обязанности за небольшое денежное вознаграждение и за хлебный паек», «юридически ничего не утратив от былых своих привилегий, фактически из вольных вассалов сибирских ханов превращались в холопов московских царей»[250]. Согласно Крестоприводной книге 1682 г., «юртовские служилые и захребетные татара, по спискам и сверх списков, приведены на съезжем дворе к шерти»[251]. Будучи мусульманами, служилые татары клятву в верности новой власти обычно давали на Коране.

Постепенно они утрачивают свое положение «лучших» людей и уже к концу XVII в. представляют собой достаточно однородную массу. Эти тенденции еще более усиливаются в XVIII в.

Процесс превращения сибирских служилых людей в замкнутую сословную группу был характерен в целом для служилого сословия[252]. Аналогичные процессы происходят и среди служилых татар, которые все более воспринимаются лишь как часть служилого сословия. Показательно, что уже с конца XVII – начала XVIII в. в отношении служилых татар все чаще применяются термины «татарская казачья команда», «татары-казаки» и пр., в то время как в предшествующий период обычно употреблялись термины «служилые (служивые) татары», «лучшие люди» и пр.

Известно, что русская администрация обычно в XVI–XVII вв. использовала потенциал и административную структуру завоеванного государства. Поэтому назначение на должность тобольских голов потомков беклярибека Сибирского ханства Кульмаметевых было неслучайно и вполне логично. Обычно в татарских ханствах в ведении беклярибеков находились военное и дипломатическое ведомства, а также высшее гражданское

---

[249] *Никитин Н. И.* Служилые люди… С. 110.
[250] *Бахрушин С. В.* Сибирские служилые татары в XVII в. … С. 173.
[251] Тобольск. Материалы… С. 65.
[252] *Никитин Н. И.* Служилые люди… С. 71.

судопроизводство[253]. Функции татарского головы включали в себя многие из тех функций, которые были характерны для карача-бека (беклярибека). Татарскому голове была вручена огромная власть над аборигенным населением. Он осуществлял руководство военным контингентом – служилыми татарами. Кроме того, ему принадлежали «суд и расправа» как над служилыми, так и над ясачными татарами.

Показательно в связи с этим и то, что даже в первой половине XVIII в. с мурзами Кульмаметевыми «сносились» кочевые властители. Так, например, в сентябре 1716 г. от Хаип хана из «Казачьи Орды» к мурзе Сабанаку Кульмаметеву прибыли посланцы Бекбылат Екешев, Байдеулет Буриев с тем, чтобы тот донес губернатору Сибири М. П. Гагарину, «что он Хаип хан с царским величеством желает быть в вечном миру»[254].

Обладая огромной властью, Кульмаметевы всячески старались пополнять свое богатство, используя для этого как законные, так и незаконные способы. По мнению Ф. Т. Валеева, размеры земельных угодий Кульмаметевых, расположенных в волостях Тобольского и Тюменского уездов, были столь велики, что один из первых представителей этого рода – Сабанак, – даже точно не знал площади своей земли. По данным Всероссийской переписи населения 1897 г., Кульмаметевым принадлежало около 35 тыс. десятин земли[255]. Эти огромные владения, включавшие земельные, сенные наделы, «рыбные и зверовые ловли», приобретались ими путем пожалований за службу, покупок угодий у татарского и русского населения, а также многочисленных отступных.

В 1725 г. губернатор князь В. Долгорукий добивается утверждения в Сенате нового штатного расписания служилого войска. Новое расписание в дальнейшем получило известность как «долгоруковские штаты». Условия этих штатов существенно отличались от предыдущего расписания 1703 г., составленного под руководством думного дьяка А. Виниуса. В основу «долгоруковских штатов» была положена реальная численность казаков на 1724 г. с некоторым перераспределением по городам (это касалось русских команд) и незначительным сокращением. По новому расписанию общая численность служилых людей и численность отдельных гарнизонов уменьшилась.

Штатная реформа В. Долгорукого действовала до 1737 г. Главной причиной новой реформы 1736–1737 гг. послужил острый дефицит регулярных войск за Уралом. Гарнизонная пехота, которая преобладала в структуре сибирских регулярных войск, не могла быть использована для охраны протяженной сибирской границы от подвижных степных кочевников, которые постоянно тревожили русские пределы.

---

[253] Татарский энциклопедический словарь / гл. ред. М. Х. Хасанов. Казань, 1999. С. 69.

[254] Памятники Сибирской истории XVIII в. Кн. 2. 1713–1724 гг. СПб., 1885. С. 152.

[255] *Валеев Ф. Т.* Сибирские татары. Культура и быт. Казань. 1993. С. 66.

В соответствии со штатами 1725 г. общая численность служилых людей Сибирской губернии (вместе со служилыми татарами) составила 9 360 человек, без татар она составила 8 897 чел. Самая большая численность служилых наблюдалась в Тобольске – 1 150 человек. Это составляло четвертую часть от штатной численности всех служилых Западной Сибири[256]. По «долгоруковским штатам» предусматривалась ликвидация деления казаков на «списки» и вводилась некоторая унификация начальствующего состава: в них перечислялись должности голов, атаманов, сотников, пятидесятников.

По штату 1725 г. у тобольских служилых и у подгородных ясачных татар было определено 2 головы. Один голова служилых татар и один голова ясачных татар.

В 1737 г. Сибирский приказ сделал новое «расписание», по которому в русских казачьих командах г. Тобольска по штату должно было состоять 583 человека казаков, в татарских казачьих командах «голов 1-го класса – один, 2-го – один, поручиков – 6, подпоручиков – 2, атаманов – 8, сотников – 4, писарь – один, казаков – 364, при них лошадей 382»[257].

По штату 1770 г. рядовых татар-казаков в Тобольске должно было состоять не менее 363 человек. Во второй половине XVIII в. в Тобольской татарской команде было положено по штату 376 человек служилых татар и 253 человека их детей. Реально же в команде состояли: 1 голова первого класса, 1 голова второго класса, 8 атаманов, 4 сотника, 1 писарь и 361 казак. Всего – 376 человек. В Тюмени на службе состояло 104 казака. По штату было положено: сотник – 1, пятидесятник – 2, капралов – 4, казаков – 97, а всего – 104; в наличии: сотник – 1, пятидесятников – 2, казаков – 94. Всего 97 чел. Их детей – 55. Томскую казачью команду составляли 79 человек. Из них: 1 старшина, 1 есаул и 77 казаков[258].

В г. Таре к концу XVIII в. служилые татары уже не фиксируются. В рапорте губернатору Тобольской губернии Б. А. Гермесу от 29 июля 1802 г. тарский городничий Зеленый докладывал: «…а татарской казачей команды по городу Таре по штату не показано и в наличии таковых казаков не состоит…»[259].

Несколько меняется состав татарских команд к концу столетия. К концу XVIII в. в тобольской команде состояли: из мурз голова 1 класса – 1 (в чине майора), 1 голова 2 класса (капитан), атаманы (поручики) – 6, сотники (подпоручики) – 2, не имеющие офицерских чинов – 2, писарь – 1, казаков конных числилось 567 человек[260].

Важные шаги в XVIII в. были сделаны по укреплению корпоративности татарского служилого сословия. По правительственным указам, на-

---

[256] *Огурцов А. Ю.* Штатная реформа 1736–1737 гг. и служилые казаки Западной Сибири // Казаки Урала и Сибири в XVII–XX вв. Екатеринбург, 1993. С. 70.
[257] ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 329. Оп. 13. Д. 7. Л. 96 об.
[258] Там же. Л. 12.
[259] Там же. Л. 18.
[260] Там же. Л. 98 об.

правленным в ответ на прошения служилых татар, было определено «служилых татар и бухарцов в подушной оклад не класть и никакими мирскими службами не утеснять», а по грамоте 1736-го года «по прошениям тобольских служилых махометан» «детей их из ясашного платежа выключить с захребетными татарами не числить а приверствывать тех казачьих детей на выбылые места вместо умерших и престарелых»[261].

Также по высочайшей грамоте 1705 г. и по указу 1744 г. было предписано «об определении на места их [служилых татар – *З.Т.*] других из детей братьев и племянников их же»[262]. Таким образом, складывается и утверждается определенная внутрисословная замкнутость служилых татар.

В XVII–XVIII вв. гарнизон сибирской столицы был знаком буквально со всеми видами «служб», осуществляемых за Уралом. Тобольск рассылал своих служилых людей по всей Сибири, и им наряду с представителями местных гарнизонов приходилось выполнять самые различные поручения. В одном из документов перечисляются возлагавшиеся на казаков поручения: «Служба казаками ныне управляемая по гражданской части многоразлична, они исправляют при казенных запасных хлебных магазинах должности вахторов и содержат караулы, находятся при губернских и уездных судах, городских и земских полиции для благоустройства в городах и уездах, понуждают ясашных к уплате ясака, … содержат караулы при тюремных острогах и пр.»[263].

Казаки «иррегулярной татарской из магометан команды» стояли на караулах при тюремных острогах, у городских ворот, на крепостных башнях, у «зелейного погреба», различных административных зданий. Кроме того, они сопровождали казенные грузы и партии ссыльных, выполняли полицейские функции.

Часто казаки использовались как рабочая сила. Так, в 1700 г., тюменский воевода сообщает, что при приготовлении материалов для казенных построек в Тобольске и Тюмени тюменским служилым и захребетным татарам и бухарцам, наряду с другими категориями служилого населения Тюмени, было приказано «изготовить 500 тесниц, 1000 слег, в отрубе в ширину и длиною в вышеписанную меру. Да им же тюменским всяких чинов людем велеть бы изготовить 60000 драниц самых добрых…»[264]. При всем этом казаки не оставляли и ратное дело.

В начале XVIII в. служилые татары, как и в предыдущем столетии, в числе прочих категорий служилого населения, используются при строительстве городов и острогов. Так, в 1705 г. в грамоте тюменскому воеводе о постройке нового острога «на место истребленного пожаром» указано, что тот острог и башни и всякие крепости… строить тюменским всяких чинов служилыми людми, и ручники, и обротчики, и юртовскими служи-

[261] Там же.
[262] Там же. Л. 101.
[263] Там же. Л. 448–448об.
[264] Памятники Сибирской истории XVIII в. Кн. 1. 1700–1713 гг. СПб., 1882. С. 26.

лыми татары, и ямскими охотники, и посацкими людми. И пашенными и оброчными и монастырскими крестьяны»[265].

Служилые татары по-прежнему выполняли поручения, связанные с конной службой. Они использовались в качестве гонцов, направлялись в военные походы в степь, на южных границах Сибири несли караульно-сторожевую службу, охраняли «по переменам» острожки в лесостепной полосе. Также из конных казаков составляли посольства для переговоров со степными феодалами, на них возлагалась охрана миссий в Китай. Как и в предшествующий период, в XVIII в. служилые татары выполняли дипломатические поручения. Их, дав предварительные «увещевания и наставления», направляли муллами и толмачами в киргиз-кайсацкие орды. Из числа служилых тобольских татар назначались муллы на пограничные линии для распространения ислама между киргизами и казахами. Жалованье этим муллам назначалось от русского правительства. Делалось это в противовес влиянию на киргизов среднеазиатских проповедников[266].

Служилые татары участвовали в посольствах «к знатным киргискайсацких орд старшинам» для «приведения киргискайсаков к наивсегдашнему с российским народом благоустройству»[267]. Мурзы Кульмаметевы неоднократно отмечали, что им лично постоянно приходилось заниматься переводом «присылаемых от самих киргискайсацких ханов, султанов … листов с их диалекта» на русский язык и обратно[268].

Выполнялись служилыми татарами поручения, связанные с разведывательной деятельностью. Так, П. Словцов сообщает, что в феврале 1704 г. «в Малую Бухарию для покупки ревеня» был отправлен Сабанак Кульмаметев, при этом Словцов выказывает удивление тому обстоятельству, что татарин был отправлен для покупки ревеня, когда можно «приобресть его дома или на границе» и предполагает, что Сабанак Кульмаметев был «послан внутрь Татарии с тайными препоручениями»[269].

В то время как служилые татары других городов (Тобольска, Тюмени), к этому времени уже давно были освобождены от подводной гоньбы, служилые татары г. Томска даже в начале XVIII в. по-прежнему выполняли эту повинность. Они направляют многочисленные челобитные в Москву с просьбой освободить от подводной гоньбы. С одной из этих челобитных в 1708 г. отправились в Москву в Сибирский приказ томские служилые татары Кияк Аикулов «с товарищи». Однако у Соли Каменской они были задержаны и «ждучи многое время одолжали и оскудели». Он обращаются с просьбой к царю: «служили мы тебе в Томску всякую твою госу-

---

[265] Там же. С. 277.

[266] *Щеглов И. В.* Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032–1882 гг. Иркутск: Восточно-Сибирский отдел ИРГО, 1883. С. 313.

[267] ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 329. Оп. 13. Д. 7. Л. 98.

[268] Там же.

[269] *Словцов П. А.* Историческое обозрение Сибири (1585–1742). Кн. 1. М., 1838. С. 185.

дареву службу… вели государь для нашей скудости и нашего иноземчества дать нам свое царево жалованье выход и поденный корм и сукна против нашего…»[270]. В том же 1708 г. из Сибирского приказа приходит грамота, по которой служилые татары г. Томска были освобождены от подводной повинности[271].

Как и в предшествующий период, казачество выполняло карательные функции. Так, в 1720 г. служилые татары участвовали «в усмирении» бунтовавших в Сургутском уезде ясачных людей.

В XVIII столетии одним из важнейших направлений деятельности казачьих подразделений по-прежнему остается охрана юго-восточных рубежей от набегов киргиз-кайсацких орд, которые не оставляли в покое южные волости.

С 1736 по 1741 г. основные силы иррегулярного казачьего войска были брошены на борьбу с башкирскими «бунтовщиками». Служилые татары, наряду с русскими казаками, командировались «для усмирения башкирцев» на пограничные Сибирские линии[272]. В этот период в борьбе с башкирцами и киргиз-кайсаками погибли 583 русских казака и 39 «верных иноверца», под которыми надо иметь в виду служилых татар[273].

Как и в предшествующий период, наиболее обременительной службой для всех категорий казаков оставались «дальние посылки», из них же – «годовая служба». Она организовывалась для укрепления малочисленных гарнизонов или для несения службы там, где своих ратных людей вообще не было, либо во вновь построенных городах и острогах, либо в мелких крепостях, прикрывавших южную границу Сибири от кочевников. Нередкой была и посылка годовальщиков в восточные районы Сибири. Чаще всего годовальщики направлялись в новые остроги, гарнизоны которых не могли справиться самостоятельно. Такая служба длилась по году, как правило, лишь в близкорасположенных от своего гарнизона местах, а при «дальних посылках» служилые люди оставались в «годовальщиках» обычно по несколько (до 6–8 и более лет), некоторые же оставались там навсегда.

В команде Чебаркульской крепости в июле 1742 г. из 91 человек гарнизона, на службе состояли из татарских казачьих команд 8 тобольских и 2 тюменских татарина.

В гарнизоне Карагайской крепости в этот период состояло 115 казаков русских и татарских команд из разных городов[274].

В середине XVIII в. 150 служилых татар несли службу при Верх-Иртышских крепостях[275].

---

[270] РГАДА.Ф. 214. Д. 1456.
[271] Там же.
[272] ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 329. Оп. 13. Д. 7. Л. 97.
[273] РГАДА. Ф. 199. Д. 481. Ч. 6. Л. 247.
[274] РГАДА. Ф. 199. Д. 481. Ч. 6. Л. 257.
[275] *Пузанов В. Д.* Служба годовальщиков в Западной Сибири… С. 114.

Казаки томской татарской казачьей команды около 8 лет находились в Екатерининском заводе «для содержания караулов». В августе 1800 г. от них поступает челобитная с просьбой о смене, где казаки указывали, что «через се их долговременное бытие домы их приведены во всекрайнее разорение»[276].

Старшина Томской казачьей татарской из магометан команды Назир Карин Имашев сообщал тобольскому гражданскому губернатору Д. Р. Кошелеву об отправлении еще в 1797 г. в казенные винокуренные заводы казаков своей команды: в Красноречинский – 11 человек, в Боготольский – 7, в Каменский – 8 и в Екатерининский – 5. Всего было направлено 31 человек, «где и поныне [в 1800 г.] кроме 2 умерших находятся в карауле безотлучно…»[277].

В июне 1800 г. тобольскому губернатору Д. Р. Кошелеву поступил рапорт от директора Семипалатинской пограничной таможни Масленникова с просьбой причислить тобольского казака Али Калинеева к таможне в число «объесщиков», «дабы он занимался одною только толмаческою должностью». Было обнаружено, что упомянутый казак Али Калинеев был «в переводе с азиатского разговора на русской замечен довольно знающим». Хотя срок службы А. Калинеева истек уже в ноябре 1799 г., и он был сменен и отпущен к своей команде, но, в связи с постоянной необходимостью в переводчиках на таможне «по всегдашнему обращению азиатцев в торговлю», с согласия головы тобольских служилых татар Сабанака Кульмаметева, Али Калинеев был оставлен при Семипалатинской таможне[278].

По одному из рапортов татарского головы конца XVIII в. можно определить обычные направления служебной деятельности татар-казаков. Так, «для караула и разных посылок» в земские суда были направлены: в Курганский – 4 человека, в Тарский – 8 казаков, в Ишимский – 4, в Ялуторовский – 4 человека. В Кургане «при городническом деле» служили 5 казаков татарской команды. 7 казаков несли службу в качестве переводчиков в 6-ти линейных крепостях. 112 человек оставались в Тобольске, неся службу в полиции, казенной палате, при колодничьих делах в земском суде, а также на двух казенных перевозах, для разных посылок и содержания караулов, для присмотра за казенными судами и препровождения колодников. 22 казака служили в Падунском и Успенском заводах, а также в Тюменском суде «для содержания стражи и посылок». В указанные места казаки командировались «по очередям и смотря по временам и надобности»[279].

Во второй половине XVIII в. остававшиеся при командах служилые татары «употреблялись в разные городовые караулы». Они находились на различных службах в городе: служили посменно на карауле в полиции, в казенной палате, в тюремном остроге, в земском суде и рабочем доме, на

[276] ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 329. Оп. 13. Д. 34. Л. 233.
[277] Там же. Л. 86 об.
[278] ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 329. Оп. 13. Д. 34. Л. 196–196 об., 212.
[279] ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 329. Оп. 13. Д. 7. Л. 12 об.

карауле при Потчувашском и Абалакском казенных перевозах. Казаки татарской казачьей команды направлялись в нижние земские суды уездных городов к городничим и частным комиссарам, к губернскому и уездному землемерам «для разных случающихся посылок», а также в Петропавловскую, Семипалатинскую, Омскую и другие таможни в толмачи[280].

Казаки обычно несли службу «посменно», т.е. по очереди. Так, в декабре 1800 г. 70 казаков, находившихся на службе с 1798 и 1799 года, из которых 10 находились в Екатерининском винокуренном заводе, 32 человека в нижних земских судах (Тарском, Ишимском, Ялуторовском и Курганском), по наступлению окончания срока пребывания их в тех местах, были заменены, кроме одного прапорщика и при нем одного казака, которые оставались в ведении Тобольской камерной части при сдаче соли без смены, а также оставшихся в карауле при денежной казне, раздающейся работным людям трех казаков, были направлены на смену другие[281].

Существенной разницы в характере службы между русскими казаками и татарами не наблюдалось. Так, например, на место неспособного к службе казака Ефрема Чернышева в таможню крепости Святого Петра мурзой Кульмаметевым был отправлен казак Тобольской казачьей команды Шамши Шагаферов[282].

Тобольские служилые татары несли службу на двух тобольских перевозах через р. Иртыш. С 1705 по 1778 г. Подчувашский перевоз содержался тобольскими служилыми татарами. В 1778 г. до 1781 он был отдан на откуп вольным людям. В 1781 г. генерал-губернатор Кошкин вновь закрепил Абалакский и Подчувашский перевозы за служилыми татарами[283]. В рапортах начальству указывалось, что «на перевозах через р. Иртыш под Чувашом (за старшину Сафар Багышов с ним 11 казаков), под Абалаком (за старшину Сафаров с ним 11 казаков)»[284].

Казаки часто использовались для сбора государственных податей. Так, в Ялуторовский земской суд были отправлены 4 казака татарской команды «для понуждения в сбор государственных податей»[285]. А в нижние земские суды для взыскания государственной подати с поселян были командированы казаки по округам: в Тарский – 8 человек, в Ишимский – 4, в Ялуторовский – 4, в Курганский – 4[286].

Служилые татары принимали участие и в подавлении Пугачевского восстания. Так, в одном из документов мурза С. Кульмаметев отмечал, что «во время бывшего в 1774 г. внутреннего замешательства были они также употреблены». Известно, что в сформированном генерал-поручиком И. Де-

---

[280] ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 329. Оп. 13. Д. 7. Л. 12.
[281] ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 329. Оп. 13. Д. 34. Л. 31, 99.
[282] ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 329. Оп. 13. Д. 34. Л. 27.
[283] ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 329. Оп. 10. Д. 11. Л. 493.
[284] ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 329. Оп. 13. Д. 34. Л. 115.
[285] Там же. Л. 77.
[286] Там же. Л. 32 об.

колонгом корпусе для подавления восстания Е. Пугачева было 5000 казаков из иртышских крепостей[287]. Татарская казачья команда занималась «розъездом и поимкой беглых, укрывающихся по разным местам и охранения облежащих около города Тобольска селений от бунтовщиков». Также в документах отмечалось, что казаки-татары «и потом находились во многих экстренных и секретных посылках…»[288].

До 1798 г. не существовало определенных положений, по которым казаки выходили в отставку. Губернаторы и коменданты предоставляли отставку казакам «по единому своему усмотрению»[289]. В 1798 г. выходит указ, по которому «получают казаки отставку от службы не иначе как по выслуженной во оной 25 лет или по болезням, делающим их совершенно к службе неспособными»[290]. Также в указе было предписано, что казачьи команды должны комплектоваться «на выбылые места» только казачьими детьми. Но даже при выходе в отставку по истечении 25-летнего срока службы «именным высочайшим указом» определялось, чтобы «при отставке казаков от службы брать с них подписи для того, что когда случится надобность в них, чтобы они на временную службу [выходили]»[291].

Мурза С. Кульмаметев в рапорте тобольскому гражданскому губернатору Д. Р. Кошелеву в конце XVIII в. докладывал о том, что по результатам осмотра служилых татар «оказалось за старостию лет и разно одержимыми болезнями, кои конной и пешей служб продолжать более не способны» 43 человека. Далее он сообщает, что казаки, оказавшиеся неспособными к службе, «желают по получении из службы отставки остаться в нынешних своих жительствах на своем пропитании». На их место он представлял 67 казачьих детей в возрасте от 13 лет и выше, пригодных, но не определенных еще в службу.

Во второй половине XVIII в. С. Кульмаметев часто ссылался на нехватку казаков в его команде. Он просил «приумножить» татарскую казачью команду, отмечая, что хотя в команде и состоит 345 казаков, но в связи с несением «разных и в немалом количестве в городе и по линиям на службу требующихся нарядов и командировок в другие дальние места», считает свою команду весьма недостаточной, а для самих казаков «по малости их изнурительной». Он предлагал пополнить тобольскую команду «из находящихся без определения в Тюменской из магометан же казачьей команде казачьих детей совершеннолетних, которых поныне там указательно состоит в праздности и давно уже должны поступить в службу более 200 человек»[292].

---

[287] История казачества Азиатской России. Т. 1. … С. 79.
[288] ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 329. Оп. 13. Д. 7. Л. 104, 441.
[289] Там же. Л. 446.
[290] Там же. Л. 447 об.
[291] Там же.
[292] ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 329. Оп. 13. Д. 34. Л. 218–218 об.

Он указывал на то, что из-за недостатка казаков, «в месячную службу … из них некоторые остаются бессменно», что, конечно, для них было обременительно. Свобода от служебных обязанностей казакам была особенно необходима во время полевых работ, т.к. «они состоят на малополучаемом денежном жалованье и во время нахождения в службе на провианте, а семейства их, то есть жены, дети и у некоторых престарелые отцы, матери, братья и др. родственники находятся при … самобеднейшем состоянии без денежного призрения и помощи, … равно и себя казаки содержат в нужном доволствии от … хлебопашества и скотоводства»[293].

Несение службы часто становилось обременительным для татар-казаков. Безусловно, главной причиной служебных тягот являлись дальние многолетние посылки.

Кроме того, служилые татары на службу должны были являться на собственных служебных лошадях, а также иметь все необходимое для несения службы обмундирование и аммуницию, «как то ружья сабли сумы с перевязями платье и обувь». Все это они должны были приобретать за собственный счет. Особенно дорогой была покупка служебных лошадей. «Казаки службу почитают отяготительной и от содержания себя с семействами приходят в крайнее почти разорение по малоимению у них… скота покупают тех служебных лошадей весьма дорогими ценами и не менее от 15 до 35 и 60 рублей…»[294].

Когда казаки тобольской татарской казачьей команды в числе 18 человек, находившиеся в течение 10 месяцев в Екатерининском заводе, просили их «в уравнение с прочими» (имелись в виду казаки русских команд) довольствовать фуражом, их просьба осталась не удовлетворенной. Свой отказ начальство объяснило тем, что «в заводах нужно их иметь с лошадьми и вооруженными на случаи поиска при побеге колодников: и для того… просить сказанным казакам приказать быть с лошадьми и вооруженными»[295].

Далеко не всегда была возможность нести «городовую службу» у казаков татарской команды, большая часть которых проживала в селениях вокруг Тобольска. Особенно положение казаков осложнялось в периоды половодья, когда им приходилось «по… разлитию немаловодия долг настоит для охранения и перевозу семейства, скота и имения на другие высокие места в столь нужное время быть от жительства своего неотлучным»[296]. В своих рапортах татарский голова Кульмаметев указывал на то, что из-за половодья невозможно собрать казаков на службу «для разъезду по городу Тобольску в ночное время» ни пеших, ни конных, и просил командование указанных «30 человек от нынешней командировки до буду-

[293] ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 329. Оп. 13. Д. 7. Л. 104 об.
[294] ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 329. Оп. 13. Д. 7. Л. 105 об.
[295] ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 329. Оп. 13. Д. 34. Л. 233.
[296] Там же. Л. 158.

щего удобного времени освободить, а употребить на прежнем основании к служению при полиции из тобольских русских казаков»[297].

Тарские казаки к концу XVIII в. практически все вышли из казачьего сословия и перестали нести службу, «жительствуют в уезде Тарском, пользуются они хлебопашеством и другими угодьями во всем по образу жизни сельских ясашных магометан»[298]. Причиной этого явилось то, что «чрез в содержании тех команд ненаблюдение время от времени настоящие и старые служилые казаки выбыв непредвидимо разными смертными случаями, а оставшие от них дети, внучата и племянники будучи на места их не определенными… люди от носимого предками их служебного звания превратились в наивсегдашнее от жития с ясашным народом состояние». Произошла эта ситуация, как указывал голова Кульмаметев, из-за того, что тарские татары «не имели в управлении собой регулярного казачьего начальника»[299].

Для предотвращения подобных последствий для других команд, Кульмаметев предлагал необходимым «в означенных городах, определить к поминаемым казакам, особо из регулярных начальников и подчинить их ведомство учрежденного при Тобольской из магометан казачьей команде головы»[300].

В начале XIX вв. казаки татарских сотен использовались в основном «для содержания стражи и посылок» в земских судах гг. Кургана, Ишима, Ялуторовска, где «употребляются в разные городовые караулы», а также отправлялись в приграничные крепости в качестве переводчиков. Тобольские татары-казаки по-прежнему, как и в XVIII в., служили в полиции, казенной палате, при колодничьих делах, в земском суде (где используются для «разных посылок», содержания караулов, присмотра за казенными судами, препровождения колодников и т.д.), а также на прииртышских перевозах.

Многократные прошения головы С. Кульмаметьева об увеличении численности казаков татарской команды, а также о подчинении ему всех казаков, живущих в Тобольском, Тюменском и Ялуторовском уездах, в начале XIX в. были удовлетворены.

Татарские команды были объединены под началом мурз Кульмаметевых. Число казаков в командах превышало 500 человек. Всего в «иррегулярном из магометан казачьем войске» было определено 5 сотен. 3 из них находились в Тобольском уезде, 1 – в Тюменском и 1 – в Ялуторовском. Все казаки, живущие в уезде, составляли одну команду, и поэтому каждая казачья команда должна была именоваться по названию своего уезда[301]. Для управления татарскими казаками должны быть избираемы как сельские старшины, так и атаманы с казенным довольствием.

---

[297] Там же.
[298] Там же. Л. 105.
[299] Там же.
[300] ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 329. Оп. 13. Д. 7. Л. 104 об.
[301] ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 329. Оп. 13. Д. 7. Л. 457.

В начале XIX в. (1804 г.) в тобольской татарской команде из начальствующего состава состояли: 1 голова 1-го класса, 1 голова 2-го класса, 10 атаманов, 2 сотника. В Тюменской команде – 1 сотник[302].

В командировках в этот период находились: счетчиками у землемеров и архитектора в уездных казначействах 2 казака, при городской полиции – 2 атамана, при земских судах – 126 казаков, в крепостях Пресновской и Омской 3 казака, которые служили за толмачей, при винокуренных заводах – 4 казака, при казачьих командах оставались на посылке и при делах – 1 сотник и 23 казака. В Тюменской команде состояло 4 капрала и 95 казаков, в Тобольской – 367 казаков. По-прежнему казаки должны были иметь собственных лошадей для службы. Так, при казаках Тюменской команды находилось 75 лошадей, а в Тобольской – 382 лошади[303].

По Табели о числе находящихся в городовых казачьих командах отставных казаков и детей выявляется следующая картина.

Если в русских командах отставных старшин и казаков было всего 69, а казачьих детей 387, то в татарских: в Тобольской команде – 173 отставных казака и 354 человека из числа казачьих детей, а в Тюменской команде соответственно: 48 отставных и 210 детей.

Всего же во всех командах числилось 290 отставных казака и 953 человека казачьих детей[304].

По размерам индивидуального окладного жалованья в XVIII в. западно-сибирские города отчетливо делились на три группы. К первой относились Тобольск, Тюмень, Березов и Сургут. В этих городах штатный оклад рядовых служилых людей равнялся 7 руб. Ко второй группе относились города Томск, Кузнецк, Нарым и Кетск, где пешие казаки получали за службу по 5 руб., а конные по 7 руб. В Туринске, Верхотурье, Пелыме, а также в Иртышских крепостях рядовые служилые люди получали всего по 4 руб. По «определению» 1727 г. хлебный оклад составлял в среднем по «3 четверти с осминой и четвериком ржи» на человека. Общая же сумма расходов на все сибирское служилое войско равнялась 62 181 руб. При этом реальная численность служилых людей составляла 10 170 человек, превышая штатную на 810 чел.[305]

Тобольским служилым татарам согласно окладной книге 1698 г., до введения штатного расписания 1725 г., был положен следующий оклад денежного жалованья: голове служилых татар – 23 руб., голове ясачных татар – 16 руб., 5 служилым татарам – по 15 руб., 3 – по 14 руб., 1 – 12 руб., 4 – по 11 руб., 14 – по 10 руб., 2 – по 9 руб. 50 коп., 23 – по 8 руб., 26 – по 7 руб., 47 – по 6 руб., 77 – по 5 руб., 1 – по 4 руб. 50 коп., 40 – по 4 руб., 14 – по 3 руб.[306]

---

[302] ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 329. Оп. 13. Д. 7. Л. 458 об.
[303] ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 329. Оп. 13. Д. 7. Л. 461.
[304] Там же. Л. 458 об.–462.
[305] *Огурцов А. Ю.* Штатная реформа 1736–1737 гг. …
[306] ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 329. Оп. 13. Д. 7. Л. 402.

Общая сумма, полагавшаяся 272 рядовым служилым татарам в год, за исключением татарских голов, составляла 1 745 руб. 50 коп., «а ныне рядовых служилых татар налицо состоит 281 человек, денег в дачу производится в год – 1 679 руб. 50 коп.»[307]. Таким образом, ощущался заметный дефицит денежного жалованья в связи с реальным превышением числа служилых татар по отношению к получемому ими денежному довольствию.

В правительственных указах по-прежнему отдельно прописывалось особое положение тобольских казаков, в т.ч. и служилых татар: «хлебное жалованье по штату 1725 г. а денежное по прописанию сибирского приказа 1737 г.» было определено служилым других городов и крепостей выдавать «против тобольских служилых с уменьшением…»[308].

По штатному расписанию 1725 г. у тобольских служилых и подгородных ясачных татар было положено 2 головы. По штату 1725 г. голова служилых татар получал денежное жалованье, составлявшее 23 рубля, а также «8 четвертей с осьминою полчетверика и полполчетверика ржи, овса тож, соли 6 пудов», а денежный оклад головы ясачных татар составлял 16 рублей, кроме того, ему было положено 4 четверти и малый четверик ржи, такое же количество овса и 4 пуда соли[309]. По расписанию Сибирского приказа 1737 г. размеры денежного, хлебного и соляного жалованья татарских голов не изменились[310].

Общая сумма денежного довольствия рядовых татар-казаков составляла 1198 рублей, соляного – 330 пудов. По определению губернатора М. П. Гагарина, «на умершие места в прежние оклады» были поверстаны без придачи 69 человек с окладом 117 рублей 50 копеек, соли 147 пудов, «а всего казаков 228 человек денег 1454 руб. 50 коп., ржи 12 четвертей с осминою и полчетверика и полполчетверика»[311].

По расписанию Сибирского приказа 1737 г. в г. Тюмени было положено служилых татар 104 с денежным жалованьем по 6 рублей[312].

В 1751 г. в тюменской татарской команде числился следующий состав: татарский сотник – 1, пятидесятников – 2, капралов – 4, казаков – 97. Жалованье им было положено по 6 рублей, в то время как в русской команде сотник получал 9 руб., пятидесятник – 7 руб. 25 коп., а рядовые – 5 руб. 32 коп., хлебного жалованья получали: ржи – сотник 7, пятидесятник – 5, рядовые 3 четверти, овса – сотник – 5, пятидесятник – 4 и 2 четверика, рядовые 2 четверти. Далее в документах отмечалось, что «татарские казаки жалованьем довольствуются, а провианта не получают, а вместо оного пользуются отведенными пашенными землями и покосами»[313]. По штату

[307] Там же.
[308] ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 329. Оп. 13. Д. 7. Л. 401.
[309] ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 341. Оп. 1. Д. 142. Л. 45–70.
[310] ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 329. Оп. 13. Д. 7. Л. 96 об.
[311] Там же. Л. 97 об.
[312] Там же. Л. 34 об.
[313] Там же. Л. 346 об.–347.

Сибирского приказа 1737 г. вместо провианта и овса многим давали землю, обычно по 20 десятин пахотных и сенных покосов на 50 копен[314].

В 1744 г. году сибирский губернатор А. Сухарев получил от Сената дополнительные полномочия, которые позволяли ему «крайнее старание иметь нерегулярные войска впредь во всех сибирских городах умножить сколько когда возможность допустит» за счет потомков служилых людей, солдатских и драгунских людей. В том же указе было предписано «денежное жалованье производить из таможенных и кабацких сборов, а хлебное из зборного десятинной пашни и с оброчных крестьян провианта»[315].

В 1744 году состав войска значительно увеличился, чему способствовало увеличение жалованья. Что же касается тобольской татарской команды, то головам 1-го класса было назначено жалование 23 рубля, а также провианта и фуража 6 четвертей и 1 с половиной четверик ржи, а головам 2-го класса по 16 рублей, провианта и фуража по 4 четверти и 1 четверику. Нижние чины и казаки татарской команды «яко имеющие пашенные и сенокосные земли» жалованье и провиант получали только во время непосредственного несения службы, «а во время нахождения их в дымах без отправления службы никакого жалования от казны» не производилось. Жалованье их (в период несения службы) составляло по 6 рублей в год, по 2 четверика муки, по 1 и 1/2 четверика круп[316].

Формально штатное расписание 1737 г. действовало до конца XVIII столетия, о чем свидетельствуют многочисленные справки канцелярий. Фактически же за эти полвека в численности и структуре сибирского казачества произошли количественные и качественные изменения, которые в конечном счете привели к учреждению Сибирского линейного казачьего войска[317].

В середине XVIII в. происходят кардинальные изменения в системе денежного довольствия служилых татар. В июле 1754 г. по специальному указу «Ее Императорского Величества» военной коллегией Сибирскому приказу «было велено Сибирской губернии городовых казаков… против расписания 1737 г. … в иртышских крепостях казаков подменной их против городовых службе об уравнении жалованьем»[318]. С этого же времени хлебное жалованье и фураж стали выдаваться казакам только во время непосредственного несения службы.

Этот указ последовал в ответ на «доношение» генерал-майора Киндермана в марте 1751 года в Военную коллегию, в котором он сообщал, что состоящие в Тобольске на жалованье служилые татары в количестве 281 человек «ежегодно по 100 человек с переменою посылаются вверх в Иртышские крепости», а другие в это время остаются в Тобольске. Он об-

[314] Там же. Л. 445.
[315] ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 329. Оп. 13. Д. 7. Л. 12.
[316] Там же. Л. 98 об., 401.
[317] *Огурцов А. Ю.* Штатная реформа 1736–1737 гг. … С. 77.
[318] ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 329. Оп. 13. Д. 7. Л. 400.

ращал внимание на то, что все они «из давних лет» имели неравные оклады. При этом некоторые из них получали по 16 и 15 рублей, а другие – по 3 рубля в год, «а службу несут в равенстве». Те служилые татары, «которым такие высокие оклады учинены уже давно все померли, а ныне как старшины, так и татары, которые на малом окладе состоят, неотступно просят чтоб жалованные оклады им поравнять и производить всем равно и требовать, чтоб оным татарам жалованье производить всем в равенстве по 6 и по 10 и по 7 в год дабы один против другого обид не имел и могли такой ныне малой оклад получать против прочих исправится»[319]. Для решения этого вопроса казакам иртышских крепостей «денежное жалованье повелено будет впредь производить каждогодно против других казаков по учиненному расписанию Сибирского приказа 737 г. оклада по 6 руб. 16 коп. с половиною, ржи по 3, овса по 2 четверти человеку в год…»[320].

Следует заметить, что значительная разница в денежных окладах была характерна не только для тобольских служилых татар. Такое же положение наблюдалось в Тюмени, в Таре, в Томске и Кузнецке, где «служилые татары … не в равенстве в службе получают», поэтому перед властями встала задача «денежное и хлебное жалованье … всей губернии казакам уравнить…»[321].

Таким образом, к середине XVIII в. наблюдается отход от системы назначения окладов согласно прежним традициям «старшинства» в социальном положении, и происходит уравнение окладов основной массы служилых татар, которую составляли рядовые казаки.

В конце XVIII в. в тобольской татарской команде состояли: голова 1-го класса, который получал жалованье 23 руб. в год, голова 2-го класса, получавший 16 руб. в год, 8 атаманов, получавших по 6 рублей, 4 сотника с таким же окладом, 1 писарь, получавший 6 рублей и 361 казак с окладом по 6 рублей. Всего в команде состояло 376 человек. Головы, атаманы и рядовые казаки в указанный период хлебного жалованья не получали.

По штату в тобольской команде было положено 376 человек. Казачьих детей состояло 253 человека[322]. В Тюмени на службе во второй половине – конце XVIII в. состояло 104 казака. По штату было положено: сотник – 1, пятидесятников – 2, капралов – 4, казаков – 97, а всего – 104; в наличии: сотник – 1, пятидесятников – 2, с жалованьем по 6 руб., казаков 94. Всего на службе состояло 97 человек. Их детей – 55. Хлебного жалованья они не получали[323].

Тобольские татарские казаки, «яко имеющие пашенные и сенокосные земли», в конце XVIII в. жалованье, провиант и фураж получали только за то время, когда «отправляют службу».

Управлявшие служилыми татарами мурзы Кульмаметевы часто в своих рапортах и донесениях, опираясь на факт того, что «в других казацких

[319] ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 329. Оп. 13. Д. 7. Л. 400 об.
[320] Там же. Л. 401.
[321] Там же.
[322] Там же. Л. 12 об.
[323] Там же. Л. 12 об., 346–347.

войсках» существует регулярное казенное жалование, указывали на недовольство служилых татар подобным ущемлением. Они отмечали, что казаки из-за того «по службе неуравнения и претерпевают все они в пропитании себе семействам своим немалое изнурение»[324].

В конце XVIII – начале XIX в. даже головы служилых татар не получали хлебное жалованье, а «фуража и рационов совсем не положено». Кульмаметевы жаловались, что «сие хлебное, хотя по штату положено оным атаманам, сотникам и казакам также и самим головам которые прежде получали, но с давных уже лет поныне неизвестно по каким повелениям или узаконениям в выдачу оного не производится»[325].

Младший командный состав «иррегулярного татарского из магометан казачьего войска», включавший атаманов, сотников, пятидесятников, во второй половине – конце XVIII в. был полностью уравнен в денежном и хлебном довольствии с рядовыми казаками. Оклад их составлял «денежного в год по 6 рублей хлебного на каждый месяц муки по 2 четверти, круп 1,5 гарнец, овса 1 четверик 2 гарнца с третью». Однако получали это довольствие посменно только те атаманы и сотники, которые несли непосредственную службу, а именно: «отправляли в городе при разных местах месячной с командою караул», а также те, кто в «казенных… посылках и командировках бывают»[326]. Те же казаки, которые оставались на местах, хлебное жалованье и фураж не получали.

С. Кульмаметев направил прошение в государственную Военную коллегию, чтобы уравнять в жалованье командный состав татарского казачьего полка с командным составом других легкоконных полков «с надлежащими рационы и денщичьим». Однако в просьбе ему было отказано, а указом из Военной коллегии от 19 июня 1796 г. предписано «…велеть оным канцеляриям… Сибирской губернии городовым служилым русским и татарам впредь денежного жалованья по вышеобъявленному, а хлебного по прежним окладам кроме старшин»[327].

Во второй половине XVIII в. за Уралом постепенно внедряется новая форма казачьей организации, которая окончательно утвердилась в 1808 г. с образованием Сибирского казачьего войска. Согласно положению 1808 г. Сибирское линейное войско обязано было содержать на службе почти 6 000 казаков, которые выходили на службу с собственным вооружением, снаряжением, обмундированием и лошадьми. Служба казаков была бессрочная – «доколь в силах»[328].

В течение XVIII в. происходит формирование татарских иррегулярных команд, которые рассматриваются как казачьи подразделения. Проис-

---

[324] ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 329. Оп. 13. Д. 7. Л. 104 об.
[325] Там же. Л. 98.
[326] Там же. Л. 99.
[327] Там же. Л. 404об.
[328] *Катанаев Г.* Краткий исторический обзор службы Сибирского казачьего войска с 1582 по 1908 г. СПб., 1908. С. 32, 69.

ходит нивелирование как внутри служилого татарского сословия, так и уравнение его с положением рядового русского казачества. Большую роль в данном процессе сыграли два важных фактора – сооружение укрепленных пограничных линий и штатные реформы 1725 и 1736–1737 гг. В то же время окончательного слияния с казачеством не происходит благодаря обособленному положению служилого татарского сословия, прежде всего, в связи с конфессиональным фактором.

Важнейшим событием, изменившим многие стороны жизни восточных окраин Российской империи, стала реформа 1819–1822 гг. М. М. Сперанского. Эта реформа включила в себя и Устав о сибирских городовых казаках 1822 г., который, по словам С. Кодана, явился «первым в истории казачества своеобразным кодексом его положения в политико-социальной структуре региона»[329].

Устав о сибирских городовых казаках 1822 г. обобщал изученную сибирскими реформаторами законодательную и административную практику центральных и местных властей в отношении сибирского казачества. М. М. Сперанский увязывал Устав со всей совокупностью актов Сибирской реформы. Результатом явился комплексный законодательный акт, в котором были кодифицированы нормы, определяющие основы положения казачества в социально-политической инфраструктуре Восточной и Западной Сибири. Устав отличался как внутренней согласованностью положений, так и его интеграцией в общую систему сибирского и общероссийского законодательства.

Устав о сибирских городовых казаках 1822 г.[330] состоял из 198 параграфов. Основные принципы, заложенные в Уставе, были следующие: четкое определение места казачества в управленческо-полицейских функциях сибирской администрации; их использование в создании местных управленческих структур, сочетание выполнения служебных обязанностей с хозяйственным освоением края[331].

На первое место в Уставе были поставлены нормы о компетенции, управлении и правовом положении городовых казаков в составе полков. При этом был определен состав городовых казачьих полков в соответствии с новым территориальным делением Сибири. Из городовых казаков было сформировано семь полков. В Западной Сибири находились Тобольский городовой шестисотенный полк, Сибирский татарский казачий полк (команды в Тобольске, Тюмени, Томске), Томский (команды в Томске, Кузнецке, Нарыме). В Восточной Сибири – Енисейский городовой казачий полк (команды в Красноярске, Енисейске, Туруханске), Иркутский, Забайкальский (команды в Нерчинске и Верхнеудинске) и Якутский (команды в Якутске, Охотске, Ижигинске). Состав полков включал 5–6 сотен и охватывал всю территорию сибирских губерний. В соответствии с распределением по тер-

---

[329] *Кодан С. В.* Устав о сибирских городовых казаках 1822 г. // Казаки Урала и Сибири в XVII–XX вв. Екатеринбург, 1993. С. 103.
[330] ПСЗ–1. Т. 37. № 29131.
[331] *Кодан С. В.* Устав о сибирских городовых казаках… С.103.

ритории определялся и механизм управления казаками. Они находились в «главном начальстве» губернаторов и областных начальников, а в непосредственном – полковых атаманов и сотников. Городские, а также уездные команды подчинялись окружным начальникам и городничим.

Казачьи полки были связаны с системой местного гражданского управления, что отразилось в обязанностях городовых казаков. На них возлагались, прежде всего, «полицейские дела»: охрана порядка в ночное время в городах, поимка беглых, сопровождение грузов, этапирование и предупреждение побегов ссыльных, патрулирование в местах скопления населения (на ярмарках, празднествах и др.), охрана государственной собственности, обеспечение платежа податей и т. п. Устав 1822 г. прямо относил сибирских городовых казаков «к составу губернской и окружной полиции»[332].

В «хозяйственных делах» они привлекались для развоза и продажи продовольствия, сбора податей с местного населения, организации строительства, землеустройства и т. п. Могли казаков использовать и при нехватке или отсутствии пограничной стражи, почтальонов, казначейских счетчиков и т. п.

Казаки могли по назначению гражданского губернатора служить постоянно: имели право «сообразно с местными потребностями» обязать исполнять службу «по очереди» с направлением их в распоряжение местных властей, использовались для «временных поручений» (командировок) отдельных должностных лиц.

Посредником между казаками, подчиненными начальникам сотен, и всеми звеньями местного управления выступал атаман.

По уставу предпочтение отдавалось внутрисословному формированию казачьих полков. Полки комплектовались детьми казаков каждого из полков или из станичных казаков. В 16 лет дети казаков подлежали включению в списочный учет и получали довольствие, а через год, в 17 лет, начинали службу. Определяя правовой статус детей казаков, устав вводил принцип сословной замкнутости казачества. До 16 лет они состояли «в звании отцов» и затем поступали на службу.

В случае командировок казаки имели «особливые оклады» – дополнительное жалованье в период разъездов по делам службы, а также оклады по занимаемым должностям (кроме денежного довольствия). Казаки также получали «от казны обыкновенный солдатский провиант, муку и крупы… помесячно».

В Уставе оговаривались и «выгоды» казачьей службы. Они состояли в предоставлении в пожизненное владение 15 дес. земли на душу, но, как считает И. Щеглов, именно это условие часто не приводилось в исполнение из-за неразмежевания земель[333]. Также казаки освобождались от податей и земских сборов, регулировалась выдача провианта.

---

[332] ПСЗ–1. Т. 37. № 29131.

[333] *Щеглов И. В.* Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири… С. 440.

Таким образом, «Устав о сибирских городовых казаках» вводил между ними однообразные правила управления, чего раньше у них не было, обычно имелось двойное управление, т. е. кроме своих чиновников они подчинялись также городской и земской полициям. Новый устав оставил казаков в гражданском ведомстве, но возложил на них полицейские обязанности. Это «однообразие» распространялось и на казаков-татар.

Сибирский татарский полк располагался в Тобольской губернии. Первые три сотни находились в Тобольском округе. Сотенные их квартиры располагались в следующих юртах: Первой сотни – в Абызовских, Второй – Епанчинских, Третьей – Байгаринских; отдельные сотни в округах: Четвертая – в Ялуторовском, Пятая – в Тюменском и сотенные их квартиры располагались в указанных округах.

По спискам Сибирского татарского казачьего полка за 1848 г. было определено в 5 сотнях строевых чинов: атаман полка – 1, обер-офицеров – 10, пятидесятников – 18, урядников – 28, казаков – 500, лошадей – 626. По штату состоял 1 атаман полка, 9 обер-офицеров, 19 пятидесятников, 22 урядника, 544 казака, 653 лошади[334].

В командировках в этот период находились 3 обер-офицера, 9 пятидесятников, 14 урядников, 371 казак, при них – 432 лошади.

По списку в 5 сотнях состояло: в первой сотне: обер-офицер – 1, пятидесятников – 4, урядников – 3, казаков – 115, лошадей – 132; во второй сотне: обер-офицера – 2, пятидесятников – 4, урядников – 4, казаков – 113, лошадей – 135; в третьей сотне: обер-офицера – 2, пятидесятников – 4, урядников – 5, казаков – 104, лошадей – 128; в четвертой сотне: обер-офицера – 2, пятидесятников – 3, урядников – 5, казаков – 104, лошадей – 126; в пятой сотне: обер-офицера – 2, пятидесятников – 4, урядников – 5, казаков – 108, лошадей – 132.

Кроме того, в Сибирском татарском казачьем полке на июнь 1848 г. состояли нестроевые чины[335]: писарей в 1-й сотне – 2, во 2-й – 1, в 3-й – 1, в 4-й – 1, в 5-й – 1; мастеровых в 1-й сотне – 3, во 2-й – нет, в 3-й – 1, в 4-й – 1, в 5-й – 1; уволенных от службы в 1-й сотне – 79, во 2-й – 61, в 3-й – 70, в 4-й – 38, в 5-й – 47; малолетних казачьих детей в 1-й сотне – 108, во 2-й – 90, в 3-й – 122, в 4-й – 69, в 5-й – 83; за денщиков служат в 1-й сотне – 4, во 2-й – 2, в 3-й – 2, в 4-й – 2, в 5-й – 2. Людей всего 791, лошадей – 12[336].

По Ведомости Сибирского татарского казачьего полка о находящихся в командировках воинских чинах за 1 полугодие с. г.» (22 июля 1848 г.) можем наблюдать основные направления деятельности татар-казаков в середине XIX в.[337]

Так, хорунжий 14 класса Нигматула Кульмаметев по предписанию тобольского гражданского губернатора с 6 сентября 1847 г. был командирован с командой казаков для охраны Карасукских соляных озер. В 1848 г.

---

[334] ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 31. Д. 125. Л. 54.
[335] ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 31. Д. 125. Л. 66.
[336] ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 31. Д. 124. Л. 2об.
[337] ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 31. Д. 124. Л. 4 об.–6 об.

на смену хорунжему был направлен сотник 14 класса Ашир Кульмаметев с очередной командой казаков.

Кроме того, в командировках в этот период находились из нижних чинов: 5 пятидесятников трех сотен, расположенных в Тобольском округе для смены на Карасукские соляные озера – 2; при полковом штабе – 2; в Тобольской городской полиции – 1. Из числа урядников с января 1848 г. было командировано 9 человек: 1 – в Тарский земской суд, 1 – на Медвеженское соляное озеро, в форпостах Коряковском для охранения соляных озер и пристани – 1, с 1 янв. 1847 г., с 6 сент. 1847 г. при охранении Карасукских соляных озер – 4, при полковом штабе для понесения службы – 1, при Тобольском земском суде – 1.

Казаков в ближних командировках – 163, в дальних – 71: в форпосте Коряковском при соляных озерах с 1 янв. 1845 г. – 2, с 1 янв. 1846 г. командировано на смену 2 с 12 июня 1848 г., при Тарском земском суде – 1 с 1 янв. 1844 г. и 5 с 15 янв. 1848 г. При полиции 1 с 1 янв. 1846 г., 1 – с 1 янв. 1847 г., и 3 – с 15 янв. 1848 г., при Екатерининском заводе 6 с 15 янв.

При Медвеженском соляном озере 6 с 1 июля 1845 г. и с 1 июня 1846 г. при этапах: Тобольском с 1 янв. 1848 г. – 4, Балахейском – с 1 янв. 1847 г. – 4, Знаменском – 1 с 1 апр. 1847 г. и 3 с 15 янв. 1848 г., Рыбинском – 1 с 1 янв. 1847 г. и 3 с 15 янв. 1848 г., Вархаевском – 4 с 15 янв. 1848 г., Чаутском – 1 с 1 янв. 1845 г., 2 с 1 янв. 1847 г. и 1 с 15 янв.

При начальнике межевания казенных земель в Сибири состоял 1 казак с 18 мая 1847 г. и 12 – с 22 марта 1848 г. При охранении Карасукских соляных озер 36 человек с сент. 1847 г. и ныне командировано с 22 июня 1848 г. на смену 30 человек, при Губернском совете – 2 , вестовой у командующего полком – 1, при полковом штабе для ночных разъездов, караула и прочих при полку надобностей – 21, при Тобольских: земском суде – 7, при полиции – 8, при комитете о тюрьмах – 1, при Тюремном замке – 5, при вновь строящемся остроге – 2, при кирпичных сараях – 2, для караула казенных дров – 1, при доме умалишенных – 3, при строительной комиссии – 1, при приказе о ссыльных – 1[338]. При чиновниках: Шарапове – 1, Петухове – 1. При архитекторе Измайловском – 1, вестовых при сотнях – 3, у постройки нового дома для школы – 9.

Что касается отдельных сотен, то из расположенной в Ялуторовске 4-й сотни было командировано в г. Тобольск с 1 июля 1847 г. 3 пятидесятника для несения службы при полковом штабе, а с 1 июня 1848 г. – 1 урядник для несения службы в Ялуторовском земском суде. С ними было направлено 43 казака для несения службы при полковом штабе в г. Тобольске.

Кроме того, из состава казаков 4-й сотни 2 человека находились при полковой школе «для окончания наук». С 1 января 1848 г. в г. Ишиме при полиции служили 4 казака, в земском суде – 5, в Курганской полиции – 3, в Петровском упраздненном заводе – 4. При Ялуторовской полиции – 8 чело-

[338] ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 31. Д. 124. Л. 6 об.

век, земском суде – 9, при сотне на вестях – 1, 1 служил помощником писаря, 1 – при канцелярии сторож, в карауле при цейхаузе и провианте – 2 человека.

Из состава 5-й сотни, которая находилась в Тюмени, 3 пятидесятника несли службу в г. Тобольске при полковом штабе. 4 урядника той же сотни находились: 1 – при Курганском земском суде, 1 – при начальнике межевания казенных земель в Сибири, 1 – при Тюменской городской полиции и 1 – при Тюменском земском суде с 1 июня 1848 г.

Из 70 казаков Тюменской сотни 7 человек несли службу при Курганском земском суде, 6 – при Курганской полиции и 4 казака – на Бочалинском этапе. По-прежнему казаки командировались на винокуренные заводы для несения караулов. Так, 6 человек Тюменской сотни находились на Успенском и 4 казака – на Падунском заводах, при колонии (?) – 4, при чиновнике… 1, при комитете при землемерах – 3, при Тюменском земском суде – 11, при Тюменской полиции – 12, при сотне оставались «для понесения службы» – 4, при полковом штабе для обучения наук – 2 казака[339].

Система государственного обеспечения денежным и хлебным жалованьем в XIX в. уже носит регулярный характер. Все казаки Сибирского Татарского полка довольствовались жалованьем из Тобольской комиссариатской комиссии.

«Провиант на нижних чинов принят сполна в натуре по 1 янв. 1848 г., а за фураж на строевых лошадей на 3, 5 месяца с 16 сент. 1847 г. по 1 янв. 1848 г. положено каждой лошади по 3 чет. 6 гарнцев. В месяц деньгами за 3 чет. 4 гарн. По ценам утвержденным его сиятельством госп. корпусным командиром на 2-й период 1847 г. по 1 руб. 10 коп., а за достальной по штатной по 57 (?), 25 коп. серебром за четверть из тобольских провиантских магазинов. В казачьих командах Тобольской татарской получают муки – 2 четверти, круп – 1 и 1/2 гарнца, овса – 1 четв. и 2 2/90 гарнца»[340].

Казаки тюменской русской и татарской команд провианта и фуража не получали, т. к. занимались хлебопашеством[341].

21 октября 1849 г. вышло «Высочайше утвержденное положение о Тобольском конном полку». Это иррегулярное войсковое формирование было образовано на основе ранее существовавшего Сибирско-Татарского полка. Оно было предназначено для несения конвойно-охранной службы[342].

Со второй половины XIX в. служба татар-казаков все более приобретает характер полицейской. Казаки должны были осуществлять ночные разъезды в городах, наблюдать за казенными поселениями, препровождать ссыльных и составлять конную стражу на этапах, предупреждать и пресе-

---

[339] ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 31. Д. 124. Л. 4 об.–7 об.

[340] ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 29. Оп. 13. Д. 7. Л. 461 об.

[341] Там же.

[342] *Арапов Д. Ю.* Правила устройства духовной жизни татар-мусульман в Тобольском конном полку (1853 г.) // Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири: Тюркские народы». Тобольск–Омск, 2002. С. 126.

кать побеги, наблюдать за «благочинием» на сельских и инородческих ярмарках, выполнять функции квартальных надзирателей в малолюдных городах и пр. И. Н. Юшков называл татар-казаков «родом ландмилиции»[343].

В 1861 г. происходит новая реорганизация Сибирского казачества. Тобольский, Сибирский Татарский (Тобольский конный) и Томский полки были причислены к Сибирскому линейному войску[344].

В июне 1868 г. выходит «Высочайше утвержденное» мнение Государственного Совета «об упразднении казачьих Тобольского конного полка, Тобольского пешего полубаталиона и Томского городового полка»[345]. В 1868 г. Сибирский татарский конный казачий полк был распущен. Казаки перешли в сословие крестьян. С этих пор они избрали своим местожительством те селения, из которых происходили.

Для облегчения перехода к новому образу жизни бывшие казаки при переводе в крестьянское сословие получали определенные льготы по уплате податей и рекрутской повинности, определенные распоряжением Государственного Совета. Отставные казаки были освобождены от платежа податей и от отбывания воинской повинности навсегда. Сыновья их, в зависимости от возраста, освобождались на период от 6 до 10 лет.

У этих крестьян были земли, дарованные их предкам-казакам, – и они владели ими почти всюду по общим с захребетными и ясачными татарами данным, но иногда имели и особые земли (есаульские казаки). Если казаки не имели земли, то ясачные татары, в юртах которых они селились, должны были им выделять крестьянский надел – по 15 десятин удобной земли на душу. Эта земля считалась уже казенной, и если род казаков вымирал, то земли переходили в казенное ведомство[346].

XIX век стал последним, завершающим этапом в истории татарского казачества. Процесс по унификации служилых татар с сибирским казачеством завершается в результате реформ М. М. Сперанского. Устав о городовых казаках и Устав об инородцах уравняли татар-казаков в правах и обязанностях с русским казачеством. Была систематизирована выдача жалованья. Однако полной интеграции служилых татар в казачье сословие не произошло. На это повлияли как этнические, так и религиозные особенности татар-казаков, которые оставались мусульманами.

В то же время наблюдается и общая тенденция к нивелированию служилого сословия с крестьянством. В этот процесс были включены и казаки-татары.

---

[343] *Юшков И. Н.* Сибирские татары // Тобольские губернские ведомости. Тобольск, 1861. № 35–45.

[344] *Щеглов И. В.* Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири… С. 441.

[345] ПСЗ. Собр. 2. Т. 43. Отд. 1. СПб., 1873. С. 822–824.

[346] *Патканов С. К.* Экономический быт государственных крестьян Богандинской, Бухарской, Кашегальской, Червишевской и Ярковской волостей Тюменского округа Тобольской губернии // Соч. в 5-ти тт. Т. 1. Тюмень, 2003. С. 18.

Ликвидация Сибирского татарского полка, произошедшая во второй половине XIX в., была связана, во-первых, с тем, что было создано Сибирское казачье войско, во-вторых, российские границы стали отодвигаться от пределов Западной Сибири все дальше на юг (присоединение Казахстана), и, в-третьих, происходило укрепление гражданской администрации, в том числе правоохранительных органов (многие функции которых ранее выполняли казаки).

§ 5. Терское казачество и народы Северного Кавказа

А. Т. Урушадзе

Трех всадников с картины Ф. А. Рубо «Казаки у горной речки» легко можно принять за горцев, которые отправились в набег или возвращаются из этого опасного предприятия. Низкорослые, но крепкие лошади, папахи, черкески, кинжалы за поясом и ружья за спиной – все как у северокавказских джигитов. Сходство поразительное, но современники могли безошибочно отличить линейного казака от горца даже на расстоянии. «Левая сторона Терека и правая Кубани, с рядом расположенных на них станиц казачьих линейных полков, состоят в каком-то переходном состоянии: это не Россия, но и не Азия. На каждом шагу кабардинский папах, кубачинский пистолет, чеченская шашка и поджарая горская лошадь; но на каждом шагу и русская женщина, и славянское лицо, и знакомая речь с подмесью местных слов, шелуха орехов и семечек на улицах и тараканы в избах. Здесь русский человек нарядился в горский чекмень, но нарядился как-то неловко. Поставьте казака за версту, я отличу его от горца»[347], – не без хвастовства писал журналист-кавказец И. А. Сливицкий.

Терское казачество сформировалось под сильным влиянием северокавказского этнического окружения, в том числе тюркоязычных народов региона. Будучи, по выражению В. А. Потто, «летучим авангардом» российской колонизации, «за которым сомкнутым строем медленно ползли вереницы русских пахарей»[348], казачество Терека развивалось в тесном взаимодействии с местными культурными традициями, императивами социальной жизни и политическими структурами. Терские казаки – яркий пример пограничного сообщества, «пропитанного» различными социокультурными влияниями, но сохранившего самобытные характер и устройство.

В истории терского казачества можно выделить три больших этапа. Первый – от появления вольных казаков на Тереке в середине XVI в. и до Персидского похода Петра Великого (1722–1723 гг.). В это время казаки выступают в качестве самостоятельной силы российской колонизации Северно-

---

[347] *Сливицкий И. А.* Очерки Кавказа и Закавказья. Бугры // Кавказ. 1848. № 38 (от 18 сентября). С. 145.

[348] *Потто В. А.* Два века Терского казачества (1577–1801). Ставрополь, 1991. С. 12.

го Кавказа, они формируют и поддерживают собственную систему связей и союзов с горцами, которая не всегда совпадает с фарватером внешнеполитического курса Российского государства. Поход царя-преобразователя разрушает эту систему, властно навязывая новую, по большей части конфронтационную, политическую реальность. В ходе второго этапа, который продолжается со второй четверти XVIII в. до окончания Кавказской войны в 60-х гг. XIX в., терское казачество становится одной из структур российской имперской политики. Война ограничивает казачье-горское взаимопроникновение, а новые административные институты закрепляют поведенческие модели и нормы. На третьем этапе, который охватывает позднеимперский период вплоть до революции и гражданской войны на Тереке, происходит сословное замыкание казачества. Инфильтрация в его среду северокавказских элементов завершается. Для этого времени характерно нарастание социальных противоречий, вызванных, прежде всего, проблемой малоземелья.

В данном очерке история терского казачества и особенности его взаимоотношений с северокавказскими этносами (в первую очередь, тюркоязычными) будут освещены в соответствии с тремя выделенными историческими этапами.

Казачья колонизация Северного Кавказа (середина XVI – начало XVIII в.): геополитический контекст и социокультурные особенности

Прежде чем прославиться как превосходные воины-конники, казаки успешно овладели искусством уверенного и быстрого передвижения по водной глади. Основными районами первичного расселения казаков стали берега рек: Дона, Волги, а затем Терека и Кубани. Река – это, прежде всего, удобная экологическая ниша. Она позволяет прокормиться, не заводя прочной оседлости, что очень важно в условиях постоянной военной тревоги. История казачьих городков знает множество примеров их неоднократного переноса или быстрого восстановления после очередного вражеского набега[349].

Полноводная река это еще и важнейшая транспортная артерия, которая позволяет не только перемещаться самому, но и перекрывать движение по ней для других. Во второй половине XVI – XVII в. важнейшим каналом связи Российского государства с народами Северного Кавказа (преимущественно Дагестана) и Ираном становится Волга. По волжскому пути следовали московские купцы в поисках возможности выгодно купить «тонкое золото» – шелк. Как сообщал английский посланник в Москве (конец XVI в.) Джильс Флетчер, вблизи Астрахани «лежит область Шелкалы и Мидия (Азербайджан), куда ездят русские купцы добывать шелк-сырец, сафьяновую кожу и другие произведения»[350].

---

[349] *Королев В. Н.* Донские казачьи городки. Новочеркасск, 2007. С. 15.

[350] Цит. по: История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 355.

Речная поверхность – подходящая площадка как для атаки, так и для быстрого отступления. Все это делало реки самой подходящей средой для возникновения и последующего развития казачьих сообществ.

Откуда пришли первые казаки на одну из двух[351] главных северокавказских рек – Терек? Историография знает несколько версий «оказачивания» седого Терека. В первой половине – середине XIX в. наиболее распространенной была донская версия происхождения терских казаков. Сторонником позднего происхождения терцев от донцов был И. Л. Дебу, относивший формирование их сообщества к началу XVII в. «Другие же из них (донских казаков. – *А. У.*) с главным своим атаманом удалились по Каспийскому морю к Кавказским горам; там, получив в преступлении своем (грабеж волжских торговых караванов. – *А. У.*) прощение от государя, переведены они на Терек и прозвались гребенскими казаками», – писал И. Л. Дебу[352].

В 1870-х гг. появилась и стала официальной другая версия происхождения терского казачества. Ее появление было связано с установлением в это время в Российской империи новых пожалований за службу высшего казачьего офицерства. Размер этих пожалований прямо зависел от древности казачьего войска, которое представлял офицер. Штаб Терского войска поручает историку и этнографу Кавказа, генерал-майору И. Д. Попко написать историю терского казачества и показать его древнейшее происхождение[353]. Вместе с тем историк подготовил обширный план исследовательской работы, посвященной 300-летию Терского казачьего войска, которое предполагалось отметить в 1877 г.[354]

И. Д. Попко вывел первых терских казаков из Рязанской земли, а именно из Червленого Яра – исторической области, расположенной в междуречье Дона и Хопра[355]. Так терские казаки перестали казаться младшими братьями казаков донских. Изменилось и время появления казаков на Тереке – 20-е годы XVI века.

Эта версия происхождения терских казаков стала широко распространенной, найдя отражение и в популярных исторических очерках. Так, в книге известного популяризатора казачьей истории К. К. Абаза «Казаки. Донцы, уральцы, кубанцы, терцы», которая предназначалась «для чтения в войсках, семье и школе», начало казачьей колонизации Терека изложено в полном соответствии с положениями труда И. Д. Попко: «Давно это было, более 350 лет тому назад, когда Москва наложила свою руку на Рязанскую землю […]. На Дону в волости Червленый Яр, сидели до того казаки. Они оберегали

---

[351] Вторая – Кубань.

[352] *Дебу И.Л.* О Кавказской линии. СПб., 1828.

[353] *Козлов С. А.* Кавказ в судьбах казачества (XVI–XVIII). СПб., 2002. С. 7.

[354] *Клычников Ю. Ю.* Иван Диомидович Попко о подготовке празднования 300-летия Терского казачьего войска (по материалам Центр. гос. архива Республики Северная Осетия – Алания)) // Терский сборник. Вып. 1. М., 2016. С. 28 –292.

[355] *Попко И. Д.* Терские казаки со стародавних времен. Исторический очерк. Гребенское войско. СПб., 1880.

Рязанскую землю от лихих татар; между делом, как водилось в старину, хаживали на Волгу, на Синее море (Каспийское море. – *А. У.*), на промысел вольный, казачий. Когда наместники Москвы объявили, что теперь надо казакам выселяться в Суздальскую землю и служить по стрелецкому уряду, Червленый Яр зашумел, заволновался. Удалые головы не задумались покинуть насиженное место, построили струги и, как только вскрылись реки, караван отплыл из Червленого с пищальной пальбой, с песнями. Знакомым путем он спустился Доном до царицынской переволоки, перетянулся на Волгу и отсюда Синим морем прошел в устье Терека»[356].

Еще одной (после книги И. Д. Попко) попыткой написания обобщающей работы по истории терского казачества стала книга «Нестора кавказской истории» В. А. Потто, которая, как и труд И. Д. Попко, создавалась по заказу терского войскового начальства. Работа В. А. Потто осталась незаконченной. В течение 1910–1911 гг. историк-летописец успел написать два тома и принялся за третий, планируя завершить его к весне 1912 г. Однако смерть В. А. Потто 29 ноября 1911 г. не позволила реализовать этот замысел. К проблеме появления казаков на Тереке историк подошел очень осторожно. «Вопрос, кто были первые казаки на Северном Кавказе, откуда и когда они появились, где жили до окончательного водворения своего в низовьях Терека и Гребнях гор, – не может считаться и поныне еще окончательно решенным. На это не имеется никаких исторических документов. Их даже напрасно было бы разыскивать, потому что никаких письменных сношений Московского правительства с вольным казачеством быть не могло, а предания самих казаков темны и сбивчивы»[357], – писал В. А. Потто.

Ряд историков XX века (Н. М. Волынкин, Л. Н. Гумилев, В. В. Мавродин, В. Б. Виноградов) отождествляли предков терских казаков с известными по русским летописям «бродниками» – полуоседлым населением Северо-Восточного Причерноморья и Северного Кавказа XII–XV веков[358].

Этнограф Л. Б. Заседателева в своей книге «Терские казаки»[359], вышедшей еще в 1974 г., но не потерявшей научную актуальность, вывела первых терцев опять-таки с берегов Дона, южных и юго-восточных окраин Российского государства XVI столетия. Эта точка зрения признается наиболее обоснованной. Но в современной историографии представлена и обновленная версия о рязанском происхождении терских казаков[360].

---

[356] *Абаза К. К.* Казаки. Донцы, уральцы, кубанцы, терцы. Очерки из истории и стародавнего казацкого быта в общедоступном изложении для чтения в войсках, семье и школе. СПб., 1899. С. 301.

[357] *Потто В. А.* Два века Терского казачества (1577–1801). Т. I. Владикавказ, 1912. С. 12.

[358] Подробнее см.: *Козлов С. А.* Кавказ в судьбах казачества…С. 7–8.

[359] *Заседателева Л. Б.* Терские казаки (середина XVI – начало XX в.). Историко-этнографические очерки. М., 1974.

[360] *Шенников А. А.* Червленый Яр: Исследование по истории и географии Среднего Подонья в XIV–XVI вв. Л., 1987. Подготовка электронного текста книги была

Первые исторические свидетельства о казаках на Северном Кавказе связаны с началом экспансии Российского государства на южном направлении. В XVI столетии Кавказ оказывается зажат в железных тисках. С запада черкесов теснят турки и крымские татары. На востоке горцы Дагестана испытывают растущее давление Ирана. Османы бились с Сефевидами за контроль над важными торговыми магистралями, которые проходили через Кавказ и связывали Европу с Азией.

Турецко-иранские войны с участием многотысячных армий разоряли Кавказ и его жителей. Черкесия страдала от опустошительных рейдов крымско-татарской конницы. Монах доминиканского ордена Джованни де Лука, прибывший на Кавказ с дипломатическим поручением папы римского, отмечал: «Не проходило года, в котором бы татары не производили на их (черкесов. – *А. У.*) страну какого-либо набега»[361].

Дагестан тем временем становится мишенью для кызылбашского войска Сефевидов. Дагестанские владетели и их подданные сопротивлялись отчаянно, но противостоять многочисленной армии завоевателей было трудно. Дагестан признал шаха верховным правителем, но на деле экономически и политически оставался независимым.

Взоры северокавказских владетелей обращаются на север, где укрепляется Российское государство, сокрушившее Казанское (1552 г.) и Астраханское (1556 г.) ханства. Заключение союза с Россией или же вступление в российское подданство могло стать серьезным подспорьем в противостоянии с Турцией и Ираном. В 1550-х годах столицу России начинают регулярно посещать посольства различных северокавказских обществ и владений. Посланники дагестанских правителей появляются и в Астрахани. Так, в июне 1557 г. астраханский воевода И. Черемысин докладывал в столицу: «… пришли послы, от крымшевкала и от всей земли Шевкальские да от Тюменского князя с поминки бити челом, чтоб государь пожаловал их велел бытии в своем имени, и в холопстве у себя учинил, и приказал бы астороханским воеводам беречи их от всех сторон, и торговым бы людем дорогу пожаловал государь, чисту учинить; и что ся государю у них полюбит и что велит к себе прислати, ино все то к государю присягати станут ежегод…»[362].

Но наибольшего успеха добиваются кабардинские посольства. В 1557 г. в Москву прибывает посольство верховного князя Кабарды Темрюка Идарова, которое возглавлял князь Канклыч Кануков. Политическим итогом этой «встречи в верхах» стало заключение русско-кабардинского военного союза. Текст договора нам неизвестен, но о его приблизительном

завершена в апреле 2008 г. Книга размещена на сайте «Gumilevica»: http://gumilevica.kulichki.com/SAA/index.html

[361] Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974. С. 71.

[362] Документальная история образования многонационального государства Российского. Кн. I. Россия и Северный Кавказ в XVI–XIX веках / под общей ред. Г. Л. Бондаревского и Г. Н. Колбая. М., 1998. С. 304.

содержании можно судить по аналогии с текстом шертной записи (шерть – от арабского «соглашение, условие») 1588 г., когда кабардинцы принесли присягу уже наследнику Ивана IV Федору Иоанновичу. Тогда черкесские посланники «бити челом, чтоб их государь пожаловал, взял под свою царскую руку и держал их под своею царскою рукою в своем государеве жалованье во обороне от их недругов потому ж, как их жаловал, держал под своею царскою рукою отец его государев блаженные памяти великий государь царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси; а они государю учнут служить всякие государевы службы, где государь велит, а к иному государю к Крымскому и к Турскому и к Шевкальскому не пристанут»[363].

Российским форпостом на Северном Кавказе в XVI в. становится Терский город – одновременно военная крепость и важный торговый узел. Впервые он был построен в 1567 г. в устье р. Сунжи по просьбе Темрюка Идарова. К этому времени в бассейне Терека уже существовали поселения гребенских казаков – «самой старой группы Терского войска»[364]. Крепость оберегали наряду с царскими ратниками и казаки, которые служили в дозорах и охране ближайших переправ. Служилых или городовых казаков отличали от вольных, но все они именовались терскими. А в соседних казачьих городках жили горцы, бежавшие из владений северокавказского нобилитета от тягот зависимого состояния[365].

Возведение Терской крепости вкупе с военно-промысловой активностью казачьих ватаг заметно усилило российские позиции на Северном Кавказе, сделав государство Ивана IV Грозного еще одним важным игроком в региональном политическом раскладе. Подтверждением этому служит внушительное посольство шамхала тарковского, которое датировано тем же 1567 г., что и постройка российской фортеции на Тереке. Дипломатическую миссию возглавил Секит-имелдеш (т.е. молочный брат самого шамхала), который привез в Москву богатые подарки, в числе которых был слон[366].

Все это вызвало воинственную реакцию турецкого султана и его вассала – крымского хана, – потребовавших снести Терский город. Иван IV Грозный опасался прямого военного столкновения с османами. В марте 1571 г. царь написал султану о своем согласии срыть город на Тереке, а его гарнизон был отправлен в Астрахань[367].

Османы вновь вернули себе статус гегемона на Северном Кавказе. Однако терские казаки не раз нападали на турецкие войска, проходящие по течению Терека в направлении Дербента. В 1584 г. казаки атаковали ар-

---

[363] Там же. С. 103.

[364] *Заседателева Л. Б.* Терские казаки… С. 187.

[365] Регулярные побеги зависимых категорий горского населения продолжались и в последующее время, что еще будет отмечено.

[366] *Кушева Е. Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVII века). М., 1963. С. 239.

[367] Кавказский вектор российской политики. Сб. док. / сост. М. А. Волхонский, В. М. Муханов. Т. I: XVI–XVIII вв. М., 2011. С. 18–19.

мию Осман-паши «и многих людей побили»[368]. На неоднократные претензии, звучащие из Стамбула, российское правительство отвечало заверениями в том, что терские казаки действуют самостоятельно, вне связи с официальными российскими властями и даже против их запретов. «А ныне людей государевых на Терке нет, а живут на Терке воры беглые казаки без государева ведома. А сее весны государь наш писал в Астороxань к воеводам, чтоб сыскали накрепко тех всех казаков, которые Волгою приходят в Терку, и они б заказ крепкой учинили во всех протоках волжских, чтоб казаки в Терку не проходили. А ныне то яз донесу до государя своего, и государь наш того больши заказ крепкой велит учинить, чтоб на Терке казаки не жили, а которые будет взяты у них турского султана люди, и тех государь наш сыскав отошлет к Мурат-султану…», – такую инструкцию в Посольском приказе получил дипломат В. П. Благово, отправлявшийся летом 1584 г. в столицу Османской империи.

В это время терские казаки ходили в походы совместно с отрядами вайнахского владетеля Ших мурзы Окоцкого, который занимал лояльную позицию по отношению к Москве. Летом 1586 г. астраханский воевода Ф. Лобанов-Ростовский сообщал царю Федору Иоанновичу о посланиях терских атаманов, в которых казаки писали, что «служили они тебе, государю на Терке заодин с Шихом мирзою с Окуцким и вести всякие и языки к тебе, государю, присылали»[369].

Союз с влиятельным северокавказским аристократом показывает, что терские казаки смогли найти обоюдовыгодный формат взаимоотношений с местными народами. Но дружба и союз с одними могла обернуться враждой с другими горскими обществами. В той же отписке астраханского воеводы царю содержится указание на вражду Ших мурзы с шамхалом и «горскими людьми», которые «переседают ево по дорогам, а хотят ево убити»[370].

Терские казаки поддерживали мирные взаимоотношения с окружавшими их горцами. Им это удавалось во многом за счет того, что казаки заняли, как уже отмечалось, отдельную экологическую нишу – бассейн реки Терек. Преимущественными занятиями терцев был рыбный промысел, а также военные предприятия. Малочисленность терского казачества на начальном этапе его развития (середина XVI – XVII в.) не нарушала региональный хозяйственный баланс: казаки не претендовали на занятие пастбищных или посевных земель. Спектр экономических занятий казачества зафиксировала Л. Б. Заседателева: «Терские низовые казаки мало интересовались сельским хозяйством, в основном они тяготели к морским и речным промыслам, охоте, частенько занимались и морским разбоем»[371]. Экосистема Северного Кавказа осталась нетронутой и продолжила пребы-

[368] Там же. С. 21.

[369] Документальная история образования многонационального государства Российского. Кн. I. С. 197.

[370] Там же.

[371] *Заседателева Л. Б.* Терские казаки… С. 194.

вать в состоянии гомеостатического равновесия. Именно поэтому терские казаки не воспринимались окружавшими их народами в качестве враждебных чужаков. Как отмечал классик истории окружающей среды Й. Радкау: «Враждебность по отношению к чужакам, ставшая сегодня для многих воплощением политической патологии, до Нового времени имела явный смысл: в микромирах земледельцев и пастухов миграция разрушила устоявшиеся отношения между человеком и природой, переселение уносило в небытие накопленный за долгое время местный опыт природопользования»[372]. Масштабное изменение экосистемы Северного Кавказа произойдет только в XIX в. во время Кавказской войны.

Вместе с тем военные экспедиции казаков иногда открыто сталкивали их с соседями. В конце XVI в. терцам случалось разорять адыгские селения и грабить подданных шамхала. Но, по словам С. А. Козлова, «подобные действия казачества на Тереке были локальными и не приводили к серьезным конфликтам и столкновениям с северокавказскими горцами»[373]. «Горцы свободно ездили за Терек, а казаки в горы», – отметила Л. Б. Заседателева[374].

Периодически конфликты вспыхивали и в XVII в. Казаки подвергались нападениям ногайских мурз, которые кочевали по Тереку. «Ногайские люди […] на Кизларе у атамана у Семенки город взяли, а к верхним ко многим казачьим городкам приступали и на комышах […] многих казаков поимали»[375], – сообщалось в посольской отписке за 1615 г.

Российская администрация пыталась помирить враждовавших, но долгое время эти попытки оставались безуспешными. В 1649 г. ногайские мурзы вновь подвергли берега Терека разорению, «многих казаков побили и жен их и детей в полон поимали […] и животину лошеди и корову их казачью ис подо многих городков отгоняют безпрестанно»[376]. Казаки отвечали не менее чувствительными ударами, нападая на ногайские улусы, захватывая пленных и скот. Масштабные столкновения казаков и ногайцев прекращаются только в 1650-х гг., но и после этого времени случаются взаимные набеги.

Известны случаи военных столкновений терских казаков с дагестанскими владетелями: эндереевским правителем и шамхалом тарковским. В 1641 г. терские казаки писали царю Михаилу Федоровичу: «те ондреевские и тарковские кумыцкие и нагайские люди под наши городки приходят воиною и побивают женушек и детишек наших и нас холопей твоих емлют в полон… а иных продают в далные земли и пропадают безвесно»[377].

---

[372] *Радкау Й.* Природа и власть. Всемирная история окружающей среды. М., 2014. С. 22–23.
[373] *Козлов С. А.* Кавказ в судьбах казачества… С. 119.
[374] *Заседателева Л. Б.* Терские казаки… С. 194.
[375] Цит. по: *Козлов С. А.* Кавказ в судьбах казачества… С. 122.
[376] Цит. по: *Козлов С. А.* Кавказ в судьбах казачества… С. 123.
[377] Цит. по: *Козлов С. А.* Кавказ в судьбах казачества… С. 123.

Эти многочисленные примеры жестоких конфликтов казаков и коренного северокавказского населения не отменяют того, что доминирующим направлением в их взаимоотношениях было все же развитие добрососедства и сотрудничества.

Знатные кабардинцы и другие северокавказские аристократы были частыми гостями в казачьих городках. Между казаками и горцами установился обычай куначества. Кунаки гордились крепкой дружбой, которая передавалась младшему поколению как «священный завет»[378].

После восстановления российской крепости на Тереке (1588–1589 гг.) казаки и горцы активно используют городской рынок для торговли и взаимного обогащения. Основным товаром был хлеб, который казаки закупали у кумыков и кабардинцев. Ногайцы торговали лошадьми и другими продуктами скотоводства. В XVII в. спрос на ногайские товары был столь высок, что ногайцев даже освободили от выплаты обязательной торговой пошлины[379].

В конце XVI – XVIII в. вокруг Терского города образуется несколько слобод: Заречная, Черкасская, Новокрещенская, Окоцкая и Татарская. Их население было смешанным, значительную часть составляли горцы. Частыми были случаи переселения жителей слобод в казачьи городки[380].

Наиболее показательным примером горско-казачьего «плавильного котла» были низовья Терека. Здесь из горцев, поселившихся совместно с казаками, образовалась группа новокрещенов. Императивным условием вхождения в казачье сообщество было принятие христианства. Неизвестный, но хорошо осведомленный автор XIX в., писавший о колонизационных способностях терского казачества, отмечал: «они умеют ассимилироваться в разных условиях; но всего важнее – их общинный строй, способность развивать русскую силу, которая растет как бы сама из себя; где обоснуются 10–20 казаков, – они уже принимают в свою общину всех – русских крестьян и черкесов (под условием окреститься)»[381]. Новокрещены сохранили свою самобытную идентичность и входили в состав Терского войска как отдельный служилый разряд. Терское казачество до конца Кавказской войны оставалось открытым сообществом, а единственной социокультурной границей, которую признавали казаки, было вероисповедание.

Здесь же отметим, что значительная часть терских казаков оставалась старообрядческой на протяжении столетий. «Расспрашивая на линии о каком-нибудь казаке, часто услышишь: он часовенный, он старовер, он особливый; в каждой станице найдете несколько старообрядческих семейств, которые живут в своем кругу, чуждаясь сообщества православных. Гре-

---

[378] *Омельченко И. Л.* Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 62.

[379] *Кидирниязов Д. С.* Взаимодействие ногайцев с народами Северного Кавказа в хозяйственной и культурной сфере в XVI–XIX вв. // Вестник Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. 2005. № 4. С. 24–33.

[380] *Заседателева Л. Б.* Терские казаки… С. 193–194.

[381] Колонизация Кавказа и казаки. СПб., 1886. С. 6.

бенцы и казаки Кизлярского полка, потомки опальных стрельцов – почти все старообрядцы. Их быт сильно разнится от других казаков. Кроме азиятских привычек, принесенных с гор, в обычаях их есть много особенностей, данных им расколом. Отвращение от трубки, поклонение иконам старой живописи, благоговение к книгам до Никоновского издания и равнодушие к обрядам православной церкви. Кроме Щедринской, Червленной, Дубовской и других станиц Гребенского и Кизлярского полков, Калиновская, Савельевы хутора, Ишоры станицы Моздокского полка почти наполовину населены старообрядцами. Ишоры имеют еще одну особенность; не подалеко (так в тексте. – *А. У.*) от них, в лесу, существуют, поныне, старообрядческие скиты»[382], – повествовал И. А. Сливицкий читателям газеты «Кавказ» в середине XIX в.

Оценивая факторы развития горско-казачьего взаимодействия, трудно переоценить женское влияние. Женами терских казаков становились в основном горянки, которые часто оказывались в казачьих городках не по своей воле. «…Русская казачья вольница на Тереке и отчасти на Дону в первые времена своего существования буквально-таки добывала себе жен на Кавказе»[383], – писал известный исследователь истории казачества Ф. А. Щербина. В семьях терских казаков управление домом и хозяйством было в руках женщины. Казачьи жены-горянки не порывали связей с родственниками, регулярно навещая их. Это еще больше сближало терских казаков и местные народы. Дети от смешанных браков становились билингвами: свободно изъяснялись на русском и на кумыкском или кабардинском языках. Войсковой знаменщик станицы Червленой казак Фролов был женат на «затеречной туземке», которую после крещения нарекли Анной Ивановной. Вся семья Фролова говорила на трех вышеперечисленных языках, а дети имели по два имени: одно русское, другое – горское[384].

Устойчивая бессемейность была характерна лишь для отдельных групп терского казачества на заре его формирования. Большая часть бессемейных покинула Терек еще на рубеже XVI–XVII вв. В XVIII–XIX вв. бессемейных терских казаков было крайне мало, именно они в основном занимались непрестижным ремесленным производством[385].

Вольная казачья колонизация Северного Кавказа продолжалась вплоть до начала XVIII в., когда российское правительство начинает проводить значительно более агрессивную и последовательную политику в регионе. С этого времени терские казаки вынуждены подчинить собственные интересы в угоду военно-политическим замыслам Петра I Великого и

---

[382] *Сливицкий И. А.* Очерки Кавказа и Закавказья. Казацкий хутор и старообрядческие скиты в Ишорах // Кавказ. 1848. № 49. (от 4-го декабря). С. 194.

[383] Цит. по: *Омельченко И. Л.* Терское казачество… С. 63.

[384] Там же. С. 64.

[385] *Великая Н. Н.* Модернизационные процессы второй половины XIX в. и терское казачество // Модернизационные процессы в истории России XVIII–XX вв.: политика, экономика, культура. Армавир, 2003. С. 121.

созданной им империи. На развитие горско-казачьих отношений накладываются новые внешние ограничения, препятствующие сохранению мирных связей, и, напротив, провоцирующие конфликты.

Казаки в Российской имперской колонизации Северного Кавказа (XVIII в. – 60-е годы XIX в.): военно-политические функции и этнокультурные границы

Подчинение терских казаков и включение их в административно-правовые структуры Российского государства совпало по времени с переселением части донского казачества на Северный Кавказ. Эти процессы имели определяющее значение для последующего развития казачьих общин на Тереке и – шире – на всем Северном Кавказе.

Масштабная религиозная междоусобица на Дону 1688–1689 гг. выдавила побежденных казаков-старообрядцев с насиженных мест. Уже в 1688 г. группа донских казаков численностью в 1 тыс. человек покинула свои городки и отправилась в Большую Кабарду, где беглецы нашли пристанище во владениях князя Мисоста Казыева[386]. Переселенцы быстро наладили отношения с терскими казаками атамана И. Кукли. Донцы вступали в альянсы с различными политическими акторами на Северном Кавказе, среди их военно-политических партнеров были шамхал тарковский и другие северокавказские владетели. Беглецы грабили российские торговые караваны и появлялись у стен Терской крепости. Их действия угрожали российским интересам в крае, и царская администрация не жалела сил для нейтрализации «воровских» казаков. К началу XVIII в. донские казаки-беглецы частью вернулись с повинной на Дон, а частью ушли на Кубань.

Появление донских изгнанников на Северном Кавказе, их непримиримая позиция по отношению к российским властям, а также грабительские акции ускорили распространение российских государственных управленческих институтов и практик на Тереке.

Следующая волна миграции казаков с Дона на Терек датируется 1724–1725 гг. Она была вызвана уже другими причинами, которые непосредственно связаны с российской государственной политикой и, в частности, с Персидским походом Петра I (1722–1723 гг.).

В начале XVIII в. все силы реформирующегося Российского государства были сосредоточены на Северной войне. Развитие отношений с северокавказскими владетелями проходило в рамках традиционных форматов вступления/подтверждения подданства. В 1711 г. кабардинские князья просили Петра I принять их в подданство и защитить от набегов Крымского хана. Российский монарх решил принять Кабарду в «подданство и оборону»[387].

---

[386] *Сень Д. В.* «Нам тут на реке Аграхани жить не тесно…». Из истории начального этапа освоения донским казачеством Северного Кавказа в конце XVII в. – начале XVIII в. // Кавказский сборник. Т. 5(37). М., 2008. С. 17.

[387] Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII веках. Т. II. XVIII в. М., 1957. С. 3.

Кабардинские князья могли рассчитывать на военную помощь терских казаков, но и сами обязывались участвовать в совместных военных экспедициях.

В 1711–1712 гг. кабардинское войско двинулось на Кубань и разбило большой отряд закубанского владетеля Мурад-Султана – вассала крымского хана. Но кабардинцы остались без обещанной помощи со стороны казанского губернатора П. М. Апраксина. «По обещанию нашему намерение было такое, чтоб Апраксину приходить на Кубань с Азовской стороны, а нам, черкесским войскам, идти горскою стороною; и главной над войски боярин ваш, не дав нам ведомости и не исполняя обещания, возвратился назад», – писали кабардинцы Петру I[388]. Единственным надежным союзником Кабарды оказалось Терское казачество. Это провоцировало конфликты казачества с другими северокавказскими народами, конкурировавшими с Кабардой за влияние на Северном Кавказе. Обострились отношения казачества с Дагестаном.

В 1720 г. эндереевский владетель Хамзин Айдемир и союзные ему ногайские мурзы напали на казачьи городки, требуя от казаков покорности и службы. Казаки отчаянно сопротивлялись. После нескольких дней непрестанных боев, Хамзин Айдемир и его союзники отступили, но уходя «городок с амбарами пожгли, а хлеб, который был… весь побрали без остатку»[389].

Отношения с кабардинцами осложнялись потоком беглых, надеявшихся обрести свободу в Терском городе и казачьих городках. Черкесские князья раз за разом повторяли просьбу о выдаче зависимого населения, бежавшего от неволи. Из письма кабардинской знати Петру I от 5 декабря 1717 г.: «А которые наши служители из рабов наших от нас уходят и крестятца не для того, чтоб христианскую веру принять, но чая, что будут вольными и освободятся из неволи; и таких людей не принимать и нам возвращать»[390]. На подобные просьбы российский монарх отвечал отказом: «Что же просите нас, великого государя, чтоб из черкас, ваших служителей и рабов, которые уходят, не крестить и не принимать, и которые крестятца, тех бы отдавать; и по нашему христианскому закону никому из иноверных, приходящих и просящих крещения, отказывать невозможно, но должно всех таких принимать с любовью и крестить в православную христианскую веру»[391].

Северокавказский узел противоречий затягивался все туже. Победоносно закончив войну со Швецией подписанием 30 августа 1721 г. Ништадтского мира, Петр I начал подготовку к походу на Кавказ.

Поворот российской внешней политики с западного на южное направление прямо сказался на положении терских казаков. Уже 3 марта 1721 г. вышел сенатский указ, текст которого предельно лаконичен: «Великий государь указал: донским и яицким и гребенским казакам во всех

---

[388] Там же. С. 9.
[389] Цит. по: *Козлов С. А.* Кавказ в судьбах казачества… С. 128.
[390] Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII веках. Т. II. XVIII в. М., 1957. С. 15.
[391] Там же. С. 17.

управлениях быть в ведении Военной коллегии»[392]. Начинается военное закрепощение терских казаков, трансформация вольного населения в сословие профессиональных воинов на службе у Российского государства.

Во время Персидского похода казаков распределили на полки во главе с полковниками и хорунжими, а позднее разделили на конные роты. Теперь дисциплинарные практики, характерные для новой российской регулярной армии, распространялись и на терское казачество.

За изменениями в области административного управления и военной организации последовало и крушение самобытной системы взаимодействия терского казачества с северокавказскими народами и их элитами. Если в XVI–XVII вв. казаки самостоятельно регулировали взаимодействие с горцами, то теперь определяющая роль принадлежала российскому начальству, на службе которого находились терцы.

Персидский поход Петра I открывает эпоху Кавказских войн – серии разномасштабных военных столкновений России с горцами, а также Турцией и Ираном за контроль над регионом. История похода на берега Каспия (иначе Персидский поход еще именуют Каспийским) знает примеры взаимного ожесточения сторон, непримиримости, пренебрежительного отношения к противнику («варварам»), которое демонстрировали Петр и его офицеры – все это родовые черты Кавказской войны XIX в., которые впервые ярко проявились в 1722–1723 гг.[393]

Терские казаки участвовали в погромах и тотальном разорении владений дагестанской аристократии. Безусловно, казаки и ранее осуществляли грабительские рейды на территорию соседей, но никогда их набеги не приводили к полному уничтожению целых аулов. 19 августа 1722 г. российские войска разбили армию утамышского султана Махмуда. После победы применялись карательные меры. В письме Сенату Петр I рассказывал о незавидной судьбе жителей Утамыша: «…для увеселения их сделали изо всего его владения фейерверк для утехи им, а именно сожжено в одном его местечке, где он (султан Махмуд. – *А. У.*) жил, с 500 дворов, кроме других деревень, которых по сторонам сожгли 6»[394].

Еще одним важным следствием петровской экспедиции было основание крепости Святого Креста, которая должна была заменить в качестве ключевого российского бастиона на Северном Кавказе Терское укрепление. Для прикрытия крепости и укрепления новой границы, которая теперь проходила по реке Сулак, российская администрация переселила сюда 1000 семей донских казаков и терцев из Терского городка. Переселенцы составили отдельное казачье войско – Аграханское (по названию одного из притоков Сулака). Донские казачьи семьи были расселены в пяти городках по Сулаку и Аграхани. Переселенцы жили в состоянии постоянной военной тревоги.

---

[392] ПСЗРИ. Собрание I. Т. 6 (1720–1722). СПб., 1830. С. 367.

[393] Подробнее см.: *Курукин И. В.* Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735). М., 2010.

[394] Цит. по: *Курукин И. В.* Персидский поход Петра Великого… С. 66.

Дагестанские горцы беспрестанно тревожили казаков набегами, уводя людей и угоняя скот. По этой причине донские переселенцы три раза переходили с места на место, пытаясь обезопасить себя от нападений горцев. Но не только горцы были проблемой казаков: «притом новый климат произвел в них болезни, которые, и частые с неприятелями сражения, умалили их до того, что при последнем переселении оставалось у них 452 семьи, которые столько же казаков на службу выставляли, и потому разделены были только на 3 станицы: Каменку, Прорву и Кузминку, которые обведены земляными валами»[395], – писал П. Г. Бутков. Эти ужасные потери переселенцы понесли всего за полтора года с весны 1724 г. по осень 1725 г.

Перманентные набеги горцев объяснялись не только памятью об участии казаков в Персидском походе, но и резким одномоментным ростом их численности за счет переселения тысячи донских семей. Возрастая численно, а следовательно, занимая все больше пространства, терские казаки вытесняли горцев из привычных экосистем, что создавало угрозу традиционному образу жизни коренного населения. Антагонизм между казаками и горцами нарастал.

Не в силах адаптироваться к экстремальным условиям, казаки даже планировали побег на Кубань к казакам-некрасовцам, но об их замыслах стало известно российской администрации, которая предприняла превентивные меры[396]. Казакам увеличили жалованье и улучшили провиантское снабжение.

В 1735 г. российская граница откатилась с Сулака на Терек. Российской цитаделью на Северном Кавказе вместо Святого Креста стал основанный тогда же Кизляр. На службу в окрестности крепости было переведено и многострадальное Аграханское казачество. Казаки, поселившиеся на окраине Кизляра, получили название Терско-Кизлярского войска, а выходцы с Дона, занявшие пространство между укреплениями Кизляра и городками терских казаков, стали именоваться Терско-Семейным войском. Такое название было следствием того, что донцы пришли на Терек уже с семьями, а не обзаводились ими на месте поселения.

Персидский поход окончился успешно, но удержать приобретенные Петром I богатые прикаспийские провинции Ирана его наследникам не удалось. Однако российское военное и политическое присутствие на Северном Кавказе постоянно расширяется. Если ранее единственной российской крепостью здесь был Терский город, то во второй половине XVIII в. начинает формироваться Кавказская линия – цепь военных укреплений, со временем протянувшаяся от Каспийского моря до Черного. Первоначально линия возводилась для защиты от горских набегов, но очень скоро превратилась в стену, которая, двигаясь все дальше, отрывала очередной кусок территории, поглощая его навсегда. Приведем цитату из произведения российского военного реформатора и участника Кавказской войны Д. А. Милютина «Мыс-

---

[395] *Бутков П. Г.* Материалы для новой истории Кавказа. СПб., 1869. С. 78.
[396] *Омельченко И. Л.* Терское казачество… С. 68.

ли о различных образах действий на Кавказе» (1844 г.): «Само назначение линии малых укреплений – изжилось в продолжении времени, из средства чисто оборонительного оно сделалось как бы способом покорения неприязненного края»[397]. В одной из адыгских песен времен Кавказской войны пограничной линии дана такая характеристика: «Царь настроил станиц-укреплений // Из-за них у нас, что ни день, то тревога»[398]. Кабардинцам и другим северокавказским народам ничего не оставалось как отступать сначала в Предгорья Кавказа, а затем бежать в горы.

Сооружение новых укреплений предполагало и расширение российского военного присутствия в регионе: крепостям всегда необходимы гарнизоны. В течении XVIII в. на Северный Кавказ прибывают регулярные полки российской армии, переселяются казаки с Дона, Хопра, Волги, Днепра, а за ними следуют и русские крестьяне из внутренних губерний России. Переселенческий «потоп» еще более осложняет поддержание мирных взаимоотношений терских казаков и горцев.

В 50-е гг. XVIII столетия возникают первые поземельные горско-казачьи конфликты. Верный России владетель Малой Кабарды Кугука Каншуков просил Петербург позволения переселиться неподалеку от терской казачьей станицы Червленой. Кабардинский князь обещал защищать казаков от участившихся разбойных нападений со стороны других горских обществ. Казалось, что предложение кабардинцев можно только приветствовать. Но терцы выступили решительно против возможного переселения людей Кугуки Каншукова к Червленой. Казаки опасались потерять уже освоенные ими плодородные пахотные земли в местности под названием Горячие колодези. Терский войсковой атаман И. Борисов писал астраханскому губернатору И. О. Брылкину: «имеют они казаки оное место за крайнее себе удовольствие […] и хлеб сеют и сено косят и виноградные сады имеют на тех местах […] и ежели де оное место отдано будет им кабардинцам, то де казакам в сеянии хлеба и сенокосе немалой недостаток будет»[399]. Российская администрация все же поселила кабардинцев на новом месте, но о добрососедских отношениях казаков и горцев можно было забыть навсегда.

В XVIII в. обыденностью становятся набеги горцев на казачьи поселения. Сооружение новых укреплений Кавказской линии вызывало негативную реакцию горцев, провоцируя их враждебность. Основание Моздока в 1763 г. разрушило двухвековой русско-кабардинский военно-политический союз. В 1764 г. кабардинцы уведомили представителя имперской администрации ротмистра И. Мещерякова, что в случае, если Россия не удовлетворит их просьбу о срытии этого укрепления, они «не минуют от-

[397] ОР РГБ. Ф. 169. К. 19. Ед. хр. 5. Л. 7.

[398] Адыгские песни времен Кавказской войны / сост. А. М. Гутов, В. Х. Кажаров, М. А. Табишев, Н. Г. Шериева. Нальчик, 2014. С. 154.

[399] Цит. по: *Козлов С. А.* Кавказ в судьбах казачества… С. 145.

даться в послушание хана крымского»[400]. Россия ответила походом корпуса генерала И. Ф. де Медема, который заставил кабардинцев покориться. Теперь Российской империи на Северном Кавказе нужны были не союзники, а лишь покорные и безропотные подданные.

С 1760-х гг. начинается формирование будущего Кавказского линейного войска. Оно собиралось из волжских и донских казаков, переселяемых имперским правительством, а также крестьян, которых массово зачисляли в казаки. Увеличивалось казачье население и за счет местных народов. В 1765 г. из беглых осетин и кабардинцев, нашедших приют у стен недавно построенного Моздока, была организована горская казачья команда, которая иначе именовалась «обществом казачьей братии»[401]. Позднее, а именно в период «проконсульства» на Кавказе А. П. Ермолова (1816–1827 гг.), горская казачья команда стала ядром для формирования Горского казачьего полка.

В 1838 г. для усиления охраны стратегической Военно-грузинской дороги на пути от станицы Екатериноградской до Владикавказа были основаны станицы Пришибская, Урухская, Архонская и Ардонская. В них поселили малороссийских казаков[402].

Сунженская укрепленная линия, начало которой положил еще А. П. Ермолов, начала активно заселяться казаками с 1845 г., когда за полтора десятилетия здесь выросли 16 казачьих станиц. В них переселили в основном терских и донских казаков. Количество переселенцев с Дона вновь было значительным: на Сунжу отправили 300 казачьих семей[403].

Почему Российская империя так последовательно проводила политику «оказачивания» Северного Кавказа? Казаки оказались наименее затратным инструментом присвоения новых территорий. «Казаки и военно-народное управление стоили намного дешевле, чем регулярные армии и общероссийские административные и судебные учреждения»[404], – отмечает К. Мацузато. Казаки были военной силой, которая полностью себя обеспечивала и могла существовать автономно, без постоянной финансово-экономической подпитки из центра. На протяжении XIX в. появлялись проекты вроде замысла генерала-майора Г. М. Халанского. Заключался он в том, «чтобы обратить все население Кавказской области в казачье сословие, т.е. образовать из всей Кавказской области одно целое, наподобие войска Донского»[405].

---

[400] Цит. по: *Кажаров В. Х.* Столкновение цивилизаций и первые поражения Кабарды в 60–90-х гг. XVIII века // Исторический вестник. Вып. IV. Нальчик, 2006. С. 214.

[401] *Омельченко И. Л.* Терское казачество… С. 91.

[402] *Тхамокова И. Х.* Основные этапы формирования Терского казачества // Мир славян Северного Кавказа / под ред. О. В. Матвеева. Вып. 1. Краснодар, 2004. С. 232.

[403] ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 544. Л. 1–29.

[404] *Мацузато К.* Генерал-губернаторства в Российской империи: от этнического к пространственному подходу // Новая имперская история постсоветского пространства. М., 2000. С. 434.

[405] ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 18. Ед. хр. 16. Л. 5.

В бумагах великого князя Михаила Николаевича – кавказского наместника в 1862–1881 гг. – содержится документ, озаглавленный: «Разные мои мысли, соображения и откровения». Среди коротких записей есть и такая: «Желательно, чтобы казачьи линии со временем были на персидской и турецкой границах»[406]. Казаков, с трудом освоившихся на Северном Кавказе, имперское правительство могло отправить дальше на юг. Упразднение Кавказского наместничества в 1881 г. и переезд Михаила Николаевича из Тифлиса в Петербург на должность Председателя Государственного совета, оставили эти идеи частным мнением великого князя.

Терское казачество в позднеимперский период: социальные привилегии и войсковая экономика

Рост казачьего населения Терека завершил разрушение старой системы гармоничного сосуществования казаков и северокавказских народов. Для казаков с Дона, Хопра, Волги, Днепра горцы были военными противниками и конкурентами за обладание природными ресурсами, в первую очередь землей. Они не имели опыта долговременного, преимущественно мирного сосуществования с коренным населением края, о котором помнило старожильческое казачье население Терека.

Инфильтрация северокавказского и, в частности, тюркского элемента в среду терского казачества была сильно ограничена событиями Кавказской войны. Казаки и горцы регулярно обменивались набегами, в ходе которых безжалостно разоряли селения друг друга.

В середине XIX в. историк С. Писарев привел процентные данные о доли казаков-горцев в полках Терского войска: Кизляро-Гребенский полк – 7,2 %; Горско-Моздокский – 4,3 %; Волжский – 0 %; Владикавказский – 0 %; Сунженский – 0 %[407]. Как видно, горцы составляли лишь малую часть Терского войска. Относительно высокая доля коренного населения в Кизляро-Гребенском полку объясняется тем, что образование кизляро-гребенских станиц относится к XVI–XVIII вв., когда система мирного взаимодействия терцев с местным населением еще не была разрушена форсированной имперской колонизацией. Наличие местного элемента в Горско-Моздокском полку является свидетельством особенностей его формирования, одним из базовых источников которого выступала горская казачья команда. Волжский, Владикавказский и Сунженский полки формировались из новых станиц, населенных в основном казаками-переселенцами или причисленными к ним русскими крестьянами.

Тем не менее отдельные примеры инфильтрации в казачество горцев-тюрков в период Кавказской войны были нередки. Балкарские таубии (горские князья) служили в полках Кавказского линейного войска, занимая офицерские должности. Так, например, поручик Али Шакманов был прикоман-

[406] ГАРФ. Ф. 649. Оп. 1. Д. 158. Л. 1.
[407] Приведено по: *Заседателева Л. Б.* Терские казаки… С. 215.

дирован к 1-му Сунженскому линейному казачьему полку. После гибели горца в одном из боев, его матери был назначен пожизненный пенсион[408].

После окончания Кавказской войны потребность империи в казаках-колонизаторах отпала. С конца 1860-х гг. терское казачество становится замкнутой сословной группой. Стать терским казаком было почти невозможно. В казаки могли быть приняты нижние чины регулярной армии, но при условии, что они имеют родственников-казаков, а в станицах, где они планируют поселиться, для них найдется достаточно свободной земли[409].

Во второй половине XIX в. казачество стало самым крупным земельным собственником на Северном Кавказе. В образованной в 1860 г. Терской области доля казачьего населения составляла 17,9 %, но при этом казакам принадлежала почти третья часть всего земельного фонда области[410]. Накануне революции 1917 г. в собственности Терского войска было уже около двух третей всей областной земли – 1 964 109 десятин[411]. Казакам отводилась лучшая земля, а другие категории населения вынуждены были существовать и выживать в условиях сельскохозяйственного неудобья.

Имперской властью были установлены нормы казачьих земельных наделов. На одного казака в возрасте от 17 лет полагалось не менее 30 десятин земли. Для сравнения, средний душевой надел крестьянства Европейской России в 1860 г. составлял всего 3,5 десятин, а в 1900 г. еще меньше – 2,6 десятины[412].

Передел северокавказской земли, которым российская администрация занималась в 1850–1870-е гг. проходил всегда в пользу казачества и в ущерб коренному населению. Значительной части земли лишились караногайцы, кочевавшие между Тереком и Кумой. К началу XIX в. они занимали территорию в 1 103 724 десятины земли[413]. Регулярные захваты караногайских земель в пользу терских казаков санкционировались российской администрацией с 1811 г., когда пять казачьих станиц получили 9 906 десятин лучшей караногайской земли. Несколько лет спустя у караногайцев было отторгнуто еще 37 837 десятин[414]. В 1863 г. караногайцы лишились сразу 175 720 десятин, которые отошли трем полкам Терского войска[415].

---

[408] *Муратова Е. Г.* Социально-политическая история Балкарии XVII – начала XX в. Нальчик, 2007. С. 223.

[409] *Тхамокова И. Х.* Основные этапы формирования… С. 236.

[410] *Ратушняк В. Н.* Сельскохозяйственное производство Северного Кавказа в конце XIX – начале XX века (к проблеме развития аграрного капитализма). Ростов н/Д., 1989. С. 24.

[411] *Писаренко Д. С.* Терское казачество: Три года революции и борьбы. 1917–1920 гг. Материалы и воспоминания. М., 2016. С. 35.

[412] *Ратушняк В. Н.* Сельскохозяйственное производство Северного Кавказа… С. 25.

[413] *Гриценко Н. П.* Горский аул и казачья станица Терека накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Грозный, 1972. С. 39.

[414] Там же.

[415] Там же. С. 40.

Караногайцы шли на заработки в казачьи станицы, где нанимались садовниками и чернорабочими. Занимались они и перевозкой грузов на кизлярские рынки.

Лучшей земли лишились и другие северокавказские народы: кабардинцы, ингуши, чеченцы. Именно земельный вопрос был причиной и катализатором взаимной неприязни казаков и горцев. О заметном кризисе в горско-казачьих взаимоотношениях писал в 1884 г. журналист Я. В. Абрамов: «Во время моего пребывания в Терской области меня страшно поразила взаимная ненависть, которую питают друг к другу два главных элемента населения области – казаки и туземцы; ненависть проявляется в чувствах и воззрениях казаков и туземцев и в тысячах столкновений тех и других друг с другом»[416].

Терскому войску принадлежала не только лучшая земля, но и водные ресурсы. В безвозмездном пользовании терского казачества находилось 1625 кв. верст морских вод – побережье Каспия с рыбными промыслами[417]. Казаки обладали исключительными правами на рыболовство в главных реках Терской области – Тереке, Сунже, Малке. Терское войско распоряжалось соляными промыслами и каменоломнями. Нефтепромышленники, разрабатывавшие с 1893 г. грозненские месторождения «черного золота», ежегодно выплачивали войску два миллиона рублей арендной платы[418].

Терское казачество превратилось в главного собственника на Центральном и Северо-Восточном Кавказе. Казакам принадлежала вода, земля и ее недра. Для вытесненного из традиционной экологической ниши коренного населения казак стал главным врагом, забравшим все, что когда-то принадлежало предкам. Обиды накапливались, а с ними укреплялись реваншистские настроения.

Ослабление центральной российской власти, которое вызвала революционная смута, стало предпосылкой для открытого горско-казачьего столкновения. Осенью 1917 г. ингуши атаковали сунженские казачьи станицы. «Получилось стихийное наступление с гор на станицы и на русские поселения, при этом наступление организованное и со всеми признаками вооруженной войны», – писал в своих воспоминаниях активный участник революции и Гражданской войны на Тереке полковник Д. С. Писаренко[419].

В ноябре была уничтожена станица Фельдмаршальская, население которой бежало, оставив дома и хозяйство. Терским казакам трудно было оказать организованное сопротивление ингушам, большая часть боеспособного мужского населения была на фронтах Первой мировой войны. Но казаки Нестеровской и Карабулакской станиц смогли на время остановить ингушское продвижение вглубь войсковых территорий. Терское войсковое правительство пыталось договориться с горцами, но попытки эти не имели замет-

---

[416] *Абрамов Я. В.* Кавказские горцы. Нальчик, 2011. С. 21.
[417] *Бурда Э. В.* Терское казачье восстание. 1918 год. Нальчик, 2016. С. 36.
[418] Там же. С. 36–37.
[419] *Писаренко Д. С.* Терское казачество… С. 92.

ного успеха. «Примирительные протоколы писались, все эти установления на бумаге сочинялись, казачьи делегаты с горскими в знак вечной дружбы целовались и клялись в искренности, а на станицы, опутавшиеся окопами и проволокой, продолжали дружно наседать горцы, и там ежедневно и ежечасно лилась непрерывно кровь…»[420], – вспоминал Д. С. Писаренко.

Горско-казачья война стала прологом Гражданской войны на Тереке, в результате которой казаки лишились всего, что так долго завоевывали и присваивали.

Летописец Кавказской войны В. А. Потто в одном из своих трудов отметил, что «ни казаку не удержаться бы перед горцами без помощи государства, ни государству с одной регулярной армией не одолеть бы беспокойного Кавказа»[421]. Эти слова точно объясняют не только расцвет казачьих социумов, но и причину их катастрофы. Терское казачество, как и другие российские казачьи сообщества, разделило судьбу Российской империи. Казаки Терека были насильно связаны с империей еще в петровскую эпоху, когда произошел слом горско-казачьей системы мирных отношений, основанной на сбалансированном использовании экологических ресурсов. Малочисленное казачество, которое занималось в основном военными экспедициями и рыбным промыслом, было для горских обществ партнером и/или союзником, а если и случалась вражда, то она быстро утихала, не принося масштабных жертв и тотального разрушения.

Включение терского казачества в колонизационные структуры Российской империи сделало невозможным гармоничное сосуществование казаков с горцами. Массовые правительственные переселения казаков с Дона, Хопра, Волги, Днепра на Терек резко увеличили численность казачьего населения. У новых поселенцев не было опыта взаимодействия с коренными народами региона, они были свободны от ментальных ограничений и императивов. Горцев казаки воспринимали как конкурентов в борьбе за существование, выдавливая их при помощи государства с лучших территорий. Российская империя выступила гарантом казачьих прав и многочисленных привилегий. С крахом государства Романовых испарились все легитимные основания, на которых стояла богатая и доходная казачья войсковая собственность. За два века терское казачество «разучилось» жить среди горцев без государства и не смогло удержаться в водовороте трагических событий 1917–1920 гг.

---

[420] Там же. С. 95.

[421] *Потто В. А.* Кавказская война. Т. I. Ставрополь, 1994. С. 96–97.

§ 6. Инфильтрация ногайцев в состав Черноморского казачьего войска

В. В. Грибовский

В результате войны 1787–1791 гг. официальной границей Османской и Российской империй на Кавказе стала р. Кубань. В конце 1790 г. российское правительство приняло решение о переселении ногайцев, оставшихся на правобережье Кубани, на Северное Приазовье (к р. Молочная, иначе: Молочные Воды), вместе с остатками администрации бывшего Крымского ханства, продолжавшей ими управлять под надзором ейского пристава[422]. 30 июня 1792 г. Екатерина II подписала указ «О пожаловании Черноморскому войску острова Фанагория с землями, между Кубанью и Азовским морем лежащими»[423].

Поселению Черноморского казачьего войска на Кубань в 1792 г. предшествовал длительный период проникновения запорожских казаков в этот регион и их вхождения в самые разнообразные отношения с местным, преимущественно ногайским населением. Во время пребывания в подданстве Крымского ханства (1709–1734) Войско Запорожское беспрепятственно пользовалось рыбными ресурсами северного и восточного берегов Азовского моря. После возвращения в российское подданство в 1734 г. запорожцы не оставили свои промыслы в Восточном Приазовье и вопреки правительственному запрещению продолжали курсировать между устьями рек Кальмиус и Ея до самого разрушения Запорожской Сечи в 1775 г.[424] Некоторые из них обосновались здесь, пережив и войны, и ликвидацию Войска Запорожского, и затем Крымского ханства, и установление прямого российского управления на правобережье Кубани. В июне 1792 г. Мокий Гулик, посланный руководством Черноморского казачьего войска для описания выделенной для его поселения земли, обнаружил три хутора казаков запорожского Полтавского куреня на р. Кагальник, «футор бурлацкой» на устье р. Ея и более 2 тыс. «бурлаков»[425] – нигде не учтенное украинское население края. Всех их он поспешил причислить к запорожским казакам[426].

---

[422] *Грибовский В. В.* Формирование приставской администрации в междуречье Кубани и Еи в 1771–1790 гг. // Ногайцы XXI век. История. Язык. Культура. От истоков к грядущему. Черкесск, 2014. С. 23–24. Также см. § 4 «Ногайское казачье войско на Молочных Водах» главы VI настоящего издания.

[423] *Фролов Б.* Атаман Захарий Чепега. К 280-летию со дня рождения (1726–1797). Краснодар, 2006. С. 82–83.

[424] *Грибовский В. В.* Запорожские рыбные промыслы в Восточном Приазовье // Большой Ромбит. Сб. ст. по истории и исторической географии Восточного Приазовья / сост. Ю. В. Артюхин. Ейск, 2010. С. 61–70.

[425] ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 161. Л. 78 об., 79 об., 84.

[426] *Фролов Б.* Атаман Захарий Чепега… С. 87.

Черноморское казачество, сформированное из бывших запорожцев, сохранило на Кубани большинство выработанных на Запорожье обычных правовых и поведенческих установок. Это проявилось и в самостоятельном принятии решений руководством Черноморского казачьего войска о военных действиях с обществами, живущими по ту сторону границы[427], и в установлении личных связей с администрацией соседней турецкой крепости Анапа, и в промысловой эксплуатации черноморскими казаками османской территории, их проживании там под разными видами, и в неоднократных случаях их ухода в османское подданство[428], и во многом другом.

Как и в Северном Причерноморье, украинские казаки рассматривали государственную границу на Кубани не как линию, нахождение при которой и пересечение которой подлежали регламентации единообразными правилами, а как пространство, где казацкий образ жизни (с его военной и промысловой составляющими) является сословной привилегией. Эти практики шли вразрез с целями российского правительства, стремившегося к усилению своего военно-административного контроля кубанской границы. В ходе сложного взаимодействия черноморцев с региональными и центральными органами управления Российской империи вырабатывался гибкий баланс соответствий местных возможностей столичным требованиям. Общим отражением этого баланса стало возникновение на Кубани фронтирного состояния, в некоторых чертах похожего на Запорожье времен Новой Сечи (1734–1775 гг.). Как и на Запорожье, на Кубани происходили взаимные нападения жителей обеих сторон границы, проводились следственные комиссии для определения размера компенсации, действовали местные механизмы обеспечения ее выплаты[429], избегали вмешательства центральных властей в споры пограничных жителей и мн. др.

После взятия войсками И. В. Гудовича крепости Анапа в 1791 г.[430] Порта не рассматривала ногайцев как полезную военную силу, а сосредоточила внимание на укреплении своего влияния на адыгские народы. Оставшиеся без защиты турецкого правительства, ногайцы превратились в удобный объект для нападения черкесов. Для многих «закубанских» ногайцев единственной возможностью избежать разорения и превращения в

---

[427] *Короленко П. П.* Закубанский край (К истории Западного Кавказа) // Кубанская библиотека. Т. 22. Историческая публицистика Кубани второй половины XIX – начала XX в.: П. П. Короленко, И. Д. Попко, Е. Д. Фелицын. Краснодар, 2014. С. 12.

[428] *Сень Д. В.* Пограничные владения Османской империи на Северо-Западном Кавказе в конце XVIII – начале XIX вв. и казачьи сообщества региона // Казачество России: прошлое и настоящее. Сб. науч. ст. Вып. 3. Ростов-на-Дону, 2010. С. 50–60.

[429] *Короленко П. П.* Закубанский край… С. 13. *Сень Д. В.* Пограничные владения Османской империи на Северо-Западном Кавказе… С. 49–50.

[430] См. § 5 «“Кубанская стража” Османской империи» главы VII настоящего издания.

черкесских ясырей стало переселение на контролируемую Россией территорию, в частности на правобережье нижней Кубани.

Особенно участились случаи бегства ногайцев в 1796 г. В январе того года от абазинцев ушел ногаец-ясырь Абдулла вместе со своей женой. Дабы избежать возврата турецким властям, предписанного Ясским договором, Абдулла и его супруга крестились по православному обряду. В марте к Платоногорскому кордону пришло 7 ногайцев, мужчин и женщин, которых отправили в Бугазский карантин. В сентябре на Таманском карантине уже содержалось 74 ногайца, принятых в Новогригорьевском кордоне. Ранее они жили в ауле («деревне») Адады и подверглись нападению абазинцев, намеревавшихся превратить их в ясырей. Они бежали и, несмотря на попытки охранявших границу черноморских казаков препятствовать их переправе через Кубань, перебрались на правый берег. В том же месяце от абазинцев бежало еще 67 ногайцев. Приходили и мелкие группы, состоящие из нескольких человек, как, например, две ногайские женщины с 9 детьми, к которым позже присоединились их мужья – Гаджи Али и Мураде[431].

В Петербурге сочли нецелесообразным оставлять ногайских беглецов на землях, пожалованных черноморскому казачеству, руководствуясь не только соображением соблюдения его прав, но и намерением как можно дальше отселить ногайцев от границы с Османской империей. Правитель Екатеринославского наместничества И. И. Хорват предписал черноморскому войсковому руководству принимать их «с ласковостью» и временно размещать на землях, которые ногайцы посчитают удобными. Но в октябре 1796 г. последовало распоряжение об отправке всех беженцев в Керченский карантин, откуда их следовало доставить на Молочные Воды. Это произошло вопреки протестам анапского паши, ссылавшегося на Ясский мирный договор и требовавшего возврата беглецов как турецких подданных[432]. В Таманский карантин прибывали из «Закубанья» и горские армяне (черкесогаи), с которыми также было предписано обращаться «ласково» и оказывать им всяческую помощь; по выдерживании определенного срока в карантине их отправляли в Нахичевань под ответственность местного армянского магистрата[433].

Большой поток беженцев хлынул в 1803 г. 22 марта на Бугазскую карантинную заставу прибыло до 150 ногайцев и «татар», «объявивших желание остаться в России для жительства». На эту группу также распространилось предписание о переселении на Молочные Воды. Согласно распоряжению таврического гражданского губернатора Г. П. Милорадовича, одобренному Александром I 30 июня, их оставили между Темрюком и Таманью на побережье Азовского моря с разрешением самостоятельно выбрать места, удобные для временного жительства. Кроме того, губернатор

[431] ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 339. Л. 1–9, 10–10 об., 13–13 об., 32 и др.
[432] Там же. Л. 13–14 об., 19.
[433] Там же. Л. 50.

приказал, чтобы ногайские мигранты избрали несколько своих представителей для встречи с ним в Симферополе и определения места их постоянного жительства. Черноморские казаки получили приказ проявлять «всякое с ними ласковое обхождение» под угрозой строгого взыскания и давать им из войсковой казны умеренное пособие, которое полагали компенсировать из государственных средств[434]. Цель этих мероприятий была сформулирована Александром I так: «сколько в отвращение обратного ухода их за границу, столько и для лучшаго их водворения […] к их единоплеменникам, в пределах империи уже поселенным»[435].

Вскоре прибыла еще одна группа беженцев. 22 мая начальник Бугазской карантинной заставы Линтварев составил именной список из 315 явившихся к нему ногайцев, желающих перейти «в вечное России подданство» и поселиться на Таманском полуострове. Во главе этой группы стояли Бекир-мурза Шам-оглу и его брат Бахты-Гирей[436]. По истечении срока содержания в карантине Черноморская войсковая канцелярия выделила им землю для временного поселения на берегу Ахтанизовского лимана – «при Пересыпе», возле хутора священника Павла Демешко и казаков Андрея Похила и Филиппа Бойко. Черноморская войсковая канцелярия, старалась как можно скорее расселить ногайцев, чтобы они могли поправить свое крайне расстроенное хозяйство, построить зимовники и заготовить сено, т.е. могли сами себя обеспечить. Кроме того, им разрешили ловить рыбу «кармаками» в Бугазском лимане[437].

Общее состояние ногайских переселенцев было крайне бедственным. Многие из них не имели ничего, кроме одежды, которую должны были оставлять при прохождении карантина. Но были и те, кто смог переправить через Кубань скот и «до немалого количества разных вещей», а также имели собственных ясырей. Как засвидетельствовано в рапорте Таманского земского правления, ногайцы «чрез мурз и стариков своих с униженою приверженностью неоднократно отпуску им для прокормления с здешнего магазейна какую есть мукою [просили пособия]». Черноморское казачье войско в 1803–1805 гг. предоставило ногайцам 1 327 четвертей ржаной муки и 531 четверть пшеницы на сумму 7 247 руб. Эта сумма была определена херсонским военным губернатором, упрекнувшим войсковую канцелярию в завышении цен и несоблюдении «казенного интереса»[438]. Что примечательно, Черноморская войсковая канцелярия не поставила его в известность о прибытии второй группы ногайцев. На столичном и губернском уровнях рассматривался вопрос только о первой группе, состоящей из 150 чел. В августе 1803 г. херсонский военный губернатор С. А. Беклешов посетил Таманский

[434] РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 913. Л. 1–2 об., 3 об.; ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 67. Л. 1–5.
[435] РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 913. Л. 3–3 об.
[436] Там же. Л. 4–4 об.; ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 67. Л. 7–9.
[437] ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 67. Л. 14–15, 21.
[438] Там же. Л. 56, 192 об.–193.

полуостров и неожиданно для себя обнаружил наличие здесь еще 315 ногайцев. Он распорядился немедленно переселить всех ногайцев и «татар» на Молочные Воды «к их единоплеменникам». Таманскому земскому сыскному начальству было приказано как можно скорее (до наступления холодов) переправить обе группы через Керченский пролив[439].

Однако ногайцы не хотели переселяться на Молочные Воды. Их мурзы, неоднократно бывавшие у своих родственников в Крыму, были осведомлены о неблагоприятных условиях жизни на Молочных Водах. Весной 1804 г. началось расследование злоупотреблений начальника приазовских ногайцев Баязет-бия, приведшее к его смещению и введению должности пристава[440]. Среди прочего, в вину Баязет-бию вменялось то, что он своим нерадивым управлением отбил охоту выходящим из турецких владений на Кавказе 469 ногайцам селиться при р. Молочной[441].

Правительство не сразу разобралось с причиной нежелания ногайцев переселяться к р. Молочной. После визита Беклешова на Тамань их мурзы тотчас выехали в Крым наводить справки о ситуации на Молочных Водах, а затем ногайцы стали спешно возводить стационарные постройки в местах временного поселения. На предложение Таманского правления приступить к подготовке переселения они единогласно ответили просьбой предоставить им отсрочку до весны, мотивируя тем, что уже приготовились к зимовке. Как отметил чиновник Таманского правления, командированный для объявления им правительственного решения о переселении, «произошло между ними роптание, что всяк пожелав на месте смерты, нежели против зимы, оставя свое заселение, идти в предлагаемую им дорогу»[442]. Таврический вице-губернатор А. Шостак 9 ноября 1803 г. сообщил в Черноморскую войсковую канцелярию о решении Министерства внутренних дел отстрочить переселение до весны. 5 декабря к ногайцам командировали чиновника для наблюдения за их поведением и еженедельного извещения об этом Таманского земского правления[443].

С наступлением весны власти вновь стали принуждать ногайцев к переселению на Молочные Воды. 14 апреля 1804 г. таврический гражданский губернатор Д. Б. Мертваго приказал возобновить приготовления. Войсковое правительство направило полковых есаулов Чумакова и Лозинского для объявления ногайцам об истечении срока подготовки 15 мая. Предпринимая вторую попытку, правительство рассчитывало сделать ногайцев более сговорчивыми, увеличив пособие на переселение с 250 (как было в начале осени прошлого года) до 500 руб. и пообещав особые льготы на новом месте[444].

---

[439] Там же. Л. 42.

[440] См. § 4 «Ногайское казачье войско на Молочных Водах» главы VI настоящего издания.

[441] РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 913. Л. 6–17 об.

[442] ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 67. Л. 53.

[443] Там же. Л. 64–65, 67.

[444] Там же. Л. 77 об.–78 об.

Но и эти аргументы не убедили ногайцев. Они снова категорически отказались переселяться, заявив, что не бросят построенные дома и поля с посеянным хлебом. «Пусть нас здесь всех вырежут или разберут по рукам, а добровольно не пойдем», – отвечали ногайцы казацким старшинам[445].

Кочевники решительно брались заниматься земледелием; как известило черноморское войсковое правительство, «в короткое время обзавелись они и обработали немало земли»[446]. Конечно же, в условиях, в каких находились ногайцы, не было возможности заниматься привычным кочевым скотоводством. Для этого они не имели ни нужного количества скота, ни достаточных пастбищных площадей. Поэтому их занятие земледелием вполне понятно. Но то, что они занялись им с особым рвением, указывает на определенную тактику отстаивания своих интересов. Кубанские беглецы были хорошо осведомлены в том, что центральное правительство всеми мерами поощряет переход к земледелию приазовских ногайцев и сулит им за это всевозможные льготы. Засеянные поля они использовали как аргумент для отказа переходить на Молочные Воды. Возникает вопрос: откуда эти полуголодные люди брали посевной хлеб, ведь из таманских магазинов им отпускали преимущественно ржаную муку. Как оказалось, они меняли у крымских купцов свой скот на хлеб, который, как полагали в Таманском земском начальстве, употребляли для пропитания. Полученное таким способом зерно ногайцы использовали не для еды, а для засева как можно большего пространства земли. Этим они рассчитывали вынудить центральное правительство отказаться от плана перевести их под начало пользовавшегося дурной славой Баязет-бия. Вот почему они заявили командированным таврическим губернатором чиновникам: «буди угодно приказать нам переселится к Азовскому морю на Северовосточную косу, [мы] на то согласны»[447]. Центральное правительство, неоднократно предпринимавшее репрессивные меры в ответ на упрямство ногайцев, в этом случае не стало настаивать. В первую очередь, потому, что само было обеспокоено ситуацией на Молочных Водах, откуда ногайцы уже начали выезжать.

Обратим внимание на то обстоятельство, что руководство черноморцев ни разу не протестовало из-за появления на войсковых землях ногайцев и их намерения здесь навсегда обосноваться. Вряд ли таковое намерение могло бы возникнуть без согласования между ногайскими мурзами и черноморской старшиной. Это согласование, как и появление второй большой группы ногайских мигрантов, было скрыто от губернских властей. Чем же обусловлена такая скрытность? Позволим себе предположительный ответ на этот вопрос – стремлением черноморского казачества заполнить свои полупустынные земли населением, чей образ жизни не угрожал изменить фронтирное состояние края, соответствующее образу жизни самого казачества. По-

[445] Там же. Л. 85.
[446] ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 111. Л. 1.
[447] ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 67. Л. 86.

явление же русского и украинского крестьянства, массовый приток которого в Черноморию дал о себе знать несколько позже, как раз и содержал в себе такую угрозу. Превращение фронтира в заурядный земледельческий район означало бы установление обычной для центральных районов Российской империи социальной системы, состоящей из крестьян и помещиков, в которой не было места казачеству. Отсюда – долгая «нелюбовь» черноморских казаков к «иногородним». Ногайские кочевники были для них более близкими по образу жизни, чем крестьяне. Этнический и религиозный фактор в таких вопросах не играл решающей роли.

20 сентября 1804 г. Александр I одобрил предложение херсонского военного губернатора А. Г. Розенберга о разрешении находящимся при Ахтанизовском лимане ногайцам поселиться в пределах Черноморского казачьего войска на Северо-Восточной косе (коса Чушка)[448]. Местность, отведенная им для «твердой и постоянной жизни», располагалась вблизи Титаревского куренного селения и имела в длину 30, в ширину – 20 верст. Российское правительство устраивало то, что эта местность находилась за 100 верст от турецкой границы, проходящей по Кубани. Единственное условие, поставленное перед ногайцами на момент их окончательного поселения, заключалось в том, что они должны находиться здесь постоянно (они дали письменное обязательство об этом), «мало помалу заводясь хлебопашеством»[449]. Со стороны черноморского казачества особых претензий к ногайцам не было; войсковое правительство продолжало их опекать и поддерживать. В 1804 г. ногайцы не смогли собрать урожай из-за опустошений, нанесенных нашествием саранчи. Муку и посевной хлеб для них снова выдавали из черноморских войсковых магазинов. Для строительства домов ногайцы испросили 1 тыс. фур различного леса, нарубленного в плавнях возле Новогригорьевского кордона[450].

Количество ногайцев, находящихся в ведомстве Таманского земского начальства, постоянно менялось. Прибывали новые беженцы, как правило, во главе с мурзами; были и побеги обратно в Турцию – бежали ясыри. К моменту поселения на Северо-Восточной косе всех «закубанских беженцев» в Тмутараканском уезде числилось 469 чел. Две большие группы, пришедшие в марте и мае 1803 г., держались особняком, не желая селиться вперемежку; родовая знать отдельно распределяла полученный от войскового правительства хлеб между своими «подданными»[451]. Менее крупные группы, прибывшие позднее, не всегда могли ужиться со «старожилами». Например, мурзы Каспулат и Муса, под началом которых находилось 66 «татар», просили войсковое правительство разрешения перейти на жительство в Крым, на что получили отказ[452].

---

[448] РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 913. Л. 14–16.
[449] ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 67. Л. 110–110 об., 118, 125, 150 об.
[450] Там же. Л. 118, 137 об.
[451] Там же. Л. 23.
[452] Там же. Л. 150–150 об.

Так при Северо-Восточной косе образовалась Татарская слобода, в которой в 1808 г. проживали 83 ногайские и «татарские» семьи, 183 мужчин и 119 женщин, всего – 307 человек. Во главе поселения стоял Бекир-мурза; всего же числилось 5 мурз[453]. Бóльшая часть населения, согласно официальным сообщениям, занималась хлебопашеством, однако многие из этих вчерашних кочевников отправлялось на отхожие заработки[454]. Из сопоставления цифр до и после переселения следует, что на Северо-Восточную косу не дошло 162 человека. На Молочных Водах они не появлялись, как это видно из рапорта пристава Тревогина[455]. Предполагать, что они оказались в Крыму, также нет оснований, так как войсковое правительство отказывалось давать паспорта с разрешением переправиться на Крымский полуостров, а несанкционированное пересечение Керченского пролива для столь большого числа людей было маловероятным. Скорее всего, они разошлись на заработки по территории Черноморского казачьего войска.

Татарская слобода предназначалась для поселения не только ногайцев и «татар», но и черкесов, выходящих из «Закубанья». В 1807 г. сюда была водворена группа черкес из 12 мужчин и 8 женщин; согласно приказу, их следовало, по принятии присяги на верность российскому подданству, с 1811 г. определить в «число казенных поселян магометанского народа», не платящих податей и отбывающих земские повинности, и «при Северо-Восточной косе к их единоверцам причислить»[456]. Беглецу-черкесу Аслан-беку, заявившему о желании перейти в российское подданство и поселиться в Татарской слободе, принадлежащей, как он считал, Бекир-мурзе, разъяснили, что она вовсе не принадлежит ему, а находится в распоряжении Черноморской войсковой канцелярии, и живут в ней преимущественно ногайцы[457].

Вскоре возник закономерный вопрос о правовом основании, на котором жители Татарской слободы проживают на землях черноморского казачества, не будучи при этом зачисленными в казаки. Разделенные на крупные группы, сформированные из гетерогенных коллективов, в разное время вышедших из «Закубанья», они не были однородными и в социальном отношении. Было совершенно невозможным соотнести их ранговую структуру с сословиями, закрепленными в имперском законодательстве. Мурз, султанов и узденей нельзя было ставить вровень с дворянами, простых кочевников считать крестьянами, а ясырей – крепостными. С подобной ситуацией российские чиновники уже сталкивались в случае с приазовскими ногайцами, которых было крайне трудно заставить исполнять повинности и платить налоги, точно так же, как и контролировать их перемещения внутри отведенной им территории[458].

---

[453] Там же. Л. 256–261 об.
[454] Там же. Л. 255.
[455] Там же. Л. 262.
[456] Там же. Л. 297.
[457] Там же. Л. 353.
[458] См. § 4 «Ногайское казачье войско на Молочных Водах» главы VI настоящего издания.

Поселенные на Северо-Восточной косе ногайцы отличались от своих приазовских сородичей тем, что находились на землях, принадлежащих уже существующему казачьему войску, права и вольности которого были гарантированы монаршими постановлениями. Если бы жителей Татарской слободы перевели на особое положение, то за этим последовало бы изъятие занимаемой ими земли из фонда Черноморского казачьего войска, что черноморцы могли расценить как ущемление своих прав. Первоначально правительство попыталось перевести ногайцев и «татар» на положение казенных поселян. Но сразу же возник вопрос о мурзах и ясырях, реальный социальный статус которых был соответственно значительно выше и значительно ниже того, что общеимперское законодательство вкладывало в понятие «казенные поселяне». Мурзам разрешили доказывать свою принадлежность к дворянскому сословию в Таврическом и Таманском дворянском собраниях[459]. Однако они, не имея ни заслуг, ни орденов, полученных в военных действиях на стороне России, ни надлежащих документов, подтверждающих знатное происхождение, ни возможности поддерживать дворянский образ жизни, не имели на это никаких шансов. В итоге получилось так, что те, кто «прежде были мурзами, но ныне по поверке оказались простыми татарами», записанными в казенные поселяне[460]. Переход к оседлости обесценил социальный вес мурз, становившихся все менее заметными в последующих событиях.

Ввиду отсутствия дворян в Татарской слободе сам собой разрешился и вопрос о крепостных, в качестве которых мурзы пытались представить российским властям своих ясырей. Как было отмечено в указе Александра I от 28 марта 1808 г., «укрепление такого рода людей разрушает связь и действие российских узаконений»[461]. Ясыри остались при своих прежних владельцах, сохраняя свое традиционное качество младших членов большой патриархальной семьи, но вместе со старшими ее членами числились казенными поселянами. В 1810 г. у Бекир-мурзы был ясырь Чорали, имевший жену и дочь, а также бессемейный Бозумек; султан Бахты-Гирей владел ясырем Танаем, а Гаджи-мурза-бей – крепостным Халилом и его женой, тремя дочерьми и сыном[462]. Последние, вероятно, были получены в результате официальной купли. Можно предположить, что такое же происхождение было и у крепостных Селим-Гирея-султана, также проживавшего в Татарской слободе. В мае 1808 г. от него бежали «крепостные его люди» – 9 мужчин, 2 женщины, 1 «девка» и 5 мальчиков. Накануне их бегства переводчик Селим-Гирея Мустафа просил у жены черноморского старшины Матвея Орла, жительствующего в Пересыпе, *дуб* (лодку) для перевозки рыбы из Темрюка. Крепостные Селим-Гирея работали на рыбном заводе ее мужа «в числе забродчиков», и потому она не отказала просьбе. На этой лодке беглецы переплыли Ахтанизовский лиман, бросив на берегу арбу с волами и плугом. В

[459] ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 67. Л. 226–232.
[460] Там же. Л. 305 об.–306.
[461] Там же. Л. 273–273 об.
[462] Там же. Л. 346.

числе беглецов оказался и черкес Аблекерим, которому черноморский войсковой атаман выдал паспорт для проезда на Молочные Воды[463].

Немаловажно отметить то обстоятельство, что черноморские казаки также владели ясырями и часто использовали их как предмет купли-продажи. Например, сотник Карп Алейников в 1796 г. получил от черкесских мурз в погашение долга 3 800 руб. 6 ясырей; их он переправил в Крым по полученному от войскового правительства паспорту[464], вероятно, для продажи. В то время не существовало никаких ограничений на владение ясырями и у ногайцев, поселенных на Кавказской линии. Более того, в конце 1801 г. они просили у российских властей разрешения «закубанских черкес», взятых в плен «в репресаль за воровства», превратить в своих ясырей, на что военная администрация дала согласие[465].

Итак, в 1808 г. все без исключения население Татарской слободы было записано в казенные поселяне с предоставлением 10-летней льготы, исчислявшейся с 1803 г.[466] Бекир-мурза, состоявший номинальным начальником этой слободы, по известию от 8 апреля 1809 г., поселился в Екатеринодаре[467]. Став казенными поселянами, жители Татарской слободы отказывались исполнять возложенные на них повинности; некоторые пытались самовольно выехать в Крым, но их каждый раз останавливало войсковое правительство[468]. Для решения возникшей проблемы херсонский военный губернатор Э. О. де Ришелье предложил перевести данную группу на положение крымских татар, не платящих налоги, но отбывающих земские повинности, и взыскать с них недоимки на содержание присутственных мест по 18 коп. «с души»[469]. Но это не нашло понимания у черноморских казаков, поскольку занимаемая выходцами из «Закубани» земля в таком случае была бы выведена из распоряжения их войскового правительства и поступила в прямое ведение государственной казны.

Для решения зашедшей в тупик проблемы было предложено включить данную группу ногайцев, «татар» и черкесов в состав Черноморского казачьего войска. Еще в октябре 1806 г. войсковой атаман Ф. Я. Бурсак рапортовал о «желании» ногайцев «быть причисленными в звание черноморских казаков»[470]. У херсонского военного губернатора де Ришелье по этому поводу возражений не было. Он настаивал только на том, что если в поведении ногайцев будет замечено «хотя что маловредное», тотчас отправлять их на Молочные Воды под начало пристава Тревогина[471]. Таким образом, поселе-

[463] Там же. Л. 253–253 а.
[464] ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 339. Л. 23.
[465] РГВИА. Ф. 1486. Оп. 2. Д. 9. Л. 1–5 об.
[466] ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 67. Л. 245, 237.
[467] Там же. Л. 300 об., 324 об.
[468] Там же. Л. 309–310.
[469] Там же. Л. 318–319.
[470] ГАОдО. Ф. 1. Оп. 218. 1806 г. Л. 1 об.
[471] Там же. Л. 7 об.–8.

ние на Молочных Водах к тому времени уже считалось наказанием. Потому «черноморские» ногайцы старались не давать повода для упреков.

В декабре 1808 г. Черноморская войсковая канцелярия вновь подняла вопрос о зачислении ногайцев в черноморские казаки. Аргументация была следующая: ногайцы живут на войсковой земле, и «поелику высочайше жалованными Войску сему монаршими грамотами предоставлено право одному […] ползоватся подарованных ему землях», то ногайцы, если они все-таки остаются казенными поселянами, должны быть выселены на Молочные Воды, или же быть причисленными к казакам Черноморского казачьего войска[472]. Учитывая то, что ногайцы упрямо отказывались исполнять повинности и некоторые из них попытались выехать за пределы отведенной им земли, правительство не нашло другого решения, как согласиться с предложенным. По представлению де Ришелье, Александр I 21 марта 1810 г. одобрил исключение поселившихся на землях Черноморского казачьего войска ногайцев из подушного оклада и зачисление их в черноморские казаки[473]. Но вслед за этим возникла новая сложность: ногайцы отказались записываться в курени. В итоге им было предложено составить отдельный курень и выбрать куренного атамана из своих знатных людей[474].

В августе 1810 года составили список, в котором было зафиксировано зачисление ногайцев и «татар» в Титаревский, Вышестеблиевский и Полтавский курени. Бекир-мурза, султан Бахты-Гирей, Гаджи-мурза-бей, Алим-Гирей, уздени Индрис-оглу, Бей-мурза и другие были записаны в Титаревский курень. Среди записанных в Вышестеблиевский и Полтавский курени не указано ни одного мурзы или султана, а в последний курень были зачислены переселившиеся черкесы[475]. В феврале 1811 г. Таманское земское сыскное начальство рапортовало в Черноморскую войсковую канцелярию о приведении к присяге «на верность службы наименованного Татарского куреня татар и нагаицов, живущих при Северо-Восточной косе, оставленных государем императором навсегда в сословие козаков», а также о выборе из «почтенных стариков одного за куринного атамана». Был составлен список мужчин, способных к казачьей службе[476].

На этом, казалось бы, и завершилось правовое урегулирование вопроса о ногайских мигрантах на землях Черноморского казачьего войска. Тем не менее этот вопрос так и не был окончательно решен. 7 октября 1820 г. Черноморская войсковая канцелярия представила на правительственное рассмотрение предложение о выселении за пределы Черноморского казачьего войска «мурз и татар», поселенных «при северо-восточной косе Чушка», поскольку они, «пользуясь всеми войсковыми выгодами наравне с прочими того войска жителями, не хотят помогать им ни воинской, ни

[472] ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 67. Л. 276–277.
[473] Там же. Л. 337–337 об., 359.
[474] Там же. Л. 342–343, 444 об.
[475] Там же. Л. 346–352.
[476] Там же. Л. 355.

гражданской службою, к чему их понудить невозможно, по причине, что они, жительствуя близ границы своих единоверцев, легко могут уйти по прежнему за границу». В ответ на это предложение последовало решение: никаких войсковых повинностей на них не налагать, дабы не дать повода вернуться за границу[477]. Но в дальнейшем следы этого поселения теряются; можно лишь предположить, что его жители в конце концов выехали в места компактного проживания мусульманского населения в Крыму или же эмигрировали в Османскую империю.

Таким образом, большинство жителей Татарской слободы, несмотря на включение их в казачье сословие, жило анклавной жизнью, не вникая в интересы и не перенимая уклада черноморского казачества. Не располагая данными о времени и причинах исчезновения этого поселения, можно лишь предположить, что основная часть его жителей переселилась в Крым.

По-другому складывались судьбы тех ногайцев, которые приходили на территорию Черноморского казачьего войска поодиночке, а не в составе группы, совместно селившейся. Например, в декабре 1796 г. на правый берег Кубани вместе с бежавшим из плена черноморским казаком Андреем Федоренко прибыл «больших Зеленчугов татарин Соин», который крестился, получив имя Семена Емельянова, и изъявил желание вместе с Федоренко поступить на службу в Черноморское Войско. Оба они были записаны в Васюринский курень[478]. Это один из тех случаев, которые меньше отражены в источниках, однако рельефно проявляют ситуацию в зонах активного межэтнического контакта и формирования новых общностей на фронтирных перекрестках растущей Российской империи.

§ 7.Этноконфессиональный состав российского казачества

А. М. Дубовиков

Исследуя этнический состав дореволюционного казачества России, следует отметить, что и в России, и за ее пределами (прежде всего, в среде российской эмиграции «первой волны») у некоторых представителей, позиционирующих себя в качестве представителей казачества, бытовала (и бытует) довольно спорная точка зрения. Согласно ей, казачество является особым древним народом, не имеющим ничего общего ни с русскими, ни с кем-либо еще. Этнические корни казачества одни находят у древнего населения Кавказа (ясов, касогов), другие – у тюрок-кочевников древнерусского пограничья (печенегов, половцев, черных клобуков, ковуев и др.). В качестве версии рассматриваются этносы, о происхождении которых нет единого мнения (например, донские бродники, гунны). Имеются и совер-

[477] ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 778. Л. 1–1 об.
[478] ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 339. Л. 46–49.

шенно фантастические версии, например – гиксосы, некогда захватившие власть в древнем Египте.

Сегодня все эти концепции нередко именуют «автохтонной теорией», хотя правильнее было бы назвать их «историческим мифотворчеством», «псевдо-историей», «лже-историей» или иностранным термином «фолк-хистори».

Первые «альтернативные» версии такого рода можно отыскать у некоторых авторов второй половины XIX – начала XX в. В основном это были представители донского казачества, профессиональными историками не являвшиеся. Примером подобной «фолк-хистори» стал ряд работ Е. П. Савельева, изданных в начале XX века. Например, «Древняя история казачества» (Новочеркасск, 1915). Савельев пошел дальше всех, создав концепцию, которая подкупает не искушенных в методологии исторической науки лиц своей иллюзорной стройностью и логикой. Но при детальном ее рассмотрении легко обнаруживается множество неувязок и домыслов. Савельева можно считать наиболее ярким представителем мифотворчества в этом плане, поскольку по масштабам и глубине псевдоанализов он продвинулся дальше своих предшественников и современников. У него нашлось немало преемников, но никто из них не смог приблизиться к своему идейному вдохновителю и вывести мифотворчество на качественно новый уровень. Справедливой можно считать оценку, данную Савельеву В. Ф. Мамоновым, считавшим, что донской автор увлекся некоторыми, ничем не подтвержденными легендами и преданиями, после чего «без сколько-нибудь основательной критической проверки, он включил эти предания в свои книги, выдав за истину в последней инстанции»[479]. Это критическое мнение выглядит довольно сдержанным, поскольку в работах Савельева не только присутствуют «непроверенные предания» и домыслы, но и откровенная русофобия, которой пронизаны те части его книг, где идет речь о событиях XVI – начала XX века.

Вот главные идеи Савельева: казаки изначально являлись древнейшим народом Европы и Азии; этноним «казак» появился не так давно, предки казаков предпочитали другие имена (геты, арсы, саки, касоги и другие); славянская принадлежность языка казаков – не следствие их русификации, а результат сложной эволюции; родство с русскими ограничено лишь языком, во всем прочем казаки – другой народ, который всегда был культурнее, а христианство знакомо ему с апостольских времен; Россия обманом заманила казаков в свое лоно, одурачив их и подкупив верхушку; последующие отношения Москвы с Доном – это перманентная борьба «вольного Дона» против «рабской Москвы».

Опустив цитаты русофобского содержания, часто весьма эмоциональные, можно прокомментировать другие строки, являющиеся свидетельством полного абсурда. Очень странно выглядят утверждения Савельева о том, как

---

[479] *Мамонов В. Ф.* История казачества России. Т. 1. Екатеринбург; Челябинск, 1995. С. 12–13.

в древние времена казаки с берегов Дона, Днепра и Днестра приняли участие в Троянской войне, как их потомки (очевидно, этруски) проникли на Апеннины и основали там Рим, как вместе с Александром Македонским воевали с персами, а в эпоху раннего средневековья – с арабами[480].

Для подтверждения своих мифов Савельев ссылается на некоторые созвучия имен собственных, буквально вырванных из различных тюркских и индоевропейских языков, хотя из его «научных трудов» нетрудно понять, что никакими языками, кроме русского, он не владел. Почти все рассуждения Савельева свидетельствуют о вопиющей безграмотности по части многих вопросов – исторических, социологических, лингвистических, демографических, этнографических, религиоведческих и других.

Однако и сегодня у него находится немало последователей, и не только из числа тех, кто считает себя казаками. Ярыми защитниками Савельева выступили, например, известные современные фальсификаторы истории А. Т. Фоменко и Г. В. Носовский, поддержавшие (в предисловии к очередному переизданию его книги) идеи «честного историка», восставшего против «романовско-скаллигеровской» историографии, и «на основе тщательного анализа античных источников» якобы доказавшего, что «античные авторы очень много говорили о казаках»[481].

С одной стороны, появление подобных «научных трудов» можно считать реакцией на капиталистическое развитие страны и втягивание казачьих регионов в капиталистические отношения, массовые внутренние миграции и т. п. Эти процессы объективно вели к «растворению» казачества в общероссийской массе, к утрате им своей прежней роли и значимости, к перспективе постепенного исчезновения. Все это вызывало у некоторых представителей казачества чувство ностальгии по «славным древностям казачества» и стремление противопоставить их новым российским реалиям. С другой стороны, начало XX века, время предреволюционных и революционных лет, выражаясь терминами Юнга, стало временем «буйства архетипов», проще говоря – временем массового сумасшествия, временем разрушения привычных традиций и торжества абсурдных разрушительных идей. Современный историк Н. А. Мининков, объясняя позицию сторонников мифологизированных концепций, считает, что важным фактором, повлиявшим на их позицию, является неприятие источников XVI–XVII веков, наделявших казаков нелестными эпитетами – «разбойники», «богоотступники» и т. п. Нежелание признать казаков потомками беглых преступников, склонных к грабежам и разбоям, и толкнуло некоторых идеологов казачества к поиску древних предков[482]. Объяснение вполне правомерно, хотя далеко не все источники давали казачеству негативную оценку, а в период появления нетрадиционных концепций, напротив, в исторических

---

[480] *Савельев Е. П.* Древняя история казачества. М., 2002. С. 25.

[481] Там же. С. 7.

[482] *Мининков Н. А.* Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 года). Ростов н/Д., 1995. С. 14.

трудах доминировала позитивная оценка, делавшая упор на борьбу первых казаков с врагами Отечества и на их службе престолу.

Советский период, с одной стороны, нанес ощутимый ущерб исследованию истории казачества, объявив его, в целом, «реакционным классом», продуктом царизма, созданным в качестве инструмента для подавления социальных волнений и национально-освободительной борьбы. Надо отметить, что подобный подход и сегодня господствует в официальной историографии некоторых постсоветских республик. С другой стороны, был положен конец и мифотворчеству в стиле Савельева.

Однако мифологические концепции истории казачества никуда не исчезли, а нашли продолжателей в эмигрантской среде. Это такие авторы, как И. Ф. Быкадоров, Г. В. Губарев, А. И. Скрылов, П. К. Харламов и ряд других. Работы некоторых из них, хотя и могут иметь некоторую исследовательскую ценность, поскольку содержат, в том числе, и объективную историческую информацию, тем не менее, когда речь заходит о древностях, авторы не отказываются от искушения удариться в мифотворчество. Многие из таких авторов были участниками Гражданской войны, в которой занимали позиции отчасти белогвардейские, отчасти сепаратистские. Проиграв большевикам Гражданскую войну, некоторые ее участники из числа казачьего офицерства и чиновничества, оказавшись за рубежом, пытались представить ее как войну вольного казачьего меньшинства против рабского русского большинства, естественно, «красного» и «большевистского». Сложно сказать, все ли они верили в такой, слишком упрощенный подход, но он получил широкое распространение в среде казаков-эмигрантов.

Некоторые из них, например П. К. Харламов (не путать с В. А. Харламовым, депутатом четырех Госдум, председателем Донского войскового круга в 1918 году, белоэмигрантом и автором книги «Юго-Восточный союз в 1917 году») во время Второй мировой войны активно сотрудничали с гитлеровцами. Тот же Харламов, будучи одним из главных участников создания структуры с названием «КНОД» (Казачье национально-освободительное движение) и наивно мечтая о «возрождении страны Казакии» с помощью нацистов, разделял точку зрения (или делал вид, что разделяет) относительно «арийского» («остготского») происхождения казачества, заготовленную идеологами «Третьего рейха».

В то же время можно согласиться с тем, что ранняя история казачества является наименее исследованной, что мы, к сожалению, многого не знаем, и уже вряд ли сможем узнать. Причиной тому отсутствие профессиональных историков в России в период ранней истории казачества, дефицит исторических документов, способных пролить свет на многие процессы тех лет, динамичность этих процессов и другие факторы. Даже в официальной дореволюционной историографии вопрос о происхождении российского казачества поднимался неоднократно. Об этом, в частности, свидетельствует статья «Козачество» в энциклопедии Ф. Брокгауза и И. Ефрона, автор которой отметил, что «вопрос о происхождении казачества представляется не вполне

еще разъясненным». Он критикует тех, кто пытается искать предков казаков среди тюркских или кавказских народов, считая, что «подобные объяснения основаны исключительно на наивных филологических сближениях созвучных имен». В то же время он готов признать, что в формировании этнического состава казачества «иноземное влияние имело место». Более того, этот автор считает, что «татарские казаки известны в истории раньше казаков русских», упоминая казаков «азовских», «перекопских», «аккерманских» и т.п. Тем не менее он защищает традиционную версию, согласно которой «казачество признается не чужеродным наростом на народном теле, а самостоятельным явлением русской жизни»[483].

Попытки отыскать казачьи корни вне славянского мира предпринимались и сторонниками «норманнской теории». Так, Г.-З. Байер считал казаков древним населением Кабарды, пополнявшимся беглецами-славянами[484]. Газета с названием «La Gazette», равно как и «Nordischer Mercurius», назвала «татарским мятежом» восстание под руководством Степана Разина. О казаках, как о «татарах, не подчиняющихся ни польскому королю, ни крымскому хану», – писал Г. Боплан. Э. Кемпфер, живший в XVII в., утверждал, что казаки – «народ турецкого происхождения», ставший «христианами» и «говоривший на русском языке»[485]. Наличие двух компонентов – славянского и тюркского – при формировании первых казачьих общин признавали С. М. Соловьев, В. О. Ключевский и другие, но они, в отличие от своего предшественника Н. М. Карамзина, не переоценивали роль неславянского элемента, которая постепенно снижалась, отдавая приоритет славянскому компоненту.

Современная историческая наука в вопросе о происхождении казачества, в принципе, стоит на тех же позициях, что и официальная дореволюционная историография. Этой же позиции придерживается редакция и авторы данной книги. Поэтому все нетрадиционные концепции будут оставлены за рамками наших исследований.

Как известно, во второй половине XVI столетия Россия, не так давно освободившаяся от ордынской зависимости, сама стала подчинять себе отдельные ханства, являвшиеся осколками бывшей Золотой Орды. Новые юго-восточные окраины стали маргинальной зоной, эффективный контроль которой был просто невозможен. Быстро обустроить по типу центральных российских регионов степную полосу, служившую в прежние годы кочевьями различных племен, было проблематично. Это вызывало приток сюда «пассионарного элемента» из традиционно русских земель. Естественно, что некоторые из пришельцев были не в ладах с законом. В тот период эти люди обладали высокой мобильностью. В силу тех или

---

[483] Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XV. С. 581.

[484] *Байер Г. З.* Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова от создания сего города до возвращения оного под Российскую державу. СПб., 1783. С. 79.

[485] Иностранные известия о восстании Степана Разина. Л., 1975. С. 117, 137–138, 166.

иных причин они легко перемещались на новые места, перенося туда свои городки. Подобные перемещения, как правило, осуществлялись по воде, вверх или вниз по течению крупных рек или их притоков. Иными словами, образ жизни казаков того времени был полуоседлым. Поэтому делить казаков XVI и частично XVII века на донских, яицких, волжских и прочих было бы не совсем правильно. Также ошибочно представлять первых казаков кавалеристами, лихими наездниками. Хотя подобный стереотип прочно укоренился в общественном представлении, он был бы справедлив для более позднего времени.

Собственно, имелось и служилое казачество, возникшее раньше вольного, упоминания о нем относятся к середине XV века. Обычно это были «городовые» казаки, служившие при пограничных городах (например, в Рязани) и подчиненные их властям в лице членов «пограничных поветов», воевод, старост и прочих должностных лиц. Например, в период царствования Михаила Федоровича существовали воронежские, темниковские, арзамасские, алатырские, курмышские, шацкие и прочие городовые казаки[486]. Таким образом, рассматривая казаков XVI–XVII веков, следует разделять их на две категории. К первой категории следует отнести казаков «вольных», или «воровских», как иногда их называли представители официальной власти. Вторую категорию составляли «служилые», или «государевы», «городовые» казаки. В нашем случае речь будет идти о первых, хотя переход из одной категории в другую в тот период был не таким уж редким.

Процессы, происходившие в Речи Посполитой, имели как некоторое сходство, так и особенности. Украинское («малороссийское») казачество было менее свободным, чем «вольное» казачество России, поскольку формально состояло на службе официальной власти, в качестве главной задачи выполняя охрану юго-восточных границ польско-литовских владений, то есть его статус был во многом схож со статусом российского служилого казачества. Кроме того, власть, которой оно подчинялось, была иноверческой и иноэтнической. В качестве сходства с вольным казачеством России можно отметить следующее: образ «басурманина» (турка, перса и т. п.) в качестве главного врага, недовольство существующими в своих государствах порядками и военно-демократическое внутренне устройство, основанное на принципах выборности и равноправия. После того как малороссийские казаки стали подданными Москвы, они еще сохраняли свою этническую и социальную специфику. Но и их, и «великорусские» казачества, возникшие спонтанно, не по указке официальных властей, можно считать «старыми» казачествами, заявившими о себе намного раньше, чем те казачьи войска, что возникли в XVIII–XIX веках.

Старинное казачество не могло сохранить свой облик в неизменном виде. В силу различных объективных причин (прежде всего, внутренней

---

[486] *Хорошхин М.* Военно-статистическое обозрение казачьих войск. СПб., 1881. С. 101.

политики правительства страны) оно превращалось из «понизовой вольницы» в «служилое сословие». Борьба за постепенную ликвидацию казачьих «вольностей» началась уже во второй половине XVII века, но наибольшего размаха достигла в XVIII веке, и наиболее интенсивно она велась в эпоху царствования Петра I. Одновременно происходило создание новых казачьих войск, учреждавшихся не спонтанно, а в соответствии с решениями царствующих особ, правительства и Военной коллегии. Казачий контингент новых войск был довольно разнороден. В ряды казачества верстались солдаты, государственные крестьяне, мещане, а также представители нерусских и неправославных народов Поволжья и Урала, Сибири и Кавказа. Эти категории составляли основную массу новых казачеств. В то же время при их формировании обычно использовалось и некоторое количество выходцев из «старых» войск, чтобы передать свой опыт и свои традиции «новым» казакам. Например, донские казаки участвовали в создании Волжского, Терского семейного и других войск, яицкие казаки (очень незначительная их часть) – в создании Оренбургского войска, практически все казачество Поволжья было переселено в Оренбуржье и на Терек.

Отдельной категорией можно считать казачьи войска, укомплектованные преимущественно выходцами из старых войск, но переселенными на другие территории (в связи с этим обычно менявшие и названия). Примером может служить Черноморское войско, переселенное на Кубань и укомплектованное бывшими малороссийскими казаками (впоследствии пополнявшееся казаками из других регионов как украинских, так и российских), позже ставшее основной частью Кубанского войска (после объединения с частью казаков Кавказского линейного войска).

Так с течением времени количество казачьих войск периодически менялось, менялись и их названия. В свое время существовали Войско верных казаков, Гребенское, Аграханское, Азовское и другие, прекратившие свое существование в определенное время. Аграханское было сформировано преимущественно из «воровских» казаков, «гулевавших» на Волге и вытесненных на Северный Кавказ. Гребенское возникло после ухода на Кавказ примерно пятисот семей донцов. Терское семейное войско возникло путем переселения тысячи донских семей на Терек согласно указу Петра I. Войско верных казаков было создано Г. А. Потемкиным по распоряжению Екатерины II после упразднения Запорожской Сечи, поселено между Днестром и Бугом, а затем переведено в верховье Кубани, где стало называться Черноморским. Задунайская Сечь была основана бывшими запорожцами, ушедшими в пределы турецких владений. Те, что пожелали вернуться в Россию, стали Азовским войском, которое, однако, из-за малочисленности было в значительной степени пополнено простыми украинскими крестьянами. Волжское войско, находившееся в низовье Волги (между Камышиным и Царицыным), просуществовав около полувека, практически в полном составе было переселено на Терек. Указанные выше войска (возможно, кроме Азовского) можно также условно отнести к «старому»

казачеству, однако в начале XX века их давно уже не было; они либо влились в состав других, более крупных войск, либо вовсе подверглись упразднению. Имелись и другие воинские формирования со статусом казачьих войск или отдельных полков, которые сложно отнести к старому казачеству, но существовали они, как правило, сравнительно недолго: Греко-албанское, Башкиро-мещерякское, Бугское, Екатеринославское, Слободзейское, Вознесенское и другие[487].

Таким образом, все казачьи войска, имевшиеся в России, можно условно разбить на три группы: старые, частично (условно) старые и новые. К началу XX века насчитывалось 11 войск: Донское, Уральское, Кубанское, Терское, Астраханское, Оренбургское, Сибирское, Семиреченское, Забайкальское, Амурское и Уссурийское. Однозначно отнести к «старым» можно лишь Донское и Уральское казачьи войска. По утверждению А. А. Сурова, «за войсками Донским и Уральским были закреплены те земли, которые были заняты ими самими, прочие же казачьи войска получали земли по распоряжению правительства при своем образовании»[488]. Среди «великорусских» казачеств они являются наиболее древними (первые упоминания относятся к XVI в.). Оба войска, отстаивая самобытность и стремясь распространить свои традиции на всю Россию, имели опыт борьбы с официальной властью, выразившуюся в ряде бунтов и волнений. Имена Разина и Булавина были хорошо известны на Дону, как и имена Пугачева и Чики-Зарубина на Яике (Урале). И хотя Яицкое войско в 1775 году стало «Уральским», смена названия была обусловлена отнюдь не переселением на новое место, а вытравливанием памяти о пугачевщине. В отличие от этих войск, новые войска не были замечены в организации смут и восстаний.

Еще одной чертой старых казачеств стало наличие значительной доли старообрядцев, причем, в Уральском войске таковых было большинство. По данным на 1880 год, в Донском войске старообрядцами были около 104 тысяч казаков (при этом раскольников насчитывалось свыше ста тысяч, а признававших компромисс с официальным православием менее 3,5 тысяч). В Уральском войске, значительно уступавшем Донскому по численности казачьего населения, раскольниками были 49 тысяч казаков, а старообрядцев, признающих официальную церковь («единоверцев»), – 40 тысяч. Эти две категории в сумме составляли свыше 90% всего уральского казачества[489]. Особенно много старообрядцев (более 30%) было во втором Донском округе[490]. По выражению учителя Уральской войсковой мужской гимназии (позже – реального училища), старообрядчество воспринималось казаками не как следствие их «фанатизма», а как «оплот, ограждающий от

[487] *Галушко Ю.* Казачьи войска России. С. 20–23.
[488] Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XIII. С. 884.
[489] *Хорошхин М.* Военно-статистическое обозрение казачьих войск. С. 384.
[490] Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XI. С. 32.

Москвы»[491]. В данном случае под «Москвой» также понимается и сменивший ее Петербург, а под ограждением от нее – просто стремление показать свое отличие от Центральной России, чтобы подчеркнуть свое право отстаивать «прежнее устройство самобытной и вольной общины»[492]. Таким образом, раскол был обусловлен стремлением показать власти свою культурную особенность, но отнюдь не низким уровнем образования. Напротив, уровень образования у донцов и уральцев был выше среднего казачьего уровня и уступал только уровню Оренбургского казачьего войска. Так, в 1901 г. грамотными были свыше 34 % уральцев и свыше 36 % донцов, а, к примеру, в Уссурийском казачьем войске их было лишь 18,7 %[493].

Наряду со многими сходствами у уральцев и донцов имелись и существенные ментальные различия. Уральцы отличались большей сплоченностью и большим консерватизмом. Это прямо или косвенно проявлялось в том, что все 27 уральских станиц (за исключением трех илецких) являлись единой общиной. В Уральском войске полностью отсутствовала частная собственность на землю, даже офицеры и чиновники не имели права наследственной собственности в виде поместий с земельными наделами. Не было в границах войска и крестьянских селений, тогда как на Дону начиная с XVIII века широко практиковалась раздача офицерам и чиновникам не только земель, но и крестьян (которые приобретались в центральных губерниях и переселялись на Дон). Даже в начале XX века промышленность в Уральском войске была развита очень слабо, а крупные предприятия вообще отсутствовали, чего нельзя сказать о Донском войске. Такая ситуация была следствием позиции «Съезда выборных от станичных сходов», очень трепетно относившегося к вопросам экологии родного края, а потому не дававшего разрешения ни на строительство фабрик, ни на судоходство по Уралу, ни на разработку полезных ископаемых, которые удалось разведать. Главная причина такой позиции крылась в большой консервативности уральской казачьей общины.

Оренбургское войско, бесспорно, являлось новым. Поначалу его костяк составили переселенные в Оренбуржье городовые казаки Самарской линии (самарские, алексеевские и другие), но и они изначально были «служилым казачеством», а не «вольницей». Цель создания Оренбургского казачьего войска была та же, что и у других казачьих войск, формировавшихся в тот период – охрана юго-восточных рубежей страны. Оренбургское войско как бы становилось северным соседом Яицкого войска, охранявшего границу в низовьях Яика (Урала), и как бы его продолжением, принимающим эстафету охраны границы вверх по течению Яика и далее вдоль западной границы казахской степи, тем более что малочисленное Яицкое войско, будучи «старым» казачеством России, наотрез отказалось

[491] *Витевский В.* Раскол в Уральском казачьем войске в XVIII–XIX вв. Казань, 1878. С. 386.
[492] Там же. С. 221
[493] Столетие военного министерства. Т. XI. Ч. I. СПб., 1902. С. 763.

принимать в свои ряды каких-либо чужаков, изъявив готовность нести охрану своего участка исключительно своими силами. В итоге яицким казакам пришлось охранять огромный участок границы (примерно 800 верст) довольно малыми силами (до тысячи казаков), но нежелание приема в свои ряды чужаков оказалось сильнее. Причем, их участок границы был наиболее опасным, именно там наиболее часто происходили «потравы», «перелазы», а также открытые набеги на российскую территорию. В итоге все те силы, что могли быть использованы для защиты границы совместно с яицкими казаками, были причислены к Оренбургскому войску, которое стало охранять значительно большими силами гораздо менее опасный участок. Кроме самарских и уфимских городовых казаков, в Оренбургское войско влились исетские казаки, гарнизоны как минимум четырех ландмилицких полков (Сергиевского, Алексеевского, Билярского и Шешминского), калмыки, башкиры, мещеряки, государственные крестьяне, а также незначительное число донских и малороссийских казаков[494].

Нельзя считать старым и Астраханское войско, начало которому было положено созданием в Астрахани в 1737 году трехсотенной команды из служилых людей и калмыков. В 1750 году команда была развернута в полк, к которому периодически добавлялись различные военные команды (енотаевская, царицынская, саратовская, камышенская, черноярская, красноярская). Они охраняли границу с казахской степью, дублируя яицких (уральских) казаков, охранявших линию в низовье Яика (Урала). Казачьим же войском астраханцы формально стали только в 1817 году[495].

Нет оснований считать старым войском и Сибирское, хотя в 1903 году ему и было определено «старшинство» от 1582 года. Это можно считать просто «высочайшим» подарком, а дата старшинства приурочена к официальному поступлению Ермака на «государеву» службу, но сибирские казаки вряд ли являлись потомками членов дружины Ермака. Известно, что все казаки, пришедшие в Сибирь вместе с Ермаком и уцелевшие после его гибели, ушли из Сибири во главе с Матвеем Мещеряком, поначалу обосновавшись в только что основанной Самаре. Современный историк А. Смирнов справедливо считает, что в Сибири основу формируемых казачьих отрядов составили «охочие люди из жителей русского Севера», а потому «в отличие от потомков вольных боевых общин – Донского, Уральского, Терского войск, – Сибирское было создано государством и с самого начала служило государству»[496]. В сформированное позже Сибирское войско влились казаки, служившие при крепостях Сибирской линии, а также при некоторых городах Сибири (Пелыме. Сургуте, Нарыме и другие)[497]. Кроме того, войско постоянно пополнялось крестьянами, солдатскими детьми и добровольцами из

---

[494] Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XIII. С. 857.
[495] Там же. Т. II. С. 349.
[496] *Смирнов А.* Часовые империи. Сибирское казачье войско на службе отечеству // Родина. 1997. № 8.
[497] *Хорошхин М.* Военно-статистическое обозрение казачьих войск. С. 115, 116.

служилых башкир и мещеряков»[498]. Так, если в 1787 году службу несли 2 009 сибирских казаков, а всего лишь через 16 лет таковых насчитывалось уже 5 938, то есть втрое больше[499]. Но и на этом механический прирост не закончился; например, в 1846 году к войску были причислены около 10 тысяч крестьян и 7 новых «городовых» казачьих полков, этнический состав которых отличался большой пестротой, а один из полков и вовсе именовался Сибирско-татарским (остальные: Тобольский, Томский, Иркутский, Енисейский, Забайкальский, Якутский)[500]. На нагрудном знаке сибирских казаков, среди которых, по словам Смирнова, не было ни Разиных, ни Мазеп, имелась надпись «Царская служилая рать», ярко свидетельствовавшая, что сибирские казаки изначально были служилым казачеством.

По поводу кубанских казаков распространено ошибочное мнение, что все они являются потомками запорожцев, хотя это не совсем так. В самом деле, в 1792 году на Кубань были переселены бывшие запорожцы, но их тогда было лишь 1 759 семей – 5 068 мужчин и 4 414 женщин[501], но только за первую половину XIX века в Черноморское войско были записаны еще свыше ста тысяч переселенцев (в основном украинских).

Терское казачество во многом можно считать «старинным», хотя в конце XVIII – первой половине XIX века к Кавказскому линейному войску (на базе которого позже было сформировано Терское) были приписаны различные линейные батальоны, «милиционные» отряды линейных укреплений, калмыки и другие формирования. Потомки старого терского казачества жили компактно и замкнуто, во многом сохраняя свой прежний дух и свои старые традиции, включая старую веру. Проживали они преимущественно в районах Кизляра и Пятигорска[502], и если в целом по войску в конце XIX века старообрядцев было около 20 %[503], то в этих районах процент таковых был намного выше.

Семиреченское, Забайкальское, Амурское и Уссурийское войска были образованы уже во 2-й половине XIX века в азиатской России. В Забайкальском войске, как и в Сибирском, основой первоначально послужили городовые и прочие казаки, несшие пограничную охрану в крае. Также в казачье сословие были поверстаны многие жители пограничных территорий, включая бурят и тунгусов, по числу которого Забайкальское казачье войско стало явным лидером на Дальнем Востоке России. Хотя служилые люди, считавшие себя казаками, появились здесь еще в XVII веке, официальное учреждение Забайкальского войска произошло только в 1851 году.

---

[498] *Смирнов А.* Часовые империи. Сибирское казачье войско на службе отечеству // Родина. 1997. № 8.

[499] *Путинцев Н.* Хронологический перечень событий из истории Сибирского казачьего войска. Омск, 1891. С. 70–88.

[500] *Хорошхин М.* Военно-статистическое обозрение казачьих войск. С. 315.

[501] Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XV. С. 589.

[502] Там же. Т. XXXIII. С. 87.

[503] Там же. Т. XIII. С. 892.

Однако считать его старым войском также нельзя, поскольку первые первопроходцы края действовали как «государевы служилые люди», но отнюдь не «вольница». Амурское войско было учреждено в 1858 году путем переселения на Амур 12 тысяч забайкальских казаков сразу после Айгунского трактата того же года, заключенного между Россией и Китаем. Трактат закрепил за Россией право на левый берег Амура, а через два года последовал новый (Пекинский) трактат, в соответствии с которым Китай признавал право России на Приморье, где в 1889 году было учреждено Уссурийское войско, выделившееся, в свою очередь, из Амурского. Семиреченское войско было образовано в 1867 году, в то самое время, когда российская армия вела боевые действия в Средней Азии, стремясь подавить сопротивление местных ханов и эмиров. Первоначально основой Семиреченского войска стали два полка (9-й и 10-й) Сибирского войска, на тот момент находившиеся в Семиречье.

Понятно, что ни у кого из представителей «нового» казачества никогда не возникало желания выводить казачью историю от истории какого-либо особого древнего народа и при этом противопоставлять себя русским.

Всего в 1725 году число состоявших на службе казаков было следующее: малороссийских казаков – около 60 тысяч, донских – 14 тысяч, яицких – 3,2 тысячи, аграханских – 1,8 тысяч, гребенских – 0,5 тысячи. Спустя 130 лет (1855 год) картина была уже совсем иная. Вот данные того года по численности «душ мужского пола войскового сословия»: Донское войско – 274 444, Кавказское линейное – 131 321, Оренбургское – 90 476, Черноморское – 80 609, Забайкальское – свыше 52 тысяч, Сибирское – 39 162 и лишь 33 044 в Уральском, которому уступали Астраханское (8 128) и Азовское – 6 361[504].

Выше показана общая ситуация, касающаяся казачьих войск, существовавших в России в период с XVI по начало XX века. Далее следует перейти к общему анализу этнического состава этих войск.

Полиэтничность была характерной чертой казачьих общин практически во всех регионах России, особенно в период их зарождения и становления. Среди казачьих атаманов Дона, на которых нередко жаловались ногайские правители (например, мурза Юсуф), порой фигурируют нерусские имена и прозвища. Среди них можно найти имя (а скорее, прозвище) некоего Сары-Азмана, которое А. В. Венков перевел на русский язык как «рыжий турок»[505], хотя перевод не совсем точен («сары» переводится как желтый, а слово «азман» могло иметь много разных значений – метис, бастард, буйный, своенравный и т.п.). Тем не менее он сравнительно верно передает смысл имени (или прозвища) атамана, поскольку слово «желтый», очевидно, относится к цвету волос, а не кожи. Можно согласиться и с другим утверждением А. В. Венкова, согласно которому донская понизо-

[504] *Хорошхин М.* Военно-статистическое обозрение казачьих войск. С. 108, 316.
[505] *Венков А. В.* Казаки. Ростов-на-Дону, 2000. С. 13.

вая вольница поначалу «была интернациональной», однако «большинство составляли московские люди», то есть членами первых казачьих общин были представители разных народов, тем не менее переоценивать степень полиэтничности первых казаков не следует. В списках Богдана Змеева, где поимённо указано около тысячи яицких казаков, выступивших в 1632 году к Москве для участия в Смоленской войне, нерусские имена или прозвища встречаются сравнительно редко[506]. Конечно, казаки с христианскими именами вполне могли быть крещеными татарами, но таких не могло быть большинство, иначе они бы не были крещеными.

Среди терских казаков, первоначально исключительно русских, как отметил некто В. М-нъ, появился «с течением времени и инородческий элемент в виде разных кавказских уроженцев»[507], хотя пополнение казачьих общин «разными кавказскими уроженцами» здесь происходило уже не на раннем этапе, а преимущественно в XVIII веке[508]. В. Ф. Мамонов считал, что у терцев изначально «был весьма силен тюркский элемент»[509]. Правда, при этом в качестве доказательства были приведены лишь имена некоторых казачьих предводителей из числа представителей кавказской знати. Например, Куденек Камбулатов и Сунчалей Янглычев, которым доводилось возглавлять казачьи отряды в ходе борьбы с Тарковским шамхалом. О наличии представителей кавказских народов среди простых казаков прямых доказательств приведено не было. В то же время названия ряда терских казачьих слобод («Черкасская», «Татарская», «Новокрещенская»)[510], по мнению В. Ф. Мамонова, «говорят сами за себя»[511]. С таким утверждением можно согласиться, хотя данные слободы – продукт уже более позднего времени.

Название «Татарская слобода» прямо свидетельствует о присутствии тюркского элемента, поскольку татарами в дореволюционной России нередко называли все тюрко-мусульманское население Поволжья, Приуралья, Сибири и Юга России (Кавказа, Крыма, Северного Причерноморья). Исключение составляли лишь казахи (которых называли «киргизами») и народы Средней Азии, представителей которых называли «кизельбашами», «бухарцами», «хивинцами», «кокандцами» и даже «персами» (так нередко называли таджиков). Название «Новокрещенская слобода» еще не является ни прямым, ни косвенным свидетельством наличия в ней обитателей тюркского происхождения; «новокрещенами», как известно, в России называли лиц, недавно обращенных в православие. И это были не только (да и не столько) бывшие мусульмане, но и бывшие язычники. А таковых на Северном Кавказе было немало. До начала Кавказской войны даже те, кого формально счи-

---

[506] *Карпов А.Б.* Уральцы. Уральск, 1909. С. 1–16 (приложения).
[507] Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XV. С. 588.
[508] *Попко И. Д.* Терские казаки со стародавних времен. СПб., 1880. С. 10, 18.
[509] *Мамонов В. Ф.* История казачества России. Ч. 1. Екатеринбург; Челябинск, 1995. С. 167.
[510] *Попко И. Д.* Терские казаки… С. 10.
[511] *Мамонов В. Ф.* История казачества России. Ч. 1. С. 167–168.

тали мусульманами, отнюдь не отличались религиозностью (как их турецкие или арабские единоверцы), а их верования представляли собой своеобразную смесь исламского культа и вероучения с местными древними языческими традициями. Кроме того, новокрещенами могли быть не обязательно представители тюркского населения, но и представители других народов, например, кабардино-черкесского происхождения, которые, наряду с осетинами, численно ничуть не уступали тюркам в составе терского казачества. Название «Черкасская слобода» может трактоваться по-разному. Черкасами могли называть черкесов (кабардинцев, адыгов), но чаще так называли «малороссийских» (украинских) казаков.

Вопрос относительно боевых качеств казаков из числа кавказских народов остается дискуссионным. Высокие боевые качества этих народов, их смелость и готовность к самопожертвованию ради высокой цели широко известны. Однако дореволюционный историк К. Н. Малинин утверждал, что «новокрещены» из числа представителей этих народов, вошедшие в состав Терского войска, зарекомендовали себя как «плохие казаки». Возможно, в этих словах есть доля правды. Вполне можно допустить, что эти «новокрещены» были готовы к самопожертвованию ради своего народа, своих родных и близких, но рисковать во имя непонятных им ценностей и целей они не спешили. В любом случае, строки Малинина уже являются прямым свидетельством широкого присутствия северокавказских народов в составе Терского казачьего войска. В то же время обвинить Малинина в нелюбви к казакам иноэтнического происхождения нельзя; боевым (как и служебным) качествам казаков из числа крещеных калмыков, он дал высокую оценку, поставив их в этом отношении значительно выше северокавказских казаков-новокрещенов[512].

В казачьих и прочих иррегулярных частях Северо-Восточного Кавказа представители коренных народов края в той или иной степени присутствовали и в последующие времена. В частности, они принимали активное участие в хивинском походе 1873 года (и в подготовке к нему) в составе Мангышлакского и Красноводского отрядов, специально сформированных для продвижения к Хиве с западного направления. В основном это были части Кавказского корпуса в составе казачьих подразделений, а также Ширванского, Апшеронского и других батальонов и полков, укомплектованных этническими кавказцами, включая офицеров. Например, в ходе очередного боя с хивинцами пятеро казаков Кизляро-гребенского полка во главе с ротмистром Алихановым имитировали бегство от противника, дабы заманить его в засаду. Позже ротмистр Алиханов был ранен в обе ноги. Отличились в той кампании и другие офицеры, например, капитан Бек-Узаров и прапорщик Зейналбеков. Преследуя хивинцев на персидской тер-

[512] *Малинин К. Н.* Терские казаки // Русский антропологический журнал. 1907. № 1–2. С. 90.

ритории, погиб, получив шестнадцать колото-рубленых ранений, казак того же Кизляро-гребенского полка Лабазан Бектемиров[513].

В конце первой четверти XVIII века (то есть в конце царствования Петра I) поручик Е. И. Кротков и полковник И. И. Захаров провели в Яицком казачьем войске две переписи. Они показали, что абсолютное большинство яицкого казачества, как и прежде, составляли русские. Нерусская составляющая Яицкого войска была представлена татарами, башкирами и калмыками[514]. В то время центральные власти Российской империи стремились прекратить крестьянские миграции на юго-восточные окраины страны и, тем более, остановить бегство на окраины людей, имевших проблемы с законом. По этой причине в ряды казачества вливалось немало тех, кого позже стали называть «инородцами». Российская императрица Анна Иоанновна, согласившись принять каракалпаков, бежавших от нашествия персов Надир-шаха, в российское подданство, указом от 10 июня 1736 года[515] велела создать им условия для постоянного проживания в пределах российских владений, как предлагал тогдашний астраханский губернатор В. Н. Татищев. Это положило начало приему части каракалпаков (которых казаки тогда именовали «кизельбашами») в ряды казачества. Об этом, в частности, свидетельствовал П.-С. Паллас, после посещения Яицкого городка в 1769 году писавший, что среди местного казачества присутствует много «некрещеных татар и кизельбашей»[516]. Позже эти две категории слились воедино и стали именоваться «татарами» (за исключением некоторого числа кизельбашей, подвергшихся христианизации и последующей русификации). Однако во второй половине XVIII века ситуация стала меняться, правительство уже не приветствовало дальнейшей активизации наплыва иноэтнического и иноверческого элемента, да и сами казаки не желали делить свои угодья с новопришлыми лицами.

Прием в ряды казачества представителей нерусских народов в течение XVIII века происходил повсеместно во всех тогдашних казачьих войсках. Согласно официальным данным Моздок основали новокрещены князя Малой Кабарды Курчано-Канчокина, для чего первопоселенцы данной крепости получили из казны немалые по тем временам деньги: по десять рублей на семью узденя (представителя кабардино-черкесской знати), и по пять – всем остальным семьям. Неженатые также получали денежное вознаграждение, хотя и меньшее – 2,5 или 5 рублей в зависимости от происхождения[517]. Сформированный при Моздокской крепости полк отличался значительной этнической пестротой; службу в нем несли как представите-

---

[513] *Терентьев М. А.* Хивинские походы русской армии. Изд. 2-е. М., 2016. С.183–184, 323, 359–361, 364.

[514] *Карпов А. Б.* Уральцы. Уральск, 1911. С. 892.

[515] АВПРИ. Ф. МИД РФ. Д. 7. Л. 14 об.–15.

[516] *Паллас П. С.* Путешествия по различным провинциям Российской империи. Ч. I. СПб., 1809. С. 412.

[517] *Потто В. А.* Два века Терского казачества. Ч. 1. Владикавказ, 1912. С. 84.

ли северокавказских народов, так и русские с калмыками[518]. Примерно тогда же на Тереке были основаны станицы Черноярская, Новоосетинская и Луковская, населенные поначалу исключительно казаками – осетинами[519].

В связи с запретами на прием русских переселенцев (включая беглецов) в ряды казачества, его пополнение некоторое время шло за счет нерусских народов в различных казачьих регионах того времени. В частности, калмыки становились полноправными казаками не только на Яике, но также и в других казачьих краях – на Дону, на Тереке. При этом вовсе не следует полагать, что там казаки принимали калмыков в свои общины без оглядки на центральную власть, как это было на Яике. Дело в том, что ситуация в Яицком казачьем войске была уникальной: все Яицкое казачье войско являлось единой общиной, которой принадлежали все земельные, лесные, луговые и водные угодья, от северных берегов Каспия до отрогов Общего сырта. Стать членом этой казачьей общины вопреки воле ее большинства было невозможно. Даже царская власть в этом вопросе была бессильна. В 1832 году правительство Николая I, решившее включить в состав Уральского (бывшего Яицкого) войска «9-й башкирский кантон», встретило активное сопротивление местного казачества и было вынуждено расселить кантон за пределами земель Уральского войска, без права пользования угодьями казаков.

Иная ситуация сложилась на Юге России. Там в 1770-е годы военное руководство страны сформировало Горско-Моздокский полк, несший службу по охране южных границ империи, где к тому времени были учреждены Моздокская и Азово-Моздокская линии, пограничную службу на которых несли также Терско-Кизлярскское и Терско-Семейное казачьи войска, Хоперский, Волгский и другие полки. Все они располагались на границе с Чечней, Грузией, Кабардой, Тарковским шамхальством, Мингрелией, Имеретией, Кайтагом, Табасараном, Аварией, Казикумухским и Кюринским ханствами (по соседству с которыми располагались владения Персии). Рядом проходила граница с владениями Турции, охрану которой нес Кубанский полк Черноморского казачьего войска. Было бы странно, если бы в подобном регионе к охране российских границ не были привлечены представители местных народов. Что же касается упомянутого выше Горско-Моздокского полка, то он был укомплектован преимущественно крещеными калмыками, для чего на Терек были перемещены порядка двух сотен калмыцких «кибиток»[520].

---

[518] *Агафонов О. В.* Казачьи войска Российской империи. М.; Калининград, 1995. С. 151.

[519] *Дебу И. Л.* О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморскому войску, или общие замечания о поселенных полках, ограждающих Кавказскую линию и о соседственных горских народах. СПб., 1829. С. 15; *Потто В. А.* Два века Терского казачества. Ч. 1. С. 190.

[520] *Попко И. Д.* Терские казаки… С. 18.

Судьбу казаков-калмыков легче всего проследить на примере Уральского (бывшего Яицкого) войска и в какой-то степени Оренбургского войска, его ближайшего соседа. В Яицком войске калмыки несли службу в различных крепостях и форпостах наряду с русскими казаками, а также с представителями других народов (в основном с татарами). Так, согласно документу 1765 года, в Гребенском форпосте среди 32 казаков было 11 калмыков. В Кулагинской крепости из 141 таковых было 35. В Зеленом форпосте было 7 калмыков из 49 казаков. В Тополиной крепости из 112 – 12 человек. В Баксаевской крепости – 21 из 108. В прочих линейных укреплениях доля калмыков была незначительной[521]. До начала 1770-х годов количество калмыков и татар в Яицком войске было примерно одинаковым, но после массового «исхода» калмыков на «историческую родину» в Джунгарию в 1771 году их доля в среде казачества значительно сократилась. Неуклонно сокращалась она и в последующие периоды. Спустя примерно столетие (в 1876 году) доля русских казаков Уральского (бывшего Яицкого) войска составила 93 %, доля татар – 5,5 %, калмыков – 1,5 %[522]. Спустя еще два десятилетия, согласно итогам первой всероссийской переписи, существенных изменений не наблюдалось. Доля русских несколько возросла (до 93,5 %), доля татар осталась прежней (5,5 %). Однако доля калмыков, и без того незначительная, снизилась вдвое – до 0,8 %. Нет никаких сомнений, что это было следствием их русификации. Кроме представителей трех упомянутых народов, в войске появились еще десять, но все эти «новые казаки», вместе взятые, составили очень незначительную часть – лишь 0,2 %[523].

Ставропольское калмыцкое войско, центром которого был Ставрополь (современный г. Тольятти), существовавшее в течение примерно столетия в Поволжье, было сформировано по типу казачьих войск 30-х гг. XVIII века. Власти требовали, чтобы крещение калмыков было добровольным, но при этом они признавали, что некоторые местные начальники иногда «чинили насилия», чего настоятельно требовали не делать. Было рекомендовано использовать иные методы, заинтересовав самих калмыков и их начальство («владельцев» и зайсангов) в смене веры. Документ 1738 года свидетельствует, что представитель знати лишался своих подопечных, перешедших в православие раньше него, а тем, в свою очередь, предоставлялось право выбора нового начальника и места службы. Если же знатный калмык принимал крещение со своими людьми, то различные льготы предусматривались для обеих сторон[524]. В 1744 году организация крещения ставропольских калмыков и их дальнейшее обустройство в округе было поручено полковнику Летину, которому предписывалось, чтобы он «поступал бы с ними по имеющимся при Ставропольской канцелярии инст-

[521] РГВИА. Ф. 653. Оп. 1. Д. 1. Л. 604–649.
[522] *Бородин Н. А.* Уральское казачье войско. Уральск, 1891. С. 139.
[523] Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Т. 88. СПб., 1904. С. 116–117.
[524] ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2. Л. 286–286 об.

рукции указов и ордеров, наблюдая высочайший Ея императорского величества интерес без всякого упущения»[525].

К концу века эти меры принесли свои плоды. Согласно формулярному списку старшин Ставропольского войска 1799 года, все калмыцкие старшины носили русские имена. При этом среди тех, кто владел грамотой, наиболее возрастные старшины, как правило, умели читать и писать только по-калмыцки, тогда как большинство молодых старшин – только по-русски. Значительная часть молодых старшин из того списка была жената не на калмычках, а на солдатских, дворянских, поповских, купеческих, мещанских и офицерских дочерях. Они не могли быть калмычками, поскольку среди ставропольских калмыков тогда не было ни попов, ни купцов, ни мещан, ни солдат. Правда, были дворяне и обладатели регулярных офицерских чинов. Однако таковых на тот момент было лишь пятеро, трое из которых были бездетны, а у двух остальных имелись дочери 3 и 11 лет. В отличие от молодых старшин практически все возрастные старшины были женаты на калмычках – дочерях «владельцев», зайсангов, ротмистров, хорунжих или просто на «калмыцких» дочерях. Конечно, ротмистры и хорунжие имелись не только у калмыков, однако ни армейских ротмистров, ни казачьих хорунжих в Ставропольском уезде не было, лишь калмыцкие ротмистры и хорунжие[526].

Спустя столетие своего существования калмыцкое войско в конце 30-х – начале 40-х годов XIX века было упразднено. Калмыки были переведены в состав Оренбургского казачьего войска и поселены в основном на новой линии, созданной после изъятия у казахов части кочевий в северо-западной части их степей. Так, в пределах станицы Великопетровской были поселены около восьмисот калмыцких семей. Впрочем, по мнению оренбургских историков, большинство калмыков так и не стали полноценными христианами. А. П. Абрамовский и В. С. Кобзов отмечают, что тамошние калмыки «сторонились русских, оставаясь в душе ламаистами, и отмечали свои традиционные праздники», а иконы, розданные им бесплатно, зимой использовались калмыцкими детьми в качестве санок. Не отличались «твердостью в вере» и другие оренбургские казаки из числа «инородцев». Некоторые новокрещены из чувашей, ранее бывших язычниками, упорно не желали осваивать азы новой веры, но при этом многие из них охотно соглашались перейти в ислам. То же можно сказать и о некоторых нагайбаках Оренбургского войска[527].

Калмыки, влившиеся в ряды казачества, в отличие от своих прочих соплеменников перешли к оседлому образу жизни, хотя в летнее время могли разбивать «кибитки» (юрты) у себя во дворах, как свидетельствовал

---

[525] ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 36. Л. 29 об.
[526] ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 393/3. Л. 1–24.
[527] Оренбургское казачье войско: религиозно-нравственная культура. Челябинск, 2001. С. 16, 17.

казачий бытописатель Н. Ф. Савичев[528]. Однако калмыцкие жилища произвели на данного автора удручающее впечатление, поскольку были намного беднее жилищ русских казаков. «Лачуги из глины с плоскими кровлями и скорее походили на развалины, нежели на жилища», – писал он о внешнем виде этих жилищ. Не менее жалким было и внутреннее их убранство: «С земляным полом, с закоптелыми, а местами заплесневелыми стенами, на потолке видны были следы дождевой воды, какая-то уродливая печка, нары, лавка, нет ни стола, ни стула». Это было описание не просто дома казака-калмыка, но дома калмыцкого казака-офицера Кзыл-Убинского форпоста Уральского казачьего войска[529]. Причем речь шла уже о второй половине XIX века.

Христианизация калмыков велась постоянно, с первых дней их поступления в казачью службу. С течением времени этот процесс усиливался. Так, в 1898 году поселковым атаманом калмыцкого Кисык-камышского поселка бывшей Внутренней линии Уральского войска был урядник Угир-Батан Кинзекенев, но вскоре его сменил урядник Семен Чиданов, носивший уже русское имя при калмыцкой фамилии[530].

Кроме калмыков в казачьих войсках Урала присутствовало немало казаков-башкир. С 1832 по 1865 год «Башкирский отдел» входил в Уральское войско, немало башкир было и в Оренбургском войске. Долгое время башкиры являлись самостоятельным (и немалым) иррегулярным формированием. В определенный период имелось и объединенное Башкиро-мещерякское войско, укомплектованное татарами-мишарями (мещеряками) и башкирами, среди которых встречались и этнические татары. Чтобы показать, насколько внушительную силу представляли башкиры и мещеряки, можно обратиться к данным М. И. Иванина. Участник Хивинского похода (конца 1839 – начала 1840 года) графа В.А. Перовского, подполковник Иванин (впоследствии – генерал), работая над своей книгой после похода, с помощью официальных документов сумел восстановить состав войск Оренбургского корпуса, имевшийся в распоряжении Перовского к началу его похода. Как оказалось, основную массу войск составляли иррегулярные части, причем в подавляющем большинстве это были башкиры. Итак, общая численность казачьих войск корпуса была следующей: уральских казаков – 3 639 (87 офицеров и 3 552 нижних чина), оренбургских казаков – 12 053 (190 и 11 863 соответственно), мещеряков – 293 и 12 501, башкир – 1 362 и 73 089[531]. Справедливости ради следует отметить, что казачьи и другие (приравненные к ним) иррегулярные формирования, создававшиеся на этни-

---

[528] Уральские войсковые ведомости. 1869. № 6.

[529] Уральские войсковые ведомости. 1869. № 6.

[530] Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1898 год. Саратов, 1898. С. 152; Памятная книжка и адрес-календарь […] на 1900 год. Уральск, 1900. С. 292.

[531] *Иванин М. И.* Описание зимнего похода в Хиву 1839–1840 гг. СПб., 1874. С. 56.

ческой основе, после определенного периода ждало расформирование и перевод бывших казаков в категорию «гражданских обывателей».

С учетом сказанного выше, можно сделать краткое заключение. Во-первых, во всех казачьих войсках России русский (восточнославянский) элемент всегда доминировал как на раннем этапе их существования, так и в более поздние периоды. Проанализировать этнический состав казачьих общин на раннем этапе истории казачества довольно сложно по причине малого количества источников, позволяющих провести подробное и объективное исследование. Тем не менее имеется достаточное количество материалов, используя которые можно утверждать, что роль славянского элемента в казачьих войсках по мере их становления и превращения в служилое сословие возрастала, а роль иноэтнического компонента постепенно снижалась. Тем не менее казаки неславянского происхождения практически всегда присутствовали в казачьих войсках дореволюционной России. В «старых» казачьих войсках они, как правило, становились казаками в соответствии с решением казачьей общины, принимающей их в свои ряды. В «новых» же войсках ситуация складывалась иначе: казаки из числа «иноверцев», «иноземцев», «инородцев» включались в состав казачьих войск в соответствии с решениями правительства страны и ее военного ведомства. Согласия остальных казаков того войска, в состав которого включались эти лица, не требовалось, поскольку и те и другие изначально стали казаками данного войска в результате указов вышестоящих властей.

В заключение также следует отметить некоторую специфику этнического состава казачьих войск различных регионов России. Так, казаки из числа татар и башкир присутствовали в основном в составе казачьих войск Южного Урала и Западной Сибири (в Уральском, Оренбургском и Сибирском казачьих войсках и в малом числе – в Семиреченском). Казаки из числа коренных сибирских народов (бурят, тунгусов) состояли в казачьих войсках Восточной Сибири и Дальнего Востока (прежде всего, в Забайкальском казачьем войске). В войсках Юга России присутствовали казаки из числа северокавказских народов – осетин, черкесов, кумыков и других. Все представители этих народов, кроме осетин, были мусульманами, хотя среди черкесов (кабардинцев, адыгов) имелись и христиане (в основном новокрещены). Прежде всего, это касается Терского войска (в Кубанском войске неславяне и нехристиане практически отсутствовали). В Донском войске (носившем почетное имя «Всевеликого») также почти не было ни мусульман, ни кавказцев, но было сравнительно много калмыков, составлявших едва ли не половину всех казаков самого южного округа Донского войска – Сальского. Впрочем, калмыки начиная с XVIII века в большей или меньшей степени присутствовали в большинстве казачьих войск.

Для наглядности можно привести данные о конфессиональном составе казачьих войск конца XIX – начала XX века. Уточнять этническую принадлежность в данном случае необязательно, поскольку общая картина и без того представляется понятной. Эти данные составлены на основе статей Л. Вейнберга «Донскаго Войска область» и А. Сурова «Казаки» из XI и XIII томов словаря Брокгауза и Ефрона и сведены в следующую таблицу[532]:

Казачье войско	Казаков	Иногородних	Православных и старообрядцев	Мусульман	Буддистов и язычников	Прочих	Год
Донское	966869	1112009	1987920	2478	29551	58929	1891
Амурское	19700	658	20337	–	–	21	1893
Астраханское	26627	2876	29339	163	–	–	1894
Забайкальское	181474	5943	161333	26	25358	700	1893
Кубанское	702432	496892	99%	?	–	?	1894
Оренбургское	350614	49003	367745	31872	–	–	1894
Семиреченское	25369	7403	30340	2339	10	83	1894
Сибирское	113546	14485	96 %	4 %	–	–	1894
Терское	162156	161925	216242	93001	79	14759	1894
Уральское	110986	36104	?	?	?	?	1894
Уссурийское	7040	163	7037	?	?	?	1894

[532] Данные по вероисповеданию приведены для всего населения, а не только для представителей казачества. Тем не менее они в целом дают возможность представить общую картину с особенностями вероисповедания в том или ином регионе. По Уральскому казачьему войску в словаре данные о религиозных конфессиях не приведены. Вероятно, это было сделано умышленно, дабы не подчеркивать, что старообрядцы составляли абсолютное большинство населения края. Более подробные данные по Уральскому войску будут приведены в отдельной статье.

Глава VI

Группы тюркских народов со статусом казачьих войск Российской империи

§ 1. Формирование Башкиро-мещерякского войска. Пограничная служба, участие в войнах России

Р. Г. Буканова

Башкиро-мещерякское войско – это иррегулярное воинское формирование, существовавшее в 1798–1865 гг. на территории Оренбургской, Самарской, Пермской и Вятской губерний, которое использовалось правительством для охраны Оренбургской и Сибирской укрепленных линий, а также для участия в войнах и военных походах против других государств. Несмотря на то что Башкиро-мещерякское войско фактически было образовано указом Павла I от 10 апреля 1798 г., оно получило официальный статус войска со штаб-квартирой в г. Оренбурге только в 1834 г., когда была введена должность командующего войском, войсковая канцелярия и институт попечительства.

Возникновение Башкиро-мещерякского войска, внесшего неоценимый вклад в укрепление безопасности государственных границ, в защиту Российского государства от иноземных захватчиков, было не случайным.

Башкиры издревле считались хорошими воинами: каждый мужчина с пяти лет учился верховой езде и военному делу. В обстановке частых вооруженных столкновений с соседями они придавали большое значение охране собственных границ и отражению набегов извне. Существовала строгая военная организация, караульная служба, разведка, четко разработанная система оповещения населения в случае опасности[1]. После признания башкирами российского подданства московское правительство подчинило традиционную военную организацию коренного населения своим нуждам.

Материковое положение Российского государства и тесное соседство с кочевническим миром с его неустойчивыми, подвижными границами были причинами того, что на южном и юго-восточном направлениях Россия нуждалась в наличии своего рода «буферной» территории. Башкирия в XVI–XVII вв. выполняла, очевидно, именно такую функцию. Обеспечение безопасности вновь присоединенной территории, оказавшейся порубежной

[1] *Буканова Р. Г.* Военное искусство башкир // Культура Башкортостана. История и современность. Уфа, 1993. С. 96–105.

областью России, было возложено на коренное население. Эта почетная обязанность на протяжении XVI – первой трети XVIII в. являлась прерогативой самих башкир[2]. Кроме участия в войнах России и «обереганья государевых ясачных волостей» башкирские бии и тарханы выполняли различного рода поручения, требовавшие знания местных условий: участвовали в дипломатических посольствах России в мусульманские страны, служили в качестве толмачей (переводчиков и толкователей указов) и «вожей» (проводников) в сторожевых разъездах.

В составе России башкиры, помимо сторожевой службы по охране юго-восточных границ, участвовали во всех войнах России. Как отмечают исследователи, в XVI – первой половине XVIII в. службу башкиры осуществляли эпизодически, по призыву правительства. В основном это были походы в составе отрядов русских служилых людей либо совместно с яицкими казаками[3]. Известно об участии башкир в Ливонской войне, в освобождении Москвы от поляков в 1612 г. В 1635 г. башкиры вместе с русскими отрядами отражали набеги сибирских царевичей Аблая и Тевкеля под Уфой. Совместного с отрядом уфимского воеводы Л. А. Плещеева обороняли юго-восточные границы от калмыков. Башкиры приняли участие в Азовских 1695 г. и 1696 г. походах Петра 1. в Северной войне 1700–1721 гг. и других войнах России[4].

Службу башкиры несли за свой счет, и она обходилась намного дороже, чем весь годовой ясачный оклад. Несмотря на это, военная служба считалась у башкир почетной обязанностью, так как была тесно связана с их средневековыми представлениями о добровольном характере взаимоотношений с русским царем. Несение башкирами военной службы было одним из условий вхождения Башкирии в состав Российского государства, и оно было неразрывно связано с вотчинным правом башкир на земли.

Мишари, называемые в источниках мещеряками, раньше других поволжских народов появились среди башкир: предположительно до вхождения Башкирии в состав России. Так, сохранились документальные свидетельства о том, что мишари «приходя в Башкирию купечествовать и время от времени сделав более с башкирцами знакомство, начали жительствовать между ими, получая по домашним условиям для изворотов своих земли, за кои обязывались они платить вотчинникам оброк каждогодно и вносить за них ясак».

После сооружения Уфимской крепости (1586 г.) и образования Уфимского уезда положение мишарей изменилось: «по указом и по грамотам, и наличным спискам» было «велено Уфинского уезду служилым татарам и

---

[2] *Она же*. Общероссийская сторожевая служба и основание крепостей на окраинах России XVI веке // Ядкяр. 1999. № 2 (8). С. 146–149.

[3] *Кортунов А. И., Рахимов Р. Н.* Аннотированная хроника военной службы народов Урала в XVI–XIX вв. Уфа: РИЦ БашГУ, 2009. С. 4–17.

[4] Там же. С. 4.

мещерякам служить с уфимскими дворянами и с иноземцы, и написать их в десятню». За службу были «отведены им пахотные земли»[5].

Со второй половине XVII в. Российское государство стало привлекать к военной службе калмыков, обитавших в низовьях р. Волги и принявших в 1667 г. российское подданство[6].

Постепенно в результате упрочения положения старых и строительства новых крепостей в Башкирии увеличивается численность русского служилого населения. Как правило, первоначально в крепостях размещался временный гарнизон, на который возлагались ее строительство, укрепление и оборона. Затем крепости становились местом дислокации регулярных и иррегулярных воинских формирований. Военная служба башкир, мишарей и служилых татар стала играть лишь вспомогательную роль. Как сообщалось в одном из донесений 1732 г. из Уфимской провинциальной канцелярии в Сенат, «служеб они служилые татара и мещеряки с уфимскими и с иноземцы никаких ныне не служат…»[7].

В то же время активное строительство городов-крепостей на территории Башкирии, сопровождавшееся массовым изъятием башкирских земель, нарушением вотчинных прав башкирского народа, вызывало активное сопротивление воинственных башкир. Вооруженные восстания башкир, в которых участвовали и другие народы края, длились по несколько лет. В ходе подавления башкирского восстания 1735–1740 гг. начальник Оренбургской экспедиции И. К. Кирилов впервые использует, наряду с регулярными войсками, нерегулярные воинские части, сформированные из местных жителей Волго-Уральского края. К марту 1737 г. им было сформировано 9 900 регулярных и 7 700 нерегулярных служилых людей. Все они были поделены на 4 команды и размещены в разных частях Башкирии. Среди нерегулярных числились яицкие, уфимские, бирские, табынские, оренбургские, самарские, сибирские и новоприборные казаки; калмыки крещеные и некрещеные; крещеные и некрещеные татары и мишари уфимской провинции, служилые мурзы и другие. В случае необходимости мог быть задействован резерв, состоящий из мишарей, ясашных людей Осинской и Сибирской дорог, русских крестьян из сибирских слобод, служилых мурз и татар Казанской губернии – общим числом в 4 500 человек[8]. Почти половина из находившихся в Башкирии воинских формирований предназначалась для содержания и охраны городов и крепостей. Они были размещены в Уфе, Мензелинске, Осе, Табынске, крепостях Новой Закамской линии, Оренбурге, Красноуфимске, а также в новопостроенных крепостях по рекам Самаре, Яику и на Сибирской дороге.

---

[5] РГАДА. Ф. 246. Оп. 8. Кн. 456. Л. 124.

[6] *Буканова Р. Г.* Закамская черта XVII века. Уфа, 1999. С. 160.

[7] РГАДА. Ф. 246. Оп. 8. Кн. 456. Л. 124.

[8] РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Кн. 1164. Л. 341–342; РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 139. Л. 345.

Новый этап в организации военного управления краем связан с назначением в 1742 г. на должность начальника Оренбургской комиссии адмирала И. И. Неплюева – первого губернатора Оренбургской губернии. В 1743 г. был построен г. Оренбург, ставший главным городом на Оренбургской укрепленной линии[9]. К службе на Оренбургской пограничной линии были привлечены, кроме русских служилых людей, башкиры, мишари и калмыки. В 1748 г. нерегулярные войска (казаки, башкиры, мишари и калмыки) на линейно-сторожевой службе составляли 10 800 чел., из которых 5 700 чел. (48 %) было башкир и мишарей[10] И. И. Неплюев обращается в Сенат и Военную коллегию с представлением, суть которого сводилась к тому, чтобы объединить все воинские формирования под одним общим руководством. Правительствующий Сенат санкционировал создание Оренбургского нерегулярного корпуса, была учреждена должность войскового атамана. В состав корпуса вошли казаки, несшие гарнизонную службу в Уфе, Самаре, Оренбурге, Исетске, Красноуфимске, Табынске, в Нагайбацкой и Елдяцкой крепостях, а также в крепостях по Самарской линии, которые составили основу образованного впоследствии Оренбургского войска[11]. Оренбургское казачье войско окончательно оформляется в 1803 году[12].

Меняется и характер военной службы башкир. В 1754 г. с башкир сняли ясак, который был одним из символических атрибутов вотчинного права башкир. Ясак заменяется обременительной покупкой соли из казны. В этих условиях военная служба остается основной обязанностью башкир. С 60-х годов XVIII в. башкиры начали нести годовалую службу на сибирских линиях. Постепенно число командируемых на линию башкир и мишарей увеличивалось.

Как пишет известный исследователь военной истории башкир А. З. Асфандияров, при О. А. Игельстроме, который в 1784–1791 гг. являлся генерал-губернатором Симбирского и Уфимского наместничеств, предпринимаются конкретные меры по переводу башкир и мишарей в военно-казачье сословие. 22 апреля 1789 г. башкиры были разделены на команды (юрты). Было создано 103 юрты, которые управлялись назначенными генерал-губернатором юртовыми старшинами и их помощниками. Всего в юртах состояло 20 908 баш-

---

[9] *Буканова Р. Г.* Роль Оренбурга в формировании юго-восточного фронтира России // Материалы заседания Научного совета ГБУ «ГАОО» «Оренбург в контексте истории Российского государства (к 270-летию г. Оренбурга)» / под ред. В. А. Ильиной, Е. И.Новокрещеновой, Е. К. Ерофеева. Оренбург, 2014. С. 25–27.

[10] *Асфандияров А. З.* Кантонное управление в Башкирии. (1798–1865 гг.). Уфа, 2005. С. 20.

[11] *Стариков Ф. М.* Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о домашнем быте оренбургских казаков, рисунков со знамен и карты. Оренбург, 1891. С. 74.

[12] *Севастьянов С. Н.* История учреждения Оренбургского казачьего войска по начертаниям войсковой печати (По материалам войскового архива) // Труды ОУАК. Вып. V. Оренбург. 1899. С. 97–99.

кирских дворов. Ответственность за своевременное несение башкирами службы была возложена на юртовых начальников и земских исправников. Кроме того, в период военно-сторожевой службы башкирами командовали 63 походных старшины и 213 сотников. Такой порядок являлся, по мнению А. З. Асфандиярова, переходным к военно-кантонной системе управления, хотя башкиры продолжали подчиняться и гражданскому управлению.

Реформирование системы управления башкирами продолжил О. А. Игельстром, вновь назначенный Павлом I военным губернатором Оренбургской губернии. 30 января 1797 г. Игельстром перевел башкирский народ в военное ведомство, но все же «по домостроительству и тяжебным делам» оставил в гражданским ведомстве. Это разделение управления было узаконено правительством 23 февраля 1797 года[13].

Через год именным указом Павла I от 10 апреля 1798 г. в Башкирии была установлена кантонная система управления[14]. Это означало окончательную ликвидацию самоуправления в башкирском обществе, установление над ним военно-полицейского контроля. В сословном отношении башкиры были приравнены к казакам, но народ, силы которого были истощены в ходе многочисленных восстаний конца XVI – XVIII в., не стал сопротивляться. Военная служба была предпочтительнее обращения в крепостное состояние – существовал и такой проект: в разгар восстания 1773–1775 гг. в высших государственных инстанциях обсуждался вопрос о превращении башкир в крепостное сословие путем раздачи их помещикам, дабы «пресечь вольность и их всегдашнюю к возмущению склонность»[15].

Начало формирования Башкиро-мещерякского войска происходило одновременно с введением кантонной системы управления. К концу XVIII в. Оренбургская линия полностью обезопасила юго-восточные границы империи. Однако нередко случались прорывы линии неприятелями. По мнению оренбургского военного губернатора О. А. Игельстрома, это происходило по причине неупорядоченности военной службы казаков и башкир. В целях эффективной обороны Оренбургской укрепленной линии он предложил переформировать Оренбургский нерегулярный корпус и создать из него отдельный казачий полк на регулярной основе – Оренбургское пограничное войско. Кроме того, О. А. Игельстром считал необходимым одновременно упорядочить линейную службу башкир, мишарей, тептярей, а также прибранных для несения гарнизонной службы ногайбаков, калмыков и других. В своем донесении он подробно изложил имеющиеся недостатки в организации линейной службы, которые, по его мнению, происходили по следующим причинам:

во-первых, от злоупотребления при нарядах со стороны башкирских старшин и земских исправников: на линию «высылаются по большой час-

---

[13] *Асфандияров А. З.* Кантонное управление в Башкирии… С. 20.

[14] ПСЗ. Собрание первое. Т. 25. СПб., 1830. С. 189–197.

[15] История башкирского народа в 7 т. Т. IV / под ред. А. З. Асфандиярова. СПб., 2011. С. 40.

ти бедные и неимущие, следственно неисправные ни оружием, ни лошадьми и частично вовсе неспособные к военной службе, ибо богатые и лучшие откупаются»;

во-вторых, от отдаленности казачьих жилищ от линии: казаки «придут на линию по недостатку корма с изнуренными и на службу неспособными лошадьми, даже оных лишаются, не доходя до оной»;

в-третьих, «от нехорошо устроеннаго домоводства казаков происходит, что часто наряжается бедный и неисправный ни оружием, ни лошадью, и, по несмотрению и его отсутствии за хозяйством, придет в совершенную бедность». Поэтому он предлагал, «как у башкирцев, так и у казаков» установить «крепкое наблюдение, чтобы всякой по своей очереди был наряжаем на линейную службу, несмотря ни на какие предлоги»[16].

В ответ на обращение оренбургского губернатора последовал Именной указ императора Павла I. В нем были изложены конкретные меры не только по упорядочению военной службы башкир и мишарей на Оренбургской и Сибирской линиях. Указ Павла I предусматривал коренное переустройство в системе управления Башкирским краем – известно, что император был одержим идеей «государственной безопасности» и создания эффективной системы управления. Введенная его указом система управления военно-служилым сословием в Оренбургской губернии получила название кантонной системы управления.

Следует заметить, что императорский указ от 10 апреля 1798 г. касался, в первую очередь, башкирского населения, доставлявшего в прежние времена царскому самодержавию немало проблем. О мишарях и казаках, которые были уже интегрированы в военно-административную систему края, а также ставропольских калмыках, упоминается в контексте общей организации линейной службы в крае. Тем не менее этот указ положил начало формированию иррегулярного воинского формирования в Оренбургской губернии по национальному признаку – Башкиро-мещерякского войска. Ниже рассмотрим основные принципы организации линейной службы башкир и мишарей, приписанных к своеобразным военно-территориальным образованиям – кантонам.

Для начала следовало «сделать точное изчисление башкирцев, казаков и калмыков в состоянии нести службу, считая по летам от 20 до 50 лет, и разделить их по кантонам, и, в разсуждении нарядов, наблюдать крепко, чтобы ближние кантоны отправляли службу по ближней их дистанции на линии»[17]. Оренбургскую линию необходимо было разделить на 5 дистанций: 1) от Усть-Уйской крепости до Верхоуральской; 2) от Верхоуральской крепости до Орской; 3) от Орской крепости до Оренбурга; 4) от Оренбурга до города Урала; 5) от города Урала до Гурьева.

---

[16] ПСЗ. С. 189.
[17] ПСЗ. С. 189.

Далее, в каждом кантоне учреждалась должность главного начальника, который вместе с юртовыми начальниками и земскими исправниками должны были формировать наряды. В казачьих, башкирских и калмыцких кантонах эту должность должны были занимать только чиновники. На дистанциях назначался «походный начальник», в распоряжение которого поступали прибывшие из кантонов наряды. Кроме того, походные начальники следили за состоянием дистанций и несли ответственность за их неисправность.

Ряд статей указа касались снаряжения и снабжения линейных нарядов. Снабжать определенных на службу воинов продовольствием должны были все жители юрта. Тягло раскладывалось на всех, включая даже командированных. Кантонные начальники должны были следить за тем, чтобы во время линейной службы хозяйство командированных на службу башкир не приходило в упадок, организовывать им помощь, особенно во время жатвы и сенокоса.

Поскольку служба была конной, чтобы не допустить истощения коней, на пути от каждого кантона до линии предполагалось устроить станции или пристанища в удобных местах, где иметь запас заготовленного заранее сена на оба конца пути. Для починки ружей и обмундирования во всех кантонах должны были быть по 1 мастеру с 2 учениками (в казачьих кантонах имелось по 3 слесарных мастера и по 6 учеников), которых сначала содержали за счет казны, а затем перевели на содержание за счет кантона[18].

На основании указа от 10 апреля 1798 г. было образовано всего 24 кантона. Они составляли нерегулярные силы Оренбургского корпуса, командующим которого был оренбургский военный губернатор. В свою очередь, кантоны делились на юрты, отделения и команды. Основу составили 11 башкирских и 5 мещерякских кантонов. Одновременно были образованы: 2 кантона в Уральском казачьем войске, 5 кантонов в Оренбургском казачьем войске, 1 кантон в Ставропольском калмыцком войске. Кантоны в указе обозначены порядковыми номерами, в основу образования кантонов был положен этно-территориальный принцип.

Кантонная система управления унифицировала военно-феодальные повинности и пограничную службу. Башкиры, мишари, калмыки, приписанные к кантонам, обращались в военнослужилое сословие по типу Оренбургского или Уральского казачьих войск. Остальное население оставалось в прежнем подчинении у гражданских властей.

В казачьи кантоны входили как оренбургские и уральские, так и уфимские, самарские, исетские и илецкие казаки. Отбывая пограничную службу, они по первому зову составляли полки и выступали в поход[19].

---

[18] ПСЗ. С. 189–190.

[19] *Матвиевский П. Е.* Оренбургский край в Отечественной войне 1812 года // *Он же*. Очерки истории Оренбургского края XVIII–XIX веков. Оренбург, 2005. С. 161.

Таким образом, башкирское и мишарское население края по своему социальному статусу было приравнено к яицкими и оренбургскими казакам, их основной обязанностью перед государством стало несение пограничной службы на восточных рубежах России.

«Ордер» – так назывался документ, выдаваемый оренбургским губернатором башкирским и мещерякским кантонным начальникам на основании императорского указа от 10 апреля 1798 года, конкретизировал и регламентировал порядок жизни в башкирских кантонах.

Вводился строгий учет населения в кантонах. Ежемесячно все юртовые старшины обязывались предоставлять кантонным начальникам, а те, в свою очередь, – военному губернатору сведения «о всех состоящих в ведении их … духовных и башкирских дворах».

Установив, где и сколько башкир будет находиться на службе в летнее время, необходимо было выбрать «прямейший и удобнейший к тем местам от кантона» путь, и определить, на каком расстоянии быть ночлегам. Всем юртовым старшинам наистрожайше было указано, чтобы люди, отправляемые на службу строго по очереди, были обеспечены оружием, одеждою, лошадьми и съестными припасами за счет всех жителей кантона, за исключением «мулл, которые по духовному их званию при мечетях службу свою отправляют, и лично кантоннаго начальника, его помощника и юртовых старшин»[20].

Военное тягло распределялось «по числу дворов башкирских» на общем собрании всех юртовых старшин и в присутствии кантонного начальника и земского исправника. На службу снаряжались здоровые мужчины от 20 до 50 лет, которые должны были быть вооружены «исправными копьями, саблями, ружьями и сайдаком со стрелами; одеждою снабжены бы были, по башкирскому обыкновению, хорошею и отнюдь не ветхою; лошадей должны иметь годных и надежных к употреблению по службе, каждый – две». Кроме того, каждому нужно было иметь при себе по одной косе и по одному топору[21].

Следовательно, каждый уходивший на линию в порядке очереди снабжался необходимым вооружением, косой и топором, 4 лошадьми, хорошей одеждой и продовольствием за счет общественной «подмоги», которая складывалась из денежных сборов в 25–37 копеек серебром с души[22].

Особые требования по «ордеру» предъявлялись к походным начальникам. Они избирались из юртовых старшин – «людей достойных, верных, поведения хорошаго и рачительных к службе» – 2–3 человека в каждом кантоне. Их обязанности заключались в том, «чтобы они, очередуясь между собою, наряженных от кантона людей принимали, отводили на службу и с оной опять приводили в домы», отвечали за сохранность имущества,

---

[20] ПСЗ. С.191.

[21] ПСЗ. С. 191.

[22] *Матвиевский П. Е.* Оренбургский край в Отечественной войне 1812 года… С. 162.

снаряжения, лошадей и т.д. Устанавливалась также личная ответственность каждого воина за потерю имущества и лошадей[23].

Срок службы летом устанавливался с 16 мая до 16 ноября. Однако требовалось прибыть на дистанцию раньше, чтобы походным начальникам «успеть распределить подчиненных своих и развести по крепостям и редутам, а 16 мая вступить и в отправление должной службы»[24]. Главным на дистанции был походный дистаночный начальник из оренбургского казачьего войска, в чье распоряжение поступали прибывшие башкиры и мишари.

К указу Павла I от 10 апреля 1798 г. был приложен именной список кантонных начальников иррегулярных войск Оренбургского края. Если в казачьих кантонах назначался только начальник, то в башкирских и мишарских кантонах, кроме начальников, были определены и их помощники. Как было сказано выше, первоначально было создано 11 башкирских и 5 мишарских кантонов.

1-й и 2-й башкирские кантоны были расположены на территории Пермской губернии. В 1-й башкирский кантон вошли башкиры Осинского и Пермского уездов, Во 2-й кантон вошли башкиры Екатеринбургского и Красноуфимского уездов Пермской губернии. В этих кантонах начальники сразу не были назначены, так как требовалось согласовать их назначение с пермского губернатором Модерахом.

Остальные 9 башкирских кантонов находились на территории Оренбургской губернии. Их начальники были назначены оренбургским военным губернатором.

В 3-м кантоне, находившемся в Троицком уезде Оренбургской губернии, кантонным начальником был назначен юртовый старшина, не имеющий армейского чина, Абдрашитов, помощником – походный старшина Заитов.

В 4-м кантоне, находившемся в Челябинском уезде, кантонным начальником был назначен юртовой старшина, не имеющий чина, Дербишев, помощником – походный старшина Кучуков.

В 5-м кантоне, находившемся в Бирском уезде, кантонным начальником был назначен юртовой старшина, не имеющий чина, Чептаряков, помощник его, юртовой старшина Хабибуллин.

В 6-м кантоне, находившемся в Верхо-Уральском уезде, кантонным начальником был назначен юртовой старшина подпоручик Бектемиров, помощником – юртовой старшина Абдулвагапов.

В 7-м кантоне, находившемся в Уфимском уезде, кантонным начальником был назначен юртовой старшина, не имеющий чина, Якупов, помощником – походный старшина Амирханов.

В 8-м кантоне, находившемся в Стерлитамакском уезде, кантонным начальником был назначен бывший полковник 3 башкирского полка капитан Акчулпанов, его помощником – юртовой старшина Муртазин.

---

[23] Там же. С. 191–192.
[24] ПСЗ. С.193.

В 9-м кантоне, находившемся в Оренбургском уезде, кантонным начальником был назначен юртовой старшина подпоручик Куватов, помощником – юртовой старшина Бикиняков.

В 10-м кантоне, находившемся в Бугульминском уезде, кантонным начальником был назначен юртовой старшина поручик Юсупов, помощником – походный старшина Мунасыпов.

В 11-м кантоне, находившемся в Мензелинске, кантонным начальником был назначен юртовой старшина поручик Султаков, его помощником – походный старшина Абзелилев[25].

В мишарские кантоны вошли жители Троицкого, Челябинского, Бирского, Мензелинского, Стерлитамакского, Уфимского и Бугульминского уездов Оренбургской губернии.

В 1-м мишарском кантоне (Троицкого и Челябинского уездов) кантонным начальником был назначен не имеющий чина юртовой старшина Махмутов, а его помощником – юртовой старшина Бектемиров.

В 2-м кантоне (Бирский и Мензелинский уезды) кантонным начальником был назначен юртовой старшина Максютов, его помощником – старшина Мендиев.

В 3-м кантоне (Стерлитамакский уезд) кантонным начальником был назначен юртовой старшина подпоручик Султамратов, а его помощником – походный старшина Абдусалямов.

В 4-м кантоне (Уфимский уезд) кантонным начальником был назначен юртовой старшина, не имеющий чина, Мавлютов, помощником – юртовой старшина Темирбаев.

В 5-м мишарском кантоне (Бугульминский уезд) кантонный начальник и его помощник еще не были назначены[26].

В том же документе были определены места дислокации башкиро-мишарских кантонов. Так, башкиры и мишари Пермской губернии были приписаны к Звериноголовской и Усть-Уйской крепостям, а также должны были нести годовую службу на Сибирской линии. Башкиры и мишари Оренбургской губернии были приписаны к крепостям и дистанциям Оренбургской укрепленной линии, но частично им приходилось нести службу и на Сибирской линии.

Очевидно, в конце XVIII – начале XIX в. Сибирская линия, непосредственно соприкасавшаяся с землями Среднего казахского жуза, была более важной в стратегическом отношении по сравнению с Оренбургской линией, в соседстве с которой находились казахи Младшего жуза, принявшие российское подданство еще в 30-х гг. XVIII в. На Сибирскую линию на годовую службу командировались также башкиры 3-го, 4-го, 5-го, 6-го, 7-го, 8-го, 9-го, 11-го кантонов, мишари 2-го, 4-го кантонов[27]. В рассматриваемое для несе-

[25] ПСЗ. С. 194.
[26] ПСЗ. С. 194–195.
[27] ПСЗ. С. 195–197.

ния ежегодной линейной службы на Оренбургской линии было определено 4 513 башкир, 1 003 мишарей, а на Сибирской линии в годовалую службу, которая являлась наиболее обременительной, – 900 башкир и 100 мишарей[28].

Новая военно-феодальная организация иррегулярного войска была тяжелым бременем для всех служилых и неслужилых людей. Неограниченная власть кантонных чиновников, наблюдавших за выполнением повинностей на определенных дистанциях пограничной линии, открывала всяческие возможности для произвола и эксплуатации.

Перевод башкирского и мишарского населения из гражданского в военное сословие был выгоден государству. Во-первых, тотальный контроль над повседневной жизнью башкир и мишарей не оставлял им возможности протестовать против произвола чиновников. Во-вторых, пограничная служба башкир и мишарей не требовала никаких затрат из казны. В-третьих, в лице башкирской и мишарской знати, из которых назначались юртовые старшины, кантонные и походные начальники, царское правительство получило надежную социальную опору для проведения последующих реформ, в ходе которых в середине XIX в. некогда свободные башкиры были уравнены в качестве сельских обывателей с бывшими крепостными крестьянами.

Башкиры и мишари несли пограничную службу совместно с русскими казаками, выполняя с ними одни и те же задачи. Если летний срок службы на линии продолжался с 16 мая до 16 ноября, то зимние наряды начинались с ноября. Количество людей в них уменьшалось вдвое против летнего. Башкиры и мишари с казаками кантонных станиц составляли команды форпостов. На каждый форпост выставлялось по 2–3 казака и 10–12 башкир и мещеряков[29].

При переводе башкир в военно-казачье сословие были умело использованы особенности их национального характера и быта: большую склонность к воинским упражнениям, способность к военному делу, верховой езде, мастерство в умении пользоваться пикой, стрелять из ружей и особенно из лука, а также признавалась «сметливость, привычка к степной местности, неутомимость в степных походах, сносливость и крепость их лошадей». Так, оренбургский военный губернатор В. А. Перовский отмечал высокий воинский дух башкир, считая, что они в этом плане «не уступают оренбургским казакам, а в иных отношениях даже превосходят прочие нерегулярные войска»[30]

Необходимо отметить и то, что башкиры и мишари, издавна находясь в окружении других народов, легко находили общий язык с православными русскими казаками. Об этом писал потомственный казак, исследователь истории Оренбургского казачества В. П. Баканов: «Из всех казачьих войск,

---

[28] Там же.
[29] *Баканов В. П.* Из истории Оренбургского казачества. Магнитогорск, 1993. С. 37.
[30] Цит. по: *Асфандияров А. З.* Кантонное управление в Башкирии… С. 21.

пожалуй, самым интернациональным было Оренбургское. Первыми, с кем оренбургские казаки служили бок о бок, воевали и от кого пополнялись, были башкиры, мешары (мещеряки) и тептяри. К середине XIX века численность смешанного башкиро-мещерякского войска достигала 92–117 тысяч человек. Иногда формировались смешанные русско-башкирские казачьи полки»[31].

Опыт совместной службы на линии помогал и в дальних походах. Оренбургские и яицкие казаки, башкиры, мишари, тептяри, калмыки активное участие принимали в Отечественной войне 1812 года и Заграничных походах русской армии в 1813–1814 гг. Башкиро-мещерякское войско было задействовано в русско-турецкой войне 1828–1829 гг., в Хивинском походе 1839–1840 гг., Кокандских походах 1852 и 1853 года, Крымской войне 1853–1856 гг. и других военных экспедициях. Однако в военное время Башкиро-мещерякское войско выступало не как самостоятельное воинское формирование, а отдельными полками.

В документах и устных преданиях сохранилось много сведений об участии башкирских полков в войнах России, в частности в Отечественной войне 1812 г. и Заграничных походах 1813–1814 гг. Они дают яркое представление о действиях иррегулярных войск в конкретной боевой обстановке. В самом начале войны с Францией в 1805–1807 гг. для подкрепления русской армии было призвано 10 тысяч башкир. В 1811 г. в связи с угрозой нападения Наполеона на Россию наряду с другими иррегулярными частями, состоявшими из казаков, калмыков и других народов, были сформированы 1-й и 2-й башкирские полки. К началу 1812 г. они находились на западной границе страны.

Вторжение наполеоновской армии в Россию, ознаменовавшее начало Отечественной войны 1812 г., всколыхнуло патриотические чувства народов России. По инициативе самих башкир было сформировано еще 20 полков.[32] Кроме башкирских полков с Южного Урала на войну отправились 2 мишарских, 2 тептярских, 4 уральских казачьих, 2 оренбургских казачьих пятисотенных полков, один калмыцкий тысячный полк. Все они показали себя боеспособной частью русской армии. Так, башкирская конница участвовала почти во всех крупных сражениях. Во время Бородинского сражения 26 августа 1812 г. 1-й Башкирский полк прикрывал правый фланг русской армии. В Заграничном походе русской армии 1813–1814 гг. башкирские полки вместе с русской армией участвовали в освобождении Голландии, Варшавы, сражались под Лейпцигом и Дрезденом, освобождали Берлин и многие другие города Европы, завершив боевой путь победоносным вступлением в Париж.

Отечественная война 1812 г. и заграничные походы 1813–1814 гг. оставили неизгладимый след в исторической памяти и культурном наследии

---

[31] *Баканов В. П.* Указ соч. С. 36.

[32] По другим данным, в 1806–1812 гг. было создано 29 башкирских полков (см.: *Бауманн Р. Ф.* Подвластные народы на военной службе в Российской империи: на примере башкир // «Любезные вы мои…». Уфа, 1992. С. 123–124).

башкирского народа. Восприятие народом событий тех лет в художественной форме отображено в башкирском музыкальном творчестве, в частности, башкирских исторических песнях. Масштабность тематики музыкальных произведений, приподнятая, торжественная мелодия песен передают значимость этих событий для страны. Участие в войнах России башкиры воспринимали как исполнение своего воинского долга перед Родиной. В песнях и сопровождавших эти песни легендах рассказывается о героических подвигах и боевом духе башкирских воинов, армейской жизни и военных походах, выдающихся исторических деятелях и батырах. По географическим названиям, встречающимся в песнях, можно проследить путь башкирских конников: Москва, Смоленск, Бородино, Можайск, Бреслау, Дрезден, Лейпциг, Париж. По существу, башкирские исторические песни являются уникальными, емкими и относительно достоверными историческими источниками, созданными самим народом.

Отечественной войне 1812 г. и участию башкир в заграничных походах посвящены исторические предания: «Вторая армия», «Каһым-туря», «Башкиры на войне с французами», «Абдрахман Акъегетов», «Яннһары батыр», «Рассказ башкирца Джантюры» и другие. Особое место занимают музыкальные произведения: «Французская песня», «Иремель», «Батыр егет», «Любизар», «Сокол-птица», «Вторая армия», «Эскадрон», «Ерян кашка», «Хары сяс», «Хай, край родной», «Ужель не слышали в чужих странах», «Ахмет Баик», «Баик», «Каһым-туря», «Абдрахман Батыр», «Бонопарт», «Кутузов» и другие. Ныне сохранилось свыше 20 песен, посвященных Отечественной войне 1812 г. Кроме того, были созданы музыкальные произведения, посвященные другим событиям русской военной истории с участием Башкиро-мещерякского войска: военным походам в Среднюю Азию 1839 и 1853 гг. («Ак-мечеть», «Сыр-Дарья» и др.), Крымской войне 1835–1856 гг., отдельным историческим личностям («Перовский») и др.[33]

Несмотря на героические подвиги воинов Башкиро-мещерякского войска в Отечественной войне 1812 г., в их положении мало что изменилось.

Башкиро-мещерякское войско оставалось в непосредственном подчинении военному губернатору края и, в отличие от других казачьих войск, оно не имело ни войскового атамана, ни специальной канцелярии. Все дела башкир и мишарей о наряде на службу, о производстве в чины, об утверждении их в должности, об отставке и зачислении на службу, а также судебные дела рассматривались в корпусном дежурстве Отдельного Оренбургского корпуса, командиром которого являлся военный губернатор. В июле 1830 г. приказом по корпусу некоторые вопросы, касающиеся споров между самими башкирами, жалобы на начальников, а также дела о преступлениях «в местах их оседлости» передавались в гражданскую канцелярию

[33] *Буканова Р. Г.* Отображение событий Отечественной войны 1812 года в башкирском народном творчестве // Отечественная война 1812 г. в исторических судьбах народов России: материалы Всероссийской научно-практической конференции (12 октября 2012 г.). Сибай: Изд-во ГУП «СГТ», 2012. С. 245–250.

военного губернатора, а вопросы, относящиеся к военной части, оставались в корпусном дежурстве[34]. Вновь было установлено двойное (военное и гражданское) управление башкирскими и мишарскими кантонами.

§ 2. Башкиро-мещерякское войско в 1830–1865 гг.

С. И. Шестакова

В первой половине XIX в. службу в крепостях Оренбургской укрепленной линии несли регулярные войска (линейные батальоны и артиллерийские роты), а на линии – иррегулярные воинские формирования – оренбургские и уральские казаки, конные башкиры, мишари, ставропольские калмыки, которые несли службу за свой счет. Башкиры, мишари и оренбургские казаки несли службу на первых 4-х дистанциях протяженностью в 1239 верст. На 5-й дистанции служили уральские казаки. В 1821 г. на линии находилось 2 417 казаков, 10 422 башкир и мишарей, а в 1823 г. – 2 752 казаков и калмыков, 3 776 башкир и мишарей. Башкиро-мещерякское войско ежегодно направляло от 5 500 до 10 500 чел., что составляло более половины служивших на Оренбургской линии иррегулярных частей. Башкирская и казачья конница являлась наиболее способной для сторожевой службы и отражения неожиданных набегов соседних кочевников[35].

В. А. Перовский, в 1833 г. назначенный оренбургским военным губернатором, решил полностью подчинить Башкиро-мещерякское войско военному управлению, одновременно создав в войске самостоятельную военную администрацию. В августе 1834 г. по его ходатайству была учреждена должность командующего войском, войсковая канцелярия и институт попечительства. В 1830–1850-х гг. все дела, касающиеся башкирского и мещерякского населения, стали решаться командующим Башкиро-мещерякским войском. Все решения готовились в войсковой канцелярии командующего войском и утверждались генерал-губернатором Оренбургского края[36].

Первым командующим Башкиро-мещерякским войском стал полковник Т. С. Циолковский. По штату, утвержденному 30 мая 1836 г., его канцелярия состояла из двух столоначальников с двумя помощниками, одного письмоводителя и восьми служителей канцелярии, в том числе двух писарей, пишущих на языке «тюрки», и переводчика. С 1837 г. все дела, ка-

---

[34] *Асфандияров А. З.* Кантонное управление в Башкирии… С. 34–35.

[35] *Буканова Р. Г.* Роль Оренбурга в формировании юго-восточного фронтира России // Материалы заседания Научного совета ГБУ «ГАОО» «Оренбург в контексте истории Российского государства (к 270-летию г. Оренбурга)» / под ред. В. А. Ильиной, Е. Н. Новокрещеновой, К. Г. Ерофеева. Оренбург, 2014. С. 25–27.

[36] Законы Российской империи о башкирах, мишарях, тептярях и бобылях: сб. док. и материалов / под ред. Ф. Х. Гумерова. Уфа, 1999. С. 181.

сающиеся башкир и мишарей, рассматривались непосредственно в канцелярии командующего Башкиро-мещерякским войском.

Последним, временно исполняющим должность командующего Башкирским войском с мая 1862 года по 1864 год, был полковник А. П. Богуславский, впоследствии генерал-лейтенант, начальник Главного управления иррегулярных войск[37]. Отметим, что во главе Башкиро-мещерякского войска за весь период его существования сменилось 13 командующих или временно исполняющих обязанности командующего.

С 30-х годов XIX в. началась медленная реорганизация Башкиро-мещерякского войска. В 1835 г. Башкиро-мещерякское войско состояло из 17 кантонов (12 башкирских и 5 мещерякских) и было разделено на 6 попечительств (округов). Попечительства возглавлялись, как правило, русскими штаб-офицерами и непосредственно подчинялись командующему войском. Введения попечительств явилось дополнительным звеном для наблюдения, контроля над башкирским и мещерякским населением с целью дальнейшей регламентации жизни этих народов и превращения их в послушные массы.

Важную роль в жизни войска сыграли смотры. И главными, в свою очередь, оказались – императорские. Их было два – в 1824 и 1837 году[38]. В 1824 году Александр I, по установившимся в 1816 году порядкам, совершил поездку по восточным областям Европейской России. Во время следования по Оренбургскому краю, с согласия Александра I, всем был дан свободный доступ к «Его Величеству»[39].

11 сентября 1824 года император приехал в Оренбург, где его встретили военный губернатор Эссен, руководители Оренбурга, оренбургского войска и Оренбургского края[40]. 14 сентября он произвел смотр войск на поле между Оренбургом и Бердской слободой. Войска для него были расположены в три линии: пехота, кавалерия, артиллерия. Участник путешествия, лейб-хирург Д. К. Тарасов оставил свои воспоминания об этом событии. В них он сообщал, что смотром командовал полковник Тимашев, а также обрисовал место его проведения[41].

В 1840–1850-е гг. произошли некоторые изменения в кантонном делении края. Отдельные кантоны были разделены (четвертый башкирский кантон); были присвоены новые номера, в 1847 г. был упразднен 1-й мишарский кантон. В 1848 году Башкиро-мещерякское войско было разделено на две части: 200 тысячи душ вместо военной службы облагалось денежным сбором, 101 тысяча душ осталась в «военном устройстве». Башкирское войско распределилось на 28 кантонов, 394 юрты и 9 попечи-

[37] История башкирского народа… С. 53.
[38] Там же. С. 55.
[39] Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Выпуск 8. Оренбург, 1907. С. 478.
[40] Там же. С. 479.
[41] История башкирского народа… С. 55.

тельств, 13 башкирских и 4 мещерякских кантонов обязывались выставлять в мирное время один полк. С конца 40-х годов XIX века линейную службу несли 14% башкир и мишарей[42]. В 1854 г. 7-й и 10-й башкирские кантоны были разделены на шесть частей, названные отделениями. Эти изменения осуществлялись для надлежащего наблюдения за населением и привели к усилению административного надзора.

Для подготовки кадров для иррегулярных войск Оренбургской губернии 2 января 1825 года торжественно было открыто Неплюевское военное училище, в 1844 году оно было реформировано в Неплюевский кадетский корпус[43]. В Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе предусматривалось 30 мест для детей офицеров башкирского войска[44]. Отличившиеся выпускники кадетского корпуса могли быть определены на военную службу в звании урядника, хорунжего, переводчика для пограничных дел. В Неплюевском кадетском корпусе могли обучаться дети чиновников Оренбургского казачьего войска, башкир, мещеряков и других[45].

В 1852 году был сформирован учебный башкирский полк в Башкиро-мещерякском войске. Цель создания – обучение военному делу башкир – служащих кантонов, а также необходимость иметь в запасе готовую военную часть в случае похода в степь[46]. Полк был расквартирован в деревне Аллабердиной Оренбургского уезда, резервная сотня – в форте Перовский. Вооружение составляли – пики, сабли, карабины, пистолеты. В полку также обучались трубачи Башкиро-мещерякского войска. Офицеры и унтер-офицеры были прикомандированы из частей регулярной кавалерии, в основном гусары и уланы, а из Башкиро-мещерякского войска – рядовые из башкир, которые собирались на срок с 10 мая по 10 октября. Поскольку кроме полка башкиры несли службу на линии, набор для них был обременителен, поэтому численность полка была сокращена до 632 человек. За короткий срок в 5 месяцев было невозможно освоить все необходимые военные знания и навыки, которые становились ненужными для отслуживших в полку башкир, поскольку в следующий раз очередь службы могла подойти через несколько лет. Короткий период обучения не давал возможности иметь боеспособную часть в случае похода в степь, а башкир-призывник терял летнее время обеспечения сеном и проведения земледельческих работ. Поэтому генерал-губернатор и командир Отдельного

---

[42] Образование Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики: сб. док. и материалов. Уфа, 1959. С. 267.

[43] Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска… С. 478.

[44] *Буранбаев М. С.* Башкиры – славные сыны Урала, России. Екатеринбург, 2013. С. 38.

[45] Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска… С. 263.

[46] Документы и материалы по истории башкирского народа (1941–1985). Уфа, 2012. С. 200.

Оренбургского корпуса А. П. Безак не назначил сбора полка на 1861 год, тем самым упразднив его. Однако при всех недостатках учебный башкирский полк давал навыки воинской службы башкирам. Само его наличие подчеркивало то внимание, которое уделялось Башкиро-мещерякскому войску со стороны правительства[47].

В первой половине XIX в. Башкиро-мещерякское войско использовалось, помимо службы на пограничной линии и привлечения для участия в военных походах, к выполнению полицейских функции. Об этом свидетельствует эпизод, связанный со знаменем, дарованным царем 9-му башкирскому кантону «за усмирение неповинующихся воли по распоряжению правительства казаков уральского войска»[48]. До того, в отличие от национальных и казачьих войск России, Башкиро-мещерякское войско не имело своих знамен.

История награждения знаменем связана с событиями осени и зимы 1804 года в Оренбургской губернии. В ноябре была предпринята военным губернатором князем Г. С. Волконским военная экспедиция в Уральск с целью введения нового «Положения об Уральском войске», ущемляющего права уральских казаков. Зная о противодействии нововведениям уральских казаков, в этот поход он направил значительные силы: Рыльский мушкетерский, два батальона Уфимского мушкетерского, Оренбургские драгунский и казачий полки, три эскадрона тептярей, башкирский полк, сформированный в 9-м кантоне[49]. 16 ноября экспедиция завершилась, несмотря на сопротивление казаков. Новое «Положение» было введено силой, зачинщики выступлений арестованы. Волконский предложил правительству наградить верную службу башкир. По его представлению военный министр обратился к императору с просьбой о разрешении чиновникам тептярских полков, башкирским и мишарским юртовым старшинам, не имеющим офицерских чинов, но отправляющим должности, носить серебряный темляк на сабле, как в Оренбургском казачьем войске. 1 мая 1805 г. это предложение было утверждено императором Александром I. Одновременно военный губернатор ходатайствовал о награждении башкир императорским знаменем.

31 мая 1805 года император подписал рескрипт о награждении им 9-го башкирского кантона. Сохранившийся документ – «Сообщение оренбургского военного губернатора князя Г. С. Волконского начальнику 11-го башкирского кантона Зубаирову о награждении знаменем 9-го башкирского кантона» от 29 сентября 1805 года – позволяет воссоздать картину награждения. В нем указывается, что знамя пожаловано императором по представлению оренбургского военного губернатора «во воздаяние отличнаго усердия и ревности к службе девятого башкирского кантона». Оно было доставлено из Санкт-Петербурга с нарочным фельдъегерем. В Орен-

[47] Документы и материалы по истории башкирского народа … С. 200.
[48] История башкирского народа… С. 54.
[49] Там же.

бург были вызваны начальник 9-го кантона поручик Б. Куватов со всеми юртовыми и походными старшинами, а также 200 «отборнейших башкирцев». В назначенный день, 24 сентября, «с надлежащей церемонией и с приведением всех чиновников и башкирцев при всемилостивейше пожалованном знамени на верность службы Его Императорскому Величеству к присяге, оное при высочайшем на имя того кантона рескрипте с верноподданническим благоговением ими принято»[50].

Известно описание этого жалованного знамени. Знамя простое, с коронным вензелем AI с лучами на шелковой зеленого цвета материи. По четырем углам изображены звезды. Знамя имело серебряную позолоченную бахрому, древко темно-зеленого цвета. О церемонии награждения было сообщено во все башкирские кантоны, «дабы и оне, вкусив сие всемилостивейшее благоволение, старались верною и усердною Его Императорскому Величеству и отечеству службою обратить монаршее на них внимание».

В дальнейшем знамя хранилось в управлении кантона в Сеитовском посаде как «святыня особого монаршего благоволения». С изменением нумерации оно перешло в 10-й кантон. Дальнейшая судьба знамени не ясна[51].

В 1852 году было принято решение о новом порядке сбора денег в Башкиро-мещерякском войске. В данном документе шла речь о том, что существующий порядок управления не вполне соответствует современным требованиям. В качестве главного неудобства отмечалось неравное несение повинностей. Это выражалось в том, что в одних кантонах повинности заключались по-прежнему в несении военной службы, а других – уже были заменены денежными повинностями[52].

Законом «О присоединении тептярей и бобылей к Башкиро-мещерякскому войску» от 22 февраля 1855 года тептярские полки, состоящие из тептярей и бобылей, были включены в кантонную систему Башкиро-мещерякского войска. 31 октября 1855 года «Башкиро-мещерякское войско велено именовать впредь Башкирским войском, и только в случаях, где представится надобность отличать происхождение людей, войско составляющих, называть их Башкирами из Мещеряков, Тептярей или Бобылей»[53]. Название Башкиро-мещерякского войска было изменено законом

---

[50] История башкирского народа… С. 55.

[51] Сообщение Оренбургского военного губернатора князя Г. С. Волконского начальнику 11-го башкирского кантона Зубаирову о награждении знаменем 9-го башкирского кантона от 29 сентября 1805 г. // Документы и материалы по истории башкирского народа… С. 33.

[52] НА РБ. Ф. И–2. Оп.1. Д. 7168 – «Дело о введение в башкиро-мещерякском войске нового порядка о сборе с башкир и мещеряков денег». Л. 1.

[53] *Кеппен П. И.* Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России / сост. под руководством Петра Кеппена [при участии Б. П. Ламбина]. Спб., 1861. VI, [2]. 510 с.

«О именовании впредь Башкиро-мещерякского войска Башкирским войском»[54].

Однако в условиях общего кризиса в стране в первой половине XIX века, башкирское войско оказалось неспособным быстро интегрироваться как казачьи войска в военную структуру России. Причиной этого явились: жесткая регламентация жизни в башкирских и мишарских кантонах, полицейский произвол, отсутствие подготовленных кадров, устаревшая военная тактика и слабое вооружение.

Отмена крепостного права в России в 1861 г. и последовавшие за ней реформы местного управления требовали изменения положения военнослужилого населения Оренбургского края. С начала 60-х гг. XIX в. начинает осуществляться постепенный перевод башкир и мишарей в податное сословие. Так, жители Верхнеуральского и Оренбургского кантонов в 1863 г. были освобождены от несения военной службы и обложены денежным сбором. С начала 1865 г. наряд на службу в обоих этих кантонах почти прекратился. С весны до осени 1864 г. был проведен осмотр всех башкирских волостей 11 кантонов, чтобы выяснить отношение башкир к реформам. Результаты осмотра показали, что опасных последствий не ожидается. Это позволило оренбургскому губернатору Безаку поставить перед Военным министерством вопрос о передаче башкир и мишарей в ведение гражданских властей. Чтобы предотвратить недовольство населения, было решено провести это мероприятие во всех кантонах одновременно с разделением Оренбургской губернии на две – Уфимскую и Оренбургскую.

На основе утвержденного Мнения Государственного Совета «О передаче управления башкирами из военного в гражданское ведомство» от 2 июля 1865 г. кантонные управления и общее управление башкирами упразднялись, а функции их распределялись между общими и уездными по крестьянским делам присутствиями и мировыми посредниками. Это означало упразднение Башкирского войска[55].

В заключение следует отметить, что упразднение Башкирского войска и кантонного управления в целом имело положительные последствия: открылись возможности для развития хозяйственной жизни и буржуазных отношений в крае.

---

[54] Башкиро-мещерякское войско [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://karakulino.udmurt.ru/city/kazachestvo/article.php?ELEMENT_ID=1699 (Дата обращения 30.04.2018).

[55] *Асфандияров А. З.* Кантонное управление в Башкирии… С. 202–205.

§ 3. Казачьи войска в Северном Причерноморье и Крыму в последней четверти XVIII – XIX в.

Л. М. Маленко (Рощина)

Создание казачьих войск в Северном Причерноморье и Крыму после окончательной ликвидации Запорожской Сечи в 1775 г. не является случайным явлением. Г. А. Потемкин, екатеринославский наместник (с 1783 г.) и президент Военной коллегии (с 1784 г.) проводил эту политику, руководствуясь целью закрепить владение Российской империи новоприсоединенным южным регионом. Одним из средств достижения этой цели стало создание по его инициативе новых казачьих формирований, наполняемых местным и вышедшим из-под власти Османской империи населением. Формируемые казачьи войска, с одной стороны, позволяли создать альтернативу Задунайской Сечи, находящейся под властью Порты, содействовать возвращению бывших российских подданных в пределы Российской империи. С другой стороны, монархия Романовых получала боеспособные подразделения легкой кавалерии, способные эффективно участвовать в военных кампаниях и охранять границы империи. Еще в 1778 г. Г. А. Потемкин подчеркивал, что нужно взять за правило, чтобы пограничные поселения были именно казачьими, потому что их население способно себя защищать, да и «народа больше выходить будет в такие слободы из-за границы, чем к помещикам»[56]. А 2 января 1788 г. он писал, что казаки могли бы «завести порядочные поселения и приумножить войско на службе Вашей Императорской Величественности, для чего много найдется желающих из-за границы, да и обратятся, без сомнения, все почти запорожцы, которые в армии турецкой служат»[57].

Наделение екатеринославского наместника особыми полномочиями, сосредоточение в его руках гражданской и военной власти позволили ему по своему усмотрению решать вопросы территориального, административного и военного устройства края, формировать экономическую политику региона, создавать гражданские учреждения и военные формирования. Одним из таких шагов было создание казачьих войск в Северном Причерноморье и Крыму. Екатерина II, по всей видимости, не сразу поняла замысла Г. Потемкина. Но польза для империи от подобных формирований была настолько очевидной, что императрица вопреки предыдущим резким указам о запорожцах[58], признала не только существование казачества на

---

[56] Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического / сост. Н. Ф. Дубровин. Сборник военно-исторических материалов. Вып. VI. СПб., 1893. Ч. 1. С. 173.

[57] Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического… Вып. VI. Ч. 1… С. 169–170.

[58] ЦГИАК. Ф. 220. Оп. 1. Д. 476. Л. 1–2.

бывших вольностях (территории) войска Запорожского, но и санкционировала формирование новых казачьих войск в южном крае[59].

В рассматриваемый период речь идет об иррегулярных войсках, не имеющих единой постоянной организации и по способу комплектования, прохождению службы, обучению, вооружению и обмундированию отличающихся от регулярной армии. В Российской империи иррегулярные войска существовали в виде казачьих войск и частей легкой конницы, которые комплектовались из казаков и местных жителей, сами себя обмундировывали, снаряжали, вооружали и обеспечивали лошадьми. Иррегулярные войска формировались по принципу совместной службы близких соседей, станичников и т. п. Они получали название по территориальному или этнической признаку; служба в них определялась специальными уставами, преимущественно казачьими, со специальной терминологией, названиями воинских чинов и званий. Поэтому иррегулярные формирования Северного Причерноморья и Крыма, часто не являясь казачьими по сути, становились таковыми по названию и внешне.

Греко-Албанское казачье войско

Одним из первых иррегулярных войск, возникших в южном крае после 1775 г., было Греко-Албанское казачье войско. Российское правительство, продолжая борьбу за черноморское побережье, было заинтересовано в колонистах с Архипелага и Мореи – подданных Османской империи. Они были хорошими моряками, рыбаками, успешно занимались виноградарством и торговлей. Однако высшие российские сановники рассматривали их не только как мирных переселенцев. Греки и албанцы должны были стать тем ядром, вокруг которого можно было собирать представителей славянских народов в ходе реализации «Греческого проекта»[60].

Первые греческие переселенцы прибыли в Россию во время Архипелагской экспедиции 1769 г. Тогда А. Г. Орловым из присоединившихся к русским войскам греков было сформировано Греко-Албанское казачье войско в составе 8 батальонов[61]. Его личный состав широко использовался на флоте и принимал активное участие в сухопутных военных кампаниях 1769–1774 гг. По окончании войны часть греков, воевавшая на стороне России, опасаясь репрессий турецкого правительства, перешла в Российскую империю. Екатерининский рескрипт от 28 мая 1775 г. санкционировал их переселение. Греки, вошедшие в состав Албанского казачьего войска, были поселены в крепостях Керчь и Еникале; со временем некоторая их часть была переведена в Таганрог, а после занятия Крыма – в Балаклаву.

---

[59] Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического… Вып. VI. Ч. 1… С. 183–184.

[60] *Суворов А. В.* Документы. Т. 3. 1791–1798 / ред. Г. М. Мещеряков. М., 1952. С. 250–251.

[61] ГАОдО. Ф.1. Оп. 218. Д. 1. 1845 г. Л. 10.

Формирование этого войска длилось до сентября 1776 г. Тогда был создан Греческий пехотный батальон, состоящий из 10 рот. Его личный состав принимал участие в военных действиях против турок и крымских татар, охранял южный берег Крыма. 3 августа 1779 г. президент Военной коллегии Г. А. Потемкин в докладе императрице предложил сформировать из греков и албанцев 12-ротный полк[62]. Доклад был утвержден, однако приказ о реорганизации этого формирования до конца не был исполнен. Греческий батальон хоть и получил название полка, но никаких изменений не претерпел. Из предусмотренных 12 рот набрали только 8. Комплектация батальона предусматривала добровольное вступление и вербовку, в случае необходимости – увеличение его личного состава за счет пришедших «людей греческой и албанской наций» в российские губернии и вербуемых за границей (в Греции, Албании, Далмации). Командовали войском офицеры из албанцев и греков, генерал также был из «той нации»[63]. В дальнейшем батальон пополняли исключительно детьми ранее зачисленных в войско греков и албанцев. В делопроизводственной документации того времени закрепилось его название: Греко-Албанское казачье войско.

Во время военных действий Греческий полк находился под командой назначенных Военной коллегией высших должностных лиц. В мирное время Греко-Албанское войско подлежало юрисдикции азовского губернатора (позднее – таврического). В канцелярию азовского губернатора присылались отчеты о состоянии хозяйства и общественного управления Греко-Албанского казачьего войска[64].

Земское правление в каждом из населенных пунктов, где проходило комплектование греческих и албанских частей, предусматривало наличие у них таких должностных лиц: управляющий, писарь, староста. За порядок в поселениях отвечал исправник, назначаемый из штаб-офицеров войска; в его распоряжении находились переводчик и два писаря. Жалованье служащим земского правления поступало из государственной казны[65]. «Надзор внутреннего благочиния и всякого звания торговых дел» в Керчи и Еникале осуществлял греческий магистрат, состоящий из судей, избираемых на три года. Апелляции с указанием законов, на основе которых принимались решения, подавались в Сенат. Епископ выбирался из греков и освящался Синодом, жалованье получал из государственной казны[66].

В 1795 г. было сформировано еще одно подразделение Греко-Албанского казачьего войска. 19 апреля императрица подписала указ на имя екатеринославского, вознесенского и таврического генерал-губернатора П. А. Зубова об устройстве поселка «единоверных народов в городе Одессе и ее окраинах», а также два положения о размещении греков и албанцев в г. Керчь

[62] ГАОдО. Ф.1. Оп. 218. Д. 1 (за 1845 г.). Л. 10–10 об.
[63] ИР ЦНБУ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 28. Л. 3.
[64] ГАОдО. Ф. 1. Оп. 218. Д. 3 (за 1821 г.). Л. 4–5.
[65] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 689. Ч. 1. Л. 215.
[66] Там же.

и вокруг него с наделением землей и разными льготами для военных и гражданских лиц; финансирование Одесского Греческого дивизиона производили через правление Греко-Албанского казачьего войска[67]. В ноябре 1795 г. П. А. Зубов известил императрицу о переселении из Архипелага около 100 греческих семейств и формировании И. де Рибасом Греческого дивизиона в полном соответствии со штатным расписанием[68]. Дивизион был включен в состав Греко-Албанского казачьего войска, но приписан к Греко-Албанской комиссии при Одесском городском магистрате и фактически оказался под управлением вице-адмирала И. де Рибаса.

Крымскотатарское казачье войско

Главная цель его создания заключалась в вовлечении местного населения полуострова в новые отношения и установления над ним стабильного контроля. 1 марта 1784 г. Екатерина II на основе проекта Г. А. Потемкина подписала указ о создании войска «с живущих в Таврической области татар». Предполагалось образовать пять дивизионов, в штатном расписании каждого предусмотрены: майор, 2 ротмистра, 2 поручика, 2 прапорщика, 10 приказных, 190 рядовых, всего 207 чинов; личный состав пяти дивизионов предусматривал наличие 1 035 чел.[69] Земля в их пользование не выделялась. Военнослужащие дивизионов в мирное время жили по своим домам и должны были быть готовыми по первому призыву выступить на службу. Содержались они за счет сбора, взимавшегося с местных татарских хозяйств Крыма. В составе дивизионов не предполагались духовные лица, поскольку мусульманское духовенство Крыма, считалось неблагонадежным. Офицерские чины дивизионов предоставлялись преимущественно молодым мурзам из самых уважаемых семей Крыма. К началу 1787 г. была создана лишь основа трех дивизионов. Имперские сановники, опасаясь волнений среди крымских татар в период обострения отношений с Турцией, откладывали завершение комплектования и вооружение иррегулярных татарских подразделений. А уже в конце этого года личный состав одного дивизиона был распущен по домам.

С весны 1788 г. по 1790 г. два дивизиона Крымско-татарского войска несли службу в пределах Крымского полуострова. Им вменялось в обязанность охранять побережье Крыма от возможной высадки турецкого десанта, выставлять дозоры вокруг соляных озер, стеречь леса и следить за передвижением людей в них, сопровождать почту и должностных лиц, принимать участие в поисках беглецов, разбойников, сопровождать арестантов. Весной 1790 г. из крымских татар было сформировано еще четыре

---

[67] ПСЗРИ. Т. XXIII. 1789–1796. СПб., 1830. С. 686–688.

[68] *Теохарді Т. Ю.* Грецька військова колонізація на Півдні України наприкінці XVIII та початку XIX стол. (Поселення під м. Одесою) // Вісник Одеської комісії краєзнавства при Українській Академії Наук. 1930. Ч. 4–5. Секція для вивчення грецької нацменшості. С. 11.

[69] ПСЗРИ. Т. XXII. 1787–1788. СПб., 1830. С. 60.

дивизиона, и все шесть военных подразделений под командованием Мегметша-бея и князя Кантакузина были отправлены на границу с Речью Посполитой[70]. Г. А. Потемкин принял это решение ввиду сложной ситуации в Крыму. Распоряжение высших правительственных инстанций реквизировать оружие у татарского населения полуострова, пристально надзирать за деятельностью мусульманского духовенства вызвало недовольство местного населения, переросшее в восстание.

В условиях угрозы высадки турецкого десанта и восстаний крымских татар нахождение в Крыму вооруженных татарских дивизионов было крайне опасным для российской администрации. Чтобы разрядить взрывоопасную обстановку на полуострове и продемонстрировать доверие к иррегулярному формированию, Г. А. Потемкин приказал спешно сформировать еще 4 татарских дивизиона из лояльных России крымцев и при полном комплекте оружия вывести за пределы Крыма для охраны участков границы с Речью Посполитой. Однако туда они не дошли и были остановлены в Черниговском наместничестве на марше в составе корпуса генерала Кречетникова. В 1792 г. Крымскотатарское войско получило приказ вернуться в Крым, где были сразу расформированы четыре дивизиона, а два других продолжали нести службу до 1796 г. После смерти Екатерины II они также были ликвидированы[71].

Бугское казачье войско

В 1785–1786 гг. официально оформилось Бугское казачье войско. Его истоки следует отнести к начальному периоду русско-турецкой войны 1768–1774 гг., когда командующий Первой армией П. А. Румянцев приказал командиру корпуса генералу А. А. Прозоровському, а затем сменившему его на этой должности Х. Ф. Штефельну призывать христиан, живущих в Молдавии и Валахии, «к военным подвигам и формировать с оных полки», назначать командирами отличившихся храбростью и упорством. Создание отрядов в Молдавии и Валахии из местных жителей ускорялось по мере продвижения русской армии в Молдавии. Волонтеры прибывали в расположение русской армии и вместе с регулярными подразделениями принимали участие в военных операциях против турок[72]. Большинство этих волонтеров составляли молдаване, волохи, сербы, болгары. После окончания военной кампании и заключения Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г. волонтерские отряды, объединенные в отдельный полк, были поселены в у р. Южный Буг. По соседству с ними разместили и казачий Нововербованный (Навербованый) полк, состоящий «из волонтерских отрядов того же этнического состава»[73].

---

[70] ГАОдО. Ф. 1. Оп. 218. Д. 1. 1812 г. Л. 3–7.

[71] *Муфтий-заде И.* Очерк военной службы крымских татар с 1783 по 1899 год (по архивным документам) // ИТУАК. Симферополь, 1899. № 30. С. 6.

[72] *Анцупов И. А.* Казачество российское между Бугом и Дунаем (исторический очерк). Кишинев, 2000. С. 197–198.

[73] Там же. С. 198.

Волонтеры-иностранцы, к тому времени уже называвшиеся Бугским казачьим войском, закрепились в междуречье Ингула, Еланца и Мертвовода. В 1775 г. они основали ряд населенных пунктов: Соколы (с 1789 г. Вознесенск), Раковица, Новогригорьевское, Арнаутовка, Михайловка, Троицкое, Федоровское, Скаржинка (с 1803 г. Белоусовка), Касперовка, Новопетровское, Сербино, Гурьево, Константиновое, Баловневе, Матвеевка. К территории иррегулярного формирования была присоединена еще и Ольшанка, населенная болгарами (около 400 семей). К концу XVIII века бугское казачество жило в г. Вознесенске и 26 станицах Херсонского и Бобринецкого уездов. В Соколах (позднее Вознесенск) находилось войсковое правление, которому подчинялись станичные управы во главе со станичными атаманами.

В феврале 1785 г., во время очередного обострения русско-турецких отношений, из бугских казаков был сформирован 1500-й казачий полк. Летом 1786 г. его реорганизовали и разделили на 1-й и 2-й Бугские казачьи полки во главе с командирами – подполковником И. Касперовым и майором П. Скаржинским[74]. Бугским казакам вменялось в обязанность нести пограничную службу по Ю. Бугу между речками Мертвовод и Ингул. Накануне русско-турецкой войны 1787–1791 гг. бугские полки снова реорганизовали. Главнокомандующий русской армии Г. А. Потемкин приказал отвести Бугское войско на временную дислокацию на восток с тем, чтобы на его место разместить кадровые линейные полки и дивизии. Бугские полки переместили на земли главного командира края – в имение Красноселье и присоединили к недавно созданному Екатеринославскому казачьему войску. Однако бугские казаки оставались в статусе отдельного казачьего войска, их штаб-квартира находилась в станице Новопетровской. Вместе с тем для улучшения комплектации Бугское войско пополнили 3 179 крестьянами, купленными Г. А. Потемкиным у помещиков Елисаветградского уезда[75].

Переселение бугских казаков с пожалованных им и уже частично освоенных земель вызвало среди них недовольство, перешедшее в массовые волнения, бегство на восточный берег Днестра и основание там поселений – Спеи, Теи и Токмазеи. Это заставило администрацию отменить распоряжения и возвратить бугских казаков в пределы Херсонского и Бобринецкого уездов. По возвращении на Буг, два казачьих полка снова были объединены в один полк с общим составом 1 500 казаков. Этот полк был поделен на сотни, в состав каждой входили: сотник, поручик, 120 рядовых. В годы войны бугское казачество довольно успешно воевало на Дунае и в Причерноморье. В июне 1796 г., в ходе ликвидации Екатеринославского казачьего войска, Бугский полк перевели в подчинение Черноморского адмиралтейского правления[76], а в следующем году расформировали[77].

---

[74] Казачьи войска. Краткая хроника казачьих войск и иррегулярных частей… С. 16.
[75] ПСЗРИ. Т. XXII. 1787–1788… С. 863–864.
[76] Там же. Т. XXIII. 1789–1796. СПб., 1830. С. 887–889.
[77] Там же. Т. XXVIII. 1803. СПб., 1830. С. 589–596.

Екатеринославское казачье войско

3 июля 1787 г., по предложению Г. А. Потемкина, было предписано создать особый казачий корпус по образцу Донского войска из однодворцев, поселенных в Екатеринославской губернии и на бывшей Украинской линии[78]. Екатеринославское иррегулярное войско как целостное формирование образовалось в 1788 г. В его состав входили: 1) однодворцы и мещане Екатеринославского, Вознесенского, Харьковского наместничеств; 2) жители Чугуева и окрестных поселков; 3) старообрядцы и раскольники, вышедшие из Польши и поселившиеся в слободах на правом берегу Днепра; 4) казаки Бугских полков; 5) крестьяне, купленные Г. А. Потемкиным у помещиков в поселках между Бугом и Ингульцом; 6) калмыки. Всего – 1 016 служилых казака[79].

Состав Екатеринославского казачьего войска отличался неоднородностью в этническом и религиозном отношении. В мае 1792 г. в него входили: Чугуевский казачий регулярный и Конвойный полки, Малороссийский регулярный полк (863 чел.), Бугский полк (1 533 чел.), полк полковника армии Мартынова (1 047 чел.), полк подполковника Бузина (1 091 чел.), полки премьер-майоров Радионова (1 038 чел.), Иловайского (1 044 чел.), Платова (1 134 чел.), Денисова (1 042 чел.), полк Войска Донского полковника Платова (1 029 чел.), пехотная казачья команда премьер-майора князя Трубецкого (1 551 чел.), волонтерская арнаутская команда майора Гержева (527 чел.) и 23 человека, которые ожидали перевода; всего – 14 445 казаков на 18 766 лошадях (включая тягловых)[80]. За годы существования Екатеринославского войска в его состав было зачислено 50 562 человека и выставлено на службу 10 052 казака (данные на момент ликвидации иррегулярного формирования)[81].

Отдельное положение об устройстве и порядке службы казаков Екатеринославского войска не было издано. Им руководили донские старшины согласно положениям Войска Донского. Его командиром назначили донского полковника М. Платова, которому Г. А. Потемкин 28 июня 1789 г. поручил сформировать в составе Екатеринославского войска регулярный казачий полк и «число штатное шесть сотен мужчин дополнить из других бригад», весь личный состав должен был руководствоваться образцом Войска Донского[82]. Полки Екатеринославского казачьего войска сос-

---

[78] Там же. Т. XXII. 1787–1788. С. 863–864.

[79] Там же. С. 863–864, 890–891, 1009–1010, 1070; Там же. Т. XXIII. 1789–1796. С. 121–122.

[80] РГВИА. Ф. 41. Оп. 1/199. Ч. 1. Д. 186. Л. 13; *Шиян Р. І.* Катеринославське козацьке військо (1787–1796 рр.) // Записки науково-дослідної лабораторії історії Південної України ЗДУ: Південна Україна XVIII–XIX століття. Запоріжжя, 1998. Вип. 3. С. 106–114.

[81] РГВИА. Ф. 41. Оп. 1/199. Ч.1. Д. 186. Л. 13.

[82] Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического. Академика Н. Ф. Дубровина. Сборник военно-исторических материалов. Вып. VII. Ч. 2. СПб., 1894. С. 167.

тояли из шести сотен по 200 казаков в каждой сотне: полковник – 1, есаулов – 3, сотников – 6, полковой квартирмейстер – 1, поручиков – 6, хорунжих – 6, стражников или вахмистров – 12, трубачей – 12, казаков – 1 200 (на примере Чугуевского казачьего полка)[83]. В ноябре 1787 г. оно получило название «Войско Новодонское казачье»[84]. Военными делами заведовал наказной атаман (главный войсковой начальник). Вместе с подчинением военной власти, екатеринославское казачество управлялось и гражданским правительством. В 1794 г. оно насчитывало около 50 000 человек, размещенных в 115 городах, городках, поселках и 7 крепостях[85]. Управлять всей этой массой призвано было гражданское правительство, которое состояло из атамана, двух старшин по назначению и четверых по выбору на один год от войска. В его ведении находились хозяйственные и финансовые дела, гражданское судопроизводство. В казачьих поселках утверждались изборные избы; из уважаемых и добропорядочных казаков выбирались сельские руководители – сотники и десятники. Главным начальником Екатеринославского казачьего войска оставался Г. Потемкин. Однако 5 июня 1796 г. его в очередной раз реорганизовали[86]. В казачьем статусе остались только казаки Бугского и Чугуевских полков.

Черноморское казачье войско

Черноморское казачье войско в своем становлении прошло долгий и сложный путь. 1 июля 1783 г. правительство призвало бывших запорожцев вступить на российскую службу. Бывшие запорожские старшины З. Чепига (Чепега) и С. Билый (Белый) обязались сформировать два пятисотенных полка. В конце октября 1783 года под командой С. Билого было 800 бывших запорожцев[87]. Впрочем, неопределенность статуса казаков и плохое снабжение привели к резкому сокращению численности формирующихся полков. Только с началом русско-турецкой войны 1787–1791 годов процесс создания нового войска из запорожцев ускорился. Согласно распоряжению Г. Потемкина от 20 августа 1787 г.[88] начался новый набор волонтерских команд из служилого казачества бывшей Запорожской Сечи.[89] Командиром формирующихся команд был назначен С. Билый[90]. По причине малого числа же-

---

[83] РГВИА. Ф. 41. Оп. 1/199. Ч. 1. Д. 186. Л. 1; Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического… Вып. VII. Ч. 2. С. 167.

[84] Письма екатеринославского губернатора В. В. Каховского // ЗООИД. Одесса, 1881. Т. XII. С. 381, 423.

[85] Українське козацтво: Мала енциклопедія / ред. Ф. Г. Турченко; С. Р. Лях. Вид. 2-е, доп. і перероб. Київ; Запоріжжя, 2006. С. 234.

[86] ПСЗРИ. Т. XXIII. 1789–1796… С. 887–897.

[87] РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Ч. 2. Д. 304. Ч. 1. Л. 3.

[88] ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2829. Л. 1.

[89] РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Ч. 2. Д. 304. Ч. 1. Л. 10–11.

[90] Екатерина II и Г. А. Потемкин. Личная переписка 1769–1791 / сост. В. С. Лопатин. М., 1997. С. 258.

лающих вступать на службу 12 октября 1787 г. вышло распоряжение по набору в войско свободных людей из близлежащих территорий.

С началом оформления войска в официальных документах фигурируют разные названия этого формирования. В ордере от 20 октября 1787 года Г. Потемкин впервые использовал название «войско верных казаков». Одновременно применялись и другие: «когорта конных и пеших волонтеров», «свободная запорожская команда», «Кош верных казаков бывшего Запорожского войска Низового». В конце 1787 г. название «Войско верных казаков» становится основным, с апреля 1788 г. утвердилось его окончательное наименование: Черноморское казачье войско[91] (далее – ЧКВ). В конце 1787 г. в нем насчитывали 600 казаков; в 1787–1791 гг. формируются его пешая и конная волонтерские команды[92]. С лета 1789 г. появляется деление на пятисотенные полки.

Разрешение принимать в ЧКВ всех желающих свободных лиц изменило его социальный состав, уменьшив долю бывших запорожцев и изменив их традиции. 23 июня 1789 г. войсковой судья А. Головатый доложил Г. Потемкину о наборе более 5 тыс. пехоты, составившей 10 полков[93]. В августе А. Головатый «рекомендовал» полковым командирам назначить начальников сотен и десятков, что вызвало резкое противодействие куренных атаманов, терявших влияние на казаков. По сообщению от 18 августа 1789 года, «пехотная сего войска команда служить по-донски не желает и сотников у себя выбрать не хотят»[94]. Протест куренных атаманов и части казаков не изменил состояния вещей. В статистических материалах последующих лет фигурируют и сотники – «сотенные начальники», «сотенные атаманы», и десятники. Постепенно численность ЧКВ увеличилась: в начале 1790 г. конная команда состояла из 1 205 казаков, пешая – 5 229. Со временем формируется 10 пятисотенных сухопутных полков. Основная часть пехотной команды продолжала нести службу на гребной флотилии. В делопроизводственной документации они большей частью именуются «лодочными» казаками, в официальной – «пешее верных черноморцев, которые на лодках служит, войско»[95]. В конце 1791 г. общий список насчитывал 12 620 казаков, на действительной службе – 7 500 казаков[96].

---

[91] Казачьи войска. Краткая хроника казачьих войск и иррегулярных частей… С. 112.

[92] Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического… Вып. VII. Ч. 2. С. 135, 335; РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Ч. 2. Д. 304. Ч. 1. Л. 10–11.

[93] Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска: [Документы Кубанского войскового архива] / сост. И. И. Дмитренко. СПб., 1896. Т. 3. С. 118.

[94] Там же. С. 131; *Короленко П. П.* Головатый – кошевой атаман Черноморского казачьего войска. Екатеринодар, 1904. С. 106.

[95] Там же; ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 67. Л. 105; ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 68. Л. 11.

[96] ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 112. Л. 1.

Первоначально Кош «верных казаков» находился у Днепровского лимана, в околице Алешек. Летом 1789 г. его перевели на левый берег Березанского лимана и расположили близ сел Оники и Янчокрак[97]. В сентябре–ноябре 1789 г. Очаковскую область полностью контролировала русская армия. Большинство черноморских казаков остались зимовать на Днестре и перенесли свой Кош в молдавское село Слободзея. Весной 1790 г. главный начальник края и командир всех его казачьих войск Г. Потемкин выделил во владение ЧКВ Керченский полуостров и Тамань. Но, пока длилась война и вопрос об охране новых границ империи оставался открытым, сочли целесообразным оставить его в Очаковской области[98]. Весной 1790 г. черноморское казачество начало устанавливать свои порядки в Очаковской области. В Буго-Днестровское междуречье черноморцы перевозили из бывших запорожских земель свои семьи; их состав пополнился новыми казаками. На землях ЧКВ поселилось несколько тысяч семей молдаван, украинцев, поляков, болгар. В 1790–1792 гг. в Очаковской степи было основано 25 поселков с центром в Слободзеи, много зимовников и временных рыболовецких станов. На территории ЧКВ тогда насчитали 1 759 казацких семей (5 068 лиц мужского и 4 414 женского пола)[99].

Центральным органом управления ЧКВ оставался Кош, в ведении которого находились военные, административные, судные, финансовые, хозяйственные дела. Его управленческая структура внешне оставалась той, что и в Войске Запорожском Низовом: кошевой атаман, в руках которого находилась вся полнота военной, административной, судебной и хозяйственной власти; военный судья заведовал судопроизводством, вел гражданские и уголовные дела казаков; военный писарь руководил делопроизводством и перепиской; военный есаул следил за выполнением приказов атамана и судьи, проводил допросы и следствия, надзирал за «благочестием» казаков и порядком в Войске. Но были и новшества: Кош превратился в административный аппарат первых должностных лиц войска – кошевого атамана, военного судьи и писаря; им подчинялась паланковая старшина – администрация Поднестрянской, Кинбурнской и Бережанской паланок, делившихся на дистанции и слободы[100]. Для «заведения хозяйственного порядка» в каждой паланке назначались войсковой полковник, наделенный всей полнотой административной, хозяйственной, полицейской и судебной

---

[97] *Короленко П. П.* Предки кубанских казаков на Днепре и на Днестре. Екатеринодар, 1900. С. 49; *Сапожников І.* Чорноморське військо в Буго-Дністровському межиріччі (1789–1793 роки) // Хаджибей – Одеса та українське козацтво (1415–1797 роки): до 210-ї річниці штурму Хаджибейського замку. Одеса, 1999. С. 186.

[98] Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического. Академика Н. Ф. Дубровина. Сборник военно-исторических материалов. Вып. VIII. СПб., 1895. С. 11.

[99] Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска… Т. 3. С. 389–403.

[100] ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 169. Л. 13.

власти в пределах паланки, а также военная охрана ее территории. В подчинении войскового полковника в каждой паланке находилась войсковая старшина: писарь, есаул, хорунжий; им подчинялись атаманы слобод, избираемые из уважаемых и надежных казаков, живших в этих же населенных пунктах, а также писари[101].

После смерти князя Г. Потемкина и заключения Ясского мира 1791 г. положение черноморских казаков ухудшилось. В связи с этим в Петербург прибыла делегация во главе с войсковым судьей А. Головатым просить о предоставлении ЧКВ земель на Кубани. В результате ЧКВ получило значительно бóльшую территорию, чем ту, о которой шла речь в прошении. 30 июня 1792 г. вышли указ Сената[102] и грамота Екатерины II[103] о пожаловании ему «острова Фанагория» (Таманский полуостров), со всеми землями на правом берегу Кубани от ее устья до Усть-Лабинского редута. Грамота определяла главное его предназначение: «Войску Черноморскому принадлежит охрана и служба пограничная от набегов народов закубанских»[104]. Эти документы не допускали даже намека на экстерриториальность – земское управление ЧКВ приводилось в соответствие с установлениями об управлении губерниями; введен новый орган управления – Войсковое правительство, вместо традиционного Коша.

Переселение на Кубань основной массы черноморцев происходило в 1792–1794 гг. Территория, на которой было поселено ЧКВ, получила название Черномории. На востоке и севере она граничила с землями Кавказского наместничества и Донского войска, на западе и на юге граница Черномории шла вдоль берега Азовского моря и по Кубани до устья р. Лаба. В 1793 г. была обустроена оборонительная пограничная линия на Кубани, заложен «военный град» Екатеринодар.[105] В следующем году заложено 40 куренных поселений, 38 из которых носили названия бывших запорожских куреней, а два новых получили названия Екатерининского и Березанского[106]. Первыми административно-территориальными образованиями в Черномории стали две паланки – Фанагорийская и Ейская, которые, в свою очередь, делились на дистанции и куренные поселения, а в 1842 г. были переименованы в станицы. В Черномории формируется система администрации, отличающаяся от той, что существовала в Буго-Днестровском междуречье. При сохранении общевойсковой администрации возникают две разные структуры управления казацким населением – сельская и городская. Первые переселенцы основали на Кубани много временных поселений, где жили казаки, приписан-

[101] Та же. С. 13 об.
[102] ПСЗРИ. Т. XXIII. 1789–1796. С. 343–344.
[103] Там же. С. 342–343.
[104] Копии императорских грамот и других письменных актов, принадлежащих Кубанскому казачьему воску // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1901. Т. 8. С. 287.
[105] Історія українського козацтва: Нариси: У 2 т. / редкол.: В. А. Смолій (відп. ред.) та ін. К., 2007. Т. 2. С. 367.
[106] ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2830. Л. 2.

ные к куреням. В августе 1793 г. все населенные пункты, находившиеся вблизи границы, были переданы в ведения пограничных старшин[107]. Но уже 19 ноября 1793 г. пограничных старшин заменили на атаманов и писарей, избираемых жителями этих поселений[108]. Атаманы поселений были обязаны каждую субботу информировать командира соответствующего участка границы об обстановке. Начальник «частной» границы докладывал о положении в своем участке кошевому атаману. Жители населенных пунктов лишались прямого сообщения с Войсковым правительством. Все иски рассматривал местный атаман в присутствии жителей поселения. Так в ЧКВ возник институт сельских атаманов.

В г. Екатеринодаре было решено построить «для приюта бездомных казаков» 40 куреней, а по границам казачьего формирования заложить куренные поселки. В куренях выбирались куренные атаманы сроком на один год. Им вменялось в обязанность безотлучно находиться при курене, по приказу войскового правительства обеспечивать мобилизацию казаков своего куреня, улаживать их ссоры, а подозреваемых в тяжких преступлениях – препровождать к войсковому правительству для вынесения приговора. 20 октября 1793 г. кошевой атаман З. Чепига произвел назначение первого городового Екатеринодара – Д. Волкореза[109], который согласно «Установлению для управления губерниями» возглавлял администрацию и полицию уездного города, с функциями, аналогичными обязанностям капитан-исправника нижнего земского суда. Ордер кошевого атамана от 19 ноября 1793 г. определил обязанности городового и квартальных. В штате «городового правления» составляли городовой, помощник и писарь. В 1798 г. по приказу войскового атамана Т. Котляревского «городовое правление» увеличилось на двух квартальных и двух конных рассыльных, а жители города выбирали десятских и сторожей[110]. Однако каждый казак, проживавший в Екатеринодаре, оставался в составе определенного куреня и подчинялся не только городской власти, но и своему куренному атаману.

Важным этапом на пути создания новой административно-территориальной структуры Черномории стало принятие 1 января 1794 г. «Порядка общей пользы», который регламентировал расселение, управление и землепользование в ЧКВ[111]. Этот документ основывался на общеимперских актах: «Учреждение для управления губерний» и «Устав благочиния», но был разработан с учетом позиции местной казацкой верхушки; вероятно, при его создании не обошлось без участия войскового судьи

---

[107] Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска… Т. 3… С. 673.

[108] ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 296. Л. 1.

[109] Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска: [Документы извлечены из Кубанского войскового архива] / собр. и изд. И. И. Дмитренко. СПб., 1898. Т. 4. С. 252.

[110] ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 210. Л. 164. Там же. Д. 239. Л. 87–92.

[111] ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2830. Л. 2–8.

А. Головатого, хорошо знавшего законодательство Российской империи. Особенностью административного аппарата Черномории конца XVIII века был его четко выраженный военно-полицейский характер.

Составляющей частью ЧКВ была морская команда, созданная в 1794 г. по предложению И. де Рибаса из черноморских казаков, находящихся в Буго-Днестровском междуречье, и частично из «турецких» запорожцев, перешедших в российское подданство. 27 мая 1794 г. Екатерина II предписала екатеринославскому и таврическому генерал-губернатору П. Зубову и вице-адмиралу И. де Рибасу начать строительство на месте бывшей турецкой крепости Хаджибей города с военной гаванью и купеческой пристанью[112]. Было предусмотрено, «чтобы при военной гавани, кроме флотских служителей, не могли поселяться люди для флота посторонние»[113]. Главнокомандующий вооруженными силами Юга Российской империи П. Румянцев приказал «черноморских казаков, которые слоняются по степям в поисках работы, назначить гребцами на флот […] де Рибаса». К формированию команды вице-адмирал привлек черноморского полкового есаула войска Ф. Черненка, который находился в Слободзеи в составе комиссии по сбору казаков с целью перевода их на Кубань[114].

Формирование казацкой морской команды происходило без ведома и согласия правительства Черноморского войска. Когда А. Головатый, узнал о существовании морской команды, срочно вызвал Ф. Черненка для объяснений. И. де Рибас не отпустил полкового есаула на Кубань, а сам уладил дело, отписав письма к войсковому судье с объяснениями причин задержки черноморских казаков в Одессе[115]. А. Головатый смирился с существованием морской команды и ее пребыванием в Одессе. Вместе с тем он настаивал, чтобы она была признана частью ЧКВ, временно командированной на Черное море[116]. По состоянию на 6 января 1795 г. в ее составе числилось 1 123 казака; на десяти военных лодках находились лишь 1 хорунжий и 120 казаков, остальные – несли военную службу по охране города и использовались на строительстве порта и гавани на различных работах[117].

В последней четверти XVIII в. все казачьи войска в Северном Причерноморье и Крыму подчинялись лично Г. Потемкину, что придавало ему вес в Сенате, Военной коллегии и в глазах императрицы. Смерть Г. Потемкина в 1791 г. поставила под сомнение дальнейшее существование создан-

---

[112] *Скальковский А.* Первое тридцатилетие истории города Одессы. 1793–1823. Одесса, 1837. С. 33; *Сапожников І.* Чорноморське військо в Буго-Дністровському межиріччі (1789–1793 роки)… С. 254.

[113] *Сапожников І.* Чорноморське військо… С. 255.

[114] ГАОдО. Ф. 1. Оп. 218. Д. 6. 1805 г. Л. 15–25.

[115] Там же; Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска: [Документы извлечены из Кубанского войскового архива] / собр. и изд. И. И. Дмитренко. СПб., 1896. Т. 2. С. 218–219.

[116] ГАОдО. Ф.1. Оп. 218. Д. 6. 1805 г. Л. 25.

[117] Там же.

ных по его инициативе казачьих формирований, поскольку большинство его распоряжений о казаках не прошло апробации в Сенате, не были утверждены императрицей и потому не считались законными. По этой причине они подлежали либо ликвидации, либо реорганизации, либо переселению на Кавказскую оборонную линию. Павел I решил вернуться к прежнему порядку управления казачьими войсками, согласно которому местная власть сосредоточивалась в руках войскового атамана с полным подчинением ему войсковой канцелярии.

Реформы казачьих войск в конце XVIII – первой четверти XIX в.

В ходе павловской реорганизации существенно изменилось положение иррегулярных подразделений, состоящих из греков и албанцев. 30 января 1797 г. вышел именной указ о принятии поселенного в Таврической области Греческого полка в ведомство Военной коллегии и именовании его Греческим батальоном[118]. Его комплектование производили согласно положению о Войске Донском.

Преобразование Греческого полка в батальон длилось почти год. 29 октября 1797 г. вышло распоряжение о довольствии «только тех, кто действительную службу выполнять будут и в оной останутся»[119], а занимающихся промыслами и торговлей исключить из полка, наделить землей у берега моря в районе Балаклавы и перевести на положение военных поселенцев. В конце 1797 г. этот полк переименовали в трехротный батальон и назвали Балаклавским[120].

Более суровое распоряжение вышло в отношении Одесского Греческого дивизиона. Весной 1797 г. Павел I приказал провести ревизию строительства г. Одесса и смотр находящихся здесь военных частей. По сообщению от 18 апреля того года, в Греческом дивизионе из 348 чинов, предусмотренных штатным расписанием, только 83 грека, служивших еще на Архипелаге, оказались в наличии, остальные не принимали участия в последней войне и «есть представителями разных наций»[121]. Это дало повод Павлу I приказать «Греческий дивизион совсем ликвидировать и тех, кто в нем значится, перевести к тому состоянию, кто куда приписаться пожелает»[122].

Одновременно с Одесским Греческим дивизионом была расформирована и Черноморская казацкая морская команда. Во исполнение императорского указа от 20 мая 1797 г. служившим в ней казакам выплатили 3 293 рублей (сумма была взыскана из имений П. Зубова) за выполненные ими строительные работы в г. Одессе и участие в кампании 1795 г. Им

---

[118] ПСЗРИ. 1796–1798. Т. XXIV. С. 312.
[119] Там же. С. 785.
[120] ГАОдО. Ф. 1. Оп. 218. Д. 1 (за 1845 г.). Л. 10–10 об., 26–26 об.
[121] *Сапожников І. В., Білоусова Л. Г.* Греки біля Одеси (Нариси з історії селища Олександрівни від стародавніх часів до початку XX ст.). Одеса; Іллічівськ, 1999. С. 156–158.
[122] ПСЗРИ. 1796–1798. Т. XXIV. С. 617.

предоставили возможность стать одесскими мещанами или продолжить казачью служб в Черномории[123]. По сообщению от 1 сентября 1797 г. разрешением остаться в Одессе воспользовались: 60 семейных и 92 неженатых казака, капитан, 3 поручика, 5 подпоручиков, 6 прапорщиков, 4 полковых хорунжих, 4 полковые старшины, 8 сотенных старшин[124]. 247 казаков ликвидированной морской команды во главе с полковником М. Лисовицким были отправлены в Черноморию[125].

5 июня 1797 г. Павел I приказал расформировать Бугское казачье войско и перевести его казаков в разряд государственных крестьян. В 1801 г. бывшие бугские казачьи старшины отправили делегацию в Петербург ходатайствовать о восстановлении их прав. Подобные ходатайства поступали от бывших казаков Екатеринославского войска, изъявлявших желание переселиться на строящуюся Кавказскую оборонную линию. Сенат разрешил их переселение, но без выдачи казенного пособия. В 1802 г. на правый фланг Кавказской линии перешло около 3 300 бывших екатеринославских и бугских казаков, основавших Темижбекскую, Казанскую, Тифлисскую, Ладожскую станицы и составивших отдельный Кавказский полк. Сложная история возникновения позднее отразилась в его официальном названии – Первый Кавказский наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полк.

Согласно распоряжению Павла I от 16 февраля 1801 г. местное управление в ЧКВ перешло к войсковой канцелярии во главе с войсковым атаманом[126]; ее штат составили два представителя ЧКВ от войска и прокурор, а также лица, назначенные императором для усиления его контроля. 4 апреля 1801 г. в войсковой канцелярии введено шесть экспедиций: уголовная, гражданская, тяжбовая, казенная, межевая, полиция, сыскное начальство, подотчетное земскому суду[127]. Окружные правления сокращены до четырех. Остатки запорожской традиции управления были значительно усечены.

Итак, после реформ Павла I общее количество казачьих войск в Российской империи достигло 100 тыс. чел., что составило 22,62% личного состава всех вооруженных сил. Однако порядок высшего управления казачьими войсками кардинально не изменился: военные дела оставались в ведении Военной коллегии, гражданские вопросы казачьего населения рассматривал Сенат. Постановления Военной коллегии и Сената подавались на утверждение императору. Управление казачьим населением осуществляли: гражданский губернатор, который решал гражданские вопросы, и инспектор войск (военный губернатор) тех инспекций, в районе которых были поселены или отбывали службу казаки. Из этого общего по-

[123] Там же. С. 617–618.
[124] ГАОдО. Ф. 1. Оп. 218. Д. 1. 1845 г. Л. 16–20.
[125] Там же. Л. 24–25.
[126] Копии императорских грамот и других письменных актов, принадлежащих Кубанському казачьему войску… С. 287.
[127] ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 38. Л. 138.

рядка управления казачьими войсками исключение представляло Черноморское казачье войско: оно непосредственно подчинялось высшим правительственным учреждениям – Военной коллегии и Сенату.

В XIX веке произошли изменения в составе казачьих войск Российской империи, организации и порядке управления ими. Эти преобразования затронули и казачье население Северного Причерноморья и Крыма. В начале XIX века южный регион и в дальнейшем оставался важным плацдармом для решения внешнеполитических задач Российской империи, но ситуация в этом перенасыщенном войсками крае не отличалась стабильностью. Широкое наступление на остатки прав и вольностей казаков, централизация и унификация южного региона, распространение крепостного права (особенно во время правления Павла I), рекрутство, коренная реорганизация и ликвидация созданных в последней четверти XVIII века казачьих войск привели к массовому оттоку казацкого населения заграницу, формированию очагов казацкой запорожской вольницы на территории Османской империи. С приближением угрозы войны с Турцией и Францией правительство Российской империи обеспокоилось состоянием региона. Требовалось быстрое перевооружение армии и увеличение ее численности, в т. ч. и за счет иррегулярных формирований.

Казаки были незаменимы в охране степных границ, хорошо знали особенности войны с кочевыми народами, составляли высокоманевренную легкую кавалерию, находящуюся на самообеспечении. Формирование казачьих подразделений происходило намного быстрее, чем рекрутские наборы. К тому же широкий охват населения новоприсоединенного края, не знавшего крепостничества, казачьим статусом позволял ставить его в двойное подчинение – и со стороны военной, и по линии гражданской администраций. Именно этими причинами можно объяснить возобновление в начале XIX в. Бугского казачьего войска, образование Одесского Греческого пехотного батальона, переселение бывших украинских казаков на Кубань, включение их в состав Черноморского казачьего войска, создание на Кавказской линии Кавказского полка и новых иррегулярных формирований – Ногайского, Усть-Дунайского Буджакского казачьих войск, четырех пятисотенных конных полков с крымскими татарами, Азовского и Дунайского казачьих войск, а также Лейб-Гвардии Крымско-татарского эскадрона.

В первом десятилетии XIX в. произошли изменения в органах местного управления казачьими войсками. Реформы Павла I привели к концентрации власти в руках войскового атамана и казацкой старшины, создав почву для массовых злоупотреблений, о чем свидетельствует огромное количество жалоб на злоупотребления в казачьих войсках. Реформы Александра I были направлены на восстановление принципов управления, установленных Г. Потемкиным. Высочайший указ от 25 февраля 1802 г. определил правила формирования войсковой канцелярии. В ее составе: председатель (должность занимал войсковой атаман), два непременных члена, четыре асессора, избранных на 3 года, прокурор. Присутствие в войсковых

канцеляриях назначенных царем генералов отменялось. Определенная законом 1802 г. организация военного управления со временем была распространена на все казачьи войска Российской империи. Утверждены положения, которые впервые определили порядок службы и управления отдельно взятых казачьих войск, а также служебные обязанности казаков. Детализация правил внутреннего устройства заключалась в четком определении функций канцелярии и каждого ее члена, установлении порядка делопроизводства и имеющихся в канцелярии дел, контроле сбора и распределения финансов, повышении эффективности внутренней полиции, упорядочении штатов, приспособлении к традициям и обычаям разборов исков и взаимных претензий. Эти положения были изданы в 1802 г. для Черноморского, а в 1806 г. для Бугского казачьих войск[128].

Именным указом Александра I от 25 февраля 1802 г. в ЧКВ снова утверждено войсковое правительство по образцу Войска Донского[129]. В военном отношении оно подчинялось Крымской инспекции, в гражданском – таврическому губернатору (с 1796 года Черномория входила в состав Ростовского уезда Новороссийской губернии и подчинялась новороссийскому губернатору). Назначение правительством генерала отменялось. Оставался лишь прокурор в чине седьмого класса, подотчетный губернскому прокурору.

Произвести изменения в управлении Черноморским казачьим войском возлагалось на генерала Дашкова. Он разработал приблизительный штат войскового правительства и сыскных начальств[130]. В составе войскового правительства им указаны: войсковой атаман, два непременных члена, четыре асессора, прокурор и войсковой казначей (не считая канцелярских служащих), а также полицейская экспедиция с одним экзекутором, двумя секретарями и двумя военными врачами. В 1802 г. войсковая земля была поделена на 4 округа: Екатеринодарский, Бейсугский, Ейский, Таманский. Григорьевский округ ликвидировали, а его поселения вошли в состав Бейсугского и Ейского округов. Вследствие разделения Новороссийской губернии земли ЧКВ частично вошли в состав Таврической губернии; был создан отдельный Фанагорийский уезд, позже переименованный в Тмутараканский[131]. Были назначены секретари для управления «повытьями»: военным, гражданским, криминальным, казенным[132].

Важным изменением стал перевод куренных атаманов из г. Екатеринодара в куренные поселки в 1802 г.[133] На их место назначили четырех начальников, каждый из которых отвечал за 10 куреней[134]. Куренные ата-

---

[128] ПСЗРИ. 1802–1803. Т. XXVII. СПб., 1830. С. 53–54, 589–596.
[129] Там же. С. 54.
[130] Там же. С. 18.
[131] Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. / ред. В. Н. Ратушняк. Краснодар, 1996. С. 189.
[132] ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 58. Л. 286.
[133] ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 58. Л. 535.
[134] Там же.

маны составляли наряды на внешнюю и внутреннюю службу, общественные работы, управляли внутренней жизнью куренных поселений. Их помощниками стали сельские атаманы и сельские надзиратели. Низшее административное звено управления Черноморским иррегулярным формированием просуществовало больше 20 лет. 13 ноября 1802 г. были определены военное устройство, правила прохождения службы и обязанности ЧКВ. Военный комплект составил 10 конных и 10 пеших пятисотенных полков того же состава, что и в Войске Донском. Из него выделялось необходимое количество офицеров и казаков для службы в военной артиллерии и флотилии[135]. Позднее были сформированы еще один пеший полк и Черноморская гвардейская сотня (1811 г.)[136].

В 1803 г. было возобновлено Бугское казачье войско. В его состав вошло 6 383 бывших бугских казака, по-прежнему проживавших в Елизаветградском, Ольвиопольском и Херсонском уездах Николаевской губернии. Александр I 8 мая 1803 г. подписал указ об их возвращении в первоначальное состояние с присоединением к ним 600 болгар, вышедших из османских владений и поселившихся на казачьих землях[137]. Бугскому казачеству предоставили возможность пополнять свой состав выходцами из-за границы: молдаванами, болгарами, валахами и другими, однако строго запретили принимать в казаки или селить на войсковых землях крестьян. В 1814 г. состав войска увеличился на 75 «малороссийских казаков», которые в конца XVIII в. поселились в Побужье.

Бугское казачье войско было обязано поочередно отправлять три пятисотенных полка для охраны границы по р. Днестр, а в случае необходимости – все одновременно. Количество чинов в каждом полке определялось штатными расписаниями Войска Донского и ЧКВ: полковник, 5 полковых есаулов, 5 сотников, 5 хорунжих, квартирмейстер, писарь, 483 урядника и казака, всего 501 человек[138]. Гражданским и хозяйственным управлением руководила войсковая канцелярия под председательством войскового атамана. В ее состав входили два непременных члена штаб-офицерского чина, два асессора по выбору, прокурор и секретарь. Канцелярия, как и само войско, в военном отношении подчинялось инспектору войск Крымской инспекции, а гражданскими делами заведовала местная губернская власть. Прокурор войсковой канцелярии подчинялся губернскому прокурору[139]. В 1807 г. штат войсковой канцелярии пополнился казначеем, врачом и аптекарем; были введены должности полицеймейстера, комиссара и по одному помощнику при них[140]. Территория делилась на три округа: Красносельский, Первый Бугский и Второй Бугский, которыми управляли окружные атаманы. Им, в

[135] ПСЗРИ. 1802–1803. Т. XXVII. С. 53–54.
[136] ПСЗРИ. 1810–1811. Т. XXXI. С. 518.
[137] ПСЗРИ. 1802–1803. Т. XXVII. С. 589–596.
[138] ПСЗРИ. 1802–1803. Т. XXVII. С. 589–596.
[139] Там же.
[140] ПСЗРИ. 1807. Т. XXIX. СПб., 1830. С. 219.

свою очередь, подчинялись сельские (позднее станичные) управы округа. Административным центром войсковых земель стал г. Вознесенск.

В 1817 г., во исполнение манифеста Александра I от 30 августа 1814 г., в Екатеринославской губернии начали создавать военные поселения. Полки Бугского казачьего войска вместе с двумя Украинскими должны были стать основой «поселенной кавалерии». 16 апреля 1817 г. на имя херсонского военного губернатора вышел именной указ об исключении всей территории Бугского иррегулярного формирования из губернского и передачи ее в непосредственное военное управление. Как следствие, 18 населенных пунктов, основанных и освоенных бугскими казаками, были исключены из гражданского ведомства и переданы в ведение Департамента военных поселений. Полки переименовали в уланские, была образована Бугская уланская дивизия[141]. Ее командиром был назначен генерал И. де Витт. Высшее управление сосредоточивалось в Департаменте военных поселений Военного министерства, возглавляемом А. Аракчеевым.

Были реформированы и греческие иррегулярные подразделения. В 1814 г. в Балаклавском Греческом пехотном батальоне была сформирована предполагаемая штатом четвертая рота. Отныне батальон насчитывал 805 чел. Казаки батальона несли пограничную и караульную службу вдоль южного берега Крыма и в районе Балаклавы. На протяжении всего времени своего существования это формирование оставалось недоукомплектованным. В мирное время в батальоне служили греки и их дети, поселенные на отведенных им землях, или из военных поселенцев той же этнической принадлежности. В 1818 г. для увеличения личного состава Балаклавского Греческого батальона к его землям присоединили поселок Алупка Таврической губернии, с включением 56 местных военных поселенцев. Подобное происходило и позже[142]. Внутренними делами жителей военных земель управляла канцелярия во главе с батальонным командиром. Ей подчинялись сельские управы. Балаклавский Греческий батальон находился в непосредственном подчинении новороссийскому военному губернатору, подотчетному по военной и гражданской линиям Военному министерству. Высшее управление принадлежало начальнику Главного штаба.

Изменения произошли и с бывшими чинами Одесского Греческого дивизиона. 29 августа 1803 г. по именному указу им предоставили землю возле города для поселения с семьями. При этом подчеркивалось, что земельные участки отводятся только семейным военнослужащим, которые должны обзавестись хозяйствами в течение 3 лет. Невыполнение этого условия предусматривало возвращение наделов в казенное ведомство. 22 октября 1803 г. был издан следующий указ, провозгласивший образование Одесского Греческого батальона из дивизиона греков и албанцев, лик-

---

[141] ПСЗРИ. 1817. Т. XXXIV. СПб., 1830. С. 793–794.

[142] Свод военных постановлений. СПб.: В типографии II-го отд. Собственной Е.И.В. канцелярии, 1859. Ч. I. Кн. 2. С. 1036.

видированного в 1797 г. Вскоре выяснилось, что выделенной земли для наделения рядового состава этого формирования недостаточно. Херсонский военный губернатор А. Розенберг предложил херсонскому губернскому правлению, не дожидаясь размежевания участков, отвести всю землю Греческого батальона его командиру Е. Качони, а наделение рядовых чинов произвести за счет прилегающих к ней свободных участков[143].

Решение земельного вопроса дало возможность определиться с военно-административным устройством. Одесский Греческий батальон был сформирован из трех рот по 141 рядовому в каждой. Всего в нем было 487 лиц мужского пола и 8 нестроевых. В 1808 г. херсонский военный губернатор Э. де Ришелье распорядился отмежевать для них участки у р. Барабой[144]. Для внутреннего управления иррегулярным формированием в селении Александровка была размещена канцелярия во главе с батальонным командиром в чине подполковника. Заселение отведенных участков шло очень медленно. Большинство тех, кто получил участки, сдавали их в аренду или нанимали для возделывания крестьян близлежащих сел. На момент ликвидации батальона в 1819 г. выяснилось, что майор Псомас руководит Александровкой не как военный, а как гражданский начальник[145]. Основным занятием личного состава батальона была торговля в г. Одессе. Постепенно бóльшая его часть перебралась в Одессу, а те, кто не желал оставить военную службу, перевелись в Балаклавский Греческий батальон. В своем донесении инспектору Главного штаба от 1 марта 1819 г. новороссийский генерал-губернатор А. Ланжерон известил о крайне неудовлетворительном положении дел в батальоне и предложил его расформировать. 24 мая 1819 г. это решение было утверждено императором. Желающих продолжить военную службу офицеров и нижних чинов перевели в Балаклаву и включили в состав «тамошнего Греческого батальона»; остальных оставили на пожалованных под Одессой землях, распространив на них правление «наподобие общеволосного»[146].

Перевод греков с. Александровка в гражданское состояние длился около десяти лет. Окончательное решение по их вопросу предполагало: 1) всех чиновников и нижних чинов, которые служили в дивизионе или батальоне, подчинить военному руководству наподобие поселенных в Аккерманском уезде Бессарабской области отставных военнослужащих, причисленных к составу казачества Дунайского войска; 2) руководству Дунайского казачьего войска принять в свое ведомство земли и людей с. Александровка, соблюдая при этом правила по отношению к лицам, которые за свои заслуги освобождаются от службы. Учредить в греческом селе такое же управление, как и в казачьих станицах. Гражданское делопроизводство и уголовные дела относительно служилых и неслужилых

[143] ГАОдО. Ф. 1. Оп. 218. Д. 1. 1797–1820 гг. Ч. 3-а. Л. 49.
[144] ГАОдО. Ф. 1. Оп. 218. Д. 1. 1797–1820 гг. Ч. 3-а. Л. 112–116 об.
[145] Там же. Л. 49.
[146] ГАОдО. Оп. 218. Д. 7. Ч. 1 (за 1820 г.). Л. 28–28 об.

греков и албанцев вести на общих основаниях, которые действуют в войске; 3) всех посторонних лиц, которые незаконно владеют участками с отведенного грекам земельного пожалованья, выслать, а их участки отнести к общественному запасу для раздачи тем, кто имеет право на их получение; 4) детям греков и албанцев как лицам казачьего сословия предоставить право владеть землей в такой же пропорции и на таких же основаниях, какие существуют в Дунайском войске, выставив на службу поочередно всех способных ее выполнять, кроме тех, кто находится на государственной службе или в отставке с чинами[147].

В 1806 г. началась очередная русско-турецкая война. Командующий Молдавской армией генерал И. Михельсон призвал жителей Добруджи переходить в российское подданство и вступать в волонтерские полки[148]. Откликнулась часть задунайских запорожцев, черноморцы и другие представители украинского, сербского, болгарского, молдавского и польского населения, проживавшего в Бессарабии, Молдавии и Валахии. Переход задунайского кошевого атамана Трофима Гайдабуры со 103-мя казаками и еще одного отряда задунайцев во главе с Иваном Губой на сторону России в декабре 1806 г., их включение в состав Килийского волонтерского полка дал основания генералу И. Михельсону и командующему 13-й дивизией генералу Э. де Ришелье рассмотреть вопрос о создании из них отдельной воинской части, призванной выполнять особые военно-политические задачи.

Усть-Дунайское Буджакское казачье войско

18 февраля 1807 г. И. Михельсон от имени русского правительства издал манифест о создании Усть-Дунайского Буджакского казачьего войска и призвал вступать в него задунайских и черноморских казаков, находящихся в Молдавии, Валахии, Бессарабии и в других османских владениях[149]. Основу нового иррегулярного формирования составило население Задунайской Запорожской Сечи, находящейся под турецким сюзеренитетом. Нежелание бывших российских подданных воевать на стороне Османской империи, опасение репрессий, в случае включения Добруджи в состав России, попытка воспользоваться обещаниями правительства получить амнистию и земли на Кубани, сохранить казацкие права и привилегии побудили часть задунайских запорожцев вернуться в российское подданство и стать волонтерами. Стремительное увеличение российских военных подразделений за счет задунайцев объясняется и стремлением задунайского запорожского населения легализовать себя на территории Добруджи, поскольку Сечь в Катырлезе была разрушена турецким феодалом Пехле-

---

[147] Там же. Л. 108–109.

[148] *Бачинський А.* Джерело для вивчення історії народної колонізації Буджацького степу і пониззі Дунаю в кінці XVIII – на початку XIX ст. // Козацтво на Півдні України. Кінець XVIII – XIX ст. / автори-упоряд.: О. А. Бачинська, Л. М. Маленко, О. А. Пригарін, Р. І. Шиян, гол. ред. В. А. Смолій. Одеса, 2000. С. 127.

[149] РГВИА. Ф. Молдавской армии. Оп. 166 б, в. 29. Д. 9. Л. 30 об.–31.

ван-оглу и некрасовскими казаками, а территория проживания задунайцев постепенно переходила под контроль русской армии[150].

С целью привлечения как можно большего числа задунайцев, командующий Молдавской армией обещал им создать войско по образцу бывшего Войска Запорожского. При этом подчеркнул, что окончательное формирование новой военно-административной единицы Российской империи состоится после войны и при условии образцовой военной службы казаков. 20 февраля 1807 г. Усть-Дунайское Буджакское войско официально было утверждено указом Александра I[151].

Центрами нового казачьего войска определили г. Галац, что на правом берегу р. Дунай, и г. Килия на левом. Кошевым атаманом назначили бывшего черноморского писаря майора И. Подлесецкого, позднее Ф. Бучинского. Управление Усть-Дунайского Буджакского войска отдаленно напоминало администрацию Войска Запорожского. Оно состояло из 40 куреней: 38 именовалось так, как и во времена Новой Сечи, два других назывались Болгарским и Сербским. Вступление казаков в курень не ограничивали. Войско получило пернач, печать, флаги. Непосредственно руководил казаками Кош во главе с кошевым атаманом. Однако атамана и всю старшину теперь избирали не казаки, а правительство. Формирование структуры командной иерархии происходило по принципу других казачьих войск Российской империи. Однако по давней традиции сохранялись общественные неоплачиваемые выборные должности куренных атаманов и значковых товарищей. От прежних времен осталась запись в курени почетных казаков; так, И. Михельсон был записан в Кущовский курень, Е. Ферстер – в Васюринский. Общее руководство над Усть-Дунайским Буджакским войском находилось в руках начальника Галацкого военного отряда генерал-майора П. Колюбакина и килийского коменданта инженер-полковника Е. Ферстера. Полное подчинение казачьего формирования российскому командованию сохранялось до ликвидации Усть-Дунайской казачьего войска.

Складывание новой единицы шло быстрыми темпами. В мае 1807 г. в ней насчитывали около 1 500 казаков, в середине июля – свыше 2 000[152], в момент ликвидации – 1 388[153]. Из служилого казачества образовали два полка – Усть-Дунайский и Буджакский[154]. Полки комплектовались с соответствующими боевыми структурами и командным составом. По казацкой военной традиции это формирование было разделено на три части: в пехоте во главе с хорунжими Т. Гайдабурой и Д. Половым служило 750 человек; 200 казаков под командованием хорунжего И. Губы несли службу на

---

[150] Там же.

[151] ПСЗРИ. 1806–1807. Т. XXIX. СПб., 1830. № 22465. С. 1024.

[152] *Бачинський А*. Джерело для вивчення історії народної колонізації Буджацького степу і пониззі Дунаю в кінці XVIII – на початку XIX ст. // Козацтво на Півдні України… С. 122.

[153] ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 151. Л. 5–17.

[154] ГАОдО. Ф. 1. Оп. 218. Д. 8. 1831 г. Л. 31.

Дунайской флотилии; конное подразделение числом 120 казаков, возглавляемое атаманом И. Подлесецким, находилось в Галаце.

В самый разгар войны 20 июля 1807 г. казачье войско неожиданно для усть-дунайцев было ликвидировано по императорскому рескрипту[155]. Причину этого решения следует связать с его спецификой дислокации. Массовые бегства крестьян, черноморцев, солдат-дезертиров в Килию и Галац с надеждой найти волю на Дунае, на «новой Запорожской Сечи». Обвинение усть-дунайцев в гайдамачестве послужили дополнительным поводом. После ликвидации Усть-Дунайского Буджакского казачьего войска крестьяне-беглецы и солдаты-дезертиры, которые ненадолго стали казаками, отбыв соответствующие наказания, были возвращены на предыдущие места, около 500 казаков перешло на Кубань, значительная часть усть-дунайцев, бывших запорожцев, разошлась по селам и городам Бессарабии или опять бежала за Дунай.

Крымскотатарские формирования

Во время русско-турецкой войны 1806–1812 гг. и войны с наполеоновской Францией в южном регионе были сформированы новые иррегулярные подразделения из крымских татар. В декабре 1806 г. таврический гражданский губернатор Д. Мертвого доложил министру внутренних дел, что дворянство Таврической губернии магометанского вероисповедания и волостные главы, которые собрались в г. Симферополе для выбора кандидатов на место муфтия, обратились к нему с просьбой о ходатайстве пред императором о разрешении «выставить на службу людей из татар», которых они способны обмундировать и вооружить, а для командования ими и для представления примера храбрости и отваги поставить над татарами «родственников из детей своих»[156]. Александр I удовлетворил это ходатайство; в 1807 г. «из приглашенных по доброй воле татар» сформировали четыре пятисотенных конных полка под командой генерал-майора Кия-бея Балатукова, полковника Ахмет-бея Хункалова, майора Абдули-аги Мамайского, капитана Али-мурзы Ширинского[157]. В том же году крымскотатарские конные подразделения были отправлены к границе для участия в военных кампаниях. До момента заключения Тильзитского мира они успели дойти до г. Кременчуг и были возвращены в Крым. Впрочем, «татарские казаки» не были распущены по домам, наоборот, конные полки содержались в полной готовности выступить в поход по первому приказу. В 1808 г. татарские иррегулярные подразделения согласно высочайшему повелению получили названия Симферопольского, Перекопского, Феодосийского и Евпаторийского полков. Тогда же была утверждена их организация по об-

[155] *Бачинський А.* Джерело для вивчення історії народної колонізації Буджацького степу і пониззі Дунаю в кінці XVIII – на початку XIX ст. // Козацтво на Півдні України… С. 129.

[156] ГАОдО. Ф. 1. Оп. 218, Д. 3. 1826 г. Л. 30–31 об.

[157] Там же. Л. 31 об., 50. Там же. Д. 35. 1831 г. Л. 67.

разцу донских и приказано два из них откомандировать на границу с Пруссией на смену двум донским полкам, затем их заменили двумя другими полками, оставшимися в Крыму[158].

Все четыре полка участвовали в Заграничном походе 1813–1814 гг. По документам прослеживается их пребывание в г. Данциг и передвижение в направлении Парижа[159]. В 1814 г. конные Крымскотатарские полки были возвращены на полуостров и в 1817 г. распущены с переводом военнослужащих в разряд казенных поселян[160].

Азовское казачье войско

Вследствие реформ, проведенных в первой четверти XIX в., казачье население Российской империи существенно выросло и в 1825 г. составило 1 200 000 лиц обоих полов, с учетом «инородцев» в составе казачьих войск. Общее количество служилого казачества определялось в 131 000 чел. (14,4 % всех вооруженных сил Российской империи). На действительной службе находилось свыше 68 000 казаков, резерв составлял 62 000 чел. В Северном Причерноморье и Крыму на тот момент оставался лишь Балаклавский Греческий пехотный батальон, насчитывавший 805 чел. в составе четырех рот, которые несли пограничную и караульную службу по южному берегу Крыма и отдельно – в Балаклаве.

Во второй четверти XIX в. казачьи войска изменились количественно и качественно. Ни одно из существующих иррегулярных формирований к середине XIX в. не было ликвидировано. Наоборот, было создано три новых казачьих войска. Иррегулярные формирования получили положения о введении нового устройства. Все войска были увеличены численно посредством: 1) включения в казацкое сословие разных категорий населения: государственных крестьян, отставных солдат и матросов, мещан, представителей купечества, иностранных переселенцев; 2) присоединения разрозненных групп казаков к большим иррегулярным соединениям. В целом по империи количество казацкого населения увеличилось и на 1850 г. составляло 2 086 546 чел.; служилое казачество насчитывало 114 305 чел.; резерв составил 100 538 лиц мужского пола. Высшие сановники и в дальнейшем усматривали в казацком населении наиболее «пригодный элемент» для охраны и освоения новообразованных передовых оборонных линий, содержание которого требовало значительно меньших государственных ассигнований, чем регулярная армия.

Во второй четверти XIX в. в Северном Причерноморье и Крыму были созданы два новые казачьи войска – Дунайское и Азовское, а также завершилось формирование Лейб-Гвардии Крымско-татарского эскадрона.

---

[158] Там же. Ф. 1. Оп. 218. Д. 3. 1826 г. Л. 31 об., 50; Там же. Д. 35. 1831 г. Л. 67.
[159] Там же. Д. 1. 1812 г. Л. 132–133.
[160] Там же. Оп. 218. Д. 35. 1831 г. Л. 67.

В начале русско-турецкой войны 1828–1829 гг. по причинам внешне- и внутриполитического порядка во владения Российской империи пришла часть населения Задунайской Сечи. Запорожцы принесли с собой все атрибуты власти, походную церковь, канцелярию, казну, практически весь казацкий Кош. Из этих выходцев из турецких владений было сформировано Отдельное Запорожское войско (1828–1832), сохранявшее традиционное деление на курени, чем оно значительно отличалось от всех прочих иррегулярных формирований Российской империи и возникло вне плана Военного министерства. Вооруженные силы Российской империи не нуждались в подобном войске; его появление было обусловлено исключительно внешнеполитическими соображениями – вывода запорожцев из османских владений.

Это проявилось в длительных поисках места окончательного поселения и неопределенности его военных функций. Его реорганизация состоялась в 1832 году на основе «Положения о поселении запорожских казаков в Новороссийском крае»[161]. Отдельное Запорожское войско поселили в Александровском уезде Екатеринославской губернии на Бердянской пустоши. В его состав вошли мещане и крестьяне близлежащих населенных пунктов – Петровского посада и казенного села Новоспасского с их землями. С поселением на побережье Азовского моря иррегулярное формирование получило название Азовского казачьего войска, а также права и обязанности наравне с другими казачьими формированиями Российской империи[162].

Во время этой группы казаков на отведенной ей территории оказалось, что земельных участков, площадью 30 десятин, не хватает. После решения земельного вопроса за счет привлечения новых земельных фондов на войсковых землях установилось и административное устройство. Управление азовскими казаками осуществляла войсковая канцелярия во главе с наказным атаманом. Последнего назначало правительство, наделив его правами бригадного командира, полновластного в своих решениях в пределах вверенного ему подразделения. Войсковая канцелярия не могла действовать без согласия наказного атамана, однако на случай возникновения разногласий с ним, была наделена правом информировать новороссийского генерал-губернатора о своем видении дела и до получения его распоряжения должна выполнять приказы атамана. В ее ведении находились военные, гражданские и военно-судные дела азовских казаков. Гражданские судебные вопросы войска по представлению войсковой канцелярии рассматривал Александровский уездный суд на общих основаниях[163].

Войсковой канцелярии подчинялись станичные и хуторские управы. Азовцами в Приазовье было основано 5 станиц: Петровская, Никольская, Покровская, Новоспасская, Стародубская и 60 хуторов. Каждая станица управлялась станичным правлением, в состав которого входили надзира-

---

[161] ПСЗРИ. Собрание второе. Т. VII. СПб., 1833. С. 336–338; *Маленко Л.* Азовське козацьке військо. (1828–1866). Запоріжжя, 2000. С. 166–169.
[162] Там же. С. 169.
[163] ПСЗРИ. Собрание второе. Т. VII. СПб., 1833. С. 338.

тель, писарь, десятский, двое судей, избранных станичной общиной. Жалованье им шло из прибыли войска и зависело от количества подопечных. Основными функциями станичных управ были: распределение земельных угодий между казаками, охрана общественного имущества от повреждений и потерь, умножение станичной прибыли и недопущение расточительства, регуляция общественных работ, содержание станичных хлебных магазинов. Повинности исполнялись на основе «Устава о земских повинностях», «Положения о земских повинностях в землях Войска Донского» и «Устава о народном продовольствии»[164].

В Азовском войске на 1836 г. насчитывали 15, а в 1838 г. 60 хуторов. Хутора в станичных юртах разрешали заводить только с согласия всей станичной общины, утвержденной письменным приговором. В хуторе, который имел не менее 25 дворов, была своя полиция в составе приказного и нескольких десятников. В их обязанности входило следить за порядком. С началом переселения азовцев на Кубань в войске была введена должность управляющего хуторами, который должен был управлять ими до момента ликвидации войска.

Система управления Азовского казачьего войска, выработанная в 30-х годах XIX века, почти не изменилась на протяжении всего периода его существования. Единственное, что следует отметить, это то, что в 1852 году официально было уменьшено количество офицеров, которые занимали должности по внутреннему управлению войском[165]. На эту рядовую единицу военно-административной системы распространялась установленная в Российской империи система подчинения. Вместе с тем имперский центр не питал доверия к бывшим беглецам и потому сразу озаботился его постоянным контролем, осуществляемым через назначаемых армейских офицеров. Они имели приказ не только присматривать за ходом ведения дел в войсковой канцелярии, но и тщательно следить за настроениями казаков и гражданского населения, проживающего на войсковой территории.

Военное устройство Азовского войска определялось по принципу других казачьих войск Российской империи. Служба азовских казаков делилась на внутреннюю и внешнюю (полевую). Поселение азовцев на отдаленной от границ территории очень усложняло выполнение ими внешней службы. Несоответствие места поселения статусу казачьего формирования обусловило то, что они на протяжении пяти лет не имели четко определенных военных обязанностей. В феврале 1837 г. была определена внешняя служба Азовского войска, которая заключалась в патрулировании восточного побережья Черного моря «с целью прекращения сношений турецких контрабандистов с горными народами Кавказа». Для этого были сформированы 10 патрульных команд по 20 человек в каждой, несших службу

[164] СЗРИ. Т. 4. Кн. II. СПб., 1857. С. 146–158; РГВИА. Ф. 877. Оп. 1. Д. 170. Л. 3–19.
[165] СЗРИ. Т. 13. Кн. II. СПб., 1857. С. 3–28.

посменно: каждая сотня, отслужив два (позже три) года, отводилась в войско «на льготы», а ее место занимала другая[166]. Для азовских морских команд построили баркасы, напоминающие мальтийские лодки[167].

Согласно указу от 14 января 1845 г. была проведена реорганизация азовских команд; из них составили два отделения для патрулирования определенных участков восточного побережья Черного моря. Первое – от Анапы до Навагинского укрепления, второе – от укрепления Святого Духа до укрепления Святого Николая. Азовские морские команды базировались в хорошо оборудованных и удобных Сухумской и Константиновской морских станциях. Количество азовских команд со временем достигло 26, они несли службу на 42 баркасах до 1865 г. В военном отношении они подчинялись командующему военными судами у абхазских берегов, а общее руководство осуществлял начальник Черноморской береговой линии, подотчетный кавказскому наместнику. Внутреннюю службу определил указ от 2 февраля 1844 г., утвердивший состав команды: урядник, 14 пеших и 10 конных казаков. Указ от 27 октября 1853 г. предусмотрел создание учебной команды, состоящей из офицера, 2 урядников, 2 приказных, 4 канониров и 30 казаков. Назначение этой команды состояло в подготовке «малолеток» для службы на восточном берегу Черного моря[168]. В 1862 г. в Азовском войске появилась паромная команда, обеспечивавшая переправу через устье р. Берда[169].

Итак, Азовское казачье войске было унифицировано по образцу других иррегулярных войск Российской империи; остатки запорожской традиции, проявлявшейся в избрании кошевого, старшины и управлении войском, были устранены.

Дунайское казачье войско

Дунайское казачье войско появилось в начале русско-турецкой войны 1828–1829 гг.; оно было набрано из бывших усть-дунайских казаков и задунайских запорожцев, возвратившихся из османских владений до 1828 г., а также волонтеров из балканских народов. После окончания войны в 1829 г. дунайское казачество поселили в Аккерманском уезде Бессарабской области. В 30-е годы XIX в. в войско были включены и другие категории населения: с 1832 г. – дворянские дети и сыновья обер-офицеров, поселившихся в Херсонской губернии и Бессарабии; в 1832–1836 гг. войско пополнялось отставными нижними чинами, крестьянами-переселенцами с Курской губернии; в 1839 г. к нему приписали кочевых и оседлых цыган Бессарабии.

Становление военно-административного устройства Дунайского казачьего войска прошло сложный и продолжительный путь. В 1828 г. общее управление войском было отнесено к обязанностям новороссийского и бес-

---

[166] *Маленко Л.* Азовське козацьке військо… С. 79–80.
[167] РГВИА. Ф. 877. Оп. 1. Д. 50 Л. 6, 16–17, 40.
[168] Свод военных постановлений. Ч. I. Кн. 2. СПб., 1859. С. 995–996.
[169] *Маленко Л.* Азовське козацьке військо… С. 76.

сарабского генерал-губернатора[170]. Вопросы местного устройства и управления не регламентировались центральной властью, а было только общее предписание в делах дунайского казачества действовать согласно положениям о Войске Донском. В декабре 1828 г. полковник С. Челобитчиков, руководивший этим казачьим формированием, представил на рассмотрение генерал-губернатору проект временного положения об устройстве и управлении Дунайского войска, предусматривавший переселение всех дунайских казаков, с их семьями, из разных мест Херсонской губернии и Бессарабии в Аккерманский уезд. Поселки дунайцев предложено называть «войсковыми казачьими станицами»; начальник войска назначается правительством, непосредственное управление осуществляет войсковая канцелярия, которой подчинены станичные управы; станичное руководство выбирают казаки станиц, но утверждает начальник войска; возглавляют станицы заведующие; на первых порах руководящий состав наполняется офицерами регулярной армии. Центральные органы не утвердили этот проект, однако его основные принципы применялись на практике до середины 30-х годов XIX в.[171] В 1833 г. начальник Дунайского войска есаул М. Немчиков предложил установить его подчинение новороссийскому и бессарабскому генерал-губернатору при непосредственном управлении войскового правления и канцелярии; войсковое правление ведает военной, хозяйственной и гражданской частями, канцелярия – руководит всеми делами и докладывает об их решении управляющему войском[172]. Этот проект также не был утвержден, но некоторые его пункты вошли в законоположение 1844 г.

После назначения генерал-майора С. Василевского управляющим войском были сформированы местные органы управления, существовавшие до его ликвидации. Новоприбывший начальник сосредоточил в своих руках военные, полицейские, хозяйственные функции. Была создана временная военно-судная комиссия; уголовные и гражданские дела неслужилых казаков рассматривались уездными судебными органами на общих основаниях. Хозяйственное и полицейское управление станиц осуществляли под надзором специально назначенного офицера станичные старшины. С 1839 г. руководило станицами станичное правление, которое возглавляли атаман и староста, двое судей и присяжных. В многолюдных станицах для выполнения полицейских функций избирали пристава. Руководящий состав станиц выбирался из жителей населенного пункта один раз на три года. Дунайское войско на протяжении шестнадцати лет руководствовалось общими узаконениями о казачьих войсках Российской империи и распоряжениями местных руководителей.

Зимой 1836 г. по предложению новороссийского и бессарабского генерал-губернатора была создана комиссия для составления проекта поло-

[170] ГАОдО. Ф. 1. Оп. 214. Д. 11. 1825 г. Л. 323–324 об.
[171] ГАОдО. Ф. 1. Оп. 218. Д. 2. 1831 г. Л. 5–16.
[172] КУ «Измаильский архив». Ф. 755. Оп. 1. Д. 8.

жений об устройстве и управлении Дунайским казачьим войском. В ее состав вошли генерал-майор Василевский, майор Савич, титулярный советник Кармазин и два депутата от войска. Проект был представлен на рассмотрение новороссийскому и бессарабскому генерал-губернатору М. Воронцову 30 июля 1836 г., который препроводил его в Департамент военных поселений. Спустя четыре года, в течение которых производился сбор и анализ информации о состоянии дунайских казаков, он был принят к рассмотрению для внесения поправок, дополнений, согласований с общими узаконениями других иррегулярных формирований Российской империи. Окончательный вариант положения представлен Военному совету и утвержден императором 13 декабря 1844 г. Вместе с общим «Положением о Дунайском казачьем войске» вышло и положение об управлении войском. В последнем детально расписывался общий штат военного и гражданского управления формированием, права и обязанности войсковых должностных лиц, регламентировались функции и полномочия органов местного управления, внутренние действия наказного атамана[173].

Согласно «Положению…» Дунайское казачье войско, как и Азовское, в гражданских и военных делах подчинялось новороссийскому и бессарабскому генерал-губернатору. Непосредственное руководство осуществлял наказной атаман, назначаемый и смещаемый правительством, не имевший права прямого обращения к нему. Он председательствовал в войсковом правлении, которое делилось на две экспедиции: военную и гражданскую. Каждая экспедиция состояла из двух столов. В составе войскового правления действовала канцелярия, в штат которой входили четыре столоначальника, экзекутор (он же журналист), архивариус, восемь писарей, ветеринарный врач, землемер. Должностными лицами канцелярии, занимавшимися делопроизводством, руководил секретарь войскового правления. Он же назначал и столоначальников.

Войсковое правление планировали разместить в с. Волонтировка. Однако из-за отсутствия необходимых для этого общественных помещений оно было перенесено в городок Аккерман, а в 1859 г. его разместили в станице Николаевка-Новороссийская. При главном органе внутреннего управления войском работала Комиссия военного суда, которая собиралась в по распоряжению наказного атамана. В ее компетенцию входило рассмотрение только военно-судных дел казаков. Дела уголовного и гражданского характера рассматривались местным уездным судом в присутствии представителя от войска. В подчинении войскового правления находились станичные правления, госпиталь и училище. Станичные правления были выборными органами исполнительной власти, состав которых менялся раз в три года. Должностные лица избирались населением станиц и утверждались войсковым правлением. Станичным правлениям подчинялось все на-

[173] ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XIX. Отд. 1. 1844. СПб., 1845. С. 847–868; Там же. Отд. 2. 1844. СПб., 1845. С. 337–341.

селение станиц и приписанных хуторов. Станичные правления действовали в восьми станицах: Волонтировке, Фараоновке, Староказачей, Каирах, Михайловке, Акмангите, Николаевке, Новотроицкой. Хутора Петровка и Константиновка не имели своего отдельного правления из-за малого числа дворов и подчинялись станицам Староказачей и Каирам[174]. Такой порядок существовал до сентября 1858 г.

На военное устройство и порядок несения службы казаками Дунайского казачьего войска формирования распространялись правила, установленные для Войска Донского. Служилое казачество Дунайского казачьего войска составляло два шестисотенных полка. Они несли внутреннюю и пограничную службу в Херсонской губернии и Бессарабии, содержали гарнизоны в Одессе, Измаиле и Аккермане. Согласно «Положению о Дунайском казачьем войске» 1844 г. служба дунайцев заключалась в следующем: 1) усиленная охрана границ на левом берегу рек Дунай, Прут и черноморском побережье Бессарабской области; 2) содержание пограничного караула на островах Лета и Четал; 3) выставление караулов на Георгиевском острове Дуная и при Бессарабском соляном правлении; 4) полицейская служба в Аккермане, Херсоне, Херсонской губернии и Бессарабской области; 5) разъезды в Одессе[175]. С февраля 1847 г. две дунайские казачьи сотни служили на Кавказе в составе Отдельного Кавказского корпуса, сменяясь каждые три года. В 1854 г. на территории войска был создан третий конный полк, существовавший до окончания Крымской войны. В 1856 г., в связи с потерей Россией придунайской части Бессарабии, Дунайское казачье войско было переименовано в Новороссийское и несло пограничную службу на линии Болград–Татарбунары и дальше по черноморскому побережью[176].

Если сравнить общий характер службы Азовского и Дунайского казачьих войск, станут заметны особенности, обусловленные разной численности служилого состава и местоположения. Дунайское казачье войско несло почти исключительно местную службу (близ войсковых земель); Азовское же отправляло морские команды, крейсировавшие в Черном море.

Лейб-Гвардии Крымско-татарский эскадрон

За годы правления Николая I увеличилось число гвардейских частей. Если в начале его царствования было всего два гвардейских казачьих подразделения, то к концу его пребывания на престоле появилось еще семь; кроме того, были устанавлены наряды в гвардию казаков, которые не составляли отдельных частей.

---

[174] ПСЗРИ. Собрание 2-е. Т. XIX. Отд. 1. 1844. С. 847–868.

[175] *Бачинська О.* Дунайське козацьке військо. 1828–1866 рр. (До 170-річчя заснування). Одеса, 1998. С. 81.

[176] Українське козацтво: Мала енциклопедія / кер. авт. колект. Ф. Г. Турченко; відпов. ред. С. Р. Лях. Вид. 2-е, доп. і перероб. Київ; Запоріжжя, 2006. С. 169.

Одним из первых новообразованных гвардейских иррегулярных частей был Лейб-Гвардии Крымско-татарский эскадрон. Вопрос о его создании был решен еще в 1825 г. Александром I[177] по ходатайству таврического дворянства о назначении военного караула «наподобие казачьих войск, под руководством лучших дворян из татар отличного поведения и внешности для службы в Санкт-Петербурге с изменением по срокам, которые будут назначены»[178].

Формирование эскадрона шло очень медленно. Внезапная смерть императора остановила рассмотрение этого вопроса; потом оказалось, что татарское дворянство «совсем отказывается от всякого участия в формировании […] эскадрона»[179]. Несмотря на скептические замечания, изложенные таврическим гражданским губернатором Д. Нарышкиным о проекте формирования Крымскотатарского конного эскадрона[180], в 1826 г. начальник Главного штаба И. Дибич издал приказ о его формировании с таким штатом: полковник, ротмистр, 2 штаб-ротмистра, 3 поручика, 3 корнета, унтер-офицеров: 24 конных, 6 пеших; рядовых: 192 конных, 32 пеших; 4 трубачей. Предусмотрено нахождение двух третей эскадрона в Санкт-Петербурге в Лейб-Гвардии казачьем полку и одной трети – в Крыму[181]. Начальник Главного штаба высказал пожелание, чтобы Лейб-Гвардии Крымско-татарский эскадрон прибыл в Москву на коронацию нового императора[182]. Однако его не успели сформировать к началу коронационных торжеств. Только 1 мая 1827 г. из Управления новороссийского и бессарабского генерал-губернатора доложили дежурному генералу Главного штаба о том, что одна треть сформированного в Крыму Лейб-Гвардии Крымско-татарского эскадрона выступила из крепости Перекоп для следования в Петербург[183]. Однако полностью укомплектовать эскадрон смогли лишь в 1829 г.; да и в дальнейшем вопрос об увеличении его личного состава стоял остро.

Крымско-татарский эскадрон был зачислен в Лейб-Гвардии казачий полк, разделен на две части, по четыре взвода в каждой. Части служили поочередно в Петербурге и Крыму. Смена происходила ежегодно по одном взводу. Срок службы в эскадроне был определен 15-ю годами: восемь в Петербурге, пять – на льготах и два года в Крыму[184]. Содержание Лейб-Гвардии Крымскотатарского эскадрона во время его перехода из Крыма в Петербург, его срок службы в столице, возвращение в Таврическую губернию производилось за счет казны так же, как и в Лейб-Гвардии казачьем

---

[177] *Муфтий-заде И.* Очерк военной службы крымских татар с 1783 по 1899 год… С. 14.
[178] ГАОдО. Ф. 1. Оп. 190. Д. 83 (за 1825 г.). Л. 25, 65.
[179] ГАОдО. Ф. 1. Оп. 218. Д. 3 (за 1826 г.). Л. 190–190 об.
[180] Там же. Л. 50 об.
[181] Там же. Л. 28, 28 об., 79.
[182] Там же. Л. 30.
[183] ГАОдО. Ф. 1. Оп. 218. Д. 3 (за 1826 г.). Л. 290.
[184] Там же. Л. 28–29 об., 79–81.

полку. Деньги на оружие, амуницию, коней сначала выдавали из государственной казны, а в 1828 г. решено брать их из особого налога, взимаемого с крымских татар (40 036 лиц мужского пола) в размере 17 ¼ копейки с души. В 1828 г. принято решение о подготовке офицеров для командования личным составом Крымско-татарского эскадрона. Император распорядился отправлять крымскотатарских юношей из дворянских семей в Петербург для обучения в школе гвардейских прапорщиков и юнкеров за счет казны[185].

Крымская война и ее последствия для казачьих войск края

Середина XIX в. стала переломным моментом для всех иррегулярных войск Российской империи, участвовавших во всех кампаниях Восточной войны 1853–1856 гг. В составе русской армии, насчитывавшей около 700 000 человек, находилось 90 казачьих полков. В боевых действиях приняли участие 29 казачьих конных полков, 4 пешие батальона, 13 артиллерийских батарей и другие казачьи подразделения. На казачьи войска южного региона возлагалась охрана берега Черного моря в пределах Новороссийска – Тамани и Азовского побережья.

Азовское казачье войско в годы войны мобилизовало 1 920 казаков[186] – все взрослое мужское население войска, включая и часть юношей до 17 лет. На казаков Азовских морских команд возлагалась задача вместе с армейскими гарнизонами ликвидировать укрепления Черноморской береговой линии. Когда из всех фортов были оставлены только два – Анапа и Новороссийск, Азовской флотилии приказали обеспечить заграждение устья р. Дона. Казаки Азовской флотилии принимали участие в боевых действиях в составе армейских частей. Они были переведены в г. Новороссийск для пополнения местного гарнизона. После ликвидации Новороссийского укрепления казаки азовских команд были присоединены к действующим подразделениям регулярной армии и воевали на Кавказе и в Крыму. На Азовское войско возлагалась оборона побережья Азовского моря «местными средствами». Для выполнения этой задачи иррегулярное формирование отправило морской батальон в составе штаб-офицера, 11 обер-офицеров, 42 урядников и 722 казаков; пеший батальон – в составе штаб-офицера, 5 обер-офицеров, 25 урядников и 400 казаков (в его состав вошла и учебная команда); конную сотню с 3 обер-офицеров, 7 урядников и 104 казаков[187]. После завершения войны Азовское казачье войско было расформировано. На службе остались только азовские команды, продолжавшие патрулирование восточного побережья Черного моря.

Для Дунайского казачьего войска Восточная война также стала серьезным испытанием. Это иррегулярное формирование до начала Крымской

---

[185] Там же.
[186] РГВИА. Ф. 405. Оп. 6. Д. 15312. Л. 114.
[187] Там же.

кампании не было полностью укомплектовано. В дополнение к двум существующим полкам по ходатайству наказного атамана И. Гангардта был сформирован третий резервный полк, насчитывавший 4 офицера, 50 урядников, 32 приказных и 886 казаков. На него возлагалась охрана границы по Дунаю и «бессарабского» берега Черного моря. После окончания Крымской кампании резервный полк был расформирован, 1-й и 2-й, переименованные в Новороссийские, продолжали нести традиционную внутреннюю и пограничную службу[188].

По Парижскому мирному договору 1856 г. от России отошла юго-западная придунайская часть Бессарабии, на которой находились казачьи станицы Николаевка, хутора Парапари и Ново-Троицкое, несколько земельных участков Дунайского войска. Правительство попыталось решить земельный вопрос казаков покупкой городка Байрамчи (позднее станица Николаевка-Новороссийская), однако около 9 000 десятин земли они бесповоротно потеряли. Неоднократные ходатайства наказного атамана Дунайского войска о расширении войсковых земель результатов не дали. В сентябре 1858 г. произошли изменения и в управлении станицами. Станичные правления сохранились лишь в четырех станицах: Акмангите, Староказачей, Волонтировке, Николаевке-Новороссийской; другие станицы и хутора присоединялись к вышеназванным. Состав станичных правлений остался таким, как и в предыдущие годы.

Поражение Российской империи в Восточной войне, потеря территорий, яркая демонстрация преимущества армий западных государств требовали кардинальных изменений, в том числе и в управлении казачьими войсками. В 1857 г. был ликвидирован Департамент военных поселений и все его отделения. Заведование казачьими войсками и иррегулярными частями империи приняло на себя созданное 16 декабря 1857 г. Управление иррегулярных войск. С целью усиления военной власти на местах в 1862–1864 гг. были созданы военные округа и начато создание военно-окружных управлений. Появление военных округов изменило систему подчинения казачьих войск. В 1862 г. был создан Одесский военный округ, охватывавший Херсонскую, Екатеринославскую, Таврическую губернии и Бессарабскую область. Азовское и Дунайское казачьи войска приведены в непосредственное подчинение новороссийскому и бессарабскому генерал-губернатору. Военно-административные и военно-хозяйственные вопросы этих казачьих соединений при посредстве генерал-губернатора решались Военно-окружным советом во главе с командующим войсками Одесского военного округа или передавались в Управление иррегулярных войск Военного министерства, далее – в Сенат.

В 1859 г. Александр II издал распоряжение о подготовке новых проектов положений о Дунайском (Новороссийском) и Азовском казачьих войсках, а также о Лейб-Гвардии Крымско-татарском эскадроне и Балак-

[188] *Бачинська О.* Дунайське козацьке військо… С. 76.

лавском Греческом пехотном батальоне[189]. С этой целью при новороссийском и бессарабском генерал-губернаторе была создана комиссия под руководством генерал-майора И. Гангардта и с участием есаула Берегового – от Новороссийского казачьего войска, есаула Гонтина – от Азовского, а от Лейб-Гвардии Крымско-татарского эскадрона и Балаклавского Греческого пехотного батальона – «по выбору таврического руководства»[190].

Выработанный проект предусматривал упразднение в Дунайском (Новороссийском) казачьем войске войскового правления и его замену на простое войсковое дежурство во главе с дежурным штаб-офицером; местное управление осуществляли наказной атаман, войсковое дежурство, комиссия военного суда, полковые командиры, станичные правления. Выстроена следующая система подчинения: Военное министерство – в делах, которые относятся к Новороссийскому казачьему войску, действует через новороссийского и бессарабского генерал-губернатора, по отношению к войску приводит в действие все распоряжения через наказного атамана, а он – через войсковое дежурство. В конце 1859 г. одновременно с военными поселениями был и Балаклавский Греческий пехотный батальон[191]. В декабре 1860 г. Военное министерство направило комиссии распоряжение о прекращении работы над составлением проекта положения о Лейб-Гвардии Крымско-татарском эскадроне[192], поскольку «дальнейшее укомплектование упомянутого эскадрона становится уже затрудненным» по причине переселения значительной части крымских татар в Турцию[193]. Однако 3 офицера и 21 нижний чин этого эскадрона были приписаны к личному императорскому конвою под названием команды Лейб-Гвардии крымских татар. Команда эта делилась на три части: одна находилась в Петербурге на службе, две другие – на льготах в Крыму. Менялись они поочередно каждые три года. Общий срок службы для чинов команды был определен двенадцатью годами. Команда Лейб-Гвардии крымских татар просуществовала до 1890 г. Первоначально ее комплектовали из всех желающих, а с 1875 г. – из личного состава регулярного Крымского дивизиона.

Работу комиссии над проектом «военского состава Азовского казачьего войска, а также устройства в оном морских экипажей и других предметов, которые к внешней службе казаков относятся»[194] остановило решение Александра II о переселении азовцев на Кубань на протяжении нескольких лет с вызовом желающих и назначением по жребию; переселение же начать, как только позволит обстановка на Кавказе. Об этой воле царя управляющий Военным министерством известил командующего Кавказской

[189] ЦГИАК. Ф. 245. Оп. 2. Д. 63. Л. 1.
[190] Там же. Л. 13, 50.
[191] Там же.
[192] Там же.
[193] Там же. Л. 74.
[194] ЦГИАК. Ф. 245. Оп. 2. Д. 63. Л. 56.

армией 28 мая 1861 г.[195] С лета того года Военное министерство вместе с военным руководством Кавказского края разрабатывало широкомасштабный проект заселения западной части Кавказа новыми казачьими станицами с целью «окончательного покорения горных племен». Эту работу подытожил указ от 10 мая 1862 г., утвердивший «Положение о заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России»[196]. В Кубанскую область предполагалось переселить 808 семей Азовского казачьего войска. В это же время рассматривалась возможность переведения на Северо-Западный Кавказ дунайских казаков. Но их переселению помешали события в Польше.

В 1862–1866 гг. из Азовского казачьего войска в Кубанскую область переселили 1 142 семьи. Из них 253 были поселены на землях Адагумского полка в станицах Анапской, Новороссийской, Благовещенской и в Анапском поселке в 1862 г.[197] В следующем году 508 семей поселены в станицах Абинской, Хабльской, Грузинской, Ильской Абинского полка[198]. Однако обещанные условия поселения – в отдельных станицах с выделением надлежащих участков – выдержаны не были, что привело к стихийным выступлениям азовцев и приостановке переселения других семей расформированного войска. С большими трудностями, с угрозой применения оружия, руководителям края удалось прекратить «безобразия» азовских казаков. Только после обязательства кавказского руководства селить казаков на выбранных их депутатами землях в отдельных станицах, в Кубанскую область пришло еще 338 семей азовцев[199]; последней была группа из 23 семей, расселенная в станицах Хабльской, Северской, Абинской Абинского полка и в Анапском поселке Адагумского полка[200]. Всего на Кавказ ушло 48 % населения Азовского войска (5 238 чел.). 11 октября 1865 г. появилось «Положение о ликвидации Азовского казачьего войска», предписавшее оставшихся перевести в гражданское ведомство[201]. Генералы и офицеры войска, которые оставались на местах предыдущего поселения, выписывались из «казацкого состояния» и приписывались к дворянству Екатеринославской губернии. Урядники и казаки с их семьями получали в собственность поземельный надел в размере 9 десятин и приписывались к крестьянам-владельцам. В гражданское ведомство было переведено около 5 670 чел.

---

[195] ГАКК. Ф. 390. Оп. 1. Д. 4. Л. 7.

[196] ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XXXVII. СПб., 1865. С. 406–424; *Маленко Л.* Азовське козацьке військо… С. 183–191.

[197] ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 617. Л. 117; Там же. Д. 623. Л. 33.

[198] ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 1822. Л. 9.

[199] Там же; Там же. Д. 1280. Л. 1033–1034; *Маленко Л.* Азовське козацьке військо… С. 130–136.

[200] ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 1822. Л. 76.

[201] ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XL. СПб., 1867. С. 24–28, 375. *Маленко Л.* Азовське козацьке військо… С. 195–202.

Все попытки реформ Дунайского (Новороссийского) казачьего войска упирались в проблему наделения его казаков землей, поскольку фонды свободной земли были исчерпаны. В 1861 г. рассматривались вопросы как о переселении казачьих семей на Кубань, так и о расформировании этого войска. Предложение о его ликвидации в очередной раз было рассмотрено после упразднения Азовского казачьего войска. В 1866 г. командующий войсками Одесского военного округа генерал-адъютант П. Коцебу представил в Военное министерство обоснование необходимости расформирования дунайского казачества, ввиду того, что оно из-за своей малочисленности не может выполнять возложенные на него функции. П. Коцебу разработал проект положения о ликвидации Дунайского (Новороссийского) казачьего войска, который после двухлетних доработок был принят в декабре 1868 г. Согласно этому положению казаки и урядники с их семьями, вдовы и сироты причислялись к сословию крестьян-владельцев. Им в собственность переходили приусадебные участки со зданиями; вся земля войска, которая осталась свободной после наделения офицеров с их семьями и церковных причтов. На войсковых чинов, ставших крестьянами-владельцами, распространялись правила общего положения о крестьянах, утвержденные 19 февраля 1861 г. Штаб- и обер-офицеры войска были исключены из «казацкого звания» и причислены к дворянству Бессарабской области[202]. Военные регалии – два флага и высочайшая грамота – были сданы в церковь станицы Волонтировки «для хранения на вечные времена», а холодное и огнестрельное оружие – в Бендерский артиллерийский арсенал. 1 января 1870 г. войсковое правление ликвидированного Дунайского (Новороссийского) войска объявило о своем окончательном закрытии. Так прекратило существование последнее казачье войско в Северном Причерноморье.

§ 4. Ногайское казачье войско на Молочных Водах

В. В. Грибовский

Репрессивные меры, предпринятые войсками А. В. Суворова летом–осенью 1783 г. против ногайцев, привели к их массовой миграции в Османскую империю и длительной нестабильности на границе на Северо-Западном Кавказе[203]. С целью устранения этой сложной проблемы правительство Екатерины II к исходу российско-турецкой войны 1787–1791 гг. приняло решение коренным образом изменить этническую ситуацию в

[202] ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XLIII. Отд. 1. 1868. СПб., 1873. С. 451–456; Козацтво на Півдні України… С. 218–223, 451–456.

[203] См. § 5 «“Кубанская стража” Османской империи» главы VII настоящего издания.

данном регионе. 24 декабря 1790 г. императрица утвердила предложение Г. А. Потемкина о переселении оставшихся на правобережье Кубани 3 тыс. ногайских семей к р. Молочная (Молочные Воды), что в Северном Приазовье[204]. В июне 1792 г. территорию, ранее занимаемую ногайцами, передали Черноморскому казачьему войску. С этого времени на Молочных Водах формируется специфический анклав, предназначенный для поселения ногайцев, выводимых из пограничных зон.

В Петербурге не имели четкого видения административного статуса этого анклава. Принципиальное же решение в отношении него заключалось в создании в нем льготных условий, ссылаясь на которые можно было призывать находящихся в османских владениях ногайцев к переходу в российское подданство. Это предполагало невмешательство правительства во внутреннее управление и религиозную жизнь ногайцев, освобождение их от всех налогов и повинностей, гарантии для их беспрепятственного кочевания на выделенной территории и сохранения привычного для них быта, традиционного социального устройства и правовых установлений.

После смерти ейского пристава И. Ф. Лешкевича (13 августа 1790 г.) назначения на эту должность больше не производились[205]. Вся полнота управления кочевавшими на правобережье Кубани ногайцами была передана Ногайской экспедиции (канцелярии). В ее состав входило 6 словесных судей, избираемых ногайцами, и несколько российских канцеляристов. Возглавлял экспедицию надворный советник Халил-ага-эфенди, к которому был представлен прапорщик Иван Штукарев для общего надзора[206]. Ранее Халил-ага был официальным представителем власти крымского хана Шагин-Гирея (1777–1783) на Кубани, благополучно пережил ликвидацию Крымского ханства и оставался главой местных ногайцев вплоть до их переселения на Молочные Воды. Он непосредственно руководил ногайцами во время их перехода через р. Дон и расположения на левом берегу р. Молочная. Вскоре после этого он умер и был похоронен возле приазовского ногайского селения Кенегез[207].

28 сентября 1791 г. по распоряжению Г. А. Потемкина ногайским начальником был назначен едисанский мурза Баязет (полное имя в россий-

---

[204] *Сергеев А.* Ногайцы на Молочных водах (1790–1832 гг.) // ИТУАК. Т. 48. Симферополь, 1912. С. 15–16.

[205] *Грибовский В. В.* Ейский пристав И. Ф. Лешкевич // Большой Ромбит: сб. ст. по истории и исторической географии Восточного Приазовья / под ред. Ю. В. Артюхина / Ейское местное отделение Российского общества историков и архивистов. Вып. 2. Ейск, 2015. С. 46–57.

[206] *Сергеев А.* Ногайцы на Молочных водах… С. 15–16, 68.

[207] *Корнис П.* Краткий обзор положения ногайских татар, водворенных в Мелитопольском уезде Таврической губернии // Телескоп, журнал современного просвещения, издаваемый Н. Надеждиным. Т. 33. М., 1836. С. 5. *Жиленков А. В.* первые годы нашего господства в Крыму. Записки // *Кондараки В. Х.* В память столетия Крыма. М., 1883. С. 91.

ских документах: Баязет-бий Султан Мурат-беев). Его назначение, как и полномочия, долго оставались без утверждения специальным правительственным актом[208]. Командир Кавказской линии И. В. Гудович так охарактеризовал Баязет-бия: «он человек честного поведения и во время бывшей у нас с турками войны [1787–1791 гг.] показал совершенную свою России преданность»[209]. Именно это обстоятельство обусловило выбор его кандидатуры. Значительная часть подвластных ему ногайцев не считала его достойным этой должности. Некоторые мурзы полагали себя «родом превосходнее», нежели он[210]. Молва пренебрежительно называла Баязета «сыном простого мурзы, пасшего мирской лошадиный табун»[211]. Однако в российской табели о рангах он, единственный среди приазовских ногайцев, по состоянию на ноябрь 1795 г., имел чин надворного советника[212].

Выбирая место для размещения ногайцев, правительство Екатерины II руководствовалось соображением свести к минимуму возможность их массового переселения в османские владения. Движение на Кубань им преграждало Войско Донское и Черноморское казачье войско. Еще менее возможным был их переход в турецкую Бессарабию через заполненную военными гарнизонами Херсонскую губернию. При таких обстоятельствах приазовские ногайцы могли удалиться за границу только частным образом, поодиночке, получив паспорт и, как правило, за бесценок распродав свое имущество, как это случилось позднее[213].

Отведенная ногайцам территория первоначально входила в состав Таврической области; из ее казенных фондов было отмежевано 285 тыс. десятин «удобной» и 67 776 десятин «неудобной» земли. Эта площадь считалась достаточной для кочевания не только первоначально прибывших 3 тыс. семей, но и позднейших ногайских выходцев из турецких владений[214]. Ногайскую «резервацию» очерчивала линия, шедшая от места впадения р. Берда в Азовское море по его побережью до Молочного лимана, оттуда тянулась по р. Молочная и простиралась до верховья р. Токмак[215]. 5 марта 1799 г. по указу Павла I из фонда отведенной ногайцам земли передали 10 069 десятин (1 279 сажен «удобной» и 1 350 десятин «неудобной») генералу Денисову – «от устья впадающей в Азовское море речки Яланчика или Обиточной вверх по той речке до устья […] Кельтечи или Бердянки, и сею речкою вверх же, а потом поворотя вправо до овражины

---

[208] РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 916. Л. 49 об.–51.
[209] Там же. Л. 41–41 об.
[210] РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 917. Л. 23.
[211] *Варнеке О.* Клясова боротьба серед ногайців на початку XIX ст. // Східній світ (журнал Всеукраїнської асоціації сходознавства). 1930. Вип. 3 (12). С. 159.
[212] ГААРК. Ф. 801. Оп. 1. Д. 58. Л. 1.
[213] *Корнис П.* Краткий обзор положения ногайских татар… С. 11.
[214] РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 916. Л. 60–61 об.
[215] *Скальковский А.* О ногайских колониях в Таврической губернии // Памятная книга Таврической губернии. Вып. 1. Симферополь, 1867. С. 379.

Петровской, ограничивающейся берегом моря с косою Бердынскою в море вышедшею, и берегом морским всю сию дачу окружающим»[216]. В компенсацию ногайцам выделили между речками Еланчик и Келтеча пустошь, предназначенную для французских колонистов, площадью 10 604 десятин. Но Баязет-бий заметил, что она не имеет качеств, нужных для кочевания, и потому просил отмежевать участок, вдвое больший того, что был отведен Денисову. Кроме того, он требовал добавить еще и землю на правом берегу р. Молочная, простиравшуюся до Федотовой косы, включая урочища Балки, Кизляр, Буркут и речку Тащеник. К тому времени ногайцы уже успели расположить на участке, отведенном для французов, 4 аула, а на правом берегу Молочной – еще один аул. Таврическое губернское правление признало требование ногайского начальника справедливым, что и было утверждено в мае 1800 г. Сенатом[217].

В деле расширения ногайских кочевий Баязет-бий проявил необыкновенную сноровку и способность влиять на решения российских чиновников. Таврический гражданский губернатор Д. Б. Мертваго раскрыл секрет его успеха, отметив изобретательность по части взяток и личных услуг влиятельным лицам[218]. Тот же Мертваго заметил, что отведенные ногайцам площади превосходили по своим качествам другие земли Таврической области: «по берегу Азовскаго моря, хотя есть много возвышений и впадин, утучняющаяся земля хлебороднее и сенокос изобильнее, есть также маленькие речки, и чистая вода достается из неглубоких колодцев»[219].

Екатерина II в начале своего правления была решительно настроена на седентаризацию всех подвластных ей номадов[220]. Но со временем ее просвещенческий энтузиазм в этом вопросе заметно угас и она признала нужным обоседлить ногайцев «не иначе, как по добровольному их желанию, убеждая примером кротости и справедливости, наравне с прочими подданными нашими», «дабы они … могли со временем … сделаться из кочеваго неподвижными поселянами»[221]. Кроме политических соображений, этот энтузиазм сдерживали еще и практические трудности, как, например, дефицит строительных материалов в степных губерниях, сложность их доставки[222] и мн. др. Правительство было вынуждено, в первую очередь, направлять ассигнования на поддержку переселенцев из Западной и Центральной Европы, обещавших в скором времени восполнить казен-

---

[216] РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 916. Л. 60.
[217] Там же. Л. 60–61 об.
[218] *Мертваго Д. Б.* Записки. 1760–1824. М., 1867. С. 190.
[219] ОР РНБ. Ф. 609. Д. 10. Л. 309.
[220] РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 916. Л. 52 об.
[221] *Скальковский А.* О ногайских колониях… С. 378. Похожие ее высказывания записал французский дипломат Сегюр, см.: *Сегюр Л.-Ф.* Записка о пребывании в России в царствование Екатерины II // Россия XVIII в. глазами иностранцев / подг. текстов и комм. Ю. А. Лимонова. Л., 1989. С. 440.
[222] РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 916. Л. 52 об.

ные траты выплатой значительных налогов от своего преуспевающего хозяйства. Ожидать же подобного от осевших кочевников не приходилось. В случае их немедленной седентаризации, имперская казна неизбежно должна была выполнять функции страхового фонда на случай неурожая. А вероятность такого у недавно перешедших к оседлой жизни кочевников была гораздо выше, чем у колонистов с развитой агрикультурой.

В первые пять лет своего нахождения в Северном Приазовье ногайцы пользовались административным и налоговым иммунитетом, подобным тому, что был предоставлен иностранным колонистам. Но, в отличие от них, статус ногайцев не имел юридического определения. Ногайцы не находились в компетенции колонистской администрации и в юридическом отношении выглядели как государственные крестьянами с особенными правами[223]. Правительство не вмешивалось в их внутреннее управление, не пыталось изменить их общественное устройство и хозяйственную жизнь. И это служило вполне прагматической цели – как можно больше собрать этих кочевников на своей территории в одном анклаве, дабы они вышли из подданства другого, часто враждебного государства, и не могли совершать набеги и дестабилизировать границы.

К размещенным у р. Молочная ногайцам присоединялись новые выходцы из «неудобных мест». В 1791 г. Баязет-бий отправил на левый берег Кубани своего сына капитана Кокша-бия для приглашения находящихся там единоплеменников «к совместному кочеванию»; и он привел 700 семей[224]. Ногайцам, рассеянным по разным районам Кавказа, могло показаться, что их сородичи на Молочных Водах живут вольготно. Их не тревожили набегами горцы, местные власти не принуждали к податям и повинностям, не требовали немедленного перехода к оседлости и у них было достаточно хорошей земли для полноценного кочевания. В августе 1795 г. правитель Таврической области С. С. Жегулин посетил ногайские кочевья в Приазовье и принял «депутатов, уполномоченных от кочующаго на Кавказской линии народа, орд Едисанской, Едичкулской и Джамбулуцкой», которые просили его о разрешении перейти к р. Молочная. Они вручили губернатору прошение, излагавшее их желание воссоединиться со своими «родственниками, благоденствующими на Молошных Водах», обязуясь при этом переселиться без оказания им помощи со стороны государства и тотчас перейти к оседлости[225]. Жегулин проконсультировался по этому вопросу у П. С. Палласа, авторитетного знатока истории, этнографии и экономики Крыма. Тот согласился с предположением губернатора в том, что поселение ногайцев «на плодородных тамошних степях умножит благосостояние области Таврической, которой и торговля процветет, когда увеличится хлебопашество к отпуску [продуктов] онаго в болшом числе из

---

[223] *Дружинина Е. И.* Южная Украина в 1800–1825 гг. М., 1970. С. 125.
[224] РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 916. Л. 49–49 об.
[225] ГААРК. Ф. 801. Оп. 1. Д. 58. Л. 3, 5 об.

портов таврических». Этот вывод екатеринославский, вознесенский и таврический генерал-губернатор П. А. Зубов 22 октября 1795 г. представил Екатерине II, высказав надежду, что «ногайския орды продажею снятаго хлеба могут наполнить количество, данное заимообразно Севастопольскому флоту, а сверх того столько ж еще продать жителям Тавриды». 27 октября императрица разрешила переселение с Кавказской линии к р. Молочной 1 тыс. ногайцев, а 24 ноября Баязет-бий доложил Жегулину о прибытии с Кавказа 534 джембуйлуковцев и едисанцев[226].

В январе 1794 г. численность населения Молочных Вод была представлена следующим образом:

Орда	муж. пола	жен. пола
Едисанская	3 423	3 121
Едичкульской	534	657
Джембуйлуцкой	1 105	1 050
Всего	5 062	4 828

Заявленное общее количество – 9 890 чел. – примерно соответствовало 3 тыс. семей, первоначально поселенным на Молочных Водах. Прирост населения, даже за счет миграции, здесь не был явным. Во время ревизии 1795 г. были сделаны незначительные уточнения и учтена численность мусульманского духовенства: 135 муж. пола и 128 жен. пола[227]. До 1799 г. население ногайских кочевий в Северном Приазовье выросло до 7 889 лиц муж. пола (женщины не учитывались)[228]. В июне 1801 г. произведен более основательный учет населения, зафиксировавший 3 600 семей, всех же лиц муж. пола – 7 883, без мурз и духовенства[229]. Получается, что за десять лет пребывания ногайцев на Молочных Водах прирост составил всего 600 семей. Это лишь в малой степени оправдывало надежды правительства.

В царствование Павла I произошли резкие изменения в управлении южными регионами империи. В связи с ликвидацией Таврической области и включением ее территории в состав Новороссийской губернии остро встал вопрос о статусе ногайского анклава. По распоряжению Сената от 2 августа 1799 г. Новороссийская казенная палата пересмотрела фискальные сборы с населения Таврической области, упразднила налоговый иммунитет и освобождение от рекрутского набора у некоторых его категорий[230]. Приазовских ногайцев стали переводить на положение казенных поселян[231].

Стремление центральных властей привести социальную структуру ногайцев в соответствие с законодательством империи, натолкнулось на суще-

[226] Там же. Л. 1–1 об., 3–3 об., 7, 9.
[227] *Сергеев А.* Ногайцы на Молочных водах… С. 71.
[228] РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 916, Л. 53.
[229] Там же. Л. 67–67 об.
[230] ГАОО. Ф. 1. Оп. 221. Д. 5. Л. 4–5.
[231] РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 916. Л. 69.

ственные трудности. Особенную юридическую сложность составил вопрос о ногайских мурзах и ясырях, традиционный статус которых не соответствовал правам казенных поселян. Ногайского начальника, как обладателя чина надворного советника, этот вопрос не касался. Но по поводу лично зависимого от Баязет-бия населения выносились противоречивые решения. По ревизии 1795 г. 774 лиц муж. пола и 597 жен. пола были записаны как его крепостные. Основанием для таковой записи было заявление Баязета о том, что они были «еще у предков его вроде подданных, называемых негоры и нагайцы» и что они по «магометанским правам добровольно пожелали остатся за ним, так и за предками его в подданстве». В 1796 г. Таврическая казенная палата запретила переводить их на положение крепостных, принуждать к поборам и работе, «по их нравам следуемым» и предписала их «яко казне принадлежащих, показать казенными»[232]. Три года спустя Перекопский нижний земский суд потребовал от Баязет-бия выплаты за его 774 крепостных 3 397 руб. недоимок, накопившихся за 1797–1798 гг. Дабы избежать платежа, Баязет заявил, что не является их помещиком, что их уже перевели в казенные поселяне и они, как и другие ногайцы его ведомства, отбывают государственные и общественные повинности[233].

Постановление Сената от 15 октября 1800 г. предписало с населения бывшей Таврической области, пользовавшегося 10-летними льготами, взимать налоги и принуждать к повинностям наравне с казенными поселянами. Ногайцев объединили в одну категорию с крымскими татарами, раньше содержавшими военные дивизионы, казенными поселянами бывшего Греческого войска и перекопскими «киргизами», приравненных к казенным поселянам. Отныне они должны были платить налоги, поземельный оклад и поставлять рекрут. 4 декабря того года Сенат издал отдельное распоряжение об определении приазовских ногайцев в казенные поселяне[234].

Резкий унификаторский скачок, по сути, ставил крест на существовании ногайского анклава. Его разделили на волостные правления: Шинбадайское, Тююшковское и Меситское. В 44 ногайских аулах были введены должности сотника и двух десяцких. Баязет-бий сохранил за собой звание начальника ногайских орд и руководство Ногайской экспедицией, где заседали словесные судьи из мурз и почетных стариков. Однако компетенция экспедиции ограничивалась только решением бытовых споров, а наложение штрафов за проступки перешло к волостным правлениям по согласованию с Мариупольским нижним земским судом. Ногайский начальник стал подотчетным мариупольскому исправнику[235].

Изобретательный Баязет-бий во имя спасения своей внезапно растворившейся власти вознамерился представить лично императору Павлу предложение о переводе приазовских ногайцев в казачье сословие. Как повод

[232] Там же. Л. 54–55.
[233] Там же. Л. 54 об.–59.
[234] Там же. Л. 33–33 об.
[235] *Сергеев А*. Ногайцы на Молочных водах… С. 19–20.

для аудиенции он использовал вопрос о переселении к р. Молочной ногайцев, остававшихся в Бессарабии под османской властью. В начале 1801 г. им угрожало вооруженное выступление Пасвант-оглу и Мегмет-Гирей-султана. В поисках защиты, они просили Баязет-бия исходатайствовать принятие их в российское подданство и разрешение кочевать на Молочных Водах. Баязет-бий представил об этом новороссийскому военному губернатору И. И. Михельсону, обещая вывести из Бессарабии «одних хорошово и надежново поведения земледельцы». 9 февраля 1801 г. губернатор письменно представил данный вопрос Павлу I, отметив желание ногайского начальника приехать в Санкт-Петербург для «высочайшей аудиенции». 25 февраля император приказал Михельсону вместе с Баязетом немедленно вступить в переговоры с бессарабскими ногайцами[236]. Того же дня Михельсон рапортовал царю о намерении 100 семей закубанских ногайцев перейти в российское подданство[237]. Однако 11 марта в результате дворцового переворота трон империи занял другой император.

14 марта Михельсон получил указание Александра I остановить исполнение указа от 25 февраля из-за необходимости проведения переговоров с Портой о ногайцах[238]. Губернатор, уже командировавший Баязет-бия к турецкой границе, распорядился задержать его отъезд. Однако Баязет без ведома военного губернатора выехал в г. Новороссийск (Екатеринослав, современный г. Днипро, Украина), получил от бывшего губернатора Николева дорожные документы и спешно отправился в Петербург[239]. Совершив столь дерзкий для административных нравов того времени маневр, он смог добиться аудиенции нового императора и 14 июня представил ему предложение о создании двух казачьих полков из приазовских ногайцев[240].

По всей видимости, подготовка данного предложения началась, как минимум, за полгода до описываемых событий. А. А. Скальковский, к сожалению, без указания источников, писал, что Баязет-бий представил его именно Павлу I в 1801 г.[241] То же утверждение находим и у А. Сергеева[242]. По источникам удается проследить, что еще в 1800 г. ногайцы собрали на проезд Баязет-бия в Петербург 3 500 руб. «для испрошения милости и привилегий»[243]. В том же году он предлагал новороссийскому губернатору упразднить волостные правления в ногайских кочевьях и восстановить власть Ногайской экспедиции[244]. И все же мы не находим в источниках подтверждения того, что Баязет успел донести свой проект до рассмотрения Павла I.

---

[236] РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 916. Л. 11–11 об., 14, 17.
[237] Там же. Л. 13.
[238] Там же. Л. 15.
[239] Там же. Л. 23–23 об., 42 об.
[240] Там же. Л. 45 об.
[241] *Скальковский А*. О ногайских колониях… С. 379–380.
[242] *Сергеев А*. Ногайцы на Молочных водах… С. 19.
[243] РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 917. Л. 20 об., 26–26 об.
[244] *Сергеев А*. Ногайцы на Молочных водах… С. 19.

Все решения о ногайцах Александр I принимал в кратчайшие сроки, ввиду того что ногайский вопрос в отношениях между Россией и Османской империей стоял очень остро. Император быстро утвердил предложение Баязета, согласившись с его аргументами о том, что при Павле I у ногайцев забрали привилегии, дарованные Екатериной II. Баязет-бий удачно сыграл на идеологическом веянии «дней Александровых прекрасного начала», идеализировавшем Екатерину и предававшем забвению Павла. Но и без того, проект Баязета сулил решение старого и запутанного вопроса о правовом положении приазовских ногайцев. В ходе реформирования Войска Донского и Уральского казачьего войска в последней четверти XVIII в. само понятие «казачье войско» было основательно проработано в юридическом отношении. Детализированы обязанности и привилегии сообществ, которым предоставлялся статус, обозначаемый этим понятием. До 1822 г. в Российской империи не существовало юридического определения кочевничества, как и единого подхода к управлению кочевыми обществами[245]. Кроме того, волостные правления в ногайских кочевьях оказались совершенно неэффективными. Волостные служащие могли контролировать ногайцев только в зимнее время: «весною ногайцы в степь покочуют, а голова и писарь должны оставаться не при чем»[246]. По иронии, усиление вертикали давало противоположные результаты. Хрупкие балансы централизации и автономии, выстроенные в конце правления Екатерины II, при Павле I рушились, а на смену им не приходили новые принципы, способные удовлетворить и верховную власть, и периферийные сообщества.

Итак, 14 июня 1801 г. Баязет-бий подал на имя Александра I прошение с изложением своего видения отдельного казачьего войска, составленного из ногайцев. В преамбуле документа говорилось, что ногайцы, «издревле» пребывая под властью предков Баязета (это утверждение, как показано выше, не имело оснований), несли «службу на верховых лошадях и щитались воинском народом». Таким образом, предоставление статуса казачьего войска приазовским ногайцам было представлено в виде разрешения *продолжить* это *свойственное* им занятие.

Основное содержание документа состояло в следующем:

1. Поскольку ногайцы, не имея привилегий иностранных колонистов, были обложены налогами и обязаны рекрутским набором, чего их предки никогда не знали, справедливость требует возвращения их к исходному положению – военной службе, «к каковой они природни имеют свою охоту». Для этого предлагается сформировать подразделение в «тысячу конных человек», на собственных лошадях, со своей амуницией и всем «ко-

---

[245] *Красняков Н. И.* «Учреждение для управления Сибирских губерний» 1822 г. как акт кодификации регионального законодательства // Систематизация законодательства в России (историко-правовые, теоретико-методологические и технико-юридические проблемы). К 175-летию Свода законов Российской империи. Материалы Международного круглого стола (Москва, 18–19 января 2008 г.) / под ред. В. М. Баранова и др. Н. Новгород, 2008. С. 184–1986.

[246] *Сергеев А*. Ногайцы на Молочных водах… С. 19.

зацким орудием». Старшие чины этого формирования назначаются из ногайских мурз «по достоинству старшинства». В военное время провиант и фураж поставляется им от российского правительства, в мирное – ногайские казаки на полном самообеспечении.

2. Ногайцы содержат почтовые станции за счет собственных средств «всегда и во всей исправности».

3. Правительство разрешает всем находящимся за границей ногайцам свободно переходить во владения империи и селиться, по желанию, у р. Молочная.

4. Для умножения скотоводства, составляющего «по их обычаям всю их экономию и иждивение», а также для размещения новопришедших из заграницы, правительство гарантирует выделение для них новых угодий, при условии, «чтобы всредине их земель ничего более, кроме их владений, не было».

5. Ногайская экспедиция находится под руководством исключительно начальника ногайских орд, который имеет всю полноту власти над кочующими на данной территории ногайцами и подчиняется напрямую лишь местному губернатору[247].

В доклад на утверждение императору были включены все предложенные Баязет-бием пункты; в 4-м пункте было сделано уточнение в территории: «отделив от них все прочие владения, выделить им достаточное количество для размножения скотоводства земли»[248]. Именной указ Сенату от 16 июля 1801 г. утвердил все пять пунктов и перевел приазовских ногайцев в подчинение Военной коллегии[249]. Баязет-бий получил в награду титул коллежского советника; Сенат оповестил новороссийского губернатора о высочайшем утверждении предложения ногайского начальника, рекомендовал ему проявлять к Баязету «особенное благоволение» и следить за тем, чтобы «кочующие ногайцы в полной мере пользовались всемилостивейше дарованными им означенными высочайшим указом преимуществами, и чтоб со стороны земской полиции не было на них возлагаемо никаких поборов и повинностей, кроме означенных в помянутом указе»[250].

Таким образом, указ Александра I от 16 июля 1801 г. впервые определил юридический статус приазовских ногайцев и отрегулировал механизм их подчинения региональным и центральным властям империи. С этого момента Баязет-бий был уже не просто обладатель должности с расплывчатым названием «начальник ногайских орд», а официальным руководителем автономного образования в составе Российской империи – Ногайского казачьего войска (далее – НКВ). Это образование включалось в выработанную ранее систему управления подобными автономиями, на внутреннее управление которыми было невозможно распространить действие законодательства им-

[247] РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 916. Л. 44–45 об.
[248] Там же. Л. 67 об.–68.
[249] Там же. Л. 70.
[250] Там же. Л. 74–74 об.

перии. До лета 1804 г. в Петербурге узнавали о том, что происходит в междуречье Молочной и Берды, исключительно из рапортов Баязет-бия.

В декабре 1801 г. Баязет заявил, что одна тысяча ногайских казаков уже обеспечена лошадьми и «обыкновенным одеянием без военных на то зборов». Он также сообщил о намерении закупить оружие по умеренным ценам в Войске Донском, для чего ногайцы собирают нужную сумму. Контроль за формированием казачьих отрядов из ногайцев возлагался на новороссийского военного губернатора Михельсона[251]. Последний 13 января 1802 г. изложил таврическому гражданскому губернатору свое видение исполнения указа от 16 июля: «все попечение и распоряжение Баязет бея должно состоять в том единственно, чтобы оные люди были снабдены, как в том же указе повелено: лошадьми, одеянием, и всем козачьим орудием». Конечной целью названа готовность ногайских всадников выступить в поход по первому приказу; в мирное время ногайцы продолжают жить как обычные кочевники, исполняя назначенные им повинности. За образец организации казачьей службы военный губернатор брал Войско Донское[252].

Порядок управления Войском Донским, выработанный в результате неоднократных реформ, в начале XIX в. служил образцом для всех иррегулярных военных формирований Российской империи. По этому образцу по указу Александра I от 13 ноября 1802 г. производилась реформа Черноморского казачьего войска[253]. Создание НКВ происходило одновременно с этой реформой и не могло не находиться под воздействием общих принципов.

Обратим внимание на то, что в указе от 16 июля 1801 г. не было формулировки «казачье войско», а употреблялись размытые словосочетания: «конная служба» и «тысяча конных человек». Однако этот указ санкционировал передачу приазовских ногайцев в ведение Казачьей экспедиции Военной коллегии, документация которой в период с 5 октября 1802 по 17 июля 1805 гг. отразила официальное существование отдельной ногайской казачьей единицы[254]. О «ногайском войске» шла речь и в других правительственных документах[255].

В начале осени 1802 г. Михельсон предложил Александру I образовать из 1 тыс. ногайцев два полка, поставить во главе каждого полкового командира штаб-офицерского ранга с подчиненными ему полковым квартирмейстером и полковым писарем. Каждый полк должен состоять из 5 сотен, возглавляемых полковыми есаулами. После него по порядку старшинства идут есаул, сотник и хорунжий; полковой командир имеет право назначать рядовых казаков в пятидесятники и урядники. 5 октября

---

[251] Там же. Л. 75–75 об.
[252] Там же. Л. 78–78 об.
[253] *Фролов Б. Е.* Реформа строевого состава Черноморского казачьего войска в начале XIX века // Вопросы регионоведения. Вып. 1. Краснодар, 2002. С. 34–39.
[254] РГВИА. Ф. 13. Оп. 2. Св. 173. Ч. 1. Л. 210–260 об.
[255] РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 917. Л. 163–165.

1802 г. император утвердил это предложение[256]. 27 октября военный губернатор поручил Баязет-бию огласить ногайцам перечень лиц, получивших сотенные чины. В список сотенных командиров были внесены имена мурз, «пожелавших» служить в казачьем войске. Чины полковых командиров, по наставлению губернатора, должно предоставлять лицам, имевшим военные способности и опыт; утверждение этих лиц составляло прерогативу императора. Во время военного похода предусмотрено денежное довольствие для полковых командиров и чинов, для нижних чинов – провиант и фураж за счет казны. Обмундирование, лошади и вооружение офицеров и нижних чинов приобретаются за их собственные средства – «во всем по примеру Войска Донского»[257].

Мобилизацию, комплектование и обеспечение конных полков было предусмотрено производить по следующему принципу: четыре ногайские семьи выбирают и снаряжают одного казака. Деньги на оружие и одежду установленного образца собирали со всего ногайского общества. На вооружение и обмундирование первых 200 казаков собрали по 40 руб. с каждой ногайской семьи, в общей сумме – 8 тыс. руб. На других 800 казаков взимали деньги только на вооружение – по 20 руб. с семьи, в итоге – около 16 тыс. руб. Те же четыре семьи предоставляли одного коня для нужд войска; всего было собрано 800 лошадей, для обеспечения фуражом которых производились отдельные сборы[258].

Баязет-бий закупил ружья не в Войске Донском, как было изначально предусмотрено, а у тульского мастера Андрея Вешникова. С ним ногайский начальник заключил контракт об изготовлении 1000 ружей и сабель, 800 пик, 500 пар пистолетов. Оружие, как прописано в контракте, должно быть «самой лучшей работы, с пробами внутренними и наружными, по данным образцам, то есть прибавить в ружье длины вершок». Общая сумма заказа составляла 2 925 руб.[259] Впоследствии же оказалось, что в 1803 г. ногайские казаки были обеспечены оружием и амуницией не лучшего качества, имевшими реальную цену в 2–3 меньше той, которую показал Баязет-бий, а сумма, собранная с ногайцев, в 5–6 раз превышала ту, что реально шла по целевому назначению[260].

Набор казаков производили несколько раз. Сначала в казаки записали зажиточных ногайцев. Баязет-бий взял с них деньги и распустил по домам, а на их место набрал простых кочевников[261]. Не исключено, что зажиточные кочевники откупились от казачьей службы, лишенной для них всякого

---

[256] *Сергеев А.* Ногайцы на Молочных водах… С. 75–76. В литературе этот указ упоминается как акт, положивший начало «ногайским конным полкам», см.: Казачьи войска. Хроника. Репр. изд. Б. м., 1992. С. 34.

[257] *Сергеев А.* Ногайцы на Молочных водах… С. 75, 77.

[258] РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 916. Л. 20 об.–24.

[259] *Сергеев А.* Ногайцы на Молочных водах… С. 84.

[260] РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 917. Л. 205–207 об., 21; *Сергеев А.* Ногайцы на Молочных водах… С. 85.

[261] *Варнеке О.* Клясова боротьба серед ногайців… С. 159.

смысла. Во время инспектирования ногайских кочевий в июле 1804 г. таврический вице-губернатор А.И. Шостак заключил: «по сие время и половинной части способных на службу еще не набрано, да и набрать тысячу человек не возможно»; «я не видел ни одного козака, кроме нескольких офицеров, коих поведения одобрить нельзя»[262]. Все мероприятия по созданию НКВ свелись к сбору средств на оружие и обмундирование, закупке и выдаче оружия и предоставление офицерских чинов ногайским мурзам. В 1805 г. удостоверено, что все ногайские казаки были обеспечены оружием, но оно никак не использовалось и после расформирования ногайских полков принималось российскими чиновниками в полуиспорченном виде[263]. Не исключено, что в таком виде оно поступило на Молочные Воды.

Но все же около двух сотен ногайцев действительно были исправно вооружены и готовы к службе, только не государственной, а персональной – службе Баязет-бию. Это были те самые «негоры и ногайцы», которых ногайский начальник по ревизии 1795 г. записал как своих крепостных. Лишь в отношении этой группы можно согласиться с выводом А. В. Варнеке о том, что в лице ногайских казаков Баязет-бий «получил вооруженную силу, опираясь на которую он становился фактически самовластным правителем ногайцев»[264].

Наибольшую заинтересованность в укреплении власти Баязет-бия проявляли мурзы Едисанской орды, приходившиеся ему родственниками. Для едисанских мурз служба в конных полках позволяла закрепить свой социальный статус и получить российское дворянство. Едисанец Баязет-бий Султан Мурат-беев исходатайствовал должность полкового есаула для своего родственника едисанца Давлет-мурзы Мамбетова сына Мурат-беева, якобы принадлежавшего к мурзам «бийского поколения»; по указу от 7 августа 1801 г. он получил чин коллежского регистратора[265]. Сын Баязета, Кокша-бий, еще в 1791 г. получил чин капитана[266]. К «бийскому поколению» принадлежал и полковой есаул Смаил-мурза Султан Мурат-беев – также едисанец, на момент упоминания еще не имевший дворянского звания. Едисанцы Джиенгияз Ниязов и Мустафа Челибий Джиенальский получили чины коллежских регистраторов и претендовали на должности сотников[267]. Особенным доверием Баязет-бия пользовался титулярный советник Татаринов, «сочинявший все бумаги» ногайскому начальнику и сопровождавший его во всех важных случаях; он надеялся занять должность командира одного из полков[268]. На другие войсковые должности

[262] РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 917. Л. 45–45 об.
[263] *Сергеев А.* Ногайцы на Молочных водах… С. 85.
[264] *Варнеке О.* Клясова боротьба серед ногайців… С. 159.
[265] РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 916. Л. 35; *Сергеев А.* Ногайцы на Молочных водах… С. 77.
[266] РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 916. Л. 49.
[267] *Сергеев А.* Ногайцы на Молочных водах… С. 77.
[268] РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 916. Л. 47 об.

претендовало еще 26 мурз, возраст которых колебался от 25 до 40 лет[269]. По замечанию херсонского военного губернатора А. Г. Розенберга, «Баязет-бей, желая удержаться при своей власти, конечно, не упустил воспользоваться случаем в утверждении, по крайней мере, приверженных себе, чтоб оставались при козацком их состоянии»[270]. Такими приверженцами были юз-баши (десяцкие), представлявшие власть бия в каждом ауле, а также некоторые «старики», муллы и кадии.

Хотя Баязет-бий и был российским дворянином с чином коллежского советника и рангом армейского полковника, в повседневной жизни он вел себя как традиционный правитель кочевников: всегда выезжал в сопровождении большой свиты и требовал от подвластных ему знаков нижайшей покорности. Он не знал русского языка и общался с российскими сановниками только через переводчика. Англичанка Мария Гатри в 1795 г. писала: «глава ногайцев Beyazet-Beg, т. е. князь (prince) Beyazet, живет так, как и его скифские предки, по большей части употребляя молоко и приготовленный из него кумыс, составлявший еду, вино и крепкий напиток (brandy) татар, с мясом овец; одевается на простой манер кочевников пустыни»[271]. Однако он, принимая в гости западноевропейских путешественников, пытался угостить их по «европейскому вкусу». Специально для этого он держал поваров, которые, как ему казалось, умели готовить французские блюда. Отведавший их итальянец, свидетельство которого М. Гатри записала, жаловался на острое расстройство желудка[272].

Зато Баязету лучше удавалось имитировать «европейский порядок» в своих кочевьях перед российскими чиновниками, так же, как и убеждать их в том, что ногайцы вот-вот станут образцовыми земледельцами. Будучи в Москве в 1803 г., Баязет-бий взял к себе на Молочные Воды Марфу Францеву, дочь умершего статского советника Алфера Франца – как он утверждал, «по ея согласию и с ведома начальства […] единственно для устройства и заведения в доме […] европейского порядка»[273]. Как выяснилось, она стала женою Баязет-бия и приняла ислам. Для услужения супруге Баязет купил 4 крепостные девки, которые также перешли в ислам. Очевидно, о них шла речь в насторожившем правительство сообщении о том, что некоторые христиане, «оставя свои закон, проживают как в доме его […], так и в ауле Единохте, под татарскими наименованиями»[274]. Имитация все же имела свои пределы.

До того времени, как вскрылась нелицеприятная подноготная «европейскости» Баязета, его поведение вполне устраивало и губернское начальство, и правительство империи, хотевших видеть в нем образцового

---

[269] *Сергеев А.* Ногайцы на Молочных водах… С. 77.
[270] РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 917. Л. 51 об.
[271] *Gutrie M.* A tour, performed in the years 1795–1796, throw the Taurida, or Crimea … and all other countries on the North Shore of the Euxine, ceded to the Russia by the Peace of Kainargi and Jassy. London, 1802. P. 48.
[272] Там же.
[273] РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 917. Л. 35.
[274] РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 917. Л. 37.

главу «инородцев», который наставляет своих подопечных на «путь просвещения». Незнание русского языка нисколько не мешало Баязет-бию ловить настроения имперской бюрократии, находить самые вычурные способы воздействия на чиновников и получать от того максимальную пользу для себя. Таврический губернатор Д. Б. Мертваго характеризовал его: «плут […], всех начальников подарками, подлостями и всем чем можно улещавший»[275]. Виртуозное взяточничество, лесть и, главное, точное понимание и мастерская имитация того, чего хотело от него правительство, очень пригодились ему в обретении царских милостей. Важным покровителем Баязет-бия был херсонский военный губернатор А. Г. Розенберг, всячески противодействовавший расследованию его злоупотреблений.

Своеобразной «парадной вывеской» ногайских кочевий на Молочных Водах стала резиденция Баязет-бия – аул Единохта. Здесь ногайский начальник встречал губернаторов и других должностных лиц, демонстрируя им свое заведение «европейского порядка» и стремление ногайцев к оседлости. М. Гатри записала, что Beyazet Beg «жил в небольшом глиняном местечке […] при озере и реке Bolotchik»[276] (т. е. р. Молочная и Молочный лиман). Здесь находилась Ногайская экспедиция, в которой служили письмоводитель, подканцелярист, ногайский писарь и переводчик; в работе этого органа управления принимали участие представители, «избираемые» ногайцами.

Единохте «принадлежало» три аула, состоящих из тех самых «негоров и ногайцев». Формально они, как и все приазовские ногайцы, числились казаками, однако летом 1804 г. они все еще считали себя «собственностью» Баязет-бия. В ходе правительственной проверки, решившей судьбу ногайского казачества, жители этих аулов с бóльшим упрямством, нежели другие ногайцы, высказывали «желание» оставаться казаками, хотя, как было замечено инспекторами, «не из усердия к службе, но единственно по приверженности к Баязет-бею»[277]. По всей видимости, именно из населения этих аулов (774 мужчин) был сформирован двухсотенный отряд, охранявший Баязет-бия и державший в страхе остальных ногайцев.

В Единохте, как можно догадаться по непрямым свидетельствам, поселилась и часть ногайской знати, которая отошла от кочевания и пыталась подражать быту провинциальных российских помещиков. Комфорт обеспеченной жизни главных мурз достигался за счет разных податей и поборов, взимавшихся с простых кочевников, впрочем – неравномерно. Наибольшие тяготы выпали на долю едичкульских ногайцев. Баязет-бий ежегодно брал с каждого хозяина десятую часть с урожая хлеба, одну овцу от сорока, со стада крупного рогатого скота – от одной до трех голов (в зависимости от его величины), а также сороковую часть от продажи любого товара. На курбан-байрам, когда ногайцы, по традиции, резали овец и отдавали овечьи шкуры муллам, Баязет присвоил эти шкуры на сумму, как свидетельствовали едич-

[275] *Мертваго Д. Б.* Записки… С. 190.
[276] *Gutrie M.* A tour, performed in the years 1795–1796… P. 48.
[277] РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 917. Л. 43 об., 44 об.

кульцы, до 1 500 руб.[278] По случаю приезда его дочери в гости, ногайцы были вынуждены давать в подарок разных видов скота на 1 250 руб.[279] Что примечательно, едисанцы и джембуйлуковцы утверждали, что у них не было таких поборов[280], хотя они исправно отдавали деньги на обеспечение конных полков. Этими деньгами Баязет-бий распоряжался без всякого учета и отчета, а также бесконтрольно использовал другие общественные средства, получаемые с рыбной ловли, аренды земли и др.

Итак, под видом казачьего войска Баязет-бий обустраивал свой бейлык, в котором едичкульские ногайцы оказались в угнетенном положении. Конечно, ни о каком «бийском поколении», к которому Баязет причислил себя и своих родственников, не может быть и речи, поскольку прямые предки бия Эдиге, как известно, исчезли еще в XVII в. Налагаемые Баязетом подати и повинности его подвластные не могли считать законными. Присвоение звания «бий» Баязетом в глазах большинства ногайцев выглядело сомнительным. «Восстановление» этого давнего ногайского титула во многом случилось благодаря российским властям, которые экстраполировали собственную династийно-иерархическую систему на подчиненные им «инородческие» общества, пытались структурировать их по принципам собственного структурирования. Это *насилие над традицией* – пусть угасшей и уже смутно представляемой, но все-таки священной, – не могло не волновать ногайцев. Укрепление власти Баязета от имени российской монархии вызывало еще большее неудовольствие, чем физическое насилие, взимание податей и присваивание общественных денег. Все это воспринималось как произвол самозванца, а не просто произвол.

Но в глазах российских чиновников, тогда уже имевших четкое понятие об административной норме и ее нарушении, это не выглядело как некая коррупция, а воспринималось как внутреннее дело «инородцев», «по их нравам следующее», вмешательство в которую могло привести к нежелательным последствиям. Власти империи были согласны смотреть сквозь пальцы на все злоупотребления ногайского начальника до того момента, пока они не вызовут волнений его подчиненных.

Первое большое неповиновение ногайцев произошло в 1797 г. 12 февраля того же года Баязет-бий сообщил екатеринославскому губернатору Н. М. Бердяеву о том, что едичкульцы вышли из-под контроля. Со своей стороны, едичкульцы подали Бердяеву жалобу на Баязета, обвиняя его во взыскании незаконных податей на 45 тыс. руб. По результатам расследования, Баязет согласился вернуть едичкульцам 6 тыс. руб., но затем отказался. Когда же едичкульцы стали роптать, Баязет обвинил их в поднятии бунта и убедил Бердяева направить три полка донских казаков для их усмирения[281]. Едичкульские мурзы 6 июля просили правителя Таврической

[278] Там же. Л. 26 об.
[279] Там же. Л. 21–21 об.
[280] *Сергеев А.* Ногайцы на Молочных водах… С. 27–28.
[281] *Варнеке О.* Клясова боротьба серед ногайців… С. 160.

области графа М. В. Каховского запретить Баязет-бию взимать с них незаконные поборы, принуждать к повинностям и наказывать по произволу. Выяснив, что никакого бунта нет, а Баязет излишествует в злоупотреблениях, Каховский остановил донские полки[282]. Едичкульцы тогда заявили, что «с радостию готовы […] платить подати, какия только от […] императарскаго величества повелено им будет»[283]. Эти события и послужили поводом для перевода ногайцев в казенные поселяне. Но после учреждения НКВ едичкульцы снова оказались в полной власти Баязета.

В 1803 г. едичкульцы снова выступили против него; на этот раз их поддержали джембуйлуковцы. Поводом послужило требование предоставить для николаевского военного губернатора и инспектора Крымской инспекции С. А. Беклешова. 17 августа едичкульцы избили юзбашей, отправленных Баязетом для пригона лошадей. Отряд во главе с едичкульским Кара-мурзой, окружил Баязета и его приспешников и заявил, что ногайцы больше не признают его своим начальником. Беклешов вызвал команду донских казаков и 20 августа вынудил представителей всех трех орд дать расписку о примирении с Баязет-бием и отказе от всех жалоб на него[284]. Но и после того ногайцы продолжали жаловаться на своего начальника и даже дошли до обвинения его в государственной измене[285]. Жалобщиков Баязет подверг заключению и, всякий раз выезжая из Единохты, возил с собою[286]. Одна из таких жалоб попала к таврическому гражданскому губернатору Д. Б. Мертваго[287], который начал расследование, чем вызвал негодование херсонского военного губернатора Розенберга. Мертваго довел до ведома Александра I злоупотребления Баязета, и император поручил Розенбергу «войти в разсмотрение» данного вопроса. Но Розенберг, как писал Мертваго в своих мемуарах, «до подарков лакомый, был знаком с Баязет-беем» и потому всячески препятствовал следствию[288].

Однако дело зашло уже слишком далеко. Слухи о злоупотреблениях Баязет-бия быстро распространялись среди других групп ногайцев, разрушая миф о благоденствии на Молочных Водах[289]. В Петербурге зрело мнение о том, что размещение новых ногайских переселенцев в старой «резервации» может привести к осложнению ситуации на границах. Инструмент, который российское правительство использовало на кавказском и причерноморском направлениях, утратил эффективность. Уже не было нужды содержать приазовских ногайцев на особом положении и медлить с их седентаризацией.

---

[282] РГИА. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 156. Л. 2 об.–3 об.
[283] Там же. Л. 4 об.–5.
[284] *Варнеке О.* Клясова боротьба серед ногайців… С. 160–162.
[285] *Сергеев А.* Ногайцы на Молочных водах… С. 24.
[286] РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 917. Л. 38 об.–39.
[287] Там же. Л. 14.
[288] *Мертваго Д. Б.* Записки… С. 190.
[289] См. § 6 «Инфильтрация ногайцев в состав Черноморского казачьего войска» главы V настоящего издания.

Почуяв изменение взглядов в Петербурге, Розенберг решил перехватить у Мертваго инициативу расследования злоупотреблений Баязет-бия. 1 апреля 1804 г. он письменно изложил министру внутренних дел В. П. Кочубею свое заключение о целесообразности дальнейшего существования НКВ: «наряд из нагайцов двух полков зависит единственно от произволу началника их […] Беазет Бея»; ногайцы имеют «природную наклонность к хлебопашеству[…]. Напротиву того нельзя ожидать по козачей их службе желаемых польз». Этим он обосновывал предложение расформировать полки ногайских казаков, назначить в Ногайскую экспедицию российского чиновника и подчинить его Таврическому губернскому правлению[290]. 16 апреля 1804 г. Александр I утвердил это предложение и определил следующую последовательность действий. 1) Баязет-бия вызвать в Херсон под «благовидным предлогом»; в его отсутствие таврический гражданский губернатор должен выяснить: желают ли ногайцы оставаться казаками или «быть обращенными в первобытное их состояние хлебопашцев». 2) В случае, если ногайцы изъявят желание стать «хлебопашцами», немедленно устранить Баязет-бия от влияния на них, однако оставить за ним право выбора: остаться жить «в ордах» или же, как простому помещику, поселиться в другом месте. 3) До того времени, как будет подготовлено «прочное уложение» о приазовских ногайцах, херсонский военный или таврический гражданский губернаторы назначают «в селение их [Единохту] благонадежнаго чиновника», подчиненного губернскому правительству. Но власть этого чиновника не распространяется на внутреннее управление и суд приазовских ногайцев. Требование перехода ногайцев к оседлости теперь уже приняло категорическую форму[291].

Но и Мертваго, с подачи которого все это пришло в движение, не желал упускать инициативу. Выполняя императорский рескрипт, он 30 мая 1804 г. направил на Молочные Воды инспекцию во главе с предводителем дворянства Днепровского уезда Нестроевым. Баязет-бий, как выяснил Нестроев, приказал своим подвластным «ничего не открывать, о чем бы мы ни спрашивали; да и нарочно от его по аулам были поразосланы с таковым же подтверждением и для наблюдения, дабы кто чего не открыл»[292]. 1 июня жители едисанского аула Первый Кислик говорили, что довольны управлением своего начальника; то же сказали и едисанцы аула Оймаут. А на следующий день заявили, что вчерашние их показания дали под давлением, «ибо единомышленник Баязитбея, оймаутский юзбаша Алчик […], приказал им говорить на сторону Баязитбея». Ночью Алчик уехал в Единохту, и ногайцы могли теперь высказываться свободно о том, что они крайне измучены повинностями, связанными с обеспечением конных полков, и что для них предпочтительнее быть на положении крымских татар, которые освобождены от рекрутских наборов и государственных налогов,

[290] РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 917. Л. 1–1 б.
[291] Там же. Л. 10–12 об.
[292] Там же. Л. 20 об.

а отбывают только гражданские повинности. То же заявили и жители нескольких других едисанских аулов. Однако другая часть едисанцев и все джембуйлуковцы устранились от дачи показаний и отказались подписывать какие бы то ни было бумаги. А вот представители Едичкульськой орды организовано собрались для встречи инспекторов, подробно рассказали о злоупотреблениях Баязет-бия и заявили о своем категорическом нежелании быть под его руководством и на положении казаков[293].

Действия Мертваго вызвали негодования Розенберга. 18 июля он предупредил Мертваго, «чтоб до времяни окончания дела о нагайцах скромнее по другим делам действовать». Того дня Розенберг отправил министру внутренних дел сообщение о том, что Баязет-бий уже отозван в Херсон, а на Молочные Воды для проведения расследования командирован таврический вице-губернатор А. И. Шостак, которому поручено ведение инспекции, вместо самоуправного губернатора Мертваго. Шостаку удалось собрать подписи ногайцев 41 аула, которые высказались за то, чтобы «быть попрежнему земледельцами», за исключением жителей Единохты, которые все еще оставались верными Баязет-бию[294]. Но и Мертваго не бездействовал. Пользуясь отсутствием Баязета в Единохте, он отправил Марфу Францеву к екатеринославскому архиепископу для покаяния в своем отступничестве[295]. 5 сентября Розенберг снова писал Кочубею о том, что Мертваго своим грубым вмешательством в дело, не ему порученное, может спровоцировать волнения в ногайских ордах, и обвинил его в принуждении кочевников давать показания. Покровительствуемый Розенбергом, Баязет-бий подал жалобу на Мертваго за притеснения и грубое обращение с ногайцами[296]. Вскоре херсонский военный губернатор приехал в Симферополь для выяснения отношений с таврическим гражданским губернатором. «Встреча наша была настоящая баталия словесная», – писал в своих мемуарах Мертваго[297]. «Открылось, что он взял на себя исполнение о преобразовании ногайцов без всякого сношения со мною […], как и по другим делам привык он сам собою распоряжать», – жаловался в Петербург Розенберг[298].

В Петербурге умело использовали конкуренцию между двумя губернаторами, получив возможность взвесить альтернативные проекты, которые они вырабатывали для решения одного вопроса. Оба проекта, при всех разногласиях, сходились в одном: существование НКВ не поддерживается большинством приазовских ногайцев, обостряет их внутренние конфликты и уже не может служить приманкой для тех, кто еще находится в османских владениях. От этого казачьего войска нельзя было ожидать той пользы, которую империя получала от других пограничных обществ, наделенных тем же статусом.

---

[293] Там же. Л. 24–24 об., 25 об.–26, 26–26 об.
[294] Там же. Л. 44 об.
[295] Там же. Л. 33–37.
[296] Там же. Л. 50–51 об.
[297] *Мертваго Д. Б.* Записки… С. 191.
[298] РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 917. Л. 52 об.

В марте 1805 г. Александр I получил обстоятельный вывод Комитета министров о ситуации на Молочных Водах. В его заключении говорилось: «представление о обращении их в козачье звание сделано было Баязет-беем не вследствие желания их, но из собственных видов, основанных на честолюбии, или выгодах его»; «войско ногайское не только никогда не было на службе, но что и самое образование его не существовало: ибо хотя […] назначены были офицеры и куплено оружие, но два пятисотные полки, кои предполагалось из них устроить, никогда не были сформированы, и ногайцы оставались совершенно в прежнем их положении»[299]. В общем обзоре иррегулярных формирований на юго-западе империи, обосновывалась нецелесообразность существования НКВ: «При многочисленном в Полуденном Крае сем иррегулярном войске, из донских, черноморских и бугских козаков составленном, и Таврию, так сказать, окружающем, трудно согласиться, чтоб умножение таковаго войска могло быть там нужно. Конечно, милиция сего роду полезна некоторым образом быть бы могла при границах, а наипаче со стороны турок или других азиатских народов; но милиция, составленная из людей магометанскаго закона, какую представить может уверенность, коль скоро действия ея обращены быть должны протии единоверцов. На других же пунктах границ империи какой пользы от службы нагайцов ожидать можно, когда кроме отдаленности оных от места кочевья их, известно, сколько тихия свойства, татар сих отличаются, противны всякому устранению от обыкновеннаго образа их жизни, и когда с достоверностию полагать можно, что при назначении их на таковую службу, они более бы в тягость [были]»[300].

Пока в Петербурге вырабатывали решение, у приазовских ногайцев начались новые волнения. Заявляя губернским инспекторам о своем желании вернуться в «первобытное земледельческое состояние», они, очевидно, понимали его как статус казенных крестьян, которые платят фиксированные налоги и отбывают четко прописанные повинности, но при этом не обязаны заниматься земледелием. Ногайские кочевники и российские чиновники вкладывали разное понимание в одни и те же формулировки, что осложнялось еще и проблемой адекватного перевода с русского языка на ногайский, и наоборот. При такой ситуации оставалось большое пространство для подмены понятий, манипуляций, а то и грубого обмана. Когда ногайцы выяснили, что за малопонятными для них бюрократическими словосочетаниями стоит намерение правительства привести их к оседлой жизни, то Баязет-бий показался им меньшим злом, в сравнении с этим намерением. В октябре 1804 г. они стали за бесценок продавать свое имущество и брать паспорта для выезда в Турцию. Считая возбудителем этого движения Баязет-бия (наверное, не без оснований), Розенберг задержал его в Херсоне, а на его место 18 ноября 1804 г. направил полковника Тревогина с приказом изъять оружие у ногайцев. Сдаваемое ими оружие оказыва-

[299] Там же. Л. 163–165.
[300] Там же. Л. 165 об.–166.

лось в испорченном состоянии, «некоторые пистолеты и ружья сломаны и ржавиною переедены»[301].

7 октября 1804 г. Баязет-бий подал прошение об отставке, ссылаясь на «старость лет» и «частые болезненные припадки». О своих подначальных он отозвался как о «людях, чуждых благонравия», уверяя в «издревле вкорененной в них строптивости к начальству своему непослушания». В доказательство этого он привел «произшедший в 1783-м году между ими бунт, когда многие, зделавшие неверность российскаго подданства присягу нарушили … бегством к черкесам за границу». Баязет просил позволения поселиться у своих родственников, которые жили в г. Черкасск, на территории Войска Донского, «с определением мне соответственного званию моему пропитания»[302]. Только 18 марта 1806 г., ему разрешили продать свою недвижимость и выехать подальше от Молочных Вод[303]. Но его отъезд снова был отложен из-за необходимости дальнейшего расследования.

13 марта 1805 г. Александр I подписал разработанное Комитетом министров положение о новом порядке управления ногайцами на Молочных Водах[304]. Этот акт упразднил Ногайское казачье войско и ввел должность пристава ногайских орд, подотчетного таврическому гражданскому губернатору. Была предусмотрена передача знамен, пожалованных ногайским полкам от императора, а также ружей, пистолетов и сабель, закупленных ногайцами, в Крюковскую комиссию Херсонского комиссариатского депо. Деньги, потраченные ногайцами на покупку оружия, подлежали возвращению за счет казенных средств в сумме, определенной оценкой его состояния[305].

Следствие над Баязет-бием длилось до осени 1805 г. В августе того года Мертваго посетил ногайские кочевья и, «разсматривая дела бывшей ногайской експедиции, не нашол […] никаких следов к сочтению приходов и расходов денежных». О результатах работы он доложил министру внутренних дел В. П. Кочубею 11 ноября 1805 г. Полковник Тревогин, определенный на должность ногайского пристава, и губернский асессор Яценков допросили Баязет-бия. Тот отрицал обвинения в присвоении государственных и общественных денег, выдвинутые против него ногайцами. Из 12 тыс. руб. займа, данного казной ногайцам, более 9 тыс. оказалось в его руках. Он пояснил, что издержал эти деньги во время поездки в Санкт-Петербург для получения «царских милостей», с разрешения ногайского общества и для их же блага. Ногайские представители – «от каждаго аула по два человека из почтеннейших с доверенностями ногайцов» – подтвердили, что эти деньги действительно были использованы на общественные нужды, и дали письменное обязательство вернуть их казне. После этого Мертваго отпустил Баязета на Дон и запретил его принимать на Молочных Водах[306]. Из 30 «чинов-

[301] *Сергеев А*. Ногайцы на Молочных водах… С. 24, 82–83, 85.
[302] РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 917. Л. 91 об.–92.
[303] *Сергеев А*. Ногайцы на Молочных водах… С. 90.
[304] РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 917. Л. 176–188 об.
[305] Там же. Л. 174–174 об.
[306] Там же. Л. 200 об.–202 об.

ников ногайских», старшин НКВ, лишь один полковой есаул Девлет-мурза Салтанмурат изъявил желание вместе с Баязет-бием поселиться в Войске Донском. Мертваго поручил Тревогину надзирать за мурзами, «дабы [они] жили спокойно, и ногайцов непринадлежащим образом не отягощали»[307].

В Войске Донском коллежский советник Баязет-бий занял не самое последнее место. 11 марта 1808 г. он упомянут как житель г. Черкасск, которым Донская войсковая канцелярия интересовалась в связи с мелкими уголовными и административными проступками других лиц[308]. 31 декабря 1811 г. по произведенной в Войске Донском ревизской сказке (переписи) у Баязета оказалось 20 крестьян (учтены только лица мужского пола), находящиеся «при месте жительства на речке Зарье»[309]. Весьма вероятно, что это была часть тех самых единохтинских «негоров и ногайцев», последовавшая за своим господином. 23 июля 1812 г., по случаю войны с Францией, Баязет-бий получил приказ атамана М. И. Платова о подготовке к военному походу «состоящих в ведении его пришедших сюда с Молочных Вод и причисленных к Войску татар»[310]. Таким образом, небольшой ногайский анклав с Баязет-бием во главе некоторое время существовал и в Войске Донском. По нарративным данным, последние годы своей жизни Баязет провел в поселении у «речки Колгош» (не идентифицированной), где и умер в 1824 г.[311] Этим исчерпываются наши сведения о последнем «бие» приазовских ногайцев, который под видом казачьего войска безуспешно пытался обустроить собственный бейлык.

Противник Баязет-бия, Кара-мурза, еще долго оставался главным мурзою Едичкульской орды. В 1822 г. он упомянут как титулярный советник, живущий в ауле Айтамгалы при р. Кильтеча, владелец двух водяных мельниц и большого хозяйства[312]. О силе его влияния можно судить по тому, что и в середине XIX в. немецкие колонисты называли аул Айтамгалы не иначе как Кара-Мурза[313].

Итак, непродолжительное существование Ногайского казачьего войска не имело никакого военного значения. Но оно являлось исключительно важным случаем выдерживания гибкого баланса между централизацией и автономией на периферии Российской империи. Когда централизация оказывалась неэффективной (безуспешное введение волостных правлений в ногайских кочевьях в 1799 г.), вступала в действие автономия – в объемах, не угрожавших территориальной целостности империи и позволявших осуществ-

---

[307] Там же. Л. 205.

[308] ГАРО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 425. Л. 254, 302–302 об., 884 об.

[309] ГАРО. Отд. ДФ. Ф. 301. Оп. 24. Д. 700. Св. 135. Л. 47–47 об.

[310] *Попов И.* Материалы к истории Отечественной войны // Памятная книжка области Войска Донского на 1900 год. Новочеркасск, 1900. С. 50.

[311] *Корнис П.* Краткий обзор положения ногайских татар… С. 6.

[312] ГАДО. Ф. 134. Оп. 1. Д. 698. Л. 5–9.

[313] *Koeppen P.* Ueber einige Landes-Verhältnisse der Gegend zwischen dem Untern Dnjepr und dem Asow'schen Meere // Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches und der angränzenden Länder Asiens. Bd. 11. St. Petersburg, 1845. S. 82.

лять управление за счет местных социальных ресурсов. Предоставление приазовским ногайцам статуса казачьего войска в 1801 г. явилось частичным и локальным проявлением ситуации перевеса автономии над центральной вертикалью. Из всего перечня статусов, предоставляемых подданным российского монарха, статус казачьего войска имел устоявшееся значение автономии и был максимально приближен к специфике хозяйственного и социального устройства этой ногайской группы. Предоставление данного статуса приазовским ногайцам позволило впервые, со времени их перехода в российское подданство, определить их правовое положение.

Этот статус, предполагавший управление за счет местных социальных ресурсов, вошел в противоречие с самими этими ресурсами. Иерархии, возникшие под воздействием внешней силы – Российской империи, – вопреки своей апелляции к традиционности («бий» как глава, «бийское поколение») в глазах большинства ногайцев выглядели как искусственный новодел. Ногайский начальник смог вовлечь довольно много своих подначальных в патрон-клиентские отношения и выстроить длинные реципрокные цепочки, уходящие далеко за пределы ногайских кочевий на Молочных Водах. Взяточничество и оказание «подлых» услуг, в чем Д. Б. Мертваго не без оснований обвинил Баязет-бия, можно рассматривать как «неформальную коррекцию формальных правил»[314], скрытый элемент административной практики, участвующий в создании и поддержании неформального пространства личного влияния. Виртуозное владение им как инструментом, наряду с прочими факторами, позволило Баязету войти в среду регионального российского административного истеблишмента, сохранить и упрочить свое положение в 1801 г. и даже остаться на плаву после сокрушительного разоблачения 1804 г. Но внутри ногайского анклава действие этого инструмента, позволяющего традиционно выстраивать патрон-клиентские цепочки, не оказалось достаточным для создания устойчивой иерархии. Учреждение Ногайского казачьего войска дало ему возможность в некоторой мере институализировать свою власть, однако не настолько основательно, чтобы преодолеть социальную энтропию ногайцев, переживших в последней трети XVIII в. череду разрушительных катастроф. Преодоление этой энтропии оказалось не под силу и российской приставской администрации, учрежденной осенью 1804 г. в ходе расформирования двух ногайских казачьих полков[315].

---

[314] *Барсукова С. Ю.* Реципрокные взаимодействия. Сущность. Функции. Специфика // Социологические исследования: Ежемес. научн. и обществен.-полит. журнал. 2004. № 9. С. 27.

[315] *Грибовский В. В.* Город Ногайск и ногайцы // Фронтири міста: історико-культурологічний альманах / ред. В. В. Грибовський. Вип. 4. Дніпропетровськ: Герда, 2015. С. 82–106.

Глава VII

Казачьи войска Османской империи и Крымского ханства

§ 1. «Крымской хан принял их … с великою любовью»: казачество Крымского ханства (Кубани) в конце XVII – XVIII в.

Д. В. Сень

Заявленная тема органично связана с историей донского казачества, пережившего во второй половине XVII в. несколько знаковых событий, подтолкнувших некоторую его часть к переходу в крымское подданство. С *одной стороны*, мы прослеживаем историю конфликтов Войска Донского с Российским государством в указанный период. Существенные последствия такого противодействия привели к появлению донских казаков на Северном Кавказе, включая земли ногайской Кубани, входившей в состав Крымского ханства. С *другой стороны*, речь идет о традиционном развитии внеконфронтационных отношений донского казачества с мусульманскими государствами Причерноморья – Крымским ханством и Османской империей. Предшествующая российская историография обращала недостаточное внимание на способность адаптации казачьих сообществ на территории соседних мусульманских государств и на включение их в политическое и социокультурное пространство этих государств при сохранении традиционных основ казачьей службы как образа жизни в другом подданстве. При возникновении альтернативы исторического выбора для донского казачества (между Россией и соседними государствами мусульманского мира – Османской империей и Крымом) в предшествовавшей историографии не принималась во внимание возможность его выбора в пользу мусульманских соседей, делавшегося ими в конкретно-исторических условиях. Между тем нельзя объяснить уход донских казаков-нонконформистов на Кавказ (включая Кубань) только их «прагматическим» расчетом спастись на территории, неподвластной Москве. Перед нами – сложное историческое явление, происхождение которого теснейшим образом связано с религиозностью казаков, с эволюцией их политической культуры, включая трансформацию массовых представлений донцов о формах и путях сотрудничества с Крымским ханством. Уместно, кроме того, рассмотреть это явление на фоне смежной исследовательской проблемы – истории внеконфронтационных отношений донского казачества и османского Азова, о чем

написан отдельный параграф в настоящем издании. Соответствующие тенденции активно развивались в период обострения взаимоотношений Войска Донского с Москвой в годы «разинщины» и связей С.Т. Разина с крымскими ханами[1]; с ухудшением положения донского казачества после заключения в 1681 г. Бахчисарайского мирного договора[2] и даже в связи с активной восточной политикой России (Крымские походы). Недовольство донцов участием в Крымском походе 1687 г. подогревалось видным представителем «донского раскола» К.М. Чюрносовым: «Не для чего вам идти на крымского, у вас де свои горше Крыму. Надобно де преже тут очиститца, тогда де уж на Крым итить. И *лучше де ныне Крымской* (т.е. хан. – *Д. С.*), нежели наши цари на Москве»[3]. Достоверность подобных слов не только верифицируется данными оригинального источника[4], но находится в органичной связи с массовыми настроениями донских «раскольников», моливших Бога, «чтоб над Крымом победы не было, а говорили: естли де Крым разорят, то де и досталь житья им не будет»[5]. Абсолютизировать глубину конформистского отношения казаков к Крыму, конечно, нельзя. Впрочем, приведенные свидетельства напрямую соотносятся с последующими действиями казаков-старообрядцев по уходу с Дона на Кавказ, включая кубанские владения Гиреев. Именно эти казаки первыми, среди других казачьих сообществ, стали в конце XVII в. осваивать Кубань, формируя принципиально новый опыт взаимоотношений казачества с Гиреями. Похожий опыт будет приобретен впоследствии запорожскими казаками, казаками-некрасовцами, но несколько позже – уже в XVIII в.

Несомненный вклад в изучение казачества Кубани «донекрасовского периода» внесли Б. Боук, П. П. Короленко, С. А. Козлов, О. Г. Усенко[6]. Эти специалисты обратили внимание на такие проблемы, как связи между

---

[1] *Сень Д. В.* Дипломатические отношения Крымского ханства и Войска Донского: переписка Гиреев с атаманом С. Т. Разиным // Средневековые тюрко-татарские государства**.** Сборник статей. Вып. 5. Казань, 2013. С. 90–98.

[2] *Сень Д. В.* Донское казачество после Бахчисарайского договора 1681 г.: некоторые аспекты политического положения // Наукові праці історічного факультету Запорізького національного університету. Запоріжжя, 2009. Вип. XXVI. С.138–142.

[3] Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 111. Оп. 1. 1688 г. Д. 3. Л. 3.

[4] Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссиею. СПб., 1872. Т. 12. С. 151.

[5] Там же. С. 180.

[6] *Боук Б. М.* К истории первого Кубанского казачьего войска: поиски убежища на Северном Кавказе // Восток (Oriens). М., 2001. № 4. С. 30–38; *Козлов С. А.* Кавказ в судьбах казачества (XVI–XVIII вв.). Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 2002; *Короленко П. П.* Некрасовские казаки: Исторический очерк, составленный по печатным и архивным источникам // Известия Общества любителей изучения Кубанской области. Екатеринодар, 1900. Вып. II; *Усенко О. Г.* Начальная история кубанского казачества (1692–1708 гг.) // Из архива тверских историков. Тверь, 2000. Вып. 2. С.63–67.

кумскими, кубанскими и аграханскими казаками; неоднократные попытки царской России вернуть на Дон казаков-«изменников»; история работорговли у кубанских казаков; складывание у них войсковой организации, причины успешной адаптации казаков в регионе; повседневная жизнь казаков на Кубани, включая ее религиозные аспекты, обширная география военных акций, участниками которых становились казаки; наконец, поиск и ввод в научный оборот новых архивных источников по истории казаков Кубани указанного периода. Сегодня можно говорить о том, что появились новые исследовательские перспективы изучения прошлого т.н. первых («старых») кубанских казаков. Это связано с новейшими результатами архивной эвристики (работа в Научно-историческом архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН, Российском государственном архиве древних актов, Государственном архиве Воронежской области и др.), а также с расширением исследовательского пространства нашей темы, вписанной в историю местного пограничья, в историю славянского населения Крымского ханства. Историографическая ситуация характеризуется следующим образом: поставленные и изученные общими усилиями разных специалистов главные проблемы истории казачьих сообществ Северного Кавказа (общины не только Кубани, но и Кумы и Аграхани) позволяют обратиться к уточнению историографических оценок или к постановке и решению новых исследовательских задач. Среди них такие, как состав казачьих сообществ Северного Кавказа, связанных происхождением с Доном (их религиозный, половозрастной, имущественный, количественный состав); представления о казаках-«изменниках» в России как об ахреянах; источники пополнения кубанского казачества (поскольку кумские и аграханские казаки достаточно быстро сошли с исторической арены, а их последние представители влились в сообщество казаков Кубани), биографии лидеров донских и кубанских казаков-старообрядцев конца XVII в. – начала XVIII в.; отношение казаков к перспективам своего пребывания в крымском подданстве и к соседству с османским Азовом (до 1696 г.); роль крымских ханов и азовских беев в жизни первых кубанских казаков; география расселения казаков по территории Кубани, военное сотрудничество местных казаков с народами Кавказа и с их элитами; традиционные занятия казаков Кубани в связи с новыми условиями их проживания в регионе и, вместе с тем, с историческим опытом донского казачества, включая его занятие работорговлей («окупными» операциями и пр.)[7]. Некоторые заявленные вопросы изучались нами раньше[8].

---

[7] См. также: *Сень Д. В.* Казачьи сообщества Дона, Северного Кавказа и мусульманские государства Причерноморья (последняя четверть XVII в. – начало XVIII в.): некоторые итоги и перспективы изучения // Кавказский сборник. М., 2014. Т. 8(40). С. 24–38.

[8] *Сень Д. В.* «Нам тут на Аграхани жить не тесно…»: из истории начального этапа освоения донским казачеством Северного Кавказа в конце XVII в. – начале XVIII в. // Кавказский сборник. М., 2008. Т. 5 (37). С. 10–24; *Сень Д. В.* Из «воль-

На рубеже 1680-х – 1690-х гг. в подданство к Гиреям перешли донские казаки-старообрядцы, активные участники т.н. «донского раскола» Анализируя события 1680-х – начала 1690-х гг.[9], можно говорить о начале нового этапа в истории донского казачества, когда движение старообрядцев Дона «вылилось в первую в истории донского казачества *братоубийственную войну* 1688–1689 гг., когда дело доходило до поголовного истребления казачьих поселений самими же казаками» (выделено нами. – *Д. С.*)[10]. Трагичные по своему содержанию и последствиям события такого ухода мы рассматриваем как *казачий старообрядческий Исход*, когда с казаками отступали их духовные лидеры. Период наиболее активного сопротивления донских старообрядцев закончился в апреле 1689 г. штурмом и взятием Заполянского городка[11].

Какая-то часть казаков отправилась с Дона сразу на Кубань во владения крымского хана Селим-Гирея, другая – в османский Азов[12]. В еще больших масштабах донцы-старообрядцы уходили тогда на Северо-Восточный Кавказ, вступая в активные контакты с местными элитами (шамхалом Тарковским, владетелями Северного Дагестана и Большой Кабарды). Крупные общины казаков сформировались в 1688 г. на р. Куме и р. Аграхани. Нами установлено, что с Дона на Кавказ уходили семейные донские казаки, многие из которых были старообрядцами. Так, «охреянин» Левка Степанов показал в 1694 г., что он уходил на р. Аграхань из Нагавкинского городка «с казаками с росколщики с женами и с детми на житье на реку Аракань к таким же воровским казакам к росколщиком»[13]. Казачьи сообщества Кумы и Аграхани сыграли заметную роль в становлении и развитии кубанского казачества, в укреплении его боевого потенциала. 1692 г. стал последним годом пребывания основной массы казаков на Куме и Аг-

---

ных» казаков – в подданные крымских ханов: казачьи сообщества Дона и Кавказа в конце XVII – начале XVIII вв. // Восток (Oriens). М., 2011. №5. С. 46–54; *Сень Д. В.* Казаки Крымского ханства: начальный этап складывания войсковой организации и освоения пространства (1690-е гг. – начало XVIII в.) // Тюркологический сборник 2009–2010: Тюркские народы Евразии в древности и средневековье / ред. кол. С. Г. Кляшторный и др. М., 2011. С. 289–320.

[9] *Дружинин В. Г.* Раскол на Дону в конце XVII века. СПб., 1889; *Сень Д. В.* Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина XVII в. – начало XVIII в.). Ростов н/Д., 2009. С. 100–138.

[10] *Мининков Н. А.* Основы взаимоотношений Русского государства и донского казачества в XVI – начале XVIII вв. // Казачество России: прошлое и настоящее. Ростов н/Д., 2006. Вып. 1. С. 34.

[11] Подробнее см.: *Мининков Н. А.* К истории раскола Русской Православной Церкви (малоизвестный эпизод из прошлого донского казачества) // За строкой учебника истории. Ростов н/Д., 1995. С. 26–46; *Сень Д. В.* Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа… С. 100–138.

[12] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стлб. 1406. Л. 176.

[13] Там же. Л. 123.

рахани; первой с исторической сцены сошла аграханская казачья община. Отступающих аграханцев в сентябре 1692 г. настиг на р. Сунже отряд кумыкских мурз из Эндери (кумыкского владения в Северном Дагестане) – Муртазалея и Амирхана. Указала же им пресечь бегство казаков на Кубань княгиня Т.С. Черкасская, действовавшая с оглядкой на Москву. Согласно нашим архивным разысканиям, среди преследователей находились не только люди Муртазалея, но и «шевкаловы люди»[14]. Опираясь на данные этих и других документов[15], можно исследовать вопрос о непосредственном участии шамхала («Будай-шевкала») в сунженском разгроме казаков.

Ко времени прихода в начале 1690-х гг. нескольких групп казаков (речь о кумских и аграханских казаках) с Северо-Восточного Кавказа на Кубань община местных казаков была немногочисленной – очевидец событий начала 1690-х гг. Д. Башмак указывал, что казаков на Кубани было тогда «мужеского полу которые ружьем владеют, человек с пятьдесят, а женска полу, также и детей, их сколко число было… не упомнит»[16]. Эти сведения соотносимы с данными другого казака, Д. Маркова, определявшего число кубанских казаков в несколько десятков человек[17]. Ценным является свидетельство о том, что на Кубань переселялись казаки из верховых донских городков и то, что среди казаков, осваивавших Кубань в начале 1690-х гг., были не только аграханцы, но и, скорее всего, выходцы из кумской общины казаков[18].

Источники расходятся в оценках численности аграханских казаков, сумевших в сентябре 1692 г. достичь Кубани. По сведениям Ф. Молчанова, «пошло де было их казаков с Аграхани-реки всех человек с полтораста, а ушло де их казаков человек с сорок»[19]. Согласно данным Войска Донского, на Кубань с Аграхани отправились в сентябре 1692 г. 700 казаков, из которых 200 сумели достигнуть цели[20]. Представляется, что осенью 1692 г. р. Аграхань покинули главные силы казаков, несколько сот человек, во главе с атаманом Л. Маноцким. Казачий атаман С. Саратовец, приехавший в Бахчисарай с восемью казаками в январе 1693 г., говорил, что кумыки «жен их и детей в полон взяли з двести с пятдесят душ»[21]. Обращает на себя внимание, что уже 18 февраля 1693 г. просьбы и жалобы казаков из группы С. Саратовца были заслушаны в «думе» у хана. Реакция хана Се-

---

[14] Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН (Архив СПб. ИИ РАН). Ф. 178. Оп.1. Д. 12348. Л. 2.

[15] Там же. Д. 12349. Л. 1.

[16] РГАДА. Ф.210. Столбцы Белгородского стола. Стлб. 1406. Л. 177.

[17] *Боук Б. М.* К истории Первого Кубанского казачьего войска… С.33.

[18] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стлб. 1406. Л.177, 178.

[19] Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI – XVII в. Сб. док. Выявление, сост., введ., комм. Е. Н. Кушевой. М., 1997. С.258.

[20] *Боук Б. М.* К истории Первого Кубанского казачьего войска… С.33.

[21] Військові кампанії доби гетьмана Івана Мазепи в документах / упор. С. Павленко. К., 2009. С.202.

лим-Гирея предстает закономерной – к «обидчикам» казаков направлялись нарочные с требованием вернуть членов казачьих семей, либо хан «придет на них за то войною»[22]. Другой источник уточняет, что к кумыкам выезжал Абдулай-ага, которому предстояло отобрать казачьи «пожитки» у кумыков и присмотреть новое место жительства для беглецов с Восточного Кавказа[23]. Кроме того, ходатаям были обещаны две пушки с боеприпасами. События разворачивались таким образом, что позволяли казакам Кубани говорить о том, что отсюда им будет «ходить для воровства способно…», как сообщалось в источнике тех лет.

Поездка казаков из Кубани в Бахчисарай оказалась успешной: изменилось, прежде всего, их правовое положение. В результате челобитной о принятии в «холопство» «крымской хан принял их (казаков. – *Д. С.*)… с великою любовью и велел им жить… казыева улусу татаром» (т.е. среди Малых ногайцев. – *Д. С.*)[24]. В Азове тоже знали о приходе казаков на Кубань: отсюда был направлен на Кубань азовский татарин Кубек-ага «со всем своим кочевьем»[25]. Он должен был не только помочь казакам в обустройстве на новом месте, но и командовать ими. Другой документ уточняет информацию о задачах, ставившихся азовским пашей при отправке Кубека-аги на Кубань: «…береженья тех росколщиков» от ногайских и иных «орд»[26]. Обращает на себя внимание хронология событий: казаки, почти полностью разгромленные на р. Сунже, пришли на Кубань осенью 1692 г., а в апреле 1693 г. ожидался приход к казакам Кубек-аги: «Да к тем же казаком будет на Кубань реку на житье из Азова азовской Кубек-ага со всем своим кочевьем»[27]. Имя указанного аги («старшины» казаков) неоднократно встречается в документах, причем иногда он злоупотреблял своей властью над казаками. Чаще, впрочем, они выступали вместе: так, в 1693 г. были получены сведения о готовящемся нападении кубанских казаков на рыбные ватаги по р. Волге, «а с ними идет Кубек ага, потому что дана де ему… власть от крымскаго хана над ними правителем быть и городок им на Кубане состроил»[28]. Вместе ногайцами Кубек-ага помог казакам в возведении городка, расположенного в междуречье Кубани и Лабы. Любопытно, что он владел информацией о том, какой резонанс среди донских казаков, намеревавшихся оставить Дон[29] и перейти на Кубань, получило известие о сооружении указанного казачьего городка. В документах за июль–октябрь (крайние даты 27 июля – 17 октября) 1693 г. о постройке городка на Кубани сообщается как о свершившемся

[22] Архив СПб. ИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 12348. Л. 2.
[23] Військові кампанії… С. 202.
[24] Архив СПб. ИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 12348. Л. 1.
[25] Архив СПб. ИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 12348. Л. 1–2.
[26] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стлб. 1406. Л. 178.
[27] Архив СПб. ИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 12348. Л. 1–2.
[28] Там же. Д. 12364. Л. 2.
[29] Архив СПб. ИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 12449. Л. 1.

факте[30]. Неизвестно, когда именно казаки оставили указанный городок и в связи с какими событиями, хотя мы знаем, что через несколько лет после описанных событий казаки уже проживали массово в Копыле. Можно предположить, что случилось это под влиянием события, существенно изменившего военно-политическую обстановку в Приазовье и на Кубани. Речь идет о взятии российскими войсками Азова 19 июля 1696 г., а также о процессе последующего утверждении России в Северо-Восточном Приазовье[31]. Согласно данным за 1702 г. казаков в крепости Копыл насчитывалось 120 человек. Турецкий Аноним начала XVIII в., владевший разнообразной информацией, писал, что после того как близ Копыла «поселились татары-ямансадак (одна из ногайских групп. – *Д. С.*), то казакам не стало покоя, и во времена Селим-Гирея (вероятно, это могло произойти в период его четвертого по счету правления. – *Д. С.*) они были поселены вблизи места, известного под названием Хан-Тепеси (Ханский холм), что на расстоянии четырех часов от крепости Темрюк, в окрестностях рек Анапа и Пучгаз»[32] Вскоре здесь был основан главный городок кубанских казаков, названный ими Хан-Тюбе (Ханский холм). Отношения казаков с местным ногайским населением складывались по-разному, но без исключительной враждебности или борьбы «на выживание». В противном случае казакам проблематичнее пришлось бы адаптироваться к местным условиям, несмотря на поддержку того же влиятельного Кубека-аги. В октябре 1698 г. в приказной избе Азова допросили донского казака Н. Нестерова, бежавшего с Кубани. Среди его показаний – сведения о встрече с казаком-«ахреяном», «прибежавшим» к хозяину Нестерова *для лечения лошади*[33]. С одной стороны, не станем преувеличивать значение такого факта при рассмотрении отношений казаков с ногайцами. С другой – подобный пример вполне укладывается в общую картину процессов адаптации казаков на Кубани рубежа XVII–XVIII вв.

В результате неоднократного пополнения численность казачьей группы на Кубани возросла до нескольких сот: «И ныне де их росколщиков живет

---

[30] Архив СПб. ИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 12364. Л. 2; Там же. Д. 12449. Л. 1.

[31] Подробнее см.: *Сень Д. В.* Казаки Крымского ханства в кон. XVII в. – нач. XVIII в.: численность, расселение, занятия // Слава престолу, честь для себя: мат-лы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Казачество в политической жизни России: история, формы самоуправления, культура, посвященная 400-летию призвания на царство Дома Романовых» / ред. С. О. Звонок. Ставрополь, 2013. С. 142–143; *Аваков П. А., Сень Д. В.* После взятия Азова: российско-османское пограничье и его население в 1696–1697 гг. (на материале расспросных речей) // Взаимодействия и конфликты на конфессионально и этнически смешанных территориях Центральной и Восточной Европы, 1517–1918 / ред.-сост. К. А. Кочегаров, Л. К. Новосельцева, А. Форго, О. В. Хаванова. М.; СПб., 2016. С. 153–168.

[32] *Весела З.* Турецкий трактат об османских крепостях Северного Причерноморья в начале XVIII века // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1969. Ч. 2. С. 128.

[33] Архив СПб. ИИ РАН. Коллекция 238. Оп. 2. Картон 249. Л. 1–1 об.

на Кубани человек со двести и болши»[34]. В конце XVII в. войсковой толмач местных казаков Афонька Федоров определял численность одних только «аграханских» казаков Кубани примерно в полторы сотни[35]. Уместно сказать о неоднородности местного казачьего сообщества, о борьбе их лидеров за упрочение своего положения. К примеру, данные за 1697 г.: «…ис тех де казаков, которые живут на Кубане, молодчие люди человек со сто думают идти на Дон… а удерживают их пущие воры атаман Савка Пахомов, Стенка Жетура, Васка Мануйлов с товарыщи человек с десять».[36] Возросшее сообщество кубанских казаков стало проявлять активность, направленную на участие в набегах (походах), организованных ими как самостоятельно, так и в союзе с местными народами, регулярно – под командованием или по указанию Кубека-аги. Оценивая потенциал кубанского казачества рубежа XVII–XVIII вв., укажем на мнение В. Г. Дружинина, считавшего, что ушедшие на Кубань казаки перестали представлять собой опасность и для Войска Донского, и для Москвы[37]. Напротив, все документы, имеющиеся сегодня в распоряжении исследователей, говорят о другом[38]. Кубанские казаки доставили своей активностью существенные неприятности российской администрации и российским подданным, начиная от осады крепостей и заканчивая грабежами торговых судов и захватом ясыря. Не меньшая опасность исходила от кубанских казаков в том отношении, что они активно «сманивали» на Кубань донских казаков. В 1703 г. на Дон была отправлена царская грамота о принятии Войском Донским мер к сыску «воров», подговаривающих казаков уйти с р. Медведицы на Кубань[39]. На рубеже XVII–XVIII вв. кубанское казачество сыграло заметную роль в новых переходах старообрядцев (включая донцов) на Северный Кавказ, в набегах (часто – в союзе с ногайцами) на южные окраины Российского государства, что дестабилизировало местную обстановку и заставляло российские власти искать разные способы нейтрализации новой казачьей угрозы с территории Крымского ханства. Уже 18 июля 1693 г. Петр I повелел грамотой донскому атаману Ф. Минаеву разорить казачий городок на Кубани, предостерегая, чтобы к ханским казакам не уходили старообрядцы из верховых донских городков[40]. Пока нет оснований полагать, что «акция возмездия» против казаков состоялась: такой информации в выявленных источниках нет. И активность кубанских казаков

---

[34] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стлб. 1406. Л.177.

[35] РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1697 г. Д. 9. Л. 4.

[36] РГАДА. Ф.119. Оп.1. 1697 г. Д. 9. Л. 8.

[37] *Дружинин В.Г.* Указ. соч. С.212, 213.

[38] Подробнее см.: *Сень Д. В.* Казаки Крымского ханства… С. 305–309; *Сень Д. В.* Набеги «воровских казаков» в Нижнем Поволжье и на Каспии (конец XVII в.): новые материалы и перспективы изучения // Астраханские краеведческие чтения: сб. ст. / ред. А. А. Курапов. Астрахань, 2013. Вып. V. С. 357–362.

[39] Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А. А. Лишиным. Новочеркасск, 1891. Т. 1. С. 204, 205.

[40] *Короленко П. П.* Указ. соч. С. 14.

в указанные годы только возрастает. Широкая география казачьих военных акций (включая захват «языков» и ясыря) – от русских «украинных городов» до Прикаспия[41] – указывает не только на боевую мощь, но и на прочность положения кубанских казаков, достаточно быстро адаптировавшихся к местным условиям. В использовании казаков оказались заинтересованы и Гиреи, и азовский паша, и кавказские владетели, помнившие о временах, когда в начале 1690-х гг. кумские и аграханские казаки наводили ужас на астраханских, черноярских и терских воевод. Перед нами – системные практики поддержки казаков ханами и азовскими беями – от оказания финансовой помощи и удовлетворения духовных запросов казаков до выдачи иммунитетных актов (акта)[42]. Часть казаков до 1696 г. постоянно проживала в Азове либо считала крепость удобной перевалочной базой по пути следования в походы с Кубани и обратного возвращения домой. Известно, что какое-то время в Азове проживал атаман Л. Маноцкий. Показательным является свидетельство конца XVII в. о том, что казакам, «ворам и изменникам», «дает… в Азове у бея и в Крыму у хана жалованья»[43]. Перспективно сопоставить все известные такие факты с хронологией правления крымских ханов в период 1690-х – начала 1700-х гг. (вплоть до лета 1708 г., когда на Кубани с Дона на Кубань отступила казачья группа атамана И. Некрасова). В этом списке правящих Гиреев следующие ханы: Сафа-Гирей, Селим-Гирей I, Девлет-Гирей II, Гази-Гирей III, Каплан-Гирей I. Подобный подход позволяет нам предложить и апробировать еще один способ верификации данных об *устойчивом* отношении крымских ханов к своим подданным – кубанским казакам.

Турки-османы и татары с ногайцами системно поддержали «царских изменников», что отразилось не только на формальном статусе казаков. Свой выбор верного служения Гиреям кубанские казаки сделали быстро и осознанно, несмотря на отдельные случаи своего возвращения на Дон. Полагаем, что подавляющая часть кубанских казаков связала свою судьбу с регионом без определяющего влияния со стороны окружающего мусульманского населения, без опасений, как *христианам и казакам*, подвергнуться преследованиям со стороны ханов. Используя все доступные формы поддержки со стороны крымских ханов и администрации османского Азова, кубанские казаки не просто *выжили*, но сумели успешно пройти начальный этап адаптации, умело подошли к налаживанию контактов с местным населением и с его элитами. Завершая анализ доступного нам конкретно-исторического материала, резюмируем: своими активными действиями и стараниями первые («старые») кубанские казаки заложили на рубеже XVII–XVIII вв. прочную основу взаимоотношений правящих Гире-

---

[41] Подробнее см.: *Сень Д. В.* Казаки Крымского ханства… С. 305–311.

[42] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стлб. 1406. Л. 176; РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1697 г. Д. 9. Л. 4; РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1709 г. Д. 12. Л. 2 об.–3; *Усенко О. Г.* Указ. соч. С. 74.

[43] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стлб. 1406. Л. 126.

ев со всеми последующими казачьими группами, оседавшими в кубанских владениях ханов. Большая заслуга в формировании именно такого курса принадлежала самим казакам, мирная и военная жизнь которых определялась не только их новым правовым статусом, но и конкретным характером служения правящим крымским ханам. Наконец, массовое появление в регионе таких новых подданных Гиреев, как казаки-старообрядцы, знаменовало собой новый этап в освоении казачеством Северного Кавказа и распространении здесь православия.

В начале XVIII в. произошло заметное пополнение рядов кубанского казачества за счет новых групп казаков. За ними закрепилось обобщенное наименование «некрасовцы», причем, как нам представляется, впервые такое групповое обозначение появилось в российской делопроизводственной документации начала XVIII в. Кратко анализируя достижения и противоречия современной научной мысли, выскажем следующее мнение: далеко не все результаты новейших исследований используются некоторыми специалистами при обращении к прошлому казаков-некрасовцев либо липован. Проблема видится нам существенной – речь об «отрицательной устойчивости» историографических стереотипов по отношению к прошлому некрасовцев: именование Игната Некрасова *Федоровичем* (в документальных источниках об этом сведений не зафиксировано), приписывание ему происхождения с Есауловским городком, а не с городком Голубые, отнесение на его же счет «апокрифической» даты смерти (1737 г.); недоказанное на документальной основе утверждение о начале переселения казаков-некрасовцев в дельту Дуная якобы в 1740 г. или в начале 1740-х гг. Устаревшие данные (несоотнесенные к тому же со сведениями о числе некрасовцев, участвовавших в военных кампаниях 1708–1710-х гг.) используются при подсчетах численности казаков, ушедших с И. Некрасовым летом 1708 г. на Кубань[44]. Слабое знание новейшей историографии приводит к неверным утверждениям о том, что «скудость документальных источников о жизни казаков-некрасовцев вынуждает современных историков активнее использовать устные предания, предметы быта и одежды, топонимику»[45]. Еще несколько лет назад в научной литературе можно было встретить неверное (противоречащее огромному количеству источников о *верной* службе некрасовцев ханам и не учитывающее системы аргументов, обновляемых на протяжении 1999–2018 гг.) утверждение о «вольной казачьей республике на Кубани». Впрочем, научное пространство бытования такой трактовки статуса казаков-некрасовцев как подданных Гиреев неуклонно сокращается. Противоречит

---

[44] *Сущий С. Я.* Динамика численности донского казачества и народные движения XVII – начала XVIII вв. // Казачество России в бунтах, смутах и революциях (к столетию событий 1917 года): материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 4–5 октября 2017 г.) / отв. ред. Г. Г. Матишов. Ростов н/Д., 2017. С. 63–70.

[45] *Симонова М. В.* Образ крестьянских вождей XVII–XVIII веков в отечественной историографии: опыт сравнительного анализа: дис. ... к. и. н. Томск, 2017. С.126.

широкому кругу исторических источников надуманное утверждение о периферийном положении сообщества казаков-некрасовцев в истории старообрядчества, о том, что попытки некрасовцев обрести собственное церковное обустройство закончились неудачей[46]. Подобные историографические примеры не единичны: поэтому необходим публичный академический диалог и обсуждение перспектив изучения истории казачества Дона и Северного Кавказа, включая некрасовцев, в подданстве Гиреев и Османов. При этом определенной научной ревизии должны быть подвергнуты представления о т. н. «уникальном» историческом опыте пребывания некрасовцев как в крымском, так и в османском подданстве. Непростой путь адаптации, например, на территории Крымского ханства первыми прошли т.н. «старые» кубанские казаки – участники движения донских старообрядцев 1680-х гг. Без обращения к их истории, а также к истории пребывания в крымском подданстве запорожских казаков может быть ошибочно определено общее и отличительное в аналогичном опыте некрасовских казаков.

Отметим, что донские казаки вновь решились уйти на Кубань, на этот раз – в связи с Булавинским выступлением (восстанием) 1707–1708 гг. Специфика событий лета 1708 г. состояла в том, что повстанческое руководство планировало уйти на Кубань в случае поражения. К. А. Булавин сумел завязать связи с кубанскими казаками, ногайцами и с турками-османами из Ачуева[47]. Указанный план довелось осуществить одному из ближайших сподвижников атамана К. А. Булавина – И. Некрасову. Ранее мы высказали предположение, что, готовя отступление на Кубань, И. Некрасов не намеревался помогать повстанцам, осаженным в Есауловском городке[48]. Понимая всю сложность сложившейся ситуации (его казаки могли быть зажаты «в клещи» войсками В. В. Долгорукого и П. И. Хованского), И. Некрасов, выступивший из Голубинского городка и находившийся с отрядом под Нижним Чиром, ускорил отступление на Кубань. Возможность такого решения предусматривалась изначально: вместе с казаками находились их семьи, имелся обоз. Недавно мы обнаружили косвенное документальное подтверждение своей версии. Некрасовский «шпион» Г. Терентьев сообщал в октябре 1710 г., что «из Голубых вор Игнашка Не-

---

[46] *Зудин А. И.* Старообрядчество на Кубани: региональная специфика и этапы становления церковной организации (конец XVIII – начало XX века) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общ. науки. 2009. № 4. С. 26.

[47] *Сень Д. В.* Информационное пространство Булавинского выступления и повстанческая переписка 1708 г. с Кубанью // Казачество России в бунтах, смутах и революциях (к столетию событий 1917 года): мат-лы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 4–5 октября 2017 г.). Ростов н/Д., 2017. С. 89–97.

[48] *Сень Д. В.* «Войско Кубанское Игнатово Кавказское»: исторические пути казаков-некрасовцев (1708 г. – конец 1920-х гг.). Изд. 2-е, испр. и доп. Краснодар, 2002. С. 29.

красов собирался бежать на Кубань, и он, Гараска, пристал к ним же»[49]. Таким образом, гипотеза о неготовности (нежелании) И. Некрасова идти на выручку осажденным «есауловцам» и пробиться на Кубань получила новые основания для верификации. Вопрос о численности группы И. Некрасова, отступившей на Кубань в августе 1708 г., рассматривался нами неоднократно. Полагаем, что общее количество казаков, включая жен и детей, покинувших Дон в конце лета 1708 г., вряд ли существенно превышало 1,5 тыс. человек. Приведем еще одно свидетельство, принадлежащее участнику Булавинского выступления. 14 мая 1711 г. в адмиральской походной канцелярии казак станицы Качалинской С. Артемьев сказал на допросе, что перед уходом на Кубань он отправился «к вору Некрасову. И застал ево на Чиру и был с ним на Кубани полтора года, а всех было при нем Некрасове казаков тысячи с полторы»[50].

Адаптация казаков-некрасовцев началась с преодоления тех трудностей и опасностей, которые сопровождали их отступление с Дона или обнаружились уже на Кубани: погоня, организованная П. И. Хованским, отсутствие каких бы то ни было гарантий невыдачи России со стороны ханов и местных элит, наконец, необходимость быстрейшего поиска хотя бы временного убежища для детей и женщин. События указанного этапа (примерная хронология которого 1708 г. – 1712 г.) составляют перспективное направление в изучении прошлого некрасовских казаков[51]. Именно первые годы «встраивания» казаков И. Некрасова в пространство Крымского ханства оказали самое существенное влияние на их дальнейшую судьбу, на их выбор – остаться на Кубани и, что более существенно, на выбор крымских ханов. Все источники, которыми располагают сегодня исследователи, позволяют утверждать, что свой жизненный выбор казаки И. Некрасова сделали на Кубани быстро и добровольно, несмотря на отдельные случаи возращения вчерашних «изменников» на Дон, где их, впрочем, прощали[52]. Мы неоднократно писали о пребывании казаков И. Некрасова в Закубанье примерно до начала 1712 г.[53] Азовский губернатор И. А. Толстой писал в

---

[49] Российский государственный архив Военно-Морского Флота (далее – РГАВМФ). Ф. 233. Оп. 1. Д. 16. Л.23.

[50] РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 28. Л. 234.

[51] *Аваков П. А.* «…И живут во всяком непорятке»: Документы РГАВМФ о жизни казаков-некрасовцев в Крымском ханстве. 1711 г. // Исторический архив. 2015. №4. С. 26–34; *Сень Д. В.* Верность, вера и война: начало жизни и служения казаков-некрасовцев на Кубани // Казарла. Этнический казачий журнал. № 4 (17). Август. 2012. С.10–18.

[52] Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 2. Оп. 5. Д. 15. Л. 401.

[53] Обоснование другой точки зрения см.: *Аваков П. А.* Казаки-некрасовцы в русско-турецкой войне 1710–1713 гг. // Вести Донского края. Вып.2. Ст-ца Старочеркасская, 2012. С. 6–24. Нашу с П. А. Аваковым творческую дискуссию см.: *Сень Д. В.* Документальные источники по истории казачьих сообществ Северного Кавказа (Крымского ханства) конца XVII в. – начала XVIII в.: результаты и

1709 г., опираясь на оперативные данные, что «воры и изменники Игнашка Некрасов с товарыщи и доныне живут за Кубанью близ Черкес в юрте Аллавата мурзы»[54]. Новые данные позволяют уточнить локализацию этого района, что имеет существенное значение при изучении адаптации казаков в период 1708–1712 гг., при реконструкции их отношения к перспективам своего «подвешенного» правового статуса. Об идеализации отношений с ногайцами говорить не приходится: казак, присланный с Кубани от «вора Некрасова», показал, что «хотят их Кубанские владельцы выслать вон»[55]. Итак, речь идет о территории Левобережной Кубани, локализуемой между р. Псекупс (Зеленой) и р. Белой (Чигис)[56]. Аллават-мурза, по нашему мнению, это Аллакуват-Семиз (Толстый), ногайский мирза Ураковской ветви потомков Касая (т.н. Малые ногаи), внук Хорашая Уракова. Любопытно, что юрт этой части ногайцев находился на левом берегу Кубани при р. Лабе в XVII в. В начале XVIII в. Аллават-мурза являлся лидером наврузовцев, которых еще во второй половине XVIII в. российские учение локализовали «по левой стороне Кубани при реке Лабе». Отметим также, что «старые» кубанские казаки уже оставили к тому времени междуречье Кубани и Лабы, переселившись вниз по течению Кубани на ее правый берег.

В одном из писем 1708 г. к своему брату П. А. Толстому, отправленном в Стамбул, губернатор И. А. Толстой информировал, что «вор… донской казак Игнашка Некрасов, изменяя царскому величеству, отъехал з Дону на Кубань, прибрав к себе таких же воров… и кубанцы ево приняли»[57]. И. А. Толстой просил брата добиваться выдачи беглецов, добавляя, что на Кубани казаки И. Некрасова ведут активные действия. Так, И. Некрасов направил казаков для «воровства» под Азов и под «азовские

перспективы архивной эвристики // Архивы и архивное дело на Юге России: история, современность, перспективы развития: материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 16–17 октября 2015 г.) / отв. ред. Д. В. Сень, Д. П. Исаев, М. Е. Шалак. Ростов н/Д., 2015. С. 42–60. Мы видим, что часть казаков-некрасовцев оставалась в Закубанье еще летом 1711 г. Об этом говорят документы, выявленные П. А. Аваковым, а также другие, известные нам, документы РГАВМФ из ф.233. Это подтверждает нашу гипотезу о переселении некрасовцев из Закубанья на Правобережную Кубань несколькими группами (*Сень Д. В*. Верность, вера и война… С.11), быть может, даже до 1712 г.

[54] Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 123. Оп.1. 1709 г. Д. 1. Л. 15 об.

[55] РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 16. Л. 24.

[56] *Аваков П. А*. Жизнь казаков-некрасовцев на Кубани в 1710–1711 гг. в свете новых данных // Научное наследие профессора А. П. Пронштейна и актуальные проблемы развития исторической науки (к 95-летию со дня рождения выдающегося российского ученого): материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (г. Ростов-на-Дону, 4–5 апреля 2014 г.). Ростов н/Д., 2014. С. 14; С*ень Д. В*. Документальные источники по истории казачьих сообществ Северного Кавказа… С. 53.

[57] РГАДА. Ф.89. Оп.1. 1708 г. Д.2. Л. 470–470 об.

городки». Кроме того, минуя р. Кубань и лодками попадая в море, казаки стали грабить ватаги ловцов рыбы: «…и ватаги…били и много рабочих людей побрали с собою в неволю…»[58]. Анализ документа приводит к выводу, что российская сторона оценивала масштабы «воровства» со стороны И. Некрасова как существенные, поэтому недаром И.А. Толстой решился писать о том же ачуевскому Хасану-паше и новому крымскому хану Девлет-Гирею II[59]. По-видимому, уже в конце декабря 1708 г. – начале 1709 г. посол П. А. Толстой имел встречу с великим визирем, где рассматривался вопрос и о донских казаках, о чем российский дипломат донес канцлеру Г. И. Головкину 3 января 1709 г.[60] Крымский хан Девлет-Гирей II в итоге заявил летом 1709 г. российскому посланцу В. Блеклому: «…что-де мне отдать, чево у меня нет. Я-де ему (Некрасову. – *Д. С.*) отказал и указ послал, чтоб он в Крыме и на Кубане не был, откуды и как пришел, так бы и ушел»[61]. Донским казакам И. Некрасова повезло – их выдача ханом Девлет-Гиреем II российской стороне не состоялась. В итоге миссия В. Блеклого покинула Крым ни с чем, за исключением нескольких писем хана российским сановникам, в т.ч. на имя Г. И. Головкина[62].

В марте 1709 г. «из нижних городков ис Курманьяра» атаману Распопинской станицы было отправлено письмо, извещавшее, что «подъезжали под их городки воры и изменники, которые бежали на Кубань с Ыгонкою Некрасовым, да с Сенкою Ворком по нагорной стороне, и шлях их воровской осмотрили немалой. И по тому писму велено им по городкам от тех воров беречись»[63]. Из письма Петра I адмиралу Ф. М. Апраксину от 30 апреля 1709 г.: «Понеже имеем здесь ведомости чрез выходцов от Некрасова, что оной вор отправил от себя для воровства вверх по Дону казаков полторы тысячи человек, того для изволте быть осторожны в отпуске провианту, дабы оные воры чего не учинили. А донским казаком такъже приказал здесь, чтоб они за теми ворами смотрели по Дону»[64]. Петр I высказывал также опасение, судя по всему, о возможном нападении казаков И. Нек-

---

[58] Там же. Л. 471. Губернатор И. А. Толстой писал хану Девлет-Гирею II, что казаки И. Некрасова распродали часть захваченных «рыбных ловцов и работных их людей», «а иных и ныне держат у себя в неволе, яко сущих неволников, а и впредь от них, воров, без воровства не будет (Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 9. Вып. 2. С. 845). Подчеркнем, что работорговля быстро становится одним из источников существования для казаков И. Некрасова, свидетельствуя о налаживании контактов с местным ногайским населением и, возможно, с жителями османских крепостей Таманского острова.

[59] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1708 г. Д. 2. Л. 471.

[60] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1709 г. Д. 1. Л. 14 об.

[61] РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1709 г. Д. 1. Л. 13. Подробнее см.: *Сень Д. В.* Верность, вера и война… С. 10–18.

[62] РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1709 г. Д. 1. Л. 19–22.

[63] Письма и бумаги императора Петра Великого. М.; Л., 1952. Т. IX. Вып. 2. С. 794.

[64] Там же. М.; Л., 1950. Т. IX. Вып. 1. С. 164.

расова на российские корабли «Ласка» и «Шпага», следовавшие из Воронежа в Азов для замены предназначенных к слому 10 негодных кораблей[65].

12 мая 1709 г. азовский губернатор И. А. Толстой писал своему брату, что казаки И. Некрасова вместе с кубанцами ходили под донские городки и под Царицын, и в другие места, о чем была получена «подлинная ведомость» от казаков, перешедших (бежавших) от Некрасова в Азов, где они принесли повинную[66]. Ситуация в Войске Донском находилась на особом контроле у властей, поскольку донцы-перебежчики пополняли сообщество казаков Кубани и после лета 1708 г. Одним из указов, посланных на Дон, повелевалось, чтобы войсковой атаман и все Войско «по верной своей… службе… послали бы от себя старшин по Дону и по Северскому Донцу и по запольным рекам по Хопру и по Медведице и велели привесть во всех станицах атаманов и казаков ко кресту и евангелию, чтоб им… служить верно и ни к какому воровству и к возмущению не приставать и хто присланных от воров и изменников Игнашки Некрасова и Сенка Кобылского с товарыщи для возмущения будут приходить, ловить и присылать в Азов или на Воронеж…[67]. Полагаем, что российские власти были серьезно обеспокоены масштабами «воровства» некрасовцев, предпринимая самые активные меры по их нейтрализации. В канцелярии казанского и астраханского губернатора П. М. Апраксина тщательно собирали сведения о деятельности некрасовских «шпионов» на Дону, действовавших там «для возмущения и наговору чтоб привлеч и других к тамошним ворам побежать на Кубань»[68]. Масштабный Кубанский поход 1711 г. П. М. Апраксина, как свидетельствуют источники, был вызван, среди других причин, необходимостью защиты от «татарев крымских и кубанских воровских казаков»[69]. Сделаем промежуточный вывод: активность некрасовцев в период 1708–1712 гг. свидетельствует о многом. Определенная защищенность, достигнутая выбором местожительства на окраине Крымского ханства, позволила И. Некрасову и его сподвижникам не только избегнуть выдачи России, но организовать активную военную деятельность и работу по «сманиванию» донских казаков. Стратегия жизненного поведения (начиная от выбора места поселения в Закубанье до последующего переселения на Правобережную Кубань) позволила казакам И. Некрасова успешно пройти начальный этап своей адаптации, найти общий язык с местным ногайским и черкесским населением. На это, в частности, указывает тот факт, что вскоре после прихода на Кубань казаки-некрасовцы стали уходить в походы и т.п. «акции» далеко от своих жилищ. Между тем нам известно о семейном характере их сообщества, значит, члены казачьих семей пребывали в относительной безопасности. Наконец, ключевое значение для всей последующей жизни казаков-некрасовцев имело

[65] Там же. Т. IX. Вып. 2. С. 846–847.
[66] Там же. С. 841–842.
[67] РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 28. Л. 19.
[68] РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 28. Л. 16.
[69] Там же. Д. 16. Л. 8.

принятие подданства в годы правлении крымского хана Девлет-Гирея II, что означало избрание пути верного служения крымскому трону, а не тактического «укрывательства» на окраине Крымского ханства.

В ходе русско-турецкой войны 1710–1711 гг. и последующих военных конфликтов России и Османской империи 1712–1713 гг. казаки-некрасовцы, потеснившие на Кубани «старых» казаков, активно выступили на стороне Крымского ханства. Да и потом казаки-некрасовцы не раз оказывались в разных районах боевых действий – от Новосербии и южнорусских городов до Северо-Восточного Кавказа и шахского Ирана[70]. При этом они активно взаимодействовали с запорожскими казаками, тоже перешедшими в крымское подданство[71]; с турками-османами[72], с ногайцами[73] и пр. Служили они и на османском флоте[74]. Обратим внимание на уникальное свидетельство, косвенным образом подтверждающее выстраивание казаками-некрасовцами «османского вектора» своей новой жизни. Речь идет о донесении генерал-майора Шидловского от 28 января 1711 г., адресованного Ф. М. Апраксину: «А все ведомости доносятся в Киев что на наши полки Некрасов с ордою будет, так намерены не только наши полки, чтоб весь и Белгородский разряд разорить и выжечь; перед султаном так обещал учинить (т. е. Игнат Некрасов. – *Д. С.*), за что многий презент получил»[75]. Более поздние источники отмечают традиционно активное участие некрасовцев в нападениях крымско-кубанских сил на территорию Российского государства. Термин «шпионы Некрасова» становится общепринятым в российской делопроизводственной документации тех лет. Имя самого «легендарного» атамана И. Некрасова встречается в выявленных источниках вплоть до конца 1720-х гг. Год смерти атамана, часто фигурирующий в литературе, – 1737 г. – не находит своего документального подтверждения. При жизни И. Некрасова произошло примечательное событие – оформление разных казачьих групп Кубани в единое казачье войско, начальный период формирования которого – рубеж XVII–XVIII вв. В нескольких работах нами аргументирована точка зрения об основных войсковых характеристиках кубанского казачества[76]. Другие ученые (Б. Боук, О. Г. Усенко)

---

[70] Подробнее см.: *Сень Д. В.* «Войско Кубанское Игнатово Кавказское»… С. 86–102; *Сень Д. В.* Казачество Кубани в конце XVII в. – 1770-х гг. Кубанское (ханское) казачье войско // Очерки истории и культуры казачества Юга России: коллективная монография / под ред. Г. Г. Матишова, И. О. Тюменцева. Волгоград, 2014. С. 106–113.

[71] РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 34. Л. 87об.–88.

[72] РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 31. Л. 151–151 об.

[73] ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 797 а. Л. 76.

[74] *Аваков П. А.* Жизнь казаков-некрасовцев на Кубани… С. 15.

[75] Война с Турциею 1711 года. (Прутская операция): материалы, извлеченные из архивов / изд. А. З. Мышлаевский. СПб., 1898. С. 40.

[76] *Сень Д. В.* Кубанское (ханское) казачье войско: Актуальные проблемы истории казачества на территории Крымского ханства (XVIII в.) // Средневековые тюрко-

отстаивают тезис о создании войска еще первыми кубанскими казаками, Не менее дискуссионный вопрос – о названии казачьего войска, сформировавшегося на Кубани не позже первой трети XVIII в. Б. Боук и О. Г. Усенко, которые внесли существенный вклад в изучение проблемы, предложили такие варианты наименования, как соответственно *Первое Кубанское казачье войско* и *Кубанское казачье войско*. Считаем необходимым уточнить обозначение казачьего войска следующим образом: *Кубанское (ханское) казачье войско*, полагая компромисс с казаковедами-«традиционалистами», которые не считают возможным даже говорить о кубанском казачестве раньше событий конца XVIII в.

На протяжении XVIII в. не наблюдалось преследования крымскими ханами (за исключением, очевидно, Шагин-Гирея) казаков Кубани: ни явных репрессий, ни «выдавливания» их отсюда история не зафиксировала. Напротив – практики поддержки Гиреями «старых» кубанских казаков переросли в устойчивый исторический опыт ханской династии XVIII в. Казаки это понимали, однако, не злоупотребляли такими своеобразными отношениями с правящими крымскими ханами. Иногда, впрочем, реагируя на опасность извне, они «досаждали» ханов прошениями о своем переселении в Крым, даже во второй половине XVIII в. Считаем, многое зависело здесь от коллективной позиции казаков (определяемой позицией войска), способных передавать из поколения в поколение культуру отношений с местным населением и, конечно, с правящими Гиреями. Преданность казаков крымским ханам сочеталась с их религиозным «благоденствием» на Кубани, отражавшим конфессиональную политику крымских ханов. В середине XVIII в. Кубань стала одним из крупнейших центров тогдашнего «старообрядческого мира», включавшего в себя пространства Османской империи, Крымского ханства, Речи Посполитой и Российской империи[77]. По нашему мнению, можно говорить о новом этапе в *истории Древлеправославной (старообрядческой) церкви на Северном Кавказе за период XVII–XVIII вв.* Благодаря казакам (и при поддержке ханской и султанской властей) на Кубани активизировалось церковное строительство (сначала –

татарские государства. Сб. ст. Вып. 2. Казань, 2010. С. 216–236; *Сень Д. В.* Казачество Кубани в конце XVII в. – 1770-х гг. Кубанское (ханское) казачье войско… С. 95–115.

[77] *Пригарин А. А.* Русские старообрядцы на Дунае: формирование этноконфессиональной общности в конце XVIII – первой половине XIX вв. Одесса; Измаил; М., 2010. С. 56–78; *Сень Д. В.* Казачьи сообщества Крымского ханства и старообрядчество на Северном Кавказе в конце XVII – XVIII в. // Российская история. 2009. №6. С. 141–146; *Сень Д. В.* Православие на территории Крымского ханства: Кубань в системе старообрядческих центров (конец XVII в. – XVIII в.) // Конфессиональное пространство Северного Кавказа (конец XVIII в. – начало XXI в.): мат-лы круглого стола (Краснодар, 17 мая 2010 г.) / ред. колл: А. Г. Еременко, Д. В. Сень, В. И. Колесов, Т. А. Павленко. Краснодар, 2010. С. 115–136.

часовни, потом – церкви), а казаки успешно в целом решили проблему «доставания» священников из России и других государств.

Когда, например, ухудшалось положение других старообрядческих центров (Ветка и пр.), то возрастала привлекательность кубанского региона в глазах старообрядцев. Уже в первой трети XVIII в., если не раньше, среди религиозных нонконформистов в России крепнет убеждение в том, что «на Кубани жить хорошо, что на Кубани «староверят» и за старую веру не гонят»[78]. На Кубань бежали терские, донские, уральские, гребенские казаки, выходцы из т.н. великорусских губерний. Многие из них находились при этом под воздействием информации о религиозной жизни казаков на территории Крымского ханства. Последнее обстоятельство, как верно отмечал И.И. Дмитренко, было слишком заманчиво «для массы раскольников, так часто покидавших родину по подговорам агентов Некрасова и его последователей»[79]. Указанное явление имело место почти до вынужденного исхода некрасовцев с территории Крымского ханства в конце 1770-х гг. Крымские ханы, в свою очередь, не препятствовали притоку на Кубань из России беглых христиан.

Для комплексного ответа на вопрос о причинах такого положения дел необходимо, конечно, рассмотреть не только религиозную жизнь казаков, но их дальнейшее воинское служение правящим Гиреям. Мы видим по многочисленным источникам их участие в русско-турецких войнах 1735–1739, 1768–1774 гг., в различных акциях крымских ханов по «усмирению» Кабарды, в «разовых» набегах на Дон и пр. Как правило, некрасовцы действовали в конном строю, составляя, быть может, отдельный казачий отряд. Неоднократно крымцы и турки-османы использовали великолепные знания казаков о Подонье, в т.ч. о местных бродах, тайных тропах и т.п. Случалось, что казаки-некрасовцы выдавали себя за жителей донских станиц; хотя хитрость удавалась не всегда[80]. Некрасовцев, попавших в плен, донские казаки обычно убивали[81]. Торговля ясырем составляла известную часть доходов некрасовских казаков: часть пленников оставалась у них после возвращения из походов – кого-то сажали «окуп», кого-то привлекали к рыбному промыслу. Из донесения Д. Ефремову базового татарина Айтака от 16 мая 1739 г. следует, что сераскир выделил татарину нарочных, которые должны были ездить с ним по Кубани с целью розыска невольников, в т.ч. у «изменников некрасовских казаков, у коих имелось *более полону, нежели как у татар* (выделено нами. – *Д. С.*)»[82]. Еще большие проблемы доставляло российским властям т.н. «сманивание», которым некрасовцы занимались долго и успешно. Бегство на Кубань 1752 г. вось-

---

[78] *Дмитренко И. И.* К истории некрасовцев на Кубани // Известия Общества любителей изучения Кубанской области. Екатеринодар, 1899. Вып. 1. С. 67.
[79] Там же. С. 66.
[80] Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 55. Оп. 1. Д. 1471. Л. 59.
[81] ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1471. Л. 48; Там же. Д. 1479. Л. 27.
[82] РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1739 г. Д. 128. Л. 164 об.

ми казаков станицы Маноцкой[83] привело к рассмотрению наболевшего для России вопроса на высоком дипломатическом уровне – в Стамбуле.

В русско-турецкой войне 1735–1739 гг. казаки Кубани приняли активное участие[84]. Война принесла казакам новые тревоги – впервые их городки подверглись нападению, впервые крымские ханы не смогли оказать своим христианским подданным действенную помощь. В конце 1737 г. российскими войсками был сожжен войсковой центр – Хан-Тюбе, хотя сами казаки «на островах между багнами в крепких местах вооруженно засели». По-видимому, в 1730-е гг. обострились противоречия в Кубанском (ханском) войске – часть казаков выступила за возвращение в Россию. Умело действовали тогда власти в Санкт-Петербурге, предложив в середине 1730-х гг. некрасовцам вернуться в Россию. Вместе с тем война оживила массовые опасения казаков быть выданными России. Дальше предложений некрасовцам со стороны российского командования[85] быть прощенными и вернуться дело не пошло, несмотря на отдельные случаи их бегства с Кубани, например – на Дон. Весной 1739 г. российская сторона получила сведения, что «кубанский сераскер в десяти тысячах да некрасовцев человек с полтораста идут к донским казачьим станицам»[86]. Однако постепенно Кубань стала терять в глазах казаков-некрасовцев статус безопасной для них территории. Они обращались к крымским ханами и турецким султанам с прошениями о переселении их в другие места. Какое-то время, например, в 1750-е гг., казаки проживали в Крыму, однако затем вернулись на Кубань.

Впоследствии казаки – снова «под ружьем»[87], хотя 1750-е гг. – время частичного ослабления их сообщества: примерно в начале 1750-х гг. или около того произошло первое групповое переселение некрасовцев на Дунай во владения султана[88]. В описываемые годы, несмотря на сокращение количества казачьих городков, в своем войсковом центре – Хан-Тюбе – казаки еще проживали.

К концу 1760-х гг. отношения казаков ни с ханами, ни с кубанскими сераскирами принципиально ухудшены не были. В ходе русско-турецкой вой-

---

[83] Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 115. Оп. 1. 1752 г. Д. 1. Л. 26 об., 28, 58.

[84] *Фелицын Е. Д.* Сборник архивных документов, относящихся к истории Кубанского казачьего войска и Кубанской области. Екатеринодар, 1904. Т. 1. С. 95, 191.

[85] ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 11. Л. 85.

[86] РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 77. Л. 1.

[87] АВПРИ. Ф. 115. Оп. 1. 1752 г. Д. 4. Л. 261, 338, 356; РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 77. Л. 1.

[88] Подробнее о дискуссии относительно хронологии переселения казаков в Османскую империю см.: *Мильчев В. И.* Дискуссия о времени появления некрасовцев в Северо-Западном Причерноморье в свете документов Российского государственного архива древних актов // Липоване: история и культура русских-старообрядцев / ред.-сост. А. А. Пригарин. Одесса, 2005. Вып. II. С. 25–30; *Пригарин А. А.* Указ. соч. С. 60–63.

ны 1768–1774 гг. некрасовцы себя ничем не скомпрометировали: причины их массового ухода с Северо-Западного Кавказа в конце 1770-х гг. заключались в других процессах[89]. Очередной раскол в Войске – заметное явление в жизни кубанских казаков конца 1770-х гг.: разные их группы выступали за переселение то в Россию, то в Османскую империю. Усиление российского присутствия в Крыму, приход к власти Шагин-Гирея не устраивали большинство кубанских казаков. Несмотря на противоречивое отношение казаков к возвращению в Россию, они избрали другой путь. Некрасовцев не устроил даже вариант проживания в Крыму под «защитой» хана Шагин-Гирея. Многолетний анализ исследовательской проблемы привел нас к выводу, что с падением могущества Крымского ханства в глазах некрасовцев рушился традиционный миропорядок, отношение к которому подкреплялось в их сообществе сильной культурной традицией. Изменившееся в 1760–1770-х гг. положение Крымского ханства отразилось и на судьбе некрасовских казаков, массово покидающих Кубань после событий сентября 1777 г. Российскими войсками под командованием И. Бринка и К. Ганбома (Гамбома) тогда была проведена операция против последних некрасовцев Кубани, закончившаяся бегством уцелевших казаков в Закубанье. Оттуда они в 1778 г. отплыли несколькими группами на Дунай, либо в Анатолию. Дельта Дуная издавна была наиболее привлекательной для казаков-некрасовцев. Часть их, например, проживала в 1770–1790-е гг. близ лимана Разельм (Разин), или, точнее, Razin Gölü[90]. В показаниях «неверного запорожца» Н. Байды за 1791 г. сказано, что во время вражеского нападения на российские войска со стороны Георгиевского рукава Дуная были использованы лодки, принадлежавшие, по его мнению, некрасовцам, ком (лодки. – *Д. С.*) спрятаны по берегам Разина озера»[91]. Османские падишахи лояльно отнеслись к появлению *новых* групп некрасовских казаков в своих владениях. Султанская власть не препятствовала расселению казаков по территории Османской империи и даже оказывала им помощь. Российский источник 1780-х гг. сообщает нам о некрасовцах Дуная, что «сии люди живут частию в деревнях совокупно, а частию также по берегам разсеяно в шалашах, питаются по болшой части скотоводством и рыбною ловлею и турки с ними поступают весьма снисходительно. Они имеют собственного начальника, кади и бекгена, от всякой подчиненности соседным пашам освобождены, не платят никакой подати кроме малой и самой добровольной к верховной власти признательности, и Порта ни о чем столько не старается как питать в них ненависть к россиянам, которую они и без того уже к ним в превосходной степени имеют»[92]. В ходе русско-турецкой войны 1787–

[89] Подробнее см.: *Сень Д. В.* Русско-турецкая война 1768–1774 гг. и переселение казаков-некрасовцев в Османскую империю // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. Краснодар, 2000. № 1–2. С. 11–17; *Сень Д. В.* «Войско Кубанское Игнатово Кавказское»… С. 104–111.

[90] Başbakanlık Osmanlı Arşivi (BOA). C.AS. Dosya 742. Gömlek 31158.

[91] Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 249. Оп. 1. Д. 22. Л. 55.

[92] РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 279. Л. 114–114 об.

1791 гг. казаки-некрасовцы активно участвовали в боевых действиях против России. Неоднократные попытки российских властей добиться возвращения некрасовцев из Османской империи успехом не увенчались[93]. После ликвидации Крымского ханства дальнейшая судьба осколков Кубанского (ханского) казачьего войска оказалась связана с Pax Ottomanica вплоть до XX в. Завершая параграф, отметим, что Османская империя, как и Крымское ханство, не случайно стала территорией, хорошо знакомой и некрасовцам, и другим казачьим группам. Такой альтернативой освоения жизненного пространства в конце XVIII – XIX вв. воспользовались и казаки-черноморцы, и задунайские «неверные» запорожцы, и казаки Османского (Оттоманского) казачьего войска. Тюркский мир оставался привлекательным для казаков и на закате Нового времени, порождая в их среде новый исторический опыт, новые разочарования и новые надежды…

§ 2. Запорожцы в подданстве Крымского ханства

В. И. Мильчев

В начале XVIII в. Войско Запорожское Низовое (далее – ВЗН) переживало сложный период своей истории. Не в последнюю очередь это было вызвано изменением в балансе трех основных сил, действующих на юго-востоке Европы – Речи Посполитой, Османской империи и России. Усиление последней повлекло за собой изменения в характере ее отношений с соседями и собственным пограничным населением. Первая декада XVIII в. ознаменовалась обострением отношений российского правительства с двумя самыми большими казацкими сообществами степного пограничья – запорожским и донским. Унификаторская политика Петра I по отношению к казацким окраинам государства проявилась во втягивании казаков в военные операции вне границ традиционных для них степного пространства, ограничении притока в ВЗН и Войско Донское нового контингента из внутренних украинских и русских земель, усилении контроля за обоими сообществами путем создания на степном пограничье цепи крепостей, послуживших действенным инструментом их инкорпорации.

В ответ на централизаторские устремления Петра I, в 1707–1709 гг. произошли антиправительственные выступления донцов и запорожцев,

[93] Небольшая группа казаков, возглавляемая Р. Решетниковым, все же перешла в российское подданство, поселившись в Таганрогском уезде (РГАДА. Ф. 15. Оп. 1. Д. 185. Л. 43–46 об., 494; *Мильчев В. И., Сень Д. В.* Случай Родиона Решетникова: казак-некрасовец в конце XVIII в. // Казачья государственность: исторические, правовые и культурные аспекты: мат-лы межд. науч. конф. Сб. науч. ст. / под ред. А. В. Венкова. Краснодар, 2011. С. 37–45). Семья Р. Решетникова, однако, предпочла принять османское подданство.

которые завершились их поражением и переходом всего Войска Запорожского Низового и части донцов на территорию Крымского ханства.

Переход запорожских казаков в подданство Крымского ханства

В конце февраля 1709 г. кошевой атаман Запорожской Сечи Константин Гордиенко принял сторону шведского короля Карла XII и его союзника гетмана Ивана Мазепы. С этого времени основной театр военных действий сместился в Украину. Военная кампания 1709 г. была неудачной для ВЗН, не только из-за военных поражений, но и вследствие занятия всей территорией Запорожья (Запорожские Вольности) войсками Петра I. 14 мая 1709 г. русские войска с помощью казацких отрядов царского ставленника гетмана Ивана Скоропадского разгромили Запорожскую Сечь на р. Чертомлык. Части сечевиков удалось выскользнуть из осады и бежать на крымскую территорию. 27 июня того же года на территорию ханства отошли и те запорожцы, которые во главе с К. Гордиенко участвовали в Полтавской битве в составе войск гетмана Мазепы[94].

Было бы преувеличением считать, что верхушка Крымского ханства и военное командование турецких крепостей Северного Причерноморья радушно встретили нежданных визитеров. Несанкционированное вступление на территорию Османской империи большого количества запорожцев, недавних врагов турок и крымцев, угрожало не только обоюдными провокациями, но и обострением отношений с Россией, втягивало Порту в несвоевременную войну с нею. Поэтому, хотя запорожцы и «посылали от себя к хану Крымскому несколько кратно, прося его дабы принял их в подданство и дал орды на помочь […], хан того их […] прошения не исполнил, а писал к салтанову величеству турскому»; султан же запретил хану принимать запорожцев в подданство, «дабы и орды им на помочь не посылал и ссоры не вчинял, и отнюдь никакой причины к тому не подавал»[95]. Следовательно, говорить о вступлении ВЗН в крымское подданство в 1709 г. некорректно. Да и само пребывание на территориях ханства казалось казацким вождям явлением временным.

5 апреля 1710 г. в г. Бендеры состоялся большой казацкий совет (рада) при участии гетмана Филиппа Орлика, запорожского кошевого атамана К. Гордиенко, депутатов от запорожцев, построивших новую Сечь в урочище Алешки[96], а также представителей турецкой, шведской и крымской сторон. Одним из пунктов принятого соглашения, составленного Ф. Орликом и известного в историографии под названием «Конституция», стало

---

[94] *Чухліб Т.* Ідея відмови кошового отамана Запорозької Січі К. Гордієнка від протекції Москви в умовах Північної війни 1700–1721 рр. // Чорноморська минувшина. Записки Відділу історії козацтва на Півдні України Науково-дослідного інституту козацтва Інституту історії України НАН України. Зб. наук. праць. Вип. 4. Одеса, 2008. С. 18–24.

[95] ПСЗРИ. Т. IV. СПб., 1830. С. 455.

[96] В районе современного г. Алешки, Херсонская обл., Украина.

признание верховенства («протекции») шведского монарха над ВЗН. Договор, заключенный осенью 1710 г. между украинской, шведской и турецко-крымской сторонами, накануне войны с Россией, был ничем иным как военным союзом. В «Конституции» отмечено, что крымские ханы, с этого момента и в дальнейшем, являются лишь союзниками, но никак не сюзеренами ВЗН и не владельцами земель Запорожья[97].

Лишь с заключением Адрианопольского мирного договора 1713 г., Россия окончательно признала выход ВЗН из-под своей власти и переход его под власть Гиреев[98]. Но крымский хан не спешил закреплять за запорожцами определенную территорию. В то же году Гордиенко писал Станиславу Хоментовскому, польскому комиссару по разграничению земель Речи Посполитой с Османской империей: «*Han, JMsc nasz upewnia miescem dla mieszkania*» (хан, наш милостивый владетель, уверяет [нас] местом для жительства)[99]. Дополнительное соглашение гетмана Ф. Орлика с турецким правительством весною следующего года окончательно определило новый статус ВЗН. Запорожцы отныне находятся под двойной юрисдикцией Османов и Гиреев. По этому поводу крымский хан Каплан-Гирей писал каштеляну (коменданту) крепости Каменца-Подольского Калиновскому в мае 1714 г.: «*Kozacy nie są bez Panscy – maią oni dwoch Panow*» (казаки – не без владетеля, имеют они двух господ), т. е. хана и султана[100].

Гетман Ф. Орлик как глава всего «Войска Запорожского» (т. е. Гетманского государства с ВЗН включительно) после отъезда в Швецию в 1714 г., не имел влияния на управленческие решения, вырабатываемые в Стамбуле и Бахчисарае в отношении запорожцев. Его главенство над украинским казачеством, находящимся вне власти российского царя, с этого момента стало чисто номинальным. В последний раз о нем как о гетмане «Войска Запорожского» Порта вспомнила в 1734 г., пытаясь использовать его имя как последний «козырь» в игре за удержание запорожцев под своей властью[101].

Непосредственным правителем запорожцев становится крымский хан, который, впрочем, был обязан согласовывать с Портой решения по важным вопросам внутренней и внешней политики своего государства. Об этом свидетельствовал австрийский посол Йоган фон Тальман в Стамбуле: «прибыл татарский хан и несколько раз совещался относительно современного положения с султаном, а равно с великим везиром, и другими турецкими министрами»[102]. Несмотря на эту практику, Порта признала сюзереном крымско-

---

[97] Конституція Пилипа Орлика: оригінал та його історія. Підготувала О. Б. Вовк // Архіви України. 2010. Вип. 3–4 (269). С. 158–159.

[98] ПСЗРИ. Т. V. СПб., 1830. С. 37.

[99] AGAD. Z. AKW. Dz. Tureckie. Kart. 79. № 579, K. 11.

[100] AGAD. Z. AKW. Dz. Tatarskie. Kart. 64. № 17, K. 3. (делопроизводственный перевод на польский язык).

[101] *Яворницький Д. І.* Історія запорозьких козаків. У 3-х томах. Т. 3. К., 1993. С. 438.

[102] Турция накануне и после Полтавской битвы (глазами австрийского дипломата) / Перевод, введение и примечания В. Е. Шутого. М., 1977. С. 79.

го хана в отношении ВЗН[103]. Частые в то время смены правителей Бахчисарая ввергали запорожцев в состояние неопределенности, поскольку отношения с каждым новым ханом нужно было выстраивать «с нуля». Так случилось в начале 1719 г., когда вместо Каплан-Гирея престол занял Сеадет-Гирей[104]. Кошевой, вся войсковая старшина и куренные атаманы должны были всякий раз присягать на верность новому хану[105]. Некий купец, побывавший в Газикермене[106] и возвратившийся на подконтрольную России территорию в сентябре 1730 г., свидетельствовал: «Крымской хан взят в Царь Град, а потом спустя 2 недели посылал из Сечи кошевой в Баксысарай до везиря 2-х атаманов с прозьбою кому они будут кланятся, и под чьею властию будут, на что им везирь сказал, что вскоре будет у них из Царя Града новой хан Каплан Гирей и им велел быть в готовности на что они спросили, что для встречи ль им готовыми быть, и он везирь им сказал, чтоб были все казаки в готовности к походу как хан приедет»[107].

Следующими, после хана, власть предержащими персонами Крымского ханства, имевшими властные прерогативы в отношении ВЗН, были калга, нурадин и ор-бей, происходившие из дома Гиреев. Частые ротации Портой ханов на крымском престоле, автоматически влекли за собой перемену этих лиц. Кроме них к участию в принятии решений о запорожцах были причастны и первые чиновники Крыма – мурзы и беи, участвовавшие в работе ханского дивана[108]. Известны случаи опеки отдельных казачьих групп ногайскими мурзами (баш-мурза) и султанами – представителями династии Гиреев[109].

ВЗН находилось не только на землях Крымского ханства, но и вблизи турецких владений в Северо-Западном Причерноморье, входивших в состав Очаковского эялета Румелийского бейлербейлика. Соответственно запорожцы пребывали и под управлением местной турецкой администрации, представленной бендерским и очаковским пашами, а также газикерменским агою (командир гарнизона крепости)[110]. Главным из них был бендерский паша

---

[103] *Андрєєва С. С.* Зв'язки емігрантів-мазепинців в Криму (1738–1758 рр.) з запорожцями // Наукові записки. Збірник праць молодих вчених та аспірантів / Інститут української археографії та джерелознавства ім. М. С.Грушевського НАН Украины. Т. 12. К., 2006. С. 77–91.

[104] *Яворницький Д. І.* Історія запорозьких козаків… Т. 3. С. 394.

[105] *Эварницкий Д. И.* Источники для истории запорожских казаков. В 2-х томах. Владимир: Тип. Губернского правления, 1903. Т. 1. С. 1070–1071.

[106] В районе современного г. Берислав, Херсонская обл., Украина.

[107] РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 31. Л. 65 об.

[108] РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 49. Л. 2–2 об.

[109] *Эварницкий Д. И.* Источники для истории запорожских казаков… Т. 2. С. 1100.

[110] *Середа О.* Населені пункти Північно-Західного Причорномор'я за османськими джерелами: проблема датування та історичного розвитку // Чорноморська минувшина. Записки Відділу історії козацтва на Півдні України Науково-дослідного інституту козацтва Інституту історії України НАН України. Зб. наук. праць.

(бендер-паша), поскольку именно в г. Бендеры в начале XVIII в. была расположена резиденция управляющего Очаковским эялетом (Озу/Йозу), перенесенная из г. Бабадаг, что в Добрудже. Бендерский паша, которому подчинялись коменданты (паши) Очакова и Газикермена, был главным представителем турецкой власти в регионе[111]. Все они следили за тем, чтобы запорожцы оставались лояльными Османской империи, контролировали их внешние связи, а также нормировали выдачу им пороха, оружия и т. п.

Территориальное устройство ВЗН под властью Бахчисарая претерпело значительные изменения. Оно соединило в себе как давние традиции казачьего управления, так и заимствования из турецко-крымской административной практики. Последнее проявилось в появлении т. н. «паланок» (паланка – поселение, обнесенное «палями», т. е. частоколом)[112]. Паланковое устройство в 1714–1734 гг. ханские и султанские власти распространили на запорожские войсковые слободы, в которых находился казацкий гарнизон и представители администрации Сечи. Начальство паланок, с одной стороны, представляло перед крымским (турецким) правительством интересы населения подвластного им округа, с другой – обеспечивало выполнение им воинской повинности, уплату налогов. Паланковыми центрами запорожцев в этот период были Гард-на-Буге (Бугогардовская паланка), Старый Кодак, Меловая Каменка[113].

Русско-турецкие договоры 1711–1714 гг. декларировали право запорожцев пользоваться всеми землями, принадлежавшими им в предыдущий период. Граница России и Османской империи с этого времени проходила по междуречью Орели и Самара до Сиверского Донца, т. е. все Запорожские Вольности на степном левобережье Днепра официально вошли в состав Крымского ханства. Однако правители Бахчисарая на протяжении всех 23 лет пребывания ВЗН в их подданстве, не издали ни одного акта, закрепляющего за ним конкретные территории. Не в последнюю очередь это произошло из-за противодействия соседней Речи Посполитой. Так, 24 января

Вип. 4. Одеса, 2008. С. 58. *Яворницький Д. І.* Історія запорозьких козаків… С. 385, 392, 410.

[111] *Хайдарлы Д. И.* Население Северо-Западного Причерноморья в XVIII в. (исторические аспекты) // Stratum plus. № 6. Кишинев: Университет «Высшая антропологическая школа», 2008. С. 110.

[112] После возвращения запорожцев в российское подданство в 1734 г. паланковая система была сохранена, и в 1740-е гг. укоренилась на всех землях ВЗН. В более широком смысле, паланками стали называть не только центральные поселения, но все административно-территориальные единицы, на которые было разделено Запорожье. Во главе паланок стояли полковники, избираемые на общевойсковой казацкой раде, с 1760-х гг. назначаемых правительством Запорожской Сечи – Кошем.

[113] *Мільчев В.* Військо Запорозьке Низове під кримською протекцією // Історія українського козацтва: Нариси: У 2 т. / ред. В. А. Смолій (відп. ред.) та ін. К., 2006. Т. 1. С. 591.

1714 г., польский посол в Стамбуле С. Хоментовский отметил, что его государство признает право Порты по своему усмотрению заселять земли, отошедшие к ней от России по Прутскому и Адрианопольскому мирным договорам, однако настаивал на том, чтобы турки не давали «*iednego kawalka tego kraju dla Kozakow osadzenia w protekcye ich będacych*» (ни пяди земли для поселения казаков, находящихся в их подданстве)[114].

Невозможность решения данного вопроса во многом была связана и с тем, что в Российском государстве и в Османской империи управление пограничными территориями существенно отличалось. Во второй половине XVII в. сложилась модель, согласно которой запорожцы служат российскому монарху (охраняют границы его государства, участвуют в его кампаниях), в обмен на признание их права распоряжаться земельным фондом и природными ресурсами контролируемой ими территории, с добавлением к этому уплаты ежегодного жалования (деньгами, боеприпасами, продовольствием) и предоставления льгот в торгово-ремесленной деятельности. Но в Крымском ханстве запорожцы получали право землепользования на тех же основаниях, что и ногайцы. За каждой кочевой группой закреплялись определенные территории во временное пользование; их пределы могли быть в любой момент изменены. Такое положение вещей не могло удовлетворять запорожцев. Именно здесь были заложены предпосылки для почти неизбежного выхода ВЗН из крымского подданства, что и случилось в 1734 г.

Гораздо меньше крымские власти ограничивали запорожцев в пользовании природными ресурсами: не было никаких запретов на занятие запорожцев рыбным и охотничьим промыслом на всей территории Крымского ханства. Вместе с тем переработка их добычи была невозможна без использования значительного количества соли. Залежи самосадочной соли на территории ханства были сосредоточены, главным образом в соляных озерах на севере Крымского полуострова (Сиваш и др.), а также на Кинбурнской косе (Прогнои). Сперва запорожцам разрешили бесплатно брать из озер соль в неограниченном объеме. Но в середине 1720-х гг., когда обнаружилась значительная продажа запорожцами соли чумакам, приезжавшим из Гетманщины (Левобережной Украины), ханские чиновники установили лимит, соответствующий минимальным потребностям запорожцев[115].

Крымские власти изначально не «баловали» украинских казаков большим жалованьем. Обеспечение гетмана И. Мазепы и кошевого атамана К. Гордиенко в 1709 г. было весьма скромным. На пропитание гетмана и его ближнего круга за период с 17 августа по 2 октября было истрачено 1 336 акче (11 таллеров), а на кошевого – 880 акче (чуть больше 8 таллеров) с 17 августа по 25 октября. В рацион входило лишь самое необходимое: хлеб, крупы, мясо, уксус, лук, немного водки и конского фуража[116]. Вскоре после

[114] AGAD. Z. AKW. Dz. Tureckie. Kart. 79. № 593. K. 19.

[115] *Мільчев В.* Військо Запорозьке Низове під кримською протекцією… С. 587–603.

[116] *Середа О.* Османсько-українське степове порубіжжя в османсько-турець-ких джерелах XVIII ст. Одеса: Астропринт, 2015. С. 161–162.

смерти И. Мазепы (21 сентября) турки сняли казаков с довольсвия. Шведский король Карл XII в таких условиях поступил благородно и взял на себя содержание не только самых видных из «мазепинцев», но и всех «*казаков конных числом 700*»[117]. В первые пять лет своего пребывания в Крымском ханстве запорожцы получали незначительное денежное жалованье. Вероятно, на выплаты запорожцам шла часть от суммы, которую крымские ханы традиционно получали от Порты на покрытие расходов на армию, т. н. «ücreti seymen» – сейменская плата (сеймены – обобщенное название наемного войска в Османской империи). С хлебным жалованьем постоянно возникали проблемы, поскольку продовольственное зерно в Северном Причерноморье производилось в незначительном объеме[118]. После 1714 г., когда русско-турецкие отношения стабилизировались и более чем на 20 лет сместились в плоскость вооруженного нейтралитета, османские и крымские чиновники вообще отказали запорожцам в жаловании, не видя перспектив их использования в широкомасштабных военных действиях. В дальнейшем казаки получали жалование лишь в качестве награды за участие в походах крымских ханов на Северный Кавказ. Выдача боеприпасов – пороха и свинца – также происходила только накануне походов и пропорционально количеству казаков, принявших в них участие[119].

Порядок, время и местоположения казацких Сечей в крымских владениях

Этот вопрос продолжает вызывать немало споров, далеких от завершения. Дискуссия ведется в основном о том, где находилась первая Сечь, основанная запорожцами в пределах Крымского ханства, – на левом берегу р. Днепра, в Алешках, или на правом, близ устья р. Каменки, и когда же именно она возникла.

Как известно, Алешковская Сечь находилась в урочище *Алешки* или *Кардашино* (*Кардаши*, *Кардаш-Орман*) – местности на левом берегу Днепра между современными пгт Голая Пристань и г. Алешки Херсонской области. С северной стороны это урочище очерчивает р. Днепр, с многочисленными ериками, озерами и плавнями, с южного – приподнятые Алешковские пески, густо покрытые невысоким лесом и кустарником. Согласно топографическим данным, документальным свидетельствам и археологическим исследованиям, Алешковская Сечь была расположена на юго-западной окраине современного г. Алешки, возле впадения р. Лазнюка в р. Конку и занимала площадь не более 2 гектаров. Сечь представляла собой почти правильный четырехугольник, обнесенный рвами, валами и де-

[117] ОР РНБ. Ф. 905. Оп. 2. Д. Q–344. Л. 4 об.

[118] *Смирнов В. Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII в. … С. 35.

[119] РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 31. Л. 65.

ревянным частоколом. Оборонительный комплекс этой Сечи дополняли 4 редута, сооруженные в каждом из углов форта.

Согласно свидетельствам самих запорожцев, современников тех событий, казацкое поселение в Алешках (Кардашине) возникло уже в 1709 г., в скором времени после разрушения Чертомлыцкой Сечи. Его первыми насельниками были казаки-промышленники, не принимавшие участия в военной кампании. К ним присоединилась и та часть сечевиков, которой удалось спастись от преследования российскими войсками[120]. Не исключено, что на месте Алешковской Сечи сезонное поселение запорожских промышленников существовало и в более ранние времена. Несмотря на относительно низкую численность запорожцев в Алешках, в 1709–1710 гг. именно это поселение современники считали преемником Чертомлыцкой Сечи. Нельзя сказать, что крымские вельможи были в восторге от появления Сечи всего в одном дне конного перехода от Крымского полуострова. Призраки многовековой вражды вынуждали татар с подозрением относиться к своим случайным союзникам, тем более что к тому времени запорожцы пока еще не вступили в крымское подданство. Поэтому еще в начале весны 1711 г. крымский хан Девлет-Гирей II хотел «Новую Сечь на Алешках разорити, а на старом местцу, какое войскамы царского величества разорено, запорожцов осадить»[121], т. е. на месте Чертомлыцкой Сечи. Удачное для крымского войска и его союзников начало военной кампании 1711 г. вселило в сердца казаков надежду на быстрое овладение территориями не только Запорожья, но и всей Украины. Таким образом, для запорожцев существовала реальная перспектива возврата на Чертомлык.

Весной того же года попытка разрушения Алешковской Сечи была осуществлена и российскими войсками. Объединенный отряд российских войск и гетманских полков под командованием полковника А. Ушакова, находившегося в крепости Каменный Затон, выступил с этой целью в мае 1711 г. Однако постоянные нападения крымцев и запорожцев воспрепятствовали этому отряду дойти до Алешек и осуществить возложенную на него миссию. Вместе с тем, чтобы реабилитироваться в глазах высшего командования, часть российского отряда на лодках спустилась вниз по Днепру и сожгла небольшое запорожское поселение на правой стороне реки, в районе Каирской переправы, которое было представлено как разрушение самой «Новой Сечи»[122].

Как это не парадоксально, но реализации планов перевода запорожцев на правую сторону р. Днепр помешало поражение российских войск на р. Прут летом 1711 г., повлекшее за собой территориальные потери. Теперь уже Гиреям было выгодно расположить Сечь вблизи Крыма, что позволяло ее лучше контролировать и предотвращать попытки возвращения запорожцев в российское подданство. Сечь осталась стоять в Алешках.

---

[120] РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 34. Л. 88.
[121] РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 14. Л. 170.
[122] РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Оп. 4. Кн. 13. Л. 1002–1028.

Осенью 1711 г., после возвращения большинства запорожцев из Бессарабии, алешковское поселение приобретает признаки, присущие собственно Сечи. С этого момента в ней находится до 6 тыс. неженатых казаков, хотя значительное количество запорожцев продолжало оставаться в Буджаке и Валахии[123]. Именно в то время начато возведение рвов и валов, сечевых административных зданий и куреней. По крайней мере, к 1711 г. (без указания на конкретный месяц) относятся первые известия о существовании в Алешках стационарных сечевых куреней[124]. Тогда же появляется и церковь. Высокий уровень веротерпимости в Крымском ханстве давал возможность и запорожцам, и казакам-некрасовцам, и автохтонному христианскому населению Крыма в полной мере реализовать свои религиозные потребности. Документы сечевого архива крымского периода (в частности, письма кошевого атамана Ивана Малашевича) прямо свидетельствуют о полноценном функционирование церкви Пресвятой Богородицы на протяжении всего времени пребывания запорожцев в Алешках[125].

К тому же времени относится и возникновение войсковых хуторов – «зимовников» на берегах Кардашинского лимана. Как отмечал в октябре 1712 г. запорожец Лукьян Васильев, «ныне в то урочище к ним из малороссийских городов идут многое число с женами и детьми, а сказывают, что они идут от налогов и от поборов панских»[126].

Во всех представленных выше источниках 1709–1711 гг. под новой Сечью понимается именно Алешковская Сечь, а под старой, уничтоженной по приказу Петра I, именно Чертомлыцкая, но никак не Каменская, о существовании которой в 1711 г. в литературе представлено ложное мнение. Безымянный сечевой историограф, который составил 29 мая 1734 г. (2 месяца спустя после выхода из крымского подданства) записку «В память потомную», назвал именно Алешки, а не Каменку первым местом постоянного поселения запорожцев в Крымском ханстве[127].

Алешковская Сечь просуществовала 19 лет, до 25 мая 1728 г., когда она была разрушена пророссийской группой казачества во главе с Иваном Малашевичем и Иваном Гусаком. Противостояние двух запорожских группировок, ориентировавшихся на крымского хана и русского царя соответственно, привело к возникновению параллельного войскового центра. Часть запорожцев, предпочетшая возвращение на царскую службу службе Гиреям, в конце 1727 – начале 1728 г. ушла на р. Чертомлык и стала кошем на месте старой Сечи. Причиной выделения этой группы, скорее всего, стали репрессии запорожцев, втянутых в войну за ханский престол Адыл и Менгли Гиреев. Тогда и была восстановлена Чертомлыцкая Сечь. С целью ее легитимации лидеры данной группы попытались получить регалии

[123] Описание дел Архива морского министерства за время с половины XVII до начала XIX столетия. Т. 1. СПб., 1877. С. 632.
[124] ОР РНБ. Ф. 905. Оп. 2. Д. Q–347. Л. 1.
[125] АВПРИ. Ф. 124. Оп. 124/1. 1720 г. Д. 31. Л. 1–3.
[126] РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 34. Л. 87 об.
[127] РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 1. Ч. 2. Л. 39.

ВЗН, уничтожить Сечь в Алешках и перевести тамошних казаков и население окружающих слобод на к р. Чертомлык. Именно это и было осуществлено в мае 1728 г. Сечь простояла на Чертомлыке 2 года. Весной 1730 г., после того как стало понятно, что российское правительство не спешит принимать их в свое подданство, войсковой Кош был перенесен. На этот раз на правый берег р. Каменки при впадении ее в Днепр[128].

Каменская Сечь была следующей и последней из запорожских сечей в пределах Крымского ханства. Она размещалась на южных окраинах современного с. Республиканец Бериславского района Херсонской области. Место, на котором возникла эта Сечь, не было случайным, ведь на акватории Днепра, между современными селами Республиканец Бериславского района (на правом берегу) и Каиры Горностаевского района (на левом) Херсонской области с древних времен функционировала переправа. Сбор пошлины на переправах составлял одну из самых прибыльных статей дохода ВЗН во времена его нахождения в крымском подданстве. В награду за свою службу запорожцы получили от Гиреев право собирать пошлину с перевозов на реках Днепр и Южный Буг[129]. Каирская (Каменская) переправа была одной из 5 переправ, принадлежащих ВЗН. Через эту переправу каждый год в Крым проходили сотни чумацких и купеческих обозов. Таким образом, это место было благоприятным для возникновения стационарного запорожского поселения.

Здесь постоянно находился казацкий гарнизон, функционировали таможня, базар. Однако собственно сечи не было вплоть до 1730 г., когда разуверившиеся в приеме в российское подданство сечевики ушли с Чертомлыка и перенесли Кош в казацкую слободу Каменка. В 1730 г. к уже существующему поселению прибавилась сечевая крепость. Каменская Сечь была обнесена валом и рвом, в ее центре традиционно находились церковь Покрова Пресвятой Богоматери, административные здания и 38 куреней. Как и раньше, функционировало торгово-ремесленное предместье с разветвленной инфраструктурой – мастерскими, магазинами, кабаками и постоялыми дворами[130]. Сечь на Каменке простояла до 31 марта 1734 г., когда состоялся окончательный выход ВЗН из крымского подданства.

Кошевые атаманы

Ограниченная источниковая база, обусловленная плохой сохранностью запорожских и слабым введением в научный оборот турецких документов, не позволяет в полной мере судить об административном устройстве ВЗН данного периода. Большинство хронологических таблиц по персоналиям кошевых атаманов этого времени базируются на сведениях, взятых из архи-

---

[128] РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 1. Ч. 2. Л. 39 об.

[129] *Мільчев В.* Запорозьке козацтво у підданстві Гіреїв // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. Запоріжжя, 2009. Вип. XXVI. С. 173.

[130] *Власов О. Ю.* Кам’янська Запорозька Січ як туристичний об'єкт: проблеми та перспективи // Краєзнавство. № 2 (79). К., 2012. С. 97–103.

вов Новой Сечи, а также военного и внешнеполитического ведомств Российской империи. Постоянная борьба группировок на Сечи, калейдоскопическая смена казацких лидеров, спорадичность фиксации информации о них в российских пограничных крепостях, плохая сохранность этих записей почти не оставляют шансов для воссоздания реальной картины атаманства на Запорожье с 1709 по 1734 гг. Гипотетически на каждого из известных нам кошевых атаманов этого периода может приходиться столько же неизвестных. Следует отметить и то, что в это время неоднократно возникали разные центры запорожского казачества с разными лидерами.

Однако мы располагаем несколькими достоверными данными о прозвищах, именах и отчествах отдельных кошевых атаманов. Есть и минимальный хронологический базис, пусть и не бесспорный. Опираясь на них, и была составлена[131] и уточнена представленная ниже таблица, с помощью которой можно узнать, кто же именно стоял во главе ВЗН во время его нахождения в крымском подданстве:

Кошевые атаманы ВЗН (1709–1734 гг.)

Константин Гордиенко	1709 г.
Петр Гордиенко	нач. 1710 г.
Аким Богуш	1710 г.
Иосиф Кириленко	1710 г.
Константин Гордиенко	Декабрь 1710 – 1713 гг.
Иван Малашевич	1713–1714 гг.
Василий Иосифович	Август 1714 – февраль 1715 гг.
Иван Малашевич	Июль 1716 – июнь 1720 гг.
Иван Филиппов	1721 г.
Василий Титаревский	1722–1723 гг.
Василий Гуж	1725 г.
Павел Федорович	Июнь 1725 – 1727 гг.
Павел Сидоренко	Март – июнь 1728 г.
Константин Гордиенко	Июнь 1728 г.
Иван Гусак	Июнь – июль 1728 г.
Константин Гордиенко	Июль 1728 г.
Иван Малашевич	Август 1731 – 1733 гг.
Яков Тукало	1733 г.
Иван Билицкий	Август – декабрь 1733 гг.
Иван Малашевич	с января 1734 г.

Военные кампании запорожских казаков

После поражения в Полтавской битве, в условиях деморализации войск Карла XII и стремительного сокращения источников их финансирования, служба запорожцев шведскому монарху все больше приобретала

[131] *Мицик Ю. А.* Козацький край: нариси з історії Дніпропетровщини XV–XVII ст. Дніпропетровськ, 1997. С. 110–112.

формальный характер. Довольно много запорожцев показали свое отношение к ней как наемничеству и, утратив надежду на получение платы, стали покидать шведский лагерь при Бендерах.

Уже в конце 1709 г. запорожцы стали массово уходить в низовья Днепра. Раздражение тем, что их военные услуги не были надлежащим образом оплачены, вылилось в захват шведских воинов и продажу их в неволю туркам. Количество проданных в ясыри шведов уже к началу 1710 г. достигло 400 человек[132]. Нельзя сказать, что военная служба запорожцев абсолютно не вознаграждалась Карлом XII. Так, летом 1710 г. за охрану королевской свиты, которая проследовала из Бендер в Каменец-Подольский, каждый из запорожцев-охранников получил по 20 талеров. Еще бóльшие деньги были обещаны сечевикам за согласие сопровождать шведского монарха до границ Померании[133]. Однако участие в подобных акциях казаков могло обеспечить средствами лишь ближайшее окружение К. Гордиенко и его соратников, т. е. во второй половине 1709 г. и в 1710 г. военная активность запорожского казачества сводилась к охране шведского короля.

Крупномасштабные военные акции запорожского казачества пришлись на время русско-турецкой войны 1711 г. Вступление Крымского ханства в войну с Россией было санкционировано турецким правительством, чтобы помочь шведскому королю Карлу XII и его украинским союзникам взять реванш за поражение под Полтавой и овладеть территориями Запорожья, Гетманщины и Слободской Украины. 9 ноября 1710 г. султан Ахмед III объявил войну России. В последнюю декаду декабря 1710 г. состоялась мобилизация крымской кавалерии и концентрация ее в районе Перекопа (Ор-Капы). Общее количество крымского войска составляло до 100 тыс. всадников. 6–12 января 1711 г. крымцы двинулись на север. Бóльшая часть их войска переправилась на правую сторону Днепра, имея своей конечной целью Киев[134]. По левому берегу Днепра к южным районам Слобожанщины и Гетманщины продвигалось около 40 тыс. крымцев. По дороге к ним присоединилось 2 тыс. запорожской конницы и несколько сотен пехоты. В составе этого войска находились 40 шведов, – вероятно, офицеров, консультировавших в вопросах организации штурма российских крепостей. Спустя три недели это разношерстное войско переправилось на правый берег р. Самары[135].

Запорожско-крымские отряды атаковали Новосергиевскую крепость, расположенную вблизи запорожского городка Вольного (ныне с. Вольное Новомосковского района Днепропетровской области). Население Вольного состояло преимущественно из женатых запорожцев и податного населения («посполитых») ВЗН, которым в 1709 г. удалось избежать репрессий и ос-

---

[132] ОР РНБ. Ф. 905. Оп. 2. Д. Q–344. Л. 4 об.

[133] Описание дел Архива морского министерства за время с половины XVII до начала XIX столетия… С. 492.

[134] *Санин О. Г.* Крымское ханство в русско-турецкой войне 1710–1711 гг. // Москва – Крым. Историко-публицистический альманах. Вып. 2. М., 2001. С. 79.

[135] РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 14. Л. 3–3 об.

таться на прежнем месте жительства. Воспользовавшись их поддержкой, крымцы и запорожцы 11 февраля 1711 г. овладели Новосергиевской крепостью. Подобные случаи в Присамарье были далеко не одиночными. В феврале 1711 г. на их сторону перешло население войсковой слободы Кочережки (современное с. Кочережки Павлоградского района Днепропетровской области)[136]. Оставив в Новосергиевской крепости гарнизон из числа казаков Вольного, запорожцы и крымцы направились на Слобожанщину, однако, встретив отчаянное сопротивление на Изюмской засечной черте, вынуждены были повернуть назад. В начале марта 1711 г. запорожский отряд также предпринял безуспешную попытку штурма Новобогородицкой крепости. Ее комендант Шеншин рапортовал своему начальству: «Новобогородицкая крепость земляная и делана легулярно и волновать об ней не извольте – не запорожцам такую крепость добывать»[137]. Запорожцам удалось поджечь форштадт, но, попав под плотный артиллерийский обстрел защитников крепости, они были вынуждены отойти[138]. 5 марта 1711 г. большинство запорожских и крымских отрядов оставило Присамарье и отошло к р. Молочной, где собирались провести весну, подкормить коней и в начале лета возвратиться на Запорожье. Гарнизон Новосергиевской крепости был усилен 500 запорожцами, получившими приказ держаться до возвращения главных сил. От нападения со стороны Новобогородицкой крепости, расположенной невдалеке, ее прикрывал отряд, составленный из 1 тыс. запорожцев и крымцев под предводительством атаманов Нестулия и Пляки (Фляги), ставший лагерем между двумя крепостями[139].

Российское командование, обеспокоенное потерей одного из своих опорных пунктов, прилагало усилия к возвращению Новосергиевской крепости. Петр I планировал в начале апреля 1711 г. двинуть на Крым до 20 тыс. российских и гетманских войск под командованием генерал-майора Д. Бутурлина, поставив целью во время марша отбить Новосергиевскую крепость. Однако поход основных запорожско-крымских сил на Правобережную Украину надолго сковал эти войска в окрестностях Белой Церкви и Переяслава. Именно там в марте 1711 г. действовали главные отряды запорожцев во главе с гетманом Ф. Орликом и кошевым К. Гордиенко. По приказу верного царю гетмана И. Скоропадского против них был отправлен отряд «компанейцев» и «сердюков» под командованием генерального есаула Бутовича. 17 марта вблизи г. Лисянка этот отряд потерпел поражение, а сам Бутович попал в плен. Затем объединенный отряд запорожцев и крымцев, общим числом до 20 тыс., двинулся на г. Белая Церковь, с 1704 г. находившийся под властью Петра I. Гарнизон этой крепости, основу которого составлял пехотный полк бригадира Анненкова и отряд местных казаков, на-

[136] РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 14. Л. 23.
[137] РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 14. Л. 16–16 об., 17.
[138] РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 14. Л. 14–14 об., 15.
[139] РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 14. Л. 11.

считывал 2 000 человек[140]. 25 марта 1711 г. Ф. Орлик и К. Гордиенко начали штурм Белой Церкви. Но ее мощные фортификации и артиллерия позволили отразить нападение. На следующий день казакам удалось захватить форштадт, однако замок оказался неприступным. На рассвете 27 марта силами одной гренадерской роты запорожцы были выбиты из нижнего города, потеряв убитыми до 200 чел. Но это не остановило К. Гордиенко. Запорожцы и крымцы в очередной раз пошли на штурм, но крепостная артиллерия, тяжелые ружья и гранаты защитников отразили и эту атаку. Потеряв до 1 000 своих воинов убитыми и несколько сотен пленными, К. Гордиенко отошел от Белой Церкви по направлению к г. Фастов[141].

Отразив запорожцев от Белой Церкви, россияне сосредоточили свое внимание на левобережье Днепра. Главной проблемой для них оставалась здесь Новосергиевская крепость, удерживаемая запорожцами. На ее штурм был направлен сведенный отряд, состоящий из команд регулярной армии во главе с бригадиром Анненковым и слободских казацких полков под началом генерал-майора Федора Шидловского. 11 апреля 1711 г. корпус Шидловского переправился через р. Орель и подошел к Новосергиевской крепости. Численность этого войска составляла 3 756 чел., из них 1 267 – казаки Ахтырского, Харьковского, Сумского и Изюмского слободских полков[142]. Крымцы и запорожцы во главе с атаманами Плякой и Нестулием безуспешно пытались снять осаду. Вылазка запорожцев из Новосергиевской крепости также не увенчалась успехом. Утром следующего дня русские солдаты и слободские казаки пошли на приступ с трех сторон; бой был отчаянным. В пятом часу пополудни запорожцы сдались. В плен было взято 700 казаков (из них 46 – сечевики) и 3 220 женщин и детей. В руки победителей попала одна пушка (основная часть артиллерии, очевидно, была вывезена запорожцами в марте), 1 305 пищалей, три запорожских флага и одни литавры[143]. Каждый десятый защитник крепости был казнен, по жеребьевке. Уцелевших вольнянцев отправили в Москву и оттуда – на поселение в Сибирь. Подобная же судьба постигла и жителей слободы Кочережки. 13 апреля 1711 г. Ф. Шидловский командировал специальный отряд – 650 слободских казаков, который сжег этот населенный пункт. Его жители – 200 семей казаков и «посполитых» – были отконвоированы в Харьков[144].

Отход значительной части российского войска на левобережную часть Украины дал возможность К. Гордиенко в апреле 1711 г. возобновить военные действия в районе Белой Церкви. В конце этого месяца запорожская команда во главе с Петром Гордиенко, братом кошевого атамана, попыталась овладеть г. Синявы Белоцерковского полка, но была разбита вспомогательным отрядом россиян и белоцерковских казаков. Тяжелора-

---

[140] *Санин О. Г.* Крымское ханство в русско-турецкой войне 1710–1711 гг. … С. 83.
[141] Там же. С. 84–85.
[142] РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 14. Л. 20–21 об., 22, 25–26 об., 44 об.
[143] РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 14. Л. 22 об., 23, 61 об., 62.
[144] РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 14. Л. 23, 31.

неный П. Гордиенко попал в плен и после тяжелой пытки во время допросов умер[145]. Неудачей закончился и поход К. Гордиенко и крымского хана Девлет-Гирея II на Немиров в мае 1711 г. Местные казаки с помощью русского подкрепления отбили семитысячный запорожско-крымский отряд от этого города. Не увенчался успехом и штурм крепости Тор отрядом атаманов Нестулия и Пляки, предпринятый 27 мая 1711 г. Несмотря на значительную численность – 2 тыс. казаков и 4 тыс. крымцев, они были вынуждены ретироваться[146]. Летом того же года запорожцы попытались взять реванш. На Присамарье действовали отряды тех же атаманов Пляки и Нестулия, снова вознамерившихся штурмовать российские крепости. Действия запорожско-крымских отрядов в июне–июле 1711 г., хотя и достигли центральных районов Слобожанщины, однако уже не могли повторить свой первый успех. Причиной тому было отсутствие поддержки большинства населения Гетманщины, Слобожанщины и Правобережья. Не в последнюю очередь это было обусловлено действиями союзников К. Гордиенко – крымских татар и ногайцев, – которые во время походов, традиционно захватывали в плен, грабили и убивали, жгли церкви.

Прутский мирный договор, подписанный 11 июля 1711 г., остановил военные действия на юге Украины. В середине лета этого года активность запорожцев почти сошла на нет. Ратификация Прутского мира, состоявшаяся в Стамбуле 5 апреля 1712 г., поставила военные действия запорожцев против российских и гетманских войск вне закона.

После установления мира между Османской и Российской империями, военная активность ВЗН была сведена к участию в походах крымских ханов на Северо-Западный Кавказ против ногайцев и черкесов. Первые известия об этом датированы 1714–1715 гг. Источники не позволяют проследить, насколько регулярно запорожцы принимали участие в таких походах. В некоторые годы запорожцы вообще не появлялись в этом регионе, в другие же, как, например, в 1728–1729 гг., запорожские команды даже зимовали на Кубани. Количество казаков, мобилизованных по требованию крымских властей для участия в походе, колебалось в зависимости от его масштаба. В 1731 г. был мобилизован 391 казак (по 10 от каждого куреня, плюс 11 старшин)[147], в 1732 г. – 1 тыс. запорожцев (каждый седьмой)[148]. Хотя количество казаков, которых снаряжали в подобные походы, и не была значительным – максимум 15% от всего личного состава ВЗН, потери бывали весьма ощутимыми. Происходило это из-за того, что крымские военачальники посылали запорожцев в самые опасные места. Так, из похода в Кабарду 1731 г. возвратилось лишь 60 из 391 запорожцев[149].

---

[145] РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 74. Л. 182.
[146] РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 14. Л. 247–248.
[147] РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 49. Л. 2.
[148] РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 49. Л. 20–20 об.
[149] РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 49. Л. 2 об.

Кроме этой военной службы, следовавшей из обязательств подданства Крымскому ханству, имели место и случаи традиционного военного найма. Польские вельможи, которые с февраля 1733 г. были втянуты в борьбу Станислава Лещинского и Фридриха-Августа за польскую корону, старались подкрепить свои отряды за счет запорожцев. Так, летом того же года 200 казаков под командованием атамана Левушковского куреня, будущего кошевого Василия Сыча, были наняты речицким старостой Халецким с уплатой каждому 1 червонца в месяц[150].

Таким образом, наибольшая военная активность ВЗН наблюдалась во время российско-турецкой войны 1711 г. и была связана с попытками возврата под свой контроль всех земель Запорожья.

Политическая ориентация запорожцев в 1709–1734 гг.

Неоднократно менялась в зависимости от нахождения у власти представителей анти- или пророссийской группировок. Этот дуализм был присущ внутренней жизни ВЗН в течение всего четвертьвекового периода пребывания его в подданстве Гиреев.

Позиция антироссийской группировки, лидером которой долгие годы оставался К. Гордиенко, базировалась на недовольстве широких масс сечевиков унификаторской политикой Петра I. Установление в 1705 г. южных границ Российского государства (и соответственно Запорожья) с Османской империей (Крымским ханством) лишила запорожцев возможности беспрепятственно выходить в низовье Днепра для рыбной ловли и добычи соли и поставила вне закона традиционные походы за добычей в крымскую степь и к турецким городам. Отметим, что наиболее ревностными сторонниками К. Гордиенко выступали неженатые запорожцы, живущие в Сечи, основным занятием которых были именно эти два вида деятельности. Нельзя снимать со счетов и психологические мотивы – ненависть к носителям «державной» идеи, поправших «извечные» казацкие свободы и предавших жестоким репрессиям запорожцев в 1709–1711 гг.

Социальную базу пророссийской группировки составляло население запорожских зимовников (хуторов) в Великом Лугу (плавни Днепра) и постоянных селений в Надпорожье, побережья Орели и Самары. Основу их экономической деятельности составляло отгонное скотоводство, селитряный и пчеловодческий промыслы и в незначительной степени земледелие. Жители приграничных с Гетманщиной северных запорожских земель более чем кто-либо испытывали острую потребность в восстановлении связей с украинскими землями, разорванными в ходе событий 1709–1711 гг. Эти стремления они пытались реализовать как посредством переселения в пределы российских владений, так и агитации за возвращение всего ВЗН в российское подданство. Еще в 1710 г. к представителям российского командования и гетманской администрации обращались как отдельные запо-

[150] РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 473. Л. 85–85 об., 86.

рожцы, так и целые их группы с просьбой разрешения возвратиться на земли казацких полков и поселиться в своих родных селах и городках. Немалое число запорожцев приняло участие в антироссийском выступлении К. Гордиенко лишь в силу обстоятельств, опасаясь репрессий как со стороны сечевой общины, так и со стороны россиян за сам факт принадлежности к ВЗН. В период стабилизации российско-турецких отношений высшие должности Сечи все чаще занимали лица, представлявшие интересы именно этой запорожской группировки. Наиболее последовательными в своей пророссийской ориентации были кошевые атаманы И. Малашевич, В. Гуж, И. Гусак. На времена их атаманства приходятся попытки вступить в переговоры с высшими российскими чинами и гетманскими властями о реабилитации ВЗН и возвращении его в российское подданство. Насчитывается более десятка подобных эпизодов: январь 1715 г.; май 1716 г.; июль 1717 г.; ноябрь 1718 – январь 1719 г.; октябрь 1728 г.; август 1731 г. и др.

Нельзя также не учитывать потребность ВЗН в постоянном притоке выходцев из украинских земель. Запорожское казачество к тому времени еще не превратилось в закрытое сословие, самодостаточную в репродуктивном отношении этносоциальную группу, как это в то время происходило у донских, терских, гребенских и яицких казаков. Запорожье все еще представляло собой весьма оригинальную социальную модель, в которой объединялись черты архаических мужских союзов евразийских кочевников, военно-феодального сословия европейского средневековья и рыцарских орденов. ВЗН нуждалось в постоянном «обновлении крови». Однако этот приток был стабильным в течение всех лет пребывания в крымском подданстве, вопреки режиму изоляции, созданному в отношении него российским правительством. Жители Гетманщины и Слобожанщины за любые связи с Запорожьем подвергались жестоким наказаниям, а запорожцев, попадись они в руки российских властей, ждали казни, клеймление и ссылка в Сибирь. Численность сечевого товарищества колебалась в пределах одного уровня как в 1709, так и в 1734 г. – приблизительно 7–8 тыс. казаков.

Более весомые и глубинные причины недовольства и последующей реэмиграции запорожцев коренились в неопределенности статуса ВЗН в Крымском ханстве, а также недовольстве запорожцев широким комплексом неблагоприятных факторов экономического, внутренне- и внешнеполитического характера (мы уже упоминали сложные коллизии между Сечью и Гиреями, связанные с «земельным вопросом»; см. выше). Запорожцы были очень стеснены переселением ногайцев с Кубани в Нижнее Поднепровье в 1724 г. Поскольку скотоводство составляло важный сегмент хозяйства запорожцев, сокращение пастбищных площадей из-за миграции ногайцев болезненно ущемило интересы ВЗН и подтолкнуло сечевиков к возвращению под российскую власть. Показательно, что появление в Северном Причерноморье новых ногайских мигрантов вызвало недовольство не только запорожцев, но и крымских татар и ранее мигрировавших в этот регион ногайцев. По степи даже начали ходить слухи о том, что принятие в

крымское подданство едисанцев является ничем иным, как обменом их на запорожцев. Осенью того же года по этому поводу даже произошли волнения среди крымских татар, опасавшихся, что если запорожцам хан разрешит вернуться в российское подданство, то они, хорошо изучившие все крымские владения, могут в дальнейшем очень навредить крымцам[151].

Во время правления Менгли-Гирея II (1724–1730) и Каплан-Гирея (1730–1736) в Крымском ханстве наметилась тенденция к некоторой внутриполитической стабилизации. Она проявилась, прежде всего, в подавлении бунтов ногайских орд, которые пытались использовать отдельные представители династии Гиреев. Активно проводились походы на адыгские народы Северо-Западного Кавказа, упрямо пытавшихся выйти из-под власти Бахчисарая. Запорожцев чрезвычайно истощало участие в этих походах. Часто они попадали в ситуацию «между молотом и наковальней». Так, в декабре 1727 г. калга Адыл-Гирей якобы по приказу хана собрал до 2 тыс. запорожцев, живших по берегам р. Южный Буг, и повел их в Буджак. Там он сделал попытку поднять местных ногайцев на восстание против Менгли-Гирея II. Мятеж вскоре был подавлен, калга арестован, а бóльшую часть запорожцев, поневоле принявших в нем участие, продали в Очакове в рабство на турецкие галеры.

Крымские ханы предпринимали решительные меры в борьбе со степным разбойничеством как запорожских гайдамаков, так и крымскотатарских и ногайских удальцов. Будучи в крымском подданстве запорожцы утратили возможность заниматься одним из важнейших своих традиционных промыслов – добыванием «казацкого хлеба», проще ли говоря – грабежом своих мусульманских соседей. Принцип коллективной ответственности, составлявший эффективный рычаг управления в Османской империи и Крымском ханстве, был распространен и на запорожцев. За каждый грабеж, осуществленный кем-либо из них, отвечало все Войско, а прежде всего – курень, к которому принадлежал виновный. Штрафы за отогнанные у татар табуны и отары, или за ограбленные купеческие караваны достигали иногда суммы в несколько тысяч золотых. Весьма часто представители ханского правительства бездоказательно фабриковали дела по обвинению запорожцев в разбойничестве и взимали с них большие деньги. Впрочем, нельзя не признавать и того факта, что к давнему «степному спорту» (название М. Грушевским традиционной баранты) было причастно множество казаков. В безлюдных местностях от Ю. Буга до Азовского моря существовало немало потайных убежищ, из которых «на большую дорогу» выходили и запорожские серомахи (простые казаки-добытчики), и ногайские батыры. Для их искоренения ханы прибегали к настоящим военным экспедициям, к которым привлекали и запорожцев – по одному степенному казаку от куреня[152].

---

[151] РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 16. Л. 2.
[152] РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 473. Л. 116.

Обратим внимание, что за все время нахождения в крымском подданстве (а это четверть века!) запорожцы так и не сблизились с крымскими татарами и ногайцами настолько, чтобы между ними установилось взаимное доверие. Отдельные случаи комплементарности, когда запорожцы и крымцы назывались «братьями» и клялись в пожизненной верности, были, скорее, исключениями, чем общим правилом. Впрочем, подобные братания большей частью были вызваны осознанием одинаково враждебного отношения к Российской империи, чем неподдельной симпатией друг к другу. Показателен в этом отношении анекдотический случай, произошедший в сентябре 1730 г. в Газикермене: к украинскому купцу из Переволочны обратились два перевозчика-запорожца и попросили сходить с ними к ногайцам для закупки продовольствия. Их просьба исходила из того, что купец владел тюркскими языками, а запорожцы нет. Во время общего ужина пригласивший их ногайский мурза поинтересовался: что они за люди? Узнав от купца, что он из Гетманщины, а те двое – запорожцы, мурза «многократно говорил, что ты мне неприятель, а запорожцам говорил, то нам браты, а вы нам, руския, враги»[153]. Очевидно, прокрымская ориентация части запорожцев больше исходила из ненависти к российской узде, чем из любви к крымской сабле.

Запорожцы и крымцы с подозрением поглядывали друг на друга, только и дожидаясь, кто первым ударит в спину. Атмосфера взаимного недоверия сгустилась в 1731–1733 гг., когда в самой Сечи все более сильными становились пророссийские настроения, а у жителей Крыма и ногайской степи обострилась истерическая фобия в отношении запорожцев. Не в последнюю очередь она была вызвана тем, что в эти годы значительная часть крымского войска находилась на Северном Кавказе для подавления черкесских мятежей и войны с персами. Запорожцы же приняли в этих мероприятиях скромное участие и в какой-то момент оказалось, что они составляют самое крупное войско вблизи Крыма. Сечевиков опасались настолько, что именно из-за них был отложен грабительский поход крымских татар и ногайцев на Гетманщину, обсуждавшийся в Бахчисарае в сентябре 1731 г. Один из беев говорил: «Когда мы для добычи ясыря на российские городы пойдем, столько не добудем, как сами себя от запоросцов утратим, понеже де хотя и живут оне в нашей, крымской стороне и числятца под нашим владением, токмо де серца их лежат все в России. И тако де легко могут, ежели бы мы тронулися, Крым разорять»[154].

Отчуждение татар и запорожцев все больше возрастало. Реальной становилась возможность их вооруженного столкновения и взаимных погромов. Особенно это касалось не сечевиков, а семейных запорожцев, которые в 1720-е гг. расселились от Великого Луга до предместий турецких и крымских городов: Гезлев, Кафа, Бахчисарай, Газикермен и Очаков. Именно это послужило причиной массового выхода запорожцев-хуторян из южнобережной

[153] РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 31. Л. 65 об.
[154] РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 49. Л. 2.

и горной части Крыма еще летом 1733 г. Как высказался один из беженцев, который покинул свое жилье и вместе с семьей шел на Сечь, «ныне нам стало трудно жить в Крыму, того де и гляди что в плен возьмут»[155].

Итак, в течение 1720–1730-х гг. в среде запорожцев росли антикрымские и антитурецкие настроения, которые в конце концов кристаллизировались в твердое намерение вернуться в российское подданство. В своей тайной переписке с российскими и гетманскими чиновниками Кош еще в первые годы после выхода в Крым обсуждал этот вопрос. В свою очередь, российское правительство после смерти Петра I уже не было настолько непримиримо настроено к ВЗН и ждало благоприятного момента для возвращения запорожцев. Таким могла быть только очередная война с Османской империей, освобождающая от ранее взятых на себя обязательств.

Летом 1733 г. Кош в очередной раз обратился к киевскому генерал-губернатору Иогану-Бернгарду фон Вейсбаху. Тот, в свою очередь, снесся с императрицей Анной и 31 августа 1733 г. ею был подписан указ о реабилитации и разрешении ВЗН возвратиться в российское подданство. Переход, по решению общевойсковой рады, решено произвести весною следующего года. Об этом были негласно оповещены все запорожцы, разбросанные по территории ханства от крымской Яйлы до Кубани и Буджака. Все, кто имел желание возвратить в российское подданство, покидали границы Крыма.

Установить общую численность ВЗН на момент его выхода из крымского подданства – сложно. Известно, что лишь в самой Сечи весной 1734 г. находилось 7 115 казаков. Установить реальное количество всех запорожцев, вместе с жителями зимовников и посполитыми, не представляется возможным, поскольку еще и в конце того же года одна часть из них еще находилась в Крыму, а вторая переселилась на более безопасные, ввиду начинавшегося российско-турецкого противостояния, земли казацких полков Гетманщины и Слобожанщины[156]. Переселение не происходило спонтанно. Из Сечи казаки забрали с собой на новое место все, что только можно было вывезти: частично была демонтирована сечевая церковь и здания куреней. Крест и колокола, прочие крупногабаритные вещи грузились на большие лодки и отправлялись вверх по течению Днепра, как только сошел лед. Оставшееся вывозили на лошадях и воловых подводах. 28 марта 1734 г. казаки навсегда покинули Сечь на р. Каменке и три дня спустя, 31 марта, остановились на р. Подпольной и основали Новую Сечь – последнюю из всех запорожских сечей (возле современного с. Покровское Никопольского района Днепропетровской области; это место сейчас затоплено Каховским водохранилищем). Летом того же года депутаты ВЗН посетили Санкт-Петербург, были приняты императрицей Анной, а 2 сентября фон Вейсбах в г. Белая Церковь принял присягу на верность от запорожских старшин.

---

[155] РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1733 г. Д. 5. Л. 10 об.
[156] АВПРИ. Ф. 124. Оп. 124/1. 1734 г. Д. 5. Л. 1–1 об.

Так закончилось почти четвертьвековое пребывание ВЗН в подданстве Гиреев.

Запорожцы в Крымском ханстве во времена Новой Сечи (1734–1775 гг.)

Как и в период нахождения в крымском подданстве после перехода под власть империи Романовых, запорожцы не были едиными в своей политической ориентации. Разделение на пророссийскую и прокрымскую группировки сохранилось.

Некоторое количество казаков оставалось на разных территориях ханства вплоть до разрушения Сечи в 1775 г. Таковыми были не только неженатые сечевики, но и «сидни» или «гнездюки», т. е. женатые запорожцы. Благоприятные климатические и ландшафтные условия горного и южнобережного Крыма привлекли немало запорожцев, более склонных к оседлой жизни, чем военной службе ханам. В третьей декаде XVIII в. замечено их появление в окрестностях Гезлева, Кафы и Бахчисарая. Особенно охотно казаки селились в греческих (румейских и татских) селах, обзаводясь мельницами, садами, виноградниками[157]. После 1734 г. было немало таких хуторян, которые «в самом Крыму по городам и селам, а паче в самом же Бакцысарае таковых же весьма немало осталось, некоторыя на греческих девках и жонках поженились и тем привязаны»[158].

Не вернулась и часть запорожцев-сечевиков. Существование их общины прослеживается по источникам 1730–1760-х гг. в Бахчисарае и его окрестностях. Ядро этой общины составили неженатые запорожцы. История этой группы казаков во время русско-турецкой войны 1735–1739 гг., к сожалению, пока еще остается не исследованной. Однако можно утверждать, что ее численность значительно возросла после окончания войны за счет притока населения из Запорожья и Гетманщины[159]. Согласно донесениям российских конфидентов (тайных информаторов), какая-то группа сечевиков после 1734 г. поселилась на Кубани в некрасовских селениях. Попутно отметим, что во времена крымского подданства запорожцев их отношения с некрасовцами были вполне дружественными[160]. Впрочем, количество этих «кубанцев», очевидно, не было значительным.

Вся история Запорожья периода Новой Сечи пронизана перманентными попытками казацкой старшины приспособить традиционный образ жизни всего запорожского сообщества к новым условиям, достичь компромисса в отношениях с местной и высшей российской администрацией, сохранив при этом остатки автономного устройства. Попытки запорожской верхушки ввести в ВЗН порядки, которые позволили бы ему в буквальном смысле «выжить» в условиях нарастающей централизации Российской

[157] РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1733 г. Д. 5. Л. 10 об.
[158] АВПРИ. Ф. 123. Оп. 1. 1744 г. Д. 2. Л. 124.
[159] РГАДА. Ф. 15. Оп. 1. Д. 61. Л. 21–26.
[160] РГВИА. Ф. 20. Оп.1. Д. 1165. Л. 53.

империи, наталкивались на противодействие простой массы казачества, держащейся традиционных установок относительно казацкого образа жизни. Для запорожской «серомы» (иначе – «голоты») идеалом и образцом был казак-добычник XVI–XVII вв., но никак не крепкий хозяин зимовника века XVIII-го. Именно в среде сечевых низов зреют оппозиционные настроения, выливавшиеся в бунты 1749, 1756, 1768 гг. Это же противодействие наступлению нового уклада жизни проявилось и в деятельности гайдамаков, которые создавали в отдаленных местах Запорожья собственные «мини-сечи»[161]. В этой среде во времена Новой Сечи культивировалась «крымская легенда» – миф о вольготной жизни под властью Гиреев[162].

Уже после подписания Белградского мира (1739) к крымским запорожцам охотно присоединяются всевозможные перебежчики. На протяжении 1740–1750-х гг. именно бахчисарайская община запорожцев становится центром притяжения для выпавших из ВЗН казаков. Сюда бегут сечевые «молодыки» (джуры/гюруны), здесь остаются запорожцы-чумаки и казаки-лисичники (охотники на пушного зверя) – все те, кому жизнь в Крыму, как они считали, могла дать больше возможностей для самореализации. Поиски средств для пропитания на первых порах толкала часть их искать работу по найму, что в конце концов сказалось на тех специфических названиях, под которыми они фигурируют в российских, турецких и крымскотатарских документах того времени – «аргаты» (батраки) и «ренджиперы» (поденные рабочие)[163]. Эта терминология не отражает реальное положение запорожских мигрантов. По сообщению поручика А. Никифорова, прибывшего в Бахчисарай по особому поручению киевского генерал-губернатора в сентябре 1744 г., большинство запорожцев-аргатов находилась в Крыму не столько ради заработка, сколько спасаясь от наказания за совершенные проступки. Несколько сгущая краски, Никифоров писал: «запорожские ж казаки называемые аргаты […], самыя пьяницы, и что заработанных денег не получили, то все пропили»; «аргаты не для зарабатывания денег, но для защищения себя по предерзости от наказания, другие же, учиня по присяги непослушание и творя многое злодейство, в Крым приходят»[164].

Крымские власти, с одной стороны, понимали нежелательные последствия пребывания в своих владениях таких беспокойных людей. Но с другой – вынашивали планы использовать их в своих целях. При личном содействии ханского переводчика Гасана (бывшего запорожца, принявшего ислам) и при поддержке сторонников И. Мазепы, живущих в Бахчисарае еще с 1709 г., во главе пребывающих в Крыму запорожцев был по-

---

[161] *Скальковський А. О.* Історія Нової Січі, або останнього Коша Запорозького / Передмова та коментарі Г. К. Швидько. Дніпропетровськ, 1994. С. 420–421.

[162] *Рябінін-Скляревський О. О.* Запорозькі заколоти та керуюча верства Коша XVIII століття // *Малинова Г. Л., Сапожников И. В.* А. А. Рябинин-Скляревский: материалы к биографии. Одесса; Киев, 2000. С. 93, 141, 146.

[163] РГАДА. Ф. 15. Оп. 1. Д. 61. Л. 27 об., 67 об.

[164] АВПРИ. Ф. 123. Оп. 123/1. 1744 г. Д. 2 Л. 6 об., 37.

ставлен казак Андрей Щербина. В ближайшие планы ханского правительства входило как можно скорее переселить казаков атамана Щербины из Крыма в Буджак, и основать там отдельный Кош, т. е. Сечь[165].

Российская дипломатия сделала все возможное для расстройства этих планов. Сославшись на статью Белградского мира о взаимной выдаче преступников, А. Никифоров потребовал экстрадиции атамана Щербины, который был российским подданным и разыскивался Кошем за совершенные преступления. А. Щербина стал разменной монетой в межгосударственных отношениях и был выдан российскому представителю. 17 октября 1744 г. его под конвоем «российских» запорожцев привезли в Сечь[166]. Затем, по требованию Никифорова, в три этапа были переданы еще несколько десятков запорожцев, однако многим из них удалось убежать от конвоя и вернуться в Крым. В итоге экстрадиции было подвержено всего 29 казаков, принадлежащих 14 сечевым куреням[167].

Центры запорожской «диаспоры» в Крыму продолжали существовать и дальше, несмотря на протесты российских послов в Стамбуле А. Неплюева и А. Обрескова в 1746–1747 и 1752 гг. Для успешного выполнения этой важной задачи российская дипломатия настаивала на пребывании своего постоянного консула в Бахчисарае, однако Порта была категорически против этого. Контрмеры российского правительства в отношении бахчисарайской группы запорожцев не имели значительного успеха[168].

Находясь вне досягаемости российских властей, запорожцы с начала 1750-х годов активно привлекались ханской администрацией к участию в различных военных акциях. Так, в сентябре 1754 г. стало известно о походе на черкесов крымского хана во главе шеститысячных войск, в состав которых входили некрасовцы и 280 «волных запорожцов»[169]. Невозможно, однако, точно выяснить были это запорожцы из Бахчисарая или те, которые проживали на Кубани. Возможно, что имело место соединение представителей разных групп «крымских» запорожцев. В следующем году они пытались привлечь на свою сторону казаков из Сечи. В конце сентября 1755 г. киевский вице-губернатором И. Костюрин получил сообщение о попытке «мазепинских» эмигрантов в Крыму Ф. Мировича и Ф. Нахимовского наладить контакт с сечевиками. Они тайно передали двум запорожцам, сопровождавших секунд-майора Миронова, посланного Костюриным в Крым, письма, содержащие призывы к запорожцам выйти из российского подданства. Но бдительный Миронов пресек это намерение[170].

Вероятно, существовали и другие каналы обмена информацией между Запорожской Сечью и Крымом, поскольку подобная агитация все же достигла своей цели. В частности, 19 сентября 1755 г. киевский вице-гу-

---

[165] АВПРИ. Ф. 123. Оп. 123/1. 1744 г. Д. 2. Л. 50.
[166] АВПРИ. Ф. 123. Оп. 123/1. 1744 г. Д. 2. Л. 52.
[167] АВПРИ. Ф. 123. Оп. 123/1. 1744 г. Д. 2. Л. 22 об., 46 об., 62 об., 63, 123–124 об.
[168] РГАДА. Ф. 15. Оп. 1. Д. 61. Л. 23–23 об., 26 об., 59–59 об.
[169] РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1574. Л. 599 а.
[170] РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1579. Л. 517–518.

бернатор И. Костюрин доносил в Сенат данные разведки о 119 запорожцах, которые перешли границу, проникли в Очаковскую область и стали лагерем «на бессарабской стороне» (т. е. правом берегу) Днестра, после чего послали депутатов к крымскому хану с просьбой принять их в свое подданство[171]. Не исключено, что их уход произошел не без участия «крымских» запорожцев. В подтверждение этому предположению приведем донесение завербованного русскими агентами – писаря бендерского паши, некоего Радкевича. По его сообщению, несколько «крымских» запорожцев в августе 1755 г. находилось в г. Каушаны при ставке буджацкого сераскера[172]. Этот же конфидент свидетельствовал, что запорожцы стали куренями под Бендерами и выслали депутатов к крымскому хану. Чуть позже к бендерскому паше по поводу этих казаков писал польский пограничный комиссар, который обвинял их в гайдамачестве и просил выдать ему на расправу. Однако турецкое начальство оставило без внимания это требование и присоединило перебежчиков к остальным запорожцам[173]. В 1755–1756 гг. этот достаточно многочисленный запорожский отряд был расквартирован в Бессарабии. Так, 3 октября 1756 г. в Петербург поступило сообщение о пребывании в бессарабских городах Оргеев и Кишинев 400 запорожцев, вместе с другими перебежчиками[174]. Наличие этих же 400 казаков подтвердил еще один российский агент – молдавский священник Дамиан. Он сообщил о шатком положении этой группы в первое время по прибытии в турецкие владения. Сначала перебежчиков хотели сослать на каторги или вообще перебить, но поразмыслив, приняли в службу «в таком намерении, что де может быть и вся Запорожская Сечь в подданство их чрез тех злодеев отдастца, как де и прежде от них запорожцов было»[175].

Как видим, позиция Бахчисарая в отношении запорожских казаков и украинских гайдамаков не была однозначной. Попытки использования их как военной силы предпринимались даже в последние десятилетия существования Крымского ханства. Так, по сообщению от 16 апреля 1760 г. (в то время прусский король Фридрих II стремился втянуть хана Крым-Гирея в Семилетнюю войну), «тот хан к себе еще татарского войска […] набирает, а наипаче гайдамак»[176]. В разное время упоминались запорожцы, осевшие в крымских и турецких городах; как, например, некий Василий в Аккермене (1754 г.)[177]. Прозрачность границ и слабая заселенность причерно-

[171] РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1579. Л. 488–488 об.

[172] РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1579. Л. 494–495. Согласно сообщению этого информатора, полученного в пограничной крепости св. Елизаветы, эти, будто бы бежавшие из Сечи, казаки «сто девятнатцать человек стали на татарской границе куренями и отправили депутатов к хану крымскому с прошением, чтоб приняты были под его протекцию» (ИР НБУ. Ф. IX. Ед. хр. 132–214. Л. 146).

[173] РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1579. Л. 526–526 об.

[174] РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1579. Л. 3.

[175] РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1579. Л. 701–701 об.

[176] ЦГИАК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 88. Л. 7.

[177] ИР НБУ. Ф. IX. Ед. хр. 625–650. Л. 15 об.

морских степей позволяли запорожцам почти без препятствий находиться в любое время в любой точке материковых владений Крымского ханства. Часто это нахождение сулило мало хорошего для крымских и османских подданных. Запорожские коши (временные поселения при местах промысла) находились даже вблизи турецких крепостей. По сообщению 1755 г., «на двух лотках очаковския жители за дровами ездили, и став на якоре в гирле реки Буга против *казацкого коша*, то оныя козаки, напав явным образом, ограбя их безостатку и побрав у них парусы, голых отпустили»[178]. Командированные из крепости св. Елизаветы в Очаков офицер пермского драгунского полку Василий Антипин и сотенный атаман компанейского полку Василий Шерстюк во время встречи с очаковским кадием пытались возражать: «может, это [грабительство произошло] не от запорожцов, а от других кого, ибо между гайдамаками есть *разных нацей* люди». Но кадий был убежден: «заподлинно от запорожцев»[179].

Дальнейшие сведения о «крымских» запорожцах крайне отрывочны и неполны. Последняя весть, датированная 1758 г., сообщает о намерении запорожцев, живущих на Кубани, переселиться на Крымский полуостров[180]. После этого – большое белое пятно, отсутствие какой бы то ни было информации. По крайней мере, документация Секретной экспедиции Правительствующего Сената, Секретного повытья Военной коллегии и Коллегии иностранных дел 1760-х и первой половины 1770-х гг. не содержит никаких известий по этому поводу. Складывается впечатление о потере этой группой запорожской эмиграции движущей силы, которая вдохновляла ее к жизни, питала идеями и подталкивала к активным действиям. Очевидно, роль такого двигателя играла старая генерация казаков – соратников К. Гордиенко, И. Мазепы и Ф. Орлика. По мере того как они сходили в могилу (Ф. Мирович и Ф. Нахимовский умерли в 1758 г.), эта ветвь запорожского казачества все больше превращалась в буквальных «аргатов», они безразлично продавали свой труд или воинское мастерство. Не исключено, что отдельные их остатки после 1775 г. слились с главной массой турецких запорожцев – т. н. «буткалов». По крайней мере, на это намекает наличие среди старшин «очаковских» запорожцев, назначенных турецким правительством, полковника Люльки, «которой не из бывших запорожцов»[181].

---

[178] ИР НБУ. Ф. IX. Ед. хр. 132–214. Л. 92 об.

[179] Там же. Л. 84–84 об. «Разных наций» здесь следует понимать: подданные разных государств.

[180] РГВИА. Ф. 20. Оп.1. Д. 1165. Л. 53.

[181] РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 304. Ч. II. Л. 11.

§ 3. Буткалы: запорожцы в турецких владениях после ликвидации Сечи. 1775–1791 гг.

В. И. Мильчев

Летом 1775 г. российское правительство во второй раз и окончательно уничтожило Запорожскую Сечь. Однако в отличие от событий мая 1709 г. в этот раз обошлось без штурма и многочисленных жертв с обеих строн. Результат, однако, был похожим, поскольку повлек за собой исход значительной части сечевиков в турецкие владения. Что же лежало в основе принятия императрицей Екатериной II и ее приближенными этого решения?

Главной причиной предпринятого шага следует считать длительные поземельные конфликты Войска Запорожского Низового (ВЗН) с военно-земледельческими поселениями Украинской линии, Новой Сербии и Славяносербии, Новослободского казацкого полка, с 1764 г. объединенными в единую Новороссийскую губернию, и Войском Донским, начавшиеся еще в 1740-х гг. С обеих сторон происходили угон скота, грабежи и сгон населения. В горячую фазу конфликт перешел во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг., когда Сечь взяла курс на освобождение земель, которые запорожцы считали своими, от непрошенных гостей. Все это воспринималось центральной властью крайне негативно, невзирая на верную службу и многочисленные успехи ВЗН на театре военных действий. Вскоре после окончания войны в Санкт-Петербурге занялись подготовкой к окончательному решению «запорожского вопроса».

Вопрос о ликвидации Сечи или, как минимум, ареста ее высшего руководства был поднят на заседании Государственного Совета при императрице в апреле 1775 г., когда из Киева было получено донесение фельдмаршала Петра Румянцева-Задунайского о намерении кошевого атамана Петра Калнышевского перейти вместе со всем войском в турецкое подданство. В данном случае имел место навет, т. к. предпосылок для заговора не было: старшина во главе с самим П. Калнышевским была щедро награждена за заслуги в войне и Кош все еще надеялся на решение земельных споров. Невзирая на несуразность обвинения, на заседании Государственного Совета 27 апреля 1775 г. вопрос был поставлен жестко: пригласить кошевого атамана прибыть в столицу для дачи объяснений. Несмотря на то, что он физически не успел бы приехать до Петербурга в столь короткий срок, на очередном заседании данного совещательного органа при императрице 7 мая 1775 г. было решено занять войсками территорию Запорожья, арестовать всю сечевую верхушку и упразднить ВЗН[182].

Войска, задействованные российским правительством в операции по ликвидации ВЗН, были весьма значительными – до 40 тыс. чел. Их основу составили 10 полков регулярной армии, которые во время минувшей вой-

[182] РГИА. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 3. Л. 290, 294 об., 296.

ны были сосредоточены в Северном Причерноморье, с прибавлением иррегулярных команд (донских казаков, калмыков и др.). Конечно, такая масса войск не была направлена против собственно Сечи, а предназначалась для овладения всей территорией Запорожья, в первую очередь, паланковыми центрами и крупными слободами. Группировка войск под командованием Петра Текели, подошедшая утром 4 июня 1775 г. к Сечи, состояла из одного эскадрона Сербского гусарского и Орловского пехотного полков. В распоряжении П. Текели также был российский гарнизон Новосеченского ретраншемента, расположенный поблизости. Эти войска блокировали все подступы к Сечи и заняли ее форштадт – Гасан-баша, а также близлежащие хутора-зимовники[183].

Диспозиция российского войска не оставляла сечевикам никаких сомнений в своих намерениях. В течение нескольких минут на сечевом майдане (площади) собрался общевойсковой совет (рада), проходивший чрезвычайно бурно: количество казаков, настроенных на вооруженное сопротивление, было значительным, но хватало и таких, кто не видел большой беды в том, чтобы подчиниться воле правительства. Не последнюю роль в мирной сдаче Сечи сыграло стремление большинства запорожской старшины и духовенства сохранить лояльность правительству. Через час ворота сечевой крепости открылись и к П. Текели с хлебом-солью вышли кошевой, судья, писарь, «деды» и куренные атаманы вместе с остальными казаками[184]. 5 июня 1775 г., запорожцы были дополнительно приведены к присяге на верность императрице Екатерине II. Примерно то же происходило и в других населенных пунктах Запорожья. В целом окончательное поглощение территории ВЗН империей произошло без кровопролития.

Спустя неделю после занятия Запорожья кошевого атамана П. Калнышевского, войсковых писаря Ивана Глобу и судью Павла Головатого, взятых под стражу, препроводили в Москву. После непродолжительного следствия их отправили в пожизненную ссылку в отдаленные монастыри. Все их имущество было конфисковано. Туда же были переданы: общевойсковые деньги в сумме 150 тыс. рублей; военные клейноды; все огнестрельное оружие, изъятие которого у бывших запорожцев носило тотальный характер; сечевой архив[185]. Кроме того, летом 1775 г. П. Текели возбудил немало судебных дел в отношении запорожской старшины и казаков по обвинению в грабежах жителей Новороссийской губернии[186].

Значительное внимание российские власти уделяли проблемам реформирования административно-территориального устройства Запорожья.

---

[183] *Александров П. Г.* До питання про хід військової операції по ліквідації Запорізької Січі // Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. Дніпропетровськ, 1997. Вип. II. С. 47.

[184] *Миљчев В.* Петар Текелија: нацрт портрета «злог генија» Запорошке Сечи // Зборник Матице Српске за историју. Бр. 71–72. Нови Сад, 2005. С. 206.

[185] РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 79. Л. 59.

[186] РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 79. Л. 167–168.

В июле П. Текели составил проект распределения правобережной и левобережной частей Запорожья между Новороссийской и Азовской губерниями, который был воплощен в жизнь в течение второй половины 1775 г. Земли запорожских паланок с этого времени превратились в уезды[187]. К зиме, с целью облегчения сбора налогов и контроля за казаками, была завершена перепись населения во всех запорожских зимовниках и слободах[188].

Все эти меры вызывали неприятие казаков ликидированной Сечи и побудили их значительную часть к переходу на турецкую территорию. Первые партии запорожцев начали «идти под турка» уже в июне 1775 г. Казаки брали у П. Текели «билеты» для проезда на «очаковскую сторону» для традиционного вылова рыбы на черноморских лиманах, но осенью обратно не вернулись. Весной 1776 г. подобная ситуация повторилась. К концу 1776 г. значительное количество запорожцев сосредоточилось в разных местах Очаковской степи и превратилось в серьезную проблему в отношениях между Российской и Османской империями. Вопрос об их числе остается небесспорным – российская сторона, оценивала его (явно завышая и тем драматизируя ситуацию) – до 8 тыс. человек[189]. Турецкие же источники, несомненно, более осведомленные, по состоянию дел на май 1778 г., называют лишь 1,5 тыс. казаков[190].

Переход запорожцев на турецкую сторону изрядно обеспокоил российское правительство. Вице-президент Военной коллегии князь Г. А. Потемкин взял дело под свой личный контроль. По его требованию военное командование и гражданское начальство Азовской и Новороссийской губерний начали вести среди беглецов агитацию за возвращение в российское подданство. Российские разведчики, из числа тех же бывших сечевиков, объезжали места пребывания запорожцев на Очаковской степи, встречались со своими собратьями, уговаривали и убеждали. Сведения, полученные в ходе подобных миссий, без промедления сообщались Потемкину. По сообщению бывших запорожцев Григория Кривецкого и Семена Кислицкого, которые по заданию генерал-поручика А. А. Прозоровского в декабре 1776 г. приезжали в Очаков, на Березанский и Тилигульский лиманы с целью сбора сведений о запорожцах, вырисовывалась такая картина. Еще весной 1776 г. эти запорожцы избрали в полковники, старшим над собой, казака Игната Натуру (он же Гнатура и Игнатура). Подавляющее большинство запорожцев-перебежчиков составляла «голота», не имевшая оружия, лошадей и не являвшая собой серьезной военной силы. Они осели в рыбных заводах на побережье Черного моря, Буго-Днепровского, Бере-

---

[187] РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 79. Л. 101–101 об., 102.

[188] РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 79. Л. 167.

[189] *Иванов П.* К истории запорожских козаков после уничтожения Сечи // ЗООИД. Т. XXV. Одесса, 1904. С. 23–28.

[190] *Başer A.* Osmanlı Devleti'ne Sığınan Potkalı Kazaklarının İskânlarına ve Faaliyetlerine Dair Gözlemler (1775–1826) // Uluslararası Türkiye-Ukrayna İlişkileri Sempozyumu «Kazak Dönemi (1500–1800)». İstanbul, 2015. S. 539.

занского, Тилигульского и Днестровского лиманов. Их обустройство было самым простым – землянки и полуземлянки. Выловленную и обработанную рыбу они продавали еврейским купцам из Молдавского княжества, которые специально приезжали валками (караванами) на лиманы для ее закупки. Некоторые из казаков нанимались «аргатами» к неводам очаковских, аккерманских и бендерских турок[191].

События 1777–1783 гг. в пост-сечевой истории запорожцев, пребывающих в турецких владениях, освещены весьма фрагментарно даже в изложении признанных авторитетов исследования этой проблемы[192]. Ввиду скудной источниковой базы, в особенности эго-документов, очень удачной и своевременной выглядит наша находка протокола допросов турецкого запорожца Мусия (Моисея) Штригеля. Содержащиеся в нем сведения без преувеличения можно назвать уникальными, поскольку их фактографичность позволяет по-новому взлянуть на процессы превращения запорожцев в пограничное сообщество Османской империи. Да и сам незаурядный жизненный путь этого казака стоит того, чтобы в общих чертах познакомить читателя с его перипетиями, конечно же, не вынеся его за рамки контекста исследуемого предмета.

Мусий Штригель (неизвестно, было ли это его фамильное имя или же сечевое прозвище) родился в 1751 г. в с. Стецьковка Сумского казачьего полка, в старшинской семье. Уже с детских лет он овладел грамотой, а в возрасте 17 лет сбежал от родителей на Сечь, где поступил в Мышастовский курень. В начале русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Мусий был зачислен в запорожскую флотилию: воевал на Днепре, Черном море, Дунае. В 1773 г. попал в турецкий плен, в котором пробыл два года. После окончания войны и взаимного обмена пленными, Штригель вернулся (1775), но Сечь к тому времени уже была ликвидирована. Он заступил на службу в «Нововербованный полк» Скаржинского (предтеча Бугского казачьего войска). Однако уже на следующий день после зачисления, получив сапоги и подъемные деньги, удрал в турецкий Очаков. Поскольку он во время своего пребывания в плену хорошо изучил турецкий язык, для него не составило труда овладеть и грамотой. Уже с 1776 г. Штригель стал зарабатывать себе на жизнь переводами. Кроме того, хорошо зная низовья Днепра, он нанимался сопровождать турецкие суда из Очакова в Никополь (Никитино). В 1778–1781 гг. М. Штригель неоднократно менял место проживания, «прибиваясь» к различным группам запорожцев в самом Очакове, над Днестром и за Дунаем. И всякий раз его назначали в писари. Впрочем, его непоседливый и своевольный характер не однократно играл с ним злую шутку. В конце 1781 г. Мусий, будучи навеселе, всерьез поссорился с предводителем очаковских запорожцев, бежал из города и присоединился

[191] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 797. Ч. 8. Л. 121–121 об.

[192] *Бачинський А. Д.* Січ Задунайська. 1775–1828. Історико-документальний нарис. Одеса, 1994. С. 12–13, 28.

к гайдамакам. Весной 1782 г., корда он после грабежа в селениях Ольвиопольского уезда пытался переправиться через р. Южный Буг, его схватила российская пограничная стража. Арестанта отправили в Кременчуг, в Новороссийской губернской канцелярии его основательно допросили. Поскольку к тому времени Мусий Штригель уже был турецким подданным, то в сентябре 1782 г. его под конвоем отправили в Стамбул, для передачи в турецкому правосудию. Дальнейшая его судьба нам не известна[193].

В апреле 1778 г. очаковский паша Хаджи-Мехмед (позже, в 1780 г. он был переведен на должность паши г. Хотин) назначил в атаманы над всеми казаками, находящимися на подведомственной ему территории, полковника Якима Горба, а в есаулы – Максима Тягуна. Писарем был избран уже известный нам М. Штригель. Тогда же, с разрешения упомянутого паши, в урочище Кагалия над р. Днестр, была возведена традиционная запорожская войсковая церковь в честь Покрова Пресвятой Богородицы. Кроме того, он по просьбе казаков выступил посредником в деле получения разрешительной грамоты на возведение храма и проведение в нем богослужений под эгидой константинопольского патриарха[194].

Очевидно, этот центр не объединил полностью тех казаков, которые остались на левом берегу Дуная, в частности в Бессарабии. В апреле 1778 г. появились известия о нахождении около сотни запорожцев в г. Сороки (ныне центр уезда Республики Молдова), где они обслуживали переправу через Днестр, между Сороками и с. Брага, расположенном на другом, подольском, берегу этой реки, принадлежавшем Речи Посполитой[195]. Пребывая на этих землях, находящихся во владении молдавского господаря, а не турецким пашам в Бендерах, Очакове и Хотине, запорожцы признавали именно его юрисдикцию и считались находящимися на его службе.

Одним из лидеров этой ветви казаков был бывший полковник Бугогардовской паланки Иван Сухина, который еще в 1777 г. из-за конфликта с администрацией Новопавловского уезда Новороссийской губернии переселился во главе большой группы сначала на Тилигульский лиман, а затем после переговоров с молдавской администрацией на территорию княжества. Именно в Сороках казаки находились и следующее десятилетие. Это видно из того факта, что в сентябре 1787 г. после начала очередной русско-турецкой войны молдавский господарь объявил запорожским казакам, которые жили в Сороках и его окрестностях, приказ явиться вооруженными в Яссы[196].

---

[193] АВПРИ. Ф. 90. Оп. 90/1. 1781–1783 гг. Д. 882. Л. 12–14 об., 17.

[194] *Başer A.* Osmanlı Devleti'ne Sığınan Potkalı Kazaklarının İskânlarına ve Faaliyetlerine Dair Gözlemler… S. 540.

[195] РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 126. Л. 197 об.

[196] *Сапожников І. В.* Іван Сухина – невідомий кошовий отаман Чорноморського війська // Записки науково-дослідної лабораторії історії Південної України ЗДУ. Південна Україна XVIII–XIX століття. Вип. 5. Запоріжжя, 2000. С. 259–267.

Относительно обстоятельств существования других запорожских общин этого период можно отметить следующее. Согласно показаниям российского разведчика Андрея Маляра (из бывших сечевиков), летом 1779 г. около 600 казаков находилось в Буджаке (Южной Бессарабии) и Едисане (Очаковской области), тяготея к городам Измаил, Килия, Аккерман (ныне Белгород-Днестровский) и Очаков, причем подавляющее их большинство было сосредоточено на Очаковской степи. Весной того же года, во исполнение требований Айналы-Кавакской конвенции (заключенной 10 марта), султанское правительство распорядилось всех их переселить на правый берег Дуная, но сами запорожцы этого не желали[197]. Другая часть казаков, к тому времени уже перешедших за Дунай, остановилась в Восточной Болгарии, на побережье Черного моря. Атаманом этой группы запорожцев турки поставили полковника Герасима Коленку (Коленко). Последний был известным в среде сечевиков благодаря той смелости и доблести, которые он обнаружил в боях под г. Силистра (1773) будучи во главе пятисотенной командой запорожской дунайской флотилии[198]. В июле 1779 г. упоминавшийся выше А. Маляр посетил запорожский лагерь у поселка Ак-кьой (ныне г. Бяла Варненской области, Республика Болгария). Общее количество казаков, сосредоточенных под началом Г. Коленки, составило около 600 человек[199].

Осенью 1779 г. очередной султанский ферман предписал всех запорожцев, стоявших на Тилигуле, переселить за Дунай. Казаки были вынуждены перенести свой Кош за Дунай, вместе с церковью. Однако многие из них остались на месте. Те из запорожцев, которые подчинились султанской воле, зиму с 1779 на 1780 гг. провели вблизи селения Гирсова (ныне г. Хиршова на юго-востоке Румынии). Обратим внимание на то, что в этом случае мы имеем дело с первым пребыванием запорожцев в местности Сеймены (ныне окрестности с. Юртас, область (judeţ) Констанца в Румынии). Именно в Сейменах согласно устоявшемуся в историографии представлению находилась Задунайская Сечь. Впрочем, настоящей Сечи тогда, в 1779 г., здесь еще не было, она возникла там несколько позже. Однако сам факт временного пребывания запорожцев именно в этом месте весьма показателен. Бросается в глаза и то обстоятельство, что здесь мы имеем дело не с народным румынским, а официальным турецким названием местности и населенного пункта. Скорее всего, происхождение этого названия связано с пребыванием в этой местности запорожцев-сейменов. Сле-

---

[197] РГАДА. Ф. 15. Оп. 1. Д. 185. Л. 43 об.

[198] ЦГИАК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 285–285а. Ч. 2. Л. 245–250. Его героизм был отмечен именной золотой медалью для ношения на шее, которую он чуть позже, после окончания войны, заложил на Сечи шинкарю, а деньги пропил (свидетельство А. Маляра). Интересно, что более чем через столетие эта медаль попала в частную коллекцию Д. Яворницкого, а затем и в фонды музея А. Поля в Екатеринославе (ныне Днепропетровский национальный исторический музей им. Д. И. Яворницкого).

[199] РГАДА. Ф. 15. Оп. 1. Д. 185. Л. 45 об.

дует пояснить, что первоначально сейменамы (араб.-тур. *seymen* – псарь) в Османской империи называли янычар, которым была поручена султанская псарня. С XVI в. сеймены – обобщенное название наемной пехоты под командой пашей. Фактически все запорожцы, находившиеся на турецкой службе до институционального оформления Буткальского войска (1787), были никем иным, как сейменами. Наименование же казацкого войска на службе Османской империи происходит от турецкого названия Сечи – *P(B)ut-kale*, буквально «языческая крепость».

Переселяя запорожцев на Балканский полуостров, турецкое правительство следило за тем, чтобы не допустить чрезмерной концентрации их в одном месте, а распылить немногочисленными группами по территории от Дуная до Мраморного и Эгейского морей. Об этом свидетельствует эпизод из поселения одной группы запорожцев летом 1779 г. в Галлиполи (Гелиболу) на берегу пролива Дарданеллы[200]. Сами же запорожцы были не в восторге от поселения их как в Сейменах, так и на дальнем «Беломорье». Многим тамошние условия не понравились, и они предпочли вернуться в Очаковскую степь. Некоторые осели в турецком местечке Балта (Голтва), поступив на службу к местному каймакану Узун-аге. Чтобы избежать высылки за Дунай, эти казаки рассказывали всем, что они не турецкие запорожцы, а бывшие сечевики, которые жили на Правобережной Украине (во владении Речи Посполитой), а ныне сбежали оттуда. Впрочем, местная турецкая администрация не очень утруждала себя расследованием подобных мелочей, предоставляя службу и убежище всем, кто их искал. При этом большинство казаков Едисана кроме службы туркам не брезговали и гайдамачеством в российских владениях. Как правило, запорожцы-гайдамаки собирались в отряды под предводительством лидеров-«ватагов» и размещались куренями в отдаленных местностях при границе. Среди верховодов гайдамацких ватаг, составленных из турецких запорожцев, наиболее известными были Макар Перебейнос (до 1775 г. – атаман Левушковского куреня), Пущ, Летучий[201] и Тягун[202].

Присутствие запорожцев на Очаковской степи (междуречье Днестра и Южного Буга – Едисан) серьезно беспокоила руководство Новороссийской губернии. В июле 1780 г. ее губернатор Н. Языков писал российскому посланнику в Стамбуле А. Стахиеву, чтобы он, сославшись на Айналы-Кавакскую конвенцию, приложил все усилия для вывода всех турецких запорожцев за Дунай. Губернатор также обратил внимание на то, что в 1778–1780 гг. произошло несколько десятков нападений гайдамаков на окрестности Гарда-на-Буге. Убийства, грабежи, захват невольников были на пограничье самыми обычными вещами. Через отстраненную позицию турецких чиновников – очаковского паши и голтвянского каймакана –

---

[200] *Бачинський А. Д.* Січ Задунайська. 1775–1828. Історико-документальний нарис. Одеса, 1994. С. 13.

[201] АВПРИ. Ф. 90. Оп. 90/1. 1781–1783 гг. Д. 882. Л. 12, 14 об.

[202] РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 315. Ч. 1. Л. 35.

обуздать запорожцев казалось ему возможным только при условии личного вмешательства визиря[203].

Ответственным за процесс перевода запорожцев на правый берег Дуная был назначен исакчинский «мутавели» Фейзулла-эфенди. Этот турецкий сановник сконцентрировал в своих учетных записях множество материалов о количестве и географии расселения казаков. Так, по состоянию дел на 1 июля 1780 г. в придунайских и приморских местностях на территории современных Румынии и Болгарии было размещено 543 запорожца[204].

Места расселения казаков	**Исполняют над ними старшинскую должность**	**Количество размещенных казаков**
Адрианополь (Едирне)	–	43
Мачин	Василий (полковник)	52
Хиршова	Pencebur (Ничипор?) Haçik (?) (полковник)	80
Рахован (неподалеку Констанцы)	Иван Загубыжинку (Uhubzonku) (полковник)	42
Силистра	Конон Лазько (полковник)	50
Те, которым из Силистры в Никопол следует переместиться	Харько Будяк (Hako Budak) (полковник)	12
Которым из Силистры в Тимову надо перейти	Иван Новый (Yani) (полковник)	32
Всего же в Силистре казаков находится		**94**
Русе (Рущук)	Иван Митис (?) (Mitis) (полковник)	
В Тутракане (приписанных к Русе)	Павло (полковник)	65
Свиштов	–	29
Бабадаг	–	54
Около Оряхово тех, кто не подчинился старшинам и не перешел вовремя	–	49
Около Русе, не подчинившихся приказаниям и не перешедших	–	25
Около Свиштова таких же	–	10
Общее количество казаков, размещенных на правой стороне Дуная		**543**

[203] АВПРИ. Ф. 90. Оп. 90/1. 1781 г. Д. 839. Л. 3.

[204] *Başer A.* Osmanlı Devleti'ne Sığınan Potkalı Kazaklarının İskânlarına ve Faaliyetlerine Dair Gözlemler… S. 542–544.

При этом главный город Румелийского бейлербейлика – Адрианополь – стал местом постянного пребывания запорожской войсковой старшины в течение 1780–1787 гг. К находящемуся там «главе» (hetman) турецкое правительство прикомандировало, на постоянной основе, переводчика для облегчения сношений с представителями местной и верховной администрации[205].

В конце 1780 г. (в который раз!) от Порты был отправлен приказ всем запорожцам – ее подданным – срочно переселиться за Дунай. Для его осуществления был послан уже знакомый нам полковник Г. Коленка (Коленко) с военной командой; он сноровисто и жестко стал сгонять запорожцев с насиженных мест. Большинство их было вынуждено подчиниться. В конце 1780 и в начале 1781 г. все выведенные им казаки были размещены в г. Пазарджик (ныне областной центр в Южной Болгарии)[206]. Очевидно, эта зимовка была ничем иным, как временной остановкой на пути казаков к местам, отведенным под их поселение в Восточной Фракии, на побережье Эгейского и Мраморного морей.

Понятно, что поселение в такой дали от родных мест не могло не обеспокоить запорожцев. Нашлось немало недовольных. Их возглавил полковник Степан Писарец. Весной 1781 г. он ездил в Стамбул, где якобы был принят султаном и получил от него фирман с разрешением вернуться на Очаковскую степь. Вероятно, в данном случае имел место откровенный подлог, поскольку подобный ферман никак не увязывался и с предыдущими, и с последующими приказами турецкого правительства. Но представителям «партии Писарца» нужно было хотя бы формальное основание для пребывания в Северном Причерноморье. Им и стал сфальсифицированный кем-то (возможно, тем же М. Штригелем) документ. Фактически среди казаков произошел раскол, поскольку часть запорожцев под руководством Писарца самовольно ушла из Пазарджика на старое место, на Тилигул. Здесь они восстановили Кош и церковь, главной реликвией которой стал «настоящий» султанский фирман[207].

Кроме Тилигульского лимана в то же время еще два запорожских «коша» появились в низовьях Днестра – на берегу р. Маячка и на самом устье этой реки. Фактически эти поселения представляли собой лишь рыболовные заводы с небольшим количеством куреней. Количество неводов в них было незначительным: четыре в Тилигул (один из них – церковный), два в Маячке и пять на устье Днестра. Общая масса казаков во всех трех поселениях составляла чуть больше 300 человек[208].

В те же годы запорожцы снова были замечены в Балте. В декабре 1781 г. российский посланник в Стамбуле Яков Булгаков жаловался на запорожцев, которые служили в Балте стражниками местного янычарского

[205] Там же. S. 545–546.
[206] АВПРИ. Ф. 90. Оп. 90/1. 1781–1783 гг. Д. 882. Л. 12 об.
[207] АВПРИ. Ф. 90. Оп. 90/1. 1781–1783 гг. Д. 882. Л. 13.
[208] АВПРИ. Ф. 90. Оп. 90/1. 1781–1783 гг. Д. 882. Л. 13 об.

аги и избили его курьера, прапорщика Петрова, во время его проезда через этот городок. В связи с этим инцидентом Я. Булгаков еще раз просил султана и его правительство ускорить вывод турецких запорожцев за Дунай[209]. Получается, что еще и в конце 1781 г. не все запорожцы были выведены на правый берег Дуная, согласно султанскому ферману, а продолжали пребывать на Очаковской степи, оставаясь причиной напряженности в отношениях не только пограничного командования, но и дипломатических ведомств Российской и Османской империй. Причем это были не только своевольцы-гайдамаки, но и казаки, которые находились на службе у местных властей. Подобные обращения были неоднократными, однако безуспешными. Еще в 1782 г. запорожцы продолжали находиться на Тилигуле и не собирались никуда уходить. Их Кош подчинялся новому очаковскому паше – Хаджи-Али Чатаджалы, который назначил атаманом над ними Игната Басанского. Благодаря ходатайствам войскового есаула – Гавриила Близнюка[210], который как представитель всего Войска находился при очаковском паше, – им официально разрешили иметь стационарную церковь, что свидетельствовало о намерениях этой части запорожцев и в дальнейшем оставаться на землях Едисана[211].

22 февраля 1782 г. очаковскому, бендерскому и хотинскому пашам был в очередной раз отправлен султанский ферман о необходимости перевода запорожцев за Дунай. Однако его проигнорировали как казаки, так и местные турецкие власти[212]. Также игнорировались и последующие ферманы до 1786 г. включительно: отдельные группы запорожцев упорно не желали покидать Северное Причерноморье. Это было понятно; путь на юг, к берегам Мраморного и Эгейского морей, был путем в неизвестность. При таких обстоятельствах даже те запорожцы, которые оставались на Балканах, пытались устроить свою жизнь как-то иначе. Некоторые предлагали свои услуги местным влиятельным особам. В частности, согласно донесениям российского конфидента из г. Силистра, в мае 1783 г. запорожские депутаты посетили местного пашу. Подробности их переговоров были ему неизвестны, однако было точно известно, что запорожцы в городе долго не задержались. Можем предположить, что предметом подобных сношений было их возможное вступление на службу к паше[213].

В начале 1784 г. стремление к возвращению на родину охватило большое количество запорожцев, которые находились на территории Очаковской степи и Буджака. Главным образом это было связано с решительными мерами, которые употребляло турецкое правительство в деле перевода казаков на правый берег Дуная. Так, имеются известия о соответствующих обращениях представителей казацких общин к российскому воен-

[209] АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/8. 1781 г. Д. 589. Л. 56–60.
[210] АВПРИ. Ф. 90. Оп. 90/1. 1781–1783 гг. Д. 882. Л. 14 об.
[211] АВПРИ. Ф. 90. Оп. 90/1. 1781–1783 гг. Д. 882. Л. 11–11 об.
[212] АВПРИ. Ф. 90. Оп. 90/1. 1781–1783 гг. Д. 882. Л. 14, 26–27 об.
[213] АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/8. 1783 г. Д. 1197. Л. 8.

ному командованию и дипломатическим представительствам. Важную роль сыграла, как нам кажется, и агитация. Российские осведомители и разведчики, из числа тех же бывших сечевиков, под видом купцов все так же часто посещали запорожские коши и передавали местным старшинам манифесты, грамоты, письма от имени обладателей наивысших титулов и рангов. Причем тональность этих посланий уже не напоминала угрожающие письма года, скажем так, 1776-го, а была удивительно примиренческой, исполненой высокой патетики, с упором на религиозность: «Православные! Устыдитесь нынешнего своего места пребывания, представьте себе для того ли спаситель наш Иисус Христос искупил вас честною своею кровью, чтобы вы служили басурманам, гонителям Веры и Имени Христового!» (письмо Г. Потемкина, 1784 г.)[214].

В конце концов часть турецких запорожцев начала всерьез рассматривать возможность возвращения в Российской империю и поступления на военную службу. Между кошем на Тилигуле и российским консульством в Яссах начался обмен корреспонденцией. Так, 6 февраля 1784 г. датировано письмо войскового старшины Игната Басанского к консулу Ивану Северине. Его доставил в Яссы в конце того же месяца монах Далмат, который служил при войсковой церкви Покрова Богородицы. От имени всех запорожцев, находившихся на Днестре и Тилигуле, было подано прошение относительно прощения грехов и разрешения на возвращение. По показаниям священника, количество казаков, которые находились там, достигало 300–400 человек[215]. Все ли они желали возвращаться – вопрос спорный. По крайней мере, другие источники примерно того же времени (март 1784 г.) представляют более скромную цифру потенциальных репатриантов – 200 казаков, т. е. половину или чуть больше от всех[216].

Своим ответным письмом (22 февраля) российский консул И. Северин предлагал запорожцам явиться в Яссы для получения путевых документов и денег на проезд[217]. В конце февраля аналогичное обращение от запорожцев, обитавших на Очаковской степи, получил и новороссийский губернатор (вскоре правитель Екатеринославского наместничества), бригадир Иван Синельников. Оба государственных деятеля безотлагательно сообщили об этом в своих донесениях князю Г. Потемкину. Последний в очередной раз подтвердил полную амнистию и гарантии безопасности для всех казаков, которые пожелали вернуться из Османской империи[218].

В результате этого уже с начала весны 1784 г. в г. Яссы начали прибывать запорожцы как с территории самого Молдавского княжества (земли современных Молдовы и Восточной Румынии), так и из Буджака и Едисана. Из них, а также из казаков-старообрядцев (некрасовцев и дунаков), ли-

[214] ОР РНБ. Ф. 588. Оп. 3. Д. 82. Л. 1.
[215] АВПРИ. Ф. 69. Оп. 69/1. Д. 26. Л. 40–41.
[216] РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 304. Ч. 1. Л. 4.
[217] АВПРИ. Ф. 69. Оп. 69/1. Д. 26. Л. 56–56 об.
[218] РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 304. Ч. 1. Л. 8–9.

пован, дезертиров из регулярной русской армии, формировались переселенческие партии. Всего за период с весны 1784 по лето 1786 г. было сформировано и отправлено 12 таких партий (по консульской нумерации – с 6-й по 17-ю), общим числом 1 352 взрослых переселенцев-мужчин (женщины и дети специально не учитывались). Среди местностей на юге Российской империи, на поселение в которые из Ясс отправлялись запорожцы, упоминались недавно основанный Херсон и урочище Алешки, где запорожцы стояли Сечью во времена крымской протекции[219].

Разделение запорожцев на «задунайскую», «тилигульскую», «молдавскую» и «очаковскую» части продолжалось и до начала очередной русско-турецкой войны в 1787 г. Лишь ее начало подтолкнуло турецкое правительство к тому, чтобы попытаться объединить все разрозненные части запорожцев. Так, 1 сентября 1787 г. согласно приказу свыше запорожцы, размещавшиеся в Адрианополе, вместе со своим «гетманом» выступили на север, а 27 сентября прибыли в Бабадаг, в распоряжение тамошнего паши Али[220].

Согласно донесениям российского разведчика капитана Герасима Чернова (бывший запорожец), в конце 1787 – начале 1788 г., общая диспозиция запорожцев в турецких владениях была такой: выведенные с Балкан «задунайцы» присоединились к своим собратьям, которые стояли кошем в Катирлезе, чуть выше дунайского устья, но с началом войны снялись и выступили в поход (в 1778–1779 гг. их место заняли некрасовцы, которые сбежали от русских войск с Кубани); до 500 казаков пребывали в Яссах, при молдавском господаре; еще 300, во главе с полковником Люлькой («*которой сам не из бывших запорожцов*»), находились в Очакове при местном паше; остальные же традиционно располагались на Очаковской степи, в основном над Тилигульским лиманом[221].

В целом Кош, возглавляемый атаманом Якимом Гардовым, простоял «в урочище Тузле, или в верховье Тилигула», до середины 1788 г., к тому времени, когда под давлением внешних обстоятельств – турецких властей и российской агитации – часть казаков вернулась на родину и вступила в Черноморское казачье войско, а вторая – отправилась за Дунай, где объединилась с остальными турецкими запорожцами[222].

Буткалы, т. е. запорожцы, которые до русско-турецкой войны 1787–1791 гг. пребывали в турецком подданстве, практически с самого ее начала приняли участие в военных действиях. Функции запорожцев на турецкой службе были подобны тем, которые выполняли черноморцы в русской армии: дозор и разведка, диверсионные рейды и захват «языков». Действовали они в основном на море. Есть известия о том, что небольшая флотилия буткальских лодок в августе 1787 г. вошла в Буго-Днепровский лиман и

---

[219] АВПРИ. Ф. 69. Оп. 69/1. Д. 38. Л. 13; Д. 45. Л. 2–3; Д. 61. Л. 22.

[220] *Başer A.* Osmanlı Devleti'ne Sığınan Potkalı Kazaklarının İskânlarına ve Faaliyetlerine Dair Gözlemler … S. 546.

[221] РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 304. Ч. 2. Л. 11.

[222] РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 304. Ч. 2. Л. 5–5 об.

пыталась высадить десант вблизи российской крепости Кинбурн, однако была отбита[223]. Эпизодов, подобных упомянутому, военные кампании последующих лет насчитывали немало. Среди них можно упомянуть о нападении буткалов на российский гарнизон на о. Березань в начале сентября 1788 г.[224] или их участие в морских боях под Хаджибеем летом 1789 г., причем тогда их флотилия насчитывала уже около трех десятков судов[225].

Несмотря на то что во время войны бывшим запорожцам, которые оказались по разные воюющие стороны, неоднократно приходилось скрещивать оружие, ощущение комплиментарности, понимание общности судьбы не покидало ни тех, ни других[226]. Часто в тогдашних документах упоминаются «братания» бывших запорожцев, их мирные встречи и даже попойки. Несколько показательных примеров: 2 октября 1790 г. в камышах вблизи Очакова встретились черноморец Карп Шевченко из Калниболоцкого куреня и один турецкий «буткал». Вместо того чтобы стрелять друг в друга, они расцеловались, причем черноморец получил в подарок золотой, с приказом непременно пропить его вместе с «братчиками»[227]. Случалось, черноморцы оставались у турецких запорожцев, и наоборот. Иногда подобные переходы были полностью добровольными, а иногда носили форму захвата в плен и удержания силой, как в окрестностях г. Тульчи 5–7 мая 1791 г.[228] Именно подобные лица становились ценным источником информации относительно того, что в данный момент происходило в той или иной запорожской группе. Благодаря свидетельству турецкого запорожца Леонтия Скока известно, что еще летом 1790 г. значительное число буткалов все еще находилось на Днестровском устье, причем одно из их поселений даже носило название Барвинкова Стенка, в память об одноименной войсковой слободе на «старом» Запорожье (современный г. Барвенково Харьковской области, Украина). Войсковым атаманом этой группы был Григорий Абдула, писарем – Иван Иванко, судьей – Яков Гончар, хорунжим – Григорий Таран[229].

Немалое число турецких запорожцев по собственному желанию переходили на российскую сторону, поскольку в составе Буткальского войска оказались случайно. Как, например, Никифор Ба́йда, родом из Правобе-

---

[223] Собрание всех помещенных в ведомостях обеих столиц, с 1787 по 1791 год включительно, реляций о военных действиях против неприятелей Российской империи. М., 1791. Ч. 1. С. 12.

[224] Собрание всех помещенных в ведомостях обеих столиц, с 1787 по 1791 год включительно… С. 45–46.

[225] РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 526. Ч. 1. Л. 17.

[226] *Короленко П. П.* Черноморское казачье войско (1775–1792 г.). Екатеринодар, 1892. С. 36–37.

[227] ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 22. Л. 12.

[228] ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 22. Л. 37–37 об. Опубликовано: Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска / Собраны и изданы И. И. Дмитренко. В 3-х томах. СПб., 1896. Т. 2. С. 286–287.

[229] ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 22. Л. 7–7 об.

режной Украины; перед войной он сбежал из чумацкого обоза в Молдавское княжество, а в начале войны был силой записан обозным в запорожскую команду, которая отправлялась на войну с русскими[230].

Мы можем подытожить, что в первое десятилетие после ликвидации Сечи ни российское, ни турецкое правительства не удосужились предложить запорожцам условия, на которых они могли бы нести военную службу, получив взамен возрожденную войсковую организацию, соответствующую «нишу» в социумах обеих империй и четко очерченную территорию их расселения. Лишь русско-турецкая война 1787–1791 гг. «расставила» все по местам, обусловив институализацию двух «пост-запорожских» войск – российского Черноморского и турецкого Буткальского.

§ 4. Османское казачье войско: трансформация иррегулярного формирования в середине XIX в.

А. А. Пригарин, В. Н. Полторак

К середине XIX в. значительную часть украинского и русского населения Османского Причерноморья характеризовал важный элемент идентичности – осознание казачьего прошлого. Еще была жива память о Задунайской Сечи – последнем Коше украинского казачества, а в разных регионах Малой Азии, Балкан проживали казаки-староверы (некрасовцы, игнат-казаки), а также липоване[231]. В середине XIX в. из этих групп, болгар, а также многочисленных польских, венгерских эмигрантов в Осман-

[230] ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 22. Л. 25.

[231] *Лупулеску [Хв. Вовк]*. Русские колонии в Добрудже: историко-этнографический очерк // КС. 1889. Т. 24 (январь). С. 117–154; *Бачинський А. Д.* Січ Задунайська (1775–1828). Одеса, 1994; *Прігарін О. А.* Козаки-некрасівці на Дунаї: кінець XVIII – перша третина XIX ст. // Козацтво на Півдні України. Кінець XVIII–XIX ст. / ред. В. А. Смолій. Одеса, 2000. С. 29–41; *Сень Д. В.* «Войско Кубанское Игнатово Кавказское»: исторические пути казаков-некрасовцев (1708 г. – конец 1920-х гг.). Краснодар, 2002. Изд. 2-е, испр. и доп.; *Он же.* Кубанское казачество: условия пополнения и развития (К вопросу о генезисе и развитии ранних казачьих сообществ) // Социальная организация и обычное право: мат-лы научной конференции (г. Краснодар, 24–26 августа 2000 г.). Краснодар, 2001; *Он же.* «У какого царя живем, тому и служим…» // Родина. Спецвыпуск «Казаки». 2004. № 5; *Он же.* Казаки-старообрядцы на Северном Кавказе: от первых ватаг к ханскому казачьему войску (некоторые теоретические аспекты оценки роли крымско-османского государственного фактора в становлении и развитии кубанского казачества) // Липоване. История и культура русских-старообрядцев) / ред. А. А. Пригарин. Одесса, 2005. Вып. 2; *Он же.* Русско-турецкая война 1768–1774 гг. и переселение казаков-некрасовцев в Османскую империю // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. Краснодар, 2000. № 1–2.

ской империи было образовано «*Османское казачье войско*». Это образование совпало во времени и по духу с реформами государственного аппарата, модернизацией экономики и общества, преобразованиями в османской армии. Реформирование происходило в условиях противостояния на территории государства сразу нескольких великих держав, которые использовали в своих целях идеологические конструкты разных видов. Османская империя оказалась заложником ситуации, когда проводниками реформ в стране стали иностранцы, преследовавшие собственные цели, будучи реализаторами «своих» национальных и/или государственных проектов. Создателем, идейным вдохновителем и руководителем османских казаков стал Михаил Чайковский, в 1850 году принявший ислам и новое имя – Мехмед Садык («Верный»). Он поступил на службу Османской империи и в 1853 году после начала Крымской войны (1853–1856) добился от султана подписания указа о расширении казацкого легиона – сначала полка, затем дивизии, впоследствии – корпуса. Садык-паша руководил казаками до 1870 года, когда вышел в отставку. Подразделение было реформировано и просуществовало до 1877 года, когда было уничтожено российской артиллерией в бою под Горной Оряховицей. Однако и после этого часть казаков, включая младшего сына Михаила Чайковского – Владислава – служила в султанской гвардии вплоть до реформ в кавалерии в 1880-х годах. Будучи своеобразным воинским подразделением в составе османской армии и сыграв некоторую достаточно важную роль в национальных процесах на Балканском полуострове, османские казаки до сих пор не стали предметом специального исследования.

Источники и историография вопроса

На данный момент история османских казаков изучена в основном в свете деятельности Садык-паши. Исследователями опубликован значительные массив источников[232]. В историографическом опыте, преобладают работы, в которых так или иначе освещается личность М. С. Чайковского, его связи с представителями польской эмиграции[233]. Более того, его литературное наследие неоднократно привлекало исследователей украинского казачества. Однако прослеживается «традиционная» заангажированность – оценочная позиция его творчества как проблемного источника при изуче-

---

[232] Записки Михаила Чайковского (Садык Паши) // КС. 1891. Т. 32–35. Вып. 1–12; 1892. Т. 38. Вып. 8, 10; *Чайковский М. С.* Записки // РС. 1895–1898, 1900, 1904; *Czajkowski M.* Pamiętniki Sadyka Paszy Michala Czajkowskiego / tlumaczyl na polskie A. P. Lwow, 1898; *Рудницький Євген.* До історії польського козакофільства // За сто літ. Кн. 1. С. 62–66; *Слабченко Тарас.* «Коли повернув на Україну Садик-Паша?» // ЗІФВ ВУАН. Кн. XXV. К., 1929; *Czajkowski M.* Moje wspomnienia o wojnie 1854 roku. Warszawa, 1962.

[233] *Борисенок Ю.* Атаман Садык-паша // Родина. 1998. №5–6; *Чужинец.* М. Чайковский в Стамбуле // Вольное казачество. Париж, 1932. № 113; *Смоховска-Петрова В.* Михаил Чайковский – Садък паша и българското Възраждане. София, 1973.

нии переломных этапов в истории казаков. Характерный пример: со ссылкой на якобы подлинные документы, опубликованные Садык-пашей, И. Застырец пытался аргументировать мнение о наделении Ахмедом III казаков-мазепинцев землями между Прутом и Черным морем в начале XVIII в. Украинская историческая наука эту гипотезу активно отвергает[234]. У истоков такого отношения находились авторитетные ученые конца XIX – начала XX века[235]. Их критике подвергались эвристический потенциал и историографические взгляды М. С. Чайковского на прошлое Задунайской Сечи. Например, по утверждению Ф. К. Волкова, «невыразительные и оторванные сведения этого писателя […] до такой степени запутаны и тенденциозно обработаны, что не могут иметь никакого значения без самой тщательной проверки любого из приведенных ним фактов»[236]. Тем не менее сама деятельность «Османского казачьего войска» оставалась в стороне. А автор как активный их участник остается очень ценным, хотя и амбициозно-субъективным информатором. И сейчас, через полтора века стоит отметить, что история этого оригинального военно-социального объединения еще не написана[237]. Несмотря на это, многие проблемы создания и трансформаций в османском казачестве освещены историками из Турции[238], Польши[239], Российской Федерации[240], Украины[241] Болгарии[242].

---

[234] *Бачинська О. А.* Українські козаки в Придунайських степах у XVIII ст. // Запорозька старовина. Київ; Запоріжжя, 2002. С. 136; *Застирец І.* Мазепінці в Туреччині (З паперів Садик-паші) // Україна. 1914. № 2.

[235] *Кондратович Ф.* Задунайская Сечь (по местным воспоминаниям и рассказам) // КС. 1883. № 1; *Рябінін-Скляревський О.* З життя Задунайської Січи // Україна. 1929. Кн. 34. С. 7–34; *Рябінін-Скляревський О.* Кінець Задунайської Січи // Україна. 1929. Кн. 36. С. 40–71; *Он же.* Задунайська Січ у народних переказах і письменстві // Наукова збірка за 1927 рік (Записки Украинского научного общества в Киеве: Историческая секция. К., 1927. Т. 26).

[236] *Кондратович Ф.* Задунайская Сечь (по местным воспоминаниям и рассказам) // КС. 1883. № 1. С. 29.

[237] Об актуальности научной разработки данной темы косвенно свидетельствует определенная «популярность» Садык-паши и османских казаков в виртуальном мире веб-страниц. Мы вышли даже на один форум, где недавно активно обсуждалась роль М. Чайковского в истории Украины (Электронный ресурс: http://forum.proua.com/lofiversion/index.php/t14468.html).

[238] *Gumus Musa*. Mehmed Sadik Pasa (Michal Czajkowski) ve Osmanli devlet'nde kazak suvari alayi // Turkish studies. 2010. V. 5/3. P.1362–1375; *Badem Candan*. The Ottoman Crimean War (1853–1856). Leiden-Boston, 2010.

[239] *Rawita-Gawronski Fr*. Michal Czaykowski (Sadyk-pasza). Jego zycie, dzialalnosc wojskowa i literacka. Zarys biograficzny. – Petersburg, 1901; *Chudzikowska Jadwiga.* Dziwne życie Sadyka Paszy o Michale Czajkowskim. PIW, 1971; *Wierzbicki P.* Dziennik generala Feliksa Breanskiego, dowodcy brygady w Dywizji Kozakow Sultanskich // Akta THL v Paryzu. 2000. T. 5; *Кулецька Алісія*. Поміж Польщею, Туреччиною і Росією: Міхал Чайковський (паша Мехмет Садик) і проблеми «козаччини» в XIX ст. // Причорноморський регіон у контексті світової політики: історія та сьогодення. Одеса, 2008. С. 117–125.

В отношении научного анализа этой личности (а также других представителей сообществ польской элиты, оказавшихся, например, в гуще событий Восточной, Кавказской войн, – Т. Лапинский и др.) еще не вполне преодолены стереотипы поверхностно-эмоционального, имперско-риторического отношения к нему как к представителю «нерусских» элит (Ю. Борисенок «Чайковский как авантюрист мирового класса»). Говоря другими словами, имперский нарратив, порождавший версии историописания, в которых фокус внимания неизбежно концентрировался на власти, государстве (что само по себе, конечно, многое объясняет, например, развивает дискуссию о характеристиках империй[243]), оставляет почти неизбежно в тени «неключевые» фигуры исторического процесса, «людей второго плана в истории»; наконец, такой подход вольно или невольно отталкивает ученого от той позиции, что в идеале все акторы исторического процесса должны быть для него равноценны.

Исключительно актуальной и поэтому назревшей предстает необходимость применения новых методик и концептов. «Примерив» различные из них, считаем, что «в пору» пришлись те инструментарии, которые связаны с проблемным полем ситуационного подхода. Он, в частности, позволяет легче «освободиться от сознательной или неосознанной самоидентификации со «своим» актором (как правило, со своей этнической группой), с его «правдой». Появляется возможность увидеть разные «правды» разных акторов и групп»[244]. Подобные отношения к реальности как совокупности сосуществующих разнохарактерных и векторных смыслов уже получили оправданные места в лингвистике и антропологии (от Ю. В. Лотмана до А. К. Байбурина). Так, и в истории возможны не только ретроспективные реконструкции того, что «выжило» и получило развитие. Нередко перспективный взгляд с «боковой» или «тупиковой» ветви исторического процесса предоставляет возможность глубже понять многоликое прошлое. Несомненно, история не должна иметь периферии, которая лишь отображает победивший «центр».

---

[240] *Борисёнок Ю.* Атаман Садык-паша // Родина. 1998. №5–6.

[241] *Лисяк-Рудницький Іван.* Козацький проект Міхала Чайковського під час Кримської війни: аналіз ідей // Лисяк-Рудницький Іван. Історичні есе. К.: Основа, 1994. Т. 1. С. 251–263; *Сень Д., Пригарин А.* Панславизм Михала Чайковского и история казачества в Османской империи // Поляки в истории России: история и современность Краснодар, 2007. С.147–160; *Прігарін О.* «Козацтво в Туреччині» М. Чайківського як джерело вивчення козацьких формувань в Оттоманській Порті середини XIX ст. // Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. 2001. Вип. XIII. С. 26; *Полторак В.* Документи про М. Чайковського в Державному архіві Одеської області // Чорноморська минувшина. Вип. 5. Одеса, 2010.

[242] *Стойчев И. К.* Казак-алая на Чайковски. София, 1944; *Смоховска-Петрова В.* Михал Чайковски – Садык паша и Българско възраждене. София, 1973.

[243] Например, см.: Российская империя в сравнительной перспективе: сб. ст. / под ред. А. И. Миллера. М., 2004.

[244] *Миллер А.* Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии истории. М., 2006. С.39.

Из таких представлений логично обратить внимание на недостаточную изученность в науке вопросов националистических движений и идеологий. Несмотря на их «*популярность*» в колониальную и постколониальную эпоху, большинство современных дискурсов рассматривает их как самодостаточные. А ведь все из них эволюционировали в дихотомии (или в более сложных схемах) взаимоотношений имперских центров и окраин: «Все эти противоречия и конфликты осознавались современниками как активистами национальных движений, так и имперской бюрократией, именно как взаимосвязанные»[245].

В подобные операционные взгляды меньше всего вписываются ультранационалистические или мета-этнические идеологии: панславизм, паносманизм, пангерманизм и т.д. Их компаративное изучение (на уровне внутреннего содержания) показывает, что они официально не были одобрены ни одним из правителей трех империй. При этом они же «пользовались большей или меньшей степенью влияния в правящих кругах и порою становились решающим фактором в определении политики»[246]. Очевидно, что панславизм имел в своем развитии несколько вариантов; русский, например, его вариант, объединял в себе религиозное (православие) и расовое (превосходство великороссов) начала[247]. Но, как оказывается, чехи, украинцы и поляки, не менее, чем светские идеологи «русского дела» (Н. Г. Устрялов, М. П. Погодин[248]), способны на создание своего видения модерного славянского национализма. Кажется, данный вопрос еще ожидает своего исследователя. Не получил, к сожалению, он своего освещения даже в капитальной, новаторской книге – «Западные окраины Российской империи» (М., 2006). При этом общность антиколониального дискурса на западную периферию активно пропагандируется в академической среде: «…в конце XVIII века наши ситуации – Польши, Украины и татар – стали совершенно идентичны, – отмечал польский литературовед, один из авторитетных исследователей художественного романтизма М. Чайковского. – Известно, чем закончились договоры и Украины, и Польши с Россией, – как и Крым, они были просто включены в состав империи. Целый XIX век – это время нашей общей судьбы»[249].

При анализе синхронных процессов национального строительства и мета-национального конструирования интерес может представлять сравнительный анализ отношения империй к националистическим идеологиям, а также символическому капиталу тех нонконформистов, которые конф-

---

[245] Западные окраины Российской империи. М., 2006. С.14.

[246] *Рибер А.* Сравнивая континентальные империи // Российская империя в сравнительной перспективе… С.44.

[247] Там же.

[248] Западные окраины Российской империи… С.111.

[249] *Михайлова О.* Взгляд на время нашей общей судьбы (интервью с Кшиштофом Чайковским) // Политик HALL. 2004. №15. Электронный ресурс: http://politikhall.com.ua/issue/272/

ликтовали (порывали) с «материнской» имперской культурой и находили поддержку в противоположном имперском пространстве, либо вырабатывали свой вариант отношения к унификаторским практикам обоих государств[250]. История Османского казачьего войска и судьба его идейного вдохновителя небезынтересны в этом свете.

Казачество в Османской империи до 1850 года

Казацкие подразделения в составе османской армии находились к середине XIX века уже в течение нескольких веков. Так, в XVII в. правобережные казацкие полки участвовали во взятии Каменец-Подольского (1672), в XVIII в. – в Прутской войне (1711–1714), некрасовские казаки на стороне Крымского ханства действовали на протяжении всего XVIII века, а в XIX в. казачество приняло участие на стороне османов в войнах с Российской империей 1806–1812 и 1828–1829 гг. Накануне последней из упомянутых войн казаки впервые в истории османской армии получили статус регулярного подразделения – был сформирован силистрийский полк. Особую роль в пополнении рядов созданного в 1853 году османского казачества сыграли старообрядцы и украинцы Добруджи, о которых следует сказать особо.

Накануне российско-турецкой войны 1828–1829 гг. старообрядцы на Дунае оказались по обе стороны границы, в составе двух воинственных держав. Усложнялось положение тем, что некрасовцы являлись вооруженным формированием, выполнявшим ряд силовых функций на стороне Османской империи.

Старообрядцы, жившие в Добрудже, находились в подчинении Тульчинского Паши *Юнос-Оглу*. Это был опытный сановник Османской империи. В 1807 г. он был в Килие аяном, был пленен и содержался в Елисаветграде. И. П. Липранди в 1827 г. отметил, что он «*говорил немного по-русски, от роду имеет за 70 лет, весьма хороших правил. – Любим народом и войсками и веселого характера. Назначен командующим в Тульчу незадолго до Греческого возмущения* [1821 г.]»[251]. Лишь в 1827 г. в условиях подготовки к войне его назначили *Казак-Башею*, т.е. предоставили ему право на предводительство «***Некрасовцами**, и на случай войны **Запорожцами** как живущими вблизи его Пашалыка*»[252].

---

[250] *Грибовский В. В., Сень Д. В.* Фронтирные элиты и проблема стабилизации границ Российской и Османской империй в первой трети XVIII в.: деятельность кубанского сераскера Бахты-Гирея // Україна в Центрально-Східній Європі. Вип. 9–10. Київ, 2010. С. 193–226; *Прігарін О. А.* «Козацтво в Туреччині» М. Чайківського як джерело вивчення козацьких формуваннь в Оттоманської Порті середини XIX ст. // Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. Запоріжжя, 2001. Вип. XIII. С. 17–28; *Он же.* К истории «Оттоманского казачьего войска» // Казачество России: история и современность: Тез. межд. науч. конф. (г. Геленджик, 8–11 октября 2002 г.). Краснодар, 2002.

[251] *Липранди И. П.* Некоторые сведения о правом береге Дуная, собранные в 1827 г. СПб., 1827. С. 18.

[252] Там же. С. 19.

Да и сами общины некрасовцев, оказались ослаблены пополнением беглого старообрядческого населения. Они не были заинтересованы в активных боевых действиях. «*В 1827 и 1828 г. сотни их были призваны в один Корпус нерегулярной части с Добруджанскими Татарами,* – отмечал спустя два десятилетия М. С. Чайковский, – *и командовал ими командир Саид Мирза Татар, человек смелый, энергичный, добрый вояка, но большой вор – потому как по профессии был конокрадом, чем неоднократно доставал Шахов Татарских. Этот пройдоха Татарский вызывал их для секретных набегов в своем собственном краю, редко на неприятеля водил, т.к. им не доверял: воевал Татарами, а крал и разбойничал Липованскими Казаками. Сотни Липованские пришли в такое неповиновение и распутство, что захватили Гаремы нескольких Пешей при следовании к Шумле. Женщины сбежали, а богатства и снаряжение пограбили – Саиду Мирзе пришлось срочно с Татарами ограбить в свою пользу сбежавших женщин, доставить несколько сот Казаков в Шумлу*»[253].

На тот момент некрасовские поселения находились и в глубине Османской империи – Анатолии и около г. Энос. Это были радикально негативно настроенные по отношению к России казаки, которые предано сохраняли привязанности Порте. Среди них, тем не менее, уже присутствовали идеи реэмиграции в российские пределы. Так, например, в докладной записке министра иностранных дел К. В. Нессельроде на имя императора Николая I в 1827 г. сообщалось: «*неподалеку от Синопа находится колония некрасовцев в числе 400 душ, занимающихся земледелием и рыбною ловлею и находящихся в довольно хорошем состоянии. Предки их обитали в южных краях России, удалились в царствование государыни императрицы Екатерины II-ой в Турецкие области, переходили с места на место и наконец поселились в нынешнем пребывании, но не преставали скорбеть об отечестве и просят об исходотайствовании им дозволения возвратиться в Россию*»[254]. Однако подобные настроения являлись скорее исключением в азиатских некрасовских поселениях.

Именно азиатские некрасовцы активно приняли участие в войне 1828–1829 гг. на турецкой стороне. Главным сборным пунктом для них являлось Бин-Эвле в Анатолии. Отряды игнат-казаков сражались на ответственных участках военных действий. Например, известно, что они принимали деятельное участие в обороне важных стратегических пунктов в Добрудже – Силистры, Шумлы[255] и т.д.

Стремительность, с какой российские войска заняли Добруджу, предопределила то, что часть старообрядческого населения попала, по сути, в

---

[253] [*Chaykowski M.*] Kozaczyna w Turcyi. Paryz: w drukarni L. Martinet. Pariz, 1857. P. 61–62.

[254] *Иникова С. А.* Материалы о реэмиграционном движении среди старообрядцев в XIX – начале XX в. из Архива внешней политики Российской империи // Липоване: история и культура русских-старообрядцев. Вып. 7. Одесса, 2010. С. 139–146.

[255] ГАОдО. Ф. 1. Оп. 190. 1829 г. Д. 48. Л. 15–16.

плен российских войск, не успев бежать далее. Часть староверов оказалась заложниками Османской власти – призванные в армейские подразделения казаки непосредственно учавствовали в боевых действиях.

Часть этих староверов за проступки – бегство к российским войскам и в пределы Бессарабии – были арестованы османскими военноначальниками. «*…По окончанию войны разбойные сотни Липованские отправлены в Стамбул и вскоре вообще от Султана Махмуда распоряжение получили на галеры пойти на лет пятнадцать – высланы в Тершань (тюрьма Адмиральская), и к каторжным работам. После заточения, по просьбе Казаков Кубанских, в награду за их заслуги и верности. – Липованские сотни выпустили из-под стражи и вернулись по домам*»[256].

Среди некрасовцев (особенно – майносской территориальной группы) многие последовательно отстаивали интересы своей новой родины – Турции – и принципы «*Заветов Игната*», не вступая в переговоры с представителями России. Известно, что один из атаманов этих казаков, Иван Солтан[257], в 1828 г. захватил в плен донских казаков, выступавших на российской стороне. Этим пленным он обрезал уши и вырезал кусками кожу на их телах, а затем отправил все это Николаю I. А пояснил это так: «*Мы и Донцы являемся одной кровью, одной костью, они служат белому Царю и их много и много. Мы служим Султану и есть нас мало – в порядке вещей так и есть, что всегда многое может поглотить малое. От Начальства зависит, чтобы этого не было – мои, своих братьев могли бы отдать в неволю, что в рамках принципов, и мы бы были уничтожены. А так они видят, как я обхожусь с Московскими пленными, каждый себе думает «**хоть бы эта и месть была, но где бы он такое получил от Москаля**» и не дает себя в плен брать. Где нельзя силой, там необходимо ненавистью и умением воевать*»[258].

И все же в условиях российско-турецкой войны 1828–1829 гг. часть некрасовцев сознательно помогала российским войскам в качестве проводников в Придунавье. Например, известно, что в районе Бабадага российским войскам под руководством графа Орлова помогли сарыкейские некрасовцы во главе с Семеном Гурьевым и Дмитрием Лысоем[259]. Нередко некрасовцев Добруджи привлекали российские войска к осуществлению различных повинностей – в качестве проводников, маркитантов, перевозчиков и т. д. Это послужило поводом для переговоров о переселении после войны некрасовцев на левый российский берег Дуная, что значительно уменьшило число казаков на территории Османской империи.

---

[256] [*Chaykowski M.*] Kozaczyna w Turcyi. Paryz: w drukarni L. Martinet. Pariz, 1857. P.62–63.

[257] «…был челов[ек]ом очень приверженным обычаям, воздержанным, несовременным и в интересах своего войска глубоким политиком», – так характеризовал его М. С. Чайковский.

[258] [*Chaykowski M.*] Kozaczyna w Turcyi. Paryz: w drukarni L. Martinet. Pariz, 1857. P. 97–98.

[259] РГВИА. Ф. 56. Оп. 1. Д. 18. Л. 27–28.

Таким образом, 20 октября 1853 г. по инициативе Мехмеда Садык-паши был создан «полк казаков оттоманских», впоследствии трансформированный в дивизию, а еще позже – в корпус, он продолжил традиции функционирования казацких подразделений в составе османской армии. Польская историография отмечает исключительную польскую принадлежность большинства состава этих подразделений[260], однако ввиду открытия новых источников (или просто последовательного чтения старых) становится очевидным многонациональность созданных на Балканах казачьих полков.

Современные исследователи отмечают, что созданный корпус османских казаков был ярким примером эффективного привлечения к военной службе христианских подданных со стороны Порты[261]. Следует отметить, что подобный опыт использования немусульманского потенциала для военных операций базировался на примере некрасовских казаков. Характеризуя их «вольности» в Османской империи, наблюдательный современник писал в XIX в.: «И Салтан Турецкой такую дал волю некрасовцам по всей туретчине: кому только угодно и кто чем может, и тем и занимается. А служба им бывает тогда только, когда бывает канпания войны: и сорок левов каждому казаку на сутки, всякая порция и вся капировка… на царском щету. А священников достают от России»[262]. Впрочем, необходимо подчеркнуть: войсковая организация некрасовских казаков сложилась на территории Крымского ханства в первой половине XVIII в., структура которой на территории Османской империи лишь воспроизводилась, со временем трансформируясь в сторону упрощения и едва ли сугубой символизации[263]. Тем не менее, как мы видим, некрасовцы приняли участие во всех русско-турецких войнах XVIII–XIX вв., во время которых турки охотно привлекали их для охраны войсковой казны, обозов и пр., разрешая носить оружие даже в мирное время.

После реформ 1830-х годов рекрутский набор в регулярную османскую армию производился исключительно из мусульманского мужского населения в возрасте от 20 до 25 с помощью жребия (kur'a). Призывники могли послать вместо себя замену. Военная служба в османской армии продолжалась шесть лет в активной форме и затем семь лет в резерве (redif). Немусульмане не служили в армии, вместо того платили подушный налог (cizye, после 1855 назван iane и askeriye). Тем не менее турецкие историки отмечают, что патриотические чувства начали расти среди османского НЕ мусульманского населения в начале Крымской войны. 3 000 болгар из дворянских

---

[260] *Łątka Jerzy S.* Słownik Polakyw w Imperium Osmańskim i Republice Turcji. Krakyw, 2005. S. 19–20.

[261] *Гросул В. Я.* Российские революционеры в Юго-Восточной Европе (1859–1874 гг.). Кишинев, 1973. С. 27.

[262] Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф.161/4. Оп.729/2. 1837–1840 гг. Д. 20. Л. 10.

[263] Подробнее см.: *Сень Д. В.* «Войско Кубанское Игнатово Кавказское»: исторические пути казаков-некрасовцев (1708 г. – конец 1920-х гг.). Краснодар, 2002.

семей высказали желание присоединиться к волонтерам османской армии, согласно сообщению немецкой газеты Berliner Zeitung от 1 сентября 1853 г. Они не были приняты. Также некоторые «патриотически настроенные» османские армяне и греки из Шарухани и Измира обратились к Порте, выразив желание служить в армии; обращение было вежливо отклонено. Таким образом, Османская империя с общим населением около 35 млн., что по грубому подсчету на тот момент равнялось половине населения Российской империи, имела значительно меньшие ресурсы для пополнения рядов армии, ведь это зависело от принадлежности к исламу, в то время как Россия могла пополнять армию из значительно большей численности населения (примерно в четыре раза). Тем более важным стал опыт для многонациональной и многоконфессиональной империи призыва в Османское казачье войско во время Крымской войны немусульманских подданных империи и иностранцев.

Михаил Чайковский и его идеи

Вдохновителем идеи создания войска и его руководителем на протяжении почти двадцати лет был *Михаил Станиславович Чайковский* (Michał Czajkowski, Чайка, Мехмед Садык-паша). Он родился 29 сентября 1804 г. в семье помещика неподалеку от Бердичева, в селе Гальчинец Житомирского уезда. Происходил из польского шляхетского рода, согласно его же воспоминаниям по матери приходился родственником гетману И. Брюховецкому. Выводил свой род от мифического казацкого полковника Чайки, который якобы погиб при обороне Сечи от войск генерала Текели в 1775 г.

После получения образования в пансионе Вольсея (Бердичев), где по его воспоминаниям он стал учеником Гулака-Артемовского и других украинофилов[264]. Чайковский принимает участие в польском восстании 1830–1831 гг. К повстанцам он присоединяется со своими крепостными крестьянами уже тогда, когда всем стало очевидно поражение. Вынужденный бежать во Францию, он оставил своим крестьянам дарственную на землю и записку, в которой недвусмысленно указывал на необходимость участия украинского населения в польском освободительном движении: «Сочувствуя полякам, Украина тоже должна восстать»[265].

В эмиграции во Франции Чайковский вначале вступил на службу в кавалерию, затем стал корреспондентом французских газет. После знакомства с Адамом Мицкевичем попробовал себя на литературном поприще. Здесь, в Париже его и приметил лидер консервативного крыла польской эмиграции – князь Адам Чарторыйский. Под влиянием популярных в среде поляков-эмигрантов панславистских идей, он в 1837 году в Париже сформулировал проект объединения славян под главенством Османской импе-

---

[264] [*Кельсиев В.*] Очерк истории старообрядцев в Добрудже // Старообрядцы в Румынии. Русские писатели в липованах / сост. В. А. Липинская. М., 1995. С. 103; *Борисёнок Ю.* Атаман Садык-паша… С. 94.

[265] *Цялик С.* Украинец Садык-Паша. Электронный ресурс: https://carabaas.livejournal.com/4657423.html

рии. Особое место в создании такой славянской федерации должны были занять военные подразделения казаков. Славянские легионы, с одной стороны, были реальной военной силой, а с другой –символизировали неразрывную связь с казаками – борцами с Российской империей. Панславистская концепция Чайковского вступила в столкновение со славянофильством, популярным в Российской империи.

Бурная литературная деятельность Чайковского была посвящена обоснованию «исторического единства украинцев и поляков», уничтожению образа врага-турка в представлениях славянских народов. По его мнению, только Стамбул мог быть «столицей царства славянского» – и только османские султаны как наследники сербских царей по женской линии могли быть во главе этого царства. Неподалеку от столицы Османской империи Садык-паша основал славянскую колонию, которую назвал Адамполь (теперь Полонезкёй в предместьях Стамбула).

Тесные отношения сложились у Садык-паши с донскими казаками – староверами, с сербами, вреями, а также болгарами. Он всячески способствовал созданию отдельной Болгарской патриархии, приветствовал вступление болгар в свои казацкие полки, имел тесные контакты с болгарскими политическими и культурными деятелями.

Особое внимание уделял Садык-паша «украинскому вопросу». Его мать была украинкой, потомком левобережного гетмана. Поэтому в проектируемой казацком государстве – члене славянской федерации – Садык-паша должен был стать наследственным правителем. Его произведения стали частью целого направления в польскоязычной литературе – «украинского». Переведенные на французский, английский, немецкий, болгарский языки, романы и расказы Чайковского произвели сильнейшее влияние на формирование образа отдельного украинского народа. Садык-паша всячески способствовал популяризации термина «украинец» вместо «малоросс». Выдающийся украинский поэт Тарас Шевченко и знаменитый украинский историк Владимир Антонович сформировались под влиянием этих повестей и рассказов, а российская полиция зафиксировала влияние его шпионских сетей в Подолии, Бессарабии, на Волыни, в Одессе и в Киеве.

В казачестве он видел «славного рыцаря», оно должно было послужить связью между северными и южными славянами. Поляки, в свою очередь, должны были «сплотить славян (болгар и др.) под «казачье-турецким флагом»[266]. Именно Чайковского (или Чайку, как тот предпочитал называться на Востоке) как своего представителя направляет к турецкому визирю Петрев-паше для координации совместных действий А. Чарторыйский. Сам Чайковский с увлечением воспринял такое предложение, поскольку в Париже он «умирал от скуки, от которой его не спасала ни литература, ни бракосочетание с француженкой, ни дети»[267].

---

[266] *Чужинец*. М. Чайковский в Стамбуле // Вольное казачество. Париж, 1932. № 113. С. 9.

[267] [*Кельсиев В.*] Очерк истории старообрядцев в Добрудже… С. 103.

Его двадцатилетнее пребывание в Османской империи стало периодом активных поисков союзников в борьбе с российским империализмом. В этом ему во многом помог князь Адам Чарторыйский, который любыми средствами стремился ослабить Россию, стремясь заключить союз с турецким правительством. Интересно здесь отметить, что в начале XIX в. этот политик, являясь товарищем министра иностранных дел России, вынашивал план по созданию Славянской федерации, в т. ч. за счет земель Османской империи. В частности, речь шла о разделе главной массы «турецких земель «на отдельные государства, управляемые согласно местным условиям и связанные общей федерацией, над коей император всероссийский мог бы обеспечить себе решительное и законное влияние посредством звания императора или покровителя восточных славян»[268]. Примечательно также, что тот же Чарторыйский поддерживал наполеоновский проект частичного восстановления Польши – опять в контексте его рассуждений о создании «федеративной системы славянских наций». Впоследствии после неудачи восстаний 1830–1831 годов эмигрировавший во Францию князь Чарторыйский уже не считал нужным ставить во главе федерации русского царя, а хотел использовать в интересах возрождения Польши национальные движения славянских народов на территории Османской империи. Чайковский пошел далее в своих идеях и действиях, приступив во время Крымской войны к конструированию военной опоры для подобного переустройства Восточной Европы.

В 1841–1842 гг., когда М. Чайковский впервые посетил Османскую империю, в частности некрасовские поселения на Мраморном море, у него возникла мысль об объединении украинского населения бывшей Задунайской Сечи и райи – христианского податного населения Османской империи, – с религиозными «диссидентами» – некрасовскими казаками – и липованами в особое казачье формирование. Целью такого объединения он видел антироссийскую деятельность и помощь польскому, украинскому революционному движению. Это должно было стать, по его мнению, прототипом панславянской организации, которая боролась бы с русским правительством. Он мечтал воссоздать Речь Посполитую и вместе с тем выступал за субъектность Украины.

«…Этот ковер чудной работы стал владением калифов ислама, падишахов обширного мира, но в жилах этих падишахов текла теперь уже кровь сербская, кровь славянская». Такими словами Михаил Чайковский образно выразил чувства, охватившие его при виде Стамбула в 1841 г. Расчетливый политик, доверенное лицо князя Адама-Ежи Чарторыйского, впоследствии талантливый османский администратор так пронзительно простодушно отозвался он о Стамбуле, в хитросплетениях коридоров власти которого ему надлежало сыграть важную роль – собрать под эгидой Османов новое казацкое войско.

---

[268] *Czartoryski A.* Memoirs et correspondence. Paris, 1887. T. 2. P. 65–66.

Далее в своих воспоминаниях Чайковский отмечает: «…Когда я увидел этот город, похожий на наш старый Киев, то сказал в душе, что ему действительно принадлежит имя Царьград, потому что это столица не только царства славянского, но царства всемирного»[269]. Несомненно, Чайковский являлся крупной личностью, которому А. Чарторыйский отводил важное место в реализации масштабного плана борьбы с Российской империей. В частности, данный план, как считают современные ученые[270], предусматривал:

– убедить султана, что надо начать очередную войну против России, а западные державы убедить, что надо оказать Порте помощь;

– устроить бунт на Кавказе, среди поляков, служащих в кавказском корпусе, и донских казаков, чтобы объединиться с горцами в совместной борьбе;

– преодолеть стремление балканских славян к ожиданию помощи от России в борьбе против султанской власти;

– представить в европейской прессе Российскую Империю как варварскую державу, недостойную занять место среди цивилизованных государств Европы.

На протяжении 1845–1847 гг. Чайковский занимался невероятными проектами. Он создал широкую конспиративную сеть, снабжавшую оперативной достоверной информацией А. Чарторыского и французское правительство[271], распускал слухи о якобы воскресшем великом князе Константине Павловиче, предлагал правительствам Европы развернуть кампанию в защиту украинской независимости во главе с гетманом[272]. В это же время Николай I добился от французского правительства, чтобы у Чайковского был отобран французский паспорт. Тогда, по предложению султана, Чайковский принял ислам, получив новое имя – «Мехмед Садык», т. е. «Михаил Верный», генеральское звание «мириамир-паши», а также пожизненный пенсион в 60 000 пиастров и поместье Сазлы-Босна на западной окраине Стамбула. С этим же событиями связана своеобразная кульминация исторического развития старообрядцев Добруджи. Речь идет об участии их в создании трехчинной иерархии и позднее деятельности их в составе «*Османского казачьего войска*».

Особый интерес в такой деятельности Чайковского представляет переписка с так называемым «Секретным комитетом Украины и Бессарабии», имевшая место в 1853 году в самом начале Крымской войны и проливающая свет на те планы, которые вынашивал Чайковский в то время.

---

[269] Записки Мих. Чайковского (Садык-паши) // КС. 1892. Т. 38 (июль–август). С. 250.

[270] *Порада А. М.* Почему Мицкевич умер в Стамбуле: польские романтики и восточный вопрос // Славянский мир в социокультурном измерении: сб. науч. ст. Ставрополь; М.; Минск, 2007. Вып. 3. С. 9–10.

[271] [*Кельсиев В.*] Очерк истории старообрядцев… С.95.

[272] *Смоховска-Петрова В.* Михаил Чайковский – Садък паша и българското Възраждане. София, 1973.

Секретный Комитет Украины и Бессарабии

Впервые опубликовал два меморандума от Комитета украинский историк Евгений Рудницкий. По его информации бумаги были собственноручными Адама Чайковского (сына Михаила) русскоязычными копиями с французских переводов, которые в свое время сделала вторая супруга Садык-паши Людвика Снядецкая для Адама Чарторыйского. Евгений Рудницкий делает предположение, что оригиналы были украиноязычными, однако его аргументы слабы. Ведь украинизмы, названные историком, являются привнесенными в текст переводчиком Адамом Чайковским. Да и как украинизмы сохранились бы при двойном переводе на французский, а затем русский язык?

Комитет Украины и Бессарабии привлек внимание украинских историков в эмиграции: «Альманах украинского национального союза» за 1971 год представляет биографический материал д-ра Николая Рыбака «Михаил Чайковский – Мегмет Садык Паша»[273]. Автор статьи использовал опубликованные Евгением Рудницким обращения Комитета, а также подал не известную до тех пор украиноязычному читателю информацию, в частности, сказано, что бумаги привезли в Стамбул из Кишинева некие «украинские купцы». Пишет историк и о рекомендации Михаила Чайковского турецкому султану «если бы султан хотел воспользоваться упомянутыми предложениями комитета Украины и Бессарабии, то было бы необходимым послать доверенное лицо в те страны, чтобы это дело ближе и точнее исследовать». По мнению Николая Рыбака, именно упомянутые бумаги позволили султану Абдул-Меджид выдать «фирман» с назначением Чайковского «начальным вождем всех подданных Турции казаков». Также важно, по мнению Рыбака, то, что именно одобрение Чайковским документов Комитета привело к «большому возмущению в польском лагере»[274].

Другой украинский историк Иван Лысяк-Рудницкий, обратившись к анализу «Казачьего проекта» Михаила Чайковского, не смог обойти вопрос подлинности документов Комитета. Историк «увлекся», но и «удивился» факту существования тайной сепаратистской организации в середине XIX века, когда «в целом украинское движение в XIX в. было не сепаратистским, а автономистским, то есть направленным на культурное самовыражение или федерализации Российской империи». Считая вполне возможным, что «меморандум сфабриковал сам Чайковский, поскольку высказанные в нем идеи подозрительно похожи на его собственные», И. Лысяк-Рудницкий сожалеет о невозможности найти оригиналы бумаг. Происхождение опубликованных Евгением Рудницким документов историк оценил так: «поскольку они поступили от сына Чайковского, не исключено, что их подделал сам Чайковский». Отдельно И. Лысяк-Рудницкий

---

[273] *Рибак М.* Михайло Чайковський – Мегмет Садик Паша // Альманах українського національного союзу. Нью-Йорк, 1971. С. 86–97.

[274] Там же. С. 90–91.

критикует перечень подписей под документами. И хотя при участии Омельяна Прицака удалось якобы определить одну персону – генерал-майора Дабижу, украинофила-мазепинца, – однако в целом упомянутых подписантов не удалось идентифицировать. «Этот подзабытый эпизод является интересным и важным и имеет бóльшую важность, чем до этого в целом считалось»[275], – подытожил свое исследование Лысяк-Рудницкий.

Информация о Комитете Украины и Бессарабии попала на страницы воспоминаний Михаила Чайковского. Эти мемуары дошли до нас в нескольких вариантах. Первым можно считать оригинальные наброски на польском языке, написанные в 1870–1886 гг. в Стамбуле, Киеве и на Черниговщине, попавшие в руки сына Садык-паши, в то время уже генерала русской армии, Адама Чайковского, который, в свою очередь, передал мемуары в редакцию «Киевской старины» для публикации. В 1891 году частично они были опубликованы, доведенные до 1840-х годов, но в дальнейшем публикация прекратилась[276]. Второе издание, которое основывалось на мемуарах Садык-паши, – это статья его дочери Каролины Суходольской[277] об участии болгар в казачьих подразделениях ее отца. Известно, что этот вариант мемуаров был написан на французском языке и наверняка представлял собой наброски мемуаров Чайковского 1872 года. Следы этого текста теряются – архив К. Суходольской до сих пор не найден. Она умерла в 1902 году в Триесте (тогда Австрийская империя). Опять всплывает первый вариант мемуаров в 1895 году в Москве, где редакция «Русской Старины» при посредничестве Адама Чайковского берется за их публикацию[278]. Наиболее полная до сих пор версия мемуаров Садык-паши печаталась почти десятилетие в этом журнале. Именно в этом издании впервые упомянут Комитет Украины и Бессарабии, а два обращения этого Комитета скомпрометировали идею М. Чайковского в глазах английских союзников (лорда Пальмерстона)[279].

Отталкиваясь от частичного издания мемуаров в «Киевской старине», во Львове в 1898 году публикуется его перевод на польский язык[280], однако этот текст не следует далее 1840-х годов. Еще одна публикация мемуаров была осуществлена в 1962 году в Варшаве на польском языке[281]. Это издание основывалось на том же тексте, в свое время предоставленном

---

[275] *Лисяк-Рудницький І.* Козацький проект Міхала Чайковського під час Кримської війни: аналіз ідей // *Он же*. Історичні есе. К.: Основа, 1994. Т. 1. С. 251–263.

[276] Записки Михаила Чайковского (Садык Паши) // КС. 1891, 1892.

[277] *Суходолска К.* Българите в неизданите мемуари на Чайка Чайковски (Садък-паша) // Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. Кн. X. София, 1894. С. 429–468.

[278] *Чайковский М.* Записки // РС. 1895–1898, 1900, 1904.

[279] *Там же* // РС. Т. 96. 1898. № 12. С. 682.

[280] *Czajkowski M.* Pamietniki Sadyka Paszy Michala Czajkowskiego / tlumaczyl na polskie A.P. Lwow, 1898.

[281] *Czajkowski M.* Moje wspomnienia o wojnie 1854 roku. Warszawa, 1962.

Адамом Чайковским, однако по комментариям издателей, было более полным и касалось только времени Восточной войны. Сверка текстов подтверждает, что редакция «Русской Старины» сократила некоторые фрагменты текста, особенно что касается отношений между польским, английским и турецким офицерским корпусами[282]. Сокращению подверглось и сообщение о Комитете, он по мнению редакции российского журнала не должен был привлечь большое внимание.

Итак, наиболее полно от имени Михаила Чайковского о Комитете можем узнать в изданных в 1962 году мемуарах о событиях Крымской войны[283]. Согласно им, Чайковский признает, что бумаги Комитета стали одним из аргументов во внутренней польской борьбе вокруг украинского вопроса. Оппонент Чайковского – Владислав Замойский – демонстрировал копии меморандумов, направленных Адаму Чарторыйскому, в кругу польских эмигрантов ради доказательства сепаратистской деятельности Садык-паши, которого «объявили новым Богданом Хмельницким».

В опубликованных в 1962 году воспоминаниях разъясняется вопрос происхождения документов, как будто их передали влиятельному турецком политику Решид-паше (сторонник Танзимата, 6 раз – великий визирь империи) два купца-казака из Кишинева. Оригиналы якобы были напечатаны на русском языке. Далее Михаил Чайковский в воспоминаниях в целом передавал содержание документов.

Анализируя все известные на данный момент варианты текстов документов Комитета, а также сопроводительные документы о событиях октября–ноября 1853 года, когда эти бумаги впервые привлекли внимание турецких чиновников и самого Михаила Чайковского, можно сделать два предположения. Наиболее вероятно то, что текст является фальсификатом. Ведь он ни разу не упомянут в известных, независимых от Чайковского, источниках. О фальсификации говорят также не свойственный украинским текстам того времени стиль, путаная терминология, наивный пафос обращений. Вопрос в том, кто и зачем создал эти документы.

Первая версия: поскольку Решид-паша передал бумаги Чайковскому, а тот уже распространил их переводы среди поляков, а французский перевод передал султану, то, возможно, бумаги отражают видение турецких политиков будущего Юго-Восточной Европы. Протекторат Украины и Бессарабия на правах Валахии и Молдовы должен был стать буфером между Османской и Российской империями. О достоверности этого факта говорят некоторые термины – двухбунчужных, Россия названа «Севером» и другие. Восстанавливаемый украинский гетманат, таким образом, рассматривался как продолжение глубоких традиций казацко-турецких отношений.

---

[282] *Segel Harold B.* Mieckiewicz and the Juwish legion in memoirs of the Sadyk Pasha (Michal Czajkowski) // The Polish review. Vol. 10. № 3. 1965. P. 78–81.

[283] *Czajkowski M.* Moje wspomnienia o wojnie 1854 roku. Warszawa, 1962. S. 24–25.

Вторая версия, уже высказываемая Иваном Лысяком-Рудницким, заключается в том, что автором бумаг мог быть сам Михаил Чайковский, ведь оба документа очень точно передают известные из других источников ключевые моменты его политической концепции. Вкладывая в уста представителей Украины (имеется в виду Правобережье, ведь из контекста следует, что отдельно рассматривается Малая Россия, то есть Левобережье) и Бессарабии просьбу принять эти территории под власть султана, выбрать гетмана, предоставить военную помощь и т. д., Михаил Чайковский обосновывал свои дальнейшие планируемые военные операции и политические действия. Подтверждает факт авторства Чайковского еще и описание флага планируемого казацкого войска, который должна была предоставить Порта. Он как две капли воды похож на тот флаг, который в ноябре торжественно был поднят над казацкими сотнями и провозглашен «давним штандартом гетмана Петра Дорошенко» (необъяснимо, как могли делегаты в сентябре описать этот флаг, найденный, по словам Чайковского, в хранилищах вселенского патриархата в ноябре).

Итак, два эти документа, скорее всего, являются результатом творчества Михаила Чайковского, и, возможно, были созданы по подсказке или при участии Решид-паши. Они обосновывали участие казаков Садык-паши в военных операциях по освобождению Украины и образованию автономного, в составе Оттоманской Порты, казацкого Гетманата Украины и Бессарабии. Это уникальный памятник политической мысли середины XIX века, поставивший вопрос о субъектности Украины (Правобережной) и ее автономного статуса. Документы в целом отражали видение турецкими политиками середины XIX века будущего причерноморского региона и одновременно раскалывали польский эмигрантский лагерь. Но более всего важно то что, это политическая программа создателя Османского казачьего войска.

Казацкое население Добруджи в планах и деятельности Михаила Чайковского

В условиях революционных событий 1848 г. в Европе М. Чайковский и его товарищ С. С. Равский встретились в Добрудже с атаманом местного «некрасовского» (точнее – липованского) населения Осипом Семеновичем Гончаром (Гончаровым)[284]. Эта встреча послужила своеобразной основой для создания будущего войска, целью которого М. Чайковский видел восстановление «казацкой народности в Южной Руси или, как минимум, в образовании из Добруджи самостоятельного казацкого государства под моим руководством как султанского вассала»[285].

---

[284] *Субботин Н.* История так называемого Австрийского или Белокриницкого священства. М., 1899. Вып. 2. С. 64–65, 163–165.

[285] *Кельсиев В. И.* Исповедь // Архив русской революции. М., 1991. Т. 6 (№ 11–12). С. 255.

Защищая интересы липован, их старообрядческую веру, О. Гончар искал соратников. Из его «временных» союзников можно назвать и царственных особ Европы, и революционеров (например, А. И. Герцен), и чиновников Османской империи. Со слов В. И. Кельсиева: «Гончаров понял, что Чайковский при большой власти в Порте и решил его де*ржаться*»[286]. Оправдывая эти надежды, Садык-паша помог староверам в образовании у них трехчинной церковной иерархии (т.н. Белокриницкой) и в легализации ее в Турции[287]. В свою очередь, когда создавалось «*Османское казачье войско*», в его состав вошли дунайские некрасовцы-липоване во главе с О. Гончаровым и его помощниками – М. Носом, Марковенком и Шмаргуном[288].

Османское казачье войско во время Крымской войны

В ноябре 1853 восемь сотен польских эмигрантов из демократического лагеря во Франции во главе с генералом Йозефом Высоцким подписали петицию к султану Абдул-Меджиду о создании «Legion Polonaise» в Османской империи. Их запрос не был удовлетворен преимущественно из-за неодобрительного мнения Французского правительства. Однако во время войны Адам Чарторыйский, лидер польских консерваторов во Франции, способствовал переезду в Османскую империю многих польских офицеров, которые были зачислены в Османское казачье войско. По мнению турецкого историка Д. Бадема, Порта предусмотрительно не называла эти полки польскими, предпочитая вместо этого использовать название казацкие полки. Оттоманское руководство было осторожным и не брало на службу польских и венгерских офицеров близ австрийской границы, ведь Порта ранее дала гарантии этого Австрии[289].

Итак, первоначальный казацкий полк Садыка (тогда его еще именовали Эфенди – это средний офицерский ранг, в отличие от Паши – генеральского) стал частью Румелийской армии во главе с Омер-пашой и использовался для противодействия российским казакам армии генерала Паскевича, которая осадила крепость Силистру. Сам Омер-паша остался в Шумене с 40 000 войска, но он колебался в решении – прийти на помощь Силистре или организовать диверсионную операцию, т. к. он не хотел быть втянутым в столкновения в открытом поле с большой русской армией. Он послал казацкий полк Садык-паши и 5 000 ополченцев из Разграда для занятия позиций на определенной дистанции, неподалеку от российских войск[290]. Здесь казаки отличились несколькими успешными операциями, а впоследствии первыми вошли в оставленный русскими Бухарест. Садык-

---

[286] Там же. С. 107.

[287] *Субботин Н.* История так называемого Австрийского или Белокриницкого священства. С. 294, 311–316.

[288] *Кельсиев В.И.* Исповедь… С. 256.

[289] *Badem Candan*. The Ottoman Crimean War (1853–1856). Leiden-Boston, 2010. P. 50–51.

[290] Ibidem. P. 185.

паша в это время активно пропагандировал казацкие идеи среди православного населения Балкан, при этом вступил в конфликт с польскими офицерами и английским командованием. Он негативно отзывался об одном из офицеров, который, «как большинство английских офицеров, купивших свои должности, а не получили их за службу и свершения, относились к своим офицерам, как к неграм»[291].

В апреле 1855 г. Садык-паша был командирован Портой для изучения вопроса о возможности принятия христиан на военную службу. Садык-паша рапортовал большому визирю о возможном наборе христианских волонтеров в армию. Он писал, что кавалерийские части могут быть набраны из Тырнова, Ниша, Ени Пазара и Сараева, а пехотные – из Мостара, Ишкодра, Янины и Салоник. Садык-паша писал в своих мемуарах, что султан хотел, чтобы этот проект был обсужден с представителями европейских великих держав[292].Однако, по его же воспоминаниям, им не понравилась эта идея. Лорд Стратфорд де Рэдклифф даже сказал Садык-паше, что такой проект не будет одобрен, ведь тогда через несколько лет христианские подданные Османской империи будут иметь целую армию, хорошо обученную и способную к борьбе. «Это не является нашей задачей», – как будто сказал лорд Стратфорд Садык-паше. Австрия находилась в таком же состоянии страха перед этим проектом. Видимо, Порта встретилась с оппозицией со всех сторон и в конце концов Западные государства не позволили ей провести эту реформу[293].

Что касается истории создания и существования «Османского казачьего войска» или войска «Добруджинских казаков», то эти факты достаточно редко упоминаются в исследованиях второй половины XIX – начала XX в. А для современной историографии данный сюжет вообще может быть охарактеризован как периферийный и окказиональный, т.е. достойный внимания лишь в связи с другими эпизодами и событиями[294]. Вместе с тем история этого искусственно созданного казачьего формирования несет в себе отражение почти всех геополитических и людских противоречий середины XIX в., с которыми оказались связаны судьбы реформ в Турции – стране, не менее гибко, чем другие континентальные империи, отвечавшей на вызовы национализма и столкновения мнений о путях модернизации империи[295].

---

[291] Ibidem. P. 243.

[292] Заметки и воспоминания Михаила Чайковского (Садык-паши) // РС. Т. 35. Декабрь 1904. С. 573.

[293] *Badem Candan*. The Ottoman Crimean War (1853–1856). Leiden-Boston, 2010. P. 341–342.

[294] Например, в обстоятельной энциклопедии «Українське козацтво» отсутствует соответствующая статья. Упоминание о вооруженном полке содержится лишь в связи с самим М. Чайковским. См.: *Турченко Ф. Г.* Чайковський // Українське козацтво: мала енциклопедія. Київ; Запоріжжя, 2002. С. 532.

[295] *Сомель С. А.* Османская империя: местные элиты и механизмы их интеграции // Российская Империя в сравнительной перспективе… С. 185–195; *Чичек К.* Эко-

Итак, это вооруженное объединение, созданное Садык-пашой на свой страх и риск, было признано официально Оттоманской Портой в 1853 г. особым «ираде» (султанским указом). После начала войны с Россией (1853–1856, Крымская, она же Восточная война), турецкое правительство было заинтересовано в этом формировании. Идею создания подобного войска активно начали поддерживать французские союзники. Кроме некрасовцев, липован и украинцев, в состав войска были зачислены польские эмигранты, которые во множестве находилось в Румелии и возле Стамбула (местечко Адамополь)[296]. Им были предоставлены почти все офицерские должности. Они без уважения относились к традициям «некрасовского и руснацкого» населения, при этом бесчинствовали и пьянствовали. Все это дискредитировало идею существования «казацкого» войска. Во многом такие негативные сообщения дошли до нас благодаря воспоминаниям тех же поляков на османской службе. Так, современник описываемых событий, Теофил Лапинский (Теффик-бей) свидетельствует: «Один квазикавалерийский полк, едва ли на десятую часть состоявший из поляков и очень плохо экипированный, служил под именем казаков султана… под командой генерала Чайковского… и настолько выделялся среди турецкой кавалерии…, что сердар поставил перед Портой вопрос о создании второго полка того же типа. Граф Замойский и занялся созданием и организацией этого полка»[297].

Таким образом в 1855 году войско состояло уже из двух полков[298], первым из которых (в составе около 750 чел.) руководил сам Садык-паша, а вторым (около 450 драгун) – граф В. Замойский, являвшийся представителем польской эмиграции в Париже и племянником А. Чарторыйского. Все команды в войске отдавались на славянских языках[299]. Во время войны 1853–1856 гг. османские казаки, подготовленные в соответствии с французским воинским регламентом, приняли активное участие в событиях на Дунае. Садык-паша избежал пересылки его казачества на Кавказ и считал, что он продолжал отстаивать интересы Польши именно на южных границах России[300]. О состоянии войска в момент его наивысшей боевой готов-

---

номика Османской Империи в период ее превращения в периферию Запада. 1700–1914 // Там же. С. 225–228.

[296] *Гросул В. Я.* Польская политическая эмиграция на Балканах в 40 – начале 50-х годов XIX в. // Балканский исторический сборник. Кишинев, 1970. Вып. 2. С. 63–65.

[297] *Лапинский Т.* (Теффик-бей). Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских / пер. В. К. Гарданова. Нальчик, 1995. С. 261–262.

[298] *Чайковский М.* (Садык-Паша). Записки // КС. 1891. Т. 34. С. 354–367.

[299] [*Кельсиев В.*] Очерк истории старообрядцев… С. 97.

[300] Меткую характеристику оригинальной деятельности М. Чайковского как личности, попавшей между различными властями и настроениями в обществе, в свое время дал Е. В. Тарле в своей книге «Крымская война»: «Фантазер, дилетант в политике и в беллетристической литературе, где он тоже подвизался, временами увлекающийся польский патриот, временами совсем особого, оригинального типа украинофил, мечтавший о какой-то фантастической польско-украинской казацкой

ности – по окончанию Крымской войны – говорит изданная в Париже книга «Казачество в Турции».

Старшины и офицеры османских казаков

Итак, в 1857 г. М. Чайковский опубликовал свой сборник – «Казачество в Турции»[301], состоящий из трех частей. Первая из них – исторический экскурс в прошлое казаков, вошедших в состав «Османского казачьего войска». Сначала автор-составитель печатает «Письмо Х., Казака Оттоманского к земляку» («*List X., Kozaka Ottomańskiego, do Krajowca*»). Аноним обращается к своему товарищу, который живет в Украине. Он с пафосом описывает создание казачества, а также призыв к украинскому и польскому населению вступать в него для возможности борьбы с Российским правительством. Это письмо было напечатано на украинском языке латиницей, а также сопровождалось переводом на польский. Затем следует «Реляция Дамияна Щербины есаула Кошевого» («*Relacyja Damijana Szczerbiny Asawuły P. Koszowego*»). Перед нами, по сути, – краткий очерк истории политической эмиграции в Турцию украинцев XVIII в. Главное внимание уделено И. Мазепе, Ф. Орлику, их отношениям с администрацией Оттоманской Порты. В данном очерке М. Чайковский утверждает, что в результате деятельности этих украинских эмигрантов возникает Задунайская Сечь. Историческую несостоятельность таких взглядов в свое время доказал еще Ф. Вовк. Впрочем, эти материалы позволяют проследить жизнь казаков за Дунаем.

Далее печатается «Письмо Филиппа Орлика к запорожцам» («*Filipa Orlika Hetmana list do Zaporozcow*») из архива семьи Чарторыйских, приводимое как доказательство раннего возникновения Задунайской Сечи. Далее – раздел под названием «О казаках Добруджанских» («*О Kozakach Dobrudzkich*»). В этом разделе идет рассказ об истории формирования восточнославянского населения Добруджи, которое вошло в состав казачьего войска под руководством М. Чайковского. Особое внимание отводится истории старообрядцев (липован). Данный сюжет был продолжен в параграфе «О староверах и поиске им митрополита» («*О Starowiercach и odtworzeniu im Biskupyw*»). В нем речь идет о создании Белокриницкой старообрядческой иерархии (1846 г.). Роль самого автора-составителя в этих событиях была значительной. Он не только помог старообрядцам Добруджи и

республике, человек с порывами благородства и вместе с тем способный иногда на неожиданные и очень некрасивые поступки» (*Тарле Е. В.* Сочинения. М., 1959. Т. 9. С. 17). «Эти люди (польские добровольцы в составе турецкой армии на дунайском театре войны. – *Прим. авт.*) были иногда способны дать неглупый совет, но, с другой стороны, немало и вредили, сбивая часто с толку турецкое командование, которому внушали преувеличенное убеждение в слабости русской армии, – пишет известный историк. – Политическая страсть, ненависть к России ослепляла их и заставляла принимать свои желания за действительность» (*Тарле Е. В.* Сочинения. М., 1959. Т. 8. С. 257).

[301] Kozaczyna w Turcyi. Paryż: w drukarni L. Martinet, 1857.

Буковины в поиске и проезде митрополита Амвросия, но и оказывал содействие официальному признанию этого церковного объединения турецким правительством.

Почти уникальные сведения содержатся в той части сборника, которая имеет название «Несколько слов о Некрасовцах» («*Kilka słów o Nekrasowcach*»). Эти потомки донских казаков, проживавшие тогда в Анатолии, оставили нам ограниченное количество источников о своей жизни в XIX в. Наконец, раздел – «От года 1853 до 1857» («*Od roku 1853 do roku 1857*»). Именно здесь рассказывается об организации «Османского казачьего войска», его составе и устройстве, а также об участии войска в Крымской войне 1853–1856 гг. Даже из этого краткого очерка следует, что различия между отдельными отрядами (задунайскими и некрасовскими казаками, липованами и поляками) были принципиальными, влияя на дисциплину в войске. Это воинское соединение держалось почти исключительно благодаря авторитету личности Мехмеда Садык-паши.

Во второй части сборника Чайковский поместил фольклорные и литературные материалы – песни и думы в литературной обработке. Основное внимание уделено балканским сюжетам. Нужно отметить, что сам М. Чайковский выступает в большинстве казацких песен в образе почти легендарного героя. Эта часть больше всего может заинтересовать фольклористов и литературоведов, а также исследователей политических технологий середины позапрошлого века.

Оппозиционность российскому правительству и вместе с тем «единство» (по идеалистическим взглядам самого М. Чайковского) между собой всех представителей «Османского казачьего войска» иллюстрирует содержание третьей части. В ней помещаются материалы из истории украинского казачества, его борьбы с русским правительством. Открывается раздел указами султана Абдул-Меджида («*Firman, Irady Sułtańskie, oraz dwa listy*»). Ценность раздела состоит в том, что здесь размещены тексты правовых документов, на основании которых действовало «Османское казачье войско» в середине XIX в. Далее по тексту сборника можно узнать о том резонансе, который получила деятельность казачьего формирования во главе с М. Чайковским в среде польской эмиграции в Европе. Своеобразный вариант этого «тюркофильского панславизма» раскрывают материалы писем, напечатанных в сборнике («*Nota o Zastępach Polskich*, i *rozmowy A. Mickiewicza*», «*List X.A. Czartoryskiego do Hr. Wład. Zamoyskiego*», «*List A. Mickiewicza z Turcyi do X.A. Czartoryskiego*», «*List M. Sadyka-Paszy do A. Mickiewicza*», «*Tegoż do dawnego towarzysza pułku Jazdy Wołyńskiej*»). Личности адресатов (А. Чарторыйский, А. Мицкевич) говорят сами за себя; в целом же содержание писем раскрывает планы польских участников и организаторов казачьего войска в Добрудже.

Следом в сборнике – краткий очерк истории казачества в Украине. Здесь обнаруживается базовая историографическая позиция М. Чайковского. Он рассматривает казачество как польско-тюркский институт, который

на протяжении всего времени существования противостоял русскому «империализму». Указанный материал («*P.W. Kozacy z Litwą i Polską*», «*Ugoda Perejasławska*», «*Kozacy z Moskwą i Rossyją*», «*List Attamana Sierko do Hana Krymskiego*») завершается общими оценками русского и православного фактора в истории Европы («*Kijów i Moskwa w walce o supremacyją duchowną» и «Wyrój Sekt i źródło Protestantyzmu*»).

Необходимо также указать, что текст сопровождается иллюстрациями, благодаря которым можно воссоздать внешний вид украинских задунайцев, липован, некрасовцев, а также форму «Османского казачьего войска». Сборник открывается поясным портретом самого Мехмеда Садык-паши, наместника Румелии и Атамана казаков Оттоманской Империи. Он изображен в стилизованном казацком костюме, с мусульманскими звездой и полумесяцем на кокарде.

Если же анализировать структуру казачьих формирований в Добрудже, то ее можно воссоздать благодаря списку казаков («*Spis wyszłych ze służby Kozaczej i zmarłych*»).

Итак, после завершения Крымской войны это Османское казацкое войско достигало количества 2 000 сабель – именно в это время и был составлен «Список именной…». Он как бы подводит итог участия оттоманских казаков в войне. Следует отметить, что собранная в документе информация об офицерском составе казацкого корпуса может считаться достоверной (публиковалась сразу же в Париже в пропагандистских целях, однако под пристальным взглядом польской демократической оппозиции). «Список…» содержит фамилии и имена 180 человек, расписанных по главному штабу, двум полковым штабам и двум полкам казаков и драгун оттоманских. Также представлена информация о делах, должностях и наградах офицеров. В разделах, касающихся умерших, взятых в плен, переведенных в другие подразделения, подается и другая интересная информация. Коротко остановимся на информативности каждого из аспектов.

Структура руководства подразделением – три штаба (главный и два полковых) состояли персонально из генерала и 12 офицеров, еще два офицера выбыли в другие подразделения. Итак, в штабах казацких на 1857 находились 1 паша (генеральское звание), 1 полковник, 1 подполковник (1 выбыл), 1 шеф главного штаба, 4 адьютантоа (1 выбыл), 1 директор канцелярии, 1 секретарь турецкой канцелярии, 2 старших писаря, 1 младший писарь.

Медицинское обслуживание личного состава и лошадей осуществляли восемь врачей: 1 главный врач, 2 хирурга, 2 аптекаря, 2 ветеринара, 1 штабс-врач.

Отдельно в 1-м полку казаков существовало подразделение «трымбачей», а именно пять музыкантов во главе с штабс-трымбачем. Также отдельно отмечены в списке офицеров 1-го полка некрасовские казаки – 1 сердар (атаман) и 4 сотника. В течение войны трое сотников-некрасовцев погибли или умерли.

Список умерших и погибших, поскольку содержит информацию о времени, обстоятельствах и месте смерти офицера, дает нам возможность проследить в основных чертах боевой путь корпуса. В 1853 г. не погибло ни одного офицера, в 1854 г. местами смерти указаны Гропа-Чорба, Гирлиц, Максимение, в 1855 г. – Журиловцы, Топалы, Айдимирзе, Тульча, в 1856 г. – Салмания, Варна, в 1857 г. – Стамбул, Теркас. В общем интересной выглядит статистика погибших – 3 сотника (некрасовцы), 1 украинец (из бугских уланов), 2 «волынянина», 2 павлоградских гусара, 1 поляк (артиллерист). Как видно из этого перечня, национальный состав корпуса был пестрым, и к тому же систематизации принадлежности офицеров к той или иной национальности не существовало. Поэтому данные по принадлежности офицеров к той или иной национальности (кроме тех погибших офицеров, национальность которых указывалась) можно реконструировать лишь по особенностям написания фамилий. Этот способ не представляется нам точным, а тем более исключительно правильным, однако в общих чертах описывает ситуацию в корпусе. Итак, национальный состав офицерского корпуса был таким (оценка по фамилии, имени или другим признакам): 123 поляка, 59 прочих (1 украинец, 13 сербов и болгар (православных), 4 итальянца, 2 француза, 11 немцев или евреев, 5 венгров, 1 валах или молдаван (румын), а также 12 мусульман (4 в штабе основном, 5 в штабе 1-го полка, 1 в строю 1-го полка, 2 в штабе 2-го полка) и 10 некрасовцев. Итак, две трети офицеров по фамилиям поляки (которых трудно отличить от украинцев), треть – другие национальности (славяне, турки, албанцы, французы, венгры и т.д.). Вся призрачность такого способа видна хотя бы из того, что указанный в списке руководитель корпуса – мусульманин Садык-паша – одновременно мог бы быть записанным по отцу поляком, а по матери (как он сам отмечал в своих мемуарах) – украинцем.

Таблица 2

Офицерский состав

Звания	Штаб	1-й полк	2-й полк	Выбыли	Итого
Паша (генерал)	1	–	–	–	1
Полковник	–	1	–	1	2
Подполковник	1	–	1	–	2
Майор	–	1	2	–	3
Адьютант-Майор	1	2	1	1	5
Капитан	–	14	6	4	24
Поручик	–	13	6	8	27
Подпоручик	–	12	10	10	32
Сердар	–	1	–	–	1
Сотник	–	4	–	3	7
Вахмистр эскадрона	–	6	–	3	9

Вахмистр плутонга (взвода)	–	22	–	–	22
Кадет	–	–	23	–	23
Прочие	5	14	4	–	24
Вместе	6	90	53	30	180
Рядовые	–	750	450	?	1200

Таблица 3

Награды офицеров корпуса

Название	Общее количество	Штаб главный	Полк 1-й		Полк 2-й		Отставные	Переведены	Погибли/умерли	Пленены
			Штаб	Полк	Штаб	Полк				
Количество человек / награждено	**182/130**	**8/7**	**11/11**	**78/78**	**10/5**	**44/11**	**6/5**	**14/0**	**10/3**	**1/0**
Турецкий орден «Меджидие»	**12**	**3**	**–**	**7**	**1**	**–**	**–**	**–**	**1**	**–**
Турецкая медаль золотая	**1**	**–**	**–**	**–**	**1**	**–**	**–**	**–**	**–**	**–**
Турецкая медаль серебряная	**114**	**10**	**10**	**75**	**7**	**5**	**5**	**–**	**2**	**–**
Турецкие награды	**127**	**13**	**10**	**75**	**7**	**5**	**5**	**–**	**2**	**–**
Польский крест	**13**	**2**	**2**	**5**	**3**	**2**	**1**	**–**	**–**	**–**
Крест Легии Гоноровой (Почетного Легиона)	**2**	**–**	**–**	**–**	**–**	**–**	**2**	**–**	**–**	**–**
Крест Св. Ежи (Св. Георгия)	**1**	**–**	**–**	**–**	**–**	**–**	**–**	**–**	**1**	**–**
Медаль английская	**6**	**3**	**–**	**3**	**–**	**–**	**–**	**–**	**–**	**–**
Медаль сардинская	**2**	**1**	**–**	**–**	**–**	**–**	**1**	**–**	**–**	**–**
Крест венгерский	**2**	**–**	**–**	**–**	**–**	**1**	**1**	**–**	**–**	**–**
Крест голштинский (Орден Св. Анны)	**1**	**–**	**–**	**–**	**–**	**–**	**1**	**–**	**–**	**–**
Иностранные награды	**27**	**6**	**2**	**8**	**3**	**2**	**6**	**–**	**1**	**–**
Всего наград	**154**	**19**	**12**	**83**	**10**	**7**	**11**	**–**	**3**	**–**

Как видно из таблицы 3, погибшие и переведенные сразу после завершения войны офицеры почти не получили медалей и орденов. Это значит, скорее всего, что основной массив наград (особенно турецкие, сардинские, английские) были получены офицерами корпуса именно по ре-

зультатам Крымской войны (в конце боевых действий). Показательным также является наличие французских, венгерских, российских, британских, сардинских, польских и т. д. наград, что может стать предметом дальнейших исследований.

Дальнейшая судьба казачества Османской империи

Однако эти заслуги быстро стали забывать после завершения войны. Украинские и русские поселения, которые были базой для набора войска, обложили бейликом (фискальная повинность, которую они до этого не платили), за прошедших три года войны с них потребовали харач (налог на содержание войска, рекрутства). Эти налоги и повинности как бы нивелировали участие войска в войне, поскольку взимали их лишь с гражданского населения. Парадоксально, что в этом они были уравнены с теми народами, которые, воспользовавшись Крымской войной, попробовали поднять антитурецкие восстания (черногорцы, болгары, боснийцы, албанцы, греки и т. д.)[302]. Вместе с тем сам Садык-паша стал еще более авторитетным чиновником. Султан Абдул-Меджид предоставил ему звание ферики (дивизионного генерала) и предписал организовать охрану османо-греческой границы, куда и отправлены были два казацких полка на период с 1857 по 1862 год. В это время, по словам самого М. Чайковского, он задумался над созданием «федерации южных славян под верховной властью султана, потомка сербских королей по женской линии, такова была цель, к которой я стремился»[303]. Тогда же Садык-паша разработал и проект колонизации нижнего Придунавья, который пытался внедрить в жизнь.

От деятельности Садык-паши «открестились» его бывшие союзники – штаб польской эмиграции в Париже, несмотря на то, что еще во время войны его деятельность высоко оценил Адам Мицкевич[304]. М. Чайковский, занявшись активно внутренними османскими делами, все реже слушал указания из Парижа. Например, французское правительство и польская аристократия в эмиграции выступали за объединение Молдавии и Валахии, а Садык-паша активно выступал против («…я был против этого объединения и не скрывал своих мыслей»[305], – писал он позже в своих мемуарах). Но после окончания войны атаман остался «один на один» со своими казаками и турецким правительством. Не последнюю роль в этом сыграли взгляды и позиция М. Чайковского в отношении перспектив самостоятельности украинского народа[306]. В отличие от польской аристократии, прини-

---

[302] *Гросул В. Я.* Российские революционеры в Юго-Восточной Европе… С. 29.

[303] *Чайковский М. С.* Записки // РС. 1898. Т. 95. № 9. С. 680.

[304] Великий поэт во время визита в Константинополь, организованного Садык-пашой, заболел холерой и умер. В Стамбуле он покоился некоторое время, а теперь на этом месте открыт музей поэта.

[305] *Чайковский М.* Записки // РС. 1900. Т. 102. № 6. С. 693.

[306] *Фалькович С. М.* Идейно-политическая борьба в польском освободительном движении 50–60-х годов XIX в. М., 1966. С. 21.

мавшей только идею о возрождении Речи Посполитой в границах до 1772 г., он, потомок гетмана Брюховецкого, призывал учитывать особенности населения Украины. Судьбу казачьего войска не спасло и расширение его состава за счет бывших российско-подданных солдат, пребывавших в Турции в качестве военнопленных[307]. В последнее десятилетие своего существования османское казачество[308] выполняло функции внутренних армейских подразделений в Фессалии, Эпире, Болгарии. «Грозная сила» данного формирования в некоторых источниках сравнивается даже с легендарными «башибузуками»[309].

Ряд документов свидетельствуют об активизации деятельности Садык-паши в Добрудже и Молдове в 1863 году, что позволило российским чиновникам панически сообщать своему руководству о формировании военных отрядов для вторжения в пределы Российской империи и о сети связей Чайковского с польской шляхтой, евреями, украинцами. Агенты Садыка-паши упоминаются то в Сербии, то в Валахии, то в Австрии, то в Молдове, то на Подолье и Буковине.

После 1863 г. казачьи части пополнились за счет молодых польских эмигрантов, имевших определенный боевой опыт[310]. Таких солдат ценил не только Садык-паша, но и сам султан – из них он набрал несколько адъютантов, среди которых был и младший сын Чайковского – Владислав (Музафер-бей), до этого заведовавший военной казачьей школой[311]. В этой школе прошли подготовку многие поляки, болгары и др.[312] Балансируя между своим революционным и чиновничьем долгом, М. Чайковский поддерживал тесные связи с балканскими освободительными движениями. Например, известно о его контактах с Г. Раковским Хр. Ботевым[313]. При этом уже после реорганизации в 1866 г. бывшие части Садык-паши приняли участие (правда, без особого энтузиазма и ощутимого эффекта) в по-

---

[307] *Гросул В. Я.* Российские революционеры в Юго-Восточной Европе… С. 52.

[308] По некоторым данным, в части Чайковского после Крымской войны вошли 280 бывших военнопленных русских солдат (*Гросул В. Я.* Российские революционеры в Юго-Восточной Европе… С. 59). О подобной деятельности в Фессалии и Эпире см.: *Чайковский М.* Записки // РС. 1900. Т. 102. № 7–8.

[309] *Jouve E.* Guerre d'Orient. Voyage a la suite des armees alieiees en Turquie, en Valachie et an Crimee. Paris, 1855. Vol. 1. P. 93. Показательно, что эту аналогию приводят и в современной румынской историографии (см., например: *Lucaciu C., Teodorescu A.* Din istoria si traditiile lipovenilor. Bucureişti, 1998. P. 29; очень близкой является и оценка в работе: *Феноген С. И., Феноген А. С.* Сарикей: загадка XIX столетия. Cluj-Napoca: Kriterion, 2004. С. 26).

[310] Михал Чайковский гордился, что среди них были: племянник Бисмарка Путкамер и черногорский князь Петрович (*Чайковский М.* Записки // РС. 1904. Т. 119. № 8. С. 282–283).

[311] *Чайковский М.* Записки // РС. 1900. Т. 104. № 10. С. 226; № 12. С. 725.

[312] *Гросул В. Я.* Российские революционеры в Юго-Восточной Европе… С. 239.

[313] *Волков Е. З.* Христо Ботев (на заре балканского коммунизма). М.; Пг., 1923. С. 31, 38–39.

давлении болгарских партизанских чет, в усмирении переселенных в Добруджу черкесов и т. д.[314]

Усугубившийся далее внутренний кризис в войске, в обстоятельствах смещения акцентов в геополитической ситуации, привел к постепенному затуханию интереса к «Османскому казачьему войску» и казачьему сословию вообще[315]. В бывальщинах и сказках некрасовцев Садык-пашу не жалуют за «рекрутство», т. е. за то, что он попробовал казаков переделать в аскеров (солдат). Вот, например, как об этом упоминается в одном из исторических преданий, записанных Ф. В. Тумилевичем спустя 80 лет после вышеупомянутых событий: «Был такой человек в Турции – Садык-паша…, так вон принуждал нас, чтобы мы аскерами были. Такое дело нам не понравилось. Мы казаки, какие мы аскеры? Круг Войска Кубанского, старики тогда приговорили: “Не подписываться в аскеры и на службу к турку не ходить”. Как отказались наши отцы служить, турка задавил налогами»[316]. Удивительным образом народная память сохранила эти события и поныне: «Свой атаман был. Свои були старейшины, кажную неделю собиралися и советывали все. И когда турки були наших в армию не брали, а когда румыны прийшли наших почали в армию брать, а турки не брали наших в армию. Говорили – у вас есть атаман, который говорили учит вас. Как донские казаки на конях учили, а которые сухопутные були, знали, по сухопутью училися. Кажные недели выходили у субботу иль середу и два раза у неделю выходили и училися. И атаман приезжал, помагал тому турецкому везирю, управетелю, штобы: “Иди посмотри, как наши учаться тамотки, где было пустое место”. И он очень одобрыл их: “Очень хорошо”. Донские козаки – наше село. Круг собирались на майдане. Девки, хлопцы собирались на собрании, а если есть собрание, то старейшины на лавке совещание делают всему селу. Ходили все, а решение брали мужики. Были старейшины, были десятники, которые решали вопросы»[317].

Часть бывших османских казаков украинского и русского происхождения после отмены крепостничества переселилась в Россию – в Бессарабию, Херсонщину, Приазовье, на Кубань[318]. Садык-паша пробовал играть собственную роль, всячески пытаясь поднять «добруджинское малороссийское население» и Украину на борьбу с Россией[319]. Стремясь поддер-

---

[314] *Гросул В. Я.* Российские революционеры в Юго-Восточной Европе… С. 240.

[315] *Сень Д. В.* «Войско Кубанское Игнатово Кавказское»… С. 150–152.

[316] *Тумилевич Ф. В.* Сказки и предания казаков-некрасовцев. Ростов-на-Дону, 1961. С. 217.

[317] Записано А. А. Пригариным 8 сентября 2000 г. со слов Карпа Степановича Дементьева (1934 г. р., русский, с. Татарица (Айдемир) Силистренской округи, Болгария).

[318] *Бойко Я. В.* Заселение Южной Украины. 1860–1890 гг. Черкассы, 1993. Таблица № 22-а.

[319] *Гросул В. Я.* Российские революционеры в Юго-Восточной Европе… С. 166–167.

жать польских повстанцев, он создает в Тульче национальный комитет по вербовке «детей родины», отправляет прокламацию «в Украину, в которой уговаривает тамошних жителей присоединиться к восстанию»[320] и т. д. Эта «польскость» парадоксальным образом сочетается у него с украинофильством: «католиков и поляков он (Чайковский) не терпел, но стоял по семейным традициям, за свободу южной России»[321], – писал В. И. Кельсиев. Любопытно, что подобные взгляды были не исключением в офицерском составе османских казаков. Например, поручик Горнштейн – еврей, уроженец Бердичева – был «большой либерал», ненавидевший поляков и мечтавший о восстановлении малороссийского гетманства[322].

В 1870–1871 гг. казачество оказалось вовлечено в вихрь западноевропейских дел. Старший сын Садык-паши – Тимур-бей – с отрядом добровольцев из состава казаков отправился во Францию принять участие во франко-прусской войне. Так и не допущенные до театра боевых действий казаки вернулись в Османскую империю. Тимур-бей эмигрировал в Российскую империю, где впоследствии дослужился до звания генерал-майора. В 1872 г. его отец получил разрешение Александра II на возвращение в Россию[323].

Страх перед этим «пауком», который плел кружева своих антироссийских заговоров, заставлял сотрудников таможенной стражи, столоначальников и генерал-губернаторов сохранять бдительность. Поэтому известие о переходе Садык-паши в православие и переселении в Киев было событием архиважным, и курировал его начальник Петербургского военного округа, лицо приближенное к императору, граф Павел Шувалов. И тогда не обошлось без иронии судьбы – теперь уже российские дипломаты пытались предупредить любые негативные действия со стороны поляков относительно еще недавно страшного врага имперского спокойствия.

«Отставной генерал-лейтенант турецкой службы» переехал в Киев и получал пенсию и от султана, и от царя. В 1873 г. он купил имение Борки на Черниговщине (Кролевецкого уезда, ныне – Сумская область в Украине)… В ночь с 5 на 6 января 1886 г. в возрасте 82 лет он умер от кровоизлияния после неудавшегося покушения на самоубийство.

Тогда же закончилась история полка оставленных Садык-пашой в Османской империи алай-казаков; по сообщениям польского историка Ежи Латки полк практически был уничтожен во время осады Плевны 1877 г. русской артиллерией. Болгарский историк Иван Стойчев относит гибель полка к сражению при Горном Дубнике. И все же казачество продолжало существо-

---

[320] Там же. С. 167. Именно этот сюжет в современных украинских учебниках истории для средней школы склонны рассматривать как попытку «антироссийского восстания в Поднепровье» (*Турченко Ф., Марочко В.* Історія України: Підручник для 9-го класу. Київ, 2005. С. 40–41).

[321] *Кельсиев В.И.* Польские агенты в Цареграде // Русский вестник. 1869. Т. 81. № 6. С. 527.

[322] Там же. С. 524.

[323] *Борисёнок Ю.* Указ. соч. С. 97.

вать. Возглавляемые младшим сыном Садык-паши – Музафер-пашой (Владиславом Чайковским) – сотни казаков («драгуны») вошли в состав султанской конной гвардии и просуществовали до реформ кавалерии в 1880-х гг.

Старший сын Чайковского вышел в отставку в чине генерал-майора русской армии и в 1919 году оказался в Симферополе, где был ограблен большевиками, в том числе пропала фамильная ценность – сабля Брюховецкого, которая изображена на портрете Михаила Чайковского 1857 года. Младший сын Чайковского в 1900–1907 гг. как доверенное лицо султана стал губернатором Ливана. Офицеры османского казачьего войска в отставке поселились в предместье Стамбула – Полонезкёе. На кладбище этой деревни сохранилось много могил отставных казаков. Рассеянные по свету их бывшие сослуживцы оказались среди болгарских борцов за независимость, младотурков, некрасовцев, вернувшихся в Россию в XX веке. Влияние османских казаков на балканскую да и восточно-европейскую «весну народов» нам еще только предстоит оценить.

§ 5. «Кубанская стража» Османской империи

В. В. Грибовский

Война Османской и Российской империй 1768–1774 гг. коренным образом изменила состояние границ этих держав. Переселение ногайцев из причерноморской степи на Кубань (1770–1771), миграция калмыков в Джунгарию (1771), ликвидация Войска Запорожского и реформирование Войска Донского (1775), уничтожение Крымского ханства (1783) с последующим мухаджирством его бывших мусульманских подданных означали исчезновение больших полунезависимых буферных зон, разделявших эти империи на протяжении нескольких столетий. Российские губернии, охваченные централизованным управлением, вошли в прямое соприкосновение с османскими многослойными административно-территориальными образованиями, характерными для стабильного пограничья[324]. Степной фронтир – аморфный, пористый, плохо поддававшийся делимитации и демаркации в течение большей части XVIII в., – теперь приобрел черты «отдаленного соответствия границам обычного национального государства», «фиксированной линии, отражающей идеологическую, финансовую и языковую однородность заключенной в ее пределы территории»[325]. Существо-

[324] *Karpat Kemal H.* Comments on contributions and the borderlands // Ottoman borderlands. Issues, personalities and political changes / edited by Kemal H. Karpat with Robert W. Zens. Madison, 2003. P. 1.

[325] *Рибер А.* Меняющиеся концепции и конструкции фронтира: сравнительно-исторический подход // Новая имперская история постсоветского пространства / под ред. И. Герасимова и др. Казань, 2004. С. 209.

вавшие ранее по обе стороны степного пограничья буферные полунезависимые образования либо исчезли, либо были радикально переструктурированы и подчинены вертикалям, исходящим из Стамбула и Петербурга.

Река Кубань, благодаря своему «широтному» течению, в отличие от текущих «по долготе» больших рек Северного Причерноморья, превратилась в естественный барьер между двумя империями еще в ходе той войны, а по ее окончании выступила в качестве фактической российско-турецкой границы[326]. Междуречье Кубани и Еи, населенное преимущественно ногайцами, выведенными российским командованием из причерноморской степи, хоть *de jure* и принадлежало Крымскому ханству, но *de facto* находилось под контролем ейского пристава и российских войск[327]. Строительство командующим Кубанским корпусом А. В. Суворовым цепи укреплений на правом берегу р. Кубань в 1778 г. четко обозначило его государственную принадлежность, не взирая на юридический статус.

В ходе ликвидации Крымского ханства войска Суворова жестоко подавили вооруженные выступления ногайцев в междуречье Кубани и Еи. Длившиеся с лета и до середины осени 1783 г. эти выступления закончились гибелью и миграцией подавляющего большинства ногайцев данной территориальной группы[328]. Количество погибших не поддается даже приблизительному исчислению; есть основания полагать, что счет шел на несколько десятков тысяч. Если в 1772 г. под контролем ейского пристава находилось около 80 тыс. ногайских семей[329], в 1782-м – 73, 7 тыс. семей[330], то в 1790-м – около 3 тыс. семей[331]. В конце же 1783 г. пристав И. Ф. Лешкевич на запрос Суворова о количестве оставшихся в его ведении ногайцев не мог ответить определенно, а только заявил о «малом чис-

---

[326] Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. зафиксировал р. Кубань как границу «независимого» Крымского ханства и Османской империи на Северном Кавказе (*Дружинина Е. И.* Кючук-Кайнарджийский мир (его подготовка и заключение). М., 1955. С. 279, 356).

[327] *Грибовский В. В.* Формирование приставской администрации в междуречье Кубани и Еи в 1771–1790 гг. // Ногайцы XXI век. История. Язык. Культура. От истоков к грядущему. Черкесск, 2014. С. 17–24.

[328] РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 266. Л. 181, 188, 190–190 об. А. В. Суворов. Русские полководцы. Сб. док. Т. 2. М., 1951. С. 257–258, 260–261, 297–298. А. В. Суворов. Письма / сост. В.С. Лопатин. М., 1986. С. 89. *Петрушевский А.* Генералиссимус князь Суворов: в 3 тт. Т. 1. СПб., 1884. С. 228, 233–235. *Потто В.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. 2-е изд. Т. 1. СПб., 1887. С. 112. *Он же.* История 44-го драгунского Нижегородского его императорского высочества государя наследника цесаревича полка. Т. 2. СПб., 1893. С. 3.

[329] *Фелицын Е.* Краткий очерк заселения Кубанской области (Пояснительная записка к 20-верстной карте Кубанской области) // Известия Кавказского отдела императорского Русского географического общества. Т. 8. 1884. № 2. С. 264.

[330] *Кочекаев Б.-А. Б.* Ногайско-русские отношения в XV–XVIII вв. Алма-Ата, 1988. С. 178.

[331] РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 916. Л. 60–61 об.

ле» таковых и о том, что лишь зимой 1783–1784 гг. к нему стали являться те, кто уцелел в кровавых побоищах и избежал голодной смерти в степи[332]. Несколько тысяч едисанцев, едичкульцев и джембуйлуковцев перекочевало в более спокойные районы, под защиту укреплений Кавказской линии[333], т. е. остались в подданстве России. В 1792 г. российские власти переселили туда «часть татар, живущих посреди [Кавказской] линии»; другую часть разместили на берегах Кумы[334]. Однако явно преобладающая и с трудом поддающаяся количественному определению масса ногайцев перешла на левый берег Кубани, вступив во владения Османской империи.

Турецкая крепость Анапа, основанная в 1783 г. для замены утраченных Османами Тамани, Темрюка и Ачуева, стала главным центром притяжения для ногайцев и других мигрантов – бывших подданных Крымского ханства. Как писал Юлиус Клапрот, она защищала «беглых жителей … [Тамани] и ногайцев, кочующих близь Кубани»[335]. Под «жителями Тамани», упоминаемых в приведенных ниже документах, следует понимать население всех бывших ранее турецких крепостей Таманского полуострова.

Те группы ногайцев, которые издавна жили на Кубани, еще на начальном этапе войны 1768–1774 гг. были оттеснены в район среднего течения этой реки, т. е. находились в отдалении от Анапы и не были массово включены в связанные с нею события. По состоянию на 1791 г., среди «прямых кубанцов» значились касай-улы, кочевавшие в районе Маныча и Лабы; вблизи них располагались кочевья наврус-улы (их общая численность составляла до 10 тыс. семей), а также каспулат-улы, которые, вместе с двумя предыдущими, были связаны общим названием казы-улы, т. е. наследников основателя Малой Ногайской Орды Казы-мурзы (вторая половина XVI в.). Кроме этих групп здесь находилась часть едичкульцев и джембуйлуковцев, обосновавшихся на Кубани, вероятно, в начале XVIII в. Из числа этнически близкого к ногайцам населения региона упомянуты также кипчаки, мипы (мины?), бурлаки (бурлук)[336].

Таким образом, к главной турецкой крепости на Кавказе приходили преимущественно те ногайцы, которые принимали участие в вооруженных столкновениях с войсками Суворова летом–осенью 1783 г. и были мотивированы на продолжение войны против России. Их мотивы, кроме понятного и освященного традицией желания кровной мести, теперь получили ярко выраженную религиозную инспирацию, связанную с эсхатологическим видением последних событий. Ногайцы, которых крымские татары ранее считали «плохими мусульманами», стали отзывчивыми на призывы к свя-

---

[332] А. В. Суворов. Русские полководцы. Сб. док. Т. 2. М., 1951. С. 296–298.

[333] ГААРК. Ф. 801. Оп. 1. Д. 58. Л. 3, 5 об.

[334] *Клапрот Ю.* Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах. Нальчик, 2008. С. 70.

[335] Там же. С. 134.

[336] Описание Кубани // Собрание сочинений, выбранных из Месяцесловов за разные годы. Ч. 7. СПб., 1791. С. 141–142.

щенной войне против «неверных». Крепость Анапа превратилась в важный центр исламизации народов Северного Кавказа, сопряженной с агитацией за противодействие российской экспансии. Содержание этого центра стоило Османам больших финансовых и организационных усилий, не окупаемых местной экономикой[337].

Комендант Суджук-кале Ферах Али-паша, управлявший османскими владениями на северо-восточном побережье Черного моря, активно привлекал ногайцев к возведению фортификаций Анапы. С их помощью он также организовал строительство отдельного укрепления на р. Бухур – Ногай-кале. Для усиления военного прикрытия границы с Россией, турецкие власти сформировали из ногайцев и черкесов «кубанскую стражу», состоявшую из 30 отрядов во главе с «начальниками» (ага), их заместителями (кехья) и алемдарами, назначаемыми из числа ногайских мурз. На содержание этого иррегулярного формирования из Стамбула выдавали плату («подарки»), соответственно рангам предводительствующей знати. Каждый «начальник» по пятницам должен был находиться в Анапе в сопровождении одной тысячи своих подчиненных для произведения смотра. Перед губернатором Анапы была поставлена задача предотвращать конфликты между черкесами и ногайцами[338], из-за которых последние, как часто случалось, возвращались в российские владения.

Эти данные, приведенные Н. И. Веселовским из «Османской истории» Джевдет-паши, к сожалению, не отражают ни регулярности выплат турецким правительством денежного пособия ногайцам и черкесам, ни общего количества сформированной из них «кубанской стражи», ни характерных подробностей ее военной службы. В любом случае, количественный состав этих пограничников не мог достигать 30 тыс. чел., как это следует из указания числа «начальников» и их обязанности мобилизовать по 1 тыс. чел. Более вероятной представляется общая численность «кубанской стражи» около 8 тыс. чел., которая поддается уточнению при анализе изложенных ниже событиях. Тем не менее приведенной информации достаточно для вывода о том, что «кубанская стража» составляла устойчивое иррегулярное образование, типологически близкое (по своим функциям и управлению) к казачьим войскам на границах Российской империи. В составе многослойного войска анапского трехбунчужного паши находились и выходцы из среды российского казачества. Согласно архивным данным, проанализированным Д. В. Сенем, в Анапе была целая группа казаков-некрасовцев, ушедших из занятого российскими войсками правобережья Кубани. Исследователь отмечает, что «их позиции в османской крепости были настолько прочны, что некоторые из них занимались захватом в плен российских подданных, про-

---

[337] *Сень Д. В.* Российско-османские пограничные отношения на Северо-Западном Кавказе рубежа XVIII–XIX вв.: «притяжение Анапы» // Покликання. Збірник праць на пошану професора о. Юрія Мицика / редколегія: П. Сохань, А. Бойко, В. Брехуненко. К., 2010. С. 133.

[338] *Веселовский Н. И.* Военно-исторический очерк города Анапы. СПб., 1995. С. 10–11.

давали их впоследствии на местном невольничьем рынке». Некоторые из них занимались преимущественно торговлей[339].

К середине 1780-х годов в русских источниках устоялось обозначение сгруппировавшегося вокруг Анапы разнородного конгломерата как «закубанцев», а левобережья Кубани – как «Закубань». Значительную его часть составляли разрозненные аулы Едисанской, Едичкульской и Джембуйлукской орд, кочевавших в Северном Причерноморье до 1771 г., а также отдельные группы кубанских ногайцев и адыгских народов. Среди последних выделялась группа *адали* – прежние жители Таманского полуострова[340].

Немаловажно отметить то обстоятельство, что во главе смешанных ногайско-адыгских групп часто стояли представители специфической кавказской страты – *хануко* («дети хана»). Хоть они и были генеалогически связаны с правившей в Крыму династией Гиреев, но среди черкесской знати держались особняком и, как правило, не обладали правом наследственного правления. Как писал Ю. Клапрот, «все они имеют (правда, чисто формально) титул султанов, лишенный какой-либо власти; они не могут принудить какого-либо человека сопровождать их в своих походах, а берут с собой лишь добровольцев»[341]. Единственным условием обретения ими политического влияния (скорее, – неформального авторитета) была способность организовать успешные набеги на чужую территорию и защиту той, население которой, признавшее их авторитет, считало своей. Эта черта отличает хануко от наследственных владетелей и объясняет, почему именно они, а не только родовые мурзы и черкесские «князья», выступали важными фигурантами «закубанских» событий. Как, например, Казы-Гирей, содействовавший приходу Шейха Мансура на Северо-Западный Кавказ; летом 1788 г. о поддержке турок заявило 5 кубанских султанов, стоявших во главе ногайцев. Можно также в этой связи упомянуть и Менгли-Гирея, который в разгар боевых действий принял сторону русских и организовал переход под их власть около 30 тыс. ногайцев, а впоследствии получил чин генерал-майора и должность ногайского пристава[342].

Особенность власти хануко, зиждившейся не на родовых владениях и завязанных на них цепочках патрон-клиентских отношений, а на реципрокности, легко выходящей за пределы «рода» и «племени», типологически сближает их с лидерами ранних казачьих образований. Безусловно, в отличие от хануко, эти последние, как правило, не принадлежали к знатным фамилиям; точнее, не знатность определяла их власть. Но все же

---

[339] *Сень Д. В.* Пограничные владения Османской империи на Северо-Западном Кавказе в конце XVIII – начале XIX вв. и казачьи сообщества региона // Казачество России: прошлое и настоящее. Сб. науч. ст. Вып. 3. Ростов-на-Дону, 2010. С. 55.

[340] *Клапрот Ю.* Описание поездок по Кавказу и Грузии… С. 133

[341] Там же. С. 134.

[342] *Дегоев В.* Непостижимая Чечня: Шейх-Мансур и его время (XVIII век). М., 2013. С. 147, 185, 200.

именно неформальные социальные сети, создаваемые реципрокальными связями, порождали те «внеродовые» и «внеплеменные» объединения, которые обнаруживаются у раннего казачества. По слабым отголоскам, отраженным в источниках, их можно распознать и в ногайско-адыгском конгломерате, возникшем при Анапе.

Ввиду слабого введения в научный оборот источников (прежде всего, турецких) трудно заключить, все ли «закубанцы» были включены в состав «кубанской стражи», либо к таковой относилась лишь та их часть, которую турецкие власти могли охватить сколько-нибудь регулярной организацией. Оставим этот вопрос для дальнейших исследований.

Итак, пришедшие на левый берег Кубани ногайские мигранты, по понятным причинам, были агрессивно настроены в отношении России и готовы участвовать в любых действиях, направленных против нее. Как отметил Ю. Клапрот, многие кавказские народы «прежде […] не были хорошо знакомы с дорогой на русскую территорию и всегда отправлялись туда большими отрядами вместе с ногайцами и кабардинцами; но ногайские мурзы, бежавшие к ним с русской стороны […], рассказали им об этой дороге и сами заметно обогатились за счет дележа добычи. Так как они оказывались перехваченными и лишенными добычи русскими и при этом многие из них погибали, ныне они более всех враждебно настроены против последних»[343].

Ногайцы активно включились в мощное антироссийское движение, возглавляемое чеченцем Ушурмой (Шейх-Мансуром), с 1785 г. охватившее Чечню, Дагестан, Кабарду и другие районы Северного Кавказа[344]. Призывы Ушурмы к газавату произвели смятение и среди тех ногайцев, которые остались в российском подданстве; об этом в начале мая 1785 г. сообщал ейский пристав Лешкевич[345]. К этим призывам оказались восприимчивыми и крымские татары, не оставлявшие надежду на освобождение из-под власти России. Как писал Жильбер Ромм, «уверяют, будто крымские татары часто возносят молитвы за успех пророка, имама Мансура, который проповедует 80 тысячам человек на Кавказе»[346]. Мансур посылал в Крым дервишей, распространявших его учение и вводивших в молитву как обязательный элемент пожелание смерти неверным («прося о изощрении турецкого меча против неверных»). По таким признакам, как выдерживание трехдневного поста и принесение в жертву барана в неустановленное в суннитском исламе время, нетипичное произношение молитв и

---

[343] *Клапрот Ю.* Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах. С. 137–138.

[344] *Беннигсен А.* Народное движение на Кавказе в XVIII в. («Священная война» Шейха Мансура (1785–1791 гг.). Малоизвестный период и соперничество в русско-турецких отношениях). Махачкала, 1994. С. 55–59.

[345] *Александров И. Ф.* Шеих имам Мансур, проповедник газавата на Кавказе в конце XVIII в. (По архивным материалам Таврического губернского архива) // ИТУАК. № 56. Симферополь, 1919. С. 10, 14, 36.

[346] *Ромм Ж.* Путешествие в Крым в 1786 г. Л., 1941. С. 34–35.

др., российским властям удалось быстро выявить и блокировать действия сторонников Ушурмы в Крыму и на Кубани[347]. В частности, в марте 1786 г. пресечены «зловредные ногайского молы разглашения»[348]. 20 апреля 1788 г. Г. А. Потемкин распорядился арестованных и отправленных в Таганрог ногайцев (вероятно, участвовавших в движении Ушурмы) расселить в «мариупольских греческих селениях» и выяснить тяжесть их вины[349]. Ногайцам, кочевавшим на правом берегу Кубани, запретили иметь огнестрельное оружие и входить в сообщение со своими родственниками, ушедшими за Кубань. Для пресечения такой связи российские власти старались отселять их подальше от границы. В этих мероприятиях ногайцы усмотрели ограничение своей вольности и стремление монархии Романовых привести их в «одинаковое с казанскими татарами состояние». Уход ногайцев в османские владения продолжался[350].

Порта также была обеспокоена ростом влияния на «закубанских» ногайцев и адыгов Западного Кавказа Шейх-Мансура, тогда еще не признанного турецким мусульманским духовенством. Согласно османским источникам, приведенным А. Беннигсеном, в ноябре 1785 г. в Суджук-кале подняли мятеж янычары во главе с Хасан Али, в котором участвовали и «закубанцы». Мятежники готовились перейти на сторону Ушурмы и ратовали за немедленное возобновление военных действий против России. Что примечательно, подавление мятежа не обошлось без содействия российских властей[351], которые так же, как и турецкое правительство, были заинтересованы в сохранении стабильности на границе. Обе империи готовились к новой войне, и потому старалась исключить всякую спонтанность в отношениях между собой.

В 1787 г., с началом войны с Россией, отношение Османов к Шейх-Мансуру изменилось. Он был признан имамом всех мусульман Кавказа – так говорилось в фермане турецкого султана Селима III 1789 г., утвердившем их подчинение «нашему Мансуру эфендию»[352]. Его с почетом приняли в Анапе и передали под его управление ногайско-черкесские отряды. Во главе 8-тысячного войска он в сентябре 1787 г. выступил на междуречье Лабы и Урупа, но потерпел поражение. В октябре войска генерал-аншефа П. А. Текелии перешли в наступление, в ряде стычек разгромили отряды ногайцев, методически истребляли жилища, поля, похищали скот «заку-

---

[347] *Александров И. Ф.* Шеих имам Мансур, проповедник газавата на Кавказе… С. 26–29.

[348] Ордера кн. Потемкина за 1786 г. / сост. Г. К. Киреенко // ИТУАК. № 3. Симферополь, 1897. С. 24.

[349] Ордера кн. Потемкина за 1788 г. / сост. Г. К. Киреенко // ИТУАК. № 10. Симферополь, 1890. С. 68–69.

[350] *Дебу И. Л.* О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске, или Общие замечания о поселенных полках, ограждающих Кавказскую линию, и о соседственных горских народах. С 1816 по 1826 год. СПб., 1829. С. 139–140.

[351] *Беннигсен А.* Народное движение на Кавказе… С. 53.

[352] *Смирнов Н. А.* Политика России на Кавказе в XVI–XIX веках. М., 1958. С. 156.

банцев»[353]. После этого поражения, как заметил А. Беннигсен, Шейх-Мансур уже не обладал реальной военной и административной властью, оставаясь, однако, влиятельным духовным лидером[354].

Анапа дважды выдерживала атаки российских войск. Второй штурм этой крепости, произведенный генерал-поручиком Ю. Б. Бибиковым в марте 1790 г., закончился потерей более половины его войск. Лишь третье нападение, предпринятое генерал-аншефом И. В. Гудовичем 22 июня 1791 г., увенчалось успехом; однако, из-за отчаянной обороны защитников крепости, нападающие понесли значительные потери[355]. В плен к россиянам попало около 14 тыс. чел., в том числе и сам Ушурма. Среди пленных оказалось 9 317 ногайцев, из них – 4 509 мужчин; «таманских жителей» (черкесов-адалинцев) – 1 758 чел., «анапских жителей» – 372 (обе эти группы в документах обозначены отдельно от ногайцев как «татары»), других черкесов – 118 чел.[356] Как видим, численно ногайцы превосходили всех остальных защитников Анапы, попавших в плен. В описании Джевдета содержится важный для понимания данного случая сюжет: в марте 1790 г. 12 ногайских мурз были проводниками у генерала Бибикова, и потому губернатор Анапы Батал-паша распорядился всех живущих поблизости ногайцев и таманцев перевести внутрь крепости[357]. После поражения Батал-паши на р. Тохтамыш 30 сентября 1790 г. ногайские мурзы явились к российскому командованию и дали аманатов, чем гарантировали переселение 29 тыс. своих подначальных на правый берег Кубани и их возвращение в российское подданство[358]. По всей вероятности, в июне 1791 г. турецкое командование, подозревая оставшихся ногайцев в недостаточной надежности, также разместило их в Анапе. Можно предположить, что ногайцы менее упорно, чем турки и черкесы, обороняли крепость, потому и число их потерь было меньшим, в сравнении с другими ее защитниками.

Правительство Екатерины II рассматривало захваченных в плен ногайцев как изменников, причинивших большой вред Российской империи. В отличие от турецких военнопленных, в отношении которых существовали закрепленные в российско-турецких договорах гарантии безопасности жизни и возвращения на родину после войны[359], пленные ногайцы как бывшие российские подданные полностью попадали под действие российских законов. Их количество было слишком велико, чтобы к ним можно

---

[353] *Дегоев В.* Непостижимая Чечня: Шейх-Мансур и его время… С. 155–161.
[354] *Беннигсен А.* Народное движение на Кавказе… С. 62, 79.
[355] *Веселовский Н. И.* Военно-исторический очерк города Анапы. С. 22.
[356] ГААРК. Ф. 799. Оп. 3. Д. 199. Л. 74–74 об.
[357] *Веселовский Н. И.* Военно-исторический очерк города Анапы. С. 28.
[358] *Дегоев В.* Непостижимая Чечня: Шейх-Мансур и его время… С. 215–216.
[359] *Познахирев В. В.* Эволюция положения турецких военнопленных в России в конце XVII – начале XX в. // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2011. № 3(19). Т. 2. Электронный ресурс: http://scientific-notes.ru/index.php?page=6&new=21.

было применить крайние репрессивные меры. С другой стороны, сразу же возник сложный вопрос о продовольствии столь большого количества людей, среди которых находилось много женщин, стариков и детей. Не имея для этого возможностей, российское командование приняло решение переправить всех пленных в Крым.

Пленных турок отделили от остальных и первыми переправили из Тамани в Еникале. Переправа ногайских пленников длилась до 8 августа; всего было переправлено 8 788 человек, из них 4 319 мужчин и 4 469 женщин. Собственно ногайцев выделить среди них сложно, ведь кроме них были еще «татары» – жители Тамани и Анапы (возможно, крымские татары), а также «черкесы» (это название применялось к разным адыгским народам)[360]. Однако и гражданская администрация Таврической области не могла обеспечить их надлежащее содержание. Как свидетельствовал генерал-аншеф М. Каховский, их разместили «в одной куче с женами и малолетними детми без кровли одежды и обуви при нужном пропитании»[361]. Он же использовал эту характеристику как аргумент для представленного князю Г. А. Потемкину предложения «всех турок […] отправить в Екатеринослав, а нагаицов, таманских жителей и черкес, так как все они хлебопасцы, раздать в здешней области помещикам на поселение». Не дождавшись решения Екатерины II, Каховский предложил таврическому губернатору С. С. Жегулину раздать пленных, за исключением турок, местным помещикам. Свою поспешность он объяснял тем соображением, что в условиях острого дефицита рабочей силы, да еще в самый в разгар страды, использование пленных доставит выгоды хозяйству края, позволит сэкономить казенные средства и улучшит условия содержания пленников[362].

Для слабозаселенного региона, где активно формировалось помещичье хозяйство, но количество крепостных составляло всего 6,3 % от всех «крестьян»[363], столь крупное пополнение было весьма ощутимым. Поэтому дело с анапскими пленными решалось очень быстро. Г. Потемкин сразу поддержал инициативу М. Каховского, а Екатерина II уже 26 сентября 1791 г. подписала указ об их закрепощении теми помещиками, которые «взяли их для пропитания»[364]. В итоге 8 788 ногайцев, жителей Тамани и Анапы, а также черкесов, в кратчайшие сроки распределили между помещиками.

В первую очередь, раздачу пленных производили для высших офицерских чинов, принимавших участие в штурме Анапы. Ее инициатор, генерал-аншеф Каховский, получил 2 112 чел., генерал-майор Шиц – 1 314, полковник Годлевский – 578, больше всех досталось генерал-майору В. С. Попову – 2 584 чел.[365], имевшему в то время большое влияние при

---

[360] ГААРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 269. Л. 2.
[361] ГААРК. Ф. 799. Оп. 3. Д. 199. Л. 72.
[362] ГААРК. Ф. 799. Оп. 3. Д. 199. Л. 71 об.
[363] *Дружинина Е. И.* Южная Украина в 1800–1825 гг. М., 1970. С. 76.
[364] ГААРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 269. Л. 1.
[365] ГААРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 269. Л. 2.

дворе. Остальная часть распределялась мелкими группами между нижними офицерскими и даже солдатскими чинами, а также – крымскими греками, армянами, крымскотатарскими мурзами и мусульманским духовенством[366]. Мелкие владельцы, неуверенные в своем праве владения крепостными из мусульман, принуждали их как можно скорее креститься. Подобное было замечено в г. Севастополь и Перекопском уезде[367]. В августе 1791 г. обнаружились значительные объемы торговли анапскими пленными среди мусульманских жителей Крыма. Пленные турки, подлежащие возвращению на родину, также продавались как крепостные.

Однако бывшие кочевники очень медленно приобретали навыки ведения земледельческого хозяйства и более всего тяготились ограничением свободы передвижения; к тому же, и крепостное состояние само по себе было плохим мотиватором земледельческого труда. Получение низких урожаев приводило к недоимкам. Часто ногайцы убегали из помещичьих владений к своим единоплеменникам на р. Молочную. Поэтому помещики стали отказываться от крепостных-ногайцев; после выхода указа 1803 г. о вольных хлебопашцах их стали отпускать за выкуп. Так, в 1807 г. граф Каховский дал вольную 328 ногайцам при условии выкупа и без сохранения земли. Внесение выкупной суммы производилось на протяжении трех лет, после чего они должны были селиться на казенных землях[368]. Такую же операцию произвел и тайный советник В. С. Попов в 1812 г.[369]

Во втором десятилетии XIX в. формулировка «анапские пленные» исчезает из документации. Перейдя на положение вольных хлебопашцев, бывшие «закубанцы» не могли обрести места компактного проживания из-за процедуры выкупа без сохранения земли. Постепенно они растворялись среди преобладающей массы крымскотатарского населения.

[366] ГААРК. Ф. 799. Оп. 3. Д. 199. Л. 216, 219 об.
[367] ГААРК. Ф. 799. Оп. 3. Д. 199. Л. 261, 340.
[368] РГИА. Ф. 1151. Оп. 1. Д. 260. Л. 5–5 об.
[369] РГИА. Ф. 1341. Оп. 15. Д. 1145. Л. 1, 5, 12.

Глава VIII

Просопографические и микроисторические аспекты изучения тюркского и славянского казачеств

§ 1. Казакование царевичей Уруса, Абулхаира, Мухаммеда Шейбани и Хусейна Байкары

Ж. М. Сабитов

Феномен казачества для восточной части Улуса Джучи описан в источниках слабо. Исключением являются годы казачества различных династов, которые волей судьбы оказались казаками и на протяжении ряда лет были вынуждены быть в таком статусе.

Поэтому ниже мы представим биографии царевичей-казаков, обстоятельства их превращения в казаков, а также приход к власти, который заканчивал период их «казачьей жизни». Перед нами будут истории тех казакующих царевичей, которые закончились приходом к власти. Именно этот приход впоследствии привел к появлению тех или иных сочинений, посвященных данным правителям, в которых детально или не очень были описаны «годы казачества».

Неуспешные царевичи-казаки не имели своих придворных летописцев и просто не попадали на страницы восточных первоисточников.

Казачество Уруса (1350-е годы)

Урус был потомком Тука-Тимура, сына Джучи[1]. В Дастане об Урус-хане Кадыргали Жалаири писал о годах казачества будущего Уруса следующее (перевод М. А. Усманова): «Фетка Науакрат, пришедши, разрушил владения Джанибек-хана. И во время этого же раздора Урус-хан с войском пошел на Алатау»[2]. М. А. Усманов пытается этимологизировать имя Фетка Науакрат как ушкуйник Федор из Новгорода (хотя в исторических источниках такой персонаж не известен, как и походы ушкуйников против Джанибек-хана), попутно отмечая шаткость этой гипотезы. По нашему мнению, Фетка Нукрат – это географическое название. Как известно, «татары называют реку Вятку – Нукрат, так же они зовут и татарское село-городок

[1] *Сабитов Ж. М.* О происхождении Урус-хана // Ұлы Даланың Акселеуі. Астана, 2015. С. 577–592.

[2] *Усманов М. А.* Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. Казань: Издательство КГУ, 1972. С. 75.

Карино. На карте XV века венецианца Фра Мауро обозначен город Nograd в низовьях Волги (Idel)»[3].

Таким образом, в тот год, когда Джанибек разрушил владение Вятка-Нократ, Урус стал казаковать на Алатау в районе Семиречья (Юго-восточный Казахстан), возле таких городов как Отрар, Сайрам, Талашкары (Кары-Талас – Старый Талас), а также возле рек Чу, Талас, Теклик и озера Иссык-куль.

Таким образом, Урус в отличие от других Тука-Тимуридов во времена правления Джанибек-хана уже стал казаковать и кочевать в районе Семиречья. Но при этом ханом еще не являлся. Ключевым событием, повлиявшим на жизнь Уруса, был эпизод, когда он убил Джир-Кутлу, наместника Бердибек-хана в восточной части Улуса Джучи. При каких обстоятельствах погиб Джир-Кутлу непонятно, но сам факт убийства зафиксирован в источнике. После этого Урус был провозглашен ханом. Здесь стоит отметить, что путь от статуса лидера группы казаков до статуса хана, был не очень долгим. Помимо возросшего личного авторитета самого Уруса, большую роль сыграл факт того, что начался династический кризис в Улусе Джучи, а сам Урус относился к династии Джучидов. Здесь также необходимо отметить то, что первые несколько лет своего правления Урус, видимо, не располагал большими ресурсами для расширения своих владений, так как одновременно с ним в присырдарьинских городах в 1359–1368 годах правили его родственники: Кара-Ногай, его племянник Туглук-Тимур, кузен Мубарак-ходжа и родной брат Кутлук-ходжа[4]. Только после смерти Кутлук-ходжи Урус-хан смог захватить весь присырдарьинский регион.

В итоге казачий период жизни Уруса длился не более 10 лет.

Казачество Абулхаира (1429–1430)

Абулхаир родился в 816 году хиджры (1413–1414 годы) и происходил из потомков Шибана, сына Джучи.

Дядя Абулхаира Хизр был провозглашен в свое время ханом и правил одновременно с Махмуд-ходжой-ханом (Махмуд-ходжа был убит уже самим Абулхаиром после воцарения). Как известно, в годы детства Абулхаир лишился своего отца. Согласно данным Масуда Кухистани он служил своему родственнику Джумадук-хану, который был избран ханом в 1425 году.

В это время в восточной части Улуса Джучи шла борьба за власть. Одновременно ханами являлись Джумадук, Махмуд-ходжа, Улуг-Мухаммед, Кучук-Мухаммед (его поддерживали дети Идегея), Барак.

---

[3] *Сабитов Ж. М.* Джами ат-Таварих Кадыргали Жалаири как источник о жизни Урус-хана // Сборник материалов международной научно-практической конференции «Республика Казахстан и евразийское пространство: современность и перспективы развития», посвященной 25-летию независимости Республики Казахстан. Часть 2. Астана, 2016. С. 252–255.

[4] *Сабитов Ж. М.* Ханы Золотой Орды в эпоху Великой Замятни (1359–1380) // Вопросы конституционального строительства и роль лидера нации. III конгресс историков Казахстана. Астана, 2015. С. 379–384.

В 1428 году был убит золотоордынский хан Барак (отец одного из основателей Казахского ханства Джанибека) коалицией детей Идегея (Султан-Махмуд, Гази, Науруз). После чего захватившие власть дети Идегея разругались между собой, и в итоге сначала погиб Султан-Махмуд от рук своего брата Гази, а потом погиб сам Гази от рук группы заговорщиков. Эти заговорщики бежали к Джумадук-хану, руководствуясь принципом «враг моего врага – мой друг», но Джумадук не принял этих эмиров, и те присоединились к врагам хана. Они выступили в поход против Джумадука. В битве в 1429 году погиб Джумадук, а Абулхаир, который в шестнадцатилетнем возрасте руководил левым крылом войска Джумадука, попал в плен к Сарыг-Шиман мангыту. Спустя некоторое время Абулхаир был отпущен из плена и стал казаком. Зиму 1429–1430 года Абулхаир провел в гостях у Алаш-бахадура, которого мы отождествляем с аталыком (воспитателем) казакующих в то время будущих казахских ханов Джанибека и Керея.

Среди его сторонников эпохи казачества («рубившие саблями во время казачества», «во времена казачества [Абулхаира] проявили верность и завоевали страны») можно выделить следующих персон:

Бахши-бек-бахадур (Йахши-бек), Кутлук-Бука-бахадур, из племени тархан («потомки Кышлыка», тысячника Чингиз-хана), Йакуб, Кара-Гадай-бек (Кара-Кирай), Кирни-Таринчак-бахадур (Кирайли-Тирчак), Инка-ходжа, Йумадук из племени дурман, Шайх-Суфи, Кара-Усман, Суфи-бек, Акча-Урус из племени найман, Илин-ходжа (Имин-ходжа) и Суфра-ходжа (Сафар-ходжа) из племени ички, Кылыч-бай-бахадур, Бурджи-Кара-Даулат-ходжа-бахадур из племени минбеги туман, Йабагу, Йахши-ходжа, Ходжа-лак из племени уйгур, Дарвиш-бахадур из племени тубай-туман, Шайх Мухаммад-бахадур, Кудагай, Усман-бахадур из племени ушун, Инак-Йаглы-ходжа и его младший брат Уруш-бахадур из племени конграт, Йумадук-бахадур, Сабур-Шайх-бахадур, Йадгар-бахадур из племени курлаут, Али-Хаджи и Даулат-ходжа из племени кушчи. Также без племенной принадлежности указаны: Йакуб-ходжа, Йусуф-ходжа, Кара-Камыш-Бахрам-ходжа, Йункачук-Толун-ходжа[5].

Всего перечислены в двух первоисточниках 33 имени людей, которые сопровождали Абулхаира в эпоху его казачества. Эти люди после воцарения Абулхаира играли малую роль в управлении его государством, но они действительно имели большие заслуги перед Абулхаиром, если их имена остались в первоисточнике о жизни Абулхаир-хана.

Таким образом Абулхаир всего казаковал с 1429 по 1430 год, а в 1430 году[6] в возрасте 17 лет он был избран ханом[7].

---

[5] Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата, 1969. С. 16. С. 96.

[6] *Маслюженко Д. Н.* Политическая история становления ханства Абулхаира на юге Западной Сибири // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 4. Казань, 2012. С. 79.

Казакование Мухаммеда Шейбани (1470–1490-е гг.)

Мухаммед Шейбани родился в 1451 году. Он являлся внуком Абулхаир-хана. В раннем возрасте лишился отца, который умер раньше деда. Дед Мухаммеда Шейбани умер в 1468 году. Новым ханом избрали Ядигера[8], которого поддерживали ногайские мурзы Муса и Ямгурчи[9] и ногайский бек Аббас (дядя Мусы и Ямгурчи).

Известно, что Мухаммед Шейбани служил Ядигеру. Во время битвы Ядигера с могулами в 877 г.х. (1472–1473) годах[10] Мухаммед Шейбани отличился[11].

После смерти Ядигера ханом стал Шейх-Хайдар, сын Абулхаира[12].

Против Шейх-Хайдара выступали сибирский хан Сейдяк и его племянник Ибак, казахские ханы Джанибек и Керей, хан Большой Орды (Тахт эли) Ахмат, Буреке, сын Ядигера.

Шейх-Хайдар погиб от рук Ибака и наследники Абулхаир-хана (дети и внуки) вынуждены были спасаться бегством. Карачин-бахадур взял Мухаммеда Шейбани и ушел в Астрахань (Хаджи-Тархан) к Касим-султану, племяннику Ахмата.

Ахмат-хан, Ибак-хан и Аббас-бек осадили Астрахань и Мухаммед Шейбани со своими сторонниками вынуждены были бежать. 40 человек во главе с Мухаммедом Шейбани (половина из которых была из рода кушчи) напали на орду Ибак-хана и смогли убить брата и сына Ибак-хана, отомстив за Шейх-Хайдар-хана, которого убил Ибак. Согласно «Таварихи гузидайи Нусрат-наме» между двумя убийствами прошло всего 80 дней[13]. После этого Мухаммед Шейбани попытался совершить такой же быстрый набег малыми силами (сто человек) на ставку Ахмат-хана. В отряде помимо Мухаммеда Шейбани участвовали его родной дядя Суйунч-ходжа-султан и троюродные дяди Хамза-султан и Алике-султан – дети Бахтияра, кузена Абулхаир-хана). Но в этом случае Мухаммеду Шейбани и его отряду пришлось отступить.

---

[7] *Сабитов Ж. М.* Политическая деятельность Абулхаир-хана в Восточном Дешт-и Кипчаке в 20–60-е годы XV века // Сибирский сборник: сборник статей / ред. Д. Н. Маслюженко, З. А. Тычинских. Курган, 2015. Вып. 3. С. 139.

[8] Материалы по истории казахских ханств… С. 54–56.

[9] *Сабитов Ж. М.* Ханы Ногайской орды // Средневековые тюрко-татарские государства. 2009. № 1. С. 138–141.

[10] *Сабитов Ж. М.* О хронологии правления ханов в восточном Дешт-и Кипчаке в 60–90-е годы XV века // История, Экономика и Культура Средневековых Тюрко-Татарских государств Западной Сибири: материалы Международной конференции (Курган, 21–22 апреля 2011 г.). Курган, 2011. С. 60.

[11] Материалы по истории казахских ханств… С. 54.

[12] Там же. С. 56.

[13] Там же. С. 20–21.

С той поры можно считать, что Мухаммед Шейбани и его отряд стали казаками. Летом 1481 года Мухаммед Шейбани напал на аул Бурекесултана, сына Ядигера, и убил его[14].

В первой половине 1490-х годов Мухаммед Шейбани подвергся нападению казахского хана Керея. В одной из этих битв погиб Алике – родственник Мухаммеда Шейбани – от рук Иренчи-султана, сына казахского Джанибек-хана.

Мухаммед Шейбани вместе с родственниками и сторонниками вынужден был бежать в Бухару, где два года прожил, собирая своих сторонников. Вернувшись в Дешт-и Кипчак с тремя сотнями воинов он был сразу же приглашен в гости к ногайскому мурзе Мусе. По всей видимости, это произошло после смерти Аббаса, когда главным ногайским беком стал Хорезми-бек, брат Аббаса[15] в середине 1490-х годов. Во время пребывания Абулхаиридов у Мусы Суйунч-ходжа-султан женился на дочери Мусы. Муса-мурза начал задумываться о перспективе воздвижения Мухаммеда Шейбани на престол. Но вторжение казахского Бурундук-хана, сына Керея, разрушило эти планы. 50-тысячное казахское войско напало на ногайских беков. В битве погиб Хорезми-бек, Бурундук потерпел поражение. После Хорезми-бека, беком у ногайцев стал Муса. Но он отказался возводить на престол Мухаммеда Шейбани, который показал себя слишком самостоятельным человеком. После этого Мухаммед Шейбани и его сторонники продолжили казаковать в степи.

В эпоху казакования, во второй половине 1490-х годов, Мухаммед Шейбани с одной сотней воинов разгромил отряд Махмуд-султана, сына Джанибек-хана.

Пользуясь противоречиями между казахскими султанами, Мухаммед Шейбани запросил военной помощи у Касым-султана для завоевания Средней Азии и получил 12 тысяч войска, согласно иранским источникам[16]. Фактически Мухаммед Шейбани с помощью «казахов» и своих казаков смог начать завоевание Средней Азии. Если посмотреть на состав войска Мухаммеда Шейбани, то можно отметить, что помимо «казахов», казаковавших кочевников в нем было около 3–4 тыс. чел.

К. А. Пищулина отмечала, что количество ушедших с Мухаммедом Шейбани кочевников было невелико[17]. В 906 году хиджры (1500–1501) у Мухаммеда Шейбани было 3–4 тыс. узбеков и столько же местных воинов[18].

Согласно данным Мухаммеда Салиха в начале 1500-х годов, большую часть войска Мухаммеда Шейбани составляли шибановцы, из которых 300

---

[14] *Сабитов Ж. М.* О хронологии правления ханов… С. 61.

[15] Там же… С. 61.

[16] *Атыгаев Н. А.* Казахское ханство в потоке истории. Алматы: Елтаным, 2015. С. 37–38.

[17] История Казахстана в пяти томах. Том 2. Казахстан в эпоху позднего средневековья. Алматы, 2010. С. 290.

[18] *Захир ад-дин Мухаммед Бабур.* Бабур-наме. Ташкент, 1992. С. 101.

были из племени кушчи, 1 000 дурманов, 700 найманов, ополчение «племени ички» составляло 4 000 человек[19].

Казакование Хусейна Байкары (1460–1468)

Хусейн Байкара родился в 1438 году в Герате. Он был праправнуком Тамерлана по прямой мужской линии. В 1459 году Хусейн Байкара начал борьбу за власть в Чагатайском улусе. Он смог захватить город Астрабад, но был изгнан своим родственником и соперником Абу-Сеидом. Хусейн Байкара ушел в Хорезм. Годы его пребывания за пределами владений Тимуридов, летописцы назвали «годами казачества». В то время в Хорезме правил хан Большой орды по имени Мустафа (сын Гияс ад-Дин-хана, сына Шадибек-хана). Хусейн Байкара смог заключить союз с Пирбудаком, кузеном Мустафы-хана, и выдал за него свою сестру Бади ал-Джамал. Впоследствии она вышла замуж за Ахмат-хана, правителя Большой орды (Тахт эли). Пирбудак враждовал с Мустафа-ханом. Хондемир описывает Хусейна Байкару как одну из центральных фигур в битвах двух кузенов, но на самом деле у Хусейна Байкары было мало сторонников и его военные силы не играли большой роли в осаде Вазира.

В 1461 году Хусейн Байкара, воспользовавшись отсутствием Абу Сеида, с малой группой сторонников снова попытался захватить Астрабад, что ему и удалось. Хусейн Байкара смог еще захватить Сарахс и Герат. В октябре 1461 года Абу Сеид начал возвращение из похода, после чего Хусейн Байкара вынужден был бежать в Хорезм. С пополнившимся войском Хусейн Байкара смог забрать у Мустафа-хана город Вазир. В 1463–1464 годах Хусейн Байкара захватил хорезмские города и продолжил борьбу с Абу Сеидом[20].

Эта борьба продолжилась еще несколько лет. Хусейн Байкара, имевший гораздо меньше военных ресурсов, чем Абу Сеид, постоянно терпел поражения, поэтому он решил отступить к Абулхаир-хану, правившему в восточной части Улуса Джучи (1430–1468). Хусейн Байкара смог договориться о помощи с престарелым Абулхаиром, но вмешался случай. Абулхаир-хан скончался во время подготовки похода в Среднюю Азию, и Хусейн Байкара не получил обещанной помощи. С другой стороны, в это же время умер и Абу Сеид, соперник Хусейна Байкары, и Хусейн Байкара решил не медлить и направился захватывать Тимуридский престол. В атмосфере хаоса он смог захватить власть и стать правителем Тимуридской державы, окончательно распрощавшись со статусом казакующего царевича.

Казакующие царевичи XIV–XV веков являются очень интересным социальным феноменом. Царевичи Чингизиды и Тимуриды по праву рожде-

---

[19] *Султанов Т. И.* Кочевые племена Приаралья… С. 22.

[20] *Камбарбекова Г. А., Сабитов Ж. М.* Сведения Хондемира об истории восточной части улуса Джучи в 1460-х годах // Золотоордынская цивилизация. № 9. Казань, 2016. С. 135–139.

ния могли претендовать на престолы своих государств. В то время у царевичей всегда был выбор: либо примкнуть к правящему хану и служить ему в качестве военачальника, либо начать «свою игру» и начать казаковать. Первый вариант был более удобен и безопасен, так как гарантировал определенный социальный статус при дворе одного из ханов или султанов. Но в этом случае царевич фактически отказывал себе в праве бороться за ханский престол. Второй вариант был намного рискованней, но потенциальный «выигрыш» от такой ставки был намного крупнее. К сожалению, из исторических источников мы знаем только успешные примеры казакования царевичей, которые закончились воцарением. Безусловно, существовало множество царевичей, которые в итоге от своего казакования ничего не получили.

Что было общего у тех казакующих царевичей, которые описаны выше? Помимо прав на престол и больших амбиций, нередко казакующих царевичей приглашали уже правящие князья и ханы, которые хотели из них сделать марионеточных или вассальных правителей (призыв Мусы к Мухаммеду Шейбани, возведение на престол Абулхаира, призыв Хусейна Байкары к Абулхаиру). Таким образом, казакующие царевичи часто становились «пешками в чужой игре», но часто эти «политические игры» заканчивались тем, что «пешки становились дамками», как это было почти во всех описанных случаях.

Помимо этих общих тенденций стоит отметить и частные. Не всегда царевичи становились казаками по своей воле. В случае с детьми и внуками Абулхаир-хана казакование стало вынужденным шагом. Время, проведенное «в казачестве», тоже было разным. Абулхаир казаковал не более одного года, а его внук Мухаммед Шейбани провел в этом состоянии чуть менее трех десятков лет. Канадский исследователь Джу-Юп Ли дал следующую короткую дефиницию социальному термину «казачество» (казаклык) – амбициозные разбойники (ambitious brigandage), который в полной мере отражает суть казакующих царевичей, являвшимися «людьми длинной воли» с большими политическими амбициями. По мере уменьшения хаоса в степных районах Евразии, количество казакующих царевичей стало сокращаться. Это было связано с тем, что в условиях появления правящих династий в постордынских ханствах, претензии боковых и маргинальных ветвей Чингизидов на центральную власть резко обесценились. В новых условиях выбор «синицы в руках» для представителей аристократии был более рационален и оправдан. В общем, укрепление политических систем постордынских ханств привело к появлению негативной внешней среды для казакующих царевичей, которые в новых условиях очень редко могли достичь вершин политической власти.

§ 2. Воля и неволя: жизнь украинца как авантюрный роман (одиссея Я. Кимиковского в книге М. Пашковского «Истории турецкие и схватки казацкие с татарами» 1615 г.)*

Д. С. Вырский

Не секрет, что возможности презентации раннего периода истории казацкого Запорожья ограничены довольно скромной «источниковедческой базой». Поэтому сотворенные до сего времени картины прошлого запорожцев легко обвинить в чрезмерной фрагментарности (и как результат неточности и неубедительности). Таким образом, каждый «новый» источник, из которого мы можем почерпнуть новое знание, вызывает заметный энтузиазм и пристальное внимание довольно широкого круга исследователей.

К таким «неинтегрированным» в модерное украиноведение нарративам принадлежит и история рядового запорожца из стихотворного (или, скорее, рифмованного) сочинения первой половины XVII века – Мартина Пашковского «Dzieje tureckie, y utarczki Kozackie z Tatary. Tudźiesz też / o narodzie, obrzędziech, nabożenstwie, gospodarstwie y rycerstwie etc. tych pogan, ku wiadomośći ludziom roznego stanu pozyteczne. Przydany iest do tego / Dictionarz ięzyka Tureckiego / y Disputatia o wierze Chreścianskiey / y Zabobonach Bisurmiańskich ic. Przez Marcina Paszkowskiego, Na czworo Xiąg rozdźielone opisane y wydane» / «Истории турецкие и схватки казацкие с татарами. Тут также и о народе, обычаях, религии, хозяйстве и рыцарстве и т. д. тех поган – к сведению людям разного состояния полезное. Приданный к этому и Словарь турецкого языка и Диспутация о вере христианской и предрассудки басурманские и т. д. Мартином Пашковским на четыре книги разделено, описано и издано» (Краков, в типографии Миколая Лоба, 1615 – 4 ненумерованных листа + 155 стр. + 2 ненумерованных листа)[21].

Биографические данные о М. Пашковском (ок. 1570 – после 1621) очень ограничены. Известно, что принадлежал он к польскому гербу Задора (Пламя)[22]. Вероятно, он был из Пашковских, известных в Краковском воеводстве, хотя геральдики знают и Пашковских в Мазовии,

---

* Авторский перевод главы 5 (Розділ 5. Воля і неволя: життя українця як авантюрний роман (одіссея Я. Кимиковського в М. Пашковського «Історіях турецьких і сутичках козацьких з татарами» з 1615 р.). С. 145–172) книги: *Вирський Д.* Війни українні: хроніки татарського прикордоння України (XVI – середина XVII ст.). К.: Інститут історії України НАН України, 2016. 299 с.

[21] Об этом сочинении см.: *Вирський Д. С.* Географія Запоріжжя: за описами М. Пашковського (1615) та С. Шимановського (1642) // Історико-географічні дослідження в Україні. Число 12. Київ, 2012. С. 42–57 и еще ряд версий этой статьи, напечатанных на Украине и за границей с целью более широкой популяризации этих малоизвестных историкам источников.

[22] Классические польские гербы обычно не индивидуальны – это больше знаки отдельного рыцарского братства/мини-ордена.

Литве и Люблинском воеводстве*. Мне попадались сведения о Пашковских – деятелях из раннемодерной Поднепровской Украины[23].

Вероятно, речь идет об участнике Ливонской войны Мартине Пашковском, который получил 20 мая 1593 г. королевское пожалование в Ливонии за свои военные заслуги. По крайней мере, это объяснило бы связь с другим известным ветераном той же войны – Александром Гваньини.

Пашковский крепко был связан со старой польской столицей – городом Краков. Есть упоминания, что он был «замковым слугою» королевского замка на Вавеле и поддерживал контакты с великорадцем краковским Яном Плазою (умер в 1615 г.). Наверное, имелись долговременные клиентские связи с магнатским домом Любомирских (наследниками части владений памятных князей Острожских).

Занятия литературой, кажется, были значительной поддержкой бюджета М. Пашковского. Поэтому не удивительно, что фамилии меценатов в посвящениях его сочинений меняются как картинки в калейдоскопе.

Большой сторонник идей сарматизма Пашковский постоянно акцентировал необходимость помнить о воинственных достоинствах польской шляхты. Вероятно, это и было главной причиной его интереса к украинским сюжетам и татарско-турецким «фронтам» страны, ведь эдесь при жизни писателя-ветерана воины-рыцари еще целиком доминировали над помещиками-хозяйственниками.

Отсюда многочисленные «казакофильские» вирши Пашковского – «Ukraina od Tatar utrapiona książąt i panow pogranicznych, o ratunek z żałosnym lamentem prosi Ukraina od Tatar utrapiona» / «Украина, татарами терзанная, князей и панов пограничных о спасении с жалостным криком просит» (Краков, 1608); «Traktat de offensivo bello» / «Трактат о наступательной войне» (Краков?, 1613)[24]; уже упомянутые «Истории турецкие и

---

* В частности, известен *Мацей Пашковский* герба Задора – в Люблинском воеводстве луковский мечник (1686).

[23] Например, слуга князей Вишневецких в левобережной Голтве 1618 г., когда россияне этот «город и острог выжгли и урядника Ондрея Дроздовского и многих литовских людей побили, а писаря *Станислава Пашковского* да 12 человек Литвы привели в Путивль», см.: *Памятники* истории Восточной Европы. Т. 1. Варшава, 1995. С. 92. В январе 1619 г. С. Пашковский (в десятке полкового писаря) считается между казаками полка Ждана Коншина, который перешел (после московского похода Сагайдачного 1618 г.) на российскую службу, см.: *Документи* російських архівів з історії України. Т. 1: Документи до історії запорозького козацтва 1613–1620 гг. Львів, 1998. С. 206. Известен еще *Лаврентий Пашковский*, писарь войсковой Войска Запорожского (1617, 1619, 1622). Таким образом, как и с любой другой патронимической фамилией, установление родства разных Пашковских есть дело крайне трудное и не убеждающее.

[24] Из-за того, что автор подписался как «*М. простак шляхтич*» до сих пор высказывались сомнения в том, что это именно М. Пашковский, хотя в непрямых доказательствах – недостатка нет.

схватки казацкие с татарами» (Краков, 1615); «Rozmowa Kozaka zaporoskiego z Perskim gońcem, o sprawach wojennych, pogan z chrześcijany» / «Беседа Казака запорожского с персидским гонцом» (Краков, 1617[25]); «Bitwy znamienite, tymi czasy na Rożnych mieyscách Mężnych Polaków z nieprzyiaćioły Krzyża Swiętego» / «Битвы знаменитые… мужественных поляков с неприятелями Святого Креста» (Краков?, 1620; в конце «Новины с Украины» о успешных действиях запорожцев).

Нет недостатка в украинских эпизодах и в «*Kronika Sarmacyej Europskiei*» / «Хронике Европейской Сарматии» А. Гваньини, которую Пашковский перевел на польский язык с латыни и существенно расширил и дополнил за счет других известных исторических нарративов. Издание с посвящением королю Сигизмунду III вышло из печати в Кракове в 1611 г. (в 1612 г. опубликовано повторно).

Последним сочинением Пашковского было «Chorągiew sauromacka w Wołoszech, to jest pospolite ruszenie i szczęśliwe zwrocenie Polakow z Wołoch, w roku teraźniejszym 1621» / «Сарматская хоругва в Валахии» (Краков, 1621). Это поэтическое произведение о Хотинской войне 1620–1621 гг.

О творчестве М. Пашковского в Украине до сего дня лучше всех писал Михайло Возняк (1881–1954)[26]. Из свежих историографических рецепций, кроме моих, вспомним также статьи Володимира Пилипенко[27]. В Польше фигурой М. Пашковского на данный момент интересуется Михал Куран, филолог-полонист из Лодзи, который недавно подготовил об этом литераторе и историке отдельную фундаментальную работу[28].

Как уже говорилось, «Истории турецкие и схватки казацкие с татарами» (1615) поделены на четыре части-книги. Они не равны по объему и содержанию. Собственно оригинальная история жизни «убогого жолда-

---

[25] Современные украинские переводы см.: *Шевчук В.* «Розмова козака запорозького з перським гінцем» Мартина Пашковського і її історичний контекст // Пам’ять століть. Київ, 1997. № 3. С. 38–50; Марсове поле. Героїчна поезія в Україні X – початок XIX століть. Київ, 2004; Слово многоцінне. Хрестоматія української літератури, створеної різними мовами в епоху Ренесансу (друга половина XV – XVI століття) та в епоху Бароко (кінець XVI – XVIII століття). У 4-х кн. Київ, 2006. Кн. 3.

[26] *Возняк М.* Мартин Пашковський про козацькі сутички з татарами й долю ясиру [Додаток]: Уривки з книги Пашковського з 1615 р. // Записки НТШ. Львів, 1927. С. 141–161.

[27] *Пилипенко В.* Мартин Пашковський – забутий український поет і публіцист початку XVII ст. // Сіверянський літопис. Чернігів, 2008. № 8. С. 11–18; *Пилипенко В.* Перед лицем ворога. Польська антитурецька література середини XVI – середини XVII ст. Київ, 2014. 232 с. (2016 г. в Освенциме издана и польскоязычная версия этой книги).

[28] *Kuran M.* Marcin Paszkowski – poeta okolicznościowy i moralista z pierwszej połowy XVII wieku. Łódź, 2012. 664 s. «Пашковскиана» Курана началась статьей: *Kuran M.* «Chorągiew sauromatcka w Wołoszech» Marcina Paszkowskiego jako przykład epickich nowin poświęconych batalii chotimskiej z 1621 roku // Acta Universitatis Lodziensis. Folia Litteraria Polonica. №10. Łódź, 2008. S. 21–40.

ка*» Якуба Кимиковского пересказана (с многочисленными заметными отступлениями – контекстными иллюстрациями, почерпнутыми из других известных в Речи Посполитой «востоковедческих» сочинений) в книге первой. Она имеет собственное название «Истории Татарские, Казацкие и Турецкие. Из опыта, как многих других людей заметных, так и особенно одного Жолдака Шляхетного Якуба Кимиковского, который в руках Поганских был в неволе 9 лет и немало вещей достойных внимания увидел».

Книги 2-я и 3-я – это справочная информация о народе, обычаях, религии, хозяйстве, государстве и рыцарстве-воинстве Османской империи (в основном это рифмованная передача фрагментов подготовленной к печати 1611 г. тем же М. Пашковским расширенной и переведенной на польский язык версии «Хроники Европейской Сарматии» А. Гваньини). Книга 4-я состоит из словаря турецкого языка и переведенной все тем же Пашковским с латыни «Диспутации или беседы о христианской вере и турецких предрассудках, которую имел Бартоломей Юргевич, пилигрим Иерусалимский, с одним видным турком в Варадине [Румыния] в костеле св. Франциска в праздничный день 1547 г.». Перед нами тематический (тюрко-ориентальный) компендиум «на все случаи жизни» – это полностью осознавал (открыто это подчеркивал) и сам автор[29].

Естественно, наиболее оригинальной частью далеко не первого сочинения Пашковского на украинскую тему стало повествование о своей бурной жизни шляхтича из «дома худого» – Якуба (Якова?) Кимиковского (Kimikowski)[30]. Она начинается просто классически для украинского героя:

---

* *Жолдак* – от слова «жолд» – жалование, здесь – воин-наемник.

[29] Считаю, что к такому компендиуму автор шел постепенно, начиная от небольшого сочинения в жанре «турчик» (антитурецкой пропаганды) – «*Миневра Мартина Пашковского, из лиги христианской собранная и цитированием значительных и разнообразных авторов подтвержденная*» (Краков, 1609).

[30] На данный момент наиболее полное исследование этой истории есть: *Kuran Michał.* Losy i doświadczenia turecko-tatarskie Jakuba Kimikowskiego w epickiej próbie Marcina Paszkowskiego «Dzieje tureckie» // Napis, seria XI. Warszawa, 2005. S. 29–52. Однако польский исследователь не заметил определенные хронологические маркеры, присутствующие в тексте, поэтому неправильно датировал события несколько более ранним временем (в частности, пребывание героя в Запорожье отнесено к 1580 г.). Доработанная версия данного материала с учетом этого моего замечания вошла и в итоговую монографию о Пашковском этого польского ученого: *Kuran M.* Marcin Paszkowski – poeta okolicznościowy i moralista z pierwszej połowy XVII wieku. Łódź, 2012. 664 s.

Из украинских исследователей, которые обращались к этой теме, см.: *Пилипенко В. М.* Мартин Пашковський – забутий український поет і публіцист початку XVII ст. // Сіверянський літопис. Чернігів, 2008. № 5. С. 11–18 (эта работа представляет собой общую характеристику творчества Пашковского, без, так сказать, разбора каждой строки текста); *Тисяча* років української суспільно-політичної думки. У 9-ти т. Київ, 2001. Т. 2, кн. 2: Перша половина XVII ст. / Упор., прим.

когда ему «тринадцятый мынало» – 13-й шел год («Менi тринадцятий минало» / «Мне шел тринадцатый» известное автобиографическое стихотворение Тараса Шевченко – *Д. В.*). Тогда этого подростка-недоросля из убогой шляхетской семьи[31] отдали служить при дворе известного потом защитника речьпосполитской (украинско-белорусской) «Руси», магната Яна-Щасного Гербурта (1567–1616). Поскольку основные владения Гербурта были на Западной Украине (Руское воеводство) логично допустить, что это и была малая родина Кимиковского.

Судя по хронологии произошедших далее событий, речь идет о 1585 г. После двух лет службы подростка (ок. 1587 г.), т. е. во время так называемого «второго безкоролевья», когда после смерти Стефана Батория за польский престол боролись австрийский эрцгерцог Максимилиан и шведский королевич Сигизмунд Ваза, Гербурт отдал мальчика ко двору своего более вельможного приятеля – «князя на Олыке» Станислава Радзивиллы (1559–1599).

И судьба Кимиковского сделала первый кульбит. Вскоре после этого «перевода» на Волынь (прослужил на этом месте немногим более «pultrzecia lata» – 2,5 года), Радзивилл послал юношу с письмами в Маначин (имение Вишневецких недалеко г. Старокостантинова), где находился тогда один из князей Вишневецких (Константин?). Это было время большого татарского набега 1589 г. (2-я половина августа), поэтому не удивительно, что между Базалией и Константиновим (Староконстантиновим), над речкой Случью, гонца поймали татары.

Пленника завезли в ногайские степи Приазовья («Do Nahay»). Здесь Пашковский делает обширное «этнографическое» отступление с описанием ногайцев. Оно целиком базируется на известном тексте из повествова-

---

В. Шевчука (тут помещены, с 1995 г. уже не раз перепечатанные, переводы Валерия Шевчука отрывков из «Историй турецьких» М. Пашковского, которые из-за полной «поэтической вольности» переводчика малопригодны для использования историками). Электронный вариант последней публикации см.: http://litopys.org.ua /suspil/sus37.htm

[31] Идентифицировать этот шляхетский род пока не удалось. Известно, что *Кимик* – это ныне уже редкостное татарско-славянское и, возможно, еще и армянское имя (вероятно, в основе *кимики/кумики* – название одного из тюркских народов). Шляхетская фамилия «по имени», а не по топониму-имению, как раз работала бы на «худородность» (не факт, и что эта фамилия уже была родовой – вспомним Я. Кимиковского «брата Шамтуха» из текста сочинения). А выбор себе Кимиковским, уже в сознательном возрасте и после окончания военной карьеры, панапатрона с Западного Подолья (Я. Вольского из-под Бучача) может непрямо свидетельствовать, что как раз где-то тут «малая родина» Кимиковских. Обет полоняника посетить Ченстохову свидетельствует в пользу того, что он происходил из католической семьи (окрещенный татарин на Западном Подолье середины XVI в. не диковинка).

ния о польском посольстве Андрея Тарановского[32], которое в 1569 г. добиралось аж под Астрахань.

В татарском плену Кимиковский находился целый год, пас коней и овец при ногайских «сараях» (т. е. домах – зимних ставках татарской знати). Из его «впечатлений» упомянута искусность татар в форсировании рек (а именно Днепра) на конях вплавь и картины опустошения окраинных пограничных земель Короны Польской (неоригинальность этих впечатлений подталкивает к мысли, что автором сочинения использованы литературно-стереотипные штампы).

Дальше юноша сбежал в Запорожье, где и прожил с казаками три четверти года. Повествование об этом периоде жизни Кимиковского наиболее интересно как для современного украинского, так и для татарского читателя[33]. Ведь других картин жизни Запорожья 1590–1591 гг., к тому же написанных простым казаком, фактически не существует.

Запорожцам Кимиковский стал полезен, прежде всего, как проводник, который со свежим опытом пленника мог указать пути к наиболее богатым татарским улусам. Здесь мы и встречаемся с обрисовкой «оперативного простора» низовцев того времени. Начинается он на Левобережье Днепра:

Z iednę stronę nad rzeką tam Sutsu rzeczoną/
A po Rusku Mołoczną/ a zaś drugą stroną
U wołowych Kurhanow/ y z mięźnym Hetmanem
W końskiey Pereboinie/ walecznym Bogdanem
Mikoszynskim/ co zdawna zową konską wodą/
Y ta gdzie się z dawnych lat/ sczyćil swą swobodę
Knias Misyey u Maiakow: a ty tam Maiaki/
Mianuią w sczyrym polu Kozackiemi znaki.
Ktore byl ten Kniaś Misyey niekiedy postawił/
Y tym wiecznę pamiętkę cnym Junakom wsławił.
Y przy Białey krynicy czynił swe zasadzki/
Gdzie miał Kozak z Tatary często krwawe schadzki:
Y u Kamien zatonu miewał swe przywody/
Na Tatary/ y wielkie im tam czynił szkody

[32] Текст Тарановского был издан на немецком языке (Нюрнберг, 1571); известной была также и польскоязычная рукопись, с которой повествование было напечатано в середине XIX в. (*Podróże i poselstwa* polskie do Turcyi, a mianowicie: podróż E. Otwinowskiego 1557, Jędrzeja Taranowskiego Komornika J. K. M. 1569, i Poselstwo Piotra Zborowskiego 1568. Kraków, 1860. S. 41–63) и, с сокращениями, через столетие (*Antologia* pamiętników polskich XVI wieku. Wrocław, 1966. S. 203–216). Сам Пашковский уже не впервые обращался к тексту Тарановского – его он использовал и для расширенного польскоязычного перевода хроники Гваньини в 1611 г.

[33] В оригинале это: *Paszkowski Marcin.* Dzieje tureckie y utarczki Kozackie z Tatary… Kraków, 1615. S. 18–22.

[С одной стороны над речкой там Сут-су прозванной, а по-руски[34] Молочною[35], а другою ж стороною у Воловых Курганов, в Конской Перебойне[36], что издавна зовут Конской Водой – с мужественным гетманом, храбрым Богданом Микошинским[37]. Там, где в давние годы гордился своей свободой князь Мисей[38] у Маяков. И те-то Маяки зовутся в чистом поле казацкими знаками. Которые было тот князь Мисей когда-то поставил и тем вечную память учтивым молодцам прославил[39]. И при Белой Крини-це[40] устраивал свои засады, где имел казак с татарами часто кровавые столкновения. И у Каменного Затона[41] имел свои приводы на татар и большой там делал им вред]

---

[34] Здесь и далее «руская» – это, как правило, речпосполитская Русь (украинско-белорусская), а не «русская» – российская (московская, как еще ее называет автор).

[35] *Молочная* – река в современной Запорожской обл., впадает в Молочный лиман Азовского моря.

[36] *Перебойная* – небольшой левый приток (ветка) Днепра, возле г. Херсон. Но в общем-то это достаточно типичный гидроним, поэтому вполне вероятно и его привязка к р. *Конской* (Конскими Водами, Конкой, Конкою) – тоже левым притоком Днепра. Вероятно также, что речь идет о *Конской Промойной*, где речка Конская сливалась с днепровскими заливами (так о ней вспоминал Е. Лясота в 1594 г., см.: *Яворницький Д. І.* Історія запорізьких козаків. Т. 2. Львів, 1991. С. 78). Водораздел между Молочной и Конской – отправная южная точка Муравского шляха и удобное место для засады на отягощенных скотом татар.

[37] *Микошинский Богдан* – гетман запорожцев (упоминания, кроме этого, с конца 1590 – начала 1591 г., а еще за 1586 и 1594 гг.). Фамилия напоминает мне Михасин / «Mikascinum» (вероятно с. Михалцы Каменецкого повета, ныне не существует), под которым коронный гетман Ю. Язловецкий разгромил один из чамбулов татарских в 1574 г. Поэтому, вероятно, Микошинский (Михошинский?) – подолянин.

[38] *Князь Мисей* – наверное, *Михайло Александрович Вишневецкий* (1529–1584), каневский и черкасский староста (1559–1580), герой сочинения «Епицедион» (Краков, 1585), которое, однако, молчит о его «запорожских подвигах».
Гипотетически есть еще один претендент – князь *Михайло Ружинский*, гетман запорожцев в 1585–1588 гг., хотя, пассаж «в давние годы» в такую атрибутацию не очень вписывается. К тому же упоминание о «свободе» князя Мисея как-то подозрительно напоминает пассаж из М. Стрийковского «О вольности Короны Польской» (Краков, 1575) о «Казаке преважном Вишневецком» (речь о кн. Дмитрии Вишневецком), который успешно опустошал Крым, но потом «счастье его предало в *свободе*» (л. 28), то есть рассказ о «князе Мисее» – М. Вишневецком – смоделирован по образцу давнего образа Д. Вишневецкого-Байды?

[39] Вероятно, речь идет о 1570-х гг.

[40] *Белая Криница* – вероятно топоним, связанный с р. *Белозерка*, левым притоком Днепра (впадает в него ниже р. Конской).

[41] *Каменный Затон* – левобережный днепровский залив, недалеко от р. Белозерки.

Как видим, на Левобережье Днепра запорожцы в 1590–1591 гг. «держали» довольно узкий фронт на р. Конская[42]. Дальше у Кимиковского-Пашковского описан «морской фронт» низовцев:

Tenże z Kozaki chodził/ y na Czarne Morze/
Gdzie nie ieden Karawan Turski wodę porze.
A naprzod pod Biłagrod/ gdzie s korzyśćią wielką
Wżięli Okręt Turecki/ y z armatą wszelką.
Turkow wiele pobili. Zaś od Bilagroda
Zaniosła ich pogodnym wiatrem Morska woda.
Na iednę wyspę/ ktorą pospolitą mową/
Hadieczow Ostrow z Ruska od dawnych lat zową:
Tę Insulę tak zową nie bez swey przyczyny/
Hadieczow ostrow: Bo tam iest wiele gadziny.
Y dziwowidzow morskich/ y rozmaitego
Chrobactwa/ tudziesz ptastwa morzu przywykłego.
Ktore y tu/ y owdzie gorę wylatuie/
A barzo smrodliwy iad od nich zalatuie.
Babami ie tam żową/ więtsze niż Labęćie/
A Zeglarzom ten wysep/ iest na wielkim wstręćie.
Tamże z Tatarskiey Ziemie/ z Miasta rzeczonego
Kozłow/ przyszło Galer dwie: na ktorych naszego
Ludu więzniow wybranych do tyśiąca bylo/
A niawiast z dziećmi ośm set/ tych się nie liczyło.
Turkow też nad pułtora tysiąca nic więcey
Nie było/ tam Kozacy przypadszy co prętcey
Ku onym dwom Galerom/ Turki wyśćinali/
Więżniow wyswobodzili/ wielką otrzymali
Zdobycz/ z ktorą się do swych Porohow wroćili/
A onę korzyść między swoie rozdzielili.

[Тот же с казаками ходил и на Черное море, где не один караван турецкий воду рассекает. А прежде всего под Белгород[43], где с пользой большой взяли судно турецкое с арматой всякой. Турков немало побили. От Белгорода же занесла их погодным ветром морская вода на один остров, который простым языком Гадячев-остров по-руски с давних лет зовут. Этот остров так называют не без причины Гадячим островом[44]: так как там

[42] Кстати, известен фольклорный рассказ, в котором Конская представлена *рекой-границей* с татарами (см.: *Савур-могила*. Легенди і перекази Нижньої Наддніпрянщини. Київ, 1990. С. 173).

[43] *Белгород* (Аккерман) – современный Белгород-Днестровский.

[44] *Гадячий остров* – это о. Березань в устье Днепро-Бугского лимана, рядом с Очаковом.

есть немало гадичины (=змей). И диковинок морских[45] и разнообразных насекомых, также и птиц к морю привыкших, которых и тут и там вверху множество летает и очень едкая вонь от них долетает. Бабами[46] их там называют, размерами больше лебедей, а морякам этот остров есть большой препоной. Там же с Татарской земли, из города прозванного Козлов[47], пришло две галеры, на которых нашего люду, отборных военнопленных до тысячи было, а женщин с детьми восемьсот – эти и не считались. Турков также более чем полторы тысячи – не больше[48]. Там казаки, кинувшись как можно скорее к тем двум галерам, турок вырубили, пленных освободили и большую получили добычу, с которой к своим Порогам вернулись и те приобретения между собой разделили.]

Опять-таки отметим скромность акватории, на которой действуют запорожские пираты времен летне-осенней кампании 1590 г. Это лишь каботажная трасса от Евпатории до Белгорода-Днестровского.

Наконец рассказчик заводит речь о Правобережье Днепра, для которого низовцы были собственно сторожами, а не захватчиками. Описывает он также и внутризапорожские угодья по самому Днепру.

A iż wiedział przeskoki/ y zaczayne znaki
Kuczmienskie/ y Wołoskie/ ba y czarne szlaki/
Tych to prętkich Pohancow Kimikowski/ tedy
Nabawił ich tam nie raz z swym kozactwem biedy/
Wiedział ich y przewozy/ gdzie to dzikie plemię/
Przez Dniepr się przeprawuie w zyzną Ruską Ziemię.
U Ostrową Chortycy/ miedzy Porohami/
Y miedzy Czerwonemi z dawnych lat gorami.
Więc u Borhuna/ więc też u Olchow/ gdzie zdawna
(Dżiś tam Strzelicą zową) często bywą sławna
Porażka na przeprawie Tatar przez Kozaki/
Ktorzy tam w tym swoy zwyczay zachowuią taki:
Wziąwszy pewną wiadomość/ iż Tatarzy maią
Tam tędy iść w Ruski kray/ więc się zasadzaią
We trzćinach po Insułach: iedni z wierzchu wody/

[45] На полях страницы есть разъяснение, что это за диковинки – «*Swini y niedzwiedzi morskich tesz tam pełno* / Свиней и медведей морских там полно». *Морскими свиньями* тут названы дельфины, а *морскими медведями* – черноморские тюлени-монахи.

[46] *Баби* – пеликаны.

[47] *Козлов* (Гезлеве) – современная Евпатория.

[48] Классический экипаж обычной галеры-кадырги – 35 моряков, 196 гребцов, 100 воинов (вместе 331 чел.). На тяжелой галере-мавна/мавуна находилось 44 моряка, 364 гребца, 150 воинов, 40 пушкарей (вместе 598 чел.). Самые большие галеры-капуданы (флагманские адмиральские корабли) имели экипаж до 900 чел. (до 170 моряков, 214 воинов, более 500 гребцов). Поэтому рассказчик сильно преувеличивает здесь и дальше количество людей на известных ему турецких галерах.

A drudzy zaśię z dołu/ iuż tam nie bez szkody
Pohancow/ chyba że im pomocy dodaią
Galery/ ktore pod czas z Turek przybywaią.
Bo wiedząc Car Tátarski/ iż nań zawsze ważą
Kozacy/ więc też ma swą na Gálerach strażą/
Ale tylko ná ten czas/ kiedy zaiezdżaią
Pohańcy w Ruskie kraie: lecz gdy sie wracaią/
Nie masz niskąd żadnego ratunku/ nadżieie/
W ten czas názad Tatarzyn z płonem idąc mdleie.
Bo mu Kozacy y płon odeymą/ y wiele
Poydżie ich tám/ gdżie Charon łoże im uśćiele.
Gdżie kiedy sto Kozakow z Rusznicámi będżie/
Tam tyśiącom Tatarom zmylą szyiki wszędzie.
Jakosz się to raz poraz częstokroc trafiáło/
Ze poszlo do Charonta Pohancow niemáło.
Trafiło sie to raz y za Mikośynskiego/
Ktory przy sobie tego miał Kimikowskiego.
Wielką moc u Borhuna Tatar potopili/
Wiele więżniow nabrali/ płon wszystek odbili.

[А поскольку знал перескоки и тайные знаки – Кучманские, Волошские, да и Черные шляхи[49], то тих быстрых Поган Кимиковский тогда не раз донимал, находясь со своим казачеством. Знал и их переправы, где это дикое племя через Днепр переправляется в урожайную Рускую землю. У острова Хортица, между Порогами и между Червоными [=Красными] с давних лет горами. Вот и у Бургуна[50], вот также и у Ольхова[51] (ныне то место Стрелицей называют), что издавна часто бывает славна поражением на переправе татар от казаков[52], которые там-то свой обычай держат такой – получив определенное известие, что татары должны там тогда идти в

[49] *Кучманский*, *Волошский* (Валашский) и *Черный шляхи* – классическое 3-дорожье, по которым осуществлялись татарские набеги на Правобережную и Западную Украину.

[50] *Бургун*, *Бургунка* – остров, речка, переправа возле правобережного с. Бургунка Бериславского р-ну Херсонской обл.

[51] *Ольхов* (*Стрелица*) – возможно, речь идет о древнерусском Олешье-Олешках (экс-Цюрупинск, ныне снова Олешки). Ведь прочитать Olchow можно и как *Ольгов*. Это, кстати, разъяснило бы как название Стрелица позднее перешло на недалекий отсюда Кинбурн (см. *Вирський Д. С.* Географія Запоріжжя: за описами М. Пашковського (1615) та С. Шимановського (1642) // Історико-географічні дослідження в Україні. Число 12. С. 53). А рядом с Бургункой известно с. *Ольговка* Бериславського р-на Херсонской обл., основанное, правда, уже в 1830 г.

[52] Возможно, речь идет о громком событии 1524 г., когда наместники черкасский Семен Полозович и чорнобыльский Криштоф Кмитич со своими казаками на лодках на Таванской переправе впервые заблокировали татарам-крымцам возвращение с Правобережья Днепра.

Руский край, тогда [казаки] и садятся в засады в камышах по островам: одни сверху реки, другие же снизу. Уже там это не без ущерба Поганам [обходится], разве что им на помощь придут галеры, которые в это время от турок прибывают. Поскольку знает царь татарский, что на него всегда караулят казаки, то также имеет свою сторожу на галерах. Но это только в то время, когда идут в набег Поганы на Руские края. Но когда возвращаются и [пленные уже] не имеют ни на какое спасение надежды, в это время татарин, с полоном идя, обмирает, поскольку у него казак и полон отбирает, и много их [=татар] идет туда, где Харон[53] ложе им стелет. Поскольку когда сто казаков с ружьями будет, то тысячам татар шею намылят завсегда. Как это раз-за-разом многократно случалось, что шло к Харону Поган немало. Случилось это и при Микошинском, который при себе имел того Кимиковского. Большую силу возле Бургуна татар потопили, много пленных набрали, полон весь отбили[54].]

В это повествование вплетено фольклорное предание о речках Днепр и Конская Вода (ныне шире известны близкие по сюжету рассказы о Днепре и Десне[55]). По течению Конской Воды рассказчик и проводит читателя аж до моря.

[Ruska Historia o konskiey wodzie y o Dnieprze]
Dniepr tám zowa Słauta to iest Rzeka sławna/
Są y na Konskiey wodźie przewozy ich zdawna.
Bo Konska woda z Dnieprem aż do Morza płynie/
O czym taka przypowieść Ruska zdawna słynie:
Gdy sobie Konska woda z Dnieprem rozmawiała/
Tak Dnieprowi ta Rzeká śmiele powiedźiała:
Ze ia przez cię przebieżę/ lecz nie gorą/ spodkiem;
Y puśćiła wnet kruka przez Dniepr samym śrzodkiem
Na drugą stronę: ktory skoro przelećiawszy/
Miał się iey ozwać: ona też go usłyszawszy
Miała nurt swoy wyrzucić: W tym Dniepr rozgniewany/
Wypuśćił wńet Sokołá/ ktory na przemiany
W poyśrzod Dniepru na kruka uderzuł potężnie/
Y tak tam kruk zakraknął: A ona też mężnie
Nurt swoy pośrzodkiem Dniepru bystrego wydała/
Y swym trybem w Moskiewską stronę pobieżała.
Okrążywszy Dumantow, y Perhasław znowu
Biegła Tatarską stroną szukaiąc obłowu.

[*Руская история о Конской Воде и о Днепре.* Днепр там называют Славутой, то есть Рекой славной. Есть и на Конской Воде переправы их

[53] *Харон* – в древнегреческой мифологии перевозчик в царство смерти.
[54] Вероятно, событие осени 1590 г.
[55] См. в частности: *Савур-могила*. Легенди і перекази Нижньої Наддніпрянщини. С. 9–10.

издавна. А поскольку Конская Вода с Днепром аж до моря течет, то такое предание руское издавна слывет: Когда-то Конская Вода с Днепром между собою беседовали и так Днепру эта речка смело говорила, что я через тебя перебегу, но не верхом[56], а посередине. И пустила сразу ворона через Днепр по самой середине – на другую сторону. Который, как скоро перелетит, должен ей подать голос. Она, его услышав, должна [была] течение свое перекинуть. Тем временем Днепр разгневавшийся выпустил сразу сокола, который наперехват [полетел] и посередине Днепра на ворона ударил мощно. И так там ворон закаркал. А она также мужественно течение свое на середину быстрого Днепра вкинула и своим манером в Московскую сторону побежала. Окруживши Домантов[57] и Переяслав снова, бежала татарской стороной, выискивая поживы[58].]

Рассказчик специально остановился и на днепровских порогах.

[Porohy kozackie.]
A że do Zaporożá/ gdźie śiedm progow sławnych/
Stoią w mili od śiebie ż wiekow starodawnych.
Kodak/ Woron/ Bohatyr/ Surski y Zaborá/
Y Baydak/ á śiodmego że z tamtad nie wczorá/
Nie może w pámięć przywieść/ ten co mi powiadał/
Ja też nie wiem/ bom miedzy Kozaki nie śiadał.
Jednák doszedłem potym od kogo inszego/
Nienásycieć iest hasło Porohu śiodmego.
Więc tamta Konska wodá/ przez Porohy wszytkie
Szła z Dnieprem swoim brzegiem. Potym w pola brzytkie
Tatarskie udawszy się/ aż do Kamiennego
Zakonu szłá osobno. A u mieysca tego
Znowu sie zaś z szerokim Dnieprem pokumała/
Y z nim wespoł/ swym brzegiem Tatarskim bieżała
Aż pod Białe iezioro. Tam zaś przybieżawszy/
Y pierzchliwie znowu się z Dnieprem pogniewawszy/
Od Białego Jeżiora wiodła tor swoy spory/
Swym oddzielnym przećiągiem/ pod Czerwone gory.
Stamtąd zaś tey zuchwałey Konskiey rzeki woda
Szła przed śię swoim nurtem/ aż do Słamhoroda.

[*Пороги казацкие.* А что до Запорожья, где семь порогов славных стоят за милю один от одного с веков стародавних. Кодак, Ворон, Богатырь[59],

[56] То есть – в обход.
[57] Ныне с. *Домантово* Золотоношского р-на Черкасской обл.
[58] Другими словами, перескочить Конской Воде не удалось, ее откинуло даже вверх и она должна была дальше течь вдоль левой (татарской) стороны Днепра.
[59] Лоханский порог? (ниже его при впадении в Днепр речки Мокрой Суры известны скалы *Богатыри*).

Сурский и Забора[60], и Байдак[61], а седьмой, потому как оттуда же не вчера [прибыл], не может припомнить, тот кто мне рассказывал. Я также не знаю, поскольку между казаками не сидел, но узнал потом от кого-то другого – Ненасытець есть название Порога седьмого[62]. То есть та Конская Вода, через все Пороги шла с Днепром своим берегом. Потом, в гадкие поля татарские удавшись, аж до Каменного Затона шла в особицу. А у места этого снова же с широким Днепром покумилась и с ним сообща своим берегом татарским бежала аж под Белое озеро[63]. Туда же прибежав и запальчиво снова с Днепром разругавшись, от Белого Озера вела шлях свой быстрый своим отдельным перебегом под Червоные горы[64]. Отсюда же той дерзкой Конской-речки вода шла вперед своим течением аж до Ислам-города[65].]

Далее вспоминаются места боевой славы запорожцев – Ислам-Кермен («Сламгород») и перевоз-переправа у Бургуна. Завершает представление «запорожского мира» днепровский «Лиман».

[Slamhorod zamek Tatarski Kniaś Ruzynski zburzył.]
Ten Słámhorod niekiedy był to Zamek mocny/
W dżikim polu Tatarskim/ y barzo pomocny
Tym Pohancom na naszych: lecz dżiś tylko znaki
Zburzył go Kniáz Ruzynski z mężnemi Kozaki.

[Mieysce u Burhuna kedy Tatarowie giną]
Z támtąd zaś áż pod Burhun swym brzegiem bieżała/
Gdżie na przewożie ginie Tatar część nie mała.
Tam iuż mimo Perekop polmi Tatarskiemi/
Gdżie słony Limen bieży nurtami ćichemi.
Koło swe do Czarnego morza obroćiła/
Tam wpadszy wszystkich swoich tancow dokonczyła/
W toż morze w Czwierći mili/ Dniepr/ y Limen upada/
Ale káżda osobno swoim nurtem włada.

[*Ислам-город – замок татарский – князь Ружинский разрушил.* Этот Ислам-город когда-то был это замок сильный в диком поле татарском. И очень помогал он тем Поганам на наших, но ныне только следы его. Раз-

[60] *Забора* – не общеупотребимое название каменной гряды, что, в отличие от порогов, не целиком перекрывает речку. В системе днепровских Порогов таких забор было несколько.
[61] Будило, Будиловский порог?
[62] Интересное свидетельство, что у Пашковского был не единственный информатор о Запорожье.
[63] *Белозерка* – уже упоминавшийся левый приток Днепра.
[64] *Червоная* или *Лысая гора* известна на правом берегу Днепра выше Микитиного (Микитинского) Рога.
[65] *Ислам-город* (Ислам-Кермен) – ныне это территория г. *Каховка*.

рушил его князь Ружинский с мужественными казаками[66]. *Место у Бургуна где татары гибнут.* Оттуда же аж под Бургун своим берегом бежала, где на переправе гибнет татар немало. Там уже мимо Перекопа полями татарскими, где соленый Лиман бежит течениями тихими. Круг свой к Черному морю обратила, там впадая все свои танцы закончила. В это же море за четверть мили [оттуда] Днепр в Лиман впадает, но каждая [из этих рек] особо своим течением владеет.]

В конце концов рассказчик знакомит читателя и с резиденцией запорожцев – с тем что со временем стало принято называть Сечью[67].

[Kiedy Kozacy lećie a kiedy zimie meszkaią]
A iesli chcemy wiedziec kedy przybywaią
Kozacy czasow piewnych y gdzie spoczywaią/
W szabelnikowey Wietce/ lub na Zborowskiego
Położeniu zimuią/ lub na Ruzynskiego.
Na wiosnę zaś skoro więc wody wielkie wstaią/
Tedy do Czortomłyka z tamtąd uciekaią.
Albo do Bazawłoka: a dobytki swoie/
Y konie w Tomakowce maią/ bo tam boie
Niebywaią/ z tamtąd zaś gdy robactwo wstaię/
Ustępuią na Lato w swe zwyczayne Kraie
Do Chortyce/ na skalę wielką: a zaś skoro
Jesień przyidzie/ natychmiast ustępuią sporo
Do Czerwonych gor: y tak iak mieysca swe znaią/
Tak się też na nie/ czasow pewnych przenaszaią.

[*Где казаки летом, а где зимой проживают.* А если хотим знать, где пребывают казаки в определенную пору и где отдыхают – у Шабельниковой Ветки[68], или на Зборовского[69] или на Ружинского[70] станах зимуют. Весной,

---

[66] Речь идет о князе *Богдане Ружинском*, гетмане запорожцев, который сам погиб при этой осаде Ислам-города (Ислам-Кермена) в 1576 г.

[67] Как в модерной историографии укоренялся миф о давности Сечи см.: *Падалка Л. В.* По вопросу о существовании Запорожской Сечи в первые времена запорожского казачества. Киев, 1894 [оттиск из журнала «Киевская старина»].

[68] *Шабельная Ветка* известна за «Реестром речек и примет, которые остаются с обеих сторон реки Днепра, начиная от города Переволочная» от 24.XI.1697 г., см.: *Величко С. В.* Літопис. Т. 2 / Пер. з книжної української мови, комент. В. О. Шевчука; Відп. ред. О. В. Мишанич. Київ, 1991. Раздел 38 (http://izbornyk.org.ua/velichko/vel55.htm).

[69] Район Чертомлыка? Именно там в 1579 г. размещался лагерь Самуеля / Самойла Зборовского. Список запорожских топонимов 1697 г. знает *Косу Зборовскую* (над лиманом), *Зборовский Кут*, *Ветку Прогной Зборовский*, *Луг Зборовского* – над лиманом. Название «Кут Зборовского» в конце XVIII в. трансформировалось в Збуръевск, ныне *Старая Збуръевка* – село в Голопристанском р-не Херсонской обл.

поскольку же быстро воды великие встают, тогда на Чертомлык отсюда утекают или на Базавлук[71]. А добычу свою и коней на Томаковке имеют, потому там боев не бывает. Отсюда же, когда робацтво[72] поднимается – отходят на лето в свои обычные края – на Хортицу, на скалу большую. А как скоро осень придет, тогда отходит немало к Червоным горам[73]. И так как места свои знают, так также на них в определенное время переносятся.]

Как видим, постоянной Сечи на Запорожье в 1590–1591 гг. не существует и, собственно, мы имеем единственное на сегодняшний день описание так называемого «*кочевища*» запорожцев (без топографической расшифровки, этот термин не редкость в актах конца XVI в.). Пашковский заканчивает свое описание Запорожья заметками о рационе питания казаков (по примеру Тарановского, который также упоминает саламаху) и их жилищах – куренях.

Zywność ich Salamacha/ y orzechy wodne/
Ktemu zwierz rozmaity/ Ryby wieloplodne/
Od ktorych iako wieprze/ w swych oboziech tyią/ *[Obozy Kozacy zową kureniami.]*
Bo y żimie/ y lećie/ nád wodámi żylą.
W tych tedy uroczysczach przebywał foremnych/
Kimikowski z Kozaki w fortunach odmiennych.

[Живность их саламаха[74] и орехи водные[75]. К тому же зверь разнообразный, рыбы многоплодные. *Таборы казаки зовут куренями.* От которых как вепри в своих таборах укрываются, потому что и зимой, и летом над водами живут. В тех тогда урочищах обустроенных пребывал Кимиковский в фортунах изменчивых.]

---

[70] Речь идет о лагере или *Богдана Ружинского* – гетмана запорожцев в 1575–1576 гг., или *Михайла Ружинского* – гетмана в 1585–1588 гг., или *Кирика (Кирилла) Ружинского* – гетмана в 1588–1590 гг.

[71] Напомним письмо старшины Яна Оришовского «со всеми Запорожскими казаками» от 3.I.1585 г. и подписанного *с Низа на Базавлуке* («ex Niz in Bazawluk»), см.: *Archiwum* Jana Zamoyskiego. T. IV (1585–1588). Kraków, 1948. S. 1–2 (№ 1072).

[72] Речь идет, наверное, о летней мошкаре, но, может быть, о людском *робацтве* – казаках-промысловиках, а не воинах.

[73] *Червоная* или *Лысая гора*, как уже говорилось, известна на правом берегу Днепра выше Никитинского (Микитинского) Рога.

[74] *Саламаха* – блюдо из фасоли, чеснока, хлеба, соли. В составленном Николаем Гоголем словаре к «Энеиде» И. Котляревского читаем: «Саламаха – мука ржаная или пшеничная, кипящей водой разведенная с добавлением соли и варенная до того, пока уварится подобно до густого киселя», см.: *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. М., 1952. Т. 9. С. 499.

[75] *Водный орех плавающий* (чилим, рогульник). Своеобразная замена хлеба, имеет и лечебные свойства.

Дальнейший сюжет «Турецких историй» уже не о Запорожье, потому как весной 1591 г. Кимиковский принял участие в нападении на московское посольство, которое в сопровождении купцов ехало в Крым[76]. Собственно, рассказчик считал, что это была дань «великого князя» московского татарскому хану-«царю». Всего было 5 400 телег (цифра явно преувеличенная).

Об этом московском караване казаки узнали, когда в поле поймали «языка». Напали с успехом – послов порубили, других московитов погромили, сокровища забрав и возы-телеги спалив, с большими трофеями возвращались «на места свои».

Однако на обратном пути казаков неожиданно окружило до 10 тысяч татар. Вероятно, силы были уж совсем неравные для боя – татары, по словам рассказчика, лишь ловили убегающих. Пойманных – среди которых были и известные казаки – Оливка и Пниовский[77] – мучили, выпытывая информацию, не припрятали ли они часть добычи и каковы актуальные казацкие планы[78].

Поймали и Кимиковского, но, поскольку выглядел он чересчур молодым, его приняли за слугу-джуру, который в боях еще не бывал и знать о планах хозяев ничего не может. Это слышал сам пленный, который хорошо знал татарский язык, но «хитро» прикидывался, что совсем ничего не понимает. Поэтому Кимиковского не мучили, вопрос был только в том – кому достанется новый невольник? Татары с презрением отпихивали его один другому, пока кто-то не дал за него три барана и старую клячу. Причем, практически сразу покупатель поменял пленного с «наваром» – на две кобылы и жеребца-бахмата.

---

[76] Гипотетически это могла быть миссия послов *князя Меркурия Щербатова* и *дьяка Афанасия Девятого*, решение о посылке которой в Москве приняли 30.II.1591 г. (это посольство в Крым так и не прибыло, но хан его ожидал), см.: *Виноградов А. В.* Русско-крымские отношения в первые годы правления хана Гази-Гирея II (1588–1591 гг.) в контексте консолидации Крымского ханства по завершении династического кризиса Гиреев // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 4. Казань, 2012. С. 39.

[77] *Оливка* еще отметится во времена Наливайковщины, будет пойман и должен быть казнен в Варшаве после казни самого Наливайка в октябре 1596 г. Но его помиловал король, см.: *Антонович М.* Студії з часів Наливайка. Прага, 1941. С. 68, 80. 17.X.1619 г. среди казацких старшин на Роставицкой комиссии (переговорах властей Речи Посполитой с украинскими казаками) упомянут и *Пневский Мартин*.

[78] Не удивлюсь, если именно это поражение стало поводом для передачи гетманской булавы от Б. Микошинского к К. Косинскому (вождя успешного похода на Козлов-Евпаторию летом 1589 г. и родственника кн. Ружинских), но это лишь гипотеза.

Новый владелец отвез невольника в Козлов-Евпаторию, где уже продал его за деньги. Очередной хозяин был арабом, который владел «Конской мельницей». На ней Кимиковский и проработал два месяца.

В Козлов морем прибыли купцы-работорговцы, которые охотно покупали молодых невольников. Одному из заморских торговцев – Мустафе-Челебею – араб-мельник и продал Кимиковского за 3 тыс. аспр (рассказчик добавляет, что это равняется 24 червонным злотым/ польским дукатам[79]).

Купец был из «Borlow» («где шафран родит»), – наверное, это город Сафранболу до сих пор известный своим шафраном (он расположен немного в глубине побережной полосы между Стамбулом и Синопом). Торговец завез Кимиковского вместе с 80 молодыми парнями и девушками в Турцию, в город Ангурия[80], где распродал всех порознь. Кимиковского купил Алим-Челеби из города Карамана (это в глубине Малой Азии, недалеко от современной Алании). Затем его продали турецкому беглер-беку в сирийский г. Алеппо, где с ним случилось скандальное происшествие с гомосексуальными домогательствами[81]. Похотливый сын Бакция, местного сипахи-«спаги» (рассказчик добавляет, что спаги – это турецкие шляхтичи), хотел изнасиловать Кимиковского. Увидев, что никакой возможности обороняться не осталось, герой повествования достал нож и воткнул его в живот насильника.

Потом Кимиковский попробовал убежать и спрятаться, но по горячим следам его поймали и привели к хозяину. Тот начал наказание «суровыми словами»: «Ты, пес поганский, где твой разум здравый? Что натворил? Кто тебя на это подговорил, преступник, убить сына шляхтича? Не вижу ничего лучшего – прикажу четвертовать тебя и куски-четвертинки на колы насадить». Однако, господин был, скорее, на стороне своего подчиненного, поэтому, отведя его в сторону, дал совет – объявить суду, что он не пони-

---

[79] *Червонный злотый / польский дукат* – содержал 3,5 г золота, был эквивалентным 1 серебренному талеру (=8 серебренных злотых или 240 грошей).

[80] *Ангурия (Anguria)* – это греческое название турецкого города *Якуплу (Yakuplu)* на побережье возле Стамбула.

[81] Мотив о содомии у турок и арабов вообще-то традиционный для средневековой и раннемодерной христианской литературы, но Пашковский в интересе к этой теме ранее не замечен (а ведь в «Хронике Европейской Сарматии» у него был целый раздел о Турции и о «турецких обычаях» он также писал там, игнорируя такой скандальный мотив). Поэтому, достаточно вероятно, что это «информация от Кимиковского» (правдивая или просто удобная – уже не проверить). Возможно также, что ее выпячивание не обошлось без сочинения М. Стрийковского «О вольности Короны Польской» (Краков, 1575), которое – при описании «турецкой неволи» – охотно цитирует в «Историях турецких» М. Пашковский. В частности, у Стрийковского был и такой пассаж о «турке»: «Без сраму к Содомии прибегает, по своей воле. Не смотрит на отличие пола – чем и животные брезгуют, то Христиане терпят горемыки» (л. 16).

мает турецкого языка и говорит только по-польски (наверное, это должно было несколько затормозить процесс, дать страстям улечься, акцентировать внимание на том, что обвиняемый – невежа-иностранец).

Когда отец убитого в суде огласил обвинительную речь и потребовал наказать убийцу смертью, судья спросил Кимиковского, понимает ли он обвинение. Тот ответил, что не понимает турецкого языка. Переводчика с польского не было, но нашелся «московит», которого признали достаточно компетентным для этой роли.

Кимиковский рассказал на суде о том, что «к этому привело нецеломудрие» убитого, т. е. обвинил его в сексуальных домогательствах, от которых он защищался как мог, и попросил суд ввиду этих обстоятельств быть к нему милосердным.

Судья ответил, что убийство также грех Божий, за который смертью наказывают. Напомнили о десяти заповедях, которые должен соблюдать человек. Вспомнили и о том, что преступник безбожник (немусульманин) и вынесли суровый приговор – перебить ему все кости на руках и ногах и оставить «до третьего дня» на улице круглосуточно, где на него дважды в день спускать пару «британских псов»[82], которые будут кусать жертву. Еще и стражу ночную при нем поставить, чтобы христиане никак не помогали наказанному (как единоверцу).

Но вдруг слово взял беглер-бек – хозяин Кимиковского – и объявил, что этот невольник знатного рода и его семья уже высказала готовность заплатить выкуп за него. Поэтому обвинитель – отец убитого – должен возместить ему как владельцу 2 тыс. червонных злотых, а тогда уже делать с преступником, что захочет.

Истец платить за убийцу своего сына не согласился. Единственное, чего он добился, чтобы суд приказал беглер-беку не держать преступника в своем доме (чтобы не случилось худшего) и максимум на протяжении полугода продать его другому владельцу.

Исполняя судебный приговор, через четыре недели Кимиковского продали «одному доброму турку по имени Ерчи», прозванному так за его ремесло седельника («седло» по-турецки «eyer»). Тот перепродал невольника другому ремесленнику – лымарю-шорнику. Последний также пожелал его продать – уже золотарю-ювелиру, а тот кобернику (ткач диванных ковриков и тяжелых обойных тканей). Перепродажа происходила 15 раз, то есть невольник-преступник хозяевам был явно неугоден.

---

[82] *Британскими псами, британами* тогда звали крупных собак (сопоставимых по размеру с английскими догами).

В конце концов он попал в руки «черного араба» (темнокожего) по имени Калипер из «земли Мурзинської»[83] (=Эфиопия). О нем рассказчик добавляет, что тот часто ездил в Константинополь. В Африке Кимиковский пас овец и ловил арканом диких коней, гордость местного края. Невольник, который мог более всех выловить таких коней, был у господина в милости.

Так прошло шесть месяцев. Кимиковский все время думал о побеге, даже дал обет Богу и Деве Марии, что если вырвется из неволи, то с год не будет ничего есть по пятницам и осуществит паломничество в славный Ченстоховский монастырь.

Однажды на выпасе овец Кимиковский увидел султанский («царя турецкого») караван, который направлялся к мусульманским святым местам в Саудовской Аравии (к «гробу Магометовому»). Чабан-невольник обрадовался «белым» людям так, если бы они были его «польскими» соотечественниками. Подбежал к караванщикам и с плачем просил, чтобы его выкупили у «черных дьяволов». Они пообещали только с условием, что он примет ислам. Кимиковский вынужден был согласиться и прилюдно вслух прочитал ритуальную присягу.

Араб Курчауш из Каракаю (в Боснии?) – глава каравана – заплатил за нового единоверца 13 тыс. аспр (а 1 тыс. аспр – это 8 червонных злотых). И отвез Кимиковского в «Теткеян»[84], к «Магометовому гробу», к которому паломники из разных стран ездят, то есть в Медину.

После паломничества, турок с новым невольником-слугой вернулся на свою родину – в балканскую часть Турции (Фракию). Кимиковского он отдал обучаться ремеслу изготовления чамлетов (чамлет – узорчатая, обычно шелковая, ткань) в город Ояз (по словам рассказчика, день езды от уже знакомой нам Ангурии над Мраморным морем, два – от Бейбазара, четырнадцать – от Стамбула). Кимиковский был уже год мусульманином, и хозяин ему доверял настолько, что даже собирался отдать за него замуж свою сестру.

Однако через четыре недели, когда Кимиковский без присмотра работал в винодельне, мимо него «из Азии» на войну в Семигородье проходил военный отряд. Вояки (которые, наверное, виноделен не пропускали) спросили Кимиковского, как его зовут. Он назвался своим новым – мусульманским именем – Баграм. Они предложили ему поехать с ними в Стамбул.

Таким образом, около 1593 г. Кимиковский оказался в новой неволе в турецкой столице, так как упомянутые вояки продали его за 40 червонных

---

[83] Возможное прочтение – «*земли Муринской*». *Murzyn* (пол./старопол.) – чернокожий, негр.

[84] Возможно, вариация на тему *Тетуан, титван* (араб. «око, источник, фонтан»)?

злотых, а сами поехали на войну в Венгрию. Но оставаться невольником Кимиковский не желал. Он воспользовался тем, что ходил свободно, без кандалов, и уже хорошо разбирался в турецких реалиях. Он подговорил на побег еще пятерых невольников, и они двинулись к Дунаю.

Но беглецам не повезло – уже около Дуная, их поймали. Кимиковский выдал себя за солдата из Семигородья[85] – шляхтича по происхождению. Его с двумя товарищами продали в неволю еврею в г. Куручесме (за 2 мили от Стамбула, на европейской стороне Босфора). Работать Кимиковский снова должен был на винодельне.

Здесь произошел второй случай гомосексуальных домогательств к герою повествования. Пашковский подчеркивает, что неволя у евреев такая же как и у турок. Хотя новым ухажером-содомитом назван все-таки молодой турок (а не какой-то еврей). Его насмешливые слова и привели Кимиковского в ярость он схватил с земли камень и метнул его в грудь насмешнику, который от удара умер.

Турки вызвали на суд в Стамбул еврея-владельца, обвинив его как ответственного за поведение своего невольника. Перепуганный еврей велел сыну заковать Кимиковского в кандалы. Но ему удалось освободиться от них и пойти пешком в стамбульскую гавань, где он поступил служить на султанские военные галеры.

На турецком флоте Кимиковский добровольно, но как невольник, прослужил пять лет, освоив морскую науку. Обучали его и стрельбе из пушки, поэтому, когда к адмиралу-Абраму-Челеби в Кассим-Баши (предместье Стамбула) с инспекцией приехал сам суровый султан Мурат[86], турецкий флотоводец решил козырнуть такой диковинкой, – как парень из Польского края[87], который неплохо учится морскому делу. Адмирал велел Кимиковскому попасть из пушки в птицу (с лебедя величиной), что сидела на воде.

Но молодой человек испугался, что в случае успеха его могут забрать в султанский дворец-гарем, где сделают слугой-евнухом. Он намеренно промахнулся и попал в турка-перевозчика, который стоял около причала.

---

[85] Выдача себя за венгра может рассматриваться как подтверждение, что внешне Кимиковский был смуглый брюнет.

[86] *Мурад III* – турецкий султан (1574 – 15.I.1595). Поэтому, информацию о 5 годах службы Кимиковского не стоит понимать дословно. Рассказчик явно припомнил просто наиболее яркий эпизод (1594 г.?) за эти «пять лет».

[87] Обратим внимание на этот факт – украинец (=подданный Польской Короны) на турецких галерах в конце XVI в. – это редкость! Широкоизвестный фольклор о казаках – галерных невольниках – отзвук ситуации уже первой половины XVII в. Думаю, даже первое сочинение о казаке-галернике конца XVI в. – «Дума о Самойле Кошке» – реакция именно на «новизну» явления.

Адмирал испытал стыд. Поэтому после того, как султан уехал, он дал волю гневу. Схватил ружье-янычарку и хотел прикладом ударить Кимиковского в лоб. Он отклонил голову, и удар пришелся на ключицу левого плеча, кость сломалась.

Раненого (впервые в уже значительной боевой жизни Кимиковского) лечили у врача в Константинополе, который наложил ему деревянные шины. Но, несмотря на муки лечения, кость срослась не идеально – остался заметный след.

Кимиковский неоднократно плавал как по Черному, так и Средиземному морю, принимал участие в морских боях турок. Наиболее знаменательной для него стала битва 1597 г. на Средиземном море 70 французских, испанских и английских галер против 100 турецких[88]. Бились упорно, бой шел с утра до ночи; турки проиграли: потеряли 30 галер, кроме того, на оставшихся 70 были большие потери в людях – 10 тыс. погибших.

После этого сражения – на 6-й год морской службы Кимиковского – ему представился шанс на освобождение. Разбитый турецкий флот тогда вернулся в Константинополь. Вскоре отсюда две галеры (экипаж до 3 тыс. турок и свыше 800 невольников) снова пошли в рейд на Средиземное море. Во время мусульманского праздника, когда большинство турок сошло на берег, а в карауле остались лишь 400 человек, невольники-христиане восстали. Им удалось одолеть караульных, захватить оба корабля и уплыть в море.

По дороге к испанским владениям, около Негропонта (о. Эвбея в Греции), им встретилось еще одно турецкое судно. Его также захватили, получили немалую добычу, турок перебили или взяли в плен, пленных-христиан освободили (судно, видимо, уничтожили, т. к. в рассказе третий корабль не фигурирует).

Далее прибыли к испанскому замку «Зант» (о. Закинф в Греции, с западной стороны Пелопоннеса). В замок их не пустили, побаиваясь незнакомцев; лишь как чужеземцам (т. е., наверное, недешево) продали припасы на дорогу и дали письма в Испанию. Туда они и отплыли.

Прибыли в какой-то заметный испанский порт. Среди освобожденных были люди разных народов, в т. ч. англичане, французы, испанцы, итальянцы, а также венецианцы и флорентийцы.

---

[88] Упоминание англичан сомнительно, т. к. они с испанцами тогда находились в состоянии войны (англо-испанская война 1587–1604 гг.). Наиболее вероятным представляется столкновение с турками испанского флота из итальянского Неаполя (под командованием Педро де Толедо Осорио, 1546–1627). Количество кораблей и моряков, скорее всего, сильно завышено рассказчиком.

Месяц они ожидали прибытия самого испанского короля[89]. Он осмотрел корабли. Один велел оставить в Испании. Оставили и турок-военнопленных для дальнейшего обмена на христиан. Второй корабль, обеспечив его припасами и письмами-рекомендациями, отослали в Венецию. На нем поплыл и Кимиковский.

Из Венеции, где пробыл 33 дня, герой повествования осуществил довольно рискованое (время от времени его задерживали, подозревая в шпионстве в пользу турок) путешествие по Италии в Рим, где освобожденный невольник надеялся присоединиться к свите папского посла-легата в Польшу Германика Маласпины. Ему это удалось, и в марте (после Пасхи) 1598 г. Кимиковский отбыл на родину.

Здесь первым делом он осуществил давно обещанное себе и Богу паломничество в Ченстохову. А дальше должен был побеспокоиться и о средствах к существованию. Как давнему вояке для него естественным было наняться снова в войско. Поэтому Кимиковский уже во второй раз связывается с казаками[90] и подается с ними в Валахию на службу к господарю Михаю Витязю (1558–1601). Последний с 1595 г. вел войны за объединение румынских княжеств и освобождение от турецкой зависимости. Как пишет Пашковский[91]:

[Kimikowski przy Mihalu.]
…do Siedmigorodsiego przystał Woiewody/
Mihala/ tamże znacznie nagradzał swe szkody.
Gromiąc woyska Tureckie z mężnemi kozaki/
Za Dunaiem/ gdzie y dźiś iescze widać znaki.
Pola same tameczne świadectwo wydaią/
Co Tureckie mogiły y dźiś w sobie maią.

[*Кимиковский при Михае.* …к Семигородскому пристал воеводе, Михаю. Там же заметно вознаградил свои потери, громя войска турецкие с мужественными казаками. За Дунаем, где и ныне еще видно знаки – сами поля тамошние свидетельства подают, ведь могилы турецкие и теперь у себя имеют.]

Потом, когда в 1600 г. Я. Замойский велел подданным Короны Польской оставить Михая, Кимиковский стал под победные знамена этого великого гетмана. Последний не очень доверял казакам, из-за их еще памят-

---

[89] Речь идет, по-видимому, об испанском вице-короле Неаполя (тогда это Енрике де Гусман и Рибера, 1540–1607), а неназванный испанский порт находился, скорее всего, в Южной Италии.

[90] Запорожцы еще после погрома Наливайка 1596 г. в значительном количестве пошли на службу к трансильванскому воеводе Сигизмунду Баторию и были заметны в войнах на румынских и венгерских землях (об этом упоминал, в частности, Б. Папроцкий в «Саде королевском», изданном в Праге 1599 г.).

[91] В оригинале это: *Paszkowski Marcin.* Dzieje tureckie y utarczki Kozackie z Tatary… S. 45.

ной «наливайковской» провинности и михаевой службы. Польский командующий послал их впереди войска[92], поэтому неудивительно, что казацкие потери были значительны. Остался на поле битвы и Якуб Кимиковский, окровавленный он лежал между трупами, уже ободранный трофейщиками, и лишь ночью очнулся, пришел в себя и тихонько поковылял в свой лагерь (кажется, это ночь на 20-е октября, переломная схватка была еще впереди; в тексте есть оговорка, что дальше Замойский их «спасал», то есть бросил в бой главные силы).

После этого ранения Кимиковский предпочел завершить свою военную карьеру[93]. Он не без трудностей добирается до украинских земель (до «краю Руского») вместе с «братом»[94] Шамтухом и каким-то Ксенским (Князьский? Ксьондзский?). Они идут служить «с дел зацных славному» пану – Яну Вольскому из Петликовиц (наверное, с. Старые Петликовцы Бучацкого р-на Тернопольской обл.)[95]. Так прожили «два лета». Тогда же услышали о смерти Михая (погиб 9 августа 1601 г.). Затем вместе со своим паном поехали в Краков, где и продолжили службу («время немалое») до смерти Я. Вольского. В конце концов Кимиковский отправился на родину доживать свой век в покое, полагаясь на покровительство Девы Марии.

* * *

Подводя итоги, отметим, что в случае с «Историями турецкими и схватками казацкими с татарами» (1615), сочинением М. Пашковского, в котором представлен рассказ об авантюрной жизни Я. Кимиковского, мы имеем дело с невольничьим нарративом – темой, безусловно, подлинно и имманентно (хоть и не исключительно) украинской. Хрестоматийный потенциал этого польскоязычного произведения действительно высокий и на удивление до сих пор не оцененный (смесь разных турецко-ориентальных мотивов и сюжетов, в которые вплетает эту историю Пашковский на сего-

---

[92] Речь идет, наверное, о битве под Буковым (Румыния) 20.X.1600 г. Она действительно началась с того, что Замойский послал пехоту вперед – копать под вражеским огнем окопы-шанцы и устанавливать пушки напротив лагеря Михая.

[93] Позже М. Пашковский в сочинении «Chorągiew sauromacka w Wołoszech, to jest pospolite ruszenie i szczęśliwe zwrocenie Polakow z Wołoch, w roku teraźniejszym 1621» / «Сарматская хоругвь в Валахии» (Краков, после 9.X.1621) писал, что о запорожцах «*бают, что эти Юноши [дословно «Юнаки»] девять душ имеют*» (s. 4 – вероятно это вариация на тему присказки «казацкому роду – нет переводу»), но, как видим, Я. Кимиковский не рвался подтвердить эту байку о казацком бессмертии.

[94] Не могу сказать точно, речь идет о *брате кровном* или все-таки о казацком братчике-*побратиме*?

[95] Возможно, тождественен *Яну Вольскому, «дедичу»* (т. е. наследственному владетелю) *«на Подгайцах» 1583 г.*, о котором давний польский генеалог К. Несецкий знает, что он был женат на дочке Юрия Язловецкого, великого гетмана коронного (1569–1575).

дня уже не современная литературная норма, но это не оправдание в случае рецепции старинного текста начала XVII в.).

Наконец вернемся к началу сочинения М. Пашковского и напомним, что в латинском рифмованном предисловии (авторства Стефана Фаркоча – венгра, который шесть лет, как и Кимиковский, провел в турецком плену) авантюрного героя «Историй турецких» сравнивают с Улиссом-Одиссеем. И действительно повествование уж очень напоминает приключенческий роман, времена бешеного успеха которого как раз наступили в Европе. Тем более интересной представляется «украинская ветвь» в родословии этого заметного литературного «жанра», поэтому полезно должным образом прописать ее в истории как отечественной, так и мировой (востоковедческой) историографии.

А в сугубо украинском контексте «Истории турецкие» – это уникальное свидетельство первых времен существования казацкого Запорожья. Лучшего описания первоначального «казацкого кочевания» до сих пор не известно.

§ 3. Запорожцы и пленные турки в российской крепости Азов: эпизоды повседневности

В. В. Грибовский

Тема военного плена в Османской империи занимает особенное место в национальных историографиях Восточной и Центрально-Восточной Европы. Огромное и не поддающееся даже приблизительному определению количество пленников, выведенных из этих регионов и поглощенных рабовладельческой системой *Pax Ottomanica* в XV–XVII вв., отразилось в огромном массиве источников, в значительной мере освоенных научными и художественными практиками историописания XIX – начала XX вв. Именно тогда, в эпоху создания национальных исторических нарративов, образ турок и «татар» (главным образом, крымских татар и ногайцев) получил завершенные очертания как поработителей европейских народов. Предыдущие конструкты – «враги християнского мира» (концепт «священных лиг» 1538, 1571, 1684, 1717 гг.), «радетели рабства и деспотии» (тезис эпохи Просвещения) – в XIX в. национальные идеологии привели в соответствие со своими целями и задачами. На первый план вышло значение «национального угнетения», служившее конструированию новых массовых идентичностей. Остроты́ этому значению придавала борьба балканских народов за независимость от Османской империи и другие составные части восточного вопроса. В специфических условиях Украины прославление казачества было возможным только при его гипертрофированном противопоставлении образам «турка-янычара» и «татарина-людолова», находившем соответствия в фольклорных источниках, «открытых» историографи-

ей эпохи романтизма. Небольшая книжка М. П. Драгоманова «Про українських козаків, татар та турків» (Киев, 1876), лаконично очертила образный ряд и схему его трансляции в научную и художественную литературу[96], формирующую массовые исторические представления.

Эта нарративная практика густой тенью покрыла другую сторону реальности – разрушительное воздействие европейских держав на Османскую империю и, как следствие, их войн, – массовое нахождение в плену турок, крымских татар, ногайцев и других османских подданных[97]. Можно привести массу примеров, резко контрастирующих с этим нарративом. Так, по сообщению от 1 февраля 1710 г., «запоросцы и черкасы» пленили и продали туркам 400 шведов, об освобождении которых шведский король Карл XII хлопотал в Стамбуле[98]. Документ, датированный 14 февраля 1711 г., сообщает о том, что запорожцы, захватившие Новосергиевскую крепость в Присамарье, «всех москалей (русских солдат. – *В. Г.*) новосергиевских пленя, хану жаловали»[99]. Да и с украинцами случалось поступать так же: в июле 1712 г. запорожцы и крымцы, стоявшие общим кошем у р. Казенный Торец (Донецкая обл., Украина), захватили солеваров и крестьян, которые ездили за дровами[100].

Этот человеческий опыт, почти не освоенный исторической литературой[101], только в последнее время становится предметом изучения. Ис-

---

[96] *Кримський А.* Про долю українських полоняників у Кримському ханстві // Студії з Криму I–IX. / ред. А. Е. Кримський. Відбитки з Записок Історично-філологічного відділу ВУАН (Збірник 89). К., 1930. С. 14–17; *Он же.* Історія Туреччини. Київ; Львів, 1996. С. 182–200; *Дашкевич Я.* Україна вчора і нині. Нариси, виступи, есе. К., 1993. С. 100–107; *Он же.* Ясир з України (XV – перша половина XVII ст.) як історико-демографічна проблема // *Дашкевич Ярослав.* Майстерня історика: Джерелознавство та спеціальні історичні дисципліни. Львів. С. 257–265. Из литературно-художественных произведений, ярко представляющих этот нарративный подход, отметим роман З. П. Тулуб «Людоловы» (1934–1937; первая публикация – 1958).

[97] Рассмотрение этого вопроса см.: *Брехуненко В. А.* Козацький ясир і торгівля ним у XVI – першій половині XVII ст. // Історія торгівлі, податків та мита. Збірник наукових праць. Дніпропетровськ, 2010. № 1 (1). С. 96–112.

[98] ОР РНБ. Ф. 905. Оп. 2. Д. Q–344. Л. 4.

[99] РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 14. Л. 3–4.

[100] РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 34. Л. 63–63 об.

[101] Можно отметить лишь отдельные публикации мемуаров о нахождении турецких пленных в России: Записки Мухоммеда Неджати-эфенди, турецкого пленного в России в 1771–1775 гг. // Русская старина. 1894. Т. LXXXI. Март. С. 113–134; Апрель. С. 179–208; Май. С. 144–169; *Полетика П.И.* Мои воспоминания // Русский архив. 1885. Кн. 3. Вып. 11. С. 307; *Rommel Ch.* Erinnerungen aus meinem Leben und aus meiner Zeit // Geheime Geschichten und rätselhafte Menschen. Sammlung verborgener oder vergessener Merkwürdigkeiten / Hrsg. von E. Bülau. Leipzig, 1854. Bd. 5. S. 421–600; русский перевод этого издания: Пять лет из истории Харьковского университета. Воспоминания профессора Роммеля о своем времени, о Харькове и Харьковском университете (1785–1815). Харьков, 1868. С. 46–47, 80–83; украинский перевод: *Роммель К.-Д.* Спогади про моє життя та мій час / пер. з нім. В. Л. Маслійчук, Н. А. Оніщенко, передм. В. В. Кравченко,

следование военного плена как массового феномена двух мировых войн[102] актуализировало разработку проблематики, связанной с турецкими пленными в России, прежде всего, в период XIX – начало XX в.[103] Режим их содержания в Российской империи в течение последней трети XVII – начала XX в. впервые комплексно рассмотрел В. В. Познахирев, отметив общие тенденции в изменении их правового статуса в сравнении с другими категориями военнопленных[104]. Но в целом эта проблематика находится в начальной стадии разработки, требующей введения новых источников в научный оборот и апробации новых подходов.

В основу этого исследования положены документы Государственного архива Воронежской области (ГАВО), отражающие отдельные черты повседневности турецких военнопленных, содержащихся в российской крепости Азов в 1700–1702 гг. Эти документы отложились в фонде И–5 ГАВО, хранящем остатки архива Азовской приказной палаты (избы). Это

комм. В. Л. Маслійчук. Харків, 2001. 236 с. Пленные турки и крымские татары в большинстве рассматривались в контексте их обмена на «русских пленников»; по этому поводу см.: *Лохвицкий А.В.* О пленных по древнему русскому праву (XV, XVI, XVII века). М., 1855. 115 с.; *Гессен Ю.* Пленные в России с древних времен. Вып. 1. Выкуп пленных. Пг., 1918. 84 с.

[102] *Лавров А. С.* Военный плен и рабство на границах Османской империи и Российского государства в XVII – начале XVIII века // ГИИМ: Доклады по истории 18 века – DHI Moskau: Vortrage zum 18. Jahrhundert. – 2010. Электронный ресурс: http://www.perspectivia.net/content/publikationen/vortraege-moskau/lavrov_kriegsgefangenschaft

[103] *Миловидов Б. П.* Военнопленные в Ярославской губернии в 1812–1814 гг. // Отечественная война 1812 года и российская провинция: События. Люди. Памятники. Малоярославец, 2003. С. 142; *Он же.* Турецкие военнопленные в России в 1812 г. // Вопросы истории. 2008. № 10. С. 91–98; *Крючков И.В.* Военнопленные Австро-Венгрии, Германии и Османской империи на территории Ставропольской губернии в годы первой мировой войны. Ставрополь, 2006. 121 с.; *Маслійчук В. Л.* Провінція на перехресті культур: Дослідження з історії Слобідської України XVII–XIX ст.: Харків, 2007. С. 61–74; *Самович А. Л.* Османские сюжеты русского плена // Родина. 2010. № 6. С. 42–45; *Kutlu C.* Dunya savası'nda Rusya'daki Turk esirleri // Ataturk Universitesi Turkiyat Arastırmaları Enstitusu Dergisi. Cılt 17, Sayı 43 (2010). Электронный ресурс: http://edergi.atauni.edu.tr/index.php/taed/article/viewFile/2705/2690.

[104] *Познахирев В. В.* Турецкие пленники в войнах России за 1677–1917 гг.: автореф. дис. ... к. и. н. Курск, 2012. 24 с.; *Он же.* Эволюция положения турецких военнопленных в России в конце XVII – начале XX в. // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2011. № 3(19). Т. 2. http://scientific-notes.ru /index.php?page=6&new=21; *Он же.* Пленные турки при российском императорском дворе в XVIII–XIX вв. // Гуманитарные научные исследования. Май, 2012. Электронный ресурс: http://human.snauka.ru/2012/05/1132; *Он же.* Православные монастыри… для турецких военнопленных // Гуманитарные научные исследования. Май, 2012. Электронный ресурс: http://human.snauka.ru /2012/05/1080.

административное учреждение вместе с Троицкой приказной палатой осуществляло военное и гражданское управление Северно-Восточным Приазовьем от времени завоевания российскими войсками Азова в 1696 г. и до его возвращения Османской империи в начале 1712 г. Часть архива Азовской приказной палаты оказалась в Воронеже в результате эвакуации российской администрации из Азова в 1711 г.[105]

В начале XVIII в. Азов был крайним южным пунктом российских владений на границе с Османской империей. 19 июля 1696 г., когда капитулировал турецкий гарнизон Азовской крепости, россияне получили разрушенный город без «фундаментальных» жителей[106]. Последние оборонцы Азова и Лютика получили гарантии свободного выхода и неприкосновенности личного имущества – «им и женам их и детям учинена свобода, и [они] отпущены вниз до речки Кагальника на осмнадцати бударах»; российское командование разрешило турецким конникам сесть на турецкие корабли, а ногайские всадники, также принимавшие участие в обороне Азова, «вся разбежались»[107].

Часть азовских пленников отправили в Москву, где 30 сентября 1696 г. царь Петр устроил «римский триумф» по случаю взятия Азова; во время торжеств пленные турки были расставлены вдоль дороги, по которой шествовали победители[108]. По состоянию на сентябрь 1699 г., в азовском «тюремном дворе» содержали 131 пленных турок и «татар» (крымские татары и ногайцы); среди других колодников упомянуты 269 малолетних стрельцов из московских полков, восставших под Москвой в 1698 г., и еще несколько человек разного происхождения, всего – 404. В общей сложности, с конца 1696 по 1701 г. в Азов отправлено 603 колодника[109]. По своему правовому статусу и условиям содержания турки почти не отличались от российских невольников, направленных на каторжные работы в Азов. Согласно выводу В. В. Познахирева положение турецких пленников было значительно хуже, чем шведских и речпосполитских: «К исходу XVII столетия в Московском государстве сформировались два самостоятельных подхода к режиму военного плена, обусловленные различным характером его отношений с Востоком и Западом. Так, если соглашения России с Литвой, Польшей и Швецией “о недержании пленных в темницах

---

[105] *Аваков П. А.* Северо-Восточное Приазовье в составе Российского государства в конце XVII – начале XVIII вв.: завоевание, колонизация и управление: дис. ... к. и. н. Ростов-на-Дону, 2011. С. 24–25.

[106] Письма и бумаги Петра Великого. Т. I. (1688–1701). СПб., 1887. С. 111.

[107] Поход боярина и большаго полку воеводы А. С. Шеина к Азову, взятие сего и Лютика города… / сост. В. Г. Рубан. СПб., 1773. С. 127–128.

[108] *Болтунова Е.* Шведские военнопленные в триумфах Петра Великого // XV конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии: тезисы докладов. Ч. 1. М., 2004. С. 91.

[109] *Аваков П. А.* Северо-Восточное Приазовье в составе Российского государства… С. 159–160.

и оковах” были достигнуты уже к началу XVII в., то турецкие пленники (правда, лишь рядовой состав) содержались в колодках наравне с преступниками вплоть до конца русско-турецкой войны 1735–1739 гг. Если по заключению мирных договоров с перечисленными государствами полный размен пленными без выкупа стал правилом уже в XVI– XVII вв., то аналогичная норма в отношениях с Турцией впервые появляется лишь в Прутском договоре 1711 г.»[110]. К этому выводу следует добавить одну поправку: статья IX российско-турецкого мирного договора, подписанного в Стамбуле в 1700 г., предусматривала освобождение подданных обеих держав, взятых в плен во время войны «честною разменою по частям»[111].

Итак, содержание пленных турок в Азове предназначалось для их обмена на российских подданных, находящихся в Османской империи. До того момента их могли использовать и в качестве гребцов на галерах, и как чернорабочих на корабельных верфях и разного рода строительных работах. В одном из своих докладов Ф. М. Апраксин упомянул невольников на галере капитана Стация; о них Петр I в декабре 1703 г. вынес резолюцию: «Чтоб зимою поспели на Олонец; туды ж и здешних татар и турок», а другую группу пленных, находящуюся в Воронеже, – всех «татар» и турок, приказал отослать в Москву[112]. В апреле 1700 г. в Азове упомянуты «турчаны и татары», которые «приняты с галер» в «тюремном двор»[113]. Кроме того, турки и «татары», содержащиеся в тюрьмах, привлекались для перевода писем, полученных азовским воеводой из Крыма. Так, турчин Алейко (Али) Меметев читал эти письма, а «с турецкого языка на рускои переводил толмачь Костентин Матвеев»[114]. Что примечательно, документы не упоминают случаев бегства турецких и «татарских» пленных, в то время как побеги из Азова разного звания «руских людеи» были массовым явлением.

Если отправка турок и «татар» в Олонец означала их каторжную работу на самой крупной корабельной верфи России того времени[115], из которой возврата практически не было, то отсылка в Москву была связана с переговорами про обмен пленными, которые вел Посольский приказ с турецкими представителями[116] при посредничестве украинского гетмана

---

[110] *Познахирев В.В.* Эволюция положения турецких военнопленных в России в конце XVII – начале XX в. // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2011. № 3(19). Т. 2. Электронный ресурс: http://scientific-notes.ru/pdf/021-015.pdf.

[111] ПСЗ. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 4 (1700–1712 гг.). С. 70–71.

[112] Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 2. С. 298–299.

[113] ГАВО. Ф. И–5. Оп. 1. Д. 221. Л. 2.

[114] Там же. Оп. 2. Д. 243. Л. 7, 14.

[115] Олонецкая верфь находилась в устье р. Свирь, что на восточном побережье Ладожского озера; в 1703–1706 гг. здесь построили первые корабли Балтийского флота России (*Богатырев И.В.* Верфь в Лодейном поле // Судостроение. 1982. № 12. С. 46–50).

[116] *Познахирев В.В.* Турецкие пленники в войнах России… С. 19.

И. С. Мазепы[117]. Грамота царя азовскому воеводе С. Б. Ловчикову от 27 февраля 1702 г. дает представление о подходе российской стороны к этому обмену: «за донского казака за Саву Сергеева, которои был на Кубани в полону, дать в Азове на розмену черного татарина из наличных татар, которые ныне в Азове есть налицо, *и которои из них поплоше*, а впредь, за руских полоняников, которые взяты в полон на наших, великого государя службах, а учнут их вывозить ис Крыму и с Кубани для розмены, давать ис черных же татар плохих и болных, и которые явятца из наличных худые, а знатных татар и добрых и здоровых мимо болных и худых не отдават»[118]. Вероятно, турецкий султан и крымский хан руководствовались подобным подходом к этому делу.

Азовская каторга на рубеже XVII–XVIII вв. стала главной в Российском государстве. За несколько лет в Северном Приазовье появились новые города: Азов, Петровское, Троицкое, Таганрог, жители которых в своем большинстве оказались здесь не по своей воле. Таковыми были ссыльные поселенцы, русские казенные и крепостные крестьяне, присланные по наряду, разного рода колодники. Были и пленные шведы, посаженные «на пашню […] за Таганрогом в новом валу»[119]. Добровольные поселенцы получали разные льготы, им строили дома из казенной древесины под их обязательство вносить в течение двух лет плату только для возмещения стоимости строительных работ[120]. Пестроты этому «Вавилону» добавляли западноевропейские военные и инженерные специалисты, а также донские и запорожские казаки, служившие по вольному найму; их положение выгодно отличалось от основной массы азовских жителей.

Первые 60 запорожцев прибыли в Азов осенью 1796 г., вероятно, сразу же после захвата турецкой крепости. Некоторые из них принимали участие в осаде Азова в составе охочекомонного полка Ф. С. Кожуховского[121]. О них, а также о 84 новых пришельцах из Сечи, упомянуто в царской грамоте от 4 февраля 1697 г. В ответ на сообщение азовской администрации об их желании поступить на царскую службу, Петр I приказал отобрать из

---

[117] Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 2. С. 544.

[118] ГАВО. Ф. И–5. Оп. 2. Д. 344. Л. 1. Про отбор в Азове для обмену «черных татар, самых плохих и худых и дряхлых и незнатных» говорилось в другой грамоте Петра I, адресованной азовскому воеводе и писанной в Москве 10 марта 1702 г. (Воронежские акты. Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Издание Воронежского губернского статистического комитета. Т. I. Воронеж, 1887. С. 199).

[119] Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 2. С. 203.

[120] *Филевский П. П.* История города Таганрога. Таганрог, 1996 (репринт издания 1898 г.). С. 57.

[121] *Аваков П. А.* Запорожские казаки на службе в Азове в 1696–1711 гг. // Заповідна Хортиця. Матеріали міжнародної науково-практичної конференції «Історія запорозького козацтва в пам’ятках та музейній практиці». Спеціальний випуск. Зб. наук. праць. Запоріжжя, 2011. С. 24.

них 50 чел., лучше других экипированных, «в конскую службу», с годовым жалованьем 5 руб. каждому; остальных же записать в «пешую службу», с выдачей 3 руб. годовой платы и «хлебного жалования» в том объеме, что и людям, которые «присланы будут в Азов на вечное житье». О новых выходцах из Запорожья азовские власти должны были сообщать в Пушкарский приказ, которым руководил ближний боярин А. С. Шеин[122], победитель турок под Азовом.

Условия, предложенные запорожским конникам, сперва предназначались донским калмыкам улуса Дигилея, которые принимали участие в боях под Азовом летом 1696 г.[123] и которых азовские власти приглашали перекочевать для охраны новых российских границ, но Дигилей отказался[124]. Не очень охотно шли служить в Азов и донские казаки; об этом можно судить хотя бы по тому, что их численность в азовских конных полках была меньшей, в сравнении с запорожцами. К 9 февраля 1797 г. в Азове уже была сформирована команда из 124 запорожских казаков во главе с атаманом Матвеем Степановым (Степановичем)[125], которые на том момент уже несли сторожевую и караульную службу. Об этом свидетельствует датированное тем же днем сообщение о препровождении ими к Азовской приказной избе шести беглецов из крымского плена[126]. В апреле 1797 г. в Азов приплыло на лодке 23 запорожца во главе с атаманом Гаврилой Михайловичем. О себе они сообщили, что 4 недели тому на Запорожье собралось 400 казаков, которые решили идти в Азов для найма на царскую службу, однако на р. Берда на них напали крымские татары, забрали всех коней, трое запорожцев попало в плен[127].

В конце XVII в. Запорожская Сечь испытывала острые внутренние потрясения. Запорожцы разделились на группировки. К прежнему разделению ориентаций – на Речь Посполитую и Российское государство, – сложившемуся во второй половине 1650-х годов, добавилась «партия», выступавшая за союз с Крымским ханством и ратовавшая за сохранение традиции избрания украинских гетманов на Сечи. Усиление последней привело к провозглашению в гетманы Петра Иваненко (Петрика) в 1692 г., который заключил с крымским ханом Сафа-Гиреем «Вечный мир княжества удельного Киевского и Черниговского, и всего Войска Запорожского Низового, и народа малороссийского»[128]. Борьба гетмана И. С. Мазепы с П. Иваненко негативно отразилась на положении значительной части запорожских казаков, которые в большинстве своем традиционно проводили летний сезон на Низу Днепра, а зиму пережидали «на волости», т. е. в го-

---

[122] ГАВО. Ф. И–5. Оп. 2. Д. 46. 1697 г. Л. 1–2, 4.
[123] Письма и бумаги Петра Великого. Т. I. СПб., 1887. С. 71, 73, 74.
[124] ГАВО. Ф. И–5. Оп. 2. Д. 46. 1697 г. Л. 2 об.
[125] Там же. Л. 2.
[126] Там же. Л. 3 об.
[127] *Аваков П. А.* Запорожские казаки на службе в Азове… С. 25.
[128] РГАДА. Ф.123. Оп. 4. Д. 24. 1693 г. 15 л.

родах и селах Гетманщины. Сказалось и общее истощение Украины от войн, длившихся почти полвека. Как говорилось в одном сообщении того времени, «меж ними такое суть товарыщество, которое наго и босо обретаетца, за которою своею наготою никуда с становища итить не может»; они готовы принять царское жалование, однако на него смогут купить только себе одежду, а потому предпочитают и дальше оставаться «на волости», если гетман Мазепа их силой не выгонит на Сечь[129].

Участие запорожцев в войне с Османской империей и Крымским ханством становилось все более проблематичным. По сообщению от 4 сентября 1797 г., запорожские казаки, несшие гарнизонную службу в Таванском городке (район современного г. Берислав, Херсонская обл., Украина), самовольно вернулись в Сечь, свергли кошевого атамана и избрали себе нового; а весной того же года в польские владения ушло 40 пеших и 80 конных казаков, собиралась еще одна команда для следования в том же направлении[130]. Таким образом, группы запорожцев, прибывавшие в российский Азов в конце 1696 – в начале 1697 гг., уходили из Сечи по той же причине, но по другим политическим мотивам.

Далеко не все запорожцы, прибывавшие в Азов, имели при себе все необходимое для казачьей службы. 9 февраля 1697 г. в Азовской приказной избе их атаман Матвей Степанов (Степанович) сказал: «они великому государю в конной службе служить готовы, а что де великого государя жалования конным велено дават по пяти рублев человеку на год, и у них де, атамана Матвея и казаков, служивого годного ружя и конской збруи нет и на те денги, на пять рублев, купить нечем»[131]. Летом 1697 г. ближний боярин и воевода Большого полка А. С. Шеин приказал сформировать из них конный полк и назначить его полковником Матвея Степанова. Тогда же сформировали и другой конный полк – из донских казаков и разного роду людей, его полковником стал Афанасий Колошин. По окончании военной кампании того года, А. С. Шеин распорядился о переформировании обоих казацких полков, определил их численность в 250 чел. и установил годовое жалование рядовых казаков по 10 руб. с выдачей казенного провианта – наравне с астраханскими конными стрельцами. Кроме того, для покупки лошадей всем казакам выдали по 10 руб. Летом 1699 г. Шеин провел смотр казацких полков и признал годными к службе в запорожском конном полку 246 чел., а в полку А. Колошина – всего 82 чел. Остальных уволили по причине отсутствия коней: «те конные казаки пьяницы, и лошадей у них никогда своих нет». Численность казаков в обоих полках было приказано довести до 500 и раз в году доукомплектовывать их за счет новоприбывших запорожцев при условии, что они будут при собственных конях и хорошо себя зарекомендуют[132].

---

[129] *Эварницкий Д. И.* Источники для истории запорожских козаков. Т. 1. Владимир, 1908. С. 718.
[130] Там же. С. 707, 708–709.
[131] ГАВО. Ф. И–5. Оп. 2. Д. 46. 1697 г. Л. 3.
[132] *Аваков П. А.* Запорожские казаки на службе в Азове… С. 25.

Как оказалось, запорожцы лучше адаптировались к условиям жизни в российском Азове. Они несли сторожевую и караульную службу, выискивали татарские сакмы, сопровождали должностных лиц и заключенных, были незаменимыми в отражении набегов крымских татар и ногайцев. Хотя удача не всегда была на их стороне. Так, в марте 1698 г. Матвей Степанов отпустил 15 казаков своего полка за сеном к р. Кутюрьма (рукав Дона), где на них напали какие-то «мужики человек со сто», в ходе перестрелки убили 6 и отбили 24 лошадей, взяли в плен одного казака[133]. В наказание за оплошность, запорожского полковника по приказу азовского воеводы А. П. Прозоровского на целый день приковали цепью к пушке[134], вероятно, оставив для всеобщего обозрения. В июне того же года в бою с кубанскими ногайцами у р. Кагальник М. Степанов погиб, А. Колошин и многие казаки обоих казачьих полков попали в плен[135]. Запорожский конный полк возглавил Николай Васильев (Васильевич), ранее бывший есаулом. Согласно штатному расписанию 1699 г., в составе каждого казацкого азовского полка находились: полковник, писарь, есаул, 4 капитана, 3 пятидесятника, 13 десятников, 266 казаков и 2 слободчика; в июне 1700 г. капитаны и есаулы стали ротмистрами[136].

По замечанию П. А. Авакова, запорожский конный полк был одним из немногих высокомобильных боеспособных подразделений Азова, которые эффективно противодействовали крымским татарам и ногайцам. В 1708 г. азовские запорожцы приняли активное участие в подавлении восстания донских казаков под предводительством Кондратия Булавина[137]. Они не были замечены в связи с выступлением гетмана И. С. Мазепы и запорожского кошевого атамана Ф. Орлика в 1708–1709 гг., а после возвращения Азова Османской империи в 1711 г. их полк разместили в Транжементе, невдалеке от Черкасска – столицы Войска Донского. Н. Васильев стал родоначальником дворянской донской фамилии Васильевых[138]. Итак, это было элитное военное формирование, служба которого высоко ценилась азовскими властями, а его лояльность обеспечивалась особым положением. Об этом можно судить хотя бы по тому, что годовое содержание конного казака обходилась царской казне существенно дороже, в сравнении с рядовым солдатом; им позволяли гораздо больше вольностей, чем нижним и средним армейским чинам.

---

[133] Степове порубіжжя XVII – поч. XVIII ст. у документах Державного архіву Воронізької області РФ / упор. В. Грибовський. К., 2016. С. 55.

[134] *Аваков П. А.* Запорожские казаки на службе в Азове… С. 25.

[135] Степове порубіжжя XVII – поч. XVIII ст. у документах Державного архіву Воронізької області. С. 57–59.

[136] *Аваков П. А.* Запорожские казаки на службе в Азове… С. 26; Степове порубіжжя XVII – поч. XVIII ст. у документах Державного архіву Воронізької області. С. 63–64.

[137] *Аваков П. А.* Северо-Восточное Приазовье в составе Российского государства… С. 216–218, 253, 258–259, 278, 295.

[138] *Он же.* Запорожские казаки на службе в Азове… С. 26.

Первоначально управление этой командой осуществляли носители традиционных запорожских рангов: атаман – М. Степанов, есаул (осавул) Н. Васильев, писарь – некий Лесько (Александр или Алексей)[139]. Эта традиционная структура, вероятно, осталась в неофициальной силе и после введения в запорожском полку официальных чинов (капитан, ротмистр). Особые порядки и особый характер службы требовали отведения особого места жительства для азовских запорожцев. Сначала их разместили на правом берегу Дона, на месте бывшего редута, возведенного во время первой осады Азова в 1695 г.; здесь построили четыре избы и амбар. В 1697 г. городок преобразовали в город Петровский, где расположилось шесть казачьих куреней для проживания 250 казаков[140], т. е. примерно по 40 чел. в каждом. Таким образом, размещенные в отдельном месте вблизи Азова запорожцы, воспроизвели здесь порядки, характерные для Запорожской Сечи, расположившись в традиционных куренях, исключавших присутствие женщин, а не отдельных семейных хатах; на сохранении общности их имущества указывает наличие «чюлана у того куреня»[141]. Однако расположение в г. Петровском двух солдатских полков вызвало недовольство запорожцев. В 1700 г. они подали челобитную азовскому воеводе, жалуясь на «великое утеснение», и добились разрешения поселиться в отдельной слободе невдалеке от Петровского, у речной пристани, где были воспроизведены те же шесть «войсковых куреней». В 1711 г. в этой слободе находилось 20 домов офицеров и семейных казаков; холостые же, по запорожскому обычаю, жили в тех же шести куренях[142].

С этими вольготно живущими и добросовестно служащими запорожцами причудливым образом пересекались пленные турки, содержавшиеся в азовском «тюремном дворе».

Условия содержания военнопленных в г. Азов не были постоянными. Им давали провиант от российской казны. Так, группа из 10 турок во главе с Федта Мегметем[143] в июне 1700 г. получила «хлебное жалован[ие] муки оржаные […] и иные дачи три куля муки четвертныя да сухареи куль, по цене на четыря рубля бес пети алтын». Вероятно, здесь идет речь о выдачи полного годового рациона, поскольку через полгода (январь 1701 г.) от имени этой группы была подана жалоба на «закладчика» монастыря Иоанна Предтечи Андрея Иванова, который обманом завладев их провиантом, не выплатив договоренные «четыре рубли бе*з* пети алтын». Сделка, заключенная этими пленными с «закладчиком», примечательна сама по себе: «А мы поверили душе ево, а продали мы, государь, ему, Андрею, тое муку и

---

[139] Степове порубіжжя XVII – поч. XVIII ст. у документах Державного архіву Воронізької області. С. 44, 57.

[140] *Аваков П. А.* Запорожские казаки на службе в Азове… С. 26.

[141] ГАВО. Ф. И–5. Оп. 2. Д. 372. Л. 3.

[142] *Аваков П. А.* Запорожские казаки на службе в Азове… С. 26.

[143] Здесь и далее турецкие имена воспроизведены в том виде, как они представлены в документах.

сухари нужди своеи ради, одеженкою ободролись и обувишком обносилис». Весьма интересны и те обстоятельства, что турки «тюремного двора» знали об имуществе, которым владел их контрагент – курень в Алексеевском предместье Азова, а также что они просили царя это имущество «оценит, а нам по оценки денги отдать»[144]. Как видим, пленные продали данный им провиант (на 11 чел. приходилось около 130 кг ржаной муки и один мешок сухарей в год), рассчитывая на полученные деньги купить одежду и обувь. Так же поступали и российские «каторжные невольники», которые продавали выданный им провиант «для того, что им даютца сухари старых припасов, и на те денги покупают хлеб»[145].

Кому же мог понадобиться провиант, которым побрезговали даже турецкие невольники, чье положение, казалось, было отчаяннее многих других? Вероятно, люди, вроде Андрея Иванова находили кому, иначе они вряд ли смогли бы стать не только «закладчиками» монастыря, но и содержать торговый курень в Алексеевском предместье. Многочисленные жалобы разных служилых и работных людей на задержку денежного и хлебного жалования[146], частые сообщения о побегах азовских поселенцев[147] с предельной конкретикой отмечают ситуацию крайнего неустройства азовского быта. Этот город крайнего степного пограничья, с населением, что, в большинстве, оказалось здесь не по своей воле, существовал в глухой отдаленности от экономически развитых регионов России и не имел собственных ресурсов для элементарного самообеспечения. Практически единственной линией коммуникации, связывающей его с Россией, была река Дон, по которой, главным образом из Воронежа, сюда прибывали люди и вещи. По указу Петра I от 17 января 1701 г. в Азове была учреждена ярмарка, построен гостиный двор и размещена таможня. Уже в следующем году пришлось закрыть большую Свенскую ярмарку возле г. Брянск, чтобы вынудить торговцев ехать к Азову; с этого момента он стал единственным российским городом, где могли торговать украинские купцы и турецкие греки[148]. Последние, похоже, были единственными из османских подданных, кто вез товары в Азов после его завоевания Россией. В июне 1702 г. они сообщили азовскому губернатору Ф. М. Апраксину о таможенных санкциях, введенных крымским ханом с целью осложнить подвоз товаров к Азову по морю. Турецкие (греческие) купцы хоть и продолжали «непрестанно» приезжать в этот город, однако подвозимые ими вещи были «бездельны: питья, овощи, кумачи, а нарочитых товаров не привозят»[149].

---

[144] ГАВО. Ф. И–5. Оп. 1. Д. 351. Л. 1–2.
[145] Воронежские акты… Т. I. С. 321.
[146] В частности, в 1699 г.: ГАВО. Ф. И–5. Оп. 1. Д. 133. 19 л.
[147] В частности, в июне 1700 г.: ГАВО. Ф. И–5. Оп. 1. Д. 204. Л. 4, 5, 6.
[148] *Аваков П. А.* Северо-Восточное Приазовье в составе Российского государства… С. 196.
[149] Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 2. С. 371, 373.

Поэтому и на прогорклую муку и пораженные плесенью сухари можно было найти покупателя в Азове. Удивления достойно то, что эти предметы пускались в причудливую игру (продать несъедобный хлеб, чтобы купить съедобный, одежду и обувь) обмена, в который были включены обитатели «тюремного двора», лишенные всех прав и, казалось бы, возможностей. А эти возможности как раз и появлялись благодаря отсутствию у администрации пограничного города самых простых ресурсов для обеспечения неукоснительного выполнения предписаний своего сверхцентрализованного государства. Крайняя неволя шла рука об руку с причудливой волей.

Еще раз обратим внимание: в своей челобитной пленные турки просили царя взыскать положенные им, согласно сделке, деньги с имущества нечестного контрагента. Высокая смертность колодников вынуждала азовские власти разрешить им самостоятельно доставать себе материальные блага и свободно обмениваться ими. Дозволение собирать милостыню в Азове одинаково распространялось и на российских колодников, и на пленных турок. Невольников-россиян, по приказу городничего, отпускали «в мир для милостыни на день по две связки»[150]. Но турки, как видно из случая с Асланом Маметевым, выходили в город без «связки» и в сопровождении лишь одного солдата[151]. Подобная практика не была согласована с центральным правительством и исходила исключительно из местных нужд. На это намекает вопрос, заданный азовским губернатором И. А. Толстым тюремному старосте Игнатию Зиновьеву в мае 1704 г., о том, кто именно разрешил заключенным собирать милостыню и продавать свой провиант[152]. Губернатор, прибывший в Азова в июне 1703 г.[153], вероятно, во время допроса сопоставлял местные административные обычаи с инструкциями, полученными в столице, и наказывал за отступление от них.

Вынужденной снисходительностью властей ловко воспользовался пленный турок Аслан Маметев. Выходя на сбор милостыни в сопровождении солдата Петра Алексеева, он продавал сальные свечи, возможно собственного производства. Причем для своего промыслу он заходил весьма далеко от «тюремного двора». Так он дошел до слободы запорожского конного полка, расположенной на противоположном от Азова берегу Дона[154]. Следствием посещения куреней той слободы стало не только тесное общение пленного турка с тамошними казаками, но и его вхождение в сеть незаконного сбыта табака, которую создали эти казаки. Контрабандные хождения Аслана Маметева в сопровождении конвойного солдата, кото-

---

[150] Воронежские акты… Т. I. С. 321.

[151] ГАВО. Ф. И–5. Оп. 2. Д. 372. Л. 1 об.–2.

[152] Воронежские акты… Т. I. С. 321.

[153] *Аваков П. А.* Северо-Восточное Приазовье в составе Российского государства… С. 177.

[154] ГАВО. Ф. И–5. Оп. 2. Д. 372. Л. 2. Здесь и ниже см. также публикацию этого документа: Степове порубіжжя XVII – поч. XVIII ст. у документах Державного архіву… С. 71–74.

рый, вероятно, также имел интерес не замечать «лишнего», вдруг прекратились 17 мая 1702 г., когда вблизи той слободы, возле ерика, Аслана схватил какой-то «плотник», который выявил у него контрафактный табак и отвел его к целовальнику табачного сбора Якову Антонову. Он же, по приказу «табашного головы» Николая Нималта, препроводил пленника-контрабандиста вместе с табаком в приказную палату. Там и зафиксировали изъятие 5 папуш (связок высушенных неразрезанных листьев) табаку[155].

Так пленный турок Аслан Маметев стал «государевым преступником», нарушившим именной царский указ «О свободном провозе табаку…» от 1 февраля 1697 г.[156] Согласно этому акту, табак могли продавать только при кабаках, в специально построенных «светлицах»; были созданы особые службы для таможенного сбора с провоза табака через границу, в т. ч. и с Украиной – «с черкас», и противодействия его контрабанде. Государственный контроль торговли табаком производили на тех же основаниях, что и алкоголем: «А буде кто, иноземец или *русской* или *черкашенин*, с тем табаком поиман будет, а в таможне не явлен, и на том править пеню и чинить наказанье против того ж, как велено править за продажныя питья»[157]. Впрочем, легальная табачная торговля шла крайне медленно, от чего ни российская казна, ни иноземные купцы не получали ожидаемой прибыли[158]. И это указывало вовсе не на малое число курильщиков в России, а на гигантские объемы нелегально покупаемого ими зелья. Отчаянную борьбу с этим фискальным преступлением вели центральные ведомства Российского государства – приказы Большой казны, Большая таможня и Преображенский приказ. Они контролировали создание специальных застав и рассылку тайных агентов в разные многолюдные места с целью выявления контрабандистов и нелегальных торговцев[159]. Ввиду этого, становится очевидным, что тот самый «плотник», остановивший сопровождаемого солдатом пленного турка и обнаруживший у него контрафактный табак, был совсем не случайным лицом.

Действие упомянутых ведомств не распространялось на всю территорию Российского государства. Главное исключение составила Гетманская Украина, где не имели действия ни запрещение царем Алексеем Михайловичем продавать и употреблять табак, ни указ Петра I о легализации и тщательном контроле его продажи[160]. Итак, пленный турок, вынужденный заботиться о собственном пропитании в плохо обустроенном Азове, связался именно с запорожцами и часто бывал «во многих куренях» их.

---

[155] Там же. Л. 1.

[156] *Чулков М.* История законодательства о табачной промышленности в России до Екатерины II. Казань, 1855. С. 3–8.

[157] ПСЗ. Собр. 1-е. Т. III. 1689–1699. СПб., 1830. С. 276–278.

[158] *Милюков П.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. Изд-е второе. СПб., 1905. С. 163.

[159] *Чулков М.* История законодательства и табачной промышленности в России… С. 22–23.

[160] Там же. С. 16.

Показания Аслана Маметева и солдата Петра Алексеева, записанные 17 июня 1702 г., а также вальяжная манера поведения Н. Васильева во время дознания, указывают на то, что между ними были определенные договоренности на случай провала дела, которое выходило далеко за пределы дозволенного. Пленный турок говорил на допросе, что купил табак у незнакомого человека в казацкой слободе в «сарае», где казаки указанного полку «ставят лошедеи». Солдат Петр Алексеев свидетельствовал, что сопровождаемый им турок «был […] во многих куренях», собирая милостыню и продавая сальные свечи, а также заходил в «чюлан у куреня конные службы», где, как он допускал, пленник и мог купить контрафактный табак. В нарушение правил, этот солдат, по его же утверждению, не был вместе с Асланом в тех куренях и «чюлане», и говорил, что не знает имен казаков, с которыми общался вверенный его постоянному надзору турок, сказал, что может только показать те «чюлан» и курень. Того ж дня Петр Алексеев в сопровождении сержанта Андрея Митрофанова и денщика Козьмы Савельева пришли в казацкую слободу «для выемки табаку […] и для взятя в приказную палату» его владельца. В «чюлане» они нашли «листового табаку малое число» (в поздней записи: «по осмотру табаку шесть листов»), но вот его «владельца» не нашли. Тамошние казаки сказали, что он «поехол в добычь тому де с неделю», однако от объяснения места той «до́бычи» отказались и не изъявили желания идти в приказную палату для дачи показаний. Полковник Н. Васильев лишь 19 июня дал краткое письменное объяснение инцидента по требованию воеводы С. Б. Ловчикова, в котором, наконец, назвал имя казака, что, будто бы, продавал турку табак и держал в тайне от всех его в «чюлане». Это был некий Семен Антонович, который к тому времени уже «бежал из Азова без вести»[161].

Таким образом, следствие дало мизерный результат; сеть подпольной продажи табака, в которую были вовлечены запорожцы, пленный турок и российский караульный солдат, осталась нераскрытой. Из всех участников дела, по всей видимости, более всех пострадал караульный солдат; турка снова отвели в «тюремный двор» и, вероятно, больше не выпускали просить милостыню и продавать свечи. В любом случае его нельзя было оштрафовать, как это предписывал указ от 1 февраля 1697 г.[162] А на деле, содержащем документы следствия, появился заголовок, удобный и для запорожцев, и для азовской администрации: «Дело о подпольном *изготовлении*

[161] ГАВО. Ф. И–5. Оп. 2. Д. 372. Л. 1–4; Степове порубіжжя XVII – поч. XVIII ст. у документах Державного архіву Воронізької області… С. 71–74.

[162] *Чулков М.* История законодательства и табачной промышленности в России… С. 31. По иронии, относительно этого случая, в 1705 г., когда была установлена государственная монополия на продажу табаку – «казенная табачная продажа, по примеру питейной», лицу, у которого обнаруживали «корчемный табак», угрожала конфискация имущества и принудительное поселение вместе с семьей в Азове (Там же).

(sic!) табака тюремным сидельцем-турченином»[163]. Конечно, ни о каком изготовлении в этом случае и речи не могло быть. Табак мог поступать к азовским запорожцам как из Гетманской Украины, доставляемый чумаками, так и по морю, привозимый греками. В его распространении мог участвовать не только один турецкий пленник, пойманный с поличным, но и многие другие пленные турки, никем не названные.

Рассмотренные эпизоды из жизни пленных турок и запорожцев вскрывают сложные переплетения сети межчеловеческого общения на степном пограничном пространстве, показывают мутацию устоявшихся социальных ролей, идентичностей и самого понятия о другом. Здесь возникали причудливые симбиозы между носителями разного социокультурного опыта, не возможные в других условиях и обстоятельствах. В документальных остатках «засветились» лишь отдельные эпизоды, своего рода вершины неожиданных айсбергов, таящих в пучинах темной воды множество хитросплетений и непредсказуемых соединений, навсегда оставшихся нераскрытыми.

§ 4. Иван Чугуевец – ногайский мурза, запорожский писарь, российский чиновник

Т. Л. Кузик

Вероятно, энтузиазм не одного исследователя угасал при виде почерка запорожского войскового писаря Ивана Афанасьева сына Чугуевца: наперекор «профессии», предполагающей ясность и «чистоту» письма, он вырисовывал все новые и новые начертания букв, как будто ускользал и от канцелярской рутины, и от возможного читателя.

Очутившись на «страницах истории», Иван Чугуевец исчезал с них почти мистическим образом. Его инициалы, «І. Ч.», прочитывали как «І. Г.» – «Иван Глоба»[164], а известное «Описание Запорожской Сечи»[165] упорно приписывали коллежскому асессору Василию Чернявскому[166].

---

[163] Это предположение. Заголовок сохранился в надписи, сделанной на пишущей машинке в позднесоветское время, которая, впрочем, сохранила особенности языка российского делопроизводства начала XVIII в.

[164] *Иванов П. А.* Материалы по истории Запорожья в XVIII веке // ЗООИД. Т. 20. Одесса, 1897. С. 91, 95.

[165] История о казаках запорожских, как оные из древних лет зачалися, и откуда свое происхождение имеют, и в каком состоянии ныне находятся, сочиненная от инженерной команды. Одесса, 1852. С. 79–92; *Эварницкий Д. И.* Источники для истории запорожских казаков. Т. 2. Владимир, 1903. С. 1854–1867.

[166] См. об этом: *Кузик Т. Л., Хмарський В. М.* Іван Чугуївець як автор «Описания Запорожской Сечи» В. Чернявского // Українське козацтво у вітчизняній та загальноєвропейській історії. Одеса, 2005. С. 82–84.

Явив едва ли не единственный пример автобиографии запорожского войскового старшины, в глазах историков Запорожья он так и не заслужил себе «право на биографию»[167].

К осмыслению жизненного пути Иван Чугуевец обратился по достижению предела своей карьеры в Сечи: для человека, обученного письму, и не скрывающему грамотности, таковым являлась должность войскового писаря[168]. Стремясь вступить на службу в Государственную коллегию Иностранных дел, он пишет себе «просительные аттестаты» на имя гетмана Кирилла Разумовского и императрицы Елизаветы (1759 и 1761 г.)[169].

В аттестатах запорожских казаков подчас встречаем неожиданные устойчивые обороты: «родился-де онъ в Сечи Запорожской»[170], «от рождения своего в оном Войске служил»[171] – в Сечи, как известно, никто не рождался. Они кажутся отголосками шутки о рождении запорожцев «от сома»[172], перекликающейся с фольклорным мотивом о выходе из чрева рыбы воина, героя-змееборца[173]. Вступление на службу в Войско Запорожское Низовое было новым социальным рождением[174], обретением новой «семьи»[175], позволяющим в дальнейшем, после выхода из Сечи, записаться в казачье сословие Гетманщины, получить чин или должность.

Иван Чугуевец отмежевался от запорожцев, рожденных «от сома». Он оповещал Коллегию, что ведет свой род «из татарских»[176] или «татарских едисанских» мурз[177]. Запорожские прозвища Ивана Афанасьевича («Чу-

---

[167] *Лотман Ю. М.* Литературная биография в историко-культурном контексте (к типологическому соотношению текста и личности автора) / *Лотман Ю. М.* О русской литературе. Статьи и исследования (1958–1993). СПб.: Искусство-СПб, 1997. С. 804, 806.

[168] *Кузик Т.* «З письма та письменних людей нема добра»? Запорозька Військова канцелярія, військова «простота» й «проста вольниця» // Київська академія. Вип. 5. К., 2008. С. 127–128; *Грибовський В. В.* Нівеляція традиційних потестарних і егалітарних структур запорозького козацтва в останні десятиліття існування Січі // Придніпров'я: історико-краєзнавчі дослідження. Вип. 7. Дніпропетровськ, 2009. С. 25.

[169] Архів Коша Нової Запорозької Січі. Корпус документів 1734–1775 рр. Т. 1. К., 1998. С. 474–477; ЦГИАК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 115, л. 2–3, 8–10.

[170] Архів Коша. Т. 1. С. 443.

[171] Там же. С. 445.

[172] *Архімандрит Леонтій (Лука Яценко-Зеленський).* Подорожі на Запорозьку Січ у 1749–1750 1751 рр. / упоряд. *В. Грибовський, В. Мільчев*. К., 2012. С. 85.

[173] *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000. С. 237, 239.

[174] *Грибовський В. В.* Запорозьке козацтво і чоловічі союзи Кавказу та Центральної Азії в компаративній перспективі // Гілея: науковий вісник: Збірник наукових праць. Вип. 52. К., 2011. С. 126.

[175] *Кузик Т.* «З письма та письменних людей нема добра»? … С. 135; ЦГИАК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 56, Л. 54 об.

[176] Архів Коша. Т. 1 С. 474.

[177] ЦГИАК. Ф. 229, оп. 1. Д. 115. Л. 2, 8.

гуевец», «Колмык», «Комлычек»)[178], а также отсутствие в аттестатах сведений об обстоятельствах крещения и перехода в русское подданство поначалу наводят на мысль о его принадлежности к калмыкам Чугуевского полка[179]. Но в документах Киевской губернской канцелярии имеются упоминания о двух его братьях, едисанских мурзах, живущих (по состоянию на 1768 г.) вблизи Каушан и Балты[180]. Не исключено, что его предки были среди «татар», принявших православие и записанных в свое время в Чугуевское казачье войско[181].

Следует отметить, что большинство запорожских писарей и канцелярских служителей были выходцами из казачьих семей Гетманщины[182]. Более того, Иван Чугуевец является единственным известным на сей момент представителем тюркских народов, дослужившимся в Новой Сечи до ранга войскового старшины, и, похоже, первым из бывших запорожцев, пытавшихся найти свое место в государственных учреждениях Российской империи.

«Вехи» официальной биографии Иван Чугуевец набросал весьма лапидарно: казак Васюринского куреня (с 1745 г.), служитель Войсковой канцелярии, писарь Брацлавской пограничной комиссии, член депутации от Войска в Санкт-Петербург (1755–1756); в 1750 г. избран «в полковіе старшины полковымъ писаремъ», а в 1757 г. – писарем войсковым[183]. Другие источники в незначительной мере дополняют эти сведения: в 1747 г. он упомянут как писец[184], в 1752 г. – как войсковой канцелярист[185]. С Чугуевцем-«подписком» был знаком архимандрит Леонтий[186]. Все остальные службы Иван Чугуевец обозначил стандартным оборотом: «посиланъ в разние воисковіе нужные и секретные посылкы и партіи розездные»[187]. Таковыми были участие в третьей Пограничной комиссии с Крымом в качестве переводчика

---

[178] Там же. Ф. 51. Оп. 3. Д. 9333. Л. 338.

[179] *Кузик Т.* Писар Війська Запорозького Низового Олексій Петруша (матеріали до біографії) // Київська старовина. 2003. № 6. С. 134.

[180] *Андриевский А. А.* Реляции киевского генерал-губернатора за 1768 и 1769 гг. // ЧИОНЛ. Кн. 7. К., 1893. С.115–116, 165, 178 (отдел 3).

[181] *Савельев Е.* Племенной и общественный состав казачества (исторические наброски) // Донские областные ведомости. № 167. 02.08.1913. Режим доступа: http://passion-don.org/tribes/tribes_17.html

[182] *Кузик Т.* Писар Війська Запорозького Низового Олексій Петруша … С. 133, 136–137; Архів Коша Нової Запорозької Січі. Корпус документів 1734–1775. Т. 5: Реєстр Війська Запорозького Низового 1756 року / упоряд. *Л. З. Гісцова, Л. Я. Демченко, Т. Л. Кузик, Л. М. Муравцева.* К., 2008. Комм. 25 в, 42 г; Військовий писар Андрій Семенович Товстик. Збірник документів / упор. *І. Л. Синяк.* К., 2010. С. 5.

[183] Архів Коша. Т. 1. С. 474–475.

[184] Там же. С. 303.

[185] *Андриевский А.* Дела, касающиеся запорожцев, с 1715–1774 г. // ЗООИД. Т. 14. Одесса, 1886. С. 690–691.

[186] *Архімандрит Леонтій (Лука Яценко-Зеленський).* Подорожі на Запорозьку Січ … С. 48.

[187] Архів Коша. Т. 1. С. 474.

(1754), в проведении ревизии поселений Кодацкой и Самарской паланок (1754)[188], а также в Комиссии для описания запорожских земель (1757)[189].

В целом мы видим внешне тематизированное автобиографическое повествование[190], подводящее итог типовой писарской карьеры. Но эта тематизация не довлела над автором и не превращала его аттестат в эпитафию «жизненного пути». Своим *curriculum vitae*, совершенно не чуждым гордыне – одному из «семи грехов автобиографии»[191], он набрасывал контуры новых реальностей, вызовов и изменений, которые претерпевало Войско Запорожское Низовое. Себе Иван Афанасьевич отводил ключевую роль – деятельного «войскового советчика», способного преломить существующую культурную традицию и установить «добрый указной порядок»: он занимался «изобретениемъ» и «поправлениемъ», «сысканиемъ къ тому приемовъ», «внушалъ» и «учреждалъ»[192].

Установление «доброго указного порядка» предполагало искоренение гайдамачества и «давнихъ самоволныхъ обрядовъ»[193], особенно – выборности старшины. В аттестате от 24 декабря 1759 г. Иван Чугуевец не без определенной дерзости писал, что его кандидатура на должность писаря якобы была представлена «главной командѣ […] откуда онъ и запробованъ»[194]. На деле эта «апробация» означала не более чем оповещение гетмана о результатах переизбрания старшины в Сечи[195].

Своим главным достоинством Иван Чугуевец назвал «исправность дѣльную», а достижением – «учрежденіе» Войсковой канцелярии[196]. Действительно, во времена его писарства в канцелярии появляется должностная дифференциация, упорядочиваются делопроизводство и обеспечение, и, как видится, для учреждения строится отдельное помещение[197]. Он считал канцелярию инструментом инноваций, способным подменить «войсковое обыкновеніе» и «память старожилов» авторитетом писаного закона и

---

[188] Архів Коша Нової Запорозької Січі. Корпус документів 1734–1775 рр. Т. 3. / упор. *Л. З. Гісцова, Л. Я. Демченко, Т. Л. Кузик, Л. М. Муравцева, Л. А. Сухих*. К., 2003. С. 103, 105–108, 112–116, 420, 424, 425, 445, 451; ЦГИАК. Ф. 229. Оп. 1 Д. 90. Л. 49.

[189] Там же. Д. 33. Л. 21, 27.

[190] *Голофаст В.Б.* Многообразие биографических повествований // Социологический журнал. 1995. № 1. С. 71–88. Режим доступа: http://jour.isras.ru/upload/journals/1/articles/140/submission/original/140-264-1-SM.pdf

[191] *Лежён Ф.* В защиту автобиографии. Эссе разных лет / пер. и вступ. Б. Дубина // Иностранная литература. 2000. № 4. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/inostran/2000/4/lezhen.html

[192] Архів Коша. Т. 1. С. 476.

[193] ЦГИАК. Ф. 59. Оп. 1. Д. 4654. Л. 58.

[194] Архів Коша. Т. 1. С. 475.

[195] ЦГИАК. Ф. 269. Оп. 1. Д. 1957 а. Л. 339 об.

[196] Архів Коша. Т. 1. С. 475; ЦГИАК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 115. Л. 3.

[197] *Кузик Т.* «З письма та письменних людей нема добра»… С. 134–138.

документа[198]. И это представление великолепно согласовывалось с антитезой образов, накладываемых на запорожское общество и в Киевской губернской, и в Генеральной войсковой канцелярии: «простота/самовольство» versus «грамотность/благонадежность»[199].

Как следует из дополнения к аттестату 1759 г., Иван Чугуевец оставался в Сечи до 1 июля 1761 г., «по способности и по необходимой в нем Кошу З-му надобности»[200]. Здесь Иван Афанасьевич смещает акцент на свои заслуги в соблюдении «высочайших интересов», а именно – в организации сбора разведывательных сведений в Крыму и ногайских ордах, «успокоении границы» путем предотвращения наездов запорожцев на ногайцев (в том числе, наездов с целью «отмщенія») и обеспечения материальной сатисфакции, согласно письменным реестрам претензий.

В качестве депутата Пограничной комиссии с Крымом (1760) Иван Чугуевец также последовательно писал в Кош о необходимости удовлетворять жалобы крымских подданных. Но здесь мы видим совершенно иную мотивацию необходимости «искорененія воровства»: «не допустимъ людямъ чужимъ управлять Войскомъ … а сохрани Боже якой худости, которую хотятъ зделать, дабы вскоре полки і главного командира до Коша прислать, і будет Кош ввес под его словом і страхом состоять»[201]. Но кто требовал “искоренять воровъ и конѣ отдавать”[202]? Кто “ко успокоенію продолжавшихся сосѣдственнихъ […] споровъ всякіе наилутчие примѣри сискивалъ”[203]? Чугуевець-запорожец или Чугуевец-«мурзинський сын»?

Временами кажется, что едисанское начало водило пером Ивана Афанасьевича: «оная *(Едисанская – Т. К.)* орда храбрейшая другихъ татаръ почитается и в предприятияхъ татарскихъ первыми бываютъ»[204]. В мае 1759 г. он отсылал в Генеральную войсковую канцелярию «сказку» Василия Швыдкого, сообщавшего о подготовке Едисанской орды к нападению «на российские границы»[205]. В сопроводительном письме Иван Чугуевец, вопреки устоявшейся делопроизводственной практике, не пересказал эти сведения. Вместо них он привел сообщение другого информатора, Ивана Гардового, вернувшегося из Крыма, оповещавшего об отсутствии там «приуготовлений и собраний воинских»[206].

Более того, в 1758 г. Кош отказал хану Халим-Гирею, направлявшемуся на подавление восстания Едисанской орды, в просьбе оказать помощь

---

[198] ЦГИАК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 115. Л. 3 об.
[199] *Кузик Т.* «З письма та письменних людей нема добра»? … С. 131; ЦГИАК. Ф. 269. Оп. 1. Д. 4321. Л. 213.
[200] Архів Коша. Т. 1. С. 476–477.
[201] ЦГИАК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 90. Л. 76 об.–77.
[202] Там же. Л. 76 об.
[203] Архів Коша. Т. 1. С. 475.
[204] ЦГИАК. Ф. 246. Оп. 1. Д. 64. Л.58.
[205] Там же. Ф. 51. Оп. 3. Д. 15603. Л. 3.
[206] Там же. Л. 2 и об.

в переправке войска через Днепр[207]. На тот момент российское правительство отклонило прошение едисанцев и буджакцев о принятии в подданство, а хан обещал запорожцам за помощь весьма щедрое вознаграждение – разрешение беспрепятственно грабить ногайцев[208]. В этом контексте трудно не вспомнить сведения о контактах Ивана Афанасьевича со своими братьями[209], подписавшимися, в числе 49 едисанских и буджацких мурз, под письмом к калге Хаджи-Гирей-Султану о согласии на переход под российскую протекцию[210].

С 1 января 1761 г. Иван Афанасьевич вновь на полгода становится войсковым писарем, а в июле, после избрания на эту должность Ивана Глобы, отправляется в Санкт-Петербург «по войсковым дѣламъ»[211]. В письмах в Кош ревнитель «доброго указного порядка» рядится в убранства «войскового слуги», кредо которого – «хоть по горбамъ, да чтобъ по-нашему»[212].

Он подчеркивал упорство, с которым «трудил» киевского генерал-губернатора Ивана Глебова, добившись компенсации средств, истраченных Войском на доставку «натурального» жалования[213]. Он хвастался гибкостью и мастерским владением искусством «дружбы и презентов», благодаря которым легко нашел общий язык с генеральным войсковым писарем Андреем Безбородко и гетманом Кириллом Розумовским[214]. Он не забыл упомянуть о своем блестящем красноречии, столь необходимом писарю, служившему «простому и вольному Войску»: старший канцелярист Осип Туманский «много мешал по дѣламъ […] медлилъ, перебивалъ, то я забилъ ему рот первее переговоркою […] нинѣ обещается по всемъ дѣламъ служить»[215]. И, конечно, он не удержался, чтобы блеснуть умением организовать работу Генеральной войсковой канцелярии в пользу Войска Запорожского Низового: «двѣ повети надъ нашими дѣлами почти неусыпно трудятца […] я поветчикамъ за труда обдарилъ хорошо, и прилежаютъ»[216]. Главным результатом пребывания Ивана Чугуевца в Глухове стал ордер гетмана о передаче Войску «до указу» м-ка Старая Самара, который под-

---

[207] *Кочекаев Б.-А.Б.* Ногайско-русские отношения в XV–XVIII вв. Алма-Ата: Наука, 1989. С. 156; ЦГИАК. Ф. 51. Оп. 3. Д. 15003. Л. 4 об.

[208] *Грибовский В. В.* Управление ногайцами Северного Причерноморья в Крымском ханстве (40–60-е годы XVIII в.) // Тюркологический сборник. 2007–2008 (2009). История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М., 2009. С. 82–83.

[209] *Андриевский А. А.* Реляции… С. 115–116.

[210] Там же. С. 115–116; *Кочекаев Б.-А. Б.* Ногайско-русские отношения в XV–XVIII вв. … С. 159.

[211] ЦГИАК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 115. Л. 5.

[212] Там же. Л. 125 об.–126.

[213] Там же. Л. 66.

[214] Там же. Л. 56, 63 об.

[215] Там же. Л. 55.

[216] Там же. Л. 61.

вел черту под почти двадцатилетним конфликтом вокруг Старосамарской сотни Полтавского полка, созданной на войсковых землях[217].

В конце октября 1761 г. Иван Чугуевец прибыл в Санкт-Петербург, остановившись в доме духовника императрицы Елизаветы Федора Дубянского[218]. В своих письмах Иван Чугуевец продолжал демонстрировать умение просачиваться сквозь бюрократические сети, втираться в доверие и клерку и императору, представляя себя олицетворением идеального писаря-«канцлера».

Рассказом о безбрачии сечевиков Иван Афанасьевич покорил сердце великого князя Петра Федоровича, который «доволно-де […] говорилъ и разсуждалъ, что без женъ наши […] с похвалою дивною»[219]. Преподнеся в дар наследнику престола белую черкесскую бурку, Иван Чугуевец получил взамен кольцо с бриллиантом[220]. Его приглашал к обеду канцлер Михаил Воронцов[221], а Андрей Суровцов писал, что Иван Чугуевец «поведениемъ своимъ такую заслужил у всехъ похвалу и любовь, что Войску […] особливую честь делаетъ»[222]. В течение десяти дней Иван Чугуевец «не давалъ имъ покою і на ложкахъ […] въ Сенате досвета ихъ встречалъ, и проважалъ съ полдня неотступно, и разними образи сискивалъ къ нимъ случай съ подарочками, а секретарей и ихъ ближнихъ въ дружбу к себе хорошую пригласилъ и доволствовалъ, то все обще так постарались, что […] целую ночь определения писали»[223].

Результатом усилий Ивана Афанасьевича стали два указа Сената: о прибавке Запорожскому Войску жалования и о запрещении Новослободскому полку отбирать земли у запорожцев[224]. Скупые строки его сообщения переполнены торжеством победителя, с азартом отдающего себя ремеслу/службе, и безмерным удовольствием от мастерски проделанной работы: «одно веселитъ – выграшъ: м(и)л(о)сть Божия и монаршая есть с Войскомъ, панъ б(ригадир) М(уравьев) нехай спочинет от прожектов таких»[225].

Для противодействия государственной колонизации запорожских земель он предлагал учреждать в Войсковых Вольностях как можно больше зимовников, «чтобъ не називали порожнею и пустою землею»[226]. И именно

---

[217] Детальнее см.: *Кузик Т.* Відомість про залінійні поселення від 17 січня 1762 р. як джерело з історії Старосамарської сотні Полтавського полку // Січеславський альманах. Збірник наукових праць з історії українського козацтва. Дніпропетровськ, 2006. Вип. 2. С. 27–35.
[218] ЦГИАК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 115. Л. 84.
[219] Там же.
[220] Там же. Л. 84 об.
[221] Там же. Л. 85 и об.
[222] Там же. Л. 26.
[223] Там же. Л. 88.
[224] ПСЗ. Т. 15. № 11388, 11393
[225] ЦГИАК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 115. Л. 116 об.–117.
[226] Там же. Л. 93.

он, «мурзинский сын» Иван Чугуевец, в три строки, проникнутых тревожным чувством агонии Коша, набросал квинтэссенцию его политики: «Выкорените совсем шалость. Да не погибнетъ слава Вийскова, и будет вѣчно в покое Кошъ, и не розшарпаютъ земель, но утвердятъ і жаловатимутъ, и нѣхто не будет учити и стерегти Запорожье»[227].

В январе 1762 г. Ивана Чугуевца приняли на службу в Коллегию иностранных дел коллежским асессором, в ранге премьер-майора, дающем право на потомственное дворянство, с жалованьем 240 руб. в год[228]. Вскоре он вступает в брак с дочерью войскового товарища Пантелеймона Кателия Анной. У них рождаются трое детей: Мария, Иван, Варвара (двое последних умерли в младенчестве)[229]. На собственные деньги он покупает в Переяславском полку села Шабельники и Логиновку, с подданными и угодьями, две мельницы, жилой дом в Шабельниках «со всем хоромным строением и винокурнею»[230]. Но сила «гвиздкив», которыми, по словам архимандрита Леонтия, черт якобы прибивал пришедших на Запорожье, похоже, упорно не отпускала «в Русь» Ивана Афанасьевича[231].

Покидая Сечь, Иван Афанасьевич обещал помнить «хлеб и милость» Войска и обещал быть его «услужником»[232]. В письме к Ивану Глобе он просил защитить его от «поговорок» в Сечи, подчеркивая, что не всегда защита войсковых интересов должна иметь публичный характер: «Нѣ всякъ то вѣдаетъ, что хто дѣлаетъ»[233].

С 1762 г. и до конца жизни Иван Афанасьевич служил комиссаром в Пограничной комиссии с Крымом. Ключевые посылы его рапортов и реляций были подчинены обороне войсковой «славы»: Запорожское Войско «от времени до времени в лучшее состояние приходитъ»[234]; «воровство» полностью искоренено, а «ворам пристани и укрывателства въ новосербскихъ и новослободских хуторах и пасеках еще есть»[235]; в Сечи войсковую старшину не переизбирают, Войсковую раду не созывают и никаких бесчинств не чинят[236]; с соседями – никаких конфликтов, возникающих по вине запорожцев[237]. А в общем – «между Воискомъ Запорожскимъ внутренное спокойство, любовь и согласіе умножается, и везде по степямъ

---

[227] Там же. Л. 100.
[228] ЦГИАК. Ф. 59. Оп. 1. Д. 6053. Л. 6; Ф. 229. Оп. 1. Д. 115. Л. 117.
[229] Там же. Ф. 54. Оп. 1. Д. 2677. Л. 4, 5 об.; Ф. 229. Оп. 1. Д. 253. Л. 73.
[230] Там же. Ф. 54. Оп. 1. Д. 2677. Л. 11 об.
[231] *Архімандрит Леонтій (Лука Яценко-Зеленський).* Подорожі на Запорозьку Січ … С. 99.
[232] ЦГИАК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 115. Л. 125 об.–126.
[233] Там же.
[234] *Андриевский А. А.* Материалы по истории Запорожья и пограничных отношений // ЗООИД. Одесса, 1894. Т. 17. С. 89.
[235] ЦГИАК. Ф. 59. Оп. 1. Д. 3997. Л.8.
[236] Там же. Д. 4653. Л. 2.
[237] Там же. Л. 1 об., 2.

проѣзды и комерции совсемъ безопасны с лутшею воисковою ползою и въ экономіяхъ приращениемъ»[238].

Коллежский асессор Иван Чугуевец так и не избавился от писарской инициативности и привычки «прилагать советы». Так, он консультировал запорожскую старшину, как реагировать на провокационное предложение ханского переводчика и российского конфидента Якуба-аги (Якова Рудзевича) о переходе Войска под крымскую протекцию[239]. Он настойчиво убеждал Коллегию иностранных дел в необходимости требовать от крымского хана переведения на Кубань Едичкульской орды[240]. Свое требование он аргументировал опустошением едичкульцами запорожских угодий. Можно предположить, что в данном случае Иван Чугуевец действовал также в интересах соплеменников – в его реляциях за 1762 г. упоминается о намерении хана Крым-Гирея якобы переселить часть едичкульцев за р. Южный Буг, на земли едисанцев[241].

Едичкульских ногайцев Иван Афанасьевич характеризовал как «народъ почты дикой, упрямой и ничѣго встидъ не воображающий»[242]. В реляции, известной как «Описание Запорожской Сечи» (1766 г.), главными опустошителями запорожских угодий также названы едичкульские ногайцы. Несомненно, это соответствовало картине пограничных запорожско-ногайских отношений[243]. Но все же ущербу, наносимому едисанскими ногайцами, Иван Афанасьевич посвятил лишь один абзац: «некоторые лесные угодья разоряют»[244], несоразмерно скромный относительно к убыткам, наносимым едисанцами, не имеющим стационарных строений и нуждающимся в значительном количестве древесины для отопления своих юрт[245].

В Коллегии иностранных дел предложение Ивана Чугуевца сочли как отстаивание исключительно войсковых, а не «высочайших» интересов[246]. Недоверие к коллежскому асессору Чугуевцу как к бывшему запорожскому войсковому писарю мы видим и в реляции Карла фон Штофельна[247]. За двенадцать лет службы в Сечи Иван Чугуевец достиг вершины писарской карьеры. Восемь лет, проведенных в Коллегии иностранных дел не принесли ему и малейшего карьерного продвижения. Последние упоминания о его дея-

---

[238] Там же. Л. 1 об.
[239] ЦГИАК. Ф. 59. Оп. 1. Д. 3996. Л. 2 –3.
[240] Там же. Д. 3997. Л. 5; Д. 4654. Л. 32
[241] Там же. Д. 3997. Л. 1 и об.
[242] Там же. Л. 5.
[243] *Грибовський В. В.* Ногайські орди Північного Причорномор'я у XVIII – на початку XIX століття: дис. ... к. і. н. Запоріжжя, 2006. С. 109–111.
[244] *Эварницкий Д.* Источники… С. 1860–1861.
[245] *Грибовський В. В.* Ногайські орди Північного Причорномор'я… С. 104.
[246] *Эварницкий Д.* Источники… С. 1869.
[247] *Мільчев В. І., Князьков Ю. П.* Проект реформування устрою Запорожжя генерал-майора Карла Штофельна (1765 р.) // Південна Україна XVIII–XIX століття. Запоріжжя, 2003. Вип. 7. С. 45.

тельности относятся к 1768–1769 гг., когда его, без особого успеха, привлекали к переговорам о переходе ногайских орд в российское подданство[248].

В конце 1769 г. Ивана Афанасьевича разбил инсульт, и в последние месяцы жизни мастер «внушать» и писать «не мог владеть языком и руками»[249]. Умер он 5 февраля 1770 г. и был похоронен в Киевском Пустынно-Николаевском монастыре[250]. Коллежский асессор Петр Чернявский, помимо своей воли «присвоивший» его «Описание Запорожской Сечи», заключил брак с вдовой Ивана Чугуевца и попытался отобрать имущество его дочери[251]. Но обученная в «пенсионе»[252] и имеющая, благодаря отцу, 400 душ подданных в качестве приданого[253], Мария Чугуевец смогла отстоять свои имущественные права, выйдя замуж за секунд-майора Федора Григорьевича Иваненка[254], сына переяславского полковника[255].

«Лучше головѣ, нежели хвостамъ служить»[256] – писал «мурзинский сын» Иван Чугуевец в конце 1761 г., мысленно прощаясь с Запорожским Войском в преддверии карьерного и социального рывка. Но исследователь, читающий письма и реляции Чугуевца-асессора, невольно услышит противоположную по смыслу английскую пословицу: «Better be the head of a dog than the tail of a lion».

§ 5. Яков Рудзевич – гетман «Ханской Украины»

В. В. Грибовский

В одном очень уважаемом доме г. Симферополя в начале XIX в. произошел громкий скандал. Молодой татарин, сын коллежского советника Якова Измайловича Рудзевича, крестившийся во имя Константина и помолвленный с дочерью академика Петра Семеновича Палласа, повздорил со своей невестой за карточной игрой. В тот злополучный момент в дом Палласа вошел молодой крымскотатарский мурза, уже имевший чин российского офицера, дружески хлопнул Константина по плечу, приветствуя: «Здравствуй, брат!» Юный Рудзевич, восприемником которого при крещении был сам великий князь Константин Павлович, вспылил, расценив это

[248] Гайдамацький рух на Україні в XVIII ст. Збірник документів. К.: Наукова думка, 1970. С. 483; ЦГИАК. Ф. 246. Оп. 1. Д. 64. Л. 58 и об.
[249] ЦГИАК. Ф. 54. Оп. 1. Д. 2677. Л. 11.
[250] Там же. Ф. 59. Оп. 1. Д. 6227. Л. 1, 3.
[251] Там же. Ф. 54. Оп. 1. Д. 2677.
[252] Там же. Л. 29 об.
[253] *Модзалевский В. Л.* Малороссийский родословник. К., 1910. Т. 2: Е–К. С. 181.
[254] ЦГИАК. Ф. 54. Оп. 1. Д. 2677. Л. 35.
[255] *Модзалевский В. Л.* Указ. соч. С.180–181.
[256] ЦГИАК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 115. Л. 82.

обращение как несоответствующее его новому положению. Девушка остановила драку; ее разъяренный избранник попросил у нее платок, чтобы вытереть со лба пот. Оскорбленный, он удалился и в приступе ярости исколол свою грудь так и не пущенным в ход кинжалом. Затем обмочив невестин платок в крови, приказал денщику вернуть его девице Паллас и умер[257]. Его отец не дожил до того печального дня. Он уходил из жизни с надеждой на полное благополучие своей семьи, гарантированное его покровителем кн. Г. А. Потемкиным, ввиду его важных услуг[258]. Ведь для этого ему приходилось неоднократно рисковать жизнью, находиться в заточении, менять имена и подданства, заискивать перед сильными и топтать слабых, покупать титулы и продавать государственные секреты, провоцировать войны и разрушать государства.

Яков (Якуб) Измайлович Рудзевич (? – 1784) известен в литературе как один из тех исторических деятелей, которые сыграли решающую роль в завоевании Крыма Российской империей[259]. Однако его биография до момента перехода в российское подданство остается почти не освещенной в специальных исследованиях. Ханский переводчик Якуб-ага, отдельные аспекты деятельности которого описаны достаточно подробно[260], до сих пор еще остается малоизвестной фигурой.

Крымскотатарский историк Исмаил Муфтизаде, изучая документы архива Канцелярии Таврической губернии, заключил, что он происходил «из буджакских татар», как и его «родной племянник» Юсуф Ибраимович, вместе с которым он в 1770 г. «явился под Бендерами» к командующему 2-й ар-

---

[257] *Жиленков А. В.* Первые годы нашего господства в Крыму. Записки // *Кондараки В. Х.* В память столетия Крыма. М., 1883. С. 129. По другим сведениям, он «от безнадежной любви застрелился» (*Мурзакевич Н. Н.* Письма правителя Таврической области В. В. Коховского правителю канцелярии В. С. Попову, для доклада Г. А. Потемкину-Таврическому // ЗООИД. Т. 10. Одесса, 1877. С. 256).

[258] Правитель Таврической области В. В. Коховский 14 августа 1786 г., два года спустя после смерти Я. И. Рудзевича, информировал Г. А. Потемкина о «помещении по воле его светлости к наукам» детей г-жи Рудзевич. Ее сын, Александр Яковлевич, родился в 1776 г., прославился в войнах 1812–1814 гг., умер в 1829 г. Дочери воспитывались при дворе императрицы; Екатерина вышла замуж за г-на Ладыженского, Елизавета – за Андрея Шостака, видных чиновников Российской империи (*Мурзакевич Н. Н.* Письма правителя Таврической области В. В. Коховского… С. 256).

[259] *Муфтизаде И.* Очерк военной службы крымских татар с 1783 по 1889 год // ИТУАК. Т. 30. Симферополь, 1899. С. 5; *Мурзакевич Н. Н.* Якуб-ага (Яков) Рудзевич // ЗООИД. Т. 13. Одесса, 1883. С. 255–258; *Лопатин В. С.* Светлейший князь Потемкин. М., 2005. 477 с.; *Прохоров Д. А.* Крымские татары в органах управления Таврической области после присоединения Крыма к России (1783–1787) // Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск, 2016. № 1 (51). С. 278–295.

[260] *Андриевский А.* Русские конфиденты в Турции и Крыму в 1765–1768 гг. К., 1894. 70 с.

мии П. И. Панину[261]. Его официальная служба в Российской империи началась именно с этого события. Но Яков Рудзевич никак не был связан с буджакскими ногайцами. С большой долей вероятности можно предположить его принадлежность к известному роду литовских татар Рудзевичей, княжат герба Месяц, прослеживающихся с начала XVI в. от рода Мысаковичей, владельцев большого поместья в Ошмянском повете (современный г. Ашмяны, районный центр Гродненской области, Беларусь). В 60–80-е годы XVII в. Рудзевичи упоминаются как владельцы части с. Сорок Татар Трокского воеводства Литовского княжества. Станислав Дзядулевич, собравший отрывочные сведения об этом роде, писал, что в XVIII в. владения разрозненных его представителей мельчают и известия о них исчезают. Отдельно упомянуты: Давид Рудзевич, товарищ в легком полку булавы польной коронной в 1725 г. и ротмистр в 1740-м; Роман Рудзевич, товарищ в королевском полку передней стражи в 1748 г.; Юзеф Рудзевич, сын Давида, ротмистр того же полку в 1765 г.; есть еще одно упоминание о Юзефе Рудзевиче, товарище в полку 2-й передней стражи войск литовских в 1773 г. В конце XVIII в. упомянуты литовские землевладельцы Александр и Давид Рудзевичи, а также сестра их Елизавета, бывшая замужем за Александром Крычинским[262]. В 1692–1693 гг. документы фиксируют Аба́за Рудзевича, землевладельца с. Сорок Татар, и Мустафу Рудзевича из с. Мерешляны той же местности[263].

Мы не располагаем данными о степени родства Якова Измайловича с кем-либо из перечисленных его современников, носивших ту же фамилию. О том, как могли складываться отношения между родственниками, менявшими место жительства и подданства, показывает пример «хорунжего янычарского, обывателя хотинского» турецкого подданного Мустафы Романовича, свидетельствовавшего о себе на суде Подольской губернии в 1801 г., что оставил родовые имения в Литве своему брату, Давиду Романовичу, подполковнику российской службы[264]. Якуб Рудзевич тоже мог отказаться от своих измельчавших фамильных владений в малоземельной Литве в пользу родственников и попытать счастья на раздольном Юге. Многое говорит о его происхождении из литовских татар: славянизированная форма родового имени (тюркская в своей основе[265], как и у его племянника: Ибраимович), польскоязычная документация, писанная им в бытность чиновником Крымского ханства (с подписью: *Jakub Aga*, также: *Якуб-ага Лек*, последнее, можно полагать, было прозвищем: *Lech*, т. е.

---

[261] *Муфтизаде И.* Очерк военной службы крымских татар… С. 5.

[262] *Dziadulewicz S.* Herbarz rodzin tatarskich w Polsce. Wilno, 1929. S. 277–279.

[263] *Jankowski H.* The Tatar Name of Sorok Tatary // Orientas Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos visuomenės tradicijoje: totoriai ir karaimai Vilniaus, 2008. P. 149, 155.

[264] *Kryczyński S.* Tatarzy Litewscy. Próba monografii historyczno-etnograficzney. Warszawa, 1938. S. 37.

[265] *Dziadulewicz S.* Herbarz rodzin tatarskich w Polsce. S. 277. Фамильные имена литовских татар, как правило, заканчивались на *-icz* (*Talko-Hryncewicz.* Muślimowie czyli tak zwani Tatarzy Litewscy. Kraków, 1924. S. 43).

«поляк»)[266], полонизмы, сохранившиеся в русскоязычной корреспонденции («Домбасарскаго и Балцянскаго» – о населенных пунктах Дубоссары и Балта, «подлуг», «жадного письма»), знание бытовой подноготной г. Львова, проскальзывавшей в его ругани[267].

Как известно, литовские татары (липки, липканы) в конце XIV – XVI в. расселились компактными группами на территории современных Литвы и Беларуси. В середине XVII в. значительная их часть переместилась на украинскую Волынь и Подолье. Будучи военно-служебным сословием, они составляли хоругви, возглавляемые собственными ротмистрами, и использовались для обороны восточных воеводств Речи Посполитой. Нарастание религиозной нетерпимости в Речи Посполитой, бытовая неустроенность из-за хронической задержки жалованья и другие сложные причины побудили некоторые хоругви татар-липок перейти на сторону Османской империи. Согласно Карловицкому мирному договору 1699 г., липки-перебежчики подлежали отселению от польско-турецкой границы в Молдову и Добруджу. С 1709 г. дискриминация липок в Речи Посполитой усилилась, поскольку они активно поддерживали Станислава Лещинского и нападали на сторонников Августа II Саксонского, конкурентов за польский трон. После поражения шведского короля Карла XII под Полтавой и выезда из Польши Станислава Лещинского, поддерживавшего его, «саксонцы» требовали репрессий литовских татар, конфискации их имущества, запрета назначения их представителей на офицерские должности и ограничения их религиозной свободы. Это вызвало очередную волну эмиграции липок в Османскую империю[268]. Переходы отдельных групп литовских татар продолжались в течение большей части XVIII в.; так, в 1760 г. подольские липки пытались выйти из польского подданства и переселиться в турецкий Хотин[269].

В турецкой нахие Хотин и в Молдове тогда возникли новые села и кварталы в городах, компактно заселенные липками. Здесь они оставались носителями польско-литовско-белорусской культуры, обогащенной тюркскими и исламскими традициями. Их повседневный быт, сложившийся в Речи Посполитой, был воспроизведен на новом месте. Филипп (Пылып) Орлик, избранный в украинские гетманы в эмиграции (г. Бендеры), сам

---

[266] Biblioteka Czartoryskich. Akta i listy dotyczące spraw polsko-tureckich, 1767–1769 rr. Rps. 627. S. 13–13 zw.; ИР НБУ. Ф. 9. Ед. хр. 2244–2247. 1765 г. Л. 1–2.

[267] *Андриевский А.* Русские конфиденты в Турции и Крыму в 1765–1768 гг. К., 1894. С. 14, 44, 62.

[268] *Kryczyński S.* Tatarzy Litewscy… S. 29–37; *Kryczyński Leon Najman Mirza.* Tatarzy polscy a wschód muzułmański // Rocznik Tatarski. Czasopismo naukowie, literackie i społeczne, poświęcone historji, kulturze i życziu Tatarów w Polsce. T. 2. Zamość, 1935. S. 3–15; *Смирнов В. Д.* Сборник некоторых важных известий и официальных документов касательно Турции, России и Крыма. СПб., 1881. С. 38–41; *Артамонов В. А.* Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709–1714 гг.). М., 1990. С. 164.

[269] ЦГИАК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 88. Л. 19–19 об.

родом из белорусской шляхты, в 1722 г. отмечал благоустроенность и гостеприимство в здешних липковиких селах; «среди липок я нахожусь как среди своих людей», – писал он. Также свидетельствовал, что в османском подданстве они сохранили деление на хоругви во главе с ротмистрами, назначаемыми из их среды, владели собственной артиллерией[270]. Что интересно, Ф. Орлик в Хотине встречался с «паном Колчаком, стражником и липканским полковником», т. е. начальником всех местных липок[271]. Вероятно, это был тот самый Ильяс Колчак, которого впервые упомянул молдавский хронист Ион Некулче в описании Прутского сражения 1711 г. как «булюбаша (полковника), ренегата, серба родом из Боснии»; в поощрение за доставленное султану известие о поражении Петра I он «стал впоследствии пашей трехбунчужным и губернатором Хотина»[272].

Находясь на турецкой службе, липки продолжали поддерживать связь с «партией» Станислава Лещинского и участвовать в ее вооруженных выступлениях. В походе гетмана Ф. Орлика и крымского султана Мехмед-Гирея на Правобережную Украину в 1711 г. принимало участие около 3 тыс. литовских татар во главе с Юзефом Потоцким, лидером «станиславцев»[273]. В мирное время липки выполняли дипломатические поручения и занимались шпионажем. В феврале 1712 г. в Санкт-Петербург прибыл некий «ротмистр волоский» Александр Давыденко, привезший тайное «прошение» крымского хана Девлет-Гирея о «принятии его в российское подданство с Крымскою и Белогородскою ордами»[274]. Остававшиеся в Речи Посполитой липки были информаторами турецких пограничных губернаторов; как, например, в 1722 г. некий гродненский татарин[275]. В 1766 г. из Очакова в Киев через «Польскую Украину» со шпионской целью пробирался некий липкан Сулейман, с паспортом, написанным по-польски на имя Самуила, возрастом до 60 лет; он хорошо говорил и по-русски, и по-турецки[276]. Порта еще долго использовала липок как курьеров с тайными поручениями к европейским дворам, в частности, при попытке заключения союза с Пруссией в 1779 г.[277] Знание языков, обычаев и быта сопредельных стран делало их весьма полезными в этих делах.

---

[270] *Рендюк Т. Г.* Пилип Орлик: молдовські та румунські шляхи. Чернівці, 2013. С. 138, 207, 209, 214, 219, 221.

[271] Там же. С. 207, 209, 212, 215.

[272] *Плотников И. Ф.* Родословная адмирала Колчака // Вестник Челябинского государственного университета. Т. 1. №. 1. 2001. С. 139.

[273] *Артамонов В. А.* Россия и Речь Посполитая… С. 52, 125.

[274] РГАДА. Ф. 123. Оп. 4. Д. 1. 1712 г. Л. 1–18. На допросе А. Давыденко показал, что живет в г. Хотин, в «волошской» (молдавской) земле, а прежде служил в Польше; это вполне удостоверяет его принадлежность к липкам (там же. Л. 2).

[275] *Рендюк Т. Г.* Пилип Орлик… С. 219.

[276] *Андриевский А.* Русские конфиденты в Турции и Крыму… С. 57.

[277] *Смирнов В. Д.* Сборник некоторых важных известий… С. 41.

Первое известное нам упоминание о Якубе Рудзевиче датировано сентябрем 1759 г. Тогда он, будучи ханским «толмачом» (переводчиком), взял «толмацкие деньги» (плату за перевод документа) со значкового товарища Полтавского полка Ивана Ниженца, прибывшего в Крым с товарами[278]. Второе по хронологии свидетельство прямо связывает Якуба с Литвой. Сотник Новослободского полка Филипп Устимович, находившийся в г. Каушаны (ханская ставка в Бессарабии) с 2 по 27 марта 1760 г. (здесь и далее даты представлены по Юлианскому календарую), упомянул «*недавно прибывшего из Литъвы* в Коушаны ханского переводчика Якуба-аги». От него сотник узнал, что «во всех татарских и ногайских аулах» австрийские («цесарские») и прусские ремонтеры массово скупают коней по 15 червонцев за голову; брат Якуба на момент упоминания успел отогнать 20-тысячный табун для продажи, да и сам он получил круглую сумму за перегон лошадей к прусской границе[279].

Ограниченная источниковая база не позволяет сделать вывод о том, было ли это прибытие из Литвы переходом в крымское подданство или возвращением из очередной деловой поездки. Ясно одно: эти переезды были связаны с крупной торговой сделкой, имевшей следствием быстрый рост влияния Якуба Рудзевича в Бахчисарае. В декабре 1761 г. он явился в Берлин во главе посольства хана Крым-Гирея с объявлением королю Фридриху II о готовности Крымского ханства в марте следующего года вступить в Семилетнюю войну на стороне Пруссии и действовать против России[280]. Интронизация нового российского императора Петра III в феврале 1762 г. и заключение им союза с Фридрихом II лишали смысла эту договоренность. Крым-Гирей, хотя и продолжал заявлять о своей нелюбви к России с детства (он пережил поход Б. К. Миниха в Крым 1736 г.), однако уклонился от дачи обязательств выступить против нее. Посланники Фридриха II в Бахчисарае теперь говорили о найме крымского войска и его участии в военных действиях в Центральной Европе, а также о продолжении закупок «нескольких тысяч» лошадей. Окончательное ханское слово зависело от возвращения Якуб-аги из Берлина. 14 февраля он письменно известил Крым-Гирея об оказанном ему прусским королем торжественном приеме. По возвращении Якубу было поручено известить прусского представителя К. А. фон дер Гольца о том, что ханское войско, собранное в Буджаке, отправится в распоряжение Фридриха II после получения от него 100 тыс. пиастров[281].

---

[278] ЦГИАК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 88. Л. 13.

[279] Там же. Л. 19 об.

[280] *Beydilli K.* Büyük Friedrich ve Osmanilar XVIII. Yüxyılda Osmanlı–Prusya Münasebetleri. Istanbul, 1985. S. 161–162; *Мундт Т.* Крым-Гирей, союзник Фридриха Великаго. Пролог столкновений между Россией и Турцией / пер. с нем. В. Остермана // ИТУАК. № 43. Симферополь, 1909. С. 1, 30.

[281] *Мундт Т.* Крым-Гирей, союзник Фридриха… С. 15, 30–37.

Итак, на тот момент Якуб-ага занимал видное положение в Крымском ханстве, был драгоманом – переводчиком – и главой внешнеполитического ведомства. Возвышение его, татарина из Литвы, произошло благодаря выгодным сделкам крымского хана по продаже ногайских лошадей Прусскому королевству во время Семилетней войны. Как ханский чиновник, он сопровождал Крым-Гирея в его частых переездах из Бахчисарая в Каушаны. В середине августа 1762 г. Якуб-ага принимал в Каушанах запорожского полкового старшину Самуила Недзельского, привезшего из Сечи письма об организации очередной пограничной комиссии по рассмотрению взаимных претензий запорожцев и крымцев. С. Недзельский удостоверился в подготовке похода 25-тысячного крымского войска в «венгерские области»[282]. Однако известие о детронизации Петра III и восшествии на престол Екатерины II (28 июня) остановило военные приготовления хана и принудило его ждать новых указаний из Стамбула. В Варшаве и Санкт-Петербурге с большой настороженностью отслеживали развитие прусско-крымских отношений. Тот же С. Недзельский 20 августа 1762 г. информировал российские власти, что киевский воевода граф Потоцкий планирует предстоящую зиму провести в пограничном местечке Палиево Озеро (Юзефгрод) с 10 тыс. войском «для бережения границы польской»[283]. По состоянию на 8 сентября, Крым-Гирей со своим войском расположился возле «ханской слободы» Кривое Озеро, за несколько миль от польской границы; намерения его оставались неизвестными. Примечательно, что король Речи Посполитой назначил своим представителем для приветствия Екатерины II мечника коронного князя Любомирского, который владел приграничными землями вдоль р. Кодымы. Вместо военного похода через земли Речи Посполитой в Центральную Европу хан отправил своего посла к великому гетману коронному Яну Клеменсу Браницкому с письмом, в котором были изложены обновленные данные об ущербе крымских и османских подданных, понесенном от польских, и излагалось требование проведения дополнительной комиссии для «инквизиции и суда» по пограничным делам. Коронный гетман назначил уполномоченных по их организации, а для пущего бережения приказал стянуть на границу войска. Были предприняты и дипломатические меры сдерживания крымцев. В конце концов договорились о проведении этой комиссии в Юзефгроде 25 сентября[284].

Якуб-ага находился в эпицентре всех этих событий. Отказ Порты от участия в Семилетней войне был озвучен ханским драгоманом, который заявил прусскому посланнику фон дер Гольцу о нежелательности его дальнейшего присутствия в Бахчисарае и вручил ему ханский фирман, разре-

---

[282] *Андриевский А. А.* Дела, касающиеся запорожцев, с 1715–1774 // ЗООИД. Т. 14. Одеса, 1886. С. 663–664.

[283] Там же. С. 664.

[284] Kuryer Warszawski. 1762. № 66. S. 5–6; Supliment do Kuryera Warszawskiego. 1762, pazdziernika 16. № 66. S. 3.

шавший покупку очередной партии лошадей[285]. Дипломатия Фридриха II, едва не втянувшая Крымское ханство в Семилетнюю войну, имела своим результатом банальную торговую сделку, с которой, собственно, и начались прусско-крымские отношения. Турецкий султан Мустафа III разрешил своим подданным беспрепятственно наниматься в прусскую армию (среди таких наемников упомянуты казаки, татары и боснийцы)[286], но никаких войск в помощь Фридриху не отправил. По сообщению от 10 июня 1762 г., из Стамбула в Молдову прибыл «прусский посланник […] к волоскому господарю с фарманом (фирманом. – *В. Г.*) о дозволении ему вербовать людей, почему и дозволено ему из волных разных людей, бурлак [набирать], которой де и навербовал до пятидесяти человек, коим дано было лошади, амуниция и денги». Но случилось так, что эти «бурлаки», «бывших при них для обучения эксерциции двух прусаков связав, разбежались», прихватив с собой все данное для похода имущество. Прусский посланник безуспешно жаловался крымскому хану о происшедшем[287].

Крым-Гирей в течение нескольких лет вызывал восторги ногайцев и крымских татар уверениями, что снова будут богатые добычей войны, он лично разрушит крепость св. Елизаветы (современный г. Кропивницкий, Украина), угрожавшую безопасности крымских границ, и повесит свою плеть в Петербурге[288]. Но вскоре этот хан не только ужесточил наказания своих разочарованных подданных за нападения на жителей соседних государств, но и согласился на постоянное присутствие в Бахчисарае российского консула. Этого никогда не допускали даже самые слабые его предшественники. Для слабеющего Крымского ханства это означало создание разветвленной шпионской сети его основным противником и бессмысленность ведения собственной внешней политики. Впрочем, в этом вопросе от действий Крым-Гирея, тем более – его драгомана, – мало что зависело. Решение о российском консуле в Бахчисарае принимали в Стамбуле.

На фоне всех этих событий выглядят весьма примечательными доверительные разговоры Якуб-аги с запорожским старшиной С. Недзельским. Ханский драгоман ему «под клятвою объявил: счастливо де ваше Войско и все сегобочное (по российскую сторону границы. – *В. Г.*) население, что в России известная перемена сделана (интронизация Екатерины II. – *В. Г.*), а как бы де так не переменилось, то б де государь бывший запорожския и все сегобочния земли хану крымскому жаловал, а запорожцы де за Кубань переведены б были, и уже обещал»[289]. Сложно судить, действительно ли

---

[285] *Мундт Т.* Крым-Гирей, союзник Фридриха… С. 36–37.

[286] *Beydilli K.* Büyük Friedrich ve Osmanilar… S. 158.

[287] Канцелярія Новосербського корпусу / упор. В. Мільчев, О. Посунько // Джерела з історії Південної України. Т. 7. Запоріжжя, 2005. С. 336.

[288] *Смирнов В.* Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты в XVIII в. до присоединения его к России // ЗООИД. Т. 15. Одесса, 1889. С. 238.

[289] *Андриевский А. А.* Дела, касающиеся запорожцев… С. 663–664. *Он же.* Русские конфиденты в Турции и Крыму… С. 10.

Петр III давал хоть малейший намек Мустафе III на подобные мероприятия, но желание ханского драгомана сблизиться с запорожским старшиной как российским представителем здесь явно присутствовало.

Якуб-ага «приобрел к себе доверенность» первого российского консула в Крыму А. Ф. Никифорова (с 1763 г.) и обязался информировать его о тайных делах ханства. После скандального выдворения Никифорова в 1765 г. это конфиденциальное общение продолжилось, как и осталась шпионская сеть, созданная им за время своего консульства. Киевский генерал-губернатор И. Ф. Глебов предписал ему поддерживать письменное сообщение с Якубом, используя «цифирный ключ», известный только им двоим[290]. Следует отметить, что А. Ф. Никифоров был учеником и протеже видного российского дипломата И. И. Неплюева, российского резидента (посла) в Стамбуле в 1721–1734 гг. Выстроенная им за то время система шпионажа на территории Османской империи показала свою эффективность в ходе русско-турецкой войны 1735–1739 гг.[291] Никифоров, следуя его примеру, постарался восстановить доверие начальства усердным кураторством конфидентов, проживающих в Крымском ханстве.

Российская тайная дипломатия недолго считала ханского драгомана наиболее важным своим агентом в Крыму. Смещение Крым-Гирея и возведение на ханский престол Селим-Гирея в 1765 г. резко снизили его ценность как информатора. При новом хане Якуб-ага приобрел титул «гетмана дубоссарского»[292]. В апреле 1766 г. он уже сам предложил свои услуги киевскому генерал-губернатору. Но по информации, полученной от других конфидентов, было установлено, что Якуб-ага, «яко хитрой и пронырливой человек, своими представлениями (тайной информации о России. – *В. Г.*) в великой кредит вошел» у хана Селим-Гирея, от которого «всем министрам Порты рекомендован». И. Ф. Глебов все же решил связь с ним не прерывать. Присланная из Коллегии иностранных дел инструкция предписывала посылать Якубу небольшие подарки, а если его сведения окажутся важными, – давать «пенсию». Киевский губернатор сразу начал с выплаты «пенсии» в 900 р.; с этой суммой из Киева в Дубоссары был отправлен капитан Анастасий Бастевик, лично знавший Якуба и теперь получивший задание восстановить с ним систематическую связь[293].

Литовский татарин Якуб Рудзевич вряд ли испытывал какие-то патриотические чувства к Крымскому ханству. Да и к титулу гетмана, связанного с государственной традицией украинского казачества, он не относился иначе, как средству, дававшему право на власть над определенной территорией и доход от нее – «Ханской Украины» (г. Дубоссары и побережье р. Ягорлык). Сомнительно, чтобы личное обогащение было для него самоцелью, по-

---

[290] *Андриевский А.* Русские конфиденты в Турции и Крыму… С. 20.

[291] *Кочубинский А.* Граф Андрей Иванович Остерман и раздел Турции: Из истории Восточного вопроса. Война пяти лет: 1735–1739. Одесса, 1899. С. 395.

[292] См. § 3 «Ханская Украина» главы IV настоящего издания.

[293] *Андриевский А.* Русские конфиденты в Турции и Крыму… С. 10, 23–24.

скольку он жил в мире, в котором лишь власть могла гарантировать аккумуляцию богатств, а одних только денег было недостаточно для достижения и поддержания власти, как и гарантий личной безопасности. Для этого нужны были титулы и производные от них полномочия. Поскольку титул «гетмана ханской милостью» после Карловицкого договора 1699 г. уже не мог быть использован официально[294], в османской делопроизводственной практике правителя «Ханской Украины» обозначали как воеводу (по примеру Молдовы), а возглавляемую им территорию – *войводалык*; фискальные сборы по этой линии административного подчинения предназначались для военных нужд[295]. Представители Речи Посполитой называли Якуб-агу «воеводой татарским»[296]; его же подпись содержала такую формулировку: «гетман и воевода поднестровский и комендант границ украинских»[297]. Барон де Тотт упомянул его как «губернатора и начальника таможни Балты»[298].

К середине XVIII в. титул «гетмана дубоссарского» уже имел мало общего с украинским казачеством и отдавался на откуп. А. Г. Середа привел данные из турецких документов того времени о «мукатаа Томбасар», т. е. откупе г. Дубоссары и прилегающей к нему местности с широкими правами откупщика[299]. Согласно старой практике Османской империи военные и государственные служащие могли получать право откупа-мукатаа на фискальные сборы с определенной местности. Откуп обычно давался на 3 года; собранную сумму в фиксированном размере в определенные сроки откупщики должны были отдавать в государственную казну под угрозой ареста за невыполнение условий. Крупный мукатаа, как, например, в Венгрии, мог включать до 13 сел[300]. По сообщению Шарля де Пейссонеля (1755), французского консула в Бахчисарае, казна Крымского ханства ежегодно получала 8 тыс. турецких пиастров от «хатмана из Дюбассара», который «почти всегда из армян»[301]. В июне 1762 г. упомянут «дубосарский хатъман, именем Шернез» (судя по имени, армянин), который отправил в

---

[294] *Чухліб Т.* Де й коли існувала так звана Ханська Україна? / відп. ред. В. Смолій; упор. Г. Боряк // Крим: шлях крізь віки. Історія у запитаннях і відповідях. К., 2014. С. 153–156.

[295] *Середа А.* Силистренско-Очаковският еялет през XVII – нач. на XIX в.: Административно-територриално устройство, селища и население в Северозападното Причерноморие. София, 2009. С. 37–38.

[296] Biblioteka Czartoryskich. Akta i listy dotyczące spraw polsko-tureckich, 1767–1769. Rps. 628. S. 2 (49).

[297] Tamże. Rps. 627. S. 13–13 zw.

[298] Memoirs of the baron de Tott, on the Turks and the Tartars. Translated from the French: in 3 vol. Vol. 2. Dublin, 1785. P. 103.

[299] *Середа А.* Силистренско-Очаковският еялет… С. 36, 57, 59.

[300] *Кальди-Надь Д.* Турецкие реестровые книги мукатаа как исторические источники // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы: сб. / под ред. А. С. Тверитиновой. Т. 1. М., 1964. С. 76–78, 86, 89.

[301] *Пейссонель Ш.-К.* Записка о Малой Татарии / пер. с фр. В. Х. Лотошниковой / вступ. ст. и комм. В. В. Грибовского. Изд. 2-е: испр. и доп. К., 2013. С. 27.

Очаков сто вооруженных людей во главе с хорунжим Ионицей Беректарем (Байрактаром), жителем молдавского местечка Фокшаны, для встречи хана Крым-Гирея. В ходе подготовки похода крымского войска в Венгрию «гетман дубоссарский» не только мобилизовал сто человек, но и посылал «дубосарского ведомства села Гедерим» сотника Штефана Балана и местного жителя Иваницу Фрунзе для шпионажа в Новую Сербию, а также руководил заготовкой провианта (сухарей)[302].

Как видим, «мукатаа Томбасар» было не только даваемой на откуп фискальной единицей, но и автономным образованием со смешанным украинско-молдавским населением, где сохранялись черты бывшего казацкого строя, явленные в названиях чинов: гетман, полковник, сотник. Титул «гетмана дубоссарского» Якуб-ага не столько купил, сколько получил как своеобразный патент на специфическую деятельность, которая заключалась и в управлении пограничной территорией, и в осуществлении фискальных и таможенных сборов, и в шпионаже. Не случайно, что Якуб-ага в корреспонденции редко называл себя «владетелем» (т. е. откупщиком). Свое новое положение в тайной переписке с киевским генерал-губернатором в 1766 г. он охарактеризовал так: вступил «в правление округов Каушанскаго, Домбасарскаго и Балцянскаго»[303]. После детронизации Крым-Гирея Якуб-ага искал способ убедить нового крымского хана, Селим-Гирея, в своей нужности. И нашел: предложил заселить пограничную с Речью Посполитой территорию – от устья р. Синюха, впадающей в Южный Буг, по р. Кодыма до местечка Палиево Озеро (Юзефгрод) – выходцами из Левобережной Украины (гетманскими казаками и посполитыми) и Новороссийской губернии. На эту территорию тогда распространилось название «Ханская Украина». Как писал российский агент в Очакове, «о вызове […переселенцев] он, Якуб, немалое прилагает старание, объявляя им данные выгоды и облегчения в податях с учреждением ярманков и протчих полезных распорядков, по которой причине народ с помянутых сторон сильно туда стекается и селении гораздо умножились, да и безпрестанно прибавляются». Отмечено еще одно важное обстоятельство: «для прикрытия сего намерения от соседственных держав приказано Якубу разгласить, что все те слободы ему на откуп отданы»[304].

Крымскому ханству создание зоны оседлости на границах с Речью Посполитой и Российской империей кроме экономической выгоды давало и важные политические преимущества. Во-первых, Гиреи нуждались в установлении своего постоянно действующего административного аппарата на степном пограничье; конечно, без возникновения на севере кочевий едисанских ногайцев постоянных поселений об этом не могло быть и речи. Во-вторых, Бахчисараю было необходимо буферное пространство, отделяющее

---

[302] Канцелярія Новосербського корпусу. С. 335–336.
[303] *Андриевский А.* Русские конфиденты в Турции и Крыму… С. 14.
[304] Там же. С. 12, 31.

его территории от нападений украинских гайдамаков и казаков, неподконтрольных польским и российским властям, а с другой стороны – сдерживающее собственных подданных от набегов на северных соседей. Это было одной из главных проблем крымских ханов, начиная с 1699 г.: взаимные нападения крымских, польских и российских подданных дестабилизировали границы и осложняли межгосударственные отношения. Например, в 1760 г. в отместку за набеги гайдамаков, ногайцы и крымские татары захватили вблизи границы до 20 «поляков и некоторых купцов»[305], что стало предметом длительных разбирательств. В-третьих, северный берег пограничной р. Кодыма в то время энергично заселяли польские осадчики. Князь Любомирский в 1760–1761 гг. строил здесь «город» Кривое Озеро и разместил в нем надворных казаков под предлогом защиты от гайдамаков. Крымские власти отреагировали на это возведением на противоположном берегу своего «города»[306]. Кроме того, польские помещики укрывали в своих имениях ногайских и крымскотатарских бунтовщиков, бежавших от преследований со стороны хана[307]. Халим-Гирею приходилось посылать письма в Сечь с просьбой отправить запорожские караульные команды в Побужье для поимки гайдамаков и взбунтовавшихся ногайцев, не взирая на границы[308]. Из Бахчисарая в Сечь подобные предложения поступали в отношении восставших ногайцев (1758 г.) с обещанием того, что «весь их скот и имение да будет пред вами, а нам толко отдавать их головы»[309]. Было еще и четвертое важное обстоятельство: отсутствие у Бахчисарая собственного канала получения информации о намерениях правительств соседних государств. Даже Речь Посполитая, все более попадавшая в зависимость от Российской империи, располагала агентурной сетью, руководимой пограничными «командирами» (по сообщению 1755 г. от губернатора г. Торговица на р. Синюха «шпионы, а больше из жидов, посылаютца, и там уже они, разведав и записав, приносят известия»[310]).

Предложение Якуб-аги сулило комплексное решение этого сложного вопроса. Заселение южного берега р. Кодыма началось задолго до его назначения в «гетманы дубоссарские». Первыми здесь возникли слободы Балта (около 1748 г., напротив Палиевого Озера или Юзефгрода), Голма и Перелеты (1753); еще три – в 1762 г.[311], т. е. в год пограничных осложнений из-за Пруссии. Следует полагать, у хана Крым-Гирея были свои планы на эту полосу земледельческой оседлости, и Якуб играл в них весьма важную роль, в которую новый хан, Селим-Гирей, по всей видимости, был не полностью

[305] ЦГИАК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 91. Л. 5.
[306] Там же. Л. 41–41 об.
[307] Канцелярія Новосербського корпусу. С. 293.
[308] *Скальковський А. О.* Історія Нової Січі, або останнього Коша Запорозького. Дніпропетровськ, 1994. С. 369.
[309] АВПРИ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 1. Л 103 об.
[310] ИР НБУ. Ф. 9. Ед. хр. 132–214. 1755 г. Л. 17 об.
[311] ЦГИАК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 143. Л. 79–81.

посвящен. После детронизации Крым-Гирея его драгоман наложил на них руку и подверг преследованию некоторых местных управителей. 10 сентября 1765 г. Якуб-ага, «воевода дубоссарский, владелец слободы Кривое Озеро», сообщил коменданту крепости св. Елизаветы В. А. Черткову о принятии от него «бежавшого отсюду бывшаго голтанского каймакана, прозываемаго Черк*е*са»[312] (в других документах беглецом назван каймакан слободы Голта Гарбет Попов, который со «служебными» деньгами скрылся в Новороссийской губернии[313]; вероятно, армянин). Что примечательно, «полковник дубосарский Черк*а*с» в декабре 1763 г. вел переписку с запорожским кошевым атаманом П. И. Калнышевским о пограничных вопросах[314], т. е. выполнял функции ханского местного администратора. Российская пограничная администрация, имея секретные инструкции о содействии Якуб-аге, поспешила удовлетворить его требования.

По всей вероятности, султанское и ханское правительства знали о шпионских играх «гетмана дубоссарского» с киевским генерал-губернатором; точнее, эти игры велись с их согласия. При хане Селим-Гирее он, не занимая должности драгомана, продолжал прежнюю практику доверительных разговоров с прибывавшими из Российской империи посланниками, выуживая у них нужную информацию и предоставляя им данные о ханстве в наиболее выгодном для него свете. В январе 1765 г. новый ханский переводчик, Дауд, которому по должности было положено встречать и сопровождать официальных иностранных гостей, привел поручика Климовского, отправленного киевским генерал-губернатором, к тому же Якуб-аге, эту должность уже не занимавшему. Разговор зашел о возобновлении российского консульства в Бахчисарае[315]. О содействии в этом вопросе Якубу настойчиво писали из Киева. Он отвечал, что прилагает все усилия, но не может действовать напористо, боясь вызвать подозрения в тайной связи с Петербургом; сообщал незначительные новости, уверял в своей преданности России; писал об истраченных на исполнение конфиденциальных поручений деньгах и просил платы на два года вперед; сетовал на то, что нынешний хан – невежда, который не может навести порядок в своей стране; извещал о намерении перевести свою семью в Дубоссары, ибо в Крыму дом его сгорел, а новый он строить там не собирается; спрашивал, может ли он найти прибежище в России, если его враги в Крыму настроят против него крымского хана. Но в то же время Якуб-ага установил отношения с французским консулом Ференцом де Тоттом и получил от него 200 червонцев. Узнав об этом, российское правительство перестало платить своему неоправдавшему надежд агенту. В ответ Якуб ограбил рос-

[312] ИР НБУ. Ф. 9. Ед. хр. 2244–2247. 1765 г. Л. 1–4.
[313] ИР НБУ. Ф. 9. Ед. хр. 2236–2243. 1765 г. Л. 1–1 об.
[314] Петро Калнишевский та його доба: Збірник документів та матеріалів / упор. В. В. Грибовський, В. І. Мільчев, І. Л. Синяк. К., 2009. С. 125.
[315] Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 57. Ч. 3. М., 1887. С. 481.

сийского купца Федора Бондарева на сумму 1869 руб., полагая, что взял себе причитающееся, о чем не без бахвальства сообщил киевскому генерал-губернатору 22 августа 1768 г. А в сентябре, перед самым началом военных действий, «гетман дубоссарский» арестовал в очередной раз приехавшего к нему капитана А. Бастевика[316].

Приведенного достаточно для понимания того, что Якуб Рудзевич вовсе не был российским шпионом, а использовал эту агентурную связь в своих интересах. Каковы же были эти интересы? Были ли они тождественны интересам Крымского ханства и Османской империи, о которых речь шла выше? Ответить на это трудно, ввиду ограниченной источниковой базы и наличия стойких историографических стереотипов, уводящих рассмотрение в сторону от поставленных вопросов. Но предположительные ответы на них можно дать, исходя из анализа событий лета 1768 г., в которых прослеживаются следы татар-липок и Барской конфедерации, не слишком заметные на фоне общего ухудшения отношений между Османской и Российской империями.

Зыбкий порядок, установившийся на польско-крымском пограничье после заключения Белградского мира 1739 г., балансировал на грани разрушения в начале 1760-х годов. После интронизации Станислава Понятовского в 1764 г. резко увеличилось российское влияние в Речи Посполитой, вызвавшее противоречивые реакции внутри и вокруг этого слабеющего государства. Вмешательство монархии Романовых в его внутренние дела под предлогом защиты православного населения вошло в резонанс со старыми конфессиональными и этническими конфликтами. Стремительно росли антироссийские и прокатолические настроения среди поляков, что выразилось в провозглашении в подольском г. Бар конфедерации и погромах православных церквей и общин. С другой стороны, на Правобережной Украине набирало силу гайдамацкое движение, неформально связанное с Запорожьем и стихийно выступавшее за восстановления казацкого строя, ликвидированного Варшавой в 1699 г., и защиту православия. Гайдамацкие отряды составили основу Колийивщины – крупного восстания, охватившего Правобережную Украину в июне 1768 г. Восстание возглавил запорожец (следовательно, российский подданный) Максим Зализняк. Правомерность его действий была обоснована в фальшивой «Золотой грамоте», в которой он был назван «полковником и атаманом Войска Запорожского» с полномочиями «вступить на территорию Польши, взяв с собой части нашей российской армии и донских казаков, дабы уничтожить с Божьей помощью всех поляков и евреев, поругавших нашу святую веру»[317]. Текст этой «грамоты» был опубликован во французской прессе вскоре после Колийивщины и получил широкую огласку как документ,

---

[316] *Андриевский А.* Русские конфиденты в Турции и Крыму… С. 13–14, 16.

[317] *Мірчук П.* Коліївщина. Гайдамацьке повстання 1768 р. Нью Йорк, 1973. С. 133–134.

подтверждающий обоснованность объявления Турцией войны России. По всей видимости, М. Зализняк был уверен в подлинности этого документа, иначе он вряд ли доверился бы призыву генерал-майора М. Кречетникова явиться к нему для согласования общего выступления против конфедератов, дав возможность так легко себя арестовать (26 июня). Исходя из содержания «золотой грамоты» (ее «язык» далек от делопроизводственного стиля российских документов) и контекста ее появления, можно предположить, что она была сфабрикована в среде православного духовенства Правобережной Украины.

Отношения Якуб-аги с Максимом Зализняком прослеживаются с момента взятия им г. Умань (10 июня). «Гетман дубоссарский» тогда письменно обратился к предводителю Колийивщины с просьбой о защите находившихся там «турецких» купцов. М. Зализняк отправил ответное письмо с запорожцем Фомою Дурным о том, что «оные купцы ничем не были тронуты»[318], т. е. он, представляясь официальным лицом, уполномоченным российской императрицей на борьбу с Барской конфедерацией и «защиту православия», считал себя вправе сообщаться с пограничным губернатором иностранного государства, придерживаясь (в поступках и письмах) неких правовых и этикетных норм.

16 июня к местечку Палиево Озеро (Юзефгрод) прибыл отряд «сотника» Семена Шило, состоящий из 50 гайдамаков; причиной его появления было получение М. Зализняком известия о нахождении там 50 конфедератов. Как и в других местностях, охваченных Колийивщиной, здесь произошли убийства и грабежи местных польских и еврейских жителей. Многие из них успели укрыться на турецкой стороне границы, в Балте. Не осмелившись нарушить границу, С. Шило обратился к Якуб-аге с требованием их выдачи, но тот отказал. Четыре дня «погуляв» в Палиевом Озере, Шило со своими гайдамаками «замирился» с балтянскими «турками», которые скупали у них награбленное (на допросах гайдамаки утверждали о «возвращении» всего награбленного), а затем отправился в Умань. Воспользовавшись его уходом, поляки и евреи, укрывшиеся в Балте, вместе с конфедератами вернулись в Палиево Озеро, ограбили местных православных жителей, убили четырех купцов (сербов и «русских»), осквернили их церковь, в отместку за убийства и погромы, совершенные гайдамаками во имя «защиты православия». Кроме того, балтянские «турки» убили четырех гайдамаков, оставленных Шило охранять мост, соединявший Балту и Палиево Озеро. Узнав об этом, гайдамаки снова нагрянули в Палиево Озере «с немалим азартом, многочисленно», погнались за конфедератами и «турками» через мост на противоположный берег пограничной речки Кодымы, обстреляли из четырех пушек Балту, принудив Якуб-агу и подчиненный ему небольшой гарнизон (состоящий из сейменов, т. е. наемных

[318] Гайдамацький рух на Україні. Збірник документів / упор. І. Л. Бутич та ін. К., 1970. С. 436–437.

солдат; в источниках их называют турками) бежать, и разграбили этот крымско-турецкий «город». В ходе столкновения погибло 15 османских и крымских подданных[319].

Это событие стало поводом для продолжения «официальной» переписки М. Зализняка и Якуб-аги. 19 июня 1768 г. предводитель Колийивщины изложил в письме к «гетману дубоссарскому» свою оценку произошедших событий: «По выступлению нашем (нашего войска; Зализняк на тот момент оставался в Умани. – *В. Г.*) из города Балта напали ваши с той стороны, почему – не можем знать, или жолнеры, или мещане, вторглись в город [Палиево Озеро], стали христиан убивать, тогда мы, узнав о том, принуждены были назад вернуться и своих людей защищать […]. Вернувшись назад, мы не хотели с вами никаких столкновений иметь, только когда одного нашего казака убили, должны были мы себя защищать […]. Как мы в первый раз приехали, мы очень хотели быть в хороших отношениях с вами, и просьбу вашей вельможности пана выполнили» (вернули 4 коней и удовлетворили другие претензии Якуба). Далее: «Мы ездили по границах, но не самовольно, а согласно указу нашей царицы, поляков и евреев и других злодеев убивая и в Польщу загоняя, а вы таких людей прячете на своей земле и еще за них заступаетесь, посему прошу Вас, милостивого пана и благодетеля, за таких людей больше не заступаться и на своей земле не прятать»[320]. Копия этого письма была сделана в Балте и отправлена Якуб-агой польским властям в подтверждение своих претензий о нападении их подданных, изображающих из себя запорожцев, на турецко-крымские владения.

В описанных событиях была одна весьма важная для понимания специфики политической традиции «Ханской Украиной» деталь: гайдамаки привезли из Балты захваченный там атрибут гетманской власти – «употребляемой в Войске Запорожском войсковой знак, называемой пернач, деланной из железа»[321]. Какое это имело отношение к объявлению М. Зализняка гетманом в Умани[322] – несложно догадаться. Вполне вероятно, что этот пернач принадлежал первым гетманам «Ханской Украины» – Степану Лозинскому (1690–1695) и Петру Иваненко (1695–1712) – и в конце концов из рук Якуб-аги перешел к Максиму Зализняку как последнему крупному руководителю казачества Правобережной Украины. По сообщению от 24 июня, он имел при себе есаула с перначом, одну хоругвь и восемь прапоров (флагов)[323]. Однако овладение этими казацкими регалиями никак не

---

[319] Последовательность событий реконструирована нами на основе следующих данных: АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6/79. 1768 г. Д. 932. Л. 20–20 об.; Гайдамацький рух на Україні. С. 361–363, 436–438, 370; *Serczyk W.* Haydamacy. Kraków, 1972. S. 331.

[320] Biblioteka Czartoryskich. Akta i listy dotyczące spraw polsko-tureckich, 1767–1769. Rps. 628. S. 2(49)– 2(49) zw.

[321] Гайдамацький рух на Україні. С. 438.

[322] *Мірчук П.* Коліївщина. Гайдамацьке повстання 1768 р. С. 179.

[323] Гайдамацький рух на Україні. С. 373.

повлияло на признание его предводителем правобережного казачества даже на Запорожской Сечи.

21 июня 19 гайдамаков («несколько человек, якобы запорожских казаков») совершили нападение («с крайнею продерзостию и зверскою яростию») на другую ханскую слободу – Голту, находящуюся при устье р. Кодыма напротив слободы Орел, расположенной по другую сторону Южного Буга в Новороссийской губернии. Укрывавшиеся в Голте «несколько человек полских шляхтичей и жидов», а также «голтянские жиды» – турецко-крымские подданные, – были убиты («измуча, покололи и убили […], а других в реку Буг потопили»). Каймакан слободы Голта отказался выдавать «польских» беглецов по требованию гайдамаков и спасся бегством в слободу Орел[324].

«Гетман дубоссарский» проявил бурную активность в ходе всех этих событий. Сразу после нападения гайдамаков на «ханские слободы» к Балте подошли собравшиеся для военного похода ногайцы. На тот момент у Якуб-аги находились запорожский представитель Семен Галицкий и посланные от М. Зализняка есаул и сотник для улаживания конфликта. Обращаясь к гайдамакам, Якуб сказал: «Что вы это сделали и с каким вы намерением город сей, Балту, разорили? Видеть де вы можете сами, что орда подоспела и она напрасно отойти не может. От вы запропастили своим самоволством Украину»[325]. Представители Зализняка подписали какие-то обязательства о возмещении ущерба. Якуб показал С. Галицкому письма, присланные от предводителя Колийивщины, в которых он обозначил себя как представитель Войска Запорожского, действующий по указу «царицы». Галицкий отрицал это и заявил, что они не запорожцы, а «самозбройцы» и что турецко-крымские власти могут с ними поступать, как посчитают нужным[326].

С конца июня до начала августа Якуб-ага «калатал» претензийными письмами об «обидах и казнях» в «ханских слободах», рассылая их в Варшаву и Стамбул к польскому послу[327]. 30 июня (10 июля) «гетман дубоссарский» сообщил польским властям об отправке ханом своего представителя в Россию для заявления протеста по поводу нападения ее подданных-запорожцев на Балту и Голту, «тирански замученных нескольких сотнях людей», и требования «сатисфакции причиненного ущерба крупных сумм». Он ежедневно докладывал начальникам турецких крепостей Очаков и Бендеры обо всем происходящим и о том, что последние события являются прямым поводом для объявления войны («apparencya do woyny w naszym kraju»)[328]. По сообщению от 8 (19) июля в Балту приезжал пан Ба-

---

[324] Там же. С. 373; *Serczyk W.* Haydamacy. Kraków, 1972. S. 332.

[325] Гайдамацький рух на Україні. С. 371.

[326] Там же. С. 371–372.

[327] *Rawita-Gawroński Fr.* Historya Ruchów Hajdamackich w XVIII w. T. 2. Brody, 1913. S. 231.

[328] Biblioteka Czartoryskich. Akta i listy dotyczące spraw polsko-tureckich, 1767–1769. Rps. 627. S. 13–13 zw.

гинский, представитель ловчего коронного и региментаря генерального (коронного гетмана) Браницкого, для выяснения обстоятельств и ущерба, нанесенного гайдамаками, подданными Речи Посполитой и Российской империи. Выяснилось, что в ходе тех событий было убито до 300 людей и угнано много скота. Парируя претензии «гетмана дубоссарского», гетман коронный заявил встречную претензию о том, что во время преследования гайдамаков подначальные Якуб-аги напали на территорию Речи Посполитой, нарушив тем самым Карловицкий договор[329].

Российская дипломатия пыталась блокировать исходящие от Якуб-аги обвинения в том, что нападения на Балту совершили российские подданные – запорожцы. 10 июля посол в Варшаве Н. В. Репнин писал послу в Стамбуле А. М. Обрескову о получении письма от Я. К. Браницкого, в котором говорилось: «вышепомянутое разорение произошло от разбойников или россиских людей, коими *разумеет тот ага* запорожских наших бродяг»[330]. Российские власти предлагали Якуб-аге выбрать место на границе для публичной экзекуции М. Зализняка и его 70 соратников – подвергнуть их такой «казни, которая в империи нашеи употребительна с величайшими только преступниками», причем произвести ее так, чтобы «турецкие подданые купно с поляками всему происхождению самовидцами быть могли». Назначенная для них смертная казнь затем была заменена на вырывание ноздрей, заковывание в кандалы и вечную ссылку в Нерчинск на каторгу[331].

Обратимся еще раз к сообщению С. Галицкого от 2 июля о подходе вооруженных ногайцев к Балте и угрозе Якуб-аги по этому поводу гайдамакам, что они «запропастили своим самоволством Украину». 13 (24) июля некий грек из Хотина сообщил польской пограничной администрации, что турки собирают войска на границах, «все татары поднялись, в особенности ногайцы», имея своим намерением перейти границу и атаковать Новую Сербию[332]. В этих событиях постоянно присутствовал фактор Барской конфедерации. После поражения под г. Бар от российских войск отряды конфедератов перешли р. Днестр у г. Могилев-Подольский и, передав свою артиллерию турецким властям, расположились в Молдове[333]. Их поддержали местные липки, которые также вооружались, готовые вступить на территорию Речи Посполитой для ее освобождения от российского присутствия. По недатированному сообщению 1768 г. (его можно отнести к концу осени того года) к маршалку коронному Ежи Мнишху один из лидеров конфедератов, Пулавский (скорее всего, Франтишек Ксаверий, избранный в генеральные канцлеры конфедерации 23 ноября), выступил во

[329] Biblioteka Czartoryskich. Akta i listy dotyczące spraw polsko-tureckich, 1767–1769. Rps. 628. S. 2 (49).
[330] Гайдамацький рух на Україні. С. 382–383.
[331] Там же. С. 411–412, 430, 434, 457–458.
[332] Biblioteka Czartoryskich. Akta i listy dotyczące spraw polsko-tureckich, 1767–1769. Rps 627. S. 10–10 zw.
[333] Гайдамацький рух на Україні. С. 383.

главе нескольких колон в направлении Польши с несколькими тысячами татар-липок и тысячею турок[334]. Конфедераты часто посещали Стамбул, активно агитировали ногайцев Буджацкой и Едисанской орд идти в поход против России, с той же целью приезжали в Запорожскую Сечь[335]. Начиналась новая война Османской и Российской империй.

Итак, Якуб-ага сыграл значительную роль в превращении балтского инцидента в повод для начала войны. Без сомнения, он знал, кто вырвал из его рук гетманскую булаву и для каких целей; знал и о происхождении этой булавы, о ее исторической связи с казачеством Правобережной Украины. Не мог он не знать и того, что в Колийивщине хоть и участвовали запорожцы, но отнюдь не массово и без разрешения своих властей, и что основной ее силой было правобережное гайдамачество, добивавшееся своим стихийным напором восстановления казацкого строя, уничтоженного в начале XVIII в. Во всем этом он, пронырливый шпион, не мог не быть осведомленным до мелочей; не исключено, что ему было известно и о происхождении той «золотой грамоты». И тем не менее он создал и активно приводил в действие ту версию событий, которая прямо вела две империи к войне. Вполне вероятно, что нападение подначальных ему «турок» на гайдамаков, оставленных сотником С. Шило охранять мост, было сделано по его приказу с целью провокации. Ввиду этого примечательна его связь с французским представителем в Стамбуле Францом де Тоттом, со своей стороны прилагавшим усилия к тому, чтобы Порта объявила войну России. К этому османов подталкивала французская дипломатия, этого ждали польские конфедераты, а также татары-липки. Выбитые из ареала своего проживания с устоявшимся укладом жизни, они поддерживали протестные движения в Речи Посполитой (от «партии» Станислава Лещинского до Барской конфедерации) и принимали участие во всех крупных антироссийских акциях. Принадлежность Якуба Рудзевича к этой этнической группе во многом объясняет его поведение в июне–июле 1768 г. Впрочем, намеченные нами контуры его связи с липками необходимо проанализировать на более широкой источниковой базе.

Незадолго до начала войны с Якуб-агой произошел случай, едва не стоивший ему головы. Согласно свидетельству Ф. де Тотта, хан Максуд-Гирей, руководимый стремлением наполнить свою скудную казну, приказал бросить в тюрьму и конфисковать имущество «губернатора и начальника таможни Балты». «Я посчитал очень важным попытаться спасти и восстановить положение этого человека, *который наилучшим образом удовлетворял интересы Франции*», – писал барон де Тотт. Этого он и добился, заручившись поддержкой «министров» ханского дивана, муфтия и некой семидесятилетней султанши из рода Гиреев, покровительствующей Якубу[336].

---

[334] Biblioteka Czartoryskich. Listy do Jerzego Mniszcha, marszałka kor., w sprawach publicznych i prywatnych. T. 29, 1769. Rps. 3863. S. 9(170)–9(170) zw.

[335] *Скальковський А.О.* Історія Нової Січі, або останнього Коша Запорозького. Дніпропетровськ, 1994. С. 449.

[336] Memoirs of the baron de Tott… P. 103.

6 января 1769 г. хан Крым-Гирей во главе 100-тысячного войска прибыл в Балту[337]. Накануне сюда подошли 10 тыс. турецких сипахи, которые самовольно опустошили Балту и сожгли близлежащие деревни[338]. Известные нам источники не упоминают Якуб-агу в тех событиях. В 1770 г. он фигурирует как переводчик хана Каплан-Гирея[339], а также «начальник турок и татар, жительствующих около сел[ения] Балты, расположенного по речке Кодыме, и владелец селидьбы при урочище Кривое Озеро»[340]. В июле того года Якуб-ага предложил свои услуги командующему 2-й армии П. И. Панину и оказал ему содействие в подчинении буджацких и едисанских ногайцев[341]. С этого момента начинается его служба Российской империи, превратившая его в ключевую фигуру уничтожения Крымского ханства.

§ 6. Осип Гладкий – атаман Задунайской Сечи и Азовского казачьего войска

Л. М. Маленко (Рощина)

В разгар русско-турецкой кампании 1828–1829 годов в г. Екатеринодар прибыла делегация, вызвавшая неподдельный интерес у жителей Черномории. В составе делегации было всего три человека – два «гайдука (ординарца) саженного роста» и «вельможный атаман», который приковывал к себе всеобщее внимание не только «рослым и крепким телосложением», но и богатым запорожским костюмом. На нем был красный жупан с кунтушом, обшитым серебром, голубые шаровары, «широкие и волнистые как море», и красные сапожки с подковами. Он постоянно курил «здоровенную трубку в хорошей серебряной оправе» и все больше молчал и слушал, о чем говорило между собой черноморское офицерство. Именно так описал генерал Вареник казацкую делегацию, которая стала украшением званого обеда наказного атамана Черноморского ка-

---

[337] Записки генерал-фельдмаршала князя Александра Александровича Прозоровского. 1756–1776. М., 2004. С. 183–186.

[338] Memoirs of the baron de Tott… P. 173.

[339] Записка, каким образом предводителем Второй армии генералом графом Паниным начато производиться предпринятое российским императорским двором и ему порученное намерение, клонящееся к поколебанию татарських орд против нынешнего их подданства (1770) // Русский архив. 1878. Кн. 3. Вып. 12. С. 465.

[340] *Мурзакевич Н.Н.* Якуб-ага (Яков) Рудзевич // ЗООИД. Т. XIII. Одесса, 1883. С. 255.

[341] Записка, каким образом предводителем Второй армии генералом графом Паниным… С. 465–470, 474.

зачьего войска генерал-майора Бескровного[342]. Цель прибытия делегации на Кубань состояла в поисках свободных земель для поселения запорожского казачества бывшей Задунайской Сечи.

Осмотреть земли Кавказской линии и выбрать удобную, свободную от «неприятельских горцев», территорию для поселения запорожских казаков приехал последний кошевой атаман Задунайской Сечи Осип Михайлович Гладкий – хорошо известная и одновременно загадочная личность первой половины XIX века. Его любили и уважали многие казаки, к нему с почтением относились царедворцы. Вместе с тем, порицали Гладкого и осуждали его поступки задунайские казаки, черноморцы, исследователи-казаковеды. Прошло почти два столетия, а отношение к О. Гладкому как к человеку и деятелю и сейчас довольно неоднозначное. Полярность точек зрения в народных преданиях, мемуарной литературе, исторических исследованиях помогает воссоздать полный, многогранный образ последнего кошевого атамана Задунайской Сечи, с деятельностью которого связана дальнейшая судьба задунайского казачества.

Осип Михайлович Гладкий родился в селе Мельники Градижского уезда Екатеринославского наместничества в семье сельского старосты. Год его рождения точно не известен, вероятнее всего 1789 год, потому что согласно военному формуляру, заведенному в 1828 году, О. Гладкому было 39 лет. Семья, в которой рос мальчуган, была довольно зажиточной. Отец будущего кошевого атамана, Михаил Григорьевич, имел трех сыновей[343], но ни одного не отдал в солдаты, когда тем пришла очередь служить, а отправил вместо них наемников. Безбедное существование семьи Гладких позволяло дать детям хорошее образование. Однако в мемуарной литературе встречаются сведения, в которых сообщается, что О. Гладкий был неграмотным и умел писать только свою фамилию[344]. Дневник атамана, хранящийся в фондах Днепропетровского исторического музея имени Д. И. Эварницкого (Д. И. Яворницкого)[345], опровергает это утверждение. Вместе с тем современники Гладкого подчеркивают, что особого пристрастия к обучению и чтению он не имел. В отчетах российских сановников также отмечается, что О. Гладкий – малограмотный офицер[346].

О детстве и юности О. Гладкого сведений не имеется. После смерти отца он получил в наследство надел земли, а в 1813 году вступил в брак с казачкой села Краснохижинцы Золотоношского уезда Екатеринославской

---

[342] *Короленко П. П.* Переселение казаков за Кубань. Русская колонизация на Западном Кавказ. Материалы для истории Кубанской области // Кубанский сборник. Т. 16. Екатеринодар, 1910. С. 273.

[343] *Эварницкий Д. И. (Яворницкий Д. И.).* Запорожье в остатках старины и преданиях народа. К., 1995. С. 131.

[344] *Гаденко А. П.* Азовское казачье войско. Кашира, 1912. С. 43–44.

[345] Днепропетровский национальный исторический музей им. Д. И. Яворницкого (ДНИМ). Ф. 10. Оп. 1. Д. 18.

[346] *Епанчев Н.* Очерк похода 1829 года в Европейской Турции. СПб., 1905. С. 171.

губернии Феодосией Андреевной Мазур[347]. Один за другим у супругов Гладких родилось четверо детей – двое сыновей и две дочери. Содержать семью и платить налоги становилось все труднее. Работа на собственной земле не приносила весомых прибылей. К тому же, по словам современников, Осип не проявлял особых способностей к земледелию. Кропотливая работа на собственном поле не привлекала «широкую казацкую натуру» Гладкого[348]. Очень скоро он начинает продавать участок за участком родительскую землю. Чтобы как-то сводить концы с концами, О. Гладкий старается найти дополнительный заработок. Некоторое время он бондарил в Краснохижинцах, потом работал по свободному найму – копал погреба, рыл колодцы. Однако это не улучшило положения семьи. Долги росли. Когда от родительского наследства остались только приусадебный участок, десятина земли и пара волов, Осип Гладкий решает податься на заработки. Он оставляет семью на содержание своего брата Максима, подарив за это ему пару волов, и в 1820 году отправляется на поиски работы.

Осип Гладкий брался за любое дело, которое сулило ему хорошую прибыль. Сначала он нанялся к богатому казаку и сумел заручиться доверием хозяина. Тот поручил Гладкому волов с телегами и отправил с чумацкой валкой в Крым. Доверие казака своему работнику не было оправдано. Осип не вернулся туда, где работал. Причина прозаична: Гладкий загулял и промотал все, что ему было доверено. При таких обстоятельствах он вынужденный был убегать подальше от предыдущего места работы. Так О. Гладкий оказался в Северном Причерноморье, где нанялся плотничать. Не зная плотничьего дела, он за хорошие деньги взялся строить водяную мельницу. Гладкий почти закончил работу, но его несовершенное строение было смыто водой и полностью разбито[349]. О. Гладкий снова исчезает и спустя некоторое время появляется в Одессе, где занимается бондарством. Из Одессы семья Гладкого получает первую и последнюю, в течение 9-ти лет, денежную помощь в размере 40 руб. от своего кормильца.

Очевидно, Осип не преуспел в занятии бондарством, поэтому оставил и это ремесло, и нанялся рабочим к богатому торговцу. Разнообразие работы, за которую брался Гладкий, демонстрирует определенные черты характера этого человека. Отсутствие склонности к какому-то одному виду деятельности и явная неопытность в тех областях, где он работал, свидетельствуют о чрезмерной самоуверенности, ленивом характере и склонности к быстрой наживе.

В Одессе О. Гладкий принимает решение жениться на служанке своего работодателя. А священник, которого он просил совершить обряд венчания, послал запрос на родину Гладкого. Скоро стало известно, что он

---

[347] Русский биографический словарь. М., 1916. Т.V. С. 246.

[348] *Короленко П.* Азовцы // Задунайская Сечь: К 1000-летию летописания и книжного дела в Украине. Одесса, 1998. С. 61.

[349] Там же. С. 62.

уже женат и имеет четверых детей, поэтому Осип спешно выехал из Одессы, появился сначала в Керчи, а затем убежал в Задунайскую Сечь[350].

Напрасно семья ждала вестей от хозяина. Он в очередной раз (теперь уже за Дунаем) не сказал правды о своем семейном положении и был принят в сечевое общество, в Платнировский курень. С принятием в казаки О. Гладкий получил и новое прозвище – Бондарь. Члены семьи и родственники на протяжении нескольких лет не получали никаких вестей от О. Гладкого, поэтому его стали считать погибшим. При таких обстоятельствах Максим Гладкий отрекся от всех обязательств содержать семью брата и выгнал всех из дома. Феодосия Андреевна с детьми вернулась в свое село к матери. Перезимовав в Краснохижинцах, она продала последний участок земли из бывшего хозяйства своего мужа и на вырученные деньги купила землянку в Мельниках. В этой халупе семья О. Гладкого прожила до 1829 года. Чтобы как-то платить налоги и удерживать семью, жена казака Бондаря работала в хозяйствах зажиточных семей, «трясла коноплю за повисмо». Старшие дети также вынуждены были батрачить у богатых односельчан или родственников[351]. Малоприбыльная работа членов семьи О. Гладкого не позволяла им выбраться из бедности. Вместе с тем следует заметить, что Феодосия Андреевна платила налоги не только за себя и детей, а и за мужа, который не отзывался несколько лет, однако официально не был признан погибшим.

Когда семья бедствовала и еле-еле сводила концы с концами, О. Гладкий успешно продвигался по лестнице военной карьеры за Дунаем. В флотилии под командованием главнокомандующего турецких и египетских войск Ибрагим-Паши, в составе пятитысячного казацкого отряда, он принимал участие в войне турок с греками. Под командой кошевого Якова Мороза ходил походом под Миссолунгу, вместе с другими казаками осаждал и штурмовал крепость. После этого похода был избран куренным атаманом Платнировского куреня. Такие черты характера куренного Бондаря, как упорство, изобретательность, хитрость наиболее ярко проявились именно на Сечи. Не остались без внимания задунайского населения и предпринимательские способности куренного Платнировского куреня. С целью улучшения благосостояния своего куреня Бондарь налаживает связи с задунайской райей (податным христианским населением слобод, семейными людьми неказацкого состояния, которые жили на территории, подвластной Задунайской Сечи и платили налоги Турции), старается поддерживать хорошие отношения с теми, с кем выгодно сотрудничать. Когда в 1827 году на Задунайской Сечи встал вопрос о выборах нового кошевого атамана, О. Гладкий был одним из претендентов. На Покрову этого же года он при поддержке райи становится кошевым атаманом Задунайской Сечи[352].

---

[350] Там же. С. 62.

[351] *Илляшенко В.* Атаман из Золотоноши // Украина. 1988. № 26. С. 23.

[352] *Кондратович Ф.* Задунайская Сечь: По местным воспоминаниям и рассказам // Киевская старина. 1883. Т. V. С. 277.

Атаманство О. Гладкого приходится на довольно трудные времена. Казацкая вольница за Дунаем переживала период кризиса. Стремительное развитие товарно-денежных отношений на сечевых землях способствовало имущественному и социальному расслоению задунайского общества. Интересы зажиточных и среднего достатка казаков не совпадали с интересами голытьбы и «старого» казачества. Первых интересовали условия и возможности для развития прибыльного хозяйства, а последних – сохранение собственной свободы, независимости. Зажиточные и среднего достатка казаки стремились к спокойному развитию без потрясений и войн. При наличии таких же прав и свобод в России, какие они имели в Турции, эта социальная группа согласна была вернуться на родину и надеялась на это. Возвращение «серомы» и «старых» казаков под юрисдикцию российского государства не улучшило бы их положения. Они даже не надеялись на лучшую жизнь там, откуда вынуждены были убежать. Стремления социальных групп задунайцев были настолько противоположными, что практически раскололи Сечь на приверженцев и противников идеи возвращения в пределы Российской империи. А давление Турции и России в условиях подготовки войны между ними еще больше усложняли экономические, социальные, политические противоречия в среде задунайцев. О. Гладкий был поставлен в такие условия, когда надо было учитывать интересы разных групп населения, вести гибкую политику и, наконец, решать, на чьей стороне воевать в войне, которая в скором времени начнется.

С выбором на должность кошевого атамана Осипа Гладкого Российское государство наконец получило того человека, который согласился возглавить переход задунайских казаков в пределы России. Предшественники Гладкого, хотя были не против возвращения на родину, однако взяться за перенос казацкого Коша в южный регион Российской империи не решались. Кошевой атаман Василий Незамаивский в начале 1827 года на такое же предложение ответил: «Пусть, кто заводил на Сечь, тот и выводит, а я не буду выводить». Свое решение он объясняет тем, что «много народа погубим – турок вырежет»[353], ведь ни одно государство предательства не потерпит.

Создается впечатление, что О. Гладкого мало беспокоил вопрос, что же будет с теми, кто не пожелает вернуться на родину или по каким-то причинам не сможет осуществить переход. Наличие оппозиции к кошевому давала ему основания думать, что значительная часть задунайского населения на возвращение в пределы российского государства не отважится. Однако перспектива воевать в очередной раз против своих соотечественников, активная агитация со стороны Российского государства и предупреждения о репрессивных мерах в случае отказа сотрудничать как со стороны России, так и Турции подтолкнули О. Гладкого к решительным действиям.

[353] Там же. С. 278.

Анализ документов из Канцелярии новороссийского и бессарабского генерал-губернатора дает основания утверждать, что новоизбранный кошевой атаман еще до того, как занял эту должность, имел тесные контакты с измаильским градоначальником С. Тучковым. Не исключено, что О. Гладкий стал главным человеком на Задунайской Сечи при активном содействии российской стороны, которая через своих агентов за Дунаем обеспечила ему поддержку большинства задунайского населения, особенно райи. С избранием О. Гладкого на должность кошевого контакты между ним и С. Тучковым – представителем российского государства – стали регулярными. Сам О. Гладкий, ссылаясь на письма измаильского градоначальника, уверял своих соратников, что некий российский чиновник, уполномоченный самым императором, уже в который раз обещает всем казакам, в случае их возвращения на родину, прощение и предоставление им таких же прав и свобод, которые они имеют за Дунаем[354]. Письма С. Тучкова и мирные инициативы российского правительства по отношению к задунайцам, а именно общая амнистия и обустройство на новых местах поселения, стали определенным гарантом для тех, кто мечтал вернуться на родину. Да и у самого О. Гладкого появилась замечательная возможность послужить московскому царю, а следовательно, улучшить свое положение, соединиться с семьей и в достатке прожить остаток жизни. Ведь он бы вернулся на родину не беглецом, не наемным работником с разоренным хозяйством, а уважаемым человеком, кошевым атаманом Задунайской Сечи, который помогает государству в трудные для него времена.

Заручившись уверениями и обещаниями С. Тучкова, О. Гладкий начал тайно готовиться к переходу в пределы Российской империи. Подготовка к возвращению велась в суровой тайне ограниченным количеством людей. В замысел О. Гладкого перевести Кош в южный регион российского государства была посвященная небольшая группа задунайцев. Угроза смертного наказания как со стороны сечевого общества во главе со старыми запорожцами, так и со стороны турецкого правительства не позволила кошевому и его приверженцам вести широкую, открытую агитацию о возвращении задунайского казачества на родину. Однако О. Гладкий надеялся иметь больше желающих вернуться, поэтому и распространяет слухи на Сечи о перенесении Задунайского Коша турецким правительством в Египет[355]. Именно по причине иметь больше приверженцев О. Гладкий отводит двухтысячный казацкий отряд – ярых противников идеи возвращения Задунайского Коша в пределы Российской империи – в Силистрию[356]. Передав запорожцев великому визирю, он убеждает последнего в необходимости вернуться на Сечь с целью собрать всех казаков по плавням, а также поднять и перевести Кош на время войны в Адрианополь. С возвращением на территорию Задунайской

[354] Русский биографический словарь… С. 246.

[355] Там же. С. 246; *Гладкий В. О.* Осип Михайлович Гладкий – кошевой атаман Задунайской Сечи. 1789–1866 // Русская старина. 1881. № 2. С. 383.

[356] Русский биографический словарь… С. 247.

Сечи О. Гладкий собирает казацкую Раду, которая из-за отсутствия ярых противников перехода в пределы России поддерживает предложение кошевого перенести Кош в южный регион российского государства, на родину.

О. Гладкий понимал, что Российская империя ждет от него не выхода группы задунайцев, а именно перевода Коша. Ведь такой случай уже был, когда в XVIII веке в Россию вышел кошевой Т. Помело с 500 казаками, но на Сечи это никак не отразилось, потому что запорожцы избрали нового кошевого и жизнь за Дунаем пошла своим чередом[357]. Осуществить переход без согласия общей казацкой Рады О. Гладкий не мог. Иначе это было бы бегство кошевого и его приверженцев. Проведение общей казацкой Рады, решение которой, при отсутствии наиболее ярых противников идеи возвращения в Россию, было очевидным и давало возможность О. Гладкому при переходе забрать атрибуты власти, походную церковь, канцелярию, казну. С ними переход приобретал силу возвращения казацкого Коша на родину.

9 мая 1828 года, оставив большую часть своих пожитков, но, взяв клейноды, войсковую казну, канцелярию и походную церковь, «часть запорожцев и запорожской райи на 61 лодке» вышла в море[358]. На следующий день, 10 мая 1828 года, Базарчукская Бессарабская карантинная застава уже извещала новороссийского и бессарабского гражданского губернатора о прибытии из-за границы на небольшой лодке с 11 запорожцами «при двух бунчуках и трех знаменах турецкой Запорожской Сечи кошевого атамана О. Гладкого». По сообщению заставы, он прибыл «для того, чтобы с запорожским войском, которое находится под его командой, перейти в подданство Российской империи»[359]. По причине угрозы быть уничтоженными турецкой армией переход казаков во главе с О. Гладким был спешным. Анализ документов Канцелярии новороссийского и бессарабского генерал-губернатора дает основания полагать, что с О. Гладким собственно сечевиков перешло 218 человек. Именно такое количество, не добыв определенного карантинного срока, поспешило во главе с кошевым в расположение российской армии для участия в боевых действиях.

Страшная опасность, подстерегавшая каждого задунайца, заставила население Сечи бежать к российскому берегу. На протяжении мая 1828 года российские карантины принимали задунайцев. И только после того как об измене кошевого атамана Войска буткальских казаков (название военного формирования из запорожских казаков в Турции в последней четверти XVIII – начале XIX века) узнало османское правительство, поток выходцев из турецких владений прекратился. Принятые по приказу турецкого султана меры имели ужасные последствия для райи и запорожцев, оставшихся в пределах Османской империи. Находящийся в Силистрии казацкий отряд был немедленно разоружен и отправлен в Адрианополь.

---

[357] *Бачинский А. Д.* Сечь Задунайская. 1775–1828. Историко-документальный очерк. Одесса, 1994. С. 26.

[358] ГАОдО. Ф. 1. Оп. 214. Д. 7. Л. 7.

[359] Там же.

Некоторое время запорожцев держали в Адрианопольской тюрьме, а со временем перевели в Стамбул и поочередно отправляли на разные каторжные работы[360]. На Сечь было послано янычарское войско. Оно совершило погром всего населения Добруджи, находившегося под защитой Задунайской Сечи. Сама же Сечь была полностью разрушена. Один из уцелевших запорожцев, который потом присоединился к азовцам, рассказывал, что «когда турки узнали об измене Гладкого и о переходе его с частью казаков в Россию, то набежали из разных мест и начали резать остатки запорожцев, где только те встречались. Убивали с большой жестокостью всех, кто попадал под руку, никому пощады не было, кровь рекой лилась…»[361].

Дать оценку действиям О. Гладкого тяжело. Как кошевой атаман Задунайской Сечи он предал казацкое товарищество, которое выбрало его своим атаманом и фактически доверило ему распоряжаться жизнями казаков и гражданского населения. Согласно казацким обычаям и традициям он совершил один из самых страшных грехов, который должен был наказываться смертью. С точки зрения человечности, морали поступок О. Гладкого ужасный и неоправданный. Вследствие его непродуманных действий погибло большое количество ни в чем неповинных людей. Согласно военным сводкам накануне войны России с Турцией в 1828–1829 годах на территории Задунайской Сечи проживало 10–15 тысяч человек[362]. В мае 1828 года в пределы Российской империи перешло около тысячи лиц[363]. Итак, преобладающая часть задунайского населения была оставлена кучкой заговорщиков на расправу янычарам. Однако справедливости ради надо отметить, что не все задунайское население было истреблено турецким войском. Как только по Добрудже начали распространяться слухи о поступке О. Гладкого, задунайские казаки, которые были на заработках, и райя, которая видела бегство части казаков во главе с кошевым, спешно оставляли места своего проживания или работы и убегали подальше от территории Сечи. Они прятались по плавням, убегали в большие города, старались смешаться с населением турецкого и нетурецкого происхождения (например, с некрасовским населением Добруджи). После репрессивных мер правительства Османской империи и сурового запрета восстанавливать Запорожскую Сечь уцелевшее задунайское население, скрывая свое происхождение, совместно с местными жителями продолжало заниматься мирным трудом. После войны О. Гладкий пытался возвратить сечевых казаков, которых оставил в 1828 году в турецких крепостях. По этому поводу на высшем уровне завязалась переписка. Из нее стало известно, что из 603 казаков на 1830 год уцелело только 238 и они содержались в Константино-

---

[360] *Аркас М. М.* История Украины-Руси. К., 1991. С. 366.
[361] *Короленко П.* Азовцы… С. 230–231.
[362] *Епанчев Н.* Очерк похода 1829 года в Европейской Турции. СПб., 1905. С. 168–169.
[363] ГАОдО. Ф. 1. Оп. 214. Д. 7. Л. 1–5.

польской тюрьме в ужасных условиях[364]. Император Николай I приказал своему посланнику в турецкой столице ходатайствовать о возвращении этих казаков в Россию. Однако неизвестно, были ли они возвращены на родину.

Вместе с тем следует заметить, что появление такого человека, как О. Гладкий, во главе задунайского казачества нельзя считать случайным. Все это было составной частью общего процесса внутренней эволюции Сечи. О. Гладкий стал выразителем взглядов и стремлений части задунайцев, которые возлагали на него определенные надежды. Падение Задунайской Сечи произошло бы и без О. Гладкого и событий 1828 года. Они лишь ускорили объективный процесс распада Задунайской Сечи. На месте Гладкого мог быть другой кошевой или куренной атаман и тогда, возможно, события разворачивались бы по-другому. Но казаки выбрали именно О. Гладкого и именно ему доверили свою судьбу, свое будущее. Значит, у них были основания сделать именно такой выбор.

Кризис Задунайской Сечи был очевидным даже для самих задунайцев. Многие из них были недовольны собственным положением. Сечь за Дунаем отличалась от своих днепровских предшественниц и сохраняла традиции лишь внешне. Здесь окончательно сформировался тип казака-рабочего. Подавляющее большинство задунайцев занималось хозяйством. При гарантии таких же прав и свобод, которые они имели за Дунаем, казаки отдали бы предпочтение ведению такого хозяйства на родных землях. Пребывание запорожцев в пределах Османской империи приводит к тому, что казаки перестают выполнять основное свое предназначение. Постепенно приходит в упадок рыцарский дух запорожского казачества. Оно не желает воевать, избегает военной службы и превращается в хозяйственно-военную единицу Османской империи. А турецкое правительство этого не учитывало и постоянно принуждало задунайских запорожцев принимать участие в русско-турецких войнах и воевать против бывших соотечественников, в том числе и против черноморцев; посылало их на подавление национально-освободительных восстаний христианского населения Османской империи; содействовало втягиванию запорожцев в междоусобную борьбу различных феодальных группировок и т.п. Пополнение численности задунайского казачества за счет неказацкого элемента еще больше усложняло ситуацию на Сечи и содействовало эволюции казацких обычаев и традиций, социальной и имущественной дифференциации, дальнейшему развитию товарно-денежных отношений. Все это свидетельствует о кризисе Задунайской Запорожской Сечи и о необходимости преодоления его. Возвращение на родину запорожцев было попыткой развязать узел противоречий в среде задунайского общества. Однако действия кошевого и его единомышленников были не взвешенными, не подготовленными, до конца не продуманными и, как следствие, – большие жертвы.

---

[364] Там же. Л. 177.

Когда турецкое войско совершало расправу на территории Задунайской Сечи, запорожские депутаты искали возможность быть представленными царю. Разрешение было получено и на аудиенцию были допущены О. Гладкий и куренные атаманы. Кошевой Задунайской Сечи сложил к ногам российского императора булаву, клейноды, саблю, шапку, пожалованные ему турецким султаном. Писарь добавил к этому все фирманы и ярлыки, которые были предоставлены войску султаном и сераскирами. Царь, приняв все регалии, простил запорожцам «грех их предков» и милостиво позволил поселиться в российском государстве для службы царю и отчизне.

Первым боевым крещением задунайского казачества в рядах русской армии был штурм хорошо укрепленной турецкой крепости Исакчи. Сначала казаки провели разведку старой дамбы через болото, которая тянулась под стены крепости. Ценные сведения задунайцев помогли русским военным разработать план внезапного нападения на Исакчи. Штурм крепости начался 27 мая, а на следующий день император уже получил из рук паши ключи от крепости. Николай I переехал через Дунай на запорожской лодке, которой управлял О. Гладкий, а гребцами были куренные атаманы. Надо отдать должное царю, который без охраны и соответствующего сопровождения не побоялся сесть в казацкую лодку и полностью довериться задунайцам. Этим он показал им свое доверие и благодарность за помощь в победе над турецкой крепостью, считавшейся неприступной.

Бесспорно, в хорошо проведенной операции была большая заслуга О. Гладкого и запорожцев. Один из участников этой кампании так описывал вклад задунайцев: «Особое упорство проявили запорожцы под командованием своего кошевого Осипа Гладкого, который подавал им пример бесстрашия и деятельности»[365]. Заслуги запорожцев достойно были оценены русским командованиям. По предложению генерала Рудзевича, 10 казаков, лично отличившихся при штурме, были награжденные орденами, а О. Гладкий получил из рук императора золотой Георгиевский крест и полковничьи погоны (официально орден Святого Георгия 4-й степени был пожалован кошевому 1 января 1830 года[366]). Тогда же О. Гладкий и был назначен наказным атаманом Отдельного Запорожского войска. Во время награждения император высказал пожелание видеть в составе русской армии казаков, принимавших участие в штурме крепости, а самого О. Гладкого – при Главном штабе советником по использованию турецких дорог. Прикомандированный к Главному штабу О. Гладкий 4 июня 1828 года прибыл к Браилову для организации переправы, а 26 июня он уже возле Гирсова на переправе русских войск через Дунай. В высших эшелонах власти постепенно растет популярность О. Гладкого. Пребывание атамана при Главном штабе русских войск сблизило его не только с высшими военными сановниками, а даже с самым императором. О благосклонном отношении царя Николая I к О. Глад-

[365] Описание турецкой войны 1828 и 1829 годов. Сочинение гвардии капитана Лукьяновича. СПб., 1844. С. 107.

[366] Русский биографический словарь. С. 247.

кому не раз упоминал, писал и гордился старший сын атамана В. О. Гладкий. Ссылаясь на слова отца и его соратников, В. О. Гладкий утверждал, что между Осипом Гладким и императором установились довольно доброжелательные отношения[367]. О. Гладкий по просьбе царя сопровождал его в поездке в Одессу, где был представлен императрице.

Появление Отдельного Запорожского войска в военной структуре Российской империи поставило перед правительством вопрос о поселении задунайского казачества в пределах государства. 28 июля 1828 года О. Гладкий, по приказу царя Николая I, отправляется на Кубань для осмотра земель, удобных для поселения запорожцев. Экспедиция атамана в предгорья Кавказа была обусловлена заинтересованностью правительства в колонизации юго-восточных окраин империи населением, которое было бы способно самостоятельно себя содержать и защищать от «неприятельских народов» Кавказа. На принятие такого решения повлияла и просьба задунайских казаков «присоединиться к Черноморскому казацкому войску, которое происходит из одного с ними Запорожья». Стремление задунайцев поселиться на слабозаселенных окраинах государства, на черноморском побережье, было обусловлено их желанием объединиться с бывшими запорожскими казаками, сохранить свою принадлежность к казацкому сословию и получить достаточное количество пригодной для обработки земли. Совместное проживание с черноморцами гарантировало задунайскому населению, в случае необходимости, военную и материальную помощь. Итак, перевод задунайцев на Кубань был бы весьма полезен как для государства, так и для самих задунайцев.

Однако О. Гладкий не разделял стремлений большинства казаков своего войска переселиться на Кубань. Путешествие в западную часть Кавказского хребта, которое сопровождалось встречами с наказным атаманом Черноморского казачьего войска, офицерами-черноморцами и офицерами регулярной армии, убедило О. Гладкого в невозможности сосуществования в условиях военного времени Отдельного Запорожского войска рядом с Черноморским. Малочисленность последнего, слабая боеспособность и незнание местности свидетельствовали не в пользу формирования из задунайцев. Перевод задунайского населения в предгорья Кавказского хребта было бы концом его военной карьеры как наказного атамана казацкого войска. Он потерял бы то положение в обществе, которого достиг. В связи с этим будущее было довольно неопределенным. Для такого человека, как О. Гладкий, это было бы сильным ударом, крахом всех его надежд и ожиданий. Поэтому в своем отчете О. Гладкий указывал, что выбранная им для поселения казаков местность еще полностью не отвоевана у неприятельских народов. А задунайцям, лишенным средств к существованию, в условиях военного времени будет очень тяжело, а то и невозможно, обжиться на новых местах. Подобное может вызвать как бегство в Турцию, так и гибель значительного количества людей. Как следствие, приказ Николая I отыскать в южном регионе свободный участок земли, пригодный для вре-

[367] *Гладкий В. О.* Осип Михайлович Гладкий… С. 386.

менного поселения Отдельного Запорожского войска. Решение императора было продиктовано наличием еще не заселенных (хоть и розданных) земель и, возможно, настоятельными просьбами О. Гладкого поселить задунайцев на территории бывших Вольностей войска Запорожского.

Однако найти в Приазовье свободные участки оказалось не так то и легко. Земля была уже распределена между разного рода поселенцами. О. Гладкий, которого полностью удовлетворяло новое распоряжение императора, лично занялся поиском участка для своих подчиненных. Поиски длились на протяжении трех лет. Во время одной из поездок по южному региону О. Гладкий отыскивает еще никем не заселенную пустошь, которая называлась в народе Бердянской. Именно о ней атаман докладывает новороссийскому и бессарабскому генерал-губернатору Г. Воронцову. Тот, в свою очередь, извещает императора. Николай I дает распоряжение о подготовке проекта поселения Отдельного Запорожского войска в Приазовье. В связи с этим генерал-губернатор приказывает О. Гладкому письменно изложить свои соображения относительно поселения задунайцев на Бердянской пустоши. Наказной атаман очень спешно разрабатывает проект будущего казацкого формирования. Он просит создать на базе Запорожского войска иррегулярное формирование, в котором должности будут занимать исключительно казацкие чиновники. Наказной атаман считал, что обмундирование и коней, в случае необходимости, войско должно получать за счет казны. За состоянием здоровья казаков должны следить предназначенные в войско врач и два фельдшера. Он предлагает и административное руководство войска. В управлении казацкое формирование должно подчиняться новороссийскому генерал-губернатору и соответствующим судебным учреждениям, но все распоряжения по войску и судебные постановления должны предварительно направляться наказному атаману. Такими положениями О. Гладкий надеялся обеспечить самостоятельное существование казацкого войска. При этом он старался сохранить в новом формировании некоторые права внутреннего самоуправления. Себя же Гладкий видел наказным атаманом новообразованного войска и, таким образом, ничего не терял, а наоборот, обеспечивал личную карьеру.

Предложения О. Гладкого были довольно смелыми. Ведь военная структура Российской империи не нуждалась в создании нового иррегулярного формирования, особенно такого, каким было Отдельное Запорожское войско. Однако Николай I приказал принять предложения О. М. Гладкого за основу организации войска. А 27 мая 1832 года уже вышел именной указ, который утверждал «Положения о поселении запорожских казаков в Новороссийском крае»[368]. Так в Приазовье появилось Азовское казацкое войско.

С выходом указа от 27 мая 1832 года О. Гладкий добился того, чего желал: из задунайцев было создано отдельное военное формирование, посе-

[368] Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1833. Т. VII. С. 336–338; *Бойко А. В., Маленко Л. М.* Материалы к истории Азовского казачьего войска. Запорожье, 1995. С. 52–56.

лено оно было на довольно удобной и безопасной территории, войску было предоставлено внутреннее самоуправление, а сам бывший кошевой атаман занял новую должность, которая обещала ему успешную карьеру и хороший материальный достаток. В 1834 году правительство, хотя и пересмотрело положение войска относительно внутреннего самоуправления (русские чиновники не доверяли бывшим беглецам), однако на О. Гладком это никак не отразилось. Наоборот, на него щедро посыпались награды, на которые он, возможно, и не рассчитывал. Еще в 1829 году, грамотой от 4 августа, О. Гладкий получил дворянство[369]. Вместе с титулом ему даровался и дворянский герб, на котором были изображены лодка между двумя берегами с поднятым российским флагом и гербом, и высшая награда атамана – Георгиевский крест[370]. В 1830 году О. Гладкий был награжден бриллиантовым перстнем, через год (19 февраля 1831 года) – орденом Святой Анны 2-й степени, 20 июля 1840 года ему был вручен орден Святого Владимира 3-й степени, а 11 апреля 1843 года он получил звание генерал-майора[371].

За что же так щедро российское правительство награждало О. Гладкого? На этот вопрос ответил сам новороссийский и бессарабский генерал-губернатор. Он утверждал, что «полковник Гладкий был главной причиной перехода запорожцев в пределы нашего государства и с 1828 года и по настоящее время добросовестным исполнением своих обязанностей, по званию начальника, неутомимой деятельностью сумел поселить этих людей на отведенной им земли в Екатеринославской губернии и приучить их к спокойному образу жизни и благоустройства, которых они доныне не знали»[372]. Объяснения довольно четкие. О. Гладкого награждали за перевод Задунайского Коша в пределы российского государства, следствием чего стала ликвидация казацкой вольницы за Дунаем, и за успешное выполнение им обязанностей наказного атамана, которые состояли в создании из бывших задунайцев образцового военного формирования Российской империи, способного себя самостоятельно содержать.

На должности наказного атамана казацкого формирования О. Гладкий зарекомендовал себя, как добросовестный офицер, который заботился и о самом войске, и о каждой казацкой семье. Император и высшие чиновники государства неоднократно ставили Гладкого в пример другим казацким офицерам[373]. Однако такое отношение наказного атамана Азовского казацкого войска к своим подчиненным было продиктовано, в первую очередь,

---

[369] Родословная книга дворянства Екатеринославской губернии с 1866 г. Ч. VI. Кн. 2 // ДНИМ. КП–38524/ Арх. № 536.

[370] Там же; *Эварницкий Д. И. (Яворницкий Д. И.).* Кошевой атаман Осип Михайлович Гладкий // Юбилейный сборник академику М. С. Грушевскому. К., 1927. С. 301–303.

[371] Русский биографический словарь… С. 247–248.

[372] ГАОдО. Ф. 1. Оп. 218. Д. 2. Л. 83.

[373] Там же.

защитой собственных интересов – собственного социального и материального положения.

О. Гладкий хорошо понимал, что созданное его усилиями отдельное формирование из задунайцев можно сохранить только при условии экономической жизнеспособности и военной эффективности войска. Поэтому он приложил немало усилий для того, чтобы «приучить казаков к постоянной оседлости, особенно неженатых»[374], и сосредоточить их внимание и силы сначала на освоении отведенных земель, а со временем и на выполнении ими прямого предназначения – охраны границ государства. Забота наказного атамана о своих подчиненных была вызвана и тем, что он был заинтересован в сохранении каждой единицы казацкого войска. Азовское формирование было одним из наименьших казачьих войск Российской империи (на начало поэтапного переселения азовцев на Кубань оно настывало всего лишь 10 911 человек)[375]. Если учесть, что в первое десятилетие проживания казаков на Бердянской пустоши были значительные выходы задунайцев снова в Турцию и частые попытки помещиков и различных учреждений вернуть своих беглецов, то становятся понятными волнения наказного атамана. Чтобы не допустить резкого сокращения состава войска, а, следовательно, и его расформирования по причине малочисленности, О. Гладкий постоянно защищает права и интересы казаков. Примерами этого могут служить дела казаков Сирчака, Пономаренко, Чалого и других, которых наказной атаман спас от крепостничества и рекрутства[376].

Усилия наказного атамана не были напрасными. Азовские казаки за время своего проживания в южном регионе создали крепкое прибыльное хозяйство. Прибыль этого хозяйства определяла уровень благосостояния войска. Для Приазовья это был средний уровень благосостояния государственных крестьян. Общий уровень развития хозяйства позволял казакам постепенно наладить внутреннюю жизнь войска, увеличить расходы на медицинское обслуживание, образование, церковные дела, на содержание общественных организаций. Материально войско оправдывало свое существование и не нуждалось в полном государственном содержании. Азовцы смогли вернуть все займы, предоставленные государством. Уровень хозяйствования позволял это сделать своевременно и в полном объеме. В последние два десятилетия своего существования в Приазовье войско и вовсе перешло на полное самообеспечение и не обременяло государственную казну просьбами предоставить материальную помощь.

Назначение казаков Азовского войска на действительную военную службу на восточное побережье Черного моря также было удачным. Азовская морская флотилия продемонстрировала боеспособность и эффективность в наиболее неблагоприятных условиях. Азовское казацкое войско

---

[374] РГВИА. Ф.405. Оп. 6. Д. 366. Л. 10.

[375] ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 1280. Л. 58–59.

[376] ГАОдО. Ф. 1. Оп. 218. Д. 2. Л. 164–165; *Щербина Ф. А.* История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1913. Т.2. С. 333.

принимало участие почти во всех войнах, которые вела Российская империя в конце 20-х – начале 60-х годов XIX века. Его служба была достойно оценена правительством. Заслуги казацкого формирования переносились и на наказного атамана. Поэтому так щедро правительство награждало О. Гладкого и с вниманием относилось к его просьбам и предложениям. Анализ воспоминаний азовских офицеров[377] дает основания говорить, что казаки войска относились к своему атаману почтительно, с уважением, и даже с некоторой покорностью. Такое отношение вполне понятно. Ведь именно О. Гладкого они должны были благодарить за свое возвращение на родину и свое положение. Их соединяла с атаманом общая тайна и вина – гибель казацкого населения за Дунаем. Не исключено, что казаки немного опасались своего атамана. Суровый характер Осипа азовцы ощутили уже в первые годы их пребывания на Бердянской пустоши. В 1833 году они коллективно выступили против решения атамана сдавать в аренду лучшие войсковые земли и послали две жалобы в Канцелярию новороссийского генерал-губернатора. О. Гладкий расценил это как бунтарство и выступление против его власти в войске. Поэтому отреагировал очень резко, как на личную обиду. О. Гладкий составил список «бунтарей» и под конвоем отправил их в Херсон «для личных объяснений» генерал-губернатору. Если учесть, что первую жалобу подписало 138 человек, а другую – 190, то успокаивать пришлось значительную часть населения Азовского формирования. Из Херсона «бунтари уже вернулись успокоенными» и не имели желания в дальнейшем противиться распоряжением наказного атамана. О. Гладкий сурово реагировал на любые проявления непокорности со стороны казаков или нарушение ими воинской дисциплины. Виновники обязательно несли наказание за совершенные ими проступки или преступления. Вместе с тем следует отметить, что хотя О. Гладкий и вел себя сурово с казаками, однако, по словам азовцев и «людей сторонних ведомств», был спокойным и здравомыслящим, внимательным к жителям военных земель и окружающего населения[378], «вел себя со всеми просто, не таился, что вышел из простых людей». Правда, был скупеньким и крепенько держался за свой кошелечек[379].

В 1851 году О. Гладкому предложили пойти в отставку. Предложение для атамана было неожиданным и поэтому унизительным. Осип Гладкий в свои 62 года хорошо себя чувствовал, был энергичным, деятельным и «для своих лет на удивление моложавым»[380]. Он был преисполнен планов относительно расширения границ войсковых земель, улучшения благосостояния

---

[377] Переселение задунайских запорожцев в Россию. Кошевой атаман Осип Гладкий // Летопись Екатеринославской ученой архивной комиссии. Екатеринослав, 1911. Вып. 7. С. 85–90.

[378] *Василенко В.* Из народных воспоминаний об О. М. Гладком и возвратившихся с ним запорожцах // Киевская старина. 1885. Т. 12. С. 346.

[379] *Эварницкий Д. И. (Яворницкий Д. И.).* Кошевой атаман Осип Михайлович Гладкий… С. 298–300.

[380] Там же. С. 297.

войска, усовершенствования военной подготовки служилых казаков и т. п. Предложенная на высшем уровне отставка не оставляла выбора. О. Гладкий, как человек гордый, самоуверенный, сразу написал заявление об увольнении в запас. Понятно, что не возраст атамана был причиной такого предложения. Изменилось отношение монарха и некоторых членов правительства к Азовскому формированию. Если Николай I хорошо относился к О. Гладкому и задунайцам, старался, по возможности, отблагодарить их за услугу России, то Александр II особых симпатий к задунайским казакам не испытывал и был настроен поскорее перевести азовцев на Кавказ и там, на опасном участке российской границы, использовать потенциал казацкого формирования. Отправляя атамана на пенсию, правительство устраняло с политической арены офицера действующей службы, имевшего авторитет и определенный вес в обществе. В случае отставки О. Гладкий лишался права активно вмешиваться в решения вопросов относительно дальнейшей судьбы войска, а члены правительства избавлялись от ревностного защитника интересов казацкого формирования и могли спокойно готовить проект перевода азовцев на Кубань. Уже в этом году проект был подготовлен, а первый наказной атаман Азовского казацкого войска указом от 13 октября 1851 года был отправлен с мундиром и «полным пенсионом» размером 838 руб. 50 коп. в отставку[381]. Осипу Гладкому была выплачена еще и денежная компенсация за землю (поскольку войско ощущало острый недостаток земли, то атаману было отказано в получении рангового надела в полную собственность).

После выхода указа от 13 октября 1851 года О. Гладкий чувствовал себя неуверенно. Он и в дальнейшем продолжал исполнять обязанности наказного атамана, надеясь, что, возможно, все еще изменится. Анализ его писем к дочери Марии и зятю И. П. Слоновскому свидетельствует именно о таких настроениях отставного атамана[382]. Но этого не произошло. Через несколько месяцев в войско прибыл Яков Герасимович Кухаренко, который и стал исполнять обязанности наказного атамана Азовского казацкого войска. О. М. Гладкий вынужден был отойти от дел и полностью посвятить себя семье и собственному хозяйству. Он и в дальнейшем жил в пределах войсковых земель – в Новоспасовской станице в собственном доме, а члены семьи стали опорой и утешением отставного атамана в такое сложное для него время.

С семьей Осип Гладкий соединился еще 3 января 1829 года. По возвращении из-за Дуная он сразу не признался, что женат и имеет семью. Осип боялся осуждения казаков за неправдивые сведения о себе, а особенно последствий, которые должны были последовать как со стороны казацкого общества, так и правительственной администрации. Когда же атаман увидел в Одессе земляков – не выдержал и передал через Семена Галушку письмо и деньги семье. Жена Гладкого была неграмотной и попросила прочитать вес-

---

[381] Русский биографический словарь… С. 248.

[382] *Эварницкий Д. И. (Яворницкий Д. И.).* Кошевой атаман Осип Михайлович Гладкий… С. 303–304.

точку от мужа других людей[383]. Так, в Мельниках скоро узнали, что их земляк жив, да еще и господином стал. Исправник Василий Товбич снял копию с письма и отослал ее к малороссийскому генерал-губернатору[384]. Губернатор, в свою очередь, известил царя. Напрасно волновался О. Гладкий по поводу раскрытия тайны о его семейном положении. Он уже успел хорошо зарекомендовать себя в военной кампании и заслужить уважение некоторых членов правительства и даже самого императора. Поэтому весть о семье «неженатого» атамана была воспринята Николаем I спокойно, с иронией. Он простил этот грех атаману и распорядился принять младших детей О. М. Гладкого в престижные учебные заведения государства за счет казны.

Семья Гладкого с пониманием отнеслась к объяснениям своего хозяина по поводу его отсутствия и молчания целых 9 лет и все ему простила. О. Гладкий, чувствуя вину перед своими близкими, которые в бедности мыкались столько лет, в дальнейшем был внимательным к детям и жене. Он делал все возможное, чтобы обеспечить сыновьям и дочерям надежное будущее и безбедную старость Феодосии Андреевне. Со временем семья Гладких пополнилась новым членом семьи – дочерью Марией. Ее и старшую дочь Елену Осип Гладкий воспитывал сам. Средняя дочь наказного атамана – Наталка – по распоряжению императора училась в Полтавском институте благородных девиц. Младший сын О. Гладкого – Демьян – изучал артиллерийское дело в Александровском царско-сельском малолетнем корпусе. После окончания обучения был направлен в действующую армию командовать батареей. Он дослужился до чина подполковника и в 1862 году, еще при жизни отца, умер. Старший сын семьи Гладких – Василий Осипович – первым ощутил на себе, что такое батрачество. По возвращении отца домой он был принят на обучение в Золотоношское уездное училище, а потом продолжил учиться в Екатеринославской губернской гимназии, которую и закончил с серебряной медалью. 8 октября 1829 года, на пятнадцатом году жизни, Василий Гладкий был приписан в чине заурядхорунжего к Отдельному Запорожскому войску. Через год его перевели в Дунайский пеший полк, а со временем в состав пешего казацкого полка Азовского войска. «Формулярный список» Василия Осиповича свидетельствует, что молодой офицер был грамотным человеком, свободно владел русским, французским и немецким языками и «возложенные на него обязанности выполнял с отличной деятельностью и старательностью»[385]. Чтобы дать возможность юноше успешно продвигаться по лестнице военной карьеры, он согласно царскому указу от 1 декабря 1837 года был переведен в корнеты и направлен в Бугский уланский полк. Дослужившись до звания подполковника, Василий Осипович Гладкий вышел в отставку и занялся общественными делами южного региона. Итак, к пенсии О. Гладкого все

[383] *Гладкий В. О.* Осип Михайлович Гладкий… С. 389.
[384] Там же. С. 390.
[385] РГВИА. Ф. 405. Оп. 6. Д. 1039. Л. 3–6.

его дети получили хорошее образование; сыновья успешно делали военную карьеру, а дочери вышли замуж и имели собственные семьи.

Родственники О. Гладкого приняли сообщение об отставке сдержанно и спокойно. Они были убеждены, что их отцу и мужу отдых не помешает. Ведь войсковые дела забирали много времени, сил, энергии. Совсем по-другому на отставку наказного атамана отреагировала большая часть азовцев. Они восприняли выход на пенсию О. Гладкого как бегство от ответственности за будущее казацкого формирования. Поэтому постоянно роптали, что атаман отрекся от них и позволил «чужеземцу» управлять войском. Они были уверены, что О. Гладкий оставил их добровольно. Предыдущий опыт убеждал азовских казаков в том, что их атаман достиг практически всего, к чему стремился. А раз он сложил полномочия, то не желал в дальнейшем защищать своих подчиненных. С отставкой О. Гладкого азовцы смириться не могли. Они продолжали считать его своим атаманом и с любым вопросом шли к нему за советом или просьбой помочь. О. Гладкий, не выдержав сетований казаков и их постоянных надоеданий, выехал за пределы войска в приобретенный за 6 000 руб. хутор Ново-Петриковка. В нем отставной офицер со своей женой прожил до 1862 года и, очевидно, после смерти сына Демьяна переехал в Александровск Екатеринославской губернии. В уездном городе он жил на Покровской улице в собственном доме. Из себя был «среднего роста, очень крепенький, широкогрудый, натоптанный; лицо его округлое, округлая, будто обточенная, голова, усы вниз по-запорожски. Он казался даже младше своего сына, подполковника в отставке»[386]. Теперь неизменной его спутницей была жена – женщина «хорошая, высокого роста, стройная, чернявая, только немного худая»[387]. И как свидетельствуют современники, «генералу Гладкому и сноса бы не было, если бы не холера»[388]. Летом 1866 года он поехал на Екатеринославскую ярмарку и там заразился холерой. 5 июля О. М. Гладкий умер. Днем позже умерла и его жена, которая ухаживала за больным. Они были похоронены на старинном казацком Филлиповском кладбище в Александровске. 31 июля того же года было окончательно ликвидировано и Азовское казацкое войско – детище О. М. Гладкого.

Азовское казацкое войско, созданное усилиями О. Гладкого, несмотря на свою малочисленность, заслужило громкую воинскую славу и уже одним своим существованием на территории бывшего Запорожья поддерживало веру народа в продолжение общественной и хозяйственной традиций запорожского казачества в южном регионе. Таким формированием О. Гладкий действительно мог гордиться, поэтому, вероятнее всего, последний кошевой атаман Задунайской Сечи предпочел бы, чтобы потомки «забыли» о его атаманстве за Дунаем, а помнили о нем именно как о первом наказном атамане Азовского казацкого войска.

---

[386] *Эварницкий Д. И. (Яворницкий Д. И.).* Кошевой атаман Осип Михайлович Гладкий… С. 298.
[387] Там же. С. 300.
[388] Там же. С. 298.

Заключение

В. В. Грибовский, В. В. Трепавлов

Развернутая в этом издании историческая панорама тюркского и славянского казачества позволяет хотя бы предварительно выделить общие для всех них черты, проследить разнообразные связи и отношения, выявить повторяющиеся структурно-функциональные регулярности и общие направления их изменения.

Анализ истории изучения названной группы вопросов вскрыл логическую корреляцию между, с одной стороны, нарративом колонизации, трактовкой раннего казачества как сообществ, составленных из беглецов, «вольных людей» и т. д., собиравшихся на территории, свободной от социального угнетения, и с другой – чрезмерным акцентированием конфликтной составляющей в отношениях украинского и российского казачества с тюркским миром. Для этой нарративной практики, выработанной в эпоху территориальной экспансии Российской империи и модифицированной в советской историографии, характерна мощная модернизаторская проекция в прошлое, наделение казаков анахронистическими чертами. Лежащий в основе этой практики сциентистский детерминизм, заданный однолинейной эволюционистской схемой, вопреки своим претензиям на объективность и непреложность научного обоснования, оставил огромный зазор для произвольных отнесений казачьих сообществ к неким стадиям эволюции. Исследователи, использовавшие одни и те же теории, методы и подходы, приходили к диаметрально противоположным выводам. Казачество трактовали и как примитивное догосударственное, анархическое и т. п. явление, остановившееся на стадии «военной демократии», и как высокоорганизованное раннекапиталистическое общество эпохи раннего модерна, авангард нарождающихся наций и передовых общественных классов. В пределах нарратива колонизации, построенного на идее распространения некоего прогресса, казаков рассматривали и в виде сдерживающего фактора развития, и в качестве его движущей силы, идущей от «народных масс». Стремление показать закономерность их движения к освобождению от национального и социального гнета определило телеологическую векторность нарратива колонизации, настраивающего свои сюжеты на обоснование законности принадлежности некоторым современным государствам тех или иных территорий, а также незыблемости существующего в них социального порядка.

Претензии однолинейных теорий на охват всего многообразия исторических явлений создали благоприятные условия для политико-идеологи-

ческого воздействия на исследование истории казачества, что существенно ограничило возможность для выработки новых научных решений в этой проблематике. Идеологически обусловленные проекции в прошлое имели своим следствием искривление видения отношений украинских и российских казаков с тюркскими народами и исламскими государствами, сильное преувеличение их конфликтной составляющей и игнорирование фактов симбиоза, комплиментарности, заимствований, договоров, совпадения политических целей. Неоимперские и националистические мотивации, и ныне побуждающие к выстраиванию умозрительных параисторических конструктов, ориентированных на злободневные проблемы, сигнализируют о ситуации кризиса в изучении истории казачества. Это проявилось в абсолютном преобладании фактографических наработок, нанизанных на идеологические конструкты, над теоретическими разработками, способными препятствовать политизации науки.

Исчерпывание эвристического потенциала традиционных позитивистских и марксистских построений, их неспособность справиться со все более увеличивающимся массивом сведений, противоречащих устоявшимся научным представлениям, актуализировали поиск теоретических позиций, которые по-новому организуют исследование истории казачества. Частичным решением этой проблемы стали фронтирные исследования, обходящиеся без того однообразного набора сюжетов, из которых выстроен нарратив колонизации. Рассмотрение степных периферий Евразии как фронтирных явлений позволило взглянуть на казачество как на феномен всемирной истории, вывести его из состояния глухой научной периферии «отечественных историй», поставить вопрос о его аналогах и соответствиях, особых условиях пограничья, не охваченного регулярным действием государства, – контактной зоны, где развертывались однотипные процессы взаимодействия европейских и неевропейских обществ. Фронтирные исследования значительно преуспели в деконструкции идеологических наслоений в представлениях о перманентной «линии фронта», якобы отделявшей украинское и российские православное казачество от тюрко-мусульманской ойкумены как извечно враждебные миры. Был поставлен под сомнение и тезис о «столкновении цивилизаций» – христианской и исламской, – ввиду интенсивного культурного трансфера и религиозного синкретизма, легко обнаруживаемых на всяком пограничном пространстве до эпохи модерна.

Вместе с тем фронтирные студии не достигли желаемой «лабораторной стерильности» исследования от «вирусов современности». «Инфицирование» модерном здесь проявилось в неразличении ситуаций, создаваемых западноевропейскими мигрантами в Новом Свете, и того характера пограничного взаимодействия, который складывался вне сферы западноевропейской колониальной экспансии XVII – начала XX в. Тотализация рынка, представление Северной Америки как некоего образца для всех

фронтиров, а Европы – в виде воображаемой единосущности, обусловили неисправимый «параллакс» фронтирной «оптики», находящей миражи подобия казачьих свобод и «демократий» североамериканским, а также усматривающей у степных народов Евразии те же черты, что и у коренных народов американского континента. Подспудное перенесение свойств одного предмета на другой, недостаточный учет локальной специфики социальной и экономической жизни обозначили предел возможностей этого научного направления.

Фронтирные исследования вплотную подошли к гендерным аспектам изучения пограничных сообществ, вскрыв однотипность случаев диспропорции мужского и женского населения, невозможность полностью воспроизвести тип европейской семьи, сложившийся в эпоху модерна, в условиях всякого фронтира. Наделение того, что требовало различения, чертами общего размыло значение особенного, превратив нерыночные системы в сложноуловимый контекст. Гендерные же исследования со своей стороны внесли свою лепту в осовременивание исторических ситуаций на казачьих периферия посредством генерализации «потребностей пола» и их социальных проявлений (gender needs) в разнокультурных средах.

Среди вопросов, до сего времени не получивших удовлетворительное научное объяснение, остается бессемейность ранних казачьих сообществ, дольше всех сохранявшаяся запорожскими казаками и некоторыми группами у тюркских народов. Наличие возрастных классов, инициаций, сезонных сборов, разнородного состава участников, временных иерархий и блокировки семейных отношений у запорожцев, в прочих восточнославянских казачьих сообществах на ранних этапах, в тюркских, адыгских, иранских и других мужских союзах в Евразийской степи, Крыму, на Кавказе и смежных с ними регионах, дало бóльшие основания для поиска соответствий в этом направлении, чем в североамериканских преериях.

Исходный пункт объяснения казачьей бессемейности следует связать с открытием в тюркском слове «казак» обозначения возрастного класса неженатой мужской молодежи (В. П. Юдин, А. Н. Гаркавец), сгруппированной общим прохождением инициации и нахождением вне упорядоченного семейного пространства, охваченного государственной регуляцией и освященного обычно-правовой традицией. Пребывание мужских союзов на границе, выполнение ими охранных функций в отношении своих общин прямо коррелирует со значением, представленным в одной из ранних фиксаций казаков в «Codex Cumanicus»: «стража». Толкования, предложенные еще в XIX в. и в наше время считающиеся хрестоматийными («беглец», «скиталец», «человек без рода и племени», «вольные люди»), не отражают существенных черт первоначального казачества: его принципов группирования, функций, социальных ролей, политических значений. Вместо этого

задаются параметры для модернизаторских проекций (демократия, стремление к политической и социальной свободе и т. д.).

Рассмотрение казачьих сообществ как первоначально мужских союзов позволяет принять во внимание комплекс отношений, описанный антропологами на материале Океании. Широкий спектр реципрокаций, фиксируемый в источниках XVIII – начала XX в. в мужских сообществах в причерноморской степи, Крыму, на Кавказе, в Центральной Азии, дает основание для предположения о формировании власти у тюркских казаков, довольно фрагментарно отраженных в источниках, по модели меланезийского биг-мэна, концептуализированной М. Д. Салинзом: патрон-клиентская группа, выстроенная по принципу конуса. Казаклык как явление тюркского мира XV–XVI вв., т. е. в эпоху деградации государственных институтов Монгольской империи и Золотой Орды, являлось наиболее распространенным способом создания патрон-клиентских группировок, составлявших основу первоначальной борьбы за политическую власть значительного числа тюркских правителей того времени (Джу-Юп Ли). Вместе с тем этот термин использовали для обозначения бесстатусного состояния как свергнутого правителя, так и большой группы кочевников, возглавляемой непризнанным лидером (В. В. Трепавлов).

Учет этих обобщений позволяет в ретроспективном порядке распространить данные источников XVIII–XIX вв. и этнографической литературы конца XIX – начала XX в., фиксирующих остаточные черты мужских союзов рассматриваемого ареала, на более раннее время, выделить основные направления изменений казачьих сообществ как по типу патрон-клиентских групп, превращавшихся в конические кланы («роды») и формировавших более крупные общности, так и по модели сезонных сборов мужских коллективов с меняющимся составом, периодического обновления их иерархий и сохранения эгалитарного состояния. Установление контроля над семейным пространством являлось условием для развития патрон-клиентских групп, блокировка связи с таковым составляла основу организации эгалитарных мужских сообществ. Запорожским казакам дольше всех других славянских казаков удалось сохранить свое бессемейное и эгалитарное состояние, сопряженное с реципрокным комплексом отношений внутри своего сообщества и гибким сочетанием реципрокации, централизованной редистрибуции и рынка – с внешним миром. Размывание эгалитарного состояния запорожцев, утрата ими ежесезонно обновляемых иерархий, что фиксируется в последние десятилетия существования Запорожской Сечи, были прямым образом связаны с возникновением групп, сплоченных на основе землячества и кровного родства (брат, племянник) с кошевым атаманом.

Группирование по принципу мужского союза, в отличие от семейной общины, предполагало прием чужаков как институализированный принцип, наиболее полно проявившийся в гостеприимстве, куначестве, побра-

тимстве. Этим достигалась блокировка связи с семейным пространством и характерными для него наследственными иерархиями, производными от отношений собственности, наследства, статуса в государстве.

Открытость казаков как мужских сообществ к приему чужаков проявилась в интенсивном заимствовании чужой лексики и обозначаемых ею предметов и отношений – ранговых позиций, ритуалов и процедур, элементов быта, одежды как маркирующего знака и многого другого. Для всех казачьих сообществ было характерным активное использование чужих языков и угасших наречий внутри своей среды, ярко выраженных социолектов (тайный язык), разительно отличающих казачество от тех общностей, выходцами из которых они в своем большинстве были. Огромный пласт тюркской лексики, обнаруживаемый у российских и украинских казаков, прежде всего, для обозначения их ранговых позиций (кош, атаман, есаул – основа организации казачьей власти), как и всего образа жизни, является прямым указанием на рецепцию казачества славянскими выходцами от тюркских обитателей степей в качестве целостного, «готового» комплекса, «созревшего» к началу XVI в., когда появились первые славянские казачьи группы.

Отношения украинского и российского казачества с его тюркскими соседями складывались на основе гибкого сочетания конфликтных (борьба за территорию) и бесконфликтных форм. Последние устанавливались вместе с выработкой некоего порядка занятия определенных экологических ниш и сезонного характера их использования, возникновением экономической специализации и торгового обмена. В значительной степени эти отношения характеризовались реципрокным принципом взаимности, проявившимся как во взаимопомощи (предоставление пастбищ во время засухи), престижном дарообмене, предполагавшем равное отдаривание, так и в набегах (баранта) и войнах, имевших конкретные политические цели. Эти цели отражали интересы более крупных общностей, к которым принадлежали степные пограничные сообщества.

В интенсивной борьбе за Украину второй половины XVII – начала XVIII в., в которой участвовали Речь Посполитая, Московское государство, Швеция, Османская империя и Крымское ханство, последние две исламские державы занимали видное место в политической ориентации значительной части украинского казачества. Идея упрочения Украинского гетманата под покровительством османов находила своих сторонников в лице Б. Хмельницкого, П. Дорошенко, И. Мазепы, Ф. Орлика и К. Гордиенко. Частичную ее реализацию представил случай «Ханской Украины» на левом берегу р. Днестр. Пребывание запорожцев под крымским суверенитетом в 1709–1734 гг. было сопряжено с их отрывом от Левобережной Украины, где была сосредоточена основная часть украинского населения, связанного с казачеством. Пресечение этой связи во многом определило

стесненное положение бессемейных запорожцев и их вынужденное возвращение в российское подданство. Адаптация к власти Бахчисарая и Стамбула донских казаков-старообрядцев, некрасовцев, живущих по семейному укладу, оказалась более успешной и имела долговременный результат.

Все сообщества украинских и российских казаков были предельно открыты для включения в свой состав тюркских выходцев. Однако условия их приема разнились. Если на Запорожье, Тереке и Яике тюрок-пришельцев принимали при условии крещения, то на Дону сформировались отдельные группы «донских татар», компактно проживавших в отдельных станицах и сохранивших мусульманское вероисповедание. В начале XIX в. в составе Черноморского казачьего войска были образованы отдельный Татарский курень и Татарская слобода, заселенная ногайцами, вышедшими из левобережья Кубани, также сохранившими исламскую религию. В Западной Сибири формирование особых групп татар-казаков шло по линии складывания военно-служебных формирований, прослеживаемой в Московском государстве еще в XVI в. (в частности, на примере мещерских казаков – татар и мордвы).

По мере интеграции запорожского и донского казачества в состав Российского государства их контакты с тюркскими соседями приводились в соответствие с направленностью отношений этого государства с Османской державой. Формирование линейных границ между Российской и Османской империями в XVIII в. нарушило традиционный уклад жизни на степном пограничье. С другой стороны, широкомасштабное использование запорожцев и донцов в русско-турецких войнах 1735–1739, 1768–1774, черноморцев – 1787–1791 гг. и позднее определило их специализацию как легкой кавалерии и флотилии, их место в управлении российской армией, упрочило их интеграцию в военную систему Российской империи.

Реформы, проведенные в казачьих сообществах, подвластных Российской империи, в последней четверти XVIII в. привели к окончательной выработке правового конструкта «казачьего войска», обозначающего иррегулярное формирование и особый статус населения определенной территории, необходимый для обеспечения жизнеспособности этой военной единицы. Казаки окончательно превратились в отдельное сословие, права и обязанности которого постоянно корректировались законодательными актами. Установилась практика предоставления этого статуса разнородным этносоциальным общностям, которые не были связаны с историческим казачеством. Так возникли башкиро-мещерякское, ногайское, крымско-татарские иррегулярные формирования, а также подразделения, созданные из греков, албанцев и других переселенцев из Османской империи. Предоставление статуса казачьего войска этим сообществам было обусловлено не только военно-мобилизационными соображениями, но и мотивами полицейского и общеадминистративного характера, длительным

отсутствием возможностей охватить ту или иную периферию и ее разношерстное население тем порядком, который существовал во внутренних губерниях Российской империи.

Аналогичная практика создания иррегулярных пограничных формирований и наделения их особым статусом прослеживается и в Османской империи. Исторически она восходит к разнообразным группам газиев и делиев, расположенным на границах исламского мира. Явление того же порядка представляет «Кубанская стража», составленная из ногайцев и адыгов во главе с духовным лидером Шейх-Мансуром. Нахождение в оттоманском подданстве украинских и российских казаков, причем довольно длительное (Задунайская Сечь, казаки-некрасовцы и др.), дает основание говорить о существовании казачьих войск Османской империи. Последнее крупное иррегулярное формирование, созданное в середине XIX в. с учетом опыта военной модернизации, представляет Османское казачье войско, составленное из украинских, польских, русских, венгерских и др. эмигрантов, а также болгар и других подвластных Стамбулу народов.

Таким образом, казачество представляет собой изменчивое и диффузное явление, впервые фиксируемое в XIV в. как возрастной класс неженатой мужской молодежи и в различных формах просуществовавшее до конца второго десятилетия XX вв., в разные исторические периоды охватывая огромную территорию – от Центральной Азии до Юго-Восточной Европы. Его реминисцентные модификации с тем же непредсказуемым «мерцанием» идентичностей и политических лояльностей ощутимы и в наши дни, что требует к нему отношения как к еще не совсем завершенной истории.

Список источников и литературы

Архивные источники

АВПРИ. Ф. 69. Оп. 69/1. Д. 26.
АВПРИ. Ф. 69. Оп. 69/1. Д. 38.
АВПРИ. Ф. 69. Оп. 69/1. Д. 45.
АВПРИ. Ф. 69. Оп. 69/1. Д. 61.
АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6/79. 1768 г. Д. 932.
АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8/89. 1781 г. Д. 589.
АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/8. 1781 г. Д. 589.
АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/8. 1783 г. Д. 1197.
АВПРИ. Ф. 90. Оп. 1/90. 1781 г. Д. 882.
АВПРИ. Ф. 90. Оп. 90/1. 1781 г. Д. 839.
АВПРИ. Ф. 90. Оп. 90/1. 1781–1783 гг. Д. 882.
АВПРИ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 1.
АВПРИ. Ф. 115. Оп. 1. 1752 г. Д. 1.
АВПРИ. Ф. 115. Оп. 1. 1752 г. Д. 4.
АВПРИ. Ф. 123. Оп. 1. 1744 г. Д. 2.
АВПРИ. Ф. 123. Оп. 123/1. 1744 г. Д. 2.
АВПРИ. Ф. 124. Оп. 124/1. 1720 г. Д. 31.
АВПРИ. Ф. 124. Оп. 124/1. 1734 г. Д. 5.
АВПРИ. Ф. 161/4. Оп. 729/2. 1837–1840 гг. Д. 20.
АВПРИ. Ф. МИД РФ. Д. 7.
Архив СПб. ИИ РАН. Ф. 200. Оп. 2. Д. 188.
Архив СПб. ИИ РАН. Коллекция 238. Оп. 2. Картон 249.
Архив СПб. ИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 12348.
Архив СПб. ИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 12364.
Архив СПб. ИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 12449.
ГААО. Ф. 1. Оп. 9. Д. 20. 1749 г.
ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 1388. 1748 г.
ГААРК. Ф. 801. Оп. 1. Д. 58.
ГААРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 269.
ГААРК. Ф. 799. Оп. 3. Д. 199.
ГААРК. Ф. 801. Оп. 1. Д. 58.
ГАВО. Ф. И–5. Оп. 1. Д. 133.
ГАВО. Ф. И–5. Оп. 1. Д. 15.
ГАВО. Ф. И–5. Оп. 1. Д. 204.
ГАВО. Ф. И–5. Оп. 1. Д. 221.
ГАВО. Ф. И–5. Оп. 1. Д. 351.
ГАВО. Ф. И–5. Оп. 2. Д. 344.
ГАВО. Ф. И–5. Оп. 2. Д. 372.
ГАДО. Ф. 134. Оп. 1. Д. 698.
ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 22.
ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 67.
ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 68.
ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 112.
ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 135.
ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 161.
ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 169.
ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 210.
ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 296.
ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 339.
ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 778.
ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2829.
ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2830.
ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 3028.
ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 38.
ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 58.
ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 67.
ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 111.
ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 151.
ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 617.
ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 623.
ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 1280.
ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 1822.
ГАКК. Ф. 390. Оп. 1. Д. 4.
ГАКК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 17.
ГАДО. Ф. 1684. Оп. 2. Д. 330.
ГАОдО. Ф. 1. Оп. 218. Д. 1. 1812 г.

ГАОдО. Ф. 1. Оп. 218. Д. 7. Ч. 1. 1820 г.
ГАОдО. Ф. 1. Оп. 218. Д. 35. 1831 г.
ГАОдО. Ф. 1. Оп. 190. 1829 г. Д. 48.
ГАОдО. Ф. 1. Оп. 190. Д. 83. 1825 г.
ГАОдО. Ф. 1. Оп. 214. Д. 11. 1825 г.
ГАОдО. Ф. 1. Оп. 214. Д. 7.
ГАОдО. Ф. 1. Оп. 218. 1806 г. Д. 1.
ГАОдО. Ф. 1. Оп. 218. Д. 1. 1812 г.
ГАОдО. Ф. 1. Оп. 218. Д. 1. 1845 г.
ГАОдО. Ф. 1. Оп. 218. Д. 1. Ч. 3-а.
ГАОдО. Ф. 1. Оп. 218. Д. 2. 1831 г.
ГАОдО. Ф. 1. Оп. 218. Д. 3. 1826 г.
ГАОдО. Ф. 1. Оп. 218. Д. 6.
ГАОдО. Ф. 1. Оп. 218. Д. 8. 1831 г.
ГАОдО. Ф. 1. Оп. 221. Д. 5.
ГАОО. Ф. 1. Оп. 218. Д. 1.
ГАОО. Ф. 1. Оп. 218. Д. 3. 1821 г.
ГАОО. Ф. 1. Оп. 218. Д. 6.
ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 145.
ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2.
ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 36.
ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 393/3.
ГАОО. Ф. 6. Оп. 7. Д. 22.
ГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 75.
ГАОО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 3439.
ГАОО. Ф. 167. Оп. 1. Д. 2.
ГАРО. Отд. ДФ. Ф. 301. Оп. 24. Д. 700. Св. 135.
ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 11.
ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 355.
ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1471.
ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1479.
ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 797 а.
ГАРО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 425.
ГАРО. Ф. 344. Оп. 4. Д. 98.
ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 544.
ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 1082.
ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 1159.
ГАРО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 70.
ГАРФ. Ф. 649. Оп. 1. Д. 158.
ГАРязО. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 339.
ГАРязО. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 394.
ГАРязО. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 423.
ГАРязО. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 425.
ГАРязО. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 444
ГАРязО. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 468.
ГАРязО. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 527.
ГАСО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 773.
ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 31. Д. 124.
ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 31. Д. 125.
ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 329. Оп. 10. Д. 11.
ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 329. Оп. 13. Д. 34.
ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 329. Оп. 13. Д. 7.
ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 341. Оп. 1. Д. 142.
Державний архів Львівської області. Ф. 26. Оп. 4. Спр. 629: Czerewko W.-S. Przebieg dzialan wojennych Chmielnickiego w latach 1654–1655. Lwyw, 1932.
ДНИМ. КП 38197, Арх–208.
ДНИМ. КП 74268, Арх–44561.
ДНИМ. КП–38524/ Арх. № 536.
ДНИМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 18.
ИР НБУ. Ф. 12. Ед. хр. 702.
ИР НБУ. Ф. 9. Ед. хр. 2236–2243.
ИР НБУ. Ф. IX. Ед. хр. 132–214.
ИР НБУ. Ф. IX. Ед. хр. 625–650.
ИР НБУ. Ф. IX. Ед. хр. 132–214.
ИР ЦНБУ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 28.
ИР НБУ. Ф. 9. Ед. хр. 2244–2247. 1765 г.
КУ «Измаильский архив». Ф. 755. Оп. 1. Д. 8.
НА РБ. Ф. И–2. Оп. 1. Д. 7168.
ОР РГБ. Ф. 169. К. 19. Ед. хр. 5.
ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 18. Ед. хр. 16.
ОР РНБ. Ед. хр. Мих Q. 393.
ОР РНБ. Ф. 588. Оп. 3. Д. 82.
ОР РНБ. Ф. 588. Оп. [1?]. Д. 1812.
ОР РНБ. Ф. 609. Д. 10.
ОР РНБ. Ф. 905. Оп. 2. Д. Q–344.
ОР РНБ. Ф. 905. Оп. 2. Д. Q–347.
ПСЗРИ. Т. IV. СПб., 1830.
ПСЗРИ. Т. V. СПб., 1830.
РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 14.

РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 16.
РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 28.
РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 31.
РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 34.
РГАДА. Ф. 6. Д. 512.
РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Оп. 4. Кн. 13.
РГАДА. Ф. 15. Оп. 1. Д. 61.
РГАДА. Ф. 15. Оп. 1. Д. 149.
РГАДА. Ф. 15. Оп. 1. Д. 185.
РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 689.
РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 797. Ч. 8.
РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 279.
РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 5.
РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 224.
РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1637 г. Д. 1.
РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1708 г. Д. 2.
РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1709 г. Д. 1.
РГАДА. Ф. 89. 1613 г. Д. 1.
РГАДА. Ф. 89. 1614 г. Д. 1.
РГАДА. Ф. 89. 1616 г. Д. 1.
РГАДА. Ф. 89. 1628 г. Д. 2.
РГАДА. Ф. 89. 1637 г. Д. 1.
РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 2.
РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. Кн. 3.
РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1685 г. Д. 4.
РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1685 г. Д. 11.
РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1686 г. Д. 3.
РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1686 г. Д. 6.
РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1686 г. Д. 19.
РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1688 г. Д. 3.
РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1709 г. Д. 12.
РГАДА. Ф. 119. Оп. 132. Портф. 2.
РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1697 г. Д. 9.
РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 13.
РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 14.
РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1669 г. Д. 12.
РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1709 г. Д. 1.
РГАДА. Ф. 123. Оп. 4. Д. 1.
РГАДА. Ф. 123. Оп. 4. Д. 24. 1693 г.
РГАДА. Ф. 123. Оп.1. 1709 г. Д. 1.
РГАДА. Ф. 123. 1625 г. Д. 1.
РГАДА. Ф. 123. 1629 г. Д. 9.
РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1586 г. Д. 1.
РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 12.
РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 13.
РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 14.
РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 15.
РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 17.
РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 5.
РГАДА. Ф. 126. Оп. 1, 2. Д. 77.
РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1626 г. Д. 1.
РГАДА. Ф. 127. Оп.1. Д. 7.
РГАДА. Ф. 127. 1639 г. Д. 1.
РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 7.
РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 5.
РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 6.
РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1597 г. Д. 1.
РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Д. 137.
РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. Д. 2221.
РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1733 г. Д. 5.
РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1739 г. Д. 128.
РГАДА. Ф. 199. Д. 481. Ч. 6.
РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Портф. 365. Ч. II. Д. 14.
РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 31.
РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 51.
РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 183.
РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 215.
РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 1084. Стб. 1.
РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 184. Стб. 5.
РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 184. Столпик 5.
РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 1084. Столпик 1.
РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 958.
РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 31.
РГАДА. Ф. 210. Разряд. Книги Московского стола. Кн. 44.
РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Белгородский стол. Стб. 207.
РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 40.
РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стлб. 1406.
РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стлб. 401.

РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стлб.1406.
РГАДА. Ф. 214. Кн. 11.
РГАДА. Ф. 214. Кн. 367.
РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 11.
РГАДА. Ф. 214. Д. 1456.
РГАДА. Ф. 214. Кн. 1.
РГАДА. Ф. 246. Оп. 8. Кн. 456.
РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1574.
РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1579.
РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 49.
РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Кн. 1164.
РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 139.
РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 473.
РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 473.
РГАДА. Ф. 1122. Оп. 1. Д. 60.
РГАДА. Ф. 1122. Оп. 1. Д. 146.
РГАДА. Ф. 1122. Оп. 1. Д. 923.
РГАДА. Ф. 1122. Оп. 1. Д. 251.
РГАДА. Ф. 1122. Оп. 2. Д. 1673.
РГАДА. Ф. 1122. Оп. 2. Д. 2100.
РГАДА. Ф. 1122. Оп. 2. Д. 2137.
РГАДА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 1.
РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 471.
РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 126.
РГВИА. Ф. 2. Оп. 5. Д. 15.
РГВИА. Ф. 13. Оп. 2. Св. 173. Ч. 1.
РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 16.
РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 31.
РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1165.
РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 77.
РГВИА. Ф. 41. Оп. 1/199. Ч. 1. Д. 186.
РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 1. Ч. 2.
РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 266.
РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 304. Ч. 1.
РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 304. Ч. 2.
РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 315. Ч. 1.
РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 526. Ч. 1.
РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 79.
РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Ч. 2. Д. 304. Ч. 1.
РГВИА. Ф. 56. Оп. 1. Д. 18.
РГВИА. Ф. 134. Оп. 1. Д. 1188.
РГВИА. Ф. 405. Оп. 6. Д. 1.
РГВИА. Ф. 405. Оп. 6. Д. 1039.
РГВИА. Ф. 405. Оп. 6. Д. 15312.
РГВИА. Ф. 405. Оп. 6. Д. 366.
РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 3092.
РГВИА. Ф. 653. Оп. 1. Д. 1.
РГВИА. Ф. 653. Оп. 1. Д. 2.
РГВИА. Ф. 877. Оп. 1. Д. 50.
РГВИА. Ф. 877. Оп. 1. Д. 170.
РГВИА. Ф. Молдавской армии. Оп. 166-б, в. 29. Д. 9.
РГВИА. Ф. 1486. Оп. 2. Д. 9.
РГВИА. Ф. 14257. Оп. 3. Д. 467.
РГВИА. Ф. 14258. Оп. 3. Д. 465.
РГИА. Ф. 37. Оп. 11. Д. 116.
РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 913.
РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 916.
РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 917.
РГИА. Ф. 405. Оп. 6. Д. 1.
РГИА. Ф. 796. Оп. 209. Д. 273.
РГИА. Ф. 796. Оп. 209. Д. 275.
РГИА. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 3.
РГИА. Ф. 1151. Оп. 1. Д. 260.
РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. 1804 г. Д. 237.
РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. 1804 г. Д. 246.
РГИА. Ф. 1341. Оп. 15. Д. 1145.
РГИА. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 156.
РИБ. Т. 18. 1898.
РИБ. Т. 24. 1906.
РИБ. Т. 26. 1909.
ЦГИАК. Ф. 51. Оп. 3. Д. 15003.
ЦГИАК. Ф. 51. Оп. 3. Д. 15603.
ЦГИАК. Ф. 51. Оп. 3. Д. 19245.
ЦГИАК. Ф. 51. Оп. 3. Д. 9333.
ЦГИАК. Ф. 54. Оп. 1. Д. 2677.
ЦГИАК. Ф. 59. Оп. 1. Д. 3996.
ЦГИАК. Ф. 59. Оп. 1. Д. 3997.
ЦГИАК. Ф. 59. Оп. 1. Д. 4653.
ЦГИАК. Ф. 59. Оп. 1. Д. 4654.
ЦГИАК. Ф. 59. Оп. 1. Д. 6053.
ЦГИАК. Ф. 59. Оп. 1. Д. 6227.
ЦГИАК. Ф. 220. Оп. 1. Д. 476.
ЦГИАК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 33.
ЦГИАК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 43.
ЦГИАК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 51.
ЦГИАК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 56.
ЦГИАК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 88.
ЦГИАК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 89.

ЦГИАК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 90.
ЦГИАК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 91.
ЦГИАК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 115.
ЦГИАК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 137.
ЦГИАК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 143.
ЦГИАК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 251.
ЦГИАК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 253.
ЦГИАК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 285–285а. Ч. 2.
ЦГИАК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 344.
ЦГИАК. Ф. 245. Оп. 2. Д. 63.
ЦГИАК. Ф. 246. Оп. 1. Д. 64.
ЦГИАК. Ф. 269. Оп. 1. Д. 1957а.
ЦГИАК. Ф. 269. Оп. 1. Д. 4321.
ЦГИАК. Ф. КМФ 36. Оп. 1. Д. 7.
ЦИА РБ. Ф. И–138. Оп. 2. Д. 518.
AGAD. Archiwum Koronne Warszawskie. Dz. Kozackie. K. 42, T. 105.
AGAD. Archiwum Koronne Warszawskie. Dz. Kozackie. K. 42, T. 106.
AGAD. Archiwum Koronne Warszawskie. Dz. Rosyjski. K. 55-b. T. 39.
AGAD. Archiwum Koronne Warszawskie. Dz. Rosyjski. K. 56. T. 8.
AGAD. Archiwum Koronne Warszawskie. Dz. Tatarskie. K. 64. T. 18.
AGAD. Archiwum Koronne Warszawskie. Dz. Tatarskie. K. 64. T. 26.
AGAD. Archiwum Koronne Warszawskie. Dz. Tatarskie. Kart. 64. № 17, K. 3.
AGAD. Archiwum Koronne Warszawskie. Dz. Tureckie. K. 79. № 539.
AGAD. Archiwum Koronne Warszawskie. Dz. Tureckie. K. 79. T. 545.
AGAD. Archiwum Koronne Warszawskie. Dz. Tureckie. K. 79. T. 579.
AGAD. Archiwum Koronne Warszawskie. Dz. Tureckie. K. 79. T. 598.
AGAD. Archiwum Koronne Warszawskie. Dz. Tureckie. K. 79. T. 601.
AGAD. Archiwum Koronne Warszawskie. Dz. Tureckie. K. 79. T. 601.
AGAD. Archiwum Koronne Warszawskie. Dz. Tureckie. K. 79. T. 629.
AGAD. Archiwum Koronne Warszawskie. Dz. Tureckie. K. 79. № 579, K. 11.
AGAD. Archiwum Koronne Warszawskie. Dz. Tureckie. K. 79. № 593. K. 19.
AGAD. Archiwum Koronne Warszawskie. Dz. Tureckie. K. 64. T. 17.
AGAD. Archiwum Koronne Warszawskie. Dz. Kozackie. № 60.
AGAD. Archiwum Koronne Warszawskie. Dz. Tureckie. № 77/467.
AGAD. Archiwum Zamoyskich. № 3037.
Archiwum Publiczne Potockich. Dz. II, № 1657.
Başbakanlık Osmanlı Arşivi (BOA). C.AS. Dosya 742. Gömlek 31158.
Biblioteka Czartoryskich. Akta i listy dotyczące spraw polsko-tureckich, 1767–1769 rr. Rps. 627.
Biblioteka Czartoryskich. Akta i listy dotyczące spraw polsko-tureckich, 1767–1769. Rps. 628.
Biblioteka Czartoryskich. Listy do Jerzego Mniszcha, marszałka kor., w sprawach publicznych i prywatnych. T. 29, 1769. Rps. 3863.
Biblioteka Książąt Czartoryskich. Rps. 175. № 12.
Biblioteka Książąt Czartoryskich. Rps. 844.
Biblioteka Książąt Czartoryskich. Rps. 175. № 10.
Biblioteka Książąt Czartoryskich. Teki Naruszewicza. № 146.
Biblioteka Narodowa w Warszawie. Zb. mikrofilm. 6639. № 32423.
Biblioteka Ossolinskich. Rps. 2684/11. Archiwum Mniszchów. 1735–1749 rr.
Biblioteka Ossolińskich. № 355.
Biblioteka PAN w Krakowie. № 1051.
Polska Akademia Nauk. Biblioteka Kyrnicka. Rps. 387.

Литература

А. В. Суворов. Письма / сост. В. С. Лопатин. М., 1986.

А. В. Суворов. Русские полководцы. Сб. док. Т. 2. М., 1951.

А. П. Акт «побратимства» в церковной метрике // КС. Т. 19. Октябрь. 1887. С. 383–384.

Абаза К. К. Казаки. Донцы, уральцы, кубанцы, терцы. Очерки из истории и стародавнего казацкого быта в общедоступном изложении для чтения в войсках, семье и школе. СПб., 1899.

Абашин С. Н. Вопреки «здравому смыслу»? (К вопросу о «рациональности/иррациональности» ритуальных расходов в Средней Азии) // Евразия. Люди и мифы: сб. ст. / ред. А. С. Панарин. М., 2003. С. 217–238.

Абдиров М. Ж., Актамбердиева З. С. Семиреченское казачье войско: из истории военно-казачьей колонизации Жетысу, 1867–1917 гг. Алматы, 2011.

Абдиров М. Ж., Аубакирова Х. А., Бижигитова К. С., Каженова Г. Т. Сибирское казачество и казахи Степного края в XVIII–XIX вв. Астана, 2016.

Абдиров М. Ж. Военно-казачья колонизация Казахстана (конец XVI – начало XX в.): опыт историко-эволюционного анализа: дис. ... д. и. н. Алматы, 1998.

Абдиров М. Ж. Завоевание Казахстана царской Россией и борьба казахского народа за независимость: из истории военно-казачьей колонизации края в конце XVI – начале XX веков. Астана, 2000.

Абдиров М. Ж. История казачества Казахстана. Алматы. Казахстан. 1994.

Абдиров М. Хан Кучум: известный и неизвестный. Алматы, 1996.

Абрамов Я. В. Кавказские горцы. Нальчик, 2011.

Абрамовский А. П., Кобзов В. С. Оренбургское казачье войско в трех веках. Челябинск, 1999.

Абулгази-Бахадур. Родословная история о татарах, переведенная на французский язык, с рукописной татарской книги сочинения Абулгачи-Баядур-хана, и дополненная мелким числом примечаний, достоверных и любопытственных о прямом нынешнем состоянии Северной Азии с потребными географическими ландкартами с французского на российский в Академии наук. Т. 2. СПб., 1768.

Абуль-Гази. Родословное древо тюрков. Сочинение Абуль-Гази, хивинского хана / пер. и предисл. Г. С. Саблукова. Казань, 1906.

Аваков П. А. «…И живут во всяком непорятке»: Документы РГАВМФ о жизни казаков-некрасовцев в Крымском ханстве. 1711 г. // Исторический архив. 2015. №4. С. 26–34.

Аваков П. А. Жизнь казаков-некрасовцев на Кубани в 1710–1711 гг. в свете новых данных // Научное наследие профессора А. П. Пронштейна и актуальные проблемы развития исторической науки (к 95-летию со дня рождения выдающегося российского ученого): материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (г. Ростов-на-Дону, 4–5 апреля 2014 г.). Ростов н/Д., 2014.

Аваков П. А. Запорожские казаки на службе в Азове // Заповідна Хор-

тиця. Матеріали міжнародної науково-практичної конференції «Історія запорозького козацтва в пам'ятках та музейній практиці». Спеціальний випуск. Збірка наукових праць. Запоріжжя, 2011. С. 24–27.

Аваков П. А. Казаки-некрасовцы в русско-турецкой войне 1710–1713 гг. // Вести Донского края. Вып.2. Ст-ца Старочеркасская, 2012. С. 6–24.

Аваков П. А. Северо-Восточное Приазовье в составе Российского государства в конце XVII – XVIII вв.: дис. ... к. и. н. Ростов н/Д., 2011.

Аваков П. А., Сень Д. В. После взятия Азова: российско-османское пограничье и его население в 1696–1697 гг. (на материале расспросных речей) // Взаимодействия и конфликты на конфессионально и этнически смешанных территориях Центральной и Восточной Европы, 1517–1918 / ред.-сост. К. А. Кочегаров, Л. К. Новосельцева, А. Форго, О. В. Хаванова. М.; СПб., 2016. С. 153–168.

Агафонов А. И. Область Войска Донского и Приазовье в пореформенный период. Ростов-на-Дону, 1986.

Агафонов О. В. Казачьи войска Российской империи. М.; Калининград, 1995.

Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974.

Адыгские песни времен Кавказской войны / сост. А. М. Гутов, В. Х. Кажаров, М. А. Табишев, Н. Г. Шериева. Нальчик, 2014.

Азаматов Д. Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII – XIX вв. Уфа, 1996.

Азнабаев Б. А. Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства (вторая половина XVI – первая треть XVIII вв.). Уфа, 2005.

Азовцев А. В. Личные имена Рязанского уезда конца XVI в. (По материалам писцовых книг) // Рязанская старина. 2002. М., 2003. Вып. 1. С. 14–48.

Актамбердиева З. С. История Семиреченского казачьего войска (1867–1920 гг.): дис. ... к. и. н. Алматы, 2007.

Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 2. 1598–1613. СПб., 1841.

Акты, относящиеся к истории войска Донского, собранные генерал-майором А. А. Лишиным. Т. 1. Новочеркасск, 1887.

Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 2. СПб., 1848.

Акты, относящиеся к истории Западной России собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 5. СПб., 1853.

Акчурин М. М. Татарские подписи к утвержденной грамоте 1613 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 3.

Акчурин М. М., Ишеев М. Институт власти татарских князей в Российском государстве // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. Казань, 2014. Вып. 4. С. 5–27.

Акчурин М. М., Ишеев М. Татары Верхнего и Среднего Поволжья – участники Смуты начала XVII века // Этнологические исследования в Татарстане. Казань, 2010. Вып. IV. С. 42–64.

Акчурин М. М., Ишеев М. Этнополитические структуры Мещеры в XVI веке // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2014. № 6. С. 4–17.

Александров И. Ф. Шеих имам Мансур, проповедник газавата на Кавказе в конце XVIII в. (По архивным материалам Таврического губернского архива) // ИТУАК. № 56. Симферополь, 1919.

Александров П. Г. До питання про хід військової операції по ліквідації Запорізької Січі // Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. Дніпропетровськ, 1997. Вип. II.

Алиев Ф. К. О происхождении этнонимов «Казах» и «Казак». Электронный ресурс: http://docplayer.ru/36777358-O-proishozhdenii-etnonimov-kazah-i-kazak.html

Алишев С. Х. Татары Среднего Поволжья в Пугачевском восстании. Казань, 1973.

Алымов С. П. И. Кушнер и развитие советской этнографии в 1920–1950-е годы. М., 2006.

Алымов С. Понятие «пережиток» и советские социальные науки в 1950–1960-е гг. // Антропологический форум. СПб., 2012. Вып. 16. С. 261–287.

Алымов С. С. Г. П. Снесарев и полевое изучение «религиозно-бытовых пережитков» // ЭО. 2013. № 6. С. 69–88.

Альтернативные пути к цивилизации: колективная монография. Сб. ст. / ред. Н. Н. Крадин и др. М., 2000.

Аминов Р. Р. Татары-казаки в составе Оренбургского казачьего войска (1748–1917 гг.) / научный ред. И. К. Загидуллин. Казань, 2017.

Аминов Р. Р. Татары-казаки в составе Оренбургского казачьего войска (1748–1917 гг.): дис. ... к. и. н. Казань, 2016.

Ананьев Г. Караногайцы и их предания // Сборник сведений о Северном Кавказе. Т. 2. Ставрополь, 1909. С. 1–29 (отд. паг.).

Андреев С. М. Сибирское казачье войско как социально-территориальная система: организация и основные этапы развития: 1808–1917 гг.: дис. ... д. и. н. Омск, 2007.

Андреев Ю. В. Мужские союзы в дорийских городах-государствах (Спарта и Крит). СПб., 2004.

Андрєєва С. С. Взаємини Запорожжя і Кримського ханства періоду Нової Січі (1734–1775 рр.): дис. ... к. і. н. Запоріжжя, 2006.

Андрєєва С. С. Зв'язки емігрантів-мазепинців в Криму (1738–1758 рр.) з запорожцями // Наукові записки. Збірник праць молодих вчених та аспірантів / Інститут української археографії та джерелознавства ім. М. С.Грушевського НАНУ. Т. 12. К., 2006. С. 77–91.

Андриевский А. Материалы по истории Запорожья и пограничных отношений // ЗООИД. Т. 17. Одесса, 1894. С. 85–154.

Андриевский А. Реляции киевского генерал-губернатора за 1768 и 1769 гг. // ЧИОНЛ. Кн. 7. Отд. III. К., 1893. С. 75–211.

Андриевский А. Русские конфиденты в Турции и Крыму в 1765–1768 гг. К., 1894.

Андриевский А. А. Дела, касающиеся запорожцев, с 1715–1774 г.

// ЗООИД. Т. 14. Одесса, 1886. С. 283–715.

Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 1. М., 2007.

Антипин А. Ю. Религиозный фактор в идентичности уральских казаков в Казахстане // Актуальная теология: религиозная идентичность в региональных социокультурных процессах. Омск, 2015. С. 94–99.

Антонов А. В. Землевладельцы Романовского уезда по материалам писцовой книги 1593–1594 годов // Архив русской истории. М., 2007. Вып. 8. С. 574–601.

Антонов А. В., Кром М. М. Списки русских пленных в Литве первой половины XVI века // Архив русской истории. М., 2002. Вып. 7. С. 149–196.

Антонович М. Студії з часів Наливайка. Прага, 1941.

Анцишкін І. В. Документи Нікопольської Свято-Покровської церкви у зібранні Нікопольського державного краєзнавчого музею // Козацька спадщина. Альманах Нікопольського регіонального відділення НДІ козацтва Інституту історії України НАН України / ред. В. В. Грибовський. Вип. 1. Нікополь; Запоріжжя, 2004. С. 7–58.

Анцупов И. А. Казачество российское между Бугом и Дунаем (исторический очерк). Кишинев, 2000.

Апанович Е. М. Запорожское войско, его устройство и боевые действия в составе русской армии во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг.: дис. ... к. и. н. К., 1949.

Апанович О. М. Запорозька Січ у боротьбі проти турецько-татарської агресії у 50–70-і рр. XVII ст. К., 1961.

Апанович О. Українсько-російський договір 1654 р. Міфи і реальність. К., 1994.

Арапов Д. Ю. Правила устройства духовной жизни татар-мусульман в Тобольском конном полку (1853 г.) // Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири: Тюркские народы». Тобольск; Омск, 2002.

Аркас М. М. История Украины-Руси. К., 1991.

Артамонов В. А. Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709–1714). М., 1990.

Артемова О. Ю. Колено Исава: охотники, собиратели, рыболовы (опыт изучения альтернативных социальных систем). М., 2009.

Архив Маркса и Энгельса. Т. 8. М., 1946. С. 154.

Архів Коша Нової Запорозької Січі. Корпус документів 1734–1775 рр. Т. 1 / упоряд. Л. З. Гісцова (старший упорядник), Д. Л. Автономов, Є. І. Дрозд, Х. Г. Лащенко, А. Ю. Омельченко, О. Г. Полегайлов, В. В. Стафійчук, Л. А. Сухих. К., 1998.

Архів Коша Нової Запорозької Січі. Корпус документів. 1734–1775 / упор. Л. З. Гісцова та ін.; наук. ред. І. Л. Бутич. Т. 2. К., 2000.

Архів Коша Нової Запорозької Січі. Корпус документів 1734–1775 рр. Т. 3. / упоряд. Л. З. Гісцова (старший упоряд.), Л. Я. Демченко, Т. Л. Кузик, Л. М. Муравцева, Л. А. Сухих. К., 2003.

Архів Коша Нової Запорозької Січі. Корпус документів. 1734–1775. Т. 4 / упор.: Л. З. Гісцова, Л. Я. Демченко, Т. Л. Кузик, Л. М. Муравцева. К., 2006.

Архів Коша Нової Запорозької Січі. Корпус документів 1734–1775. Т. 5: Реєстр Війська Запорозького Низового 1756 року / Л. З. Гісцова (старший упоряд.), Л. Я. Демченко, Т. Л. Кузик, Л. М. Муравцева. К., 2008.

Архів Коша Нової Запорозької Січі. Опис справ. 1713–1776. Вид. 2-е, доп. і випр. К., 1994.

Архімандрит Леонтій (Лука Яценко-Зеленський). Подорожі на Запорозьку Січ у 1749–1750 і 1751 рр. / упор. В. Грибовський, В. Мільчев. К., 2012.

Асфандияров А. З. Кантонное управление в Башкирии. (1798–1865 гг.). Уфа, 2005.

Атласи Һ. Себер тарихы. Сөенбикә. Казан ханлыгы (тарихы әсәрләр). Казан, 1993.

Атнагулов И. Р. Нагайбаки: опыт комплексного историко-этнографического исследования хозяйства и материальной культуры второй половины XIX – начала XX века. Магнитогорск, 2007.

Атыгаев Н. А. Казахское ханство в потоке истории. Алматы, 2015.

Аубакирова Х. А. Историография проблемы взаимоотношений сибирских казаков и казахов в XIX веке в трудах русских исследователей дореволюционного периода // Конференция «Кочевые народы юга России: исторический опыт и современность» КалмГУ, Элиста, 2016. С. 215–218.

Аубакирова Х. А. Участие сибирского казачества в подавлении национально-освободительного движения казахского народа под предводительством султанов Саржана и Кенесары Касымовых (1824–1847 гг.): дис. ... к. и. н. Астана, 2000.

Аубакирова Х. А., Джумагалиева К. В. Этнический состав Сибирского казачества в XIX – начале XX веков // Вестник АНУ им. Абая. 2016. № 1. С. 219–223.

АЮЗР. Т. VII. СПб., 1872.

АЮЗР. Т. XI. СПб., 1879.

АЮЗР. Т. IV. СПб., 1863.

АЮЗР. Т. VIII. СПб., 1875.

АЮЗР. Т. XIV. СПб., 1889.

АЮЗР. Т. XV. СПб., 1892.

АЮЗР. Ч. 3. Акты о козаках. Т. 1. К., 1863.

АЮЗР. Ч. 8. Т. 5. К., 1907.

Багалей Д. И. Колонизация Новороссийского края и первые шаги его по пути культуры. Исторический этюд. Оттиск из «Киевской старины». К., 1889.

Багалей Д. И. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М., 1887.

Багалій Д. І. Заселення південної України (Запорожжя й Новоросійського краю) і перші початки її культурного розвитку. Харків, 1920.

Багалій Д. І. Історія Слобідської України. Харків, 1993.

Багизбаева М. М. Фольклор семиреченских казаков. Ч. 1. Алма-Ата, 1977; Ч. 2. Алма-Ата, 1979.

Байер Г. З. Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова от создания сего города до возвращения оного под Росийскую державу. СПб., 1782.

Баканов В. П. Из истории Оренбургского казачества. Магнитогорск, 1993.

Балушок В. Особливості козацьких звичаїв та обрядів // Історія українського козацтва. Нариси у двох томах / ред. В. А. Смолій. К., 2007. С. 18–33.

Балушок В. Рання козацька етнокультура // Історія українського козацтва. Нариси у двох томах / ред. В. А. Смолій. К., 2007. С. 6–17.

Балушок В. Світ середньовіччя в обрядовості українських цехових ремісників. К., 1993.

Банников К. Л. «Потому что абсурдно»: семиотика насилия в метаморфозах социогенеза // Одиссей. Человек перед судом истории. Феодализм перед судом историков. М., 2006. С. 261–278.

Банников К. Л. Антропология экстремальных групп. М., 2002.

Бантыш-Каменский Д. Источники малороссийской истории. Ч. 1. М., 1858.

Бантыш-Каменский Д. Н. История Малой России от водворения славян в сей стране до уничтожения гетманства. К., 1993.

Баррет Томас М. «Не годится казаку жить одному»: женщины и гендер в казацкой истории // Нестор. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы / ред. и сост. Б. Н. Миронов. СПб., 2007. №. 11. С. 267–278.

Барсукова С. Ю. Реципрокные взаимодействия. Сущность. Функции. Специфика // Социологические исследования: Ежемес. научн. и обществен.-полит. журнал. 2004. № 9. С. 20–29.

Бартольд В. В. Статьи из «Энциклопедии Ислама». Казак // Сочинения. Т. 5. М., 1968.

Бартольд В. В. Улугбек и его время. Петроград, 1918.

Батюшков П. Н. Подолия. Историческое описание. СПб., 1891. С

Бауманн Р. Ф. Подвластные народы на военной службе в Российской империи: на примере башкир // «Любезные вы мои…». Уфа, 1992. С. 123–124.

Бахрушин С. В. Научные труды. Т. III. М., 1955.

Бахрушин С. В. Основные моменты истории Крымского ханства // Материалы по истории и этнографии Таврии. Симферополь, 1993. Вып. 3. С. 320–339.

Бахрушин С. В. Сибирские служилые татары в XVII в. // *Бахрушин С. В.* Научные труды. Ч. II; Т. III. М., 1955.

Бахрушин С. В. Сибирь и Средняя Азия в XVI и XVII вв. // *Бахрушин С. В.* Научные труды. Т. IV. М., 1959.

Бачинский А. Д. Сечь Задунайская. 1775–1828. Историко-документальный очерк. Одесса, 1994.

Бачинська О. А. Козацтво в системах Російської і Турецької імперій // Історія українського козацтва. Нариси у двох томах. / редкол. В. А. Смолій. К., 2007. Т. 2. С. 303–362.

Бачинська О. Дунайське козацьке військо. 1828–1866 рр. (До 170-річчя заснування). Одеса, 1998.

Бачинська О. А. Українські козаки в Придунайських степах у XVIII ст. // Запорозька старовина. Київ; Запоріжжя, 2002.

Бачинський А. Джерело для вивчення історії народної колонізації Буджацького степу і пониззі Дунаю в кінці XVIII – на початку XIX ст. // Козацтво на Півдні України. Кінець XVIII–XIX ст. / автори-упоряд.: О. А. Бачинська, Л. М. Маленко, О. А. Пригарін, Р. І. Шиян; гол. ред. В. А. Смолій. Одеса, 2000.

Бачинський А. Д. Січ Задунайська. 1775–1828. Історико-документальний нарис. Одеса, 1994.

Башкиро-мещерякское войско [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://karakulino.udmurt.ru/city/kazachestvo/article.php?ELEMENT_ID=1699 (Дата обращения 29.05.2016).

Бевзо О. А. Львівський літопис і Острозький літописець. К., 1971.

Беляков А. В. Абызы (хафизы) в Московском государстве XVI–XVII веков // Средневековые тюрко-татарские государства. 2015. Т. 7. С. 40–45.

Беляков А. В. Документы Темниковской и Кадомской приказных изб эпохи Смуты // Мининские чтения: 2012. Н. Новгород., 2012. С. 233–241.

Беляков А. В. Землевладение ногайских мирз в Романовском уезде второй половины XVI – первой половины XVII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 3. С. 15–16.

Беляков А. В. Писцовая книга мордовских сел Кадомского уезда 138-го (1629/30) года // Средневековые тюркско-татарские государства. Казань, 2013. Вып. 5. С. 154–210.

Беляков А. В. Служащие Посольского приказа 1645–1682 гг. СПб., 2017. С. 93–207.

Беляков А. В. Служилые татары Мещерского края XV–XVII вв. // Единорогъ: материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. М., 2009. Вып. 1. С. 160–195.

Беляков А. В. Смотренный список касимовских татар царева двора и сеитова полка 1623 г. // Рязанская старина. 2004–2005. Рязань, 2006. Вып. 2–3. С. 358–380.

Беляков А. В. Смотренный список касимовских татар царева двора и сеитова полка 1649 г. // Рязанская старина. 2004–2005. Рязань, 2006. Вып. 2–3. С. 381–405.

Беляков А. В. Чингисиды в России XV –XVII веков: просопографическое исследование. Рязань, 2011.

Беляков А. В., Енгалычева Г. А. Темниковское княжество по источникам XVI–XVII вв. // Средневековые тюрко-татарские государства. 2014. № 6. С. 62–71.

Беннигсен А. Народное движение на Кавказе в XVIII в. («Священная война» Шейха Мансура (1785–1791 гг.). Малоизвестный период и соперничество в русско-турецких отношениях). Махачкала, 1994.

Бессонов А. И. Сибирское казачество. Петропавловск, 2010.

Бижигитова К. С. Аграрные отношения в Сибирском казачьем войске во второй половине XIX – начале XX в. (проблемы землеустройства, землепользования и взаимоотношений с казахским населением): дис. ... к. и. н. Алматы, 2002.

Благова Г. Ф. Исторические взаимоотношения слов *казак* и *казах* // Этнонимы. М., 1970. С. 143–159.

Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказская война. М., 1994.

Бобровников В. О., Дмитриев В. А., Карпов Ю. Ю. Деревянная утварь аваро-андо-цезских народов Дагестана: поставцы, сосуды, мерки // Культурное наследие народов Центральной Азии, Казахстана и Кавказа / ред. В. А. Прищепова. СПб., 2006. С. 5–51.

Бовгиря А. «Герої» та «антигерої», «інші» в козацькому історіописанні XVIII ст. // Історіографічні дослідження в Україні. 2014. Вип. 25. С. 341–356.

Богатырев И. В. Верфь в Лодейном поле // Судостроение. 1982. № 12. С. 46–50.

Богумил А. К истории управления Новороссии князем Потемкиным. Ордера 1775 и 1776 гг. // Летопись Екатеринославской ученой архивной комиссии. Год II. Ч. I. / под ред. А. Синявского. Екатеринослав, 1905. С. 1–115.

Бойко А. Запорозький зимівник останньої чверті XVIII ст. Запоріжжя, 1995.

Бойко А. Південна Україна останньої чверті XVIII ст. Ч. 1. Аграрні відносини. Запоріжжя, 1997.

Бойко А. В., Маленко Л. М. Материалы к истории Азовского казачьего войска. Запорожье, 1995.

Бойко Я. В. Заселение Южной Украины. 1860–1890 гг. Черкассы, 1993.

Болтунова Е. Шведские военнопленные в триумфах Петра Великого // XV конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии: тезисы докладов. Ч. 1. М., 2004. С. 91–94.

Боплан Г. Л. де. Описание Украины / пер. с фр. З. П. Борисюк; ред. пер. А. Л. Хорошкевич, Е. Н. Ющенко. М., 2004.

Борисенок Ю. Атаман Садык-паша // Родина. 1998. № 5–6.

Бородин Н. А. Уральское казачье войско. Уральск, 1891.

Борщак І. Гетьман П. Орлик і Франція // Записки НТШ. Т. 134–135. Львів, 1924. С. 133–134.

Ботяков Ю. М. Аламан. Социально-экономические аспекты института набега у туркмен (середина XIX – первая половина XX века). СПб., 2002.

Боук Б. М. К истории первого Кубанского казачьего войска: поиски убежища на Северном Кавказе // Восток. 2001. № 4. С. 30–38.

Боук Б. Фронтир или пограничье? Роль зыбких границ в истории донского казачества // Социальная организация и обычное право: материалы научной конференции. Краснодар, 2001. С. 147–155.

Боук Б. М. К истории первого Кубанского казачьего войска: поиски убежища на Северном Кавказе // Восток (Oriens). М., 2001. № 4. С. 30–38.

Бояршинова З. Я. Население Томского уезда в первой половине XVII века // Труды Томского гос. университета им. В. В. Куйбышева. Т. 112. Серия историко-филологическая. Томск, 1950. С. 23–210.

Братолюбова М. В. Казачья фракция в российском парламенте начала XX в. и вопросы автономизма // Studia Culturae. Вып. 1 (27). С. 177–186.

Брехуненко В. Козаки на Степовому Кордоні Європи: Типологія козацьких спільнот XVI – першої половини XVIII ст. К., 2011.

Брехуненко В. А. Козацький ясир і торгівля ним у XVI – першій половині XVII ст. // Історія торгівлі, податків та мита. Збірник наукових праць. Дніпропетровськ, 2010. № 1. С. 96–112.

Брехуненко В. А. Східна брама Європи. Козацька Україна в середині XVII–XVIII ст. Киев, 2014.

Брехуненко В. А. Типологія Степового кордону Європи і перспектива дослідження історії східноєвропейських козацтв // Україна в Центрально-Східній Європі. № 6. К., 2006. С. 453–486.

Броневский М. Описание Крыма (Tartariae Descriptio) // ЗООИД. Т. 6. Одесса, 1867. С. 333–367.

Буганов В. И. Крестьянские войны в России. М., 1976.

Буканова Р. Г. Военное искусство башкир // Культура Башкортостана. История и современность. Уфа, 1993. С. 96–105.

Буканова Р. Г. Закамская черта XVII века. Уфа, 1999.

Буканова Р. Г. Общероссийская сторожевая служба и основание крепостей на окраинах России XVI веке // Ядкяр. 1999. № 2 (8). С. 146–149.

Буканова Р. Г. Отображение событий Отечественной войны 1812 года в башкирском народном творчестве // Отечественная война 1812 г. в исторических судьбах народов России: материалы Всероссийской научно-практической конференции (12 октября 2012 г.). Сибай, 2012.

Буканова Р. Г. Роль Оренбурга в формировании юго-восточного фронтира России // Материалы заседания Научного совета ГБУ «ГАОО» «Оренбург в контексте истории Российского государства (к 270-летию г. Оренбурга)» / под ред. В. А. Ильиной, Е. Н. Новокрещеновой, К. Г. Ерофеева. Оренбург, 2014. С. 25–27.

Буляков И. И. Золотоордынские государственные традиции в управлении Уфимским уездом (вторая половина XVI – первая треть XVIII в.): автореф. дис. ... к. и. н. Оренбург, 2011.

Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического / сост. Н. Ф. Дубровин. Сборник военно-исторических материалов. Вып. VI. Ч. 1. СПб., 1893.

Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического. Академика Н. Ф. Дубровина. Сборник военно-исторических материалов. Вып. VII. Ч. 2. СПб., 1894.

Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического. Академика Н. Ф. Дубровина. Сборник военно-исторических материалов. Вып. VIII. СПб., 1895.

Буранбаев М. С. Башкиры – славные сыны Урала, России. Екатеринбург, 2013.

Бурда Э. В. Терское казачье восстание. 1918 год. Нальчик, 2016.

Бутков П. О имени казак // Вестник Европы. № 21. 1822. С. 182–294.

Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа. СПб., 1869.

Бушаков В. До питання про походження терміна «козак» // Східний світ. Київ, 1997. № 1–2. С. 21–26.

Військові кампанії доби гетьмана Івана Мазепи в документах / упор. С. Павленко. К., 2009.

Вайнштейн Ж. Москва и Большая Ногайская Орда за кулисами покорения Сибири // Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей: сб. ст. / ред. И. А. Мустакимов и др. Казань, 2009. С. 365–375.

Валеев Ф. Т. Сибирские татары. Культура и быт. Казань. 1993.

Валеев Ф. Т., Томилов Н. А. Татары Западной Сибири: история и культура. Новосибирск, 1996.

Валиханов Ч. Избранные произведения. М., 1986.

Валиханов Ч. Собрание сочинений. Т. 1. Алма-Ата, 1961.

Варнеке О. До соціяльно-економічної історії таврійських ногайців // СС. № 3 (9). 1929. Харків. С. 137–146.

Варнеке О. Клясова боротьба серед ногайців на початку XIX ст. // СС. № 3 (12). 1930. Харків. С. 157–162.

Василенко В. Из народных воспоминаний об О. М. Гладком и возвратившихся с ним запорожцах // КС. 1885. Т. 12. С. 346.

Васильев Л. С. Протогосударство-чифдом как политическая структура // Народы Азии и Африки. 1981. № 6. С. 157–175.

Васильев Л. С. Становление политической администрации (от локальной группы охотников и собирателей к протогосударству-чифдом) // Народы Азии и Африки. 1980. № 1. С. 172–186.

Васютин С. А. Власть и социум в кочевых империях Центральной Азии VI – начала XII в.: автореф. дис. ... к. и. н. Улан-Удэ, 2016.

Великая Н. Н. Модернизационные процессы второй половины XIX в. и терское казачество // Модернизационные процессы в истории России XVIII–XX вв.: политика, экономика, культура. Армавир, 2003.

Величко С. В. Літопис. Т. 2. / пер. з книжної української мови, комент. В. О. Шевчука; відп. ред. О. В. Мишанич. К., 1991.

Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., 1863–1887. Ч. 1–4.

Венков А. В. Казаки. Ростов-на-Дону, 2000.

Верхотурские грамоты конца XVI – начала XVII в. Сб. док. М., 1982.

Вершинин Е. В., Шашков А. Т. Документы XVII века по истории Сургутского уезда // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Екатеринбург, 2002.

Весела З. Турецкий трактат об османских крепостях Северного Причерноморья в начале XVIII в. // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы: сб. / под ред. А. С. Тверитиновой. М., 1969. С. 98–139.

Веселовский Н. И. Военно-исторический очерк города Анапы. СПб., 1995.

Виженер Блез, де. Описание Польского королевства (1573) / пер. К. Мельник // Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Вып. 1 (XVI ст.). К., 1890. С. 59–88.

Визвольна війна 1648–1654 рр. і возз'єднання України з Росією / ред. В. А. Дядиченко, О. К. Касименко, Ф. П. Шевченко. К., 1954.

Виноградов А. В. Русско-крымские отношения в первые годы правления хана Гази-Гирея II (1588–1591 гг.) в контексте консолидации Крымского ханства по завершению династического кризиса Гиреев // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 4. Казань, 2012. С. 17–46.

Вирський Д. Війни українні: хроніки татарського прикордоння України (XVI – середина XVII ст.). К., 2016.

Вирський Д. С. Географія Запоріжжя: за описами М. Пашковського (1615) та С. Шимановського (1642) // Історико-географічні до-

слідження в Україні. Число 12. К., 2012. С. 42–57.

Витевский В. Раскол в Уральском казачьем войске в XVIII–XIX вв. Казань. 1878.

Витевский В. Н. Уральское войско до появления Пугачева // Русский архив. 1879. № 1.

Витол А. В. Османская империя (начало XVIII в.). М., 1987.

Витсен Николаас. Северная и Восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии / пер. с голл. В. Г. Трисман. Т. 1 / ред. Н. П. Копанева, Б. Наарден. Амстердам, 2010.

Вишневский В. А. Феодализм в Крымском ханстве. М., 1930.

Військовий писар Андрій Семенович Товстик. Збірник документів / упор. *І. Л. Синяк*. К.¸ 2010.

Власов О. Ю. Кам'янська Запорозька Січ як туристичний об'єкт: проблеми та перспективи // Краєзнавство. № 2 (79). К., 2012. С. 97–103.

Возгрин В. Дипломатические связи Швеции и Крыма накануне и после Полтавы // Скандинавский сборник. Таллин, 1985. Т. 29. С. 74–77.

Возгрин В. Исторические судьбы крымских татар. М., 1992.

Возняк М. Мартин Пашковський про козацькі сутички з татарами й долю ясиру [Додаток]: Уривки з книги Пашковського з 1615 р. // Записки НТШ. Львів, 1927. С. 141–161.

Война с Турциею 1711 года. (Прутская операция): материалы, извлеченные из архивов / изд. А. З. Мышлаевский. СПб., 1898.

Волков В. Силовое предпринимательство. СПб., 2002.

Волков Е. З. Христо Ботев (на заре балканского коммунизма). М.; Пг., 1923.

Волхонский М. А., Пригарин А. А., Сень Д. В. «…В качестве верховного главы казаков Анатолии и Румелии»: новые документы из Başbakanlık Osmanlı Arşivi о М. Чайковском (Садык-паше) и Оттоманском казачьем войске // Османский мир и османистика: сб. ст. к 100-летию со дня рождения А. С. Тверитиновой (1910–1973) / сост. и ред. И. В. Зайев, С. Ф. Орешкова. М., 2010. С. 149–163.

Волынкин Н. М. Предшественники казачества – бродники // Вестник Ленинградского университета. 1949. № 8. С. 55–62.

Воронежские акты. Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Издание Воронежского губернского статистического комитета. Т. I. Воронеж, 1887.

Воссоединение Украины с Россией. Собрание документов. Т. II. М., 1953.

Воссоединение Украины с Россией. Собрание документов. Т. III. М.,1954.

Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей: сб. ст. / ред. И. А. Мустакимов и др.; ввод. ст. В. В. Трепавлова. Казань, 2009.

Вступ до відгуків та відгуки Даріуша Колодзєйчика та Віктора Остапчука на докторську дисертацію Фергада Туранли // Електронний ресурс: http://www.historians.in.ua /index.php/en/dyskusiya/2327-vstup-do-vidgukiv-ta-vidguki-dariusha-kolodzejchika-ta-viktora-

ostapchuka-na-doktorsku-disertatsiyu-fergada-turanli.

Вульф Ларі. Винайдення Східної Європи. Мапа цивілізації у свідомості епохи Просвітництва. К., 2009.

Габдуллин И. Р. От служилых татар к татарскому дворянству. М., 2006.

Гаденко А. П. Азовское казачье войско. Кашира, 1912.

Газін В. Гетьманство Павла Тетері: спроба подолання суспільно-політичної кризи в Українській державі (1663–1665 рр.): дис. ... к. і. н. К., 2001.

Гайворонский О. Повелители двух материков. Т. I. Киев; Бахчисарай, 2007; Т. II. Киев; Бахчисарай, 2009.

Гайдамацький рух на Україні в XVIII ст. Збірник документів / під ред. *І. Л. Бутича та Ф. П. Шевченка*. К., 1970.

Галенко О. Коментар: Про османську титулатуру українських гетьманів // СС. № 1–2. 1997. С. 216–221.

Галенко О. Лук та рушниця в лицарській символіці українського козацтва: до питання про східно-західні впливи на Україні в XVI–XVII ст. // Наукові записки. Національний університет «Києво-Могилянська академія». Т. 3. Історія. К., 1998. С. 49–66.

Галенко О. Про діловодні переклади османо-турецької мови документів Архіву Коша Нової Запорозької Січі та проблеми їхнього археографічного опрацювання // Архів Коша Нової Запорозької Січі. Корпус документів. 1734–1775 / упор. Л. З. Гісцова та ін.; наук. ред. І. Л. Бутич. Т. 2. К., 2000. С. 23–31.

Галенко О. Східна Європа 1704–1709 рр. у висвітленні османської хроніки Мегмеда Рашида // Україна в Центрально-Східній Європі. Вип. 9–10. С. 263–295.

Галушко Ю. Казачьи войска России. М., 1993.

Гальперин Ч. Татарское иго: образ монголов в средневековой Росии / пер. М. Е. Копылова; под ред. Ю. В. Селезнева. Воронеж, 2012.

Галязимов Б. И. Легенды седого Иртыша. Свердловск, 1987.

Ганин А. В., Левченко А., Семенов В. Г. История 1-го Оренбургского казачьего полка. Харьков, 2007.

Ганин А. В., Семенов В. Г. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска. 1891–1945: Биографический справочник. М., 2007.

Гаркавец А. Н. Codex Cumanicus. Алматы, 2015.

Гатин М. С. Об употреблении алкогольных напитков кочевниками Улуса Джучи Великой Монгольской империи в XIII в. (по сведениям нарративных источников) // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2013. Т. 155. Кн. 3. Ч. 2. Казань, 2013. С. 52–61.

Г-в. Хроніка. Подорож делегації членів ВУНАС до Туреччини // СС. 1929. № 1–2. С. 375–382.

Гваньїні О. Хроніка європейської Сарматії / упор. та пер. з польськ. о. Юрія Мицика. 2-ге вид., доопрац. К., 2009.

Гейденштейн Р. Записки о московской войне. СПб., 1889.

Геннеп А., ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / пер. с франц. М., 1999.

Геродот. Історії в дев'яти книгах / перекл., передмова, примітки А. О. Білецького. К., 1993.

Гессен Ю. Пленные в России с древних времен. Вып. 1. Выкуп пленных. Пг., 1918.

Гильденштедт И. А. Дневник путешествия в южную Россию академика Санкт-Петербургской Академии наук Гильденштедта в 1773–1774 г. / пер. с немецкого М. Шугурова // ЗООИД. Т. 11. Одесса, 1879. С. 180–228.

Гинзбург К. Мифы–эмблемы–приметы: Морфология и история. Сб. ст. / пер. с ит. и послесл. С. Л. Козлова. М., 2004.

Гиренко Н. М. Социология племени. Становление социологической теории и основные компоненты социальной динамики. СПб., 2004.

Гісцова Л. З., Демченко Л. Я. Сусідів не вибирають: документи про українсько-татарські зв'язки // Архіви України. 1991. № 2. С. 71–77.

Гладкий В. О. Осип Михайлович Гладкий – кошевой атаман Задунайской Сечи. 1789–1866 // РС. 1881. № 2.

Гмелин С. Г. Путешествие из Санкт-Петербурга до Черкасска, главного города Донских казаков в 1768 и 1769 гг. СПб., 1775.

Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. Т. 9. М., 1952.

Годовова Е. В. Оренбургское казачье войско в 1798–1865 годах. Самара, 2007.

Голобуцкий В. А. Запорожское казачество. К., 1957.

Голобуцкий В. А. Рец. на кн. Г. Штёкля «Возникновение казачества» // ВИ. 1957. № 2. С. 172–175.

Голобуцький В. Запорозьке козацтво. К., 1994.

Голофаст В. Б. Многообразие биографических повествований // Социологический журнал. 1995. № 1. С. 71–88.

Голубев Ф. Могила Кучума // Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни. 1889. № 79.

Горобець В. Влада та соціум Гетьманату. Дослідження з політичної та соціальної історії ранньомодерної України. К., 2009.

Горобець В. Еліта козацької України в пошуках політичної легітимації: стосунки з Москвою та Варшавою. 1654–1665. К., 2001.

Горобець В. Між Кам'янцем і Озерною: українська зовнішня політика другої половини 1655 року в контексті геополітичних перегрупувань у Центрально-Східній Європі // Україна в Центрально-Східній Європі. Студії з історії XI–XVIII ст. К., 2000. С. 245–271.

Горский А. А. Древнерусская дружина (К истории генезиса классового общества и государства на Руси). М., 1989.

Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология. Т. 10. № 4. Сентябрь, 2009. С. 31–50.

Греков И. Б. К вопросу о характере политического сотрудничества Османской империи и Крымского ханства в Восточной Европе в XVI–XVII вв. (по данным Э. Челеби) // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. М., 1979. С. 299–314.

Греков И. Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы в XIV–XVI вв. М., 1963.

Грибовский В. В. Г. Ф. Миллер и Запорожская Сечь: о роли личности историка в истории // Cogito. Альманах истории идей. Вып. 6: Foundation. Ростов-н/Д., 2015. С. 311–337.

Грибовский В. В. Город Ногайск и ногайцы // Фронтири міста: історико-культурологічний альманах / ред. В. В. Грибовський. Вип. 4. Дніпропетровськ, 2015. С. 82–106.

Грибовский В. В. Граница Казахского ханства и Российской империи по р. Яик в 30–80-е гг. XVIII в. (по материалам Государственного архива Астраханской области) // Материалы международной научно-практической конференции «От Казахского ханства к независимому Казахстану» (22–23 мая 2015 г.) / ред. Б. Г. Аяган. Астана, 2015. С. 55–58.

Грибовский В. В. Ейский пристав И. Ф. Лешкевич // Большой Ромбит: сб. ст. по истории и исторической географии Восточного Приазовья / под ред. Ю. В. Артюхина. Вып. 2. Ейск, 2015. С. 46–57.

Грибовский В. В. Запорожские рыбные промыслы в Восточном Приазовье // Большой Ромбит. Сб. ст. по истории и исторической географии Восточного Приазовья / сост. Ю. В. Артюхин. Ейск, 2010. С. 61–70.

Грибовский В. В. Крымское ханство на начальном этапе войны Османской и Российской империй 1768–1774 гг.: к вопросу о «последнем татарском набеге» // Мемлекет тарихы, ғылыми журналы Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі Ғылым комитетінің «Мемлекет тарихы институты» мемлекеттік мекемесі / бас редактор Б. Ғ. Аяған. Астана, 2016. № 1. С. 33–57.

Грибовский В. В. Ногайское казачье войско // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2016. № 8. С. 108–129.

Грибовский В. В. От фронтира к линейной границе: разграничение степных владений Турции и России в 1704 и 1705 гг. // Границы и пограничье в южнороссийской истории: материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 26–27 сентября 2014 г.). Ростов-на-Дону, 2014. С. 187–199.

Грибовский В. В. Последние «татарские набеги» 1769 г. // Война и воинские традиции в культурах народов Юга России. V Токаревские чтения: материалы всероссийской научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 2016. С. 76–82.

Грибовский В. В. Управление ногайцами Северного Причерноморья в Крымском ханстве (40–60-е годы XVIII в.) // Тюркологический сборник. 2007–2008 / ред. кол. С. Г. Кляшторный, Т. И. Султанов, В. В. Трепавлов. М., 2009. С. 67–97.

Грибовский В. В. Формирование приставской администрации в междуречье Кубани и Еи в 1771–1790 гг. // Ногайцы XXI век. История. Язык. Культура. От истоков к грядущему. Черкесск, 2014. С. 17–24.

Грибовский В. В., Сень Д. В. Бахты Гирей и проблема стабилизации границ Российской и Османской империй в первой трети XVIII в. // Wschodni rochnik humanistyczny. T. 8. Lublin; Radzyń Podlaski, 2012. С. 85–115

Грибовский В. В., Сень Д. В. Кубанский султан Бахты-Гирей: феномен нелегитимной власти в Крымском ханстве первой трети XVIII в. // Тюркологический сборник / ред. кол. С. Г. Кляшторный,

Т. И. Султанов, В. В. Трепавлов. 2011–2012. М., 2013. С. 92–137.

Грибовский В. В., Сень Д. В. Фронтирные элиты и проблема стабилизации границ Российской и Османской империй в первой трети XVIII в.: деятельность кубанского сераскера Бахты-Гирея // Україна в Центрально-Східній Європі. Вип. 9–10. К., 2010. С. 193–226.

Грибовський В. В. «Кочівницький феодалізм»: межі теорії і обмеження практики // Україна крізь віки: Збірник наукових праць на пошану академіка НАН України професора Валерія Смолія / ред. О. Онищенко. К., 2010. С. 65–86.

Грибовський В. В. Буза, горілка і кава в чоловічому просторі кримськотатарського міста кінця XVIII – першої половини XIX ст. // Фронтири міста: історико-культурологічний альманах / ред. В. В. Грибовський. Вип. 1. Дніпропетровськ, 2012. С. 58–81.

Грибовський В. В. Запорозьке козацтво і чоловічі союзи Кавказу та Центральньої Азії в компаративній перспективі // Гілея: науковий вісник. Збірник наукових праць. Вип. 52. К., 2011. С. 116–131.

Грибовський В. В. Землеробство і седентаризація у кочівницькому соціумі: випадок причорноморських ногайців // Україна в Центрально-Східній Європі (з найдавніших часів до кінця XVIII ст.). Вип. 11. К., 2012. С. 67–190.

Грибовський В. В. Калнишева сім'я // Наукові записки. Збірник праць молодих вчених та аспірантів Інституту української археографії та джерелознавства ім. М. С. Грушевського НАН України. Т. 23 К., 2011. С. 81–91.

Грибовський В. В. Кочівницькі імперії та політичні репрезентації ногайців в «Історії Ногайської Орди» В. В. Трепавлова // Ейдос: Альманах теорії та історії історичної науки. Вип. 3. Ч. І. К., 2008. С. 477–488.

Грибовський В. В. Межа межі. Нотатки на полях книги Ігоря Чорновола «Компаративні фронтири: світовий і вітчизняний вимір» (К.: Критика, 2015. – 376 с.) [рецензія] // Фронтири міста: історико-культурологічний альманах / ред. В. В. Грибовський. Дніпро, 2016. Вип. 5. С. 189–212.

Грибовський В. В. Нівеляція традиційних потестарних і егалітарних структур запорозького козацтва в останні десятиліття існування Січі // Придніпров'я: історико-краєзнавчі дослідження. Вип. 7. Дніпропетровськ, 2009. С. 18–36.

Грибовський В. В. Ногайські орди Північного Причорноморя у XVIII – на початку XIX століття: дис. ... к. і. н. Запоріжжя, 2006.

Грибовський В. В. Політична адміністрація Кримського ханства в Буджацькій орді у період між 1739–1769 рр. // Чорноморська минувшина. Записки Відділу історії козацтва на півдні України Науково-дослідного інституту козацтва Інституту історії України НАН України: Зб. наук. пр. Одеса, 2009. Вип. 4. С. 24–33.

Грибовський В. В. Пунктири українсько-казахстанських паралелей. Нотатки про Міжнародну наукову конференцію «Від Казахського ханства до незалежного Казахстану» // Електронний ресурс: Historians.in.ua. Інтернет-мережа

гуманітаріїв в Україні і світі. 31 серпня 2015 р. Режим доступа: http://www.historians.in.ua /index.php/en/institutsiji-istorichnoji-nauki-v-ukrajini/1603-vladyslav-hrybovskyy-punktyry-ukrainsko-kazakhstanskykh-paralelei-notatky-pro-mizhnarodnu-naukovu-konferentsiiu-vid-kazakhskoho-khanstva-do-nezalezhnoho-kazakhstanu

Грибовський В. В., Приймак О. М. Козацтво в усній традиції Нікопольщини // Козацька спадщина. Альманах Нікопольського регіонального відділення НДІ козацтва Інституту історії України НАН України / ред. В. В. Грибовський. Вип. 1. Нікополь; Запоріжжя, 2005. С. 165–168.

Гриценко Н. П. Горский аул и казачья станица Терека накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Грозный, 1972.

Гросул В. Я. Польская политическая эмиграция на Балканах в 40 – начале 50-х годов XIX в. // Балканский исторический сборник. Кишинев, 1970. Вып. 2.

Гросул В. Я. Российские революционеры в Юго-Восточной Европе (1859–1874 гг.). Кишинев, 1973.

Грушевський М. С. Історія України-Руси. Т. 7. К., 1995.

Грушевський М. Історія України-Руси. Т. 9. Ч. 1. К., 1996.

Грушевський М. Історія України-Руси. Т. 9. Ч. 2. К., 1931.

Грушевський М. З приводу листування Б. Хмельницького з Оттоманською Портою // Україна. Кн. 42. 1930. С. 3–19.

Гуляев А. Л. Отрывки из прошлого Уральского казачьего войска (из записок полковника Гуляева). Уральск, 1895.

Гуляев А. Л. Поход на Амударью и Текинский оазис уральских казаков в 1880–1881 годах. Уральск, 1882.

Гуслистий К. Нариси з історії України. Вип. 2. Україна під литовським пануванням і захоплення її Польщею (з XIV ст. по 1569 р.). К., 1939.

Гутнов Ф. Х. Горский феодализм. Ч. 3. Северный Кавказ в XIII–XV вв. Владикавказ, 2014.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М., 1956.

Дамьян В. В. К проблеме влияния запорожского казачества на польско-молдавские отношения (конец XVI – начало XVII в.) // Revista de etnologie şi culturologie. Vol. 6. Chişinău, 2010. С. 83–86.

Данилевский Г. Нравы и обычаи украинских чумаков. Очерки четырех времен года в Малороссии (из путевых заметок 1856 г.). Ч. I. Зима // Библиотека для чтения. Журнал словесности, наук, художеств, критики новостей и мод. Т. 142. Март. СПб., 1857; Ч. II. Весна // Т. 142. Апрель. СПб., 1857; Ч. III. Лето // Т. 143. Май. СПб., 1857.

Данилевский Г. Письма из степной деревни // Библиотека для чтения, журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод. Т. 104. СПб., 1850.

Данилевский К. В., Рудницкий Е. В. Урало-Каспийский край. Уральск, 1927.

Дариенко В. Н. Община на Яике в XVII – первой четверти XVIII в. // Ежегодник по аграрной исто-

рии. Вып. 6. Вологда, 1976. С. 45–56.

Дашкевич Я. «Учи не ложними устами сказати правду». К., 2011.

Дашкевич Я. Крим у геополітиці минулого та сучасного // *Дашкевич Я.* «Учи не ложними устами сказати правду». К., 2011. С. 598–607.

Дашкевич Я. Майстерня історика. Львів, 2011.

Дашкевич Я. Україна вчора і нині. Нариси, виступи, есе. К., 1993.

Дашкевич Я. Україна і взаємовідносини з Туреччиною: дослідження XV–XVIII ст. // Проблеми української історичної медієвістики. К., 1990. С. 35–42.

Дашкевич Я. Р. Козацтво на Великому Кордоні. До 500-річчя виникнення українського козацтва. Українське козацтво: сучасний стан та перспективи дослідження проблеми [Матеріали «круглого столу»] // УІЖ. 1990. № 12. С. 20–22.

Дашкевич Я. Р. Чемерисы в городах Украины XVI–XVIII вв. // Этнические группы европейской части СССР. М., 1987. С. 100–111.

Дебу И. Л. О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморскому войску, или общие замечания о поселенных полках, ограждающих Кавказскую линию и о соседственных горских народах. СПб., 1829.

Дебу И. Л. О Кавказской линии. СПб., 1828.

Дегоев В. Непостижимая Чечня: Шейх-Мансур и его время (XVIII век). М., 2013.

Денисов Д. Н. История заселения и этнокультурное развитие татар Оренбургского края (XVIII – начало XX вв.). Оренбург, 2006.

Джиджора І. Україна в першій половині XVIII віку. К., 1930.

Джумагалиева К. В. Казачество степного края; история и современность // Кубанские исторические чтения: материалы VIII Международной научно-практической конференции. 2017. С. 132–137.

Джусупов М. К. Происхождение казаков и этнический статус казачества // Universum: общественные науки. 2017. №.3 (33). С. 26–37.

Дзендзелівський Й. Арго волинських лірників // Українське і слов'янське мовознавство: зб. праць. – Українознавча бібліотека НТШ. Львів, 1996. Ч. 6. С. 310–349.

Дзендзелівський Й. Арго нововижвівських кожухарів на Волині // Українське і слов'янське мовознавство: Зб. праць. Українознавча бібліотека НТШ. Львів, 1996. Ч. 6. С. 245–285.

Дзяловский Л. Дневник осады и взятия Велижа, Великих Лук и Заволочья с 1-го августа по 25 ноября 1580 г., веденный Лукою Дзялынским, старостою Ковальским и Бродницким // Дневники второго похода Стефана Батория на Россию (1580 г.). М., 1897.

Димитров С. А. Турецкие документы о состоянии Хотинской округи (нахие) в первой половине XVIII в. // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы: сб. / под ред. А. С. Тверитиновой. Ч. 2. М., 1969. С. 140–160.

Дмитренко И. И. К истории некрасовцев на Кубани // Известия Общества любителей изучения Кубанской области. Екатеринодар, 1899. Вып.1.

До кінця ліквідувати буржуазно-націоналістичні перекручення істо-

рії України // Більшовик України. Теоретичний і політичний журнал ЦК КП(б)У. 1947. № 8.

Доба гетьмана Івана Мазепи в документах / упор. С. Павленко. К., 2007.

Документальная история образования многонационального государства Российского. Кн. I. Россия и Северный Кавказ в XVI–XIX веках / под общей ред. Г. Л. Бондаревского и Г. Н. Колбая. М., 1998.

Документи Богдана Хмельницького (1648–1657) / упор. І. Крип'якевич, І. Бутич. К., 1961.

Документи російських архівів з історії України. Т. 1: Документи до історії запорозького козацтва 1613–1620 гг. Львів, 1998.

Документи українського козацтва XVI – першої половини XVII ст.: універсали, листування, присяги, угоди. К., 2016.

Документы и материалы по истории башкирского народа (1941–1985). Уфа, 2012.

Документы Московского архива министерства юстиции. Т. 1. М., 1897.

Документы по истории Волго-Уральского региона XVI–XIX вв. из древлехранилищ Турции: сб. док. / сост. И. А. Мустакимов; ред. Д. И. Ибрагимов. Казань, 2008.

Документы походного архив воеводы кн. Василия Дмитриевича Хилкова 1580 г. // ПИВЕ. М.; Варшава, 1998. Т. III. С. 197–238.

Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960.

Донские дела / РИБ. Кн. 2. СПб., 1906.

Донские дела / РИБ. Кн. 4. СПб., 1913.

Донские дела / РИБ. Кн. 5. СПб., 1917.

Донские дела / РИБ. Кн. 3. СПб., 1909.

Дополнения к Актам историческим, собранныя и изданныя археографическою комиссиею. Т. 12. СПб., 1872.

Дорошенко Д. Гетьман Петро Дорошенко. Огляд його життя та політичної діяльності. Нью-Йорк, 1985.

Досифей, архимандрит Соловецкого монастыря. Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первокласснаго Соловецкаго монастыря. Ч. 1. М., 1853.

Досталь В. Молчание в темноте (Немецкая этнология в период национал-социализма) // ЭО. 1993. № 5. С. 95–102.

Драгоманов М. П. Вибране (…«мій задум зложити очерк історії цивілізації на Україні») / упор. та авт. іст.-біогр. нарису Р. С. Міщук; приміт. Р. С. Міщука, В. С. Шандри. К., 1991.

Дружинин В. Г. Раскол на Дону в конце XVII века. СПб., 1889.

Дружинин К. Описание подвигов 4-го и 5-го Уральских казачьих полков в войну с Японией в 1904–1905 годах. Уральск, 1908.

Дружинина Е. И. Кючук-Кайнарджийский мир (его подготовка и заключение). М., 1955.

Дружинина Е. И. Южная Украина в 1800–1825 гг. М., 1970.

Дубман Э. Л. Поволжский фронтир в середине XVI–XVII вв. Очерки истории. Самара, 2012.

Дубовиков А. М. Уральское казачество в системе российской государственности (XVIII – начало XX века). Тольятти, 2007.

Дубовиков А. М. Этнический состав населения и религиозные кон-

фессии в Уральской области (последняя треть XIX – начало XX вв.) // Вопросы развития исторической науки и образования в Западном Казахстане: материалы научно-практической конференции, посвященной 60-летию доктора исторических наук, академика Т. З. Рысбекова. Уральск, 2007. С. 125–130.

Дубовиков А. М. Этнический состав Уральского (до 1775 г. – Яицкого) казачьего войска // Наука, техника, образование города Тольятти и Волжского региона. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 1. Тольятти, 1999. С. 25–29

Дубровський В. Про вивчення взаємин України та Туреччини у другій половині XVII ст. // *Кочубей Ю. М.* В. В. Дубровський (1897–1966) як сходознавець. К., 2011. С. 75–86.

Дубровський В. Студії з Криму [Рецензия] // *Кочубей Ю. М.* В. В. Дубровський (1897–1966) як сходознавець. К., 2011. С. 103–108.

Дубровський В. Україна й Близький схід в історичних взаєминах // *Кочубей Ю. М.* В. В. Дубровський (1897–1966) як сходознавець. К., 2011. С. 62–65.

Дубровський В. Україна й Крим в історичних взаєминах // *Кочубей Ю. М.* В. В. Дубровський (1897–1966) як сходознавець. К., 2011. С. 177–181.

Дубровський В. Богдан Хмельницький і Туреччина // Український історик. №3–4. 1975. С. 23–27.

Дубровський В. Посольство гетьмана І. Мазепи до Туреччини та Криму 1699–1700 рр. // СС. № 1–2. 1997. С. 195–202.

Дубровський В. Про вивчення взаємин України з Туреччиною у другій половині XVII ст. // СС. № 5. 1928. С. 54 – 72.

Дубровський В. В. Про деякі татарсько-українські терміни й про гіпотези М. Слабченка // *Кочубей Ю. М.* В. В. Дубровський як сходознавець. К., 2011. С. 383–394.

Думи / упор., вступ. ст., комм. Г. А. Нудьга. К., 1969.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М., 1950.

Екатерина II и Г. А. Потемкин. Личная переписка 1769–1791 / сост. В. С. Лопатин. М., 1997.

Елагин А. С. Казачество и казачьи войска в Казахстане. Алматы, 1993.

Емельян Пугачев на следствии: сборник документов и материалов. М., 1997.

Енгель Й. Х. Історія України та українських козаків / ред., вступ. ст. В. В. Кравченка; упор. Т. О. Чугуя. Харків, 2014.

Епанчев Н. Очерк похода 1829 года в Европейской Турции. СПб., 1905.

Епістолярна спадщина академіка Д. І. Яворницького / упор.: С. В. Абросимова та ін. Вип. 2. Дніпропетровськ, 1999.

Железнов И. И. Уральцы: очерки быта уральских казаков. СПб., 1910.

Жерела до історії України-Руси. Т. 1. Львів, 1908.

Жерела до історії України-Руси. Т. 8. Львів, 1908.

Жерела до історії України-Руси. Т. 12. Львів, 1911.

Жетписбай Н. Ы. О некоторых моментах взаимоотношений казахов с русскими прилинейными жителями в XVIII – первой трети

XIX вв. в Западном Казахстане. Электронный научный журнал «edu.e-history.kz». №4(08). 01 Октября 2016. // Электронный ресурс: http://quest.e-history.kz/ru /contents/view/1239

Заборовский Л. Россия, Речь Посполитая и Швеция в середине XVII в. М., 1981.

Загидуллин И. К. Исламские институты в Российской империи: Мечети в европейской части России и Сибири. Казань, 2007.

Загидуллин И. К. Мусульманское богослужение в учреждениях Российской империи (Европейская часть России и Сибирь). Казань, 2006.

Загидуллин И. К. Татарское национальное движение в 1860–1905 гг. Казань, 2014.

Загоровский В. П. Белгородская черта. Воронеж, 1969.

Загоровский В. П. Изюмская черта. Воронеж, 1980.

Загоровский В. П. Общий очерк заселения и хозяйственного освоения южных окраин России в эпоху зрелого феодализма (XVI – начало XVIII века) // История заселения и хозяйственного освоения Воронежского края в эпоху феодализма. Воронеж, 1987. С. 3–23.

Задыхина К. Л. Пережитки возрастных классов у народов Средней Азии // Родовое общество. Этнографические материалы и исследования / Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. XIV. М., 1951. С. 157–179.

Зайцев И. В. Посольства из Казани в Крым 1549 года // Orientalistika Juvenile. М., 2000. Вып. 1. С. 84–98.

Законы Российской империи о башкирах, мишарях, тептярях и бобылях / сост., автор вступ. статей и прим. Ф. Х. Гумеров. Уфа, 1999.

Заметки и воспоминания Михаила Чайковского (Садык-паши) // РС. Т. 35. Декабрь 1904. С. 573.

Замятина Н. Ю. Зона освоения (фронтир) и ее образ в американской и русской культурах // Общественные науки и современность. 1998. № 5. С. 75–89.

Западные окраины Российской империи. М., 2006.

Записка, каким образом предводителем Второй армии генералом графом Паниным начато производиться предпринятое российским императорским двором и ему порученное намерение, клонящееся к поколебанию татарських орд против нынешнего их подданства (1770) // Русский архив. 1878. Кн. 3. Вып. 12. С. 464–474.

Записки генерал-фельдмаршала кн. А. А. Прозоровского. 1756–1776. М., 2004.

Записки Михаила Чайковского (Садык Паши) // КС. 1891. Т. 32–35. Вып. 1–12; 1892. Т. 38. Вып. 8, 10.

Записки Мухоммеда Неджати-эфенди, турецкого пленного в России в 1771–1775 гг. // Русская старина. 1894. Т. LXXXI. Март. С. 113–134; Апрель. С. 179–208; Май. С. 144–169.

Записки о России генерала Манштейна // Перевороты и войны. История России и Дома Романовых в мемуарах современников XVII–XX вв. / Фонд Сергея Дубова. М., 1997. С. 9–272.

Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695 гг.). М., 1967.

Записки о Южной Руси / сост. и издатель П. Кулиш. СПб., 1856 (факсимильное издание: К., 1994).

Записки путешествия академика Лепехина. Окончание // Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою академией наук. Т. 5. СПб., 1822. С. 388–408.

Записки русских путешественников XVI–XVII вв. / сост., подг. текстов, комм. Н. И. Прокофьева, Л. И. Алехиной; вступ. статья Н. И. Прокофьева. М., 1988.

Заруба В. Украинское казацкое войско в борьбе с турецко-татарской агрессией (последняя четверть XVII в.). Харьков, 1993.

Заруба В. Українське козацьке військо в російсько-турецьких війнах останної чверті XVII ст. Дніпропетровськ, 2003.

Заседателева Л. Б. Терские казаки. М., 1970.

Заседателева Л. Б. Терские казаки (середина XVI – начало XX в.). Историко-этнографические очерки. М., 1974.

Застирец І. Мазепинці в Туреччині (З паперів Садик-паші) // Україна. 1914. № 2.

Захир ад-дин Мухаммед Бабур. Бабур-наме. Ташкент, 1992.

Збірник козацьких літописів: Густинський, Самійла Величка, Грабянки. К., 2006.

Зенченко М. Ю. Южное российское порубежье в конце XVI – начале XVII в. Опыт государственного строительства. М., 2008.

Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. 1635–1758. М., 1983.

Зудин А. И. Старообрядчество на Кубани: региональная специфика и этапы становления церковной организации (конец XVIII – начало XX века) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общ. науки. 2009. № 4.

Зуев Ю. А. О формах социальной организации кочевых народов Центральной Азии в древности и средневековье: пестрая орда, сотня (Сравнительно-типологическое исследование) // Военное искусство кочевников Центральной Азии и Казахстана (эпоха древности и средневековья): сб. ст. / под ред. Н. Ж. Шахановой. Алматы, 1998. С. 49–100.

Ибрагимов С. К. Еще раз о термине «казах» // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. Труды Института истории, археологии и этнографии Том 8. Алма-Ата: Издательство Академии наук Казахской ССР, 1960. С. 66–71.

Иванин М. И. Описание зимнего похода в Хиву 1839–1840 гг. СПб., 1874.

Иванов В. А., Кортунов А. И., Косянов В. И., Чугунов С. М. Оренбургское и Уральское казачьи войска. История и культура: Учебное пособие. Уфа, 2009.

Иванов П. К истории запорожских козаков после уничтожения Сечи // ЗООИД. Т. XXV. Одесса, 1904. С. 23–28.

Иванов П. А. Материалы по истории Запорожья в XVIII веке // ЗООИД. Т. 20. Одесса, 1897. С. 60–100.

Иванова Л. М. Сибирский фронтир: изучение вопроса в отечественной исторической науке // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 410. С. 72–76.

Иванчик А. И. Воины-псы. Мужские союзы и скифские вторжения в

Переднюю Азию // СЭ. 1988. № 5. С. 38–48.

Ивлев М. Атаманы Семиреченского казачьего войска // Семиреченский Казачий Вестник. Алма-Ата, 1998. № 5 (8).

Игнатьев Р. Г. Памятники доисторических древностей Уфимской губернии // Справочная книжка Уфимской губернии. Уфа, 1883.

Игнатьев Р. Г. Турахана дворец. Чортово городище // Древности. Труды Московского археологического общества. Т. 2. Вып. 2. М., 1869.

Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе / сост. и изд. В. В. Латышев. Т. 1. СПб., 1890.

Илляшенко В. Атаман из Золотоноши // Украина. 1988. № 26.

Инал-ипа Ш. Д. Социальная сущность аталычества в Абхазии в XIX в. // *Инал-ипа Ш. Д.* Труды в 11 томах. Т. 1: Этнография брачно-семейных и социальных отношений абхазов / сост. В. Л. Бигуаа, С. А. Дбар. Сухум, 2016. С. 294–373.

Иникова С. А. Материалы о реэмиграционном движении среди старообрядцев в XIX – начале XX в. из Архива внешней политики Российской империи // Липоване: история и культура русских-старообрядцев. Вып. 7. Одесса, 2010.

Иностранные известия о восстании Степана Разина. Л., 1975.

История башкирского народа в 7 т. Т. IV / под ред. А. З. Асфандиярова. СПб., 2011.

История Дона с древнейших времен до падения крепостного права. Ростов-на-Дону, 1973.

История Казахстана в пяти томах. Т. 2. Алматы. 2010.

История казачества Азиатской России. Т. 1. Екатеринбург, 1995.

История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988.

История о казаках запорожских, как оные из древних лет зачалися, и откуда свое происхождение имеют, и в каком состоянии ныне находятся, сочиненная от инженерной команды. Одесса, 1852.

История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. 1. Л., 1968.

История татар с древнейших времен. Т. III. Казань, 2009.

Історія українського козацтва: Нариси: У 2 т. / редкол.: В. А. Смолій (відп. ред.) та ін. К., 2007. Т. 2.

Йомудский С. Н. О пережитках родового быта у скотоводов Западной Туркмении в XIX в. // СЭ. 1962. № 4. С. 46–56.

Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы в двух томах. Т. 1. М., 1957.

Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы в двух томах. Т. 2. XVIII в. М., 1957.

Кабульдинов З. Е. Политика выдавливания казахов из внутренней части пограничной линии Оренбургского края во второй четверти XIX века // Вестник КазНУ (серия востоковедческая). 2016. Т. 59. № 2. С. 43–48.

Кавказский вектор российской политики. Сб. док. / сост. М. А. Волхонский, В. М. Муханов. Т. I: XVI–XVIII вв. М., 2011.

Кажаров В. Х. Столкновение цивилизаций и первые поражения Кабарды в 60–90-х гг. XVIII века // Исторический вестник. Вып. IV. Нальчик, 2006. С. 206–254.

Каженова Г. Т. К вопросу о взаимоотношениях казахов и сибирских линейных казаков во второй половине XIX в. // Степной край Евразии: Историко-культурные взаимодействия и современность: IV Международная научная конференция, посвященная 170-летию со дня рождения Г. Н. Потанина и Ч. Ч. Валиханова: тезисы докладов и сообщений. Омск, 2005. С. 83–84.

Каженова Г. Т. Казахи и сибирские казаки в историческом и социально-культурном пространстве Степного края (XIX – начало XX вв.): дис. ... к. и. н. Алматы, 2008.

Казачий вестник (газета, г. Уральск). 1991. № 4.

Казачий круг (альманах). Спецвыпуск. № 1. Ч. 1. 1992.

Казиев С. Ш. Проблемы этногенеза и этнической истории казахов // Тюркские народы. Фрагменты этнических историй. 2014.

Калиновская К. П. Возрастные группы народов Восточной Африки. Структура и функции. М., 1976.

Кальди-Надь Д. Турецкие реестровые книги мукатаа как исторические источники // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы: сб. / под ред. А. С. Тверитиновой. Т. 1. М., 1964. С. 76–90.

Каманин И. К вопросу о козачестве до Богдана Хмельницкого. К., 1894.

Камбарбекова Г. А. Сабитов Ж. М. Сведения Хондемира об истории восточной части улуса Джучи в 1460-х годах // Золотоордынская цивилизация. № 9. Казань, 2016. С. 135–139.

Канцелярія Новосербського корпусу / упор. В. Мільчев, О. Посунько // Джерела з історії Південної України. Т. 7. Запоріжжя, 2005.

Капаев Иса. Ногайские мифы, легенды и поверья. Опыт мифологического словаря. М., 2012.

Каппелер А. Южный и Восточный фронтир России (XVI и XVIII веках) // Ab imperio. 2003. № 1. С. 47–64.

Каргалов В. В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники. М., 1967.

Каргалов В. В. На степной границе. М., 1974; *Он же.* Оборона южной границы Российского государства в первой половине XVI столетия. Л., 1977.

Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. М., 1987.

Карнович Е. П. Родовые прозвания и титулы в России. М., 1991.

Карпов А. Б. Сборник слов, синонимов и выражений, употребляемых уральскими казаками. Уральск, 1909.

Карпов А. Б. Сборник слов и выражений, употребляемых уральскими казаками. Уральск, 1913.

Карпов А. Б. Уральцы. Уральск, 1909.

Карпов А. Б. Уральцы. Уральск, 1911.

Карпов Ю. Ю. Джигит и волк. Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб., 1996.

Карпов Ю. Ю. Специфика функционирования «традиционных» горско-кавказских обществ: интерпретация последних десятилетий // Лавровский сборник: материалы XXXIII Среднеазиатско-Кавказских чтений 2008–2009. К столетию со дня рождения Л. И. Лаврова. Этнология, история, архео-

логия, культурология. СПб., 2009. С. 102–106.

Катанаев Г. Е. Киргизские степи, Средняя Азия и Северный Китай в XVII и XVIII столетиях. Омск, 1893.

Катанаев Г. Краткий исторический обзор службы Сибирского казачьего войска с 1582 по 1908 г. СПб., 1908.

Катанаев Г. Е. Еще об Ермаке и его сибирском походе (новые вариации на старую тему) // Записки Западно-Сибирского отдела имп. Русского географического общества. Кн. XV. Вып. II. Омск, 1893. С. 1–36.

Катанов Н. Ф. Предания тобольских татар о Кучуме и Ермаке // Ежегодник Тобольского губ. музея. Вып. 5. Тобольск, 1895–1896. С. 1–12.

Кауфман А. А. Община. Переселение. Статистика. Сборник статей. М., 1915.

Каюк С. М. (Могульова С. М.). Задунайська Січ (1775–1828 рр.): дис. ... к. і. н. Дніпропетровськ, 1999.

Кельсиев В. И. Исповедь // Архив русской революции. М., 1991. Т. 6 (№ 11–12).

Кельсиев В. И. Польские агенты в Цареграде // Русский вестник. 1869. Т. 81. № 6.

[*Кельсиев В.*] Очерк истории старообрядцев в Добрудже // Старообрядцы в Румынии. Русские писатели в липованах / сост. В. А. Липинская. М., 1995.

Кеппен П. И. Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России / сост. под руководством Петра Кеппена [при участии Б. П. Ламбина]. Спб., 1861.

Кидирниязов Д. С. Взаимодействие ногайцев с народами Северного Кавказа в хозяйственной и культурной сфере в XVI–XIX вв. // Вестник Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. 2005. № 4. С. 24–33.

Қинаятұлы З. Қазақ мемлекеті және Жошы Хан. Астана: Елорда, 2004.

Киценко М. Хортиця в героїці і легендах. Дніпропетровськ, 1967.

Клапрот Ю. Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах. Нальчик, 2008.

Клапрот Ю. Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах. Нальчик, 2008.

Клепатский П. Г. Очерки по истории Киевской земли. Одесса, 1912.

Клычников Ю. Ю. Иван Диомидович Попко о подготовке празднования 300-летия Терского казачьего войска (по материалам Центр. гос. архив Республики Северная Осетия – Алания) // Терский сборник. Вып. 1. М., 2016. С. 28 –292.

Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Казак: историко-политологическое и этническое содержание термина // *Они же*. Государства и народы евразийских степей: от древности к новому времени. 3-е изд., исправл. и доп. СПб., 2009. С. 296–303.

Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Казахстан: летопись трех тысячелетий. Алматы, 1992.

Книга Полоцкого похода 1563 г. СПб., 2004.

Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского (1545–1572). М., 1843.

Книга, глаголемая Летописец Федора Никитича Нормантского // Временник Московского общества

истории и древностей российских. 1850. Кн. 5. С. 1–148.

Кобищанов Ю. М. Полюдье: явление отечественной и всемирной истории цивилизаций. М., 1995.

Коваленко В. В. Система казачьего станичного самоуправления на Кубани в конце XVIII – начале XX вв.: автореф. дис. ... к. и. н. Краснодар, 2013.

Ковальский Н. П. Источниковедение истории Украины XVI–XVII вв. Ч. 2. Анализ дореволюционных отечественных публикаций источников. Учеб. пос. по спецкурсу. Днепропетровск, 1978.

Кодан С. В. Устав о сибирских городовых казаках 1822 г. // Казаки Урала и Сибири в XVII–XX вв. Екатеринбург, 1993.

Козлов С. А. Кавказ в судьбах казачества (XVI–XVIII вв.). Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 2002.

Козловский И. Л. Тмуторокань – Таматарха – Матарха – Тамань // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Т. 2. Симферополь, 1928. С. 58–76.

Коков Дж. К истолкованию топонима «Черкассы» и слова «казак» // Ученые записки Кабардино-Балкарского государственного университета. Серия филологическая. Вып. 25. Нальчик, 1965. С. 3–6.

Колодзейчик Дариуш. Відгук про автореферат та книжку Фергада Туранли «Козацька доба історії України в османсько-турецьких писемних джерелах (друга половина XVI – перша половина XVIII століття)». Электронный ресурс: http://www.historians.in.ua /images/sampledata/hist-images/rizne/2017/11/kolodzeychyk /Kolodziejczyk_vidhuk_perklad.pdf

. Колонизация Кавказа и казаки. СПб., 1886.

Кондараки В. Х. Универсальное описание Крыма. Ч. 12. СПб., 1875.

Кондараки В. Х. В память столетия Крыма. М., 1883.

Кондратович Ф. Задунайская Сечь (по местным воспоминаниям и рассказам) // КС. 1883. Т 1.

Кондратович Ф. Задунайская Сечь: По местным воспоминаниям и рассказам // КС. 1883. Т. 5.

Кондрико А. В. Система казачьего самоуправления в рамках российской государственности на примере Запорожской Сечи в сер. XVII – кон. XVIII вв.: автореф. дис. ... к. и. н. М., 2015.

Конисский Г. История Русов / ред. В. А. Замлинский. Репринтное воспроизведение издания 1846 г. К., 1991.

Конституція Пилипа Орлика: оригінал та його історія. Підготувала О. Б. Вовк // Архіви України. 2010. Вип. 3–4 (269). С. 158–159.

Копии императорских грамот и других письменных актов, принадлежащих Кубанскому казачьему воску // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1901. Т. 8.

Копия с письма, писанная неизвестным лицом на корабле «Орле», стоящим на якоре под Астраханью // Астраханский сборник. Астрахань, 1896. Вып. 1. С. 132–134.

Корниенко Б. Правый Дон: казаки и идеология национализма (1909–1914). СПб., 2013.

Корнис П. Краткий обзор положения ногайских татар, водворенных в Мелитопольском уезде Таврической губернии // Телескоп, журнал современного просвещения, издаваемый Н. Надеждиным. Ч. 33. М., 1836. С. 3–23.

Королев В. Н. Босфорская война. Ростов н/Д., 2002.

Королев В. Н. Донские казачьи городки. Новочеркасск, 2007.

Короленко П. Азовцы // Задунайская Сечь: К 1000-летию летописания и книжного дела в Украине. Одесса, 1998.

Короленко П. П. Головатый – кошевой атаман Черноморского казачьего войска. Екатеринодар, 1904.

Короленко П. П. Закубанский край (К истории Западного Кавказа) // Кубанская библиотека. Т. 22. Историческая публицистика Кубани второй половины XIX – начала XX в.: П. П. Короленко, И. Д. Попко, Е. Д. Фелицын. Краснодар, 2014. С. 9–124.

Короленко П. П. Некрасовские казаки: Исторический очерк, составленный печатным и архивным источникам // Известия Общества любителей изучения Кубанской области. Екатеринодар, 1900. Вып. II.

Короленко П. П. Переселение казаков за Кубань. Русская колонизация на Западном Кавказ. Материалы для истории Кубанской области // Кубанский сборник. Т. 16. Екатеринодар, 1910.

Короленко П. П. Предки кубанских казаков на Днепре и на Днестре. Екатеринодар, 1900.

Короленко П. П. Черноморское казачье войско (1775–1792 г.). Екатеринодар, 1892.

Коротин Е. Л. Фольклор яицких казаков: песни, народная проза, детский фольклор. Алма-Ата, 1982.

Короткий опис Малоросії (1340–1776) / підг. до друку, вступна стаття А. Бовгирі. К.,2012.

Кортунов А. И. Особенности зачисления башкир в состав Яицкого (Уральского) и Оренбургского казачьих войск (XVIII–XIX вв.) // Вестник ПУ. 2013. Вып. 1 (21).

Кортунов А. И., Рахимов Р. Н. Аннотированная хроника военной службы народов Урала в XVI–XIX вв. Уфа, 2009. С. 4–17.

Кортунов А. И., Фокин А. А. Казаки-мусульмане на службе в казачьих войсках Урала (XVI–XIX вв.). Уфа, 2012.

Косвен М. О. Матриархат. История проблемы. М.; Л., 1948.

Косенков Е. И. Станичное управление в Донском войске // Вестник ТГУ. 2009. № 327. (окт.).

Костомаров Н. Богдан Хмельницкий данник Османской Порты // *Костомаров Н.* Исторические монографии и исследования. Кн. 5. СПб., 1905.

Костомаров Н. Богдан Хмельницкий, данник Османской порты // Вестник Европы. 1878. Т. 6. № 12. С. 806–817.

Костомаров Н. И. Бунт Стеньки Разина // *Костомаров Н. И.* Автобиография. Бунт Стеньки Разина / вступ. ст. и комм. Ю. А. Пинчук. К., 1992. С. 129–445.

Костров Н. Каинская Бараба // Томские губернские ведомости. 1874. № 25. С. 3.

Костров Н. Народные предания татар о Кучуме и Ермаке // Сибирская газета. 1881. № 2. С. 62.

Кочекаев Б.-А. Б. Ногайско-русские отношения в XV–XVIII вв. Алма-Ата, 1988.

Кочекаев Б. Б. К вопросу о характере и сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов // История горских и кочевых народов Северного Кавка-

за. Вып. 2. Ставрополь, 1976. С. 122–129.

Кочубинский А. Граф Андрей Иванович Остерман и раздел Турции: Из истории Восточного вопроса. Война пяти лет: 1735–1739. Одесса, 1899.

Кравченко В. В. Нариси з української історіографії епохи національного Відродження (друга половина XVIII – середина XIX ст.). Харків, 1996.

Крадин Н. Н. Вождество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995. С. 11–61.

Крадин Н. Н. Понятие «племя» в современной антропологии // Петербургские славянские и балканские исследования. 2015. № 2. С. 4–12.

Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д. Империя Чингис-хана. М., 2006.

Красняков Н. И. «Учреждение для управления Сибирских губерний» 1822 г. как акт кодификации регионального законодательства // Систематизация законодательства в России (историко-правовые, теоретико-методологические и технико-юридические проблемы). К 175-летию Свода законов Российской империи: материалы Международного круглого стола (Москва, 18–19 января 2008 г.) / под ред. В. М. Баранова и др. Н. Новгород, 2008. С. 184–196.

Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сб. док. Т. 1–3. М., 1954–1962.

Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков: проблемы, поиски, решения: сб. ст. / под ред. Л. В. Черепнина. М., 1974.

Крикун М. Брацлавське воєводство у XVI–XVIII століттях: Статті і матеріали. Львів, 2008.

Крикун М. Воєводства Правобережної України у XVI–XVIII століттях: Статті і матеріали. Львів, 2012.

Крикун М. Корсунська козацька рада 1669 року // *Крикун М.* Між війною та радою. Козацтво Правобережної України в другій половині XVII – на початку XVIII ст. К., 2006.

Крикун М. Турецький похід на Правобережну Україну 1674 року // Вісник Львівського університету. Серія історична. Вип. 34. Львів, 1999. С. 123–164.

Кримський А. Історія Туреччини. Київ; Львів, 1996.

Кримський А. Про долю українських полоняників у Кримському ханстві // Студії з Криму I–IX. / ред. А. Е. Кримський. Відбитки з Записок Історично-філологічного відділу ВУАН (Збірник 89). К., 1930. С. 14–17.

Кримський А. Е. До історії теперішніх 25% татарської історії в Криму // Студії з істории Криму I–IX / ред. акад А. Е. Кримського. К., 1930. С. 105–106.

Кримський А. Е. Література кримських татар // Студії з істории Криму I–IX / ред. акад А. Е. Кримського. К., 1930. С. 165–191.

Кримський А. Е. Сторінки з історії Крима та кримських татар // Студії з істории Криму I–IX / ред. акад. А. Е. Кримського. К., 1930. С. 1–17.

Крип'якевич І. Остафій Астаматій (Остаматенко), український посол в Туреччині 1670-их рр. // Україна. Кн. IV. 1928. С. 5–12.

Крип'якевич І. Турецька політика Богдана Хмельницького // Український археографічний збірник. Вип. 10/11. 2006. С. 134–157

Крип'якевич І. П. Богдан Хмельницький / ред. Ф. П. Шевченко, І. Л. Бутич, Я. Д. Ісаєвич. Вид. 2-ге, випр. і доповнене. Львів, 1990.

Крупницький Б. Гетьман Пилип Орлик (1672–1742): його життя і доля. Мюнхен, 1956.

Крупянская В. Дмитрий Николаевич Садовников // Певец Волги Д. Н. Садовников / сост. и комм. В. Ю. Крупянская; ред. Ю. М. Соколов. Куйбышев, 1940.

Крючков И.В. Военнопленные Австро-Венгрии, Германии и Османской империи на территории Ставропольской губернии в годы первой мировой войны. Ставрополь, 2006.

Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. М., 1974.

Кузик Т. «З письма та письменних людей нема добра»? Запорозька Військова канцелярія, військова «простота» й «проста вольниця» // Київська академія. Вип. 5. К., 2008. С. 125–143.

Кузик Т. Відомість про залінійні поселення від 17 січня 1762 р. як джерело з історії Старосамарської сотні Полтавського полку // Січеславський альманах. Збірник наукових праць з історії українського козацтва. Вип. 2. Дніпропетровськ, 2006. С. 27–35.

Кузик Т. Писар Війська Запорозького Низового Олексій Петруша (матеріали до біографії) // КС. 2003. № 6. С. 133–140.

Кузик Т. Л. Перехід жителів слободи Данилівки у підданство Війська Запорозького Низового // Український археографічний щорічник. К., 2007. Вип. 12. С. 403–420.

Кузик Т. Л., Хмарський В. М. Іван Чугуївець як автор «Описания Запорожской Сечи» В. Чернявского // Українське козацтво у вітчизняній та загальноєвропейській історії. Одеса, 2005. С. 82–84.

Кузнецов В. А. Военная служба полков Оренбургского и Уральского казачьих войск после Отечественной войны 1812 года // Вестник ЧелГУ. 2009. № 12 (150). История. Вып. 31.

Кузнецов В. А. Православие и инородцы. Миссионерская деятельность священников в инородческих приходах Оренбургской епархии // Славяне в этнокультурном пространстве Южно-Уральского региона: материалы XI международной научно-практической конференции, посвященной Дню славянской письменности и культуры. Оренбург, 2015.

Кузнецов В. А. Религиозно-нравственное воспитание Оренбургского казачества // Оренбургское казачье войско: Религиозно-нравственная культура: сб. науч. тр. / под ред. А. П. Абрамовского. Челябинск, 2000.

Кулецька Алісія. Поміж Польщею, Туреччиною і Росією: Міхал Чайковський (паша Мехмет Садик) і проблеми «козаччини» в XIX ст. // Причорноморський регіон у контексті світової політики: історія та сьогодення. Одеса, 2008. С. 117–125.

Курукин И. В. Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735). М., 2010.

Кусаинова Е. В. Русско-ногайские отношения и казачество в конце XV–XVII веке. Волгоград, 2005.

Куц О. Ю. Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина (1637–1667). СПб., 2009.

Куц О. Ю. Донское казачество времени Азовской эпопеи и 40-х гг. XVII в.: политическая и военная история. СПб., 2014.

Куц О. Ю. Донское казачество от взятия Азова до выступления С. Разина, 1637–1667 гг.: дис. ... к. и. н. СПб., 2000.

Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVII века). М., 1963.

Кызласов И. Л. Счет возраста у пратюркских народов (попытка историко-культурной реконструкции) // ЭО. 2016. №. 6. С. 92–106.

Лавров А. С. Военный плен и рабство на границах Османской империи и Российского государства в XVII – начале XVIII века // ГИИМ: Доклады по истории 18 века – DHI Moskau: Vortrage zum 18. Jahrhundert. – 2010. Электронный ресурс: http://www.perspectivia.net/content/publikationen/vortraege-moskau/lavrov_kriegsgefangenschaft

Лапаев А. П. Развитие предпринимательства на территории Оренбургского казачьего войска // Вестник ОГУ. Гуманитарные науки. 2006. № 2. Февраль. Т. 1.

Лапинский Т. (Теффик-бей). Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских / пер. В. К. Гарданова. Нальчик, 1995.

Лебединцев А. Г. Ханская Украина // ЗООИД. Т. XXXI. Одесса, 1913. С. 1–22.

Леви-Брюль Люсьен. Первобытный менталитет / пер. с фр. Е. Кальщикова. СПб., 2002.

Левитский Г. Старочеркасск и его достопримечательности. Новочеркасск, 1906.

Левшин А. Описание киргиз-кайсакских или киргиз-казачьих орди и степей. Ч. 2. СПб., 1832.

Леденев Н. В. История Семиреченского казачьего войска. Верный, 1909.

Лежён Ф. В защиту автобиографии. Эссе разных лет / пер. и вступ. *Б. Дубина* // Иностранная литература. 2000. № 4. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/inostran/2000/4/lezhen.html

Лемерсье-Келькеже Ш. Литовский кондотьер XVI в. князь Дмитрий Вишневецкий и образование Запорожской Сечи по данным оттоманских архивов // La Russie et l'Europe XVI–XX-e siècles. Франко-русские экономические связи. Москва; Париж, 1970. С. 39–64.

Лемерсье-Келькеже Ш. Казанское и Крымское ханства и Московия в 1521 г. по неопубликованному документу из архива дворца «Топкапы» // Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей: сб. ст. / ред. И. А. Мустакимов и др. Казань, 2009. С. 47–56.

Леп'явко С. Аналоги українського козацтва у західному світі // Історія українського козацтва. Нариси у двох томах / редкол.: В. А. Смолій та ін. К., 2006. С. 102–115.

Леп'явко С. Великий кордон Європи як фактор становлення українського козацтва. Запоріжжя, 2001.

Леп'явко С. Козацькі війни кінця XVI ст. в Україні. Чернігів, 1996. С. 32.

Леп'явко С. Українське козацтво у міжнародних відносинах XVI – середини XVII ст. // Історія українського козацтва. Нариси у двох томах. Т. 1. К., 2006. С. 326–342.

Летописец русский // ЧОИДР. 1895. Кн. 3.

Летописи сибирские. Новосибирск, 1991.

Липранди И. П. Некоторые сведения о правом береге Дуная, собранные в 1827 г. СПб., 1827.

Лисейцев Д. В. Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003. С. 183–190.

Лисяк-Рудницький Іван. Козацький проект Міхала Чайковського під час Кримської війни: аналіз ідей // *Лисяк-Рудницький Іван.* Історичні есе. К., 1994. Т. 1. С. 251–263.

Литвин К. Об истории украинского народа // Большевик. 1947. №7.

Літопис Самовидця / упор. Я. Дзира. К., 1971.

Лопатин В. С. Светлейший князь Потемкин. М., 2005.

Лотман Ю. М. Литературная биография в историко-культурном контексте (к типологическому соотношению текста и личности автора) / *Лотман Ю. М.* О русской литературе. Статьи и исследования (1958–1993). СПб., 1997. С. 804–816.

Лохвицкий А. В. О пленных по древнему русскому праву (XV, XVI, XVII века). М., 1855.

Лунин Б. В. Очерки истории Подонья–Приазовья. Кн. 2. Ростов-на-Дону, 1954.

Лупулеску [Хв. Вовк]. Русские колонии в Добрудже: историко-этнографический очерк // КС. 1889. Т. 24 (январь). С. 117–154.

Львов Л. Отношения между Запорожьем и Крымом. Одесса, 1895.

Любавский М. К. Историческая география России в связи с колонизацией. М., 1909. (Репринт: СПб., 2000).

Любавский М. К. Начальная история малорусского казачества // ЖМНП. Ч. ССС. 1895. Июль. С. 217–244.

Люцидарская А. А. Старожилы Сибири: историко-этнографические очерки. XVII – начало XVIII в. Новосибирск, 1992.

Мавродин В. В. Славяно-русское население Нижнего Дона и Северного Кавказа в X–XIV вв. // Ученые записки Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена. Факультет исторических наук. 1938 Т. 11. С. 7–49.

Мавродин В. В. Советская историческая литература о крестьянских войнах в России XVII–XVIII веков // ВИ. 1961. № 5. С. 24–47.

Макаревский Феодосий. Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской епархии. Церкви и приходы прошедшего XVIII ст. / упор. В. Г. Довгополий; вступ. ст., комм. Г. К. Швидько. Дніпропетровськ, 2000.

Маленко Л. Азовське козацьке військо. (1828–1866). Запоріжжя, 2000.

Малеча Н. М. Сборник словарных статей словаря территориального диалекта уральских казаков. Уральск. 1960.

Малеча Н. М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков. Т. 1–4. Оренбург, 2002–2003.

Малеча Н. М. Уральские казаки и их диалект. Уральск. 1956.

Малинин К. Н. Терские казаки // Русский антропологический журнал. 1907. № 1–2. С. 88–127.

Малиновский Бр. Избранное: Аргонавты западной части Тихого океана / пер. с англ. М., 2004.

Малиновский И. Сборник материалов, относящихся к истории панов-рады Великого княжества Литовского. Томск, 1901.

Малов А. В. Русско–польская война 1654–1667 гг. М., 2006.

Мамонов В. Ф. История казачества России. Т. 1. Екатеринбург; Челябинск, 1995.

Марджани Шихабуддин. Извлечение вестей о состоянии Казани и Булгара (Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар). Ч. I. Казань, 2005.

Маркевич М. Історія Малоросії / ред. і автор. передм. Ю. С. Шемшученко; прим. О. В. Кресіна. К., 2003.

Маркедонов С. Основной вопрос казаковедения: российская историография в поисках «древнего» казачества // Империя и нации в зеркале исторической памяти: сб. ст. М., 2011. С. 224–264.

Маркедонов С. М. Донское казачество: феномен межцивилизационного диалога // Общественные науки и современность. 1997. № 2. С. 186–190.

Маркедонов С. М. С. Г. Сватиков – историк и общественный деятель. Ростов-на-Дону, 1999.

Марков В. И. О возникновении украинского козачества. СПб., 2014.

Марр Н. Кавказский культурный мир и Армения // ЖМНП. Новая серия. Ч. 7. 1915. Июнь. С. 280–330.

Марсове поле. Героїчна поезія в Україні X – початок XIX століть. К., 2004.

Мартин В. Барымта: обычай в глазах кочевников, преступление в глазах империи // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология / сост. Пол В. Верт и др. М., 2005. С. 363–373.

Маслійчук В. Л. Провінція на перехресті культур: Дослідження з історії Слобідської України XVII–XIX ст.: Харків, 2007.

Маслюженко Д. Н. Политическая история становления ханства Абулхаира на юге Западной Сибири // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 4. Казань. 2012. С. 76–88.

Маслюженко Д. Н., Рябинина Е. А. Прибытие Кучумовичей в Россию осенью 1598 – зимой 1599 г. (особенности статуса и повседневной жизни пленных Чингисидов) // История народов России в исследованиях и документах Вып. 4 / отв. ред. В. В. Трепавлов. М., 2010. С.81–102.

Матвеев А. В., Татауров С. Ф. К вопросу об административно-территориальном устройстве Сибирского ханства // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Курган, 2011.

Матвиевский П. Е. Очерки истории Оренбургского края XVIII–XIX веков. Оренбург, 2005. С. 161.

Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба: Земля Войска Донского / сост. Н. Краснов. СПб., 1863.

Материалы для отечественной истории / сост. М. Судиенко. Т. 2. К., 1885.

Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. М.; Л., 1936.

Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата, 1969.

Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ч. I. Л., 1932.

Материалы по истории Шацкого уезда XVII века. Шацк, 2013. Вып. 1. С. 30–47.

Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. 4. Оренбург, 1905.

Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. 8. Оренбург, 1907.

Махрова Т. К. Казачье хозяйство Оренбургской губернии. Челябинск, 1998.

Мачанов А. Е. Борьба царской России за обладание Крымским ханством. Симферополь, 1929.

Машин М. Д. Оренбургское казачье войско. 2-е изд., испр. / вступ. ст. А. П. Абрамовского, В. С. Кобзова. Челябинск, 2000.

Мейер М. С. Османская империя в XVIII веке. Черты структурного кризиса. М., 1991.

Мертваго Д. Б. Записки. 1760–1824. М., 1867.

Метрыка Вялікага Княства Літускага. Кн. 28. Менск, 2000.

Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения. М., 1988.

Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. I. М., 1999.

Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. II. М., 2000.

Миллер А. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии истории. М., 2006.

Миллер Г. Ф. Историческия сочинения о Малороссии и малороссиянах. М., 1846.

Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. М.; Л., 1941.

Миллер Г. Ф. Описание Сибирского царства. М., 1998.

Миловидов Б. П. Военнопленные в Ярославской губернии в 1812–1814 гг. // Отечественная война 1812 года и российская провинция: События. Люди. Памятники. Малоярославец, 2003. С. 142–152.

Миловидов Б. П. Турецкие военнопленные в России в 1812 г. // ВИ. 2008. № 10. С. 91–98.

Мильчев В. И. Дискуссия о времени появления некрасовцев в Северо-Западном Причерноморье в свете документов Российского государственного архива древних актов // Липоване: история и культура русских-старообрядцев / ред.-сост. А. А. Пригарин. Вып. II. Одесса, 2005. С. 25–30.

Мильчев В. И., Сень Д. В. Случай Родиона Решетникова: казак-некрасовец в конце XVIII в. // Казачья государственность: исторические, правовые и культурные аспекты: мат-лы межд. науч. конф. Сб. науч. ст. / под ред. А. В. Венкова. Краснодар, 2011. С. 37–45.

Милюков П. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. Изд-е второе. СПб., 1905.

Миљчев В. Петар Текелија: нацрт портрета «злог генија» Запорошке Сечи // Зборник Матице

Српске за историју. Бр. 71–72. Нови Сад, 2005. С. 202–210.

Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XX в. Новосибирск, 1975.

Миненко Н. А. Хождение за «Камень» (начало Азиатской России: новое время) // Родина. 2000. № 5.

Мининков Н. А. Войско Донское и Запорожская Сечь: к характеру взаимоотношений в первой половине XVII в. // 350-lecie unii hadziackiej (1658–2008) / pod red. T. Chinziewskiej-Hennel, P. Krolla i M. Nagielskiego. Warszawa, 2008. S. 425–437.

Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов-на-Дону, 1998.

Мининков Н. А. К истории раскола Русской Православной Церкви (малоизвестный эпизод из прошлого донского казачества) // За строкой учебника истории. Ростов н/Д., 1995. С. 26–46.

Мининков Н. А. Основы взаимоотношений Русского государства и донского казачества в XVI – начале XVIII вв. // Казачество России: прошлое и настоящее. Ростов н/Д., 2006. Вып. 1. С. 25–37.

Мининков Н. А. Списки казачьих городков и карты как источник по исторической географии Дона конца XVI – XVII вв. // Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания: материалы XX международной конференции. Москва, 31 января – 2 февраля 2008 г. М., 2008. Ч. 2. С. 464–467.

Мих. Г-в. Хроніка. Діяльність ВУНАС // СС. 1929. № 1–2.

Михайлова О. Взгляд на время нашей общей судьбы (интервью с Кшиштофом Чайковским) // Политик HALL. 2004. № 15. Электронный ресурс: http://politikhall.com.ua/issue/272/

Михайлова Р. З політичного, етнодемографічного та культурно-мистецького життя літописної Болохівщини // Художня культура. Актуальні проблеми. Збірник наукових праць. 2008. Вип. 5. С. 315–331.

Михайловский Н. К. Новый взгляд на происхождение общества // Русское богатство. 1903. № 9. 85–94.

Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и москвитян / пер. В. И. Матузовой; отв. ред. А. Л. Хорошкевич. М., 1994.

Михнева Р. Россия и Османская империя в середине XVIII в. М., 1985.

Мицик Ю. А. Актуальні питання дослідження історії українського козацтва. До 500-річчя виникнення українського козацтва. Українське козацтво: сучасний стан та перспективи дослідження проблеми [Матеріали «круглого столу»] // УІЖ. 1990. № 12. С. 24–26.

Мицик Ю. Дипломатичне листування Османської імперії як джерело до історії Визвольної війни // Международные отношения и государственные структуры в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе в IV–XVIII вв. Запорожье, 1993. С. 42–47.

Мицик Ю. З джерел до історії Османської імперії та Кримського ханства XVI – першої половини XVIII ст. // Україна в Центрально-Східній Європі. 2010. Вип. 9–10. С. 327–362.

Мицик Ю. Із джерел до історії Кримського ханства XVII ст. // Пам'ятки: археографічний щорічник / ред. І. Б. Матяш та ін. К., 2009. Т. 10. С. 3–16.

Мицик Ю. Нововиявлені документи з історії Національно-визвольної війни середини XVII ст. // УІЖ. 1998. № 6. С. 115–116.

Мицик Ю. А. Козацький край: нариси з історії Дніпропетровщини XV–XVII ст. Дніпропетровськ, 1997.

Мільчев В. Військо Запорозьке Низове під кримською протекцією // Історія українського козацтва: Нариси: У 2 т. / ред. В. А. Смолій (відп. ред.) та ін. К., 2006. Т. 1. С. 587–603.

Мільчев В. Запорожці на Військовому Кордоні Австрійської імперії 1785–1790 рр. (дослідження та матеріали). Запоріжжя, 2007.

Мільчев В. Запорозьке козацтво у підданстві Гіреїв // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. Запоріжжя, 2009. Вип. XXVI. С. 170–178.

Мільчев В. Соціальна історія запорозького козацтва кінця XVII – XVIII ст. (джерелознавчий аналіз). Запоріжжя, 2008.

Мільчев В. І. Сергіївська фортеця на землях Запорозької Січі (1689–1711) // Twierdze osiemnastowiecznej Europy. Studia z dzejów nowożytnej sztuki wojskowej / pod redakcją M. Trąbskiego. Oświęcim, 2016. С. 164–175.

Мільчев В. І., Князьков Ю. П. Проект реформування устрою Запорожжя генерал-майора Карла Штофельна (1765 р.) // Південна Україна XVIII–XIX століття. Вип. 7. Запоріжжя, 2003. С. 35–55.

Мірчук П. Коліївщина. Гайдамацьке повстання 1768 р. Нью Йорк, 1973.

Модзалевский В. Л. Малороссийский родословник. Т. 2: Е–К. К., 1910.

Моисеев М. В. Землевладение служилых татар в Коломенском уезде в конце XVI в. (предварительные замечания) // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2017. № 2. С. 236–247.

Моисеев М. В. Представители политических элит покоренных татарских ханств в России второй половины XVI в.: Хосров-бек // Исторические биографии в контексте региональных и имперских границ Северной Европы. СПб., 2013. С. 43–47.

Моисеев М. В. Степные войны от Угры до ногайского погрома Крыма (1480–1522 гг.) [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2015. Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480–2015. Ч. I. С. 164. Режим доступа: http://www.milhist.info/2015/11/23/moiseev_1

Молчанов Н. Дипломатия Петра Первого. М., 1984.

Монгольская империя и кочевой мир: сб. ст. / под ред. Б. В. Базарова, Н. Н. Крадина, Т. Д. Скрынниковой. Кн. 1. Улан-Удэ, 2004; Кн. 2. Улан-Удэ, 2005; Кн. 3. Улан-Удэ, 2008.

Морозова О. М. О самоидентификации казачьего населения Дона (XVIII в. – 1920 г.) // Казачество в истории России: прошлое и настоящее. Ростов-на-Дону, 2008. Вып. 2. С. 105–119.

Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / сост., пер. с фр., пре-

дисловие, вступит, статья, комментарии А. Б. Гофмана. М., 2011.

Мохов Н. А. Очерки истории молдавско-русско-украинских связей (с древнейших времен до XIX века). Кишинев, 1961.

Мулаева Н. М. Термины родства и свойства в толковом словаре калмыцкого героического эпоса «Джангар» // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Элиста, 2016. № 1. С. 189–201.

Мундт Т. Крым-Гирей, союзник Фридриха Великаго. Пролог столкновений между Россией и Турцией / пер. с нем. В. Остермана // ИТУАК. № 43. Симферополь, 1909.

Муратова Е. Г. Социально-политическая история Балкарии XVII – начала XX в. Нальчик, 2007.

Мурзакевич Н. Н. Письма правителя Таврической области В. В. Коховского правителю канцелярии В. С. Попову, для доклада Г. А. Потемкину-Таврическому // ЗООИД. Т. 10. Одесса, 1877.

Мурзакевич Н. Н. Якуб-ага (Яков) Рудзевич // ЗООИД. Т. 13. Одесса, 1883. С. 255–258.

Мустакимов И. А. Азов в крымско-османских отношениях периода правления Девлет-Гирея I (по османским документам) // Архивы и архивное дело на Юге России: история, современность, перспективы развития: материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 16–17 октября 2015 г.) / ред. Д. В. Сень и др. Ростов н/Д., 2015. С. 5–8.

Мусырман А. Ш. Сибирское казачество на рубеже XIX–XX веков (основные проблемы социально-экономического развития). Петропавловск, 2005.

Мусырманова А. Ш. Сибирское казачество на рубеже XIX–XX вв. (основные проблемы социально-экономического развития): дис. ... к. и. н. Алматы, 1995.

Муфтий-заде И. Очерк военной службы крымских татар с 1783 по 1899 год (по архивным документам) // ИТУАК. Симферополь, 1899. № 30. С. 1–24.

Мышецкий С. И. История о казаках запорожских, как они издревле зачалися, и откуда свое происхождение имеют, и в каком состоянии ныне находятся… Одесса, 1851.

Мякотин В. А. Очерки социальной истории Украины в XVII–XVIII вв. Т. 1. Вып. 1. Прага, 1924.

Мякушин Н. Г. Секретная экспедиция уральских казаков. Уральск, 1903.

Наїма Мустафа. Історія Наїми. Гусейнові городи у витягу історій із заходу та сходу. (Повідомлення про Україну) / пер. османсько-турецької О. Галенка та О. Кульчинського. К., 2016.

Напольникова П. К. Цнинская мордва. Вхождение в состав Московского государства в XVI – первой четверти XVII века: дис. ... к. и. н. Тамбов, 2017.

Нариси з історії Нікопольського району (від найдавніших часів до початку XX століття) / ред. В. І. Наулко, В. В. Грибовський та ін. Київ; Нікополь; Запоріжжя, 2002.

Наріжний С. Гетьманство Івана Виговського. Б. м., Б. д.

Наумов С. Н. Казаки и Казахстан: 400 лет общей судьбы. Алматы, 2010.

Небольсин П. Покорение Сибири. Историческое исследование. СПб., 1849.

Никитин Н. И. О происхождении, структуре и социальной природе сообществ русских казаков XVII в. // История СССР. 1986. № 4. С. 175–176.

Никитин Н. И. О формационной природе ранних казачьих обществ (К постановке проблемы) // Феодализм в России. М., 1987. С. 236–245.

Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири. Новосибирск, 1988.

Никифоров В. Н. Восток и всемирная история. М., 1977. С. 16.

Нові перспективи історіописання / ред. П. Берк; пер. з англ. Т. і А. Портнових. К., 2004.

Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в XVII веке. М.; Л., 1948.

Новосельский А. А. Из истории донской торговли в XVII веке // Исторические записки. Т. 26. М., 1948. С. 212.

Новосельский А. А. Совместная борьба русского и украинского народов против турецко-татарских захватчиков // Доклады и сообщения Института истории АН СССР. Вып. 2. М., 1954.

Н-ъ. Заметки о народном быте и одежде уральских казаков. Б/м, 1866.

Образование Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики: сб. док. и материалов. Уфа, 1959.

«Обретение Родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в. Очерки истории / ред. П. С. Кабытов и др. Ч. 1. Самара, 2013.

Общее понятие об истории Оренбургского казачьего войска с приложением схемы и ведомости знакам отличий, высочайше пожалованным строевым частям Оренбургского казачьего войска. По М. И. Иванину, Ф. Старикову, П. Пастухову. Казань, 1911.

Оглоблин Н. Н. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). Ч. 3. М., 1900.

Оглоблин О. Нові матеріяли до історії повстання Петра Іваненка (Петрика). Авґсбург, 1949.

Оглоблін О. Вірші смоленського шляхтича Н. Поплонського р. 1691 на честь перекопського бея // Студії з істории Криму I–IX / ред. акад А. Е. Кримського. К., 1930. С. 32–38.

Оглоблін О. Петрик, ханський гетьман України (1692) // Студії з істории Криму I–IX / ред. акад. А. Е. Кримського. К., 1930. С. 39–104.

Оглоблін О. П. Гетьман Іван Мазепа та його доба // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Т. 170. Нью-Йорк; Париж; Торонто, 1960.

Оглоблін О. П. Петрик, ханський гетьман України // Студії з Криму. I–IX. / ред. А. Ю. Кримський. Відбитки з «Записок історично-філологічного відділу». К., 1930. С. 39–104.

Огурцов А. Ю. Штатная реформа 1736–1737 гг. и служилые казаки Западной Сибири // Казаки Урала и Сибири в XVII–XX вв. Екатеринбург, 1993.

Окиншевич Л. Діаріуш Івана Биховця р. 1704 про відрядження до Криму // Студії з історії Криму I-IX / под ред. акад А. Е. Кримського. К., 1930. С. 199–208.

Окиншевич Л. Діаріуш Івана Биховця р[оку] 1704 про відрядження до Криму // Студії з Криму. I–IX. / ред. А. Ю. Кримський. Відбитки з «Записок історично-філологічного відділу». К., 1930. С. 199–209.

Олеарий А. Извлечение из описания путешествия (1636–1638) // Астраханский сборник. Астрахань, 1896. Вып. 1. С. 67–101.

Олійник О. Л. Запорожці й татари – вороги чи сусіди? // КС. 1995. № 1. С. 72–79.

Олійник О. Л. Запорозький зимівник часів Нової Січі (1734–1775). Запоріжжя. 2005.

Омельченко И. Л. Терское казачество. Владикавказ, 1991.

Описание дел Архива морского министерства за время с половины XVII до начала XIX столетия. Т. 1. СПб., 1877.

Описание дорого от Киева до Царьграда, сочиненное в 1714 г. // Академичиския известия. Ч. 7. Месяц март. СПб., 1781. С. 326–349.

Описание Кубани // Собрание сочинений, выбранных из Месяцесловов за разные годы. Ч. 7. СПб., 1791. С. 141–142.

Описание Тобольского наместничества. Новосибирск, 1982.

Описание турецкой войны 1828 и 1829 годов. Сочинение гвардии капитана Лукьяновича. СПб., 1844.

Оразаев Г. М.-Р. Тюркоязычная деловая переписка на Северном Кавказе XVII–XI вв. Махачкала, 2007.

Ордера кн. Потемкина за 1786 г. / сост. Г. К. Киреенко // ИТУАК. № 3. Симферополь, 1897.

Ордера кн. Потемкина за 1788 г. / сост. Г. К. Киреенко // ИТУАК. № 10. Симферополь, 1890.

Оренбургский казачий альбом / авторы-сост.: В. Г. Семенов, В. П. Семенова. Оренбург, 2012.

Оренбургское казачье войско: религиозно-нравственная культура. Челябинск, 2001.

Орешкова С. Ф. «Турецкое озеро»: Черное море в XV–XVII вв. // Восток (Oriens). 2005. № 3. С. 18–35.

Орешкова С. Ф. Русско-турецкие отношения в начале XVIII века. М., 1971.

Орлов А. Исторические и поэтические повести об Азове (взятие 1637 г. и осадное сидение 1641 г.). Тексты. М., 1906. С. 52, 63.

Остапчук В. Відгук на автореферат та дисертацію у вигляді монографії Фергада Гардашкан Оглу Туранли «Козацька доба історії України в османсько-турецьких писемних джерелах (друга половина XVI – перша чверть XVIII століття)». Электронний ресурс: http://www.historians.in.ua/images/sampledata/hist-images/rizne/2017/11/kolodzeychyk/Ostapchuk_vidhuk_vypravlennyj.pdf

Остапчук В. Проблеми і перспективи розвитку української османістики // УАЩ (Нова серія). 1992. Вип. 1. С. 94–112.

Остапчук В., Галенко О. Козацькі чорноморські походи у морській історії Кятіба Челебі «Дар великих мужів у воюванні морів» // Marpa mundi. Зб. наук. праць на пошану Я. Дашкевича. Львів; Київ; Нью-Йорк, 1996. С. 376–412.

«От Казахского ханства к независимому Казахстану». Материалы Международной научно-практической конференции (22–23 мая 2015 г.) / ред. Б. Г. Аяган. Астана, 2015.

Очерки географии Всевеликого Войска Донского. Новочеркасск, 1919.

Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. / ред. В. Н. Ратушняк. Краснодар, 1996.

Павленко С. Оточення гетьмана Мазепи: соратники та прибічники. К., 2004.

Паламарчук С. В. Забытая земля: историческая область Бессарабия. Одесса, 2008.

Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах / пер. с нем. М., 1999.

Паллас П.-С. Путешествия по различным провинциям российской империи. Ч. 1. СПб., 1809.

Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1898 год. Саратов, 1898.

Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1900 год. Уральск, 1900.

Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. 1. СПб., 1890.

Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. 1. // СИРИО. Т. 35. СПб., 1882.

Памятники Сибирской истории XVIII в. Кн. 1. 1700–1713 гг. СПб., 1882; Кн. 2. 1713–1724 гг. СПб. 1885.

Памятники, изданные Киевскою комиссиею (изд. 2). Т. 3. К., 1898.

Панашенко В. В. Кримське ханство в XV–XVIII ст. // УІЖ. 1989. № 1. С. 54–64.

Папков А. И. Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой (конец XVI – первая половина XVII века). Белгород, 2004.

Пархоменко В. До питання про козацько-татарські взаємини в XVI–XVII вв. // СС. 1929 № 1–2 (7–8). С. 359–360.

Патканов С. К. Экономический быт государственных крестьян Богандинской, Бухарской, Кашегальской, Червишевской и Ярковской волостей Тюменского округа Тобольской губернии // *Патканов С. К.* Соч. в 5-ти тт. Т. 1. Тюмень, 2003.

Пейссонель Ш.-К. Записка о Малой Татарии / пер. с фр. В. Х. Лотошниковой; вступ. ст., прим. и комм. В. В. Грибовский. Изд-е 2: испр. и доп. К., 2013.

Пекарский П. П. Когда и для чего основаны города Уфа и Самара. СПб., 1887.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Т. 88. СПб., 1904.

Первое столетие сибирских городов. XVII в. // История Сибири. Первоисточники. Вып. 7. Новосибирск, 1996.

Перепечаева Л. Б. Крепость и посад Азов (конец XVII – начало XX в.) // Очерки по истории Азова. Азов, 1995. Вып. 3.

Переписка и другие бумаги шведского короля Карла XII, польского Станислава Лещинского, татарского хана, турецкого султана, генеральского писаря Филиппа Орлика, киевского воеводы Иосифа Потоцкого на латинском и польском языках / изд. О. Бодянского. М., 1847.

Переселение задунайских запорожцев в Россию. Кошевой атаман Осип Гладкий // Летопись Екатеринославской Ученой Архивной

Комиссии. Вып. 7. Екатеринослав, 1911. С. 85–90.

Петро Калнишевский та його доба: Збірник документів та матеріалів / упор. В. В. Грибовський, В. І. Мільчев, І. Л. Синяк. К., 2009.

Петровський М. З матеріалів до історії українсько-турецьких взаємин другої половини XVII ст. (публікація) // СС. 1997. № 1–2. С. 206–215.

Петрунь Ф. Ханські ярлики на українські землі (До питання про Татарську Україну) // Східний світ: орган Всеукраїнської наукової асоціації сходознавства. Харків, 1928. № 2. С. 170–192.

Петрушевский А. Генералиссимус князь Суворов: в 3 тт. Т. 1. СПб., 1884.

Пигнатти В. Н. Искер. Кучумово городище // Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. XXV. Тобольск, 1915. С. 1–36.

Пилипенко В. Мартин Пашковський – забутий український поет і публіцист початку XVII ст. // Сіверянський літопис. Чернігів, 2008. № 8. С. 11–18.

Пилипенко В. Перед лицем ворога. Польська антитурецька література середини XVI – середини XVII ст. К., 2014.

Пилипенко С. М. Зовнішня торгівля Кримського ханства у 40–70-ті роки XVIII ст. // УІЖ. 1997. № 6. С. 91–102.

Пионтковский С. Маркс, Энгельс и Сталин о крестьянских войнах // Историк-марксист. 1933. № 6 (34). С. 80–119.

Пиотровский С. Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию. Псков, 1882.

Писаренко Д. С. Терское казачество: Три года революции и борьбы. 1917–1920 гг. Материалы и воспоминания. М., 2016.

Писцовая книга татарским поместным землям Алатырского уезда 1624–1626 годов. М.; Н. Новгород, 2012.

Письма екатеринославского губернатора В. В. Каховского // ЗООИД. Одесса, 1881. Т. XII.

Письма и бумаги Петра Великого. Т. 1. СПб., 1887.

Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 2. СПб., 1889.

Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 9. Вып. 2. Л.; М., 1952.

Письма к государю императору Петру Великому от генерал-фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева. Ч. 3. М., 1778–1779.

Плотников И. Ф. Родословная адмирала Колчака // Вестник Челябинского государственного университета. Т. 1. №. 1. 2001.

Плохий С. «Национализация» украинского казачества в XVII–XVIII вв. // Империя и нации в зеркале исторической памяти: сб. ст. М., 2011. С. 265–296.

Плохій С. Наливайкова віра: Козаки та релігія в ранньомодерній Україні. Вид. 2-е, випр. та доп. К., 2006.

Повесть об Азовском осадном сидении // Хрестоматия по древнерусской литературе / сост. М. Е. Федорова, Т. А. Сумникова. М., 1969.

Поема про Івана Сірка / пер. В. Шевчук; упор., комм. Ю. Мицик // Поезія. Вип. 1. К., 1987. С. 171–184.

Познахирев В. В. Пленные турки при российском императорском дворе в XVIII–XIX вв. // Гуманитарные научные исследования. Май, 2012.

Электронный ресурс: http://human.snauka.ru/2012/05/1132

Познахирев В. В. Православные монастыри… для турецких военнопленных // Гуманитарные научные исследования. Май, 2012. Электронный ресурс: http://human.snauka.ru/2012/05/1080

Познахирев В. В. Турецкие пленники в войнах России за 1677–1917 гг.: автореф. дис. ... к. и. н. Курск, 2012.

Познахирев В. В. Эволюция положения турецких военнопленных в России в конце XVII – начале XX в. // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2011. № 3(19). Т. 2. Электронный ресурс: http://scientific-notes.ru/index.php?page=6&new=21.

Покровский М. Н. Избранные произведения. Кн. 1. М., 1966.

Покровский М. Н. Избранные произведения. Кн. 4. М., 1967.

Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени / пер. с англ. А. А. Васильева, С. Е. Федорова и А. П. Шурбелева. СПб., 2002.

Поланьи К. Экономика как институционально оформленный процесс // «Великая трансформация» Карла Поланьи: прошлое, настоящее, будущее: сб. ст. / под ред. Р. М. Нуреева. М., 2006. С. 44–71.

Полетика П. И. Мои воспоминания // Русский архив. 1885. Кн. 3. Вып. 11. С. 305–336.

Полницкий А. К. Нападение гайдамаков на карантин в Ягодной Долине // Киевская старина. 1889. Т. 25. Апрель, май, июнь. С. 333–379.

Полторак В. Документи про М. Чайковського в Державному архіві Одеської області // Чорноморська минувшина. Вип. 5. Одеса, 2010.

Попко И. Д. Терские казаки с стародавних времен. Исторический очерк. Вып. 1. СПб., 1880. С. 54.

Попко И. Д. Терские казаки со стародавних времен. Исторический очерк. Гребенское войско. СПб., 1880.

Попов И. П. Материалы по истории Дона. Новочеркасск, 1900.

Попов И. Материалы к истории Отечественной войны // Памятная книжка области Войска Донского на 1900 год. Новочеркасск, 1900.

Порада А. М. Почему Мицкевич умер в Стамбуле: польские романтики и восточный вопрос // Славянский мир в социокультурном измерении: сб. науч. ст. Ставрополь; М.; Минск, 2007. Вып. 3.

Посольская книга по связям Московского государства с Крымом 1571–1577 гг. М., 2016.

Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549 гг. Махачкала, 1995.

Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. Казань, 2006.

Постановление жюри правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник для 3 и 4-го классов средней школы по истории СССР // Правда. 1937. № 231 (7197). 22 августа. С. 2.

Постановление жюри правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник для 3 и 4-го классов средней школы по истории СССР // К изучению истории. Сборник. Б. м., 1938. С. 38.

Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путе-

шествия, исполненного в 1879 г. по поручению Императорского Русского географического общества. Вып. 4. СПб., 1883.

Потто В. А. Кавказская война. Т. 1. Ставрополь, 1994.

Потто В. История 44-го драгунского Нижегородского его императорского высочества государя наследника цесаревича полка. Т. 2. СПб., 1893.

Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. 2-е изд. Т. 1. СПб., 1887.

Потто В. А. Два века Терского казачества (1577–1801). Т. 1. Владикавказ, 1912.

Потто В. А. Два века Терского казачества (1577–1801). Ставрополь, 1991.

Похід Пилипа Орлика в Україну 1711 р. Кримськотатарський та шведський аспекти) / упор. та комм. О. Дубина, пер. з лат. О. Циганок // Сіверянський літопис. Чернігів, 2011, № 3. С. 39–45.

Поход боярина и большаго полку воеводы А. С. Шеина к Азову, взятие сего и Лютика города… / сост. В.Г. Рубан. СПб., 1773.

Православие: словарь атеиста / под общ. ред. Н. С. Гордиенко. М., 1988.

Пригарин А. А. К истории «Оттоманского казачьего войска» // Казачество России: история и современность: Тез. межд. науч. конф. (г. Геленджик, 8–11 октября 2002 г.). Краснодар, 2002.

Пригарин А. А. Русские старообрядцы на Дунае: формирование этноконфессиональной общности в конце XVIII – первой половине XIX вв. Одесса; Измаил; М., 2010.

Приказы по военному ведомству. СПб., 1890. № 35.

Принц Д. Начало и возвышение Московии. М., 1877.

Приправочный список с дозорной книги города Темникова и Темниковского уезда 1613/14 г. Казань, 2015.

Прігарін О. «Козацтво в Туреччині» М. Чайківського як джерело вивчення козацьких формувань в Оттоманській Порті середини XIX ст. // Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. 2001. Вип. XIII.

Прігарін О. А. «Козацтво в Туреччині» М. Чайківського як джерело вивчення козацьких формуваннь в Оттоманської Порті середини XIX ст. // Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. Запоріжжя, 2001. Вип. XIII. С. 17–28.

Прігарін О. А. Козаки-некрасівці на Дунаї: кінець XVIII – перша третина XIX ст. // Козацтво на Півдні України. Кінець XVIII – XIX ст. / ред. В. А. Смолій. Одеса, 2000. С. 29–41.

Пріцак Л. Основні міжнародні договори Богдана Хмельницького 1648–1657 рр. Харків, 2003.

Пріцак О. Один чи два договори Пилипа Орлика з Туреччиною на початку другого десятиріччя вісімнадцятого століття // УАЩ. Вип. 1. К., 1992. С. 307–320.

Пріцак О. Ще раз про союз Богдана Хмельницького з Туреччиною // УАЩ. К., 1993. Вип. II. С. 177–192.

Прокопович Феофан. История императора Петра Великаго от рождения его до взятия в плен остальных шведских войск при Перево-

лочне, включительно, изданная с обретающагося в Кабинетной архиве дел Его Императорскаго Величества. Изд-е второе. М., 1788.

Пронштейн А. П., Мининков Н. А. Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. и донское казачество. Ростов н/Д., 1983.

Пронштейн А. П. Земля Донская в XVIII в. Ростов-на-Дону, 1961.

Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки / научн. ред., текстологич. комм. И. В. Пешкова. М., 2000.

Прохоров Д. А. Крымские татары в органах управления Таврической области после присоединения Крыма к России (1783–1787) // Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск, 2016. № 1 (51). С. 278–295.

ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 2. СПб., 1830.

ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 3. СПб., 1830.

ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 4. СПб., 1830.

ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 6. СПб., 1830.

ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 15. СПб., 1830.

ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 22. СПб., 1830.

ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 23. СПб., 1830.

ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 25. СПб., 1830.

ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 27. СПб., 1830.

ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 28. СПб., 1830.

ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 29. СПб., 1830.

ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 34. СПб., 1830.

ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. 19. Отд. 1. СПб., 1845.

ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. 40. СПб., 1867.

ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. 43. Отд. 1. СПб., 1873.

ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. 7. СПб., 1833.

ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. 37. СПб., 1865.

ПСРЛ. Т. 6. СПб., 1853; Т. 12. М., 2000; Т. 13. Ч. 1. СПб., 1904; Т. 14. 1-я пол. СПб., 1910; Т. 20. 1-я пол. СПб., 1914; Т. 24. Пг., 1921; Т. 26. М.; Л., 1959; Т. 36. М., 1987.

Пузанов В. Д. Служба годовальщиков в Западной Сибири XVII в. // Славянский ход 2005: материалы и исследования. Альманах. Вып. 2. Ханты-Мансийск; Сургут; СПб., 2005.

Путешественныя записки Василья Зуева от С. Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 году. СПб: Императорская академия наук, 1787.

Путешествие в Полуденную Россию в письмах, изданных Владимиром Измайловым. Ч. 1. М., 1802.

Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. Дорожный дневник Спафария. СПб., 1882.

Путинцев Н. Хронологический перечень событий из истории Сибирского казачьего войска. Омск, 1891.

Пушкин А. С. История Пугачева // Полное собр. соч. в 17 т. Т. 9. Кн. 1. М., 1995.

Пять лет из истории Харьковского университета. Воспоминания профессора Роммеля о своем времени, о Харькове и Харьковском университете (1785–1815). Харьков, 1868.

Равдоникас В. И. История первобытного общества. Ч. 2. Л., 1947.

Радкау Й. Природа и власть. Всемирная история окружающей среды. М., 2014.

Радлов В. В. Образцы народной литературы тюркских племен, живших в южной Сибири и Дзунгарской степи. Ч. IV. СПб., 1872.

Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 2. СПб., 1899.

Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966.

Раннее государство, его альтернативы и аналоги: Сборник статей / ред. Л. Е. Гринин, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев. Волгоград, 2006.

Ратушняк В. Н. Сельскохозяйственное производство Северного Кавказа в конце XIX – начале XX века (к проблеме развития аграрного капитализма). Ростов н/Д., 1989.

Ратцель Ф. Народоведение / пер. со 2-го издания [1894 г.] Д. А. Коропчевского. Т. 1. СПб., 1904.

Рахимов Р. Р. «Мужские дома» в традиционной культуре таджиков. Л., 1990.

Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. М.; Л., 1952.

Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. М.; Л., 1952.

Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. 2. М.; Л., 1960.

Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. 3. М.; Л., 1946.

Ремезов С. У. История Сибирская // Памятники литературы Древней Руси XVII в. Ч. 2. М., 1989.

Рендюк Т. Г. Пилип Орлик: молдовські та румунські шляхи. Чернівці, 2013.

Рибак М. Михайло Чайковський – Мегмет Садик Паша // Альманах українського національного союзу. Нью-Йорк, 1971. С. 86–97.

Рибер А. Меняющиеся концепции и конструкции фронтира: сравнительно-исторический подход // Новая имперская история постсоветского пространства / под ред. И. Герасимова и др. Казань, 2004. С. 199–222.

Ригельман А. И. История или повествование о донских казаках. М., 1864.

Рознер И. Г. Антифеодальные государственные образования в России и на Украине в XVI–XVIII вв. // ВИ. 1970. № 8. С. 42–56.

Рознер И. Г. Социально-экономические отношения на Яике накануне крестьянской войны под руководством Пугачева // Научные записки Киевского финансово-экономического института. Киев, 1959.

Ромм Ж. Путешествие в Крым в 1786 г. Л., 1941.

Роммель К.-Д. Спогади про моє життя та мій час / пер. з нім. В. Л. Маслійчук, Н. А. Оніщенко, передм. В. В. Кравченко, комм. В. Л. Маслійчук. Харків, 2001.

Российская империя в сравнительной перспективе: сб. ст. / под ред. А. И. Миллера. М., 2004.

Рудницький Євген. До історії польського козакофільства // За сто літ: Матеріяли з громадського й літературного життя України XIX і початків XX століття. Записки б[увшої] Історичної секції Українського наукового товариства в Київі. Т. XXIV / Історична секція Української академії наук. Кн. 1. Київ, 1927. С. 62–66.

Рукопись Петра Золотарева // Астраханский сборник. Астрахань, 1896. Вып. 1. С. 145–166.

Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Т. 2. СПб., 1875.

Русский биографический словарь. Т. V. М., 1916.

Русско-монгольские отношения. 1607–1636. Сб. док. М., 1959.

Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI – XVII в. Сб. док. / выявление, сост., введ., комм. Е. Н. Кушевой. М., 1997.

Рыблова М. А. Донское братство. Казачьи сообщества на Дону в XVI – первой трети XIX века. Волгоград, 2006.

Рыблова М. А. Знаки и атрибуты донского казачьего войска // Дикаревские чтения–12. Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2005 г. Краснодар, 2006. С. 261–278.

Рыблова М. А. Мужские сообщества донских казаков как социокультурный феномен XVI – первой трети XIX в.: дис. ... д. и. н. СПб., 2009.

Рыблова М. А. Проблема сохранения и воспроизводства культурного наследия российского казачества // Казачество в социокультурном пространстве России: исторический опыт и перспективы развития: Тез. Всеросс. науч. конф., 28–29 сент. 2010 г. Ростов-на-Дону, 2010. С. 185–188.

Рябинин А. Д. Уральское казачье войско. Ч. 1. СПб., 1866.

Рябинин А. Д. Уральское казачье войско. Ч. 2. СПб., 1866.

Рябінін-Скляревський О. З життя Задунайської Січи // Україна. 1929. Кн. 34. С. 7–34.

Рябінін-Скляревський О. Задунайська Січ у народних переказах і письменстві // Наукова збірка за 1927 рік. Записки Украинского научного общества в Киеве: Историческая секция. К., 1927. Т. 26.

Рябінін-Скляревський О. Кінець Задунайської Січи // Україна. 1929. Кн. 36. С. 40–71.

Рябінін-Скляревський О. О. Запорозькі заколоти та керуюча верства Коша XVIII століття // *Малинова Г. Л., Сапожников И. В.* А. А. Рябинин-Скляревский: материалы к биографии. Одесса; Киев, 2000.

Сабитов Ж. М. Джами ат-Таварих Кадыргали Жалаири как источник о жизни Урус-хана // Сборник материалов международной научно-практической конференции «Республика Казахстан и евразийское пространство: современность и перспективы развития», посвященной 25-летию независимости Республики Казахстан. Часть 2. Астана, 2016. С. 252–255.

Сабитов Ж. М. О происхождении Урус-хана // Ұлы Даланың Акселеуі. Астана, 2015. С. 577–592.

Сабитов Ж. М. О хронологии правления ханов в восточном Дешт-и Кипчаке в 60–90-е годы XV века // История, Экономика и Культура Средневековых Тюрко-Татарских государств Западной Сибири: материалы Международной конференции (Курган, 21–22 апреля 2011 г.). Курган, 2011.

Сабитов Ж. М. Политическая деятельность Абулхаир-хана в Восточном Дешт-и Кипчаке в 20–60-е годы XV века // Сибирский сборник: сборник статей / ред. Д. Н. Маслюженко, З. А. Тычинских. Курган, 2015. Вып. 3.

Сабитов Ж. М. Ханы Золотой Орды в эпоху Великой Замятни (1359–1380) // Вопросы конституционального строительства и роль лидера нации. III конгресс историков Казахстана. Астана, 2015. С. 379–384.

Сабитов Ж. М. Ханы Ногайской орды // Средневековые тюрко-татарские государства. 2009. № 1. С. 138–141.

Савельев Е. Племенной и общественный состав казачества (исторические наброски) // Донские област-

ные ведомости. 1913. Режим доступа: http://passion-don.org /tribes.html

Савельев Е. П. Древняя история казачества. М., 2004.

Савичев Н. Ф. Картины из быта Уральских казаков // Иллюстрированная газета. 1867. № 7.

Савур-могила. Легенди і перекази Нижньої Наддніпрянщини. К., 1990.

Савченко Д. И. Терское казачество в истории присоединения Северного Кавказа к России: XVI – середина XIX вв.: дис. ... к. и. н. Пятигорск, 2003.

Савчук (Стеньгач) Н. Українська держава за гетьманування Ю. Хмельницького 1659 – поч. 1663 рр.). Кам'янець-Подільський, 2001. С. 169–171.

Сагалаев А. М., Крюков В. М. Г. Н. Потанин: опыт осмысления личности. Новосибирск, 1991.

Сагнаева С. К. Исторические аспекты формирования самосознания уральского казачества и современные проблемы самоидентификации казаков // Возрождение казачества: надежды и опасения: Научные доклады. 1998. № 23. С. 46–58.

Сагнаева С. К. Традиционное сельское жилище уральских казаков (конец XIX – начало XX века) // Уральску – 375 лет. История и историческое краеведение. Уральск, 1988.

Садиков П. А. Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г. // Исторические записки. Т. 22. 1947.

Саїд Едвард В. Орієнталізм / пер. з англ. В. Шовкун. К., 2001.

Салинз Маршалл Д. Экономика каменного века. М., 1999.

Самарский краевед: Страницы истории Самарского края. Историко-краеведческий сборник / сост. А. Н. Завальный. Самара, 1994.

Самбуева Л. В. Бурятское и эвенкийское казачество Забайкалья во второй четверти XVIII – первой половине XIX вв.: дис. ... к. и. н. Иркутск, 1999.

Самович А. Л. Османские сюжеты русского плена // Родина. 2010. № 6. С. 42–45.

Самойлович А. О слове «казак» // Казаки: антропологические очерки. Материалы особого комитета по исследованию союзных и автономных республик / под ред. С. И. Руденко. Вып. 2. Л., 1927. С. 5–16.

Санин Г. Порта. Крым и страны Восточной Европы в 50–60-е гг. XVII в. // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. 2. М., 2001. С. 37–61.

Санин Г. Украина и русско-османские отношения втор. пол. XVII в. (историография вопроса) // Внешняя политика России. Историография. М., 1988. С. 252–277.

Санин Г. А. Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII века. М., 1987.

Санин О. Г. Крымское ханство в русско-турецкой войне 1710–1711 гг. // Москва – Крым. Историко-публицистический альманах. Вып. 2. М., 2001.

Санин О. Г. Отношения России и Украины с Крымским ханством в первой четверти XVIII в.: дис. ... к. и. н. М., 1996.

Санин О. Г. Статейный список Василия Блёклого как источник по истории русско-крымских отношений начала XVIII в. // Вестник архивиста. 2005. № 5. С. 269–283.

Сапожников І. Чорноморське військо в Буго-Дністровському межиріччі (1789–1793 роки) // Хаджибей – Одеса та українське козацтво (1415–1797 роки): до 210-ї річниці штурму Хаджибейського замку. Одеса, 1999.

Сапожников І. В. Запорожці в Очаківській області та Україні Ханській під час «кримської протекції» (1711–1734 роки) // Південна Україна XVIII–XIX ст. Записки науково-дослідницької лабораторії історії Південної України ЗДУ. Запоріжжя, 2003. Вип. 7. С. 240–244.

Сапожников І. В. Іван Сухина – невідомий кошовий отаман Чорноморського війська // Записки науково-дослідної лабораторії історії Південної України ЗДУ. Південна Україна XVIII–XIX століття. Вип. 5. Запоріжжя, 2000. С. 259–267.

Сапожников І. В., Білоусова Л. Г. Греки біля Одеси (Нариси з історії селища Олександрівни від стародавніх часів до початку XX ст.). Одеса; Іллічівськ, 1999.

Сапунов Д. А. Участие казачества Урала и Сибири в присоединении Средней Азии к России: 40–90-е гг. XIX в.: дис. ... к. и. н. Челябинск, 2001.

Саракташский район: краеведческий атлас / сост. Э. А. Джабраилова. Саракташ, 2009.

Сатанова Л. М. Правовой статус Семиреченского казачьего войска (середина XIX – начало XX в.): дис. ... к. ю. н. Алматы, 2006.

Сафаргалиев М. Г. Ногайская Орда во второй половине XVI века // Сборник научных работ Мордовского государственного педагогического института / ред. Я. Д. Бетяев. Саранск, 1949. С. 32–56.

Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска: [Документы извлечены из Кубанского войскового архива] / собр. и изд. И. И. Дмитренко. Т. 2, 3. СПб., 1896. Т. 4. СПб., 1898.

Сватиков С. Г. Донской войсковой круг // Донская летопись. № 1. 1923. С. 169–265.

Сватиков С. Г. Россия и Дон. Вена, 1924.

Сватиков С. Г. Сибирское областничество в XIX в. // Труды IV съезда Русских академических организаций за границей. Ч. 1. Белград, 1929. С. 145–146.

Свице Я. К вопросу о происхождении нагайбакских казаков. Православные храмы и духовенство Нагайбакской крепости в XVIII – начале XX в. // Православие на Урале: история и современность. Сборник научных и научно-популярных статей. Челябинск, 2009.

Свод военных постановлений. Ч. I. Кн. 2. СПб., 1859.

Севастьянов С. Н. История учреждения Оренбургского казачьего войска по начертаниям войсковой печати (По материалам войскового архива) // Труды ОУАК. Вып. V. Оренбург. 1899.

Сегюр Л.-Ф. Записка о пребывании в России в царствование Екатерины II // Россия XVIII в. глазами иностранцев / подг. текстов и комм. Ю. А. Лимонова. Л., 1989. С. 331–456.

Селин А. А. Татары-мусульмане и новокрещены в новгородской земле: формирование и функционирование малой социальной группы (конец XVI – начало XVII в.) // Quaestio Rossica. 2016. Т. 4. № 3. С. 93–110.

Семенов В. Г. Оренбургские казаки в Русско-японской войне 1904–1905 гг. // Гостиный двор. 1995. №1. С. 167–171.

Семенов В. Г. Оренбургское казачье войско в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. Оренбург, 2010.

Семенов В. Г., Семенова В. П. Таналык. Крепость, станица, село. Оренбург, 2015.

Семенова Л. Валахия и Молдавия в системе Османской империи // Славяне и их соседи. Вып. 8. М., 1998. С. 25–42.

Сень Д. В. «Войско Кубанское Игнатово Кавказское»: исторические пути казаков-некрасовцев (1708 г. – конец 1920-х гг.). Изд. 2-е, испр. и доп. Краснодар, 2002.

Сень Д. В. «Нам тут на Аграхани жить не тесно…»: из истории начального этапа освоения донским казачеством Северного Кавказа в конце XVII в. – начале XVIII в. // Кавказский сборник. М., 2008. Т. 5 (37). С. 10–24.

Сень Д. В. «У какого царя живем, тому и служим…» // Родина. Спецвыпуск «Казаки». 2004. № 5.

Сень Д. В. Архив Войска Донского и история войскового делопроизводства: актуальные вопросы изучения // Научное наследие профессора А. П. Пронштейна и актуальные проблемы развития исторической науки (к 95-летию со дня рождения выдающегося российского ученого): мат-лы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (4–5 апреля 2014 г., г. Ростов-на-Дону) / отв. ред. М. Д. Розин, Д. В. Сень, Н. А. Трапш. Ростов н/Д., 2014. С. 479–488.

Сень Д. В. Верность, вера и война: начало жизни и служения казаков-некрасовцев на Кубани // Казарла. Этнический казачий журнал. № 4 (17). Август. 2012. С.10–18.

Сень Д. В. Войско Донское и османский Азов: культура диалога в условиях вынужденного соседства // Вынужденное соседство – добровольное приспособление в дипломатических и межнациональных отношениях в Центральной и Восточной Европе XVIII–XX вв.: тезисы научной конференции в рамках проекта РГНФ №15–31-01003а1 (г. Москва, 25–26 октября 2016 г.). М., 2016.

Сень Д. В. Дипломатические отношения Крымского ханства и Войска Донского: переписка Гиреев с атаманом С. Т. Разиным // Средневековые тюрко-татарские государства. Сборник статей. Вып. 5. Казань, 2013. С. 90–98.

Сень Д. В. Документальные источники по истории казачьих сообществ Северного Кавказа (Крымского ханства) конца XVII в. – начала XVIII в.: результаты и перспективы архивной эвристики // Архивы и архивное дело на Юге России: история, современность, перспективы развития: материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 16–17 октября 2015 г.) / отв. ред. Д. В. Сень, Д. П. Исаев, М. Е. Шалак. Ростов н/Д., 2015. С. 42–60.

Сень Д. В. Донское казачество и османский Азов: проблемы пограничного сотрудничества и «обмена» населением (вторая половина XVII в.) // Казачество в социокультурном пространстве России:

исторический опыт и перспективы России (Ростов-на-Дону, 28–29 сентября 2010 г., ЮНЦ РАН): тезисы Всерос. науч. конференции. Ростов-на-Дону, 2010. С. 250–254.

Сень Д. В. Донское казачество после Бахчисарайского договора 1681 г.: некоторые аспекты политического положения // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. Запоріжжя, 2009. Вип. XXVI. С.138–142.

Сень Д. В. Из «вольных» казаков – в подданные крымских ханов: казачьи сообщества Дона и Кавказа в конце XVII – начале XVIII вв. // Восток (Oriens). М., 2011. № 5. С. 46–54.

Сень Д. В. Из истории «донского фронтира»: отношения казаков с османским Азовом (XVII в.) // Лавровский сборник: материалы XXXIII Среднеазиатско-Кавказских чтений 2008–2009 гг.: Этнология, история, археология, культурология / отв. ред. Ю. Ю. Карпов, И. В. Стасевич. СПб., 2009. С. 399–402.

Сень Д. В. Информационное пространство Булавинского выступления и повстанческая переписка 1708 г. с Кубанью // Казачество России в бунтах, смутах и революциях (к столетию событий 1917 года): мат-лы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 4–5 октября 2017 г.). Ростов н/Д., 2017. С. 89–97.

Сень Д. В. Казаки Крымского ханства в кон. XVII в. – нач. XVIII в.: численность, расселение, занятия // Слава престолу, честь для себя: мат-лы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Казачество в политической жизни России: история, формы самоуправления, культура, посвященная 400-летию призвания на царство Дома Романовых» / ред. С. О. Звонок. Ставрополь, 2013. С.142–143.

Сень Д. В. Казаки Крымского ханства: начальный этап складывания войсковой организации и освоения пространства (1690-е гг. – начало XVIII в.) // Тюркологический сборник 2009–2010: Тюркские народы Евразии в древности и средневековье / ред. кол. С. Г. Кляшторный и др. М., 2011. С. 289–320.

Сень Д. В. Казаки-перелеты // Родина. 2010. № 3. С. 63–65.

Сень Д. В. Казаки-старообрядцы на Северном Кавказе: от первых ватаг к ханскому казачьему войску (некоторые теоретические аспекты оценки роли крымско-османского государственного фактора в становлении и развитии кубанского казачества) // Липоване. История и культура русских-старообрядцев) / ред. А. А. Пригарин. Вып. 2. Одесса, 2005.

Сень Д. В. Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина XVII – начало XVIII в.). Ростов-на-Дону, 2009.

Сень Д. В. Казачество Кубани в конце XVII в. – 1770-х гг. Кубанское (ханское) казачье войско // Очерки истории и культуры казачества Юга России: коллективная монография / под ред. Г. Г. Матишова, И. О. Тюменцева. Волгоград, 2014.

Сень Д. В. Казачьи сообщества Дона, Северного Кавказа и мусульманские государства Причерноморья

(последняя четверть XVII в. – начало XVIII в.): некоторые итоги и перспективы изучения // Кавказский сборник. М., 2014. Т. 8(40). С. 24–38.

Сень Д. В. Казачьи сообщества Крымского ханства и старообрядчество на Северном Кавказе в конце XVII – XVIII в. // Российская история. 2009. № 6. С. 141–146.

Сень Д. В. Кубанское (ханское) казачье войско: Актуальные проблемы истории казачества на территории Крымского ханства (XVIII в.) // Средневековые тюрко-татарские государства. Сб. ст. Вып. 2. Казань, 2010. С. 216–236.

Сень Д. В. Кубанское казачество: условия пополнения и развития (К вопросу о генезисе и развитии ранних казачьих сообществ) // Социальная организация и обычное право: мат-лы научной конференции (г. Краснодар, 24–26 августа 2000 г.). Краснодар, 2001.

Сень Д. В. Культура диалога донских казаков и турок-османов: формы, содержание, участники // Свой-Другой-Чужой в коммуникативном пространстве контактных зон: мат-лы Всероссийской научной конференции / под ред. О. В. Воробьевой. Л. П. Репиной. М., 2014. С. 124–126.

Сень Д. В. Набеги «воровских казаков» в Нижнем Поволжье и на Каспии (конец XVII в.): новые материалы и перспективы изучения // Астраханские краеведческие чтения: сб. ст. / ред. А. А. Курапов. Астрахань, 2013. Вып. V. С. 357–362.

Сень Д. В. Пограничные владения Османской империи на Северо-Западном Кавказе в конце XVIII – начале XIX вв. и казачьи сообщества региона // Казачество России: прошлое и настоящее: сб. науч. ст. Вып. 3. Ростов-на-Дону, 2010. С. 47–63.

Сень Д. В. Православие на территории Крымского ханства: Кубань в системе старообрядческих центров (конец XVII в. – XVIII в.) // Конфессиональное пространство Северного Кавказа (конец XVIII в. – начало XXI в.): мат-лы круглого стола (Краснодар, 17 мая 2010 г.) / ред. колл: А. Г. Еременко, Д. В. Сень, В. И. Колесов, Т. А. Павленко. Краснодар, 2010. С.115–136.

Сень Д. В. Российско-османские пограничные отношения на Северо-Западном Кавказе рубежа XVIII–XIX вв.: «притяжение Анапы» // Покликання. Збірник праць на пошану професора о. Юрія Мицика / редколегія: П. Сохань, А. Бойко, В. Брехуненко. К., 2010. С. 124–133.

Сень Д. В. Русско-турецкая война 1768–1774 гг. и переселение казаков-некрасовцев в Османскую империю // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. Краснодар, 2000. № 1–2. С. 11–17.

Сень Д., Мустакимов И. Азов и донские казаки по османским документам 1560–1570-х гг. // Вестник Танаиса. 2012. Вып. 3. С. 172–189.

Сень Д., Мустакимов И. Три документа XVI в. о ранней истории донских казаков // Україна в Центрально-Східній Європі: Зб. наук. пр. К., 2010. Вип. 9–10. С. 307–326.

Сень Д., Пригарин А. Панславизм Михала Чайковского и история казачества в Османской империи

// Поляки в истории России: история и современность Краснодар, 2007. С. 147–160.

Сенюткин Н. Донцы. Историко-биографические очерки. Новочеркасск, 1866.

Сергеев А. Ногайцы на Молочных водах (1790–1832 гг.) // ИТУАК. Т. 48. Симферополь, 1912. С. 1–144.

Середа А. Аджидере (Овідіополь) в османсько-кримських відносинах другої половини XVIII ст. (за османсько-турецькими документами) // Чорноморська минувшина. Записки Відділу історії козацтва на Півдні України: Збірник наукових праць. 2013. С. 153–168.

Середа А. Силистренско-Очаковският еялет през XVII – нач. на XIX в.: Административно-териториално устройство, селища и население в Северозападното Причерноморие. София, 2009.

Середа А. Ханська Україна в адміністративній структурі Сілістринсько-Очаківського еялету // Чорноморська минувшина. Записки Відділу історії козацтва на Півдні України Науково-дослідного інституту козацтва Інституту історії України НАН України: Зб. наук. пр. Вип. 3. С. 57–72.

Середа О. Османсько-українське степове порубіжжя в османсько-турецьких джерелах XVIII ст. Одеса, 2015.

Середа О. Населені пункти Північно-Західного Причорномор'я за османськими джерелами: проблема датування та історичного розвитку // Чорноморська минувшина. Записки Відділу історії козацтва на Півдні України Науково–дослідного інституту козацтва Інституту історії України НАН України. Зб. наук. праць. Вип. 4. Одеса, 2008.

Середа О. Османсько-українське степове порубіжжя в османсько-турецьких джерелах XVIII ст. Одеса, 2015.

СЗРИ. Т. 13. Кн. II. СПб., 1857.

Сибирские летописи. СПб., 1907.

Сибирь в составе Российской империи / авт. колл: И. Л. Дамешек, Л. М. Дамешек, В. П. Зиновьев, А. В. Ремнев, Н. Г. Суворова, В. П. Шахеров, М. В. Шиловский. М., 2007.

Сидоренко В. І. Українські землі у міжнародній торгівлі (IX – середина XVII ст.). К., 1992.

Симагин В. Двадцать лет реформ в Оренбургском казачьем войске, в строевом и образовательном отношениях // Военный сборник. СПб., 1892. Год тридцать пятый. Т. CCIV. № 3.

Симаков Г. Н. Общественные функции киргизских народных развлечений в конце XIX – начале XX в. Л., 1984.

Симонова М. В. Образ крестьянских вождей XVII–XVIII веков в отечественной историографии: опыт сравнительного анализа: дис. ... к. и. н. Томск, 2017.

СИРИО. Т. 41. СПб., 1884.

СИРИО. Т. 95. СПб., 1895.

СИРИО. Т. 57. Ч. 3. М., 1887.

СИРИО. Т. 95. СПб., 1895.

Скальковский А. А. История Новой Сечи или последнего Коша Запорожского. Одеса. 1841.

Скальковский А. Еврейский плен в Запорожье // Киевская старина. 1884. Январь. С. 159–165.

Скальковский А. История Новой Сечи или последнего Коша Запорожского. Изд-е 2. Ч. 1. Одесса, 1846.

Скальковский А. К истории Запорожья // КС. 1882. Т. 4. Октябрь. С. 159–166.

Скальковский А. О ногайских колониях в Таврической губернии // Памятная книга Таврической губернии. Вып. I. Симферополь, 1867. С. 358–398.

Скальковский А. Первое тридцатилетие истории города Одессы. 1793–1823. Одесса, 1837.

Скальковський А. О. Історія Нової Січі, або Останнього Коша Запорозького. Дніпропетровськ, 1994.

Скисов С. Ю., Маркова О. А. Захоронение в курхане на нижней Волге в средневековье // Лавровский сборник: материалы Среднеазиатско-Кавказских исследований: этнология, история, археология, культурология, 2006–2007 / отв. ред. Ю. Ю. Карпов, И. В. Стасевич. СПб.: РИО МАЭ, 2007. С. 219–221.

Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1986.

Слабченко М. Паланкова організація Запорозьких Вольностей // Адміністративний устрій Південної України (середина XVIII – перша половина XIX століття) / упор.: А. Бойко та ін. / Джерела з історії Південної Ураїни. Т. 1. Запоріжжя, 2005. С. 411–506.

Слабченко М. Соціально-правова організація Січі Запорозької // Праці комісії для виучування історії західноруського і українського права. К., 1927. Вип. 3. С. 159–241.

Слабченко М. Е. Хозяйство Гетманщины в XVII–XVIII столетиях. Т. 2. Одесса, 1922.

Слабченко Тарас. «Коли повернув на Україну Садик-Паша?» // ЗІФВ ВУАН. Кн. XXV. К., 1929.

Сливицкий И. А. Очерки Кавказа и Закавказья. Бугры // Кавказ. 1848. № 38. (от 18 сентября). С. 145–146.

Сливицкий И. А. Очерки Кавказа и Закавказья. Казацкий хутор и старообрядческие скиты в Ишорах // Кавказ. 1848. № 49. (от 4-го декабря). С. 194.

Слово многоцінне. Хрестоматія української літератури, створеної різними мовами в епоху Ренесансу (друга половина XV–XVI ст.) та в епоху Бароко (кінець XVI – XVIII століття). У 4-х кн. Кн. 3. К., 2006.

Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири (1585–1742). Кн. 1. М., 1838.

Смирнов А. Часовые империи. Сибирское казачье войско на службе отечеству // Родина. 1997. № 8. С. 36–42.

Смирнов А. В. Ибн Халдун и его новая наука // Историко-философский ежегодник. 2007. М., 2008. С. 159–186.

Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887.

Смирнов В. Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты в XVIII в. до присоединения его к России // ЗООИД. Т. 15. Одесса, 1889. С. 152–403.

Смирнов В. Д. Сборник некоторых важных известий и официальных документов касательно Турции, России и Крыма. СПб., 1881.

Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI–XIX веках. М., 1958.

Смолій В., Степанков В. Богдан Хмельницький: соціально-політичний портрет. К., 1993.

Смолій В., Степанков В. Петро Дорошенко: політичний портрет. К., 2011.

Смоховска-Петрова В. Михаил Чайковский – Садък паша и българското Възраждане. София, 1973.

Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969.

Снесарев Г. П. Традиция мужских союзов в ее позднем варианте у народов Средней Азии // Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958–1961 гг. Т. 2. М., 1963. С. 155–205.

Собрание всех помещенных в ведомостях обеих столиц, с 1787 по 1791 год включительно, реляций о военных действиях против неприятелей Российской империи. Ч. 1. М., 1791.

Собрание государственных грамот и договоров. Т. III. М., 1822.

Соколов Д. Н. Оренбургская губерния: географический очерк. М., 1916.

Сокровенное сказание монголов / пер. и подг. С. А. Козина. Т. 1. М.; Л., 1941.

Средневековые тюрко-татарские государства / гл. ред. И. К. Загидуллин. Вып. 8. Казань, 2016.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1. М., 1958.

Станіславський В. «Статті» гетьмана Івана Самойловича щодо «Вічного миру» // Україна в Центрально-Східній Європі. Вип. 3. К., 2003. С. 348–385.

Станіславський В. Політичні відносини Запорозької Січі й Кримського ханства напередодні Полтавської битви // УІЖ. № 1. 1998. С. 76–86.

Станіславський В. Участь лівобережного та запорозького козацтва в боротьбі з Османською імперією // Україна в Центрально-Східній Європі. Вип. 5. К., 2005. С. 560–581.

Стариков Ф. М. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о домашнем быте оренбургских казаков, рисунков со знамен и карты. Оренбург, 1891.

Степанков В. Боротьба України і Польщі проти експансії Османської імперії у 1672–1676 рр. // Україна і Польща в період феодалізму. Зб. наук. праць. К., 1991. С. 118–128.

Степанков В. Кам'янецька угода й Переяславська рада: спроби дослідження політичних наслідків Жванецької кампанії // Українсько-московський договір 1654 р.: нові підходи до історії міждержавних стосунків. К., 1995. С. 6–13.

Степанков В. Між Москвою і Стамбулом: чи існувала проблема вибору протекції у 1648–1654 рр. // Україна в Центрально-Східній Європі. Вип. 4. К., 2004. С. 223–234.

Степанков В. Проблема вибору протекції між Московською державою і Османською імперією у 1648–1654 рр. // Переяславська рада та українсько-російська угода 1654 р.: історія, історіографія, ідеологія. К., 2005. С. 19–24.

Степанков В. С. Українське козацтво і формування національної держави на Україні. До 500-річчя виникнення українського козацтва. Українське козацтво: сучасний

стан та перспективи дослідження проблеми [Матеріали «круглого столу» // УІЖ. 1990. № 12.

Степанов Р. Н. К вопросу о служилых и ясачных татарах // Сборник аспирантских работ. Право, история, филология. Казань, 1964.

Степове порубіжжя XVII – поч. XVIII ст. у документах Державного архіву Воронізької області РФ / упор. В. Грибовський. К., 2016.

Стойчев И. К. Казак-алая на Чайковски. София, 1944.

Столетие военного министерства. Т. XI. Ч. I. СПб., 1902.

Стороженко І. С. Богдан Хмельницький і воєнне мистецтво у Визвольній війні українського народу середини XVII ст. Кн. 1: Воєнні дії 1648–1652 рр. Дніпропетровськ, 1996.

Стороженко І. С. Богдан Хмельницький і Запорозька Січ кінця XVI – середини XVII століть. Кн. 2: Генезис, еволюція та реформування організаційної структури Січі. Дніпродзержинськ, 2007.

Стрийковський М. Літопис польський, литовський, жмудський і всієї Руси. Львів, 2011.

Стрюйс И. Извлечение из описания путешествия (1669–1670 гг.) // Астраханский сборник. Астрахань, 1896. Вып. 1. С. 103–131.

Субботин Н. История так называемого Австрийского или Белокриницкого священства. М., 1899. Вып. 2.

Субтельний Орест. Мазепинці. Український сепаратизм на початку XVIII ст. / пер. з англ. В. Кулика. К., 1994.

Суворов А. В. Документы. Т. 3. 1791–1798 / ред. Г. М. Мещеряков. М., 1952.

Сулин И. Материалы к истории заселения Черкасского округа // СОВДСК. Вып. 8. Новочеркасск, 1908.

Султанов Т. Кто такие казахи // Родина. 2004. № 2. С. 28–31.

Султанов Т. И. Известия османского автора XVI в. Сейфи Челеби о народах Центральной Азии // Тюркологический сборник. 2003–2004. М., 2005. С. 254–272.

Султанов Т. И. Кочевые племена Приаралья в XV–XVII вв. М., 1982.

Сумароков П. Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду. Ч. I. СПб., 1803.

Суходолска К. Българите в неизданите мемуари на Чайка Чайковски (Садък-паша) // Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. Кн. X. София, 1894. С. 429–468.

Сухоруков В. Д. Краткое известие о бывшем на Дону г. Черкасске // Северный архив. 1828. Ч. 8.

Сухоруков В. Д. Общежитие донских казаков в XVII и XVIII столетиях. Исторический очерк. Новочеркасск, 1892.

Сухоруков В. Историческое описание Земли Войска Донского / комм., доп., вступ. ст. Н. С. Коршикова, В. Н. Королева. Ростов н/Д., 2001.

Сухоруков В. Д. Историческое описание земли Войска Донского // Дон. 1988. № 11.

Сущий С. Я. Динамика численности донского казачества и народные движения XVII – начала XVIII вв. // Казачество России в бунтах, смутах и революциях (к столетию событий 1917 года): материалы

Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 4–5 октября 2017 г.) / отв. ред. Г. Г. Матишов. Ростов н/Д., 2017. С. 63–70.

Тарле Е. В. Сочинения. Т. 8; Т. 9. М., 1959.

Татар теленең этимологик сүзлеге, 2 томда / Р. Г. Әхмәтьянов. Т. 1. Казан, 2015.

Татарский энциклопедический словарь / гл. ред. М. Х. Хасанов. Казань, 1999.

Тези про 300-річчя воззєднання України з Росією (1654–1954 рр.). Схвалені Центральним Комітетом Комуністичної Партії Радянсько Союзу // 300 років вззєднання України з Росією. Львів, 1954. С. 4–8.

Темиргалиев Р. Дж. Казачий стан. Электронный ресурс: https://zonakz.net/2008/09/04 /казачий-стан/

Темиргалиев Р. Дж. Народ степной свободы. Электронный ресурс: http://www.centrasia.ru/newsA.php ?st=1306786980

Теохарді Т. Ю. Грецька військова колонізація на Півдні України наприкінці XVIII та початку XIX стол. (Поселення під м. Одесою) // Вісник Одеської комісії краєзнавства при Українській Академії Наук. 1930. Ч. 4–5. Секція для вивчення грецької нацменшості.

Терентьев М. А. Хивинские походы русской армии. Изд. 2-е. М., 2016.

Тёрнер Ф. Дж. Фронтир в американской истории / пер. с англ. А. И. Петренко. М., 2009.

Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб., 1884.

Тисяча років української суспільно-політичної думки. У 9-ти т. Т. 2, кн. 2: Перша половина XVII ст. / упор., прим. В. Шевчука К., 2001.

Титов А. Сибирь в XVII веке. Сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях. М., 1890. С. 63, 64, 68.

Титова З. Д. Барабинские татары (историко-этнографический очерк) // Из истории Сибири. Вып. 19. Западносибирский сборник. Томск, 1976. С. 108–148.

Тихонов С. С. Население лесостепи Западной Сибири в XIV–XVI веках // Форум «Идель – Алтай». Материалы науч.-практ. конф. «Идель – Алтай: истоки евразийской цивилизации», I Междунар. конгресса средневековой археологии евразийских степей. Тез. докл. Казань, 2009. С. 238.

Тихонов С. С. Юго-восточная окраина Сибирского ханства Кучума (интерпретация источников по экономике и социальному развитию тарских татар) // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 1. Казань, 2009. С. 162–171.

Тишин В. В., Серегин Н. Н. Возрастная дифференциация у древних тюрков VI–X вв.: опыт комплексного анализа // ЭО. 2016. № 1. С. 136–152.

Тобольск. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1885.

Тобольские губернские ведомости. 1859. № 4.

Тобольский хронограф. Вып. 3. Екатеринбург, 1998.

Тобольский хронограф. Омск, 1993.

Токвіль Алексіс де. Про демократію в Америці / пер. з фр. Г. Філіпчук та М. Москаленко. К., 1999.

Толстов С. П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948.

Толстов С. П. К истории древнетюркской социальной терминологии // ВДИ. 1938. № 1 (2). С. 72–81.

Толыбеков С. Е. О патриархально-феодальных отношениях у кочевых народов // ВИ. 1955. № 1. С. 74–88.

Томилов Н.А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины конца XVI – начала XX в. Новосибирск, 1992.

Томилов Н. А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX в. Томск, 1981.

Томилов Н. А. Чулымские тюрки в конце XVI – первой четверти XIX вв. // Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири. Томск, 1987. С. 145–176.

Томсинский С. Г. Очерки истории феодально-крепостнической России. М.; Л., 1934.

Торопицын И. В. Россия и ногайцы: поиск путей самоопределения и сосуществования (первая половина XVIII в.) // Тюркологический сборник. Тюркские народы Евразии в древности и средневековье / ред. колл. С. Г. Кляшторный (пред.), Т. И. Султанов, В. В. Трепавлов. М., 2011.

Трегубов А. Г. От Гугни до Толстова: атаманы Яицкого казачьего войска и наказные атаманы Уральского казачьего войска. Уральск, 2006.

Трепавлов В. В. Ногаи в Башкирии, XV–XVII вв. Княжеские роды ногайского происхождения. Уфа, 1997.

Трепавлов В. В. «Орда самовольная»: кочевая империя ногаев XV–XVII вв. М., 2014.

Трепавлов В. В. Бий мангытов, коронованный *chief*: вождество в истории позднесредневековых номадов западной Евразии // Альтернативные пути к цивилизации: колл. монография / ред. Н. Н. Крадин и др. М., 2000. С. 356–367.

Трепавлов В. В. Большая Орда – Тахт эли. Очерк истории. Тула, 2010.

Трепавлов В. В. Вольные казаки и Ногайская Орда (Некоторые подробности ранней истории казачества) // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2002. № 3. С. 40–52.

Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. М., 2002.

Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. Казань, 2016.

Трепавлов В. В. Малая Ногайская Орда. Очерк истории // Тюркологический сборник. 2003–2004. Тюркские народы в древности и в средневековье. М., 2005. С. 375–378.

Трепавлов В. В. Мангут–мангыт–ногай: трансформация этноса и его имени // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. Труды международной конференции в 3-х т. 9–13 июня 1992 г., г. Казань. Т. 3. М., 1997. С. 25–26.

Трепавлов В. В. Ногайская альтернатива: от государства к вождеству и обратно // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995. С. 199–208.

Трепавлов В. В. Степные империи Евразии: монголы и татары. М., 2015.

Тумилевич Ф. В. Сказки и предания казаков-некрасовцев. Ростов-на-Дону, 1961.

Тумилевич Т. И. Донские предания о Ермаке // Русская народная проза. Русский фольклор. Л., 1972.

Туранли Ф. Козацька доба історії України в османсько-турецьких писемних джерелах (друга половина XVI-перша чверть XVIII століття). К 2016.

Туранли Ф. Тюркські джерела до історії України. К., 2010.

Туранли Ф. Османський документ про дипломатичну діяльність гетьмана Петра Дорошенка // УАЩ. Нова серія. Вип. 5/6. К., 2001. С. 334–340.

Турция накануне и после Полтавской битвы (глазами австрийского дипломата) / Перевод, введение и примечания В. Е. Шутого. М., 1977.

Тхамокова И. Х. Основные этапы формирования Терского казачества // Мир славян Северного Кавказа / под ред. О. В. Матвеева. Вып. 1. Краснодар, 2004.

Тхоржевский С. Донское Войско в первой половине XVII в. // Русское прошлое. Вып. 3. 1923. С. 9–22.

Тыжнов И. И. Обзор иностранных известий о Сибири 2-й половины XVI века // Сибирский сборник. СПб., 1887. С. 101–147.

Тынышпаев М. Материалы к истории киргиз-казакского народа. Ташкент, 1925.

Тычинских З. А. Служилые татары и их роль в формировании этнической общности сибирских татар (XVII–XIX вв.). Казань, 2010. История и культура татар Западной Сибири / гл. ред. З. А. Тычинских. Казань, 2015.

Тюменцев И. О. Зарождение казачества на Волге и Дону и его включение в социальную структуру Московского государства в XV – первой половине XVI вв. // Донское казачество: история и современность: сб. науч. ст. Волгоград, 2004. С. 10–17.

Тюменцев И. О. Историческая роль казачества на Юге России: перспективные направления исследования // Актуальные социально-политические и экономические проблемы Южного федерального округа. Ростов н/Д., 2005. С. 82–99.

Тюменцев И. О. К вопросу об институтах ранних казачьих сообществ // Многоукладность и ассиметричность развития региональных экономик Юга России: риски модернизации и механизмы трансформации. Домбай, 2006. С. 247–254.

Тюменцев И. О. Россия и появление казачества на Волге и на Дону в XV – первой половине XVI вв. // Cahiers du Monde russe. 2005. № 46/1–2, Janvier–juin. P. 75–82.

Тюменцев И. О. Россия и появление казачества на Волге и на Дону в XV – первой половине XVI вв. // Cahiers du Monde russe. 2005. № 46/1–2, Janvier–juin. P. 75–82.

Тюменцев И. О. Смута в России в начале XVII в. Движение Лжедмитрия II. Волгоград, 1999.

Угренинов С. Казачьи сотни и казахские отряды: рука об руку. Костанай, 2007.

Украина и соседние государства в XVII веке: материалы международной конференции / ред. Т. Г. Таирова. СПб., 2004.

Україна та Туреччина // СС. 1929. 1929. № 1–2 (7–8).

Українське козацтво: Мала енциклопедія / ред. Ф. Г. Турченко; С. Р. Лях. Вид. 2-е, доп. і перероб. Київ; Запоріжжя, 2006.

Український степовий кордон в середині XVI ст. (спогади барського старости Бернарда Претвича) / упор. О. Є. Мальченко. Запоріжжя, 1997.

Уманский А. П. Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. Новосибирск, 1980.

Універсали Богдана Хмельницького. 1648–1657 / упор. І. Бутич. К., 1998.

Уральские войсковые ведомости. 1867, № 1; № 2; № 6; № 18; № 38.

Уральские войсковые ведомости. 1869. № 6.

Уральские войсковые ведомости. 1880, № 2.

Уральские войсковые ведомости. 1882. № 48.

Усенко О. Г. Начальная история кубанского казачества (1692–1708 гг.) // Из архива тверских историков. Тверь, 2000. Вып. 2. С. 63–67.

Усманов М. А. Татарские исторические источники XVII – XVIII вв. Казань, 1972. С. 75.

Усманов М. А., Шайхиев Р. А. Образцы татарских народно-краеведческих сочинений по истории Западной и Южной Сибири // Сибирская археография и источниковедение. Новосибирск, 1979. С. 85–103.

Усні перекази М. Л. Коржа [додаток] // Д. И. Яворницкий. История города Екатеринослава. Изд. 2-е, дополненное. Дніпропетровськ, 1996. С. 221–273.

Уффельманн Д. Подводные камни внутренней (де)колонизации России // Политическая концептология. 2013. № 2. С. 57–84.

Файзрахманов И. З. Тептяри и бобыли // История татар с древнейших времен. В 7 т. Т.6. Казань, 2013.

Фалькович С. М. Идейно-политическая борьба в польском освободительном движении 50–60-х годов XIX в. М., 1966.

Федорова А. В. Казачество пограничных линий и кочевая степь // Вместе на одной земле. Этническая история и культура казахов Оренбуржья. Оренбург, 2006. С. 34–41.

Федорук Я. Археологічні експедиції 1951 і 1953 років з вивчення Запорозьких Січей перед затопленням Каховським водоймищем // Україна в Центрально-Східній Європі. Вип. 17. К., 2017. С. 254–318.

Федорук Я. Коментарі до статті І. Крип'якевича «Турецкая политика Богдана Хмельницкого» // Український археографічний збірник. Вип. 10/11. К., 2006.

Федорук Я. Міжнародна дипломатія і політика України. Ч. 1: 1654. Львів, 1996.

Федорук Я. Проблема турецького протекторату Б. Хмельницького у 1655 році // Terra Cossacorum: Студії з давньої і нової історії України. Зб. на пошану д. і. н., проф. Валерія Степанкова / ред. В. Смолій. К., 2007. С. 155–156.

Федорук Я. Туреччина та її васали у відносинах з Богданом Хмельницьким у 1654 р.: автореф. дис. ... к. і. н. К., 1996.

Фелицын Е. Краткий очерк заселения Кубанской области (Пояснительная записка к 20-верстной карте

Кубанской области) // Известия Кавказского отдела императорского Русского географического общества. Т. 8. 1884. № 2. С. 251–284.

Фелицын Е. Д. Сборник архивных документов, относящихся к истории Кубанского казачьего войска и Кубанской области. Т. 1. Екатеринодар, 1904.

Феноген С. И., Феноген А. С. Сарикей: загадка XIX столетия. Cluj-Napoca: Kriterion, 2004.

Флоря Б. Богдан Хмельницький і турецька «протекція» // КС. 2001. № 3. С. 87–107.

Флоря Б. Войны Османской империи с государствами Восточной Европы (1672–1681 гг.) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. 2 / отв. ред. Г. Г. Литаврин. М., 2001. С. 108–147.

Флоря Б. Запорозьке козацтво і плани турецької війни Владислава IV // Україна: Культурна спадщина, національна свідомість, державність. Зб. наук. праць. К., 1992. С. 79–104.

Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра / подгот., общ. ред., предисл. и послесл. Н. В. Брагинской. М., 1997.

Фробениус Лео. Детство человечества: первобытная культура аборигенов Африки и Америки / пер. с нем. С. Д. Чулока. Изд. 2-е. М., 2012.

Фролов Б. Атаман Захарий Чепега. К 280-летию со дня рождения (1726–1797). Краснодар, 2006.

Фролов Б. Мокий Семенович Гулик – «войсковой есаул и кавалер» // Матеріали Всеукраїнської наукової конференції «Чортомлицька (Стара) Запорозька Січ в історико-культурній спадщині Нікопольського району» / ред. В. В. Грибовський. Нікополь; Запоріжжя; Херсон, 2002. С. 134–137.

Фролов Б. Е. Реформа строевого состава Черноморского казачьего войска в начале XIX века. // Вопросы регионоведения. Вып. 1. Краснодар, 2002. С. 34–39.

Хазанов А. М. Кочевники и внешний мир. Изд. 3-е, доп. Алматы, 2002.

Хазанов А. М. Обычай побратимства у скифов // СА. 1972. № 3. С. 68–75.

Хазанов А. М. Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. М., 1975. С. 107–111.

Хайдарлы Д. И. Население Северо-Западного Причерноморья в XVIII в. (исторические аспекты) // Stratum plus. № 6. Кишинев: Университет «Высшая антропологическая школа», 2008.

Халиков Н. А. Территориальные и этносоциальные особенности традиционного хозяйства татар Урала и Приуралья // Приуральские татары. Казань, 1990.

Халиков Н. А. Традиционное хозяйство татар-казаков Южного Урала (вторая половина XIX – начало XX вв.) // СТТГ. 2016. № 8. С. 264–271.

Халим Гирай-султан. Розовый куст ханов, или история Крыма / транскрипция, пер. переложения А. Ильми; составление приложений и пояснения К. Усеинова; ред. Н. С. Сейтягьяева. Симферополь, 2008.

Халимоненко Г. Інститут козацтва: тюркського й українського // Східний світ. Київ, 1993. С. 108–115.

Хан-Гирей. Записки о Черкессии / вст. ст., подготовка текста к печати В. К. Гарданова и Г. Х. Мамбетова. Нальчик, 2008.

Хан-Гирей. Черкесские предания. Избранные произведения. Нальчик, 1989.

Харитонов М. А. Социокультурные аспекты зооморфной символики народов Центральной Азии. Улан-Удэ, 2001.

Харлампович К. Листування запорозьких козаків із султаном // Студії з істории Криму I–IX / ред. акад. А. Е. Кримського. К., 1930. С. 18–29.

Харузин М. Н. Сведения о казацких общинах на Дону. М., 1885.

Хёйзинга Й. Осень Средневековья: Соч. в 3 тт. Т. 1. / пер. с нидерланд., вступ. ст. и общ. ред. В. И. Уколовой. М., 1995.

Ходарковски М. Горький выбор: верность и предательство в эпоху российского завоевания Северного Кавказа / авториз. пер. с англ. А. Терещенко. М., 2016.

Хорошкевич А. Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003.

Хорошкевич А. Л. Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв. М., 2001.

Хорошхин А. П. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. СПб., 1876.

Хорошхин М. Военно-статистическое обозрение казачьих войск. СПб., 1881.

Хорошхин М. П. Геройский подвиг уральцев. Дело под Иканом 4, 5 и 6 декабря 1864 года. Уральск, 1889.

Цапник Г. Е. Становление и развитие калмыцких казачьих поселений на Дону: XVII–XIX вв.: дис. ... к. и. н. Астрахань, 2006.

Цебриков Р. М. Вокруг Очакова. 1788 год. (Дневник очевидца) // Русская старина. 1895. Сентябрь. С. 147–212.

Цыбикдоржиев Д. В. Мужской союз, дружина и гвардия у монголов: преемственность и конфликты // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2004. С. 334–363.

Цялик С. Украинец Садык-Паша. Электронный ресурс: https://carabaas.livejournal.com/4657423.html

Чаев Н. С., Бибикова К. Н. Взаимоотношения Москвы и Дона накануне Булавинского восстания // Булавинское восстание (1707–1708). Сб. док. / Труды Историко-археографического института АН СССР. Т. 12. М., 1935. С. 5–32.

Чайковский М. (Садык-Паша). Записки // КС. 1891. Т. 34. С. 354–367.

Чайковский М. Записки // РС. 1900. Т. 104. № 10, 12.

Чайковский М. Записки // РС. 1900. Т. 102. № 6.

Чайковский М. Записки // РС. 1900. Т. 102. № 7–8.

Чайковский М. Записки // РС. 1904. Т. 119. № 8.

Чайковский М. С. Записки // РС. 1898. Т. 95. № 9.

Чаянов А. В. Крестьянское хозяйство: Избранные труды. М., 1989.

Черкас Б. Західні володіння Улусу Джучи: Політична історія, територіально-адміністративний устрій, економіка, міста (XIII–XIV ст.). К., 2014.

Черкас Б. Козацтво на службі уряду в першій третині XVI ст. // Україна крізь віки: збірник наукових праць на пошану академіка НАН

України професора Валерія Смолія. К., 2010. С. 203–212.

Черкас Б. Україна в політичних відносинах Великого князівства Литовського з Кримським ханатом (1515–1540). К., 2006.

Черкасов В. Б. Переселенческая политика царского правительства. Казачья и крестьянская колонизации Казахстана // Научные исследования. 2017. Т.1. № 6. С. 27–29.

Черкасск и Войско Донское по описанию де-Романо / сост. М. Калмыков. Новочеркасск, 1896.

Черкесова А. А. Современные записи эпоса об Эдиге // Эдиге: Ногайская эпическая поэма / ред. Н. Х. Суюнова. М., 2016. С. 464–467.

Черницын С. В. Донские татары. Этнокультурный очерк // Дикаревские чтения / ред. М. В. Семенцов. Вып. 12. Краснодар, 2006. С. 324–333.

Черницын С. В. Донское казачество: этнический состав и этнические процессы XVIII–XIX вв.: дис. ... к. и. н. М., 1992.

Черницын С. В. Казаки-мусульмане: этнодемографические процессы (2-я половина XIX – начало XX вв. // Дикаревские чтения / ред. М. В. Семенцов. Вып. 11. Краснодар, 2005. С. 65–72.

Черницын С. В. Казаки-мусульмане: этнодемографические процессы (2-я пол. XIX – нач. XX вв. // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2004 г. Дикаревские (11) чтения. Краснодар, 2004.

Черницын С. В. Некоторые аспекты этнических процессов в Войске Донском XVII в. (на примере тюркоязычных переселенцев) // Дон и северный Кавказ в древности и средние века. Ростов-на-Дону, 1990. С. 73–75.

Черницын С. В. Основные пути формирования семейно-брачных отношений на Дону в XVI–XVII вв. // Донские древности. Сб. ст. / под ред. В. Я. Кияшко, В. Е. Максименко. Вып. 1. Азов, 1992.

Черницын С. В. Пути адаптации горских переселенцев на Дону (по материалам 40–50-х гг. XIX в. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1995 г. / отв. ред. В. Я. Кияшко. Вып. 14. Азов, 1997.

Черницын С. В. Тенденции межсословных браков в Войске Донском в 1-й пол. XIX в. // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнической культуры казачьих групп России за 2011–2012 гг. Дикаревские чтения (17). Материалы Всероссийской научной конференции. Краснодар, 2014.

Чернієнко Д. А. Д. І. Яворницький у Казанському університеті (до 110-річчя захисту магістерської дисертації) // Наддніпрянська Україна: історичні процеси, події, постаті. Дніпропетровськ, 2010. Вип. 8. С. 49–56.

Чехов А. П. Остров Сахалин (Из путевых записок) // Собрание сочинений в 12-ти тт. Т. 11. М., 1985. С. 39–362.

Чорновол І. Компаративні фронтири: світовий і вітчизняний вимір. К., 2015.

Чорновол І. Межі порубіжжя: пограниччя проблем (відповідь Владиславові Грибовському) // Фронтири міста: історико-культурологічний альманах / ред. В. В. Гри-

бовський. Дніпро, 2016. Вип. 5. С. 213–218.

Чужинец. М. Чайковский в Стамбуле // Вольное казачество. Париж, 1932. № 113.

Чулков М. История законодательства о табачной промышленности в России до Екатерины II. Казань, 1855.

Чулошников А. П. Очерки по истории казак-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен. Ч. 1. Оренбург, 1924.

Чулошников А. П. Феодальные отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII и первой половины XVIII вв. // Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. М.; Л., 1936.

Чумацькі пісні / упор. О. І. Дей, А. Ю. Ясенчук, А. І. Іваницький. К., 1976.

Чухліб Т. Відповідь Українського гетьманату на російсько-польські домовленості в Андрусові 1667 р. // Україна в Центрально-Східній Європі. Вип. 3. К., 2003.

Чухліб Т. Козаки і татари. Українсько-кримські союзи 1500–1700-х років. К., 2017.

Чухліб Т. «Цісар Турецький дозволяє Війську Запорозькому і його державі плавати по Чорному морі…» // Україна в Центрально-Східній Європі. Вип. 9–10. К., 2010. С. 93–35.

Чухліб Т. Гетьмани і монархи. Українська держава в міжнародних відносинах 1648–1714 рр. Київ; Нью-Йорк, 2003.

Чухліб Т. Де й коли існувала так звана Ханська Україна? / ред. В. Смолій; упор. Г. Боряк // Крим: шлях крізь віки. Історія у запитаннях і відповідях. К., 2014. С. 153–156.

Чухліб Т. Ідея відмови кошового отамана Запорозької Січі К. Гордієнка від протекції Москви в умовах Північної війни 1700–1721 рр. // Чорноморська минувшина. Записки Відділу історії козацтва на Півдні України Науково-дослідного інституту козацтва Інституту історії України НАН України. Зб. наук. праць. Вип. 4. Одеса, 2008. С. 18–24.

Чухліб Т. Козаки та яничари. Україна у християнсько-мусульманських війнах 1500 – 1700-х рр. К., 2010.

Чухліб Т. Ставленник турецького султана в Україні молдавський господар Г. Дука (1681–1683) // КС. 2002. №4. С. 126–140.

Шакарим Кудайберды-улы. Родословная тюрков, киргизов, казахов. Династии ханов. Алма-Ата, 1990.

Шалгимбеков А. Б. История военного продвижения и закрепления Российской империи в северном регионе Казахстана (вторая половина XVIII – первая треть XIX в.): дис. ... к. и. н. Костанай, 2010.

Шаум М. Tragoedia Demetrio-Moscovitica // ЧОИДР. М., 1847. Т. 2.

Швайба Н. І. Постать Петра Калнишевського в українській історіографії 1920 та 1930-х років // Козацька спадщина. Альманах Нікопольського регіонального відділення НДІ козацтва Інституту історії України НАН України / ред. В. В. Грибовський. Вип. 3. Дніпропетровськ, 2006. С. 176–181.

Шевченко С. В. Сибирское линейное казачество и казахи Среднего жуза в XVIII – начале XIX века: дис. ... к. и. н. Екатеринбург, 1997.

Шевчук В. «Розмова козака запорозького з перським гінцем» Мартина Пашковського і її істо-

ричний контекст // Пам'ять століть. К., 1997. № 3. С. 38–50.

Шенников А. А. Червленый Яр: Исследование по истории и географии Среднего Подонья в XIV-XVI вв. Л., 1987. Подготовка электронного текста книги была завершена в апреле 2008 г. Книга размещена на сайте «Gumilevica»: http://gumilevica.kulichki.com/SAA/index.html

Шиле М. Донесение о поездке придворного римского императора Михаила Шиле в 1508 году // ЧОИДР. М., 1895. Кн. 2. С. 1–11, 1–22 (отд. паг.).

Шиловский М. В. Ч. Ч. Валиханов и Г. Н. Потанин: трансформация личности в парадигмах фронтира // Степной край Евразии: Историко-культурные взаимодействия и современность: IV Международная научная конференция, посвященная 170-летию со дня рождения Г. Н. Потанина и Ч. Ч. Валиханова: тезисы докладов и сообщений / ред. А. П. Толочко. Омск, 2005. С. 7–15.

Шиян Р. І. «Фронтир зовнішній» і «фронтир внутрішній»: концепція південноукраїнського прикордоння між 1680-ми – 1750-ми роками // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. 2012. Вип. XXXII. С. 96–105.

Шиян Р. І. Катеринославське козацьке військо (1787–1796 рр.) // Записки науково-дослідної лабораторії історії Південної України ЗДУ: Південна Україна XVIII–XIX століття. Запоріжжя, 1998. Вип. 3. С. 106–114.

Шнирельман В. А. Классообразование и дифференциация культуры (По океанийским этнографическим материалам) // Этнографические исследования развития культуры. М., 1985. С. 64–122.

Шумовський Ю. Ф. Під гарячим сонцем Африки. Вінніпег, 1956.

Шурц Г. История первобытной культуры. Вып. 1 / пер., ред. П.И. Кушнер. М., 1923. XII, 235 с.; Вып. 2 / сост. В. Покровский; ред. и предисл. П. И. Кушнер. М., 1923.

Шурц Г. История первобытной культуры. Т. 1. / пер. с нем. Э. К. Пименовой и М. П. Негрескул. Изд-е 2. М., 2010.

Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032–1882 гг. Сургут, 1993.

Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032–1882 гг. Иркутск, 1883.

Щепанская Т. Б. Кризисная сеть (традиции духовного освоения пространства) // Русский Север: К проблеме локальных групп. СПб., 1995. С.110–176.

Щепанская Т. Б. Странные лидеры (о некоторых традициях социального управления у русских) // Этнические аспекты власти: сб. ст. СПб., 1995. С.211–240.

Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска. Т. 1. Екатеринодар, 1910.

Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска. Т. 2. Екатеринодар, 1913.

Эварницкий Д. И. (Яворницкий Д. И.). Запорожье в остатках старины и преданиях народа. К., 1995.

Эварницкий Д. И. Источники для истории запорожских казаков. В 2–х томах. Т. 1, 2. Владимир, 1903.

Эварницкий Д. Жизнь запорожских казаков по разсказу современни-

ка-очевидца // Киевская старина. Т. 7. Ноябрь. 1883. С. 497–510.

Эварницкий Д. И. (Яворницкий Д. И.). Кошевой атаман Осип Михайлович Гладкий // Юбилейный сборник академику М. С. Грушевскому. К., 1927. С. 301–303.

Эварницкий Д. И. Сборник материалов по истории запорожских козаков. СПб., 1888.

Эвлия Челеби. Книга путешествия (извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в.). Вып. 2. М., 1979.

Эдиге: Ногайская эпическая поэма / ред. Н. Х. Суюнова. М., 2016.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. Т. 2. М., 1949. С. 160–310.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XI. СПб., 1893.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XIII. СПб., 1894.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XV. СПб., 1895.

Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М., 2016.

Этноконтактные зоны в европейской части СССР (география, динамика, методы изучения) / под ред. Е. М. Поспелова и И. И. Крупник. М., 1989.

Юдин В. П. К этимологии этнонима казах (қазақ) // *Он же.* Центральная Азия в XIV–XVIII вв. глазами востоковеда. Алматы, 2001. С. 137–166.

Юдин В. П. Центральная Азия в XIV–XVIII веках глазами востоковеда. Алматы, 2001.

Юшков И. Н. Сибирские татары // Тобольские губернские ведомости. Тобольск, 1861. № 35–45.

Яворницький Д. І. Історія запорізьких козаків. Т. 1. Львів, 1990.

Яворницький Д. Історія запорозьких козаків. Т. 3. Львів, 1991.

Яворницький Д. І. Запорожжя в залишках старовини і переказах народу / підготовка тексту і наук.-довід. апарату С. В. Абросимової, Н. Є. Василенко; заг. ред. Н. І. Капустіної. Вид. 3-тє, випр. і доп. Ч. 1, 2. Дніпропетровськ, 2005.

Яворницький Д. І. Історія запорозьких козаків: в 3 т. Т. 1. К., 1990.

Яворницький Д. І. Історія запорозьких козаків: у 3 т. Т. 3. К., 1991.

Яковенко Н. Паралельний світ. Дослідження з історії уявлень та ідей в Україні XVI–XVII ст. К., 2002.

Яковенко Н. Українська шляхта з кінця XIV – до середини XVII століття. Волинь і Центральна Україна. Вид. 2-е, перегл. і випр. К., 2008.

Яковлев А. Бунт черкасцев і каневцев в 1536 году // Україна. Рік 1-й. Т. 1. К., 1907. С. 81–96.

Яковлев А. Намісники, державці і старости господарського замку Черкаського в кінці XV і в XVI вв. К., 1907.

Янчевский Н. Колониальная политика на Дону торгового капитала Московского государства в XVI–XVII вв. Ростов-на-Дону, 1930.

Янчевский Н. Разрушение легенды о казачестве. Краткий очерк истории колониальной политики на Дону, в связи с эволюцией аграрных отношений. Ростов н/Д., 1931.

Ярлыкапов А. А. Образ ногайского казака в фольклоре: жизнь, мораль, доблесть // Война и воинские традиции в культурах наро-

дов Юга России (VI Токаревские чтения): материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Ростов-на-Дону, 4–5 мая 2017 г.). Ростов н/Д., 2017. С. 15–21.

Ярлыкапов А. А. Образцы ногайского фольклора в хрестоматии М. Османова «Ногайские и кумыкские тексты» // Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему. Материалы Второй Международной научно-практической конференции, г. Черкесск. 12–13 октября 2016 г. Черкесск, 2016. С. 322–330.

Ясь О. Україна-Гетьманщина у світлі теорії «єдиного процесу» Михайла Слабченка // Українська держава другої половини XVII–XVIII ст.: політика, суспільство, культура. К., 2014. С. 629–670.

Яхин Ф. З. Опыт восстановления «Генеалогического древа саидов Сибирского ханства» и проблемы средневековой истории Тобольского региона // Национальная история татар: теоретико-методологическое введение. Казань, 2009.

Abrachamowicz Z. Comments on Three Letters by Khan Islam Gerey III to the Porte (1651) // Harvard Ukrainian Studies. Cambridge. Vol. XIV. № 1–2. 1990. P. 137–138.

Acta Historica res gestas poloniae illustrantia ab anno 1507 usoue ad annum 1795. Pisma do wieku i spraw Jana Sobieskiego / zebr. Fr. Kluczycki. Vol. II. Pars. II. Kraków, 1883.

Acta Tomiciana. T. 6. Poznan, 1857.

Anthony David W., Brown Dorcas R. The dogs of war: A Bronze Age initiation ritual in the Russian steppes // Journal of Anthropological Archaeology. Vol. 48. December, 2017. P. 134–148.

Antologia pamiętników polskich XVI wieku. Wrocław, 1966.

Archiwum Jana Zamoyskiego. T.IV (1585–1588). Kraków, 1948.

Arkayin A. The second siege of Vienna (1683) and its consequences // Revue Internationale d'Histoire Militaire. Ankara, 1980. № 46.

Badem Candan. The Ottoman Crimean War (1853–1856). Leiden; Boston, 2010.

Baliński M. Starożytna Polska pod względem historycznym, jeograficznym i statystycznym opisana. T. 2. Cz. 2. Warszawa, 1845.

Barrett T.M. The Terek Cossacks and the North Caucasus Frontier. A dissertation Ph. Doct. Washington, 1997.

Başer A. Osmanlı Devleti'ne Sığınan Potkalı Kazaklarının İskânlarına ve Faaliyetlerine Dair Gözlemler (1775–1826) // Uluslararası Türkiye-Ukrayna İlişkileri Sempozyumu «Kazak Dönemi (1500–1800)». İstanbul, 2015.

Beydilli K. Büyük Friedrich ve Osmanilar XVIII. Yüxyılda Osmanlı–Prusya Münasebetleri. Istanbul, 1985.

Boas Franz. The Social Organization of the Kwakiutl // American Anthropologist. New Series. Vol. 22. № 2 (Apr.– Jun., 1920). P. 111–126.

Boeck B. J. Cossacks Communities and Empire-Building in the Age of Peter the Greate. Cambridge, 2009.

Boeck B. J. The Kuban' Cossack Revival (1989–1993): The Beginning of a Cossack National Movement in the North Caucasus Region // Nationalities Papers. 1998. Vol. 26. P. 633–657.

Boek B. Imperial Boundaries. Cossack Communities and Empire-Building

in the Age of Peter the Great. Cambridge, 2009.

Bracewell Wendy. Frontier Blood-Brotherhood and the Triplex Confinium // Constructing Border Societies on the Triplex Confinium. International Project Conference Papers (Graz, December 9–12, 1998) / eds. Drago Roksandić, Nataša Štefanec. Working Paper Series 4. Budapest, 2000. P. 29–46.

Cantemir D. Istoria imperiului Ottomane. Vol. II. Bucuresti, 1878.

Chudzikowska Jadwiga. Dziwne życie Sadyka Paszy o Michale Czajkowskim. PIW, 1971.

Codex Cumanicus Bibliothecae ad templum divi Marci Venetiarum primum ex integro edidit prolegomenis notis et compluribus glossariis instruxit comes Géza Kuun. Budapestini, 1880.

Collectanea z dziejopisów tureckich rzeczy do historii polskiej służących / przez J. J. Sękowskiego. T. I. Warszawa, 1825.

Czajkowski M. Moje wspomnienia o wojnie 1854 roku. Warszawa, 1962.

Czajkowski M. Pamiętniki Sadyka Paszy Michala Czajkowskiego / tlumaczyl na polskie A. P. Lwow, 1898.

[*Chaykowski M*.] Kozaczyna w Turcyi. Paryz, 1857.

Czartoryski A. Memoirs et correspondence. T. 2. Paris, 1887.

Davies B. The Second Chigirin Campaign (1678): Late Muscovite Military Power in Transition // The Military and Society in Russia, 1450–1917 / ed. E. Lohr. Leiden. 2002

Dorosenko D, Rypka J. Hejtman Petr Dorosenko a jego turecka politika. Praga, 1933.

Dziadulewicz S. Herbarz rodzin tatarskich w Polsce. Wilno, 1929.

Fisher Alan W. The Russian Annexation of the Crimea. 1772–1783. Cambridge, 1970.

Fisher A. Ottoman Kamanets-Podolsk // Jornal of Turkish Studies. Vol. 8. 1984. P. 55–83.

Fisher A. The Crimean Tatars. Stanford, 1978.

Flemming Barbara. Ein alter Irrtum bei der chronologischen Einordnung des Tarǧumān turkī wa ʻağamī wa muġalī // Der Islam. B. 44. 1968. S. 226–229.

Frank A. The Siberian Chronicles and the Taibughid Biys of Sibir'. Bloomington, 1994.

Frobenius Leo. Aus den Flegeljahren der Menschheit; Bilder des Lebens, Treibens und Denkens der Wilden. Hanover, 1901.

Frobenius Leo. Die Masken und Geheimbünde Afrikas // Abhandlungen der Kaiserlichen Leopoldinisch-Carolinischen Deutsehen Akademie der Naturforseher. Halle, 1898. S. 1–278.

Gliwa A. Kraina upartych niepogód. Zniszczenia wojenne na obszare ziemi przemyskiej w XVII wieku. Przemyśl, 2013.

Gumus Musa. Mehmed Sadik Pasa (Michal Czajkowski) ve Osmanli devlet'nde kazak suvari alayi // Turkish studies. 2010. V. 5/3. P. 1362–1375.

Gutrie M. A tour, performed in the years 1795–1796, throw the Taurida, or Crimea … and all other countries on the North Shore of the Euxine, ceded to the Russia by the Peace of Kainargi and Jassy. London, 1802.

Hammer-Purgstal J. Geschichte des Osmanischen Reiches. Bd. V. Pest, 1829.

Herby rycerstwa polskiego. Przez Bartosza Paprockiego zebrane i

wydane r. p. 1584 / wydanie Kazimierza Józefa Turowskiego. Kraków, 1858. S. 158.

Hobsbawm E. J. Primitive Rebels. Banditry. Mafia. Millenarians. Anarchists. Sicilian Fasci. The City Mob Labour Sects Ritual. Manchester, 1971.

Hommaire de Hell Xavier. Les steppes de la mer Caspienne, le Caucase, la Crimée et la Russie méridionale. Voyage pittoresque, historique et scientifique. T. 1. Paris, 1843.

Houtsma M. Th. Ein türkisch-arabisches Glossar. Leiden, 1894.

Inalcik H. Military and Fiscal Transformation in the Ottoman Empire. 1600–1700 // Studies in Ottoman and Economical History. London, 1985.

Jankowski H. The Tatar Name of Sorok Tatary // Orientas Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos visuomenės tradicijoje: totoriai ir karaimai Vilniaus, 2008.

Joannis Dlugosii annals seu cronicae incliti Regni Poloniae. Liber duodecimus. 1462–1480. Cracoviae, 2005. S. 243–244.

Joo-Yup Lee. Qazaqlïq, or Ambitious Brigandage, and the Formation of the Qazaqs State and Identity in Post-Mongol Central Eurasia. Leiden; Boston, 2016.

Jouve E. Guerre d'Orient. Voyage a la suite des armees alieiees en Turquie, en Valachie et an Crimee. Vol. 1. Paris, 1855.

Karpat Kemal H. Comments on contributions and the borderlands // Ottoman borderlands. Issues, personalities and political changes / edited by Kemal H. Karpat with Robert W. Zens. Madison, 2003.

Katalog dokumentów tureckich. Dokumenty do dziejów Polski i krajów ościennych w latach 1455–1672 / opr. Z. Abrachamowicz. Warszawa, 1959.

Khodarkovsky M. Russia's steppe frontier. The making of the Colonial Empire, 1500–1800. Bloomington; Indianapolis, 2002.

Kidd Dudley. Peeps and many lands: South Africa. London, 1910.

Koeppen P. Ueber einige Landes-Verhältnisse der Gegend zwischen dem Untern Dnjepr und dem Asow'schen Meere // Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches und der angränzenden Länder Asiens. Bd. 11. St. Petersburg, 1845.

Kolodzejczyk D. Inner Lake or Frontier & The Ottoman Black Sea in the Sixteenth and Seventeenth Centuries // Enjeux politiques, économiques et militaires en Mer noire (XIVe–XXIe siècles): études à la mémoire de Mihail Guboglu / ed. Faruk Bilici, Ionel Cândea, Anca Popescu. Braïla, 2007. P. 125–139.

Kolodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. Leiden; Boston, 2011.

Kołodziejczyk Dariusz. Opinia o autoreferacie oraz książce Ferhada Turanlego Kozac'ka doba istoriji Ukrajiny v osmans'ko-turec'kyx pysemnyx dzerelax (druha polovyna XVI – persa cvert' XVIII stolittja). URL: http://www.historians.in.ua /images/sampledata/hist-images /rizne/2017/11/kolodzeychyk/ Kolodziejczyk_vidhuk.pdf

Kołodziejczyk D. Ottoman-Polish Diplomatic Relations (15th – 18th Century). Leiden; Boston; Koln, 2000.

Kołodziejczyk D. Podole pod panowaniem tureckim. Ejalet Kamieniecki. 1672–1699. Warzawa, 1994.

Korrespondencja Stanisława Koniecpolskiego wielkiego hetmana koronnego 1632–1646. Krakyw, 2005.

Kronika Marcina Bielskiego. T. II. Sanok, 1856.

Kronika polska Marcina Bielskiego, Nowo prez Ioachima Bielskiego syna iego wydana. Kraków, 1597.

Kronika polska, litewska, zmodska i wszystkiej Rusi Marcieja Stryjkowskiego. T. 2. Warszawa, 1848.

Kryczyński Leon Najman Mirza. Tatarzy polscy a wschód muzułmański // Rocznik Tatarski. Czasopismo naukowie, literackie i społeczne, poświęcone historji, kulturze i życziu Tatarów w Polsce. T. 2. Zamość, 1935. S. 1–130.

Kryczyński S. Bej barski. Szkic z dzejów Tatarów polskich w XVII w. // Rocznik Tatarski. Czasopismo naukowie, literackie i społeczne, poświęcone historji, kulturze i życziu Tatarów w Polsce. T. 2. Zamość, 1935. S. 229–301.

Kryczyński St. Tatarzy Litewscy. Próba monografii historyczno-etnograficzney. Warszawa, 1938.

Kuran Michał. Losy i doświadczenia turecko-tatarskie Jakuba Kimikowskiego w epickiej próbie Marcina Paszkowskiego «Dzieje tureckie» // Napis, seria XI. Warszawa, 2005.

Kuran M. «Chorągiew sauromatcka w Wołoszech» Marcina Paszkowskiego jako przykład epickich nowin poświęconych batalii chotimskiej z 1621 roku // Acta Universitatis Lodziensis. Folia Litteraria Polonica. № 10. Łódź, 2008. S. 21–40.

Kuran M. Marcin Paszkowski – poeta okolicznościowy i moralista z pierwszej połowy XVII wieku. Łódź, 2012.

Kuryer Warszawski. 1762. № 66. S. 5–6; 1763. № 85. S. 1–2.

Kutlu C. Dunya savası'nda Rusya'daki Turk esirleri // Ataturk Universitesi Turkiyat Arastırmaları Enstitusu Dergisi. Cılt 17, Sayı 43 (2010). URL: http://edergi.atauni.edu.tr/index.php/taed/article/viewFile/2705/2690.

Lattimore Owen. Studies in Frontier History. Collected Papers 1928–1958. L., 1962.

Lewis R. W. B. The American Adam. Innocence, Tragedy and Tradition in the Nineteenth Century. Chicago, 1955.

Lietuvos Metrika Kn. 15 (1528–1538). Vilnius, 2002.

Lietuvos Metrika. Kn. 8 (1466–1514). Vilnius, 1995.

Lietuvos Metrika. Knyga Nr 5(1427–1506). Parengė E. Banionis. Vilnius, 1994.

Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 564 (1553–1567). Viešųjų reikalų knyga 7 / parengė A. Baliulis. Vilnius, 1996.

Lietuvos Metrika. Kn. 25. Vilnius, 1998.

Lietuvos Metrika. Kn. 5 (1427–1506). Vilnius, 1993.

Limerick Patricia Nelson. The Legacy of Conquest. The unbroken past of the American West. N. Y.; L., 1988.

Lowie Robert H. Primitive Society. N. Y., 1920.

Lucaciu C., Teodorescu A. Din istoria si traditiile lipovenilor. Bucureişti, 1998.

Łątka Jerzy S. Słownik Polakyw w Imperium Osmańskim i Republice Turcji. Krakyw, 2005.

Malikov Yu. Tsars, Cossacks and Nomads. The Formation of a Borderland Culture in Northern Kazakhstan in the Eighteenth and Nineteenth Centuries. Berlin, 2011.

McNeill William H. Europe's steppe Frontier. 1500–1800. Chicago; London, 1964.

Memoirs of the baron de Tott, on the Turks and the Tartars. Translated from the French: in 3 vol. Vol. 2. Dublin, 1785.

Michałowski J. Księga pamiętnicza. Kraków, 1864.

Morgan Lewis H. Ancient Society or Researches in the Lines of Human Progress from Savagery through Barbarism to Civilization. Chicago, 1909.

Moszczyński A. Pamiętnik do historyi Polskéj w ostatnich latach panowania Augusta III i pierwszych Stanisława Poniatowskiego. Widanie trzecie / Pamiętniki z ośmnastego wieku. T. IX. Poznań, 1867.

Nomadic Pathways in Social Evolution / ed. of vol. N. N. Kradin, D. M. Bondarenko, T. J. Barfield. Moscow, 2003.

Ohayon Isabelle. The Soviet State and Lineage Societies: Doctrine, Local Interactions, and Political Hybridization in Kazakhstan and Kirghizia During the 1920s and 1930s // Central Asian Affairs. Vol. 3. Issue 2. 2016. P. 163–191.

Ostapchuk V. An Ottoman Ġazānāme on alīl Paša's Naval Campaign against the Cossacks (1621) // Harvard Ukrainian Studies. 1990. Vol. 14, No. 3/4 (December). P. 482–521.

Ostapchuk V. Cossack Ukraine In and Out of Ottoman Orbit, 1648–1681) // The European Tributary States of the Ottoman Empire in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. Lieden; Boston, 2013. P. 123–152.

Ostapchuk V. Crimean Tatar long-range campaigns: The view from Remmal Khoja's History of Sahib Gerey Khan // Warfare in Eastern Europe, 1500–1800. Lieden; Boston, 2012. P. 147–171.

Ostapchuk V. Political-Personal Intrigue on the Ottoman Frontier in Hetman Bohdan Khmelnytsky's Relations with the Porte: The Case of Ramażān Beg vs. Velī Beg // Journal of Ukrainian Studies. 2008–2009 Vol. 33–34. P. 365–379.

Pamiętnik dziejów polskich / zebr. S. Barącz. Lwów, 1855.

Paszkowski Marcin. Dzieje tureckie y utarczki Kozackie z Tatary… Kraków, 1615.

Pedani Maria Pia. The border from the Ottoman Point of View // Tolerance and intolerance on the Triplex Confinium. Approaching the «Other» on the Borderlands Eastern Adriatic and beyond 1500–1800 / edited by Egidio Ivetic and Drago Roksandić. Padova, 2007. P. 195–214.

Perdenia J. Hetman Piotr Doroszenko a Polska. Kraków, 2000.

Podróże i poselstwa polskie do Turcyi, a mianiwicie Podróż E. Otwinowskiego 1557, Jęndrzeja Taranowskiego komornika j. k. m. 1569, i Poselstwo Piotra Zborowskiego 1568 / Przygotowane do druku z rękopismu przez J. I. Kraszewskiego. Kraków, 1860.

Podróże i poselstwa polskie do Turcyi, a mianowicie: podróż E. Otwinowskiego 1557, Jędrzeja Taranowskiego, Komornika J. K. M. 1569, i Poselstwo Piotra Zborowskiego 1568. Kraków, 1860.

Pritsak Omeljan. The Turkic Etymology of the Word «Qazaq» 'Cossack' // Harvard Ukrainian Studies. 2006. Vol. 28. No 1–4. P. 237–243.

Pulaski K. Stosunki z Mendli-Girejem chanem tatarów perekopskich (1469–1515) // Stosunki Polski z Tatarszczizna od polowi XV wieku. Kraków; Warszawa, 1881.

Quelquejay Ch. Les relations entre la Porte ottomane et les Cosaques zaporogues au mileu du XVIIe siecle // Cahiers du Monde russe et sovietique. №11 (3). 1970. P. 454–461.

Rawita-Gawronski Fr. Michal Czaykowski (Sadyk-pasza). Jego zycie, dzialalnosc wojskowa i literacka. Zarys biograficzny. Petersburg, 1901.

Rawita-Gawroński Fr. Historya Ruchów Hajdamackich w XVIII w. T. 2. Brody, 1913.

Riedlmayer A., Ostapchuk V. Bohdan Xmel'nyc'kyj and the Porte: A Document from the Ottoman Arhives // Harvard Ukrainian Studies. Vol. VIII. № 3/4 (Desember). 1984. P. 453–472.

Rommel Ch. Erinnerungen aus meinem Leben und aus meiner Zeit // Geheime Geschichten und rätselhafte Menschen. Sammlung verborgener oder vergessener Merkwürdigkeiten / Hrsg. von E. Bülau. Leipzig, 1854. Bd. 5. S. 421–600.

Rypka J. Dalsi prispevek ke korespondenci Vysoke Porty s Bohdanem Chmelnickym // Casopis Narodniho Musea. T.105. 1931. S. 209–231.

Rypka J. Z korespondence Vysoke Porty z Bogdanem Chmelnickym // Z dejin Vychodni Evropy a slovenstva: Sbornik venovany Jaroslavu Bidloyi. Praga, 1928.

Sabol S. «The Touch of Civilization»: Comparing American and Russian Internal Colonization. Boulder, 2017.

Sahlins Marshall D. Poor Man, Rich Man, Big-Man: Political Types in Melanesia and Polinesia // Comparative Studies in Society and History. Vol. 5. № 3. April 1963. P. 285–303.

Schurtz Heinrich. Altersklassen und Männerbünde. Eine Darstellung der Grundformen der Gesellschaft. Berlin, 1902.

Segel Harold B. Mieckiewicz and the Juwish legion in memoirs of the Sadyk Pasha (Michal Czajkowski) // The Polish review. Vol. 10. № 3. 1965. P. 78–81.

Serczyk W. Haydamacy. Kraków, 1972.

Silihdar Findiklin Mehmed Aga. Silindar Tarihi. Istambul, 1928.

Skorupa D. Stosunki polsko-tatsrskie 1595–1623. Warszawa, 2004.

Supliment do Kuryera Warszawskiego. 1762, pazdziernika 16. № 66. S. 3;

Tagebuch des Erich Lassota von Steblau. Nach einer Handschrift der von Gersdorff-Weichaschen Bibliothek zu Bautzen herausgegeben und mit Einleitung und Bemerkungen begleitet von Reinhold Schottin. Halle, 1866.

Tahsin Gemil. Relaţiile ţărilor Române cu Poarta Otomană în documente turceşti (1601–1712). Bucureşti, 1984.

Talko-Hryncewicz. Muślimowie czyli tak zwani Tatarzy Litewscy. Kraków, 1924.

The Atlas of Siberia by Semyon U.Remezov. The Hague, 1958.

Tiger Lionel. Men in groups. Third edition with new introduction by the author. New Brunswick, NJ; London, England: Transaction Publishers, 2009.

Traktaty między mocarstwami europeyskiemi od roku 1648 zaszłe. T. 1. Warszawa, 1773.

Veinstein Gilles. Les "çiftlik" de colonisation dans les steppes de nord de la mer Noire au XVIe siècle // Istanbul Üniversitesi Iktisat Fakültesi Mecmuası. 1985. № 1–4 (41). P. 177–210.

Weatherly Ulysses G. Primitive secret societies. A Study in Early Politics and Religion. By Hutton Webster, Professor of Sociology and Anthropology in the University of Nebraska. (N. Y.: The Macmillan company, 1908) // The Economic Bulletin. Vol. 1. № 2 (Jun., 1908). P. 151–154.

Webster Hutton. Primitive secret societies. A Study in Early Politics and Religion. N. Y., 1908.

Wierzbicki P. Dziennik generala Feliksa Breanskiego, dowodcy brygady w Dywizji Kozakow Sultanskich // Akta THL v Paryzu. 2000. T. 5.

Wimmer J. Wojsko polske w drugiej połowie XVII wieku. Warszawa, 1965.

Woliński J. Król Jan III a sprawa Ukrainy. Warszawa, 1934.

Woliński J. Wojna polsko-turecka w swietle relacji rezydentów austriackich w Turcji // Sdudia i materialy do historii wojskowosci Polskiej. T. VII. Cz. 2. Warszawa, 1961. S. 322–391.

Wójcik Z. Rywalizacja polsko-tatarska w Ukraine na przełomie lat 1660–1661 // Przegląd Historyczny. T. XLV. Z. 4. Warszawa, 1954.

Zrodła dziejowe. T. VI. Warszawa, 1877.

Zródła do poselstwa Jana Gnińskiego wojewody chełmińskiego do Turcyi w latach 1677–1678 / wyd. F. Pułaski. Warszawa, 1907.

Список иллюстраций

Карта Московии Энтони Дженкинсона. Раскрашенная гравюра на меди. 1562 г. Картографическая коллекция Библиотеки Вроцлавского университета, Польша. Публикация по изданию: *Szykuła Krystyna*. Unexpected 16th Century Finding to Have Disappeared Just After Its Printing – Anthony Jenkinson's Map of Russia, 1562. Режим доступа: https://www.intechopen.com/books /cartography-a-tool-for-spatial-analysis/unexpected-16th-century-finding-to-have-disappeared-just-after-its-printing-anthony-jenkinson-s-map-

Фрагмент карты Московии Энтони Дженкинсона с изображением р. Яик (Урал) и сцен из жизни кочевников Ногайской Орды.

Фрагмент карты Московии Энтони Дженкинсона с воображаемыми сценами из жизни казахов.

Карта Руси, Московии и Татарии Энтони Дженкинсона в исполнении Абрахама Ортелиуса. Географический атлас «Theatrum Orbis Terrarum», 1570 г.

Дмитрий Вишневецкий-Байда (ок. 1517 – ок. 1563), староста каневский и черкасский, один из первых гетманов украинского казачества. Картина из Вишневецкого замка. Неизвестный художник. Конец XVIII – начало XIX в. Национальный художественный музей Украины.

Мальчик с кекелем. Самарканд, 1932 г. Фотография П. Кильдюшева.

Иван Подкова, казацкий гетман и молдавский господарь в 1577–1578 гг. Рисунок начала XVII в.

Казак Мамай. Неизвестный художник. XVIII в. Одесский художественный музей.

Казак-бандурист. Неизвестный художник. XVIII в. Национальный художественный музей Украины.

Запорожцы. Гравюра Т. Калинского 1786 г. Публикация по изданию: *Ригельман А. И.* Летописное повествование о Малой России и ее народе и казаках вообще. М., 1847.

Наказание палками у черноморских казаков. Х. Г. Г. Гейслер. Офорт. 1801 г.

Стенька Разин бросает «персидскую княжну» в Волгу. Гравюра. Публикация по изданию: Les Voyages de Jean Struys en Moscovie, en Tartarie, en Perse, aux Indes. Traduits du Hollandais. Amsterdam, 1681.

Киргизы (казахи) на охоте. Дж. А. Сассо. Гравюра. Начало XIX в.

Делии, пограничные воины в Османской империи. Рисунки из альбома «Figures des magistrats turcs», изготовленного во Франции. XVII в. Biblioteka Czartoryskich. Rps. 2426 I.

Ногайский праздник, борьба. Фотография начала XIX в.

Скачки на верблюдах у ногайцев. Северный Кавказ. Гравюра XIX в.

Крымский татарин. Рисунок Ж. Б. ван Мура. Публикация по изданию: *Jean Baptiste van Mour*. Recueil de cent estampes representant differentes nations du Levant tirées sur les tableaux peints d'après Nature en 1707, et 1708 par les Ordres de Mr. de Ferriol ambassadeur du Roi a la Porte… Paris, 1714.

Днепровские пороги. С. И. Светославский. 1885 г. Национальный художественный музей Украины.

Казацкая рада на Сечи. Гравюра Т. Калинского. 1770-е гг.

Новочеркасск, столица донских казаков. Гравюра. Публикация по изданию: *Clarke E. D.* Travels in various countries of Europe, Asia and Africa. London, 1816.

Чумаки. Фотография конца XIX в.
Запорожская землянка. Ж.-А. Мюнц. Рисунок. 1781 г.
Пещерные дома в с. Усатово Одесской обл., основанного запорожскими казаками около 1775 г. Фотография XX в.
Зимовник запорожца Никиты Коржа. Рисунок. 1830-е гг.
Фрагмент карты «Течение Дуная от истоков до устья». Пласидо де Сен-Хелен. Париж. 1703 г. Изображение переправы крымцев для набега на владения Речи Посполитой и боя запорожских или донских казаков (предположительно) с турецким судном на Черном море.
[Запорожский] казак-победитель. Т. Калинский. Гравюра. 1786 г. Публикация по изданию: *Ригельман А. И.* Летописное повествование о Малой России и ее народе и казаках вообще. М., 1847.
Донской казак. Литография 1778 г. из книги: *Ригельман А. И.* История или повествование о донских казаках. М., 1846.
Яицкие казаки в походе. Неизвестный художник. Конец XVIII – начало XIX в.
Пикет уральских казаков. Рисунок Е. М. Корнеева. 1802 г. Из альбома «Народы России, или Описание обычаев, нравов и костюмов разных народов Российской империи», 1813 г.
Казачка [донских] верховых станиц. Гравюра из книги: *Ригельман А. И.* История или повествование о донских казаках. М., 1846.
Пожар в степи. Казахстан. Т. Г. Шевченко. Акварель. 1848 г.
Турецкие галеры в бою [с лодками запорожских казаков] (условное название). Рисунок. Первая половина XVII в. The British Library.
Триумф оттоманской армии. Титульная страница из книги: *Chalcondyles Laonicus.* L'histoire de la decadence de l'empire grec, et establissement de celuy des Turcs, par Chalcondile Athenien. De la traduction de B. de Vigenere Bourbonnois, & illustrée par luy de curieuses recherches trouvées depuis son decés… Paris, 1632.
Ногайцы. Гравюра из книги: *Reuilly Jean Baron de*. Voyage en Crimée et sur les bords de la Mer Noire, pendant l'année 1803; Suivi d'un mémoire sur le commerce de cette Mer, et de notes sur les principaux port commerçans… Paris, 1806.
Татарский лагерь во время похода хана Крым-Гирея 1769 г. Рисунок из книги: Memoirs of the baron de Tott, on the Turks and the Tartars. Translated from the French: in 3 vol. Vol. 2. Dublin, 1785.
Ногайцы на р. Чубутла, Дагестан. Фотография начала XX в.
Город Каушаны, Молдова; резиденция крымского хана. Гравюра из книги: *Kleemann Nikolaus Ernst*. Nikolaus Ernst Kleemanns Reisen von Wien über Belgrad bis Kilianova durch die Butschiack-Tartarey über Cavschan… Leipsig, Johann Paul Krauss, 1773.
Селение буджацких ногайцев. Гравюра из книги: *Kleemann Nikolaus Ernst*. Nikolaus Ernst Kleemanns Reisen von Wien über Belgrad bis Kilianova durch die Butschiack-Tartarey über Cavschan… Leipsig, Johann Paul Krauss, 1773.
Господарь Молдовы Григоре Гике, потомок господаря Георге Гике. Гравюра 1791 г. Публикация по изданию: *Choiseul-Gouffier M. G. F. A. de*. Voyage pittoresque de la Grèce. Paris, 1822.
Карта Северо-Западного Причерноморья 1779 г. Публикация по изданию: *Boskowić R. J.* Reise von Constantinipel, durch Romanien, Bulgarien und die Moldau nach Lemberg in Pohlen… Leipzig, 1779.
Фрагменты карты с изображением нижнего течения рек Днепр и Южный Буг, Запорожской Сечи и Великого Луга; Буджацкой и Очаковской земель, «Ханской Ук-

раины» с городами: Дубассары, Ягорлык, Балта. 1767 г. Публикация по изданию: *Jabłonowski Józef Aleksander, Rizzi-Zannoni Giovanni Battista Antonio*. Karta granic Polski, zacząwszy od Bałty, aż do rzeki Sina-Woda, zawieraiąca słobody Kozakow, Humańskich, y Zaporohowskich, Stépy Tatarow, Oczakowskich, Bessarabskich, y Nogayskich, z ich Ordami, tak ie w roku M.DCC.LXVII (1767) Han-Krymski Poosadzał. 1772. AGAD. Zb. Pop. 437.

Пикет на Кубанской кордонной линии. Литография из книги: *Попко И. Д.* Черноморские козаки в их гражданском и военном быту. СПб., 1858.

Наблюдательный пункт на р. Кубань, с которого черноморские казаки отслеживали черкесов; хаты черноморцев с курящимся дымом для отпугивания комаров. Гравюра из книги: *Clarke E. D.* Travels in various countries of Europe, Asia and Africa. Part the First. Russia Tatary and Turkey. London, 1810.

Черноморский казак. Гравюра из книги: *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов… Т. 4. СПб., 1799.

Черноморский казак. Е. М. Корнеев. Гравюра. Начало XIX в.

Черноморский и гребенский казаки. А.-Т. Биазиоли. Гравюра по рисункам Е. М. Корнеева. Начало XIX в.

Ногайский князь. Е. О. Скотников. Гравюра по рисунку Е. М. Корнеева. 1809 г.

Черкес. Амадео Прециози. Акварель. 1850-е гг.

Кавказский ногаец. Акварель на основе гравюры князя Гагарина. 1843 г.

Караногайская женщина и девочка. Макс Тильке. Рисунок. 1912–1913 гг.

Караногаец. Макс Тильке. Рисунок. 1912–1913 гг.

Кавказский казак. В. А. Каррик. Фотография. Около 1860 г.

Казаки поднимают раненого товарища. Гравюра Ч. У. Чедвика по рисунку Дж. Хэмбиджа. 1915 г.

Казаки форсируют реку. Гравюра Ч. У. Чедвика по рисунку Дж. Хэмбиджа. 1915 г.

Казачий набег на турецкое селение. Ф. Д. Миллет. Гравюра. 1887 г.

Проводы донских казаков на службу. Фотография. Сентябрь 1876 г.

«Празднование соглашения с татарами». А. В. Суворов на пиру с ногайцами по случаю принятия ими российского подданства в 1783 г. Т. Г. Шевченко. Иллюстрация к изданию: *Полевой Н. А.* История князя Италийского, графа Суворова-Рымникского, генералиссимуса российских войск. СПб., 1843.

«Суворов в татарском шатре». Т. Г. Шевченко. Иллюстрация к изданию: *Полевой Н. А.* История князя Италийского, графа Суворова-Рымникского, генералиссимуса российских войск. СПб., 1843.

«Суворов у Потемкина». Г. А. Потемкин отчитывает А. В. Суворова за большие потери во время штурма Очакова. Слева изображен казак-черноморец. Т. Г. Шевченко. Иллюстрация к изданию: *Полевой Н. А.* История князя Италийского, графа Суворова-Рымникского, генералиссимуса российских войск. СПб., 1843.

Встреча приазовских ногайцев с западноевропейским путешественником возле Таганрога. Гравюра. Публикация по изданию: *Reuilly Jean Baron de.* Voyage en Crimée et sur les bords de la Mer Noire, pendant l’année 1803; Suivi d’un mémoire sur le commerce de cette Mer, et de notes sur les principaux port commerçans. Paris, 1806.

Аул оседлых ногайцев в Северном Приазовье. Раскрашенная гравюра из книги: *Schlatter Daniel*. Bruchstücke aus einigen Reisen nach dem südlichen Russland in den Jahren 1822 bis 1828. Mit besonderer Rücksicht auf die Nogayen-Tartaren am Asowschen Meere. Neue wohlfeilere Ausgabe. St. Gallen und Bern, 1836.

Ногайцы в составе казачьих войск, принимавших участие в Наполеоновских войнах. Изображение из книги: Characteristics Portraits of the Various Tribes of Cossacks Attached to the Allied Armies in the Campaign of 1815 taken from life at Paris. London, 1820.

Донские казаки, принимавшие участие в Наполеоновских войнах. Изображение из книги: Characteristics Portraits of the Various Tribes of Cossacks Attached to the Allied Armies in the Campaign of 1815 taken from life at Paris. London, 1820.

Типы «казаков-черкесов», принимавших участие в Наполеоновских войнах. Изображение из книги: Characteristics Portraits of the Various Tribes of Cossacks Attached to the Allied Armies in the Campaign of 1815 taken from life at Paris. London, 1820.

Сибирские казаки в Париже. Изображение из книги: Characteristics Portraits of the Various Tribes of Cossacks Attached to the Allied Armies in the Campaign of 1815 taken from life at Paris. London, 1820.

«Казак-киргиз» в Париже. Изображение из книги: Characteristics Portraits of the Various Tribes of Cossacks Attached to the Allied Armies in the Campaign of 1815 taken from life at Paris. London, 1820.

«Казаки-монголы» в Париже. Изображение из книги: Characteristics Portraits of the Various Tribes of Cossacks Attached to the Allied Armies in the Campaign of 1815 taken from life at Paris. London, 1820.

«Казаки-башкиры» в Париже. Изображение из книги: Characteristics Portraits of the Various Tribes of Cossacks Attached to the Allied Armies in the Campaign of 1815 taken from life at Paris. London, 1820.

«Казак-башкир». Рисунок Ф. В. Шадов-Годенхауз.

Казаки Лейб-гвардии Казачьего полка. Рисунок Р. Жакмин.

«Султан степных киргизов» (казахов) в доспехах и с оружием XVIII в. Фотография, г. Верный (Алматы). 1913 г.

Рядовые Лейб-гвардии Крымско-Татарского эскадрона в 1827–1830 гг. Публикация по изданию: *Висковатов А.* Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Т. 27. Новосибирск, 1944.

Обер-офицер Лейб-гвардии Крымско-Татарского эскадрона в 1827–1830 гг. Публикация по изданию: *Висковатов А.* Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Т. 27. Новосибирск, 1944.

Казак Башкирских кантонов в 1829–1838 гг. Публикация по изданию: *Висковатов А.* Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Т. 27. Новосибирск, 1944.

Обер-офицер Балаклавского Греческого пехотного батальона в 1830–1855 гг. Публикация по изданию: *Висковатов А.* Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Т. 27. Новосибирск, 1944.

Штандарт Войска казаков-некрасовцев (предположительно). Вероятное прочтение по прорисовке: لشكر – лашкар (войско). Начало XIX в. Измаильский историко-краеведческий музей Придунавья.

Задунайский запорожец. С. И. Васильковский. Акварель. 1900 г.

Атаман Задунайской Сечи Осип Гладкий перевозит императора Николая I через Дунай. Литография XIX в.

Территория Азовского казачьего войска. Карта. 1839 г. Публикация по изданию: *Маленко Л.* Йосип Гладкий та Окреме Запорозьке (Азовське) козацьке військо в матеріалах і документах. Запоріжжя, 2010.

Казак Дунайского казачьего войска в 1845–1855 гг. Из издания: *Висковатов А.* Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Т. 27. Новосибирск, 1944.

Обер-офицер Азовского казачьего войска в 1852–1855 гг. Публикация по изданию: *Висковатов А.* Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Т. 27. Новосибирск, 1944.

Пеший казак Дунайского казачьего войска в 1844–1855 гг. Публикация по изданию: *Висковатов А.* Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Т. 27. Новосибирск, 1944.

Уральские казаки в туркестанских (бухарских) халатах, своей повседневной одежде. Фотография. Конец XIX – начало XX в.

Уральские казаки. Фотография. Начало XX в.

Оренбургские казаки с верблюдами. Фотография. Последняя треть XIX в.

Линейный маяк казаков ОКВ для наблюдения за степью. Режим доступа: http://docplayer.ru/39134058-Istoriya-kazachestva-yuzhnogo-urala-i-uyskoy-kreposti-prezentaciyu-vypolnila-izmagambetova-regina.html

Михаил Чайковский (Мехмед Садык-паша), 1830-е гг. Публикация по изданию: *Jadwiga Chudzikowska.* Dziwne życie Sadyka Paszy. O Michale Czajkowskim. Warszawa: PIW, 1971.

Мехмед Садык-эфенди производит смотр казаков из Добруджи и Шумлы. 6 мая 1854 г. Публикация по изданию: *Badem Candan.* The Ottoman Crimean War (1853–1856). Leiden; Boston, 2010.

Офицер и штаб-офицер 2-го (драгунского) полка османских казаков. 1857 г. Публикация по изданию: [*Chaykowski M.*] Kozaczyna w Turcyi. Paryz, 1857.

Офицеры Османского казацкого войска с Мехмедом Садык-пашой, г. Сливен. 1867 г. Публикация по изданию: *Стойчев И. К.* Казак-алая на Чайковски. София, 1944.

Мехмед Садык-паша в начале 1870-х гг. Публикация по изданию: *Jadwiga Chudzikowska.* Dziwne życie Sadyka Paszy. O Michale Czajkowskim. Warszawa: PIW, 1971.

Казаки иррегулярного карапапахского кавалерийского полка «Хамидие». Публикация по изданию: *Lynch H. F. B.* Armenia: Travels and Studies. Vol. 2: The Turkish Provinces. London, 1901.

Военно-историческая карта Северо-Восточного Кавказа. Источник: Исторический очерк Кавказских войн от их начала до присоединения Грузии. Тифлис: Типогр. Канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1899. Режим доступа: https://www.runivers.ru/mp/maps-detail.php?ID=470678&SECTION_ID=8209

Карта Терской области. 1913 г. Источник: Россия. Географическое описание Российской империи по губерниям и областям с географическими картами. СПб.: Типография «Бережливость», 1913. С. 71.

Расселение нагайбаков ОКВ на карте Белебеевского уезда Оренбургской губернии. Первая половина XIX в. Сост. Р. Р. Аминов. Из книги: *Аминов Р. Р.* Татары казаки в составе Оренбургского казачьего войска. Казань, 2017. Вкладыш.

Шагигалей Абдулвагапович Кочуров с семьей. Пос. Варненский (Великопетровская станица ОКВ). Фотография начала XX в. Режим доступа: http://kultcentr.ru/Slavnaja_dinastija.php

Расселение татар-казаков на карте Оренбургской губернии. 1914 г. Из книги: *Аминов Р. Р.* Татары казаки в составе Оренбургского казачьего войска. Казань, 2017. Форзац 1.

План станичного правления. ОКВ. 1897 г. Из книги: *Аминов Р. Р.* Татары казаки в составе Оренбургского казачьего войска. Казань, 2017. Вкладыш.

Фасад станичного правления. ОКВ. 1897 г. Из книги: *Аминов Р. Р.* Татары казаки в составе Оренбургского казачьего войска. Казань, 2017. Вкладыш.

План поселкового правления. ОКВ. 1897 г. Из книги: *Аминов Р. Р.* Татары казаки в составе Оренбургского казачьего войска. Казань, 2017. Вкладыш.

Генеральный план станицы Нижнеозерная. ОКВ. 1867 г. Из книги: *Аминов Р. Р.* Татары казаки в составе Оренбургского казачьего войска. Казань, 2017. Вкладыш.

Дочери атамана поселка Фершампенуазский Ф. А. Танаева. ОКВ. Фотография начала XX в. Режим доступа: http://www.scarb.ru/photoalbum/orenburgskie-kazaki/2vo-okv/fershampenuazskie-kazaki/

Зюлькарнаин Дашкин, командир 14-го Оренбургского казачьего полка. Фотография начала XX в. Режим доступа: http://ria1914.info/index.php?title=Файл:Дашкин_Зюлькарнаин_Шангареевич.jpg

Семья нагайбака Сафронова. Пос. Кассель. Фотография начала XX в. Режим доступа: http://www.scarb.ru/photoalbum/orenburgskie-kazaki/2vo-okv/kasselskie-kazaki/

Карта расселения ногайцев-мусульман ОКВ в 1852 г. Из книги: *Аминов Р. Р.* Татары казаки в составе Оренбургского казачьего войска. Казань, 2017. Вкладыш.

Летняя кухня быв. станицы Никитинской. ОКВ. Рисунок. 1970-е гг. Из книги: *Мухаметшин Ю. Г.*, *Халиков Н. А.* Усадьба тюркских народов: сельское жилище татар Поволжья и Урала (конец XIX – начало XX вв.). Астана: Тюркская академия, 2011. С. 234. Рис. 55.

Саманный дом быв. станицы Григорьевской. ОКВ. Рисунок. 1970-е гг. Из книги: *Мухаметшин Ю. Г.*, *Халиков Н. А.* Усадьба тюркских народов: сельское жилище татар Поволжья и Урала (конец XIX – начало XX вв.). Астана: Тюркская академия, 2011. С. 240. Рис. 66.

Страницы из личных блокнотов казака из татар Ибрагима Махмутова. Пос. Варненский. ОКВ. Конец XIX – начало XX в. Стихотворные строки написаны им в период Русско-японской войны во время нахождения в действующей армии. 1905 г. Из личного архива праправнука автора – Рифата Холматова (г. Челябинск) и электронного архива Р. Р. Аминова.

Список сокращений

AGAD – Archiwum Główne Akt Dawnych, Warszawa
AKW – Archiwum Koronne Warszawskie
BOA – Başbakanlık Osmanlı Arşivi
АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи
Акты Лишина – Акты, относящиеся к истории Войска Донского собранные генерал-майором А. А. Лишиным
АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
Архив СПб. ИИ РАН – Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН
АЮЗР – Архив Юго-Западной России, издаваемый временной комиссией для разбора древних актов
ВДИ – Вестник древней истории
Вестник ОГУ – Вестник Оренбургского государственного университета
Вестник ПУ – Вестник Пермского университета
Вестник ТГУ – Вестник Томского государственного университета
ВЗН – Войско Запорожское Низовое
ВИ – Вопросы истории
Воронежские акты – Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Воронежские акты
ГААРК – Государственный архив Автономной Республики Крым
ГАВО – Государственный архив Воронежской области
ГАДО – Государственный архив Днепропетровской области
ГАКК – Государственный архив Краснодарского края
ГАОдО – Государственный архив Одесской области
ГАОО – Государственный архив Оренбургской области
ГАРО – Государственный архив Ростовской области
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
ГАРязО – Государственный архив Рязанской области
ГАСО – Государственный архив Саратовской области
ГБУТО ГА в г. Тобольске – Государственное бюджетное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске
ДД – Донские дела
ДНИМ – Днепропетровский национальный исторический музей им. Д. И. Яворницкого, Украина
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей
ИР НБУ – Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского
ИТУАК – Известия Таврической ученой архивной комиссии

КС – Киевская старина, Київська старовина
КУ «Измаилский архив» – коммунальное учреждение «Измаилский архив»
МВД – Министерство внутренних дел
НА РБ – Национальный архив Республики Башкортостан
НАН Украины – Национальная академия наук Украины
НКВ – Ногайское казачье войско
ОКВ – Оренбургское казачье войско
ОМДС – Оренбургское магометанское духовное собрание
ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
ОУАК – Оренбургская ученая архивная комиссия
ПИВЕ – Памятники истории Восточной Европы
ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
РГАВМФ – Российский государственный архив Военно-Морского Флота
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
РГИА – Российский государственный исторический архив
РИБ – Русская историческая библиотека
РС – Русская старина
СА – Советская археология
СВП – Свод военных постановлений
СЗРИ – Свод законов Российской Империи
СИРИО – Сборник Императорского Русского исторического общества
СОВДСК – Сборник области Войска Донского Статистического комитета
СПб. ИИ РАН – Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук
СС – Східний світ
СТТГ – Средневековые тюрко-татарские государства
СЭ – Советская этнография
УАЩ – Український археографічний щорічник
УІЖ – Український історичний журнал
ЦГИАК – Центральный государственный исторический архив Украины, г. Киев
ЦИА РБ – Центральный исторический архив Республики Башкортостан
ЧИОНЛ – Чтения в историческом обществе Нестора Летописца
ЧКВ – Черноморское казачье войско
ЧОИДР – Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских
ЭО – Этнографическое обозрение

Именной указатель

Абаз К. К. – 362
Абаш-улан – 208
Аббас – 589, 590
Аббас I – 177
Абд ал-Керим – 208
Абдиров М. Ж. – 87, 88, 90, 91
Абдрашитов – 420
Абдула Григорий – 546
Абдулай-ага – 494
Абдулвагапов – 420
Абдулкарим (Аптакарим, Аптыш, Апкеш) – 300
Абдул-Меджид – 572
Абдулла – 382
Абдуль Меджид – 564
Абзелилев – 421
Аблай – 413
Аблекерим – 389
Абрамов Я. В. – 378
Абрамовский А. П. – 408
Абу-сеид – 591
Абуль-гази – 194
Абрам-Челеби – 612
Абтун – 300
Абулгази Бахадур – 298
Абулхаир – 9, 22, 173, 586–589, 591, 592
Абулхаириды – 590
Абышев Иван – 301
Аваков П. А. – 501, 624
Август II Саксонский – 274, 275, 642
Агай – 300
Агафонов А. И. – 294
Адиль султан – 198
Адыл – 517, 526
Адыл-Гирей – 526
Азбакеев Мамет Мурат – 337
Азбакеев Сабанак – 337
Азехматов Моюмас – 327
Азик (Хаджи-Ахмед) – 208
Азнабаев Б. А. – 185, 188
Айшак – 506
Аикулов Кияк – 342
Аиткулов Аничко – 337
Аиткулов Рахматулла – 303
Акиров Ахмедфазыл – 301, 302
Акутин Иван – 301
Актамбердиева З. С. – 90
Акча-урус – 588
Акчулпанов – 420
Алаба – 300
Алашбахадур – 588
Алей-мурза – 289
Алейников Карп – 389
Алей б. Юсуф (Иван Петров Турченин) – 230
Алейченко Гаврило – 276
Александр (литовский князь) – 215, 216, 219
Александр I – 382, 383, 386, 388, 390, 426, 428, 447–449, 452, 453, 461, 473–476, 482, 483, 485, 486
Александр II – 463, 464, 575
Александр III – 322
Алексеев В. – 233
Алексей Михайлович – 214, 233, 234, 249, 251, 628
Али – 191
Али князь – 231
Али-паша – 545
Али-Хаджи – 588
Алиев Ф. К. – 87
Алике-султан – 589, 590
Алим-Гирей – 390
Алим-Челеби – 609
Алимкул – 305
Алиханов – 404
Аллават-мурза – 501
Аллагур-мурза – 327
Аллакуват-Семиз (Толстый) – 501
Алтыулы – 193
Алышаев Юзюп – 337
Альметевы – 317
Аманов Уразгельды – 301
Амвросий – 568
Аминов Р. Р. – 45, 309
Амирханов – 420
Андреев Ю. В. – 114, 144
Андреева Светлана – 83
Андруша – 220
Анна Ивановна – 369
Анна Иоановна – 300, 405
Анненков – 521, 522

Антипин А. Ю. – 93
Антипин Василий – 533
Антонов Яков – 628
Антонович Владимир – 38, 78, 557
Антонович Семен – 629
Апанович Елена – 79
Аппак – 174
Апраксин П. М. – 371, 503
Апраксин Ф. М. – 502, 504, 620, 626
Араб Мухаммед – 298
Аракчеев А. – 449
Арасланов Надыр – 315
Артамонов В. А. – 34
Артембар – 116
Артемова О. Ю. – 52, 103
Артемьев С. – 500
Аршинский Богдан – 332
Арыков Дмитрий – 301
Асанов Абдулла – 301
Асанов Комбар – 301
Асанов Кунмурза – 301
Асанов Сатбай – 301
Асанов Халил – 301
Аслан-бек – 387
Астаматий Е. – 244
Асфандияров А. З. – 415, 416
Атаджан – 306
Аубакирова Х. А. – 91
Аулия – 194
Ахманаев Аткачарко – 327
Ахмат-хан – 589, 591
Ахматов Боярон (Федоров Иван) – 286
Ахмед III – 253, 254, 520, 549
Ахмеров Хабибулла – 315
Ахметев Сапар – 300
Ахметьянов Р. Г. – 98

Бабур – 15
Багалей Д. И. – 12
Багизбаева М. М. – 89
Багром – 611
Багышов Сафар – 345
Бади ал-Джамал – 591
Байбурин А. К. – 550
Байда Никифор – 508, 546
Байер Г-З. – 395
Байкара Хусейн – 9, 586, 591, 592
Баймеков Балтай – 301
Баймеков Идеркей – 301
Байсеитов Кайдаул – 327
Бакай – 300
Баканов В. П. – 422
Бакций – 609
Балан Штефан – 649
Балатуков Кия бей – 453
Балушка В. Г. – 115
Балыков Абдулвагап – 303
Бандем Д. – 564
Банников К. Л. – 67, 109
Бантыш-Каменский Д. Н. – 33, 71
Барабанщик Григорий – 139
Барак – 587, 588
Баран – 300
Барон де Тотт – 648, 651, 657
Баррет Т. М. – 57, 64–66, 104
Бартольд В. В. – 16, 22, 33, 42, 49
Барфилд Дж. – 55
Басанский Игнат – 543, 544
Бастевик Анастасий – 647, 652
Батал-паша – 583
Баторий Сигизмунд – 614
Баторий Стефан – 597
Батурша – 246
Батыр – 246
Батяков Ю. М. – 110, 115, 117
Баукаев Курбан – 305
Бахметьев Ахтамар (Ивашка) – 286
Бахофен Й. Я. – 99
Бахрулин С. В. – 20, 327, 328, 338
Бахтияр – 589
Бахты-Гирей – 52, 156, 167, 383, 388, 390
Бахши-бек-бахадур (Йахщи-бек) – 588
Бачинская Елена – 83
Башмак Д. – 493
Баязет (Баязет-бий султан Мурат беев) – 292, 294, 384, 385, 467, 469–488
Баязуруков Ислям – 293, 294
Безак А. П. – 428, 430
Безбородко Андрей – 635
Бей-мурза – 390
Бекир-мурза – 383, 387–390
Беклешов С. А. – 383, 384, 482
Бекузаров – 404
Бекташ-ага – 238
Бектеев Иван Максимович – 316
Бектеевы – 315, 317
Бектемиров – 420
Бектемиров (2) – 421
Бектемиров Лабазан – 405

Бек-пулад – 178, 200
Бельский М. – 215, 219
Беляков А. В. – 202
Беннигсен А. – 582, 583
Бенцинг И. – 34
Берг – 306
Берделей Тынмамет мурзин – 327
Бердибек-хан – 587
Бердяев Н. М. – 481
Беректар (Байрактар) Ионица – 649
Берке хан – 124
Беркулак – 300
Бескровный – 659
Бехан – 203
Бибиков Ю. Б. – 583
Биднов В. А. – 17
Бижигитова К. С. – 91
Бикиняков – 421
Билицкий Иван – 519
Билоус Яцк – 220
Билый (Белый) С. – 438
Благова Г. Ф. – 22, 33, 34
Благово В. П. – 366
Блеклый В. – 502
Блиев М. М. – 39
Близнюк Гавриил – 543
Бовгиря Андрей – 70
Богатый Иван – 271
Богуславский А. П. – 426
Богуш Аким – 519
Бозумек – 388
Бойко Анатолий – 80
Бойко Филипп – 383
Болдырев Иван – 152
Бондарев Федор – 652
Боплан Г. – 395
Борак – 31
Борисенок Ю. – 550
Борисов И. – 374
Бородин А. Н. – 303
Бородин Давыд – 303
Ботеев Хр. – 573
Боук Б. – 57, 227, 490, 504, 505
Браило Лукьян – 136
Бранд Адам – 334
Браницкий Ян Клеменс – 645, 656
Брейсвелл В. – 137
Брехуненко В. А. – 57, 82, 162
Бринк И. – 508
Брокгауз Ф. – 394, 411
Брылкин И. О. – 374
Брюховецкий И. – 556
Будагова Л. З. – 33
Будяк Харько – 541
Буканова Р. Г. – 412
Булавин К. – 398, 499, 624
Булатов Сапар – 302
Булгаков Яков – 542, 543
Бураш – 208
Бурджи-Кара-Даулат-ходжа-бахадур – 588
Буреке – 589, 590
Буриев Байдеулет – 339
Бурсак Ф. Я. – 389
Бурундук – 31, 32, 590
Бутков П. Г. – 32, 373
Бутович – 521
Бутурлин Д. – 521
Быкадаров И. Ф. – 394

Вайнштейн Ж. – 129, 193
Валеев Ф. Т. – 339
Валиханов Ч. Ч. – 15, 85
Ван Геннеп А. – 103
Вареник – 658
Варнеке А. Б. (О). – 20, 478
Василевский С. – 458, 459
Василий – 541
Василий (сын боярский) – 286
Василий III – 174
Васильев Лукьян – 517
Васильев Николай – 624, 625, 629
Вебстер Хаттон – 107, 108, 109, 110
Вейнберг Л. – 411
Величко Самийл – 71
Вельяминов-Зернов В. В. – 15, 24, 42, 49
Венков А. В. – 402
Веселая Зденка – 265
Веселовский Н. И. – 579
Вестов Павел – 286
Вешников Андрей – 471, 477
Викандер Стиг – 113
Виниус А. – 339
Витовт – 263
Витола А. В. – 34
Витсен Н. – 96
Витязь Михай – 614
Вишневецкие – 594, 597
Вишневецкий-Байда Дмитрий – 30, 599
Вишневецкий Константин – 597

Вишневецкий Михаил (князь Мисей) – 260, 599
Вишневский В. А. – 20
Владислав IV – 238
Вовк Ф. – 567
Воейков Андрей – 192, 326
Воейков С. – 231
Возняк Михайло – 595
Волжинский В. – 230
Волкова В. В. – 67
Волкова Ф. К. – 549
Волконский Г. С. – 428
Волкорез Д. – 442
Волошенин В. – 233
Волынкин Н. М. – 363
Вольтер – 61
Ворк Сенка – 502
Воронцов Г. – 669
Воронцов М. – 459, 636
Вульф Лари – 61
Выговский И. – 244, 255
Вырский Д. С. – 593
Высоцкий Йозеф – 150, 564

Гагарин М. П. – 331, 339, 350
Гаджи-мурза-бей – 388, 390
Гази – 196
Гази б. Урак – 49, 195–201, 588
Гази-Гирей III – 497
Гайворонский Олекс – 84
Гайдабура Трофим – 451, 452
Гайнутваров Гафьятулла – 303
Галенко Александр – 81, 235
Галим Герай Султан – 81
Галицкий Семен – 655, 656
Галушка Семен – 673
Галькиев Губайдулла – 303
Ганбом К. – 508
Гангардт – 463, 464
Ганус Хаху Ачмазух – 295
Гапонович Р. – 244
Гардовой Иван – 634
Гардовой Яким – 545
Гаркавец А. Н. – 53, 94, 95, 678
Гасан – 530
Гасан-баша – 535
Гатри Мария – 479, 480
Гваньини А. – 97, 594–596
Гераклит – 40
Гербурт Ян Щасный – 597
Гержев – 437
Гермес Б. А. – 340
Геродот – 116, 120
Герцен А. И. – 564
Гея – 147
Гиреи – 48, 168, 197, 198, 207, 264, 267, 268, 276, 490, 492, 497–499, 505, 506, 511, 512, 516–518, 524–526, 529, 530, 580, 649, 657
Гиреи крымские – 8, 174, 580
Гирей – 15, 24, 31, 87, 586–590
Гиренко Н. М. – 115
Гмелин С. Г. – 289
Гладкая Е. О. – 674
Гладкая М. О. – 674
Гладкая Н. О. – 674
Гладкая Ф. А. – 661, 674
Гладкий В. О. – 674
Гладкий Д. О. – 674
Гладкий М. Г. – 659, 660
Гладкий М. М. – 660
Гладкий О. М. – 10, 658–675
Гладстерн Александр – 77
Глебов Иван – 128, 635, 647
Глинский Михаил – 217
Глоба Иван – 140, 535, 630, 635, 637
Гоголь Николай – 607
Годлевский – 584
Годовова Е. В. – 309
Годунов Петр – 331
Голобуцкий В. А. – 38
Головатый А. – 150, 439, 441, 443
Головатый Павел – 535
Головкин Г. И. – 502
Гонтина – 464
Гончар Яков – 546
Гончаров (Гончар) Осип Семенович – 563, 564
Горб Яким – 538
Гордиенко К. – 98, 257, 273, 510, 511, 514, 519–525, 533
Гордиенко Петр – 519, 522, 523
Гордон Линда – 132
Горленко Дмитрий – 254
Горностай Оникей – 220
Горнштейн – 575
Горский А. А. – 112
Грановеттер М. – 137
Греков И. Б. – 28

Грибовский В. В. – 6, 11, 78, 83, 94, 235, 258, 292, 380, 466, 576, 616, 639, 676
Григорьев А. П. – 198
Грох Мирослав – 16
Грушевский М. С. – 13, 17, 38, 42, 77, 78, 163, 240
Губа Иван – 451, 452
Губарев Г. В. – 394
Гугня Василий – 298
Гудович И. В. – 381, 468, 583
Гуж Василий – 519, 525
Гулак-Артемовский – 556
Гулик Мокий – 380
Гулык М. С. – 135
Гуляев А. Л. – 92
Гуляницкий Григорий – 244
Гумилев Л. Н. – 363
Гурьев Семен – 554
Гусак Иван – 517, 519, 525
Гуслистый К. Г. – 27

Дабижа – 561
Давлет мурза Мамбетов сын Муратбеева – 478
Давлетшин Абдулгаллям – 303
Давыденко Александр – 643
Дадеш-ага – 245
Далмат – 544
Даль В. И. – 32
Дамиан – 532
Данилевский Г. П. – 142
Дарвин Ч. – 99
Дарвиш-бахадур – 588
Дауд – 651
Даулат-ходжа – 588
Даутов Акберды – 301
Дашкевич Я. Р. – 79, 82, 235
Дашкины – 315, 317
Дашков – 447
Дашкович Остафий – 218, 219
Де Витт И. – 449
Де Медем И. Ф. – 375
Де Пейссонель Шарль – 168, 264, 648
Де Рибас И. – 434, 443
Де Ришелье – 389, 390, 450, 451
Де Романо – 291, 295
Дебу И. Л. – 362
Девлет-Гирей I – 197–200, 223, 252, 270, 274, 643
Девлет-Гирей II – 156, 252, 257, 497, 502, 504, 516, 523
Девятый Афанасий – 608
Деколонг И. – 345, 346
Деменко Павел – 383
Деникин А. И. – 17
Денисов Д. – 468, 469
Денисов – 437
Дербишев – 420
Деревягин Самойла – 290, 296
Джалалий Филон – 298
Джалдыбаков – 305
Джанай б. Нур-Даулет – 204
Джанибек – 15, 24, 31
Джанибек (казах.) – 87, 586–590
Джарук – 124
Джевдет – 583
Джиенальский Мустафа-Челибий – 478
Джир-Кутла – 587
Джу Юп Ли – 51, 52, 95, 120–124, 146, 592, 679
Джумагалиева К. В. – 88
Джумадук-хан – 587, 588
Джучиды – 15, 24, 173, 587
Дзядулевич Станислав – 641
Дибич И. – 461
Дигилей – 622
Дин ахмед б. Исмаил – 200
Длинный (Терской) Иван – 151
Длугош Ян – 175
Дмитревский М.И. – 158
Долгих Б. О. – 182
Долгорукий В. – 339, 499
Дориенко В. Н. – 31
Дорошенко Д. – 235
Дорошенко Петр – 70, 237, 246–249, 255–257, 265, 563, 680
Драгинич Иван (Ян) – 266
Драгоманов М. П. – 38, 72–74, 617
Дроздовский Ондрей – 594
Дружинин В. Г. – 230, 496
Дружинин К. – 92
Дубман Э. Л. – 56, 58
Дубовиков А. М. – 45, 298, 391
Дубовсков Кузьма – 303
Дубровский В. В. – 76–78, 81, 154, 235
Дубянский Федор – 636
Дука Георге – 250, 257, 266
Дурной Фома – 653
Дюмезиль Жорж – 113

Едисан – 539, 540, 543
Екатерина II – 61, 62, 132, 133, 169, 279, 380, 397, 431, 434, 435, 441, 443, 466, 469, 471, 474, 534, 535, 553, 583, 584, 640, 645, 646
Екешев Бекбылат – 339
Елагин А. С. – 88
Елагин Федор – 332
Елецкий А. В. – 191
Елдаш – 300
Емачтаев Буйдак – 327
Еминек-Гирей – 222
Енбулат – 327
Енгильдеев Казад – 327
Еникеевы – 206, 207
Еникей – 206
Ермак – 176, 178, 180, 182, 184, 188–190, 194, 327, 400
Ермолов А. П. – 375
Есауловский Ортемий – 287
Есеней мурза – 285
Ефремов Д. – 506
Ефрон И. – 394, 411

Жалаири Кадыргали – 87, 586
Жданович Антонович – 239, 244
Жегулин С. С. – 470, 471, 584
Железнов – 303
Жетписбай Н. Ы. – 93
Жетура Стенка – 496
Жиембет – 87
Жученко Ф. – 270

Загидуллин И. К. – 3, 309
Загоровский В. П. – 26, 43
Загубыжинку Иван – 541
Заитов – 420
Зализняк М. – 279, 652, 653–656
Замойский Владислав – 562, 566
Замойский Ян – 262, 265, 614, 615
Зарифов Гариф – 303
Заруба В. – 235
Заседателева Л. Б. – 31, 363, 366, 367
Застырец И. – 549
Захаров И. И. – 299, 300, 405
Зборовский Самуил – 149, 606
Зейналбеков – 404
Зеленский М. – 246
Зеленый – 340
Зенченко М. Ю. – 44
Зиновьев Игнатий – 627
Змеев Богдан – 298, 403
Зубаиров – 428
Зубов П. А. – 433, 434, 443, 444, 471
Зуев Ю. А. – 115, 123, 124

Ибак – 589
Ибн халдун – 122
Ибрагим-паша – 250, 661
Ибрагимов С.К. – 31, 86
Иван Алексеевич (царь) – 251
Иван III – 208, 262
Иван IV – 49, 108, 196, 199, 200, 204, 210, 215, 365
Иваненко Петр (Петрик) – 149, 270, 271, 273, 276, 622, 654
Иваненко Федор Григорьевич – 639
Иванин М. И. – 409
Иванко Иван – 546
Иванов Андрей – 625, 626
Иванов Илья – 151
Иванович Самуил (Самусь) – 269, 272
Иванчик А. И. – 119
Ивашко – 287
Игельстром О. А. – 415, 416
Идаров Кабарда Темрюк – 364, 365
Идегей – 587, 588
Идеркеев – 301
Идес Избрант – 334
Измайловский – 357
Илин-ходжа (Имин-ходжа) – 588
Иловайский – 437
Иман-Гирей – 201
Имашев Назир Карин – 344
Инак-Йаглы-ходжа – 588
Индрис-оглу – 390
Инка-ходжа – 588
Иосиф (митрополит) – 156
Иосифович Василий – 519
Иренчи-султан – 590
Иртышов Девей – 327
Иса Ногай – 124
Исенеев Кутлумамет – 337
Искаев Аркай – 302
Искаков Мурза-Ахмет – 302
Искендеров Мустай – 302
Ислам- Гирей II – 167, 168
Ислам-Гирей III – 167, 168, 242, 256
Исмаил – 196, 198–200
Исмаилов Тюлай – 302

Ицмагулов Мавлекей – 300
Ишкулов Абдулсалих – 304

Йабагу – 588
Йадгар-бахадур – 588
Йакуб – 588
Йакуб-ходжа – 588
Йахши-ходжа – 588
Йомудский С. Н. – 118
Йумадук – 588
Йумадук-бахадур – 588
Йункачук-Толун-ходжа – 588
Йусуф-хаджа – 588

Кабашев Борис – 302
Кабашка – 300
Кабульдинов З. Е. – 90
Кадыр Али-бек – 183
Каженова Г. Т. – 91
Казимир IV – 259
Казимирович Александр – 175
Казнев С. Ш. – 86
Казы-Гирей – 580
Казы-мурза – 203, 578
Казыев Мисост – 370
Кайдаулов Аиткул – 327
Кайдаулов Мамет – 327
Кайдаулов Читей – 327
Кайдаулу – Чайдаулу – 189
Калинеев Али – 344
Калиновский Мартин – 274
Калнышевский П. И. – 128, 137, 534, 535, 651
Камай – 300
Камбулатов Куденек – 403
Каммамет-мурза – 244
Канай – 194
Кан-Мехмед – 246
Кануков Канклыч – 364
Кантакузин – 435
Канчюрин Устемир – 327
Каншуков Кугука – 374
Каплан-Гирей – 252, 275, 280, 497, 511, 512, 526, 658
Каппелер А. – 57
Капуста Лаврентий – 243
Кара-Гадайбек (Кара-Кирай) – 588
Кара-Камыш-Бахрам-ходжа – 588
Кара-мурза – 482, 487
Кара-Ногай – 124, 587
Кара-Усман – 588
Караганов Амин – 301
Карамзин Н. М. – 124, 259, 395
Карамулин Забир – 301
Карга – 300
Карл XII – 252, 254, 273, 510, 515, 519, 520, 617
Кармазин – 459
Кармыш – 286, 288
Карп – 220
Карпов А. Б. – 92, 298, 299
Карпов Ю. Ю. – 115, 152
Картаин Якуб – 297
Касай – 501
Касим-султан – 589
Касим Трегуб б. Улуг-Мухаммед – 203
Касперов И. – 436
Каспулат – 386
Касымов Кенесар – 90
Касымов Саржан – 90
Катанаев Г. Е. – 193
Катанов Н. Ф. – 183
Кателий Анна – 637
Кателий Пантелеймон – 637
Каторжный Иван – 286
Кауфман А. А. – 60
Каховский М. В. – 482, 584
Качони Е. – 450
Келементеев Туюка – 327
Кельсиев В. И. – 564, 575
Кемпфер Э. – 299, 395
Керей – 87, 588–590
Кёпрелю Мегмет Фуар – 77
Кизылбаев Аиткул – 331
Кимиковский П. – 602
Кимиковский Я. – 9, 593, 596–598, 600, 603, 608–616
Киндерман – 351
Кинзекенев Угир-Батан – 409
Кир – 120
Кирей Молодой – 286
Кириленко Иосиф – 519
Кирилов И. К. – 414
Кирни-Таринчак-бахадур (Кирали Тирчак) – 588
Кислицкий Семен – 536
Киценко Н. П. – 38
Клапрот Юлиус – 578, 580, 581
Клепиков Василий – 151, 152
Климовский – 651

Ключевский В. О. – 11–13, 18–20, 26, 395
Кляшторный С. Г. – 86
Кмитич Криштоф – 602
Кобзов В. С. – 407
Кобищанов Ю. М. – 146
Кобыльник Лев – 152
Кобыльский Сенка – 503
Кодан С. – 354
Кожбахтый (Ходжа-Бахты) – 193
Кожухов Онуфрий – 289, 290, 296
Кожуховский Ф. С. – 621
Козак Михаил – 218, 223
Козлов С. А. – 367, 490
Коков Дж. Н. – 32
Кокша-бий – 470, 478
Коленка (Коленко) Герасим – 539, 542
Колодзейчик Дариуш – 81
Колошин А. – 623, 624
Колчак Ильяс – 643
Кольцов-Мвсальский В. В. – 180
Колюбакин П. – 452
Кондараки В. Х. – 128, 130, 131
Конецпольский – 263
Константин Павлович – 559
Коншин Ждан – 594
Копландин Тахлыбай – 337
Корж Никита Леонтьевич – 72, 135
Кориятович Федор – 260
Королев В. Н. – 228
Короленко П. П. – 490
Коротин Е. Л. – 92
Косап Н. – 162
Косинский К. – 142, 608
Костомаров Н. И. – 127, 148, 235
Косторин И. – 531, 532
Котляревский И. – 607
Котляревский Т. – 442
Кохановский (Коханенко) – 147
Коховский В. В. – 640
Коцебу П. – 466
Кочекаев Б. А. – 35
Кочемаметев Кармышан – 337
Кочубей В. П. – 270, 483, 484, 486
Кочуровы – 315, 317
Кошевой – 567
Кошелев Д.Р. – 344
Коширский Андрей – 223
Кошкин – 345
Крадин Н. Н. – 50, 51, 55, 119, 122
Краснов Н. – 293
Кречетников М. – 653
Кречетников П. Н. – 279, 435
Кривецкий Григорий – 536
Крикун Н. – 235
Крипьякевич И. – 235
Кричинский Александр – 266
Криштоф Кмитич – 218
Кронос – 147
Кротков Е. И. – 299, 405
Крым-Гирей – 156, 280, 532, 638, 644–647, 649–651, 658
Крымский Агатангел – 75, 78, 80
Крымский Гаджи Мегмет Сенайи – 81
Крычинский Александр – 641
Кубек-ага – 494, 495
Куватов – 421, 429
Кудагай – 588
Кузик Т. Л. – 144, 630
Кузьма – 287
Кузьмин Емельян – 287
Кузьмин С. В. – 181
Куйшея (княжна) – 294
Кукли И. – 370
Кульмаметев Авазбакей – 337
Кульмаметев Амир – 357
Кульмаметев Нигматула – 356
Кульмаметев (Азбакеев) С. – 331, 339, 342, 344–346, 348, 353
Кульмаметевы – 338, 339, 342, 345, 347, 348, 352, 353
Кульчинский Олесь – 81
Куран Михал – 595
Курманаев Арбин – 295
Курманаев Усман – 294
Курумыша (Куремса) – 258
Курчано-Канчокин – 405
Курчауш – 611
Кусаинова Е. В. – 43
Кутлук-Бука-бахадур – 588
Кутлук-ходжа – 587
Кутлы-кай – 125
Кутугай – 189
Кутук – 327
Кухаренко Яков Герасимович – 673
Кухистани Масуд – 587
Куц О. Ю. – 228, 229
Кучук-Мухаммед – 587
Кучуков – 420
Кучуков Талайка – 327

Кучум – 8, 173, 176–182, 184–195, 326–328, 331, 333, 335
Кучумовичи – 185, 187, 188, 195, 335, 336
Кушкумбаев А. К. – 155
Кушнер П. И. – 112
Кызласов И. Л. – 124
Кылыч-бай-бахадур – 588
Кышлак – 588
Кьопрюлю Фазыл Агмед-паша – 246

Лазько Конон – 541
Ланжерон А. – 450
Лапинский Теофил – 550, 566
Ларшин Иван – 301
Латка Ежи – 575
Латтимор Оуэн – 55, 121, 138
Левитский Г. – 296, 297
Левушковский – 524
Левшин А. И. – 15
Леонтий – 632, 637
Лепьявко С. А. – 57, 59, 261
Лесницкий Д. – 246
Лесун – 220
Лесько – 625
Летин – 407
Летучий – 540
Лешкевич И. Ф. – 467, 577, 581
Лещинский А. – 241
Лещинский Станислав – 273, 524, 642, 643, 657
Лимерик П. Н. – 55
Линтварев – 383
Липранди И. П. – 552
Лисовицкий М. – 444, 445
Литвин Михаил – 221
Лоб Миколай – 593
Лобанов-Ростовский Ф. – 366
Ловчиков С. Б. – 621
Лозинский Степан (Стецик) (Ягорлыцкий Степан, Тягинский Стецик, Иванович Стефан) – 268–271, 384, 654
Локк Дж. – 59, 61
Лорд Пальмерстон – 561
Лорд Стратфорд дэ Рэдклифф – 565
Лотман Ю. В. – 550
Лоуи Роберт – 103
Лукиан – 139
Лунин Б. В. – 301
Лысой Дмитрий – 554
Лысяк-Рудницкий – 560, 561, 563
Львов Л. – 14
Любавский М. К. – 12, 13
Любомирский – 645, 650
Людовик XIV – 251
Люлька – 533, 545

Мавлют (Мавлютка) – 287, 288
Мавлютов – 421
Мавродин В. В. – 363
Мазепа И. С. – 146, 147, 251, 252, 257, 270, 273, 276, 401, 510, 514, 515, 530, 533, 567, 621–624, 680
Мазур Феодосия Андреевна – 660
Македонский Александр – 393
МакНилл У. Х. – 56
Максимилиан – 597
Максимов Любим – 286
Максуд-Гирей – 657
Максютов – 421
Малашевич Иван – 517, 519, 525
Маленко (Рощина) Л. М. – 431, 658
Малеча Н. М. – 92
Малинин К. Н. – 404
Малиновский Б. К. – 50, 159
Маляр Андрей – 539
Мамайский Абдули-ага – 453
Мамеделеев Акшац – 337
Маметев Аслан – 627–629
Мамонов В. Ф. – 392, 403
Маноцкий – 493, 497
Мансур (имам) – 581–583
Мануйлов Васка – 496
Манчукова Асир – 293
Манштейн Х. Г. – 127
Маркевич Николай – 71
Маркедонов С. М. – 36
Марков Д. – 493
Марковенюк – 564
Маркс Карл – 38, 59, 99, 113
Марр Н. Я. – 33
Мартынов – 437
Марций И. Ю. – 299
Масленников – 344
Масянов Л. Л. – 307
Матаев Дуламбек – 294
Матвеев А. В. – 190
Матвеев К. – 233, 620
Махмуд – 372, 554, 590
Махмуд-Султан – 554
Махмуд-ходжа – 587

Махмутов – 421
Махмутов Ибрагим – 763
Мацузато К. – 375
Мачанов А. Е. – 20
Мегмет-Гирей – 473
Мегмет Федта – 625
Мейер М. С. – 34
Мельниченко Д. – 229
Мельниченко М. – 229
Мемеков Абдула – 301
Меметев Алейко (Али) – 620
Менгли-Гиреи – 517
Менгли-Гирей – 175, 208, 215–217, 242, 245, 258, 580
Менгли-Гирей II – 526
Мендиев – 421
Меретек – 174
Мертваго Д. Б. – 384, 469, 480, 482–484, 486, 487
Мехмед IV Авджи – 238, 239, 241–245, 247–250, 254, 257
Мехмед-Гирей – 242, 273, 274, 473, 643
Мехмед-Садык паша – 548, 555
Мещеряк Матвей – 400
Мещеряков И. – 374
Мид М. – 104
Микашинский Богдан – 599, 608
Микей – 599
Микифоров Павел – 230
Микошинский Б. – 608
Миллер Г. Ф. – 132, 179, 189, 190, 326, 327, 333
Милорадович Г. П. – 382
Мильчев В. И. – 57, 162, 509, 534
Милютин Д. А. – 373
Минаев Ф. – 232, 285, 496
Мининков Н. А. – 41, 66, 131, 228, 393
Миних Б. К. – 644
Мирза Гази б. Урак – 195, 198, 201
Мирович Ф. – 273, 531, 533
Миронов – 531
Митис Иван – 541
Митрофанов Андрей – 629
Михаил Николаевич – 376
Михаил Федорович – 212, 367, 396
Михайлов Иван – 286
Михайлович Гаврила – 622
Михайловский Н. К. – 103
Михельсон И. – 451, 452, 473, 476
Михнева Р. А. – 34
Мицкевич Адам – 556, 568, 572
Мичинский – 275
Мнишх Ежи – 656
Мнь В. – 403
Модерах – 420
Молчанов Степан – 332
Молчанов Ф. – 493
Морган Л. Г. – 59, 69, 99, 101, 103, 106, 107, 110, 113, 115, 138
Мороз Яков – 661
Мосс М. – 162
Мубарак-ходжа – 587
Мульмин Мухамет – 301
Мунасыпов – 421
Муравский Хусейн – 266
Муравьев – 636
Муравьев М. А. – 150
Мурад-Гирей – 168, 198
Мурад-паша – 239
Мурад-султан – 371
Мурадн – 382
Муртаза – 194
Муртазалей – 493
Муртазин – 420
Муртазин Мустафа – 315
Муса – 386, 589, 590
Мусек-мурза – 208
Мустаев Барын – 301
Мустакимов И. А. – 226
Мустафа – 388
Мустафа Наима – 241
Мустафа III – 646, 647
Мустафа-Челебей – 609
Мусырманов А. Ш. – 90
Муфтизаде Исмаил – 640
Мухаммед-Гирей I – 168
Мухаммед-Гирей II – 201
Мухаммед-Кул-Маметкул – 177
Мухаммед-Салих – 590
Мухоммед Неджати-эфенди – 617
Мысаковичи – 641
Мыцик Юрий (Мыцык Юрий) – 79, 81, 235
Мышецкий С. И. – 161
Мякушин Н. Г. – 92

Надир-шах – 300, 405
Надыров Нияз – 302
Надыров Урмашко – 337
Назметдинов Шайхутдин – 302

Наливайко С. – 144, 608, 614
Намжалов Мавлекей – 302
Наполеон – 292, 423
Нарышкин Д. – 461
Натура Игнат – 536
Науакрат Фетка – 586
Наумов С. Н. – 88
Науруз – 588
Нахимовский Ф. – 531, 533
Нащокин Г. – 231
Небольсин П. – 328
Недзельский Самуил – 645, 646
Незаимовский Василий – 662
Некрасов Игнатка – 497–504
Некулче Ион – 643
Немчинов М. – 458
Неплюев А. – 531
Неплюев И. И. – 32, 166, 300, 415, 647
Несецкий К. – 615
Нессельроде К. В. – 553
Нестеров – 495
Нестроев – 483
Нестулий – 521–523
Нигаев Давлет-Галий – 302
Ниженец Иван – 644
Никитин Н. И. – 30, 31, 42, 336
Никифоров А. – 530, 531, 647
Николай Александрович – 302
Николай I – 302, 406, 460, 553, 554, 559
Николев – 473
Нималт Николай – 628
Ничипор – 541
Ниязов Бикмурат – 302
Ниязов Джиенгияз – 478
Новицкий Г. В. – 33
Новицкий Яков – 80
Новосельский А. А. – 26–28, 44, 198
Новый Иван – 541
Ногай – 124, 125
Ногай Гайса Иса Кутар Татар – 125
Нос М. – 564
Нос Наум – 143
Носов Яков – 148
Носовский Г. В. – 393
Нурадын – 125, 167, 168
Нуралин – 302
Нуралин Шарафович Будай – 302
Нуралихан – 301

Оайон И. – 51
Обресков А. М. – 280, 531, 656
Оглоблин Александр – 75
Окиншевич Лев – 75
Окоцкий – 366
Олеарий А. – 131
Оливка – 608
Олийнык А. Л. – 38, 82
Олийченко Гаврило – 276
Ольбрахт Ян – 223, 259
Омер-паша – 564
Опара Степан – 245, 246, 255
Орел Матвей – 388
Орешкова С. Ф. – 34, 45
Оришовский Ян – 607
Орлик Филипп – 252–254, 257, 273–276, 510, 511, 521, 522, 533, 567, 624, 642, 643, 680
Орлов – 554
Орлов А. Г. – 432, 554
Орлянский Антон – 167
Осман-ага – 238, 239
Осман-паша – 366
Османов М. – 95
Осорио Педро де Толедо – 613
Остапчук Виктор – 81, 83, 235
Острожские – 594

Павел I – 145, 412, 416, 417, 420, 444–446, 468, 471–474
Павло – 541
Паисий – 148
Палей – 276
Палий Семен – 269, 272
Паллас П. С. – 97, 300, 405, 470, 639, 640
Панашенко Вера – 79
Пангаев Абдулкарим (Аптыш) – 301
Панин П. И. – 280, 641, 658
Папков А. И. – 42, 43
Пархоменко Владимир – 77
Пасвант-оглу – 473
Паскевич – 564
Пахомов Савка – 496
Пацевич Юрий – 215
Пашковские – 594
Пашковский Мартин – 593–600, 605, 607, 609, 612, 615
Пашковский С. – 594
Пашковский Станислав – 594
Перебейнос Макар – 540
Перекопские – 220

Перовский В. А. – 306, 409, 422, 424, 425
Петев-паша – 557
Петр I – 273, 290, 299, 300, 309, 322, 360, 369–373, 397, 405, 413, 496, 502, 509, 510, 517, 521, 524, 528, 620, 621, 626–629, 643
Петр III – 644, 645
Петров Александр – 286
Петров (прапорщик) – 543
Петровский М. – 235
Петрунь Ф. Е. – 267
Петухов – 357
Пилипенко Владимир – 595
Пилипчук Я. – 235
Пирбудак – 591
Писарев С. – 376
Писаренко Д. С. – 378, 379
Писарец Степан – 542
Пищулина К. А. – 590
Плаза Ян – 594
Платов М. И. – 487
Платов (полковник) – 437
Плещеев Л. А. – 413
Пляка Михаил – 275, 276, 521–523
Пневский Мартин – 608
Пниовский – 608
Поганские – 596
Погодин М. П. – 551
Подкова Иван – 262
Подлесецкий И. – 451–453
Познахирев В. В. – 618, 619
Покровский М. Н. – 19–22, 24
Поланьи К. П. – 50, 159, 169, 170
Полов Д. – 452
Полозович Семен – 216, 218, 602
Полонская-Василенко Н. Д. – 21
Полторак В. Н. – 547
Помело Т. – 664
Пономаренок – 671
Понятовский Станислав – 652
Попко И. Д. – 362, 363
Попов В. С. – 584, 585
Попов Гарбет – 651
Потанин Г. Н. – 13, 55, 120, 122
Потемкин Г. А. – 140, 145, 397, 431, 433, 435–441, 443, 445, 446, 467, 536, 544, 582, 584, 640, 760
Потоцкий Ю. – 252, 273, 643, 645
Потоцкий Я. – 143
Потто В. А. – 360, 363, 379
Похил Андрей – 383
Претвич Бернард – 149
Пригарин А. А. – 547
Прицак Е. И. – 53, 80, 235, 238, 561
Прозоровский А. А. – 435, 536, 624
Прокопович Феофан – 132
Пронштейн А. П. – 282
Пропп В. Я. – 157
Прицак Е. И. – 53, 80, 235, 238
Прицак Лариса – 82
Прицак Омельян – 82, 561
Псомас – 450
Пугачев Е. – 63, 301, 317, 346, 398
Пузаткин Василий – 300
Пулавский (Ксаверий Франтишек) – 656
Путятич Дмитрий – 216
Пушкин А. С. – 151
Пушкин Петр – 333
Пущ – 540
Пшеапшоки Кайтукин – 203

Равский – 563
Радзивилл Станислав – 597
Радкау Й – 367
Радкевич – 532
Радлов В. В. – 16, 33, 42, 49, 95, 183
Разин (Степан, Стенька) – 64, 127, 141, 147, 148, 156, 299, 395, 398, 401, 490
Разумовский Кирилл – 631, 635
Ракович Семен – 250, 251
Раковский Г. – 573
Рамазанов Велидов Велид – 295
Рамм Жильбер – 581
Рамстедт Г. И. – 96
Ратцель Ф. – 99, 103, 146
Рахимов Р. Р. – 114
Рахматуллин Габайдулла – 315
Рашид ад-Дин – 153, 154, 183
Рем Э. – 113, 115
Репнин Н. В. – 656
Решетников Р. – 509
Решид-паша – 562, 563
Рибер А. – 57
Ригельман А. И. – 289, 291
Родионов – 437
Розанде Василий Лупул – 265
Розенберг А. Г. – 386, 450, 479, 480, 482–485
Романовы – 62, 379, 431, 529, 652

Ромодановский Г. – 244, 245, 249
Россолода И. И. – 98
Рубо Ф.А. – 360
Рудзевич Абаз – 641
Рудзевич Александр – 640, 641
Рудзевич Давид – 641
Рудзевич Давид (2) – 641
Рудзевич (Ладыженская) Екатерина – 640
Рудзевич (Шостак) Елизавета – 641
Рудзевич Константин – 640
Рудзевич Мустафа – 641
Рудзевич Роман – 641
Рудзевич Юзеф – 641
Рудзевич Яков (Якуб ага) – 10, 277, 280, 638–641, 644–658, 667
Рудзевичи – 641
Рудницкий Евгений – 560
Ружинский Богдан – 607
Ружинский Кирилл – 607
Ружинский Михайло – 599, 605–607
Румянцев П. А. – 435, 443, 534
Рыбак Николай – 560
Рыблов М.А. – 31, 67, 68

Сабитов Ж. М. – 85, 586
Сабур-Шайх-бахадур – 588
Савельев Е. П. – 14, 392–394
Савельев Козьма – 629
Савич – 459
Савич С. – 242
Савичев Н. Ф. – 409
Сагайдачный – 127
Сагнаева С. К. – 93
Сагятов Абдульман – 315
Садовников Д. Н. – 127
Садиков П. А. –198
Садык-паша – 548, 549, 555–557, 561–566, 568–570, 572–576
Саид-Ахмед (Сейдяк) б. Бек-Пулада – 178, 190
Саид Э. В. – 54
Сайид-Ахмед хан – 87
Салинз М. Д. – 50, 52, 105, 159, 679
Самаренин Михайло – 233
Самойлович А. Н. – 16, 23, 33, 34, 94, 95
Самойлович Григорий – 251
Самойлович И. С. – 164, 249, 251, 252, 257, 266
Самуил (Сулейман) – 643
Санганова Л. М. – 89
Сангушко Дмитрий – 262
Сангушко Роман – 262
Сангушко Федор – 262
Санин Г. А. – 34, 236
Санин О. Г. – 45
Саратовец С. – 493
Сарницкий С. – 155
Сары-Азман – 14, 402
Сарыг-Шиман мангыт – 588
Сарычор – 222
Сасы-Ногай (Сасы-Буга) – 124
Сатылган б. Нур-Даулет – 208
Сафа-Гирей – 497
Сафаргалиев М. Г. – 28
Сафаров – 345
Сахиб-Гирей – 220, 222
Сацюк О. – 58
Сватиков С. Г. – 17–19, 55, 59
Сверчовский Иван – 262
Святослав Игоревич – 20
Сеадет-Гирей – 512
Северин Иван – 544
Сейдяк (Саид-Ахмед) – 178, 190, 589
Сейплаев Байрам – 294
Секит-имелдеш – 365
Селим-Гирей – 245, 250, 388, 492–495, 497, 647, 649, 650
Селим III – 582
Семенеев Мамет (Ишмамет) – 337
Сенковский Ю. Ю. – 15, 16
Сень Д. В. – 58, 225, 489, 579
Сенюткин Н. – 295
Сенявский Адам-Миколай – 272, 275
Сервис Э. – 51
Сергеев А. – 473
Сергеев П. – 233
Сергеев Сава – 621
Середа А. Г. – 82, 84, 264, 267, 277, 648
Серк Иван – 71
Сефевиды – 364
Сефер-Гирей – 245
Сигизмунд – 218–220, 222, 224
Сигизмунд Август – 150, 223
Сигизмунд Ваза – 597
Сигизмунд III – 595
Сидоренко Павел – 519
Симаков Г. Н. – 157
Синельников Иван – 544
Сирко Иван – 132, 163, 164, 560

Сирчак – 671
Ситдиков А. Г. – 3
Сияуш-паша – 243
Скальковский А. А. – 72, 74, 76, 133, 473
Скаржинский П. – 436
Скок Леонтий – 546
Скоропадский И. – 257, 273, 510, 521
Скрылов А. И. – 394
Скрынников Р. Г. – 178, 289
Скрынников Т. Д. – 119, 122
Слабченко М. Е. – 21, 38
Сливицкий И. А. – 360, 369
Словцов П. – 186, 342
Слоновский И. П. – 673
Смаил-мурза Султан Мурат-беев – 478
Смаилов Ежудай – 302
Смирнов А. – 400, 401
Смирнов А. В. – 122
Смирнов В. Д. – 28
Смит Адам – 159
Снесарев Г. П. – 50, 114, 116, 117, 155
Снядецкая Людвига – 560
Соин (Емельянов Семен) – 391
Соловьев С. М. – 11, 13, 18, 26, 395
Солтан Иван – 554
Сомко Яков – 244
Спафарий – 178
Сперанский М. М. – 354, 359
Срезневский И. И. – 32
Сталин И. В. – 27
Станиславский В. – 235
Стахиев А. – 540
Степанков Валерий – 79, 182, 235
Степанов Левка – 492
Степанов Матвей – 622–625
Стець – 269
Стойчев Иван – 575, 762
Стороженко И. С. – 57, 82
Стрейс Ян – 127, 148
Стрет – 220
Струве В. В. – 24
Стрыйковичи – 260
Стрыйковский – 218, 260, 609
Суворов А. В. – 466, 577, 578
Суджук-кале Ферах Али-паша – 579
Суйунч-ходжа султан – 589, 590
Сулейман I – 200
Сулейман-паша – 233, 234
Сулейманов – 315
Сулименка (Сулименко) Т. – 266, 267
Сулин И. – 293
Султаков – 421
Султан – Махмуд – 588
Султанов Т. И. – 86
Суров А. А. – 398, 411
Суровцов Андрей – 636
Суфи-бек – 388
Суфра-ходжа (Сафар-ходжа) – 588
Сухарев А. – 351
Сухина Иван – 538
Суходольская Каролина – 561
Сухоруков В. Д. – 233, 288–290
Сухтелен П. П. – 306
Сыч Василий – 524
Сэбол С. – 60–63
Сюндюков Гусман – 304

Тайбугиды – 178, 190
Тайгер Л. – 103, 111, 139
Танай – 388
Тангаев Сююндук – 302
Тангаев Шамай – 302, 304
Тангатаров Искендер – 302
Таран Григорий – 546
Тарановский Андрей – 598
Тарасов Д. К. – 426
Татар – 124
Татаринов – 478
Татауров С. Ф. – 190
Татищев В. Н. – 300, 405
Тахир-хан – 86
Тахт-Эли – 49, 174, 175, 589, 591
Тевкель – 413
Текеля Петр – 535, 536, 556, 582
Темирбаев – 421
Темиргалиев Р.Дж. – 87
Тенеш – 246
Тепенеев Кумай – 302
Терентьев Г. – 499
Тернер Ф. Дж. – 18, 56, 59
Тетеря Павел – 242, 245
Тимашев – 426
Тимуриды – 501
Тимур-бей – 575
Титаревский Василий – 519
Товбич Василий – 674
Товстык А. С. – 150
Тоган А.З. В. – 86
Тойнби А. Дж. – 37
Токсарид – 139

Толстов С. П. – 50, 114, 118, 123
Толстой И. А. – 500–503, 627
Толстой П. А. – 252, 501
Толыбеков С. Е. – 29
Тонкач – 208
Топаев Сапрык – 294
Тохтамыш – 125
Тохтамыш-ага – 242
Тревогин Т. – 387, 389, 485–487
Трепавлов В. В. – 6, 46–50, 123–125, 173, 289, 290, 676, 679
Третной Федор Васильевич – 204
Трубецкой А. – 332
Трубецкой (князь) – 437
Туглук-Тимур – 587
Тука-Тимур – 586
Тука-Тимуриды – 587
Тукало Яков – 519
Тул-Мухаммед – 192, 193
Туманский Осип – 635
Тумилевич Т. И. – 287
Тумилевич Ф. В. – 574
Тура-хан – 188
Туранлы Ферхад – 81, 235
Турецкие – 220
Туркеня – 287
Тучков С. – 663
Тынмаметов Кучук – 327
Тынышпаев М. Т. – 23, 32, 86
Тычинских З. А. – 45, 326
Тюменцев И. О. – 44
Тюняев Узбек – 302
Тягун Максим – 538, 540
Тяпкин В. – 251

Угренинов С. – 88
Узун-ага – 540
Улуг-Мухаммед – 203, 587
Ураев Абыш – 302
Уразахмет (Уразмет, Урай) – 300
Ураз-Мухаммед – 87
Ураков Хорошай – 501
Уран – 147
Урус – 9, 196, 586, 587
Урушадзе А. Т. – 360
Уруш-бахадур – 588
Усенко О. Г. – 490, 504, 505
Усман-бахадур – 588
Усманов М. А. – 586
Устимович Филипп – 644
Устрялов Н. Г. – 551
Утяпов Апкеш – 302
Уффельман Д. – 54
Ушаков А. – 516
Ушурма (Шейх-Мансур) – 581, 582

Фаркоч Стефан – 616
Фаткулин Насыр – 305
Фатх-Гирей – 198
Федоренко А. – 391
Федоров Афонька – 496
Федоров Григорий – 165
Федоров Л. – 232
Федоров С. – 231
Федор Иоаннович – 365, 366
Федорович Павел – 519
Федорук Я. – 235
Фейзулла Эфенди – 541
Фердинанд III Габсбург – 243
Ферстер Е. – 452
Филиппов Иван – 519
Филипов Т. – 233
Фишер А. У. – 264
Флетчер Джильс – 361
Флори Б. – 236
Фоменко А. Т. – 393
Фон Вейсбах Иоган-Бернгард – 528
Фон дер Гольц К. А. – 644, 645
Фон Тальман Йоган – 511
Фра Мауро – 587
Франц Алфер – 479
Францева Мария – 479, 484
Фрейман – 300
Фрид М. – 51
Фридрих II – 532, 644, 646
Фридрих-Август – 524
Фробениус Лео – 112, 113
Фролов – 369
Фрунзе Иваница – 649

Хабибуллин – 420
Хагондоков – 307
Хаджи-Гирей – 258, 264, 635
Хаджи-Мехмед – 538
Хаджи-Мухаммед (царь Азим) – 177
Хазанов А. М. – 55, 61, 140
Хаип –хан – 339
Халанский Г. М. – 375
Халецкий – 524
Халиков Н. А. – 309

Халил – 388
Халил-ага эфенди – 467
Халим-Гирей – 634, 650
Хаметьев Ахмет – 302, 304
Хамза-султан – 589
Хамзин Айдемир – 371
Хан-Гирей – 33, 152, 169
Хан Есим – 87
Хан Мирза – 298
Харламов В. А. – 394
Харламов П. К. – 394
Харлампович Костя – 75
Хасан-Али – 582
Хасан-паша – 502
Хвильовый Микола – 37
Хейзинг Й. – 112
Хмельницкий Богдан – 70, 76, 78, 79, 82, 85, 147, 148, 237–245, 249, 254–257, 265, 270, 562, 680
Хмельницкий Тимофей – 265
Хмельницкий Юрий – 70, 244, 245, 249, 250, 255, 256, 265, 266
Хобсбаум Э. – 111, 148
Хованский П. И. – 499, 500
Ходарковский М. – 57
Ходжалак – 588
Хоментовский Станислав – 511, 514
Хондемир – 591
Хорбат (Хорват) Василий – 140, 142
Хорват И. И. – 382
Хорезми-бек – 590
Хорошкевич А. Л. – 41, 42
Хорошхин – 306
Хоутсма М. Т. – 16, 95
Христос Иисус – 544
Хулагу-хан – 124
Хункалов Ахмет-бей – 453
Хусаинов Бухар – 305
Хьофлер Отто – 113

Цебриков Р. М. – 150
Циолковский Т. С. – 425
Цыбикдоржиев Д. В. – 50, 115, 120, 122, 126, 168

Чайка – 556
Чайковский Адам – 560, 561
Чайковский Владислав – 548, 573, 576
Чайковский Михаил (Мехмед садык-паша) – 548–551, 553, 556, 559, 762
Чалый – 671
Чарнецкий С. – 244
Чарторыйские – 567
Чарторыйский Адам – 556–559, 561–570, 572–576
Чатаджалы Хаджи Али – 543
Чаянов А. В. – 106
Чеботарь О. – 233
Челеби Сейфи – 191
Челобитчиков С. – 458
Чепига (Чепега) З. – 438, 442
Чептаряков – 420
Черемысин И. – 364
Черкас – 651
Черкас Б. В. – 215
Черкасов Дмитрий – 332
Черкасская Т. С. – 493
Черненка Ф. – 443
Черницын С. В. – 40, 282
Чернов Герасим – 545
Чернышев Ефрем – 345
Чернявский Василий – 630
Чернявский Петр – 639
Чертков В. А. – 651
Чехов А. П. – 64
Чжажеев Кучюк – 302
Чиданов Семен – 409
Чика-Зарубин – 398
Чингизиды – 4, 9, 127, 187, 204, 264, 591, 592
Чингизиды касимовские – 203, 207
Чингисхан (Темуджин) – 121–123, 126, 153
Чорали – 388
Чорновол И. П. – 55, 63
Чубеков Искендер – 302
Чугуевец Варвара – 637
Чугуевец Иван – 10, 630–639
Чугуевец Мария – 637, 639
Чумаков – 384
Чухлиб Т. В. – 82, 83, 235, 266, 267
Чюлдашин Урманай – 302
Чюрносов К. М. – 490

Шагаферов Шамши – 345
Шагизьянов Сахаутдин – 304
Шагизьянов Шайхаттар – 304
Шагин-ага – 242
Шагин-Гирей – 164, 281, 467, 505, 508
Шадибек-хан – 591

Шайх-Мухаммад-бахадур – 588
Шайх-суфи – 588
Шакманов Али – 376
Шарапов – 357
Шафировий П. – 253
Шах-Али – 209
Шаяров Шайхатдин – 304
Швыдкой Василий – 634
Шевченко Карп – 546
Шевченко Тарас – 557, 597
Шеин А. С. – 622, 623
Шейбани Мухаммед – 9, 31, 173, 586, 589, 590, 592
Шейбани-хан – 31
Шейх-Ахмед – 175
Шейх-Мамай – 193
Шейх-Мансур – 580–583, 682
Шейх-Хайдар – 589
Шеншин – 521
Шернез – 648
Шерстюк Василий – 533
Шестакова С. И. – 425
Шехбаз- Гирей – 169
Шидловский Ф. – 504, 522
Шило Семен – 653, 657
Ширинский Али мурза – 453
Ших мурза – 366
Шиц – 584
Шиян Р. И. – 57
Шмаргун – 564
Шостак А. И. – 384, 478, 484, 640
Штефельн Х. Ф.– 435
Штокль Г. – 42
Штофельн – 638
Штригель Мусий (Моисей) – 537, 538, 542
Штукарев И. – 467
Шувалов Павел – 575
Шулошников А. П. – 24
Шульгин Иван – 336
Шумовский Юрий – 110
Шурц Г. – 99–108, 110–116

Щапов А. П. – 13, 55
Щеглов И. – 355
Щепанская Т. Б. – 64
Щербатов Меркурий – 608
Щербина Андрей – 531
Щербина Д. – 567
Щербина Ф. А. – 13, 17, 369
Щербюкеев Джуман – 301

Эдиге – 125, 126, 481
Эмин-Гирей – 221
Энгель Йоган Христиан – 71
Энгельс Фридрих – 38, 39, 59, 69, 99, 106, 110, 113, 115, 138
Эткинд А. М. – 12, 40, 54
Эссен – 426

Юдин В. П. – 53, 86, 96, 678
Юнг – 393
Юнос-оглу – 552
Юргевич Бартоломей – 596
Юсуп-паша – 247
Юсупов – 421
Юсупов Утяп – 302
Юсуф – 196
Юсуф-мирза – 402
Юшков И. Н. – 359

Яворницкий Д. И. (Эварницкий Д. И.) – 13, 17, 59, 74, 76, 539, 659
Ягорлык – 269
Ядигер – 589, 590
Ядринцев Н. М. – 13, 55
Язловецкий Ю. – 599, 615
Языков Н. – 540
Яковлев Федор – 332
Якубовский А. Ю. – 16
Якупов – 420
Якушка – 229
Ямгурчи – 196, 589
Ян II Казимир – 240, 245
Ян III Собесский – 249, 251
Янглычев Сунчалей – 403
Янтур – 332
Янчевский Н. Л. – 21
Яраслан-мирза – 298
Ярошенко А. Д. – 27
Яценко В. Б. – 70
Яценков – 486

Географический указатель

Абалакский городок – 178, 345
Абинская станица – 465
Абызовский юрт – 356
Авария – 406
Австрийская империя – 257, 561
Австрия – 564, 565, 573
Аграхань – 372, 491, 492
Адады – 382
Адамополь (Полонезкёй) – 557, 566, 576
Адрианополь – 238, 250, 541, 542, 545, 663, 664
Азиатская Россия – 401
Азия – 37, 360, 364, 392, 611
Азов – 18, 27, 41, 164, 174, 197, 199, 201, 204, 225–227, 229–234, 263, 282, 284–290, 296, 489, 491, 492, 494, 495, 497, 501, 503, 616, 619–629
Азовская губ. – 536
Азовское море – 176, 455, 468, 469, 526
Азовское побережье – 462
Айдимирз – 570
Айтамгалы – 487
Аккерман (Белгород, совр. Белгород-Днестровский) – 459, 460, 532, 539, 600, 601
Аккерманский у. – 450, 457, 458
Акмангит – 460, 463
Ак-кьой (Бяла) – 539
Ак-мечеть – 131, 306, 424
Алабайтал – 323
Алабугский редут – 318
Алания – 609
Алатау – 586, 587
Алатырский у. – 209
Албания – 433
Александрийский у. – 139
Александровка – 450
Александровск – 675
Александровский у. – 455
Алеппо – 609
Алешек – 440
Алешка – 510, 515
Алешки – 515–518, 545
Алешковская Сечь – 515–517
Аллабердина – 427
Алматы – 89
Алтай – 16, 195
Алупка – 449
Америка – 59, 61, 63, 107
Амур – 402
Анапа – 9, 381, 457, 462, 578–584
Анапа, р. – 495
Анапа, станица – 457, 465
Анатолия – 508, 553, 568
Англия – 239
Ангурия – 609, 611
Андижан – 306
Андреев Городок Каменный (Темгенево) – 203, 204
Апеннины – 393
Арала – 306
Ардонская станица – 375
Арзамасский у. – 209
Арнаутовка – 436
Архангельск – 301
Архипелаг – 432, 434, 444
Архонская станица – 375
Астафьевский – 323
Астрабад – 591
Астраханское ханство – 176, 196, 202, 204, 209, 328, 364
Астрахань – 130, 148, 196, 198–201, 209, 228, 285, 312, 361, 364–366, 400, 589, 598
Атбашский острог – 336
Африка – 110, 112
Ахтанизовский лиман – 383, 386, 388
Ачуев – 499, 578
Ашерадин – 211
Аялынская вол. – 186, 189

Бабадаг – 513, 541, 545, 554
Базавлук – 136, 607
Базалия – 597
Байгаринский юрт – 356
Бакалы – 325
Баксаевская крепость – 301, 407
Балаклава – 432, 444, 449, 450, 454
Балка – 469

Балканский полуостров – 540, 548, 550
Балканы – 137, 543, 545, 547, 555, 565
Баловнево – 436
Балта (Голтва) – 278–281, 540, 542, 632, 642, 650, 653–658
Балцянский окр. – 649
Бантаново – 205
Бар – 259, 262, 266, 652, 656
Бараба – 181, 185, 187, 191, 332
Барабая, р. – 450
Барабинская степь – 181
Барвенково – 546
Бахмут – 131
Бахчисарай – 8, 28, 76, 130, 197, 200, 201, 207, 237, 243–246, 251, 252, 254, 255, 257, 258, 266, 268, 273–275, 289, 493, 494, 511, 513, 526, 527, 529–532, 644–646, 648–651, 681
Башкирия – 187, 195, 215, 412–414, 416
Башкирский край – 417
Бейбазар – 611
Бейсугский окр. – 447
Беларусь – 641, 642
Белая – 182
Белая (Чигис) – 501
Белая Криница – 599
Белая церковь – 163, 240, 253, 521, 522, 528
Белгородская орда – 218, 643
Белое море – 133
Белозерка (Белое Озеро), р. – 599, 605
Бендерский санджак – 281
Бендеры – 271, 273, 510, 513, 520, 532, 538, 640, 642, 655
Берда, р. – 457, 468, 476, 622
Бердичев – 556, 575
Бердская слобода – 426
Бердынская коса – 469
Бердянка, р. – 468
Бердянская пустошь – 455, 669, 671, 672
Бережанская паланка – 440
Березанский курень – 441
Березанский лиман – 536
Березань – 546
Березов – 334, 349
Берестечко – 240
Берислав – 623
Бериславский р-н – 518, 602
Берлин – 423, 644
Беседюк – 167
Бессарабия – 451, 453, 457, 458, 460, 463, 468, 473, 517, 532, 538, 554, 557, 559–563, 574, 644
Бессарабская обл. – 450, 457, 460, 463, 466
Бин-Эвле – 553
Бирский у. – 420, 421
Благовещенская станица – 465
Бобринецкий у. – 436
Бокшурга – 293
Болгария – 540, 573
Болгарский курень – 452
Болград – 460
Болотово – 322
Большая Дарья, р. – 293
Большая Кабарда – 370, 492
Большая Ногайская Орда – 198, 200, 201
Большая Орда – 8, 48, 174–176, 204, 208, 589, 591
Бордаково – 204
Борисоглебский стан – 203
Бородино – 424
Босния – 611, 643
Босфор – 612
Брага – 538
Браилово – 667
Брацлав – 163, 220, 259, 274
Брацлавское воеводство – 265, 278
Брацлавщина (Восточное Подолье) – 248, 260–262, 265
Бреслау – 424
Брянск – 620, 626
Бугазский лиман – 383
Буго-Днепровский лиман – 536, 545
Буго-Днестровское междуречье – 440
Бугульминский у. – 421
Буджак – 129, 164, 259, 264, 269, 279, 280, 517, 526, 528, 531, 539, 543, 544, 644
Буджацкая Орда – 262, 657
Буковина – 568, 573
Буковое – 615
Бургунка – 602, 603
Бургунь – 221, 602, 606
Буркут – 469
Бухара – 193, 306, 590

Бухарест – 564
Бухария – 179, 185
Бухарское ханство – 185
Бухур, р. – 579
Бучацкий р-н – 615
Бучача – 247

Вавеля – 594
Вагай – 178
Вагайский острог – 335
Вазир – 591
Валахия – 256, 265, 435, 451, 517, 562, 572, 573, 614
Валашское княжество – 238, 241, 243, 247
Варадин – 596
Варна – 570
Варненская обл. – 539
Варшава – 147, 150, 246, 247, 255–258, 270–272, 274, 423, 561, 608, 645, 652, 656
Васюринский курень – 391, 452, 632
Великая Камянка – 136
Великий Бурлук – 70
Великий Ингул – 136, 436
Великий Луг – 524, 527
Великобритания – 13, 60
Великое княжество Киевское – 224
Великое княжество Литовское – 71, 175, 215, 217, 220–224, 258
Великое княжество Московское – 203
Вена – 257, 266
Венгрия – 221, 256, 612
Венецианская Республика – 238, 239, 251, 255
Венеция – 239, 271, 614
Верхнеувельский – 322
Верхнеудинск – 354
Верхнеуральский у. – 320
Верхнее Приишимье – 193
Верхние Чебеньки – 325
Верхний Курман Яр – 287
Верхотурский у. – 336
Верхотурье – 334, 349
Верхоуральская крепость – 417
Верхоуральский у. – 420
Вильнюс – 223
Винница – 220, 253
Винницкая обл. – 266
Вишневец – 217, 218
Воздвиженская крепость – 314, 318, 325
Вознесенск – 449
Вознесенское наместничество – 437
Волга, р. – 33, 131, 152, 156, 197, 200, 361, 363, 366, 374, 376, 379, 397, 406, 414, 494, 587
Волго-Уральский край – 414
Волонтировка – 459, 460, 463, 466
Волосское – 280
Волчья, р. – 165
Волынь – 259, 557, 597, 642
Вольное – 276, 520
Воронеж – 503, 619, 620, 626
Воронежская обл. – 491, 618
Воронежский у. – 152
Восточная Болгария – 539
Восточная Европа – 5, 6, 22, 25, 28, 34, 48, 57, 174, 175, 255, 558, 616, 671
Восточная Румыния – 544
Восточная Сибирь – 354, 410
Восточная Фракия – 542, 552
Восточно-Европейский регион – 4
Восточное побережье Черного моря – 457, 462
Восточное Приазовье – 380
Восточные воеводства Речи Посполитой – 642
Восточный берег Черного моря – 457
Восточный Кавказ – 494
Второй Бугский окр. – 448
Вышестеблиевский курень – 390
Вятка, р. – 586
Вятка-Нократ – 587
Вятская губерния – 318, 412

Гадячий остров (Березань) – 600
Газикермен – 512, 527
Галац – 452, 453
Галлиполи (Гелиболу) – 540
Гальчинец – 556
Гард-на-Буге (Бугогардовская паланка) – 513, 540
ГДР – 29
Гезлев – 130, 527, 529
Геок-тепе – 306
Георгиевский остров – 460
Герат – 591

Гирлиц – 570
Гирсова (Хиршова) – 539, 541
Гирьяльская станица – 314, 322
Глиненская станица – 304
Глухово – 635
Голая пристань – 515
Голландия – 239, 423
Голма – 278, 650
Голопристанский р-н – 606
Голта – 278, 651, 655
Голубинский городок – 499
Горная Оряховица – 548
Горностаевский р-н – 518
Горный Дубник – 575
Городец Мещерский – 203
Горынь, р. – 245
Гоян – 267, 268
Градижский у. – 659
Гребенский форпост – 407
Греция – 433, 613
Гродненская обл. – 641
Гропа-Чорба – 570
Грузинская станица – 465
Грузия – 406
Гурьев городок – 66, 301, 417
Гурьево – 436

Дагестан – 361, 364, 371, 581
Далмация – 138, 139, 271, 433
Дальний Восток – 19, 410
Данциг – 454
Дарданелла – 540
Дарьинка (Дарьинское) – 293, 295
Дербент – 365
Дешт-и-кипчак – 34, 197, 264, 590
Джамбулуцкая орда – 470, 471, 580
Джизак – 306
Джунгария – 407, 576
Джунгарский р-н – 576
Дикое Поле – 26, 44, 47, 67 68, 281,
Днепр – 129, 136, 144, 147, 163–166, 176, 208, 217, 218, 220, 221, 246, 253, 255, 259, 263–265, 273, 279, 374, 376, 379, 393, 513, 515, 516, 518, 520, 522, 524, 528, 537, 598–606, 622, 635
Днепровский лиман – 280, 440, 605
Днепровский р-н – 280
Днепровский у. – 483
Днепро-Бугский лиман – 600
Днепропетровская обл. – 280, 520, 521
Днепро- днестровское степное междуречье – 259
Днепро-Донская лесостепь – 43
Днепропетровская обл. – 520, 521, 528
Днестр, р. – 247, 258, 264–269, 272, 280, 393, 397, 436, 440, 448, 532, 537, 538, 540, 542, 544, 656, 680
Днестровский лиман – 537
Днестровское устье – 546
Добруджа – 266, 451, 513, 552–554, 559, 563, 567–569, 573, 642, 665
Доганыш – 131
Доманты (Домантово) – 604
Домбасарский окр. – 649
Дон – 5, 14, 17, 18. 20, 41, 48, 59, 148, 151, 176, 208, 209, 226–234, 282–290, 292, 294, 295, 298, 299, 362, 369, 370, 373–376, 379, 392, 398–400, 402, 406, 486, 490–494, 496, 497, 499–501, 503, 506, 507, 681
Дон р. – 15, 42, 164, 176, 233, 361–363, 393, 462, 467, 502, 624–626
Донецкая обл. – 131, 617
Донская земля – 297
Дрезден – 423, 424
Дробная криница – 221
Дубовская станица – 369
Дубоссарский р-н – 267
Дубоссары – 267, 269, 271, 273, 276–278, 281, 642, 647, 648, 651
Дунай, р. – 460, 508, 537–541, 543, 545, 552, 554, 566, 567, 662–664, 668, 672, 673, 675

Евразия – 4, 6, 116, 592, 677, 678
Евразийская степь – 6, 19, 63, 65, 116, 119, 123, 126
Европа – 20, 38, 106, 110, 162, 211, 256, 364, 392, 509, 559, 563, 564, 568, 569, 616, 678
Европейская Россия – 377, 426
Египет – 392, 663
Единохта – 479, 480, 483, 484
Едисан – 539, 543, 544
Едисанская орда – 470, 471, 478, 580, 634, 657

Едичкульская орда – 470, 471, 484, 487, 580, 638
Ейская планка – 441
Ейский окр. – 447
Екатеринбургский у. – 420
Екатерининский курень – 441
Екатеринодар – 441, 442, 447, 658
Екатеринодарский окр. – 447
Екатеринослав – 473, 539
Екатеринославская губ. – 437, 449, 455, 463, 659, 660, 670, 675
Екатеринославское наместничество – 382, 437, 544, 659
Еланец – 436
Еланчик – 469
Елатомский уезд – 203, 209
Елдяцкая крепость – 415
Елизаветградский у. – 448
Ени Пазар – 565
Еникале – 432, 433, 584
Енисейск – 354
Енисейский острог – 334
Епанчинский юрт – 356
Есауловский городок – 498, 499
Ея, р. – 380, 577

Желтый редут – 314, 325
Житомирский у. – 556
Журиловцы – 570

Заволжская Орда – 175
Заволжье – 196
Задунайская Сечь – 10, 134, 397, 431, 451, 455, 539, 547, 549, 558, 567, 658, 659, 661, 663, 665–667, 675, 682
Заинск – 315
Зайсан – 182, 193
Закинф – 613
Закубанская Черкессия – 152
Закубанье – 382, 387, 389, 500, 501, 503, 508
Замокошский стан – 203, 204
Западная Европа – 38
Западная Сибирь – 8, 187, 188, 195, 326, 329, 330, 340, 354, 360, 410, 681
Западная Украина – 597
Западное Подолье – 256, 597
Западный Кавказ – 582
Западный Судан – 110
Заполянский городок – 492
Запорожская область – 599
Запорожская Сечь – 71, 98, 103, 104, 106, 108, 109, 132–134, 145, 147, 149, 162, 164, 171, 253, 257, 273, 380, 397, 431, 438, 451, 453, 510, 513, 531, 532, 534, 622, 625, 630, 631, 655, 657, 664, 665, 679
Запорожье – 20, 38, 41, 48, 59, 63, 127, 128, 132, 136, 139, 142, 144, 148–151, 169, 172, 176, 262, 271, 276, 381, 519, 521, 525, 546, 598, 607, 608, 622, 637, 652, 681
Запорожье, г. (Александровская крепость) – 162
Заречная слобода – 368
Зарья, р. – 487
Зауралье – 187
Зборовское (Кут Зборовского, Збуревск, Старая Збуревка) – 606
Звериноголовская крепость (станица) – 311, 318, 421
Зеленый форпост – 407
Зеравшан – 306
Золотая Орда (Джучиев Улус, Улус Джучи) – 4, 8, 15, 43, 48, 49, 87, 124, 125, 173–175, 187, 188, 258, 263, 395, 586, 587, 591, 679
Золотой Рог – 179
Золотоножский р-н – 604
Золотоножский у. – 659
Зубочистенская-1 станица – 314
Зубочистенская -2 станица – 314

Ижигинск – 354
Измаил – 277, 460, 539
Измир – 556
Ик – 182
Илецк – 303
Илецкая станица – 301, 303, 304
Ильинская станица – 314, 322
Ильская станица – 465
Имеретия – 406
Ингул, р. – 436
Ингулц – 136, 437
Индерская крепость – 301
Иран – 361, 364, 372, 373, 504
Иргиз, р. – 303

Иртыш – 178–182, 191, 193, 333, 335, 345
Исакчи – 667
Исетск – 415
Искер – 176, 178–180, 184–187, 189–191
Ислам-Кермен (Каховка) – 216, 605
Испания – 613, 614
Иссык-куль, р. – 587
Исунь – 136
Исфахан – 177
Италия – 614
Ишимский окр. – 345
Ишимский острог – 335
Ишим-Тамак – 179
Ишим – 348, 357
Ишим, р. – 180
Ишкодр – 565
Ишоры – 369

Кабарда – 371, 395, 406, 506, 523, 581
Кавказ – 14, 32, 33, 51, 67, 296, 362, 364, 369, 371, 374, 375, 379, 380, 384, 391, 397, 403, 456, 460, 462, 464, 465, 470, 471, 489–492, 559, 566, 578, 581, 582, 673, 678, 679
Кавказское наместничество – 441
Кагальник, р. – 380, 619, 624
Кадом – 205, 209
Кадомский у. – 203
Казанская губ. – 312, 318, 414
Казанская станица – 445
Казанский у. – 182
Казанское ханство – 209, 328, 331, 364
Казань – 209, 211, 302, 323
Казахская АССР – 22
Казахская степь – 312, 400
Казахское ханство – 23, 24, 39, 40, 87, 146, 185, 204, 588
Казахстан – 6, 7, 9, 23, 31, 32, 39, 85, 87, 88, 90, 92, 309, 360
Казенный Торец, р. – 617
Казикумухское ханство – 406
Казыев улус – 197, 198, 200
Каирская переправа – 516, 518
Каиры – 460, 518
Кайтаг – 406
Калиновская станица – 369
Калмыковская крепость – 301
Калмыцкое ханство – 165
Калниболото – 274, 275, 546
Кальмиус, р. – 380
Камелик, р. – 303
Каменец-Подольский – 238, 241, 259, 260, 265, 266, 270, 274, 511, 520, 552
Каменецкий эялет – 256
Каменка, р. – 373, 515, 518, 528
Каменно-Озерная станица – 316
Каменный Затон – 516, 599, 605
Каменская сечь – 257, 517, 518
Камышин – 397
Камышлово – 180
Канев – 163, 220–223, 266
Карабулакская станица – 378
Карагайская крепость – 343
Каракаю – 611
Караман – 609
Карасубазар – 131
Карасукские соляные озера – 356, 357
Каратабынская вол. – 181, 187
Каргала (Сеитов посад) – 313, 317, 429
Каргалинская станица – 314
Кардашино – 515
Кардашинский лиман – 271, 517
Карино – 587
Касимов – 202, 205, 207, 209
Касимовский у. – 203, 209
Касимовское царство – 203
Касперовка – 436
Каспий – 308
Каспийское море – 96, 362, 363, 373
Кассель – 323
Кассим-баша – 612
Катырлезь – 451, 545
Каурдатский острог – 335
Каушанский округ – 649
Каушаны – 276, 281, 532, 632, 644, 645
Кафа – 527, 529
Качалинская станица – 500
Кельтеча, р. – 468, 469
Кенегез – 467
Керченский полуостров – 440
Керченский пролив – 384, 387
Керчь – 201, 432, 433, 661
Кетск – 349
Кзыл-Убинский форпост – 409

Киев – 72, 74, 79, 148, 163, 218, 221–223, 248, 268, 504, 520, 534, 557, 559, 561, 575, 617, 643, 647, 651
Киевская Русь – 258
Киевское воеводство – 220
Киевское княжество – 224, 622
Киевщина – 216, 220, 248, 261
Кизляр – 373, 401, 469
Килия – 453, 539, 552
Кильтеча, р. – 487
Кинбурн – 546
Кинбурнская коса – 280, 514
Кинбургская паланка – 440
Кирпикская вол. – 181
Кисык-камышский пос. – 409
Китай – 121, 178, 331, 342, 402
Кичигинская станица – 318
Кишинев – 532, 560, 562
Ключевский-2 (Лягушина) – 322
Кодацкая паланка – 633
Кодыма, р. – 264, 272, 274, 277, 278, 645, 649, 650, 653, 655, 658
Коельская станица – 318
Козлов (Гезлеве, совр. Евпатория) – 152, 601, 608, 609
Козловская стрелецкая слобода – 151
Козловский у. – 147
Коканд – 306
Колгош, р. – 487
Колийвщина – 652–655, 657
Коломенский у. – 202
Кондуровская слобода – 315, 325
Конотоп – 244
Конская (Конские Воды, Конка), р. – 165, 515, 599, 600, 603–605
Конская перебойня (Перебойная) – 599
Константиновка – 460
Константиновое – 436
Констанца – 539
Копыл – 495
Корсунь – 266
Коряковский форпост – 357
Косныци – 136
Кочережки – 521, 522
Краков – 594, 595, 615
Краковское воеводство – 593
Краснокаменский – 323
Красносамарское – 119
Красноселье – 436
Красносельский окр. – 448
Красноуфимск – 414, 415
Красноуфимский у. – 420
Краснохижинцы – 659–661
Красноярск – 336, 354
Кременчуг – 453, 538
Крепкая, р. – 295
Крепость Св. Елизаветы (Кропивницкий) – 150, 533, 646
Крепость Св. Креста – 372, 373
Кривое Озеро – 278, 645, 650, 651, 658
Крит – 111
Кролевецкий у. – 575
Крым – 9, 15, 18, 41, 42, 47, 58, 70, 71, 74–76, 78, 84, 164, 168, 174, 196–198, 200, 201, 208, 211, 215, 217, 220, 221, 233, 237, 242, 246, 251, 252, 256, 257, 259, 263, 270, 280, 288, 298, 331, 384, 386, 389, 391, 403, 431–435, 443, 446, 449, 453, 454, 461, 464, 470, 489, 490, 497, 502, 505, 507, 508, 512, 516–518, 521, 527–531, 551, 580–582, 584, 585, 608, 620, 621, 632, 634, 637, 640, 644, 647, 651, 660, 678, 679
Крымская земля – 285
Крымская крепость – 216
Крымская Орда – 643
Крымский полуостров – 22, 434, 514, 516
Крымский юрт – 198, 201
Крымско-турецкий город – 654
Крыское ханство – 4, 8, 9, 18, 28, 29, 41, 42, 44–46, 58, 71, 72, 75, 79, 81–85, 149, 171, 176, 196, 197, 202, 204, 209, 217, 225, 235, 237, 242–247, 251–258, 263–265, 267, 268, 380, 467, 489–491, 496, 499, 500, 503–506, 508–510, 512–515, 517, 518, 520, 524–526, 529, 532, 533, 552, 555, 576–578, 622, 623, 641, 644–649, 652, 658, 680
Кубань – 17, 167, 227, 285, 292, 298, 370, 371, 373, 380, 381, 386, 397, 401, 441, 443, 446, 451, 453, 456, 464, 466–468, 489–508, 523, 525, 528, 529, 531, 533, 545, 574, 576, 578, 582, 621, 638, 646, 659, 668, 671, 673

Кубань, р. – 9, 360, 361, 380, 382, 383, 391, 441, 467, 470, 494, 501, 502, 577–582, 583, 681
Кувацкая слобода – 315
Кузминка – 373
Кузнейский острог – 334
Кузнецк – 336, 349, 352, 354
Кулагинская крепость – 301, 407
Кулары – 178
Куликовский – 322
Кума, р. – 377, 491, 492, 578
Кургальчино – 193
Курган – 348
Курганский окр. – 345
Курдакская вол. – 191
Курская губ. – 457
Куручесма – 612
Кутюрьма, р. – 624
Кучумово царство – 184
Кушумский – 304
Кущовский курень – 452
Кюринское ханство – 406
Кюцэ – 179

Лаба, р. – 441, 494, 501, 578, 582
Ладожская станица – 445
Лазнюка, р. – 515
Левобережная Голтва – 594
Левобережная Украина – 245, 247–249, 251, 253, 254, 257, 266, 514, 522, 649, 680
Левушковский курень – 540
Лейпциг – 423, 424
Лета – 460
Ливан – 576
Ливония – 594
Линевский пос. – 322
Листань (Листвянка), р. – 204
Литва – 217, 222, 258, 259, 335, 594, 642, 644, 645
Литовское княжество – 208, 641
Логиновка – 637
Лодзя – 595
Луковская – 406
Львов – 561, 642
Любарская вол. – 181
Люблинское воеводство – 594
Лютик – 619
Мазовия – 593
Максимение – 570
Малая Азия – 547
Малая Бухария – 342
Малая Кабарда – 374, 405
Малая Камянка – 136
Малая Ногайская Орда – 197, 200, 201, 578
Малая Россия – 563
Малка – 378
Малогородская вол. – 189
Мангышлак – 306
Маноцкая станица – 507
Маныч, р. – 293, 578
Матвеевка – 436
Махрам – 306
Мачин – 541
Маячка, р. – 542
Медведица, р. – 496, 503
Медвеженское соляное озеро – 357
Меловая Каменка – 513
Мельники – 659, 661, 674
Мензелинск – 315, 414 , 421
Мензелинский у. – 421
Мерешляны – 641
Мертвовод, р. – 436
Мещерский у. – 202, 203
Миасс – 181
Мидия – 361
Мингрелия – 406
Миргород – 143
Миссолунга – 661
Михайловка – 436, 460
Миюс – 152
Младший (Малый) жуз – 309, 421
Могилев-Подольский – 656
Можайск – 424
Моздок – 374, 375, 405
Мокрая Сура, р. – 604
Мокрый Ягорлык – 267, 268, 272
Молдавия – 256, 435, 451, 572
Молдавское княжество – 238, 241, 243, 247, 250, 255, 257, 537, 544, 547
Молдова – 262, 265, 266, 268, 269, 272, 273, 280, 538, 544, 562, 573, 642, 646, 648, 656
Молочная, р. (Молочные воды) – 131, 292, 380, 382, 384, 385, 387, 389,

390, 466–469, 471, 473, 475, 476, 478–480, 482–487, 521, 585, 599
Молочный лиман – 468, 480
Монгольская империя – 8, 679
Морея – 271, 432
Москва – 26, 27, 37, 41, 44, 48, 147, 178, 179, 181, 198–200, 204, 208, 220, 221, 226–228, 230–232, 234, 244, 246, 249, 251, 256, 260, 270, 286, 327, 331, 332, 342, 361–366, 392, 396, 399, 403, 413, 424, 461, 479, 489, 490, 493, 496, 522, 535, 561, 608, 619–621
Московия – 256
Московская Русь – 30
Московское государство – 11, 13, 26, 27, 29, 34, 48, 208, 209, 225, 234, 239, 246, 253, 257, 259, 270, 282, 328, 333, 619, 680, 681
Московское княжество – 42
Московское правительство – 18, 48, 68, 199, 244, 412
Московское царство – 147, 209, 249, 251, 252, 254–257
Мостар – 565
Мочинская станица – 314
Мраморное море – 540, 541, 543, 558
Муравский шлях – 599
Мусий – 537
Мустаевская станица – 304
Мустаевский пос. – 304
Мухорский пос. – 304
Мухрановский пос. – 304
Мышастовский курень – 537

Навагинское укрепление – 457
Нагавкинский городок – 492
Нагайбак – 312
Нагайбакская крепость (Нагайбацкая крепость) – 315, 322, 415
Нагайбакская станица – 315
Надпорожье – 524
Наманган – 306
Нарым – 349, 354, 400
Нарымский острог – 334
Нахичевань – 382
Неаполь – 613, 614
Негропонт – 613
Нежинский редут – 314–316
Немиров – 253, 266, 523
Нерчинск – 354, 656
Нестеровская станица – 378
Нижнеозерная крепость (станица) – 314, 318, 320, 322
Нижнее Поволжье – 176
Нижнее Поднепровье – 525
Нижнее Поднестровье – 525
Нижнее Приднестровье – 217
Нижние Чебеньки – 325
Нижний Днепр – 215
Нижний Дон – 174
Нижний Чир – 499
Нижняя Волга – 27
Никитинский редут – 315, 325
Никитинский (Микитинский) Рог – 607
Николаевка – 460, 463
Николаевка-Новороссийская станица (Байрамчи) – 459, 463
Николаевская губ. – 448
Никольская станица – 314
Никольская станица (2) – 455
Никольское – 147
Никополь – 135, 537
Никопольский р-н – 528
Ниш – 565
Нище – 270
Новгород – 586
Новгородский у. – 202
Новобогородицкая – 276, 521
Новогригорьевский кордон – 386
Новогригорьевское – 436
Новокрещенская слобода – 368, 403
Новомосковский р-н – 520
Новоосетинская – 406
Новопавловский у. – 99, 538
Ново-Петриковка – 675
Новопетровская станица – 436
Новороссийск – 462, 473
Новороссийская губ. – 447, 471, 534–536, 538, 540, 651, 655
Новороссийская станица – 465
Новороссийский край – 455, 669
Новосергиевская (на р. Самара) – 276
Новосергиевская крепость – 520–522, 617
Новосибирск – 181
Новоспасская станица – 455, 673
Новоспасское – 455

Новотроицкая – 460, 463
Новочеркасск – 292, 392
Новочеркасская – 315
Ногай-кале – 579
Ногайская Орда – 44, 47, 124, 176, 185, 193–196, 198–200, 263, 290, 578
Нор-Ишим – 180, 193
Нура – 193

Обиточная – 468
Обь – 181, 182, 185, 192, 193, 195, 334
Одесса – 74, 258, 433, 443–445, 450, 460, 557, 660, 661, 668, 673
Озерная станица – 318
Озерный – 304
Оймаут – 483
Океания – 679
Окоцкая слобода – 368
Олешковская Сечь – 257
Олонец – 620
Ольвиопольский у. – 448, 538
Ольговка – 602
Ольхов (Стрелица, Цюрупинск) – 602
Ольшанка – 436
Омская крепость – 349
Омская обл. – 182
Омь – 180, 181, 184
Оники – 440
Оргеев – 532
Орель, р. – 513, 522, 524
Оренбург – 301, 302, 311, 312, 412, 414, 415, 417, 426
Оренбургская губ. – 412, 415–417, 427, 428, 430
Оренбургский край – 420, 426, 430
Оренбургский у. – 313, 320, 325, 421, 427
Оренбуржье – 317, 397, 399
Орская станица (крепость) – 314, 417
Орский у. – 325
Оряхово – 541
Оса – 414
Осинская дорога – 414
Осинский у. – 420
Османская империя – 4, 8, 9, 28, 34, 45, 46, 58, 71, 76, 78–85, 155, 225, 237–244, 246–257, 264, 267, 271, 281, 366, 380, 382, 391, 431, 432, 474, 489, 504, 505, 508–511, 513–515, 523, 526, 537, 540, 543, 544, 548, 552, 554–558, 562, 564, 565, 572, 575, 576, 578, 596, 616, 617, 619, 620, 623, 642, 647, 648, 652, 657, 664, 666, 680–682
Османское государство – 129, 322
Остроленко – 322
Отрар – 587
Охотск – 354
Очаков – 130, 164, 181, 215, 221, 258, 262, 280, 512, 526, 527, 533, 536–539, 545, 546, 600, 643, 649, 655
Очаковская обл. – 440, 532, 539
Очаковская степь – 536, 539, 540, 542, 543, 545
Очаковский эялет – 512, 513
Ошмянский повет (Ашмяны) – 641
Ояз – 611

Павлоградский р-н – 521
Пазарджик – 542
Палиево озеро (Юзефгрод) – 279, 645, 650, 653, 654
Парапари – 463
Париж (Нагайбакский р-н) – 322
Париж – 423, 424, 454, 556, 557, 566, 567, 569, 572
Пегая Орда – 182
Пелопоннес – 613
Пелым – 334, 349, 400
Первый Бугский окр. – 448
Переволочна – 527, 606
Передняя Азия – 119
Перекоп – 130, 167, 188, 259, 461, 520, 606
Перекопский у. – 585
Перелеты – 278, 650
Пересып – 383, 388
Переяслав – 521
Пермская губ. – 318, 412, 420, 421
Пермский у. – 420
Перовский – 427
Персидская империя – 116
Персия – 406
Петровка – 460
Петровская – 469
Петровская станица – 455
Петровский посад – 455
Петровский – 625

Петровское – 621
Письмянская слобода – 315
Платнировский курень – 661
Плевна – 575
Побужье – 165, 448, 650
Поволжье – 56, 108, 262, 397, 403, 407
Подгорный редут – 314, 315, 322
Подлесный стан – 203
Поднепровская Украина – 594
Поднестрянская паланка – 440
Подолия – 557
Подолье – 247, 248, 259, 260, 262, 269, 573, 642
Подольская губ. – 641
Подонье – 282, 506
Подпольная, р. – 528
Покровская станица – 455
Покровское – 528
Полоцк – 219
Полтава – 273, 520
Полтавский курень – 390
Полтавщина – 270
Польский край – 612
Польское государство – 56
Польское королевство – 175, 220
Польско-Литовское государство – 46, 251, 258, 263
Польша – 20, 76, 78, 217, 218, 242, 244, 246, 248, 251, 256, 259, 260, 274, 302, 437, 465, 549, 551, 558, 566, 595, 614, 619, 642, 652, 657
Померания – 520
Попово – 323
Правобережная Кубань – 501, 503
Правобережная Украина – 245, 247–255, 257, 266, 272–275, 279, 540, 563, 602, 643, 652, 653, 657
Предкавказье – 201
Пресновская крепость – 349
Пречистенская станица – 322
Приазовье – 28, 282, 288, 455, 574, 597, 669, 671
Придунавье – 554, 572
Приморье – 402
Приобье – 333
Присамарье – 52, 521, 523, 617
Присырдарьинский регион – 587
Приуралье – 203, 309, 403
Причерноморье – 6,9, 29, 79, 80, 163, 225, 489, 547
Пришибская станица – 375
Прорва – 373
Протовча – 136
Протопоповка – 138
Пруссия – 643, 644
Прут, р. – 252, 460, 516, 549
Псекупс (Зеленая), р. – 501
Псков – 210
Путивль – 174
Пучгаз – 495
Пятигорск – 401
Пятигорье – 176, 196

Разград – 564
Раздоры – 289
Разельм лиман – 508
Раковица – 436
Рахован – 541
Ращкив – 268
Республика Болгария – 539
Республика Молдова – 267
Республиканец – 518
Реут, р. – 269
Речь Посполитая – 4, 29, 44, 73, 76, 242, 248, 251, 254–257, 264, 278, 435, 556, 622, 649, 650, 680
Рим – 393, 614
Романовский у. – 202
Российская империя – 3, 7, 8, 9, 11, 12, 16, 19, 34, 38, 55, 56, 60, 65, 69, 72–74, 79, 90, 134, 150, 281, 282, 283, 309, 354, 362, 375, 379–381, 386, 391, 405, 412, 431, 432, 443, 445–447, 452, 454–457, 459, 462, 463, 474–476, 487, 488, 505, 519, 523, 527, 544, 545, 551, 556, 557, 559, 560, 562, 573, 575, 576, 579, 583, 618, 632, 640, 641, 649 ,651, 652, 656–658, 662–665, 668, 669, 671, 672, 676, 681, 682
Российская Федерация – 549
Россия – 3, 4, 6, 7, 9, 18, 19, 21, 23, 32, 35, 37, 39, 41, 44, 54, 56, 60, 62, 64, 66, 73, 78, 88, 90, 134, 198, 200, 206, 207, 210, 212, 234, 246, 252, 274, 274, 284–286, 294, 295, 297–298, 300, 302, 307, 329, 360, 364, 372,

374, 375, 377, 382, 383, 388, 391, 394, 395, 396, 398, 399, 401–403, 410, 413, 419, 423, 424, 428, 430, 432, 435, 451, 463, 465, 468, 490, 491, 495, 500, 503, 504, 506, 507, 509, 511–514, 520, 553–556, 558, 559, 562, 566, 575, 578, 581, 582, 618–620, 626, 628, 644, 646, 647, 651, 653, 657, 662, 664, 665, 673
Российское государство – 24, 273, 361, 363, 364, 370, 372, 414, 524
Ростовский у. – 447
Румелийский бейлербейлик – 512, 542
Румелия – 566, 569
Румыния – 539–541, 596
Руса (Рущук) – 541
Русь – 36, 42, 112, 184, 200, 208, 211, 227, 259, 260, 365, 597, 637
Рыбница, р. – 268
Рычковская станица – 314
Рычковский городок – 229
Ряжск – 286
Рязанская земля – 362
Рязанская обл. – 204
Рязань – 396

Савельевы хутора – 369
Сазлы-Босна – 559
Сайрам – 587
Сакмара – 312
Сакмарская станица – 301
Сакмарский городок – 301
Саксагань – 136
Салмания – 570
Салоники – 565
Салымская вол. – 191
Самара – 64, 276, 400, 415, 635
Самара, р. – 136, 165, 221, 414, 513, 520, 524
Самарская губ. – 412
Самарская поланка – 633
Санкт-Петербург – 39, 374, 376, 382, 399, 428, 441, 445, 461, 462, 464, 473, 476, 483–486, 491, 507, 528, 532, 534, 577, 632, 635, 636, 643, 645, 651
Санчаров – 221
Сараево – 565
Сарайчиковская крепость – 301
Сарахс – 591
Сасовский р-н – 204
Саудовская Аравия – 611
Сахарная крепость – 301
Свирь, р. – 620
Свиштов – 541
Священная Римская империя – 154
Севастополь – 585
Северная Америка – 59, 63, 677
Северное Приазовье – 164, 292, 380, 467, 470, 471, 621, 669,
Северное Причерноморье – 9, 27, 45, 83, 164, 201, 217, 263, 288, 381, 403, 431, 432, 446, 454, 466, 510, 525, 535, 542, 543, 577, 580, 660
Северо-Восточная Коса (Коса-Чушка) – 385–388, 390
Северо-Восточное побережье Черного моря – 579
Северо-Восточное Приазовье – 495, 619
Северо-Восточное Причерноморье – 363
Северо-Восточный Кавказ – 176, 378, 404, 492, 493, 504
Северо-Западное Причерноморье – 6, 28, 129, 260, 267, 512
Северо-Западный Кавказ – 156, 465, 466, 508, 523, 526, 580
Северо-Западный Казахстан – 27
Северный Кавказ – 21, 27, 39, 66, 116, 152, 160, 196, 229, 360, 361, 363–367, 369, 370, 372–377, 397, 489, 491, 496, 498, 499, 505, 515, 577, 579, 581
Северный Китай – 121
Северская станица – 465
Северский Донец – 503, 513
Сеймены (Юртас) – 539, 540
Селигер – 40
Семибашенный замок (Едикул) – 280
Семигородье – 611, 612
Семиречье – 89, 402, 587
Сербино – 436
Сербия – 138, 573
Сербский курень – 452
Сибирская губ. – 340, 351, 353
Сибирская дорога – 414

Сибирский юрт – 176, 183–185, 187, 189
Сибирское ханство – 189, 204, 327, 337, 338
Сибирское царство – 177
Сибирь – 13, 18, 19, 56, 60, 63, 64, 88, 176–178, 182, 184, 185, 187, 188, 190, 195, 326–332, 334, 335, 339, 341–343, 354, 357, 358, 397, 400, 403, 410, 522, 525
Сиваш – 514
Силистра – 539, 541, 543, 553, 564
Силистрия – 663, 664
Симбирское наместничество – 415
Симферополь – 383, 453, 484, 576, 639
Синоп – 609
Синюха, р. – 649, 650
Синявы – 522
Скаржинка (Белоусовка) – 436
Сламихинская станица – 304
Слободзея – 136, 440, 443
Слобожанщина – 520, 523, 525
Смил – 167
Смоленск – 424
Смотрич, р. – 260
Соколы (Вознесенск) – 436
Соль-Илецк – 320
Соль Каменская – 342
Сороки – 266, 269, 538
Сорок татар – 641
Спарта – 111
Спасский р-н – 204
Спея – 436
Средиземное море – 613
Средне-Новочеркасская станица – 295
Среднее Приднестровье – 217
Среднее Прииртышье – 190
Средний казахский жуз – 91, 421
Средняя Азия – 15, 22, 50, 114, 116, 117, 121, 122, 141, 155, 180, 184, 299, 302, 305, 309, 311, 402, 403, 424, 590, 591
СССР – 3, 11, 17, 19, 24, 25, 27, 29, 30, 36, 77, 79, 85, 112
Ставропольский у. – 408
Стамбул – 8, 28, 32, 77, 168, 174, 226, 227, 234, 238–245, 247, 249, 252–255, 265, 266, 268, 271, 366, 501, 507, 511, 514, 523, 531, 538, 540, 542, 554, 557–561, 566, 570, 572, 576, 577, 579, 609, 611, 612, 617, 620, 645–647, 655, 657, 665, 681, 682
Станилешта – 252
Старая Самара – 635
Стародубская станица – 455
Староказачья – 460, 463
Староконстантинов – 597
Старочеркасская – 292
Старые Петликовцы – 615
Старый Кодак – 280, 513
Стеблив – 274
Стерлитамакский у. – 420, 421
Стецьковка – 536
Студеновская станица – 304
Суджук-кале – 582
Суздальская земля – 363
Сулак – 372, 373
Сумская обл. – 575
Сунжа, р. – 365, 375, 378, 493, 494
Сура – 136, 202
Сургут – 334, 349, 400
Сургутский у. – 343
Сухой Ягорлык – 267, 268
Сырдарья – 306, 424
США – 55, 58–60, 62

Табасаран – 406
Табынск – 414, 415
Таванский городок – 623
Таврида – 471
Таврическая губ. – 294, 447, 449, 453, 463, 640
Таврическая обл. – 434, 444, 468–472, 481, 482, 584
Таганрог – 432, 582, 621
Таганрогский у. – 509
Талас, р. – 587
Талашкары (Кары-Талас – Старый Талас) – 587
Тамань (Таманский полуостров) – 382–384, 440, 462, 578, 580, 584
Тамбов – 152
Тара, р. – 179, 184, 186
Тара – 188, 191, 192, 329, 332–335, 337, 340, 352
Тарковское шамхальство – 406
Тарский округ – 345
Тарский у. – 335, 336, 348

Тархан – 178
Тарханский городок – 189, 335
Тарханский острог – 335
Татарбунары – 460
Татария – 342
Татарская слобода – 368, 387–389, 391, 403, 681
Татарская станица – 290–294, 296
Татарский курень – 681
Татарский хутор – 295, 296
Татищевская станица – 322
Ташкент – 306
Тащеник – 469
Тебендинский острог – 335
Теклик, р. – 587
Темижбекская станица – 445
Темников – 206, 209
Темниковский у. – 203, 213
Темрюк – 382, 388, 495, 578
Терек – 14, 17, 152, 360–363, 365, 367, 368, 370, 376–379, 397, 406, 681
Терек, р. – 361–363, 365–369, 373, 378
Теркас – 570
Тернопольская обл. – 615
Терская крепость – 365, 370
Терская область – 377, 378
Терский город – 365, 368, 371–373
Терсяцкая вол. – 332
Тея – 436
Тилигул – 539, 542–545
Тилигульский лиман – 536, 538, 542, 545
Тимово – 541
Титаревское куренное селение (Титаревский курень) – 386, 390
Тифлис – 376
Тифлисская станица – 445
Тмутараканский у. – 386
Тобол – 178, 181, 188, 326, 332, 334, 335
Тобольск – 190, 191, 195, 327, 329, 330, 333–335, 337, 340–342, 344, 346, 347, 349, 351, 354, 357, 358
Тобольская губ. – 340, 356
Тобольский округ – 356
Тобольский у. – 335, 336, 339, 348
Товань – 217, 222
Токмазея – 436
Токмак – 468
Тольятти – 407
Томаковка – 149, 607
Томск – 333–336, 342, 343, 349, 352, 354
Томская обл. – 182
Томское Приобье – 190
Томь, р. – 333
Тонская вол. – 181
Топалы – 570
Тополиная крепость – 301, 407
Тор – 523
Торговица – 650
Торонто – 81
Транжемент – 624
Трансильвания – 256
Трансильванское княжество – 255
Требий – 322
Триест – 561
Троицкий у. – 313, 323, 420, 421
Троицкое – 436, 621
Трокское воеводство – 641
Тузла – 545
Тузлово, р. – 292
Тульча – 546, 570, 575
Турашская вол. – 181
Тургай – 306
Туринск – 349
Туринский у. – 336
Туркестан – 306
Туруханск – 354
Турция – 27, 74, 77, 78, 197, 199, 237, 246, 295, 364, 386, 406, 434, 446, 464, 485, 549, 554, 560, 564, 565, 567, 573, 574, 609, 611, 620, 653, 661, 662, 664, 668, 671
Тутракан – 541
Тырново – 565
Тюменский у. – 332, 336, 339, 348
Тюменский юрт – 356
Тюмень – 179, 181, 326, 329–332, 334–336, 340–342, 349, 350, 352, 354, 358
Тягини – 262, 269, 271

Уильское укрепление – 303
Украина – 7, 9, 12, 17, 27, 32, 37–39, 41, 70, 71, 74, 75, 77–80, 82, 84, 85, 128, 131, 134, 135, 147, 150, 162, 171, 235, 237, 239–249, 253–257, 259, 263, 266–268, 271, 274, 275, 280,

473, 510, 516, 522, 523, 546, 549, 551, 556, 560–563, 567, 573–575, 595, 616, 623, 628, 630, 646, 656, 680
Украинский гетманат – 8, 146, 147, 238–242, 244, 246, 247, 249, 254–257, 680
Украинское княжество – 250
Укрепление Святого Духа – 457
Укрепление Святого Николая – 457
Умань – 249, 259, 653, 654
Ура-Тюбе – 306
Урал (Яик) – 14, 17, 20, 41, 47, 64, 148, 308, 309, 339, 341, 353, 397, 399, 417
Уральск (Яицкий городок) – 92, 300, 301, 303, 304, 428
Уруп, р. – 582
Урухская станица – 375
Усть-Лабинский редут – 441
Усть-Самарская крепость – 128
Усть-Уйская крепость – 417, 421
УССР – 74
Уфа – 181, 182, 187, 320, 413, 414
Уфимская вол. – 181
Уфимская губ. – 430
Уфимский у. – 413, 420, 421
Уфимское наместничество – 415

Фанагорийская планка – 441
Фанагорийский (Тмутараканский) у. – 447
Фанагория – 380, 441
Фараоновка – 460
Фастов – 522
Федоровское – 436
Федотова коса – 469
Фельдмаршальская станица – 378
Фершампенуаз – 322
Фессалия – 573
Фокшаны – 649
Фракия – 611
Франция – 60, 239, 423, 446, 453, 487, 556, 558, 564, 566, 575, 657

Хабльская станица – 465
Хаджибей – 221, 443, 546
Хан-Тепеси – 495
Хан-Тюбе – 495, 507
Ханская Украина – 250, 257, 258, 267, 276, 278, 281, 649
Харьков – 66, 74, 522
Харьковская обл. – 70, 546
Харьковское наместничество – 437
Херсон – 460, 483–485, 545, 599, 672
Херсонская губ. – 139, 457, 458, 460, 463, 468
Херсонская обл. – 271, 518, 602, 606, 623
Херсонский у. – 99, 436, 448
Херсонщина – 574
Хива – 305, 306, 404
Ходжент – 306
Хопр – 362, 374, 376, 379, 503
Хорезм – 591
Хортица – 602, 607
Хотин – 249, 538, 642, 643, 656

Царицын – 397, 503
Центральная Азия – 6, 123, 124, 260, 679, 682
Центральная Европа – 469, 644, 645
Центральная Россия – 399
Центрально-Восточная Европа – 616
Цикановка – 266

Чагатайский улус – 591
Чебаркульская крепость – 343
Челябинский у. – 313, 420, 421
Ченстохов – 597, 614
Червленая станица – 369, 374
Червленый Яр – 362
Червонная Русь – 259
Червоные горы – 607
Черемисы – 262
Черкасск – 285, 289, 290, 292, 296, 297, 486, 487, 624
Черкасская – 368, 403
Черкасская обл. – 274, 604
Черкасская слобода – 403
Черкассы – 32, 163, 197, 201, 215, 216, 218–223, 232, 259, 266, 287
Черкесия – 364
Черная криница – 221
Черниговское княжество – 622
Черниговское наместничество – 435
Черниговщина – 561, 575
Черногория – 138
Черное море – 70, 73, 176, 238, 239, 255, 258, 373, 443, 456, 457, 460,

462, 463, 536, 537, 539, 549, 579, 600, 606, 612, 613, 671
Черноземье – 44
Черномория – 441–443, 445, 447, 658
Черноярская – 406
Черный городок – 180
Чертомлык, р. – 510, 516–518, 607
Чертомлыцкая Сечь – 516, 517
Чесноковская станица – 314
Четал – 460
Чечня – 406, 581
Чигирин – 237, 238, 240, 241, 243, 244, 246, 249, 255, 256, 266
Чиликуль – 180, 191
Чойская (Чатская) вол. – 181
Чу – 587
Чубар-тура (Чубарова) – 335, 336
Чуваш – 345
Чугуево – 437
Чулымское озеро – 184

Шабельники – 637
Шабельниковая ветка – 606
Шарухань – 556
Шахрисаб – 306
Шацкий у. – 202–204
Шведское королевство – 252, 253, 255
Швеция – 275, 371, 511, 619, 680
Шелкалы – 361
Шумен – 564
Шумла – 553

Щедринская станица – 369

Эбрава – 221
Эвбея – 613
Эгейское море – 540–543
Энос – 553
Эпир – 573
Эргет – 332
Эфиопия – 611

Юг России – 403, 406, 410
Юго-Восточная Европа – 562, 682
Юго-Восточные границы – 396, 413, 416
Юго-Восточные окраины – 395, 405
Юго-Восточный Казахстан – 587
Юго-Западная Сибирь – 6, 187
Южная Болгария – 542
Южная Русь – 566
Южная Украина – 80, 84
Южный Буг (Бог), р. – 135, 136, 164, 217, 258, 264, 272, 278, 397, 435–437, 518, 526, 533, 538, 540, 638, 649, 655
Южный Урал – 27, 187, 305, 423
Юзефгрод – 278, 279, 281
Юрт Алавата мурзы – 501

Ягорлык, р. – 264, 267–269, 271, 276, 277
Ягорлык – 272, 273, 276, 278, 647
Яик (Урал) – 5, 14, 17, 20, 41, 47, 64, 148, 166, 299, 300, 301, 339, 353, 397, 398, 406, 409, 410, 681
Яик (Урал), р. – 166, 181, 298, 308, 309, 399, 400, 414
Яйла – 528
Якутск – 354
Яланчик – 468
Ялуторовск – 348, 357
Ялуторовский окр. – 345
Ялуторовский у. – 348
Ялуторовский юрт – 356
Ялынское озеро – 184
Ямыщ-озеро – 333, 334
Янги-Арык – 306
Янина – 565
Янчокрак – 440
Ясенево – 278
Яссы – 538, 544, 545

Сведения об авторах

Аминов Рустем Равилевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения истории и культуры татар-кряшен и нагайбаков Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия.

Беляков Андрей Васильевич – доктор исторических наук, научный сотрудник Центра истории русского феодализма Института российской истории Российской академии наук, г. Москва, Россия.

Буканова Роза Гафаровна – доктор исторических наук, профессор, Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел РФ, г. Уфа, Россия.

Вырский Дмитрий Станиславович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела украинской историографии Института истории Украины Национальной академии наук Украины, г. Киев, Украина.

Годовова Елена Викторовна – кандидат исторических наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Оренбургский филиал), г. Оренбург, Россия.

Грибовский Владислав Владимирович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института украинской археографии и источниковедения им. М. С. Грушевского Национальной академии наук Украины, г. Киев, Украина.

Дубовиков Александр Маратович – доктор исторических наук, профессор кафедры философии, истории и правоведения Поволжского государственного университета сервиса, г. Тольятти, Россия.

Загидуллин Ильдус Котдусович – доктор исторических наук, доцент, заведующий отделом новой истории Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия.

Кузик Татьяна Леонидовна – старший научный сотрудник отдела актовой археографии Института украинской археографии и источниковедения им. М. С. Грушевского Национальной академии наук Украины, г. Киев, Украина.

Маленко (Рощина) Людмила Михайловна – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник исторического факультета Запорожского национального университета, г. Запорожье, Украина.

Мильчев Владимир Иванович – доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Запорожского национального университета, г. Запорожье, Украина.

Полторак Владимир Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Украины Одесского национального университета им. И. И. Мечникова, г. Одесса, Украина.

Пригарин Александр Анатольевич – доктор исторических наук, доцент кафедры археологии и этнологии Украины Одесского национального университета им. И. И. Мечникова, г. Одесса, Украина.

Сабитов Жаксылык Муратович – PhD (политические науки), доцент кафедры регионоведения факультета международных отнщений Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, г. Астана, Республика Казахстан.

Сень Дмитрий Владимирович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Калмыцкого научного центра РАН, г. Элиста, Россия.

Ситдиков Айрат Габитович – доктор исторических наук, профессор, директор Института археологии им. А. Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия.

Трепавлов Вадим Винцерович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук, руководитель Центра истории народов России и межэтнических отношений, г. Москва, Россия.

Тычинских Зайтуна Аптрашитовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Тобольской комплексной научной станции Уральского отделения РАН, г. Тобольск, Россия.

Урушадзе Амиран Тариелович – кандидат исторических наук, доцент, Институт истории и международных отношений Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Россия.

Халиков Наиль Альфредович – кандидат исторических наук, Национальный музей Республики Татарстан, г. Казань, Россия.

Черкас Борис Владимирович – доктор исторических наук, старший научный сотрудник, ведущий научный сотрудник Института истории Украины Национальной академии наук Украины, г. Киев, Украина.

Черницын Сергей Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент кафедры «История и культурология» Донского государственного технического университета (ДГТУ), г. Ростов-на-Дону, Россия.

Чухлиб Тарас Васильевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории Украины Национальной академии наук Украины, г. Киев, Украина.

Шестакова Софья Ильдаровна – магистр истории, учитель истории и обществознания МБОУ школа 105, г. Самара, Россия.

Яценко Владислав Борисович – кандидат исторических наук, руководитель исторической секции Харьковского историко-филологического общества, г. Харьков, Украина.

Оглавление

Предисловие (*И. К. Загидуллин, А. Г. Ситдиков*) 3

Введение (*В. В. Трепавлов, В. В. Грибовский*) 6

Глава I. Историография истории казачества в аспекте тюрко-славянских взаимосвязей 11

§ 1. Казачество и его связь с тюркским миром в историографии поздней Российской империи, СССР и постсоветского пространства (*В. В. Грибовский*) 11

§ 2. Взаимоотношения украинского казачества с тюркским миром в украинской историографии XVIII – начала XXI в. (*В. Б. Яценко*) 70

§ 3. Казахстанская историография о казачестве (*Ж. М. Сабитов*) 85

Глава II. Социальная типология казачьих сообществ (*В. В. Грибовский*) 94

Глава III. Ранняя история казачества (XV – первая половина XVII в.) 173

§ 1. Тюркское казачество во время и после распада Золотой Орды (*В. В. Трепавлов*) 173

§ 2. Мещерские казаки (*А. В. Беляков*) 202

§ 3. К истории появления украинского казачества (*Б. В. Черкас*) 215

Глава IV. Русское и украинское казачества в отношениях с тюркскими народами и государствами 225

§ 1. Донское казачество и османский Азов: культура пограничных отношений (*Д. В. Сень*) 225

§ 2. Украинское гетманское государство и казачество в отношениях с Османской империей и Крымским ханством во 2-й половине XVII – начале XVIII в. (*Т. В. Чухлиб*) 235

§ 3. «Ханская Украина» (*В. В. Грибовский*) 258

Глава V. Представители тюркских народов в казачьих войсках Российской империи 282

§ 1. Донские татары – мусульманская группа донского казачества. Этапы и тенденции этнической истории (*С. В. Черницын*) 282

§ 2. Тюркский элемент в истории Уральского (Яицкого) казачьего войска (*А. М. Дубовиков*) 298

§ 3. Татары-казаки в составе Оренбургского казачьего войска (*Р. Р. Аминов, Е. В. Годовова, И. К. Загидуллин, Н. А. Халиков*) 309

§ 4. Татары-казаки Западной Сибири (*З. А. Тычинских*) 326

§ 5. Терское казачество и народы Северного Кавказа (*А. Т. Урушадзе*) 360

§ 6. Инфильтрация ногайцев в состав Черноморского казачьего войска (*В. В. Грибовский*) 380

§ 7. Этноконфессиональный состав российского казачества (*А. М. Дубовиков*) 391

Глава VI. Группы тюркских народов со статусом казачьих войск Российской империи 412

§ 1. Формирование Башкиро-мещерякского войска. Пограничная служба, участие в войнах России (*Р. Г. Буканова*) 412

§ 2. Башкиро-мещерякское войско в 1830–1865 гг. (*С. И. Шестакова*) 425

§ 3. Казачьи войска в Северном Причерноморье и Крыму в последней четверти XVIII – XIX в. (*Л. М. Маленко (Рощина)*) 431

§ 4. Ногайское казачье войско на Молочных Водах (*В. В. Грибовский*) 466

Глава VII. Казачьи войска Османской империи и Крымского ханства 489

§ 1. «Крымской хан принял их … с великою любовью»: казачество Крымского ханства (Кубани) в конце XVII – XVIII в. (*Д. В. Сень*) 489

§ 2. Запорожцы в подданстве Крымского ханства (*В. И. Мильчев*) 509

§ 3. Буткалы: запорожцы в турецких владениях после ликвидации Сечи. 1775–1791 гг. (*В. И. Мильчев*) 534

§ 4. Османское казачье войско: трансформация иррегулярного формирования в середине XIX в. (*А. А. Пригарин, В. Н. Полторак*) 547

§ 5. «Кубанская стража» Османской империи (*В. В. Грибовский*) 576

Глава VIII. Просопографические и микроисторические аспекты изучения тюркского и славянского казачеств 586

§ 1. Казакование царевичей Уруса, Абулхаира, Мухаммеда Шейбани и Хусейна Байкары (*Ж. М. Сабитов*) 586

§ 2. Воля и неволя: жизнь украинца как авантюрный роман (одиссея Я. Кимиковского в книге М. Пашковского «Истории турецкие и схватки казацкие с татарами» 1615 г.) (*Д. С. Вырский*) 593

§ 3. Запорожцы и пленные турки в российской крепости Азов: эпизоды повседневности (*В. В. Грибовский*) 616

§ 4. Иван Чугуевец – ногайский мурза, запорожский писарь, российский чиновник (*Т. Л. Кузик*) 630

§ 5. Яков Рудзевич – гетман «Ханской Украины» (*В. В. Грибовский*) 637

§ 6. Осип Гладкий – атаман Задунайской Сечи и Азовского казачьего войска (*Л. М. Маленко(Рощина)*) 658

Заключение (*В. В. Грибовский, В. В. Трепавлов*) 676

Список источников и литературы 683

Список иллюстраций 758

Список сокращений 764

Именной указатель 766

Географический указатель 783

Сведения об авторах 799

Казачество в тюркском и славянском мирах

Cossacks in the Turkic and Slavic worlds

Коллективная монография

Компьютерная верстка – *Л.М. Зигангареева, А.Р. Тухватуллина*
Указатели – *Р.Р. Аминов*
Корректор – *Б.Л. Хамидуллин*

Подписано в печать 28.08.2018 г.
Формат 70×100 $^{1}/_{16}$ Бумага ВХИ. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Печатных листов 50,25. Тираж 500 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета